

Битва за звезды

ЭДМОНД
ГАМИЛЬТОН

*Битва
за звезды*

Эдмонд
ГАМИЛЬТОН

Звезда жизни

•

Битва за звезды

•

Хранители звезд

•

Роковая Звезда

•

Беглец со звезд

Эдмонд
ГАМИЛЬТОН

*Битва
за звезды*

МОСКВА

2007

МОСКВА

2007

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
Г 18

Edmond Moore HAMILTON

DOOMSTAR

Copyright © 1966 by Edmond Moore Hamilton

BATTLE FOR THE STARS

Copyright © 1959 by Edmond Moore Hamilton

THE STAR OF LIFE

Copyright © 1960 by Edmond Moore Hamilton

THE HAUNTED STARS

Copyright © 1961 by Edmond Moore Hamilton

FUGITIVE OF THE STARS

Copyright © 1965 by Edmond Moore Hamilton

Оформление серии художника *А. Саукова*

Г 18 Гамильтон Э.
Битва за звезды: Фантастические романы / Пер. с англ.
С. Сухинова. — М.: Изд-во Эксмо, 2007. — 768 с.

ISBN 5-699-15141-9

Эдмонд Гамильтон — признанный основоположник жанра приключенческой фантастики, отец «космической оперы».

Созданные им яркие, романтические образы покорителей бескрайних просторов Вселенной, противопоставляющих отвагу и благородство злу и насилию, и по сей день будоражат умы и сердца миллионов читателей во всем мире...

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

ISBN 5-699-15141-9

© Перевод. С. Сухинов, 2006
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2007

Глава 1

Хаммонд был более одинок, чем кто-либо из людей со времени сотворения мира. И он был мертв, хотя сердце его еще билось и мозг продолжал работать. Но сам себе он казался мертвецом, погребенным в тесном стальном склепе. Его бледное, как мел, лицо освещалось бликами разноцветных звезд, рассеянных по безбрежному океану космической ночи.

Судьба жестоко посмеялась над Хаммондом. Великая нация стремилась первой достичь Луны. Сотни талантливейших ученых и инженеров, тысячи умелых рабочих в течение нескольких лет напряженно работали над созданием уникального космического корабля. Многие миллионы долларов были потрачены ради одного-единственного прыжка к Луне — но на самом деле они пошли на самые пышные похороны, которые только знало человечество. И единственным зрителем этого великолепного погребения человека по имени Кирк Хаммонд был он сам!

Он невольно рассмеялся при этой мысли, однако смех получился истеричным. Не так-то просто примириться с неизбежностью своей гибели...

Зажужжал телетайп — последняя нить, связывающая «Искатель» с Землей. Скоро, очень скоро и она должна порваться... Но пока еще печатающее устройство было живо и, загудев, стало толчками выбрасывать из своего чрева голубую ленту.

«Мыс Канаверал к «Искателю-19». Президент США обратился в конгресс с предложением наградить Кирка Хаммонда медалью за личное мужество. Президент добавил: *«Нация гордится своим героем»*. Конец послания».

«Приятно узнать, что я герой, — с усмешкой подумал Хаммонд. — Никогда еще не слышал о героях, которые во время своего подвига просто сидят в кресле и ни черта не делают.

И все равно лестно, очень лестно. Только вот президент не совсем верно выразился — ему надо было предложить наградить меня *посмертно*».

Телетайп вновь застучал, торопливо выплюнул из себя очередную порцию слашавого восхищения.

«Мыс Канаверал к «Искателю-19». Весь мир молится за вас, Хаммонд. Во всех церквях люди самых различных вероисповеданий обращаются к Господу с просьбой о вашем спасении. Конец послания».

«Да, пышные выдались похороны, — подумал Хаммонд, закрыв глаза. — Сколько колоколов сегодня звонят в мою честь? Сколько уроков прогуляла ребятня, которую учителя отпустили пораньше из школы по случаю приближающегося траура?»

Забавно, а ведь еще несколько дней назад почти никто не знал какого-то Хаммонда. Не попади он в такую ужасную ловушку, эмоции миллионов людей были бы куда более прохладными. Ну, облетел вокруг Луны — подумаешь, чудо!.. Зато теперь в искренности чувств жителей десятков стран Земли можно было не сомневаться. Трагический исход полета сделал его, Хаммонда, главной фигурой дня на всех материках.

Переживания самого «героя» были куда более прозаичными. Он чертовски устал. За сто с лишним часов полета тело успело онеметь, а мозг почти отупел от бездействия. Стиснутый в кресле ремнями безопасности, Хаммонд не мог толком шевелиться. Но хуже всего было непроходящее шоковое состояние психики. Слишком много произошло за время после взлета. Сначала — мощный пресс перегрузки, провал в памяти, затем мучительное возвращение к действительности. Борьба с онемевшей правой рукой за то, чтобы она дотянулась до ключа радиопередатчика и выступала первое послание на Землю: «*Все в порядке, я жив*». Гром небесный во время отделения второй ступени, повторная потеря сознания, боль во всем теле. Напряженное ожидание третьей вспышки огня за кормой — той, которая выведет космолет на расчетную орбиту. На орбиту, которая должна была опоясать Луну, а затем вернуть его, Кирка Хаммонда, назад к родной планете.

И двигатель сработал, но, увы, чуть раньше расчетного момента. Что-то случилось с реле времени в системе управления рулевыми дюзами; такое раньше наблюдалось во время запусков первых спутников. «Искатель-19» полетел прочь от Земли, но не был захвачен гравитационным полем ее вечного спутника. Его траектория почти не изменилась. А это означало...

А это означало, что корабль не выйдет на орбиту вокруг Луны, он будет продолжать свой путь прочь от Земли и через день, и через неделю, и через месяц...

Телетайп вновь застучал, разродившись очередным шедевром из Центра управления полетами:

«Мыс Канаверал к «Искателю-19». Хаммонд, вы на две минуты просрочили свой очередной рапорт. Пожалуйста, сообщите о ходе полета».

Хаммонд невесело усмехнулся. Это Джон Виллинг строчит одно послание за другим, сидя за пультом связи на мысе Канаверал. Наверное, он сейчас рыдает кровавыми слезами, но тем не менее изо всех сил пытается представить дело так, будто все идет нормально. А что ему остается?

Хаммонд взглянул на пульт управления, приборы которого добросовестно продолжали выдавать никому не нужную информацию об удалении от Земли, о плотности космической пыли, интенсивности радиации, температуре освещенной и теневой стороны корпуса и другой подобной чепухе. Затем он обернулся назад и увидел покрытый темными пятнами серый череп Луны, обрамленный терновым венцом звезд. Серп сместился в иллюминаторе немного вправо.

Визуально трудно судить, стал ли он за прошедший час меньше, чем прежде, но Хаммонд не тешил себя иллюзиями. Луна осталась далеко позади и через несколько дней превратится в бледное пятно, хотя он этого уже не увидит. Он будет мертв, мертв на все сто процентов, и с этим ничего нельзя поделать.

Взглянув в соседний иллюминатор, Хаммонд увидел белоголубой шар Земли. Ни один человек еще не удалялся так далеко от родной планеты, но гордиться этим почему-то не хотелось. Ведь как ни крути, а ему придется установить еще один рекорд, достойный Книги Гиннеса, — умереть на расстоянии многих миллионов миль от дома.

Когда-то Хаммонд мечтал о славе, о том, что его имя будет у всех на устах... Теперь он с охотой отдал бы все это за то, чтобы хоть раз услышать шорох ночного дождя, многоголовый шум городских улиц, рокот морских волн, пение птиц... Он и не подозревал, что имел так много, пока не настал час все это разом потерять.

Хаммонд с силой сжал кулаки, стараясь унять дрожь в пальцах перед тем, как отправить свое, быть может, последнее послание. Ответ пришел быстро.

«Мыс Канаверал к «Искателю-19». Сообщение получено.

Не теряйте надежды. Астрономы считают, что гравитационные поля небесных тел могут изменить траекторию корабля и привести его назад к Земле. Конец послания».

Хаммонд горько усмехнулся и вновь положил руку на ключ телетайпа.

«Искатель-19» к мысу Канаверал. Не стоит подбадривать меня, Виллинг. Я достаточно знаю астрономию. Мои расчеты показывают, что никакие гравитационные поля не могут привести мой корабль к Земле. Конец послания».

Это было, строго говоря, не совсем точно. Космолет со временем вернется к Солнцу по гигантскому эллипсу, подобно многим внутрисистемным кометам. Но произойдет это не раньше чем через столетие, то есть для него, Хаммонда, — никогда. Запасы воздуха, воды и пищи были рассчитаны на шестидневный полет.

И даже эти шесть дней почти истекли...

«Мыс Канаверал к «Искателю-19». Ваш сигнал слабеет. По-видимому, садятся аккумуляторы передатчика. Вы можете еще несколько часов поддерживать связь с Землей. Что вы хотели бы нам передать? Конец послания».

«Да, — подумал Хаммонд, — мне есть что сказать напоследок. Я хотел бы попросить, чтобы когда-нибудь меня вытащили из этого стального склепа и перенесли на Землю».

«Искатель» со временем вернется к Солнцу, и тогда люди смогут выслать ему навстречу космолет и устроить достойные похороны неудачливому астронавту. Но это будет не скоро, очень не скоро. Сейчас же земляне столь же беспомощны, как и он сам.

Хаммонд почувствовал, как его начинает захлестывать паника. Этого только не хватало! Совершенно ни к чему, чтобы на станции управления полетами слышали его предсмертные вопли. Он сам напросился на эту работу, отлично зная, насколько она рискованна. Надо встретить конец так, как положено мужчине.

Но Хаммонд не полностью доверял самому себе. Сейчас у него еще хватает сил, однако как он будет вести себя в минуты агонии от удушья? Конечно, он далеко не герой, но и выглядеть трусом в глазах землян ему тоже не хотелось.

С внезапной решимостью Хаммонд стал отстукивать свое последнее послание:

«Искатель-19» к мысу Канаверал. Запас энергии в аккумуляторах почти исчерпан. Виллинг, не допустите, чтобы моя неудача остановила человечество на его дороге в космос. Сча-

стья и везения тем парням, кто полетит вслед за мной к другим планетам! Конец послания».

Закончив, он заметил, что красная лампочка «радиосвязь» на пульте управления погасла, и вновь откинулся на спинку кресла, весь дрожа от возбуждения.

Все, ниточка, связывающая его с Землей, окончательно порвалась. Теперь уже нет опасности шокировать землян своими воплями и стонами. Пусть они прочтут в утренних газетах его последнее послание и восхитятся мужеством и стойкостью духа своего брата. Людям нужны герои, так пускай же от нелепой гибели будет хоть такая польза.

Теперь он был абсолютно один.

Хаммонд посмотрел на экран и увидел впереди сияющие россыпи звезд. Там, среди этих холодных равнодушных огней, он и должен умереть — первым и, увы, далеко не последним из астронавтов.

Странно было вспоминать, что еще мальчишкой он кричал от восторга, узнав о запуске первого спутника. Он жил тогда в маленьком городке в штате Огайо и бредил космосом. Впереди были годы упорной учебы в институте, которую он ухитрился совмещать с занятиями спортом и обучением профессии пилота. Одним из немногих он был отобран в группу подготовки астронавтов, больше года готовился к первому полету вокруг Луны — и ради чего? Чтобы бездарно и бессмысленно погибнуть из-за неисправности в каком-то реле времени?

Слава богу, что на Земле не осталось никого, кто бы мог близко к сердцу воспринять весть о его смерти. Родители погибли несколько лет назад в автокатастрофе, и это оказалось решающим фактором, убедившим Виллинга выбрать из нескольких кандидатов именно его, Хаммонда. Что сейчас чувствует старина Джон, вложивший в эту злосчастную экспедицию всю свою душу?

Впрочем, это тоже не имеет значения. Сейчас важно только одно — когда он, Хаммонд, умрет.

Он вновь посмотрел на панель управления. Кислорода осталось всего часа на два, даже если считать небольшой запас в баллонах катапультного устройства. Всего два часа жизни... нет, два часа агонии, ужаса перед неизбежной смертью!

Хотя зачем ждать так долго? К чему испытывать мучительную пытку удушья? Все, что нужно сделать, — это слегка приоткрыть люк, и тогда ледяная пустота космоса покончит с ним милосердно, без боли и страданий. Он попросту уснет, уснет навсегда...

Хаммонд расстегнул уже ненужные пояса безопасности и нагнулся к тяжелой рукоятке, управляющей замком люка. Не очень геройский поступок, но люди должны простить ему эту слабость. Он готов был бы бороться за жизнь, но как? Только чудо может спасти его, чудо, в которое он совершенно не верил.

Внезапно в нем проснулась почти уже угасшая жажда жизни. «Не делай этого, не открывай люк! — услышал Хаммонд отчаянный вопль, идущий откуда-то из глубин подсознания. — Быть может, кто-то в последний момент прибудет тебе на помощь: Бог, дьявол, зеленые пришельцы, кто угодно... Не лишай себя последнего шанса на спасение!»

«Чушь, глупость, — подумал он, вновь закрыв глаза. — Зачем обманывать себя, к чему нелепые попытки уйти от очевидных фактов? Надо задушить в себе этот трусливый голосок».

Нужно быстро и решительно открыть люк, иначе чуть позже он просто не сумеет этого сделать. Что ж, не самая плохая смерть.

Хаммонд в спешке стал поворачивать рычаг, опасаясь, что решимость может вновь покинуть его.

Когда замок звучно шелкнул, открывшись, он нажал на стенку люка. Воздух со свистом вырвался из кабины через образовавшуюся узкую щель. Хаммонд не стал раскрывать его дальше — не хотелось, чтобы взрывная декомпрессия разорвала сосуды и превратила его в окровавленный кусок замороженного мяса.

Он вновь сел в кресло и стал ожидать конца. Только теперь Хаммонд понял, насколько он устал за прошедшие ужасные дни. Ничего, скоро отдохнет...

Внезапно его тело стало сотрясаться от дрожи. Ледяная пустота ворвалась в легкие. Отчаянно ловя непослушным ртом остатки воздуха, он в панике попытался закрыть люк. Эта смерть оказалась вовсе не безболезненной!

Однако он не смог даже пошевелиться. Вскоре его поглотила тьма.

Глава 2

Тьма затопила все вокруг, но не принесла ожидаемого небытия. Хаммонд почему-то не потерял способности ощущать боль, и она постоянно росла, становилась мучительной, огненной. Кажется, он еще пробовал дышать, содрогаясь в агонии.

Но как мог дышать мертвец? Выходит, он не умер? Конечно, не умер, раз способен мыслить. Мыслить?!

Хаммонд был потрясен. Небытие почему-то не оказалось полным. Его мозг продолжал работать, а легкие расширились и сжимались, вдыхая и выдыхая воздух, которого не могло быть.

Он попробовал пойти дальше и открыть глаза, но не сумел. Он не мог даже пошевелиться, хотя чувствовать все же мог. Легкие сотрясались от конвульсий, но, кажется, начинали работать. А что же остальное тело?.. И вскоре он почувствовал, что пальцы его рук сжимают какие-то раскаленные прутья. Нет, не прутья, а подлокотники кресла. Но почему они раскалены, когда им надлежит быть холодными, как космическая пустота?

Затем послышался тонкий, свистящий шум, монотонный, угрожающий. Боль нарастала, и наконец, не выдержав мучительной пытки, Хаммонд сумел оторвать опаленные огнем руки от раскаленных подлокотников.

И тогда он впервые открыл глаза и сквозь красный туман сумел разглядеть окружающее. Оказалось, что он по-прежнему находится в кабине своего корабля. Люк был слегка приоткрыт, и свистящий шум доносился со стороны щели. Но воздух больше не выходил из кабины — наоборот, он почему-то врывался внутрь! Разреженный, ледяной, донельзя насыщенный озоном — но воздух! Стенки же корабля, напротив, были раскалены.

Что происходит? Хаммонд пришел в себя едва ли не на треть, но осознал, что этого просто не может быть. Он должен был умереть от отсутствия кислорода. И все же оставался жив. Почему?

Память неожиданно сработала, подсказав странный термин, о котором он узнал на одном из занятий во время подготовки к полету. Время Полезного Сознания, то есть время, в течение которого человек мог спасти самого себя при резкой утечке кислорода. Даже в пяти милях над поверхностью Земли оно составляло менее двух минут; еще дальше, в космосе, оно составляло считанные секунды. Эти секунды давно истекли.

Кислород? Хаммонд вдруг вспомнил о баллонах с кислородом, находившихся рядом с катапультным устройством, и инстинктивно протянул к ним руку. Его сознание вновь помутилось от этих усилий, так что ему пришлось открывать кран почти вслепую.

Пальцы почти не работали, и все же после нескольких неудачных попыток цель была достигнута.

Поток оживляющего кислорода проник в жаждущие легкие. Тело забилося в конвульсиях, и постепенно Хаммонд пришел в себя.

Отдышавшись, он тупо посмотрел в сторону иллюминатора. На черном полотне космоса медленно плыли звездные поля. Да корабль просто вращается вокруг своей оси! Вскоре из-за экрана стал вспухать огромный серо-зеленый шар. Что-то он напоминает...

Не сразу, но Хаммонд понял, что увидел, и не мог сдержать крик изумления. Гигантский шар, задернутый пеленой серых облаков, был не чем иным, как Землей!

Планета вскоре исчезла с экрана, вновь появились звезды — и еще что-то. Оказалось, что стекло экрана начало плавиться и покрываться множеством мелких пузырьков. Корабль продолжал нагреваться, воздух стал раскаленным, но Хаммонд терпеливо ждал, пока серо-зеленый шар вновь не появился в его поле зрения.

Да, сомнений не было, это Земля. Земля!!

На этот раз он сумел более тщательно разглядеть смутные очертания материков. «Искатель» находился милях в сорока над поверхностью и двигался вниз по касательной траектории со скоростью не меньше двадцати тысяч миль в час. Но... но это было невозможно! Когда он открыл люк, пытаясь закончить счеты с жизнью, корабль двигался в сторону, противоположную Солнцу. Вернуться назад он мог только спустя сотни лет — и все же перед ним Земля.

Неужели Виллинг был прав: какие-то гравитационные поля изменили траекторию полета «Искателя»? Невероятно. Еще более невероятным казался факт, что он каким-то чудом выжил. Ожил, умерев от удушья и абсолютного холода!

Каждые несколько минут Земля появлялась на экране, и Хаммонд как замороженный впадал в нее глазами. Его тело ныло, словно одна большая рана. Справа его омывал поток холодного воздуха, втекавший через щель в приоткрытом люке, а с других сторон на него обрушивался жар раскаленного корпуса корабля. Но больше всего мучила мысль — каким же образом он остался жив?

Быть может, он не умер, а просто впал в состояние анабиоза под действием космического холода? Хаммонд знал об успешных опытах на животных, которые медики начали прово-

дить еще в пятидесятых годах. Оказалось, если замораживание происходит стремительно, а размораживание — очень медленно, то образующиеся в живых клетках ледяные кристаллы не повреждают ткани и животные не гибнут.

Когда он, Хаммонд, открыл люк, то его тело замерзло так быстро, что в тканях тела не успели произойти необратимые изменения. Неизвестно, сколько времени он пребывал в этом состоянии естественного анабиоза, но после возвращения «Искаателя» к Земле воздух верхних слоев атмосферы, поступавший через щель в люке, а также тепловое излучение от раскаленных стенок кабины постепенно разогрели его тело. Он ожил, и в этом не было никакого чуда, а просто редчайшее совпадение обстоятельств.

Ожил? Но ведь он может в любую секунду вновь умереть! Хаммонд вздрогнул от этой мысли, словно от удара тока. Пока он сидел в оцепенении, пытаясь разобраться в случившемся, корабль разогрелся еще сильнее. С каждым оборотом вокруг Земли космолет спускался во все более плотные слои атмосферы и в любой момент мог сгореть, подобно метеориту.

Надо найти какой-то выход из критического положения, и немедленно. Но какой?

Мозг Хаммонда еще плохо соображал, но он все-таки сумел понять, что теперь все зависит от него самого.

Взглянув на экран, он стал внимательно изучать панораму земной поверхности. Внизу медленно проплывал океан, закрытый пеленой облаков. Вскоре далеко впереди показалась смутно знакомая береговая линия. Похоже, сейчас он пролетал над Атлантическим океаном и приближался к побережью Северной Америки. У него был еще шанс катапультироваться. Только сработает ли механизм выброса кабины?

Пальцы быстро забежали по дышащей жаром панели, включая агрегаты катапультного устройства. Судя по показаниям контрольных приборов, они, к счастью, еще функционировали.

Кресло пилота, в котором сидел Хаммонд, было размещено под белой полусферической оболочкой из термостойкого пластика. Теперь, когда агрегаты катапульты были включены, остальные пластиковые сегменты выдвинулись из боковых «пакетов» и замкнули кресло в герметическую сферу.

Держа мундштук кислородного баллона во рту, Хаммонд смотрел сквозь прозрачное окошко на стремительно приближающуюся к «Искателю» Землю. «Черт бы побрал эти обла-

ка, — раздраженно подумал он. — Этак я не сумею разглядеть ни одного города».

Корабль летел над ночной стороной планеты. Облака полностью затянули небо внизу, и Хаммонд не был даже толком уверен, над сушей или над океаном он сейчас пролетает. Между тем температура внутри сферы стремительно росла. С тревогой Хаммонд заметил, как рамы иллюминаторов стали мягко светиться в темноте. Каждая минута промедления могла стоить ему жизни.

Хаммонд с трудом сдерживал желание нажать на кнопку «катапультирование». Нельзя было выбрасываться из корабля, не будучи твердо уверенным, что он находится над сушей.

Опасное красное сияние внутри кабины тем временем становилось все ярче и ярче. Хаммонд вновь стал задыхаться — уже от удушающей жары. Он не мог видеть показания приборов, не мог даже приблизительно оценить, насколько далеко от него находится берег. Нет, надо еще немного подождать... Черт, да он же забыл открыть аварийный люк!

Хаммонд торопливо рванул левый из двух рычагов катапультного устройства, расположенный по обеим сторонам от кресла. Ничего не произошло.

Его захлестнула горячая волна паники. Если люк заклинило, то он вновь умрет в этом проклятом стальном гробу, и уже никакое чудо его не спасет.

Он изо всех сил вновь рванул рычаг.

Внизу, прямо под пластиковой сферой, с лязгом распахнулся люк. Через прозрачное окошко внизу сферы Хаммонд мог теперь видеть темные облака. Ждать больше было нельзя. Катапультное устройство могло и не сработать при такой высокой температуре внутри корабля. Э-э, была не была!..

Он изо всех сил рванул за правую ручку. Словно снаряд, пластиковая сфера вылетела из падающего в море облаков «Искателя». Даже ремни безопасности не спасали Хаммонда от резких рывков и толчков. Мундштук кислородного баллона выпал изо рта, и Хаммонд пытался поймать его, однако почти в полной темноте это было сделать нелегко. Он вновь стал задыхаться, но в этот момент, к счастью, случайно поймал рукой конец шланга.

Хаммонд торопливо засунул мундштук в рот и тут же едва опять не потерял, когда мощный толчок почти выбросил его из кресла.

Несколько глотков свежего кислорода позволили ему прий-

ти в себя. Сфера, окружавшая кресло, уже не вращалась. В верхнем окошке был хорошо виден белесый круг — парашют. К счастью, он раскрылся вовремя, и сейчас Хаммонд плавно спускался к поверхности облаков.

Только теперь он смог вздохнуть свободнее. До сих пор все, что он делал, было следствием многомесячных тренировок, отработавших его движения почти до автоматизма. Но теперь Хаммонд полностью пришел в себя и вместо радости почувствовал только крайнюю усталость. Да и радоваться было еще рановато.

Вскоре он выплюнул изо рта пластмассовый мундштук — отпала необходимость в дополнительном кислороде. Воздух, проникающий внутрь сферы, был вполне пригоден для дыхания. Одной заботой стало меньше, хотя главная проблема была впереди.

Хаммонд впился глазами в нижнее окошко, но так и не сумел ничего толком разглядеть. Он даже не был полностью уверен, пройден ли облачный слой. Скорее всего, уже пройден... Но почему же нигде не видно огней городов?

Внезапно он заметил внизу тусклое, колеблющееся мерцание. Сомнений не было — он находился над океаном. Видимо, просчитался и слишком рано катапультировался...

Через несколько минут пластиковый шар ударился о пенные воды и понесся куда-то во тьму, гонимый сильным ветром. Хаммонд не сразу вспомнил о механизме отделения парашюта. Включив его, он почувствовал сильный толчок, затем сфера мягко закачалась на волнах. Она была рассчитана на подобные случаи, однако Хаммонда это мало утешало. Он чувствовал себя словно всадник на диком мустанге.

Но как оказалось, даже к этому можно привыкнуть. Вскоре усталость взяла свое, и Хаммонд заснул.

Проснувшись, он подумал, что после его приводнения прошло не менее часа. Ветер по-прежнему гнал куда-то пластиковую сферу, которая раскачивалась на высоких волнах, словно огромный поплавок. Небо почти очистилось, и теперь в верхнем окошке, забрызганном пеной, виднелись тусклые звезды. Но Хаммонд смотрел в другую сторону, туда, где, по его мнению, находился запад. Вдали у самого горизонта возникла темная жирная черта.

К счастью, ветер гнал сферу именно в этом направлении.

Немного успокоившись, Хаммонд вновь посмотрел на ночное небо. Что же за удивительная сила спасла его, развер-

нуд «Искатель» в сторону Земли? Он должен был стать легкой добычей звезд, а вместо этого...

Звезд?! Только сейчас Хаммонд заметил, что в небе что-то не то.

Глава 3

Как и любой космонавт, Хаммонд прекрасно знал все созвездия обоих полушарий — астрономия входила в курс полетной подготовки. Поэтому он мог утверждать, что созвездия, сияющие низко над океаном в северной части неба, сбились со своих мест. Большая Медведица, Дракон и другие медленно поворачивались вокруг небесного северного полюса. Но центром этого движения была не Полярная звезда, а другое, более слабое светило, в котором Хаммонд узнал дельту Лебеда.

Поначалу он просто не мог в это поверить. Однако после получасового наблюдения за движением звездных часов все сомнения отпали. И тем не менее этого не могло быть!

Впрочем... Небесный полюс постоянно менял свое положение. Каждые двадцать семь тысяч лет полюс описывает небольшой круг в небе. Если он находится сейчас вблизи дельты Лебеда, то по отношению к двадцатому веку... смещение почти на одну треть окружности! Но... но это означало, что «Искатель» вернулся на Землю спустя десять тысяч лет!

Сто веков? Это звучало слишком фантастично. Возможно, его сбила с толку какая-то непонятная аберрация звездного света. А может, просто обман зрения. Невероятно, что такая пропасть времени прошла с той поры, когда он открыл люк...

Хаммонд вздрогнул от неожиданной жуткой мысли, внезапно пришедшей ему в голову. И как раньше он не додумался до этого?

Почему-то он с самого начала решил, что его сон в замороженном состоянии был непродолжительным. Больше чем о нескольких днях, максимум неделе, он и не помышлял. Но для такого поспешного вывода не было ни малейших оснований. Абсолютный холод космоса, пронзивший каждую клетку его тела, остановил течение времени. Он мог пробыть в таком состоянии сколько угодно. И год, и тысячу лет.

Стрелки звездных часов открыли ужасающую правду — он спал около ста веков. Это объясняло и природу его на первый взгляд «чудесного» возвращения. Когда он приоткрыл люк,

корабль находился за орбитой Луны и только начинал движение по огромной эллиптической орбите. Каждые триста-четыреста лет «Искатель» должен был возвращаться к Земле, попадая в область действия ее гравитационного поля. И каждый раз эллипс все больше и больше сужался. Наконец планета сумела захватить корабль, и он перешел на орбитальную траекторию. Войдя в верхние слои атмосферы, космолет стал медленно разогреваться, и это тепло вывело его, Хаммонда, из состояния анабиоза.

Все эти рассуждения выглядели логичными, однако мозг Хаммонда инстинктивно сопротивлялся им. Он просто не хотел поверить в такое! Если это правда, то на Земле должны были смениться тысячи поколений. Целые страны и народы могли бесследно исчезнуть, словно песчинки, подхваченные ураганным ветром. Все люди, кого он некогда знал, давно уже умерли, и вряд ли кто-нибудь даже из ученых-историков мог помнить о Кирке Хаммонде, человеке, первым полетевшем к другой планете.

«Прощай, Джон Виллинг. И Джим Барнетт, и Лесли Крей, и та милая девушка из Кливленда...»

Хаммонд осекся. Не было смысла продолжать этот горький поминальный список — ведь тогда ему пришлось бы перечислить имена всех людей, которых он некогда знал. Тут наверняка какая-то ошибка, должно быть иное объяснение случившемуся. Как только он достигнет берега, он сумеет найти его. И тогда вдоволь посмеется над своими нелепыми мыслями, а старина Виллинг будет вторить ему своим басистым голосом. Надо только побыстрее достичь материка.

Хаммонд вновь стал вглядываться в сторону приближавшейся земли. Он с радостью отметил, что черная линия берега заметно утолщилась, поднимаясь из залитого звездным светом дремлющего океана. Внизу виднелась белесая линия прибоя. «Э-э, да там полно скал, — с тревогой подумал он. — Выдержит ли тонкая пластиковая оболочка удар об острые края каменных глыб?»

Через час тревога Хаммонда только усилилась. Он увидел, что бурлящая прибрежная линия океана полна черных клыков, торчащих то там, то здесь из-под пенистых волн. Хаммонд торопливо расстегнул ремни безопасности и приготовился к тому, что придется вплавь добираться до берега.

Но ему повезло. Волны бережно подняли белый шар, пронесли его через узкий проход в гряде иззубренных скал и мягко вынесли на широкую отмель. Хаммонд немедленно открыл

люк и выпрыгнул наружу, словно опасался, что море вновь унесет его прочь от материка. Он больно ударился коленом о небольшой камень и упал.

Хаммонд лежал ничком, прижавшись всем телом к земле, которую еще недавно — всего десять тысяч лет назад? — и не чаял больше увидеть. Он не мог даже пошевелиться. Долгие дни — или века? — которые ему пришлось провести, сидя в кресле в тесной кабине космолета, парализовали все мышцы. Но вот особенно высокая волна настигла его и прокатилась над ним, словно мягкий холодный каток, а затем упрямо поволокла по песку назад в море. Хаммонд в ужасе попытался подняться на ноги... и не смог. Тогда, отчаянно извиваясь, он пополз вверх по отмели, пока не достиг башнеподобных скал, длинной цепью тянувшихся вдоль береговой линии. Среди них он заметил уступы, образующие нечто вроде вырубленной эрозией лестницы, но подняться по ней не сумел. Даже на ноги ему удалось встать только после долгих попыток.

Опираясь дрожащей рукой о холодную поверхность скалы, он вновь взглянул в сторону Северного полюса. Увы, глаза его не обманывали, созвездия действительно заметно развернулись вокруг невидимой оси времени...

Но вскоре он забыл об этом, потому что вдали, над темной поверхностью моря, возникли четыре движущихся огонька. Казалось, они плясали на одном месте, словно светлячки. Это явно были летательные аппараты, но какие? Известные Хаммонду типы самолетов и вертолетов не были способны на такие невероятные маневры.

Хаммонд решил подать знак о себе. В спасательной сфере хранилась ракетница на подобный случай, но капсулу уже смыло в море. В этот момент чьи-то сильные руки обхватили его сзади.

— Что за дьявол! — закричал Хаммонд, пытаясь обернуться.

Кто-то резко завернул ему руку за спину так, что острая боль пронзила все тело. И все же он ухитрился обернуться и разглядеть нападавшего.

Его держал высокий, мощно сложенный мужчина, одетый в темный жакет и свободные брюки. Он был выше Хаммонда больше чем на голову, волосы коротко острижены «ежиком», верхняя часть головы закутана тюрбаном, отливающим металлическим блеском.

Но больше всего Хаммонда поразило лицо незнакомца — массивное, испещренное шрамами, словно у бывшего боксера. Нос непропорционально велик, губы — словно толстые

олады, глаза тесно сдвинуты. И это странное, словно вырубленное топором, лицо было бледно-голубого цвета!

Незнакомец тем временем указал свободной рукой в сторону моря и заговорил хриплым голосом.

Хаммонд не понял ни единого слова. Этого языка он никогда не слышал. Но они находились на Атлантическом побережье Северной Америки!

И тогда впервые Хаммонд поверил показаниям звездных часов, ушедших за время его полета на сто веков вперед.

Туземец, казалось, был озадачен молчанием Хаммонда. Он указал пальцем на его голову, затем на свой блестящий тюрбан, а затем в сторону четырех огоньков, мельтешащих вдали над морем.

— *Врамен! Врамен!* — дважды повторил он таким тоном, что Хаммонд понял — этих летающих огоньков надо опасаться.

Но почему?

Туземец вновь указал на свой мерцающий под светом звезд тюрбан, а затем коснулся рукой лба Хаммонда.

— *Врамен!* — повторил он угрожающим голосом.

Хаммонд проследил за его рукой и увидел, что далекие пляшущие огоньки разделились. Один продолжал кружиться на месте, а трое других широким веером направились в сторону берега.

Лицо туземца отразило страх и сомнение. Он явно чего-то боялся, но и не знал, что делать с пленником. Внезапно незнакомец издал громкий возглас отчаяния и потащил Хаммонда волоком к соседнему валу, глубоко врытому во влажный песок. Хаммонд пытался сопротивляться, но куда там! Туземец затащил его под выступ в каменной глыбе, словно пытался скрыть от загадочных «враменов», затем оставил на время пленника в покое и с лихорадочной скоростью начал размазывать свой тюрбан. Воспользовавшись этим, Хаммонд осторожно выглянул из-за своего убежища.

Один из огоньков был уже близко — длинный сигарообразный летательный аппарат, частично прозрачный и полностью лишенный крыльев. Он летел с большой скоростью на малой высоте и делал невероятно резкие движения влево-вправо, словно что-то искал среди волн.

Тем временем туземец извлек из кармана нож и отрезал от своего тюрбана добрую половину. Хаммонд был настолько поражен этими непонятными действиями, что даже не пытался бежать. Внезапно он услышал чей-то ясный, холодный голос, звучавший, казалось, внутри его мозга.

«Выходите из своего убежища и покажитесь на берегу, — властно требовал голос. — Поднимите вверх руки, чтобы мы могли вас разглядеть!»

Сам того не желая, Хаммонд поднялся на ноги и, механически передвигая ногами, вышел из тени на залитую звездным светом отмель. Однако туземец, зарывав, бросился вслед за ним и, схватив за лодыжку правой ноги, резким рывком повалил на песок. Хаммонд стал отчаянно вырываться, но незнакомец навалился на него всей массой своего кряжистого тела и торопливо стал обматывать вокруг его головы кусок ленты, отливающей металлическим блеском.

И сразу же властный голос, звучавший в голове Хаммонда, затих. Туземец со вздохом облегчения вновь направился в укрытие за валуном, таща за руку пленника. Хаммонд беспрестанно последовал за ним, дрожа от пережитого ужаса. Кажалось, он только что стоял на самом краю пропасти. Но что произошло с ним, что?

Его спаситель сел на песок, привалившись спиной к камню, и сделал знак, вполне понятный Хаммонду: на сигарообразный летательный аппарат смотреть нельзя!

Теперь только Хаммонд стал кое-что понимать. Эта жуткая мысленная команда транслировалась с одной из летающих «сигар». Естественно, никаких языковых проблем при этом возникнуть не могло. Тюрбан из металлизированной ленты, которую носил на голове туземец, служил своеобразным экраном и защищал от гипнотической силы неведомых враменов.

Прошло несколько минут, и туземец вновь осторожно выглянул из-за валуна. Хаммонд последовал его примеру. Опасность уже миновала — светящийся воздушный корабль развернулся и полетел прочь от берега, присоединяясь к остальным.

Туземец вздохнул с явным облегчением и, повернувшись к Хаммонду, стал с интересом его разглядывать. Наконец он прикоснулся пальцем к могучей груди и, улыбнувшись, произнес:

— *Раб Куобба.*

Было ясно, что таково его имя. Хаммонд тоже указал на себя и сказал:

— *Кирк Хаммонд.*

Туземец озадаченно взглянул на него, затем указал рукой в сторону гряды прибрежных скал и глухо проронил:

— *До Руроома?*

Хаммонд в ответ только покачал головой — мол, ничего не понимаю.

Раб Куобба нахмурился. Судя по лицу, он не отличался высоким интеллектом, но в упорстве ему отказать было нельзя. Он вновь указал рукой в сторону материка и спросил:

— *Руроома? Дал врамен?*

Хаммонд понял это так: не пришел ли ты, братец, из тех мест, откуда прилетели сигарообразные корабли? На всякий случай он покачал головой.

Куобба еще больше помрачнел. Поразмыслив, туземец сделал знак Хаммонду, чтобы тот шел за ним, а сам широким шагом направился вдоль берега. Хаммонд вздохнул и уныло поплелся следом.

Он понятия не имел, куда они идут и почему этот Раб Куобба хочет помочь ему. Одна его голубая физиономия навела на малоприятные размышления. Земля далекого будущего была совершенно непонятна ему, случайному пришельцу из бездны времени. Но он инстинктивно ощущал угрозу, которой так и веяло от светящихся кораблей. И этот телепатический ледяной голос... Раб Куобба, похоже, желал ему добра, а там видно будет.

Не прошел Хаммонд и десяти шагов, как силы окончательно оставили его. Он покачнулся и едва не упал.

Раб Куобба услышал его стон и, обернувшись, понимающе кивнул. Легко взвалив Хаммонда на плечи, туземец пошел по отмели, почти не сбавляя шага. Он старался не выходить из тени скал и при приближении летающих огоньков торопливо прятался за очередным валуном. Хаммонд осознавал происходящее смутно, его мучили головокружение и тошнота. Лишь однажды он нашел в себе силы осмотреться и внезапно увидел, как вдали, за грядой скал, в небо поднялся столб света. Чуть позже до берега докатился глухой раскат грома.

В ответ на его удивленный взгляд Куобба указал рукой на запад, в глубь материка, а затем поднял палец к звездам. Хаммонд понимающе кивнул. То, что он увидел, больше всего напоминало взлет космолета. Что ж, теперь, спустя многие тысячелетия, люди, наверное, давно освоили Солнечную систему и, может быть, даже достигли звезд.

Но чего же тогда опасался Раб Куобба? Неужели цивилизация далекого будущего таит в себе какие-то серьезные опасности?

Вскоре туземец подошел к огромному круглому валуну, ле-

жащему на песке рядом с темной стеной скал. Осторожно оглянувшись, он произнес:

— *Шау Таммас! Куобба авен!*

Внезапно на боку валуна открылось темное отверстие. Поначалу Хаммонд подумал, что глаза попросту играют с ним шутку, но, присмотревшись внимательно, он понял, что валун внутри полый. Замечательный камуфляж!

Однако Куобба не дал ему времени полюбоваться на лжевалун снаружи. Рывком затащив космонавта внутрь, туземец нажал на какую-то кнопку, и стенки люка со щелчком вновь сошлись. Они оказались в полной темноте, но ненадолго — вскоре над их головами зажегся шаровой светильник.

Хаммонд осмотрелся. Внутри «валуна» оказалась вырубленная в камне небольшая комната. Здесь находилось еще трое человек, одетых, как и Куобба, в темные куртки и брюки. Двое из них были очень молоды, а вот третий, которого Куобба назвал Таммасом, выглядел весьма странно. Это был мужчина небольшого, почти карликового роста, с морщинистым желтым лицом обезьяны и блестящими черными глазками. Он не походил на жителей востока, знакомых Хаммонду, он вообще не очень походил на человека!

Изумление оказалось взаимным. Трое туземцев недоуменно разглядывали Хаммонда, словно никогда не видели обычного человека — конечно, обычного с точки зрения двадцатого века. Хаммонду эти изучающие взгляды не понравились, и он демонстративно перевел взгляд на громоздкий механизм, занимающий добрую половину комнаты.

Он чем-то напоминал шестидюймовый телескоп, установленный на мощной подставке, но нижняя часть длинной трубы была усеяна странными грибообразными отростками, назначение которых было совершенно непонятно. Взглянув вверх, Хаммонд заметил, что часть потолка могла раскрываться. По видимому, таким образом таинственные туземцы могли наблюдать за звездным небом.

Куобба что-то сказал своим товарищам, а затем снял тюрбан с головы и помог то же самое сделать Хаммонду. Жестом пригласив следовать за собой, он открыл узкую дверь и спустился по крутой винтообразной лестнице в огромный зал, высеченный в толще скал. Маленький сморщенный человечек по имени Таммас шел за Хаммондом, не спуская с него настороженных глаз.

Под потолком зала висело множество сияющих белых светильников. Почти все пространство занимали могучие маши-

ны, похожие на станки. Здесь работали несколько десятков человек, большинство из которых были мужчинами, хотя встречались и женщины, одетые в разноцветные рубашки и шорты. Некоторые туземцы выглядели необычно. Хаммонд увидел двух коренастых мужчин с красной кожей и белым гребнем волос посреди голого черепа; худощавого старика с длинным, лошадиного типа лицом и серой кожей; массивного крепыша с длинными, свисающими почти до пола руками и мудрыми, грустными глазами...

Заметив гостя, туземцы оставили работу и поспешили к лестнице, выражая свое изумление взволнованными восклицаниями. Хаммонд ответил им беспомощным взглядом. Он находился почти в полуобморочном состоянии и, если бы не поддержка Куоббы, давно бы упал на пол. Его огупевшая от переизбытка впечатлений голова отказывалась воспринимать окружающее.

Куобба, что-то сказав окружившим их людям, пошел в дальний конец зала, ведя за собой за руку, словно ребенка, Хаммонда. За ними следовала толпа туземцев, оживленно обсуждавших появление нежданного гостя. Хаммонд не понял ни слова из их разговоров, но отлично расслышал тревогу и сомнение.

Пройдя зал с грохочущими машинами, Куобба зашагал по длинному коридору. Вскоре они вошли в небольшой кабинет, заставленный шкафами со странными книгами в металлических переплетах. На одной из стен висели звездные карты. За столом, заваленным какими-то чертежами, сидел худой человек средних лет с властным, чеканным лицом, седым ежиком волос и глубоко запрятанными под надбровными дугами глазами. Заметив Хаммонда, хозяин кабинета слегка вздрогнул и впился в гостя пронзительным взглядом.

— *Эз Дон Вильсон, ланф до пос хоомен,* — сказал Куобба, указывая на Хаммонда. Гость кивнул в знак приветствия, не отрывая заинтересованного взгляда от девушки, сидевшей за соседним столом.

Она отнюдь не была красавицей, хотя ее лицо с резкими, почти ястребиными чертами было по-своему интересным. Пышные темные волосы спускались почти до плеч. Широко расставленные глаза изумленно разглядывали гостя.

— *Эз ан до врамен?* — спросила девушка мелодичным голосом.

— Нун, Ива! — убежденно ответил Куобба.

Энергично жестикулируя, он рассказал о том, как нашел

на берегу Хаммонда, часто повторяя слова «врамен», «Руро-ом», «Хаммонд». Сам же астронавт едва держался на ногах, потеряв всякий интерес к происходящему. Его мозг отказывался реагировать на окружающее, ему сейчас хотелось только одного — упасть и заснуть. Но он все же отметил, что рядом с Доном Вильсоном появился невысокий человек с мелкими чертами лица и каштановыми волосами, изучающий Хаммонда взглядом, полным подозрения и ненависти.

— Дито, эз фа врамен! — уверенно сказал он, выслушав Куоббу.

Гигант упрямо покачал головой.

— *Эз нун, Ланг!*

Однако невысокий человек нахмурился и стал энергично спорить с Куоббой. Совершенно очевидно, что некоторые из туземцев, и в частности Ланг, принимали его, Хаммонда, за одного из каких-то враменов. Как разубедить их, не зная их языка? Как?..

Глава 4

Хаммонд остановил взгляд на астрономических картах, висевших на стене, и с интересом подошел поближе. Большинство из них оказались звездными картами различных регионов Галактики, но одна была знакомой — изображение Солнца и всех его планет. Хаммонд достал из кармана комбинезона карандаш и нарисовал маленький космолет, летящий в сторону Луны. В кабине он изобразил крошечного человечка и, повернувшись к туземцам, указал пальцами на рисунок, а затем на себя.

Хозяева подземного поселения недоуменно переглянулись.

«Дьявол, как же объяснить им, что я проспал в корабле сто веков?» — огорченно подумал Хаммонд.

Осмотревшись, он заметил, что на одной из карт отмечены северные созвездия с тонкой красной линией, нацеленной на дельту Лебедя — нынешний небесный полюс. Хаммонд нарисовал другую линию, нацеленную на Полярную звезду, указав рукой на нее, а затем вновь на рисунок корабля, покидающего Землю, и после этого — на себя. Он надеялся, что туземцы поймут смысл его послания: я покинул Землю на космолете, когда полюс находился в районе Полярной звезды.

Недоумение на лицах хозяев осталось, но Дон Вильсон, ка-

залось, понял. Выражение враждебности в его глазах сменилось изумлением и недоверием.

Пристально глядя на Хаммонда, он начал что-то говорить... и остановился — видимо, внешний облик гостя поразил его.

— *До пранн?* — спросил он, жадными глазами вглядываясь в черты лица Хаммонда.

Только теперь гость понял, что, несмотря на заурядную внешность, в этой компании он выглядел словно эскимос среди дикарей с острова Борнео. Нет, люди будущего, вопреки его представлениям, не походили сложением на греческих героев. Просто они были *другими*.

Во взглядах Куоббы и Ивы читался откровенный страх, зато Ланг только упрямо сдвинул брови. Он начал о чем-то энергично говорить, обращаясь к Дону Вильсону, и в его голосе звучало сомнение. Куобба стал ему возражать, но Хаммонд уже не слушал их. Силы внезапно оставили его. Вокруг потемнело, и он словно поплыл куда-то вдаль...

Куобба рванулся ему на помощь и успел подхватить прежде, чем Хаммонд упал на пол. Едва державшегося на ногах гостя отвели в соседнюю небольшую комнату. Хаммонд смутно помнил, как его уложили на кровать и накрыли одеялом.

Затем он провалился в сон. Сон, насыщенный кошмарами. Ему снилось, что он по-прежнему находится в своем стальном склепе, летящем по вытянутой орбите через всю Солнечную систему. Он вдруг увидел себя со стороны. В его ледяных, широко открытых глазах отражались блеск звезд и редкие искры комет. Он выглядел словно король, восседавший на троне и облетающий свои космические владения. Время от времени в его глазах разгоралось адское пламя — это он пролетал мимо Солнца, но затем в них вновь воцарялась холодная тьма, кое-где проколота искрами звезд. Проходили столетия за столетиями — впрочем, что значит время для мертвого короля?.. Но однажды стальная капсула корабля лопнула словно орех, человек вылетел в обжигающую пустоту и стал падать, вращаясь, на голубой шар Земли, навстречу новым ужасным снам...

Несколько раз Хаммонд почти просыпался, однако кошмарные сновидения вскоре вновь захлестывали его. Он смутно ощущал, что прошло немало дней, прежде чем он окончательно очнулся.

Под каменным потолком тускло горел шаровой светильник. Хаммонд был еще очень слаб, но болезненные головокружения прошли. «Где я? — подумал он, в испуге оглядыва-

ясь по сторонам. — Почему я нахожусь в этой жуткой пещере? Где мой корабль?!»

Он не осознавал, что начал вопить от испуга. К счастью, вскоре в комнату вбежали Куобба и Ива. Туземец осторожно уложил беснующегося Хаммонда на кровать, что-то ласково говоря ему, словно капризному ребенку. Ива гладила его по руке, не сводя с гостя сочувственных глаз.

Хаммонд постепенно успокоился. Он вспомнил о своем чудесном спасении и о том, что произошло после приводнения спасательной капсулы.

— Все нормально, мне уже лучше, — пробормотал он, послушно опускаясь на кровать. Вспомнив, что туземцы не могли понять смысл его слов, Хаммонд заставил себя улыбнуться и кивнул головой.

Его новые друзья переглянулись с видимым облегчением. Куобба сказал многозначительно:

— *Эн нун до врамен*, — и пошел в дальний угол комнаты. Оттуда он вернулся, довольно улыбаясь и держа в руках какие-то предметы.

Хаммонд узнал свою куртку с «молниями» и находившиеся в ее карманах вещи — справочник с астронавигационными таблицами, карманный калькулятор, пузырек, наполовину заполненный тонизирующими таблетками. Он кивнул и указал пальцем на грудь — мол, верно, это мое.

Поначалу он не мог понять восторга Куоббы, но затем до него дошло: ну конечно, эти вещи доказывали, что невесть откуда звявший гость — не врамен! В глазах Ивы зажглось даже некое благоговение — девушка смотрела на него, словно на ожившего динозавра. Вскоре в комнату вошел и Дон Вильсон, на его лице также не было прежней враждебности.

Хаммонд почувствовал себя куда уверенней. Разумеется, все его вещи, даже пуговицы на куртке и пломба в зубе, доказывали, что он не лгал! На всякий случай он все же еще раз показал на себя пальцем и объявил:

— «Врамен»... — и покачал головой. Затем указал на туземцев и спросил: «Врамен»?

Ива отчаянно замотала головой, иссиня-черные волосы заметались по ее плечам.

— *Нун! Зин до хоомен*.

«Хоомен»? Быть может, так называют себя эти люди? Немного похоже на «хомо сапиенс». Хаммонд хотел было попытаться уточнить это, но Ива ласково погладила его по лицу — своеобразная команда «спать». Боясь, что ночные кошмары

могут вновь ввергнуть его в ледяное небытие, Хаммонд в ответ покачал головой. Но не смог бороться с лекарством, которое дала ему девушка, и провалился в темноту.

На этот раз он спал без сновидений. Прошло еще несколько дней, которые измерялись для него здесь, в каменном подземье, только периодами сна и бодрствования.

Постепенно стали возвращаться силы. У него почти не было аппетита; то пресное желе, которое ему давали трижды в день, и не могло возбудить желание как следует поесть. Но так или иначе, он поправлялся.

Порой ему хотелось встать, но Дон Вильсон и его дочь Ива не разрешали этого. Поначалу ему запрещали даже разговаривать, так что оставалось только лежать на кровати и смотреть в потолок. И тогда Хаммонд вспоминал о друзьях, умерших сто веков назад, об исчезнувших без следа в безднах времени нациях и народах. В такие часы он чувствовал себя совершенно одиноким, и только одна вещь спасала его от сумасшествия.

Этой вещью было любопытство. Он страстно хотел узнать как можно больше о странной Земле далекого будущего, на которую его занесло волей невероятного случая. Ему было очень интересно, кто же такие врамены, чем от них отличались хоомены, многие из которых выглядели так, словно родились в иных мирах.

Почему Дон Вильсон и прочие прячутся в каменных катакомбах? Зачем врамены разыскивали его, Кирка Хаммонда? Куда направлялся космический корабль, взлет которого он видел в ночь своего прибытия на Землю?

Хаммонд мог получить ответы на эти вопросы, только изучив язык хооменов. К счастью, Ива Вильсон охотно согласилась с ним заниматься и вскоре начала ежедневные уроки. В ход пошли рисунки, жесты, а чуть позже и книги. Выяснилось, что структура языка хооменов мало отличалась от английского времен двадцатого века, и это очень помогло Хаммонду быстро продвигаться вперед. Куобба и малыш Таммас тоже пытались обучать его некоторым словам, но, как оказалось, они говорили на других диалектах, и Ива в конце концов запретила им лезть не в свое дело.

Настал день, когда Хаммонд смог задать девушке первые вопросы. К его огорчению, на многие из них она давала уклончивые ответы, а то и вообще не желала разговаривать. «Отец сам расскажет вам об этом», — говорила она, пряча смущенно глаза.

— Когда? — недовольно спрашивал он.

— Скоро, — успокаивала его Ива. — Вы еще плохо разговариваете на нашем языке, вам надо подучиться.

Это еще больше разжигало и без того жадное любопытство Хаммонда. Вот уже много дней он находился в мире, который почти во всем резко отличался от привычной ему Земли, и какой-то языковой барьер не давал возможности ничего узнать! Он чувствовал себя словно слепой, попавший в Лувр.

Через несколько «дней» Хаммонд вконец потерял терпение и решительно заявил Иве, как только девушка вошла в его комнату:

— Я хочу сегодня выйти на берег. Ни минуты больше не намерен сидеть в этом каменном мешке. Поймите, я десять тысяч лет не видел родного Солнца!

— Подождите, я скажу отцу, — поколебавшись, ответила Ива и вышла из комнаты.

Чуть позже пришел Дон Вильсон. Сложив руки на груди, он смотрел на гостя холодным, изучающим взглядом. Хаммонд уже знал, что этот человек был лидером небольшой коммуны хооменов и отличался суровым, непреклонным характером. Все, даже бесшабашный Куобба, побаивались его.

— Вам пока нельзя выходить из убежища, Кирк, — наконец сказал Вильсон. — Благодарите бога, что остались живы. Были периоды, когда мы уже не надеялись, что вы сможете проснуться.

Хаммонд почти полностью понял эти слова и приободрился. Теперь настал его черед задать самый главный вопрос.

— Как долго... — начал было он и неожиданно запнулся. Язык не поворачивался продолжить фразу: «...я был мертв? Сколько столетий мое остывшее тело странствовало через темную бездну?»

Но Дон Вильсон понял его.

— Строение вашего тела и вещи, которые мы нашли в вашей спасательной капсуле, доказывают, что вы родились в двадцатом или двадцать первом веке.

— Да, я родился в 1949 году, — кивнул Хаммонд.

Вильсон на минуту задумался.

— Эта хронология давно не используется... Но если применить ее, то получится, что сейчас идет 12094 год от рождения Христова.

Хаммонд невольно вздрогнул, хотя давно готовил себя к чему-нибудь подобному. Выходит, звездные часы не лгали... Но пропасть времени, через которую он пронесся, была слиш-

ком огромной, и его разум отказывался принимать правду такой, какой она есть.

— Наверное, вы уже завоевали космос? — глухо спросил он.

— Да.

— И даже звезды?

— Почти всю Галактику.

— Но тогда Куобба и Таммас...

— Куобба родился на одной из планет в системе Веги. Таммас прилетел со звезды Мизар. Люди колонизировали множество миров.

Сердце Хаммонда возбужденно забилося. Выходит, первые робкие попытки выйти в космос принесли свои плоды! Даже его «гибель» не остановила землян, и теперь весь космос стал домом для человечества!

Он сказал об этом с пафосом, но Дон Вильсон в ответ только грустно усмехнулся.

— О, нет, вы ошибаетесь, Хаммонд. Когда-то в далеком прошлом космос действительно был завоеван людьми. Он принадлежал всем и каждому, нигде не было ни границ, ни искусственных преград типа Великой Китайской стены, которая некогда существовала на Земле. Но настал день, когда все изменилось. Космические полеты теперь контролируются могущественной расой враменов. Свобода и космос — ныне понятия несовместимые.

— Кто они такие, эти врамены? — возмущенно воскликнул Хаммонд.

— Они — враги всех хооменов. Их радары обнаружили ваш корабль прежде, чем он упал на Землю. На ваши поиски из Руроома были отправлены флайеры. Они обнаружили вашу спасательную капсулу, которую течение унесло, к счастью, далеко от этих мест. Теперь они охотятся за вами днем и ночью. Вот почему вам нельзя ни на минуту покидать это убежище. Врамены хотят убить вас!

Глава 5

Всю следующую «ночь» Хаммонд не мог заснуть. Его потрясла цифра, названная Доном Вильсоном, — 12094 год! Да, он давно готовился к подобному, но одно дело — догадываться, а другое — знать наверняка.

Вокруг стояла тишина, каменные катакомбы спали, хотя о времени суток можно было судить только по потускневшему

свету лампы под потолком. Хаммонд не мог даже сомкнуть глаз, он ворочался с боку на бок, пытаясь переварить все услышанное от Дона Вильсона.

Впервые лидер коммуны хооменов ответил откровенно на его вопросы. Хаммонда больше всего ошеломил рассказ о завоевании людьми Галактики. Они осваивали один мир за другим, основывали новые цивилизации, строили огромные города, воевали, прокладывали торговые пути через опасные звездные скопления и коварные туманности.

Но не только люди меняли облик Галактики — космос также менял их. Дальние поколения переселенцев уже мало напоминали землян, и Куобба с Таммасом были далеко не самыми экзотичными по внешности из хооменов. Но все они считали себя детьми Земли, и вся Галактика принадлежала всем и каждому.

Однако так было до тех пор, пока власть в Федерации Солнц не захватили врамены.

«Странно, — подумал Хаммонд, — я уже научился ненавидеть слово «врамены», хотя еще не видел ни одного из этих таинственных существ. Более того, все дурное, что я знаю о них, мне известно со слов хооменов, а они могли просто привить мне свои предубеждения». Даже имя, которым себя называют Дон Вильсон и его товарищи, «хоомены», было семантической ловушкой, автоматически заставляющей его, Хаммонда, стать на их сторону.

Но дело не только в этом. Главное было в другом — в космосе и той позиции, которую заняли в ней ненавистные врамены. Он, Хаммонд, по сути дела, отдал жизнь ради того, чтобы люди чувствовали себя в Галактике как в собственном доме. Он не желал примириться с мыслью, что какая-то одна раса взяла под контроль все космические перелеты. Ни один корабль не мог взлететь без ведома враменов, потому-то их так встревожило появление около Земли неизвестного космолета. Врамены были своеобразными «полицейскими» космоса — разве способны они вызвать чувство приязни у одного из первых космических «водителей»?

И это было еще не все. Врамены существенно отличались от всех других жителей Галактики. Они владели секретом практически вечной жизни!

Дон Вильсон рассказал, что почти две тысячи лет назад некая группа ученых предприняла исследование малоизвестного звездного скопления Трифиды. И где-то в глубине этого огромного облака среди сотен тысяч звезд обнаружили вели-

колепную, сияющую, словно бриллиант, звезду. На одной из ее планет ученые и основали базу. Именно там они нашли секрет вечной жизни.

Природа его до сих пор непонятна хооменам. Поговаривали, что дело заключается в залежах каких-то необычных радиоактивных руд, которые чудесным образом воздействовали на жизненные клетки людей, останавливали неблагоприятные процессы старения и защищали организм от большинства видов болезнетворных микроорганизмов.

Тем не менее врамены с течением времени все-таки изменялись, хотя и несравненно медленнее, чем остальные. Не были защищены они от ран, порой могли болеть, и все же в глазах обычных людей с других планет они были практически бессмертны. Никто не слышал, чтобы врамен умер естественной смертью.

Первые врамены, открывшие этот секрет на планете Алтар, не спешили поделиться им с остальным человечеством. Напротив, они начали тайно приглашать в свой новый мир молодых, талантливых ученых, писателей, художников, музыкантов со всех обитаемых планет Галактики. Когда колония враменов достигла определенных размеров, отбор «бессмертных» закончился. Более того, всем простым хооменам был закрыт путь не только на Алтар, но даже и в Трифиды. Врамены превратились в закрытую, элитарную касту, жизнь которой была скрыта от посторонних глаз в глубине огромного звездного облака.

— Неужели их способность к вечной жизни передается по наследству? — недоверчиво спросил тогда Хаммонд.

— У враменов нет детей, — ответил Дон Вильсон. — По крайней мере, их никто никогда не видел. Товарищеские и даже дружеские отношения среди них не редкость, но что касается любви... Трудно сказать, способны ли они на такое чувство. Большинство враменов — талантливые, даже гениальные по нашим меркам ученые, и все свое безграничное время они отдают науке. Им было совсем нетрудно отгородиться невидимой стеной от остальной части Галактики.

Со временем врамены стали потихоньку прибирать к рукам контроль над галактической цивилизацией. Нет, они не занимали и не занимают никаких официальных должностей в совете Федерации Солнц, но их научная и техническая помощь остальным обитаемым мирам была настолько велика, что хооменам пришлось признать их главенство в Галактике. Претензии враменов на первый взгляд казались скромными,

они попросили только одного: контроля над всеми космическими полетами.

Ныне радарные станции слежения враменов рассеяны по всей Галактике. Все корабли, выходящие в космос, оснащены специальным взрывным устройством, которое невозможно ни демонтировать, ни вывести из строя. При приближении к Трифидам детонатор срабатывает, и корабль незваных гостей гибнет. Вот почему, Хаммонд, врамены были так встревожены появлением вблизи Земли вашего космолета — на нем не было взрывного устройства! Они не успокоятся, пока не разыщут вас.

Хаммонда эти слова не на шутку обеспокоили. Его чудесное спасение неожиданно поворачивалось какой-то жуткой стороной. Но, как оказалось, это было еще не все, у Дона Вильсона нашлись еще сюрпризы для него.

— Вы, наверное, не раз задавались вопросами, что мы делаем здесь, в каменных катакомбах, — продолжил лидер хоменов. — Мы не зря вот уже несколько лет прячемся здесь, боясь и нос высунуть наружу. Мы строим звездолет.

Хаммонд в изумлении посмотрел на него.

— Звездолет? Но зачем?

— Это будет единственный корабль в Галактике, не оборудованный взрывателем враменов. Все мы станем со временем его экипажем и попробуем достичь намеченной цели.

Сердце Хаммонда вздрогнуло.

— Алтар? — тихо спросил он.

— Да. Это очень рискованный замысел, однако если нам удастся проникнуть в секрет вечной жизни... Тогда мы сможем освободить жителей Галактики не только от тирании враменов, но и спасти их от безжалостного времени. Ради этого можно отдать и жизни.

Дон Вильсон встал и взволнованно зашагал по комнате.

— Мы надеемся, что вы присоединитесь к нам, Хаммонд, — после долгой паузы сказал он.

Хаммонд озадаченно взглянул на него:

— Зачем я вам нужен? Я дикарь по сравнению с вами. Я и понятия не имею о современных технологиях, никогда не летал на звездолетах. Какую я могу принести вам пользу?

— Немалую. Впереди нас ожидают тяжелые испытания, может быть, даже вооруженные столкновения, — задумчиво ответил Дон Вильсон, пылливо глядя на гостя. — Даже если нам удастся попасть на Алтар и завладеть секретом враменов, это будет только началом долгой борьбы. Население Галакти-

ки привыкло к негласной власти враменов, нелегко будет убедить их отказаться от рабской покорности. Они с молоком матери впитали мысль, что космос принадлежит враменам, что только эти полубоги имеют право на долгую жизнь. Вот зачем вы так нужны нам, Хаммонд. Когда хоомены узнают, что на нашей стороне один из первых космонавтов Галактики, вы станете для миллиардов людей со всех миров символом далекого прошлого, когда космос был свободным!

Хаммонд кивнул.

— Понимаю. В мое время власти тоже постоянно прибегали к пропаганде при решении самых сложных вопросов.

— Не соглашайтесь сразу, — посоветовал Вильсон. — Подумайте хорошенько. Поговорите с Куоббой, Таммасом, другими вашими новыми товарищами. Время пока терпит.

...И вот теперь, лежа без сна на кровати в маленькой, тускло освещенной комнате, вырубленной в скале, Хаммонд не находил себе покоя.

Чего он хотел на самом деле? Только одного — вернуться в двадцатый век и послать к дьяволу все это сумасшедшее будущее, которое оказалось далеко не таким безоблачным, как ему когда-то думалось. Но мечтать об этом было бесполезно. Судьба все решила за него, и ему грех жаловаться. Значит, предстоит найти свой путь в этом странном, малопонятном мире, где люди не стали богами, а молочные реки не текли в кисельных берегах. Но какой путь выбрать?

Хаммонду вовсе не хотелось сразу же бросаться в рискованную авантюру, еще ни в чем толком не разобравшись. Не исключено, что Дон Вильсон лжет.

Вдруг эти люди обыкновенные преступники, скрывающиеся от закона? Да, они, похоже, на самом деле строят звездолет, но кто подтвердит, что они действительно хотят достичь таинственного Алтара?

Под утро его навестил Куобба. Добродушный гигант с сочувствием посмотрел на хмурое, несчастное лицо Хаммонда.

— Вы себя дурно чувствуете, Кирк?

— Все нормально, — пробормотал Хаммонд. Неожиданно для себя он резко спросил: — Скажите, Раб, только откровенно: вы моя нянька или тюремщик?

Вегианин в замешательстве опустил голову.

— Наверное, и то, и другое, — наконец неохотно ответил он.

— Выходит, вы, хоомены, мне не доверяете?

— Пока не совсем, — честно ответил Куобба, пряча глаза. — Мы убедились, что вы — человек из далекого прошлого,

хотя это и звучит совершенно невероятно. Но мы еще мало знаем вас. Не исключено, что вы захотите присоединиться к враменам.

— Понятно, — глухо произнес Хаммонд. — А что вы сами думаете об этих суперменах Галактики?

— Они дондоны! — гневно воскликнул Куобба, потрясая огромными кулаками.

Слово «дондоны» было незнакомо Хаммонду, и только после долгих расспросов он понял, что оно означает нечто вроде «ублюдков».

— Почему вы их так ненавидите?

— Кто хочет умирать? — резонно спросил Куобба. — Никто. Мы могли бы жить вечно, если бы врамены посвятили нас в свой секрет. Ха! Почему они имеют право жить столетиями, тогда как все остальные жители Галактики должны стареть, становиться немощными и больными и в конце концов сойти в могилу? Врамены говорят: мол, для вас же лучше, вам не понравилось бы ярмо вечной жизни, в ней есть и свои ужасные, теневые стороны... Ха! Плевать я хочу на эти «теневые стороны», я жить хочу! Жить! Но этим проклятым враменам жаль терять свою власть в Галактике. Кто будет преклоняться перед ними, если все сами станут долгожителями? Никто. Наши ученые со временем догонят этих «гениев», и тогда ни одна, даже самая захудалая планетка не будет ничем обязана Алтару. Ничем, понимаете? И космос вновь станет свободным, как и две тысячи лет назад. Может это понравиться этим дондонам? Ясно, не может.

Еще раз энергично махнув кулаком — так, что в комнате ветер засвистел, — Куобба неожиданно зевнул и присел на край кровати. Она жалобно заскрипела под тяжестью его массивного тела.

Хаммонд на всякий случай чуть отодвинулся.

— Вы на самом деле с Веги? — спросил он с любопытством. — На что она похожа, ваша планета?

— Вега-4 — прекрасный мир! — с воодушевлением воскликнул Куобба. — Непохожий на Землю, конечно. Фиолетовые теплые моря, зеленое небо, голубое солнце... Все иначе, чем на этой старой, загаженной планетке. Дурак я был, что стал астронавтом. Наслушался рассказней о романтике дальнего космоса и еще мальчишкой подрядился в свой первый рейс. Ха! Романтика... Многое я повидал, даже и вспоминать неохота, а вот этой самой замечательной романтики так и не пришлось понюхать... В одном из рейсов я встретил та-

кого же записного бродягу — малыша Таммаса, и с той поры мы мотались по Галактике вместе. Однажды познакомились с Доном Вильсоном, и этот человек сумел вправить нам мозги. Он объяснил нам, что во всех неурядицах в Галактике виноваты врамены — раньше мне это и в голову не приходило. Ха! С той поры я им горло готов перегрызть...

Куобба часто навещал его и рассказывал о своих космических странствиях.

У Хаммонда кружилась голова от воспоминаний о далеких планетах, населенных негуманоидами. Куобба повидал и мыслящие скалы на Ригеле-2, и подводные города разумных амфибий на планетах системы Арктур, и жуткие деревья-колдуны на Алголе-9... Хаммонду трудно было оценить, что из лихих рассказов старого звездного волка было правдой, а что — обычными для астронавтов байками. Но Галактика перестала отныне быть для него лишь облаком бесчисленных огоньков. Этот остров во Вселенной оказался довольно неплохо обжит людьми, и он, Хаммонд, одним из первых заложил камень в фундамент нового дома человечества!

Но ко вполне понятному чувству гордости примешивалась и горечь. У этого галактического небоскреба, напоминавшего легендарную вавилонскую башню, был хозяин.

Врамены появлялись почти во всех рассказах простодушного вегианина. То они почему-то не разрешали кораблю двигаться самым близким путем к цели, то заставляли идти через опасные, неизведанные туманности или космические течения. Немало звездолетов погибло, случайно приблизившись к запретным Трифидам, еще больше сгинуло во тьме, свернув по приказу враменов с безопасных космических путей. Да, врамены действительно были космическими тиранами, и Хаммонд вскоре стал их так же ненавидеть, как и сам Куобба.

Однажды утром Хаммонд встретил Дона Вильсона словами:

— Я с вами, с хооменами! Если вы сказали мне правду, то я готов бороться, не щадя своей жизни.

Вильсон долго и пытливо смотрел на него, а затем медленно произнес:

— Мы говорили вам чистую правду, Хаммонд. Я рад, что такой человек, как вы, будет на нашей стороне. Но принять вас в нашу тайную организацию могут только все хоомены. В ближайшее время я созову общее собрание, а пока оставайтесь здесь.

Чуть позже в комнату вошла Ива Вильсон, принесла обыч-

ный завтрак — стакан воды и безвкусное желе, от которого Хаммонда уже начинало тошнить.

С отвращением воткнув ложку в дрожащий розовый кубик, он внезапно спросил:

— Признайтесь, Ива, вы ведь тоже мой негласный тюремщик?

— Конечно, нет! — вспыхнула девушка. — Я никогда не верила, что вы — шпион враменов. Еще в день вашего появления я так и заявила этому противному Лангу: врамены никогда бы не послали шпионить за нами такого слабого и беспомощного человека!

Хаммонд добродушно рассмеялся, а девушка смутилась еще больше.

— О, я не хотела вас обидеть, Кирк! Вы не могли чувствовать себя иначе после того, что с вами произошло.

Чуть позже пришел Куобба и, ослабившись, сказал:

— Ну вот и настал ваш час, друг. Пойдемте, Дон Вильсон ждет вас.

Хаммонд поспешно поднялся, набросил на плечи куртку и пошел вслед за Куоббой и Ивой. Сердце его взволнованно билось. Только сейчас он подумал — а что, если хоомены откажутся принять его? Какова тогда будет его судьба?

В кабинете лидера хооменов сидел также Гурт Ланг. На этот раз на его лице не было обычной враждебности. Немного натянуто улыбнувшись, он встал из-за стола и, подойдя к Хаммонду, первый протянул ему руку.

— На общем собрании большинство хооменов решило принять вас в нашу коммуну. Надеюсь, вы простите меня за некоторую недоверчивость.

Хаммонд с радостью пожал руку молодому ученому.

— Я вполне понимаю, — откровенно признался он. — Если кто-нибудь рассказал бы мне подобную историю, я тоже вряд ли поверил бы.

Дон Вильсон с удовольствием наблюдал за сценой примирения.

— Итак, отныне вы стали одним из нас, — сказал он, жестом приглашая вошедших сесть. — Я вижу в этом перст судьбы. Вы спаслись от смерти самым фантастическим способом, о котором я только слышал... Кто знает, быть может, вы сумеете помочь многим миллиардам других людей.

— Все это замечательно, Дон, однако наш новый друг должен понимать: он разделит отныне нашу судьбу, какой бы она ни была.

— Вы полагаете, врамены убьют нас, если сумеют поймать? — прямо спросил Хаммонд.

Ему ответил Дон Вильсон:

— Видите ли, врамены не занимают официальных должностей. Их власть определяется совсем другими обстоятельствами, о которых я уже вам рассказывал. Если они поймут нас, то попросту привезут на ближайшее заседание Совета Федерации Солнц и там руками высокопоставленных хооменов осудят за нарушение закона о звездных перелетах. Нас ждет суровое наказание за то, что мы строим нелегально космический корабль. Впрочем, вам пора на него взглянуть.

Дон Вильсон и Ланг повели Хаммонда в сборочный цех. В центре помещения, среди лесов, возвышался каркас космолета, около которого работали около двух десятков хооменов в белых халатах.

Технический словарь Хаммонда был невелик, так что он понял едва десятую часть того, о чем ему с энтузиазмом рассказывал Дон Вильсон. Похоже, работа находилась в самом начале. Сейчас шел монтаж атомного двигателя. Его составные агрегаты поступали из соседнего цеха. По мере готовности кормовых отсеков собранная часть космолета постепенно опускалась в глубокую шахту, находившуюся под сборочным стендом.

— Когда звездолет будет полностью готов, мы пробьем верхнюю часть скалы и ночью стартуем прямо из шахты.

— Но разве радары враменов не сумеют его обнаружить? — спросил Хаммонд.

Ему ответил Ланг:

— Мы все продумали. В нескольких десятках миль от побережья находится город Руроома, а рядом с ним — небольшой космодром. Мы выведем из строя один из транспортов и стартуем в отведенное для него время. Конечно, позже врамены обнаружат подмену, но мы будем уже далеко. Весь космос не в состоянии контролировать даже врамены.

— Понимаете, что мы хотим совершить, Хаммонд? Впервые за долгие века в космосе окажется свободный корабль, который враменам не удастся разрушить с помощью своего взрывного устройства! А теперь пойдемте, я представлю вас хооменам как нашего нового товарища.

В сборочном цехе собралась вся небольшая коммуна — сорок пять человек, из них тринадцать женщин. Дон Вильсон представил Хаммонду каждого из них.

Большинство обитателей каменных катакомб были учены-

ми, техниками или опытными астронавтами. Кроме Куоббы и Таммаса, занимавшихся охраной катакомб, здесь было еще четверо инопланетян: двое краснокожих инженеров с Бетельгейзе, смуглый маленький пилот с Альтаира и серокожий мрачный техник с огромными, глубоко посаженными глазами — уроженец Алгола.

Хаммонд смотрел на них словно замороженный — эти хоомены служили живым доказательством, что люди действительно завоевали Галактику. Но на него смотрели с не меньшим любопытством — ведь он прибыл на Землю из глубин времени.

— Держитесь, Кирк, отныне вас не оставят в покое, — усмехнувшись, заметил Дон Вильсон. — Ваш двадцатый век для нас — заря человечества, мы очень мало знаем об этом периоде...

Его слова были прерваны появлением Шай Таммаса. Маленький мизарианин торопливо спустился по винтовой лестнице из наблюдательного пункта.

— Куобба встревожен! — воскликнул он. — Уже полчаса над нами кружит флайер враменов. Похоже, нас все-таки обнаружили!

Лицо Дона Вильсона помрачнело.

— Хм... не могу понять, как это могло произойти, — пробормотал он. — Пойдем посмотрим.

Он и Ланг зашагали к лестнице, за ними засеменял Таммас. Хаммонд настолько истосковался по небу, что тоже пошел в наблюдательный пункт.

Остальные хоомены не стали приниматься за работу и, собравшись в небольшие группы, оживленно дискутировали, тревожно поглядывая вверх.

В наблюдательном пункте находился Куобба и еще один хоомен. Комнатка была столь тесна, что Хаммонд едва сумел протиснуться к «телескопу», который использовался для обзора окрестностей.

— Этот чертов флайер уже сделал добрый десяток кругов над нами! — взволнованно сказал Куобба. — Да вы сами взгляните...

Вильсон наклонился к грибообразному отростку на конце «телескопа» — это был один из окуляров. То же самое сделали Ланг и Хаммонд. «Телескоп» давал удивительно широкий, почти круговой обзор.

Ясное солнечное утро. Море было беспокойным, вдали от берега на гребнях волн вскипали белые барашки.

Приглядевшись, Хаммонд увидел среди облаков флайер. Длинная черная стальная сигара с большими иллюминаторами делала широкие круги, центр которых находился прямо над лжевалуном. Флайер постепенно снижался.

— Ничего не понимаю, — угрюмо сказал Дон Вильсон, выпрямившись. — Врамены не могли нас обнаружить, их радары не в состоянии пробить наши защитные экраны.

Но флайер упрямо снижался, делая круг за кругом. Наконец он замер без движения в воздухе, всего лишь в сотне футов над наблюдательным постом.

Дон Вильсон выругался сквозь зубы.

— Теперь сомнений нет, мы обнаружены. Надо немедленно сбить этот флайер, пока он не вызвал подмогу.

Глаза Куобба вспыхнули от недоброй радости.

— Я запросто соблю эту жестянку! — уверенно сказал он. — Давно я ждал этого часа... Эй, Таммас, открывай люк!

Маленький мизарианин включил механизм раскрытия люка на потолке лжевалуна, а Куобба тем временем засуетился около «телескопа», нажимая на его грибообразные отростки, словно на кнопки. И тогда Хаммонд понял, что «телескоп» был не только наблюдательным устройством, но и оружием.

Глава 6

В наблюдательном пункте послышался низкий гул. Куобба замер, прильнув глазом к одному из окуляров, а затем нажал на красный рычаг. Хаммонд увидел, как в воздухе прямо над валуном появилось небольшое сияющее облачко. Оно стало вращаться, расширяясь, и вскоре превратилось в вихрь света, который быстро поднялся в небо.

Флайер враменов резко повернул в сторону, но было уже поздно. Край вихря коснулся его хвостовой части, которая немедленно рассыпалась в пыль. Летательный аппарат клюнул носом и стал падать на землю. Ударившись о скалы, он с оглушительным грохотом скатился на песчаный берег, подняв облако пыли.

Вильсон жестким голосом приказал:

— Ланг, Куобба, надо захватить в плен экипаж — если они живы, — а затем немедленно уничтожить флайер.

Он открыл дверь в стенке валуна и выбежал наружу. Ланг и Куобба последовали за ним. Хаммонд не удержался и через секунду тоже оказался на берегу.

Его ноги слегка дрожали, но он был рад вновь увидеть солнце и почувствовать дуновение холодного соленого ветра. В нескольких десятках метров от них лежала черная сигара флайера. Носовая часть была смята в гармошку, да и на остальном фюзеляже во многих местах торчали лохмотья лопнувшей обшивки.

Куобба заглянул в распахнувшийся от удара люк.

— Вижу двух мертвых враменов! — крикнул он.

Вскоре хоомены были уже внутри флайера. Хаммонд чуть замешкался — не мог насытиться свежим воздухом и панорамой кипящего под ударами ветра океана. Когда он наконец вошел внутрь, то увидел двух мужчин, почти полностью засыпанных обломками металлических конструкций. Их лица были залиты кровью.

Дон Вильсон и двое его товарищей продирались через завалы обломков к кабине пилота. Хаммонд уже было решил последовать за ними, как вдруг услышал позади тихий стон. Отодвинув в сторону несколько покореженных металлических панелей, он увидел, как с пола поднимается невысокая белокурая женщина, одетая в куртку и шорты, как и женщины хооменов. Она была молода и очень красива.

Стряхнув с себя пыль, женщина посмотрела на Хаммонда с гневом и болью. Ее лицо было по-королевски властным, так что Хаммонд инстинктивно почувствовал — эта женщина превосходит его во многих отношениях.

Тут Ланг случайно обернулся и, заметив Хаммонда, недовольно закричал:

— Что вы делаете здесь, Кирк? Немедленно уходите...

Заметив женщину-врамен, он замолчал потрясенный.

— Черт побери, да это сама Таяна Марден. Глазам своим не верю!

Услышав его слова, Дон Вильсон немедленно обернулся.

— Что, Марден? Ого, вот это удача! Ланг, не вздумайте убивать ее. Быстрее!

Женщина-врамен, поняв, что ей угрожает, оттолкнула растерявшегося Хаммонда и бросилась к раскрытому люку. Хоомены явно не поспевали отрезать ей путь к бегству, но за них это сделал Хаммонд. С криком ярости он прыгнул вперед и схватил женщину за плечи, пытаясь повалить ее на пол.

Его ждал сюрприз — хрупкая на вид женщина обладала поистине тигриной силой. Даже с Хаммондом, висевшим на ней, Таяна Марден лишь немного замедлила бег. Однако этого оказалось достаточно, чтобы Вильсон и Ланг вовремя встре-

тили ее у люка. Молниеносными ударами рук женщина разбросала их в стороны, словно кегли, и уже готова была выпрыгнуть наружу, как сбоку на нее обрушился могучий Куобба. Хаммонд был отброшен в сторону. Лишь с огромным трудом Куоббе удалось обхватить тонкую фигурку женщины мускулистыми лапами.

— Гурт, свяжите ее! — закричал Дон Вильсон, поднимаясь с пола и вытирая ладонью разбитое в кровь лицо. — Да быстрее, чего вы мешкаете. Раб ее едва удерживает!

Ланг торопливо оторвал кусок толстой изолированной проволоки, торчащей из трещины в стенке флайера, и бросился помогать вегианину. Общими усилиями им удалось заломить руки женщине за спину, и Ланг несколькими витками проволоки тщательно связал ей запястья. После этого Таяна Марден сразу же прекратила борьбу, хотя ее серые глаза пылали от ярости и негодования.

— Ташите ее в наблюдательный пункт, — приказал Вильсон вегианину. — А мы с Гуртом попытаемся проникнуть в двигательный отсек. Хаммонд, немедленно убирайтесь отсюда!

Куобба взвалил женщину на плечо и выпрыгнул из люка наружу. Хаммонд, опустив голову, последовал за ним. Вегианин торопливо зашагал в сторону лжевалуна, время от времени недовольно поглядывая на Хаммонда. Тот понял, что совершил какую-то серьезную ошибку, и поспешил за Куоббой, больше не глядя по сторонам.

Около распахнутой двери их встретила Ива. Увидев женщину-врамен, она также не удержалась от радостного восклицания:

— Таяна Марден! Нам повезло, повезло!

— Вы знаете ее? — спросил Хаммонд, бросив последний взгляд на голубое небо с редкими пушистыми облаками.

Ива кивнула и, схватив его за руку, затащила внутрь наблюдательного поста.

— Таяна Марден была одной из самых известных враменов еще в то время, когда я только родилась, — сказала девушка. — Ей лет триста, не меньше.

Хаммонд вздрогнул. Он уже позабыл в пылу борьбы, что внешний вид враменов обманчив. Если верить рассказам хооменов, то эти суперлюди обладали секретом долгой, почти вечной жизни. Но сейчас, глядя на молодую прекрасную женщину, Хаммонд почувствовал всю абсурдность рассказней

Дона Вильсона. Таяна Марден родилась три века назад? Чушь, она выглядела не намного старше Ивы.

Тем временем Куобба поставил женщину на ноги и со вздохом облегчения вытер пот со своего широкого лица. Хаммонд ожидал, что Марден обрушится на них с гневными упреками, но она смотрела на обитателей катакомб, как убеленный сединой старец мог бы наблюдать за расшалившейся ребятней.

— Смотрите, сейчас этому чертову флайеру придет конец! — сказал Шау Таммас, выглядывая за дверь.

Обернувшись, Хаммонд увидел, как Дон Вильсон и Ланг бегут к ближайшему валуну. Едва они успели скрыться, как внутри флайера вспыхнуло белое сияние. Вскоре оно переросло в мощный, почти беззвучный взрыв. Хаммонд невольно зажмурился от ослепительной вспышки. Когда он вновь открыл глаза, от разбитого флайера остался только черный пепел.

Вильсон и Ланг покинули свое убежище и стали торопливо забрасывать стореющую машину песком. Затем они побежали к лжевалуну, тревожно поглядывая в сторону моря.

Захлопнув дверь, Дон Вильсон постоял некоторое время, тяжело дыша, а затем, не обращая внимания на пленницу, подошел к «телескопу» и заглянул в одну из наблюдательных трубок.

— Если экипаж этого флайера успел передать послание в Руроом, то врамены будут здесь через несколько минут, — сказал он. — Подождем.

Почти полчаса никто не проронил ни слова. Наконец Дон Вильсон вздохнул с облегчением.

— Нам повезло. Все прошло на редкость удачно... кроме одного. — Он шагнул к Хаммонду и гневно спросил: — Кирк, почему вы последовали за нами? Я не отдавал такого приказа.

Хаммонд вспыхнул:

— Черт возьми, неужто я тоже ваш пленник? Я вышел потому, что мне надоело сидеть в каменной норе. Я уже сто веков не видел солнца, можете вы это понять? Кроме того, я вам помог.

Его взволнованная тирада не произвела на Дона Вильсона ни малейшего впечатления.

— Теперь я лишний раз убедился, что вы настоящий дикарь, — сурово произнес он. — Неужто в вашем двадцатом веке люди не имели понятия о дисциплине? Поймите, мы боимся в тяжелых условиях, вам придется подчиняться приказам, как и всем в нашей коммуне.

Хаммонд едва сдержался, чтобы не ответить лидеру хооменов в таком же резком тоне.

Дон Вильсон тем временем повернулся к женщине-врамену. Она с изумлением смотрела на Хаммонда и первой задала вопрос:

— Кто этот человек? Он не похож на хооменов.

— Ваши друзья врамены разыскивают его уже несколько дней, — усмехнувшись, ответил Дон Вильсон. — Но когда-то его искала вся Земля и тоже не сумела найти.

Таяна Марден посмотрела на него недоумевающим взглядом.

— Вся Земля? Не понимаю... Когда это было?

Дон Вильсон не был расположен отвечать на вопросы пленницы.

— Поговорим об этом чуть позже. Ответьте, Таяна, как вы сумели обнаружить наше убежище? Я был убежден, что оно надежно защищено экранами от лучей радаров.

Таяна Марден не ответила.

— Возможно, враменов насторожил именно тот факт, что часть скал непроницаема для лучей радаров? — предположил Ланг.

Дон Вильсон покачал головой.

— Гурт, вы забываете, что наши щиты имитируют обычные горные породы с немного повышенным содержанием железа, только и всего.

— Это я и имею в виду, — упрямо возразил Ланг. — Таяна Марден известна, кроме всего прочего, еще и как прекрасный геолог. Ее мог заинтересовать факт, что на побережье, столь бедном металлами, находится локальное месторождение железной руды. Дон, я не раз говорил вам, что надо не жалеть усилий и симитировать целую железную жилу, и тогда...

Хаммонда этот спор двух руководителей коммуны хооменов мало заинтересовал. Куда больше его привлекала Таяна Марден — первая женщина-врамен, которую он видел воочию.

Достаточно было одного взгляда на эту гордую красавицу, чтобы понять, почему хоомены так ненавидят расу суперлюдей. Она выглядела герцогиней среди жалких плебеев, в ней чувствовалось природное превосходство, которое люди и в его далеком двадцатом веке редко кому прощали.

Как ни странно, Таяна Марден смотрела на него с ничуть не меньшим интересом. Казалось, она пыталась проникнуть в его мысли. Хаммонд ничуть не обольщался — было ясно,

что он заинтересовал красавицу не как мужчина, а лишь как живой реликт давно прошедшей эпохи. И все же это внимание было ему лестно.

Тем временем Дон Вильсон прекратил затянувшийся спор с Лангом и, взглянув на пленницу, сделал приглашающий жест в сторону внутренней двери.

— Спускайтесь вниз, Марден. Я покажу вашу комнату.

Таяна Марден нахмурилась.

— Вы имеете в виду мою тюрьму? — спокойно спросила она. — Не лучше ли вам вместо этого пойти со мной в Руро-ом? Вы же отлично знаете, Вильсон, что меня будут искать и обязательно найдут.

— Сомневаюсь, — ответил лидер хооменов. — Не все врамены хорошо разбираются в земной геологии. К тому же теперь у нас есть заложница, так что в любом случае нечего опасаться.

Таяна пожала плечами и пошла к лестнице, ведущей в нижние помещения подземного поселения.

Хоомены, а также Хаммонд последовали за ней, и только один Шау Таммас остался в наблюдательном пункте. Внизу, в сборочном цехе, пленницу немедленно обступили инженеры и техники. В их взглядах Хаммонд заметил странную смесь ненависти и восхищения.

Дон Вильсон коротко рассказал товарищам о том, что произошло, а затем повел Таяну Марден в свой кабинет. Женщина-врамен бросила лишь мимолетный взгляд на грохочущие станки. Куда больше ее заинтересовали звездные карты, висящие в кабинете Дона Вильсона.

— Так вот почему вы сбежали несколько лет назад из Руро-ома и спрятались в этих местах, — сказала она задумчиво. — Вы пытаетесь нелегально построить звездолет...

— Не пытаемся, а строим, — поправил ее Вильсон. — Садитесь, Марден, нам предстоит долгий разговор. Хаммонд, вы тоже пришли? Ладно, послушайте, вам это будет полезно.

Хаммонд сел в углу комнаты рядом с Лангом. Он сгорал от любопытства.

Марден неохотно отошла от звездных карт.

— Не понимаю, — сказала она. — Судя по тем узлам, которые сейчас изготавливались на ваших станках, корабль находится лишь в зачаточном состоянии. Чей же космолет тогда обнаружили наши радары вблизи Земли?

Дон Вильсон указал на Хаммонда.

— Это его корабль, Марден. Хотите знать, откуда он прилетел?

— Конечно!

— Он прилетел на Землю... с Земли!

Марден ответила ему недоуменным взглядом. Тогда Дон Вильсон рассказал ей о невероятной истории Кирка Хаммонда, одного из первых астронавтов Галактики. С каждым его словом в глазах Таяны Марден росло недоверие.

— Не знаю, какую роль в ваших замыслах играет этот человек, — наконец сказала она, — но то, что вы мне поведали, попросту нелепая выдумка.

— Нет, это чистая правда, — уверил ее Дон Вильсон. — Вы ведь знаете об анабиозе. Этому человеку невероятно повезло, он действительно прилетел к нам из глубин далекого прошлого.

— Почему вы так уверены? — спросила Таяна Марден. — Даже мы, врамены, плохо разбираемся в двадцатом веке. Да и что может иметь общего один из первых астронавтов с такими преступниками, как вы?

— Он — один из нас, — усмехнулся Дон Вильсон. — Когда звездолет будет построен, он полетит вместе со всеми на Алтар.

На лице женщины-врамен не дрогнул ни один мускул, но Хаммонду показалось, что в ее сердце бушевала буря.

— Вот что вы задумали, — тихо произнесла она. — Нет, только не это! Вы не должны даже пытаться проникнуть в Трифиды!

— Тем не менее мы сделаем это, — хладнокровно возразил Дон Вильсон. — И где бы ни скрывали секрет вечной жизни, мы обязательно найдем его. Не только и не столько для нас самих, сколько для всех хооменов Галактики.

— Вы будто дети, — прошептала Таяна Марден с грустью. — Вы рассуждаете о вещах, в которых ничего не смыслите. Если бы вы знали, что на самом деле происходит на Алтаре...

— Зато вы знаете, — с победным видом сказал Дон Вильсон. — Вот почему вам сохранили жизнь. В качестве заложника вы поможете нам избежать обстрела в районе Трифид. А о том, что и как искать на Алтаре, вы нам подробно расскажете.

Серые глаза Таяны Марден потемнели от гнева.

— Я ничего вам не скажу. Вы плохо знаете нас, враменов, Дон Вильсон.

Лидер хооменов помрачнел. Его лицо угрожающе нахмурилось.

— Нет, вы все расскажете, — упрямо повторил он. — Не по собственной воле, так под действием психозонда.

— У вас его нет, — спокойно ответила Марден.

— Верно. Но мы сможем его быстро собрать. У нас есть чертежи этого прибора, а также двое опытных психотехников. Так что если вы попытаетесь применить ментальную защиту...

Таяна Марден слегка побледнела, хотя ее лицо осталось по-прежнему непреклонным.

— Вы можете разрушить мой мозг, но не узнаете ничего, — глухо сказала она. — Только подумать, мы, врамены, сами вручили в руки дикарям-хооменам такое опасное оружие, как психозонд!

Дон Вильсон не обратил на ее слова никакого внимания.

— Нам потребуется несколько дней, чтобы построить психозонд, — сказал он. — У вас будет время поразмышлять над нашим предложением, Марден. Если вы используете ментальную защиту, то все последствия этого безумного шага будут на вашей совести. Куобба, отведи эту женщину в пустую комнату в конце северного коридора. Поставь охранника у двери. За пленницу отвечаешь головой!

Куобба только усмехнулся в ответ. Он махнул рукой в сторону двери, и Марден вышла, опустив голову. Хаммонд почему-то почувствовал смутную тоску. Не обращая внимания на негодующий взгляд Дона Вильсона, он тоже вышел в коридор. Ива последовала вслед за ним.

Проводив взглядом хрупкую женщину-врамен, по пятам которой следовал могучий Раб Куобба, Хаммонд раздраженно спросил:

— Ива, я ничего не понял. О каком разрушении мозга шла речь? И что такое психозонд?

Ива посмотрела на него странным взглядом, в котором Хаммонд не смог ничего прочесть.

— Почему вы так разволновались, Кирк? — тихо спросила его девушка. — Какое вам дело до судьбы одного из ненавистных враменов? Что касается психозонда... Если не вдаваться в подробности, то это прибор для чтения мыслей.

Хаммонд недоверчиво посмотрел на нее.

— Правда, — кивнула Ива. — Психозонд изобрели врамены несколько веков назад. Его лучи могут считывать электрические импульсы мозга и переводить их в словесную форму. Конечно, невозможно прочитать все, что хранится в челове-

ческой памяти, однако самое скрытое, глубоко запрятанное с помощью психозонда становится явным.

— Но как все это может разрушить мозг? — нетерпеливо спросил Хаммонд.

— Если человек пытается заблокировать какие-то области своей памяти от луча психозонда, то электрические импульсы в нейронах начинают лавинообразно нарастать. Это приводит к самым тяжелым последствиям. Люди обычно в таких случаях становятся полными идиотами.

Хаммонд вздрогнул, представив гордую красавицу Таяну Марден в виде жалкой сумасшедшей, неспособной связать и двух слов.

— Наши жизни, судьба всех враменов зависят от этого, — пылко сказала Ива. — Отец вынужден пойти на такой шаг! Признайтесь, Кирк, вы испытываете сомнения... потому что Таяна так красива?

Хаммонд снисходительно улыбнулся.

— Да, она красива! — воскликнула Ива. — Однако она не человек, она не такая, как все мы! Врамены не знают любви, у их женщин отсутствует инстинкт материнства. Все, что их интересует, это наука и власть. Не обманитесь ее красотой, Кирк.

Лицо девушки покраснело, в ее темных глазах Хаммонд с удивлением заметил затаенную грусть.

— В ваших словах больше зависти, чем ненависти, — сказал мягко Хаммонд.

Ива презрительно посмотрела на него.

— Вы, должно быть, совсем отупели от вашего долгого сна, — процедила она и, резко повернувшись, вышла из комнаты. Хаммонд озадаченно почесал затылок, мысленно ругая себя за несдержанность.

Вечером он заглянул в кабинет Дона Вильсона, чтобы узнать, как идут дела. Чуть позже сюда же пришел Шау Таммас со свежей информацией из наблюдательного поста.

— Час назад два флайера враменов прошли над берегом к югу, а затем вернулись обратно. Явно искали Таяну Марден.

Дон Вильсон хмуро кивнул.

— Они долго не успокоятся, — сказал он. — Поисковые отряды Руроома наверняка получили указание ни в коем случае не спускаться на землю. Сейчас врамены нас побаиваются, и правильно делают.

Глядя на них, Хаммонд почувствовал холодок сомнения. Еще недавно ему казалось, что он знает хооменов. Дон Вильсон был упрям, своевластен, и все же это был истинный ли-

дер, свято веривший в справедливость своих идей и умевший повести за собой товарищей.

Теперь же выяснилось, что этот умный, интеллигентный человек мог без тени сомнения перешагнуть через жизни других людей, не щадя даже женщин. И никто из хооменов не пытался ему перечить. Похоже, все, даже милая, искренняя Ива Вильсон, полагали, что цель оправдывает любые средства. Старая как мир история о добрых намерениях, которыми может быть вымощена дорога в ад...

Ну что ж, он принял решение бороться плечом к плечу с этими людьми и негоже теперь отступать. Врамены сами поставили себя вне закона тем, что узурпировали космос. Никто, даже раса суперлюдей, не имел права захватывать то, что самой природой предназначалось для всех и для каждого!

И все же Хаммонд с горечью почувствовал, что он был и будет для хооменов чужим.

Глава 7

Катастрофа произошла четыре дня спустя. В течение этого времени Хаммонд испытывал растущее чувство клаустрофобии. Каменные стены давили на него, он задыхался в полутемных катакомбах и нигде не мог найти себе места. Судьба сыграла с ним злую шутку — из стального склепа «Искателя» закинула в каменную клетку с отвратительным стерильным воздухом и еще более ненавистным искусственным светом. Больше всего на свете он хотел хоть на час выйти на берег океана и подышать соленым свежим ветром. Увы, Дон Вильсон строго-настрого запретил всем выходить наружу и днем, и ночью.

— Исчезновение Таяны Марден должно всполошить весь Руроом, — терпеливо объяснял он Хаммонду в какой уж раз. — Побережье наверняка находится под пристальным наблюдением. Поиски продлятся еще не одну неделю. Мы не имеем права рисковать, Кирк.

— Чем же мне заняться? — расстроенно спросил Хаммонд. — Безделье начинает действовать мне на нервы.

— Будет для вас работа, не сомневайтесь, — усмехнулся Дон Вильсон. — Но сначала вы должны в совершенстве выучить наш язык, разобраться в математических символах, узнать хотя бы в общих чертах устройство звездолета, который

мы строим. Наберитесь терпения, Кирк, и учитесь, не теряя ни минуты. Ива поможет вам.

Пришлось Хаммонду вновь сесть за «уроки», обложившись книгами. Ива Вильсон с удовольствием занималась с ним по десять-двенадцать часов в сутки. Дело шло на лад, хотя Хаммонд уставал обычно куда быстрее, чем его неугомонная учительница.

Иногда, чувствуя, что голова начинает распухать от бесчисленных формул, схем, терминов, чертежей, он уговаривал девушку подняться в наблюдательный пункт. Прильнув к окулярам, они любовались то солнечным сиянием, то штормом, то звездным куполом. А затем изнурительные уроки продолжались.

Несколько раз Ива водила Хаммонда на экскурсию в сборочный цех, где днем и ночью шла кропотливая работа по постройке звездолета.

Тем временем в соседней комнате двое техников занимались сборкой психозонда, представляющего собой массивное кресло, густо напичканное сложнейшей электроникой. Хаммонд как-то не утерпел и зашел в лабораторию, чтобы посмотреть, как идут дела.

— Это правда, что врамены сконструировали психозонд, а затем сами передали его хооменам? — спросил он.

Один из техников, алголианин по имени Норт Абел, ответил:

— Да. Враменам было угодно, чтобы официальные власти имели такой прибор. С помощью психозонда нетрудно раскрыть любой заговор. Вот уже несколько веков ни один судебный процесс не проходит без использования результатов психозондирования. Судьи этим очень довольны — хлопот меньше, да и ошибок почти не бывает.

Хаммонд нахмурился.

— Неужели все обстоит так просто? — с сомнением произнес он. — Ива рассказывала, что сильные, волевые люди могут использовать ментальную защиту. Они теряют разум, но психозондирование в этом случае не дает никаких результатов.

Абел снисходительно улыбнулся.

— Врамены предусмотрели все. Насколько я слышал, Кирк, вы уже встречались с действием гипноизлучателя. С его помощью судьи могут подавить волю любого хоомена, а затем выудить из него все необходимые сведения.

— Но у нас ведь нет гипноизлучателя! — возразил Хаммонд. — Так что, если Таяна Марден...

Алголианин кивнул.

— Верно, ее мозг будет разрушен, только и всего. Впрочем, надеюсь, что этого не случится. Мне не жаль высокомерную гордячку ни капельки! Просто обидно, если вся наша работа пойдет скорру под хвост.

Поймав недоуменный взгляд Хаммонда, Абел объяснил:

— Скорр — это домашнее животное, очень распространенное на моей планете. Оно похоже на земного кота.

Эти хладнокровные рассуждения не очень-то понравились Хаммонду. Но он понимал — хоомены патологически ненавидят враменов, так что протестовать было бесполезно. Ему оставалось лишь надеяться, что Таяна не сможет сопротивляться действию психозонда. Если она обо всем расскажет, то они смогут достроить звездолет и выбраться из этой норы. Он был готов лететь хоть на Алтар, хоть к черту на кулички, только бы выбраться из каменного склепа!

Чуть позже Хаммонда ожидал сюрприз. Он пошел в кабинет лидера коммуны, чтобы узнать, как обстоят дела со сборкой психозонда. Дон Вильсон о чем-то оживленно разговаривал с Лангом, рассматривая большой чертеж, расстеленный на столе.

— Хорошо, что вы пришли, Кирк, я уже собирался за вами послать. Как ни странно, Таяна Марден хочет поговорить с вами.

— А что случилось? — изумленно спросил Хаммонд.

Ланг нахмурился.

— Не нравится мне все это. Врамены способны на любую хитрость.

— Согласен, — кивнул Дон Вильсон. — Но с нами Марден не хочет разговаривать. Может быть, вы, Хаммонд, сумеете убедить ее не пытаться защищаться от лучей психозонда? Она очень заинтересовалась вами, узнав, что вы прибыли из далекого прошлого. Врамены вообще помешались на истории древней Земли. Говорят, они собрали обширную библиотеку книг всех эпох и народов, увы, полную «белых пятен».

Хаммонд растерянно сказал:

— Я сделаю все, что в моих силах, но она может догадаться, с какой целью вы послали меня...

— Конечно, она догадается, — сухо заметил Дон Вильсон. — Врамены далеко не глупы, за их плечами опыт долгой жизни. Помните об этом, Кирк, и будьте осторожны.

Охранник, дежуривший около комнаты пленницы, види-

мо, получил уже приказ от Вильсона, поэтому беспрекословно пропустил гостя и сразу же закрыл за ним дверь.

Мягкий свет шарового светильника скупо освещал маленькую комнату с голыми каменными стенами. Обстановка была спартанской, как и в остальных помещениях подземного поселения: стол, два кресла, кровать и платяной шкаф.

Таяна читала какую-то книгу. Заметив Хаммонда, пленница вспыхнула от радости и поднялась ему навстречу, с царственной грацией протянула руку для рукопожатия. Сейчас она не была похожа на высокомерную суперменшу — нет, сейчас перед гостем стояла очаровательная молодая женщина с изящной фигурой и белокурыми волосами до плеч. Короткие шорты так выразительно облегали ее бедра, что Хаммонд невольно облизал пересохшие губы. Он волновался, словно мальчишка на первом в жизни свидании.

Таяна сделал приглашающий жест в сторону другого кресла.

— Садитесь, Кирк, — улыбаясь, сказала она. — Почему вы так испуганно смотрите на меня?

Хаммонд почувствовал, что краснеет. Мысленно выругавшись, он с нарочитой непринужденностью уселся, заложив ногу за ногу.

— Понятия не имею, что меня так смущает, — сказал он с усмешкой. — Может быть, то, что мне никогда еще не доводилось беседовать с бессмертной женщиной.

Таяна села рядом, недовольно поморщившись.

— Бессмертной? Это детские сказки. Хоомены считают так только потому, что мы живем дольше, чем... — Она вдруг запнулась и с любопытством спросила: — Вы ведь не относите себя к хооменам, Кирк?

Он пожал плечами.

— Пожалуй, нет. Но я правильно понял ваши слова — выходит, вы не бессмертны? Сколько же тогда вам лет?

— В земном исчислении немногим более двух сотен, — спокойно ответила Таяна, пытливо глядя на него.

Хаммонд вздрогнул, словно под прелестными чертами красавицы выглянуло нечто нечеловеческое.

По-видимому, его чувства отразились на лице, потому что Таяна нахмурилась.

— Почему вы так поражены, Кирк? — немного раздраженно спросила она. — Как же я тогда должна смотреть на человека, который, если верить его словам, прожил десять тысяч лет?

Справедливость этих слов еще больше смутила Хаммонда, и он резко возразил:

— Прожил? Это слишком сильно сказано, Таяна. Я даже не ощущал, что жив.

— Неужели вы ничего не помните об этой бездне времени? — скептически спросила Таяна.

«Я не помню ничего, кроме снов, — подумал Хаммонд. — Вернее, одного мрачного сна, в котором я, словно мертвый корабль, облетал свои звездные владения, неподвижно восседавая на стальном троне». Но он не стал говорить об этом.

— Нет, я ничего не помню. Господь отнял у меня все, даже память.

Таяна смотрела на него с нескрываемым сочувствием.

— А вы не похожи на самозванца, Кирк.

— Я бы благословил небо, если бы оказался им, — признался Хаммонд. — Но увы, даже недоверчивые хоомены вынуждены мне поверить.

— Поразительно, — прошептала Таяна, не сводя с него взволнованных глаз. — Вы не откажетесь ответить на мои вопросы, Кирк? Как и многие врамены, я очень интересуюсь историей Земли.

— Пожалуйста, — сказал Хаммонд.

И Таяна начала расспрашивать его с неподдельным интересом о двадцатом столетии.

На некоторые вопросы ему уже приходилось отвечать — их задавал Дон Вильсон, но большинство было новых, глубоких, сложных. Некоторые просто ставили его в тупик. Оказалось, что он не так уж много знал о своей эпохе, особенно о политическом устройстве Земли. Зато на вопросы, касающиеся истории космических полетов, Хаммонд отвечал очень подробно, со множеством деталей, известных ему как профессионалу.

Таяна выглядела озадаченной и одновременно очень возбужденной.

— Теперь я почти верю, что вы на самом деле прибыли из далекого прошлого, — призналась она. — Наши историки создали гипотетическую историю прошлого Земли, которая не известна ни одному из хооменов. Ваши ответы во многом совпадают с нашими представлениями о двадцатом столетии, за исключением некоторых деталей. Хотя, возможно, это объясняется только нашими ошибками.

— Гипотетическая история? — удивился Хаммонд. — Разве

вы не могли узнать все о нашем времени из книг, кинофильмов и архивных документов?

Таяна грустно покачала головой.

— Увы, нам мало что удалось собрать. Межпланетная война двадцать третьего века уничтожила все это не только на Земле, но и на Марсе, Венере и в других колониях Солнечной системы. Человечество чудом выжило тогда, людям долгие века было не до истории.

— Межпланетная война? — ошеломленно спросил Хаммонд. — Замечательно! Выходит, вот для чего мы работали, рисковали жизнями — чтобы, выйдя в открытый космос, люди стали уничтожать друг друга... А ныне у Галактики появился хозяин — вы, врамены, которые считают своим правом укачивать людям, куда и когда лететь. Вот к чему привел наш проклятый космический век!

Таяна задумчиво смотрела на него.

— Или вы самый умный самозванец, о котором я только слышала, или ваш фантастический рассказ — все-таки правда. Инженеры утверждают, что ваша спасательная капсула не могла быть изготовлена в этом тысячелетии. — Она замолчала и неожиданно умоляющим тоном добавила: — Послушайте, Кирк. Не позволяйте втянуть себя в заговор хооменов! Это безнадежное дело, все вы зря погибнете.

Хаммонд раздраженно скривил губы.

— Меня тронула забота о моей скромной персоне, но что-то я не очень верю в нее.

Таяна ядовито усмехнулась.

— Неужто вы полагаете, что я так обеспокоена судьбой некоего Кирка Хаммонда? Вы интересны мне прежде всего как выходец из далекого прошлого. Я не хочу, чтобы вы и все ваши бесценные знания вновь канули в вечность.

Хаммонд помрачнел — да, в это можно было поверить, хотя слова для него не очень лестные.

— Не беспокойтесь, Таяна, — недобро сощурившись, сказал он. — Я никуда не исчезну. Когда звездолет будет построен, я навещу ваш таинственный Алтар.

— Чушь! — резко возразила Таяна. — У вас не будет и одного шанса из миллиарда! Мы охраняем все подходы к Трифидам. И даже если вы каким-то чудом попадете на нашу планету, то... — Она внезапно замолчала.

— То что? — с любопытством спросил Хаммонд.

Но Таяна взяла себя в руки.

— Ни вы, ни хоомены ничего не узнаете от меня, — сдержанно ответила она. — И никакой психозонд вам не поможет.

— Вы не боитесь потерять разум? — удивился Хаммонд.

Таяна с легкой улыбкой покачала головой.

— Вам не переубедить меня, Кирк, и не пытайтесь. Но я хотела бы спасти хооменов и прежде всего вас от нелепой, бессмысленной гибели.

Она неожиданно положила ладонь ему на руку. Хаммонд вздрогнул и инстинктивно отдернул ее.

Таяна невесело рассмеялась.

— Так вы уже научились у хооменов ненавидеть нас? Вы тоже считаете нас чудовищами?

Хаммонд смутился и пробормотал что-то нечленораздельное, но Таяна Марден больше не смотрела на него.

Опустив глаза, она явно огорченно о чем-то задумалась. Хаммонд невольно почувствовал симпатию к этой прелестной женщине, которая волей судьбы оказалась по другую от него сторону баррикады.

— Неужели вы сделаете такую глупость и позволите разрушить ваш мозг? — тихо спросил он.

— Я же говорила — не хочу помогать этим безумцам хооменам лететь к Трифидам.

— Но они, то есть мы, все равно полетим туда! — воскликнул Хаммонд. — Ваша жертва будет напрасной, Таяна.

Женщина-врамен внезапно посмотрела на него таким взглядом, что у Хаммонда сильно забило сердце.

— Почему вас заботит то, что случится с таким чудовищем, как я? Неужто вы испытываете ко мне не только отвращение?

Таяна поднялась с кресла и, подойдя к Хаммонду, присела на корточки так, что их лица оказались маняще близко. Тонкий аромат ее белокурых волос, ласковый взгляд серых глаз окончательно заворожили Хаммонда. Ее сочные губы...

— Неужели я совсем вам не нравлюсь, Кирк? — еле слышно прошептала она.

Не осознавая, что делает, Хаммонд обнял женщину за плечи и поцеловал. Губы Таяны были неожиданно холодными и упругими. Опомнившись, Хаммонд отпрянул.

Таяна смотрела на него с нескрываемым триумфом, но ее слова оказались для него ушатом холодной воды.

— Как вы осмелились поцеловать меня, вы, необузданный дикарь? — гневно воскликнула она, вскакивая на ноги.

Хаммонд не сразу нашелся, что ответить.

— Простите, Таяна, я сам не знаю, что со мной происходит, — пробормотал он. — Но вы меня спровоцировали...

— Я? — возмутилась Таяна, хотя в ее глазах сверкали насмешливые огоньки. — Какая чушь! Впрочем, я напрасно обвиняю вас, принимая за цивилизованного человека. Это не оскорбление, Кирк, это только констатация очевидного факта. Простите меня, я была не права, забыв, что вы человек совсем другого времени.

Последние слова окончательно сбили Хаммонда с толку. В этой восхитительной женщине были странно смешаны лед и пламя, и это делало ее еще более привлекательной.

— Я просто не хочу, чтобы ваш разум был разрушен, — еще раз повторил он.

— Хватит, — твердо сказала Таяна. — Но я рада, что вы навестили меня, Кирк. Приходите, если возникнет желание. Мы еще раз потолкуем о вашей эпохе, она меня очень интересует.

Хаммонд почувствовал огромное облегчение, когда охранник захлопнул за ним дверь. Задумавшись, он не спеша пошел в сборочный цех, где и встретил Дона Вильсона.

Лидер коммуны хооменов внимательно выслушал его рассказ о встрече с Таяной Марден.

— Я не сомневался, что врамены тщательно охраняют все подходы к Трифидам. Но что имела в виду Марден, когда намекала о каких-то других опасностях, которые ждут нас на Алтаре? Она больше ничего не говорила об этом?

— Ничего, — покачал головой Хаммонд. — Она запнулась, словно поняв, что коснулась какой-то очень важной тайны, которую нам знать нельзя. У меня сложилось впечатление, что она попросту сделала промах.

— Врамены редко делают промахи, — скептически заметил Вильсон. — Она могла попытаться сбить нас с толку этими туманными намеками.

— Я могу еще раз встретиться с ней, — охотно предложил Хаммонд. — Кажется, она будет рада вновь поговорить со мной о двадцатом веке.

Дон Вильсон поджал губы, с сомнением глядя на него. Хаммонд ответил ему простодушным взглядом, хотя с трепетом ждал ответа, словно он значил что-то важное для него. Но ответ Вильсона оказался совершенно неожиданным.

— Норт Абел доложил, что психозонд будет готов к завтрашней ночи. На следующее утро мы начнем допрос Мар-

ден, и если она попытается использовать ментальную защиту, то сурово поплатится.

Хаммонд спрятал руки в карманы, чтобы Вильсон не заметил, как они задрожали.

— Не вижу в вашей несгибаемой позиции никакого смысла, — сказал он, стараясь не выдать своего волнения. — Таяна — мужественная женщина, и запугать ее вам не удастся. Но убедить ее, по-моему, можно. Я готов попробовать еще раз спасти и наше дело, и эту упрямыцу.

После долгих размышлений Дон Вильсон неохотно согласился.

— Хорошо, встретитесь с Марден еще раз. Я скажу охране, чтобы вас пропустили к ней завтра во второй половине дня. — Он посмотрел на Хаммонда пронизательным взглядом и добавил: — Вам не нравится, что мы вынуждены прибегнуть к психозондированию?

Хаммонд кивнул.

— Да, я думаю об этом с ужасом. В моем веке не было ничего подобного, и слава богу. Мне не хочется, чтобы от жуткого прибора пострадал любой человек, даже врамен.

— А вы думаете, мне это очень нравится? — проворчал Дон Вильсон. — Гурт Ланг и еще несколько наших товарищей пытаются ненавистью к враменам — у них есть личные причины на это. Я же всегда готов пойти на компромисс. Но что делать, хотим мы или нет, будущее нашего дела во многом находится в руках Таяны Марден. Мы не имеем права отступать даже перед самыми жестокими методами. Поговорите с ней, Кирк, хуже не будет.

На следующий день Хаммонд с самого утра не мог найти себе места. Он мысленно еще и еще раз перебирал подробности вчерашней встречи и пытался понять, где совершил ошибку. Когда наконец он вновь вошел в маленькую комнату, ставшую для женщины-врамен тюремной камерой, он был настроен очень решительно. Любым способом нужно убедить Таяну согласиться на испытание! И дело здесь не в том, что она ему нравится, а просто он исходит из принципов гуманности.

Обо всем этом Хаммонд и сказал в своей небольшой, но тщательно обдуманной речи. Таяна внимательно выслушала его, а затем, к его огорчению, упрямо покачала головой.

— Спасибо за заботу, Кирк, я не собираюсь сдаваться.

— Вы говорите так, словно хоомены собираются оккупировать ваш родной Алтар! — взорвался от негодования Хам-

монд. — Дело обстоит совершенно иначе! Хоомены хотят, чтобы вы поделились с ними секретами вечной жизни — разве это так уж несправедливо? Врамены когда-то были обычными людьми и лишь случайно обнаружили на Алтаре животворный источник. Почему же вы узурпировали право на вечную жизнь?

— Потому что в ней есть ужасные стороны, о которых хоомены даже не подозревают, — глухо сказала Марден, опустив глаза.

— Так расскажите о них открыто! Может быть, это образумит хооменов и они оставят вас в покое! — в сердцах воскликнул Хаммонд.

Таяна только горько усмехнулась.

— Вы плохо знаете хооменов, Кирк, — сказала она. — Это их не остановит. Страх близкой смерти затмит разум любому, и никакие доводы не будут слушать. На Земле до сих пор в ходу древняя поговорка «После меня хоть потоп». Вот мы и не хотим, Кирк, чтобы из-за нецивилизованности хооменов Галактику когда-то затопил поток ужаса. Так что мне остается одно — любыми путями помешать им попасть на Алтар. И никакой психозонд меня не остановит.

Хаммонд не понял, что имела в виду Таяна. Он испытывал отвратительное чувство бессилия перед этой твердой как камень женщиной.

— Как знаете, Таяна, — раздраженно ответил он. — Я умываю руки!

Но он не мог встать и уйти, что-то его удерживало.

Таяна долго изучающе смотрела на Хаммонда, а затем слегка улыбнулась.

— Вы ведь не хотите, чтобы из меня сделали жалкую идиотку, Кирк?

— Я никому этого не пожелаю, даже врагу, — глухо ответил Хаммонд, отводя взгляд.

— А вам я ведь и не враг, верно? По-моему, я даже немного нравлюсь вам, Кирк... Вы мне тоже очень симпатичны. Надеюсь, вы поможете мне спастись от ужасной участи, которую приготовили для меня хоомены.

Хаммонд изумленно посмотрел на нее, но Таяна только рассмеялась, глядя на его озадаченное лицо.

— Не бойтесь, я не собираюсь уговаривать вас устроить для меня побег. Я отлично понимаю, что даже при желании вы не сможете сделать это.

— Тогда чем же я могу помочь?

Таяна наклонилась к нему и зашептала в ухо, так что Хаммонд вновь почувствовал аромат ее волос:

— Психозонд — изобретение наше, враменов. Мы научили хооменов собирать этот прибор из стандартных электронных блоков, но на всякий случай предусмотрели кое-какие маленькие хитрости. Если вы откроете заднюю стенку психозонда, то обнаружите небольшую коммутационную панель с двенадцатью пронумерованными штекерами. Хоомены полагают, что она служит для наладки генератора, и это верно. Но только мы, врамены, знаем, что с помощью панели можно существенно изменять характеристики электромагнитной диаграммы луча. Если вы переставите штекер два в гнездо четыре, штекер четыре — в гнездо шесть, а штекер шесть совсем вынете, то я буду спасена. Луч психозонда не пробьет мою ментальную защиту, и мой мозг уцелеет.

Хаммонд схватился за голову.

— Поймите, Таяна, я же добровольно принял сторону хооменов, а вы предлагаете мне их предать!

Таяна пожала плечами.

— Это можно назвать и так, — согласилась она. — Выберите, Кирк. Хоомены в любом случае не получат от меня никакой информации. Вы же в силах сохранить мой разум, если захотите, конечно.

Хаммонд застонал от отчаяния.

— Нет, я не могу изменить людям, которые спасли меня. Ваша судьба зависит не от меня, а от вашего фанатичного упорства. За него я не отвечаю!

К его удивлению, Таяна не стала настаивать на своем.

— В одном вы правы, Кирк: вы не можете отвечать за мои поступки, — мягко сказала она. — Остается лишь сожалеть, что судьба отдала вас в руки безумцев.

Женщина улыбнулась и ласково погладила расстроенного донельзя гостя по плечу.

— Ладно, оставим эту тему, все равно изменить ничего уже нельзя. Давайте лучше поговорим в последний раз о двадцатом веке. Вчера вы начали рассказывать о подготовке полета на Луну.

Хаммонду ничего не оставалось делать, как отвечать на жадные вопросы Таяны Марден. Казалось, ее совсем не заботило, что назавтра все эти сведения ничего не будут значить для нее...

Ни разу они не возвращались к теме психозондирования, и

только когда Хаммонд собрался уходить, Таяна грустно сказала:

— Я думаю, нам надо попрощаться, Кирк. Не до завтра, а навсегда.

Хаммонд вздрогнул и оперся рукой о дверь. Он и сам думал об этом ежеминутно.

— Не расстраивайтесь так, — продолжала Таяна с очаровательной улыбкой, которая буквально разрывала сердце гостю. — В конце концов, кто я для вас? Мимолетная знакомая, снежинка на ладони — один миг, и меня уже нет. И все же я осмелюсь напоследок кое о чем попросить вас.

Хаммонд пробормотал:

— Поймите, я не смогу отговорить хооменов...

— О, нет, я прошу совсем о другом! После того как психозонд разрушит мой мозг, мне не хотелось бы владеть жалкое существование безумной, никому не нужной женщины. Попросите Дона Вильсона, чтобы он дал мне яд или большую дозу снотворного... что угодно. Неужели даже такое чудовище, как я, не заслуживает толики человеческого милосердия?..

Хаммонд не помнил, как оказался в своей комнате. Уткнувшись лицом в подушку, он пытался заснуть, но не мог. Мысль о Таяне Марден не выходила у него из головы.

Вечером ненадолго заглянул Дон Вильсон. Узнав, что Марден продолжает стоять на своем, он молча ушел, даже не слушая просьб Хаммонда отменить зондирование.

К ночи Хаммонд совсем извелся. Он проклинал судьбу, которая забросила его в это жестокое, сумасшедшее время. Да, люди сделали большой шаг, их научный и технический уровень был несравним с допотопным двадцатым веком. Человечество завоевало звезды и расселилось по всей Галактике. И все же человеческие пороки не исчезли за прошедшие тысячелетия, напротив, многие из них расцвели пышным цветом.

Нет, к дьяволу, он умывает руки! Не он виноват, что «светлый мир будущего» оказался таким варварским. Он не мог ничего изменить, зачем же попусту терзаться?

И все равно с каждым часом Хаммонд чувствовал себя все хуже и хуже. Наконец он поднялся с кровати и, не надевая башмаков, вышел в коридор. О том, что делает, он старался не думать.

Вокруг было тихо, подземная коммуна спала. Выждав еще несколько минут, Хаммонд торопливо пошел в лабораторию. К счастью, там никого не было, даже охраны. При тусклом свете лампы он открыл заднюю стенку «кресла» и переставил

штекеры — так, как научила его Таяна. Затем вернулся в свою комнату и почти сразу же заснул.

Проснулся он позже обычного и некоторое время лежал, глядя в каменный потолок. На сердце было удивительно легко, и совесть его больше не беспокоила. О том, что он совершил предательство по отношению к своим товарищам, Хаммонд старался не думать.

Вскоре к нему в дверь тихо постучались. Это пришла Ива Вильсон. Глаза ее были испуганы, лицо казалось еще бледнее обычного.

— Кирк, они повели Таяну в лабораторию, — сказала девушка с грустью.

— Вы хотите пойти посмотреть? — спросил Хаммонд, торопливо поднимаясь с кровати.

Ива отвернулась, пока он одевался.

— Нет. Я с детства ненавижу враменов и эту высокомерную гордячку Марден тоже, но... Но я не хочу смотреть, как пытаются человека, кто бы он ни был!

Хаммонд не стал уговаривать девушку и, оставив ее в своей комнате, быстро пошел в лабораторию.

Там было полно людей. Мало кто из хооменов разделял чувства Ивы, и все свободные от вахты пришли полюбоваться на мучения ненавистного врага.

Таяна спокойно стояла в центре комнаты рядом с торжествующим Лангом и озабоченным Нормом Абелом. Женщина пылливо взглянула на вошедшего Хаммонда, но ничего не сказала.

— Последний раз предупреждаю вас, Марден, — произнес Ланг. — Если вы все-таки вздумаете использовать ментальную защиту, то все последствия такого шага будут на вашей совести.

Таяна даже не взглянула на него. Норт Абел с мрачным видом подвел ее к креслу психозонда.

Таяна села без приглашения и молча позволила пристегнуть ремнями свои руки к подлокотникам. Ее лицо не дрогнуло даже тогда, когда явно нервничающий Абел водрузил ей на голову округлый металлический шлем.

— Не вздумайте защищаться, Марден, — предупредил он. — Все готово, Дон Вильсон.

— Включайте, — хладнокровно сказал Ланг.

Абел подошел к контрольной панели и защелкал выключателями.

В зале повисла напряженная тишина. Было слышно лишь

гудение прибора и шум печатающего устройства, которое толчками стало выталкивать из себя ленту, густо заполненную цифрами.

Хаммонд почувствовал, что его сердце бешено забилося. Похоже, он совершил какую-то ошибку. Неужто он перепутал штекеры? Лицо Таяны Марден покрылось смертельной бледностью, ее дыхание стало едва заметно. Неужели...

Норт Абел взял в руки ленту и впился в нее взглядом.

— Черт побери, я не понимаю, что происходит, — озадаченно пробормотал он.

Хаммонд с облегчением вздохнул.

По спиральной лестнице, ведущей из наблюдательного поста в соседний сборочный зал, гулко застучали чьи-то торопливые шаги. Вскоре в лабораторию вбежал один из дежурных.

— Что происходит? — закричал он. — Наши радары зарегистрировали мощный радиолуч, направленный в сторону Ру-роома. И этот луч исходит из лаборатории!

Хоомены с изумлением переглянулись.

— Дарк, вы, должно быть, ошиблись, — ответил Дон Вильсон, заметно побледнев. — Сейчас здесь включен один лишь психозонд, да и он надежно экранирован.

— Я не ошибся! — заорал наблюдатель. — Выключайте проклятый прибор, пока врамены со всей Земли не слетелись к нам в гости!

Внезапно Гурт Ланг с проклятием подбежал к застывшему на месте Абелу.

— Выключайте психозонд, вы, идиот! Немедленно выключайте!

Алголианин недоуменно посмотрел на него, но тем не менее беспрекословно подошел к контрольной панели. Вскоре гудение прибора стихло. Таяна Марден открыла глаза и с легкой насмешкой обвела взглядом озадаченных хооменов, столпившихся вокруг нее.

— Вы говорили нам, что психозонд настроен правильно! — орал тем временем Ланг, наступая на побледневшего Абела. — Откуда же появился мощный радиолуч?

Абел растерянно покачал головой.

— Не может быть, — пробормотал он. — Я сам вчера вечером проверил коммутационную панель и ручаюсь, что все было нормально...

Только сейчас Хаммонд осознал, что произошло. Ему показалось, что каменный потолок рухнул на него, засыпав гру-

дой обломков. Он с ненавистью посмотрел на спокойно сидящую в кресле Таяну Марден.

— Что вы стоите, словно истукан! — продолжал бесноваться Ланг. — Проверьте психозонд, болван!

Абел дрожащими руками вскрыл заднюю панель и через минуту выпрямился с удивленным воплем.

— Кто-то переставил штекеры! Возможно, этим было включено передающее устройство. До сих пор я и понятия не имел, что оно встроено в психозонд. Вы же знаете, Ланг, мы только в общих чертах разбираемся в его устройстве. По-видимому, хитрецы-врамены приготовили нам сюрприз...

— Дьявол... — прошептал Хаммонд, невольно шагнув со сжатыми кулаками к пленнице, на лице которой появилась довольная улыбка.

Ланг заметил это.

— Так это вы сделали, предатель? — угрожающе воскликнул он. — Посмотрите на этого чужака, да на его лице все написано! Я предупреждал — нельзя разрешать ему беседовать с пленницей наедине.

Внезапно он зарычал от бешенства и, бросившись на Хаммонда, вцепился ему в горло.

Хаммонд боролся изо всех сил. Толпа разъяренных хооменов вскоре сомкнулась вокруг них. К Хаммонду тянулись десятки рук, воздух сотрясаясь от проклятий. Он был на краю гибели.

И вдруг все стихло. Ланг со стоном отпрянул от него, ошеломленно оглядываясь.

Хаммонд услышал, как в голове зазвучал чей-то сильный холодный голос. Нечто подобное он уже испытывал однажды, когда они с Куоббой прятались за валуном от враменов. Враменов?!

«Сложите немедленно оружие, хоомены», — раздались слова в голове.

На лестнице, ведущей вниз из наблюдательного пункта, вновь зазвучали шаги. Полдюжины незнакомых мужчин ворвались в лабораторию. Двое из них держали в руках шаровидный прибор, излучающий иглистые голубые лучи.

«Похоже, это и есть гипноизлучатель, — подумал Хаммонд, не имея сил двинуться с места. Все остальные хоомены были также парализованы. Никто из них не носил металлического тюрбана на голове и не мог противиться приказам противника.

— Врамены... — простонал Дон Вильсон, с тоской глядя застывшими глазами на неожиданных гостей.

«А теперь спите, — приказал безжалостный голос, лишенный каких-либо эмоций. — Спите!»

Хоомены стали безвольно опускаться на пол и засыпать. Темнота обрушилась на мозг Хаммонда, и он провалился в пучину небытия.

Глава 8

Когда Хаммонд очнулся, он ощутил необычный прилив сил и бодрости. Впервые после его странного появления в мире будущего тело наполнилось энергией. Даже прежде, в родном двадцатом веке, он редко был в такой блестящей форме, как сейчас.

Открыв глаза, Хаммонд озадаченно огляделся. Он лежал на низкой и мягкой кушетке. Рядом на высокой подставке сиял розовый шаровой светильник. Три стены и потолок небольшой комнаты были сделаны словно бы из полупрозрачного зеленого фарфора, а четвертая была полностью прозрачной. И она сияла ослепительным солнечным светом!

Хаммонд улыбнулся — он так давно не видел солнца! — как вдруг память разом вернулась к нему. И он не смог сдержать крика ужаса.

— Врамены! Я в руках враменов!..

Но это было не самое плохое. Куда хуже было то, что именно он послужил причиной всех бед. Таяна Марден провела его, словно ребенка. Она сумела вскружить ему голову, а затем убедила включить передатчик, который и привел враменов в подземное убежище. Им не стоило большого труда с помощью гипноизлучателя заставить хооменов сдаться. И вот теперь все они находятся в руках коварных и безжалостных врагов.

Хаммонд вскочил на ноги и подбежал к единственной двери в комнате. Она оказалась закрытой, на его стук и крики никто не отозвался. Сбитый с толку, Хаммонд подошел к прозрачной стене и со сдавленным криком отшатнулся.

Он находился на одном из верхних этажей гигантского небоскреба и наблюдал потрясающую панораму современного мегаполиса, разительно отличающегося от известных Хаммонду городов Земли двадцатого столетия. В этом городе было не более ста зданий, но каких! Каждое не менее мили вы-

сотой — сложный конгломерат стеклянных труб, соединенных между собой бесчисленными прозрачными переходами. Здания-гиганты сияли под лучами солнца так, что Хаммонд невольно прищурился.

Приглядевшись, он увидел, что на каждом небоскребе находятся многочисленные «листья» — посадочные площадки. В голубом небе роились сотни флайеров, не издавая почти никакого шума.

— Руроома, — прошептал потрясенный Хаммонд. — Но это значит...

А это значило, что он и его друзья хоомены из подземного убежища привезены в город. Игра Дона Вильсона бесповоротно проиграна.

Хаммонд застонал от отчаяния. Судьба вновь посмеялась над ним. Надо же было так случиться, что один из первых астронавтов Земли по собственной глупости отдал сторонников свободы космоса в руки ненавистных хозяев Галактики!.. Но где находится его товарищи по несчастью?

Дверь позади открылась, Хаммонд резко обернулся. Увидев Таяну Марден, он напрягся, готовясь к прыжку. Во всем виновата она, проклятая лживая красавица!

Но Таяна остановила его первыми же словами:

— Предупреждаю: если вы броситесь на меня, Кирк, то немедленно будете парализованы.

Она выразительно подняла руку, в которой сжимала небольшую пластиковую трубку шокера. Хаммонд остановился, весь дрожа от гнева. Несмотря на обуревавшие его чувства, он не мог не отметить, что сейчас Таяна Марден выглядела как никогда прекрасной. Она была одета в куртку и шорты из темного шелковистого материала, подчеркивающие изящество фигуры. На груди женщины мерцало ожерелье из зеленых камней, а волосы были стянуты на затылке сверкающей лентой. Только лицо Марден оставалось прежним — холодным и непроницаемым.

— Что вы сделали с Вильсоном и остальными хооменами? — едва сдерживая ярость, спросил Хаммонд.

Таяна равнодушно пожала плечами.

— Кажется, с ними все нормально. Они, так же как и вы, вот уже четыре дня находятся в этом здании, ожидая заседания суда.

— Четыре дня? — ошеломленно пробормотал Хаммонд, на минуту забыв о своей ненависти. — Неужели прошло так много времени?

Таяна слегка улыбнулась.

— Да, вы долго спали, Кирк. Когда наши медики обследовали вас, то обнаружили, что организм еще не полностью восстановился от анабиоза. Они рекомендовали несколько дней продержаться под терапевтическим облучением.

Она кивнула в сторону розового светильника, который Хаммонд поначалу принял за обычный торшер.

Он хмуро кивнул в знак благодарности, но затем вновь вернулся к вопросу о своих друзьях:

— Вы сказали, что Дон Вильсон и остальные в полном порядке. Как вы можете доказать, что не лжете?

— Мы, врамены, никогда не прибегаем к обману, — высокомерно ответила Таяна.

— Замечательно! Выходит, вы не надули меня, когда попросили перестроить психозонд?

— Ничего подобного! Я сказала только, что если хотите спасти мой разум, то вам надо переставить штекеры на коммутационной панели. В чем же я солгала вам?

— Но вы не объяснили, что тем самым вызовете на помощь ваших друзей! — взорвался Хаммонд. — Разве это не та же гнусная ложь?

— По-моему, нет, — ледяным голосом парировала Таяна. — Я просто умолчала о конкретных деталях моего спасения. Кроме того, ситуация была экстремальной. Я заботилась не только о себе, но и о ваших друзьях-хооменах. Для их же блага ни в коем случае не стоит пытаться попасть на Алтар!

— Ловко, — грустно усмехнулся Хаммонд. — Выходит, вы ни в чем не виноваты... Вы умело сыграли на моей симпатии к вам, а затем попросту провели, как мальчишку. Я свалил дурака, поддавшись вашему дьявольскому обаянию! Забыл, что под внешностью молодой красавицы скрывается существо, которому от рода больше двух сотен лет и которое, быть может, вообще не является человеком...

Ему хотелось как можно сильнее ударить Таяну словами, и он достиг своей цели. Женщина-врамен отшатнулась, ее щеки побледнели. Когда она заговорила, в ее голосе явно ощущалась тоска:

— Что ж, вы имеете право так говорить... Но, может, вас интересует, почему же я пришла?

— Сказать, что меня будут судить вместе с остальными хооменами? — недобро сощурившись, спросил Хаммонд.

— Нет, пока вам лично ничего не грозит, Кирк. Возможно, вы еще способны перевоспитаться — по крайней мере, я на

это надеюсь. Теперь мы убедились, что вы не самозванец, а действительно выходец из далекого двадцатого века, и поэтому...

— Подождите, я что-то не понял, — прервал ее Хаммонд. — Как вы могли узнать об этом?

— Мы исследовали вас психозондом, пока вы спали, — спокойно объяснила Таяна.

Хаммонд почувствовал новый прилив гнева.

— Что? Вы использовали эту дьявольскую штуку на мне? — заорал он. — Да как вы посмели копаться у меня в мозгах?!

— Обычная процедура с подследственным перед судом, — пожала плечами Таяна.

— Надеюсь, вам было приятно узнать, как я отношусь к врагам, — ядовито заметил Хаммонд, но Таяна не обратила на его слова никакого внимания.

— Да, мы многое узнали о вас, Кирк, — спокойно сказала она. — Однако психозонд может зарегистрировать только самые доминирующие мысли и эмоции человека. Нас больше всего интересовала та часть ваших воспоминаний, которая касалась неизвестных нам до сих пор деталей быта двадцатого века.

Женщина подошла к нему ближе и так ласково улыбнулась, что сердце Хаммонда невольно дало сбой и вся его злость сразу куда-то улетучилась. Но слова Таяны прозвучали сухо и практично:

— Вы обладаете очень важной для нас информацией о прошлом Земли. Если вы согласитесь сотрудничать с нами, то это останется тайной для хооменов.

— Ни за что! — отрезал Хаммонд. — Я и пальцем не пошевелю ради вашей проклятой расы суперменов! Предпочитаю разделить судьбу Дона Вильсона и его товарищей.

Таяна недовольно поморщилась.

— Вы просто ослеплены гневом, Кирк, и этим вас заразили хоомены. Они ненавидят нас, хотя мы никогда не мешали им, напротив — во многом им помогали.

— Почему же вы тогда не хотите посвятить их в секрет долготетия? — резонно возразил Хаммонд.

Таяна устало посмотрела на него.

— Я вижу, Кирк, вы не желаете слушать никаких доводов. Вы переняли нелепые предубеждения у своих новых товарищей. И к тому же обижены на меня: вам кажется, что я обманула вашу любовь.

— Любовь? К кому?.. — пробормотал Хаммонд недоуменно

и, вдруг поняв, расхохотался. — Что за чушь! С чего вы решили, Таяна, что я в вас влюблен? Вы мне нравитесь, не спорю, вы очень красивая и таинственная женщина, но...

— Вы забыли, что мы исследовали ваш мозг психозондом, — со снисходительной улыбкой перебила его Таяна. — Я изучила полученные записи и узнала, что вы влюбились в меня с первой же встречи. Однако предубеждения к нам, врагам, заставили вас невольно оттеснить это чувство в область подсознания.

Хаммонд застыл, ошеломленный, не находя слов, чтобы возразить самоуверенной красавице. Таяна еще раз улыбнулась и, не прощаясь, вышла из комнаты.

Хаммонд был одновременно расстроен и разгневан. Черт побери, много ли стоят показания этого хваленного психозонда? Да, он, несомненно, чувствовал влечение к Таяне — любовью мужчина мог бы понять его. Но физическое влечение и любовь — вещи разные. Таяна Марден не была человеком в полном смысле этого слова, она принадлежала к иному виду разумных существ и поэтому ошиблась, приняв слабенький огонек свечи за извержение вулкана. Влюбиться в двухсотлетнюю женщину, больше похожую на живой компьютер, чем на человека...

Надо же вообразить подобное!

Час спустя в комнату вошли двое молодых людей в черных кителях с эмблемами в виде множества золотых дисков. Хаммонд знал, что это знак принадлежности к службам Федерации Солнца. Врамены не занимали официальных должностей в этой организации, значит, перед ним были хоомены.

Один из юношей сказал вежливо:

— Пожалуйста, следуйте за нами. Мы проводим вас на заседание суда.

Хаммонд не видел у гостей оружия, но не сомневался, что оно у них есть. Пожав плечами, он демонстративно заложил руки за спину и вышел из комнаты.

Коридор был широким и изогнутым, его стены напоминали подсвеченное изнутри зеленое стекло. Вскоре Хаммонд увидел впереди группу людей — это были Дон Вильсон, Ива, Куобба и еще несколько пленников. Охранники в черной форме оцепили их тугим кольцом и вели, по-видимому, тоже в зал заседаний суда.

Хаммонд убыстрил шаг и догнал своих недавних друзей. Некоторые из них обернулись и посмотрели на него, словно на пустое место.

— Дон Вильсон! — обрадованно крикнул Хаммонд. — Как у вас дела? Я опасался, что вас...

Его слова повисли в тишине. Большинство хооменов, даже Ива и Куобба, избегали смотреть на него, и лишь Ланг ответил ему взглядом, полным лютой ненависти.

— Я знаю, о чем вы думаете, — продолжил Хаммонд с отчаянием в голосе. — Поверьте, я не хотел предавать вас, это произошло случайно.

Сопровождавший его охранник положил ему на плечо тяжелую руку.

— Вам не разрешено разговаривать, хоомен.

Дойдя до конца коридора, все вместе вошли в просторную кабину лифта, начавшего спуск с неожиданной скоростью. Хаммонд оказался рядом с Ивой и не преминул этим воспользоваться.

— Ива, вы верите, что Таяна Марден обманула меня? Я не собирался предавать вас!

Девушка грустно взглянула на него и отвела взгляд.

— Отец и все остальные думают иначе, — уклончиво ответила она.

Лифт остановился, и охранники повели хооменов в обширный зал. Он отличался редкой красотой: пол напоминал поверхность тихого озера перед закатом, примыкающие к нему стены были внизу темно-серыми, а выше начинали постепенно светлеть, переходя под потолком в ослепительно белый цвет. Множество концентрических рядов было заполнено хооменами.

На высокой трибуне сидел судья в черной мантии с эмблемой Федерации Солнц на груди; такая же эмблема, только огромная, занимала большую часть стены позади. Хаммонд не заметил в зале ни присяжных, ни прокурора, ни адвокатов, характерных для суда двадцатого столетия.

В одном из передних рядов Таяна Марден сидела рядом с тремя мужчинами, отличающимися надменным и бесстрастным выражением лиц. Они носили сияющие ожерелья, которое он уже видел на Таяне.

— Проклятые врамены пришли сюда, чтобы полюбоваться, как нас задушат их жалкие прислужники судьи, — проворчал Куобба, указывая Таммасу в их сторону.

Пленников подвели к трибуне, и Хаммонд услышал в зале удивленный гул голосов. Оглянувшись, он понял, что все смотрят на него, как на диковинку. По-видимому, слухи о его странном появлении из глубин прошлого успели расползтись по

городу. Судья также смотрел на него с неподдельным интересом.

— Заседание суда объявляется открытым, — произнес он суровым, чуть хриплым голосом. — Рассматривается дело группы хооменов под предводительством Дона Вильсона. Подсудимые, вы обвиняетесь в попытке нелегально построить звездолет, нарушив тем самым законы Федерации Солнц. Кроме того, вы обвиняетесь в убийстве двух враменов, чей флайер вы сбили над побережьем во время патрульного полета. Вы также обвиняетесь в насильственном захвате в плен врамена Таяны Марден и в попытке допроса с помощью психозонда вопреки ее желанию.

Судья перелистал какие-то бумаги, лежащие на столе, и продолжил:

— Передо мной находятся официальные результаты вашего психозондирования, которые доказывают перечисленные выше обвинения. Суд предоставляет вам возможность ознакомиться с ними и готов рассмотреть ваши протесты, если таковые возникнут.

Дон Вильсон выступил вперед и холодно произнес:

— Нет, мы не собираемся опротестовывать эти данные.

Судья кивнул и обратился к залу:

— Таяна Марден, как потерпевшая и основной свидетель обвинения, вы также имеете возможность изучить результаты вашего психозондирования. Будут ли у вас какие-то замечания на этот счет?

— Нет, — спокойно ответила Таяна.

Хаммонд был потрясен. Судебное заседание шло совсем в ином русле, чем он ожидал. Похоже, изобретение психозонда упростило его процедуру до предела. Вопросы председателя суда были чистой формальностью, ответы подсудимых и свидетелей — тоже. Да и как опротестовывать сведения, добытые прямо из мозга подсудимого! Ни ложь, ни юридические хитросплетения уже не могли спасти преступника, кто бы он ни был.

Судья вновь обратился к Дону Вильсону и его товарищам.

— Таким образом обвинение можно считать доказанным. Вы знаете, что нарушили статью 1 Кодекса, по которой хооменам запрещено строить космолеты без лицензии враменов и без установки на корабле специального ограничителя.

Дон Вильсон резко возразил:

— Мы не считаем эту статью законной. Она, как известно, была включена в Кодекс без обсуждения в Совете Федера-

пии, то есть фактически была навязана вратами. Все доводы о безопасности полетов, которые обычно приводят в ее пользу, звучат настолько бессмысленно, что я даже не хочу их сейчас приводить. — Он повернулся лицом к залу и продолжил: — Уважаемые хоомены! Все мы отлично знаем, что статья 1 Кодекса преследует совсем иную цель — не допустить жителей Федерации в туманность Трифид, где на планете Алтар эгоистичные враты наслаждаются вечной жизнью, не зная ни старости, ни болезней. Миллиардам хооменов с других планет Кодекс законов запрещает любую попытку уйти от безжалостной смерти! Разве это справедливо?

В зале покотился сочувственный шепот. Видимо, простые граждане разделяли взгляды Дона Вильсона. Таяна Марден и ее спутники-враты никак не отреагировали на слова лидера бунтарей, их лица по-прежнему оставались спокойными и холодными.

— Правильность нашего соглашения с вратами здесь не обсуждается, подсудимый Вильсон, — недовольно сказал судья, повышая голос. — Федерация Солнца добровольно пошла на эту небольшую уступку в благодарность за все то, что враты сделали для цивилизации хооменов. Итак, вы нарушили Кодекс и не смогли привести никаких веских аргументов в свою защиту. Суд постановляет признать вас виновными в нарушении статей 1, 14 и 134 Кодекса и приговаривает вас к ссылке на тюремную планету в системе звезды Спика.

Со спокойным достоинством Дон Вильсон ответил:

— Мы не ожидали другого решения суда. Но рано или поздно настанет день, когда доминирующему положению вратов в Галактике придет конец. Секрет вечной жизни не может принадлежать только одной расе человечества, пусть и самой могущественной!

Вновь в зале прокатилась волна приглушенных голосов. На этот раз в них слышалось не только сочувствие, но и разгорающийся гнев. Однако судья сделал вид, будто ничего не слышит.

— Повторяю, решение суда окончательно и обжалованию не подлежит. Однако по отношению к подсудимому по имени Кирк Хаммонд может быть применена и другая, более мягкая мера наказания. Присутствующие здесь враты хотели бы пояснить свою особую позицию к этому обвиняемому.

Таяна Марден поднялась и, взглянув на огорченное лицо Хаммонда, сказала:

— Прошу прощения, уважаемый судья, но обстоятельства

изменились. Кирк Хаммонд отказался от сотрудничества с нами, поэтому мы снимаем просьбу о его помиловании.

Судья нахмурился.

— Жаль, жаль, — произнес он, укоризненно глядя на Хаммонда. — Мне известна ваша удивительная история, обвиняемый. Вы чудом спаслись от неминуемой гибели, попали волей невероятного случая в наше время из далекого прошлого и могли бы стать почетным и уважаемым гражданином Федерации. Увы, психозондирование показало, что вы присоединились к шайке заговорщиков добровольно. Исключительность судьбы не может оправдать вашего преступного участия в злостном нарушении законов. Только вмешательство вратов могло бы спасти вас от сурового наказания. Жаль, искренне жаль...

Судья выжидающе посмотрел на Таяну Марден, и она после некоторого колебания добавила:

— Мы готовы вновь обратиться к Хаммонду с предложением сотрудничать с нашими учеными-историками. Его знания представляют уникальную ценность для Галактики.

Судья слегка кивнул.

— Хорошо. Обвиняемый Кирк Хаммонд, чем вы ответите на это предложение?

Чувствуя на себе пристальные взгляды сотен хооменов, Хаммонд воскликнул с яростью:

— Будь я проклят, если соглашусь на это!

— Что ж, вы сами выбрали свою судьбу, — мрачно сказал судья. — Обвиняемый Кирк Хаммонд, вы также приговариваетесь к ссылке на планету Куум в системе Спика. Однако, если вы со временем передумаете, мы готовы отменить приговор.

Хаммонд вышел из здания суда в шоковом состоянии. Все произошло так быстро, что он еще не мог поверить в то, что отныне ему предстоит владеть жалкую роль заключенного на какой-то отдаленной планете.

По дороге к лифту он пробормотал, ни к кому конкретно не обращаясь:

— Кто знает, можем мы подать апелляцию? Или надеяться на амнистию, или условное наказание, или досрочный выход за хорошее поведение в тюрьме?..

Дон Вильсон обернулся и с холодной усмешкой взглянул на его растерянное лицо:

— Каждые десять лет судебные власти Федерации проводят повторное психозондирование всех заключенных. Если вы-

ясняется, что заключенный полностью раскаялся и даже в подсознании не держит мысль о повторном преступлении, то его могут освободить. Но это не должно беспокоить вас.

— Почему? — сдержавшись, спросил Хаммонд.

— Вы же слышали судью — ворота тюрьмы для вас всегда открыты. Признайтесь, Кирк, ведь вам это обещали как плату за предательство?

Глава 9

Когда-то, бесконечно давно, парнишка из Гайо по имени Кирк глядел на небо и кричал: «Я хочу оказаться там, среди звезд!» И благодаря своему упорству он одним из первых покинул Землю и улетел в космос.

Теперь, тысячи лет спустя, Хаммонд вновь оказался на борту космического корабля. Но это был не крошечный лунный челнок, в котором и повернуться-то было трудно, а огромный бронированный звездолет, напоминающий летающий город.

После окончания судебного заседания осужденных вывели из здания, посадили в небольшие автобусы и повезли в сторону космопорта. Хаммонд приник к окошку и жадно смотрел на проплывающие мимо небоскребы Руроома, на зеленые парки и аллеи, на пожилых хооменов, сидящих в скверах на скамейках... Парки незаметно перешли в лес, и вскоре вдали показалось обширное поле, уставленное ангарами, кранами, доками, между которыми мельтешили сотни машин.

И Хаммонд увидел звездолеты. Они ничуть не напоминали маленькие ракеты двадцатого столетия. Куполообразные корпуса нависали над землей, словно гроззовые облака. Они отдыхали здесь, на древней Земле, от дальних и трудных галактических дорог и залечивали раны на бронированных боках, полученные во время полетов к чужим светилам.

Но больше всего Хаммонда поразили люди. Он увидел разноголосую толпу астронавтов и туристов со всех концов Галактики, с кожей всех цветов и оттенков, начиная со светлосерой и розовой и кончая темно-синей и черной. И двухметровые гиганты типа Куоббы, и коротышки, похожие на Таммаса, — все они были людьми, рассеянными ныне по тысячам звездных островов.

Автобусы остановились около одного из кораблей, и охранники провели осужденных по широкому пандусу внутрь летающего монстра. По дороге к лифту им встретились не-

сколько астронавтов-хооменов; те равнодушно смотрели на заключенных, и только не совсем обычно выглядевший Хаммонд привлек их внимание.

На тюремной палубе, разделенной на множество камер рядами стальных решеток, осужденных усадили в громоздкие антигравитационные кресла и заставили пристегнуть ремни безопасности. Хаммонд выбрал место поближе к иллюминатору и в момент старта прильнул к нему, сгорая от любопытства. Другие хоомены не проявили ни малейшего интереса к тому, что происходило за бортом корабля. Дон Вильсон погрузился в невеселые размышления. Куобба вел с Таммасом какой-то яростный спор, остальные закрыли глаза и дремали.

Хаммонд, напротив, не хотел упустить ни одной детали взлета корабля. Но он мало что увидел. Земля в течение нескольких минут уменьшалась до размера голубого шарика, а затем и ослепительное Солнце превратилось в заурядную желтую звездочку, ничем не выделявшуюся среди тысяч своих галактических собратьев.

И все равно Хаммонд не отрывал глаз от иллюминатора. В какой-то момент он почувствовал, что звездолет словно бы растаял вокруг него и он вновь оказался на своем ледяном троне, закованном в стальную скорлупу. В его остекленевших глазах проплывал хоровод звезд, вспыхивали искры комет, то появлялся, то исчезал голубой отсвет Земли, и так длилось годами, веками, тысячелетиями...

— Кирк!

Чья-то рука с силой тряхнула его за плечо, и чары воспоминаний рассеялись. Он снова оказался на борту звездолета. Рядом с его креслом стояла Ива Вильсон и изо всех сил пыталась оторвать его от иллюминатора. Ее лицо было искажено страхом.

— Кирк, опомнитесь! — сказала она умоляюще. — Вы выглядите сейчас ужасно... словно мертвец...

Хаммонд встряхнул головой, пытаясь сбросить с себя остатки жуткого наваждения.

— Повторился мой старый кошмар... — еле слышно пробормотал он. — Я опять летел один среди звезд...

— Оставь его, Ива, — сурово приказал кто-то. — Этот человек не достоин сочувствия.

К Хаммонду подошли с угрожающим видом Дон Вильсон, Ланг и еще несколько хооменов. Куобба и Таммас стояли в стороне с растерянным видом, словно не знали, что предпринять.

Сердце Хаммонда сжалось. Он огляделся и увидел, что вблизи не было видно ни одного охранника. Надеяться в эту критическую минуту он мог только на себя самого.

— Эй, подождите! — хрипло воскликнул он, лихорадочно пытаясь расстегнуть ремни на груди. — Не теряйте голову, друзья! Я отлично вас понимаю, но и вы должны меня понять. Да, я сделал большую глупость, поверив Таяне Марден, но я не собирался вас предавать!

Суровое лицо Дона Вильсона не смягчилось.

— Ошибка, вы говорите? — переспросил он, остановившись в двух шагах от Хаммонда и сложив руки, сжатые в кулаки, на груди. — Сомневаюсь, что это правда. Я мог бы простить ошибку, сделанную по неведению, но предательство я простить не могу. Вы намеренно дали сигнал врагам, Кирк, чтобы спасти эту проклятую Марден.

— Отец, что ты говоришь! — пролепетала Ива со слезами на глазах. — Этого не может быть!

Краска гнева бросилась в лицо Хаммонду.

— Дьявол, почему вы так решили? — воскликнул он. — Это и глупо, и нелогично. Уж если я такой отъявленный негодяй, каким вы меня хотите представить, то почему я отказался сотрудничать с врагами и променял свободу на тюрьму?

— Это я и сам хотел бы знать, — проворчал Дон Вильсон, с подозрением глядя на него. — Скорее всего, врамы послали вас на Куум в качестве шпиона.

— Что вы несете! — горячился Хаммонд. — У вас нет никаких оснований для гнусных подозрений!

— Так уж и никаких? — неожиданно усмехнулся Дон Вильсон. — Запомните, Кирк, я никогда не бросаю слов на ветер. Перед заседанием суда я попросил ознакомить меня с данными психозондирования всех членов моего отряда, и мне это разрешили. Я убедился, Кирк, что вы по уши влюблены в Таяну Марден!

Слова лидера, словно гром, прозвучали в тюремной камере. Хоомены переглянулись с растерянным видом, не веря своим ушам. Казалось, такого поворота событий не ожидал никто.

— Я же говорил, что этот мерзавец сознательно предал нас! — вдруг завопил Ланг и набросился с кулаками на Хаммонда.

Кирк не ожидал атаки и, не успев отвернуться, получил мощный удар в челюсть. И тут же руки Ланга стальным обручем сомкнулись на его шее. Задышавшись, Хаммонд все же сумел

резким ударом ноги отпихнуть Ланга от себя. Тот взревел от ярости и уже был готов вновь броситься в атаку, но Дон Вильсон схватил его сзади за руки.

— Бросьте, Гурт, вы только все испортите. Сюда скоро сбегутся все тюремщики и разведут нас по отдельным камерам.

Хаммонд вытер кровь с разбитых губ и зло процедил:

— Что мне нравится здесь, в мире будущего, так это простота, с которой принимаются все решения. Суд, состоящий из одного-единственного судьи, осудил всех за каких-то десять минут. А теперь и вы, Вильсон, действуете в таком же лихом стиле. Поймите, я никогда не любил и не люблю Таяну Марден, что бы ни говорил ваш чертов психозонд!

Вильсон сухо ответил:

— Ошибки при психозондировании исключены, Кирк. Да и не это самое главное. Намеренно ли вы послали сигнал врагам или нет, вы не заслуживаете больше доверия. И мы посчитаемся с вами — но не здесь и не сейчас...

Он повернулся и пошел к своему креслу. Остальные хоомены тоже разошлись, бросая на бывшего товарища злобные взгляды, не обещавшие ему ничего хорошего.

«Ну и дьявол с ними, — подумал с раздражением Хаммонд. — Тупоголовые хоомены не верят ничему, кроме своих приборов! В конце концов врамы выглядят куда умнее и интеллигентнее, чем эти ущербные, озлобленные существа. С ними вполне можно иметь дело».

Но когда он вспомнил о Таяне Марден, его намерения сразу же изменились. Нет, он не доставит такое удовольствие этой ледяной лживой красавице, больше похожей на робота, чем на человека! Как бы он ни злился на легковверных хооменов, врамы для него куда более чужие. Так или иначе, ему предстоит найти свой путь в этой Вселенной далекого будущего. И начал он хуже некуда — растеряв всех друзей, делая одну глупость за другой...

Резко зазвенел звонок — заключенных приглашали на обед. Хоомены поднялись и в сопровождении охранников пошли в другой конец тюремной палубы, где располагалась столовая. Никто из них и не взглянул на бывшего товарища. Хаммонд не сдвинулся с места — он не был голоден. Закрыв глаза, он попытался вздремнуть, как вдруг услышал рядом торопливые шаги Ивы Вильсон. Ее милое лицо было как никогда несчастным.

— Кирк, я так сожалею о том, что произошло! — сказала она со слезами на глазах.

— Значит, вы не верите, что я намеренно предал вас? — с надеждой спросил Хаммонд.

— Нет, нет! Это все Таяна Марден... Она заморозила вас, вскружила голову — ведь она такая красавица... Скажите откровенно, Кирк, вы любите ее?

— Дьявол, конечно, нет! — выпалил он в сердцах. — Да, она понравилась мне, не спорю, но не больше того! Психозонд это и зарегистрировал, а ваш отец подумал бог знает что...

Ива с облегчением улыбнулась.

— Я уверена, что так оно и есть! Вrameнов невозможно любить, они совершенно иные.

Хаммонд пристально посмотрел на девушку.

— Вы уверены в этом? — тихо спросил он. — Ваш отец говорил, что вrameны никогда не женятся, не имеют детей. Неужели они на самом деле лишены эмоций?

Ива отвела глаза.

— Мы ничего толком не знаем об этом. Вrameны живут закрытой жизнью и не пускают в нее посторонних... Кирк, забудьте о Марден, вам надо любыми путями вновь завоевать доверие хооменов! На Кууме мы пробудем долго, если не всю жизнь. Отец и остальные будут пристально за вами наблюдать и, если вы опять не наделаете глупостей, в конце концов поверят вам. Не спорьте и не злитесь на них сейчас, время снова делает вас друзьями.

— Хм... надеюсь, так и будет, — с сомнением покачал головой Хаммонд. — По крайней мере, с вашим отцом я смогу найти общий язык, и с Куоббой, и с Таммасом. Но Ланг... Почему он так меня ненавидит?

— Что вы, он ненавидит не вас, а вrameнов! — пылко возразила Ива. — Девушка, которую он любил, несколько лет назад умерла от неизлечимой болезни. Конечно, неизлечимой для нас, хооменов. Вrameны, насколько нам известно, этой страшной болезнью вообще не болеют. Нечто подобное произошло когда-то и с моей матерью, и именно после этого отец фанатически загорелся идеей отнять у вrameнов секрет вечной жизни.

Она указала на небольшой экран, на котором горели россыпи звезд.

— Что бы вы сами сказали, Кирк, если бы ваша возлюбленная умерла, а средство ее спасения лежало бы там, в глубине Трифид, охраняемое безжалостными эгоистичными вrameнами?

Кирк проследил взглядом за ее рукой и увидел среди незнакомых созвездий сияющее звездное облако.

— Это Трифиды, верно?

Ива кивнула.

— Да. И где-то там находится Алтар.

Хаммонд поднялся с кресла и, подойдя к экрану, молча стал вглядываться в растущую впереди туманность.

Что ж, хооменов можно понять. Тяжело жить с сознанием, что смерть могла бы отступить, если бы раса суперлюдей поделилась небольшой толикой живой воды или чего-то другого таинственного, животворящего, что хранится совсем рядом, среди звезд. И как можно любить существ, стоящих на этом пути?

Ива тихо подошла к нему, Хаммонд взял ее руку и с благодарностью прижал к губам.

— Благодарю вас, милая, что вы поверили мне, — растроганно сказал он. — Что бы ни говорили, я по-прежнему с вашим отцом и буду бороться до конца на его стороне.

Девушка грустно улыбнулась.

— Борьба закончилась, Кирк. С тюремной планеты еще никому не удалось бежать... Пойду, а то отец рассердится на меня.

Но она не отрывала руки от губ Хаммонда. Тогда, повинуясь внезапному импульсу, он обнял девушку и поцеловал. Ее губы оказались мягкими и ласковыми. Тело Ивы трепетало в кольце его рук, но... странное дело, сам он был спокоен. Почему-то он не ощущал и тени того восторга, который испытывал, целуя холодные, неподатливые губы Таяны Марден.

Когда Ива ушла, раскрасневшаяся и взволнованная, Хаммонд еще долго стоял у экрана, вглядываясь в сияющее далеко впереди облако. Оно напоминало средневековую крепость с зубчатыми стенами из созвездий и темными валами из пылевых течений. Тысячи солнц светились вечным огнем, охранявшим секрет вrameнов от чужих глаз. Но что это за секрет? И какова та темная сторона жизни, о которой намекала Таяна? Что ждало неожиданных гостей на Алтаре?..

Впрочем, гадать об этом бесполезно, корабль летел в совсем иную область Галактики. Бунт хооменов был подавлен в самом зародыше, и не без его, Кирка Хаммонда, активного участия...

В последующие дни полета он сторонился своих бывших товарищей, не заговаривал с ними и по возможности не смотрел в их сторону. Рано или поздно ему все равно удастся до-

казать, что он не предатель, но для этого нужно набраться терпения, много терпения.

Дни шли своей чередой, отмечаясь лишь звонками «подъем» и «отбой», а также регулярными обходами капитана полиции. Ничего существенного на тюремной палубе не происходило, да и на экране мало что менялось. Однако через некоторое время Хаммонд заметил, что Трифиды ушли куда-то влево и впереди по курсу корабля появилась сияющая искорка звезды Спика. Она стала медленно расти, превратилась сначала в белое пятно, потом в крошечный диск и наконец в ослепительно сияющий шар.

По странной причуде природы огромная звезда имела всего одну планету — Куум. Видимо, это и послужило основной причиной, по которой планету выбрали в качестве тюрьмы Федерации Солнц.

Куум размерами походил на Землю. Его океаны имели странный молочный цвет, а континенты были покрыты сплошной пеленой темно-зеленых джунглей. Когда корабль вышел на орбитальную траекторию, готовясь к посадке, хоомены увидели лишь один район суши, свободный от джунглей. На нем были видны квадратики возделанных полей, и среди них — небольшой городок. Поодаль располагался космопорт, окруженный барьером мерцающего света.

— Так вот он какой, знаменитый Куум, — произнес Раб Куобба, подойдя к экрану. — Это один из тех миров, где я и шагу не хотел бы ступить.

— Ступишь, дружище, и не раз, — пообещал ему с усмешкой Таммас. — На Кууме нам скучать не дадут, это тебе не курорт. О, я вижу, нам приготовили недурную встречу! Вы только поглядите на эти силовые барьеры вокруг космопорта.

— Вижу, — глухо сказал Дон Вильсон, наклонившись поближе к экрану. — Теперь я понимаю, почему с проклятой планеты еще никому не удавалось бежать. Эти сияющие стены покрепче любой стальной решетки... Похоже, друзья, мы останемся на Кууме до конца своих дней!

Глава 10

Щурясь от ослепительного сияния солнца, Хаммонд сошел вместе с остальными пленниками по пандусу на землю. Трава вокруг была настолько густой и высокой, что пришлось ее раздвигать руками. Она немного напоминала земную осоку,

но была покрыта мельчайшими белыми и черными крапинками, из-за чего выглядела дымчато-серой даже с близкого расстояния. Почва же была черной и жирной, словно чернозем, и норовила прилипнуть толстым слоем к подошвам ботинок.

«Я не на Земле, — напомнил сам себе Хаммонд, растерянно озираясь по сторонам. — Не на Земле, а на планете Куум, в другом конце Галактики».

В это трудно было поверить, и Хаммонд жадно стал изучать свой новый мир. Воздух был теплым и влажным, насыщенным едкими запахами — далеко не вонью, но и не совсем ароматами. Чуть меньшая гравитация делала движения удивительно легкими, словно за время перелета у него прибавилось сил.

К звездолету подъехали грузовые машины, и охранники без особых церемоний затолкали в кузова ссыльных хооменов. Высокие борта не дали Хаммонду возможности следить за окрестностями. Минут через двадцать машины остановились на краю небольшого поселения, состоящего из дюжины цельнометаллических барачков и нескольких десятков аккуратных коттеджей, окруженных газонами с ровно подстриженной серой травой и клумбами с яркими цветами. За ними начинались поля, на которых росли неизвестные Хаммонду зерновые культуры, а еще дальше поднималась темная стена джунглей.

Все это мало соответствовало представлениям Хаммонда о поселении ссыльных преступников. Больше всего его поразила обычная, будничная жизнь, которая кипела вокруг. Ребятишки с визгом и хохотом играли на лужайках, женщины стирали белье, пололи грядки под окнами, болтали, обсуждая последние новости, готовили пищу.

К вечеру в поселок приехали крытые грузовики, привезя мужчин после нелегкого рабочего дня в джунглях. Эти хоомены были сосланы на Куум со всех краев Галактики и отличались друг от друга ростом, цветом кожи, манерой поведения. И все же они прекрасно уживались друг с другом и легко находили общий язык. Более того, они совсем не выглядели ссыльными; скорее напоминали колонистов, осваивающих дикую планету. Это навело Хаммонда на мысль, что Федерация Солнц довольно гуманно обращается со своими правонарушителями. Куум — место ссылки, но отнюдь не тюрьма. В поселке даже не было охранников.

Но, конечно же, за ссыльными наблюдали, и очень внимательно. В нескольких милях от поселка на востоке торчал

сияющий купол силового поля, закрывавший космопорт вместе с окружающими его по периметру сторожевыми башнями. Офицер охраны сразу же после посадки звездолета объявил пленникам, что силовое поле создается генератором, находящимся в башне штаба охраны. Прикосновение к этому мерцающему, полупрозрачному барьеру не грозит человеку смертью, однако он на долгое время теряет сознание. Офицер предупредил, что приближаться к силовому полю категорически запрещено, и всякого ослушавшегося ждет суровое наказание. Затем он повернулся лицом к самой высокой бетонной башне и махнул рукой. Тотчас часть мерцающей занавеси погасла, открыв проход для грузовиков.

Хаммонду тогда стало понятно, почему с Куума не смог убежать ни один ссыльный. Единственный тщательно охраняемый космопорт был окружен силовым куполом, проход через который открывался только из штаба охраны. Ссылным предоставлялась относительная свобода действий на всей остальной территории планеты, однако улететь с нее они не могли.

В первый же день вновь прибывших хооменов распределили по баракам — здесь жили холостяки, тогда как семейные люди занимали отдельные коттеджи.

Вернувшиеся из джунглей мужчины забросали Дона Вильсона и его товарищей жадными вопросами — ведь они почти ничего не знали о том, что творится во внешнем мире. У Хаммонда вскоре закружилась голова от названий десятков планет, городов, космопортов, о которых он даже не слышал. Не выдержав, он незаметно вышел на улицу и с облегчением уселся на скамейку, чтобы полюбоваться закатом.

К нему неожиданно подсел незнакомый мужчина — невысокий, худощавый, с серой кожей и умными, проницательными глазами. Чем-то он напоминал Норта Абела. Хотя его лицо было лишено морщин, незнакомец казался куда старше, чем психотехник.

— Меня зовут Тол Опп, — сказал он, дружески протягивая руку. — А вы землянин Кирк Хаммонд?

Хаммонд кивнул, с некоторым замешательством пожимая протянутую руку.

— Вы, кажется, родом с Алгола?

— Верно, — кивнул Тол Опп. — Но я уже почти забыл об этом — ведь большую часть жизни я провел здесь, на Кууме. Много я здесь повидал, но вот шпиона враменов видеть не

доводилось. Ваши товарищи утверждают, что вы — шпион, вот я и вышел посмотреть на эту диковинку.

Хаммонд грустно усмехнулся.

— Это — полная чушь. Правда, не уверен, что я сумею разубедить их.

Еще недавно он был уверен в обратном, так же, как и Ива Вильсон. Но во время многодневного перелета никто, даже добродушный Куобба, не попытался с ним заговорить. И здесь, на Кууме, его продолжали игнорировать.

Проклятая Таяна Марден! Она сломала его судьбу, сделала никчемным второе чудесное рождение в мире далекого будущего. Ничего, он еще посчитается с ней, и с остальными враменами...

Тол Опп смотрел на него с глубоким интересом.

— Дон Вильсон говорил, что вы — выходец из далекого прошлого. Трудно поверить, честно говоря, хотя вы выглядите весьма необычно.

Хаммонд так соскучился по простому человеческому вниманию, что охотно поведал новому знакомому свою историю. Выслушав рассказ, Тол Опп только покачал головой.

— Поразительно... и не совсем понятно, — сказал он задумчиво. — Мне хотелось бы узнать об этом как можно подробнее. Я попрошу, Кирк, чтобы вас распределили в мою рабочую группу, и тогда у нас еще будет время обстоятельно побеседовать.

Он объяснил Хаммонду, что все работы на Кууме велись под руководством тех же ссыльных. Федерация Солнца не заставляла никого трудиться, хотя готова была платить за расчистку от джунглей новых территорий. Осужденные получали бесплатно грузовики, мощные бульдозеры, другую необходимую технику, но никто из них не имел оружия. Охрана колонии беспокоила их лишь раз в сутки, во время вечернего обхода.

— Советую вам принять мое предложение, Кирк, — настаивал Тол Опп. — Я дам вам относительно легкую работу и обещаю по мере возможности гасить все нападки на вас со стороны моих подчиненных. Учтите, все хоомены отныне настроены против вас, и защита вам не помешает.

— Выходит, вы не верите, что я — шпион враменов? — с надеждой спросил Хаммонд.

Тол Опп снисходительно потрепал его по плечу.

— Врамены не нуждаются в шпионах, — с улыбкой сказал он. — Дон Вильсон несколько преувеличил. Все эти нелепые

подозрения — не больше чем отзвук старой ненависти к враменам.

— А вы, кажется, ненавидите их не так сильно, — осторожно заметил Хаммонд.

Тол Орт пожал плечами.

— Я попал сюда по воле враменов — так же, как и большинство остальных ссыльных. Но мне грех обижаться, меня было проще уничтожить.

Поймав недоуменный взгляд Хаммонда, он пояснил:

— В молодости я был физиком, специалистом по космическим лучам. Однажды, пролетая в свободном поиске на небольшом исследовательском космолете вблизи Трифид, я обнаружил поток излучения со странным спектром, идущий изнутри этой туманности. Увлечшись измерениями, я подошел слишком близко к Трифидам, совсем забыв об ограничителе, который должен был превратить мой корабль в горстку пепла. Но врамены почему-то не дали сигнал на подрыв, а просто послали мне навстречу свой крейсер. Я был осужден к пожизненной ссылке на Куум, а мой несчастный экипаж — к пятилетнему заключению. По-моему, нам просто повезло, с нами обошлись очень мягко.

Солнце спустилось за горизонт, в небе высыпали бесчисленные незнакомые созвездия. Куум был лишен луны, но в поселке было довольно светло — его освещал мерцающий купол силового поля.

Тол Орт встал и, зевнув, потянулся.

— Мы поднимаемся рано, Кирк. Идите, вам нужно выспаться как следует.

Хаммонд неохотно вернулся в большую комнату, где продолжали горячо дискутировать люди Дона Вильсона и человек тридцать старожил. Как раз в тот момент Раб Куобба, энергично жестикулируя, по своему обыкновению, рассказывал о провалившейся попытке построить звездолет, чтобы попасть с его помощью на Алтар.

— Клянусь всеми солнцами, вот это было бы дело! — вскричал толстый мужчина с ярко-розовой кожей. — Если добратся до этого проклятого Алтара...

— Молчите! — коротко сказал Ланг, кивнув в сторону только что вошедшего Хаммонда.

Головы всех хооменов повернулись. Хаммонд вздрогнул, словно от удара бичом, — ему еще ни разу не приходилось видеть столько устремленных на него злобных глаз. Ему хотелось объяснить, что он не шпион враменов и не предатель, но

это было бесполезно, никто не стал бы слушать. Опустив голову, Хаммонд прошел через холл в коридор, направляясь к отведенной ему крошечной комнатке. Никто из ссыльных не захотел жить вместе с ним. Никто!

Лежа ничком на кровати, Хаммонд долго не мог успокоиться. Его гнев постепенно стал кристаллизироваться в твердую решимость отомстить ненавистным враменам. А для этого надо освободить каким-то образом и себя, и своих бывших товарищей. Он должен помочь достичь им Алтара, чего бы это ему ни стоило! Надо показать идиотам хооменам, как он обожает Таяну Марден...

На следующее утро Хаммонд по-прежнему пребывал в атмосфере всеобщего остракизма. Он позавтракал в столовой в одиночестве за столом, рассчитанным на четверых, а затем вышел на лужайку, где хоомены садились в грузовики. Тол Орт ожидал его и сразу поманил рукой.

Члены небольшой бригады уже сидели в кузове машины. Увидев Хаммонда, они помрачнели, а кое-кто разразился проклятиями.

— Вы рискуете испортить отношения с вашими подчиненными, если будете поддерживать меня, — предупредил Хаммонд, тоскливо глядя на своих будущих партнеров по работе.

Тол Орт добродушно усмехнулся.

— Ничего, не страшно. На Кууме я старожил, так что пользуюсь некоторыми привилегиями. Уж очень вы любопытная личность, Кирк. Садитесь быстрее, пора ехать.

Пока грузовик пересекал расчищенные поля, глазное яблоко Спика уже выкатилось из-за ресниц джунглей. Туман стал медленно подниматься вверх, открывая темную стенку деревьев.

Хаммонду еще никогда не приходилось видеть такой жуткий, мрачный лес. Высокие мощные деревья переплетались стелющимися над землей ветвями, образуя почти непроходимую преграду. В свою очередь, ветви были густо оплетены вьющимися растениями с крупными белыми цветами, похожими на орхидеи. Над ними порхали гигантские бабочки, среди переплетения ветвей пели радужные птицы, воздух гудел от туч бесчисленных крылатых насекомых. Человеку среди этого бурного праздника жизни не было места.

И все же хоомены день за днем, год за годом теснили джунгли. Могучие бульдозеры выворачивали с корнями деревья, заодно сметая своими ножами весь подлесок. Следом за ними шли трактора, перепахивая землю и разбрасывая вокруг хи-

мические вещества, которые останавливали рост любых растений, кроме серой травы.

— Вы будете помогать корчевать самые крупные деревья, — объяснил Тол Орт новому «лесорубу». — Пойдемте, я покажу, как это делается.

Тол Орт уверенно зашагал в джунгли, направляясь к огромному узловатому дереву, напоминавшему земной дуб. За ним, рокоча, поехал приземистый, но очень мощный тягач, управляемый одним из членов его бригады.

— Возьмите конец цепи тягача и обмотайте вокруг ствола. Так, хорошо. Затем защелкните замок, фиксирующий цепь. А теперь отойдите в сторону. Подальше, подальше...

Тягач взревел и, глубоко погрузившись в черную почву широкими колесами с шипами, резко рванул с места. Дерево с ужасным треском рухнуло. С его ветвей вспорхнуло множество птиц, напоминающих крошечных летающих дракончиков. Пока тягач урча оттаскивал дерево в сторону, на Хаммонда с воинственным писком набросилась туча крылатых кровососов. Он с проклятиями выбежал из джунглей, бешено отмахиваясь руками.

Тол Орт, вдоволь посмеявшись над ним, наконец сжалился и вручил ему баллончик с едким репеллентом.

— Теперь вы знаете, что делать. Ну, успеха! И будьте осторожней — в этих джунглях полно всякого зверья. Обычно они разбегаются, услышав шум машин, но всякое может случиться.

Обрызгав себя с ног до головы репеллентом, Хаммонд пошел в джунгли, направляясь к соседнему крупному дереву.

К полудню он уже едва держался на ногах. От изнуряющей жары трудно было дышать, насекомые не оставляли в покое, но в целом он уже освоился со своей новой работой. Дело шло довольно споро, и они вдвоем с водителем тягача успели очистить от деревьев большой участок джунглей. Хаммонд забыл о недавних страхах и о предупреждениях бригадира, и, как оказалось, напрасно.

Он тащил тяжелую цепь к одному из деревьев, как вдруг ощутил странный мускусный запах. Вместо того, чтобы остановиться и осмотреться как следует, Хаммонд продолжал упорно идти вперед, хрипло дыша и вытирая ладонью пот с лица. Через минуту он буквально наткнулся на округлый черный холм, каким-то чудом оказавшийся на его пути. Хаммонд отпрянул со сдавленным криком, но было уже поздно. «Холм» ожил, слегка приподнял переднюю часть своего основания и

внезапно выбросил вперед огромную, увенчанную острым рогом голову на длинной шее. Острые зубы впились в бок землянина.

Оглушенный резкой болью, Хаммонд едва осознавал, что его тащат к «холму», который оказался гигантским черепахоподобным существом. Роговой край панциря вновь приподнялся, готовый проглотить несчастного зеваку, как вдруг по темному телу животного прошла сильная дрожь. С минутную Хаммонд лежал на месте, не двигаясь, затем змееобразная голова вновь потащила его к пасти.

Никого из хооменов не было поблизости, и даже шума тягача не было слышно. Глупо умирать в пасти какой-то безмозглой твари в десятках парсеков от родной Земли, но что он мог поделать, что?

Новая, еще более сильная дрожь прокатилась по телу монстра. Пасть хищника слегка ослабила хватку, и Хаммонд пришел в себя. То, что он увидел, заставило его завопить от ужаса. Роговой панцирь раскололся, словно пустой орех, и изнутри тела стали выползать десятки крошечных тварей, внешним видом весьма напоминающих живой «холм».

Опомнившись, Хаммонд вырвался, оставив в зубах твари ключья своего комбинезона, и побежал прочь из джунглей, крича во все горло:

— На помощь! На помощь!

Вскоре из-за деревьев показался тягач, за рулем сидел сам Тол Орт. Он направил машину в сторону чудовища, которое в это время покидали последние из его детенышей, но, не доехав нескольких метров до лопнувшего панциря, остановил тягач.

— Поздно, оно уже сдохло, — сказал бригадир, глядя вслед детенышам, исчезающим среди кустарника. — Грязь-феникс... жуткая, беспощадная тварь. Вы не ранены, Кирк?

— Так, пустяки, — пробормотал Хаммонд, ошеломленно встряхивая головой. — До сих пор не могу опомниться...

— Вам еще повезло! Вы попали в пасть этой твари в тот момент, когда она собиралась рожать. Разве ваш партнер, водитель тягача, не предупредил, что их можно учуять по резкому мускусному запаху?

— Нет. Я даже не знаю, куда он исчез, — хрипло ответил Хаммонд.

Оказалось, что у его товарища внезапно заглох двигатель и он ничего не видел и не слышал. Получив нагоняй от Тола

Орра, водитель через минуту, как ни в чем не бывало, вновь поехал в джунгли.

Теперь Хаммонд понял, насколько его ненавидят все ссыльные.

После возвращения из джунглей он получил этому новое подтверждение. Поселок жил своей обычной вечерней жизнью. Со всех сторон слышались оживленные голоса. На улицах было полно людей. Женщины сидели на скамейках, обсуждая последние новости, мужчины направлялись в кабачки, чтобы провести остаток дня за стаканчиком доброго вина. На Хаммонда же никто демонстративно не обращал внимания. Даже Ива Вильсон, вышедшая было на порог коттеджа, где она жила вдвоем с отцом, при виде его смутилась и поспешила захлопнуть за собой дверь. Похоже, Дон Вильсон запретил дочери общаться с «изменником».

В последующие дни ничего не изменилось. Только Тол Опп продолжал встречаться с Хаммондом: давал новому товарищу книги, учил его читать и писать, рассказывал о жизни людей на множествах других планет. В свою очередь, Хаммонд поделился с ним воспоминаниями о двадцатом веке Земли, к которым алголианин отнесся с ничуть не меньшим интересом, чем Таяна Марден.

Все свободное время Хаммонд обдумывал план побега. Задача была предельно ясна. Ни один заключенный не мог прежде покинуть Куум, потому что невозможно было проникнуть на территорию космопорта, огороженную со всех сторон силовым барьером. Проход в нем открывали лишь изнутри, из самого штаба охраны.

Проблема казалась неразрешимой, но однажды на Хаммонда снизошло озарение. Внезапно ему стал ясен весь план бегства. Оставшиеся дни он обдумывал нюансы предстоящей операции, однако не смог найти ни одной слабинки в своем замысле.

И все же бегство теряло всякий смысл, если не удастся уговорить остальных хооменов присоединиться к нему. А это будет нелегко сделать — многие могут решить, что он пытается заманить их в ловушку враменов.

И все застопорилось. Шли неделя за неделей. Хаммонд загорел дочерна под палящим солнцем, его мускулы окрепли, он стал привыкать к одиночеству. Больше не доверяя никому, он сам научился водить тягач и обходился на работе без посторонней помощи.

Однажды днем он не спеша ехал вдоль края джунглей, на-

правляясь к временному лагерю бригады, куда вскоре должен был прибыть грузовик со сменой. Вдруг послышались чьи-то приглушенные крики. Развернув машину, Хаммонд вломился в густой кустарник. Знакомый мускусный запах ударил ему в ноздри. Вскоре Хаммонд увидел рядом с зонтичным деревом черный лоснящийся холм — это был крупный грязьфеникс. Змеевидная голова, вцепившись клыками в бок извивающегося человека, волокла свою жертву по земле к роговому панцирю.

Не раздумывая, Хаммонд направил тягач на монстра, от резкого удара вылетел из открытой кабины и упал в густой кустарник. С трудом поднявшись на ноги, он увидел, что тягач заехал на верхушку чудовища и там заглох. Сам же грязьфеникс остался цел и невредим, но на всякий случай втянул змеевидную голову под панцирь — так, как это делает земная черепаха в минуту опасности.

В нескольких футах от Хаммонда на ноги с проклятиями поднимался человек. Он был с ног до головы перепачкан в грязи, но, к счастью, отделался лишь ушибами. Это был Раб Куобба. Вытерев лицо, он в замешательстве посмотрел на своего спасителя.

— Хаммонд... Спасибо. Я уже прощался с жизнью, когда вы подоспели... Похоже, зря не доверял вам, друг!

— Рад слышать, — с усмешкой сказал Хаммонд. — Вряд ли шпион враменов стал бы рисковать своей шеей, спасая хоомена, верно?

Продолжая отряхивать комбинезон, Куобба уныло взглянул на него:

— А вот этому я никогда не верил, клянусь всеми солнцами. Ха! На кой черт враменам шпионы, когда они и так держат нас за горло? Но я здорово разозлился из-за того, что вы позволили этой проклятой Марден так ловко обвести себя вокруг пальца!

Хаммонд не стал возражать.

— Что ж, верно, я свалил дурака и теперь расплачиваюсь... — Внезапно он понял, что у него появился шанс, которого он давно ждал. — Куобба, послушайте. Хотели бы вы сбежать с Куума и вновь попытаться проникнуть на Алтар?

Куобба удивленно вытаращил глаз.

— Ха, конечно, хотел бы! Но разве это возможно?

— Я мог бы помочь Дону Вильсону и его людям попасть на звездолет, — взволнованно заговорил Хаммонд. — У меня

есть отличный план. Но ваши друзья не доверяют мне. Может быть, они послушаются вас, Раб?

— Хм... не знаю, — неуверенно ответил Куобба. — А что за идея?

— Скоро на Куум прилетит звездолет...

— Ничего себе скоро! — прервал его вегианин. — Последний транспорт улетел всего несколько дней назад, значит, следующего ждать, считай, целый месяц.

Хаммонд снисходительно улыбнулся.

— Прилетит, не сомневайтесь. Я могу пригласить звездолет на Куум в любой момент, и это будет не какой-то там транспорт.

— Слушаю, — заинтересовавшись, сказал Куобба.

Хаммонд подробно объяснил свой план. Лицо Куоббы вытягивалось все больше и больше, и под конец он со вздохом покачал головой.

— Ха, это будет нелегкая работенка! Да и риск велик, слишком велик. Но если нам немного повезет...

— Согласны участвовать в этой аванюре?

Куобба хохотнул.

— Еще бы! Я — астронавт, а не лесоруб. Ха! Мне осточертело копать в грязи. Что от меня требуется, Кирк?

— Начинаем готовиться к побегу немедленно. Поговорите с друзьями, найдите желающих рискнуть головой ради свободы. Только не упоминайте мое имя, скажите, что сами придумали этот план.

Куобба понимающе кивнул.

— Хорошо, я постараюсь повесить им лапшу на уши. Хотя, боюсь, они поймут, откуда дует ветер. Учтите, Кирк, если это дело не выгорит, вас разорвут на куски!

— Я знаю, — коротко сказал Хаммонд.

Поздно вечером, когда офицер охраны совершал традиционный обход поселка, Хаммонд дождался, пока он зашел в холл барака, и сказал:

— Капитан, у меня к вам просьба.

Все хоомены, находившиеся в комнате, немедленно замолчали и настороженно посмотрели на Хаммонда.

— Что же вы хотите? — равнодушно спросил охранник.

— Когда меня ссылали на Куум, суд постановил: если когда-нибудь я соглашусь сотрудничать с враменами-историками, то меня немедленно освободят. Поразмыслив, я решил принять предложение. Можете вы поставить об этом в известность начальство, а также Таяну Марден?

Офицер охраны находился на службе у Федерации Солнц и все же был хооменом. С неприязнью глядя на Хаммонда, он неохотно ответил после долгой паузы:

— Хорошо, я передам на Землю сообщение о вашей просьбе.

Когда он ушел, раздраженно хлопнув дверью, Гурт Лант подошел к Хаммонду и с ненавистью оглядел его с ног до головы.

— Что, Кирк, пошпионили вдоволь и теперь торопитесь под крылышко к своим друзьям-враменам?

Хаммонд не стал отвечать. Лица окружающих его людей были настолько угрожающими, что он не рискнул — одно неосторожное слово могло вызвать взрыв.

Часа через три офицер вернулся.

— Ваша просьба передана, — брезгливо сказал он Хаммонду. — Таяна Марден в ближайшие дни намерена посетить Куум. Она хочет лично побеседовать с вами, и если убедится в вашей искренности, то вы будете освобождены.

— Благодарю, — спокойно сказал Хаммонд и пошел в свою комнату.

Хоомены неохотно расступились перед ним, но по их взглядам он понял, что ему здорово повезет, если он доживет до прибытия звездолета.

Глава 11

Оглушительный грохот прокатился по небосводу, глухо отразившись от темной стены джунглей. Хоомены из бригады Тола Орра, уже готовившиеся забраться в грузовик, остановились и посмотрели вверх, щурясь от ослепительного сияния солнца. Вскоре в сторону космопорта стало опускаться взвихренное облако пыли, сквозь которое можно было разглядеть конусообразный корпус звездолета. Он опустился на посадочное поле, и грохот мгновенно затих.

— Это за вами?

— Надеюсь, что так, — хрипло ответил Хаммонд, облизывая пересохшие от волнения губы.

Алголианин коротко кивнул.

— Посмотрим. А пока садитесь в машину, нам пора ехать.

Пока грузовик трясся на грунтовой дороге, пересекающей очищенные от джунглей поля, Хаммонд лихорадочно пытался собраться с мыслями. Он давно ждал этого события. Прошедшие дни были для него нелегкими. Только один Куобба

знал правду о его истинных целях, остальные же окончательно уверились, что он предатель. Ему пришлось быть вдвойне осторожным, потому что отныне смерть могла ожидать его за любым углом. Даже Ива Вильсон смотрела на него с нескрываемым презрением.

Только Тол Орт был приятным исключением. Узнав о намерениях Хаммонда, он задумчиво покачал головой.

— Так вы собираетесь сотрудничать с враменами, Кирк? Что ж, быть может, это и к лучшему.

Хаммонд был удивлен такой спокойной реакцией.

— Похоже, вы не так сильно ненавидите враменов, как все остальные, — сказал он недоуменно. — Но почему? Ведь именно они сослали вас на Куум.

Тол Орт пожал плечами.

— Я прежде всего человек науки, а врамены — замечательные ученые, перед которыми я преклоняюсь. Они благодетельствовали хооменов многими своими открытиями, так что нам грех обижаться.

— И вас не возмущает, что врамены сохраняют в секрете рецепт вечной жизни?

— Не знаю, — помолчав, произнес алголианин. — Быть может, немного возмущает. Но сейчас, когда я еще далеко не стар, я стараюсь об этом не думать. Возможно, оказавшись на пороге смерти, я начну их так же бешено ненавидеть, как и остальные хоомены. Разумом, а не сердцем, я даже признаю справедливость бессмертия враменов — ведь эти люди глубоко преданы науке, они начисто лишены корыстолюбия, зависти и множества других пороков, свойственных простым хооменам. Они посвящают свои жизни благу всех людей Галактики, и с этим спорить невозможно. Смогут ли жить так хоомены, получив бессмертие? Сомневаюсь.

Но Тол Орт был чуть ли не единственным в своем терпимом отношении к происходящему. Все остальные хоомены ненавидели Хаммонда почти так же сильно, как и враменов. Исключение составляли только Куобба и Таммас, знавшие правду о планах «предателя».

Хаммонд несколько раз тайно встречался с ними и обсуждал детали предстоящей операции. Он задал вновь обретенным друзьям множество интересующих его вопросов, в частности о современных видах оружия и о возможном устройстве системы управления силовым барьером. Однажды Куобба порадовал его вестью, что к ним решили присоединиться еще несколько смелых парней, готовых рискнуть головой во вре-

мя побега. Имя Хаммонда при этом, разумеется, не упоминалось.

И вот теперь настал момент, когда корабль враменов сел в космопорте Куума.

Около барака Хаммонда уже ждал офицер охраны. Холодно глядя на землянина, он процедил:

— Корабль прибыл. Таяна Марден хочет немедленно встретиться с вами. Пойдемте.

Хаммонд выпрыгнул из кузова грузовика на землю и торопливо пошел за офицером, который даже не оглянулся. Ссылные хоомены проводили своего бывшего соседа по бараку громкими проклятиями. Только Куобба стоял возле машины, растерянно глядя ему вслед. Хаммонд выразительно посмотрел на него, и тогда добродушный вегианин словно проснулся.

— Проклятый земляшка! — заорал он, потрясая кулаками. — Слава богу, наконец-то мы избавились от тебя! погоди, я хочу плюнуть напоследок в твою гнусную рожу!

Догнав Хаммонда, он смачно плюнул в «предателя», однако, разумеется, не попал. Вытирая губы ладонью, он тихо спросил:

— Этой ночью?

— Да, — быстро ответил Хаммонд. — Пускай парни спрячутся поближе к барьеру, а уж я сделаю все, что смогу.

Офицер недовольно оглянулся, и Куобба, разразившись напоследок самыми отборными проклятиями, побрел назад к бараку.

На краю поселка ждал небольшой автомобиль, за рулем которого сидел сержант охраны. Хаммонд уселся на заднее сиденье, и машина помчалась в сторону космопорта.

Солнце уже катилось к горизонту, и его розовые лучи косо падали на сторожевые башни и крыши ангаров. Хаммонд, не утерпев, посмотрел назад и увидел на пороге одного из коттеджей Иву Вильсон. «Черт побери, — огорченно подумал он, — ведь если дело не выгорит, девчонка будет считать меня мерзавцем до конца жизни. А шансов на успех мало, очень мало...»

Внезапно усталость и нервное напряжение последних дней сыграли с Хаммондом злую шутку. Он подумал: «Черт побери, а для чего мне рисковать своей шкурой? Неужто ради хооменов, которые всей душой ненавидят меня и считают самым последним подонком? Лучше уж сотрудничать с враменами...»

Нет, этого он сделать не мог даже при большом желании.

Между ними стояло слишком многое, и прежде всего их положение хозяев космоса. Всю душу он и его друзья из двадцатого века отдали тому, чтобы люди могли выйти в галактические просторы и наконец-то обрести свободу, которая не снилась даже птицам. Ни врамены, никто другой не мог перечеркнуть усилия поколений космопроходцев.

Но к этим возвышенным мыслям, как это нередко бывает, примешивалось и нечто иное, мелкое и глупое, в котором Хаммонду даже самому себе не хотелось признаваться. Он страстно мечтал натянуть нос наглцу Лангу и иже с ним, считавшим его предателем. Его, Кирка Хаммонда!..

Автомобиль остановился перед мерцающим барьером. Офицер вышел и помахал рукой, глядя на ближайшую сторожевую башню. Снова, как и в первый день после прибытия корабля с осужденными, часть сияющей стены исчезла. Автомобиль въехал в образовавшийся проход, и паутина силового поля затянулась позади.

Сердце Хаммонда отчаянно стучало, когда они поехали среди административных зданий космопорта.

На посадочном поле сидел сравнительно небольшой черный звездолет, верхняя часть которого была освещена лучами заходящего солнца.

Впереди появился штаб — трехэтажное здание, выложенное из крупных блоков, к которому примыкала высокая башня. Ее вершину опоясывали светящиеся окна. По мнению Куоббы, именно здесь находился пульт управления силовым барьером — по крайней мере, так считали многие старожилы. Хаммонда повели в здание штаба.

Пройдя по длинному коридору, охранники втолкнули его в кабину лифта и поднялись на третий этаж. Выйдя в очередной коридор, Хаммонд заметил две винтовые лестницы, укутанные мглой, — они вели на верх башни. Возможно, одна из них шла к пульта управления полем, но какая?

Попав в кабинет начальника охраны Куума, Хаммонд лишь мельком взглянул на этого высокого худощавого человека с бледно-зеленым лицом, характерным для жителей Сириуса: его внимание было сосредоточено на Таяне Марден.

Она стояла у окна, задумчиво глядя на закат солнца за далекой полосой джунглей. Услышав шаги, обернулась и встретилась глазами с Хаммондом. Он уже почти забыл, как красива эта женщина. Одета в черную куртку и шорты, подчеркивающие белизну ее кожи, с зеленым ожерельем враменов на груди, она выглядела как никогда обворожительно.

— Здравствуйте, Кирк, — сказала она, нерешительно улыбнувшись. — Как видите, я выполнила свое обещание. Вы на самом деле решили сотрудничать с нашими учеными-историками?

— Да, — кивнул Хаммонд. — Понятно, в обмен на свободу. Хоомены так и не поверили, что я предал их случайно, а теперь путь назад мне вообще заказан.

Лицо Таяны Марден посветлело, но в ее глазах еще таилась тень настороженности.

— Рада это слышать, — сказала она. — Только прежде я должна побеседовать с вами наедине — необходимо убедиться в вашей искренности.

Хаммонд посмотрел на коменданта.

— Я готов ответить на любой ваш вопрос, Таяна. Но наш разговор должен пройти тет-а-тет.

Комендант нахмурился.

— Нет, этого я не могу разрешить.

Таяна улыбнулась.

— Не беспокойтесь, я не вижу ни малейшей опасности. Дайте мне на всякий случай ваш шокер и подождите в соседней комнате.

Комендант с сомнением посмотрел на нее, затем нехотя кивнул и, достав из кобуры пластиковую трубку шокера, протянул оружие женщине-врамен. Затем он вышел, плотно прикрыв за собой дверь.

Таяна выразительно подняла шокер, нацелившись им в грудь Хаммонда, и сказала:

— Держитесь на расстоянии, Кирк. Так что вы хотели бы мне конфиденциально сообщить?

Нервы Хаммонда были напряжены до предела. Наступал решающий момент, от которого зависела его дальнейшая судьба.

— Таяна, я решил сотрудничать с враменами не только ради обретения свободы, — наконец сказал он, стараясь изобразить на лице трогательную улыбку. — В большей степени я сделал это ради того, чтобы быть ближе к вам, видеть вас как можно чаще, дышать с вами одним воздухом...

Таяна посмотрела на него с холодной, почти циничной усмешкой.

— Вот как? С чего бы это?

— Секрет прост, я действительно люблю вас, — с чувством ответил Хаммонд. — Наверное, я самый большой глупец во Вселенной, но не могу с собой ничего поделать.

Он ожидал, что Таяна расхохочется ему в лицо, или придет в ярость, или назовет лжецом. Но почему-то она не сделала этого. Шагнув к нему, Таяна пристально посмотрела на него, словно не веря своим ушам, а затем грустно покачала головой.

— Выходит, психозонд все-таки не ошибся, — тихо сказала она. — Жаль, жаль... Забудьте об этом, Кирк, и никогда больше не заговаривайте со мной о любви.

— Почему бы и нет? — горячо возразил он. — Пусть вы относитесь к расе бессмертных, но вы женщина, и прекрасная женщина, о такой я мечтал всю свою жизнь!

— Вы не отдаете себе отчета, Кирк, — расстроенно ответила Таяна. — Времены не вступают в брак даже между собой — что уж тут говорить о хооменах! Вы даже не представляете, какие барьеры стоят между нами...

Хаммонд изобразил на лице вселенскую скорбь, а на самом деле внутри его все пело от восторга. Эта суперменша все-таки поверила ему! Он ловко сыграл на дурацкой ошибке психозонда, который не в состоянии был отличить любовь от простого увлечения. Да, он лгал Таяне сейчас, говоря о своих возвышенных чувствах, — плата за то, что эта женщина сделала с ним. У него были припасены и еще кое-какие сюрпризы для своей «возлюбленной».

Он шагнул к Таяне, протянув к ней с мольбой руки, и воскликнул со всем пылом, на который был способен:

— Не будьте такой жестокой! Что может разделить два любящих сердца, кроме смерти, даже если одно из них бьется в груди хоомена, а другое — в рамена?

К его изумлению, Таяна приняла всю эту мелодраматическую чушь за чистую монету. На ее лице появилась тень мучительной боли, и она еле слышно прошептала:

— Я не могу вам сказать об этом, не могу... Поверьте, эту пропасть вам никогда не преодолеть...

Таяна никогда не была столь обворожительна, как в этот момент. Хаммонд был искренне тронут, и все же кто-то в нем гадко хихикнул: а ведь страсть оказалось подделкой на удивление легко! Попалась, красавица, попалась, словно семнадцатилетняя девчонка...

— Таяна, послушайте! — сказал он, делая еще шаг вперед. — Я верю, что никакие преграды не могут разлучить два любящих...

Внезапно он схватился левой рукой за шокер, а правой нанес мощный удар в подбородок своей «возлюбленной».

Таяна упала, даже не вскрикнув. Хаммонд едва успел под-

хватить ее, прежде чем она коснулась пола. Шокер выпал из бессильно повисшей руки и покатился по полу. Хаммонд быстро схватил его и выпрямился, тяжело дыша.

Трюк удался — Таяна кинулась на его предложение поговорить наедине. Все прошло без сучка и задоринки. Но... но он не ожидал такой реакции женщины-врамена на его болтовню о любви. Ему даже показалось...

Хаммонд тряхнул головой, словно избавляясь от наваждения. Глупо терять на подобные пустяки драгоценные секунды. Он осматрел шокер — единственное разрешенное для гражданских лиц оружие. Шокер генерировал мощный электромагнитный поток, способный подавить деятельность мозга, вплоть до полной потери сознания. Недостатком его был малый радиус действия, да и пораженный им человек быстро приходил в себя.

Положив палец на спусковую кнопку, Хаммонд подошел к двери, ведущей в соседнюю комнату, и резким ударом ноги распахнул ее. Здесь находился комендант, а также двое охранников. Все они обернулись, услышав шум за спиной. Вскочив на ноги, охранники схватились за оружие, но Хаммонд опередил их. Трижды нажимал он на спусковую кнопку, и трижды раздавался глухой звук, похожий на шипение рассерженной змеи. Хоомены упали, так и не успев ни разу выстрелить.

Хаммонд на всякий случай угостил лежащие на полу тела еще порцией парализующего импульса, но затем опомнился — ведь запас энергии шокера был ограничен.

Что дальше? Лестницы в конце коридора. Одна из них должна вести к пульта управления силовым барьером.

Он осторожно выглянул в коридор. Из соседних комнат слышались голоса, но дорога пока была свободна. Хаммонд побежал к ближайшей из лестниц и начал поспешно подниматься, стараясь не думать о том, что произойдет, если он ошибся и выбрал не тот путь. И все же он чувствовал себя как никогда уверенным в своих силах. Ничем подобным не приходилось ему заниматься в родном двадцатом веке, но в этом странном мире будущего все было по-другому, и он стал другим.

Поднявшись на площадку, Хаммонд толчком открыл дверь. Да, это была контрольная комната. Через круговые прозрачные окна виднелся окутанный тьмой космопорт, на границе которого мерцал силовой барьер. В конце комнаты находилась клинообразная стойка с контрольными приборами и па-

нелями управления, мигающими сотнями разноцветных огоньков. Возле большого дисплея сидел охранник, что-то регулируя на одной из панелей. Его напарник стоял у окна и вглядывался во тьму.

Ему-то и достался первый заряд шокера. Когда хоомен упал, Хаммонд не спеша нацелил оружие на сидящего за стойкой охранника и со злорадством увидел его изумленное, побелевшее от страха лицо. Еще одно движение кнопки, и... и ничего не произошло!

Шокер на этот раз не зашипел — видимо, заряд его батарей кончился.

Охранник мигом оценил ситуацию и, схватив со стола микрофон, заорал: «Говорит наблюдательная башня! Один из ссыльных сбежал...»

Хаммонд зарычал от бешенства и, подскочив к хоомену, нанес ему мощный удар шокером по голове. Однако тот не упал, а, лишь закричав от боли, закрыл окровавленный затылок руками. Микрофон остался включенным, так что его вопль послужил дополнительным сигналом тревоги. Хаммонд схватил хоомена за волосы и с силой ударил лицом о панель управления. На этот раз охранник обмяк и медленно сполз на пол.

Где-то внизу, в главном здании штаба, загудела сирена.

— О, дьявол! — простонал Хаммонд. От его недавнего куража не осталось и следа. Он паршиво сработал и теперь может поплатиться за это жизнью.

Через минуту-другую сюда ворвутся охранники. Закрыть дверь? Но на ней не было запора, никто и подумать не мог, что посторонний человек будет свободно разгуливать по штабу. Нет, надо заняться силовым барьером, даже на это у него осталось мало времени.

Хаммонд наклонился над стойкой и стал скользить взглядом по панелям управления, на которых, к счастью, были маленькие таблички с надписями. Большинство из них он не понял — ведь он едва умел читать, а технических терминов практически не знал. Но это не имело сейчас значения. Куобба помог ему твердо выучить все три слова: «Контроль генератора поля». Только попробуй их найди здесь...

Но он все-таки нашел — на табличке под большим реостатом с кнопкой на конце ручки. Хаммонд схватил ручку и медленно опустил ее до цифры 0. И в этот момент услышал топот ног на лестнице.

Подбежав к окну, он увидел, что снаружи стало заметно темнее — вокруг космопорта погас мерцающий барьер. Со

всех сторон через посадочное поле бежали люди. Раб Куобба сдержал слово — заключенные потоком ринулись на штурм космопорта.

Сирена истерически вопила. Из казарм выскакивали охранники в одном белье, настолько ошарашенные, что многие из них даже не пытались пустить в ход оружие. Завязалась потасовка, и верх брали ссыльные, которых было больше, намного больше...

Дверь с шумом распахнулась. Хаммонд не успел повернуться, как услышал знакомое жужжание шокера. И сразу же провалился куда-то в темноту.

...Откуда-то издали донесся голос:

— Он приходит в себя.

Приходит в себя — после чего? Неужто из бесконечного полета к Луне? Нет, он не мог вернуться оттуда, он наверняка еще летит по невообразимой орбите из ниоткуда в никуда, год за годом, столетие за столетием, и из этого замкнутого круга нет возврата...

— Хаммонд, вы слышите меня?

Ему был знаком этот голос. Он попробовал открыть глаза, но не смог. Выждав немного, он сделал еще одну попытку, и наконец отяжелевшие веки слегка приподнялись.

На него смотрел Тол Опп. На заднем плане был виден изогнутый металлический потолок, освещенный плоскими светильниками. Он уже видел этот потолок прежде, слышал отдаленное глухое гудение и ощущал подобную, едва заметную вибрацию.

— Мы... мы в космосе? — едва слышно пробормотал Хаммонд.

Тол Опп кивнул.

— Да, мы улетели с Куума. — Затем он быстро добавил: — Вам пока нельзя много разговаривать, Кирк, и тем более вставать. Потребуется время, чтобы ваша нервная система восстановилась после удара шокера.

Шокер?.. Внезапно Хаммонд все вспомнил. Он огляделся и увидел стоящую чуть в стороне Иву Вильсон, смотревшую на него с нескрываемой радостью.

— Мы захватили космопорт, Кирк, — пояснила девушка. — А затем отвоевали этот корабль. Охрана сумела вновь восстановить барьер, но было уже поздно, слишком много ссыльных успело проникнуть внутрь. Только когда мы заняли штаб, Куобба рассказал, что всем этим мы обязаны вам.

— Но куда... — прошептал Хаммонд и замолчал, все поняв.

— Мы вот уже несколько часов летим к Трифидам. На борту сорок четыре человека, большинство из них — наши старые товарищи по катакомбам. Узнав, как много вы сделали для победы, мы не могли оставить вас на Кууме.

Поначалу Хаммонд ощутил острый приступ восторга — его план полностью удался! Но затем он вспомнил о предостережениях Таяны Марден, и по его спине пробежал холодок. Впрочем, уже поздно что-то предпринимать.

Силы постепенно возвращались к нему. Через несколько минут Хаммонд сел на кровати.

— Почему вы полетели с Доном Вильсоном и его товарищами? — спросил он задыхающимся голосом у Тола Орра.

Алголианин пожал плечами.

— А почему бы и нет? Дон Вильсон считает, что мой опыт полета к Трифидам может пригодиться. Кроме того, Куум не самое приятное место во Вселенной. Если нас поймают, меня, скорее всего, вновь сошлют на эту проклятую планету. По крайней мере, теперь у меня есть шанс вновь обрести свободу. Так что я ничего не теряю.

— Разве? — сказал Хаммонд. — По-моему, вы кое-что можете все-таки потерять, а именно — свою жизнь. На этом корабле вмонтирован ограничитель, не так ли?

Тол Орт вздохнул.

— Да, это так.

— И если нас обнаружат вблизи Трифид, то мы разлетимся в пыль?

— Врамены могут сделать это, не спору. Но Дон Вильсон считает, что такой печальный исход почти исключен.

— Почему?

— Мы взяли с собой заложника, — сказала Ива, пристально глядя на Хаммонда, словно пытаясь заглянуть ему в душу. — Вашу добрую знакомую Таяну Марден.

Глава 12

Хаммонд уже однажды был в космическом корабле во время перелета на Куум, но тогда он находился на тюремной палубе и мало что видел. Сейчас же он стоял перед огромным экраном в кабине пилота и впервые мог как следует рассмотреть панораму звездных облаков. Ему страстно хотелось, чтобы сейчас рядом с ним стояли его друзья с мыса Канаверал и увидели эти ослепительно сияющие улья разноцветных солнц,

колдовские огни двойных звезд, темные валы пылевых течений, дымчатые моря туманностей...

Не меньшее впечатление произвела на него и сама кабина, плотно заставленная панелями управления с многочисленными контрольными приборами и десятками дисплеев.

Однако Тол Орт быстро развеял его восхищение своими скептическими комментариями.

— Впечатляюще, не правда ли? — сказал он с усмешкой. — А на самом деле, Кирк, эта кабина — не более чем рудиментарный орган звездолета вроде слепой кишки у человека. В действительности корабль управляется не отсюда, а из киберштурманского отсека, где находится мощный компьютер, связанный со всеми агрегатами. Однако чисто психологически людям необходимо ощущать, что они хозяева на звездолете. Потому-то пока сохраняется этот отсек ручного управления, хотя он — не более чем мираж, киберштурман все равно контролирует каждое движение рук пилота и страхует его на случай любых ошибок.

Сидящий в кресле пилота Куобба повернулся к ним лицом и хохотнул:

— Что касается меня, то я на киберштурмана не в обиде. У этого парня железные мозги, куда мне с ним сравниться. Ха! Я только слежу за показаниями приборов, и этого с меня довольно. Кирк, хотите тоже попробовать «повести» корабль? Держу пари, вам это удастся ничуть не хуже, чем мне!

— Я? — вздрогнул Хаммонд. — Но я не сумею...

— Бросьте, Кирк, это под силу даже ребенку. Садитесь в мое кресло. Бог свидетель, вы заслужили это право, как никто другой.

Не веря самому себе, Хаммонд уселся в широкое мягкое кресло. Куобба подробно объяснил ему, на какие показания приборов надо обращать внимание, а затем заговорил с Толлом Орром об особенностях полета вблизи Трифид, ведь алголианин единственный из всего экипажа уже однажды побывал там. Их голоса почти потонули в мягком гудении двигателя, и вскоре для Хаммонда перестало существовать все, кроме его самого, корабля и звезд.

Набравшись смелости, он положил руки на панель управления и чуть-чуть изменил курс — просто так, чтобы почувствовать себя увереннее. Киберштурман отозвался недовольным всплеском цифр на дисплеях, но все же повиновался. Тогда Хаммонд уселся поудобнее и «повел» корабль, задавая бедному киберштурману одну задачу за другой.

Звезды на экране почти не меняли своего положения, и внезапно Хаммонд ощутил, что не может больше пошевелить рукой. Он словно впал в глубокий самогипноз, к нему вернулся старый кошмар. Он вновь сидел в кресле в своем маленьком стальном склепе и продолжал бесконечный облет звездных владений...

Только огромным усилием воли ему удалось стряхнуть ужасное наваждение, и тогда он услышал где-то вдалеке голос Тола Ора.

— Мне пора идти, друзья, скоро состоится совет, и мне на нем предстоит выступить. Куобба, дайте передохнуть Кирку — он даже вспотел от напряжения, дурачка киберштурмана. Куобба снисходительно улыбнулся.

— Из этого парня выйдет толк, — сказал он. — Видите, Тол, прошло почти полчаса, а мы еще летим к Трифидам!..

Несколько часов спустя в большой кают-компании состоялось совещание экипажа. В нем участвовали около сорока мужчин и женщин со многих галактических миров, собрались все свободные от вахты. За столом «президиума» сидели Дон Вильсон, Ланг и Куобба. Хаммонд, устроившись в самом дальнем углу вместе с Ивой, приободрился, заметив приветливую улыбку на лице Вильсона.

— Рад видеть вас, Кирк, — сказал он. — От имени всего экипажа благодарю за организацию побега с Куума. Мы не только вновь обрели свободу, но наконец-то получили шанс достичь Алтара. Отныне мы во всем доверяем вам, кроме одного.

— Чего именно? — насторожился Хаммонд.

— Я имею в виду Таяну Марден, — пояснил Дон Вильсон. — Больше вы не будете встречаться с ней наедине. Да, вы не особенно церемонились с ней во время побега, но и результаты вашего психозондирования нельзя сбрасывать со счетов. Мы не хотим больше рисковать. Во всем остальном, повторяю, вы равный среди равных.

Хаммонд возмущенно подумал: «Черт побери, сколько же можно вспоминать об этих дурацких показаниях психозонда?» Но вскоре успокоился и стал слушать Дона Вильсона.

— ...Теоретически шанс незаметно проникнуть в Трифиды очень мал, — говорил тот. — С другой стороны, еще никогда хоомены не имели такой прекрасной возможности попасть на Алтар, так что мы просто обязаны попытаться. Все с этим согласны?

В кают-компанию послышался тихий гул голосов, больше

похожий на выражение согласия, чем протеста. Никто не выражал восторга, никто с бравადой не кричал: «Конечно, о чем разговор!» Нет, эти люди понимали, на что идут и чем рискуют, и тем не менее были готовы поставить на карту свою жизнь.

— Как долго нам предстоит лететь к Трифидам? — спросил Таммас. — Нас не перехватят по пути патрульные корабли враменов?

Ему ответил Гурт Ланг:

— Мы не зря разрушили перед уходом с Куума его главный передатчик и взорвали склад с запасными частями. Охрана теперь не сможет послать сигнал тревоги, и у них нет другого корабля. Но отсутствие ежедневных рапортов, несомненно, вызовет тревогу на Альто-4, где находится база полицейских сил Федерации. Через двадцать четыре часа они, скорее всего, пошлют на Куум корабль, но ему потребуется не меньше десяти суток, чтобы добраться до планеты.

— Выходит, у нас в запасе десять суток? — обрадованно воскликнул Куобба. — Ха! Мы достигнем Трифидов раньше, клянусь солнцами!

— Помолчите, Раб, — раздраженно осадил его Ланг. — Могут быть и другие, менее приятные для нас варианты. Если какой-то патрульный крейсер окажется вблизи Куума, то его и пошлют, чтобы выяснить, в чем дело. Так что времени у нас может оказаться куда меньше.

Лица хооменов вытянулись. Хаммонд добавил еще одну ложку дегтя в бочку меда:

— Все это замечательно, но мы забыли о главном, — сказал он. — Врамены, несомненно, обнаружат нас на подходах к Трифидам. Что делать, если нам прикажут остановиться и ждать полицейского патруля под угрозой немедленного уничтожения?

Тол Орт кивнул, помрачнев.

— Именно это и произошло со мной много лет назад. Не думаю, что врамены с тех пор стали беспечнее. Что вы припасли на этот случай, Вильсон?

— Если мы объясним, что на борту корабля находится Таяна Марден... — начал было Вильсон, но Тол Орт немедленно перебил его.

— Это не поможет, можете не сомневаться, — убежденно сказал он. — Врамены без колебаний пожертвуют даже Марден, лишь бы не допустить нас в Трифиды. Есть только один выход, хотя и довольно рискованный.

— Какой же? — озадаченно спросил Куобба.

Дон Вильсон снисходительно усмехнулся.

— Наш друг Тол Орт кое-что придумал. Однако об этом потом. Пора побеседовать с нашей очаровательной пленницей, а то она, наверное, уже совсем заскучала. Приведите ее, Гурт.

Ланг ушел и вернулся с Таяной Марден. Женщина-врамен выглядела неважно, лицо было утомленным, на подбородке виднелся синяк. Но ее взгляд озадачил Хаммонда — в нем не было злости или ненависти, только тревога и грусть. Тол Орт вежливо встал и предложил ей сесть.

Таяна кивнула и, сев в кресло, заговорила первой:

— Прошу вас еще раз выслушать мое предостережение. Вам не удастся достичь Алтара, так что лучше и не пытаться это сделать. Вам грозит неминуемая гибель, неужели вы не понимаете?

— Вы имеете в виду ограничитель? — спокойно спросил Вильсон.

— Конечно. Вам не найти безопасный путь в Трифиды, потому что его попросту не существует. Не удастся и демонтировать ограничитель, даже если вы его и обнаружите каким-то чудом.

Тол Орт кивнул.

— Понятно. Откровенно говоря, мы надеемся на вас, Таяна. Помешать нам лететь к Трифидам вы не сможете, а вот помочь — в ваших силах.

— Помочь вам? — изумленно переспросила Таяна. — Да вы с ума сошли!

— Посмотрим, — кротко улыбнулся Тол Орт и начал задавать пленнице вопросы, довольно странные, на взгляд Хаммонда. Таяна отвечал на них презрительным тоном, затем внезапно нахмурилась.

— Что-то я не понимаю, к чему этот разговор? — настороженно спросила она. — Чего вы от меня хотите?

— Больше ничего, — ответил Дон Вильсон и кивнул Лангу. — Гурт, отведите пленницу в ее каюту и выставьте охрану.

Когда Таяна Марден ушла, Дон Вильсон с надеждой посмотрел на алголианина.

— Все прошло нормально?

Тол Орт хмыкнул.

— Кажется, так... Но это было нелегко сделать. Марден отнюдь не глупа, она едва не догадалась, в чем смысл моих дурацких вопросов.

— И в чем же их смысл? — буркнул Куобба. — Я ни черта так и не понял.

Тол Орт подошел к стене — той, что находилась перед креслом, в котором еще недавно сидела Марден, и нажал на едва заметную кнопку.

Тотчас небольшая плита сдвинулась в сторону, и за ней открылась ниша, в которой находился какой-то прибор с широким окуляром.

— Это стереовидеокамера, — объяснил алголианин. — Я специально взял ее с Куума, рассчитывая, что она нам пригодится.

— Ха! На что она нам сдалась?

— Я сделал видеозапись Таяны во время нашего разговора. Мои вопросы, возможно, показались вам нелепыми; мне просто нужно было получить определенные ответы. Теперь с помощью компьютера мы сможем перемонтировать их так, чтобы Таяна, вернее, ее изображение на экране, могла отвечать на самые очевидные вопросы. Ясно?

Все находившиеся в кают-компании заулыбались и шумно выразили свое одобрение.

Только Хаммонд не понял причины общего восторга. Как можно из обрывков записи создать иллюзию нормального разговора?

Следующие несколько дней алголианин провел в лаборатории, колдуя над видеозаписью. Наконец он подсоединил передатчик к компьютеру — вместе они должны были создать видимость «живого эфира».

— Я сделал все, что мог, — сказал Тол Орт, доложив о своей работе экипажу. — Однако риск остается, и немалый. Если врамены будут задавать моей «компьютерной Таяне» нестандартные вопросы, то все рухнет. Будем надеяться, что этого не произойдет.

Шесть дней спустя Хаммонд проснулся «утром» и увидел в иллюминаторе каюты жемчужное облако туманности, лежащее впереди по курсу корабля.

Трифиды. Даже на астрономических фотографиях, которые Хаммонд видел в двадцатом веке, эта туманность выглядела впечатляюще. С подобной же малой дистанции она попросту ошеломляла.

Вокруг сияли звездные облака, которые летней ночью на Земле можно было увидеть в районе созвездия Стрельца. Сияющую массу Трифид разделяли три гигантских ущелья шири-

ной в световые годы, образывая дороги в непредсказуемые глубины туманности.

Звездный свет падал на лица людей, находившихся в кабине пилота. Таммас суеился возле приборной стойки, а Дон Вильсон, Куобба и Ива стояли чуть позади Хаммонда. Теперь, перед нависшим титаническим храмом Трифид, ему показалось, что все они грешники, приближающиеся к престолу Господа.

Колдовское очарование этого мига рассеял нервный голос Вильсона:

— Нас могут обнаружить в любой момент. Думаю, что Тол уже готов.

Хаммонд оторвал взгляд от завораживающего экрана и вышел вслед за Вильсоном из кабины пилота. Он боялся продолжать смотреть на туманность, которая лишала его мужества.

В радиорубке Тол Опп приветствовал их спокойным кивком головы.

— У меня все готово. Помните, вы должны сохранять тишину и ни в коем случае не появляться перед объективом телепередатчика.

Корабль продолжал лететь под гул двигателя. Экипаж ждал. Экран телеприемника оставался темным.

Раздался резкий звук зуммера, и Хаммонд вздрогнул.

— Это они, — пробормотал Вильсон.

— Тише, — прервал его Тол Опп, словно успокаивая перепуганного малыша, и коснулся выключателя.

На экране возникло приятное лицо юноши, вполне обыкновенное лицо, за исключением того, что оно принадлежало ненавистному врагу. За ним были видны незнакомые Хаммонду приборы.

— Назовите кодовый номер вашего корабля, — потребовал юноша.

Тол Опп коснулся другого выключателя, и стереовидеопроектор заработал. Перед объективом телепередатчика возникло трехмерное изображение Таяны Марден.

— Возвращаюсь за необходимой мне консультацией. На корабле нет никого, кроме врагов.

Ее слова прозвучали вполне естественно.

Хаммонд надеялся, что это убедило юношу, иначе он просто нажмет на кнопку и они даже не узнают, что погибли.

На экране было видно, как глаза юного врага засияли от удовольствия.

— Рад вас видеть, Таяна. Вы отсутствовали так долго! Добро пожаловать.

Экран погас. Тол Опп повернул выключатель, и стереоизображение Таяны исчезло. Хаммонд почувствовал, что стальной обруч, сжимавший его грудь во время короткого разговора, разомкнулся. Члены экипажа торжествующе посмотрели друг на друга.

— Хорошая работа, Тол! — сказал Вильсон. — Нам удалось перехитрить врагов.

Тол Опп покачал головой.

— Боюсь, это ненадолго, — произнес он с сомнением. — Не забудьте, теперь враги ожидают Марден на Алтаре. Если она не появится, то поднимут тревогу и начнутся поиски.

— К этому времени, надеюсь, мы уже зайдем глубоко в Трифиды, — проворчал Вильсон. Он подошел к Норму Абелу, изучавшему показания пеленгатора. — Ты определил координаты станции, из которой враг вел передачу?

— Похоже, что так. Но мне надо поработать над данными, прежде чем я сумею рассчитать новую траекторию.

В маленьком навигационном отсеке вскоре собрались Ланг, Абел, Вильсон и Тол Опп. Хоомы склонились над столом, разложив перед собой многочисленные таблицы и графики. Хаммонд заглядывал им через плечи, но так ничего и не понял в хитросплетении вычислений.

— Кажется, все, — сказал наконец Абел. — Если их передатчик находится на Алтаре, то путь к этой планете ясен. Быть может, врагам известна дорога получше, но нам и эта подойдет. Мы войдем в туманность через одну из расщелин.

Лицо Ланга стало еще мрачнее обычного.

— Нелегко будет лететь через туманность, черт ее дер.

Хаммонд удивленно спросил у Тола Оппа:

— Почему вы все так озадачены? Я полагал, что космическое пространство в туманностях очень разреженное.

Тол Опп кивнул.

— Верно. Трифиды выглядят со стороны словно облако огня, но на самом деле это лишь отражение света звезд от частичек космической пыли. В лабораторном глубоком вакууме больше плотность вещества, чем в туманности. Кораблю это угрожать не может.

— Тогда в чем проблема?

— В магнитных полях. Облака пыли в Трифидах находятся в непрерывном движении, вращаясь и сталкиваясь друг с другом. Возникают мощные магнитные поля, напряженность и форма которых постоянно меняется. Можете себе представить, как они подействуют на наш фотонный двигатель!

Время шло, корабль спокойно летел по направлению к Трифидам. Хаммонд отсыпался, набирался сил, и ночные кошмары перестали его преследовать. И все же по утрам он вспоминал один и тот же возбуждающий его сон: будто бы он сжимает в объятиях Таяну Марден. Она хохочет, вырывается и внезапно исчезает. Только тогда становится ясно, что это лишь бестелесное стереоизображение... Таяна сидит под арестом в маленькой каюте. Как она чувствует себя — дрожит от страха? Сомнительно. Конечно, она высокомерная ведьма, но мужества ей не занимать. Наверное, расхаживает по своей стальной клетке, не находя себе места... Черт, зачем он вообще о ней думает?

Хаммонд вскочил с койки и вышел в коридор. На экране в кабине пилота раскрывалась великолепная панорама Трифид. Бесчисленные звезды сияли в глубине огромного газового облака, словно бриллианты на дне моря. Титанические ущелья, видимые даже с Земли, казались бездонными реками мрака среди сверкающих берегов. Корабль медленно плыл по одной из этих рек, уходя все дальше и дальше в глубь туманности.

Шау Таммас, сидевший в кресле пилота, повернул к Хаммонду сморщенное желтое личико и ухмыльнулся:

— Чудесное местечко, верно? Только дьявольские выродки вроде враменов захотели бы жить в этой преисподней.

Вскоре мизарианина сменил Раб Куобба. Корабль плыл сейчас вблизи пылающего берега, мимо сверкающих мысов из сотен созвездий, пересекая заливы мрака, уходящие на миллионы миль в глубь туманности. Хаммонд был подавлен этим зрелищем, слишком фантастичным для выходца из патриархального двадцатого века. Однако на лицах Ивы и Таммаса читался такой же благоговейный ужас.

В кабину на минуту заглянул Дон Вильсон. Мельком взглянув на проплывающие мимо величественные звездные берега, он сказал:

— Пристегните ремни. Раб, перестань терзать пульт управления, дальше мы пойдем на автопилоте. Ива, пойдем, тебе здесь не место.

Куобба кивнул в сторону соседнего кресла, и Хаммонд уселся, торопливо пристегивая ремни безопасности. Из интеркома послышался голос Ланга:

— Автопилот включен!

Куобба поставил систему управления в автоматический режим и неохотно снял руки с пульта.

— Есть автопилот! Надеюсь, электронные мозги не заведут нас черт знает куда. — Он покосился на Хаммонда. — Глядите в оба, ископаемый астронавт! Сейчас вы получите урок под названием «пилотирование в туманности». Только в Трифидах это сложнее, чем где-нибудь еще....

Его слова заглушил нарастающий гул генераторов. За дело взялся киберштурман, молниеносно рассчитывая наиболее безопасную траекторию в сложнейшем переплетении гравитационных и магнитных полей. Получив от него команды в виде электрических импульсов, автопилот уверенно развернул корабль и направил его прямо на сверкающий берег из тысяч звезд.

Река мрака начала уходить назад. Хаммонд, затаив дыхание, увидел, как стена огня двинулась им навстречу. По мере приближения она стала гаснуть и вскоре уже была не ярче лунного света. Впереди, среди пелены разреженного газа, вспыхнул треугольник тройного солнца, за ним еще один, и еще, и еще... Мощные гравитационные и магнитные поля обрушились на корабль, корпус задрожал мелкой дрожью. Генераторы взревели, насыщая энергией фотонный двигатель. Киберштурман работал с полной нагрузкой, постоянно корректируя курс и отдавая приказы автопилоту. Корабль благополучно вырвался из одной ловушки, но тут же попадал в другую. Хаммонду казалось, что рано или поздно они непременно попадут в сети какого-нибудь светила, которое поглотит их, словно акула крошечную рыбешку. Например, вот эта угрожающе растущая тройная звезда, состоящая из двух теплых золотистых солнц и одного горячего, бело-голубого....

Однако киберштурман не сдавался. В битве со звездами, в которой разум любого человека оказался бы слишком слаб и неповоротлив, электронный мозг успевал отражать удар за ударом, не зная ни сомнений, ни усталости. Человеку не было места в этой туманности, но машины чувствовали себя в подобной обстановке как рыба в воде. Не зря именно здесь поселились похожие на роботов врамены...

Хищная тройная звезда наконец осталась позади. Наступила небольшая обманчивая передышка перед новой схваткой.

Огоньки на контрольной панели прекратили бешеную пляску, но их мигание навевало тревогу.

Куобба впился взглядом в многочисленные приборы и простонал:

— Дьявол, мы попали в космическое течение, в котором полно крупных обломков! Как бы шею не сломать...

До сих пор киберштурман успешно спасал их от незримых пут магнитных полей звезд, но сейчас и ему пришлось нелегко. Началась бешеная свистопляска.

Корабль резко замедлил скорость и стал рыскать из стороны в сторону, уходя от столкновения. Ремни безопасности впелись в тело Хаммонда, не давая вздохнуть. Панорама сияющих звезд погасла, задержавшись пеленой космического течения. Внезапно корпус корабля вздрогнул, словно от удара метеорита. На экране то здесь, то там вспыхивали ослепительные искры. Сквозь рев генераторов до Хаммонда донесся крик Куоббы:

— Это работа противометеоритной защиты, Кирк! Лазеры уничтожают мелкие обломки, а от крупных автопилот пытается увернуться!

Корабль еще некоторое время продолжал рыскать из стороны в сторону так, что переборки трещали, а потом наконец вышел из опаснейшего течения. И сразу же на них обрушилось очередное магнитное поле...

Киберштурман упрямо держал корабль на прежнем курсе. Миную звезду за звездой, они летели в глубь Трифид.

Не выдержав многочасового напряжения, Хаммонд задремал. Проснулся он от перемены в тембре гудения генераторов. С трудом подняв отяжелевшие веки, он сразу же взглянул на экран и увидел, что панорама на нем заметно изменилась.

— Начали торможение, — объяснил Куобба, заметив его недоуменный взгляд. — Впереди по курсу радары обнаружили звезду с одной-единственной планетой. Мы думаем, что это Алтар.

Хаммонд сразу же окончательно проснулся. Вглядевшись в экран, он увидел далеко впереди яркое пятно, затянутое пеленой газового облака.

В кабину пилота вошли Дон Вильсон и Ланг и уселись в свободные кресла. Туманная звезда медленно приближалась.

— Я поручил штурманам провести тщательное изучение пространства вокруг этого солнца, — сказал Вильсон. — Любой астероид может укрыть нас от радаров враменов.

Вскоре в кабину вошел Норт Абел и протянул ему листок, испещренный цифрами.

— Мы обнаружили достаточно крупный обломок, и киберштурман рассчитал траекторию сближения с ним. — Вильсон внимательно изучил расчеты и передал листок Куоббе. — Попробуем обмануть враменов. Раб, настал твой час, переходи на ручное управление.

Туманная пелена постепенно светлела, становясь все более прозрачной — сказывалось действие гравитационного поля светила. Наконец звезда предстала перед ними во всем своем колдовском блеске. Вокруг нее кружила небольшая планета, размерами уступавшая Земле: возможно, это и был долгожданный Алтар. Но сейчас все взгляды были прикованы к звезде.

— Клянусь Создателем, я никогда не видел ничего подобного, — пробормотал Куобба.

Остальные промолчали, не находя слов.

Нет, не пылевое облако, преломляющее лучи света, придавало этому солнцу такой фантастический вид, космос впереди был чист. Огромный опаловый шар испускал фейерверк разноцветных лучей — красных, зеленых, фиолетовых, золотистых, подобно великолепному бриллианту. Маленькая планета купалась в потоках радужного света, словно дитя в колыбели.

Вильсон тихо произнес:

— Никогда не видел и даже не слышал о таких звездах...

— Таких звезд нет нигде в Галактике! — воскликнул Норт Абел. — Пойду расскажу Толу Орру.

Он выскочил из каюты, чтобы поделиться побыстрее поразительной новостью со своим земляком.

— Неужели эта планета — Алтар? — спросил Хаммонд.

— Возможно, — кивнул Дон Вильсон.

— Будем садиться? — спросил Куобба.

— Конечно. Но надо оставаться как можно дольше под прикрытием ближайшего из астероидов. Гурт, займись киберштурманом.

Ланг отправился в вычислительный центр, а Хаммонд вместе с Вильсоном и вегианином продолжал любоваться поразительной звездой. При приближении к ней сияние все усиливалось, переливы красок завораживали. Казалось, это солнце пришло из другой области Вселенной, неся с собой тайну зарождения жизни из небытия.

Ива взволнованно прошептала:

— Какая колдовская, жуткая красота...

Вернулся Норт Абел с вытаращенными от волнения глазами: — Тол хочет поговорить с вами, Дон, и немедленно! — выпалил он. — Ему что-то известно об этой дьявольской звезде.

Вильсон неохотно поднялся с кресла и вышел в коридор. Ива и Хаммонд последовали за ним, сгорая от любопытства.

Тол Опп находился в навигационном отсеке. Он изучал опаловую звезду, прильнув к окулярам спектроскопа. Хаммонд еще никогда не видел обычно хладнокровного алголианина таким взволнованным.

Оторвавшись от прибора, он сказал, ошеломленно глядя на Вильсона и его товарищей.

— Вы знаете, что я в прошлом был специалистом по космическим лучам. В свое время меня сослали на Куум именно за то, что я слишком близко подошел к Трифидам, увлекшись исследованиями.

— Да-да, знаем, — прервал его Дон Вильсон нетерпеливо. — Сейчас нас интересует приближающаяся странная звезда и ее планета. Вы полагаете, что этот мир — Алтар?

— Об этом я и толкую, — ответил раздраженно Тол Опп. — В прошлый раз я прилетел в Трифиды, чтобы изучить новый вид космических лучей, который не встречается больше нигде в нашей Галактике. Сейчас ясно, что источником его служит эта удивительная звезда! Такого мощного источника высокочастотных электромагнитных колебаний в природе больше не существует.

В голосе Тола Оппа прозвучал неприкрытый страх. Поймав удивленный взгляд Хаммонда, алголианин объяснил:

— Электромагнитный поток такой интенсивности и частоты должен серьезно влиять на все живое, в том числе и на человека. Последствия подобного воздействия непредсказуемы.

Дон Вильсон побледнел.

— Вы хотите сказать...

— Да, — кивнул Тол Опп. — Секрет вечной жизни, скорее всего, нужно искать здесь, на этой звезде.

Глава 14

— Миллионы лет, с момента сотворения Вселенной, Трифиды хранили тайну удивительной звезды, выделявшейся среди других, словно бриллиант среди обычной гальки. Но однажды, две тысячи лет назад, на нее случайно набрали люди. Высокочастотное излучение воздействовало на клетки орга-

низма этих людей, значительно усиливая в них регенеративные процессы. И обычные люди стали враменами, первыми представителями расы бессмертных.

Дон Вильсон внимательно выслушал пылкую речь алголианина, а затем прошептал:

— Да, наверное, так и было. Но если дело только в излучении звезды, тогда и мы...

Куобба, охнув, заорал:

— Ха! Я, кажется, понял! Свет этого солнца подарит нам вечную жизнь, и мы тоже станем враменами!

«Нет, это невозможно! — подумал Хаммонд, потрясенный до глубины души. — Эти люди слишком долго лелеяли мечту о бессмертии и теперь поддались гипнозу самообмана. Ничто не доказывает, что перед нами находится загадочный мир враменов!» И все же его сердце пело от восторга: «Жизнь, жизнь, жизнь!»

Видимо, Норт Абел или кто-то другой не выдержал и проболтался о догадках Тола Оппа, потому что вскоре корабль наполнился гулом взволнованных голосов. Люди теснились около кабины пилота, чтобы хоть одним глазком взглянуть на фантастическую звезду. Общее возбуждение готово было вот-вот перейти в истерику. Психологический шок был слишком велик, и даже Хаммонд ощущал, что близок к умопомешательству. Каждый человек с детства знает о своей неизбежной смерти и с возрастом постепенно привыкает к этой мысли, хотя и боится ее, и постоянно гонит прочь. Возникновение расы враменов нарушило естественный порядок, заложенный природой. Людям стало куда труднее смириться с неизбежностью своего ухода, когда они узнали про собратьев, не только не умирающих, но даже почти не стареющих, почти не ведающих болезней. Из поколения в поколение переходила зависть к враменам, узурпировавшим право на бессмертие, не желавшим поделиться эликсиром жизни. Мечта достичь Алтара со временем стала навязчивой идеей всего человечества, рассеянного по Галактике. И вот наконец, спустя два тысячелетия, хоомены впервые достигли своей цели! Было от чего потерять голову...

В считанные минуты корабль превратился в сумасшедший дом. Все и думать забыли о дисциплине, но Дон Вильсон вновь взял бразды правления в свои руки. Вылив на разгоряченных хооменов холодный ушат из отборных ругательств и приказов, он восстановил относительную тишину в кабине пилота,

а затем твердым голосом произнес, обращаясь к своим подчиненным, как к малым детям:

— Не спешите радоваться, друзья, еще нет никакой уверенности, что перед нами — Алтар. Не исключено, что Тол Орт прав и секрет вечной жизни кроется в удивительном спектре излучения этой звезды. Но, может быть, она здесь ни при чем. Если мы потеряем сейчас голову, то никакой чудесный эликсир жизни нам не поможет. Вспомните об ограничителе!

Мысль о том, что в любой момент взрыватель может сработать и разнести корабль в пыль, отрезвила людей. Никому не хотелось умирать, особенно сейчас, когда до бессмертия было так близко.

— Все немедленно разойдитесь по своим местам, — сурово приказал Дон Вильсон. — Гурт, проследи за этим, а затем приведи Таяну Марден. Быстро!

— Мы выходим из тени астероида, — взволнованно доложил Куобба. — Он уходит от Алтара и больше не может нас прикрывать. Что делать?

Дон Вильсон взглянул на экран, где в радужных лучах солнца плыла зеленая планета, и решительно сказал:

— Держите курс прямо на Алтар.

— Но нас сразу же обнаружит радар враменов, — тревожно возразил Куобба.

— Ну и что? До поры до времени они будут считать, что корабль Марден возвращается на базу.

Вегианин кивнул и отключил автопилот. Набирая скорость, корабль шел по траектории сближения с планетой. Генераторы вновь загудели.

В каюту вошла Таяна Марден в сопровождении сурового Ланга. Она даже не взглянула на находившихся здесь членов экипажа, нет, ее внимание было целиком приковано к опаловой звезде и крошечной одинокой планете.

— Это Алтар, верно? — спросил Дон Вильсон.

Таяна спокойно взглянула на него, ничего не ответив.

— Не время играть в молчанку, Марден, — предупредил ее Вильсон. — Мы все равно приземлимся на этой планете, хотите вы или нет.

— Не надо! — умоляюще прошептала Таяна. — Поворачивайте и улетайте отсюда, пока не поздно. Так будет лучше для всех хооменов, не только для вас.

Гурт Ланг презрительно рассмеялся в ответ. Вошедший в каюту Тол Орт отодвинул его в сторону и спросил:

— Секрет вечной жизни — в излучении этой удивительной звезды, не так ли?

Таяна Марден обвела всех находившихся в кабине пилота тоскливым взглядом и едва слышно промолвила:

— Да.

Глаза Дона Вильсона торжествующе засияли. Цель всей его жизни была так близка!

Тол Орт не унимался:

— Скажите, Марден, лучи этого солнца нас тоже сделают бессмертными, подобно вам, враменам?

Таяна с болью в глазах посмотрела на Хаммонда и ответила:

— Для этого потребуется много дней. Если вы высадитесь на Алтаре, то столько все равно не проживете. — Она вновь обратилась к хооменам со страстной мольбой: — Повторяю в последний раз, остановитесь! Бессмертие — это биологическая ловушка, ее последствия ужасны. Если вы подвергнетесь воздействию лучей, то перед вами раскроются не врата рая, а пропасть ада...

— Не надо нас пугать, словно несмышленицей, — язвительно прервал ее Дон Вильсон. — Насколько можно судить, вы, врамены, очень недурно устроились в этой жуткой преисподней и покидать ее не собираетесь.

Таяна опустила голову.

— Бездна спорить с вами, — прошептала она. — Я знала об этом с самого начала. Вот почему мы, врамены, никогда не стремились открыть хооменам всю правду — это было бы бесполезно.

— Почему же? — неожиданно для всех заговорил Хаммонд. — Мы готовы вас выслушать.

Ланг злобно посмотрел на него.

— Куда вы лезете, Кирк? Черт побери, я всегда считал, что вам нельзя доверять.

Нервы Хаммонда были напряжены до предела, и, не выдержав, он заорал:

— Сколько можно нести эту чушь? Разве вы оказались бы здесь, если бы не моя помощь?

Дон Вильсон в сердцах стукнул кулаком по приборной стойке.

— Замолчите, вы оба! Только ссор нам сейчас не хватает. — Обернувшись к Марден, он спросил: — Где на Алтаре находится главный город враменов?

— На северном полюсе, в высокогорном районе. Если уж

вы надумали садиться на планету, то направляйте корабль именно туда. В других местах вы не будете в безопасности.

— В безопасности? — переспросил Ланг и расхохотался. — Ну конечно, в безопасности — в руках враменов.

Глаза Таяны сердито сверкнули.

— Вы ничего не понимаете! Мы, врамены, контролируем только часть приполярной области. Почти вся остальная планета принадлежит другой расе — Третьим людям. Ни в коем случае вы не должны оказаться на их территории!

Ланг сурово нахмурился.

— Сколько можно дурить нам головы? Мы уже устали от вашего постоянного вранья, Марден.

Таяна вздохнула.

— Так вы не хотите сесть рядом с Шаранной, центром враменов на Алтаре?

— Дураков нет, — любезно ответил Дон Вильсон, снисходительно усмехаясь.

Таяна перевела тоскливый взгляд на Хаммонда и еще раз вздохнула.

— Тогда все мы очень скоро погибнем. Прощайте, Кирк Хаммонд!

Повернувшись, она ушла, сопровождаемая Таммасом.

Последние слова Таяны тревожным эхом звучали в ушах Хаммонда. Ланг гневно взглянул на него, но сдержался и спросил Вильсона:

— Интересно, что она имела в виду, когда говорила о нашей неминуемой гибели?

Вильсон хмыкнул.

— Здесь и гадать нечего. Радары враменов, скорее всего, уже засекли нас. Если мы сядем не на космодроме в Шаранне, а где-нибудь в другом месте, то они заподозрят неладное и на всякий случай взорвут корабль.

На лице Куоббы заблестел пот.

— И что же нам делать? — растерянно спросил он.

— Направь корабль в сторону северного полюса, — сказал Вильсон. — Но на орбите раскачай, словно он потерял управляемость из-за неполадки, и сразу же садись. Врамены могут подумать, что мы потерпели аварию.

Хаммонд с сомнением посмотрел на него.

— Вы считаете, что в этом случае они не подорвут взрывное устройство?

— Не знаю, — сказал Вильсон. — Но у нас появится шанс.

Скорее всего, врамены попытаются связаться с нами или пошлют отряд спасателей.

— А если они найдут место посадки?

— Они найдут лишь следы аварии. Мы сразу же покинем корабль и унесем с него все, что будет в наших силах. На всякий случай взорвем два-три второстепенных отсека, чтобы сбить преследователей с толку. Мы наденем металлические шлемы от скафандров, так что гипноизлучатели нам будут не страшны. Кроме того, у нас есть оружие — мы захватили с Куумы шокеры.

— И надолго ли это остановит враменов? — с сомнением спросил Тол Орт.

— Надеюсь, чтобы скрыться, времени хватит, — ответил Вильсон. — Если верить Марден, у враменов есть враги, которые могут стать нашими союзниками. Я имею в виду неких Третьих людей.

— Чувь, — скептически усмехнулся Ланг. — Марден попросту хотела нас запугать.

— Может, и так, — согласился Вильсон. — Но не исключено и другое — какая-нибудь иная раса нашла этот мир и также стала бессмертной.

Подобная мысль раньше не приходила Хаммонду в голову и потому потрясла его. Конечно же, не только люди, но и другие разумные существа, в том числе и из далеких галактик, могли прилететь в Трифиды в поисках вечной жизни. Словно животворный магнит, звезда манила к себе разумных существ, жаждущих навеки избавиться от страха смерти. Они могли вступить друг с другом в военный конфликт, борясь за место под солнцем.

— Готовьтесь к высадке, — объявил Вильсон, прерывая его размышления. — Из корабля надо будет вынести все наиболее ценное: атомные реакторы, аккумуляторы, инструменты, ремонтное оборудование, оружие, продовольствие... Все, что только сможем! Гурт, возьмите руководство этим делом на себя. Торопитесь!

В корабле начался самый настоящий бедлам. Ланг и Тол Орт определяли, что надо демонтировать, и экипаж немедленно набрасывался с инструментами на тот или иной агрегат, о назначении которых Хаммонд мог только догадываться. Остальные хоомены вручную перетаскивали снятые агрегаты к шлюзам.

Группа техников под руководством Ланга наскоро соорудила электрические подъемники, чтобы с их помощью вы-

гружать тяжелые атомные генераторы. Хаммонд вместе с Абелом занялся самой простой работой — переносил к шлюзам картонные коробки с продовольствием, которые Ива доставала из кладовых. По всем коридорам торопливо сновали люди, заглушая своими возбужденными голосами даже гул генераторов.

Когда Хаммонд пришел за очередной коробкой, Ива спросила его:

— О чем рассказала вам Таяна Марден?

— О многом. Но мне показалось, что она больше всего хотела нас запугать, расписывая всяческие страсти об Алтаре.

Ива настороженно взглянула на него.

— Возможно, к ее словам стоит прислушаться, Кирк. Вряд ли ей есть дело до хооменов, но к вашей судьбе она неравнодушна.

Хаммонд с негодованием посмотрел на девушку.

— Ива, да вы с ума сошли, если считаете...

Он не успел закончить свою гневную тираду. За бортом послышался знакомый свистящий звук — корабль начал вхождение в атмосферу. Из интеркома донесся голос Ланга:

— Внимание! Начинаем торможение. Всем пристегнуть ремни.

Люди бросили работу и уселись в креслах, торопливо пристегивая ремни безопасности.

Хаммонд и Ива устроились в кают-компанию, заняв места неподалеку от обзорного экрана.

Планету почти сплошь покрывал темно-зеленый ковер лесов, кое-где расцвеченный желтыми пятнами болот. Цветовая гамма заставила Хаммонда вспомнить о панораме гор в Нью-Мехико поздней осенью, с золотыми факелами осин среди сосен...

Поверхность планеты неожиданно резко наклонилась — корабль вошел в штопор, имитируя аварию.

Ремни безопасности болезненно впились в тело Хаммонда, а Ива не удержалась от испуганных восклицаний. Впечатление было такое, что корабль на самом деле потерял управляемость и катастрофа неминуема. За бортом воздух гудел все громче и громче, а экран полностью заполнил стремительно приближающийся лес.

«Неужели мы пролетели такой путь, чтобы так бездарно погибнуть?» — с тоской подумал Хаммонд.

Глухой удар, треск лопнувших переборок, панические крики людей...

Затем настала тишина. Через минуту ее нарушил резкий голос Ланга, зазвучавший из интеркома:

— Всем немедленно выходить наружу! Начать разгрузку оборудования!

Хаммонд помог Иве расстегнуть ремни, и они вслед за остальными выбежали в коридор и затем к шлюзам. Из распахнутых люков лился ослепительный свет солнца. В корабль ворвался теплый сухой ветер.

Закипела работа. На землю были спущены пандусы, и члены экипажа, в том числе Хаммонд и Ива, стали ручную выносить коробки с продовольствием. В грузовом люке были установлены электрические лебедки, с помощью которых начали выгружать атомные реакторы и другие тяжелые агрегаты. Времени осмотреться на месте посадки не было. Дон Вильсон подгонял всех приказами:

— Быстрее! Времени могут подорвать корабль в любую минуту. Уносите все подальше, к лесу. Быстрее, я говорю!

Сознание смертельной опасности лучше всяких распоряжений подгоняло людей. Громоздкие агрегаты были спущены на землю с рекордной скоростью, а затем на электрокарах отвозены подальше от корабля.

Наконец основная часть грузов уже лежала огромной грудой на опушке леса, и экипаж смог немного передохнуть и оглядеться.

Рядом возвышалась стена густых зарослей, состоящих не из деревьев, а огромных древовидных лишайников. Они росли группами, этакими темно-зелеными холмами двадцати-тридцати футов высотой и еще больше в диаметре. Между ними расстился малахитовый ковер мха с золотистыми прожилками травы.

Солнце скрылось за горизонтом, но небо еще переливалось радужными сполохами, напоминавшими полярное сияние. Вокруг царил хрустальная тишина. Люди смотрели со страхом и надеждой на планету своей мечты.

Глава 15

Ночь стояла над Алтаром, но совсем иная, чем на Земле или Кууме. Здесь не было ни звездного купола, ни лун. Небо представляло собой мерцающий жемчужный свод, льющийся на землю тусклые рассеянные лучи, почти не дающие тени.

Люди собрались тесной группой рядом с грудой оборудо-

вания и припасов. Хотя солнце село почти час назад, было все же достаточно светло, и фонари не включали. Несколько человек, вооруженных шокерами, охраняли лагерь, остальные спали.

Хаммонд, несмотря на усталость, не смог сомкнуть глаз так же, как и Таяна Марден. Она сидела чуть в стороне от него, под бдительным наблюдением Шау Таммаса. Маленький мизарианин держал пленницу под постоянным прицелом шокера. Хаммонд едва различал бледное лицо Таяны в тусклом свете неба и стгорал от желания поговорить с ней. Он обязательно поговорит с ней, как бы ни возражали Вильсон, Ланг и все остальные, черт бы их побрал!

Не выдержав, он встал и шагнул вперед, по колено увязнув в высоком мху.

И тут же раздался оглушительный удар грома, и волна горячего воздуха ударила ему в грудь, сбив с ног.

Лагерь немедленно проснулся. Люди вскочили на ноги, испуганно озираясь и ничего не понимая.

— Корабль! — заорал Куобба, указывая рукой в сторону дымного столба, поднимавшегося на месте, где еще недавно стоял звездолет.

Хоомены с криками проклятий бросились было в ту сторону, но Дон Вильсон остановил их:

— Все назад! Врамены подорвали наш корабль, как мы и ожидали. Нам нечего там делать.

Холодные мурашки пробежали по спине Хаммонда. С таким же успехом это могло произойти и при приближении к Трифидам, и при выгрузке корабля. Да, он был прав, ненавидя враменов, — эти чудовища спокойно распоряжались жизнью и смертью других людей, словно имели на это право.

Вильсон с угрожающим видом подошел к Таяне. Она тоже встала и со странным выражением лица смотрела на останки звездолета.

— Почему ваши друзья подорвали корабль вместо того, чтобы прийти нам, вернее, вам на помощь?

Таяна глухо ответила:

— Я же говорила — врамены никогда не покидают свою территорию, это слишком опасно.

— Ах, да, таинственные Третьи люди, — усмехнулся подошедший Ланг. — Пугало, которым вы хотели нас утратить. Глупая выдумка!

— Напрасно вы так считаете, — мрачно сказала Таяна, оглядывая мерцающее небо. — Мои собратья наверняка наблю-

дали за местом нашей посадки из Шаранны. Раз они решили взорвать корабль, значит, радары обнаружили приближающиеся флайеры. — Она с безнадежным видом обратилась к Дону Вильсону: — Прошу вас, послушайте меня хотя бы сейчас! Уничтожьте атомные генераторы и все металлические приборы, которые вы сняли с корабля! Если они попадут в руки Третьих людей...

Вильсон прервал ее язвительным смехом.

— Понятное дело, вам хотелось бы, чтобы мы остались ни с чем. Не выйдет! — Он обернулся к окружавшим его товарищам и, повысив голос, приказал: — Удвойте охрану! Не пускать в ход шокеры без моего приказа.

Хаммонд подошел к нему и сказал, что остался без оружия. Дон Вильсон успокаивающе похлопал его по плечу.

— Не волнуйтесь, никакой схватки не будет. Если даже эти таинственные Третьи люди и существуют, они — враги враменов, а значит, наши потенциальные друзья. Я сумею с ними договориться.

— Послушайте! — воскликнула Ива.

Все замолчали, тревожно озираясь по сторонам. И услышали вдали резкий прерывистый свист, несущийся с небес.

— Флайеры, — сказала Таяна, опустив плечи. — Третьи люди заметили взрыв и теперь летят на столб дыма.

Вильсон приказал Таммасу:

— Следи за ней, Шау. Не отходи от нее ни на шаг, что бы ни произошло!

Вместе с Лангом он шагнул к зарослям гигантских лишайников, и за ним последовали все остальные хоомены. Воспользовавшись моментом, Хаммонд подошел к Таяне Марден, не обращая внимания на насторожившегося Таммаса.

— Ну и что, Кирк, довольны? — спросила с горькой иронией Таяна. — Вы помогли хооменам впервые достичь Алтара. Если вы останетесь живы, в чем я сомневаюсь, то излучение солнца сделает вас бессмертным. И тогда вы станете по-настоящему счастливыми — как и мы, врамены.

— Таяна, хватит говорить загадками. Скажите, что нам угрожает?

Она невесело усмехнулась.

— Ничего. Ровным счетом ничего. Я ведь только и умею, что лгать, вы сами говорили об этом.

Женщина замолчала, и тогда Хаммонд услышал, что свист в небе стал громче.

— Приближаются ваши новые друзья, — устало сказала

Таяна, опустив голову. — Бегите им навстречу, Кирк, кричите «ура». Конечно же, они помогут вам в борьбе с ненавистными враменами.

Хаммонд вновь взглянул на небо и увидел четыре длинные тени, быстро пролетевшие над ними.

Свист стал пронзительным до боли в ушах, а затем утих немного, когда флайеры замедлили скорость. Один из них вскоре опустился за ближайшим холмом, а остальные продолжали кружить в воздухе.

Хоомены напряженно ожидали, сжимая в руках шокеры. Долгое время ничего не происходило, только флайеры со свистом кружили в мерцающем небе.

Хаммонд подошел к Вильсону и произнес:

— Не нравится мне это, Дон. Пока мы будем стоять и ждать, нас могут окружить.

— Аборигены не будут нападать на нас, кто бы они ни были, — убежденно ответил Вильсон. Выждав несколько минут, он пошел в сторону холма, и его голос глухим эхом отразился от гигантских лишайников, нависающих высоко над землей: — Мы ваши друзья! Друзья!

Долгое время не было слышно ничего, кроме свиста кружащих в небе флайеров. Наконец из-за гряды донесся высокий голос:

— Друзья?

— Мы хоомены, — громко произнес Дон Вильсон. — Мы не знаем, кто вы, но готовы вступить с вами в союз, если вы, конечно, не врамены.

На этот раз ответ пришел быстрее. Абориген ответил на галакто, и в его холодном голосе Хаммонду почудилась легкая ирония:

— Мы не врамены, нет! Врамены никогда не были нашими друзьями.

— И нашими тоже, — поспешил заверить Вильсон. — Они пытались помешать нам попасть на Алтар, а теперь охотятся за нами. Только что они разрушили наш корабль. Одного из них мы сумели захватить в качестве заложника.

— Врамен — пленник? — В голосе аборигена прозвучало удивление. — Я Мар Канн, один из Третьих людей, готов встретиться с вами. Я приду без оружия. Враги враменов — мои друзья!

Из-за гряды появилась высокая, не меньше семи футов, фигура. Это был мощный, ладно скроенный мужчина, одетый в облегающую темную тунику. Его совершенно лишен-

ная волос голова мерцала под светом ночного неба. Широкими шагами абориген приближался к хооменам. Ива издала тихий возглас ужаса, как и остальные женщины, и спряталась за спиной Хаммонда. Сам он тоже ощущал нарастающий страх.

Трудно было поначалу понять, чем вызвана эта болезненная реакция. Абориген напоминал человека, только неприятно поражало полное отсутствие волос, в том числе и на бровях. Глаза его отталкивали — ледяные, начисто лишенные тепла и сострадания.

Абориген остановился в нескольких ярдах от них и стал пристально рассматривать — нет, не самих хооменов, а груды машин и агрегатов, снятых с корабля. Внимательно изучив их, он повернулся к гостям, и Хаммонд вздрогнул от его взгляда, словно от удара.

— Сначала я хочу увидеть пленного врамена, — спокойно сказал Мар Канн.

Вильсон повернулся и кивнул в сторону Таяны Марден, которая стояла среди хооменов. Глаза туземца впились в пленную женщину.

— Не знаю ее, — произнес он. — Я надеялся, что она может быть из тех враменов, кто дорог мне.

— По счастью, этот срам не лежит на моей совести, — ответила Таяна.

Хаммонд не понял, что она имела в виду, но отчетливо ощутил ненависть и отвращение в ее голосе.

— Вот вам еще одно доказательство несправедливости враменов, — почти добродушно сказал Мар Канн. — Многие века они беспричинно ненавидят нас, хотя должны были бы любить.

Дон Вильсон насторожился.

— Многие века?.. Выходит, вы, Третьи люди, также бессмертны?

— Разумеется, — ответил Мар Канн. — Это очень огорчает враменов, но так или иначе все, кто живет под этим солнцем, обрели вечную жизнь.

— Включая ваших горячо любимых детей, — едко заметила Таяна.

Хаммонд вновь ничего не понял, однако в глазах Мара Канна блеснула неприкрытая ненависть.

— Послушайте, значит, и мы, хоомены, можем теперь стать долгожителями? — задал Дон Вильсон давно мучивший всех вопрос.

Выражение гнева сразу же исчезло с лица Мара Канна. Он

пристально посмотрел на хооменов, которые с волнением ждали его ответа.

— Так вот почему вы прибыли на Алтар... Что ж, вы прилетели не напрасно. После нескольких недель облучения лучами нашего солнца каждая клетка в ваших телах претерпит изменения, процесс старения почти остановится, и болезни навсегда покинут вас. Но лучше мы побеседуем об этом в Вонне, нашей столице.

Таяна заговорила прежде, чем кто-нибудь из хооменов успел открыть рот.

— Не доверяйте Третьим людям! — воскликнула она. — На самом деле они хотят...

— Замолчи, женщина, — угрожающе прошипел Мар Канн, шагнув ей навстречу со сжатыми кулаками.

Хаммонд с изумлением увидел, как лицо Таяны сразу же изменилось, словно застыло в окаменевшей маске: глаза потускнели, плечи бессильно поникли. Женщина превратилась в жалкую марионетку, не способную ни самостоятельно двигаться, ни говорить.

Он возмущенно спросил:

— Что вы сделали с Марден?

Мар Канн повернулся к нему, и Хаммонд вновь почувствовал незримый удар холодных, безжалостных глаз.

— Я просто успокоил ее.

— Гипноз не мог сработать так быстро, — возмущился Хаммонд. — Вы использовали какое-то оружие!

— С помощью телепатии нетрудно взять верх над враменами, — презрительно усмехнулся Мар Канн. — И все же даже мы, Третьи люди, когда-то были пленниками на Алтаре.

— Пленниками? — недоуменно переспросил Дон Вильсон. — Не понимаю...

— Я все объясню вам в Вонне, — сказал Мар Канн. — Уверен, что мы станем союзниками. Нам не нужны ваши люди, но мы крайне нуждаемся в ваших машинах. Алтар, увы, крайне беден металлами, и в этом вся наша беда.

Дон Вильсон больше не колебался. Повернувшись к хооменам, он сказал:

— Я считаю, нам надо принять это приглашение. Кто бы ни были эти люди, они враги враменов, и этого вполне достаточно.

— Ваш выбор мудр, — с удовлетворением кивнул Мар Канн. — Я вызову еще несколько флайеров, и они перевезут в

город людей и самые ценные вещи. Подождите, я сейчас свяжусь с Вонном.

Туземец повернулся и торопливо зашагал в сторону гряды холмов, за которыми находился его флайер. Темная высокая фигура отчетливо выделялась на фоне неба. Хоомены озабоченно следили за ним. Воспользовавшись всеобщим замешательством, Хаммонд приблизился к замершей на месте Таяне, взял ее за руку и заговорил. Но она никак не отреагировала на его слова и продолжала стоять, невидящими глазами глядя в сторону леса. Тол Орт подошел к ней и внимательно оглядел ее.

— Я думаю, что Таяна в полном порядке, только находится под действием глубокого гипноза, — сказал он. — Но что же это за люди, которые имеют такую власть над враменами?

Хаммонд с жалостью смотрел на застывшую на месте женщину, не зная, что предпринять. Ланг не преминул отреагировать на это сердитой репликой:

— Кирк, что-то вы слишком обеспокоены судьбой этой ведьмы! Не хватало еще, чтобы из-за ваших сантиментов осложнились наши отношения с Третьими людьми.

— Сомневаюсь, что мы можем заключить равноправный союз с людьми, которые превосходят даже враменов, — огрызнулся Хаммонд.

Дон Вильсон неожиданно поддержал его:

— Я тоже думаю об этом. Но, возможно, мы преувеличиваем их мощь. Вы же слышали: врамены не допускают Третьих людей к своим машинам, не делятся запасами металлов. Из-за этого те фактически стали пленниками Алтара. Галактика недоступна им. Но ведь и мы стали пленниками планеты, лишившись корабля! Так что мы в какой-то степени товарищи по беде, и союз будет полезен обеим сторонам.

Послышался гул голосов, в которых ощущалось согласие со словами лидера, но особого энтузиазма не чувствовалось. Хаммонд молча отошел в сторону, и тотчас же к нему шагнул Куобба.

— Дьявол, кто же такие эти Третьи люди? — тихо спросил он, тоскливо глядя на Хаммонда.

Тот только покачал головой:

— Хотел бы я знать. Таяна пыталась нас о чем-то предупредить, но абориген не дал ей даже фразу закончить. Хотя не исключено, что она вновь хотела нас обмануть.

Хаммонд замолчал, не в силах разорваться в бурлящих в нем самом противоречивых чувствах. Да, это был миг триум-

фа, Алтар лежал перед ними, и вечная жизнь была наградой за все мытарства. Но тайн пока только прибавилось, и Эдем оказался унылым, безрадостным миром, от которого буквально веяло тревогой.

Куобба, словно читая его мысли, неожиданно сказал:

— Вы видели руки этого парня, Кирк?

— Нет, а что?

— На них по шесть пальцев, вот что. Эти аборигены не совсем люди, Кирк, они принадлежат к другому виду!

Глава 16

Хаммонд стоял у окна, залитого опаловым солнечным светом, и размышлял:

«На что она может быть похожа, эта вечная жизнь? Как я буду себя чувствовать через сотню лет? А через тысячу? Странно, я не ощущаю ничего особенного, а ведь именно сейчас начался процесс перестройки всех клеток организма, который сделает меня совсем иным существом...»

Задумавшись, он едва слышал гул голосов, заполнявший просторную комнату. Здесь, по обе стороны длинного стола, уже какой час совещались дюжина хооменов во главе с Доном Вильсоном, с одной стороны, и четверо лидеров Третьих людей — с другой.

Хаммонду быстро это наскучило, и он подошел к окну, чтобы полюбоваться панорамой Вонна.

Впрочем, любоваться было особенно нечем. Столица Третьих людей представляла собой небольшой город, состоящий из темных бетонных зданий, окруженных буро-желтой равниной. Даже ослепительные лучи солнца не могли рассеять ощущение тяжеловесности и мрачности, исходившее от этих сооружений, больше напоминавших заводские корпуса. В центре, посреди округлой площади, возвышалось пирамидальное здание, в котором и находился сейчас Хаммонд. Внизу, у основания здания, виднелась площадка с флайерами.

Странные это были машины... Корпус их был изготовлен из прочной пластмассы, с керамическими реактивными двигателями, но не атомными, а химическими. Однако еще более странными Хаммонду показались мехи, роботы, которых можно было видеть на улицах города почти так же часто, как и людей.

Он внезапно заметил, как из города вышли двое мужчин и

направились в сторону леса, едва видневшегося на горизонте. Хаммонд решил запомнить это направление — кто знает, быть может, ему тоже со временем захочется покинуть Вонн.

— Кирк, вы не примете участие в разговоре? — недовольно спросил его Дон Вильсон.

Хаммонд вздохнул и поплелся на свое место за черным пластмассовым столом. Вся обстановка комнаты и даже стены и потолок также были сделаны из пластика, только приятного серебристого цвета.

Он уселся в кресло, мысленно чертыхаясь — уж очень ему не хотелось вновь ощутить на себе ледяной, испытывающий взгляд четырех аборигенов.

— ...Я все понимаю, это трудно принять, — продолжал тем временем Холл Горман, один из лидеров Третьих людей. — Но сейчас не время для эмоций, ситуация требует безотлагательных и решительных действий.

Больше всего в Третьих людях поражало то, что они выглядели на одно лицо. Все они были почти одного возраста, крепкими, мускулистыми, с лицами, словно отштампованными на одном прессе. Хоомены, сидевшие по другую сторону стола, представляли собой пестрый набор самых различных рас и казались по сравнению с хозяевами жалкими плебеями.

— О действиях против враменов мы поговорим чуть позже, — мягко сказал Дон Вильсон, бросив на Хаммонда раздраженный взгляд. — Я хотел бы вернуться к вашему предложению: сделать секрет вечной жизни достоянием всего человечества.

Холл Горман презрительно улыбнулся.

— Я уже говорил, мы не собираемся монополизировать бессмертие, как это делали врамены. Конечно, практически невозможно привезти триллионы людей со всех концов Галактики на Алтар. Но в этом и не будет необходимости. Со временем нам удастся синтезировать электромагнитный луч, близкий по спектру излучению Звезды Жизни. Мы построим тысячи, десятки тысяч излучателей, и тогда они станут доступны всем.

Лицо Дона Вильсона расцвело от улыбки.

— Поймите, я забочусь не о себе, а о благе всех жителей Галактики, — пояснил он. — Если люди избавятся от страха неминуемой смерти, то сколько грязи уйдет из жизни! Корысть, низкие помысли, агрессивность навсегда покинут души, и люди со временем станут прекрасны как боги! Вы — тому живой пример.

Холл Горман небрежно кивнул, принимая лесть как должное.

— Самое главное, особому положению вращающихся в Галактике придет конец, — сказал он. — Ваше прибытие решило их судьбу. Отныне чаша весов справедливости качнулась в нашу сторону!

Горман обвел присутствующих в зале торжествующим взглядом, и Хаммонд вновь ощутил сильное желание куда-то скрыться от этих холодных, нечеловеческих глаз. Он помнил, что они могли быть и другими: безжалостными, светящимися гипнотической силой, от которой даже Таяна Марден не в силах была защититься. Кстати, а где сейчас эта красавица? Кажется, ее держат под арестом в этом же здании, но где именно?

— ...Мы всегда хотели сделать секрет Звезды Жизни достоянием всего человечества, но, увы, вращающиеся мешали этому, — продолжал Холл Горман. — Наша планета слишком бедна металлами, а из пластика и керамики звездолет не построишь. Несмотря на высокий уровень наших научных познаний, Алтар стал нашей тюрьмой. Мы научились делать почти все, кроме атомных генераторов. Вращающиеся же обладают звездолетами, но нам запретили к ним даже приближаться. Они построили свой город Шаранну на севере, в горах, и тщательно охраняют его.

Горман сделал паузу и посмотрел на хооменов пытливым взглядом, словно пытаясь прочесть их мысли.

— Видите, мы совершенно откровенны с вами, — продолжил он. — Атомный генератор и металлические конструкции, которые вы сняли с погибшего корабля, являются для нас бесценным сокровищем. С их помощью мы сможем создать мощное оружие и взять штурмом Шаранну. Тогда тирании вращающихся настанет конец, и мир и благоденствие воцарятся во всей Галактике.

Дон Вильсон, сощурившись, резко сказал:

— Все это замечательно, Горман, но давайте уточним, что получим мы, хоомены, в обмен на атомный генератор и металл.

— Я же говорил: секрет вечной жизни и в недалеком будущем — искусственный источник животворной радиации, — ответил Горман. — Что касается ближайшего времени, то мы обещаем вам защиту от вращающихся. А она вам очень скоро понадобится, можете не сомневаться! Подумайте над нашими предложениями и не спешите с ответом. Что бы вы ни решили, вы — наши гости. Но мы будем надеяться, что в вашем лице обрели еще и союзника.

— Можете быть уверены в этом! — горячо воскликнул Дон Вильсон, однако Холл Горман покачал головой.

— Не спешите, — уклончиво ответил он. — Вам надо хорошенько отдохнуть и все обсудить.

Эти слова означали, что совещание закончилось. Холл Горман поднялся и вежливо проводил гостей к выходу.

— У нас есть масса других, очень интересных тем для бесед, — сказал он на прощание. — Вы — первые хоомены, которых мы когда-либо видели, а ведь мы почти ничего не знаем о людях с иных миров, о Федерации Солнца... Но все это — потом, когда мы решим проблему вращающихся. А пока отдыхайте, чувствуйте себя как дома. Все жители города рады, что нас посетили такие гости.

Последние слова насторожили Хаммонда. Он вспомнил туманные намеки Таяны Марден и неожиданно для самого себя спросил:

— Мы не видели в Вонне ни одного ребенка. Неужели у вас нет детей?

Горман резко повернулся к нему, в его глазах вспыхнул огонь гнева. Однако он тотчас взял себя в руки и спокойно ответил:

— Наши дети живут не здесь, а в другом месте. Мы вынуждены были пойти на это из соображений безопасности.

Он коснулся кнопки на стене, и дверь открылась. В коридоре гостей ожидал мех — довольно примитивный робот, представляющий собой пластмассовый куб высотой фута в четыре, с небольшими колесами для передвижения и клешнеобразными руками. Глаза ему заменяли шаровые линзы, часть из которых для лучшего обзора была закреплена на гибких жгутиках.

— Проведи этих людей в коридор 4-2-9, — приказал Горман. — До свидания, хорошего вам отдыха.

Мех заговорил монотонным голосом:

— Пожалуйста, следуйте за мной.

Он повернулся и покатился по коридору. Попрошавшись с Холлом Горманом, хоомены пошли вслед за роботом, обмениваясь впечатлениями о первой встрече с Третьими людьми. Мех сворачивал то в один, то в другой коридор, поднимался по эскалаторам и каждый раз, меняя направление, вежливо повторял: «Пожалуйста, следуйте за мной».

Наконец они добрались до небольшого коридора с рядом распахнутых дверей. Мех остановился и без всякого выражения сказал:

— Ваши комнаты. Кнопка вызова на обратной стороне каждой двери. Рядом — кнопка сигнала, по которому вам привезут еду в любое время. Хорошего отдыха.

Робот развернулся и покатился назад по коридору, а хоомены направились в холл. Там их уже поджидал Таммас.

— Есть какие-нибудь новости? — спросил его Вильсон.

Маленький мизарианин покачал головой.

— Нет. Марден не сказала ни слова.

Хаммонд задумался. Неужели Таяна до сих пор находится под влиянием гипнотической команды? Он так и не видел ее ни разу после прибытия в Вонн. Дон Вильсон позаботился, чтобы они летели в разных флайерах. Грустно было вспомнить, как эта гордая, властная красавица стояла на опушке леса с пустыми, ничего не выражающими глазами, словно кукла.

В холле поджидали остальные члены экипажа. Ива, вскочив с дивана, подбежала к отцу:

— Все хорошо?

Дон Вильсон оглядел озабоченные лица друзей и с улыбкой кивнул.

— Все замечательно. Эти люди станут нашими союзниками. Они хотят получить доступ в Галактику и передать секрет Звезды Жизни всему человечеству. Врамены, конечно, попытаются помешать этому, но вместе мы сможем справиться с ними. — Помолчав, он добавил: — Только не будем строить никаких иллюзий. Третьи люди так же далеко ушли от нас в научном отношении, как и врамены. Увы, для них мы не более чем дикари, несмотря на вежливое к нам отношение. Но хозяевам этого города крайне необходимы атомные генераторы и металл, которые мы сняли со сгоревшего корабля. Кроме того, они хотели бы многое узнать о Галактике, об обитаемых мирах. Я считаю, нам повезло, мы сумели заключить равноправный договор.

Хаммонд не выдержал и, усевшись в кресло, стоящее у окна, язвительно заметил:

— Вы нарисовали просто пасторальную картину, Дон, только овечек на берегу пруда не хватает. На самом деле Третьи люди с превосходством разговаривают даже с враменами. Да, пока мы им нужны, нам беспокоиться не о чем. А что будет потом, после того, как Третьи люди выйдут в космос? Не станут ли они еще большими тиранами, чем врамены? Вспомните об их гипнотической силе. Такие могут завоевать Галактику без единого выстрела. Кто знает, что у них на уме?

— Ха! — рывкнул Куобба. — Кирк прав, клянусь всеми

солнцами. Эти парни так смотрят, что у меня по спине мурашки бегают.

Дон Вильсон вскочил с места.

— Опять вы, Кирк, пытаетесь мутить воду! Без малейших оснований вы приписываете Третьим людям недобрые намерения. Да, наши хозяева не выглядят очень радушными людьми, они страдают некоторым высокомерием... И что же? Главное, они помогут хооменам обрести бессмертие. Всем хооменам Галактики, вы понимаете?

До сих пор молчавший Тол Орт поддержал его:

— В одном я уверен: Третьим людям под силу синтезировать излучение Звезды Жизни. Нам, хооменам, это вряд ли удастся в обозримом будущем, но Холл Горман и его товарищи способны на многое. Вряд ли разумно отказываться от такого шанса. Это поможет избежать страшного ажиотажа в Галактике с непредсказуемыми последствиями. Вы не задумывались над тем, что случится, когда в Трифиды ринутся миллионы людей, в том числе старики и смертельно больные?

— Верно! — с энтузиазмом воскликнул Дон Вильсон. — Третьи люди помогут нам избавиться от множества проблем, и тогда бессмертие станет достоянием всех и каждого!

Тол Орт нахмурился.

— Да, все это замечательно, но... Но вряд ли в таких серьезных вопросах уместна спешка. Прежде чем сообщить в Федерацию Солнц о секрете вечной жизни, надо тщательно изучить все возможные последствия.

— Что вы имеете в виду, Тол? — недовольно спросил Дон Вильсон. — Вы сомневаетесь, что радиация этого солнца обладает живительным эффектом?

— Конечно, нет, — проворчал алголианин. — Но мы отлично знаем, что радиация такой мощности способна вызвать и некоторые побочные, нежелательные последствия. Хаммонд задал хозяевам очень верный вопрос о детях, которых не видно в городе. Объяснения Холла Гормана показались мне неубедительными. Что-то здесь не так...

Одна из женщин вдруг прошептала с ужасом:

— Вы намекаете на то, что радиация могла стерилизовать Третьих людей?

— Вполне возможно, — сказал Тол Орт. — Генетический код мог так же сильно измениться, как и структура клеток тканей. Природа ничего не дает даром, и вполне может быть, что расплатой за бессмертие станет полное бесплодие. Даже

не могу представить себе, как это скажется на галактической цивилизации.

Хоомены ошеломленно переглянулись.

— Ха, действительно... — пробормотал Куобба, потирая с силой свое бугристое лицо. — У враменов же нет детей, по крайней мере, о них никто не слышал. Выходит, пока я радовался, глядя на эту чертову звезду, меня потихоньку лишили наследства?

Хаммонд вздрогнул от этих слов. Неужто райский плод имел такой горький привкус?

— Нет, не верю! — сказал он. — Вспомните, Таяна говорила о детях Третьих людей так, словно они на самом деле существуют.

Дон Вильсон кивнул.

— Да, все это лишь догадки, и оснований для паники нет. Но если стерилизация действительно является прямым следствием облучения лучами Звезды Жизни, то надо обо всем честно рассказать хооменам. Думаю, это охладит многие горячие головы.

— По-моему, здесь дело не в стерилизации, а в чем-то другом, — задумчиво произнес Тол Орр. — Что-то здесь иное. Радиация может вызвать и другие изменения генотипа...

Спор разгорелся с новой силой, но Хаммонду он быстро наскучил. Все это напоминало гадание на кофейной гуще. Ему захотелось спать, и он молча поднялся и вышел в свою комнату. Он чертовски устал от этого мрачного мира и от его нескончаемых загадок, разгадки которых не сулили ничего хорошего.

Улегшись на пластиковую кровать, Хаммонд почти мгновенно заснул. Сон вновь обернулся тяжелым кошмаром. Со всех сторон к нему тянулись шестипалые руки, душили его, разрывали на части... Он очнулся с болезненным стоном и увидел, что рядом в темной комнате стоит Ива Вильсон и трясет его за плечо.

— Что за дьявол... — пробормотал Хаммонд, тупо глядя на девушку, но, увидев ее взволнованное, перепуганное лицо, тотчас вскочил с кровати. — Что случилось, Ива?

— Мне необходимо поговорить с вами, — прошептала девушка. — Отец не хочет меня даже слушать, он думает только о секрете долголетия и прочих высших материях.

Хаммонд предложил ей сесть, но Ива отказалась. Тогда они подошли к открытому окну, из которого открывался вид на ночной Вонн. Город был освещен облаком голубоватого

света, висящего над крышами мрачных, прямоугольных зданий. Откуда-то доносился прерывистый лязгающий звук, и над высоким зданием, напоминающим фабричный корпус, то и дело вспыхивали факелы белого света.

— Я так жалею, что мы прилетели сюда, — еле слышно прошептала Ива, вся дрожа. — Мне не нравится этот город, а глаза его хозяев приводят меня в ужас.

— Верно, — вздохнул Хаммонд. — Эти существа еще меньше похожи на людей, чем врамены.

Ива повернула к нему бледное лицо.

— Вы можете ответить мне правдиво на один вопрос, Кирк?

— Конечно.

— Вы на самом деле любите Таяну Марден?

— Бога ради, сколько можно толковать об этом? — раздраженно воскликнул Хаммонд. — Во всех этих измышлениях нет и грамма правды...

Ива печально посмотрела на него.

— Да, вы уже говорили об этом, но не убедили меня. Если бы Таяна стала утверждать подобное, я тоже не поверила бы ей.

Хаммонд не сразу понял девушку.

— То есть... вы хотите сказать, что Таяна меня любит? — удивленно пробормотал он, а затем расхохотался. — Что за чушь! Она ненавидит и презирает меня.

— Нет, Кирк, она любит вас, это совершенно очевидно, — горько сказала Ива, отводя глаза в сторону. — Я следила за тем, как она смотрела на вас там, на корабле... Интуиция меня не подводит, можете не сомневаться. Вы очень необычный, таинственный человек, другого такого в Галактике нет, это вскружит голову любой женщине. Не удивлюсь, если Таяна в какой-то момент даже забудет, что она врамен и между вами лежит пропасть.

В голове Хаммонда воцарился хаос.

«Чушь, чушь, чушь...» — говорил он себе, и тем не менее откуда-то из глубин подсознания выростало чувство уверенности в справедливости этих слов. По крайней мере, с ним было все ясно. Психозонд не ошибся, он действительно полюбил эту потрясающую женщину с первой же встречи. Долгое время он пытался убедить себя в обратном и почти убедил. Но от себя не спрячешься, и настал час прозрения...

Ива, казалось, читала его мысли на лице и еще больше помрачнела.

— Вот видите, я права — вы любите Таяну. И поскольку с этим ничего не поделаешь, я хочу кое-что вам сказать.

— Что? — насторожился Хаммонд.

— Это вам не понравится. Пока вы спали, отец заключил с лидерами Третьих людей договор о союзе. Мы передали горожанам все спасенное с корабля, и они уже начали конструировать некое супероружие. Вы видите?

Она кивнула в сторону далекого здания, от которого доносился прерывистый лязгающий шум.

— Но это еще не все, Кирк, — продолжила Ива упавшим голосом. — Третьи люди захотели допросить Таяну, они сказали, что это жизненно важно. Отец передал ее в руки аборигенов несколько часов назад.

Глава 17

На какое-то время Хаммонд потерял дар речи. Весь его страх и недоверие к Третьим людям выплеснулись в одну жуткую мысль — эти чудовища будут пытаться Таяну. Пытать!..

Не осознавая, что делает, он схватил Иву за плечи и грубо встряхнул.

— Дон не имел права! Хоомены захватили ее и корабль с моей помощью и не должны были делать что-нибудь подобное без моего согласия!

Ива невесело усмехнулась.

— Отец знал, как вы отнесетесь к просьбе хозяев города, и поэтому было решено вас не будить. Но он вовсе не жестокий человек, нет! Просто сейчас, когда цель его жизни рядом, он не может остановиться на полпути. Кроме того, он получил заверения аборигенов, что те не причинят Таяне никакого вреда.

— Много же стоят обещания этих ублюдков, — процедил Хаммонд, буквально трясаясь от гнева.

— Кирк, пожалуйста... — прошептала Ива со слезами на глазах.

Только тогда он заметил, что с силой сжимает плечи девушки.

— Простите, Ива, вы не виноваты. Спасибо, что все мне рассказали.

— Это может мне дорого обойтись, — вздохнула Ива. — Меня будут считать предательницей за то, что я предупредила вас.

— Зачем же вы это сделали? — спросил Хаммонд.

Ива ответила ему долгим взглядом: мол, неужели не ясно? Но сказала совершенно другое:

— Я ненавижу враменов, и все же Третьи люди пугают меня еще больше. Не зря Таяна хотела нас предупредить о чем-то. Холл Горман не дал ей даже фразу закончить.

Хаммонд был растерян и никак не мог придумать, что же делать. И все же он решил пойти к Таяне, чем бы это ему ни грозило.

— Вы знаете, где ее держат?

— Отец сказал, что охранник отвел ее в комнату, где вы утром держали совет с лидерами Третьих людей. Но я не знаю, где это.

— Понял, — ответил Хаммонд, лихорадочно обдумывая план дальнейших действий. Прежде всего он засунул руку в карман и удостоверился, что шокер по-прежнему на месте. — Остальные спят?

— Да, я подождала, пока стало тихо, и только затем решила пойти к вам и все рассказать.

— Тогда оставайтесь здесь, а я пойду посмотрю, можно ли проникнуть в комнату Таяны, — решил Хаммонд. — Если кто-нибудь проснется, скажите, что я прогуливаюсь по ночному городу.

Он вышел в коридор, даже не оглянувшись, и зашагал по тихому зданию. Хоомены спали. Тогда он повернул в соседний коридор, следуя маршруту, по которому их привели.

На середине пути ему преградил дорогу мех. Квадратный робот уставился на него выпуклыми линзами и произнес невыразительным монотонным голосом:

— Чего вы желаете? Если хотите пойти куда-то, то я должен оповестить об этом хозяев.

Хаммонд стоял, не зная, что предпринять. Вид у меха был угрожающий, с одним шокером в руках с ним было не справиться. Проклиная все на свете, Хаммонд вернулся в свою комнату.

— Мы практически пленники в этом доме, — глухо сказал он Иве.

— Выходит, Третьи люди не доверяют нам? — огорченно сказала девушка. — Мне не нравится это.

— А мне не нравится то, что мы вообще прилетели на эту планету, — в сердцах ответил Хаммонд. — Но я в любом случае выберусь отсюда.

Он подошел к окну. Вонн спал, окутанный голубым, тускло светящимся облаком. Со стороны улиц лишь кое-где до-

носились голоса, а вдали по-прежнему был слышен грохочущий гул. Над всем выгибалась арка тускло светящегося неба.

Вокруг огромного здания было тихо. Хаммонд разглядел только одну или две темные фигуры в районе площадки флайеров, и это было все. Он повернулся к Иве.

— Я спущусь вниз. Помогите мне свить веревку.

Они сняли постельное белье с кровати, разорвали его на длинные полосы и связали из них грубую, но довольно прочную веревку. Хаммонд привязал ее к решетчатой раме, потянул, испытывая на прочность, затем осторожно стал спускаться. Ива перегнулась через подоконник и следила за ним тревожным взглядом.

Через несколько минут Хаммонд достиг земли и некоторое время стоял, настороженно оглядываясь. Вокруг было тихо. Тогда он пошел вдоль стены, направляясь в сторону входной двери.

Она никем не охранялась. Хаммонд проскользнул внутрь здания и пошел по едва освещенному коридору, смутно припоминая, где находится комната, в которой хоомены вчера советовались с хозяевами города. Одно он знал твердо — из окна была видна площадка с флайерами.

Дойдя до первого «перекрестка», Хаммонд остановился и некоторое время размышлял, куда идти дальше. Вскоре он услышал голоса в соседнем коридоре и рискнул пойти именно туда. Он не представлял, что делать, если его заметят. Шокер был не очень надежным оружием, при малейшем промахе встретивший его человек мог успеть криками созвать на помощь товарищей. Нет, уж лучше скрыться...

Услышав, что голоса приближаются, Хаммонд скользнул в первую же попавшуюся дверь, ощущая болезненные удары сердца. Через минуту по соседнему коридору прошли двое людей. Хаммонд услышал фрагмент их разговора:

— ...Это плохая ночь для вращающихся, — с усмешкой сказал один из них.

— И для Четвертых людей тоже! — зловеще ответил другой.

Голоса замерли вдали, оставив Хаммонда в замешательстве. Кто такие Четвертые люди?

Но сейчас не было времени для размышлений. Он вернулся в коридор, по которому только что прошли двое горожан, но зашагал в противоположную сторону.

«Только бы не встретить мехов», — подумал Хаммонд. Могучие, хоть и примитивные роботы всерьез пугали его. Но

еще больше его тревожило, что он никак не мог вспомнить дорогу.

В конце коридора что-то двигалось с едва уловимым шумом. Хаммонд остановился, не решаясь идти дальше, и только через несколько минут понял, что это всего лишь эскалаторы. По одному из них он спускался вчера с мехом!

Теперь он все вспомнил и вскоре уже стоял около дверей комнаты — той самой, в которой хоомены держали совет с хозяевами города.

К счастью, рядом не было видно охраны. Хаммонд нажал на кнопку в стене, и дверь плавно скользнула в сторону. В комнате царил полумрак. В ней находилась только одна Таяна Марден, привязанная к креслу. Ее лицо уже не было тупой, бесчувственной маской куклы, нет, сейчас перед Хаммондом сидела измученная до предела женщина.

Услышав шум шагов, она с трудом приподняла веки и долго смотрела на него, словно не веря своим глазам.

— Осторожно, сзади! — внезапно крикнула она.

Хаммонд обернулся и увидел меха, который почти бесшумно катился к нему из дальнего угла комнаты.

— Здесь не разрешено пребывать посторонним, — проскрежетал механический голос. — Я получил приказ применить против нарушителя любые меры, вплоть до уничтожения. Немедленно назовите себя и уходите.

Хаммонд в отчаянии выхватил шокер и несколько раз выстрелил. Он надеялся, что электрические импульсы выведут мозг меха из строя.

Но этого не произошло. Без повторных угроз мех двинулся вперед, вытянув цепкие руки-клещи.

— Прыгайте вверх! — закричала Таяна. — Вверх, Кирк!

Хаммонд сумел увернуться от рук робота, однако тот мигом развернулся и вновь бросился на него. Тогда, почти отчаявшись, Хаммонд подпрыгнул и приземлился... на плоской макушке меха.

Потеряв противника, могучий, но примитивный робот растерялся. Он стал носиться по комнате, обыскивая все ее уголки. Хаммонд едва удерживался на гладкой поверхности. Поначалу ему казалось, что робот пытается его сбросить, но вскоре он понял, что туповатая машина ничего не сообразила. Таяна прекрасно знала об ограниченных возможностях мехов и вовремя подсказала ему, как спастись.

Наконец мех надумал поднять пару своих глаз на гибких стебельках. Хаммонд с проклятием ударил шокером по одной

из линз. Она треснула, и мех издал звук, который до странно-го напоминал стон живого существа.

Хаммонд стиснул зубы и обрушил несколько ударов на вторую линзу, пока та тоже не раскололась. Как он и надеялся, в мехе сработала система безопасности, и робот замер, отключившись.

Тяжело дыша, Хаммонд слез с машины и вернулся к Таяне. Пленница смотрела на него снизу вверх странным взглядом.

— Вы не ранены? — спросил он.

Таяна покачала головой.

— Нет, только голова раскалывается от боли. Я ведь столько часов находилась под гипнозом... — Внезапно ее лицо изказила гримаса боли. — Третьим людям еще ни разу не удавалось заполучить пленника-врамена. Они могли узнать от меня многое, очень многое...

Хаммонд опустился на колени и внимательно осмотрел пути, которыми Таяна была привязана к креслу. Оказалось, что это были петли из пластика, настолько тугие и прочные, что он понял — разорвать их нелегко.

Таяна тихо сказала:

— Кирк, я должна вас предупредить. Если вы освободите меня, то я попытаюсь связаться с моими товарищами в Шаранне, чтобы предупредить их о грядущей опасности.

Хаммонд, сопя, долго возился с первой пластиковой петлей. Когда ему наконец удалось ее разорвать, он спросил задыхающимся голосом:

— Какой опасности?

— Третьи люди собираются атаковать Шаранну! Они пробовали сделать это уже не раз, но теперь, получив от хооменов необходимые материалы, могут добиться успеха. Поймите, Кирк, этим людям нельзя доверять, они относятся к вам, словно к животным.

— Вообще-то похоже... — пробормотал Хаммонд, борясь с непослушной пластиковой петлей.

— Они не должны выйти в Галактику! Этого мы всегда боялись. Но если им удастся овладеть Шаранной и...

Таяна замолчала, задумавшись, и тогда Хаммонд задал давно интересующий его вопрос:

— Кто такие Четвертые люди?

— Откуда вы узнали о них? — спросила Таяна, нахмурившись. — Это... это еще одна раса людей на Алтаре. Сейчас нет времени объяснять подробнее. Те, кто допрашивал меня, скоро вернутся!

Хаммонду наконец удалось разорвать вторую петлю и ос-

вободить руки женщины. Но перед тем как Таяна успела подняться, он сжал ее ладонь и пристально посмотрел в глаза.

— Вы однажды уже обманули меня, Таяна. Что, если вы опять морочите мне голову?

— Нет, ручаюсь, я говорю правду.

— Вы понимаете, почему я пришел сюда, рискуя своей шкурой?

Таяна прошептала:

— Не смейте даже говорить об этом, Кирк...

— Почему я должен молчать? Я сделал немало глупостей в жизни, эта, наверное, самая большая, и все же я скажу: я люблю вас, Таяна, и надеюсь, что вы отвечаете мне взаимностью. Ее губы задрожали.

— Да, но...

Хаммонд поцеловал Таяну. Она ответила ему с неожиданной страстью, а затем отпрянула.

— Это безнадежно, Кирк, безнадежно! Мы, врамены, никого не можем любить. Я даже не ожидала, что способна еще на такие эмоции.

— Почему же безнадежно? — пылко спросил Хаммонд, покрывая поцелуями ее холодную руку. — Что может нас разделять?

— Пропасть, через которую не перейти, не перепрыгнуть, — прошептала Таяна. Порывисто встав, она подошла к окну и остановилась там, прижавшись лицом к стеклу.

Тревога, звучавшая в голосе Марден, немного остудила его пыл. Чем-то жутким, мрачным повеяло от ее слов, хотя об этом не хотелось думать. Хаммонда обуревали совсем иные мысли: Таяна ответила на его чувства! Она его тоже любит! Остальное сейчас не имеет значения...

Голос Таяны вернул его к действительности.

— Кирк, у нас есть только один шанс спастись — мы должны захватить один из флайеров. Я умею управлять этими машинами, хотя и не очень хорошо.

Хаммонд пришел в себя.

— Что? Бежать?... — пробормотал он. — Я не могу оставить друзей!

— Но вы ведь хотите им помочь, верно? Разве вы не поняли, что им угрожает смертельная опасность со стороны Третьих людей! Спасти их можно только одним путем — предупредив моих друзей в Шаранне.

Хаммонд замялся.

— Я однажды уже предал хооменов ради вас, Таяна. Вы сами знаете, чем это кончилось.

Она подошла к нему почти вплотную, так что их дыхания смешались.

— Кирк, ты думаешь, я тебя обманываю?

Сомнения Хаммонда немедленно испарились. Сейчас для него все перестало существовать, кроме этой чудесной, ослепительно красивой женщины, которая любила его.

— Пойдем, — сказал он.

Мягкий свет жемчужного неба освещал путь от огромного здания до стоянки флайеров. В коридорах, к счастью, не встретился никто, но Хаммонд понимал, что это спокойствие обманчиво. Те, кто допрашивал Таяну, скоро вернутся и поднимут тревогу.

Беглецы медленно шли вдоль аллеи, настороженно оглядываясь по сторонам. Убедившись, что здесь так же пустынно, они побежали к флайерам. Таяна немедленно поднялась в кабину ближайшей машины, а Хаммонд еще раз оглянулся. Черная пирамида уходила высоко в мерцающее небо. Окна были темными — казалось, все спали.

— Назовите ваши имена, пожалуйста, — произнес кто-то рядом.

Хаммонд вздрогнул. Из-за деревьев выехал мех и направился к беглецам.

— Назовите ваши имена, пожалуйста. Иначе я вынужден буду дать сигнал тревоги.

Таяна крикнула из кабины флайнера:

— Отойди в сторону, Кирк!

Хаммонд отпрыгнул в сторону, и в этот момент Таяна включила двигатель. Флайер рванул вперед. Его короткое, довольно толстое крыло с силой ударило по меху и отшвырнуло робота к соседней машине. Ударившись о фюзеляж, он с грохотом скатился на землю. На корпусе появились заметные вмятины, но в целом мех остался неповрежденным. Поднявшись на колеса, он издал оглушительный рев сирены.

Флайер на секунду остановился, и Хаммонд торопливо забрался в кабину.

— Взлетаю! — закричала Таяна. — Держись!

Сопла под фюзеляжем яростно взревели, и флайер почти вертикально поднялся в ночное небо. Когда Хаммонд как следует устроился в кресле, машина уже перешла в горизонтальный полет. Внизу проплывали крыши Вонна, окутанные голубым сиянием. Набирая скорость, флайер полетел на запад. Вскоре впереди показался темный ковер леса, простирающийся до самого горизонта.

— Нас преследуют, — коротко сказала Таяна, не отрывая глаз от панели управления. — Посмотри назад.

Хаммонд обернулся и увидел далеко позади на фоне белесого неба рой ярких искр. Таяна еще больше увеличила тягу, так что пластиковые стенки фюзеляжа стали разогреваться. Они летели над лесом на такой малой высоте, что макушки древовидных лишайников уносились назад с огромной скоростью. И все же преследующие флайеры с каждой минутой становились ближе.

— Третьи люди, естественно, лучше знают свои машины и наверняка ведут нас радаром, — сказала Таяна, не поворачивая головы.

Хаммонд взглянул на четкие черты ее лица, освещенного светом приборной доски, на маленькие руки, крепко держащие штурвал.

Он подумал: «Да, Таяна, быть может, и не совсем человек, но такой женщины я никогда не встречал и не встречусь».

— Мы не успеем долететь до Шаранны, — сказала она. — Нас собьют над лесом, и тогда... Впрочем, есть один шанс. Где-то неподалеку находится Черное озеро. Если мы сумеем убедить преследователей, что мы погибли...

Через несколько минут впереди появилось округлое зеркало озера, отражавшее мягкое сияние небосвода.

— Открывай дверцу и жди, пока я включу автопилот! — крикнула Таяна.

Хаммонд так и сделал, с огромным трудом удерживая дверцу, которую напор ветра вновь пытался захлопнуть.

Флайер плавно замедлил скорость, а затем нырнул, повиснув всего в нескольких метрах над кронами древовидных лишайников.

— Прыгай! — наконец выкрикнула Таяна и с силой сжала ему руку.

Доверие Хаммонда к этой женщине было столь велико, что он не стал раздумывать ни секунды. Они дружно выпрыгнули во тьму.

Глава 18

Хаммонд ожидал болезненного, быть может, даже смертельного удара о землю, но вместо этого они упали на мягкую, упругую поверхность «холма», состоящего из нескольких десятков «лишайников».

Когда они катились по поверхности туго сплетенных крон

деревьев, флайер уже летел над озером. Минуту спустя аппарат взорвался, рассыпавшись на десятки огненных обломков — преследователи все-таки настигли его.

Хаммонду наконец удалось одной рукой уцепиться за ветвь, другой он удержал от падения на землю Таяну. Через несколько секунд они услышали неподалеку громкие всплески — это падали в воду обломки их флайера. После долгой паузы в небе промелькнули светящиеся точки — Третьи люди возвращались в Вонн, убедившись, что в волнах озера беглецов нет.

— Решили, что мы погибли, — сказала Таяна с облегчением. — Но нам теперь придется добираться до Шаранны пешком, а это будет нелегко.

Хаммонд помог ей спуститься на землю.

— И куда нам идти?

— Придется обогнуть озеро, а затем направимся прямо на север, к горам. Шаранна находится среди них.

Идти через ночной лес оказалось делом нелегким. Высокий мох сильно мешал ходьбе — Хаммонду казалось, что они идут по колено в воде. Вокруг царил серая мгла, но видимость была неплохая, и Таяна уверенно ориентировалась среди деревьев. Вскоре беглецы выбрались на пологий берег Черного озера и пошли по песчаной косе. Тихо плескались волны, едва не касаясь их ног, но других звуков, даже пения птиц, слышно не было.

Хаммонду показалось, что Таяна приняла слишком резвый темп, но она покачала головой и еще прибавила шаг.

— До Шаранны несколько часов пути, а времени у нас в обрез, — сказала она, ободряюще улыбнувшись.

— Почему же? — с сомнением спросил Хаммонд. — Третьи люди еще не скоро создадут свое оружие, а без него нападать на Шаранну не имеет смысла.

Таяна грустно усмехнулась.

— Ты недооцениваешь их интеллект и технические возможности, Кирк. Они давно ждали случая напасть на нашу основную базу. Теперь, получив от хооменов все необходимое, они медлить не станут. И никто им не сможет помешать, даже их дети.

— Дети? — озадаченно спросил Хаммонд. — Ты уже как-то упоминала... Где, в конце концов, их держат?

Таяна долго молчала, а затем мрачно посмотрела на него.

— У Третьих людей есть дети — они называют себя Четвертыми людьми.

Хаммонд почувствовал, что наконец-то прикоснулся к одной из важнейших тайн этого странного мира.

— Таяна, хватит напускать туман, — резко сказал он. — Помоему, я заслужил право узнать, что же происходит на вашей чертовой планете.

— Да, ты прав... — неохотно сказала она. — Теперь уже нет смысла ничего скрывать... Что Третьи люди рассказали вам о своем происхождении?

— Только то, что Алтар для них родная планета.

— Да, это верно, — негромко промолвила Таяна, не замедляя шаг. — Они — наши дети.

Хаммонд был настолько поражен, что не сразу пришел в себя.

— Вот как? — пробормотал он. — А мы-то уже стали опасаться, что излучение этого солнца вызывает стерилизацию.

— Хотела бы я, чтобы это было так! — горько сказала Таяна. — Но нам не повезло — у враменов родились дети. Поскольку мы фактически были Вторыми людьми, то они сами называли себя Третьими. А затем от них пошло новое, генетически отличное от всех нас поколение Четвертых людей.

Она взяла его за руку и буквально потащила за собой.

— Нужно торопиться, Кирк. Если мы не попадем в Шаранну вовремя, то произойдет катастрофа!

Хаммонд ускорил шаг, но упрямо сказал:

— Нет уж, договаривай до конца, Таяна. Я хочу знать историю Алтара.

И она рассказала странную, жуткую сагу о трех поколениях бессмертных обитателей этой планеты.

Около двух тысяч лет назад группа ученых-хооменов, исследовавших Трифиды, обнаружила удивительную звезду и планету, которую они называли Алтар. Спустя несколько недель биохимики выяснили, что клетки организмов людей стали необратимо меняться. Сначала это вызвало всеобщую панику, но вскоре стало ясно, что судьба подарила им бессмертие.

Тайно первые из враменов пригласили на Алтар наиболее талантливых могучих хооменов со всех концов Галактики. На севере, в горах, был построен великолепный город Шаранна. И тогда...

И тогда события приняли совершенно неожиданный оборот. Врамены собирались поделиться секретом Звезды Жизни со всеми обитателями Галактики, но поначалу решили исследовать возможные последствия воздействия на организм такой мощной радиации. Так получилось, что они поставили

эксперимент на самих себе, и результаты его оказались ужасными.

Дети враменов были совсем иными существами, новым видом хомо сапиенс. Они отличались более высоким ростом, шестипалостью, необычно развитым мозгом и телепатическими способностями. Конечно же, врамены ожидали нечто подобное. Предварительные исследования доказывали, что генетический код под воздействием радиации меняется и мутации в последующих поколениях неизбежны. Но ученые оптимистически оценивали эти изменения, они говорили, что во втором поколении врамены станут богоподобными существами, что их возможности неизмеримо возрастут по сравнению с обычными хооменами — и это превратит Алтар в новый Эдем.

Увы, надеждам не суждено было оправдаться. Когда малыши подросли, выяснилось, что эмоционально они стали совершенно чужими для своих родителей.

Физическое и умственное превосходство породило в Третьих людях глубокую уверенность, что они предназначены стать хозяевами Вселенной. К хооменам и даже к враменам они относились как к низшим существам, которые со временем должны будут исчезнуть, уступив место богоподобным Третьим людям.

И тогда врамены поняли, что выпустили, сами того не желая, злого джинна из бутылки. Их дети оказались опасными, чуждыми для людей существами. Врамены приняли решение — любыми средствами не допустить, чтобы они вышли в Галактику. Нелегко было выступить против своих детей, но другого выхода не было.

Третьих людей заставили покинуть Шаранну, и они не протестовали, не испытывая никаких чувств к родителям. Третьи люди построили Вонн и долгие годы не показывались на глаза враменам. Но, как оказалось, они не теряли времени зря. Могучие интеллектуальные способности, а также знания, полученные в детстве от родителей, помогли им буквально на пустом месте основать свою цивилизацию. Даже отсутствие металлов не помешало им построить самые разнообразные машины и создать оружие. Несколько раз они пытались захватить Шаранну, но их атаки завершились крахом. Затем события приняли новый оборот.

У Третьих людей также появились дети. Действие радиации, вызвавшей первую волну мутаций, сказалось и на них, да еще как!

Четвертые люди оказались совершенно не похожи на своих родителей и на другие человеческие существа. Природа обделила их внешними данными, зато мозг был необычайно мощным, телепатические возможности — неограниченными. Их души оказались необычайно чисты, чужды всякому злу, но и к доброму они были равнодушны. Они хотели только одного — жить уединенно и спокойно, круглые сутки предаваясь философским размышлениям.

Родители предвидели, что Четвертые люди будут обладать фантастическими ментальными возможностями, и потому рассчитывали использовать их силу против враменов. Однако новое поколение не желало ни во что вмешиваться. Повзрослев, молодежь по собственному желанию покинула Вонн и основала свой, очень странный город. После этого Четвертые люди полностью прекратили контакты как с родителями, так и с враменами.

На Хаммонда эта история произвела глубокое впечатление. Бессмертие оборачивалось какой-то жуткой стороной, ловушкой, в которую могли попасть хоомены.

Кто знает, быть может, со временем вся Галактика превратится в гигантский Алтар, где хооменам не будет места, где врамены и Третьи люди будут вечно враждовать, а Четвертые люди устроятся от реальной жизни, уйдя в мир своих мыслей и грез?..

— Но Четвертые люди должны генерировать новое поколение мутантов?

— Нет, — сказала Таяна. — Они полностью стерильны, конечное звено эволюции на планете. Но это их мало волнует, для них главное то, что они могут тысячи лет заниматься своими размышлениями о сути бытия.

Многое стало теперь ясно для Хаммонда. Он понял, что имел в виду Мар Канн, когда так хотел увидеть плененную Марден: «Я надеялся, что она может быть из тех враменов, кто дорог мне». Не оставалось больше загадки и в едкой фразе Таяны «о любимых детях Третьих людей», которая так больно задела Мара Канна. Но какой смысл было все это скрывать?

Он так и сказал:

— Боже, почему же вы просто не расскажете правду всей Галактике? Хоомены и думать забудут о бессмертии, когда узнают, чем она грозит их потомству.

Таяна пытливо взглянула на него.

— Почему вы так в этом уверены, Кирк?

Нет, Хаммонд не был в этом уверен. Действительно, мало кого отпугнет предостережение, что за вечную жизнь придется заплатить плату в виде шестипалых детей с большим мозгом и телепатическими способностями. Третьи люди, в свою очередь, вряд ли захотят лишиться потомства, так что в конце концов Галактику могут заселить Четвертые люди. И эволюции человечества придет конец.

— Ты, кажется, права, Таяна, — нехотя признал Хаммонд. — Люди со всех концов Галактики, несмотря ни на что, слетятся к этой звезде, подобно мотылькам, привлеченным пламенем свечи.

— И это пламя через тысячелетия может полностью испепелить человеческую расу. «Бессмертие», «вечная жизнь» — лишь красивые фразы, за ними стоят тысячи, быть может, десятки тысяч лет. Для каждого из нас — это долго, ужасно долго, но с точки зрения Галактики сотни веков — лишь мгновение. Если хоомены никогда не узнают о секрете Алтара, человечество может просуществовать еще многие миллионы лет. Бессмертие уничтожит хомо сапиенс несравненно быстрее. Одно дело, когда тысячи лет жизни даруются ученому, а другое — когда обывателю, и так толком не умеющему распорядиться своей короткой жизнью. Не превратится ли Галактика в Содом и Гоморру?

— Дон Вильсон считает, что скорее она станет Эдемом, в котором не будет почвы для человеческих пороков, — задумчиво сказал Хаммонд. — Он надеется, что хоомены станут равными богам...

Таяна в ответ только горько рассмеялась.

— Неисправимый идеалист, этот Дон Вильсон. Но не сомневаюсь, что «богоподобные» Третьи люди его скоро разочаруют. Они опасны для всех, в частности для своих же детей. И нам, враменам, надо так или иначе решить эту проблему.

Таяна замолчала, а затем долгие часы не проронила ни слова. Хаммонд шел за ней через ночной лес, ступая по упругому мху, и пытался навести порядок в хаосе, царящем в голове. Слишком многое он только что узнал, и это было нелегко осмыслить. Выходит, люди на свою беду вытащили выигрышный билет в виде Звезды Жизни? Враменам она не принесла счастья, а галактическому человечеству может принести неисчислимы бед. Да и у него, Кирка Хаммонда, теперь хватало проблем.

Он устал настолько, что Таяна заметила это и, остановившись, ободряюще улыбнулась.

— Отдохнем, Кирк. Путь еще остался неблизкий.

Она выглядела куда менее утомленной, чем он, но не пыталась подчеркнуть это. Она первой уселась на упругий мох и тихо спросила:

— Теперь, когда ты все узнал... ты иначе будешь относиться ко мне, да?

Хаммонд озадаченно посмотрел на нее.

— Почему ты так решила? Все это важно для человечества; для меня имеет значение только одно — что мы любим друг друга.

Он обнял Таяну за плечи, но женщина отшатнулась с протестующим возгласом:

— Нет! Ничего хорошего не выйдет, Кирк. Ты должен жить нормальной жизнью, иметь жену и детей — нормальных детей! Мы, врамены, сознательно отказались от личной жизни, когда поняли, к каким ужасным последствиям приводят браки между нами.

Хаммонд ласково погладил Таяну по плечу.

— Ты забываешь, что я тоже врамен. Уже несколько недель я прожил на Алтаре, и изменения клеток...

— Изменения еще не стали необратимыми! — пылко возразила Таяна. — Если ты улетишь в ближайшие дни с Алтара, то останешься хооменом. Иначе ты со временем возненавидишь меня. Вечной жизни не существует, а вечной любви — тем более...

Хаммонд не стал больше слушать ее. Тесно прижав к себе, он зарылся лицом в ее чудесные пушистые волосы.

— Таяна, Таяна...

Глава 19

Они увидели Шаранну только к вечеру, когда Звезда Жизни уже стала спускаться к высоким пикам гор, окрашивая их заснеженные вершины в багряные, красные и зеленые тона. Посреди горной долины возвышался могучий небоскреб — единственное здание Шаранны. Нижняя часть города была погружена во мрак, и Хаммонду показалось, что его уже коснулась печать предстоящего разрушения.

Чувствовала ли Таяна нечто подобное или нет, ему было трудно судить. Ее лицо было застывшим и бледным, и маска эта не меняла выражения в течение всего долгого и трудного дня. После того, что произошло ночью, она словно отдала-

лась от него и старалась даже не смотреть в его сторону. Расстроенный, Хаммонд не раз пытался пробиться через эту стену, но Таяна отвечала лишь ледяным молчанием и отчужденными взглядами.

Наконец он оставил бесполезные попытки и пошел вслед за ней, молчаливый и грустный.

Сейчас, когда здание-город возвышалось впереди среди чаши гор и бурый туман медленно стекал к его основанию, движения Таяны стали вновь быстрыми и уверенными. Хаммонд спешил изо всех сил, чтобы не отставать от нее.

Рядом с гигантским небоскребом располагался космопорт с полудюжиной космолетов и несколькими приземистыми зданиями технических служб, над которыми поднимались башни радарных антенн. Идеальный порядок, царивший в Шаранне, резко контрастировал с нагромождениями серых глыб, некогда скатившихся со склонов древних гор.

Силовой барьера вокруг города видно не было, но Таяна повернулась к Хаммонду и впервые за день сказала:

— Иди за мной, Кирк, след в след. Будь внимателен!

Она медленно пошла вперед, постоянно меняя направление, словно вела его по безопасному маршруту через минное поле. Хаммонд даже вспотел от волнения, каждую минуту ожидая удара силового поля.

Наконец Таяна перестала петлять и остановилась, с облегчением вздохнув. И тогда Хаммонд увидел, как со стороны небоскреба к ним бегут несколько враменов.

Дальнейшее произошло настолько стремительно, что он опомнился, только оказавшись внутри здания-города.

Он сидел в просторном холле, а рядом с ним находились двое враменов, следя за каждым его движением. Мрачный свет заходящего солнца проникал через большое, во всю стену окно. В соседней комнате Таяна разговаривала с лидерами Шаранны.

Прошло немало времени, прежде чем дверь вновь распахнулась. Вышла Таяна, приглашающе кивнула ему.

В комнате за полукруглым столом сидели пятеро мужчин. Они выглядели куда старше, чем врамены, которых Хаммонду прежде приходилось видеть, словно прошедшие тысячелетия отложили свой отпечаток в виде глубоких морщин на их лица. Глаза мужчин светились мудростью, но в них был замечен и страх. На гостя они смотрели так, как старцы могли глядеть на упрямого ребенка, игравшего в доме со спичками.

— Я должен сказать вам «здравствуйте», хоомен, но, честно говоря, мне куда больше хочется вас убить, — неожиданно

произнес один из враменов, старик с седыми волосами и мощным телосложением борца.

Хаммонд изумленно посмотрел на Таяну, и та опустила глаза.

— Я рассказала лидерам враменов обо всем, что произошло, и о вашей роли в этом, — тихо, словно оправдываясь, объяснила она.

Хаммонд не нашел, что ответить на резкие слова врамена, но они показались ему не совсем справедливыми.

Да, он сделал массу ошибок, но и врамены были далеко не безгрешны!

Словно прочитав его мысли, старик взял себя в руки и заговорил куда спокойнее:

— Впрочем, рано или поздно все это должно было случиться. — Он жестко взглянул на Хаммонда. — Таяна рассказала, что мы вас должны благодарить за то, что вы вырвали ее из рук Третьих людей. Иначе мы не узнали бы вовремя о надвигающейся опасности. Мы сохранили вам жизнь — по-моему, это неплохая благодарность... А теперь слово вам, Таяна.

Она заговорила усталым голосом, по-прежнему избегая смотреть на Хаммонда:

— Кирк, вы вновь стоите перед выбором. Предупреждаю, не сделайте на этот раз ошибку! Ваша дальнейшая судьба во многом зависит от этого. Вы помогли хооменам украсть звездолет, и они попали на Алтар. Теперь у ваших прежних друзей появились могучие союзники. Получив атомный генератор и металл, они стали почти непобедимыми. Вы можете, если хотите, присоединиться к ним. Но вам разрешено остаться в Шаранне. Решайте сами.

— А что собираетесь делать вы?

— Конечно, я останусь, но...

— Я тоже останусь, — сказал он.

Таяна посмотрела на него тревожным взглядом.

— Послушайте, Кирк, все не так просто. Мы решили попросить Четвертых людей о помощи. Однако это легче сказать, чем сделать. Наши внуки не любят, чтобы кто-нибудь нарушал их спокойствие. Все, кто пытается пересечь невидимую границу вокруг их странного города, подвергаются мощной телепатической атаке. Волей-неволей им приходится поворачивать назад. Но я считаю...

Она запнулась, и лидеры выжидающе посмотрели на нее. После долгой паузы она продолжала упавшим голосом:

— Я считаю, что вы — наша последняя надежда. Вы сможе-

те проникнуть в город наших внуков, если, конечно, захотите рискнуть.

— Что-то я не совсем понимаю... — пробормотал Хаммонд.

— Дело в вашем необычном прошлом, Кирк. Четвертые люди лишены всех слабостей, кроме одной — любопытства. Их наверняка заинтересуют ваши знания, ваша необычная судьба — все это они смогут прочитать даже на расстоянии и, быть может, захотят поближе познакомиться с выходцем из далекого прошлого, пропустят вас в город.

Лидер враменов добавил:

— Наши внуки никогда не интересовались внешним миром, наши проблемы их не занимают. И все же не исключено, что ближайшие перемены на Алтаре, вызванные усилением позиций Третьих людей, их беспокоят. В этом наш единственный шанс на спасение.

Все выжидающе посмотрели на Хаммонда. В растерянности Кирк отошел к окну. Он смотрел на темные силуэты звездолетов и не ощущал сейчас ничего, кроме огромной усталости. Все тело его болело, не успев отойти от многочасового пути через лес. Ему было странно вспоминать, как еще месяц назад он жаждал попасть на Алтар и узнать секрет бессмертия. Да, это ему удалось, но победа обернулась настоящим кошмаром.

Сейчас он хотел только одного — вернуться немедленно на Землю, пока он еще не стал одним из «бессмертных», и забыть обо всем.

Обо всем?

Хаммонд обернулся и поймал умоляющий взгляд Таяны. «А ведь она наверняка хочет, чтобы я сказал «нет», — подумал он. — Тогда мы смогли бы улететь вдвоем с этой жуткой планеты и прожить вместе столько, сколько нам отпустит судьба. Мы вряд ли доживем до времен, когда Третьи люди завоюют Галактику, и слава богу. Почему я должен взваливать на свои плечи такой тяжелый груз?»

— Похоже, выбора нет ни у вас, ни у меня, — сказал Хаммонд, улыбнувшись успокаивающе Таяне. — Кто-нибудь пойдет со мной, или я должен действовать в одиночку?

— Я пойду! — воскликнула Таяна.

Лидер враменов покачал головой.

— Нет. Четвертые люди не пропустят в свой город больше чем двоих чужаков. Одним из них должен быть Хаммонд, а вторым...

— Я, и только я! Ример, вы же знаете...

— Кто угодно, только не вы, — сурово возразил Ример. — Четвертые люди ненавидят любые эмоции, а от вас, Таяна, сейчас идет волна таких бурных чувств... — Он недовольно покосился на Хаммонда. — Ладно, не время говорить об этом. Подумайте, Таяна, чем ваша идея может грозить не только вам, но и вашему новому другу.

Хаммонд хотел возразить Римеру, но Таяна остановила его движением руки и спокойно сказала:

— Удачи, Кирк.

Она улыбнулась, и на выходе из комнаты изящную фигуру осветили последние лучи заходящего солнца. Хаммонд хотел было броситься ей вслед, но Ример преградил ему путь.

— У нас мало времени, Кирк, — сказал он.

Меньше чем через полчаса флайер уже летел на восток под переливающимся жемчужным куполом неба. Темные громады гор медленно уплывали прочь. Повернувшись, Хаммонд увидел, как угас последний луч солнца, осветив напоследок заснеженные пики и вершину гигантского небоскреба враменов. На космодроме вспыхнули два столба пламени — это космолеты отправились в патрульный полет на границы Трифид.

Ример сказал не особенно дружеским тоном:

— Вздремните пока, Кирк.

Хаммонд откинулся на спинку кресла и закрыл глаза, но заснуть не смог. Вновь и вновь ему вспоминалась одна и та же сцена: Таяна, уходящая во тьму, провожаемая пурпурными лучами гаснущего солнца.

Затем пришло другое видение — мрачные кубы Вонна, освещенные голубым туманом, и грохочущий лязгающий шум. Третьи люди, наверное, уже выковали свое сверхоружие... Поняли ли Дон Вильсон и его товарищи, в какую ловушку загнал их Мар Канн? «Надеюсь, что нет, — подумал Хаммонд, — иначе хоомены уже должны быть мертвы...»

Ример потряс его за плечо, и тогда Хаммонд понял, что все-таки заснул.

Флайер стоял на голой каменистой равнине, на которой не росло ни единой травинки. Далеко на западе поднималась темная громада — гора с плоской, словно срезанной ножом вершиной. Над ней переливалось ночное беззвездное небо.

— Остальной путь придется проделать пешком, — сказал Ример. — Если, конечно, нам удастся пройти его до конца.

Хаммонд понял, что лидер враменов опасается ментальной

атаки и потому посадил флайер, не долетев до города Четвертых людей. Но где же он находился?

Хаммонд спросил об этом, и Ример указал на громадную вершину.

— Наши внуки живут внутри этой горы, словно муравьи в песчаном холме. Они вырубили там тысячи туннелей и залов, укрывшись от окружающего мира надежной каменной толщей. — Он взглянул на Хаммонда и неожиданно мягко улыбнулся. — Понимаю, Кирк, какие чувства бурлят в вас, ведь я когда-то тоже родился на Земле и прожил там добрые пять десятков лет. Забудьте сейчас о Таяне, это может нам только помешать. Старайтесь вспомнить о вашем прошлом, о мире, который вы покинули десять тысяч лет назад. И поменьше эмоций, наши внуки этого не любят... Пора.

Они выпрыгнули на землю и пошли по направлению к темной глыбе, нависающей над долиной.

Хаммонд сосредоточился и стал вспоминать Землю, навсегда утерянную для него. Из глубин памяти всплыли огромные города, маленькие деревеньки, улицы, запруженные чадящими автомобилями, тренажеры центра подготовки полетов, взлетающие в небо ракеты... И лица, сотни, тысячи лиц людей, которых ныне помнил он один.

Воспоминания увлекли его, и все же в глубине сердца таился страх. Хаммонд не мог избавиться от ощущения, что кто-то видит картины давно ушедшего прошлого, кто-то чужой и могучий...

Он упал, пораженный внезапным болевым ударом, и застонал, ощущая во рту горечь. В десяти футах впереди опустился на колени Ример. Весь дрожа, врамен еще пытался сопротивляться ментальной атаке, но тщетно.

Шок быстро прошел, однако теперь Хаммонд отчетливо ощущал, что кто-то перелистывает его память, словно книгу. Инстинктивно он попытался вскочить на ноги, но не смог даже пошевелиться. Дрожь сотрясала его тело, ему было очень холодно.

Кто-то сказал: «Вам разрешено войти в город».

Хаммонд поднялся. Постороннее присутствие в его мозге ослабло, но тонкая нить, ведущая куда-то вовне, осталась. Эта нить тянула Хаммонда мягко, упорно по направлению к горе, и он пошел. Ример следовал позади, механически передвигая негнувшиеся ноги. Никто из них не произносил ни слова. Мысли Хаммонда свились в беспорядочный клубок, и он даже не пытался осмыслить происходящее.

Опомнился он только тогда, когда черная стена горы поднялась в нескольких футах перед ним. В ней не было и следа входа, но Хаммонд и Ример, не сговариваясь, пошли к одному и тому же месту. Часть каменной поверхности неожиданно повернулась вокруг невидимой оси. Гостей пригласили войти в город.

Они оказались в небольшой комнате с прозрачными стеклянными стенами. Дверь за ними беззвучно закрылась, и сразу же гости ощутили, что пол начал с силой давить на подошвы их башмаков. Стало ясно, что они в лифте, который поднимается в верхнюю часть горы. Путь назад был отрезан, теперь они полностью находились во власти хозяев города-горы.

Лифт остановился. Одна из стен исчезла, и гости ступили в коридор, освещенный лишь тусклым сиянием стеклянных стен. Потолок был настолько низок, что обоим мужчинам пришлось идти, согнувшись в три погибели. Когда Хаммонд опустился на корточки, чтобы немного передохнуть, он увидел не вдалеке чью-то фигуру.

Казалось, это был подросток, ростом не больше четырех футов. Его одежда напоминала грубо вытканый мешок с отверстиями для головы и рук, телосложением же незнакомец смахивал на пухлого младенца с непропорционально большой головой. Черты лица были довольно красивыми, глаза огромными, глубоко спрятанными в глазницы; они светились необычайной мудростью, но в то же время были холодными и безразличными.

— Меня зовут Клед, достопочтимый дедушка, — обратился коротышка к Римеру с нескрываемой иронией. Он взглянул на Хаммонда и добавил: — Это первый хоомен, которого я вижу. Его мозг находится в зачаточном состоянии, но содержит довольно любопытную информацию. Нам потребуется несколько минут, чтобы извлечь все полезное. За это время, достопочтимый дедушка...

— За это время я советую вам исследовать мой мозг, дорогой внук, — резко ответил Ример. — Тогда вы поймете, по какой причине я оказался здесь, и...

— О, это уже сделано, — равнодушно ответил Клед. — Трое наших людей, оторвавшись от своих философских размышлений, изучают сейчас ваш мозг одновременно с мозгом хоомена. Пожалуйста, не шумите, это им очень мешает.

Клед зашагал по лабиринтам коридоров, и гости, полусогнувшись, последовали за ним. По обеим сторонам виднелись ряды крошечных комнат или, вернее, келий, вырублен-

ных в камне и закрытых полупрозрачными панелями. В каждой из них находилась маленькая фигурка собрата Кледа, погруженная в глубокие размышления.

— Телепатические способности позволяют нам объединять усилия для решения важнейших проблем, — пояснил Клед. — Лишь немногие заняты индивидуальными исследованиями и могут уделить вам несколько минут. Даже это является для них болезненным нарушением привычного образа жизни.

Ример покраснел от гнева и хотел что-то резко сказать, но не смог и рта раскрыть. Это поразило Хаммонда. Лидер враменов до сих пор казался ему почти сверхчеловеком, и даже он терялся в присутствии своего маленького внука. Впрочем, это пустяки, куда важнее было то, что судьба Алтара, а может быть, и всей Галактики ныне определялась этими холодными, нечеловеческими разумами.

Хаммонд смотрел на детские фигурки, сидящие в крошечных кельях со сложенными на груди ручонками и застывшими невидящими глазами, и думал: «А ведь они будут вести свою полурастительную жизнь до тех пор, пока каменные своды не рухнут им на головы. Что для них могут значить все тревожные внешние миры?»

— Мы пришли, достопочтимый дедушка, — сказал Клед, указывая на открытую панель в стене. За ней располагалась относительно просторная комната, в которой сидели трое коротышек. — Входите, вам нечего бояться, в любом случае вам не причинят зла.

Ример недоверчиво хмыкнул, и Клед скривил рот, что можно было принять за тень улыбки.

— Ваши мысли совершенно ясны, достопочтимый дедушка. Вы раздумываете, мужчина я или женщина, и удивляетесь, как можно жить без эмоций. Все это пустяки, совершенные пустяки, которые недостойны даже ответа. Откройте свой разум, я постараюсь вам кое-что объяснить. Не знаю только, поймете ли вы, ведь ваш мозг так примитивен...

Они постояли молча несколько минут в келье, а затем Клед повернулся и вышел в коридор. Оба гостя последовали за ним. Их никто ни о чем не спрашивал, но Хаммонд ощущал, что его мозг основательно выпотрошен. Судя по бледному лицу Римера, лидер враменов ощущал нечто подобное.

— Мои собратья собрали всю необходимую информацию и теперь анализируют ее, — сообщил Клед. — Вскоре мы примем решение, стоит ли вмешиваться в ваш конфликт с Треть-

ими людьми. А сейчас я на прощанье покажу нашу единую память.

Вскоре они вошли в обширный куполообразный зал, погруженный в серебристую мглу. В стенах его располагалось множество келий, ярус за ярусом поднимавшихся к сводчатому потолку. Там сидели сотни, тысячи Четвертых людей, погруженных в размышления.

Казалось, они даже не заметили гостей, однако Хаммонд ощутил на мгновение болезненный укол в мозг.

— Теперь вся ценная информация, которой располагаете вы оба, запечатлена в нашей общей памяти, — спокойно сказал Клед. — Уходите.

Они повернулись и пошли по переплетению коридоров, уже одни, без сопровождения Кледа. Ни разу они не остановились, ни разу не советовались, по какому пути идти за очередным перекрестком. Они находились словно под мощным гипнозом, сделавшим из них бессловесных роботов.

Хаммонд пришел в себя, только подойдя к флайеру. Ример стоял рядом и очумело встряхивал головой, будто стараясь стряхнуть остатки наваждения.

— Что они решили? — хрипло спросил его Хаммонд. — Они помогут?

Ример раздраженно ответил:

— Наши внуки сказали, что им нужно время, чтобы разобраться во всем. Они, как и прежде, не хотят ни во что вмешиваться. Но поскольку есть вероятность того, что Третьи люди могут серьезно побеспокоить их, они готовы оценить эту опасность. И только затем начать действовать. Или оставить все как есть...

— Сколько времени им потребуется? — с тоской спросил Хаммонд. — Неужто ваши внуки будут спокойно наблюдать, как бандиты уничтожат Шаранну?

— Это их не волнует, — гневно ответил Ример. — Так же, как и судьба всего остального человечества. Кирк, я даже хочу, чтобы Третьи люди взорвали эту чертову гору. Такие детские мстительные эмоции недостойны меня, но я этого искренне хочу!

Он открыл дверь флайера и с проклятиями полез в кабину. Когда летательный аппарат поднялся в воздух, на востоке уже разгоралась заря. Равнина окрасилась в теплый оранжевый свет, в небе поплыли длинные нитевидные облака. Но Хаммонд смотрел только вперед, где на горизонте виднелась зубчатая стена гор.

Путь до нее оказался тягостно долгим. Хаммонд не мог ни на минуту заснуть, буруемаемый тревожными чувствами. Успеют ли Четвертые люди прийти враменам на помощь, да и захотят ли они сделать это? Не придет ли помощь слишком поздно?

Когда ближе к полудню вдали, среди заснеженных гор, появился серебристый небоскреб Шаранны, Хаммонд понял, что они опоздали.

Глава 20

Над долиной, в нескольких сотнях футов над вершиной небоскреба, прямо в воздухе плясал гигантский ятаган света. Только рука Бога могла бы владеть этим колдовским оружием, но изогнутый клинок, казалось, сам по себе наносил сокрушающие удары. Они доставались не только небоскребу, но и окружающим Шаранну скалам.

Периметр города пылал адскими факелами — это врамены наносили ответные удары.

Ятаган света легко уклонялся от них. Третьих людей не было видно среди гор. Они дистанционно управляли своим супероружием, находясь за пределами достижимости оружия враменов.

Титанический город-небоскреб был расколот пополам могучим ударом и стоял, на треть засыпанный собственными обломками. Огненные факелы, взметавшиеся в небо, становились все слабее и слабее, и наконец ятаган света улучил момент и вновь обрушился на оплот враменов, снеся несколько десятков его этажей.

Воздух задрожал от чудовищного грохота, и чуть позже в небо взметнулось бурлящее облако пыли.

— Боже, останови это! — закричал в ужасе Хаммонд. — Таяна...

Но смертоносный серп света продолжал плясать в небе, нанося удар за ударом. Полуразрушенная цитадель враменов вскоре была окружена огромным валом щебня и сама уменьшилась почти наполовину. Только тогда карающий клинок внезапно исчез, растворившись в медном небе.

Опомнившись, Хаммонд посмотрел на Римера, который с окаменевшим лицом смотрел на разрушенную Шаранну, на рухнувшую цивилизацию враменов.

— Ример, — хрипло пробормотал Хаммонд и потряс лидера враменов за плечо. — Ример, вы слышите меня?

Обернувшись, он увидел, что далеко на юге в небе появилась рой черных мошек.

— Ример, очнитесь! — заорал он и стал хлестать врамена по щекам, стараясь привести его в чувство. — Они идут!

Ример ответил ему пустым, ничего не выражающим взглядом, но все же вновь положил руки на штурвал. Застывший в небе флайер плавно опустился на груды крупных обломков, засыпавших космодром.

Хаммонд распахнул дверцу и выпрыгнул наружу. Обернувшись, он увидел, что черные мошки уже превратились в эскадрилью флайеров и находятся всего в миле от Шаранны. Оставив застывшего от ужаса Римера в машине, он побежал к остаткам небоскреба.

Воздух был насыщен запахом гари. Едкий дым щипал глаза, дышать было трудно из-за пыли, густым облаком висящей над землей. Хаммонд пробежал по застывшему озеру расплавленного металла — по-видимому, это были остатки одного из звездолетов. У подножия небоскреба в жутких позах лежали десятки тел враменов.

Таяны среди них не было — по крайней мере, среди тех, кого еще можно было узнать. Хаммонд стал карабкаться по груды дымящихся обломков к небоскребу.

Он не знал, почему делает это, ведь Таяна могла погибнуть и на космодроме, и здесь, погребенная тысячами тонн камней. А за его спиной в воздухе отчетливо нарастал зловеший свист — флайеры Третьих людей шли на посадку.

Задыхаясь от бешеных ударов сердца, Хаммонд пробрался в небоскреб через одно из разбитых окон и побежал по коридорам.

Как ни странно, здесь царил относительный порядок, словно катастрофы и не было, только стены не светились как обычно.

Около площадки с лифтами высилась груды арматуры и каменных блоков. Хаммонд решил подняться по шахте на следующий этаж, как вдруг увидел Таяну.

Она сидела, прислонившись спиной к искореженной кабине лифта. На ее белом как мел лице не было видно даже царапины. Хаммонд вскрикнул от радости, но затем увидел, что Таяна руками держится за правый окровавленный бок.

— Кирк... — прошептала она, сиюсь улыбнуться. Вместо этого ее лицо исказила гримаса боли.

Хаммонд опустился на колени и поцеловал ей руку, с ужа-

сом глядя на кровавую рану. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять — Таяна обречена. Даже странно, что до сих пор она не умерла. Видимо, невероятная жизнеспособность враменов продлила агонию.

— Тебе необходима помощь, — с трудом выдавил он бесполезные слова утешения. — Врач...

Таяна покачала головой и прижалась к нему, дрожа всем телом.

— Мне уже ничего не поможет, — прошептала она слабым голосом. — Даже врамены умирают... Я жила долго, очень долго... но видела так мало хорошего... Только ты, Кирк, дал мне глоток счастья... Раньше я презирала женщин-хооменов, но теперь... теперь я завидую им... Пусть судьба отведет им всего несколько десятков лет... это так много, если рядом любимый... Я прожила века... но была счастлива всего несколько дней... Спасибо, милый...

Она замолчала, хрипло дыша, бессильно опустив голову на его плечо. Хаммонд сцепил вокруг нее руки так, словно удерживал остатки жизни. Однако с каждым дыханием силы покидали Таяну.

— Поцелуй... меня в последний раз... — прошептала она еле слышно.

Хаммонд осторожно повернул ее голову, но губы Таяны были уже холодны.

Он еще долго сидел, вглядываясь в дорогое для него лицо. Как ни странно, сейчас оно было совсем иным, чем прежде, — детски беззащитным, немного испуганным. Оно не было сейчас красивым, как прежде, но стало милым и трогательным. Казалось, Таяна ненадолго заснула.

Хаммонд поцеловал ее еще раз, а затем закрыл ей глаза.

...Он очнулся от болезненного оцепенения, услышав где-то снаружи звук смеха. Казалось, десятки людей хохотали, увидев там, на обломках цитадели враменов, что-то очень забавное.

Хаммонд осторожно прислонил тело Таяны к груде обломков, а затем, сняв куртку, закрыл ее лицо. Не оглядываясь, он пошел назад по коридору к выбитому окну, чтобы взглянуть, что же смешного нашли Третьи люди в разрушенной Шаранне.

Несколько десятков богоподобных мерзавцев окружали взбешенного Римера, который обрушивал на них потоки проклятий. Старый врамен с развевающимися седыми волосами призывал небо покарать безумцев, убивших своих отцов и матерей, а дети только смеялись в ответ. Они выглядели три-

умфаторами, одержавшими славную победу над злейшим врагом; победителями, не испытывающими ни тени жалости к поверженному противнику.

Это они убили Таяну.

Хаммонд подобрал в груде обломков стальной прут и начал спускаться по искореженным обломкам арматуры. Он понимал, что в лучшем случае сумеет убить только одного из этих весельчаков, но и это было кое-что.

Ример обернулся и вдруг замолчал, увидев приближающегося Хаммонда. Третьи люди тоже перестали хохотать. Их лица помрачнели, в глазах появился страх.

Но они испугались не Хаммонда. Обернувшись, он увидел, как из разбитого небоскреба вслед за ним вышли четверо детей. Нет, нет, это были не дети, это был Клед и трое его товарищей!

Как они оказались в Шаранне, Хаммонд не мог понять. Быть может, прилетели на флайере, который стоит позади небоскреба? Они могли использовать и более фантастический способ передвижения, скажем, телепортацию или что-нибудь в этом роде — Хаммонда ничего не удивило бы.

Маленькие фигурки встали на край горизонтально лежащей среди обломков плиты и посмотрели сверху вниз на своих родителей. Впервые на Алтаре сошлись четыре вида хомо сапиенс, но это была отнюдь не радостная встреча.

Клед обратился к стоящим внизу людям негромким голосом, в котором ощущалась горечь и недовольство:

— Чему вы так радуетесь — вы, кто когда-то дал нам жизнь? Вы превратили Алтар в поле боя, устлали его окровавленными телами своих отцов и матерей и считаете себя победителями.

Ему ответил Холл Горман. Оскорбительно расхохотавшись, он воскликнул, указывая пальцем на Четвертых людей:

— Вы только послушайте, эти сосунки пришли нас поучать! Никчемные коротышки, изображающие из себя мудрецов, выползли из своих нор, чтобы судить, что есть добро, а что — зло. Запомните, ничтожества: это мы породили ваше жалкое племя, и отныне вы будете служить нам, как и положено почтительным сыновьям. На Алтаре с этого дня правят ваши родители. Благодаря глупости ничтожных хооменов у нас есть оружие, с помощью которого мы укоротим руки любому упрямцам. Идите и расскажите об этом вашему муравьиному племени!

— В этом нет никакой необходимости, — спокойно ответил Клед. — Разумы всех наших собратьев всегда тесно связа-

ны, и то, что становится известно одному, через мгновение является достоянием всех. Решение уже принято. Вы — наши отцы, но разума у вас не больше, чем у младенцев. Вы стали опасны не только для враменов и всех хооменов Галактики, но и для нас, потому что волей случая вам в руки попало слишком мощное оружие. Мы должны защищаться, и немедленно.

Тень озабоченности промелькнула на лице Холла Гормана. Он поднял руку и хотел что-то сказать, но не смог.

Даже Хаммонд, стоявший в сторонке, почувствовал мощный удар телепатической волны, которую Четвертые люди через Кледа и его спутников обрушили на своих растерявшихся родителей. Закрыв лицо руками, он закричал от дикой, невыносимой боли.

Волна прошла так же быстро, как и появилась. Хаммонд открыл глаза и, еще продолжая дрожать, огляделся.

С Третьими людьми произошла разительная перемена. Наглые улыбки исчезли с их лиц, сейчас они выглядели растерянными и по-детски беззащитными. Некоторые из Третьих людей бесцельно бродили среди флайеров, другие сидели на земле и с глубокомысленным видом играли в камешки; третьи хныкали, испуганно озираясь по сторонам, словно детишки, потерявшие родителей.

— Боже мой, — пробормотал Ример, изумленно оглядывая жутковатый «детский сад». — Вы сделали из них сухих младенцев!

Клед холодно посмотрел на него, стоя на краю плиты:

— Запомните, достопочтимый дедушка, мы сделали это не ради вас, враменов. Вы — чужие, родители нам куда ближе. По крайней мере, они не так примитивны, их мозг хоть и слаб, но все-таки способен к простейшим философским размышлениям. Им всегда было не до того, суетная жажда власти съедала их, отравляла разум. Теперь это в прошлом. Наши родители вновь стали младенцами. Отныне забота о них ляжет на наши плечи. Мы воспитаем из них лучших людей, чем это сделали некогда вы, врамены.

Получив волей случая бессмертие, вы целиком сосредоточились на себе, на собственных непомерных амбициях и не обращали внимания на своих детей. Именно это, а не испорченный генотип сделал из них чудовищ! Поняв, что дети не будут послушно служить враменам, вы изгнали их из Шаран-ны, а затем изолировали от внешнего мира. Вы объясняли свои жестокие поступки необходимостью защиты Галактики, а на самом деле просто боялись конкуренции со стороны

Третьих людей, которые превосходили вас во многих отношениях.

Вы, и только вы, виноваты в том, что благо вечной жизни обернулось кошмаром. Несмотря на ваше высокомерие и огромное самомнение, в душе вы остались теми же, кем и были в молодости — примитивными хооменами со всем набором недостатков. Только чистые души и могучие разумы способны достойно принять груз бессмертия, и где же они среди враменов?

Мы настаиваем, чтобы и вы и хоомены немедленно покинули Алтар. Вызовите звездолеты, которые охраняют подступы к Трифидам, улетайте куда хотите. Никогда не возвращайтесь на Алтар.

Ример хотел что-то возразить, но Клед только отмахнулся от него своей маленькой ручкой. Неуклюже спустившись вниз, он подошел к одному из людей, игравшему камешками, и прикоснулся к его щеке. В этом жесте чувствовалась и нежность, и одновременно жестокая насмешка.

Затем он сурово взглянул на Римера, и тот, смирившись, опустил голову.

— Хорошо, мы улетаем с Алтара.

Клед улыбнулся и, сощурившись, посмотрел на радужный шар солнца, сияющий в медном небе.

— Это дьявольская звезда, — прошептал он. — Люди дважды ее находили и когда-нибудь вновь попытаются сделать это. Легенда о чудесной Звезде Жизни будет существовать так же долго, сколько будет существовать человечество, и с этим ничего нельзя поделать. Но что-нибудь придумаем. Мы перестроим гравитационное поле этого солнца так, чтобы оно собрало всю пыль из его окрестностей. Пылевое облако погасит большую часть излучения, изменит спектр, и Звезда Жизни станет заурядным светилом, каких миллиарды в нашей Галактике. И тогда на Алтаре воцарятся мир и спокойствие.

Клед протянул руку человеку, сидящему рядом в пыли:

— Пойдем, отец. Время возвращаться домой.

Четверо коротышек зашагали в сторону гор, и за ними, взявшись за руки, нетвердой походкой последовали родители, отныне ставшие детьми.

Хаммонд не стал смотреть им вслед.

Опустошенный и усталый донельзя, он сел на горячий песок, прислонившись спиной к каменной глыбе, и погрузился в полусон-полуявь. Он не знал, сколько времени прошло, прежде чем к нему подошли какие-то люди и заговорили с ним.

Кажется, это были врамены, вернувшиеся из патрульного полета. Потом прошли еще долгие часы — или дни? — и к нему подошли Ива, Куобба и Тол Опп, рассказали возбужденными голосами про то, как Вонн в мгновение ока стал напоминать детский сад, в котором в качестве воспитателей заправляют коротышки, похожие на младенцев. Коротышки приказали всем хооменам лететь в Шаранну, а затем и прочь из Трифид, и никто, даже Дон Вильсон, не смог с ними спорить.

Хаммонд отрешенно выслушал это, кивнул и заснул, уже по-настоящему.

...Когда дурман вновь рассеялся, Хаммонд увидел, что сидит в кресле салона звездолета.

Рядом, в иллюминаторе, сияла Звезда Жизни. Она была окружена триумфальным опаловым ореолом, через который прорывались снопы золотистых, оранжевых, зеленых лучей — тех, что обладали чудесными свойствами дарить бессмертие. Крошечный шарик Алтара купался в радужном водопаде, словно ребенок, избалованный щедрой лаской матери.

«Скоро этому придет конец», — подумал Хаммонд. Клед и его сородичи не бросают слов попусту. Пройдут годы, а может быть, только месяцы, и это божественное сияние потускнеет. Звезда Жизни станет темным холодным солнцем, и ее чары навсегда рассеются. Галактика осиротеет от такой потери, но человечество, напротив, многое выиграет.

Будет положен конец вражде между враменами и хооменами, и Трифиды перестанут притягивать к себе взгляды миллиардов людей, мечтающих о вечной жизни и даже не задумывающихся о том, заслужили ли они это, готовы ли они нести такой груз.

И тогда Алтар оставят в покое, и никто не побеспокоит Таяну в ее вечном сне.

«Да, всем нам Богом дарована вечность, — думал Хаммонд. — Вечность небытия... Не так уж это мало, ведь мы далеко не боги. И если за те считанные годы, которые нам отпустит судьба, мы сможем быть счастливы хоть несколько дней, то жизнь наша прошла не зря. Неважно, где это случится, в каком времени и на какой планете, — главное, всегда стремиться. Хотя бы только ради одного этого человечеству стоило выйти в космос. Так или иначе, люди сделали свой выбор, когда впервые подняли головы к небу и увидели звезды. А чего больше принесет «завоевание космоса» — Добра или Зла, зависит только от них самих».

Битва за звезды

Роман

Глава 1

Эта планета не была создана для людей. Бог сотворил человека из мяса, костей, крови и нервной ткани. Этот же мир состоял из огня, песка и радиации. Ступай домой, Человек! «Но я не могу сделать это, — с тоской думал Джей Биррел. — Не могу! От усталости я давно уже не сплю по ночам, меня мучают боли в ногах, и я очень хочу увидеть мою жену. И все же я должен высадиться на планету, где человеку так же уютно и хорошо, как муравью в доменной печи».

От этих мыслей Биррелу стало еще тоскливей. Он терпеть не мог эмоций, которые мешали делу. Сам себя он считал твердым, практического склада мужчиной, привыкшим выполнять любую трудную работу. Нет, он отнюдь не был суперменом, таким выдавшим виды космическим волком, но в свои тридцать семь лет он не зря был командиром Пятой Лиры — лучшей эскадры богатейшего сектора Галактики.

Биррел инстинктивно выпрямился — он привык отдавать приказы и любил, когда подчиненные смотрели на него снизу вверх, что было непросто при его среднем росте.

— Как там радар?

— Ничего, — ответил Джо Гарстанг, не поворачивая головы. — Экран пуст.

Гарстанг был моложе Биррела, но раза в два массивнее, так что едва помещался в кресле на капитанском мостике. На его суровом лице обычно ничего нельзя было прочесть, но сейчас в голосе капитана «Старзонга» явно ощущалось недовольство. «Ему так же, как и мне, не нравится это задание, — подумал Биррел. — И еще больше то, что на борту его корабля находится непосредственный начальник. Что ж, старину Джо надо понять, я тоже был бы не в восторге, если бы гостем моей эскадры в какой-нибудь экспедиции был губернатор Фердиас. Но это все эмоции, сейчас не до них...»

Биррел сидел рядом с Гарстангом на капитанском мостике, который напоминал полутемный храм с металлическими стенами, куполом и пультом управления, чем-то похожим на алтарь. Около него тихо сустились двое техников — словно двое богобоязненных служек, изредка поглядывавших на своего сурового «епископа Гарстанга». Ну а он, Биррел, наверное, казался им самим кардиналом.

«Что ж, звучит неплохо — кардинал Звездной церкви», — с усмешкой подумал Биррел. Именно звездной — ведь они с Гарстангом вот уже какой час не отрывали глаз от обширного экрана, на котором серебрились россыпи созвездий, объединенных в скопление N-356-44 по Галактическому атласу. Это был настоящий улей из роящихся светил — бледно-зеленых и фиолетовых, белых и золотистых, зеленых и дымчато-красных.

Звезды сияли настолько ослепительно, что терялось обычное для космоса ощущение перспективы, все эти раскаленные миры будто выстроились в ряд, соприкасаясь и толкаясь друг с другом. Они извергали невидимые, но могучие потоки радиации и магнитных полей, способных закружить в своих вихрях любой корабль, словно щепку, и бросить его на дно, имя которому — смерть.

Любой торговый корабль повернул бы назад, испугавшись предстоящих навигационных трудностей. К сожалению, «Старзонг» не был торговым кораблем и не имел права уходить от опасностей.

В сияющем облаке виднелись черные прожилки и темные пятна, но лишь одно из них, лежащее в самом его сердце, могло провести корабль через скопление. Немногие звездолеты проходили этим путем, а еще больше никогда не вернулись обратно.

О чем думали их капитаны, приближаясь к этому мрачному туннелю, окруженному теснинами из сияющих скал? Наверное, вспоминали о родных, близких и проклинали свою опасную профессию... Перед глазами Биррела на мгновение всплыл образ Лиллин, которая терпеливо ждала его в тихом доме на Веге-4. Нет, астронавтам нельзя иметь семью...

— Что говорит радар? — вновь спросил он, не поворачивая головы.

Гарстанг посмотрел на округлый дисплей, расположенный рядом с креслом.

— Ничего, командор. Пока ничего. — Его мохнатые брови насупились. — Мне кажется, сэр, что мы неоправданно рис-

куем. Если Орион может устроить засаду, то мы должны были прийти сюда всей эскадрой.

Биррел покачал головой. Его тоже мучили сомнения, но подчиненным необязательно об этом знать. Он сам принял решение лететь на флагмане, без прикрытия и даже без эскадрильи разведывательных кораблей, и ни у кого не должно быть сомнений в его правоте.

— Этого-то и ждет от нас Соллеремос, — глухо сказал он. — В туннеле через скопление легко устроить засаду, и напавший первым получает огромное преимущество. Пятая Лира бесславно погибла бы, и сектор Ориона сумел бы воспользоваться этим преимуществом. Нет, в таком опасном походе одного корабля вполне достаточно.

— Слушаюсь, сэр, — сказал Гарстанг.

Биррел оторвал взгляд от экрана и посмотрел на одутловатое лицо капитана флагманского корабля. Серые глазки Гарстанга были непроницаемы, но Биррел прочел в них явное неодобрение.

— Мы не на плацу, Джо, — тихо сказал он. — Не надо мне демонстрировать готовность по приказу командира сесть задницей в крапиву. Скажите прямо, что вы думаете?

— Начальству всегда виднее, — после долгой паузы ответил Гарстанг. — Но когда вы поднялись на борт моего корабля, командор, и приказали лететь на эту чертову планету, я подумал: это не лучший день в твоей жизни, старина Джо.

Корабль вошел в туннель, конец которого был отмечен замечательной парой двойных звезд, расположенных по обе стороны от выхода из скопления. Неровные «стены» туннеля, казалось, едва ползли назад — и это несмотря на то, что космолет двигался со скоростью, во много раз превышающей световую. Его двигатель создавал чудовищную тягу, изменяя в очень широком диапазоне соотношение «скорость — масса». При разгоне масса корабля искусственным путем уменьшалась почти до нуля, так что значительное ускорение могло быть достигнуто при сравнительно небольшом расходе энергии. Во время торможения происходил обратный процесс — скорость как бы «перекачивалась» вновь в массу.

Биррел нетерпеливым взглядом смотрел, как иззубренные стены звездного туннеля медленно уходили назад. Казалось, ему никогда не будет конца. За любой из этих разноцветных звезд могла находиться в засаде эскадра Ориона...

— Не кажется ли вам, Джо, что стратегическое значение этого туннеля постоянно растет? — спросил Биррел. — С тех

пор как Земля потеряла реальный авторитет, во всех пограничных областях типа этого скопления стало тревожно. Никогда не знаешь, чего и от кого здесь ждать. Корабли пропадают один за другим, а губернаторы только лицемерно разводят руками — мол, очередной несчастный случай, они здесь ни при чем. Какие-то тайные механизмы пришли в движение, и похоже, что сектора вступают в незримый бой, хотя внешне все выглядит весьма благопристойно.

— Я давно знаю, что политика — грязное дело, — проворчал Гарстанг, покосившись на своего командира. — А еще хуже она становится, когда ты увязаешь в ней, словно муха в патоке.

Биррел промолчал, хотя думал точно так же. Навигационные компьютеры гудели от напряжения, решая сложнейшие задачи по компенсации воздействия гравитационных полей соседних звезд. Ошибись они хоть чуть-чуть, корабль был бы разбит вдребезги, словно стеклянная статуэтка под ударом молота.

Прошел час, другой, и наконец мимо проплыли две двойных звезды, злобно мигнув им вслед. «Старзонг» вышел из туннеля. Впереди сияло голубое солнце, окруженное многими парсеками пустоты.

На капитанский мостик поднялся Веннер — молодой подтянутый офицер из навигационной службы. Отдав честь обоим начальникам, он почтительно обратился к Биррелу:

— Командор, наш дальний радар обнаружил в этой системе пять планет. Только вторая из них земного типа. Прикажете направиться сразу к ней?

Гарстанг вопросительно смотрел на Биррела, но тот в ответ только пожал плечами.

— Если у Ориона на самом деле здесь база, то, конечно, она должна находиться на планете, сходной с Землей. Но Соллеремос может подготовить нам и сюрприз. Так что будем исследовать их одну за одной.

Гарстанг кивнул и, взяв в руки коммуникатор, стал отдавать приказы службам корабля. А Биррел, не сводя глаз с раскаленного гиганта, погрузился в размышления.

Верна ли была информация о базе Ориона в этом пограничном районе, примыкавшем к сектору Лиры? Или это лишь хитрость, попытка заманить эскадру Фердиаса в ловушку? Да, засады в туннеле не оказалось, но, быть может, ее надо ожидать здесь, в системе голубого гиганта? Или все обстоит совершенно иначе, и они с Фердиасом просто клюнули на де-

зинформацию, а Орион сейчас предпринимает какие-то шаги в совсем другой части пограничной области?

Внезапно Биррел почувствовал себя старым и усталым. Начиная с семнадцати лет он служил в Пятой Лиры, пройдя путь от рядового астронавта до командора, и все двадцать лет службы его не покидало изматывающее нервное напряжение. Любая ошибка техника-двигателя грозила гибелью крейсера; промах же командора Биррела мог поставить под угрозу безопасность всего сектора, в который входили сотни звезд и тысячи населенных планет.

А ведь пару столетий назад все было иначе. Сектора лишь формально разделяли обитаемую часть Галактики — Объединенные Миры, в которых преобладало гуманоидное население. Губернаторы секторов назначались Советом, базировавшимся на Земле, а звездные эскадры были лишь частью могучего галактического флота. В те старые добрые времена борьба велась лишь с силами природы, однако это продолжалось недолго.

Возможно, причиной будущих потрясений стало то, что вновь открытые астронавтами с Земли планеты нередко оказывались заселенными разумными существами. И даже не гуманоидами, а людьми в полном смысле этого слова! Антропологи до сих пор ломали копья в бесконечных спорах: стало ли это следствием рассеивания через космос так называемых «спор жизни», несущих хромосомный набор хомо сапиенс, или некогда, в другом цикле развития, люди сами расселились по множеству галактических миров?

Большинство ученых в последнее время склонялись ко второй гипотезе, но реальных доказательств найдено не было. Конечно, цивилизации на различных планетах находились на различных этапах развития — от варваров каменного века до высокоразвитых культур, вплотную подошедших к решению проблемы межзвездных перелетов. Земляне лишь немного опередили своих собратьев из других звездных систем, но именно они стали основателями галактического братства. И не их вина была в том, что Совет Объединенных Миров с лавинообразной скоростью стал пополняться новыми членами, а граница ОМ с каждым десятилетием увеличивалась на десятки парсеков.

Поначалу Земля еще пыталась выполнить функции центра, однако огромные расстояния сделали эти потуги бессмысленными. На одной из сессий Совета были созданы пять секторов, объединявших громадные звездные скопления.

Ныне существовали пять таких «звездных штатов»: сектор Орион с губернатором Соллеремосом, Цефея с Ворном, Лев с Гианеем, Персей со Стровом и Лира с Фердиасом. Лишь формально эти сектора входили в ОМ, а правители могучих звездных скоплений скромно именовались губернаторами.

На самом деле Совет ОМ давно превратился в атавизм, а под внешне дружескими отношениями между губернаторами скрывались ненасытная жажда власти и взаимная ненависть. Все правители жаждали новых звезд и новых парсеков пространства. «Даже Фердиас, — с грустью подумал Биррел, — мой друг и повелитель».

Губернатор Леры давно играл в тайную игру со звездами, посылая свои эскадры из одной части Галактики в другую — словно переставлял пешки на шахматной доске. Он умело балансировал между миром и войной и с каждым «ходом» понемногу расширял свой сектор — то на незначительную туманность, то даже на одну-единственную звездную систему...

Миссия Биррела была частью этой тайной галактической схватки. Фердиас получил сведения от своих агентов, что Соллеремос основал базу в буферной зоне между Лирой и Орионом, нарушив тем самым соглашения между секторами. Такое случалось нередко, но пока конфликты не выходили за пределы «схватки под ковром». То там, то здесь при загадочных обстоятельствах исчезали корабли с сотнями людей, вымирали от таинственных эпидемий целые поселения на пограничных планетах, а в официальных сводках все это именовалось лишь «несчастными случаями». С каждым годом напряженность между секторами росла, так что Биррел не очень-то надеялся на мирный исход.

— Подходим к системе голубой звезды, — доложил Гарстанг сдавленным голосом.

«Старзонг» вздрогнул — это конвертер почти мгновенно погасил скорость корабля, преобразовав энергию кинетического движения в массу. На экране появилась безжизненная планета, испещренная кратерами вулкана и гигантскими трещинами. Было очевидно, что она лишена жизни, но корабль тем не менее сделал несколько витков, пока его сенсоры окончательно не подтвердили — планета пуста.

Второй мир оказался земного типа. Биррел почти не надеялся, что база Ориона именно здесь — слишком уж это было просто. Час спустя радары обнаружили большой город, а рядом — примитивный космопорт.

Здесь, на этой стороне планеты, царила ночь. Небо сияло

миллионами звезд, бросавшими на песчаные дюны возле космопорта призрачный дрожащий свет. Город спал, не подозревая, что в нескольких милях над ним завис крейсер, ошупывая поверхность невидимыми лучами своих радаров.

Но на экранах не появилось ничего интересного — ни звездолетов Ориона, ни его базы, ни лагеря его легионов. Космопорт был пуст, как, впрочем, и пустыня на многие сотни миль вокруг.

— Это ничего не значит, — буркнул Гарстанг, недоверчиво глядя на экраны. — Соллеремос — хитрая лиса. Его корабли могут находиться на другой стороне планеты или где-то еще в этой системе. Командор, нутром чую — здесь нас ждет ловушка. Надо было Пятой прилететь сюда в полном составе.

— ...чтобы встретиться на планете с наблюдателями из ОМ, которых Соллеремос предупредил об «угрозе с Леры» и попросил лично убедиться в нашей агрессивности? — насмешливо подхватил Биррел, надевая свой парадный мундир в голубых и серебристых тонах. — Нет, Джо, в такую примитивную западню мы больше не попадемся.

Он спрятал в карман порто — портативный коммуникатор.

— Погодите, командор! — запротестовал Гарстанг. — Вы не сказали, сколько человек вам понадобится для сопровождения.

— Никого. Я пойду один.

Глаза Гарстанга расширились от изумления.

— Бога ради, сэр!

— Я знаю, что делаю, — раздраженно ответил Биррел. — Однажды я уже бывал на этой планете.

Командир «Старзонга» вздрогнул — за долгие годы совместной службы он так и не смог привыкнуть к сюрпризам своего начальника.

— Были здесь? Но зачем же мы тогда блуждали...

— Потому что базы Ориона здесь нет и быть не может, — спокойно объяснил Биррел. — Местное племя, что называется, бедное, но гордое. Оно свято чтит предания тех далеких времен, когда их короли правили всем звездным скоплением. Эти люди терпеть не могут чужеземцев и готовы принять не более одного-единственного гостя. Лет пятнадцать назад, когда я был простым техником на Пятой, старый командор Болланд именно меня послал на разведку в этот город. Пойду проведу старых знакомых...

— Понятно, — произнес Гарстанг, недовольно качая головой. — Я же говорил вам давеча — с начальством не соску-

чишься. Но что, если ваши знакомые-аборигены тоже любят устраивать неприятные сюрпризы?

— На этот случай у меня есть порто, — ответил Биррел, хлопав себя по карману. — Слушайте меня внимательно, Джо. Через тридцать минут после того, как я войду в город, я вызову вас и дальше буду связываться с вами через каждые полчаса. Если хоть раз мой сигнал не придет, включайте двигатель и поскорее уносите отсюда ноги. Мстить этому племени — что высечь океан, толку все равно не будет. Нельзя давать Соллеремосу ни одного козыря, понимаете?

— Да Фердиас с меня голову снимет, если с вами что-то случится! — вспыхнул Гарстанг, побагровев. — И потом, неужели вы думаете, Джей, что я брошу так просто своего старого друга?

Биррел сурово посмотрел на капитана «Старзонга».

— Фердиас в курсе моего плана, — тихо сказал он. — Ему не впервой рисковать своими подчиненными. А вот я этого делать не хочу. Вам ясно, Гарстанг?

Капитан «Старзонга» кивнул с безнадежным видом.

— А теперь сажайте корабль, — велел Биррел и пошел к выходу.

Когда двигатели смолкли и люк автоматически открылся, Биррел постоял некоторое время, вдыхая чужой колючий воздух, насыщенный непривычными запахами. Впереди под россыпями звезд были видны силуэты башен старого города. Лишь кое-где в домах горели огни, но они выглядели далеко не приветливо.

Гарстанг неприязненно смотрел на город, который больше напоминал огромную и мрачную крепость, чем столицу цивилизованного государства.

— Сэр, мне не очень нравится эта ваша идея насчет тридцатиминутных пауз между вызовами, — наконец решился сказать он. — Вы чего-то опасаетесь, верно? Неужели я не могу предпринять хотя бы простейшие шаги, чтобы попытаться вызвать вас?

— Ну что ж, попробуйте, — после некоторого колебания ответил Биррел. — Но если кораблю будет угрожать серьезная опасность, то без колебания возвращайтесь на Вегу. На этой планете царит глубокое средневековье, и каждый гражданин прекрасно владеет оружием. Фердиасу только не хватает серьезного конфликта в пограничной зоне! Представляю, как на это отреагирует Соллеремос...

— А я отлично знаю, что услышу от губернатора, если вернусь без вас, — пробурчал Гарстанг. — Ладно, удачи, командор!

Биррел успокаивающе похлопал товарища по плечу и легко сбежал по пандусу. Ноги его по шиколотку увязли в песке — похоже, на этом космодроме действительно давно не сажались корабли. Поеживаясь от ночного холода, Биррел зашагал к городским воротам.

Он вспомнил, как много лет назад шел этой же дорогой. Тогда он был юн, полон энтузиазма и жаждал геройских подвигов. Доверие самого командора Пятой наполняло его душу восторгом, и никакие опасности не пугали. Но теперь все изменилось. То ли сказывался возраст, то ли недавняя женитьба, однако рисковать головой ему нынче вовсе не хотелось. Да, Фердиас — его давний друг, но губернатор управлял огромным сектором Галактики, а командор эскадры был лишь пешкой в его игре, в которой человеческая жизнь не ценилась и на грош. Биррелу было не по себе от мысли, что Фердиас так легко поставил на кон его голову.

Очертания города стали проясняться. Теперь можно было разглядеть башнеподобные дома круглой и восьмиугольной формы, беспорядочно жмущиеся друг к другу. Их острокопечные крыши мерцали под светом звезд, а бесчисленные глазницы окон пристально вглядывались в непрошеного гостя из другого мира. Ветер бросал в лицо пригоршни колючих песчинок, и, кроме этого вечного голоса пустыни, Биррел не слышал ни одного звука. Казалось, город затаился, словно зверь, приготовившийся к прыжку.

Глава 2

Трое аборигенов встретили Биррела у ворот. Это были гиганты ростом более семи футов, одетые в серые балахоны, под которыми угадывались тонкие, как тростинки, фигуры. Они двигались изящной, легкой походкой, опираясь на длинные посохи из резной кости. Вытянутые, словно на картинах Эль Греко, лица были увенчаны пирамидальными прическами, слегка покачивающимися при ходьбе. Немигающие глаза, упрятанные под резко выдающимися вперед надбровными дугами, казались таинственными и бесстрастными.

— Что делает здесь чужеземец с далекой звезды? — спросил один из аборигенов на отличном галакто.

— Я хочу поговорить с властителем города о других чужеземцах, — уверенным тоном сказал Биррел.

— Здесь нет чужаков, кроме тебя, — ответил один из горожан, не проявив ни малейших эмоций. — Возвращайся на свой корабль, незнакомец, и немедленно улетай с Лидии.

Биррелу приходилось десятки раз общаться с гуманоидами на различных планетах Галактики, и он знал, как трудно достичь взаимопонимания. Но он знал и другое — упорству надо противопоставлять настойчивость, глухоте — ясные, понятные всем слова.

— Здесь есть другие чужеземцы, — мягко произнес он. — Властитель города знает об этом.

Туземцы переглянулись, смущенные его настойчивостью. Наконец один из них медленно наклонил голову:

— Твои речи темны, чужеземец, но наш правитель Седарх мудр и сможет понять твои тайные мысли — те, что лежат за пустой скорлупой слов.

Аборигены окружили Биррела и повели его через широко раскрытые створки ворот. Когда-то он уже шел этой дорогой, и вновь его удивил этот странный город, где не было ни улиц, ни тротуаров — только волнистые дюны между тесно стоящими зданиями-башнями. Ни один светильник не рассеивал мглу глубокой ночи, но шедший впереди абориген зажег маленький фонарь. Биррел украдкой взглянул на наручные часы, заметив момент, когда они прошли через ворота. Гарстанг начал отсчет первых тридцати минут — кто знает, что произойдет за это время?

Увязая по шиколотку в песке, Биррел едва поспевал за широкими шагами аборигена с фонарем — и одновременно ощущал спиной враждебные взгляды его товарищей. Мимо проплывали массивные стены, сложенные из грубо обтесанных камней, и узкие, словно бойницы, окна, темные и настороженные. Кое-где на пути встречались пыльные безлистные кустарники, настолько унылые, что их трудно было назвать «зелеными насаждениями». В прошлый свой приезд на Гинею Биррел слышал об обширных плантациях, разбитых в глубинах подземных каверн, но никогда не видел их.

Трудно было поверить, что этот скучный, беспорядочно сооруженный город был некогда столицей огромного звездного скопления. Впрочем, это могло быть лишь красивой легендой. Едва ли не каждый варварский мир привык хвастаться могучими предками, как правило, не оставившими никаких ощутимых следов своей титанической деятельности. Некото-

рые ученые даже усматривали в этом стандартном мифотворчестве доказательство единства происхождения всей человеческой популяции в Галактике, у которой тысячи лет назад была одна прародина, со своими легендами и преданиями.

Вскоре они подошли к приземистой башне, из широко открытой двери которой лился желтый свет.

— Желает ли чужеземец войти в жилище нашего правителя?

Биррел с сомнением взглянул на здание, больше похожее на таверну, но без вопросов вошел внутрь. Его спина уже успела онеметь от недружественных взглядов провожатых. Да, здесь не любили чужеземцев, так что, скорее всего, его миссия напра...

Он замер на пороге. Большая комната с голыми каменными стенами была едва освещена лампой, выточенной из крупного кристалла, похожего на кварц. За грубо сколоченным столом сидели четверо мужчин, потягивая вино из высоких кружек.

Это были не аборигены-гуманоиды, нет — это были люди, носившие комбинезоны астронавтов с эмблемами Ориона на плечах и со станнерами за поясами. Только один из незнакомцев был одет в обычный гражданский костюм без каких-либо знаков отличия. Заметив Биррела, он встал со стула и пошел ему навстречу — худощавый, невысокого роста мужчина средних лет, с массивной головой и настороженными карими глазами. Его движения отличались тигриной грацией, которая говорила о недюжинной силе.

— Вот и вы, командор, — скупой улыбнулся мужчина в гражданском. — Мое имя Таунцер. Это я назначил вам свидание и очень рад, что вы не заставили себя долго ждать.

Биррел никогда не видел этого человека, но его имя говорило о многом. Таунцер был известен как один из самых ловких и опасных агентов Соллеремоса, оставивший кровавый след на десятках пограничных миров.

Он криво усмехнулся.

— Выходит, я оказался в дураках?

Таунцер пожал плечами.

— Не надо так переживать, командор. Просто каждый делает то, на что он способен. Прошу садиться. Правда, местная мебель, по обычаю, вытесана из камня, но я уж постараюсь, чтобы вам было удобно. Хотите вина? Местный херес, право, недурен.

Трое здоровяков за столом выразительно смотрели на Биррела, поигрывая тренированными мускулами, и он решил при-

нять предложение. Кресло оказалось действительно жестким и неудобным; оно было рассчитано на двухметровых аборигенов, так что ноги Биррела немного не доставали до пола. Он бросил взгляд на дверь, однако туземцев и след простыл. На часы же он не решился взглянуть — Таунцер пристально следил за каждым его движением пронизательными смеющимися глазами.

Остальные мужчины будто бы не обращали на него никакого внимания, хотя Биррел не питал на этот счет никаких иллюзий. Он не успел бы даже коснуться своего порто, как получил бы по заряду из каждого станнера. Что ж, надо выждать подходящий момент, но времени на это оставалось немного, минут пятнадцать, не больше.

— Просто поразительно, Таунцер, как вы сумели столкнуться с этим племенем, — сказал Биррел, недоуменно покачивая головой. — Насколько мне известно, они никогда не вступали в сговор с чужаками. Это противоречит всем их обычаям. Я бы никогда так просто не купился на вашу приманку, если бы хоть на грамм сомневался в их непробиваемом консерватизме.

— Все верно, командор, вы рассуждаете совершенно верно, — с довольной ухмылкой сказал Таунцер. — Только в одном вы ошиблись. Дело в том, что в моих жилах течет часть крови и этого племени. Однажды моя прабабка согрешила с одним из этих верзил и вписала этим позорную страницу в родословную моей семьи. Но, как видите, даже постыдный блуд с гуманоидом может пойти на пользу умному правнуку.

Биррел пожал плечами, испытывая сильное желание взглянуть на часы. Теперь он уже сожалел, что перед уходом дал слабинку и предоставил Гарстангу относительную свободу действий. Кто теперь знает, во что может обойтись Лире его сегодняшних промах?

Таунцер пригубил вино и закрыл глаза, словно от наслаждения, затем вдруг небрежно произнес:

— Кстати, командор, я не зря зажмурился. Можете быстро взглянуть на свои часы, пока я вас не вижу.

Он хохотнул и одним глотком опорожнил кружку до дна. Лицо Биррела вспыхнуло от гнева. Агент Соллеремоса действительно был ловкой бестией, а сейчас явно испытывал удовольствие от того, что сумел поймать доверенное лицо Фердиаса на голый крючок. Что ж, придется рвать леску...

Биррел посмотрел на часы и спокойно сказал:

— Надеюсь, вы понимаете, Таунцер, что мои люди следят

за каждым моим шагом? Они получили кое-какие инструкции на этот счет.

Таунцер произнес почти утешающим тоном:

— Не сомневаюсь в этом, командор. У меня было достаточно времени, чтобы изучить ваше досье и узнать кое-что о ваших методах действия. У губернатора Фердиаса есть одна скверная привычка: использовать в особо щекотливых ситуациях командующего Пятой Лире как особо доверенного агента. Так что я ждал именно вас, Биррел, и рад, что не обманулся. Что касается ваших угроз, то от них есть очень простая защита: сидеть и ждать, ничего не предпринимая. Вот мы и подождем.

Биррел внутренне чертыхнулся. Кажется, Гарстанг был прав, стоило бы прийти сюда всей эскадрой.

— Рад слышать, что меня столь высоко ценят на Орионе, — после паузы сказал он. — Чем же я могу быть вам полезен, Таунцер?

— О, пустяки, командор, совершеннейшие пустяки, — добродушно усмехнулся агент. — Я хочу услышать ответ на один-единственный вопрос.

Он вскочил с кресла, подойдя к Биррелу, наклонился и тихо спросил, все еще продолжая улыбаться:

— Каковы планы Фердиаса в отношении Земли?

Некоторое время Биррел изумленно смотрел на Таунцера. Он был готов к любым вопросам, кроме этого. Командующий лучшей эскадрой Лире немало знал о тактических, даже стратегических планах Фердиаса, имел исчерпывающие сведения о диспозиции его основных сил, о секретных базах, о новых видах оружия — словом, о десятках вещей, которые могли бы весьма заинтересовать губернатора Ориона. Но это... Это не поддавалось объяснению.

Земля, несмотря на свое славное прошлое, давно уже была захолустной, потерявшей всяческое влияние планетой. Да, на ней все еще заседал Совет ОМ и базировался Объединенный космофлот, но это уже не имело никакого значения. Даже он, Биррел, побывавший почти во всех концах Галактики, никогда и на несколько парсеков не подходил к Солнечной системе. Правда, в его жилах бежала кровь земных предков — его прадед был выходцем из Соединенных Штатов, но сам он не испытывал ни малейшего интереса к своей прародине, которую никогда не видел.

В грандиозной игре, которую вели друг против друга губернаторы секторов, Земля не имела и не могла иметь никакого веса. Фердиас ни разу не упоминал ее даже в частных раз-

говорах с Биррелом, не опускаясь до масштабов меньших, чем звездные скопления. Так что, скорее всего, вопрос Таунцера был очередной уловкой, отвлекающим маневром, попыткой сбить его с толку...

— Повторяю, Биррел, что замышляет губернатор Лиры в отношении Земли?

— Понятия не имею, о чем вы толкуете, приятель, — обезоруживающе улыбнувшись, ответил командор.

— Не исключено, — согласился Таунцер. — Но, знаете, я всерьез навожу справки по этому поводу и боюсь, вашего слова будет маловато. Кстати, где сейчас находится Кэрш?

Он выстрелил последним вопросом, явно стараясь заставить пленника врасплох. Но Биррел глазом не моргнул.

— Кэрш? Это еще что за птица?

Биррел выпрямился, болезненно поморщившись.

— Ладно, пустые разговоры. Они только задерживают нас, командор, а мы с вами — люди занятые. Доу!

Один из астронавтов поднялся из-за стола и, повинувшись движению руки Таунцера, пошел в соседнюю комнату. Сердце Биррела тревожно забилося. До очередного вызова Гарстанга осталось не более десяти минут.

— У вас мало времени, Таунцер, — напомнил он. — Мы оба сделали ошибки, но ваша может иметь самые плачевные последствия.

— Я рад, что вы так заботитесь о моем благополучии, командор, — усмехнулся Таунцер, хищно поглядывая на пленника. — Боюсь, не смогу ответить вам тем же. Ваши люди не придут к вам на помощь, а вот мои, надеюсь, не подкачают.

— Вы слишком самоуверенны, Таунцер.

— Что делать, у всех свои слабости. Доу, ты можешь потопиться?

— Все готово, сэр.

Доу вошел боком в комнату, неся треножник, на вершине которого был расположен прибор с широким раструбом. Во рту Биррела пересохло. Он видел подобную штуку не раз. Это был «детектор правды», который с помощью особого излучения подавлял человеческую психику, и пленник не мог лживо отвечать на вопросы.

Да, он не знал ничего о планах Фердиаса в отношении Земли и не имел ни малейшего представления, где сейчас находится Кэрш — правая рука правителя Лиры в тайной борьбе за звезды. Но он знал массу вещей, которые весьма могли заинтересовать Соллеремоса.

Сколько времени у него осталось? Десять минут или уже всего пять? Когда включат «ДП», будет слишком поздно. Надо как-то выкрутиться, как-то оттянуть время, но как?

Биррелу пришла в голову лишь простейшая идея, и он без раздумий пустил ее в ход. Внезапно он выпрыгнул из кресла и бросился на Доу, который устанавливал прибор. Командор не сомневался, что головорезы Таунцера не осмелятся пустить в ход станнеры, и оказался прав.

Ему удалось достичь «ДП» на долю секунды раньше, чем его смогли остановить. Сильным ударом он скинул прибор на пол. Тут же на него навалились трое дюжих молодцов, но Биррел не доставил им удовольствия помять ему кости. Он мгновенно перестал сопротивляться, экономя силы.

Его волоком вновь подтащили к креслу и усадили на жесткое сиденье, предварительно угостив парой увесистых оплеух. Доу тем временем, проклиная все на свете, поднял прибор и тщательно осматрел.

— Больно вы прытки для своей солидной должности, командор, — побелел от ярости, процедил Таунцер. — Я уже говорил вам — бросьте рыпаться понапрасну, никто вам теперь не поможет. Надо уметь проигрывать, Биррел, вы же не мальчишка... Доу, черт тебя дери, как там прибор?

— Э-э... кажется, все обошлось, сэр. Точно, все обошлось.

— Тебе же лучше, парень. А не то эта ошибка могла стать последней в твоей жизни, остолоп... А вы напрасно ухмыляетесь, Биррел. Если ваши люди вступят в игру, то они получат хорошую взбучку.

— А это еще почему? Неужели аборигены вступятся за честь вашей бабки-блудницы?

Таунцер ядовито улыбнулся.

— К сожалению, они наотрез отказались выступить с оружием на стороне Ориона. А представляете, какой это был бы замечательный скандал: агрессоры-убийцы с Лиры уничтожают мирных туземцев из пограничной области! Соллеремос мог бы нажать на этом солидный политический капитал... Увы, приходится бороться с вами более тривиальными средствами. Три моих крейсера скрываются за крупными астероидами невдалеке от планеты и в момент вашего приземления получили приказ лететь к городу. Они накроют ракетами ваш «Старзонг», даже не спускаясь с орбиты. Как вам это нравится, командор?

Хуже ничего не могло произойти. Биррел изо всех сил пы-

тался сохранить на лице бесстрастное выражение, но, видимо, это плохо ему удалось, потому что улыбка Таунцера стала шире.

— Думаю, вы понимаете, что такой поворот событий невыгоден нам обоим. К чему устраивать бойню, если можно тихо-мирно решить все вопросы? А ведь во всем виновата ваша слава, Биррел. Всем известно, что вы в особом фаворе у Фердиаса, кому же знать его секретные планы, как не вам?

— Дружба — это одно, а знание политических тайн — другое, — горячо возразил Биррел. — Не путайте божий дар с яичницей. И потом, Таунцер, вы с сегодняшнего дня становитесь личным врагом губернатора Лиры, то есть бесспорным кандидатом в покойники.

— Возможно, — нахмурившись, согласился Таунцер. — Но сами понимаете, если я прилечу к Соллеремосу с пустыми руками, это тоже не пойдет на пользу моему здоровью. Итак, вы решительно не хотите добровольно рассказать нам о замыслах Фердиаса в отношении Земли? Доу, включая прибор, командор попросту тянет время.

Не успел техник коснуться кнопки, как со стороны пустыни раздался могучий грохот. Гарстанг все-таки поднял крейсер! «Молодец!» — с радостью подумал Биррел. Теперь кораблям Ориона так просто его не взять.

— Доу, болван, включая свою машину! — заорал Таунцер, впервые теряя самообладание. В этот момент в проеме наружной двери появились трое аборигенов — тех, что привели Биррела в ловушку. На их обычно бесстрастных лицах теперь была заметна растерянность. Командор быстро воспользовался этим:

— Горожане, одумайтесь! — закричал он на галакто. — Вас впутали в грязное дело! Мой крейсер уничтожит вас, если вы не поможете освободить меня от этих грязных чужаков! Передайте вашему правителю...

Один из людей Таунцера не выдержал и сильно ударил его в челюсть. Биррел рухнул, чувствуя, что теряет сознание. Его ход сработал...

Тем временем «Старзонг», развернувшись, прошел низко над городом. От рева двигателя проснулись все жители и, выбежав на улицы, едва не задохнулись в пыльном воздухе. Многие в панике рухнули на землю, закрыв голову руками. Женщины и дети испуганно завопили. Через несколько мгновений на город обрушилась ударная волна.

Небо раскололось от чудовищного грохота. Градом посыпались стекла из окон, многие куполообразные крыши снесло, словно от удара гигантского кулака. Вопли ужаса заполнили огромный город.

Затем грохот стал стихать, уходя на запад, и еще через минуту наступила тишина. Кое-кто из горожан стал подниматься на ноги, в страхе глядя по сторонам. А в таверне Таунцер, изрыгая проклятия, нещадно хлестал Биррела по щекам, безуспешно пытаясь привести пленника в чувство.

Крейсер вскоре вновь вернулся, пройдя над зданиями еще ниже. Казалось, Гарстанг всерьез рисковал распороть брюхо кораблю остроконечными шпилями башен. Воздействие ударной волны на этот раз было сокрушительным, словно оружейный обстрел. Опустевшие дома содрогнулись, стены многих из них треснули, крыши сдуло, словно ураганом, на людей посыпался град камней. Когда крейсер исчез за горизонтом, на пороге таверны вновь появились те трое аборигенов, что заманили Биррела в ловушку. На этот раз на их лицах был виден неприкрытый ужас.

— Вы обманули нас! — закричал один из туземцев, с ненавистью глядя на Таунцера. — Вы обещали, что изгоните с Гиней всех чужеземцев! А вместо этого натравили их на наш бедный народ!

— Я всем сердцем хочу вам добра! — запротестовал Таунцер, побледнев. — Послушайте, Карн...

— Да, послушайте, — слабым голосом сказал Биррел, придираясь к носу. — Послушайте, как мой крейсер вновь пройдет над городом. Он будет утешать небо, пока вы не освободите меня от этих мерзавцев...

Таунцер хлестким ударом заставил его замолчать. Лицо Биррела залила кровь.

«Старзонг» вернулся, и на этот раз, казалось, в небе разорвалась ядерная бомба.

Когда все стихло, один из аборигенов с трудом поднялся на ноги, стяхнул с себя каменную пыль и, издав вопль отчаяния, подскочил к Биррелу. Схватив оглушенного командора за руку, он потащил его к выходу.

— Эй, не смейте... — пробормотал Таунцер, еще не отойдя от пережитого минуту назад ужаса. — Он мой пленник, и вы должны...

Высокий горожанин обернулся и в ярости воскликнул:

— Мы, дети звездных королей, ничего не должны такой жалкой полукровкой, как ты! Немедленно убирайся с Гинеи, иначе мои люди будут гнать тебя через пустыню, словно дикого зверя!

Биррел подошел на негнущихся ногах к проему двери и увидел рядом с таверной растущую толпу разгневанных людей. Таунцер тоже заметил их и еще больше помрачнел. Демонстративно отряхнув пыль с колен, командор шагнул через порог.

— Не давайте ему уйти, сэр! — срывающимся голосом просипел Доу. — Губернатор будет недоволен нами...

— Что я могу сделать? — процедил сквозь зубы Таунцер. — Ничего, с этим веганином мы еще посчитаемся...

Биррел прошел через возбужденную толпу, которая тем не менее расступилась перед ним. Чужака проводили взглядами ненависти, но никто не преследовал его. Выйдя из города, Биррел достал порто из кармана и связался с Гарстангом. А затем, больше не оглядываясь, торопливо пошел через пустыню в сторону космодрома.

Через четверть часа он уже поднялся по пандусу и, не отвечая на расспросы капитана, коротко приказал:

— Немедленно взлетайте! Скоро сюда прибудут три орионских крейсера. Только битвы в космосе нам сейчас не хватало...

Гарстанг кивнул и побежал по коридору в сторону капитанского мостика. Когда Биррел добрал туда же и бессильно рухнул в кресло, двигатель уже заработал. С предельной перегрузкой «Старзонг» ушел в небо. Гарстанг выбрал траекторию ухода, которая, как ему казалось, вводила их от кораблей Ориона.

— Когда мы подойдем к туннелю в звездном скоплении? — спросил Биррел, понемногу приходя в себя.

— Меньше чем через полчаса, — ответил Гарстанг, с тревогой глядя на экраны радара, на которых было пока пусто. — Я бы не прочь вступить в бой, командор, бежать — не в традициях флагманского корабля Пятой Лиры. Но с тремя крейсерами противника нам не справиться...

Биррел хмуро кивнул. Боевые корабли всех секторов были оснащены самонаводящимися ракетами с ядерными боеголовками. Никакой бронированный корпус тут не помог бы, поэтому единственным оружием защиты служили антиракеты и противорадары, мешающие наведению ракет противника на цель. Залпам с одного и даже двух крейсеров еще как-то

можно было противостоять, но бой одного корабля против трех был бессмысленным.

Гарстанг отдал очередной приказ, и по коридорам прокатился вой сирены, предупреждая о переходе к сверхсветовой скорости. Сразу же вокруг всех кресел с членами экипажа возник невидимый силовой конус антигравитатора, гасящий смертоносное действие чудовишной перегрузки. И тем не менее все ощутили резкую головную боль и тошноту. Корабль прыгнул к звездному скоплению, нацелившись на пару красных двойных звезд, за которыми начинался вход в туннель.

Обзорные экраны на мгновение погасли, а затем вновь зажглись россыпями бесчисленных созвездий. Казалось, они не двигались с места, но зловещая пара двойных звезд быстро приближалась.

— Сэр, корабли Ориона появились на экране радара, — напряженным голосом доложил Гарстанг. — Судя по их ускорению, это легкие крейсера типа С-16. Их суммарная огневая мощь превосходит нашу всего лишь в полтора раза, однако максимальная скорость выше на одну восьмую...

— Это только цифры, — оборвал Биррел. — Вы же знаете, Джо, до открытой схватки между нашими секторами дело еще ни разу не доходило. А вот если Лира потеряет свой флагманский корабль, это может привести к галактической войне.

Гарстанг понимающе кивнул. Через несколько минут «Старзонг» миновал двойные звезды и вошел в туннель. Капитан сразу же отдал приказ снизить ускорение. Биррел понимал его — гравитационные поля внутри туннеля были настолько сильными и сложными по конфигурации, что при чрезмерно большой скорости силовая защита флагмана могла не выдержать, и он бы мгновенно рассыпался на куски. Конечно, корабли Ориона должны были поступить точно так же, но они были куда легче и могли позволить себе большее ускорение.

Биррел не вмешивался, несмотря на всю опасность ситуации, Гарстанг был опытным капитаном и не раз спасал свой корабль от гибели. Правда, ему ни разу до сих пор не приходилось бежать от противника...

Туннель постепенно сужался, оскаливаясь острыми клыками созвездий, которые, казалось, грозили разорвать крейсер Лиры в клочья. Но эта опасность была не единственной...

— Противник сокращает дистанцию, — хладнокровно доложил Гарстанг, не отрывая глаз от экранов радара. — Боюсь, мы попадем в зону обстрела, не дойдя до конца туннеля.

Биррел посмотрел на верхнюю часть экрана, где среди рос-

сыпей звезд появилось обширное темное пятно. Это была туманность, находящаяся в самом центре гигантского звездного скопления.

— Насколько я понимаю, у нас остается только один выход, — сказал он.

Гарстанг проследил его взгляд и протестующе воскликнул:

— Надеюсь, вы не имеете в виду этот угольный мешок, командор!

Биррел пожал плечами.

— У вас есть другая идея, Джо? Я готов ее обсудить. В любом случае это не приказ, вы — командир корабля.

— Разве? — с иронией спросил Гарстанг. — Если бы это было так, то «Старзонга» здесь не было бы. — Он наклонился к коммуникатору и хрипло произнес: — Внимание, новый курс к зениту и на север на тридцать восемь градусов. Включить киберштурман и автопилот. Повторяю, новый курс...

Биррел подумал о том, как изменились, наверное, сейчас лица у парней в навигационном отсеке. Что поделать, кому нравится этот путь, но иного выхода нет...

Пульты ручного управления погасли, зато вспыхнули сотнями мигающих огней стойки компьютеров. Мириады звезд на обзорном экране медленно поплыли вниз, а на их месте появилось темное облако пыли, испещренное черными расщелинами космических течений. В глубине туманности едва тлели утопленные в космической пыли солнца.

Радар сообщил, что крейсера Ориона находятся в туннеле, но «Старзонг» уже вошел в опасную, насыщенную пылью область, в которой его сложно было отличить от любого из мириадов каменных обломков.

Это был эффективный путь ухода от радаров противника, хотя чрезвычайно рискованный. В пыльном облаке вязли и лучи радаров самого «Старзонга», так что система противометеоритной защиты становилась крайне ненадежной. Автопилот попросту мог не успеть среагировать на обломок, обнаруженный радаром на небольшом расстоянии от корабля, так что шансы уцелеть были невелики. Но в схватке с тремя крейсерами их не было вовсе.

Биррел отключил противоперегрузочное поле и стал бесцельно ходить по капитанскому мостику. Экипаж был сейчас не у дел — настал час корабля, его радаров, двигателей, генераторов, компьютеров. Командование временно принял на себя киберштурман, а автопилот послушно выполнял все его приказы, проводя звездолет через космические течения.

Мимо, словно факелы в ночи, проплывали тускло горящие солнца, выбрасывая навстречу кораблю невидимые щупальца гравитационных полей, захватывая его потоками жестких лучей и расставляя ловушки в виде мощных магнитных вихрей.

Весь корабль наполнился мелодичной музыкой работы компьютеров, которые держали сейчас судьбу членов экипажа в своих чутких электронных руках. Малейшая ошибка в сложнейших вычислениях, сбой в системе управления могли бы мгновенно погубить крейсер, и никто — ни пилоты, ни штурманы, ни даже капитан не смогли бы ничего сделать. Только трижды за свою долгую службу в космофлоте Биррел проходил через подобное испытание, и каждый раз его охватывало острое чувство беспомощности и одновременно — благоговения, словно окутавший корабль огненный туман был остатком первичного облака раскаленной плазмы, из которого образовалась Вселенная.

Пространство и время, казалось, исчезли. Мельком Биррел подумал — рискнули ли крейсера Ориона преследовать их в этом аду, — но тут же забыл об этом. Слишком величественное зрелище открылось перед ним на экране, так что все недавние заботы и тревоги казались мелочными и суетными.

Прошел час — или год? — прежде чем «Старзонг» внезапно вынырнул из туманности и оказался в открытом космосе, за пределами звездного скопления. И сразу стихла органная музыка компьютеров, погасли тысячи мигающих огоньков на контрольных панелях, а вместо этого ожили пульты ручного управления. Но только через несколько минут в коридорах вновь послышались голоса людей — уж слишком все были ошеломлены увиденным и пережитым. Биррел молча обнял Гарстанга за плечи, затем не спеша направился в радиорубку. Вернувшись, он сказал:

— Пятая движется нам навстречу. Можете дать максимальное ускорение?

Гарстанг в сомнении покачал головой, но, изучив показания контрольных приборов, доложил:

— Да, могу. В генераторах сохранился запас энергии еще для одного разгона.

«Старзонг» прошел последние одиночные звезды на периферии скопления, и теперь между ним и Плеядами не было ничего, кроме нескольких парсеков пустоты. Экипаж вновь занял места в противоперегрузочных креслах, и корабль начал новый разгон.

Вскоре из туннеля в скоплении вынырнули три сверкающие искры. Но расстояние до крейсера было столь велико, что преследование было бессмысленным. Развернувшись, корабли Соллеремоса убрались восвояси.

Биррел вспомнил об угрозах Таунцера и улыбнулся. Через несколько часов впереди на экранах радара появилась россыпь огоньков,двигающихся в четком строю. Их можно было принять за метеоритный поток, но Биррел знал, что навстречу движутся сорок четыре могучих звездолета Пятой Лиры. Сердце командора, как всегда, наполнилось гордостью за то, что его сектор Галактики обладает столь могучей эскадрой; и все же одновременно где-то в глубине души в который раз колыхнулось сомнение — имел ли он право управлять этим космическим титаном? Ведь ему еще не было сорока, и он, увы, порой совершал ошибки, как только что на Гинее...

В коммуникаторе послышался взволнованный голос вице-командора Брешики:

— Сэр, Пятая в вашем распоряжении. Я не совсем понял, вы сумели обнаружить секретную базу Ориона? Если это так, то мы...

— Нет, кроме трех кораблей Соллеремоса, мы ничего не нашли, — прервал его Биррел. — В системе голубой звезды меня ожидала ловушка, хотя я так и не понял, зачем же она была поставлена. Готовьтесь к торможению, Брешика.

Он пошел в свою каюту и, тщательно заперев дверь, сел за кодирующее устройство. В послании Фердиасу он коротко описал свою встречу с агентом Ориона.

«...ничем не могу объяснить интерес Таунцера к вашим планам в отношении Земли, — закончил он. — Возможно, этим маскировались другие цели, мне неясные. Жду инструкций».

Биррел вызвал главного радиста и приказал немедленно передать шифровку. Ответ не заставил себя долго ждать.

«Возвращайтесь немедленно на Вегу. К сожалению, отдыха не обещаю. Фердиас».

Эскадра совершила безукоризненно точный маневр разворота и, пропустив вперед флагманский корабль, направилась на маршевой скорости в сторону Веги. Весь оставшийся путь Биррел не покидал своей каюты, лежа на диване и глядя в потолок. Ему так и не удалось найти логичное объяснение происходящему, но в одном он был уверен — в большой игре за звезды был сделан какой-то важный ход.

В окрестностях Веги Биррела охватило приятное волнение. Это не было связано с главным миром сектора Лиры — планетой Вега-4, хотя она и отличалась приятным климатом, теплыми морями и вечным летом.

За свою жизнь командор повидал множество прекрасных планет, но так и не прикипел ни к одной из них сердцем. Его отец был офицером флота Лиры, так что вся жизнь Бирреламладшего прошла в бесконечных перелетах с одной базы на другую. Он быстро находил друзей и еще быстрее их терял, а в конце концов махнул рукой на свои бесплодные попытки пустить хоть какие-то корни в одном из десятков миров, где ему приходилось жить. Детство вспоминалось ему как калейдоскоп ярких, но холодных впечатлений, из которых ни одно настоящему не согревало сердце.

Сейчас же, наблюдая за пурпурным шаром, плывущим рядом с бело-голубой Вегой, он забыл обо всех своих тревогах. И все дело было в изящной, хрупкой женщине, которая стала главным в его жизни.

Они поженились три года назад, вопреки всем твердым предубеждениям Биррела. Уж он-то отлично знал, что человек его профессии не должен обременять себя семьей. Перед его глазами стоял печальный опыт родителей. Отец, которому не исполнилось и пятидесяти лет, погиб в космической катастрофе, а мать дожила до глубокой старости в тоске и одиночестве. Да, женщины хороши... но не женщина. Биррел упорно придерживался этой точки зрения, пока не познакомился с Лиллин во время отдыха на фешенебельном курорте Веги-4. Поначалу он считал, что его ожидает очередной приятный и ни к чему не обязывающий роман, но неожиданно получил отпор. Народ этой планеты имел свои обычаи и традиции. Бравый космический волк раскрыл рот от изумления, когда в ответ на невинное предложение зайти к нему в отель «на чашку кофе» Лиллин неожиданно покраснела и сказала: «Хорошо, я готова выйти за вас замуж, Джей».

Биррел в ответ расхохотался, а затем, к собственному изумлению, согласился. И до сих пор не жалел об этом, несмотря на то, что молодые супруги виделись нечасто.

Планета быстро выросла на экране, и вскоре можно было разглядеть обширные моря, затянутые дымкой облаков, и бесчисленные островные архипелаги. На одном из них рас-

полагался Вега-Сити — столица сектора Лиры, который, если отбросить лицемерие, был грандиозной Империей звезд.

Эскадра быстро снизилась и с грохотом прошла над черным горным хребтом, направляясь к космопорту. Биррел стоял перед обзорным экраном и думал сейчас только об одном — слышит ли жена раскаты грома в небе, выбежала ли она на веранду их виллы, расположенной на самом берегу океана?

Пройдя на безопасной дистанции от города, Пятая миновала цепи высоких холмов и, сделав головокружительный вираж, стройными рядами села на своей базе.

Час спустя Биррел спулся по пандусу, щуря глаза от ослепительного света Веги.

Вокруг кораблей уже роилось множество машин техслужб, сотни механиков занялись осмотром крейсеров, уделяя особое внимание флагману. Командор постоял немного, наблюдая, как «Старзонг» готовят к послеполетному осмотру, а затем пошел к соседнему кораблю. Ему навстречу уже спешил Брешиник, на ходу вытирая вспотевшее лицо.

Это был массивный, грубо скроенный человек с редкими белесыми волосами и по-бульдожьей отвисшими щеками. Опытный служака отлично разбирался в космотехнике, но в сложных стратегических ситуациях ему явно не хватало широты мышления. Характер у него был вспыльчивый, и Биррелу порой с ним приходилось нелегко.

Брешиник неуклюже отдал честь, а затем после короткого и четкого рапорта вдруг взорвался:

— Что, черт побери, происходит, Джей? Разве это дело — бросать эскадру взад-вперед, словно мяч? Чего от нас хочет Фердиас?

— Понятия не имею, Род. Надеюсь, губернатор скоро просветит меня. Похоже, он даже отменит мой законный послеполетный отпуск.

— А-а, — протянул Брешиник, помрачнев. — Значит, дело пахнет большой политикой. Как всегда в последние годы, кстати. Скоро нам всем придется шить себе фраки, Джей, даже младшим кокам. А кто же будет заниматься боеготовностью сил Лиры и заботиться о безопасности ее границ? В странное время мы живем, командор...

Биррел не стал отвечать на эти риторические вопросы. Отдав своему заместителю необходимые указания, он пошел в сторону стоянки флиттеров.

Пролетая над холмами, командор размышлял над словами Брешиника. Как ни крути, а подобную позицию разделяло

большинство офицеров его эскадры, да и многие рядовые тоже. Сенат также не был в восторге от действий правительства и находился к нему в осторожной оппозиции, причем, не рискуя прямо выступать против указов Фердиаса. Законодательной власти больше пришлось бы по нраву, если бы Фердиас сосредоточился на решении многочисленных внутренних вопросов, но спорить с его агрессивной внешней политикой никто не решался.

Здесь скрывалась так называемая «психология звездолета», доминирующая среди жителей Галактики. В ее основе лежала глубокая, быть может, даже генетически закрепленная в умах людей уверенность, что лидер всегда прав. Так было, когда переселенцы с Земли и других обитаемых планет некогда начали заселять новые миры. Слово капитана корабля было законом для всех — и для экипажа, и для пассажиров. Только он один отвечал за выполнение задачи полета, за безопасность всех находящихся на борту.

Позднее эта бесспорная уверенность в правоте капитана перенеслась на действия правителей секторов, но здесь-то все было не так просто и очевидно! Народы далеко не всегда понимали цели, к которым их ведет губернатор, оттого и роптали, но повиновались.

Фактический распад Совета ОМ только усилил позиции правителей пяти звездных империй. И началась борьба, неизбежная в ситуации, когда лидеры уверовали окончательно в свою безгрешность...

Биррел посмотрел вперед и увидел, как из-за горизонта стали подниматься здания Вега-Сити. Этот город разительно отличался от столицы Гинеи — дома здесь в основном были невысокими, с белыми стенами. Широкие улицы были полны автомобилей, но еще больше было пешеходных дорог, аллей и парков. Приятный, уютный город из стекла и металлов — такой же, как и на многих других планетах, где туземная цивилизация была поднята стандартной культурой пришельцев из космоса. Они сумели остановить жестокие межплеменные войны, веками терзавшие народ Лиллин, зато лишили его традиций, которые ранее передавались из поколения в поколение.

Пришельцы из других миров построили и деловой центр города — несколько сотен однотипных, сверкающих под солнцем небоскребов, которые так возмущали Лиллин и многих других коренных вегиан. В последние годы столица сектора Лиры постоянно принимала переселенцев из других миров, так что город стремительно рос.

Вот и сейчас Биррел заметил на окраине десятки новых зданий, не отличавшихся особым изяществом. Сенат не раз выступал против такого хаотичного расширения и без того огромного мегаполиса, но Фердиаса это вполне устраивало. Столице — больше жителей, сектору — больше звезд...

Вспомнив о цели своего визита в резиденцию губернатора, Биррел помрачнел. Отныне соперничество между Лирой и Орионом принимало опасный характер, и он, командир Пятой, вопреки своей воле мог оказаться в самом эпицентре событий.

Флиттер подлетел к центральному зданию в городе — резиденции Фердиаса, которая по своим масштабам и роскоши больше напоминала дворец короля. Сделав полукруг, кораблик сел на небольшом личном аэродроме губернатора. Пройдя несколько рядов охраны, Биррел поднялся на лифте на двадцать второй этаж. Здесь его пропуск еще раз проверили, хотя офицеры охраны отлично знали его в лицо, и только тогда командор Пятой в сопровождении секретаря вошел в кабинет Фердиаса.

Комната была небольшой и сравнительно скромно обставленной по сравнению с роскошью всего здания, словно Фердиас лишний раз хотел подчеркнуть, что вовсе не претендует на императорские привилегии. Палаты сената производили куда большее впечатление, но именно здесь, а не в залах законодателей, решалась судьба огромного сектора Галактики.

Фердиас сидел за обширным столом из резного дерева и листал какие-то бумаги. Заметив Биррела, он, не чинясь, поднялся и пошел, чуть прихрамывая, ему навстречу. Фердиас получил эту серьезную травму еще в молодости, стремясь получить высший, девятый класс пилота космических кораблей. Катастрофа заставила его забыть о карьере космонавта, и всю свою недюжинную энергию Фердиас бросил в политическую деятельность. В секторе Лиры было немало амбициозных молодых людей, желавших со временем занять пост губернатора, но Фердиас оказался самым талантливым и целеустремленным. Он отбросил все лишнее — друзей, женщин, семью, развлечения — и шаг за шагом поднимался по лестнице власти, не особенно церемонясь в средствах. Биррел считал, что сделал неплохую карьеру, став в тридцать четыре года командором, но Фердиас был всего лишь на шесть лет старше, а сумел добиться несравненно большего.

Это был невысокий мужчина, без особого лоска в манерах, нервный, импульсивный и до смешного подозрительный. Со

стороны он казался личностью мелкой и незначительной, но стоило Фердиасу хоть немного обратить на вас внимание, как вы попадали под неотразимое обаяние его золотистых глаз, бархатного голоса, а главное — пронизательного, блестящего ума. Нет, не случайно этот человек был одним из пяти самых влиятельных людей Галактики.

Фердиас, улыбаясь, первым протянул руку Биррелу, словно близкому другу. Да так оно и было, хотя с непредсказуемым правителем Лиры всегда следовало держаться настороже.

— Рад вас видеть, Джей, — сердечно сказал губернатор, будто ожидал от командора приятных сообщений. — А теперь расскажите поподробнее о ваших приключениях.

Биррел доложил во всех деталях о своей неудавшейся миссии на Гинею и о ловушке, которую агент Соллеремоса устроил ему.

На лице губернатора продолжала блуждать улыбка, но глаза стали куда холоднее.

— Вы сделали глупость, Джейс, пойдя в город один, — сказал он.

Биррел кивнул, соглашаясь. В этом был весь Фердиас. План действий разработал сам правитель, но за провал его, естественно, отвечал непосредственный исполнитель.

— Впрочем, нет худа без добра, — после многозначительной паузы продолжил губернатор. — Теперь я уверен в том, о чем раньше только подозревал. Соллеремос явно перестарался, пытаюсь выведать мою тайну, и невольно выболтал свою.

Биррел озадаченно сказал:

— Не понимаю, о чем вы говорите, губернатор. Таунсер дважды спросил меня: «Что планирует Фердиас в отношении Земли?» Разве у вас на самом деле есть виды на эту заштатную планетку? Не отвечайте, если я прошу слишком много. Вы же знаете, я стараюсь держаться подальше от политики.

Фердиас заговорил не сразу. Он прошелся по комнате, сцепив руки за спиной, а затем вновь уселся за стол и впился в Биррела пронзительным взглядом.

— Ну к чему этот пренебрежительный тон: «заштатная планетка...» Вы же сами наполовину землянин, разве не так?

— Даже больше — на три четверти. Мой отец был землянином по крови, а родители матери происходили с Земли и Капеллы.

— Вот видите, — с укоризной сказал Фердиас. — Нехорошо забывать о таких вещах, командор. Неужели у вас не осталось никаких чувств к планете своих предков?

Биррел недоуменно хмыкнул.

— Но я ведь там никогда не был! Я родился на транспорте по дороге на Арктур и детство провел, по крайней мере, на двух десятках планет. К Земле же я ближе Прочиона не подходил — случая не было, да я особо к этому и не стремился.

Фердиас кивнул.

— Знаю. А что вы думаете о Терре? Как-никак именно там базируется Совет Объединенных Миров. — Последние слова губернатор произнес с нескрываемой иронией.

— Х-м-м... Что я думаю? — немного растерянно ответил Биррел. — Освоение Галактики первыми начали именно земляне. В школе нам рассказывали, как Терра пыталась некоторое время управлять сообществом миров и как это кончилось прахом. Я немало слышал о Совете ОМ, об объединенном космическом флоте, в основном из анекдотов. Такого типа: «Встретились около Сириуса два крейсера — из Лиры и с Земли. Второго из них долго после этого не могли найти, и только случайно обнаружили в кармане старшего боцмана-вегианина...»

— Очень смешно, — сказал Фердиас, нахмурившись. — Сейчас я вас еще больше развеселю — у меня есть сведения, что один из секторов собирается присоединить к себе Землю.

Биррел был поражен.

— Не может быть! Ведь Солнечная система объявлена территорией ОМ, и никто не имеет права... да и кому может понадобиться это сокровище?

— Например, Соллеремосу, — сказал Фердиас.

Биррел удивленно воззрился на губернатора.

— Вы хотите сказать, что правитель огромного сектора, в который входят десятки тысяч звезд, жаждет захватить Терру?

— Он много чего хочет, — многозначительно заметил Фердиас. — Поверьте моему чутью, Джей. Недавние маневры Ориона проводились с намерением скрыть истинную цель Соллеремоса — Землю!

Биррел был окончательно сбит с толку.

— Но зачем Ориону понадобилась эта незначительная планета?

— Незначительная? — Глаза Фердиаса вспыхнули. — Да, во всех отношениях это третьеразрядный мир, каких в Галактике миллионы. Однако Земля занимает в истории важное место. Психологическое воздействие ее громкого имени на сознание и еще больше — на подсознание людей может быть огромным. За два столетия кровь выходцев с Терры оказалась в жилах большинства обитателей Галактики. В их память гене-

тически заложена информация о том, что некогда планета далеких предков была центром Галактики, и это не пустяк, нет! вспомните, что вы рассказывали о встрече с аборигенами Гиней — они до сих пор испытывают чувство гордости от того, что некогда их правители якобы были королями звездного скопления. Их даже не смущает полное отсутствие доказательств этому. Подобными красивыми легендами тешат себя народы почти всех обитаемых миров, но только земляне по крови твердо знают, что их славное прошлое — не вымысел! Конечно, Совет ОМ стал объектом всеобщих насмешек, но представьте, если место глупых болтунов займет могущественный губернатор и во весь голос заговорит обо всем этом? Да он тогда без кровопролитной войны может стать императором Галактики!

Биррел был ошеломлен пылкой тирадой Фердиаса.

«Все-таки я настоящий младенец в политике, — подумал он. — Мне и в голову не приходило, что шаткое равновесие между секторами могло нарушиться таким путем. В душе я уже давно смирился с тем, что война за новый передел Галактики неизбежна. Все сектора, несмотря на миролюбивую риторику, наращивают свои силы, тайно разрабатывают все новые и новые виды оружия. Сдерживает губернаторов, конечно же, не архаичный Совет ОМ с его жалким «объединенным флотом», а понимание того факта, что победителей в титанической схватке просто не будет. Но, оказывается, завладеть Галактикой можно и другим путем, в результате необъявленной психологической войны... И крошечная Земля в этой невидимой игре козырной туз!»

Чем больше Биррел думал об этом, тем меньше все это ему нравилось. Он пытливо посмотрел в глаза Фердиасу и настоятельно спросил:

— Насколько я понимаю, вы не собираетесь разрешить Соллеремосу сделать такую ставку в борьбе за звезды?

Губернатор неожиданно расхохотался.

— Джей, вы так и не научились хитрить, даже став командором. В вашем вопросе явно слышится другой: «А не хочешь ли ты, Фердиас, сам стать таким путем императором Галактики?» Отвечаю совершенно искренне — нет, не хочу. Но и другим губернаторам не позволю, тем более старому пройдохе Соллеремосу.

Он вновь вскочил из-за стола и стал энергично ходить взад-вперед, слегка приволакивая правую искалеченную ногу.

— Соллеремос знает слишком хорошо, что я попытаюсь

всеми способами остановить его. Вот почему Таунсер подстроил вам ловушку на Гинее. Соллеремос, конечно же, не верил, что вы в курсе моих замыслов по отношению к Земле. Руками своего глупца агента он лишь заинтриговал вас, надеясь, что вы, возвратившись на Вегу, вызовете меня на открытость. Умно, умно...

Фердиас замолчал. Подойдя к стене, он коснулся кнопки, и тотчас перед ним зажглась объемная звездная карта.

Биррел был в смятении. От недавнего ощущения важности своей персоны не осталось и следа — здесь, в этом скромно обставленном кабинете, он был всего лишь пешкой.

Почему Фердиас до сих пор ни словом не обмолвился о начале новой, невидимой войны? Ведь они столько времени проводили вместе — на охоте, на яхте губернатора, да и просто у камина за бутылкой прекрасного вина... Десятки доверительных бесед — и, как оказалось, ни слова о главном. Конечно, Фердиас поступил мудро, послав его на Гинею, ведь никакой «детектор правды» не смог бы выудить у него то, чего он не знал. Соллеремоса это могло сбить с толку — ведь ему прекрасно было известно об особых отношениях Фердиаса с командиром Пятой Лиры.

Но... но тогда выходит, что Фердиас попросту подставил его? Он догадывался о ловушке и хотел, чтобы ему, Биррелу, прозондировали мозг? Отсюда и его настойчивое желание, чтобы «Старзонг» летел в это чертово скопление один. Тогда получается, что они с Гарстангом спутали Фердиасу все карты... Каков же будет следующий ход губернатора, на какую клеточку поставят командира Пятой Лиры?..

Чувство негодования и обиды захлестнуло Биррела, но внезапно он вспомнил, что точно так же поступал с офицерами своей эскадры. Командор никогда не говорил им всей правды, однако всегда требовал полного доверия к себе и безукорызного выполнения своих приказов. Почему же Фердиас должен чувствовать какие-то угрызения совести, когда сам Биррел никогда ничего подобного не ощущал?..

Он вздрогнул, почувствовав, что кто-то положил ему руку на плечо. Это был Фердиас, но уже совершенно в другом настроении — улыбающийся, почти беззаботный, словно они встретились на дружеской пирушке. Губернатор Лиры был переменчив, словно море, и к этому невозможно было привыкнуть.

— Джей, о чем это вы так хмуро думали? — весело спросил Фердиас. — Неужели я испортил вам настроение своими раз-

говорами о политике? Выбросьте из головы все это, жизнь полна других, более приятных вещей! Подумайте, через какой-то час вы будете держать в объятиях свою очаровательную супругу — да вы просто счастливец!.. Кстати, передайте Лиллин мой самый горячий привет. Четыре, нет, пять дней вы сможете наслаждаться отдыхом в семейном кругу на берегу моря...

— А что потом? — не выдержав, перебил губернатора Биррел, но тут же поправился: — Простите, милорд, я слушаю вас.

— Потом будет еще один праздник, Джей, — подмигнув, сказал Фердиас и уселся, непринужденно развалившись в кресле, словно давая понять — официальная часть беседы кончилась. — У вас пошла удачная полоса, командор! Вместо скучного и опасного патрулирования где-то на границах сектора вы отправитесь на празднование в честь двухсотлетия первого звездного перелета. Я уже подписал приказ о назначении вас главой официальной делегации Лиры на этом мероприятии.

Биррел полагал, что сегодня его больше ничем нельзя удивить, но слова губернатора повергли командора в шок.

— Меня? — переспросил он, побагровев. — Вы, надеюсь, шутите, Фердиас. Какой из меня дипломат...

— А это мы еще посмотрим, — загадочно улыбнувшись, ответил правитель Лиры. — Вы не беспокойтесь, никаких особых перемен в вашей жизни не произойдет. Вас будут сопровождать не чопорные чиновники из департамента внешних сношений, а крейсеры Пятой эскадры. И полетите вы не куда-нибудь в Тмутаракань, а в цитадель Объединенных Миров — на Землю. Совет ОМ недавно прислал мне приглашение, и я решил не огорчать стариков... Все-таки юбилей первого полета к звездам!

После долгой паузы Биррел нашел в себе силы ответить:

— Понятно. Если Соллеремос решит пойти ва-банк, то Пятая Лира сможет защитить Землю?

— Приблизительно так, — сказал Фердиас небрежно. — Конечно, мы вступим в бой не по своей инициативе, что может быть неверно истолковано, а исключительно по просьбе Совета ОМ. Думаю, тут проблем не возникнет, даже эти очень большие политики не понадеются на силы своего Объединенного флота, когда к Солнечной системе двинутся армады Ориона.

— Слушаюсь, милорд.

— Не забудьте взять с собой полный набор вспомогательных судов, Биррел, — напомнил Фердиас. — До начала празд-

нования еще немало времени, так что Пятой потребуются дополнительные ресурсы.

— Есть, милорд.

— Да, и вот еще что... — поколебавшись, добавил Фердиас. — Нехорошо отрывать экипажи кораблей на долгое время от своих семей, ведь дело идет всего лишь об участии в праздновании. Да и вам будет неудобно ходить на дипломатические приемы без супруги. Может, есть смысл вместе с Пятой послать транспорты с семьями личного состава, как вы считаете? Представляю, как рады будут детишки такому путешествию к легендарной Земле!

Биррел хмуро кивнул. Все было ясно. Прилет Пятой на Терру вместо делегации чиновников мог вызвать подозрение, и не только со стороны Соллеремоса. Но транспорты с женами и детьми могли рассеять сомнения у самых недоверчивых политиков. Прекрасное прикрытие, лучшего и придумать было нельзя.

Однако факт оставался фактом — в случае начала боевых действий женщины и дети с Лиры могли оказаться в самом пекле. И Лиллин в том числе...

Фердиас был верен себе.

— Все будет сделано, милорд, — хрипло сказал Биррел. — С чего я должен начать, прибыв на Землю?

— Естественно, начать нужно с официального представления, встреч с членами Совета, экскурсий по местным достопримечательностям и тому подобной чепухи. Через день-другой обязательно отправьтесь полюбоваться вашим родовым гнездышком.

— Чем-чем?..

— Домом вашего прадеда, — сухо сказал Фердиас. — Я приказал разыскать все данные о нем в архивах. Он находится в захолустном местечке Орвилл, что вблизи от Нью-Йорка. В этом же городе и здание Совета ОМ, так что никого не удивит, если вы с супругой захотите навестить дорогие для вашего сердца места.

— Там я встречу с вашим агентом и получу от него дальнейшие указания? — начал понимать Биррел.

— Конечно. Вас будет ждать Кэрш.

Биррел всего несколько раз встречал этого серого, невзрачного человека с незапоминающимся лицом и бесцветными глазами. Кэрш был правой рукой в тайной борьбе Фердиаса с остальными секторами. Подобно Таунцеру, он был буреизвестником, появление которого на авансцене могло оз-

начать только одно — переход к открытой стадии борьбы за Галактику.

— Разве Кэрш сейчас находится на Земле?

— Да, уже несколько месяцев. Он-то и купил дом в Орвилле. Я полностью доверяю этому человеку, Джей. Вы должны беспрекословно выполнять все его приказы, он значительно лучше ориентируется в ситуации, чем я здесь, на Веге.

— Но если Орион...

— Не беспокойтесь, вы будете предупреждены, если Соллеремос двинет свои эскадры к Солнечной системе. И еще одно: думаю, не стоит говорить о том, что Пятая летит на Землю исключительно ради участия в юбилее, дорогое сердцу каждого астронавта. Только ради этого, понятно?

Фердиас сказал это мягко, с дружеской улыбкой, но Биррел достаточно хорошо знал, что отныне любая ошибка может стоить ему головы.

Когда флиттер нес командора в сторону моря, где на высоком холме располагалась его вила, Биррел неожиданно подумал: а не делает ли ошибки сам Фердиас? Ведь с уходом Пятой сектор Лиры лишается своего самого мощного щита.

Не этого ли добивался Соллеремос?..

Глава 5

Голубое солнце коснулось вершин темных холмов, а небо подернулось пурпурной мглой, когда Биррел подошел к своему дому. Белое здание с полукруглым портиком утопало в пышной зелени. Далеко внизу плескалось море, накатывая на песчаные отмели пенистые волны. Биррел едва сдерживал нетерпение.

На обширной террасе Лиллин не было видно, она устала ждать мужа, высокая должность которого не позволяла ему сразу же после прилета нестись домой. Не было ее и в анфиладе комнат, полупустых, по вегианскому обычаю. Биррел нашел жену сидящей на скамейке в маленьком саду, расположенном во внутреннем дворе виллы. Без слов она бросилась ему навстречу и порывисто обняла. Как истинная вегианка, она лишь внешне была сдержанна и даже немного холодна; под личиной ледяной богини скрывалась страстная, в чем-то дикая натура, порой даже пугавшая Биррела. У Лиллин была тонкая, грациозная фигура, тяжелая копна волос с медным

отливом и золотистая кожа такого удивительного оттенка, которого никогда не встретишь у людей с земной кровью.

По местному обычаю, молодая женщина была одета в пышный полупрозрачный хитон, казавшийся издали облачком тумана.

Они долго целовались, сидя на скамье, но когда Биррел хотел было взять жену на руки и отнести в спальню, Лиллин резко отстранилась.

— Сначала расскажи о том, что хотел от тебя Фердиас. Ведь ты уже побывал у него, не так ли?

Это странное сочетание льда и пламени в жене всегда раздражало Биррела, но что поделать — уж таким народом были вегиане. Он коротко рассказал о предстоящем полете на Землю.

К его удивлению, на лице жены не отразилось и тени радости.

— Лететь к Земле, — прошептала она. — Только для того, чтобы отпраздновать юбилей, о котором у нас на Веге никто и не помнит? Как странно...

— Лиллин, что с тобой? — возмутился Биррел. — Сколько раз ты упрекала меня в моих долгих отсутствиях, а теперь тебе не нравится, что мы несколько недель пробудем вместе!

— Несколько недель — что это означает, Джей? Две недели или два месяца?

Биррел не знал и честно сказал об этом. Ему было не по себе от мысли, что Лиллин станет частью пестрой маскировки, которой Фердиас хотел прикрыть Пятую Лиры от недоверчивых взглядов других губернаторов.

Лиллин неожиданно улыбнулась.

— Хорошо, милый, я последую за тобой, куда ты захочешь. Тебе принести вина?

Они вышли на террасу и долго еще сидели, глядя на далекие огни города и изогнутую линию горного хребта на горизонте. Небо зажглось россыпями звезд, среди которых, словно ночные бабочки, мелькали десятки флиттеров. Ежедневное созерцание звездного неба было древней традицией вегиан, и Биррел покорно обнял жену и старался, как подобает в таких случаях, думать только о приятном. «А все-таки эта планета милее мне, чем все остальные, — мелькнула мысль. — Когда-то мне придется оставить космофлот и волей-неволей осесть в каком-то из миров. Почему бы не дожить последние годы на родине Лиллин? Своего-то дома у меня нет. Если не считать Земли, которой я никогда не видел. Земля...»

Биррел попросил жену подождать минутку, а сам пошел в кабинет и вызвал по закрытой линии связи вице-командора Пятой. Вскоре на овальном экране появилось раздраженное лицо Брешника. Выслушав своего начальника, он кивнул головой:

— Да, я уже получил соответствующие распоряжения от секретаря Фердиаса. Мы должны работать днем и ночью, чтобы подготовить корабли к такому серьезному перелету. Больше всего возни с транспортом — они не приспособлены для того, чтобы перевозить сотни женщин и детей. Не завидую их капитанам, у них на борту будет настоящий ад! Только подумать, что мы идем на такие хлопоты ради дружеской вечеринки в какой-то богом забытой дыре...

— Что с вами, дружище? — спросил Биррел. — Неужто старый космический волк так относится к юбилею звездных полетов?

Брешник коротко и энергично ответил, как он относится к этому великому празднику, а заодно и ко всем остальным праздникам тоже.

Биррел невольно улыбнулся.

— Род, в глубине души я согласен с вами, но Фердиас хочет ублажить старичков из Совета ОМ и потому вместо делегации из белых воротничков решил послать людей, понюхавших космоса. Экипажи заслужили хороший отдых, и вовсе ни к чему, чтобы наше вино выпили какие-то чиновники. Придется попотеть. Переходите с этого часа на трехсменную работу. Я прилечу завтра утром. Все.

Вернувшись на террасу, он застал Лиллин задумавшейся. Что-то в выражении ее лица насторожило Биррела.

— Брешник закипел, как чайник, когда узнал о приказе Фердиаса, — весело сказал он, усаживаясь в кресло рядом с женой. — Ничего, пусть бурлит и булькает — работать-то все равно предстоит ему, да еще как! Что толку было бы в моем громком командорском звании, если бы нельзя было перелавить всю грязную работу на чужие плечи.

Лиллин не приняла его шуточного тона. Серьезно взглянув на мужа, она только сказала:

— Знаешь, Джей, я начинаю ненавидеть твою Землю.

Биррел был настолько поражен, что сначала даже не знал, как отреагировать на эти слова. За три года совместной жизни он так и не сумел привыкнуть к внезапным переменам в настроении Лиллин. От недавней покорности не осталось и

следа, словно она и не обещала последовать за ним хоть, на край света.

— Это еще почему? — наконец выпалил Биррел, с досадой хлопнув себя по колену. — Что за детские капризы? Ты никогда не видела эту планету и ровным счетом ничего о ней не знаешь. Она вполне может тебе понравиться.

Лиллин сказала, отвернувшись:

— Нет.

— Что значит нет?!

Некоторое время она не отвечала. В вечерней мгле очертания ее фигуры стали зыбкими и расплывчатыми. Внезапно она повернула к нему свое бледное лицо с влажными от слез глазами.

— Это твой мир, Джей, а земляне — твой народ! Мы были счастливы здесь, на Веге, но как все сложится на чужой для меня планете? Как ко мне отнесутся твои соплеменники и главное — как на меня будешь смотреть ты?

Биррел так рассердился, что долгое время не мог найти слов. Неожиданно для себя он схватил жену за плечи и грубо встряхнул ее:

— Мне стыдно за тебя, Лиллин. Как ты можешь думать так обо мне?..

Он едва удержался от более резких выражений. С вегианами нельзя было говорить на повышенных тонах — приходилось себя сдерживать. С трудом загнав внутрь раздражение, он произнес более спокойным тоном:

— Послушай, милая! Земля — вовсе не мой мир. Для меня это только название планеты, где родились мои предки. Почти все астронавты имеют частичку земной крови, видимо, это и тянет их в космос, в отличие от оседлых народов типа вас, вегиан.

— В тебе ее больше, чем во многих других, — холодно напомнила Лиллин.

— Да, это так. Мой отец был чистокровным землянином, хотя и родился на Сириусе. Еще в молодости он прилетел на Вегу, чтобы служить в ее космолоте, и погиб на границе нашего сектора в катастрофе. Мой дед по матери тоже был выходцем с Земли, но всю жизнь проработал на вегианской космоверфи. Это тебя чем-то не устраивает?

Лиллин хотела возразить, но, как это не раз бывало, лед в ее глазах внезапно растаял, и она поцеловала мужа с неприкрытой страстью.

Больше этой ночью они ни о чем не говорили. На следую-

щее утро Биррел размышлял о вечернем разговоре, летя во флиттере в сторону базы Пятой Лиры. Но, едва приземлившись на посадочном поле базы, он и думать забыл о своих семейных проблемах.

Его встретил Эвер — командир третьей эскадры, полный и никогда не унывающий человек с вечной улыбкой на круглом розовом лице. На этот раз он был непривычно мрачен. Крепко пожав руку Биррелу, Эвер тихо сказал:

— Джей, час назад из штаба флота сообщили, что Первая и Третья эскадры Ориона снялись со своих баз. И наши наблюдатели потеряли их из виду.

— Потеряли? Как это могло произойти?

— Пойдемте, Джей, я доложу вам обстановку.

Оба командира молча пошли к зданию штаба Пятой Лиры и поднялись на третий этаж, в зал заседаний. Одна из его стен представляла собой объемную карту сектора Лиры и примыкающих к ней областей. Это была лишь часть той области Галактики, которую освоили люди с Земли и других высокоразвитых планет, но и она содержала в себе тысячи звезд и туманностей и на порядок больше обитаемых миров. Рядом с каждым из них светились красные цифры, которые обозначали, какое население на нем преобладало — люди, гуманоиды или негуманоиды, а также каков уровень развития цивилизации.

Эвер взял в руки световую указку и очертил регион в восточной части сектора Лиры, затем обширную буферную зону, за которой находилась граница сектора Ориона.

— Наши секретные станции наблюдения находятся здесь, здесь и здесь, — сказал Эвер, указав на три далеко расположенные друг от друга потухшие звезды с мертвыми, необитаемыми планетами. — Эскадры Ориона вышли из своего сектора и, внезапно развернувшись, спрятались за одним из горячих водородных облаков. Оно излучает электромагнитные волны в таком широком спектре, что забило помехами все наши радары дальнего действия. Ясно, что это было сделано намеренно.

— И где же, по мнению штаба, находятся сейчас эскадры? — нахмурившись, спросил Биррел.

— Трудно сказать. Наблюдатели полагают, что где-то здесь...

Эвер очертил световым лучом область между водородным облаком и Землей, которая по традиции отмечалась на картах голубым кружком.

Эта часть космоса была малообитаемой, хотя и сияла круп-

ными звездными скоплениями. Она пользовалась среди звездолетчиков дурной славой. Безопасного пути через этот хаос не существовало. Между одними скоплениями протекали мощные космические течения, насыщенные пылью и каменными глыбами, между другими простирались реки холодного водорода. Но хуже всего были многочисленные газообразные облака — остатки сверхновой, некогда взорвавшейся в этом районе. Они до сих пор излучали потоки жестких лучей, которые могли за считанные минуты пробить даже надежную защиту крейсеров Пятой Лиры, не говоря уж о транспортных.

— Эскадры Ориона могут скрываться в этой области буферной зоны где угодно, — продолжал Эвер. — Трудно сказать, какую задачу они выполняют, но в штабе считают, что они могут в принципе помешать Пятой приблизиться к Земле. Хотя это только ничем не подтвержденная догадка.

Биррел хмуро кивнул. Он не любил спекулятивных рассуждений, куда лучше было иметь дело с конкретными данными и цифрами. И все же Первая и Третья эскадры Ориона были отборными силами Соллеремоса и никогда прежде не совершали рейса вместе. Значит, перед ними поставлена какая-то очень серьезная задача. Неужели...

— Эвер, я попрошу вас лично проследить за тем, чтобы отдел навигации подготовил расчет траекторий Пятой не позднее чем к завтрашнему утру. У меня, к сожалению, нет на это времени.

— Никаких проблем, Джей, — улыбнулся толстяк. — Тем более что штаб флота просил меня о том же.

Биррел попрощался с командиром Третьей Лиры, а сам торопливо вернулся к своему флиттеру и приказал пилоту везти к резиденции губернатора. Сообщение Эвера встревожило его настолько, что он решил на время отложить все текущие дела, положившись на опыт Брешника.

В резиденции правителя сектора Лиры на этот раз было многолюдно, так что Биррелу удалось лишь через час добиться аудиенции. Фердиас только что закончил длительное совещание с членами правительства и выглядел утомленным. Увидев Биррела, он указал ему рукой на кресло возле стола.

— Я знаю, что вас привело сюда, командор. Две эскадры Ориона приблизились к возможной траектории вашего полета к Земле. Похоже, Соллеремос пронюхал каким-то образом о наших планах и словно бы предупреждает — не вздумайте посылать в Солнечную систему военные корабли.

— Опасаюсь, что у него более серьезные намерения, — поч-

тительно возразил правителю Биррел. — Соллеремос может всерьез напасть на Пятую. Случай уничтожить лучшую эскадру Лиры очень удобный — Орион обвинит нас в попытке захвата Земли, а себя постарается выставить как защитника мира в Галактике.

Фердиас пожевал губы.

— Может быть, и так, Джей, но я думаю иначе.

Биррел выжидательно посмотрел на губернатора, однако тот не стал развивать свою мысль. Мол, понимай как хочешь, твое дело выполнять приказ.

На этот раз, впрочем, командир Пятой решил проявить настойчивость.

— С транспортами в арьергарде Пятая окажется в очень сложной ситуации, — сказал он, пытаясь все-таки вызвать губернатора на откровенность.

— Неужели мы будем это вновь обсуждать? — недовольно отозвался Фердиас. — Транспорты полетят вместе с эскадрой, вопрос решен. Совет ОМ не разрешит Пятой приблизиться к Земле в случае, если это можно будет расценить как демонстрацию силы. Корабли с сотнями женщин и детей — единственное средство преодолеть недоверчивость землян. Соллеремосу же этот ваш ход может спутать все карты.

Биррел кивнул с несчастным видом. Опять политика, одна только политика...

— Значит, жители Земли с недоверием относятся к нам? — спросил он.

— Еще с каким! По сообщениям Кэрша, агенты Ориона активно занимаются распространением самых мерзких слухов и сплетен среди землян. Знаете, что придумали эти подлецы? Они обвиняют меня — меня! — в коварных планах захвата Солнечной системы, а Соллеремоса, естественно, пытаются изобразить в розовых красках спасителя Галактики!

Биррел картинно поднял брови в изумлении, хотя сам минуту назад говорил об этом. Он отлично знал, что может влиять на губернатора только в ограниченных масштабах. Сегодня Фердиас был усталым, раздраженным и фактически не слушал командора.

Биррел поднялся и, изобразив на лице почтительную улыбку, сказал:

— Я сделаю все, чтобы выполнить ваш приказ, милорд.

Фердиас чуть смягчился.

— Я знаю это, Джей.

Не выдержав, Биррел буркнул напоследок:

— И все-таки странно, что там, на Земле, мне придется подчиняться распоряжениям какого-то тайного агента, хоть и лучшего на Лире.

Фердиас недовольно сдвинул брови. Он не привык, чтобы его действия обсуждались кем-то из подчиненных.

— Я достаточно хорошо знаю людей, Биррел, и понимаю, кому из них можно доверять, а кому нет. Вы пока пользуетесь моим доверием, но не советую им злоупотреблять. Повторяю, на Земле Кэрш будет вашим непосредственным начальником. Все. Удачного вам полета, командор.

«Очень приятно услышать такое напутствие после всего сказанного», — мрачно думал Биррел, шагая по коридорам резиденции губернатора.

С каждым часом ему все меньше и меньше нравилась его миссия. А тут еще это неожиданное поведение жены... Конечно, все эти бабы тревоги Лиллин глупы и надуманны, но... но причина для беспокойства у нее была, и очень серьезная. Только говорить об этом нельзя.

Дома его поджидал приятный сюрприз. Гроза так же внезапно закончилась, как и началась, и Лиллин ждала мужа, одетая в свое лучшее платье. Ее лицо светилось от радостного возбуждения. Но первые же слова несколько разочаровали Биррела.

— Дорогой, нас пригласили сегодня вечером повеселиться в одной из приморских деревушек. Ты не будешь возражать?

Биррел рассчитывал провести эту ночь совсем иначе, однако, увидев счастливое лицо жены, не посмел перечить. Они сели во флиттер и поднялись в темно-синее предвечернее небо. Следуя вдоль береговой линии, они через полчаса оказались за цепью старых гор.

На склонах одной из гор сохранились остатки древнего города — белые полуразрушенные виллы, выщербленные колоннады, высокие арки, окутанные вьющимися растениями. Рядом располагалась небольшая деревушка, состоящая из нескольких десятков строений, сложенных из грубо обтесанных камней. Во дворах росли экзотические фруктовые деревья и крупные белые цветы, насыщавшие прохладный воздух густым пряным ароматом. Здесь жили только чистокровные вегиане, не принявшие культуру пришельцев с далеких звезд и сохранившие старый уклад жизни, древние обычаи и почти забытые туземные праздники.

Предзакатные часы они провели в саду-дворике одного из родственников Лиллин, пробуя чудесные фруктовые вина.

Здесь собрались многие соседи со своими семьями. Они шумно говорили о чем-то на вегианском языке, который Биррел так и не удосужился выучить, но, заметив, что он прислушивается к беседе, повторяли для него свои слова на галакто. Ближе к ночи вино сделало свое дело, и о Бирреле почти забыли. Он не обиделся — вегиане нравились ему. Впервые за долгие годы странствий по десяткам миров он почувствовал, что нашел настоящих друзей. Правда, порой в вегианях проскальзывало что-то древнее, жестокое, делавшее их похожими на варваров, но это случалось нечасто, и Биррел научился не замечать этого. Вернее, ему хотелось думать, что он не обращает на это внимания.

Когда последние лучи Веги окончательно погасли за горизонтом, возбуждение среди селян еще больше возросло. Мужчины стали агрессивно что-то выкрикивать, угрожающе жестикулируя какому-то невидимому врагу, а женщины вообще были близки к истерике.

Наконец многие из них поднялись из-за стола и направились по улице к краю деревушки, ближе всего расположенному к морю. Биррел вопросительно посмотрел на жену. Та, казалось, находилась в сомнении — ей явно хотелось последовать за друзьями, но, взглянув на мужа, она помрачнела.

Все разрешилось очень просто. К Биррелу подошла одна из местных девушек, которая весь вечер не сводила с чужака зачарованных глаз.

— Почему ты сидишь? — спросила она на галакто. — Пойдем! Мы все идем на карнавал ворнов! Разве ты не хочешь их увидеть? Ведь это бывает только раз в году.

— Я мало слышал о них, — заколебавшись, ответил Биррел, глядя на задумчиво сидящую чуть в стороне жену. — Кто это?

— О-о, они такие старые, глупые и очень забавные! — со смехом ответила девушка и, схватив его за руку, силой подняла со скамьи. — Пойдем, там будет очень весело!

Биррел не раз слышал о древнем празднике ворнов, но ни разу не бывал на нем. Лиллин почему-то не хотела этого и отмалчивалась в ответ на его заинтересованные расспросы.

На этот раз она внезапно рассмеялась и, схватив мужа и огорченную девушку за руки, повела их вслед за возбужденной толпой в конец деревни. Там, за древней каменной аркой начиналось глубокое ущелье, ведущее к морю. Оно было окутано туманом, сквозь который проникал далекий плеск волн.

Около арки собрались сотни людей — многие из них при-

летели в деревню из города на флиттерах. Посельчан же было на удивление мало. Похоже, они остались в своих домах.

Обернувшись, Биррел заметил, что свет везде погас, окна были закрыты глухими ставнями, двери плотно прикрыты. Казалось, деревня замерла, чего-то ожидая...

И это «что-то» вскоре пришло. Из тумана появилась странная фигура — ужасное ящероподобное создание ростом с человека, идущее на задних изогнутых лапах. Чешуйчатое тело влажно блестело при свете звезд, плоская змеевидная голова раскачивалась из стороны в сторону, сверкая затынутыми пленкой глазами.

— Ворн... ворн... ворн... — прокатилось по толпе. Раздались нервные смешки, но тотчас смолкли, словно ящер вызывал у вегиан страх.

Биррелу было ясно, что перед ними стоял селянин, одетый в костюм ворна, хотя все выглядело настолько достоверно, что по его спине пробежал холодок.

Задолго до того, как на Вегу-4 прибыли первые звездные корабли, вегиане победой завершили свою многовековую борьбу с рептилиями, жившими на берегах морей и океанов. Эти существа не обладали развитым разумом, но отличались коварством и жестокостью. Они совершали бесчисленные ночные набеги на поселения людей, и память об ужасных боях при свете звезд осталась в памяти вегиан. Поэтому Биррел не удивился, когда услышал в толпе сдавленные крики страха.

Вслед за первым ворном из белесой мглы появился второй ящер, затем третий, четвертый... Восемь псевдоворнов цепочкой прошли под аркой, угрожающе шипя. Выйдя на улицу поселения, они стали носиться от одного дома к другому, скребясь в двери и жутко воя.

Биррел почувствовал, что Лиллин инстинктивно с силой сжала ему руку. Ее глаза остекленели, губы дрожали, грудь взволнованно вздымалась... Казалось, она всерьез воспринимала происходящее представление.

Внезапно свет в домах вспыхнул, и двери разом распахнулись. На порогах появились мужчины, одетые в традиционные вегианские туники. В руках они держали кнуты. С воинственными криками вегиане бросились на ящеров и стали безжалостно их хлестать, распевая во все горло песню древних воинов. Ворны бросились врассыпную, жалобно воя и делая смешные прыжки, чтобы избежать ударов.

Настроение в толпе зрителей сразу же изменилось. Страх прошел, глаза людей запылали гневом. Сжав кулаки, вегиан

стали ритмично притоптывать, повторяя слова старой песни. Мужчины дрожали от возбуждения, едва сдерживаясь, чтобы самим не броситься в бой, и даже красивые лица женщин исказили гримасы жестокости.

Лиллин буквально трясло, она как замороженная смотрела на избиение ворнов, невнятно выкрикивая слова песни вместе с толпой.

Биррел был поражен, глядя на жену, — такой он никогда ее не видел. Под изящными чертами лица словно бы проявилось что-то древнее, скрытое и жестокое. Он давно признавал, что плохо разбирается в людях и особенно в женщинах. Но то, что произошло сегодня с вегианами, было для него неприятным сюрпризом.

Биррел наклонился к Лиллин и тихо сказал ей на ухо:

— Достаточно, дорогая, нам пора возвращаться. Уже поздно.

Ему пришлось повторить несколько раз эти фразы, прежде чем Лиллин пришла в себя. Гневно взглянув на мужа, она торопливо пошла к стоянке флиттеров, ни разу не обернувшись. Во время полета она не произнесла ни слова, а только смотрела в сторону, демонстративно напевая мелодию древнего гимна.

Когда машина приземлилась на площадке рядом с их виллой, на лице Лиллин уже не было и следа недавней агрессивности. Она ласково погладила мужа по плечу и спросила:

— Ты получил хоть какое-то удовольствие от праздника изгнания ворнов? Я понимаю, это выглядит со стороны негуманно, но в прошлом мы были не очень цивилизованным народом. А ворны — просто чудовища, не знавшие пощады ни к женщинам, ни к детям.

Биррел понимал, что жена права, и все же не мог найти в себе силы улыбнуться и сказать: «Да что ты, все было очень мило!» или что-нибудь подобное. Лиллин это поняла и, недобро усмехнувшись, сказала.

— Наверное, я на самом деле безнадежная дикарка, Джей. Тогда мне лучше остаться здесь. Для Земли я не подхожу...

Опомнившись, Биррел шагнул к жене и горячо обнял ее за плечи:

— О чем ты говоришь? Я никуда без тебя не полечу! Я люблю тебя, Лиллин, очень люблю.

В глазах Лиллин засияли слезы. Она отвернулась, капризно надув губы, словно ребенок, но Биррел заставил ее вновь обернуться, а затем долго целовал, шепча ласковые слова, пока жена, всхлипнув напоследок, не успокоилась.

До самого отлета с Веги они ни словом не обмолвились об этом, но в сердце Биррела затаилась тревога. Он боялся, что Земля может окончательно разрушить их хрупкое семейное счастье. В глубине души он проклинал Соллеремоса и его амбициозные замыслы.

Глава 6

Ранним утром Пятая Лиры поднялась в небо, освещенная голубыми лучами Веги, и ушла к звездам.

Впереди следовали эскадрильи разведчиков, немного позади — ряды тяжелых крейсеров, патрулируемые по флангам более легкими боевыми космолетами, а в арьергарде следовал караван транспортных кораблей. Тысячи мужчин, женщин и детей впервые направлялись на древнюю планету, на которой некогда жили предки большинства из них.

Поначалу курс была привычным. Эскадра направилась по прямой к Тройной Короне — трем белым солнцам-близнецам, которые служили в секторе Лиры путеводным маяком. Затем Пятая развернулась к надиру и на запад, нацелившись на умирающую красную звезду.

За ней начинался узкий проход между двумя пылевыми облаками. Здесь сектор Лиры сужался, стиснутый по сторонам областями, принадлежащими Ориону и Персею. Окраинные границы этих секторов, насыщенные туманностями и малонаселенными звездными скоплениями, напоминали крепости и бастионы, в которых затаились невидимые силы противника. Пройдя опасную территорию, Пятая Лиры вышла в сравнительно пустынную область между кладбищем мертвых солнц и огромной спиралевидной туманностью.

Биррел стоял перед радарным экраном и внимательно следил за медленно плывущими назад разноцветными искорками. Кладбище солнц пользовалось дурной славой среди космолетчиков, оно было насыщено метеорными потоками, в которых легко могли укрыться от радаров не только отдельные корабли, но и целые эскадрильи противника. Туманность же отличалась интенсивным радиоизлучением, так что она выглядела на экране радара как огромное яркое пятно. Лучшего места для засады и придумать было нельзя. Впрочем, Гарстанг не разделял эту точку зрения.

— Нет, командор, держу пари, что орионцы прячутся в космических течениях — если они, конечно, вообще собираются

напасть на нас, — сказал капитан, хмуро глядя на экран. — В туманности невозможно поддерживать устойчивую связь между кораблями.

— Да, если они находятся на обычной дистанции друг от друга, — заметил Биррел. — Но на время можно сойтись и ближе, хотя это и рискованно. На всякий случай я пошлю разведчиков в обе опасные области. Вызовите Гренарда.

Вскоре на капитанский мостик поднялся Гренард, командир разведывательного дивизиона, крепко скроенный молодой человек ангельской внешности, белокурый, с голубыми глазами поэта. Но по характеру это был типичный сорвиголоу, не знавший слова «страх». Настоящий командир разведчиков.

Выслушав приказ командора, он кивнул.

— Хорошо, я вышлю две эскадрильи — одну к мертвым солнцам, другую в туманность. Первую возглавит Геаринг, вторую — я сам. Если там кто-то прячется, то мои парни их найдут.

— Прекрасно, но как мы узнаем об этом? — усмехнулся Биррел. — Надежной связи в этих областях нет. Договоримся так: посылайте ко мне через определенные интервалы скауты с донесениями. Через них вы узнаете о моих дальнейших указаниях.

— Полагаете, орионцы могут напасть на мои скауты, если заметят их? — спросил Гренард.

— Не исключено, — коротко ответил Биррел.

Командир разведчиков улыбнулся.

— Это начинает звучать интересно, — сказал он, не скрывая своей радости. — Мне уже надоело гоняться за собственной тенью!

Биррел пытливо взглянул на молодого офицера.

— Вы, кажется, очень довольны? — тихо спросил он. — Словом, вперед, сабли наголо, и прочь все сомнения?

Гренард нахмурился и опустил глаза.

— Я полностью понимаю, что нас ждет, командор, и какая лежит на мне ответственность. Не беспокойтесь, все будет в порядке.

Эскадра неспешно двигалась по коридору длиной в парсек. Биррел принял решение перестроить свои ряды — теперь транспорты охранялись по флангам несколькими тяжелыми крейсерами. Далеко впереди неслись быстрые скауты. Две эскадрильи разошлись в стороны и вскоре исчезли в областях, откуда Пятая могла угрожать опасность.

Радарные экраны вновь ожили, но теперь они смотрели

«глазами» радаров, установленных на кораблях Гренарда и Геаринга.

— Пока ничего подозрительного, командор, — слышался голос Гренарда. — Эта туманность, похоже, тихое местечко. Перехожу на поисковый режим.

Правый экран помутнел, затем на нем появилась длинная светящаяся нить — след новой звезды, взорвавшейся в туманности миллионы лет назад. Она-то и была причиной мощного радиоизлучения этого довольно заурядного на первый взгляд газового облака.

Эскадрилья Гренарда веером рассыпалась по обширной области, впрочем, не удаляясь дальше расстояния устойчивого радиообмена. Прошло несколько минут, но новостей не было.

Биррел переключил внимание на левый экран, где картинка была более отчетливой. Эскадрилья Геаринга вошла в область мертвых солнц и без колебаний нырнула в ближайший космический поток.

— Порядок, командор, — доложил Геаринг. — Пока не видно даже каменных обломков — все больше пылинки размером в молекулу. Иду к другому потоку.

На экране царила мгла, лишь кое-где расцвеченная слабым сиянием еще не совсем потухших звезд. Большинство же солнц в этой части космоса давно умерли и теперь почти не излучали не только в оптическом, но и радиоспектре.

Все было спокойно, но на крейсерах Пятой Лиры сохранялась предбоевая готовность. Что касалось транспортов, то их пассажиры даже не подозревали о возможной опасности. Женщины и дети проводили большую часть времени у громадных обзорных экранов, выслушивая поразительные рассказы о космических путешествиях, которыми их развлекали капитаны. В трюмах были установлены объемные видеоэкраны и демонстрировались документальные фильмы о Земле, о планетах Солнечной системы и, конечно, об истории космических полетов.

Все были довольны, и никто не задавался вопросом, почему рядом с транспортами вдруг появились могучие крейсера, ошестинившиеся орудиями.

Биррел в очередной раз спросил себя: интересно, а что делает сейчас Лиллин? Тоже любит звезды и слушает завиральные рассказы старых звездных волков? Или лежит на койке, закрывшись с головой одеялом, и с тоской думает о предстоящем свидании с родной для мужа планетой?

Обе эскадрильи разведчиков выслали в сторону Пятой сво-

их посланников, и через их радиоустановки Биррел вновь услышал сообщения.

— Все еще ничего, — сказал Гренард. — Вы уверены, сэр, что здесь могут скрываться корабли Ориона? Как-никак мы еще находимся в пределах нашего сектора.

— Мирные времена, похоже, кончились, — ответил Биррел. — В любом случае осторожность не помешает.

Минуту спустя донеслось скупое сообщение Геаринга:

— Ничего, командор.

Эскадра одолела почти половину дистанции, которая отделяла их от открытого космоса, когда Гренард вдруг закричал:

— Боже, они здесь, в туманности, за черной звездой! Одна... нет, две эскадры. Двигаются в тесном строю к туннелю. Командор, они идут в точку перехвата!

Сердце Биррела сжалось, но лицо не утратило невозмутимого выражения. Он спокойно спросил:

— Как далеко они находятся от вашей эскадрильи?

— Около двадцати тысяч миль. Далековато, чтобы их можно было разглядеть визуально, но экраны радара не оставляют никаких сомнений.

— Следуйте за ними на безопасном расстоянии, — приказал Биррел, — и постоянно сообщайте их координаты.

— Орионцы хотят уничтожить Пятую, — глухо сказал Гарстанг. — Эти мерзавцы совершенно обнаглели — напасть на нас в нашем же собственном секторе!

— Уничтожить? — бесстрастно переспросил Биррел, не отрывая глаз от правого радарного экрана, на котором, увы, почти ничего сейчас нельзя было разглядеть. — Почему вы так решили?

Капитан флагманского корабля удивленно взглянул на командора.

— А зачем же они еще вышли на пересекающийся курс?.. Сэр, должен ли я отдать приказ усилить оборону транспортов?

— Нет.

— Тогда что же мы должны делать?

— Лететь вперед, как ни в чем не бывало, — сурово ответил Биррел.

Гарстанг посмотрел на него, словно на сумасшедшего, однако сдержался и кивнул.

— Есть, сэр. Слушаюсь, сэр.

Биррел по интонации его голоса почувствовал, что Гар-

станг более чем озабочен и недоволен, и поэтому решил объяснить ему свое понимание ситуации:

— Это чистой воды блеф, Джо. Орионцы не рискнут начать боевые действия. Если бы они хотели этого, то напали бы в буферной зоне — там, где мы не могли бы надеяться на помощь. Нет, они специально забрались в наш сектор, чтобы ошеломить нас своей наглостью и запугать. Они не хотят, чтобы Пятая шла к Земле, вот и все.

Гарстанг пожал плечами.

— По-моему, вы слишком уверены в этом, сэр. Я лично не вижу оснований для такого оптимистического взгляда на ситуацию.

Биррел не обязан был объяснять подчиненным причины тех или иных своих решений, но для Гарстанга он сделал исключение.

— Подумайте как следует, Джо, и вам будет все ясно. Гренард смог обнаружить эскадры только радаром, но и те, в свою очередь, наверняка заметили разведчиков. Если бы они на самом деле хотели начать боевые действия, то, конечно же, в первую очередь уничтожили бы разведывательную эскадрилью. Вместо этого они позволили ей следовать за собой. Почему? Да потому, что хотят, чтобы сообщения Гренарда заставили нас свернуть с пути к Земле.

— Звучит логично, — неохотно согласился Гарстанг. — Но если вы ошиблись, командор...

— Тогда у нас будут большие неприятности, — согласился Биррел. — Что ж, Фердиас разрешил мне при необходимости рисковать. Это я и делаю... Есть еще вопросы?

Вопросов у Гарстанга больше не было.

Пятая продолжала движение, не изменив ни скорости, ни порядка расположения своих кораблей, словно и не знала о противнике, который шел ей наперерез. Каждые десять минут Гренард сообщал о координатах эскадр Ориона и добавлял: «Идут на пересекающемся курсе». Биррел втайне ожидал, что эта психологическая атака вскоре закончится, но Гренард продолжал докладывать о сближении эскадр. Компьютеры рассчитали вероятную точку встречи. До нее Пятой оставался лишь один час пути.

Биррел с каждой минутой все больше и больше мрачнел. Похоже, они с Фердиасом ошиблись, и Орион на самом деле готовился перейти к открытым боевым действиям. Это было немыслимо, невозможно, война затянулась бы на столетия,

не дав никому ощутимого преимущества. Но если амбиции Соллеремоса взяли верх над здравым смыслом...

Уже не было необходимости возвращать транспорты к Ве-ге, прикрывая их отход. Конечно, Пятая в полном составе еще могла уйти, но реакцию Фердиаса на это бегство легко было предвидеть. Губернатор доверял ему, Биррелу, так же, как тот надеялся на смелость Гренарда.

— Эскадры орионцев не меняют курса, — в очередной раз повторил Гренард.

Следующие десять минут для Биррела были самыми долгими в жизни. Однако командир разведчиков вновь произнес ту же самую фразу, которая звучала сейчас как раскаты грома приближающегося Апокалипсиса.

Гарстанг сидел в соседнем кресле, неподвижным взглядом следя за экранами переднего обзора, где вот-вот должны были показаться корабли противника. На Биррела он старался не смотреть, словно понимая, как нелегко сейчас приходится командору.

Биррел тоскливо взглянул на часы. До точки встречи осталось всего тридцать три минуты. Если они с Фердиасом все-таки ошиблись, то через полчаса Пятая встретится с двукратно превосходящими их силами противника, в крайне неудобной для боя позиции, с беспомощными транспортом в арьергарде. Осталось тридцать две минуты...

«Говори, Гренард, ты молчишь уже больше положенного времени. Я жду твоих слов — но других. Тридцать одна минута до встречи... Черт побери, Гренард, ты что, заснул? Говори, болван, говори...»

— Курс не изменен, — наконец устало произнес командир разведчиков. Несколько секунд спустя он закричал: — Нет, курс изменился! Теперь орионцы направляются на пять градусов к зениту и на тридцать четыре градуса к западу. Командор, должен ли я преследовать их?

— Немедленно возвращайтесь, — с облегчением ответил Биррел. — Хотя следите за орионцами так долго, как только сможете.

Он откинулся на спинку кресла и весело взглянул на Гарстанга. Командир флагманского корабля не таясь вытирал носовым платком пот с лица.

— Вы оказались правы, сэр, это была лишь психологическая атака, — срывающимся голосом произнес он.

— Запомните, Джо, начальство всегда право, даже если оно ошибается, — хохотнул Биррел. — Хороши бы мы были, если

бы дрогнули и повернули назад! Вот тогда-то Соллеремос и мог бы решить, что настала пора начать боевые действия против Лиры. А теперь он, пожалуй, еще призадумается...

Через полчаса Гренард сообщил, что эскадры Ориона окончательно вышли из поля зрения его радаров, придерживаясь нового курса к границам сектора Лиры.

— Возвращайтесь на прежнюю позицию в авангарде, — приказал Биррел и, не выдержав, добавил: — Отличная работа, Тед.

Еще через полчаса Пятая наконец-то вышла в открытый космос. Впереди на многие парсеки простирался регион с редкими звездами и немногочисленными обитаемыми планетами. Эта часть космоса входила в буферную зону между секторами и управлялась Советом Объединенных Миров.

Гарстанг подошел к экрану заднего обзора, на котором еще были видны спиралевидная туманность и мертвые солнца, и неожиданно сказал:

— Прекрасно, что нам удалось уйти от орионцев, но... но все-таки у меня дурацкое ощущение, командор, будто нас провели.

Биррел промолчал, неприятные предчувствия были и у него. Ему казалось почему-то, что Пятая Лиры движется к Земле потому, что ее просто загнали в ловушку.

Глава 7

Далеко впереди, посреди огромной космической пустоши, сияло маленькое желтое солнце, которое так же и называлось — просто Солнце. Биррел смотрел на него, стоя на капитанском мостике, испытывая необычные для себя сомнения. Что должен он ощущать в этот момент? Счастье, подобно ребенку, впервые увидевшему своего отца, или стыд, который мучает блудного сына, возвратившегося после долгих скитаний к родному очагу?

Увы, в его сердце не было ни того, ни другого. Солнце было для него лишь очередной, к тому же весьма заурядной, звездой, солнцем с маленькой буквы.

Повернувшись к Гарстангу, он приказал:

— Джо, начинайте торможение.

Эскадра замедлила скорость, доведя ее до планетарной, которая использовалась при полетах внутри звездных систем. К тому времени желтое Солнце было уже довольно близко,

так что экраны дальнего обзора предоставили возможность подробно разглядеть все планеты. В основном они были бесплодными, и лишь три из них принадлежали к земному типу, причем одна — на все сто процентов. Доложивший об этом Веннер внезапно запнулся, смутившись — только сейчас он понял, что этот удивительно высокий показатель объяснялся просто: ведь именно Земля служила эталоном при подобных оценках.

Из радиорубки стали приходиться первые послания с Земли: формальные приветствия от Совета ОМ и правительств различных государств. Чуть позже начали поступать данные, необходимые Пятой для посадки на космодром, который располагался в нескольких десятках миль от Нью-Йорка — города, где находилось здание Совета ОМ.

Перестроив ряды, эскадра Лиры вышла на траекторию сближения с планетой.

Вскоре на экране появился маленький серо-зеленый шарик, рядом с которым бледно светила луна, называемая просто Луной.

— Земля, сэр.

Тишина воцарилась на капитанском мостике. Биррел полагал, что подобное произошло и на всех других кораблях, даже на транспортах с сотнями неугомонных ребятишек. Никто из этих людей ни разу не видел древнюю планету, которая когда-то была центром Галактики, и все же почти каждый был связан с ней невидимыми узами родства. Почти каждый — но далеко не все.

Биррел подумал о Лиллин — какие мысли одолевают сейчас ее? За время перелета они лишь несколько раз общались по внутренней видеосвязи, и он так и не понял, каково душевное состояние жены. Внешне она казалась спокойной и довольной, но почему-то старательно прятала глаза. Что в них было — тревога? Надежда? Или откровенный страх?..

Земля двигалась им навстречу, быстро увеличиваясь в размерах. Вскоре можно было разглядеть мощные облачные фронты и белую полярную шапку. Еще через несколько минут стали заметны очертания континентов, между которыми голубели обширные океаны. Цвета проявлялись все более отчетливо, и это позволило различить горные хребты, лесные массивы, голубые пятна озер, извилистые линии крупных рек. Прекрасный, уютный мир! Глаза Биррела неожиданно повлажнели. «И почему Фердиас выбрал именно меня для этой работы?» — подумал он.

Как оказалось, он произнес эти слова вслух, хоть и негромко. Гарстанг услышал.

— Что вас тревожит, командор? Мы летим с дружеским визитом, чтобы принять участие в празднике. Что в этом плохого?

Голос капитана звучал совершенно искренне, но Биррел только презрительно усмехнулся в ответ. Он знал, что и Гарстанг, и Брешник, и многие другие офицеры не раз в частных разговорах выражали сомнение в официальной версии визита. Им было непонятно, почему лучшую эскадру Лиры понадобилось снимать с места ее постоянного дежурства, дабы попросту поучаствовать в дружеской пирушке.

Выйдя на орбитальную траекторию, корабли Пятой снизились к огромному сине-зеленому океану и вскоре подошли к материку. На берегу был расположен крупный город, разбросанный по островам и полуостровам. Его пересекала река. Эскадра приблизилась к крупному космопорту. Космолеты взмыли вверх и, сделав головокружительный разворот в небе, стройными рядами опустились на посадочное поле.

Вдали, около здания космопорта, собралась большая толпа встречающих. Рядом на флагштоках пестрели десятки знамен, и, видимо, не случайно рядом со звездно-голубым флагом ОМ развевалось бело-голубое знамя сектора Лиры. В сторону космолетов двинулся оркестр, игравший на старинных духовых инструментах. Позади следовал небольшой кортеж открытых лимузинов с официальными лицами, прибывшими приветствовать гостей.

В это время экипажи уже выстроились рядом со своими кораблями. Форма была безукоризненно отутюжена, ботинки начищены до блеска, пуговицы сияли. Биррел, сопровождаемый Гарстангом и Брешником, прошел вдоль строя, приветствуя экипажи, а затем, четко отбивая шаг, направился к торжественной процессии землян. Он чувствовал непривычные запахи каких-то растений, лицо обдувал теплый, немного соленый воздух, глаза слепило маленькое, но горячее солнце. «Черт побери, да я на Земле!»

Понемногу его возбуждение стало стихать, и Биррел заметил, что космопорт, несмотря на солидные размеры, был изношенным и бедным. Металлобетон во многих местах трескался, стоявшие невдалеке ангары и мастерские выглядели обветшалыми. В полумиле от Пятой стояли две дюжины крейсеров с эмблемами ОМ — небольшие корабли класса С-14, устаревшие еще лет двадцать назад. Биррел с удивлением подумал: а ведь это все, чем располагает Совет ОМ...

Процессия землян остановилась. Оркестр, продолжая играть бравурные марши, отошел в сторону. Из переднего лимузина вылезли двое и пошли навстречу гостям с Лиры: худощавый пожилой мужчина в черной адмиральской форме и солидный властный человек, одетый в безукоризненный гражданский костюм.

Биррел отдал честь адмиралу, и тот ответил тем же с дружеской улыбкой.

— Прекрасная посадка, командор. Я адмирал Ланей, командующий флотом Объединенных Миров. Приветствую вас и Пятую Лиру на Земле!

Не без удивления Биррел понял, что старый адмирал вел себя так, будто корабли Лиры находились в его подчинении. Это было забавно. Вот уже столетие Объединенный космфлот не имел реального авторитета в Галактике. Его руководство никогда не отдавало приказов эскадрам пяти секторов, так же как Совет ОМ не мог влиять на действия губернаторов. И все же этот седой человек с загорелым морщинистым лицом и на удивление молодыми глазами делал вид, будто является прямым начальником Биррела.

Заметив растущую безнадежность во взгляде пожилого адмирала, Биррел смягчился. В конце концов, все это не имело никакого значения. Почему бы не подыграть старине Ланею, изволевшемуся играть роль важной птицы?

Командор подтянулся и вновь отсалютовал.

— Докладывает командор Биррел. Пятая эскадра Лиры прибыла в ваше распоряжение.

Благодарная улыбка промелькнула на лице Ланея.

— Вольно, командор, — сказал он мягко. — Позвольте вам представить мистера Джона Чартериса, Председателя Совета ОМ.

Чартерис дружески потряс руку Биррела, но его глаза оставались цепкими и оценивающими. Этот человек был явно из породы политиканов, которых Биррел терпеть не мог. Подождя, когда к ним подошли телерепортеры с камерами в руках, Чартерис сказал, глядя больше в объективы, чем на гостей:

— Мы рады приветствовать на Земле представителей сектора Лиры, одну из самых блестящих эскадр галактического флота. Надеюсь, их участие в предстоящем праздновании юбилея...

Чартерис произнес короткую пышную речь, из которой следовало, что секторы Галактики по-прежнему считают Землю своим центром и почитают Совет ОМ, как некогда в древно-

сти вассалы почитали своего короля. Биррел тоже сказал несколько теплых слов, с юмором заметив, что они не без труда разыскали Солнечную систему, которая отмечена ныне далеко не на всех звездных картах.

Затем началась долгая и утомительная процедура представления гостям нескольких десятков видных государственных деятелей Земли. Произносились речи, грохотал оркестр, в небе расцветали разноцветные огни фейерверков. Под конец, когда лицо Биррела уже побелело от постоянных улыбок, а пальцы утомились от множества рукопожатий, адмирал Ланей прошелся вдоль рядов астронавтов Пятой, приветствуя их. На этом официальная часть встречи закончилась, и Брешник с облегчением отдал приказ экипажам космолетов разойтись.

Биррел вытер пот с лица — было жарко и душно. Ветер почти стих, а солнце высоко поднялось к зениту, осыпая землю палящими лучами. Ланей понимающе посмотрел на Биррела.

— Командор, вы, должно быть, устали после долгого пути. Для вас подготовлена квартира на базе моего космофлота. Хотите, я отвезу вас?

— Нет, нет, Ланей, командор и его жена будут моими гостями! — запротестовал Чартерис. — Мои апартаменты достаточно просторны, да и расположены куда удобнее, в самом центре Нью-Йорка.

— С удовольствием, — согласился Биррел.

— Отлично! Моя супруга уже все подготовила... Познакомьтесь, командор, это мой секретарь Росс Маллинсон.

Маллинсон был высоким, довольно молодым мужчиной с профессионально любезной улыбкой и вкрадчивыми манерами опытного дипломата, всегда контролирующего свои слова и чувства. Биррелу такие люди нравились еще меньше, чем политики, они казались ему насквозь фальшивыми.

Похоже, Маллинсон тоже был не в восторге от гостя, и, несмотря на дружеское рукопожатие, его улыбка явно была искусственной.

Вскоре к ним подошел Брешник, ведя под руку очаровательную Лиллин. Биррел познакомил ее с землянами и был польщен их на этот раз вполне искренним восхищением. Вегианка надела длинное платье земного покроя — видимо, не зря тратила время в полете.

И все же она настолько разительно отличалась от жен встречавших эскадру официальных лиц, что в сердце Биррела закрался холодок. Только сейчас он осознал, что ни у кого из

землянок не может быть таких длинных раскосых глаз, вытянутого овала лица, маленького, почти округлого рта... Нация вегиан считалась самой экзотичной среди всех ветвей человеческой расы во Вселенной, и здесь, на древней Земле, эти отличия просто поражали.

«Я буду чужой там, на твоей Земле», — сказала ему перед отлетом жена и, похоже, оказалась права. Да, земляне-мужчины были сражены красотой вегианки, но в глазах их жен Биррел без труда прочел невысказанный протест: «Посмотрите, да ведь эта женщина и не человек вовсе!»

Маллинсон, порозовев, робко подошел к Лиллин и протянул ей руку, приглашая сесть в лимузин. Биррел с усмешкой выслушал его восторженные комплименты, а сам, извинившись, отвел в сторону Брешника.

— Начались мои мучения, Род. Никогда еще мне не пришлось играть роль разряженной дипломатической куклы, да, видимо, придется. На время командование Пятой передаю вам. Разрешите экипажам кораблей увольнение в город, но не увлекайтесь — не меньше одной трети должно все время находиться на своих рабочих местах. Я хочу, чтобы эскадра была в постоянной готовности уйти с Земли.

Брешник с удивлением взглянул на своего командира.

— Как прикажете, сэр. Только люди будут недовольны.

— Ничего, пусть поворчат. Техсоставу немедленно заняться текущим ремонтом. Используйте при необходимости оборудование космопорта, я договорюсь об этом.

Вице-командор хмыкнул.

— Представляю, что это за оборудование: молоток, отвертка и зубило. Джей, только посмотрите на славный флот ОМ — по таким развалахам свалка давно плачет!

Биррел хохотнул, но ему было не до смеха. Он уселся в лимузин рядом с Чартерисом, и кавалькада машин неспешно поехала к воротам космопорта.

Здесь их ждала огромная толпа местных жителей, которые с цветами в руках пришли поглазеть на пришельцев с далекой Веги. Не без труда протиснувшись через узкий проход, созданный силами полицейских, процессия выехала на скоростное шоссе и помчалась в сторону Нью-Йорка.

Биррел полюбопытствовал, почему на Земле отдают явное предпочтение наземному транспорту, в то время как в небе довольно мало флиттеров. Чартерис стал объяснять, что Нью-Йорк — огромный город, и местные власти специально ограничили право пользования флиттерами, дабы избежать хаоса

и несчастных случаев. В самом же Нью-Йорке воздушное движение вообще невозможно, поскольку город на треть состоит из небоскребов.

Командор вполуха слушал Председателя Совета, вежливо кивая головой, а сам с куда большим интересом разглядывал мелькающие мимо пейзажи.

На первый взгляд Земля не слишком отличалась от других обитаемых миров, на которых ему приходилось бывать. Многие из них могли похвастаться такой же пышной зеленью, голубым небом и белыми пушистыми облаками. Дома в небольших поселках были стандартного типа, построенные из разноцветного металлопластика. Садившееся на западе солнце освещало их стены косыми розовыми лучами, и даже самые неказистые сооружения имели уютный и приятный вид.

Но вскоре Биррел стал смотреть только вперед. На золотистом фоне неба поднимались зубчатые контуры самого удивительного города.

Он поражал мощью десятков, сотен небоскребов, которые, словно сторожевые башни, следили за приближением пришельцев из другого мира. Нигде в Галактике не осталось таких титанических сооружений, везде преобладали двух- и трехэтажные здания, гораздо более удобные для жизни в гармонии с природой. Биррел понимал, что этот город очень стар и совсем не просто снести его небоскребы, чтобы построить современные дома. Что ж, может быть, это и неплохо, зато Нью-Йорк сохранил своеобразие, которым мог похвастаться далеко не каждый мегаполис на других планетах.

Когда кортеж машин, резко замедлив скорость, въехал на оживленные городские улицы, Биррел почувствовал себя не в своей тарелке.

Даже самые широкие проспекты казались ущельями, уставленными по обеим сторонам скалами из камня и стекла. От ярких огней реклам буквально кружилась голова. Зато апартаменты Чартериса оказались просторными и уютными.

Председатель Совета занимал весь верхний этаж многоэтажного дома, окруженного террасами с колоннадой. Отсюда открывался прекрасный вид на город и, в частности, на белоснежный небоскреб Совета ОМ.

Биррел с Лиллин вышли ненадолго на террасу, чтобы полюбоваться ночной панорамой, их проводил гостеприимный хозяин.

— Правда, здание Совета выглядит впечатляюще? — с гордостью спросил Чартерис. — Оно было построено полторы

сотни лет назад на месте здания Организации Объединенных Наций. ООН выполнила свою роль, обеспечив в течение веков мир на этой планете. Символично, что наш Совет ОМ как бы перенял эстафету у этой организации и отвечает за процветание и спокойствие доброй половины Галактики.

Биррел пристально посмотрел на Чартериса, но не смог обнаружить на лице политика и следа самоиронии. Похоже, он верил в то, о чем говорил.

Затем в обширной гостиной состоялся обед в честь гостей с Лирь. На нем царствовала жена Чартериса — яркая, хоть уже и не первой молодости дама, которая удивительно умело поддерживала праздничную и в то же время деловую атмосферу этой встречи. Чувствовалось, что у нее был большой опыт в подобных делах.

Прозвучало много тостов в честь гостей и хозяев. Биррелу пришлось отвечать на бесчисленные вопросы о секторе Лирь; к его удивлению, даже члены Совета мало знали о том, что происходит на далеких звездах. Но в основном все разговоры вертелись вокруг предстоящего празднества. О политике старались даже не упоминать, хотя среди гостей были крупные государственные деятели из секторов Цефея и Льва. Каждый из них улучил момент, чтобы поговорить один на один с Биррелом за бокалом вина, однако беседы всегда касались пустяков.

Командора скоро вся эта светская болтовня стала раздражать. Что-то делает сейчас Соллеремос, пока он бездарно тратит время на светском приеме? Фердиас, правда, обещал поставить его в известность о перемещении эскадры Ориона, но придет ли предупреждение вовремя?

Только глубокой ночью гости стали расходиться. Хозяйка дома отвела заметно уставшую Лиллин в гостевые комнаты, а Биррел вместе с Чартерисом и Маллинсоном вышли на террасу, чтобы пропустить по последней рюмочке.

Они сидели в креслах, потягивая вино и думая каждый о своем. Биррел смотрел на каменные утесы небоскребов, освещенных гирляндами ослепительных огней, и не мог поверить, что он находится на легендарной Земле.

Где-то на западе в звездном небе раздался раскат грома. По звуку Биррел определил, что на посадку шло торговое судно среднего класса.

— Командор, вы не знаете, Орион тоже собирается послать к нам эскадру или только обычную делегацию? — внезапно донесся вопрос Чартериса.

Тревога зазвенела колокольчиками в голове Биррела. Что крылось за этим вопросом? Может быть, Чартерис прослышал о чем-то? Или просто выуживает информацию?

Поразмыслив, Биррел осторожно ответил:

— Понятия не имею. Однако не сомневаюсь, что Соллеремос поставил вас в известность о своих планах.

Чартерис не сводил с него пытливых глаз, и Биррел почувствовал, что под добродушной внешностью скрывается решительный и волевой человек, с которым надо держаться настороже.

В разговор вмешался Маллинсон:

— Совет послал приглашение сектору Ориона, и оно было принято. Но мы до сих пор не знаем, какая делегация к нам прибудет. Наш космодром достаточно велик, тем не менее если все сектора пришлют по эскадре...

Они что-то знают, подумал Биррел, делая вид, что наслаждается вином. Вот только что? Быть может, силы Ориона уже находятся в пути к Земле, дабы тоже «принять участие в празднествах»? Об этом можно лишь гадать. Одно ясно — оба члена Совета относятся с равным подозрением и к Лире, и к Ориону. И приход вместе с Пятой транспортов с членами семей экипажей не рассеял их сомнений.

Биррел продолжал смаковать довольно терпкое, на его вкус, вино, ощущая на себе внимательные взгляды обоих землян. Но скоро бокал опустеет, и ему придется вновь отвечать на коварные вопросы. Это было тяжелой и непривычной работой. Нет, политические интриги не для него, он не искушен в таких делах и может запросто наломать дров, обратив настоятельную землю в открытую враждебность. Поскорее бы увидеться с Кэршем! Этот малый чувствует себя в подобных ситуациях как рыба в воде. Вот пусть и думает за них обоих.

Глава 8

Биррел решил, что не будет даже пытаться играть с Чартерисом и Маллинсоном в дипломатические игры. Оба землянина куда опытнее в таких вещах и были бы рады поймать его на какой-нибудь предательской ошибке.

Поднявшись с кресла, он зевнул и сказал устало:

— Прошу прощения, но я, пожалуй, пойду. У меня был трудный день.

Чартерис вежливо улыбнулся в ответ.

— Боюсь, командор, здесь, на Земле, вам будет не легче. Праздник такого масштаба — очень утомительная штука, можете мне поверить. Мы запланировали множество встреч и интересных поездок для вас и офицеров эскадры. А пока доброй ночи, мистер Биррел.

Попрощавшись с Чартерисом и Маллинсоном, он было пошел к выходу, однако затем вернулся, словно внезапно вспомнив нечто важное.

— Кстати, о поездках, — добродушно улыбаясь, произнес Биррел. — Невдалеке от Нью-Йорка находится дом моих предков. Я бы хотел в ближайшее время съездить туда с женой.

Чартерис понимающе кивнул.

— Я все организую, командор. Приятно слышать, что люди с Лиры испытывают сентиментальные чувства к старым родовым гнездам. Жаль только, что такое встречается редко.

Маллинсон поставил бокал на столик и негромко сказал, не глядя на гостя:

— Лучше меньше сантиментов да больше лояльности по отношению к Объединенным Мирам.

Настало напряженное молчание. Биррел не нашелся, что ответить, и тогда Чартерис, безмятежно улыбнувшись, с укоризной заметил:

— Не стоит сегодня говорить о политике, Росс. Доброй ночи, командор.

Биррел, хлопнув дверь, злым шагом направился в комнату, отведенную для них с Лиллин. Жена уже спала или притворялась, что спит. Второе вероятнее — Лиллин весь вечер была холодна с ним и, скорее всего, просто стремилась избежать разговора.

Биррела это устраивало, ему хотелось остаться наедине со своими невеселыми мыслями. Да и наличие в спальне подслушивающего устройства нельзя было исключить. Вряд ли это мог подстроить сам Чартерис, но Маллинсон никакого доверия у Биррела не вызывал. Вырвавшаяся у него в конце беседы фраза говорила о многом. Можно было не сомневаться, что подобное недоверие к жителям других звездных систем испытывают и многие другие земляне. Они десятилетиями привыкли считать, что Земля — центр Галактики, а все остальные миры — не более чем глухая провинция. Ныне все изменилось, и вряд ли это пришлось им по сердцу.

Лежа без сна в темной комнате, Биррел обдумывал план дальнейших действий. Теперь понятно, почему Фердиас выбрал для его встречи с Кэршем место за городом — здесь не-

возможно было уединиться. И эту встречу откладывать нельзя, слишком многое произошло после отлета Пятой с Веги. Придется сослаться на страстное желание посетить родовое гнездо и уехать из Нью-Йорка как можно скорее, может быть, даже завтра.

Но ничего у Биррела из этой затеи на следующий день не получилось. К десяти утра, сразу же после завтрака, в дверь к супругам постучался Маллинсон, вновь сияя безукоризненной улыбкой. О вчерашнем инциденте не было сказано ни слова, секретарь Совета был сама вежливость и предупредительность. Вместе с ним Биррелов навестила и жена Чартериса, которая тотчас же взяла Лиллин под опеку. Она предложила своей молодой подруге совершить экскурсию по самым известным и модным магазинам, на что Лиллин с охотой согласилась. Биррелу показалось, что жена попросту избегает его. Так или иначе, о поездке в Орвилл не было смысла и заикаться, и он с внутренним вздохом отдал себя в распоряжение энергичного молодого дипломата.

— Я покажу вам город, командор, — сказал Маллинсон, когда подали открытый лимузин с флажком ОМ. — Сначала, конечно, здание Совета. Уверяю вас, весьма любопытное зрелище.

Они поехали к центру города по переполненным улицам. Биррел смотрел по сторонам без особого интереса.

Утро выдалось яркое, солнечное, на полоске белесого неба, видневшегося между крышами небоскребов, не было ни единого облачка. Воздух был приятным для дыхания, слегка солоноватым, но ему приходилось встречать мегаполисы и с более чистой атмосферой. Огромные безвкусные здания угнетали его, однако хуже всего были толпы, наводняющие тротуары, — тысячи, десятки тысяч шумных, суетливых людей, крикливо одетых, с дурацкими флажками и кепочками, на которых пестрели эмблемы юбилея двухсотлетия первого звездного перелета. Веселые улыбки на лицах Биррелу показались несколько искусственными и вызвали у него лишь чувство раздражения.

Здание Совета ОМ возвышалось посреди округлой площади, словно ступенчатая гора из стали и стекла. Его титанический вид настолько не соответствовал реальному весу Объединенных Миров в галактическом содружестве, что Биррел не смог сдержать усмешку. Маллинсон повел гостя к парадному входу, через который взад-вперед сновали сотни чиновников, и, вежливо пропустив его вперед, ввел в огромное фойе.

— Сейчас проходит сессия Совета, и мистер Чартерис, к сожалению, не может принять вас в своем кабинете. Но я думаю, вам будет любопытно взглянуть на зал заседаний из гостевой галереи, не так ли?

— Буду счастлив, — вежливо ответил Биррел, мысленно послав Маллинсона к дьяволу.

Они поднялись на одном из лифтов на десятый этаж и вышли в устланный коврами широкий коридор, который привел их к круговой галерее, опоясывающей сверху зал заседаний. Биррел готовил себя к грандиозному зрелищу и все же был ошеломлен.

Земляне строили этот зал как центр галактической дипломатии. Белый купол поднимался над полом на добрые полсотни метров. Под галереей располагалось несколько ярусов «бельэтажа», а еще ниже — ступенчатый «амфитеатр». Сам же «партер» состоял из нескольких тысяч кресел, из которых была занята самое большее пятая часть, поближе к трибуне. Каждая секция зала была предназначена для крупных звездных ассоциаций и обозначалась соответствующим флажком или вымпелом. Увы, подавляющее большинство из них проигнорировали приглашение Совета. Полностью была заполнена лишь секция Земли, которая включала в себя несколько близлежащих звездных систем, бедных и малонаселенных. Приехали гости из соседних систем, таких, как альфа Центавра. Вот и все.

Биррел почувствовал себя крайне неудобно, глядя на огромный и почти пустой зал. Он был предназначен для представителей всех пяти секторов Галактики и, наверное, лет сто назад был заполнен до отказа. Увы, это время давно прошло. История выбрала иной путь, оставив бывший центр Галактики далеко на задворках. И все же на бесчисленные ряды пустующих кресел смотреть почему-то было неприятно.

Чартерис сидел в кресле Председателя и терпеливо слушал, как пожилой делегат докладывал о каких-то нюансах в галактических законах, требующих корректировки. Биррел даже не стал вслушиваться в его речь — во всех секторах существовали свои законодательства.

— Впечатляющее зрелище, не правда ли? — хладнокровно спросил Маллинсон.

Биррел повернулся и в упор взглянул на молодого дипломата, на лице которого, словно маска, застыла вежливая улыбка.

— Похоже, вы обвиняете нас, представителей секторов, во всем этом?

— Да, — кивнул Маллинсон, продолжая улыбаться.

— Неужели я или экипажи моей эскадры могут отвечать за то, что неизбежно должно было случиться?

— Неизбежно? — переспросил Маллинсон. — Так ли это, командор? Положим, сектора разрастались слишком быстро, и в какой-то момент тысячами обитаемых миров действительно стало невозможно управлять с Земли. Но разве амбициозный поворот в политике всех пяти губернаторов был так уж неизбежен?

Биррел не знал, чем ответить на это обвинение, и только резко сказал:

— Я не занимаюсь политикой, это не мое дело. Но я хочу спросить: если вы так относитесь к секторам, зачем же пригласили их на это празднование?

— Поверьте, это не моя идея, — заверил его Маллинсон.

Они посмотрели друг на друга с уже нескрываемой неприязнью.

— Отлично, — тихо произнес Биррел, — наконец-то мы поняли друг друга. Я тоже не в восторге от своей миссии, можете поверить. Теперь, когда мы объяснились, я думаю, вам нет смысла разыгрывать из себя гостеприимного хозяина. Да и меня Нью-Йорк совершенно не интересует. Если не возражаете, я вернусь на космодром и проведу свою эскадру.

— Машина в вашем распоряжении, — равнодушно ответил Маллинсон. — И вот еще что, Биррел. Я говорил сейчас только от своего имени. Многие члены Совета, в том числе и Чартерис, думают иначе. Они еще мечтают о днях, когда Совет вновь станет управлять Галактикой.

Биррел кивнул.

— Спасибо за искренность. Разумеется, этот разговор останется между нами.

Выйдя из здания, он почувствовал немалое облегчение. Похоже, дипломатическая миссия провалена, но какой он, к черту, дипломат? В конце концов, не он, а Фердиас и другие губернаторы завели Объединенные Миры в тупик.

Машина выехала из теснин города-гиганта и понеслась по скоростной трассе в сторону космодрома. Откинувшись на мягкую спинку кресла, Биррел смотрел на мелькающие по обеим сторонам вполне современные коттеджи. Неужели их обитатели думают, как Маллинсон? Похоже, что так.

Корабли Пятой были видны еще издалика, напоминая закованных в сталь воинов-титанов. Невдалеке от них теснились карлики — крейсера флота ОМ, бочкообразные транс-

порты, овальные торговцы и конусообразные пассажирские лайнеры. Водитель лимузина, не скрывая благоговения, смотрел на эскадру Лиры, и Биррел слегка смягчился. Возможно, все-таки не все считали сектор Лиры своей провинцией.

Биррел попросил подвезти его к флагманскому кораблю и через несколько минут уже поднялся на капитанский мостик «Старзонга». Читавший какой-то журнал Джо Гарстанг вскочил на ноги и отдал ему честь.

— Все в порядке, сэр.

Биррел кивнул.

— Есть для меня послание с Веги?

— Нет, сэр.

Этого можно было ожидать, но командор тем не менее почувствовал разочарование.

— Не хотите ли вы сами связаться с Фердиасом? — спросил Гарстанг. — Я могу дать указание офицеру связи...

— Нет, не стоит, — решительно отказался Биррел. — Не о чем пока рассказывать губернатору.

Он лукавил — ему было о чем рассказать Фердиасу. Ситуация на Земле оказалась куда сложнее, чем предполагал командор. Но ему не хотелось использовать без крайней необходимости шифросвязь — земляне вполне могли записать несколько таких посланий и найти к ним ключ. Губернатор также учитывал это, когда приказал ему следовать всем указаниям Кэрша.

— Как идут ремонтные работы?

— Неисправностей немного, — ответил Гарстанг. — Почти все они уже устранены.

— Люди довольны квартирами на базе флота ОМ?

— Еще бы! Всем приятно хоть несколько дней пожить вне своих кают. Но шестерым отдых не пошел на пользу. Я посадил их на гауптвахту.

— Что так?

Гарстанг замялся. Видно было, что ему не хотелось посвящать командора в неприятные подробности, но дисциплина взяла верх.

— Видите ли, сэр, прошлой ночью астронавты флота ОМ устроили для наших парней вечеринку. Ну, выпили в меру, поболтали о том о сем, поиграли в карты — все как полагается...

— И что же произошло? — сурово прервал его Биррел.

— Вино — штука коварная, даже если его пьешь в меру. Один из наших охмелел и стал хвастаться, что Пятая может

прихлопнуть одной рукой весь флот ОМ и даже не вспотеть. Землянам, понятно, это не понравилось. И началась потасовка — давненько не видел такой.

Биррел чертыхнулся, недовольно глядя на Гарстанга.

— Мы прилетели сюда с мирной миссией, а не для того, чтобы квасить друг другу носы! — раздраженно воскликнул он. — Только этих неприятностей Лире не хватает. Чтобы я больше не слышал ни о чем подобном, ясно?

— Я приму все меры, — облизнув пересохшие губы, пообещал Гарстанг. — Виновные получают по заслугам, да и остальным я устроил такую выволочку, что у них не скоро зачесутся кулаки.

— Будем надеяться, Джо, — сухо сказал Биррел, недобро глядя на капитана флагманского корабля. — Я доверяю эскадру вам с Брешником в свое отсутствие и не хотел бы в этом раскаиваться. Вы что-то желаете спросить, Джо?

— Да, сэр. Я могу хоть на несколько часов отлучиться в город?

Биррел пожевал губы, в сомнении глядя на капитана «Старзонга».

— Ну хорошо, на несколько часов можно. Оставьте за себя Веннера. А сейчас пойдемте со мной к Брешнику.

Гарстанг с облегчением вызвал своего заместителя, чтобы дать ему необходимые указания. Затем они спустились вниз и увидели, что лимузин с флажком Совета ОМ по-прежнему ждет около трапа. Биррел довольно усмехнулся и попросил водителя отвезти их к кораблю, на котором должен был находиться вице-командор.

Каждый раз, когда автомобиль проезжал очередной крейсер, солнце гасло, словно попав в грозовое облако. Около пятого по счету от «Старзонга» корабля машина остановилась, как оказалось, ненадолго.

У пандуса Биррела встретил молодой офицер, адъютант Брешника.

— Прошу прощения, сэр, вице-командор получил приглашение осмотреть какую-то диковинку, — доложил он, вытянувшись в струну, — где-то в районе ангаров.

Биррел проследил за его рукой и увидел вдали полукруглые здания, около которых суетились люди, — видимо, ремонтные мастерские.

Лимузин помчал их с Гарстангом по старому, местами расклевшемуся шоссе. Вскоре они нашли Брешника, кото-

рый стоял около открытых ворот ангара с группой офицеров в черной форме флота ОМ.

Заметив начальника, Брешник подошел к лимузину с немного растерянной улыбкой.

— Посмотрите-ка на это чудо в перьях, Джей. В жизни не видел ничего более дурацкого.

Офицеры Пятой подошли к ангару и обменялись недоуменными взглядами. Внутри находился маленький кургузый корабль с нелепой шишкой на овальном носу. Он больше походил на макет, чем на космолет, но вокруг него копошились несколько десятков техников в черных комбинезонах.

— Что это за штука? — спросил Биррел.

— Это гордость Земли, звездолет «Пионер», — пояснил Брешник, ухмыляясь. — До последнего времени он находился в музее космоплавания и был привезен сюда для участия в праздновании.

— В каком смысле — «участия»? Разве эта груда металлолома может летать?

Брешник кивнул.

— По крайней мере, техники так говорят. В программу праздника входит показательный полет «Пионера». На малой высоте и на небольшое расстояние — но все же полет.

Гарстанг в сомнении покачал головой.

— Не думаю, что эта дырявая бочка сможет подняться с места. И кому это из местных чиновников пришла в голову такая замечательная идея?

Биррел был согласен с мнением капитана «Старзонга». Готовясь к полету на Землю, он основательно проштудировал историю звездных полетов. Его голова была забита сотнями имен, названиями кораблей, датами полетов — сведениями, вычитанными из книг. До сих пор он не полностью понимал, почему Земля так гордится своим первенцем-звездолетом и чтит имена храбрецов, первыми сделавших шаг в большой космос.

Теперь он это начал понимать. Действительно, нужно было иметь огромное мужество, чтобы лететь на этом странном сооружении за пределы Солнечной системы.

Налюбовавшись вдоволь «чудом в перьях», офицеры Пятой вернулись к терпеливо ожидавшему их роскошному лимузину.

— Командор, надеюсь, вы вновь принимаете на себя командование эскадрой? — с надеждой спросил Брешник.

— Увы, нет, — с огорчением ответил Биррел. — Честное

слово, я всем сердцем хотел бы этого, но гостеприимные хозяева не дают мне ни минуты покоя. У главы миссии есть свои обязанности, ничего не поделаешь. Простите, Род, вам придется оставаться здесь, на космодроме.

— Слушаюсь, сэр, — помрачнев, буркнул Брешник.

Биррел дружески потрепал его по плечу.

— Надеюсь, вам еще удастся полюбоваться на местные красоты. Я уже сыт ими по горло... Кстати, вы не слышали, здесь не ожидают прилета новых кораблей — я имею в виду больших кораблей?

Брешник пожал плечами.

— Понятия не имею. Знаю только то, что несколько десятков доков в другом конце взлетного поля были очищены от всяческой находящейся там мелюзги.

— Могут они принять эскадру?

— Какую эскадру?

Биррел помедлил с ответом.

— Откуда я знаю? — наконец сказал он. — На праздник приглашены представители всех секторов. Почему бы, скажем, сектору Льва или Цефеи не прислать сюда эскадру, как это сделала наша Ли́ра?

— Вы имеете в виду эскадру Ориона? — в упор спросил Брешник.

Биррел выразительно промолчал.

— Все понятно, — помрачнев, произнес Брешник. — Только этого нам не хватало! Если рядом с Пятой сядут крейсера Соллеремоса, будет масса неприятностей.

— Точно, — поддержал его встревоженный Гарстанг. — Не думаю, что мы сможем удержать наших парней от разборок с орионцами. Простой кулачной дракой здесь дело не обойдется...

Биррел поморщился, словно от зубной боли. Да, потасовкой типа «стенка на стенку» дело не кончится. У всех экипажей Пятой еще свежа память о психологической атаке двух эскадр Ориона, так что удержать их от справедливой расправы будет непросто. А потом конфликт покатится как снежный ком с горы, и кровавые волны от него пойдут по всей Галактике.

Он был готов к такому повороту событий и давно принял решение, что делать в подобной критической ситуации. Хорошего в этом было мало, но такова цена его громкой должности. Командорам не часто доставались розы дипломатических приемов и улыбки светских красавиц; куда чаще им вслед

неслись тайные проклятия их собственных подчиненных. Биррелу к этому было не привыкать.

— Надо ожидать всего, — тихо сказал он, пристально глядя на своих офицеров. — С сегодняшнего дня все увольнения в город отменяются. Объявить по кораблям готовность номер один, но так, чтобы никто из землян об этом не пронюхал.

К его удивлению, оба командира Пятой и не пытались протестовать. Более того, Брешник, сдвинув брови, спросил:

— Вы уверены, Джей, что нам не стоит объявить боевую тревогу?

Биррел решительно возразил:

— Нет, ни к чему. Тогда придется объяснять экипажам, что и как, а это только еще больше накалит ситуацию. Нет, готовности номер один пока достаточно. Брешник, я полагаюсь на вас.

Повернувшись к погрузившемуся Гарстангу, командор внезапно улыбнулся.

— Что повесили голову, Джо? Я обещал вас отвезти в Нью-Йорк и не собираюсь давать отбой. Садитесь в машину и готовьтесь — вы увидите весь блеск и нищету Земли разом!

Глава 9

И блеск Земли казался ослепляющим. С приходом ночи узкие каньоны старого города превратились в реки фосфоресцирующего света, толпы празднующихся людей, казалось, плыли в самых различных направлениях. Над ними сияли облака паров натрия, которые заменили древние осветительные лампы, но реклама на фасадах домов оставалась по традиции неоновой. Такого фейерверка разноцветных огней Биррел не видел ни в одном другом мире Галактики.

Ему не нравилось это пиршество света, он привык к иному: факелам далеких звездных скоплений, мерцанию туманностей, маякам сверхновых... Огни Галактики были чинными, неторопливыми, они никогда не бросались назойливо в глаза, стараясь ослепить, никогда не смешивались с гомоном многотысячной толпы. Тишина и покой царили в космосе. Здесь же, в Нью-Йорке, брали верх шум людских голосов и грохот бесчисленных машин, не стихающие даже ночью.

Биррел уже жалел, что согласился на эту ночную экскурсию, на которую гостей пригласил Маллинсон. Дипломат обещал показать Лиллин немало любопытного из земной жизни,

и та согласилась с радостной улыбкой, искренность которой вызвала у Биррела большое сомнение. Зато Гарстанг был явно доволен, он изрядно нагрузился на званом ужине и горел желанием недурно провести время. В сопровождении двух землян, имен которых Биррел не запомнил, капитан неуклюже забрался на заднее сиденье лимузина и сразу захрапел. На его лице сияла безмятежная улыбка, не то что днем, когда они вдвоем выехали из космопорта, оставив Брешника на время командовать Пятой Лиры.

— Брешник — хороший офицер, — сказал тогда Гарстанг с недоброй усмешкой. — Он повинуетсЯ приказам и никогда не задает вопросов. Я полагаю, именно поэтому он и стал вице-командором.

— Возможно, — сухо ответил Биррел.

— Я отлично понимаю, почему никогда не займу эту должность, — продолжил Гарстанг, пытливо глядя на своего командира. — Я всегда задаю неприятные начальству вопросы. Например, мне хотелось бы узнать, почему мы должны привести эскадру в готовность номер один. Что, к дьяволу, произошло?

Биррел был готов взорваться и намылить командиру флагмана шею за излишнее любопытство, но ему в голову пришла более удачная идея.

— Вы разве не слышали, что говорилось об эскадрах Ориона? Они могут и на самом деле прилететь на празднование и сесть рядом с нами. Если наши парни и орионцы встретятся где-нибудь в городе, то потасовки не миновать, вы же сами об этом предупреждали. Пусть уж наши астронавты сидят у себя на кораблях и занимаются делом. Только скандалов нам не хватает!

— Скандалы? — делано удивился Гарстанг. — Да, это было бы неприятно. К сожалению, командор, не все думают, что дело обстоит так просто.

— Вот как? — резко сказал Биррел, нахмурившись. — И кто же думает иначе?

— Например, астронавты флота ОМ, — спокойно ответил Гарстанг. — Среди них ходят самые дикие слухи. Например, о том, что эскадры Ориона могут прилететь на Землю с той же целью, что и мы.

— И с какой же целью прилетели мы? — мрачно спросил Биррел.

— Для того, чтобы захватить ее, — мягко пояснил Гарстанг. Не выдержав, Биррел от души выругался.

— Да они просто олухи, эти земляне! — взорвался он. — Неужели мы привезли бы наших жен и детей?

— Есть мнение, что это просто прикрытие. Согласитесь, такие штучки вполне в духе нашего славного Фердиаса. Так или иначе, я рад, что остался старым холостяком, и сегодня намерен выпустить в городе пар. Как знать, быть может, это мой последний загул?

Биррел размышлял об этом разговоре, проезжая по ночным улицам Нью-Йорка.

Ситуация осложнялась даже больше, чем он предполагал. Одно дело, когда подозрения высказывают дипломаты, и совсем другое, когда они завладевают душами обывателей. Выходит, донесения Кэрша были точными, агенты Ориона действительно славно поработали на Земле. Надо как можно быстрее встретиться с этим человеком, он может многое объяснить и многое подсказать, решил Биррел. Но как это сделать, если Маллинсон буквально не дает ему свободно вздохнуть?

Наконец лимузин остановился, и Маллинсон повел гостей по заполненной толпами улице, давая насладиться атмосферой ночного Нью-Йорка. Прогулка получилась не из самых приятных. Давка была ужасная, людей было больше, чем днем. Воздух буквально кипел от гула голосов, шума машин и звуков музыки, лившейся на прохожих, казалось, из всех окон. В небе то и дело прокатывался гром — на космодром садилось очередное торговое судно.

Выйдя на обширную площадь, гости с Веги оказались в самой гуще веселья. Музыка здесь звучала беспрерывно, сотни пар танцевали, не обращая внимания на тесноту.

Среди землян Биррел увидел астронавтов в черной форме флота ОМ. Изредка встречались офицеры с Ксипехуз и Льва. Земляне оборачивались, провожая восхищенными взглядами Лиллин, чья экзотическая красота производила на них сильное впечатление.

— Что-то я не замечаю здесь никого из ваших людей, командор, — как бы между прочим обронил Маллинсон, внимательно глядя по сторонам. — Я думал, они все будут сегодня в городе.

Биррел любезно улыбнулся.

— Мы решили провести кое-какие ремонтные работы, так что многие члены экипажей сегодня заняты.

— Понимаю, — кивнул Маллинсон. — Ремонт — это очень важно, командор.

Он обернулся к Лиллин и стал как ни в чем не бывало рассказывать ей о земных блюдах и винах.

«Напрасно стараешься, дружок, — с насмешкой подумал Биррел. — Тебе ничего не удастся вывести о наших планах. Кстати, а почему нас сегодня не принял Чартерис? Чем он так занят?»

По предложению немного отрезвевшего Гарстанга они направились «слегка освежиться» в ближайший бар. Биррел поддержал предложение, назойливая музыка и толкотня стали ему надоедать. Все расселись за столиками в углу обширной комнаты, в которой было сравнительно немногочисленно, и с помощью Маллинсона стали заказывать закуски и вина. Гарстанг активно помогал хозяину, громогласно заявляя, что не грех прополоскать пересохшее горло.

Лиллин встречала смехом каждую шутку Маллинсона и казалась очень довольной. У Биррела же настроение было отвратительным. Отложив в сторону меню, он исподлобья осмотрелся и заметил в другом конце зала двух молодых офицеров в черной форме Объединенного флота. Один из них что-то сказал, дерзко глядя на него, и другой встретил эти слова хохотом.

Биррел покраснел от гнева и хотел было уже подняться со стула, как вдруг услышал в кармане своего кителя тонкий звон — кто-то вызвал его на порто.

— Извините, я сейчас приду, — сказал командор и не спеша направился в сторону туалета, ощущая спиной настороженный взгляд Маллинсона. Заперевшись в кабинке, он достал порто и, поднеся его к губам, тихо произнес: — Биррел слушает.

В порто зашуршало, защелкало, потом внезапно все стихло. Красная лампочка вызова погасла.

Биррел был озадачен. Только Брешик знал частоту, на которой работал передатчик. Сомнительно, чтобы вице-командор вызвал его шутки ради.

Командора охватила тревога. Он вспомнил, что его мог вызвать еще один человек — Кэрш. Но тогда почему он внезапно прервал связь?

Биррел набрал на панели переговорного устройства шифр Брешика и нажал кнопку «вызов». Через минуту послышался голос вице-командора:

— Брешик слушает, командор.

— Вы вызывали меня только что, Род?

— Нет, — удивленно ответил Брешик. — А что случилось?

— Ничего... Как дела с ремонтом?

— Почти все закончено.

— Отлично, — сказал Биррел и выключил порто.

Он вернулся в зал, еще более раздраженный, чем прежде. Проходя мимо двух земных астронавтов, которые все еще продолжали покатываться со смеха, Биррел не выдержал и резко обратился к сероглазому симпатичному на вид блондину:

— Недавно вы сказали что-то забавное на мой счет. Повторите, мы посмеемся вместе.

Молодой офицер озадаченно взглянул на него:

— Не понял.

— Вы смотрели на меня и мою жену и что-то со смехом о нас говорили. Что именно?

В глазах землянина промелькнул испуг — Биррел выглядел сейчас грозно.

— Я не хочу говорить об этом, веганин, — пробормотал он, отводя взгляд.

— Придется, — тихо произнес Биррел, сжимая кулаки.

Блондин посмотрел на своего не менее растерянного товарища, затем покраснел и с трудом выдавил:

— Как угодно, сэр. Я сказал приятелю: посмотри, этот веганин ведет себя здесь так, словно вся Земля принадлежит ему.

Это было настолько неожиданно, что Биррел сначала растерялся, а затем расхохотался. Что ж, будь он таким же неоперившимся юнцом, он сказал бы на месте этих парней приблизительно то же самое.

— Все верно, вы точно это заметили, приятель. Я ваш гость, и не больше. И как гость хочу угостить вас выпивкой.

Молодые офицеры с облегчением переглянулись.

— Спасибо, командор, — ответил блондин.

Биррел вызвал официанта и заказал бутылку вина, которую они и распили с офицерами-землянами. Затем он дружески пожал им руки и вернулся к своему столику, провожаемый удивленными взглядами молодых астронавтов.

— А вы умеете весело проводить время, командор, — заметил Маллинсон.

— Почему бы и нет? — усмехнулся Биррел, усевшись вновь рядом с женой.

Лиллин серьезно посмотрела на него. Казалось, она осознала, какой груз сейчас лежит на плечах мужа. Хотя Биррел надеялся, что она все-таки этого не понимала.

Он выпил рюмку, еще одну и еще, почти не отставая от разошедшегося Гарстанга. К столику стали подходить друзья

Маллинсона. С любопытством поглядывая на вегиан, они засыпали гостей вопросами. У Биррела не было желания отвечать, но Гарстанг, к его удивлению, был в форме и разливался соловьем, искусно обходя острые темы.

Столик слегка вздрогнул. Биррел насторожился, прислушиваясь. И ничего не услышал, кроме грохота музыки и шесте ног немногих танцующих пар.

Не успел он налить очередную рюмку вина, как через раскрытую дверь в бар вкатился отдаленный грохот, мощный, басистый, который невозможно было спутать ни с чем. Шум быстро нарастал. Немедленно протрезвевший Гарстанг тревожно взглянул на своего командора. Вскоре грохот стал таким сильным, что посуда на столике зазвенела.

— Эс-двадцать, — коротко сказал Гарстанг, когда шум стих, удалившись в сторону космодрома.

Биррел мрачно кивнул. Ошибиться было невозможно — такой звук мог принадлежать лишь современному тяжелому крейсеру.

Маллинсон пытливо глядел на вегиан, забыв о своей роли гостеприимного и остроумного кавалера. Через несколько минут над городом прокатился еще один могучий раскат грома, затем еще один и еще... Побледневший Биррел считал про себя, терзаясь мыслью — неужели прилетели эскадры Соллеремоса? Но Маллинсон должен был знать! И все же землянин за весь вечер не заикнулся об этом, и даже сейчас на его лице ничего не читалось.

Словно поняв его тайные мысли, Маллинсон поднялся и предложил Лиллин пойти потанцевать. Та неохотно согласилась, встревоженно поглядывая на мужа.

На космодром сел пятый крейсер, затем настала долгая пауза. Биррел начал успокаиваться. Пять крейсеров — это пустяки. Они могли просто сопровождать делегацию...

В небе раздался очередной удар грома. Шестой крейсер.

«Да, это эскадра Ориона, — подумал Биррел, — сомнений больше нет. Началось...»

Однако седьмого раската грома не последовало.

Вскоре к столу вернулись Маллинсон и Лиллин, разгоряченные быстрым танцем. Дипломат любезно усадил вегианку, затем сел сам и неторопливо допил бокал вина.

Биррел вопросительно смотрел на него, но землянин не спешил ответить.

— Что-то вы неважно выглядите, командор, — наконец сказал он, глядя на гостя с откровенной насмешкой. — Я по-

нимаю, здесь очень душно... Кстати, вы слышали шум в небе? Это прибыла официальная делегация с Персея. Мистер Чартерис поехал встречать ее на космодром.

Биррел мысленно выругался. Маллинсон явно получил удовольствие, наблюдая его растерянность. Хватит, надоело играть в эти дурацкие игры! Пора встретиться с Кэршем, иначе ему еще долго придется блуждать в полной темноте.

— Ясно, — кивнул Биррел, вымученно улыбаясь. — Работа — прежде всего. До праздника осталось всего несколько дней, и у членов Совета наверняка множество неотложных дел. Просто неудобно с нашей стороны отрывать у вас с мистером Чартерисом драгоценное время. Вы не против, если мы с женой на денек-другой отправимся в небольшую поездку?

— Поездку? — недоуменно переспросил Маллинсон.

— Вы, наверное, помните, я как-то говорил, что намереваюсь посетить старый дом моих предков. Лиллин, дорогая, завтра утром мы выезжаем. Обещаю, ты чудесно проведешь время на природе.

Лиллин кивнула, хотя ее взгляд оставался настороженным. Такая поездка не могла прийти ей по вкусу, но возражать мужу она не решилась.

— Ах да, вспомнил! — сердечно сказал Маллинсон. — Я предоставляю вам флиттер со своим личным пилотом.

— Я бы предпочел автомобиль, — мягко возразил Биррел. — Обожаю, знаете ли, сам вести машину и любоваться окрестностями.

К его удивлению, Маллинсон не стал возражать. Казалось, он был даже доволен тем, что Биррел на время уедет из города. Но почему?

«Кэрш мне все объяснит, — подумал Биррел. — Я заставлю его все объяснить!»

Глава 10

На следующее утро Биррел мчался по направлению к Орвиллу. Он уже почти жалел, что вчера так самонадеянно отказался от флиттера, предложенного Маллинсоном. Это казалось смешным, но командор могучей эскадры, облетевший пол-Галактики, растерялся на оживленной трассе.

Биррел давно уже не водил автомобиль, и никогда ему не приходилось нестись с такой скоростью по эстакадам среди тысяч других машин, дистанция между которыми не превы-

шала нескольких метров. Перед отъездом водитель Маллинсона еще раз предложил свои услуги, а когда услышал решительный отказ, только пожал плечами и сказал: «Вообще-то все автомашины оборудованы ограничителями скорости и радиодальномерами, исключающими столкновения, но... Но у нас полно лихачей, которые попросту отключают подобные устройства. Так что будьте осторожнее, командор».

Биррел и старался быть предельно осторожным, но что было от этого толку, когда, казалось, никто другой не заботился о правилах дорожного движения. Он вздохнул с облегчением только тогда, когда свернул, следуя карте, на одну из боковых эстакад, где автомобилей явно поубавилось.

Лиллин с самого утра была молчаливой и хмурой и всю дорогу демонстративно глядела в окно, хотя любоваться вокруг было решительно нечем. Биррел решил воспользоваться удобным случаем и объясниться:

— Милая, ты должна знать, почему я так рвусь навестить дом моих предков. Вчера мне не хотелось говорить об этом на глазах у Маллинсона...

— Ты не обязан мне ничего объяснять, — сухо ответила жена, не поворачивая головы. — В конце концов, Земля — это твой мир, здесь жили твои предки...

— Опять ты талдычишь о своем! — взорвался Биррел, побагровев от гнева. — Сколько можно повторять одно и то же? Да мне плевать, что в одном из пригородных поселков некогда жил мой прадедушка! Ладно, скажу тебе правду. Я еду в Орвилл потому, что так приказал Фердиас. Я не хотел говорить тебе об этом, но нет уже сил играть во все эти дипломатические игры.

Лиллин обернулась. Лицо ее немного прояснилось.

— Вот как, приказ Фердиаса? Но почему... Ты должен там встретиться с кем-то, верно?

— Да.

— И мне не положено знать об этом?

Он кивнул. Лиллин впервые за день улыбнулась ему.

— Слава богу, что дело обстоит именно так, а то я уже стала тревожиться. Ты ведь ничего мне не рассказываешь, Джей, и потому в голову лезут самые дурные мысли.

Биррел ласково погладил жену по плечу. Конечно, Лиллин нисколько не тревожили мысли об Орионе, ее чисто по-женски больше заботили личные переживания. Не пробудился ли часом в муже дух предков-землян, не оттолкнет ли это его от жены-вегианки? Нет, оказалось, что его действия были про-

диктованы какими-то политическими причинами. Хорошо, о таких пустяках можно не беспокоиться.

Следуя указаниям карты, Биррел свернул с боковой эстакады и выехал на наземную дорогу, ведущую к пригородам. Она была очень старой, местами потресканной и почти пустынной, так что он с удовольствием снизил скорость.

Мимо проплывали небольшие поселки, холмы, озера, окруженные рощами. Некоторые из деревьев были знакомы Биррелу, их семена некогда завезли с Земли первые переселенцы на другие миры, но большинство он увидел впервые. Это же относилось и к домам — почти все были типовыми, такие можно встретить на любой обитаемой планете, но изредка встречались и старые каменные здания, выглядевшие словно мрачные крепости. А однажды они с Лиллином не смогли удержаться от изумленных возгласов, когда увидели дом из чистого дерева.

Чем дальше они удалялись от Нью-Йорка, тем чаще встречались архаичные здания церквей, каменные изгороди, покрытые вьющимися растениями, обширные поля, заросшие какими-то злаками. Порой на них можно было увидеть трактора, точно такие же, как на Альюеларане или Сириусе. По-видимому, на Земле существовало развитое сельское хозяйство, и это Биррела ничуть не удивило — то же самое можно было сказать о большинстве обитаемых миров. Синтетическая пища недурна на вкус, но ей не сравниться с натуральными продуктами, потому профессия фермера оставалась одной из наиболее распространенных в Галактике.

Биррел вспомнил слова Чартериса, сказанные в первый вечер после прилета Пятой Лиры. «Вы найдете Землю и ее жителей очень старомодными, командор. Не удивляйтесь, это объясняется нашей глубокой эмоциональной связью с прошлым. Наша планета когда-то была центром Галактики, и хотя многие из секторов забыли об этом, земляне не могут примириться с переменами и из чувства протеста не желают ничего менять — ни дома, ни машины, ни образ жизни. Не спешите нас судить, а лучше постарайтесь понять — вы ведь тоже для нас не чужой».

Маленькая птица пролетела прямо перед машиной и скрылась в придорожных кустах.

— По-моему, это была малиновка, — сказал Биррел. — В школе некогда мы учили древнюю поэму о Робине Красногрудом, и я помню иллюстрацию с этой птицей.

— Наша вегианская птица-пламя куда красивее, — возра-

зила Лиллин. — Но знаешь, Джей, мне здесь нравится, не то что в этом ужасном Нью-Йорке. Голубое небо, золотистое солнце, много зелени, воды... Приятный мир. Не Вега-4, конечно, но он очень мил.

Они съехали с маленького холма и, миновав мост над рекой, оказались в Орвилле. Это был небольшой поселок с несколькими десятками домов, добрых две трети из которых составляли старые, изрядно обветшалые здания. Посреди круглой площади возвышалась позеленевшая от времени статуя какого-то воина. Рядом среди цветников на скамейках отдыхали старики, греясь на солнышке.

Биррел остановил машину около торговца, сидящего на ступеньках лавки, и стал расспрашивать о дороге к дому своего прадеда. Землянин путано объяснял ему, как проехать к старой ферме, а затем, поднявшись, с изумлением посмотрел им вслед. Ему нечасто приходилось видеть таких странных гостей в тихом, сонном поселке: мужчину в серебристо-синей форме космолота Лиры и ослепительно красивую вегианку.

— Неужели отсюда началось завоевание Галактики? — недоуменно спросила Лиллин, глядя на пустынные улицы и дремлющие дома.

— Да, отсюда все началось, — сказал Биррел, почувствовав нечто вроде укола обиды за Орвилл. — Согласен, этот поселок выглядит очень бедно. Но именно Земля некогда отдала другим планетам множество своих лучших людей, денег и других ресурсов. Вспомни, как выглядела твоя родная Вега до прибытия первых звездных кораблей. И какой она стала теперь! Галактика в большом долгу перед такими поселками и деревушками и что-то не спешит эти долги отдавать.

Лиллин промолчала, недовольно поджав губы.

Вскоре они выехали из Орвилла на сельскую дорогу, которая вела в обширную долину, окруженную грядами холмов. Впереди появились первые фермы, разделенные небольшими рощами. Поля были тщательно ухожены, старые каменные дома утопали в зелени дубов и вязов, около обширных сараев стояли трактора и комбайны. Людей почти не было видно. Миновав шестую по счету ферму, Биррел свернул налево и, проехав пару сотен метров по грунтовой дороге, остановился.

Дом Биррелов напоминал небольшую мрачную крепость, сложенную из грубо обтесанных камней. Даже по сравнению с другими зданиями Орвилла он выглядел заброшенным и обветшалым.

Его окружали высокие деревья с пышными кронами — ка-

жется, они назывались соснами. Лужайка перед фасадом заросла высокой пожухлой травой, среди которой едва была видна узкая дорожка, посыпанная песком. Налево от дома располагался фруктовый сад из узловатых деревьев, а направо возвышался большой дощатый амбар. Никаких признаков присутствия людей не было заметно.

— Ты уверен, что это то самое место? — недоуменно спросила Лиллин.

Биррел кивнул.

— Агент Фердиаса купил этот дом, чтобы мы могли встречаться без помех. Он должен ждать меня где-то здесь.

Супруги вышли из машины и направились в сторону дома. Поднявшись на открытую веранду, они подошли к массивной двери, сделанной, как ни странно, из дерева. Биррел нажал на кнопку звонка, затем подождал и еще раз позвонил. Никто не вышел им навстречу, и тогда Биррел решительно толкнул дверь. Она открылась с легким скрипом. Супруги вошли в дом.

Пройдя через темный коридор, они оказались в довольно просторном и необычном холле — стены были отделаны деревом, мебель была также деревянной, обтянутой кожей, бросалась в глаза едва ли не музейная архаичность. Вокруг было удивительно тихо.

— Посмотри, Джей, что это? — с удивлением спросила Лиллин. Она коснулась рукой странного кресла, на ножках которого были закреплены полукруглые дуги, и оно закачалось взад-вперед. — Это кресло похоже на детскую игрушку, но, по-моему, слишком велико для ребенка.

— Понятия не имею, что это такое, — отозвался Биррел. — И где человек Фердиаса, тоже.

Он громко позвал хозяина. Никто не отозвался. Тогда, отбросив церемонии, командор обошел все комнаты и даже заглянул на обширный чердак, но везде было пусто.

Биррел почувствовал растущую тревогу. Может быть, он сделал какую-нибудь ошибку в плане, столь тщательно продуманном Фердиасом? Где Кэрш, который должен прояснить ситуацию и дать новые указания от имени губернатора? А если агент куда-то исчез, то кто сообщит ему о действиях Ориона?

Ответов на эти вопросы он не нашел и в конце концов с растерянным видом вернулся в холл, где Лиллин с любопытством разглядывала необычную мебель.

— Надо подождать, — после некоторого размышления сказал Биррел. — Человек Фердиаса должен появиться. Он оста-

вил дверь открытой, зная, что мы придем. Значит, он где-то неподалеку.

— Ты хочешь сказать, что нам придется здесь ночевать? — вздрогнула Лиллин. — Но еда... кровати...

— Пойдем посмотрим, — буркнул Биррел.

Они нашли в одной из комнат две старомодные кровати, на которых было постелено свежее, несмятое белье и лежали теплые шерстяные одеяла. Затем заглянули на кухню и обнаружили во вполне современном холодильнике различные полуфабрикаты в пластиковых оболочках.

— Похоже, Кэрш основательно подготовился к нашей встрече, — глухо сказал Биррел, разглядывая этикетку на запотевшей бутылке вина. — Только почему-то сам забыл прийти. Мне это чертовски не нравится.

Лиллин успокаивающе улыбнулась ему и принялась готовить обед, а командор вышел из дома и обошел двор. Травянистая лужайка незаметно перешла в давно заброшенные поля, заросшие кустарником и невысокими деревцами. В старом амбаре сохранились остатки полусгнившего сена, сараи и другие хозяйственные постройки были пусты.

Расстроенный Биррел вернулся в дом и помог Лиллин справиться с древней кухонной мойкой, которая решительно не хотела мыть посуду. Кухонная мебель ему особенно не понравилась, и даже солнечные лучи, проникающие сквозь запыленные окна, не делали ее привлекательной.

Заметив кислую гримасу на лице мужа, Лиллин улыбнулась.

— Здесь не так плохо, Джей, — сказала она. — В старине есть свое очарование, но эта грязь... Пойдем пообедаем на веранде, там по крайней мере воздух почище.

Они устроились за круглым столом и стали не спеша есть, поглядывая на залитую солнцем лужайку, полную незнакомых цветов.

Сельскую идиллию, впрочем, довольно скоро разрушили крылатые насекомые, которые стали назойливо виться вокруг стола, норовя усесться прямо в тарелки. Биррел едва успевал отмахиваться от них, тихо ругаясь, а Лиллин, глядя на него, покатывалась от смеха.

Пообедав, супруги устроились в креслах и стали молча наблюдать за угасающим днем. Солнце быстро спускалось к гряде далеких холмов, окрашивая западную часть неба в пурпурные тона. Рядом громоздились розовые бастионы облаков — таких громад Биррел не видел ни на одной планете.

Когда воздух напитался серыми сумерками, из высокой травы появилось маленькое грациозное животное, черное как смоль, пушистое, с зеленоватыми глазами. Оно замерло возле амбара и стало с любопытством глядеть на людей.

— Кто это? — тихо спросила Лиллин. — Неужели дикое существо?

Биррел порылся в памяти — животное было явно знакомо ему.

— Это кот, вот что это такое, — наконец сказал он. — На одном из моих кораблей одно время служил землянин. Так он однажды привез из отпуска с Земли маленького котенка и держал его несколько лет на базе. Он называл зверька Томом.

Биррел взял кусочек ветчины и бросил его на ступеньки крыльца.

— Сюда, Том, кис-кис.

Кот осторожно двинулся вперед, не сводя с людей холодного взгляда. Схватив еду, он мигом исчез среди травы.

Пришел вечер, Кэрш так и не появился. Было ясно, что он сегодня не придет. А завтра? Биррел не сказал Маллинсону, сколько времени собирается пробыть в доме своего прадеда, но надолго эскадру оставлять было нельзя. Кто знает, где сейчас находится флот Ориона, не движется ли он к Земле? Но и уезжать из Орвилла, не встретившись с агентом Фердиаса, было невозможно. Так что же делать?

Биррел безуспешно ломал голову над этой задачей с двумя неизвестными, когда Лиллин неожиданно пришла ему на помощь.

— Быть может, этот человек ждет тебя в поселке? — сказала она, сочувственно глядя на мужа. — Мы могли разминуться с ним по пути.

Биррел с готовностью ухватился за эту соломинку.

— Да, ты права, милая, нужно съездить в Орвилл! — воскликнул он и поднялся из кресла. — По крайней мере я смогу что-нибудь разузнать о Кэрше, не может быть, чтобы местные жители ничего о нем не знали. А ты останься в доме. Вдруг он еще придет?

— Хорошо, — сказала Лиллин, с сомнением оглядываясь по сторонам. Ее явно не радовала перспектива остаться глубоким вечером одной в пустом незнакомом доме.

— Тебе не будет страшно? Я оставлю на всякий случай шокер. Не беспокойся, я скоро вернусь, — сказал Биррел и, чмокнув жену в щеку, быстро сбежал по ступенькам. Сердце его

сжималось от тревоги, но он не оглянулся, торопливо шагая к автомобилю.

Он обязан найти Кэрша, обязан!

Глава 11

Биррел ехал по темной пустынной дороге, направляясь к Орвиллу. Он даже не заметил, когда въехал в него — настолько вокруг оставалось тихо и безлюдно. Окна в большинстве домов были темными, и только уличные фонари рассеивали мрак безлунной ночи. Все магазины и лавки были закрыты, прохожие исчезли. Казалось, Орвилл уже спал в эту тихую летнюю ночь.

Проехав площадь с дремлющей статуей воина, Биррел свернул на первую же попавшуюся улочку и вскоре увидел неоновую рекламу небольшого бара. Из широко раскрытой двери доносились голоса.

Приободрившись, Биррел остановил машину. Вряд ли лучший агент Фердиаса коротает здесь время, сидя за кружкой пива, но этот бар был единственным местом в поселке, где еще теплилась жизнь. Кроме того, Биррелу чертовски хотелось выпить, снять накопившееся напряжение.

Он вошел в серую от табачного дыма комнату и некоторое время простоял у двери, осматриваясь.

За столом сидели человек десять, неспешно беседуя и потягивая вино из высоких бокалов. Увидев незнакомца, они сразу же замолчали. Биррел пошел в сторону стойки бара, провожаемый удивленными взглядами. Бармен, худой суетливый человек с бесцветными глазами и коротко стриженным ежиком волос, встретил его любезной, но несколько настороженной улыбкой.

— Рад вас видеть, мистер. Чем могу служить?

Биррел скользнул взглядом по рядам бутылок с яркими этикетками. Названия вин ему ровным счетом ни о чем не говорили.

— Выберите сами, пожалуйста. Что-нибудь покрепче.

Бармен налил ему полбокала изумрудного ликера. Вкус Биррелу не понравился. Не отходя от стойки, он неспешно потягивал огненное вино и оглядывал сидящих в зале местных жителей. Кэрша, естественно, среди них не было.

Большинство посетителей напоминали фермеров или механиков — загорелые, добродушные, с грубо вытесанными

лицами. Среди них выделялось двое юношей, перед которыми стояли кружки с пивом, и маленький старик с морщинистым лицом и светлыми глазками. Он беззастенчиво оглядывал неожиданного гостя с головы до ног и ухмылялся.

Биррел не увидел ни одного недружелюбного лица, но интерес к нему у сельчан быстро пропал, и они, отвернувшись, продолжали свои неспешные беседы. Пора уходить, тем более что Лиллин одна в темном доме.

Он допил ликер, поставил бокал и, щедро расплатившись, направился было к двери, когда старик неожиданно встал из-за стола и, заметно прихрамывая на левую ногу, преградил ему путь.

— Прошу прощения, мистер, но не вы ли тот парень, который днем расспрашивал дорогу к дому старого Биррела?

Биррел кивнул.

— Да, я.

Старик продолжал стоять, словно ожидая объяснений. Случись подобное в городе, Биррел непременно бы вспылil и сказал что-нибудь типа: «А вам какое до этого дело?» Здесь, в сельской местности, нравы были другими, и каждый местный житель, по-видимому, считал своим исконным правом задавать любые вопросы незнакомцам, вторгшимся в их края. Уклонись сейчас Биррел от ответа, назавтра об этом будет говорить вся округа, а это ему совершенно ни к чему.

Добродушно улыбнувшись, он пояснил:

— Видите ли, моя фамилия тоже Биррел. Мой прадед был выходцем из этих мест. Я хотел взглянуть на наше старое родовое гнездо, только и всего. Простите, мистер, мне пора идти.

Биррел шагнул к двери, но из-за стола вышел коренастый мужчина и дружелюбно протянул ему руку.

— Выходит, вы наш земляк, мистер? Здорово! Рад с вами познакомиться. Меня зовут капитан Винсон.

— Командор Биррел. Очень приятно, однако мне пора...

— Куда спешить, приятель, ведь ночь только начинается! — прогудел Винсон и хлопнул гостя по плечу. — Присаживайтесь к нам, я угощу вас выпивкой. Не каждый день кто-то из них возвращается из дальних краев, верно, ребята? А ведь вы, Биррел, судя по вашей форме, прилетели с Лиры? Надо за это выпить как следует.

Биррел не мог отказаться от такого радушного приглашения. Он присел за столик Винсона, и пошло-поехало.

Винсон познакомил его со всеми завсегдатаями бара, и с каждым Биррелу пришлось выпить. Он услышал много при-

ятных слов, и его сердце потеплело. Вскоре в бар пришли еще двое мужчин и тоже, естественно, захотели выпить за «отличного парня из Орвилла, который теперь живет на Веге». Вслед за ними в зал вошел бородатый фермер, затем заявили двое пожилых рабочих с лесопилки...

Ему и раньше не раз приходилось видеть, как быстро земляне находят общий язык, встретившись где-нибудь на Бетельгейзе. Слово «земляк» было для них священным, и уже через пять минут совершенно незнакомые до этого люди вели себя словно закадычные друзья. На других планетах все было иначе. Биррелу никогда не нравилась эта подчеркнутая клановость землян, но сейчас он был растроган, что его приняли за своего. Больше ста лет прошло с тех пор, как его прадед оставил Солнечную систему, а к правнуку отнеслись, словно к давнему приятелю. Это к нему, Биррелу, который до вчерашнего дня никогда не видел Землю!

Пора было уходить. Кэрша в баре не оказалось, Лиллин ждала его, но каждый раз, когда он пытался подняться, в дверях появлялся очередной посетитель, и Винсон заплетающимся языком представлял: «Мистер Биррел, поглядите на этого олуха. Это Джим Ховик, он живет в полумиле на север от вашего старого гнезда и корчит из себя скотовода. Да он овцу от козы отличить не может! Эй, Джим, познакомься с нашим земляком с Веги!» «А этот долговязый старикан — сам Пит Парли, который помнит последних из Биррелов, живших в Орвилле». И так далее, в том же духе. Каким-то образом жители поселка прознали, что в баре сидит их земляк со звезд, и косяком валили поглазеть на такую достопримечательность. Не все эти люди были фермерами, а трое даже некогда совершали вояжи на ближайшие звезды по служебным делам, но Биррел был для них настоящей диковинкой.

Наконец он собрался с духом и, поблагодарив своих новых приятелей, побрел к двери. Ноги его заплетались, но настроение было отличное. У выхода он обернулся.

— Прошу прощения, друзья, мне надо ехать. Жена ждет, сами понимаете!

Нестройный хор голосов пожелал ему доброй ночи. Винсон натянул на голову шляпу и поспешил вслед за Биррелом.

— Если не возражаете, мистер, я поеду домой с вами. Это чуть не доезжая до вашей фермы.

Биррел не возражал, хотя мысленно послал назойливого фермера куда подальше. Через несколько минут они уже ехали по улицам ночного поселка, но он уже не спал, нет! Окна

почти всех домов светились, из распахнутых форточек лились звуки музыки, люди сидели на лавочках и о чем-то оживленно беседовали. Увидев машину Биррела, они приветливо махали ей вслед.

Биррел помрачнел. Весь хмель выветрился из его головы при мысли о том, как славно он начал свою секретную миссию в Орвилле. Кэрша не нашел, зато теперь каждая собака в округе будет знать его имя!

Дом Винсона оказался четвертым по дороге. Выйдя из машины, фермер долго и прочувственно тряс Биррелу руку, глядя на него слезящимися глазами.

— Даже не верится, приятель, что вы прилетели с одной из этих далеких звезд! И только для того, чтобы взглянуть на нашу маленькую планетку...

— Галактика тоже не так велика, как кажется со стороны, — вежливо ответил Биррел.

Винсон кивнул.

— Это верно. Выходит, наша старушка Земля кое-что значит, раз на нее слетелось столько важных птиц вроде вас! Ну, пока, рад буду видеть вас у себя в гостях. Доброй ночи!

Когда Биррел поехал дальше, из-за темной стены небольшого леска поднялось серебристое сияние. Не сразу он понял, что это была местная луна.

Издалеко она выглядела не очень приятной — уж слишком была пятнистой, но именно она вдохновила древних поэтов на создание нетленных шедевров, известных ныне всей Галактике. В школе Биррел учил много прекрасных стихотворений, посвященных крошечному спутнику Земли, и вот теперь впервые увидел луну — нет, Луну! — своими собственными глазами.

Теплый ветерок дул в лицо, и вскоре он почувствовал запах каких-то чудесных цветов. Быть может, это те самые волшебные «розы», о которых ему приходилось столько читать? Или это аромат жасмина?

Биррел и сам удивился тому, как много знал о Земле, хотя в основном это были знания, вычитанные из книг. Ни на одной другой планете не росли розы, жасмин или сосны, но он знал о них и теперь увидел или вскоре еще увидит. Причем не возникало ощущения, что это что-то чужое; нет, ему казалось, что он просто вспоминает то, о чем по каким-то причинам забыл. И эта дорога, залитая серебристым светом, казалась ему также знакомой. А почему бы и нет — ведь когда-то по ней ходил его прадед!

Наконец впереди появился знакомый поворот. Машина, качнувшись, въехала на грунтовую дорогу. Вскоре из-за деревьев выглянул старый дом. Он был окутан тьмой, и только на веранде светились две лампы. Лиллин сидела в кресле, закрывшись теплым пледом. Биррел вздохнул с облегчением.

К его удивлению, жена не стала упрекать его за долгое отсутствие и, мягко говоря, не совсем трезвый вид. Казалось, она все поняла и без расспросов.

— Никто не приходил, — сказала она, ласково глядя на смущенного мужа. — Садись, ты же едва на ногах держишься.

— Прости, милая, мои земляки оказались слишком гостеприимными людьми, — объяснил Биррел, осторожно опустившись в кресло. — Однако они и слухом не слыхивали о Кэрше.

— Что же нам теперь делать?

Биррел пожал плечами.

— Остается только одно — ждать. Брешиник как-нибудь справится с Пятой, а что касается моей официальной роли посланника Лиры, то я сыт ею по горло. Уж лучше мы отдохнем здесь.

Лиллин ничего не ответила и только потеплее закуталась в плед. Они сидели молча, глядя во тьму, и думали каждый о своем. Через некоторое время Биррел заметил, что над землей летят какие-то искры. Не сразу он понял, что это какие-то светящиеся насекомые.

— Что это? — спросила Лиллин. — Ты видишь, Джей?

— По-моему, светлячки, — не очень уверенно ответил он и внезапно подумал: «Откуда я знаю это слово? Не помню, чтобы я где-то раньше слышал его».

Он едва не вздрогнул, когда из темноты вновь вынырнул черный зверек и, пробежав по лестнице, внезапно прыгнул ему на колени.

— А это еще что?

Кот глядел на него круглыми зелеными глазами и мирно урчал.

— Он, должно быть, ручной, — заметила Лиллин, с улыбкой глядя на забавного зверька.

— Наверное, принадлежал последнему хозяину дома, — согласился Биррел и погладил кошку спину. Тот наполовину закрыл глаза и замурлыкал. — Нравится, Том?

В ответ тот растянулся на его коленях и широко зевнул. Лиллин рассмеялась и сделала вид, что хочет шелкнуть его по носу.

С невероятной быстротой кот прыгнул на пол, недовольно блеснул глазами и исчез среди травы на лужайке.

— Каков чертенок, а? — рассмеялся Биррел и только тогда увидел, как исказилось болью лицо жены.

— Лиллин, что случилось? Кот поцарапал тебя?

Она покачала головой, едва сдерживая слезы.

— Нет. Но он... он боится меня и ненавидит, — прошептала она. — Зверек почуял во мне чужую.

Биррел вздохнул с облегчением.

— Только и всего? Кот просто очень осторожен и, увидев, как незнакомая женщина тянется к нему рукой...

— Но он же не испугался тебя! — почти истерично воскликнула Лиллин, закрыв лицо руками. — Нет, он почувствовал, что я не такая, как остальные люди. Не такая!

Биррел ласково обнял жену за плечи, мысленно проклиная Тома. Надо было угостить его не ветчиной, а хорошим камешком...

Он взглянул вслед кошке и насторожился. Кот был уже на небольшой полянке возле амбара, направляясь к растущим неподалеку кустарникам. Внезапно он остановился и, повернувшись, помчался прочь, словно чего-то испугавшись.

«А ведь Том отшатнулся от куста точно так же, как от Лиллин, — подумал Биррел. — Быть может, там, в тени, прячется еще один чужак?..»

Он прислушался, но никакого подозрительного шума не было. Его мускулы напряглись. Кэрш не мог ждать встречи с ним, сидя в кустах возле амбара. Если же там действительно кто-то скрывается, то это может быть только...

Биррел встал и, потянувшись, беззаботно сказал:

— Дорогая, ты просто устала. Пойдем в дом, нам пора ложиться спать. А я, пожалуй, еще пропущу рюмочку-другую на сон грядущий.

Они вошли в дом, и Биррел тщательно закрыл за собой дверь. От его благодушного вида не осталось и следа. Приложив палец к губам, командор бросился в спальню, таща за собой недоумевающую жену, и, открыв шкафы, сбросил на пол постельное белье.

— Оберни одеяла вокруг головы, быстро!

Лиллин была своенравной женщиной и не привыкла повиноваться без вопросов. Она открыла было рот, но Биррел решительно набросил на нее одеяло и, торопливо обматывая его вокруг головы, тихо сказал:

— Кто-то прячется во дворе. Они наверняка используют

соник, чтобы захватить нас без шума. Надо хоть как-то закрыться. Возьми еще одеяло...

Он толкнул жену на пол и лихорадочно закутал свою голову сразу в два шерстяных одеяла. Затем тоже упал на пол и стал ждать.

Ничего не происходило. Биррел покрылся потом. Он подумал, что скажет ему жена, если ничего так и не случится. Том, не исключено, испугался какого-то другого животного; тогда ситуация сложилась нелепая и смехотворная.

И все же рисковать было нельзя.

Серия отрывистых, едва слышимых звуков заполнила комнату. Зазвенели стекла в окнах, загремела посуда в кухонном шкафу. Звуковой луч соника медленно двигался вдоль дома, подбираясь к спальне. Наконец он ударил по лежащим на полу людям. Лиллин издала болезненный крик и попыталась встать на ноги, но муж удержал ее силой. Они оба почувствовали болезненное головокружение и сильную тошноту. В мозг каждого из них словно бы вонзились тысячи игл. Ультразвуковой луч соника действовал непосредственно на нервную систему человека и быстро приводил его в бессознательное состояние. Даже через многие слои плотной шерстяной ткани чувствовалось его парализующее действие.

Шок внезапно прошел. Биррел продолжал неподвижно лежать на полу, его рука удерживала Лиллин, не давая ей подняться. Жена корчилась от боли и всхлипывала, но он знал, что опасность еще не миновала. Он сам не раз использовал соник в критических ситуациях и отлично понимал, что последует дальше.

Через несколько минут последовал еще один удар, и дом вновь наполнился возмущенным звяканьем посуды. Лиллин обмякла под его рукой, а сам Биррел едва не заорал от боли. Затем ультразвуковой луч погас.

Издалека слышался лай собак. Конечно же, они были взбуждены соником и теперь не скоро успокоятся. Но никто из живущих по соседству фермеров даже не подозревал, что на старой ферме Биррелов пришельцы со звезд сошлись в невидимой, смертельно опасной схватке.

Глава 12

После третьего, самого болезненного удара соника Биррел сел и стал стягивать с себя одеяла. Он весь дрожал, сердце за-

ходило от бешеных ударов, пересохший рот жадно ловил воздух.

Освободившись, Биррел помог сделать то же самое жене.

Лиллин выглядела ужасно, но сознания, к счастью, не потеряла. Биррел слабо улыбнулся, и она ответила ему тем же.

— Где шокер? — еле слышно спросил он.

— В холле на столе. Будь осторожен, милый.

Он кивнул и пополз в сторону холла. Шокер действительно лежал на массивном столе из резного дерева. Взяв его, Биррел спрятался в темном углу за шкафом и стал ждать.

Вскоре со стороны веранды послышались шаги. Кто-то уверенно поднимался по ступеням лестницы. Входная дверь со скрипом распахнулась, и незнакомец вошел в холл, держа в руке шокер.

Это был Таунцер. Он был одет по земной моде в короткую куртку и широкие брюки, заправленные в высокие кожаные башмаки. Вслед за ним появился незнакомый Биррелу немолодой мужчина, коренастый, седой, с грубо вылепленным лицом и маленькими настороженными глазками. На его плече висела пухлая сумка. В отличие от Таунцера незнакомец выглядел далеко не так уверенно и настороженно озирался по сторонам, словно ожидая засады.

Биррел не дал неожиданным гостям времени привыкнуть ко мгле, царящей в холле. Он поднял шокер и нажал на спусковой крючок.

Таунцер каким-то звериным нюхом учуял опасность, хотя и смотрел в другую сторону. Он сделал отчаянный прыжок к двери, но Биррел тоже не был новичком и сумел срезать его первым же выстрелом.

Коренастый мужчина раскрыл рот от изумления и засунул руку в карман, однако вынуть оружие не успел — Биррел угодил его двумя парализующими выстрелами. Застонав, незнакомец рухнул на пол.

— Они... они умерли? — спросила Лиллин. Она появилась в проеме двери и с ужасом смотрела на неподвижные тела.

— Ты должна была остаться в спальне! — яростно воскликнул Биррел. — Я же приказал тебе не двигаться с места!

Лиллин нахмурилась. Она не привыкла, чтобы на нее кричали, и Биррел сдержал свой гнев.

— Мы не на границе сектора, — уже более спокойным тоном сказал он. — Ох, до чего бы я хотел, чтобы эта схватка произошла там, где можно особенно не церемониться с врагом! Увы, мы на Земле, и эти люди всего лишь без сознания.

— Кто они такие?

— Агенты Ориона. Тот, кто повыше, недавно ловко поймал меня в ловушку на одной из пограничных планет. Я тогда еле унес ноги, но этот тип пообещал со мной расквитаться. Как видишь, он не бросал слов на ветер. Жаль, что я ввязал тебя в это опасное дело.

— Какое дело? — спросила жена, пытливо глядя на него. — Ты же говорил, что мы прилетели сюда развлекаться на празднике.

— Вот мы и развлекаемся, — тихо ответил Биррел, сжимая ручку шокера. — Подожди здесь, я обойду дом на всякий случай.

Он вновь прошел все комнаты, но ничего подозрительного не обнаружил. На чердаке он нашел моток изолированной проволоки и, вернувшись в холл, связал руки сзади у обоих орионцев. Затем обыскал их карманы.

В кармане приземистого мужчины действительно оказался шокер. В объемистой сумке находился округлый прибор, напоминающий прожектор, со сложенным телескопическим треножником. Это был переносной вариант «детектора правды», который однажды Таунцер уже собирался использовать против командора.

Биррел протянул жене шокер.

— Следи за ними. Я скоро вернусь.

Выйдя во двор, он при свете карманного фонаря тщательно обыскал лужайку перед домом и в кустах около амбара обнаружил тяжелый соник, широкий раструб которого был навешен на дом.

Биррел постоял некоторое время, прислушиваясь, однако ничего не услышал, кроме монотонного стрекотания насекомых. Никого из людей видно не было. Очевидно, Таунцер и приземистый мужчина пришли вдвоем.

Но как они притащили тяжелый соник на своих плечах? Где-то неподалеку должен находиться флиттер или автомобиль. Странно, никакого шума ни он, ни Лиллин не слышали, значит, машина находится неблизко. В любом случае в такой темноте бесполезно рыскать по незнакомой местности.

Биррел вернулся в дом, мрачный и задумчивый.

— Они приходят в себя, — нервно сказала Лиллин.

Она сидела в кресле и раскачивалась взад-вперед на его дугообразных опорах, так что доски пола тихонько поскрипывали.

— Джей, я поняла, это кресло-качалка. Очень приятная вещь, у нас на Веге таких нет.

— А меня этот скрип только раздражает, — внезапно сказал Таунцер, открыв глаза.

Биррел понял, что агент давно пришел в себя, только не спешил это обнаружить, пока не изучил ситуацию.

— Что делать, Таунцер, видимо, ничего, кроме неприятностей, я принести вам не могу, — любезно сказал Биррел, усевшись на диване. — Давно пора это усвоить.

Таунцер с трудом сел, опираясь на связанные руки.

— Не могу понять, командор, как вы ухитрились уйти от удара соника, — глухо сказал он, спокойно глядя на Биррела.

— Меня предупредил один мой друг по имени Том, — пояснил Биррел, усмехаясь. Таунцер озадаченно взглянул на него, но промолчал. — А теперь, когда я удовлетворил ваше любопытство, Таунцер, мне тоже хочется кое-что узнать. Как вы меня выследили?

— Очень просто. Командир Пятой Лиры — заметная персона, даже в громадном Нью-Йорке. Мы следовали за вашей машиной до Орвилла, только и всего.

Биррел в сомнении покачал головой.

— Вряд ли вы говорите правду, Таунцер. Если бы дело обстояло так, вы давно уже напали бы на меня. И без труда могли бы захватить мою жену, которую я легкомысленно оставил на несколько часов одну. Нет, вы явно скрывались где-то неподалеку и пришли сюда к полуночи, рассчитывая, что я уже засну. Где-то рядом находится ваша база, но где? И как вы узнали про Орвилл?

Таунцер только усмехнулся в ответ.

Биррел задумался. Никто не знал о том, что эта старая ферма выбрана для его встречи с Кэршем, кроме Фердиаса и самого агента. Кэрш не пришел на свидание. Наверняка это агент пытался связаться с ним прошлой ночью, но что-то или кто-то ему помешал. И этот «кто-то» сидел сейчас на полу в холле с довольно спокойным видом, как будто его руки и не были связаны, а шокер не был направлен в его голову.

Кэрш мертв, это ясно. Биррел почти не знал этого седого молчаливого человека и тем более не был его другом. Да и вряд ли у секретного агента Фердиаса вообще были друзья — его профессия не располагала к откровениям. И все же жаль, что он нашел свою смерть здесь, за десятки парсеков от родного дома, от руки безжалостного убийцы.

Пальцы Биррела сами собой сжались на спусковом крючке

шокера. Три выстрела подряд, и справедливость будет восстановлена. Око за око! Но он сдержался. Смерть Таунцера ничего ему не давала, кроме удовлетворения, а это было бы сейчас недопустимой роскошью. Таунцер должен много знать о планах Ориона, очень много...

Коренастый мужчина застонал, пошевелился и с явным трудом разлепил набрякшие веки. Он посмотрел на Биррела долгим, хищным взглядом, в котором читалась неприкрытая угроза. Этот человек был очень опасен, но сейчас фортуна от него отвернулась.

— Вы не имели права напасть на меня, — басисто сказал он и закашлялся. — Я... я гражданин Земли, а вы здесь чужак! Я буду жаловаться! Мой адвокат...

— Заткнись, Харпер, — процедил сквозь зубы Таунцер.

Землянин злобно взглянул на него, но промолчал.

Биррел внезапно спросил:

— Вы ведь поймали Кэрша прошлой ночью и убили его?

Таунцер и глазом не моргнул.

— Что, что мы сделали?

Но Харпер не умел так владеть собой, как орионец. На его лице на мгновение появилась жесткая улыбка, и Биррел заметил ее.

Сомнений не оставалось — Кэрш был мертв. Таунцер победил в очной схватке знаменитого агента Фердиаса. Наверняка он парализовал Кэрша соником, а затем с помощью «детектора правды» выудил все, что мог.

Впрочем, вряд ли ему удалось многое узнать. Кэрш блестяще владел искусством самогипноза и, по словам Фердиаса, мог в любой ситуации быть немым, как могила. Увы, теперь он в буквальном смысле замолк навсегда.

Биррел понял, что попал в катастрофическое положение. Ситуация на Земле оказалась куда сложнее, чем он предполагал. Флот Ориона мог нагрянуть в любой момент, а Кэрш погиб. Кто объяснит ему теперь, как действовать? Закрытой связи с Фердиасом нет — до Веги было слишком далеко, а пользоваться обычными линиями связи, даже с помощью шифрограмм, крайне опасно. Земляне явно не доверяли ему, и обмен такими посланиями мог обострить и без того сложные их отношения.

Оставалось одно — действовать на свой страх и риск. Таунцер не случайно напал так нагло — видимо, ситуация резко обострилась, и скоро Земле станет не до пропавшего командора Пятой Лиры. Но на что рассчитывал агент?

— Как видите, мы поменялись ролями, — произнес наконец Биррел. — На Гинее вы хотели меня кое о чем расспросить, теперь настал мой черед проявить любопытство.

Таунцер нагло улыбнулся.

— У меня нет желания с вами болтать, Биррел, — сказал он, не обнаруживая и тени тревоги. — И вам из меня ничего не выжать.

— Посмотрим, — с угрозой сказал Биррел, поднимаясь с дивана. — Лиллин, ступай в соседнюю комнату, у нас с этим господином предстоит мужской разговор.

Жена с ужасом взглянула на него, будто видя в первый раз.

— И ты... ты способен на такое? — дрожащим голосом спросила она.

— Не беспокойтесь, миссис Биррел, ваш муж ничего нам не сделает, — с откровенной насмешкой сказал Таунцер. — Он хороший офицер и очень порядочный человек — такие пытать не умеют. Харпер ничего не знает, а я боли не боюсь. Так что сидите спокойно, все будет тихо и мирно.

— Напрасно вы так самоуверенны, Таунцер! — взорвался Биррел, пораженный безмятежностью агента. — Я вас оставлю в покое только в одном случае — если вы расскажете мне, где находятся эскадры Ориона. И еще об одном — каковы планы Соллеремоса в отношении Земли?

Таунцер вздохнул.

— А вы злопамятны, Биррел, — с упреком сказал он. — Глядишь, сейчас вы начнете угрожать мне «детектором правды»... Только ничего у вас не выйдет, вы не умеете пользоваться этим прибором.

Биррел почувствовал, что почва уходит у него из-под ног. Таунцер был прав, кругом прав...

— Уговорили, я сначала потренируюсь на вашем помощнике, — после долгой паузы сказал он.

— И напрасно время потеряете. Харпер — обыкновенный грошовый наемник, каких полно на любой планете. Впрочем, можете использовать его в качестве боксерской груши, я не возражаю. Он парень крепкий, но и ваши мускулы вызывают уважение. Валяйте, Биррел, а мы с вашей супругой полюбуемся.

— Эй, Таунцер, что вы там болтаете? — побагровев, воскликнул Харпер. — Вам хорошо говорить, сидя в тихом уголке! Мистер Биррел, клянусь своей покойной мамашей, я действительно ничего не знаю. Миссис Биррел, урезоньте своего дражайшего супруга!

— Джей, неужели ты превратишься в дикаря? — со слезами на глазах воскликнула Лиллин. — Не смей бить этих людей!

Махнув в огорчении рукой, Биррел вновь уселся на диван, провожаемый насмешливым взглядом Таунцера. Почему этот человек так спокоен? Каковы его намерения? Может быть, он рассчитывал, что убийство командора деморализует Пятую и та не сможет отразить внезапную атаку эскадр Соллеремоса?

Поднявшись, Биррел пошел в соседнюю комнату и, достав из карманов порто, связался с Брешником.

— Что-то надвигается, Род. От Фердиаса не было никаких сообщений?

— Нет, сэр. Должен ли я дать сигнал тревоги?

Биррел заколебался. Ему очень хотелось сказать «да». Но если эскадра придет в боевую готовность, расчехлит орудия, откроет шахты с пусковыми установками ракет, то скрыть это от землян будет невозможно. Чартерис поймет это как доказательство того, что эскадра Лиры прибыла на Землю с недобрыми намерениями. Скандал будет грандиозным, а доказательств в его руках нет. Пока нет.

— Никакой «тревоги», — отрезал он. — Немедленно пошлите ко мне в Орвилл человека, умеющего работать с «детектором правды».

Тишина в порто показывала, как глубоко было изумление Брешника, но вице-командор мужественно удержался от распросов.

— Наверное, среди техников найдется такой человек, — сказал он не очень уверенно. — Где находится этот Орвилл?

Биррел объяснил, как найти его дом, и закончил словами:

— Поддерживайте постоянную готовность эскадры к возможному боевым действиям, Род. Полностью полагаюсь на ваш опыт. Мне придется, по-видимому, еще некоторое время пробыть в Орвилле. Скажите Маллинсону, что мы с женой решили взять небольшой отпуск и наслаждаемся вдоволь отдыхом на природе. Удачи, Брешник.

Он выключил порто, а затем вернулся в холл и сказал, обращаясь к жене:

— Милая, мне придется задержаться здесь еще некоторое время. Я бы хотел, чтобы ты возвратилась в Нью-Йорк.

— Нет! — гневно воскликнула Лиллин, перестав раскачиваться в кресле.

Биррел рассердился, однако на лице жены появилось хоро-

шо знакомое ему выражение упрямства. Спорить сейчас было бесполезно.

— Хорошо, но ты создаешь для меня лишние проблемы, — хмуро сказал он. — Иди в спальню, я хочу поговорить с этими господами. Мирно поговорить.

Лиллин беспрекословно вышла из комнаты, довольная своей небольшой победой.

Таунцер сидел, привалившись к стене с прежним безмятежным выражением на лице, а вот Харпер выглядел растерянным.

— Держу пари, что вы только что вызвали техника, умеющего управлять «детектором правды», — заметил агент.

Биррел вздрогнул. Как Таунцер мог узнать?..

Впрочем, ничего странного в этом нет, агент Ориона сделал только логичное предположение и попал в точку. И все же ему стало не по себе от того, что, даже став пленником, Таунцер не потерял инициативы. Да, это был опытный, бывалый человек, с ним всегда надо держаться настороже.

— Спасибо, что вы напомнили мне о вашей хитрости, — угромо сказал он.

Улыбка на лице Таунцера чуть-чуть погасла — агент понял, что сделал глупость, без всякой необходимости насторожив противника. Биррел заметил это, и на его сердце немного полегчало.

Он взвалил Таунцера на плечо и понес в одну из спален, где стояли две незастеленные кровати со старомодными металлическими спинками. Без особых церемоний бросив на одну из них Таунцера, он тщательно привязал руки агента к каркасу кровати куском проволоки.

— Спасибо, командор, за заботу о моем комфорте... — начал было Таунцер и тут же тревожно замолчал.

Биррел молча привязал к кровати его ноги, а затем для надежности сделал несколько витков вокруг туловища. Таунцер оказался буквально прикованным к кровати.

— Надеюсь, вам так удобно, — угрожающим тоном сказал Биррел. — Если будет где-то жать, позовите, я охотно принесу вам кляп.

Ту же операцию Биррел проделал и с землянином. Харпер вырывался, как мог, но, получив пару увесистых оплеух, затих.

Впервые в глазах Таунцера промелькнул неприкрытый страх. Агент понял, что командор тоже может быть опасным человеком.

Затем Биррел вернулся в спальню к Лиллин.

— И как долго мы будем сидеть в этом доме? — недовольно спросила она.

— Возможно, еще несколько часов. Я попросил Брешику прислать ко мне человека, умеющего управляться с «детектором правды», но это не так просто сделать. Нам остается только набраться терпения и ждать.

Лиллин кивнула, хотя ее лицо оставалось хмурым.

— Пойди, милая, поспи, — сказал Биррел. — Если здесь тебе неуютно, поднимись на второй этаж, там тоже есть спальня.

Жена взяла с собой чистое белье с кровати и пошла к лестнице, даже не оглянувшись.

Биррел направился к пленникам. Харпер встретил его взглядом, полным ненависти; Таунсер, казалось, спал. Его спокойствие вызывало у Биррела неприятные предчувствия. Может быть, агент Соллеремоса рассчитывает на чью-то помощь?

До утра Биррел просидел в кресле, так и не сомкнув глаз. С первыми лучами солнца он сделал очередной обход по дому, заглядывая во все окна. Никого поблизости он не увидел. Несколько раз в небе проплывали флиттеры, а однажды со стороны дороги послышалось гудение автомобиля. И это было все.

Лиллин спустилась вниз часам к десяти утра. Вид у нее был усталым, под глазами лежали тени.

— Ты, наверное, совсем не спала, — сказал Биррел с упреком.

— Ничего, все хорошо, — бесцветным голосом произнесла жена и, не ответив на его поцелуй, пошла на кухню, чтобы приготовить завтрак.

Через час они вновь сидели на веранде. Черный кот словно бы поджидал их и немедленно выскочил с урчанием из травы.

— Пошел отсюда, маленький чертенок, — недовольно сказал Биррел.

— Нет, Том голоден, — запротестовала жена. — И потом, он спас нам жизнь. Ведь это он предупредил о засаде в кустах, разве не так?

Биррел кивнул и бросил на ступеньку остаток бутерброда. Лиллин оказалась более щедрой, угостив Тома жирным куском окорока. С довольным видом кот принялся за трапезу, но внезапно насторожился и смешно зашевелил ушами.

Чуть позже со стороны дороги послышался шум автомобиля. Кто-то ехал к старой ферме.

— Это техник? — спросила Лиллин, но Биррел в сомнении покачал головой.

— Нет, мои люди не могли приехать так быстро. Пойду посмотрю...

Засунув руку в карман, где лежал шокер, он неторопливо стал спускаться по лестнице, переступив через поглощенного едой кота.

Глава 13

Автомобиль остановился посреди лужайки, из него вышел незнакомый мужчина крепкого телосложения. Биррел снял шокер с предохранителя и медленно стал вынимать его из кармана. Но затем из машины не без труда выбралась полная женщина, и Биррел вздохнул с облегчением. Этот мужчина с грубо скроенным лицом и добродушным взглядом был ему знаком. Они пили вместе в баре вчера вечером. Как же его звали? Винто? Нет — Винсон. Фермер, живущий где-то по соседству.

— Кто это? — тихо спросила Лиллин, подойдя к мужу.

Биррел успокаивающе улыбнулся.

— Наши соседи-фермеры. Иди, встретить их, а я скоро вернусь.

Он быстро поднялся по лестнице и побежал в комнату, где лежали пленники. Глаза Таунсера были открыты, и в них не было обычной насмешки. Харпер же всю продолжал храпеть.

Биррел вышел и тщательно запер дверь. Если проводить Винсонов в гостиную, то вряд ли они услышат крики пленников — если тем, конечно, вздумается позвать на помощь. Стены в этом доме сделаны на совесть и создавали отличную звукоизоляцию. В крайнем случае можно будет объяснить, что его зовут подвыпившие друзья, и вместо вина угостить Таунсера и Харпера шокером. Но лучше обойтись без этого. После удара шокера пленники могли потерять сознание, и тогда никаким «детектором правды» их не возьмешь.

Когда он вышел на веранду, там уже стояли новые гости, дружелюбно беседуя с Лиллин.

— Немного рано для визита, командор, не правда ли? — бастиста сказал Винсон, протянув руку. — Прошу прощения, мы сегодня днем уезжаем в город, а моя Эдит прямо-таки сгорает от любопытства. «Хочу увидеть этих Биррелов», — заявила она. Ну как ей откажешь? Надеюсь, вы не будете сердиться, Джей.

«Я не сержусь, — подумал Биррел, дружелюбно пожимая

руки неожиданным гостям. — Я просто в ярости. Но что делать, сам виноват».

Лиллин, казалось, была смущена этим визитом и не знала, как держаться. Слишком свежими были малоприятные воспоминания о косых, неприязненных взглядах земных женщин, с которыми она встречалась в Нью-Йорке. Их любезность была слишком искусственной, и даже от улыбок жены Чартериса веяло холодом наигранности. Но миссис Винсон быстро завоевала сердце вегианки. Она смотрела на нее с таким искренним восхищением, что Лиллин невольно рассмеялась.

— Да вы настоящая красавица, миссис Биррел! — сказала толстушка, без тени зависти любуясь ее изящной фигурой. — Неужто вы на самом деле прилетели с мужем с Вегы? Уму непостижимо. Я знаю нескольких жен астронавтов, но никто из них даже на Луне не бывал.

Биррел пригласил чету Винсонов в гостиную, Лиллин мигом накрыла на стол.

Винсон предложил тост: «За отличного парня Биррела, который теперь живет на звездах», — и атмосфера сразу же стала непринужденной. Следующий тост Винсона, посвященный Лиллин, был настолько замысловат, что вегианка расхохоталась, слегка покраснев.

У Биррела немного отлегло от сердца — кажется, Лиллин начинали нравиться земляне. Сам же он не мог расслабиться ни на минуту, помня о двух «гостях», находящихся в другом конце дома.

А тут еще Винсон, покончив с комплиментами, оседлал своего любимого конька и стал разглагольствовать о фермерских проблемах. Выяснилось, что цены на трактора стали немыслимо высоки, а их автоматика ненадежна и то и дело выходит из строя. Погодный контроль вообще никуда не годится, а гербициды идут на пользу только сорнякам, от которых спасения нет.

За полчаса Биррел узнал о сельском хозяйстве больше, чем за всю жизнь, но это его несколько не заинтересовало. Видимо, фермерские гены предков до него не дошли.

Он с тоской подумал: «Пока я сижу и слушаю болтовню этого славного малого, Орион и Лира могли уже вступить в войну...»

— Что вы сказали? — внезапно встрепенулся командор, краем уха уловив что-то важное в потоке слов, который обрушивал на него Винсон.

— Я говорил о том седом мистере, который месяц назад приезжал в этот дом. Он не больно-то хотел со мной разговаривать, да я все-таки подстерег его у дороги, загородив путь джипу своим трактором. Он сказал, что не собирается жить здесь и купил ферму для другого джентльмена. Я тогда ему не поверил — уж очень он нервничал. Выходит, он не соврал и купил дом для одного из славного рода Биррелов!

Биррел насторожился. Да, конечно, Кэрш мог сказать нечто подобное. Понятное дело, соседи решили теперь, что пришелец со звезд горит желанием заняться выращиванием кукурузы и разведением породистых свиноматок. Теперь их уже не разубедишь, да он и не собирался тратить на них свое время.

— Так вот что я хотел бы сказать о вашей ферме, — задумчиво продолжил Винсон, положив тяжелую руку ему на плечо. — Поля в дрянном состоянии, там разве еще дубы не растут. Удобрений они лет десять не видели, хотя это дело поправимое. Техника у меня не новая, можно сказать, латаная-перелатаная, но с вашей целиной справится. Если хотите, я по весне пригоню сюда всю свою механическую орду, и мы с вами мигом приведем все в порядок. Перепашем землю, а потом...

— Весьма благодарен, мистер Винсон, вот только мы скоро улетаем на Вегу... — начал было Биррел, поймав насмешливый взгляд жены, но фермер не дал себя сбить.

— Конечно, конечно, вам же нужно перевезти сюда вещи, — сердечно сказал Винсон. — Я подожду. Ясное дело, что вы собираетесь поселиться здесь, иначе не стали бы покупать старую, запущенную ферму. Уверяю вас, это выгодное дельце! А теперь пойдемте, обойдем ваши владения и обмозгуем, как и что.

Биррел не знал, что и сказать. Губернатор Лиры, казалось, учел все в своих планах, но вот назойливого соседа-фермера в них не было. Конечно, если бы встреча с Кэршем состоялась, таких проблем не возникло бы. Таунцер разом смешал все карты.

Винсон неверно истолковал молчание командора и понимающе кивнул:

— Я не говорю, что этим надо заняться прямо сейчас. Тем более нам с женой пора ехать в город. Но, скажем, завтра я буду в вашем полном распоряжении. Пойдем, Эдит.

Фермер и его жена направились к двери. Биррел пошел их провожать, испытывая огромное облегчение.

— Мы будем рады, если вы с вашей очаровательной супру-

гой приедете к нам как-нибудь отобедать перед отъездом, — сказал Винсон.

— О, да! — улыбнулась толстушка. — Вы теперь наши знаменитости, все будут рады познакомиться с вами поближе. Кое-кто уже поговаривает, что надо устроить праздник в вашу честь. Прощайте, милочка, я жду вас у себя дома. Найдется о чем поболтать, пока мужья будут заниматься своими фермерскими делами.

Когда машина уехала, Биррел вернулся в дом в полном замешательстве.

— Подумай только, они хотят чествовать нас на деревенской пирушке! Только этого сейчас не хватало.

Лиллин стояла у окна и задумчиво глядела на облака, медленно плывущие по голубому небу.

— А мне понравились эти милые, сердечные люди, — сказала она. — Жаль, что чуть раньше них нас навестили совсем другие гости. Я пойду наверх, немного отдохну.

Биррел кивнул и торопливо направился в другой конец дома. Таунцер спокойно лежал на кровати, глядя в потолок и о чем-то размышляя, а Харпер, тяжело сопя, все еще безуспешно пытался высвободиться.

— Что-то у вас расстроенный вид, командор, — приветливо улыбнулся агент Ориона. — Что, дела идут неважно? Это только цветочки, самое худшее для вас еще впереди.

Биррел сжал кулаки, едва сдерживаясь, чтобы не ударить по этому самодовольному лицу.

— Кто должен прийти, Таунцер, кого вы ожидаете?

— Не понимаю, о чем вы толкуете, командор: кто должен прийти сюда, когда? Харпер, ты кого-то звал в гости?

Улыбка Таунцера оставалась по-прежнему наглой, но в его глазах, казалось, пробежала тень тревоги. Это еще больше насторожило Биррела. Хлопнув дверью, он опять обошел все комнаты, а затем тщательно исследовал территорию вокруг дома. Никаких новых следов он не обнаружил. Было ясно, что Таунцер оставил свой автомобиль или флиттер где-то неподалеку, например в небольшом леске за полем, но стоит ли бродить по совершенно незнакомым местам, оставив жену наедине с бандитами? Да и Брешник мог скоро приехать... Что он копается так долго?

Настал жаркий полдень. На западе в небе появились кучевые облака. С соседнего поля доносился гул трактора. Черный кот выбрался из щели в стене амбара и улегся на ступеньках лестницы, словно хозяин.

Больше ничего не происходило.

Биррела изводило это бесконечное ожидание. Ему хотелось вызвать Брешника и узнать, в чем дело, но он не стал этого делать. Злоупотреблять открытой связью было нельзя, кто знает, может, люди Таунцера следят за домом и контролируют эфир.

Подул ветерок с севера, и небо быстро затянула серая пелена. Заметно похолодало, воздух стал влажным и насыщенным запахами зелени. Только грозы не хватало! В непогоду здесь флиттеры не летают, значит, Брешник будет вынужден ехать в Орвилл на автомобиле. Это займет куда больше времени, да и нетрудно заплутаться в пригородной паутине дорог.

Словно подтверждая худшие ожидания, на горизонте вспыхнула молния. Через несколько секунд в долине прокатился глухой раскат грома.

Лиллин вышла на веранду, кутаясь в шаль.

— Это гроза идет, Джей? — встревоженно спросила она. — Или буря?

Биррел пожал плечами, глядя на кота. Том вел себя беспокойно. Выгнув спину, он яростно скребся когтями о ступеньку, а затем подскочил к двери и замыкал, глядя на своих новых хозяев.

— Смотри, Том встревожен, — проворчал Биррел. — Эй, пошел прочь!

Лиллин возмущенно взглянула на него и открыла дверь. Кот чинно вошел в дом, подняв хвост трубой и недовольно урча, — мол, слишком долго заставляли его ждать. За ним последовали и Биррелы — на веранде стало неудобно.

Ветер заметно усилился, раскачивая ветви деревьев. Внезапно дом сотрясся до самого фундамента от могучего удара грома. Зашумел дождь, барабана по стеклам окон.

«Все, Брешник сегодня не приедет, — с раздражением подумал Биррел, но тут же ему показалось, что сквозь удары грома доносится знакомый стрекот. На всякий случай он вышел на веранду и увидел, как на лужайке садится флиттер. При следующей вспышке молнии он заметил, как из кабины выскочили двое людей и побежали к дому, закрывая головы от хлещущих струй дождя.

Биррел поднял шокер, готовый ко всему, однако вскоре вздохнул с облегчением.

На веранду поднялся Джо Гарстанг, а за ним последовал молодой офицер. На его груди сиял значок техника первого класса. Страхнув с себя воду, они подошли к Биррелу.

— Всякие я видел бури в других мирах, командор, но такой что-то не припомню, — пожаловался Гарстанг, вытирая платком мокрое лицо. — Нагрянула откуда ни возьмись, мы едва не сбились с пути.

— Капитан, почему вы оставили свой корабль? — негодуя, прервал его Биррел. — Забыли мой приказ?

— Сэр, Брешник велел мне лететь в Орвилл. Он сказал, что вам необходима помощь. Познакомьтесь, это техник Рой Вахис. У него есть опыт работы с «детектором правды».

Молодой офицер вытянулся в струнку и отдал честь командору. Тот в ответ дружески протянул ему руку.

— Рад вас видеть, мистер Вахис. У меня есть для вас очень ответственная работа. Как дела в Пятой, Джо?

— Все нормально, корабли приведены в боевую готовность согласно вашему приказу, сэр. Но в космопорту творится что-то непонятное.

— Что вы имеете в виду? — насторожился Биррел.

— За последние сутки не прилетел ни один корабль, сэр. Зато крейсера Объединенного флота один за одним покидают Землю. Брешник очень обеспокоен этим. Никаких официальных разъяснений ему получить не удалось, но он считает, что Совет принял решение эвакуировать флот в более безопасное место.

«Началось, — мрачно подумал Биррел. — Если Чартерис получил известие о приближении эскадры Ориона, то он должен поступить именно так. Тогда и Пятой нельзя ни одной лишней минуты оставаться в космопорту, где она практически беспомощна».

Гарстанг выжидающе смотрел на него, явно ожидая приказа готовить корабли к отлету.

Но Биррел не мог действовать вслепую, не мог! Фердиас обязан был предупредить Пятую о приближении флота Ориона, однако не сделал этого. Чартерис же явно не собирался делиться своей информацией. Необдуманный шаг со стороны Лиры мог привести к самым печальным последствиям. А если это всего лишь провокация? Нет, сначала надо как следует расспросить Таунцера: этот человек должен многое знать о планах Ориона.

Биррел пригласил офицеров в дом. Пока Лиллин готовила им кофе, он коротко рассказал об агенте Соллеремоса, а затем обратился к озадаченному Вахису:

— Пойдемте, я хочу побыстрее заняться этим человеком. Вначале взгляните на прибор. Надеюсь, он в порядке.

Они вошли в гостиную, где около окна стоял на треножни-

ке «детектор правды». Кот тоже был здесь — забрался на кресло в дальнем углу и настороженно шевелил ушами, поглядывая на людей.

Вахис внимательно осмотрел прибор и затем сказал:

— Кажется, все в норме.

— Сколько времени вам потребуется, чтобы привести его в действие? — спросил Биррел.

— Пятнадцати минут хватит, — не очень уверенно ответил Вахис.

— Даю десять, — сурово сказал Биррел. — Нет, даже пять. И минуту, чтобы выпить чашку кофе.

Лиллин молча поставила на стол дымящиеся чашки, тарелки с бутербродами и поднялась наверх. Ей не хотелось присутствовать при допросе Таунцера.

Не успел Гарстанг закончить с первыми бутербродами, как со стороны веранды послышался протяжный звонок.

— Вы кого-то ожидаете еще, командор? — с удивлением спросил Гарстанг, наслаждаясь горячим кофе.

— Нет... О, боже, да это же мой сосед по ферме, Винсон! — простонал Биррел, вскакивая с кресла. — В жизни не встречал более настырного человека. Пойду спроважу его.

Проклиная все на свете, он зашагал к двери. Но его ожидал сюрприз. Перед ним стоял Маллинсон, стряхивая воду с мокрого плаща.

Не обращая внимания на растерянного Биррела, дипломат уверенно вошел в дом и застал двух офицеров Пятой, изучающих «детектор правды».

— Я вижу, вы свили в этом старом доме хорошенькое шпионское гнездышко, — сказал Маллинсон, оглядывая комнату. — Очень мило с вашей стороны, командор. Миссис Биррел, наверное, сейчас сидит у передатчика и готовит шифровку для Фердиаса?

Оправдываться было бесполезно. Биррел нащупал в кармане шокер, но дипломат сказал, не оборачиваясь:

— Не делайте резких движений, командор. Дом оцеплен солдатами. Боюсь, они намокли под дождем. Может быть, пригласим их войти?

Глава 14

Биррел медленно вынул руку из кармана. Он понял, что завяз в болоте по пояс, и силой здесь ничего не добьешься. Да и в чем он виноват, черт побери!

Командор начал было рассказывать о ночном нападении агентов Соллеремоса, но Маллинсон, казалось, его не слушал. Он обошел гостиную, с интересом разглядывая архаичную мебель.

— Старый родовой дом в Орвилле, — сказал он наконец. — Как естественно, что вам, командор, захотелось увидеть его! Сентиментальность — это замечательное свойство, Биррел, но я уже вам как-то говорил: лучше бы вы, жители других звезд, испытывали чуть больше уважения к Объединенным Мирам. Я с самого начала не верил вам ни на грош. Когда ваши офицеры направились в Орвилл, я последовал за ними. Нисколько не сомневаюсь, что вы прилетели на Землю, чтобы нанести ей предательский удар в спину.

— Никто из нас не собирается этого делать! — гневно возразил Биррел. — По крайней мере, никто из граждан сектора Лирь.

— Ах, да, я забыл, что Лира, как всегда, совершенно невинна, — с иронией сказал Маллинсон. Сняв плащ, он уселся в кресло, закинув ногу на ногу. — Это коварный Орион намеревается вторгнуться на Землю, а вы, естественно, хотите нас защитить. Именно поэтому вы и прислали на мирное празднование эскадру крейсеров, не так ли?

Биррел сдержал свой гнев. Лишние эмоции могли сейчас только навредить.

— Это не мои домыслы, — сказал он. — Мне удалось захватить Таунцера, одного из самых опытных и искусных агентов Соллеремоса. Я как раз собирался с помощью моих офицеров допросить его. Уверяю вас, Маллинсон, как только я получил бы необходимые доказательства, то немедленно известил бы вас.

— Доказательства чего?

— Истинных планов Соллеремоса. Таунцер должен многое знать.

— Мы сами допросим его в департаменте безопасности, — после некоторого раздумья сказал Маллинсон. — Но сначала разберемся с Пятой Лирь.

Холодок пробежал по спине Биррела.

— Что вы имеете в виду? — глухо спросил он.

— Разоружим вашу эскадру и арестуем экипажи крейсеров, — хладнокровно сказал Маллинсон. — Мы узнали, что вы недавно отдали приказ привести корабли в боевую готовность. Теперь у нас нет ни малейших сомнений насчет ваших действительных намерений. Взлетное поле уже окружено тан-

ками и тяжелыми орудиями. Скоро Брешник получит приказ: всем астронавтам выйти с поднятыми руками и сдаться властям Земли. Если они не подчинятся, то Пятая Лирь будет уничтожена.

— Пустая болтовня, — процедил Биррел, багровея от гнева. — Вы не рискнете пойти на этот безумный шаг. Война между Лирь и Объединенными Мирами станет тогда неизбежной.

— И вы еще имеете наглость рассуждать об этом? — вскричал Маллинсон, с ненавистью глядя на командора. — Вы, приславшие на Землю вместо мирной делегации боевые звездолеты!

— Черт бы вас побрал, Маллинсон, о чем вы говорите? Неужели вы не поняли, что замыслил Орион? Его агенты успешно поработали на Земле, распуская самые грязные слухи, и вы на них клюнули! Фердиас хотел, чтобы Пятая стала гарантом безопасности Земли, а вы вместо того, чтобы сотрудничать с нами, разрушаете свой единственный надежный щит на радость Соллеремосу! И тогда...

Он не смог продолжать — перед его глазами вспыхнула кошмарная картина: космодром, охваченный пламенем, обрушившимся с неба. Горящие, как свечи, крейсера, размолотые в пыль транспорты с женщинами и детьми. И все из-за этого кретина Маллинсона!

Молодой дипломат, казалось, был несколько смущен его словами, но не более.

— У нас нет никаких доказательств того, что вы говорите правду, — упрямо сказал он. — Совет не имеет права рисковать Землей. Пятая Лирь должна быть разоружена, а там будет видно. В конце концов, у нас есть Объединенный флот. Он вышел сейчас на боевое дежурство и в случае угрозы...

— Будет размолот в пыль первым же залпом с эскадры Ориона, — продолжал Биррел, недобро сощурившись. — Бросьте нести чепуху, Маллинсон! Если вы истинный патриот Земли, то не лишите ее последней защиты. Подумайте: если бы мы хотели захватить вашу планету, то давно бы уже сделали это.

На лице Маллинсона появилась озабоченность, но отступать он не желал.

— Мы не остановимся ни перед чем, чтобы отстоять Землю, — хрипло сказал дипломат. — Уверен, что в случае нападения Ориона другие сектора окажут нам поддержку. Однако сначала мы должны обезопасить себя от удара в спину.

Он вскочил на ноги и пошел к двери.

— Повторяю, командор, вы и ваши люди арестованы. Не заставляйте нас применять насилие. А с агентом Ориона мы побеседуем в Нью-Йорке, так же, как и с вами.

Биррел бросился вслед и едва успел схватить его за руку:

— Послушайте, Маллинсон! Забудьте хоть на минуту о своих предубеждениях. Ну поймите же: если то, что я рассказал, — правда, то вы, поехав с пленниками в Нью-Йорк, потратите драгоценное время. Через несколько часов может быть слишком поздно чем-то помочь Земле!

Дипломат остановился на пороге, озадаченный этими словами.

— И что же вы предлагаете, командор?

— Надо немедленно допросить Таунцера. У нас есть «детектор правды» и человек, который может его использовать. Неужели вы не захотите узнать прямо сейчас о планах Соллеремоса?

Маллинсон нахмурился, впервые на его лице появилось выражение нерешительности.

— Дьявол, что вы теряете? — воскликнул Биррел.

После долгой паузы Маллинсон неохотно кивнул головой.

— Хорошо, я, пожалуй, готов допросить здесь людей, которых вы называете агентами Соллеремоса. Но «детектором правды» будет оперировать мой человек.

Он открыл входную дверь и громко позвал кого-то. Гроза уже ушла на восток, еле слышно перекатываясь вдаль, но облака все еще затягивали небо. Шел моросящий дождь.

На веранду поднялся крепкого телосложения мужчина в мокром плаще. Выслушав указания Маллинсона, он молча направился к двум автомобилям, стоявшим под деревьями недалеко от амбара.

Маллинсон вернулся в гостиную.

— Покажите мне их, — процедил дипломат, не глядя на Биррела.

Таунцер встретил посетителей настороженным взглядом. Он мигом оценил ситуацию и не преминул ею воспользоваться:

— Слава богу, здесь наконец-то появился нормальный человек! Я видел вашу фотографию в газете. Вы — мистер Маллинсон, секретарь Совета ОМ. Помогите, прошу вас! Этот командор с Лиры, должно быть, совсем спятил: напал на нас с другом, когда мы мирно прогуливались по окрестностям, сказал...

Дипломат прервал его:

— Мистер Биррел утверждает, что вы оба — агенты Ориона.

— Что мы шпионы? — На лице Таунцера появилось глубокое изумление. — В жизни не слышал такой чуши. Можете проверить мои документы, я простой турист...

Харнер не дал договорить.

— Вы не имеете права так поступать со мной! Я — землянин, гражданин Объединенных Миров. Маллинсон, вы обязаны защитить меня от произвола этого безумного пришельца!

Биррел помрачнел. Ему показалось, что под таким напором Маллинсон может дрогнуть. Однако молодой дипломат оказался весьма твердым человеком.

— Посмотрим, — хладнокровно ответил он, усаживаясь на стул. — Если вы оба невиновны, то немедленно будете отпущены на свободу. Но сначала я хотел бы убедиться в этом.

В комнату вошел невысокий землянин, неся в руках «детектор правды», и молча стал устанавливать его возле кроватей с пленниками.

— Сначала этого, — кивнул Маллинсон в сторону Таунцера.

— Я протестую! — завопил орионец, впервые теряя самообладание. — Этот прибор нельзя применять вопреки желанию испытуемого! Такое насилие над правами человека запрещено всеми кодексами законов в Галактике!

— Многое в Галактике делается в обход всех законов, — сухо ответил Маллинсон. — Давай, Кейн.

Землянин направил раструб «детектора правды» на голову побледневшего агента и включил прибор. В комнате разлилось тихое жужжание.

Таунцер был крепко привязан к кровати, но головой двигать мог. Он так закрутил шеей, что менее опытный оператор растерялся бы. Однако Кейн даже глазом не моргнул. Легкими касаниями рук он заставил раструб прибора следовать за движениями Таунцера.

Лицо орионца болезненно исказилось, глаза помутнели, из полуоткрытого рта раздался хрип. Вскоре Таунцер замер, глядя застывшим взглядом на «детектор правды», как кролик смотрит на змею.

— Сэр, испытуемый находится под контролем, — доложил Кейн.

— Таунцер, вы слышите меня? — спросил Маллинсон, не скрывая своего волнения.

— Да, — едва шевеля губами, ответил агент без всякого выражения.

— Планирует ли Соллеремос захватить Землю и включить в свой сектор?

Таунцер не ответил. Видимо, он так же, как и покойный Кэрш, владел методами самогипноза и заблокировал часть своего мозга, которая содержала наиболее важную информацию. Но Маллинсон был настойчив, а Кейн оказался мастером своего дела. Искусно оперируя ручками управления прибора, он постепенно увеличивал мощность сигнала, не допуская в то же время перегрузок мозга испытуемого, которые смогли привести к коллапсу.

Биррел, затаив дыхание, наблюдал за этой беззвучной борьбой. Он знал, как тяжело пробить гипнобарьер, тем более такого великолепного агента, как Таунцер. Но землянам это удалось после почти получаса упорных попыток.

— Да, — наконец еле слышно ответил агент Ориона. — Да.

— Когда было принято это решение?

— Больше года назад.

— Флот Ориона сейчас движется к Земле?

— Да.

— Почему именно теперь?

— Соллеремос опасается, что если он не сделает этого, то губернатор Лиры сделает это первым, — бесстрастно ответил Таунцер.

Настала долгая пауза. Маллинсон повернулся и в упор посмотрел на Биррела покрасневшими от ярости глазами. Командор Пятой в ответ на это возмущенно воскликнул:

— Таунцер лжет! Вы не знаете, насколько опасен этот человек. Он мог даже специально спровоцировать эту ситуацию, чтобы выложить вам этот коварный ответ. Я слышал, что методами гипноза можно защититься даже от «детектора правды» и вложить в голову человека ложную информацию, которая...

— Чушь, — не выдержав, — прервал его Кейн и поморщился. — Давно доказано, что ошибка таких исследований составляет не больше одной сотой процента.

Маллинсон смерил Биррела презрительным взглядом и продолжил допрос:

— Как собирается действовать Соллеремос в ближайшее время?

— Губернатор намерен завладеть Землей прямой атакой своих космических сил. Флот ОМ в расчет не принимается. Пятая Лиры не сможет эффективно действовать в отсутствие своего командира.

— Отсутствие командира... — задумчиво повторил Маллинсон. — Вот почему вы оказались здесь?

— Да.

Маллинсон слегка наклонился вперед, задавая следующий вопрос:

— Каков план атаки Ориона? С какого направления нам следует ожидать нападения?

— Не знаю.

Биррел воскликнул:

— Он лжет! Я говорил, контроль над ним неполный. Таунцер должен знать...

Кейн упрямо возразил:

— Мистер, я умею управляться с этим прибором. Испытуемый находится под полным контролем.

— Но... — начал было Биррел.

Маллинсон отмахнулся от него:

— Позвольте мне, командор, самому вести допрос. Уж будьте так любезны.

Он вновь обратился к Таунцеру:

— Вы были посланы на Землю с разведывательными целями и говорите, что не знаете ничего о плане атаки на нее. Как такое могло случиться?

— Соллеремос посчитал, что я должен знать об этом как можно меньше. Есть риск, что меня могут захватить службы безопасности Земли, хотя я считаю это невозможным. Земляне слишком доверчивы и тупоголовы.

Биррел хохотнул, глядя на побледневшего от гнева дипломата.

— Чему веселитесь, командор? — процедил тот сквозь зубы.

— Веселюсь? Нет, я просто подумал, что Таунцер на самом деле умный человек. Бесполезно его допрашивать о чисто военных вопросах, это не его дело. Но он собирался убить меня и оставить тем самым Пятую без командира. Как ему передать сведения об этом на флот Ориона? Спросите его.

Маллинсон, поразмыслив, повторил вопрос Биррела.

— У меня нет прямой связи с командованием флота, — по-прежнему бесцветным голосом ответил Таунцер. — Но скоро за мной должен прилететь скаут — тот, что привез меня на Землю. Когда мы выйдем за пределы Солнечной системы, я...

— Скаут? Не может быть! — перебил его Маллинсон. — Как он мог скрыться от радара околосолнечных станций наблюдения?

— Очень просто. Скаут прячется за астероидом Гермес. Это... Это... — Таунцер запнулся и, сильно побледнев, замолк.

— Сэр, я не могу гарантировать ответы испытуемого, если вы будете прерывать его на полуслове! — запротестовал Кейн.

— Извините, Рой, — поморщившись, ответил дипломат. Подождав минуту, он продолжил допрос: — Ну, как вы собирались выйти на связь с флотом Ориона?

Таунцер повторил свои недавние слова, а затем продолжил:

— Когда мы выйдем за пределы Солнечной системы, я присоединюсь к оперативной группе.

«Так вот чего ожидал Таунцер», — подумал Биррел. Он не выдержал и сам задал следующий вопрос:

— Как скаут сможет найти это место?

— Он будет следовать за сопроводительным лучом. На моем флиттере есть радиомаяк. Я... я был... я включил его ночью...

— Где находится флиттер? — насторожился Маллинсон.

— Он... он... под деревьями... рядом с поляной... мы едва затащили его... его туда...

Монотонный голос Таунцера стала затихать. На его лице разлилась смертельная бледность.

— Таунцер, почему вы молчите?

— Сэр, испытуемый потерял сознание, — хмуро сказал Кейн, отключая прибор. — Он устал, и к тому же вы сами испортили дело, прервав его ответ на полуслове. Теперь его можно будет повторно допрашивать не раньше чем через несколько часов.

— Ничего, мы узнали вполне достаточно, — ответил Биррел, не дав дипломату и рта раскрыть. — Таунцер ничего больше нам не расскажет об эскадрах Ориона, но офицеры скаута наверняка знают о местонахождении флота. Если мы сумеем их захватить, то «детектор правды» выжмет из них все.

— «Мы»? — недовольно сказал Маллинсон. — Вот это славно! Забудьте это «мы». Вам не удастся сбить Совет с толку, переключив наше внимание на Орион. Пятая Лиры будет разоружена, а при сопротивлении — уничтожена. Ясно?

Ярость охватила Биррела.

— Вы... вы чертов глупец... — прошипел он, сжимая кулаки. — Ваша проклятая тупоголовость может стоить войны...

Гарстанг едва успел схватить его за руку, укоризненно глядя на командора. Биррел опомнился.

— Прощу прощения, — хрипло сказал он, весь дрожа от возбуждения. — Пожалуйста, послушайте меня еще минуту.

Если я сумею вам доказать, что все наши действия были направлены только на защиту Земли, вы позволите нам уйти?

— Мы только напрасно теряем время, — отрезал Маллинсон. — Слова — это только слова.

Тогда Биррел выложил свой козырный туз:

— А если я соглашусь на испытание «детектором правды», то вы поверите мне?

Маллинсон удивленно взглянул на него.

— Вы добровольно соглашаетесь на это?

— Я не знаю, как вас убедить в своей правоте, — с горечью в голосе ответил Биррел.

Дипломат задумался, с сомнением глядя на него.

— Хорошо, — согласился он после некоторого колебания. — Садитесь в кресло. Кейн, займись командором.

Биррел сел в кресло, словно на бочку с порохом.

При мысли о том, что скоро совершенно чужие люди начнут беззастенчиво шарить в его мозге, по его коже пробежали мурашки. Это был рискованный шаг. Он знал много секретов Лиры. Вдруг Маллинсон захочет воспользоваться случаем, чтобы выудить из него военные тайны? К тому же за те часы, когда он будет выключен из жизни, может произойти многое. Но что оставалось делать? Биррел мысленно проклял Маллинсона и всех остальных членов Совета.

Невидимый луч «детектора правды» обрушился на него. Как будто сильный ураган ворвался в мозг и унес все мысли и сомнения. Он видел окружающее словно через красный туман, но почти ничего не сознавал. Кажется, в комнате появилась Лиллин и бросилась, крича, на Маллинсона, но Гарстанг удержал ее. Больше ничего он не помнил. Ветер, один только ветер...

Глава 15

В этом мире не было ни мыслей, ни ощущений, ни тревог. Полное ничто, и только тоненькая ниточка сознания еще связывала его с реальной жизнью. Время остановилось, пространство сжалось в крошечную точку.

Почему ничего не происходит? Пусть придет что-то в это небытие, пусть даже боль...

И боль пришла, затопив мозг. Чувства стали пробуждаться, откуда-то донесся тихий стон. Это был его стон! Значит, он вновь жив, жив, жив!

— Джей, ты меня слышишь? — сказал кто-то, обращаясь к нему.

Голос был знаком... Память постепенно вернулась к Биррелу. Он с усилием приоткрыл глаза и пробормотал:

— Слышу... О, моя бедная голова...

Он лежал на диване в гостиной. За окном сгустились сумерки. Лиллин стояла рядом. Ее лицо было искажено гримасой отчаяния. Биррел никогда не видел жену такой заплаканной. Кто-то наклонился к нему и осторожно потряс за плечи. Это был Гарстанг.

Кейн суетился вокруг прибора, с виноватым видом поглядывая на Биррела.

— Сэр, я говорил, чтобы мистер Гарстанг оставил вас в покое еще хотя бы на час. Быстрое пробуждение грозит сильной головной болью, и вы...

— Вставайте, Джей, нам надо уносить отсюда ноги, — прервал его Гарстанг.

Биррел с ненавистью посмотрел на капитана — ему так хотелось продолжать лежать, не шевеля даже пальцем. Малейшее движение приносило сильную боль, разве Джо не понимает этого?

Затем до него дошло — Кейн предлагал ему валяться на диване еще целый час. Час! Нет, он не имеет права лежать так долго, словно бесчувственное бревно.

Напрягшись, Биррел попытался встать. Гарстанг помог ему. Не выдержав мучений мужа, Лиллин выбежала из комнаты, громко всхлипывая. Вслед за ней ушел мрачный Кейн, явно недовольный тем, что ему пришлось делать.

Маллинсон расхаживал вдоль комнаты, закусив губу и о чем-то размышляя.

Биррел вопросительно посмотрел на него.

— Ну что, вы пошарили в моем мозге?

— Да.

— Тогда вы убедились в правоте моих слов. Мы не собираемся захватить Землю; наша цель — спасти ее от эскадры Ориона.

Маллинсон кивнул.

— Да, сейчас вы действуете именно так.

— Сейчас? Что вы имеете в виду?

— То, что Фердиас может отдать вам совсем другие приказы, когда ему окончательно станут ясны намерения Ориона. Я доверяю ему ничуть не больше, чем Соллеремосу.

— Господи, до чего же вы упрямы! — простонал Биррел. —

И на основании подобных догадок вы собираетесь разоружить мою эскадру? После всего того, что вы от меня услышали?

Маллинсон поджал губы.

— Да, вы говорили, что собирались отразить атаку Ориона, если тот осмелится напасть на Землю, — неохотно признал дипломат. — Это самое приятное, что я до сих пор слышал от вас. Но это не решает всех наших проблем.

— У вас совсем не останется проблем после того, как ваш флот встретится лицом к лицу с эскадрами Ориона, — заверил его Биррел. — И вы отлично это знаете.

Лицо Маллинсона вытянулось. После долгой паузы он глухо сказал:

— У меня нет полномочий принимать такие решения. Надо посоветоваться с Чартерисом после возвращения в Нью-Йорк.

Биррел вздрогнул.

— О каком Нью-Йорке вы говорите? — возмутился он. — Мы должны остаться здесь! Разве вы забыли, что скаут орионцев может прилететь в любой момент, чтобы забрать Таунцера?

Маллинсон добродушно усмехнулся.

— Я сам позабочусь об этом, Биррел. По возвращении в город я свяжусь с адмиралом Ланеем. Он вышлет навстречу скауту один... нет, даже два крейсера и перехватит его на подходе к Земле.

До сей поры молчавший Гарстанг не выдержал и громко выругался.

— Вы позаботились о них, Маллинсон, — закончил он, с ненавистью глядя на дипломата. — Не сомневаюсь в этом, ведь вы уже показали, как умеете поступать с гостями Земли.

— Чего вы оба хотите от меня? — ошетинился Маллинсон. — Наши корабли перехватят скаут, возьмут в плен его экипаж, и тогда мы допросим...

Биррел прервал его, стараясь на этот раз говорить спокойным тоном:

— Маллинсон, вы, бесспорно, знаете о хитростях дипломатии куда больше, чем все парни моей эскадры вместе взятые. Но в астронавтике вы ничего не смыслите, иначе не родили бы такой шикарный план.

— Чем же он плох?

— А тем, что в космосе невозможно незаметно подобраться к противнику. Сила здесь мало что значит. Радары скаута об-

наружат два ваших крейсера еще легче, чем один, и за тысячи миль до встречи орионцы будут знать, что за ними охотятся.

— И что же они будут делать?

— Бороться всеми возможными средствами. Если капитан скаута на самом деле знает что-то о плане Соллеремоса, то он ни за что не сдастся в плен. Если скаут не разобьют пушки крейсеров, то капитан взорвет его сам.

Маллинсон задумался. На его лице отразилась борьба. Молодой дипломат был крайне упрям и самолюбив, но логика Биррела его явно смутила. Наконец он сказал, не поднимая глаз:

— Что ж, вам лучше известна психология астронавтов, командор. Положим, я ошибся. Что вы предлагаете?

— Подождать, когда скаут приблизится к Земле. За это время мы найдем флиттер Таунцера — он спрятан где-то неподалеку. Мы с Гарстангом перестроим его сопроводительный луч так, чтобы скаут сел в окрестностях Орвилла. Тогда мы сможем захватить орионцев без особых хлопот. С вами приехало много людей?

— Шестеро, — ответил Маллинсон. — Я могу вызвать больше, но время сейчас позднее...

Биррел взглянул в окно — сумерки уже перешли в темноту.

— Боюсь, действительно поздно, — согласился он. — Ладно, десять человек против пятнадцати или шестнадцати — тоже не так плохо. Главное для нас — действовать слаженно и неожиданно для противника.

— Пойду поговорю со своими людьми, — хмуро сказал Маллинсон и, поднявшись, вышел из комнаты. За ним последовал Кейн.

— Командор, можете сами встать? — заботливо спросил Гарстанг.

— Попробую, — пробормотал Биррел. — О-о черт, как же все болит!

Услышав стоны мужа, Лиллин ворвалась в комнату, не скрывая слез отчаяния. Вместе с Гарстангом она помогла Биррелу встать на ноги, поддерживая его под руку. Поначалу он не мог и шагу ступить самостоятельно, но, сделав несколько кругов вдоль стен комнаты, почувствовал, как силы постепенно возвращаются к нему.

— Пойдем на веранду, — хрипло сказал он. — Мне нужен свежий воздух.

Было уже совсем темно. Сильный западный ветер изрядно

растрепал пелену облаков, сквозь разрывы которых проглядывали дрожащие звезды.

Биррел постоял некоторое время на пороге, жадно вдыхая влажный прохладный воздух. Среди звезд он заметил голубую искорку Веги. Что бы подумал сейчас Фердиас, если бы узнал, какая каша здесь заварилась.

Внизу, на лужайке, о чем-то оживленно разговаривали Маллинсон и его люди. Через минуту дипломат бодро поднялся по лестнице.

— Мы готовы начать поиски флиттера, — сказал он. — Биррел, у вас есть еще шокеры или какое-нибудь другое оружие? Жаль... Миссис Биррел, а вам бы стоило уехать отсюда в более спокойное место.

Биррел в сомнении посмотрел в сторону полей, за которыми едва можно было разглядеть темную стену леса.

— Постойте, Маллинсон, не стоит пороть горячку, — сказал он. — Я уже достаточно побродил по окрестностям, знаю — ночью мы здесь ни черта не найдем. Все, что мы выудили из Таунцера, — это то, что флиттер спрятан где-то рядом с лесной поляной под деревьями. Я понятия не имею, где в местном лесу находятся поляны. Нам нужен проводник. Таунцер нам в этом деле не помощник, но с Харпером вполне можно договориться.

— Ничего не получится, — погрузился Маллинсон. — Пока вы лежали без сознания, я отослал этих двух агентов в Нью-Йорк. Откуда я знал, что вы сумеете уговорить меня остаться?

Биррел хотел было выругаться всласть и сказать, что он думает о молодом дипломате, но сдержался.

— Все равно без проводника нам не обойтись. Недалеко отсюда находится ферма моего знакомого по имени Винсон. Он должен отлично знать окрестности.

Опираясь на руку жены, командор спустился по лестнице и пошел к машине.

— Лиллин, ты поедешь с нами, — строго сказал он. — Останешься в доме Винсонов, пока опасность не пройдет.

Всего лишь несколько раз за их совместную жизнь он говорил с ней в подобном тоне, и никогда это ему не сходило с рук. Лиллин гневно взглянула на него, открыла было рот... но смолчала. Биррел вздохнул с облегчением. Он был рад, что супруга не закатила ему сцену. Впрочем, Лиллин могла сделать это позднее, при более удобном случае.

Маллинсон, рискуя, быстро вел машину по темной поселковой дороге. По обеим сторонам над волнистой линией де-

ревьев сияли звезды. От облаков уже не осталось и следа. Погода на Земле была непредсказуемой, но ситуация в политических джунглях менялась еще быстрее.

«Что нас ждет этой ночью, — с тревогой подумал Биррел. — Попадется ли скаут в ловушку или сумеет уйти?»

— Поворачивай налево, — сказал он, увидев чуть в стороне от дороги большой каменный дом.

Его окна были темными, но когда машина, скрипя тормозами, остановилась возле веранды, дверь распахнулась. Кутаясь в плащ, Винсон спустился по лестнице, с удивлением глядя на неожиданных гостей.

— Ба, да это командор Биррел! — воскликнул он, увидев среди вышедших из машины знакомое лицо. — И вы, миссис, тоже приехали? Прекрасно! Заходите, друзья, будем очень рады...

Биррел крепко пожал руку гостеприимному фермеру.

— Простите за неожиданное вторжение, сосед, но у нас появились кое-какие проблемы. Вы не будете возражать, если Лиллин останется на ночь в вашем доме?

— Моя Эдит будет только рада, — удивленно сказал Винсон.

— Прекрасно. А к вам, Винсон, у меня не очень обычная просьба...

Из дома вышла хозяйка дома, держа в руке фонарь. Увидев Лиллин, она радостно вскрикнула. Винсон объяснил ей, что миссис Биррел останется в доме на ночь, после этого обе женщины ушли.

Перед дверью Лиллин остановилась и, обернувшись, сказала:

— Будь осторожен, милый. Очень осторожен!

Биррел кивнул, провожая жену взглядом.

— Так чем могу служить, командор? — спросил нетерпеливо фермер.

— Сначала познакомьтесь с мистером Маллинсоном, — сказал Биррел, кивнув в сторону молодого мужчины. — Это секретарь Совета ОМ.

Винсон потерял дар речи, энергично потряс протянутую Маллинсоном руку.

— Вы, конечно же, знаете лесок, что расположен сразу же за моими полями? — спросил Биррел.

— Как свои пять пальцев, — заверил его Винсон несколько удивленным тоном. — На десять миль в округе мне знакома каждая травинка. А в чем дело?

Биррел коротко рассказал о флиттере агентов Ориона, стараясь не вдаваться в лишние подробности. Винсон слушал,

кивая, и мрачнел на глазах. Не дослушав до конца, он неожиданно вбежал по ступенькам веранды и забарабанил в дверь. Вскоре из дома вышла встревоженная жена.

— Что стряслось? — спросила она. — Мы с миссис Биррел уже...

Винсон бесцеремонно прервал ее:

— Эдит, эти господа утверждают, что скоро начнется война между Землей и Орионом. И первая битва состоится в Орвилле этой же ночью!

Миссис Винсон охнула и схватилась рукой за сердце.

— Не тревожьтесь, миссис, ваш муж сильно сгущает краски! — воскликнул Биррел, мысленно проклиная простодушного фермера. — Никакой войны нет, и неизвестно, будет ли она вообще. Мы попросили мистера Винсона проводить нас в лес и кое-что показать, только и всего. Уверю вас, ему ничто не угрожает. Мистер Винсон сразу же вернется домой, я обещаю.

Фермер едва не подпрыгнул от возмущения.

— Дьявол, они собираются отправить меня домой, словно сопливого мальчишку! Послушайте, мистер Биррел, и зарубите себе на носу: этот мир в такой же степени мой, как и ваш. Если пришельцы со звезд собираются начать войну, то я отсиживаться в подвале не намерен. Пойду возьму свой охотничий шокер. Подождите минуту...

Он исчез в доме, и за ним поспешила его растерянная супруга. В доме одно за другим зажглись несколько окон.

Маллинсон с иронией взглянул на командора.

— Вы слышали, что сказал фермер? «Этот мир в такой же степени мой, как и ваш!» Забавно, не правда ли?

Биррел пожал плечами.

— Это для вас я чужак, Маллинсон, а для простых жителей Орвилла я вроде блудного сына, вернувшегося на порог родного дома. Вам, политикам, не мешало бы иметь толику их здравого смысла.

Вскоре Винсон вернулся, неся на плече издававший виды шокер, больше похожий на винтовку. Фермер был одет в теплый плащ и резиновые сапоги. От возбуждения он не мог вымолвить ни слова, но, когда машина выехала на поселковую дорогу, его словно прорвало:

— Я знаю три-четыре поляны в этом лесу, где мог бы за просто сесть флиттер. Однако возле одной из них нет больших деревьев, машину там не спрячешь. Остальные я вам покажу.

Возле дома их ждали Гарстанг, Вахис и люди Маллинсона. Фермер крепко потряс всех руки, затем приглашающе махнул рукой:

— Пошли, парни, чего стоим. Только глядите себе под ноги, на полях мистера Биррела и трактор себе колесо запросто переломать может.

— Подождите, — остановил его Биррел. — Надо забрать тяжелый саник, который я отобрал у Таунцера.

— Мы захватили его с собой, мистер, — сказал один из людей Маллинсона.

— Отлично! Что ж, тогда пошли.

Биррел чувствовал себя более уверенно, чем час назад. Люди Маллинсона были, без сомнения, агентами секретной службы — высокие, плотно сложенные парни, готовые к любым переделкам.

Винсон уверенно зашагал по едва заметной тропинке через поле, направляясь в сторону леса. Высокая трава была влажной от росы, так что Биррел быстро почувствовал, что промок чуть ли не до пояса.

Дальше — хуже. Вошли в заросли колючего кустарника, который Винсон назвал ежевикой. Маллинсон запретил включать фонари, они были и не очень-то нужны — высветлившиеся звездами небо достаточно хорошо освещало все вокруг.

Вскоре со стороны леса послышался приглушенный лай.

— Лисица, — спокойно сказал Винсон, поправляя шокер на плече. — Давно хочу до нее добраться, да все руки не доходят. Сколько она у меня кур перетаскала, паршивка! Так, теперь сворачиваем направо, в заросли сумаха.

Кусты цеплялись за ступни, заросли дурмана царапали ноги до колен, ветви небольших деревьев больно хлестали по лицу. В темноте было нелегко ориентироваться даже Винсону. Несколько раз он останавливался, чтобы уточнить дорогу, и каждый раз Биррела поражала внезапно наступавшая тишина.

«Я давно ожидал войны с Орионом, — думал он, — но всегда считал, что она начнется где-то в пограничной области, в каком-нибудь могучем звездном скоплении или обширной туманности». А она, похоже, начнется здесь, на старой планете, в ночном лесу. И его поведет в бой добродушный фермер, ни разу даже не видевший близко звездолета.

Дорога была нелегкой, но хуже всего были крошечные насекомые, которые тысячами преследовали отряд, издавая воинственный писк. Кружась над головами людей, мошкара

осыпала их лица и руки болезненными укусами, похожими на уколы игл.

— Проклятое комарье, — простонал Маллинсон, отчаянно потирая шею.

Винсон остановился. Стена леса уже была рядом.

— Мы почти уже пришли, — тихо сказал фермер, крутя головой по сторонам. — Погодите минутку, дайте оглядеться. Не часто приходится посещать эти места ночью... Так, одна поляна должна быть метрах в ста отсюда.

Он повел отряд через заросли жесткой травы. Под ногами захлюпало. «Этак мы забредем в болото», — подумал Биррел, но Винсон вскоре уверенно вывел их на опушку леса. Пройдя между невысокими деревьями, они вышли на округлую поляну, кое-где заросшую кустарником. Осмотр ее не занял много времени.

— Ничего, — сказал Винсон глухо. — Ручаюсь, флиттер здесь не садился — трава совершенно не примята. Ладно, пойдем дальше.

Они продрались через густой кустарник, перешли через речку и поднялись по пологому склону.

— Подождите, — сказал Винсон, насторожившись.

— Что-нибудь нашли? — спросил Маллинсон.

— Сумах и молочай поломаны. Здесь кто-то проходил не далее как прошлой ночью. Подождите, я сам посмотрю, что и как.

Ждать пришлось довольно долго. Люди стояли молча, отмахиваясь от полчищ комаров. К Биррелу вернулась недавняя головная боль, только увеличивающая его раздражение. Когда Гарстанг, отбиваясь от злобных насекомых, позволил себе тихо выругаться, Биррел готов был заорать на него: как, мол, он смел нарушить тишину! Но тут послышались тяжелые шаги и треск раздвигаемых кустов.

— Нашел! — сказал Винсон восторженным шепотом. — Флиттер стоит здесь, под деревьями!

Маллинсон вздохнул с облегчением.

— Ведите к нему, — приказал он.

Действительно, рядом с обширной поляной, в тени деревьев, были смутно видны контуры флиттера.

— Кей, где ты? — спросил Маллинсон. — Погляди, есть ли во флиттере радиомаяк.

Техник, который так умело управлялся с «детектором правды», поднял фонарь и, откинув прозрачный колпак кабины,

осторожно полез внутрь. Через несколько минут изнутри машины донесся его голос:

— Да, радиомаяк есть. Он работает на частоте местного телевидения. Хитро придумано, черт побери! Такой луч ни один прибор на наших спутниках не засечет... Но сейчас он автоматически выключен.

— Включи его, — приказал Маллинсон.

Через несколько минут Кей выбрался из кабины.

— Все сделано, сэр, — отрапортовал он.

Маллинсон кивнул.

— Биррел, вы здесь?

— Да.

— Как вы считаете, скаут рискнет совершить посадку? Или он должен был получить от Таунцера какие-то особые сигналы?

— Вряд ли. Агент сказал бы нам об этом.

— Тогда надо рассредоточиться вокруг поляны. Не исключено, что скаут прилетит именно этой ночью. Винсон, расставьте людей так, чтобы их не было видно со стороны. А вы, Гарстанг, берите соник и спрячьтесь за флиттером. Не включайте оружие, пока противник не подойдет близко.

Гарстанг презрительно хмыкнул — мол, учи ученого — и, взвалив на плечи соник, тяжело зашагал к машине. А Биррел, достав из кармана шокер, устроился за опрокинутым пнем.

На поляне вновь воцарилась тишина.

Глава 16

Незадолго перед наступлением нового дня на поляну почти беззвучно опустился небольшой космолет с эмблемой Ориона на борту. Вряд ли кто-нибудь из окрестных жителей увидел быструю тень, мелькнувшую среди звезд, но фермерские собаки отозвались на ее появление дружным лаем. Скаут сел посреди поляны и выключил двигатель. Вскоре в округе вновь воцарилась тишина, нарушаемая только звоном цикад.

Биррел вышел из своего убежища и пошел не прячась через высокую траву. В такой темноте его вполне можно было принять за Таунцера. На всякий случай он включил карманный фонарик и стал им размахивать: мол, не беспокойтесь, свой идет. На сердце у него скребли кошки, каждую минуту он ожидал выстрела. Не исключено, что Таунцер должен был дать какой-то определенный сигнал, прежде чем подойти к

скауту. Только какой? До сих пор ему, Биррелу, удавалось брать верх в этой многоходовой игре с Орионом; когда-то баланс мог сместиться в сторону проигрыша.

Последние шаги дались ему с огромным усилием, но смертоносного выстрела не последовало. Вместо этого послышался хорошо знакомый звук открываемого люка.

В лицо Биррелу ударил луч голубого света. Не тратя время на спуск трапа, на землю выпрыгнул высокий мужчина в военной форме. «Наверняка командир скаута, — лихорадочно подумал Биррел, — вряд ли он мог поручить кому-то другому встретиться с такой важной птицей, как Таунцер». Еще один член экипажа стоял возле люка, наблюдая за своим командиром.

Биррел поспешил навстречу орионцу, стараясь все время держаться в тени и пытаясь имитировать голос Таунцера:

— Почему вы опоздали? Вы должны были прилететь еще прошлой ночью! — обрушился он сразу же на капитана. — Не включайте прожектора, мы немедленно взлетаем!

— Но вы же раньше говорили... — растерянно ответил капитан.

Биррел не дал ему закончить мысль — выхватив шокер, он выстрелил в упор. Капитан скаута упал, даже не охнув. Не теряя времени, Биррел ринулся к люку, скользя по росистой траве. Второй член экипажа высунул голову наружу, пытаясь разглядеть, куда же исчез его командир. После второго выстрела он застыл на месте с искаженным от боли лицом. Биррел отшвырнул орионца в сторону и прыгнул внутрь.

На этом его удаче пришел конец. В коридоре около люка стоял третий член экипажа, глядя в иллюминатор. Он все видел и уже поднимал свой шокер. Биррел торопливо выстрелил и промахнулся. Ответный выстрел был точнее. Вся правая часть тела командора внезапно онемела. Биррел пошатнулся и едва не упал, однако успел опереться левой рукой о металлическую стену. Вторым выстрелом он уложил орионца, но было уже поздно. За стеной раздались встревоженные голоса. Дьявол, где Гарстанг и все остальные? Почему они не спешат ему на помощь?

Впрочем, со стороны леса уже доносился топот ног. Земляне не успели добежать до люка, когда со стороны кормы послышался тревожный вой сирены. Биррел застонал от отчаяния. Если скаут успеет взлететь, то все погибло! Надо немедленно бежать к кабине пилота, но как это сделать, если правая часть тела не слушается? Он был сейчас способен только

на одно — держаться за стену, чтобы, не дай бог, не упасть на лежащего ничком астронавта.

К счастью, экипаж скаута замешкался, и первыми в коридор ворвались Гарстанг и Винсон. Они сразу же установили на турели тяжелый соник. Гарстанг действовал собранно и четко, ему не впервые было оказываться в критической ситуации, а вот фермер излишне суеулся и не столько помогал, сколько мешал своему товарищу.

«Держите коридор под прицелом!» — хотел было крикнуть Биррел, но вместо этого только невнятно захрипел — голосовые связки тоже оказались частично парализованными. Однако Гарстанг и сам понимал, что стрелять в сторону отсеков корабля бесполезно — металлические стены служили хорошим экраном для парализующего луча.

— Командор, вы ранены? — воскликнул Винсон, заметив болезненную гримасу на лице Биррела.

Гарстангу же было не до сантиментов. Увидев, что коридор пока еще пуст, он принял решение пойти в атаку.

— Винсон, вперед! — заорал капитан.

Они дружно ухватились за ручки соника и побежали в конец коридора, едва не сбив с ног командора. Остановившись около двери, ведущей в салон, Гарстанг одним ударом ноги распахнул ее и начал «поливать» отсек корабля парализующими лучами. Биррел не мог разглядеть, скольких орионцев им удалось вывести из строя. Вряд ли весь экипаж находился в салоне... И тут же распахнулась соседняя дверь, и в коридор выскочили двое солдат с бластерами в руках. Гарстанг с удивительной для его массивной фигуры ловкостью сумел повернуть раструб соника. Не успев выстрелить, оба орионца упали.

— Стреляйте по другим каютам! — с усилием крикнул Биррел. — В корабле могут быть еще люди!

— Эта штука чертовски тяжела, — процедил сквозь зубы Гарстанг и потащил соник к соседней двери, одновременно разворачивая устройство. Винсон, похоже, толком не понял, что же делает его товарищ, и потому больше мешал ему. Биррел чертыхнулся и попробовал прийти на помощь Гарстангу, но его ослабевшие ноги внезапно подкосились, и он сполз на пол. К счастью, в этот момент в распахнутом люке появилось лицо одного из людей Маллинсона — это был Кейн. Он сразу же понял, что надо делать. Побежав по коридору, землянин оттолкнул растерявшегося Винсона и схватился за свободную ручку соника. Вдвоем с Гарстангом они стали методично «по-

ливать» парализующими лучами каюту. Тотчас до Биррела донесся грохот падающих вещей и дикие крики. Из двери выскочил высокий офицер с погонами лейтенанта, держась руками за голову. Лицо его было искажено от страшной боли. Винсон выхватил из кармана шокер, хотя выстрелить не успел — офицер упал, даже не вскрикнув.

Сидевший на полу Биррел ощущал спиной, как дрожит металлическая переборка, попав под луч соника. Шум в отсеке корабля постепенно стих.

— Достаточно, — сказал Биррел, с трудом шевеля языком. — Винсон, помогите мне встать.

И только тогда в космолет вошел Маллинсон. По его бледному лицу было видно, что он впервые участвовал в бою и во все не стремился пасть смертью храбрых. Увидев, что орионцы лежат без движения на полу, он заметно приободрился и уверенным шагом пошел по коридору. На Биррела он даже не взглянул.

Винсон помог командору подняться. Лицо фермера светилось от восторга.

— Неужели мы сделали это? — прошептал он. — Захватили целый корабль?

— Пойдем быстрее, — раздраженно ответил Биррел, буквально повиснув на плече фермера.

Общими усилиями они добрались до радиорубки, где стоял, задумавшись, Маллинсон. Рядом с передатчиком лежали двое офицеров, осыпанные осколками осветительных ламп.

— Они наверняка пытались послать сигнал о помощи, — сказал дипломат, взглянув на Биррела. — Вопрос только в том, удалось ли им это.

В радиорубку вбежал улыбающийся Кейн.

— Мистер Маллинсон, корабль в наших руках! — воскликнул он. — Все орионцы, кроме двоих, лежат без сознания, да и те двое едва могут пошевелиться. Мы продолжаем поиски...

— Взгляни на передатчик, — прервал его Маллинсон. — Успели они послать сигнал тревоги или нет?

Кей сразу же посерьезнел. Он подошел к пульту и внимательно изучил показания многочисленных приборов.

— Нет, сэр, — сказал наконец техник. — Передатчик даже не включен.

Лицо Маллинсона посветлело.

— Ну и что мы теперь будем делать, командор? — спросил он.

— Для начала надо связать пленников, пока они не при-

шли в себя, — пробормотал Биррел и поморщился. — Черт, до чего болит нога. Винсон, помогите мне сесть в кресло... Спасибо. А вам, Маллинсон, я советую сходить в каюту командира и взглянуть на вахтенный журнал. Сомневаюсь, что там найдется что-то ценное, но проверить не мешает.

Дипломат ушел с недовольным видом — ему не очень-то понравилось, что Биррел стал распоряжаться на корабле. В двери он едва не столкнулся с возбужденным Гарстангом.

— Как дела, командор? — спросил тот.

Биррел со страдальческой улыбкой на лице чуть-чуть приподнял правую руку, которая стала потихоньку его слушаться.

— Как видишь, жив, — сказал хрипло он. — Хотя я получил вполне достаточно, чтобы отправиться на тот свет. Джо, ради бога, помассируйте мне правый бок.

Гарстанг старательно стал разминать онемевшие мышцы командора, и через несколько минут тот очухался настолько, что смог самостоятельно встать.

— Вам еще повезло, сэр, — сказал Гарстанг. — У этих парней с Ориона шокеры были настроены на смертоносный уровень. Они не собирались шутить.

— Пойдем на воздух, Джо, — сказал Биррел, тяжело дыша. — Меня уже тошнит от этого корабля.

С помощью Гарстанга и Винсона он спустился на землю. Невдалеке лежал, как бесчувственное бревно, капитан скаута, и двое людей Маллинсона с шокерами в руках охраняли его, мужественно выпятив подбородки. Биррел оглядел темную поляну, залитую светом звезд, и подумал: «Опять обошлось. Снова я вышел сухим из воды. В такой переплет я не попадал давно — сначала Таунсер, затем Маллинсон, и вот теперь эти парни со скаута. Многовато приключений для главы официальной делегации Лир, которому полагается все время проводить на банкетах с бокалом в руке...»

Биррел достал из кармана порто и включил его. После окончания разговора он еще раз глубоко вдохнул прохладный воздух, насыщенный запахами трав, и нехотя пошел назад к скауту.

Маллинсон встретил его около люка, попыхивая сигаретой.

— Ничего я не нашел интересного в бумагах капитана. Но сам он должен знать немало. Мы отвезем его в Нью-Йорк и, когда придет в себя, допросим.

— Я поеду вместе с вами, — сказал Биррел. — Только что я отдал приказ своему заместителю готовиться к взлету.

Маллинсон с проклятием выплюнул дымящуюся сигарету.

— Черт, вы не имеете права сделать это без разрешения Совета! С какой стати мы должны доверять Лире больше, чем Ориону? Да, я убедился, что вы ничего не знаете об агрессивных планах Фердиаса, но это не значит, что их нет.

— Плевать я хотел на ваш Совет! — не выдержав, взорвался Биррел. — Я не желаю, чтобы из-за вашего ослиного упрямства Пятую поймали в ловушку. Что бы вы ни говорили, наши скауты взлетят через час, а крейсера — через два!

Маллинсон помрачнел.

— Я уже предупреждал вас, командор, если ваши корабли попытаются подняться с Земли, то заговорят наши орудия. Я надеюсь, их язык будет понят и без перевода.

— Они взлетят в любом случае, — уверенно ответил Биррел. — Зарубите это себе на носу, Маллинсон. Лучшее, что вы можете сделать, — немедленно лететь к Чартерису и разъяснить ему эту простую истину. У Совета есть еще шанс дать приказ отойти своим батареям.

Дипломат покраснел от гнева.

— Неужели вы вздумаете сопротивляться? — пробормотал он. — Здесь, рядом с большим городом? Вы понимаете, к каким жертвам среди мирного населения это может привести?

— Если вы не отмените своего дурацкого решения, то так и будет, — безжалостным тоном ответил командор. — Пятая будет драться прямо в космопорту. Вы можете уничтожить наши корабли, но вам это дорого обойдется. Не говоря уже о том, что почти наверняка вскоре придут эскадры Ориона и разорвут вас на куски. Я могу в этом случае пожелать им только приятного аппетита!

— Вы еще смеете ставить нам условия! — взвился Маллинсон.

— Первым выставили ультиматум вы, — отрезал Биррел. — И я отвечаю вам той же монетой. Поймите одну вещь, глупец: Пятая вам не по зубам! Да и много ли чести для землян разбить своего единственного союзника?

Что-то в его словах наконец пробило броню недоверчивого упрямства дипломата. Маллинсон с затравленным видом посмотрел на Биррела и угрюмо кивнул:

— Хорошо. Я доложу Чартерису.

Он выпрыгнул из люка на землю и, не оглядываясь, пошел к флиттеру. Биррел тем временем подошел к изрядно растерявшемуся фермеру и спросил:

— Мистер Винсон, вы разрешите моей жене еще немного

побыть у вас? Сами видите, ситуация непростая, а оставлять ее одну не хочется.

— Мы будем только рады, — сказал Винсон. Фермера явно раздирали противоречивые чувства. — Командор, я что-то не понял...

Вскоре Маллинсон вернулся. На его непроницаемом лице ничего нельзя было прочесть.

— Эй, Кейн! — крикнул он. — Собирай людей. Надо прикатить флиттер на поляну, чтобы на нем можно было взлететь. — Повернувшись к Биррелу, дипломат нехотя сказал: — Я рассказал Чартерису обо всем, что здесь произошло. Это озадачило его. Через час будет срочно собрано заседание Совета. Если решат, что Пятая Лиры представляет для Земли большую угрозу, чем эскадры Ориона, то ваши корабли будут уничтожены прямо на поле.

Подошедший к ним Гарстанг хрипло произнес:

— Черта с два! Кишка тонка у вас, землян, чтобы справиться с Пятой!

Маллинсон не обратил на него внимания.

— Я вызвал флиттеры сюда, на поляну. Вы полетите с нами в Нью-Йорк, командор.

Глядя на непреклонное лицо молодого дипломата, который явно не хотел с ним дальше разговаривать, Биррел засомневался — может быть, стоит вызвать Брешника и отменить приказ о взлете? Эти земляне, похоже, довольно упрямые парни и могли доставить Пятой массу неприятностей.

Но он даже не прикоснулся к порто. Где-то там, в глубине космоса, к Земле сейчас мчались эскадры Ориона. Пятая должна была встретить их на рубежах Солнечной системы, даже если для этого ей придется уходить с боем.

Глава 17

Ни одного выстрела на космодроме не прозвучало. Первыми взлетели скауты, через час один за другим поднялись с ревом крейсеры, а огромные орудия, окружавшие поле, молчали. За орбитой Марса корабли построились в боевой порядок и направились к границам Солнечной системы.

Эскадра остановилась рядом с газовым гигантом, который земляне называли Сатурном, и стали ожидать приказов своего командора.

Сам же Биррел в это время находился почти неотлучно в

здании Совета ОМ. Его голова раскалывалась от бесчисленных разговоров с местными чиновниками, которых приходилось убеждать, упрощать, а порой и запугивать. Правая нога по-прежнему плохо слушалась, но он, скрипя зубами, продолжал свою одиссею по гигантскому бюрократическому муравейнику, пытаясь сдвинуть дело с мертвой точки. Держался на тонизирующих таблетках. Но хуже всего было то, что все его усилия пропадали втуне. Тупоголовость чиновников оказалась фантастической, и это могло стоить Земле большой крови.

После долгих попыток ему удалось-таки выйти на высший уровень. В кабинете Чартериса собрались люди, от решения которых зависело много. Биррел сидел на одной стороне длинного стола, земляне — на другой. На их лицах читалось недоверие. Биррел еще мог понять Чартериса и Маллинсона, но адмирала Ланея и офицеров его штаба он оправдать не мог. Политикам было нетрудно рассуждать, сидя в своих уютных кабинетах, но военные-то были людьми ответственными, они обязаны прежде всего думать не о своих амбициях, а о безопасности планеты!

— ...повторяю еще раз, командор, — с каменным выражением на лице произнес Чартерис. — Пятая Лиры будет действовать только под командованием Объединенных Миров или вообще не вступит в бой.

— Да поймите же, вопрос здесь не в том, кто главнее — я или адмирал Ланей, — усталым голосом ответил Биррел. — Это вопрос стратегии.

— Вот мы и будем определять стратегию, — хмуро ответил Чартерис.

Биррел отодвинул свое кресло и вышел из-за стола. Не обращая ни на кого внимания, он стал массировать онемевший правый бок. Командор с трудом сдерживался, чтобы не высказать этим людям все, что он о них думает.

Чтобы хоть как-то сохранить самообладание, он подошел к окну и стал смотреть на город, задернутый серой пеленой дождя. Нет, сейчас нельзя наломать дров, это может обойтись слишком дорого миллионам людей во всех секторах Галактики.

Было около трех часов ночи, и, несмотря на непогоду, улицы сияли разноцветными огнями и бурлили от толп людей. Никто из землян и их многочисленных гостей даже не подозревал, во что может вылиться этот многодневный праздник.

Все информационные средства пока молчали о создавшейся тревожной ситуации.

И хорошо. Земляне могли не поверить в то, что им кто-то угрожает. Они слишком привыкли думать о своем мире как начале всех начал и не способны примириться с мыслью о независимости секторов. Конечно же, им и в голову не приходило, что кто-то из правнуков Земли может напасть на планету своих предков. Отсюда и упрямство, и нелепая амбициозность высших должностных лиц Земли. Стоит ли на них сердиться?..

Успокоив себя подобными рассуждениями, Биррел подошел к большой объемной карте Солнечной системы и ее окрестностей. Огоньки звезд висели прямо в воздухе, так что он мог идти через созвездия, ощущая себя гигантом. Рядом с его лицом проходила линия красного цвета, берущая начало от Скорпиона и идущая в направлении Солнца. Она появилась на карте после того, как заговорил капитан скаута под действием «детектора правды». Большой компьютер Совета вычислил по его туманным показаниям ожидаемый курс двух эскадр Ориона, которые должны были напасть на Землю.

— Орионцы делают большой круг, чтобы напасть на Землю с направления, противоположного Ориону, — задумчиво сказал Биррел. — Они рассчитывают застать нас врасплох, со стороны, где мы должны ожидать их меньше всего...

Адмирал Ланей раздраженно перебил:

— Командор, я уже не раз говорил: мы готовы достойно встретить врага. От вашей помощи мы не откажемся, но при условии, что вы временно — повторяю, временно, войдете в состав Объединенного флота. Не понимаю, что здесь обидного для Пятой. Вы только гости в Солнечной системе, а мы здесь хозяева.

Биррел холодно посмотрел на старого адмирала.

— Сэр, лично я был бы рад сражаться под вашим командованием. Но факты — упрямая вещь. Флот Объединенных Миров, несмотря на свою славную историю, не может противостоять эскадрам Ориона. Чудес не бывает, адмирал. Более того, даже если ваш флот и Пятая встретят противника лицом к лицу на подходах к Солнечной системе, то мы проиграем. У нас есть только один шанс — напасть на врага неожиданно! А вы предлагаете лобовую атаку и называете это стратегией.

Начальник штаба ОМ, сухощавый старик с седыми усами, презрительно хмыкнул.

— Неожиданность — в эпоху радаров дальнего действия?

Да вы просто смеетесь, молодой человек. Все ваши «неожиданные» маневры противник увидит за миллионы миль до встречи. Я уже не говорю о разведывательных скаутах Ориона, которые словно мыши будут совать свои любопытные носы во все щели. Уничтожать их бесполезно, спрятаться от их радаров — невозможно.

— Все получится, если флот ОМ будет следовать плану, разработанному моим штабом, — уверенным голосом произнес Биррел, решив, что настала пора выкладывать на стол главный козырь.

— Вот как — *вашим* штабом? — усмехнулся Чартерис. — Хорошо, мы готовы вас выслушать, командор.

Биррел указал рукой на полосу крошечных огоньков, лежащую между орбитами Марса и Юпитера.

— В Солнечной системе есть замечательное укрытие — пояс астероидов. Насколько я знаю, внутри его имеются вполне безопасные маршруты?

— Да, — кивнул Ланей. — На астероидах находятся шахты и исследовательские станции, к которым часто приходят грузовые корабли.

— Отлично. Ваш флот, адмирал, должен занять позиции рядом с поясом астероидов. Когда противник подойдет близко, ваши корабли должны войти в пояс, заманив туда крейсера Ориона.

— Чушь, — поморщился Ланей. — Вы думаете, орионцы так наивны? Они ни за что не сунут головы в ловушку, зная, что где-то неподалеку находится ваша эскадра.

— Они не узнают этого, — спокойно ответил Биррел. — Более того, они увидят на экранах своих радаров, как Пятая в походном строю направляется в сторону Ориона, словно ожидая атаки именно с этого направления.

— Но...

— Но, конечно, это будет не Пятая Лиры, — быстро сказал Биррел. — К Ориону направятся торговые суда, транспорты, баржи — словом, все крупные корабли, которые вы сможете собрать за короткое время. Они будут только имитировать Пятую. Дальние радары не определяют подмену. Что касается разведчиков Ориона, то половина наших скаутов будет сопровождать лжеэскадру и сумеет защитить ее от любопытных взглядов. Что скажете, адмирал?

Ланей задумчиво пожевал губами.

— Такой вариант не исключен, — сказал он после долгой паузы. — Но я не вижу в этом никакого смысла. Где вы соби-

раетесь спрятать настоящую Пятую? Если она будет находиться далеко от Солнечной системы, то не успеет прийти нам на помощь. У нас же ей спрятаться негде — радары обнаружат ее где угодно, даже на дне океана.

— Но не на дне солнечного океана, — сказал Биррел.

Как он и ожидал, его слова произвели эффект разорвавшейся бомбы. Земляне изумленно уставились на него.

— Вы хотите сказать, командор, что собираетесь сесть на Солнце? — недоверчиво спросил Чартерис.

— Нет, конечно. Вполне достаточно будет войти в его протуберанцы, — пояснил Биррел, наслаждаясь растерянностью землян. — Наши крейсера имеют повышенную теплозащиту — такой нет даже у орионцев. Самый подходящий момент использовать это преимущество. Никакие радары не смогут обнаружить корабли в океане плазмы.

Чартерис вопрошающе взглянул на Ланея. Тот пожал плечами.

— Ничего не слышал о такой чудесной теплозащите, — признался старый адмирал. — Но вряд ли Биррел стал бы морочить нам головы — ведь нырять в протуберанец придется ему, а не нам. Ну и как вы собираетесь действовать дальше, командор?

— Все очень просто. Вы заманите основную часть флота Ориона в пояс астероидов, а потом мы совершим марш-бросок на предельной для внутрисистемных перелетов скорости. Конечно, определенный риск в этом есть — ведь ваша система полна всяческого космического мусора. Но в случае успеха орионцы окажутся между двух огней. Это уравнивает наши шансы на победу.

Чартерис пытливо смотрел на Ланея. На лице старого адмирала было написано сомнение.

— Если Пятая Лиры запоздает, то нам конец, — признался он после долгого молчания. — И все же попробовать стоит.

— Попробовать? — недовольно пробурчал Чартерис. — Скажите прямо, вы готовы предложить это как официальный план наших совместных действий?

На этот раз Ланей не стал колебаться.

— Да, — твердо ответил он.

— Что ж, хорошо, — после паузы произнес Чартерис.

Биррел вздохнул свободнее, однако председатель Совета сурово взглянул на командора.

— Это не меняет наших взаимоотношений, командор. Руководить операцией по-прежнему будет Совет ОМ, а от его

имени — адмирал Ланей. Вы временно находитесь в его прямом подчинении.

Биррел мысленно послал Чартериса в преисподнюю, но... согласился. Он сделал все, чтобы вправить мозги этим упрямам. Земляне приняли его план, на большее рассчитывать бесполезно.

Вдруг внезапно Ланей, насупившись, произнес:

— Нет, мистер Чартерис.

— Что «нет»? — опешил Председатель Совета.

— Я отказываюсь возглавлять всю операцию, — пояснил Ланей, не поднимая глаз. — Это невозможно. Пятая Лиря долгое время будет находиться на значительном расстоянии от моего флота. Я попросту не могу ими эффективно командовать. Кроме того, нельзя в такой сложной ситуации заранее просчитать все ходы. Биррелу все равно придется действовать практически самостоятельно.

Чартерис помрачнел.

— Вы убеждены, адмирал?

— Абсолютно.

Чартерис неохотно поднялся.

— Прошу прощения, господа, вам придется подождать. В зале заседаний меня ждут члены Совета. Я должен получить у них одобрение нашего плана.

Он торопливо вышел. Биррел с благодарностью взглянул на адмирала, но глаза того были как никогда холодны.

— Не беспокойтесь, командор, Совет все одобрит, — презрительно усмехнулся Ланей. — Потратив, разумеется, не один час болтовни. Каждый из этих политиканов постарается выступить и за, и против, чтобы потом в любом случае оказаться правым. Я полагаю, господа, нам нет смысла терять здесь время. У нас полно неотложных дел.

Некоторое время спустя Биррел вместе с Гарстангом уже выезжали из города на лимузине с флажком Совета ОМ. Сейчас, под утро, город наконец заснул. Улицы потемнели, прохожих почти не было видно, за исключением влюбленных парочек. Автомобиль мчался по темным ущельям между скалами-небоскребами по направлению к реке, а вслед неслось звучное эхо.

Гарстанг дремал, привалившись к спинке сиденья; Биррел не мог даже сомкнуть глаз. Он не хотел верить, что давно ожидаемая война между Лирой и Орионом все-таки началась. Отсюда, с Земли, оба огромных сектора Галактики выглядели лишь невзрачными скоплениями дрожащих искр света. Что

им делить? Звезды? Планеты? Оба сектора имели сотни обитаемых миров, вполне пригодных для жизни людей, и тысячи планет, на которые еще не ступала нога разведчиков космоса. Ни о перенаселении, ни об ограниченности ресурсов и речи не могло идти, и тем не менее бронированные армады вскоре ринутся навстречу друг другу. Погибнут тысячи людей, но это будет только началом, первой искрой, которая вскоре воспламенит пол-Галактики.

И только ли властолюбивый Соллеремос будет виноват в этом? Кто знает, если бы он, Биррел, проявил характер и отказался подчиниться приказу Фердиаса, не полетел бы к Земле вместо мирной делегации, то... То тогда полетел бы кто-то другой. Тот же славный парень Брешник не колеблясь бы взял под козырек.

Биррел чувствовал себя предельно усталым и разбитым. Тонизирующие таблетки кончились, да и вряд ли они могли бы ему помочь сейчас. О сне даже речи не могло идти. Флагманский корабль ждал их с Гарстангом, а там, за орбитой Сатурна, барражировала Пятая, ожидая его распоряжений.

Вдали появились темные купола ангаров, среди которых одиноким великаном возвышалась башня «Старзонга». Машина беспрепятственно въехала на территорию космодрома, возле которого еще недавно стояли сотни тяжелых орудий, и помчалась по пустынному взлетному полю. В западной его части, предназначенной для посадки гражданских кораблей, царило непривычное оживление. Около торговых судов, транспортов и космобарж суеилось множество людей, то и дело подъезжали грузовики и автоцистерны с горючим. Лжеэскадра готовилась к старту.

Биррел легко взбежал по пандусу, не скрывая довольной улыбки. От его недавнего недомогания не осталось и следа. «Черт побери, все идет не так плохо», — думал он, торопливо шагая по коридорам звездолета.

На командном мостике его встретил Фрэнк Наллет, второй заместитель командора Пятой.

— Сэр, «Старзонг» готов, — отрапортовал он. — Только что со мной связывался мистер Брешник. Он доложил, что Пятая расположилась в боевом порядке невдалеке от Сатурна и ждет ваших распоряжений. Прикажете сделать марш-бросок к границе этой системы?

Биррел покачал головой.

— Как раз наоборот. Пятой придется вернуться. Совет принял план, разработанный нашим штабом.

— Вы имеете в виду идею нырнуть в хромосферу Солнца? — с оживлением спросил Наллет. — Замечательно!

— Свяжитесь с Брешником и отдайте ему приказ от моего имени немедленно возвращаться, — велел Биррел. — Пусть Пятая выйдет на орбиту Земли, и, когда лжеэскадра стартует к Ориону, мы полетим к Солнцу. А пока я пойду вздремну. Разбудите меня, когда придет сообщение из штаба ОМ, — им нужно время, чтобы приготовить свои посудины к полету.

Спустившись в каюту, Биррел не раздеваясь лег на кровать и моментально уснул.

На рассвете Лиллин вышла из дома Винсонов и пошла по влажной тропинке в сторону луга. Было прохладно, неяркое солнце нехотя поднималось за грядями холмов, окаймляющих долину. Легкие облачка плыли на запад. Однажды между ними деловито прожужжал флиттер, но это было все. Поеживаясь, Лиллин обхватила себя за голые плечи и стала терпеливо ждать.

Наконец из-за горизонта послышался глухой раскат грома, за ним еще один и еще... В небе стали вспыхивать огненные факелы — это уходили в небо корабли, которым предстояло изображать Пятую Лиры. Слегка шевеля губами, вегианка считала: десять... пятнадцать... тридцать...

Не прошло и получаса, как лжеэскадра покинула Землю, направившись в сторону Ориона. Но Лиллин не уходила, ожидая совсем иного раската грома. И он пришел, сотрясая небо. Среди облаков вспыхнул ослепительный огненный столб. Лиллин инстинктивно сжала правую ладонь, в которой хранилась записка, переданная ей вчера вечером Винсоном. В ней было всего три слова: «Жди меня, милая». Всего три слова, которые разом покончили с ее прежней спокойной жизнью. Да только ли ее одной? Сегодня телевидение и газеты наконец-то скажут правду, и вся Галактика встанет на дыбы.

Когда огненный вихрь погас, Лиллин еще раз взглянула на мирно дремлющую долину и медленно пошла к дому.

Глава 18

Космос пылал, подожженный неистовым излучением Солнца. На тысячи миль вокруг простиралась бурная река взбесившихся атомов, подстегиваемых вихрями чудовищных электромагнитных полей. Во все стороны летели тысячемильные

брызги фиолетового кальция и желтого натрия. Ничто живое, казалось, не могло просуществовать в этом адском котле и мгновения.

Но над огненным океаном висела серебристая стая звездолетов. Ее сотрясали буруны магнитных полей, пронзали потоки безжалостной радиации, обжигало звездное сияние, фантастический жар проникал даже через мощные защитные поля крейсеров, раскаляя металлические переборки. Пятая Лиры отчаянно боролась, чтобы сохранить свой строй. Ее радары прогибались под гравитационными ударами, корабли расходились, отброшенные друг от друга электромагнитными вихрями, но затем вновь сближались, используя всю мощь своих атомных двигателей.

Флагманскому кораблю было чуть легче. Он находился на самом кончике гигантского протуберанца, лишь слегка прикрытый плазменным щитом. Его радар дальнего действия функционировал, тогда как все остальные корабли эскадры были слепы и глухи. «Старзонг» был единственной ниточкой, связывающей Пятую Лиры с окружающим миром, но эту ниточку можно было обнаружить, если корабли Ориона направят свои радары прямо в сторону Солнца. Оставалось надеяться, что враги не догадаются сделать это...

Биррел сидел в радиорубке «Старзонга» и старательно жевал сандвич. Ему вовсе не хотелось есть, более того, его желудок бурно протестовал против пищи. Воздух вокруг был раскаленным, насыщенным малоаппетитными запахами термoplastмассы и разогретых металлов, так что трудно было не то что есть, но даже дышать. Нервное напряжение тоже не способствовало аппетиту. Однако командор не имел права обнаруживать перед подчиненными хотя бы тень своего возбуждения, напротив, он должен был в любой обстановке вести себя так, будто все в полном порядке. Биррелу казалось, что его наигранное хладнокровие передается всем окружающим. По крайней мере, лица Гарстанга и Веннера, склонившиеся над экраном радара, были довольно спокойными. Но вот экран в очередной раз мигнул и погас, и Гарстанг разразился отборной руганью.

— Мы снова ослепли, командор!

— Терпение, Джо, терпение, — пробурчал Биррел, с отвращением проглатывая очередной кусок. — Все идет нормально. Мы сидим по уши в плазме — чего вы хотите?

Экран вновь засветился, но на тусклом белесом фоне ничего нельзя было разглядеть. Это означало, что внешние сенсо-

ры отреагировали на вспышку солнечной активности и временно отключили радар. Корабль содрогнулся раз, другой, а затем задрожал до боли в зубах.

— Относитесь к этим маленьким неприятностям философски, Джо, — нарочито небрежным тоном произнес Биррел, все-таки дожевывая проклятый сандвич. — Нашим парням там, в глубине протуберанца, приходится куда хуже.

«До чего я устал разыгрывать из себя спокойного, уверенного в своей правоте космического волка, — с раздражением подумал Биррел, заставляя себя приняться за очередной сандвич. — Наверное, во всей эскадре не найдешь сейчас более нервного и растерянного человека. Ведь это я придумал безумный план нырнуть в хромосферу Солнца. Если бы я рисковал только своей жизнью! Увы, на карту сейчас поставлены миллионы жизней...»

Только доев сандвич, Биррел позволил себе встать и подойти к экранам радара. Они вновь заработали, но что-то толком разглядеть на них было нельзя. На одном высвечивался сектор, расположенный в направлениях зенита и запада по отношению к плоскости эклиптики. На нем был виден рой искр, медленнодвигающийся от Солнца в сторону Бетельгейзе. Даже для искушенного взгляда это выглядело эскадрой крейсеров, сопровождавшейся россыпью скаутов. Биррелу хотелось надеяться, что орионцы будут введены этой лжеэскадрой в заблуждение. Если же они пошлют на всякий случай своих разведчиков и кто-то из них сумеет подойти к Пятой Лире поближе, то... То для десятков сугубо гражданских судов этот полет будет последним.

На соседнем экране был виден край обширного поля астероидов. Рядом с ним барражировали пять крейсеров Объединенного флота, игравших роль приманки. Основная часть кораблей адмирала Ланея находилась внутри потока каменных глыб, так, чтобы их невозможно было обнаружить даже с близкого расстояния.

Третий экран, высвечивающий направление на Плеяды, выглядел как обычно — только бархатная чернота космоса и звезды. И ничего больше.

— Почему они не идут, командор? — раздраженно спросил Гарстанг. — Неужто этот чертов командир скаута ошибся? Или план атаки в последний момент изменили?

Экраны вновь дружно засветились белым огнем. «Старзонг» качнулся так, что все находившиеся в радиорубке едва удержались на ногах. Вихрь солнечного магнетизма захлест-

нул корабль, и радары опять были автоматически отключены. Система стабилизации парировала возмущение, и через несколько минут дрожание корпуса прекратилось.

Только тогда Биррел смог ответить Гарстангу:

— Не беспокойтесь, Джо, мы скоро узнаем, надул нас командир скаута или нет.

Гарстанг взглянул на него мутными глазами.

— Вы замечательно рассуждаете, командор. Только не забудьте — наших парней на остальных кораблях трясет посильнее, чем нас. Не могут же они вечно сидеть в этой адской печке! У меня уже начинают мозги плавиться, как же себя должны чувствовать остальные?

Биррел промолчал. Это было единственное уязвимое место в его плане. Никто не знал точно, когда появятся эскадры Ориона. Если командир скаута ошибся хоть на несколько часов, то все мучения окажутся напрасными.

Время шло, но на экране с далекими огнями Скорпиона ничего не изменялось. Дышать становилось все труднее и труднее. Биррел чувствовал, как его сердце начинает заходиться от бешеных ударов. Глаза застилал пот, во рту пересохло. Остальные чувствовали себя не лучше. «Черт побери, больше часа мы не продержимся, — с тоской подумал Биррел. — А что же происходит на других кораблях?..»

— Вот они! — неожиданно заорал Веннер, указывая рукой на экран.

Со стороны Скорпиона выплыл рой искр. Пока он был слишком далеко и ничем не отличался от обычного метеорного потока. Но уже через несколько минут можно было твердо сказать, что две эскадры в боевом порядке двигались в сторону Солнечной системы. Серебристый клинок был нацелен прямо на Землю.

На другом экране стало видно, как пять кораблей Объединенных Миров развернулись и двинулись навстречу непрошеным гостям.

«Старзонг» в очередной раз сильно трянуло, и экраны погасли на несколько минут. Гарстанг и Веннер вопросительно смотрели на Биррела, ожидая команды. Командор молчал. При мысли, что вот-вот начнется первая галактическая война, его, несмотря на жару, пробрал озноб.

Когда экраны вновь вспыхнули, пять кораблей ОМ уже вышли на линию огня. Несколько орионских крейсеров отделились от общей колонны и помчались навстречу немногочисленным защитникам Земли. Силы были явно не равны,

но корабли ОМ, казалось, и не думали вступать в бой. Развернувшись, они бросились назад, в сторону пояса астероидов. Не дойдя до него несколько тысяч миль, они совершили головокружительные виражи и вновь вышли на линию огня. Последовал дружный залп, и корабли ОМ ринулись к поясу астероидов.

Один из преследовавших их орионских крейсеров вдруг ярко вспыхнул и исчез с экрана.

— Отлично сработано! — восторженно воскликнул Гарстанг. И тут, как по команде, все экраны радаров погасли.

Биррел вытер пот, обильно струившийся по лицу. Что ж, маневр адмирала Ланея частично удался, но только частично. К поясу астероидов удалось отвлечь сравнительно немного кораблей Ориона, остальные же почти в два раза превосходили численностью Пятую. Сейчас Земля лежала совершенно беззащитной на пути захватчиков. Там, в маленьком поселке Орвилл, Лиллин наверняка с тревогой смотрит в небо. И вместе с ней миллиарды землян, которые, сами того не зная, верили ему, Биррелу, свои жизни.

— Командор, не пора ли... — начал было Гарстанг, однако Биррел молча покачал головой, не отрывая глаз от экрана.

Пятерке крейсеров ОМ все-таки не удалось в полном составе скрыться в поясе астероидов.

В нескольких сотнях миль от сверкающей россыпи один из них вспыхнул и исчез навсегда. Остальные успели нырнуть в россыпь сияющих искр. Корабли орионцев через несколько минут последовали за ними.

— Сейчас начнется, — прошептал Гарстанг. — Вот сейчас...

В ловушку попали восемь орионских крейсеров. Они быстро поняли, что оказались в опасном лабиринте, путь через который им был неизвестен, тогда как корабли ОМ чувствовали себя здесь как рыба в воде. Каким-то чудом крейсера пришельцев сумели развернуться и выйти из хаоса огромных каменных глыб, но путь им преградили почти два десятка кораблей землян. Завязалась отчаянная схватка. Орионцы компенсировали свою меньшую численность мощью оружия, и все же чаша весов качнулась в другую сторону.

Когда клубящийся вихрь распался, стало ясно, что с экрана исчезли пять кораблей пришельцев и всего два — Объединенных Миров.

— Это разозлит врага, — прошептал Биррел и с силой сжал кулаки. — Теперь они у нас на крючке.

Они смотрели не отрываясь на серебристый рой, продол-

жавший свой путь к Земле. Изменит ли он курс, поверит ли, что единственный щит Земли находится рядом, возле пояса астероидов, а эскадра Лиры уходит в совсем другом направлении?

Биррел едва не закричал от радости, когда обе эскадры Ориона внезапно перестроили свои ряды. Сверкающая колонна в течение нескольких секунд превратилась в конус, нацеленный на флот ОМ. Впереди острия конуса роились скауты, словно гончие, готовые начать травлю зверя.

Гарстанг умоляюще посмотрел на командора, но тот только молча покачал головой. Рано, еще рано...

Он выждал, когда облако скаутов приблизилось к флоту ОМ на расстояние, в пять раз превышающее дистанцию стрельбы, и кивнул Гарстангу:

— Пора, Джо.

Капитан тотчас бросился к передатчику:

— Командор Биррел приказывает...

Корабли Пятой через несколько минут присоединились к своему флагману. Выйдя из протуберанца, они перестроились в маршевую колонну и по крутой дуге взмыли над плоскостью эклиптики, нацелившись в пояс астероидов.

Это был опасный маневр для кораблей, опаленных плазменным огнем, но двигатели выдержали. Выдержали и люди.

Фантастический супербросок через половину Солнечной системы позволил Пятой оказаться рядом с поясом астероидов почти одновременно с потерявшими бдительность эскадрами Ориона. Агрессоры очутились между двух огней. Никогда еще в истории такие силы не вступали в открытый бой, до сих пор столкновения происходили лишь между одиночными кораблями, да еще в пограничных областях, вдали от посторонних глаз.

Сейчас же армады двинулись навстречу друг другу, готовясь без колебания уничтожить противника.

Галактическая война началась. И завязался первый бой...

Глава 19

Биррелу казалось, что бой в поясе астероидов продолжался целую вечность.

Экраны «Старзонга» показывали темный космос, пронизанный потоками астероидов — редких громад, напоминающих маленькие луны, и бесчисленных глыб, похожих на рой

взбешенных ос. Среди них бесшумно неслись серебристые искры кораблей Пятой, молниеносно уворачиваясь от каменных монстров и уничтожая лучами лазеров обломки помельче.

На одном из экранов бокового обзора на мгновение вспыхнула и погасла звездочка — какой-то корабль исчез в пламени атомного взрыва.

— Командор, еще один крейсер противника уничтожен, — через несколько секунд раздался в коммуникаторе хриплый голос Брешняка. — Наш тридцать седьмой получил серьезные повреждения двигательной установки и вынужден выйти из боя.

Гарстанг выругался сквозь зубы.

— Дьявол, куда подевались эти brave вояки из флота ОМ? Мы совсем заплутали в этих каменных джунглях. Невозможно драться, когда приходится наносить удары почти наугад. Еще удивительно, как мы не перебили друг друга!

— Старину Ланея здорово потрепали, — ответил Биррел. — Нам придется сдерживать орионцев, пока земляне не перестроят свои ряды. Они скоро подойдут, потерпи, Джо. Битва только началась.

Битва? То, что проходило сейчас в поясе астероидов, меньше всего напоминало боевые действия, к которым Биррел долгие годы готовил свою эскадру. Ни о какой стратегии говорить здесь не приходилось, и даже тактические действия по перестройке рядов, по выходу на наиболее эффективные огневые позиции были в этих условиях бессмысленными.

А начался бой очень эффектно. Совершив головокружительный прыжок над плоскостью эклиптики, Пятая, словно лезвие топора, вонзилась в смертоносный клин кораблей Ориона и рассекла его пополам. Лазерные орудия поработали на славу — три крейсера противника были уничтожены прежде, чем орионцы поняли, что происходит.

Перерезав боевые порядки Ориона, Пятая стремительно развернулась, перестроившись в небольшие, далеко отстоящие друг от друга колонны, и вонзилась в «брюхо» врага, подобно остро отточенным стрелам. Одновременно корабли ОМ вынырнули из пояса астероидов и молотом расплющили острие клина. Казалось, судьба битвы должна решиться в считанные минуты...

Но орионцы были опытными, прекрасно подготовленными воинами. Даже после огромных потерь — а эскадры Соллеремоса лишились почти трети своих кораблей — флот Ориона оставался более сильным, чем Пятая и корабли ОМ вместе

взятые. Командир Ориона поступил мудро, обрушив всю мощь своего огня на более слабого противника — флот ОМ. За считанные мгновения земляне потеряли четыре своих крейсера и вынуждены были беспорядочно отступить к поясу астероидов.

Это позволило орионцам перестроить свои ряды и двинуться навстречу Пятой в лобовой атаке, которая обычно давала преимущество тому, кто имел больше кораблей.

Биррел попытался развернуть свои корабли в широко раскрытый конус, который, как бы «охватывая» клин противника, мог смягчить силу удара.

Но было слишком поздно. У Пятой оставался единственный выход — как можно шире раздвинуть колонны и сосредоточить огонь по флангам орионцев. И все же потери оказались значительными.

Неизвестно, чем бы кончилась эта схватка, если бы в пылу боя оба флота не подошли к краю пояса астероидов. Здесь, в окружении каменных глыб, противники почти потеряли друг друга и вынуждены были больше думать о собственной безопасности, чем о победе. А Ланей по-прежнему оставался в глубине потока и не спешил на помощь.

Взглянув на движущиеся среди глыб искры, Биррел сказал в коммуникатор:

— Внимание командирам эскадрилий. Сблизить корабли. Повторяю: немедленно сблизить корабли.

Через несколько секунд искры немного сблизились. Внезапно пол под ногами Биррела провалился — это флагманский корабль совершил маневр поворота, уходя от столкновения с крупной каменной глыбой.

— Сэр, двадцать второй в левой колонне поврежден, — с горечью доложил Веннер.

На экране почти ничего не изменилось, только исчезла одна из серебристых искр. Но перед мысленным взором Биррела возникла ужасающая картина — огромный крейсер с сотнями членов экипажа сгорал в бушующем атомном пламени.

Командор перевел взгляд на другой экран, на котором отображалось происходящее в передней полусфере. На нем можно было смутно различить корабли противника. Что-то изменилось в их рядах...

— Джо, взгляни-ка: орионцы перестраиваются, чтобы нанести удар по нашему правому флангу, — сказал он.

Гарстанг вопрошающе посмотрел на него, но Биррел не спешил отдавать приказы. Маневр орионцев мог оказаться и

ложным. Если усилить сейчас правый фланг, то эскадры противника в полной мере используют свое численное преимущество и нападут на левый фланг и на центр. Если же ничего не предпринимать, то правый фланг окажется под угрозой уничтожения.

«К дьяволу, что там копается старик Ланей?» — с тоской подумал Биррел. У землян было достаточно времени, чтобы перегруппировать свои силы.

Медлить больше было нельзя, и Биррел глухо сказал в коммуникатор:

— Внимание, третья и пятая эскадрильи. Перемещайтесь в сторону...

Веннер неожиданно выхватил у него из рук микрофон.

— Черт побери! — заорал в ярости командор. — Да как вы смеете...

— Прошу прощения, сэр, — запинаясь, сказал Веннер. — Посмотрите, появились корабли землян!

Действительно, на нижнем экране из плотного потока астероидов выплыл сноп сияющих искр. Пренебрегая опасностью, они шли наперерез правой колонне флота Ориона. Биррел понял — старый адмирал был готов пожертвовать своими кораблями, спасая Пятую от гибели.

На правом фланге Ориона произошли быстрые перемещения — корабли Соллеремоса готовились встретить нового противника. Но их залп запоздал, крейсера землян первыми нанесли разящие удары. Два крейсера Ориона вспыхнули, и флот ОМ нырнул в образовавшуюся брешь.

Это была самоубийственная атака — слишком неравны были силы противников. Но даже булавочный укол бывает неприятным. Орионцы на минуту потеряли голову и, забыв о флоте Лирь, в бешенстве обрушили огонь на землян. В мгновение ока строй кораблей Ланей был развеян.

Биррел отлично понял, что земляне ценой своих жизней дали ему шанс. И его надо было использовать.

— Немедленно перестроиться в клин! — закричал он.

Серебристые искры на экране пришли в движение.

Каждый корабль отлично знал свой маневр, они множество раз отрабатывали его во время учений. Колонны распались, и через несколько секунд острие клина вонзилось в армаду Ориона.

Командование противника не успело предпринять ответные меры. Могучий флот оказался рассеченным на две части. Левый фланг, относительно слабый, был серьезно потрепан

кораблями Лиры, а правому волей-неволей пришлось сдвинуться в более плотные слои пояса астероидов. Здесь на него набросились остатки флота землян — словно обозленные волки повисли на тяжелых, неповоротливых медведях.

— Командор, посмотрите на этих земляшек! — в восторге закричал Гарстанг. — Мой бог, как славно они дерутся!

Действительно, ситуация внезапно изменилась, и не в пользу Ориона. Здесь, в поясе астероидов, тяжелые крейсеры потяряли свое преимущество. Они были куда менее маневренными, чем легкие корабли землян, и им приходилось сосредоточить свое внимание на потоке несущихся на них каменных обломков. Земляне то и дело выныривали из-за астероидов, наносили разящие точные удары и вновь скрывались за очередной каменной громадой.

Все радарные экраны засверкали от атомных вспышек, которые даже затеняли свет звезд. Обе стороны несли большие потери.

Битва рассыпалась на десятки яростных единоборств. Гарстангу пришлось работать в поте лица. Две схватки «Старзонг» успешно выиграл, но третий крейсер орионцев скрылся среди крупных астероидов еще до того, как орудия «Старзонга» успели сделать первый залп.

— Не нравится мне это, — пробормотал Гарстанг, напряженно вглядываясь в экраны. — В этом угольном мешке даже собственного носа разглядеть нельзя. Я уже не говорю о том, что в любую минуту в тебя может врезаться небольшая луна...

Он запнулся. Один из крупных астероидов, летящий неподалеку от «Старзонга», внезапно вспыхнул как свеча и исчез. Выстрел крейсера орионцев пришелся на ложную цель. Флагманский корабль ответил залпом из всех орудий левого борта и сокрушил им немало глыб.

Битва между эскадрами Ориона и Лиры шла с переменным успехом, а вот флот ОМ сумел всласть отыгаться на захватчиках. Старые, архаичные корабли, как разозленные осы, роились вокруг тяжелых неповоротливых гигантов с Ориона и наносили один разящий удар за другим. Крейсеры Соллеремоса, пытаясь уйти от противника, порой предпринимали отчаянные маневры, но по крайней мере для двоих из них это окончилось плачевно — встречные астероиды превратили их в пыль.

— Орионцам надо бежать, пока они еще целы, — насмешливо заметил Биррел.

И враг бежал. На экранах будто бы ничего не изменилось, но Веннер внезапно крикнул:

— Командор, они поворачивают к зениту! Смотрите, они уходят!

Действительно, корабли Ориона в панике стали выходить из пояса, уже не пытаясь сохранять видимость организованных действий.

— Командирам эскадрилий! — приказал Биррел. — Преследуйте врага, не давайте ему перестроиться!

Флот Ориона, теряя крейсер за крейсером, все же смог построиться в колонну. Но он сделал это, уходя на все возрастающей скорости не только из пояса астероидов, но и вообще из Солнечной системы. Пятая Лиры и остатки флота ОМ бросились ему вслед. Пройдя орбиту странной планеты, опоясанной большим кольцом, — Биррел никак не мог вспомнить ее название, — они рискнули увеличить скорость до маршевой, используемой только при межзвездных перелетах. Тем не менее дистанция до незадачливых агрессоров все возрастала. Пятую сдерживали тихоходные крейсеры ОМ, и с этим ничего нельзя было поделать.

— Командор Биррел, вы слышите меня? — в коммуникаторе послышался голос адмирала Ланея. — Как вы полагаете, они уходят из Солнечной системы?

— Думаю, да, — ответил Биррел. — По расчетам компьютеров, они уже вышли на предельный режим своих двигателей. Они просто не в состоянии сейчас совершить маневр разворота.

— Но враг по-прежнему превосходит нас в численности!

— Верно. Вот только орионцы не могут быть уверены, что мы где-нибудь не прячем резерв, который может однозначно решить исход боя в нашу пользу. Однажды мы уже обманули их лжеэскадрой. Да и потери они понесли ощутимые. Но им не удастся скрыться! Адмирал, надо выходить на режим аварийного разгона, иначе их не догнать!

— Нет, — решительно возразил Ланей. — У меня приказ вести боевые действия только в пределах системы. Я должен связаться с Чартерисом и получить его «добро». Включите видеосвязь, Биррел.

Биррел разразился таким изошренным проклятием, что даже Гарстанг посмотрел на него с завистью. Дьявол, до чего тупоголовы эти земляне! Разве можно не использовать такой замечательный шанс! Конечно, Пятая могла сама броситься в

погоню, но она понесла немалые потери и одна не справилась бы с противником.

— Джо, почему эти политикианы всегда путаются у нас под ногами? — простонал Биррел.

Через несколько минут на экране коммуникатора появилось лицо адмирала Ланея и чуть позже — Чартериса. Председатель Совета выглядел дурно, под его покрасневшими глазами висели мешки, губы посерели, щеки тряслись. Было ясно, что последние часы были не лучшими в его жизни. Но голос его звучал твердо и непреклонно:

— Поздравляю вас, командор, вы великолепно провели операцию. Однако вести боевые действия за пределами Солнечной системы я разрешить не могу. Следуйте за орионцами до той поры, пока не станет окончательно ясно, что они возвращаются в свой сектор.

— Выходит, мы позволим им уйти? — дрожа от ярости, спросил Биррел.

Чартерис сурово кивнул.

— Мы должны это сделать, командор. Когда пушки умолкают, начинают говорить политики. И для Земли крайне важно, что они скажут о битве в поясе астероидов, да и для всей Галактики тоже. Я уже подготовил заявление Совета ОМ. В нем говорится о том, что некая неопознанная флотилия, предположительно из неисследованной области Галактики, совершила дерзкое нападение на Солнечную систему, но была отброшена Объединенным флотом Земли и Лиры.

— Бога ради, что вы делаете? — закричал Биррел, теряя самообладание. — Вы же умышленно даете Соллеремосу шанс выкрутиться!

— Совершенно верно, — усмехнувшись, подтвердил Чартерис.

— Но почему?!

— Мы выиграли битву, командор, благодаря вашей славной эскадре. Но мы не желаем ни выигрывать, ни тем более проигрывать в галактической войне. Ее просто не должно быть, мистер Биррел. Не должно!

Глава 20

Все сорок восемь часов, в течение которых Объединенный флот наблюдал за отступающими силами Ориона, Биррел не находил себе места. Подчиненные, включая даже Гарстанга,

старались не попадаться разъяренному командору на глаза. Время от времени он навещал радиорубку и с отвращением перелистывал поступившие сообщения.

Политики действительно заговорили, да еще как! В Нью-Йорк, в Совет ОМ шли телеграмма за телеграммой. Сектора один за другим выражали свое восхищение действиями Объединенного флота, возмущались наглým нападением «неизвестного агрессора» и предлагали свою помощь в случае повторной атаки пришельцев из глубин Галактики.

— «Неизвестные агрессоры»! — кричал Биррел, в бешенстве раздирая информационные ленты. — Чушь! Все в Галактике прекрасно знают, откуда они явились. Читать противно эту галиматью!

Одним из первых в адрес Совета пришло послание... от Соллеремоса. Губернатор, оказывается, был потрясен дерзкими действиями таинственных пришельцев. Сектор Ориона использует все свои возможности, чтобы установить, кто посмел напасть на мирную планету. В случае повторной агрессии Соллеремос готов немедленно послать на помощь Земле все свои эскадры. И прочее... прочее... прочее...

Биррела трясло от гнева, когда он читал это сообщение. Но Гарстанг отнесся к нему по-философски.

— Кто знает, может быть, все и к лучшему, — спокойно заметил капитан. — Мы оставили Соллеремосу путь к почетному отступлению, и тот мудро им воспользовался. Иначе весь мир мог бы полететь вверх тормашками.

Биррел смерил его презрительным взглядом.

— Так вы думаете, что Чартерис был прав, остановив нас в шаге от полной победы?

— Полной? Помилуйте, Джей, это стало бы только началом вселенской резни. Галактика еще не знала ни одной глобальной войны, и слава богу. Ради спокойствия тысяч обитаемых миров можно примириться даже с тем, что этот мерзавец Соллеремос унес свои немытые ноги.

Биррел был готов разорвать друга на куски за эти слова, но... но он понимал, что старина Джо был прав. Только согласится ли с этим Фердиас? Да, Пятая выполнила приказ и не дала Соллеремосу захватить Землю. Тем не менее Биррел упустил уникальный шанс серьезно ослабить силы Ориона, уничтожив две лучшие его эскадры. Вряд ли Фердиас будет от этого в восторге...

Биррела не покидала тревога. Даже после того, как Пятая по разрешению Совета направилась назад, на Землю, он не

находил себе места. Но когда эскадра Лиры вслед за флотом ОМ совершила посадку в нью-йоркском космопорту, ее ожидал сюрприз.

Приближалось время заката. Крейсера Пятой стояли, словно воины-титаны, покрытые многочисленными шрамами. Это были не следы вражеских снарядов — от попадания атомных зарядов корабль давно бы превратился в пыль. Глубокие рубцы оставили пыль и обломки астероидов, которых не смогли вовремя уничтожить лазерные пушки.

Выйдя на пандус «Старзонга», Биррел мрачно осмотрел иссеченный, покрытый вмятинами корпус корабля. «Черт побери, — подумал он, — еще одна такая победа, и я останусь без эскадры».

Командор крепко пожал руку подошедшему Брешнику.

— Все было отлично. Оставьте на кораблях только дежурный состав, а остальные пускай возвращаются в свои гостиницы. Людям надо отдохнуть. Постройте экипажи.

Через несколько минут усталые, хмурые астронавты строевым шагом направились в сторону ворот космопорта. К радости победы примешивалась горечь воспоминаний о погибших товарищах. Пятая потеряла почти четверть своих крейсеров и половину скаутов.

Но колонна не успела дойти до выхода из космопорта. На встречу ей ринулась толпа людей в черных формах флота ОМ. Вопя от восторга, земляне стали обнимать своих товарищей по бою, подбрасывать их в воздух, хлопать по плечам. Восторженные крики, словно раскаты весеннего грома, звучным эхом прокатились между опаленными солнечным огнем кораблями Пятой.

— Это еще что такое? — недовольно сказал Биррел, наблюдавший со стороны за радостной кучей малой. — Я не давал приказ «вольно».

— Бросьте, командор, сейчас можно забыть на время о дисциплине, — улыбнулся во весь рот Гарстанг. — Эти парни еще несколько дней назад дрались плечо к плечу с ними, разве вы забыли?

От хваленной дисциплины Пятой вскоре не осталось и следа. Астронавты с Лиры потеряли свою чопорность и надменность. Да, земляне летали на старых, примитивных посудинах, но они славно дрались и ценой огромных жертв сумели спасти Пятую от неминуемой гибели. Вскоре на космодроме не осталось ни одного мрачного лица — за исключением Биррела.

— Отлично же мои парни подчиняются приказам, — проворчал он. — Мало я их муштровал, мало!

Однако в его голосе не было осуждения. Вскоре к командному составу Пятой подошли четверо офицеров в черной форме флота ОМ. Впереди шел адмирал Ланей. Его лицо было, как всегда, суровым, но в глазах плясали чертики.

Он дружески пожал руку Биррелу.

— Примите мои искренние поздравления, командор, — сказал он сердечно. — Пятая была великолепна!

— Благодарю, адмирал, — ответил Биррел. — Пятая действительно справилась со своей задачей, но должен признать, что ваши умелые действия *немного* упростили дело.

Оба расхохотались и, отбросив все церемонии, по-дружески обнялись. Побеседовать им помешал Веннер. Он примчался словно вихрь со стороны флагманского корабля и, отдав честь, выпалил:

— Прошу прощения, командор, вам необходимо срочно прибыть на «Старзонг».

Сердце Биррела екнуло. Он отлично понимал, что его могли позвать назад лишь по одной-единственной причине. Пришло долгожданное послание от Фердиаса. Продолжая по инерции улыбаться, Биррел обратился к Ланею:

— Прошу прощения, адмирал, я должен идти. Надеюсь, мы сегодня еще побеседуем с вами тет-а-тет.

Ланей кивнул.

— Я понимаю, командор, у нас с вами есть неотложные дела даже в минуту триумфа. — Он посмотрел на бушующую черно-голубую толпу и задумчиво сказал: — Может быть, нам все-таки стоит для порядка сказать своим парням «вольно»?

Когда Биррел торопливым шагом вошел в радиорубку, его ждали два послания от губернатора Лиры — одно открытое, а второе — в закрытом коде, известном на Пятой одному лишь ее командору.

Первое послание было таким, какое он и ожидал: «Хорошая работа, командор! Весь сектор Лиры и я лично гордятся подвигом вашей славной эскадры. Фердиас».

Биррел демонстративно оставил эту бумагу на столе, а шифровку унес к себе в комнату. Тщательно заперев дверь, он достал из сейфа таблицу шифра и занялся кропотливой работой. Пальцы его невольно дрожали.

Он прекрасно знал Фердиаса — губернатор мог одной рукой хлопывать вас дружески по плечу, а другой — всадить кинжал прямо в сердце. Второе послание могло оказаться со-

всем иным. Например: «Настоящим приказом вы отстраняетесь от командования эскадрой. Обязанности командора Пятой временно возлагаются на Брешника». Или что-нибудь в этом роде...

Он вздохнул, прочитав первую же расшифрованную фразу. Его худшие опасения, казалось, начинали сбываться.

«Кто сказал, что вы не дипломат, Джей? Никогда не думал, что вы сумеете так ловко выполнить и одновременно не выполнить мой приказ».

Вторая фраза оказалась совершенно неожиданной и окончательно сбита Биррела с толку:

«Передайте временно командование Брешнику. Поезжайте отдыхать в Орвилл и ждите там моих дальнейших указаний».

«Черт побери, — растерянно подумал Биррел, — что мне делать в Орвилле?» Не означало ли это конец его карьеры? Но почему?.. Разве не он победил в первой битве с превосходящими силами Ориона? Неужели ему предстоит «отставка по состоянию здоровья»?

Все это было вполне вероятно. Непонятно лишь, при чем здесь Орвилл?

При других обстоятельствах этот приказ Фердиаса можно было оценить как желание дать командору Пятой небольшой отдых после отлично выполненной работы. Разве ему, Биррелу, не хотелось бы пожить недельку наедине с Лиллин, побродить по лугам, позагорать на берегу лесной речки? Конечно, хотелось.

Но с Орвиллом у него были связаны свежие и не очень приятные воспоминания. Таинственное исчезновение Кэрша, ночное нападение агентов Ориона, не очень дружественная встреча с Маллинсоном, схватка с орионским скаутом... Право же, для отдыха на Земле можно найти и другое местечко.

Что хотел сказать этим Фердиас? Казалось бы, Орвилл в прошлом: Кэрш мертв, Таунцер в руках спецслужб Земли, и угроза с Ориона вроде была отведена. Да, большая политическая игра между секторами за власть в Галактике продолжается, но Орвилл в ней уже ничего не мог значить. Глупо полагать, что Фердиас вновь использует это засвеченное местечко для встречи его, Биррела, с другим агентом. Разве что губернатор захочет убрать своенравного командора чужими руками...

«Чушь, я стал слишком мнителен, — устало подумал Биррел. — Фердиас доволен моими действиями и дает мне отдохнуть в доме предков, на лоне природы... Только вот почему

Фердиаса заботит, где именно я должен проводить свой отпуск? Подобные мелочи губернатора никогда не интересовали. Его предложение звучит как приказ, и в этом чувствуется что-то угрожающее. Но что?»

Внезапно он вспомнил слова Таунцера, произнесенные под действием лучей «детектора правды»: «Если Соллеремос не сделает этого, то Фердиас захватит Землю первым».

Почему ему так запали в память эти слова? Мало ли что мог наговорить убийца... Фердиас же ясно сказал: он не собирается нападать на Землю.

Да, Фердиас сказал это. Но разве губернатор не мог держать в голове нечто совершенно иное? Разве он не послал Пятую на Землю, ни словом не обмолвившись о своих действительных планах?

«К дьяволу все... Я просто устал. Нужно выспаться как следует».

Но Биррелу не удалось это сделать. В каюту постучал Веннер и доложил:

— Простите, сэр, вас хочет видеть господин Маллинсон.

— Только его сейчас и не хватало! — в сердцах воскликнул командор. — Ладно, пусть войдет.

Разговор оказался коротким.

Секретарь Совета выглядел так, словно у него болели все зубы разом. С трудом выдавив из себя подобие улыбки, он первым протянул руку Биррелу:

— Примите мои извинения, командор. Мои подозрения, к счастью, не оправдались. Вы великолепно провели бой с «неизвестным агрессором».

— Рад слышать такую высокую оценку моим скромным усилиям, — сухо ответил Биррел. — Чему обязан вашим визитом?

Оказалось, что Чартерис жаждет видеть командующего Пятой Лире, чтобы лично выразить ему благодарность от имени Земли и всех Объединенных Миров. Отказаться было невозможно, и Биррел, проклиная про себя все на свете, поплелся вслед за Маллинсоном к автомобилю.

По дороге в Нью-Йорк они говорили мало. Секретарь Совета не очень-то был расположен к тому, чтобы расточать комплименты своему недавнему пленнику, и Биррел его не осуждал. В конце концов, почему земляне должны доверять Лире больше, чем Льву или Ксипехузам? Да, мы сражались бок о бок в поясе астероидов, но это еще ничего не значит.

Земляне не могли знать, что на уме у Фердиаса, и он, Биррел, тоже не знал.

Нью-Йорк был переполнен ликующими толпами. Люди, съехавшиеся в город для празднования юбилея первого звездного перелета, теперь бурно отмечали победу Объединенного флота над «таинственными пришельцами». Лимузин Маллинсона с флажком ОМ с трудом прокладывал дорогу через запруженные людьми улицы.

— Этой ночью Нью-Йорк принадлежит вам, командор, — сказал Маллинсон. — Теперь ваших людей здесь примут не как почетных гостей, а как кровных братьев.

Биррел в ответ пробурчал:

— Надеюсь, моих парней не перепоют сегодня в стельку. Я и раньше не очень-то любил праздники, а теперь и вовсе терпеть их не могу.

Маллинсон хохотнул:

— Могу поручиться только за то, что земляне не дадут вашим астронавтам умереть от жажды.

Около парадного входа здания Совета ОМ бурлило такое веселье, что Маллинсон предпочел провести гостя через одну из незаметных боковых дверей. Чартерис ждал их в своем кабинете, стоя у окна. Его лицо выглядело непривычно старым и утомленным, но глаза сияли от радости.

— Отлично, отлично, командор! — воскликнул он, увидев Биррела. Пылко пожав гостю руку, он добавил: — В первый раз в жизни я не нахожу слов, чтобы выразить мои чувства. От всей души благодарю вас — что я еще могу добавить?

Биррел впервые увидел Председателя Совета таким взволнованным. Перед ним стоял не опытный, всегда владеющий собой дипломат, а обычный пожилой человек, много переживший за последние дни.

— Садитесь, мистер Биррел, — гостеприимно сказал Чартерис, улыбаясь. — Я понимаю, как вы устали. К счастью, до начала празднования еще осталось несколько дней, чтобы вы и ваша эскадра могли отдохнуть и произвести необходимый ремонт. Кстати, я сегодня получил послание от Фердиаса.

Биррел вздрогнул.

— Вот как?

— Очень теплое послание, — сказал Чартерис. — Я, знаете ли, не самый сентиментальный человек, однако, прочтя его, был растроган до глубины души. У меня даже появилось ощущение, что когда-нибудь сектора захотят вернуться в Объеди-

ненные Миры и мы вновь заживем большой и дружной семьей. Как вы полагаете?

Напряжение Биррела спало, но не совсем. Он подумал, что вскоре действительно произойдут большие перемены, однако вряд ли они будут такими идиллическими, как полагал Чартерис.

Председатель Совета неверно истолковал его молчание и поднялся с кресла:

— Простите, командор, что я отнимаю время у усталого человека своей болтовней. Не буду вас больше задерживать. Когда нам удастся собрать всех членов Совета, мы попросим вас еще раз почтить нас своим присутствием. Кстати, где вы намереваетесь провести отдых? У нас на побережье есть великолепные курорты...

Биррел покачал головой.

— Спасибо, но я хотел бы вернуться в Орвилл, на ферму моих предков. Там осталась моя жена, и вообще сельская природа мне по душе.

Чартерис поднял брови:

— Вот как? Вам действительно нравится эта ферма? — Его глаза заблестели. — Отлично! В таком случае мы выкупим эту ферму и подарим вам в знак своей благодарности.

Биррел начал было протестовать, но Чартерис дружески похлопал его по плечу.

— Не возражайте, командор. Конечно, этот подарок слишком скромн, учитывая то, что вы сделали для Земли, но он кое-что для вас может значить.

— Спасибо, мистер Чартерис, — растеряннo произнес Биррел, а сам подумал: «Черт побери, да здесь все вознамерились сделать из меня фермера! Впрочем, не исключено, что и Фердиасу пришла в голову эта милая идея...»

Самому Фердиасу, конечно, одной старой фермы было бы мало. Он бы захотел получить всю Землю.

Глава 21

На следующее утро, когда Биррел и Лиллин завтракали, сидя на веранде, к ним заявился в гости Винсон. Сосед пришел пешком через поля, и его брюки до колен были мокрыми от росы. Вид у фермера был таким, будто он потерял окончательно терпение и готов пахать земли Биррела хоть голыми руками.

Живо взбежав по лестнице на веранду, Винсон неуклюже

поцеловал руку Лиллин и по-свойски обнял Биррела, похлопывая его по спине.

— Наслышался о ваших подвигах в поясе астероидов, Джей! — воскликнул он. — Здорово вы дали прикурить этим бандитам с Ориона!

Биррел пригласил его сесть и налил две рюмки крепкого земного бренди.

— Выпьем за ваше здоровье, мистер Винсон, — сказал он, улыбаясь. — А также за здоровье вашей чудесной жены. Она так трогательно ухаживала за моей Лиллин, что мы и не знаем, как вас благодарить.

— Э, бросьте, Джей, — протянул Винсон, с удовольствием опрокинув рюмочку и с воодушевлением взглянув на почти полную бутылку. — Все это пустяки по сравнению с тем, как вы дрались в космосе с захватчиками.

— Думаю, вы были бы разочарованы, если бы увидели, как «дрался» я, — сказал Биррел, усмехнувшись. — Я даже от экранов ни разу не отошел, а моим личным оружием служил голос и электронные мозги компьютеров. Вы, мистер Винсон, вели себя куда эффективнее во время той ночной схватки с экипажем скаута, помните?

Фермер покраснел от удовольствия — он и сам считал, что внес решающий вклад в победу на лесной поляне. И почти все его соседи на десять миль в округе, которым он по секрету рассказывал о схватке с орионцами, были с ним согласны.

Заметив черного кота, который с независимым видом развалился на стуле рядом с Лиллин, фермер сказал:

— Вижу, вы выбрали этого сорванца. И правильно сделали, хороший кот нужен в каждом фермерском доме.

Биррел в сомнении посмотрел на Тома, который даже и ухом не повел при виде гостя. Зверек явно чувствовал себя здесь хозяином.

— Не понимаю, чем может быть полезен этот маленький чертенок, — заметил командор.

Лиллин засмеялась и погладила Тома по спине. Тот недовольно повел пышными усами, давая понять, что только терпит эти ласки, не более того.

— А ведь кот признал вас, миссис Биррел, — хохотнул Винсон. — Я вижу, это стоило вам нескольких фунтов ветчины. Уж больно округлились у этого разбойника бока за последние дни! Кстати, Джей, — ведь вы позволите мне называть вас так по-соседски, верно? — не пора ли нам обойти ваши поля? Надо продумать план осенних работ. Я уже прикинул, как со-

беру урожай, пригоню всю свою технику и перепашу вашу целину разок-другой. Удобрения тоже не помешает внести, хотя земля долго отдыхала и способна на чудеса. Уверю вас, Джей, вы соберете такой урожай кукурузы, что все наши фермеры ахнут!

Биррел успел совершенно забыть об обещаниях Винсона. Теперь, когда угроза стала очевидной, он поспешно попытался увильнуть:

— Благодарю, сосед. Боюсь, ваша помощь мне не понадобится. Мы с супругой должны в скором времени вернуться на Лиру, так что времени на сельхозработы у меня просто не будет.

— О, не беспокойтесь, я сделаю все сам! — воскликнул Винсон, глядя на командора влюбленными глазами. — Мои машины сейчас наполовину простаивают, я хоть сейчас могу послать пару роботов, чтобы они очистили ваши поля от сорняков. Уверю вас, когда вы вернетесь, все ваши угодья будут иметь вполне приличный вид.

Биррел сдался. Этот простодушный человек так хотел сделать ему приятное, что отказывать было неловко.

— Буду очень благодарен вам, — наконец сказал он со вздохом. — Пойдемте, посмотрим на мои плантации, раз уж вам так не терпится. Лиллин, дорогая, ты согласишься немного покучать в одиночестве?

Вегианка только улыбнулась в ответ. Был яркий солнечный день, легкие облачка скользили по небу, сильный ветер нес влагу и прохладу. Винсон бодро шагал чуть впереди и говорил почти без умолку. План работ у него был давно продуман до деталей. Амбар требует основательного ремонта, особенно его крыша, заявил он. Фруктовые деревья запущены до предела, часть из них одичала и должна быть вырублена, а остальные нуждаются в основательной обрезке. Теплицы надо...

Биррел делал вид, что внимательно слушает, хотя его мысли сейчас были далеки от проблем переналадки роботов-тракторов на осенний цикл работ, ошибок погодного контроля и прочих фермерских забот. Его сейчас волновало совсем другое: как скоро от Фердиаса поступят новые указания. Было ясно, почему губернатор не захотел на этот раз воспользоваться шифрограммой. Конечно, два послания подряд могли дать возможность службам безопасности ОМ проникнуть в тайну шифра. Если распоряжения Фердиаса касались судьбы Земли, то риск был неуместен.

Реплика Винсона вернула его к действительности. Они шли

по краю одного из полей, густо заросшему кустами шиповника и молодыми деревцами.

— Прежде всего надо избавиться от этого сора, — сказал Винсон. — Я запрограммирую робот-бульдозер, и он живо выкорчует эти чертовы кусты.

На некоторых кустах Биррел заметил мелкие темно-красные ягоды. Он сорвал несколько и понюхал.

— Эти ягоды съедобны?

— Конечно, — с удивлением ответил Винсон. — Дикий шиповник очень полезен, хотя и мелковат. В сыром виде его почти не едят, но сушеный дает прекрасный отвар, богатый витаминами. Неужели вы никогда не пробовали шиповника?

Биррел покачал головой и попробовал на вкус одну из ягод. Она оказалась несладкой, довольно терпкой, но по-своему приятной. Казалось, в ней сконцентрировалось тепло солнца.

На западе поля старой фермы примыкали к лесу, в котором не так давно состоялась схватка с экипажем орионского скаута. Днем он выглядел совершенно иным — уютным, ухоженным, с тщательно прореженным подлеском и аккуратными дорожками, усыпанными хвоей. Небольшая речка струилась среди мшистых валунов. Кое-где на ее пути были устроены запруды, и речка в этих местах разливалась довольно широкими омутами. По берегам густо росли веерообразные растения — по словам Винсона, папоротник.

Затем соседи вернулись к дому.

— Спасибо, Винсон, я узнал массу полезного, — сказал утомленно Биррел. — Значит, по осени надо перевернуть плугами дерн, чтобы за зиму он перепрел? Очень интересно... А это еще что?

Он остановился, увидев рядом с домом старомодную машину. Дверца ее распахнулась, и из машины вышла симпатичная женщина средних лет в скромном, мышиного цвета платье, так не соответствующем ее цветущему лицу и прекрасной фигуре. Она тут же стала помогать выйти очень пожилой женщине со сморщенным, словно печеное яблоко, лицом, париком соломенного цвета и большими очками в роговой оправе. Биррел невольно вздрогнул.

— О боже, — простонал Винсон. — Это же заявила старуха Савьер! Она, конечно, довольно добродушная особа, но заговорит вас до смерти, Джей. Прошу прощения, я уношу ноги. Я слушал эту миссис слишком много раз. Увидимся позже, сосед!

Фермер поспешно шмыгнул за амбар. Биррел испытал мо-

гучее желание сделать то же самое, но положение хозяина обязывало. Изобразив радушную улыбку, он поплелся на встречу гостям. Тем временем старуха пронзительным голосом руководила разгрузкой автомобиля. Женщина в сером, тяжело дыша, достала с заднего сиденья несколько узлов с большими книгами, которым на вид было лет сто. Увидев Биррела, она застенчиво улыбнулась.

— Прошу прощения, мистер Биррел, за наш внезапный визит. Я — Нетта Савьер, ваша соседка. Мама очень хотела вас увидеть перед тем, как вы снова улетите на звезды. Надеюсь, мы не побеспокоили вас?

— Нетта, замолчи, — сказала старуха, с задумчивым видом разглядывая командора. — Ну конечно, вы — истинный Биррел. У вас типичный для вашей породы уродливый подбородок.

— Вы мне льстите, — улыбнулся командор. — Пойдемте в дом, миссис Савьер, мы с женой всегда рады гостям.

Опираясь на его руку, старуха торжественно поднялась по ступеням на веранду. За ними шла несчастная женщина, согнувшись под тяжестью связок с книгами.

Лиллин встретила гостей приветливой улыбкой.

— Очень приятно... — начала было она, однако старуха только махнула рукой.

— Так вы его жена? — спросила она, бесцеремонно разглядывая вегианку с головы до ног. — Что ж, красива, красива, да только как-то не по-нашему... Выходит, газеты не врут, что на других звездах тоже живут люди. Надеюсь, милочка, муж не поколачивает вас с пьяных глаз, как делал его предок Николас Биррел.

— Мамочка, что ты говоришь... — с несчастным видом вздохнула Нетта Савьер, но старуха не обратила на нее внимания.

— Николас? — удивленно повторил Биррел. — Это еще кто такой?

— Николас Биррел, брат вашего прадеда, молодой человек, — отрезала старуха. — Все в Орвилле говорили, что он бьет свою жену. Я тогда была совсем ребенком и все же отлично помню, как его все осуждали. Почему бы вам не пригласить меня в дом, а? Здесь, на веранде, слишком прохладно.

Биррел распахнул дверь и провел миссис Савьер в гостиную, а затем помог ее дочери принести туда же толстые книги. Расположившись в кресле, старуха решительно отказалась от предложенного Лиллин кофе.

— Я сюда не за этим приехала, милочка, — сурово отрезала

она. — Биррел, а вы чего стоите? Распакуйте эти альбомы и разложите их на столе. Из-за них я и приехала.

Биррел с озадаченным видом выполнил приказ властной старухи.

— Мама с детства собирает фотографии своих соседей и хочет, чтобы вы на них взглянули, — объяснила Нетта Савьер, поймав его удивленный взгляд.

— Рад слышать, — с натянутой улыбкой сказал Биррел. — Вы ведь моя родственница, не правда ли, миссис?

— Ничуть не бывало, — отрезала старуха, оценивающе глядя на него. — Во мне нет ни капли крови Биррелов. Но мать моего мужа была в девичестве Биррел, и от нее мне перешли кое-какие семейные фотографии. Нынешней молодежи они вовсе не интересны, а для вас, Джей Биррел, здесь найдется кое-что любопытное. — Она повернулась к Лиллину и добавила сочувственно: — Я понимаю, голубушка, сколько хлопот вам должен доставлять этот Биррел. Я-то знаю, какое это беспокойное племя! Мой Савьер был копией своей матушки. Попил он из меня крови, позвольте доложить!

— Ну, не так уж мой Джей и плох, — улыбаясь, ответила Лиллин, но старуха уже не слушала ее. Она впиалась своими белесыми глазками, упрятыми под толстые линзы очков, в хозяина дома.

— Так я и думала — у вас типичный угрюмый взгляд Биррелов. Они все, даже женщины, глядели словно волки на божий свет, хотя зла в них было немного. Да вы сами посмотрите...

Старуха раскрыла один из альбомов и стала не спеша его перелистывать, указывая скрюченным пальцем на выцветшие от времени фотографии и едко комментируя их.

Биррел и Лиллин сидели по обе стороны от нее и, вытягивая шеи, пытались что-то разглядеть на старых черно-белых фотографиях. Миссис Савьер знала все и про всех, так что Биррел вскоре мысленно проклинал ее на чем свет стоит. Зато Лиллин, казалось, получала истинное удовольствие от этой дурацкой ситуации, в которую угодил ее муж.

— ... а вот и нечестивец Николас, — сказала старуха, перевернув очередную страницу. — Я смутно его помню, но не сомневаюсь, что он бил свою жену. Люди зря говорить не станут. А вот и его отец Джо Биррел... нет, кажется, Джеймс...

Мелькали десятки, сотни фотографий, и Биррел уже начал дремать, как вдруг вздрогнул от очередного комментария миссис Савьер:

— ...тот самый Клив Биррел, который улетел отсюда на Сириус или куда-то еще, уже не помню.

Биррел нагнулся, чтобы лучше разглядеть своего прадеда. На фотографии он увидел приятного юношу с добродушным лицом и глубоко посаженными, немного мрачными глазами. У его ног стоял саквояж, который как семейная реликвия ныне хранился в доме Биррела на Веге.

— Вы очень похожи на него, молодой человек, — почти осуждающим тоном сказала старуха.

Биррел не заметил у прадеда ни малейшего сходства с собой, но спорить не стал. Зато Лиллин, к его раздражению, кивнула в знак согласия:

— Да, есть что-то похожее в выражении лица...

— А я о чем говорю! — торжествующе воскликнула миссис Савьер. — Такой же уродливый, тяжелый, как у боксера, подбородок.

Просмотр семейных фотографий продолжался еще почти час. Гости со звезд узнали массу любопытных сведений о своих соседях, и соседях своих соседей, и даже о тех жителях Орвилла, кто уехал из этих краев полвека назад. Наконец старуха неожиданно захлопнула очередной фолиант и заявила: у нее больше нет времени для таких глупых пустяков, она должна ехать домой.

Биррел с облегчением проводил старую женщину и ее молчаливую дочь до машины.

— Я оставлю у вас мои альбомы на некоторое время, Джей Биррел, — сказала миссис Савьер напоследок. — Но затем я вновь заберу их. Не для того я столько лет их берегла, чтобы они улетели на звезды! А ведь вы улетите на звезды, Джей Биррел, что бы там ни болтал этот пустомеля Винсон.

Когда автомобиль выехал на поселковую дорогу, Биррел повернулся и пошел к дому, заложив руки за спину.

— Отлично, — бормотал он. — Теперь мне покоя не видать. Люди со всей округи будут приходить, чтобы подарить мне камень, о который некогда споткнулся мой прадед...

Лиллин, услышав стенания мужа, покачала головой.

— Ошибаешься, Джей, — сказала она успокаивающе. — Пока ты дрался с орионцами, я немного узнала этих людей. Они по-своему деликатны и не будут нам мешать, хотя от всей души хотели бы устроить в твою честь праздник на всю долину.

Ее прогноз оправдался. До конца дня больше никто их не беспокоил.

Биррелу это тоже не понравилось. Вернулись все прежние тревоги. Его будущее окутывал туман, и расслабиться было невозможно. Малейший шум раздражал командора, но и сонное спокойствие, разлитое в окрестностях старой фермы, тоже действовало угнетающе.

Под вечер он не выдержал и связался с Брешником.

— Сэр, ничего нового нет, — доложил заместитель. — Идет работа по исправлению повреждений, и довольно быстро. — Он подробно остановился на ходе ремонтных работ, а затем добавил с раздражением: — К сожалению, у нас полно хлопот с личным составом. Нью-Йорк празднует победу и днем, и ночью, и наши парни тоже гудят вовсю. Дисциплина совсем расшаталась, я не знаю, что делать.

— Я ожидал этого, — сказал угрюмо Биррел. — У Гарстанга, должно быть, особенно много хлопот.

Брешник фыркнул.

— Еще бы. Не далее как прошлой ночью я сам помогал ему раздеваться, когда его принесли в каюту.

Биррел нахмурился.

— Передайте всему командному составу: немедленно прекратить этот бардак! Есть еще новости?

— С Веги получено сообщение, что командование флота решило частично возместить наши потери в боевой технике. К Земле сейчас должны приближаться четыре скаута из Второй эскадры.

— Сообщите немедленно, как только они придут, — сказал Биррел и отключил porto.

«Все ясно, — думал он, бесцельно бродя вокруг дома. — На одном из скаутов летит человек с посланием Фердиаса, которое губернатор не рискнул передавать даже секретной шифrogramмой. Но что в этом послании?..»

Ночью Биррел почти не спал. Следующим вечером ему позвонил неугомонный Винсон. Он попросил Биррела навесить его. «У меня все готово, сосед, — с гордостью доложил фермер. — План работ по восстановлению вашего хозяйства продуман до деталей. Надо обсудить только кое-какие мелочи. Если сможете, приезжайте с вашей очаровательной супругой, моя Эдит будет очень рада».

Лиллин ехать отказалась, она себя неважно чувствовала, да и на кухне накопилось дел.

Вечер был тихим, ласковым, и Биррел, к своему удивлению, решил пойти к Винсонам пешком. Солнце уже склонялось к волнистым холмам, висевшие на востоке многоэтаж-

ные облака окрасились в оранжевый цвет. Небо было непривычного лимонного цвета. Очертания каждого дома, каждого дерева там, на горизонте, стали четкими, словно вычерченные рейсфедером.

Солнечный свет постепенно менял свою окраску, и Биррел остановился посреди поля, замороженный удивительным великолепием земного заката. Кусты шиповника вокруг казались обрызганными красными каплями крови. Со стороны лесной речки потянулись белесые слои низко стелющегося тумана. Над вершинами сосен медленно кружили две хищные птицы, выглядывая добычу.

Все вокруг казалось Биррелу чужим и одновременно хорошо знакомым. Что-то пробуждалось в его душе, какие-то давно молчащие струны тронул этот феерический закат. «И все-таки Винсон прав, я землянин в душе. С каждым днем я прикипаю сердцем все сильнее к этим деревенским местам. Да, мои корни были давным-давно обрезаны, но здесь, в Орвилле, они ожили. Это мой мир, каким бы архаичным и провинциальным он ни казался. Конечно, фермером я никогда не стану, но...»

— Эй, Биррел! — раздался чей-то знакомый голос. — Что-то вы засмотрелись на эти поля, старых друзей узнавать не хотите.

Он повернулся и увидел, как по направлению к нему идет человек, слегка припадавший на правую ногу. И хотя солнечные лучи слепили его, Биррел узнал гостя.

Нахмурившись, он пошел навстречу Фердиасу.

Глава 22

Косые багряные лучи не давали Биррелу как следует разглядеть лицо губернатора Лиры. Но глаза Фердиаса казались веселыми.

— Прекрасное местечко этот Орвилл, — сказал губернатор, обняв Биррела. — Я глазам не поверил, когда нашел вашу гордую красавицу Лиллин, подметавшую пол на кухне под мурлыканье какого-то черного зверька. Никогда бы не подумал, что вегианке аристократических кровей может понравиться жить в таком захолустье, а вот ей понравилось. Да и вы, Джей, смотрите среди этих полей словно завзятый фермер.

Фердиас огляделся. Его золотистые цепкие глаза, казалось, впитывали каждую деталь пейзажа.

— Так вот на что похожа Земля вдали от города и космопорта, — задумчиво произнес он. — Любопытно, любопытно. Видите этих двух птиц? Ястребы! Об этом мне рассказал деревенский парнишка, у которого мы уточняли дорогу. На Веге нет таких птиц, Джей.

— Я так понимаю, ваш визит на Землю носит неофициальный характер? — осторожно спросил Биррел.

Фердиас покивал головой, не отрывая глаз от темной стороны леса.

— Вы правильно понимаете, Джей. Мой визит не только неофициальный, но и в высшей степени секретный. Эти подозрительные чинуши из Совета ОМ могли поднять тревогу, если бы я заявился сюда открыто. Я прибыл на Землю на одном из разведывательных скаутов и попросил Гарстанга сразу же привезти меня в Орвилл. Сюрприз для вас, верно?

— Конечно, — сказал Биррел. — Я думал, что вы никогда не покидаете Вегу-4.

— Да, я стараюсь, чтобы так думали все в Галактике. Для политика моего уровня совсем неплохо прослыть завязтым домоседом. Признаюсь вам, Джей, я чертовски люблю путешествовать и инкогнито побывал во многих мирах, и не только в секторе Лиры. Вот и сейчас почти никто в столице даже не подозревает, что я нахожусь на Земле. На подобные случаи у меня всегда есть под рукой парочка двойников... Впрочем, это все неинтересные для вас детали. Я хочу еще раз поблагодарить вас за победу в поясе астероидов. Дела идут совсем неплохо, командор!

— Они шли бы еще лучше, если бы мы догнали остатки эскадр Ориона, — с горечью ответил Биррел.

Он рассказал Фердиасу обо всем, что произошло после бесславного бегства противника. Губернатор внимательно выслушал его, а затем покачал головой:

— Чартерис ошибся. Нам не избежать войны. Соллеремос через некоторое время непременно попробует вновь атаковать Землю. А может быть, это сделает кто-то другой. Такова цена безнаказанности.

— Политика, опять политика, — вздохнул безнадежно Биррел. — Я чертовски устал от всего этого, Фердиас. К счастью, Пятая уже завершает ремонтные работы и на днях сможет отбыть домой.

Фердиас долго молчал, задумчиво глядя на багровое пред-

закатное небо. Сумерки быстро сгущались. Подул прохладный ветерок, насыщенный густыми запахами зелени.

— Нет, Джей, — наконец сказал он. — Пятая не полетит к Веге — по крайней мере, в ближайшее время.

Как ни странно, Биррела эти слова ничуть не удивили. Он подсознательно ожидал этого с тех пор, как услышал о приближающихся к Земле скаутах. Взглянув на фермерские дома, в которых уже засветились окна, он подумал: «Жаль, соседи, что все так оборачивается. Вы не заслужили этого».

— Впрочем, транспорты с небольшой охраной надо отослать назад сразу же после окончания праздника, — хладнокровно продолжал Фердиас. — Но Пятая останется здесь, пока мы не убедимся, что Соллеремос не предпримет вновь попытку захватить Землю.

Биррел недоверчиво спросил:

— Губернатор, вы на самом деле считаете, что Орион попытается сделать это? После такого сокрушительного поражения, с потрепанными в бою эскадрами...

Фердиас резко прервал его:

— Попробует, можете не сомневаться. Не сегодня, так завтра. Не Соллеремос, так пройдоха Гианей, или скареда Стров, или кто-то другой из губернаторов. Если мы сейчас безответственно уйдем с Земли, то оставим ее практически беззащитной. Вы же сами знаете, что от ее флота остались лишь жалкие лохмотья. Мы не сможем гарантировать Объединенным Мирам безопасность.

— Но Совет может не согласиться...

— Согласится, Биррел. Я собираюсь заключить с ними оборонительный союз. Это ничуть не ущемит ни права Земли, ни самостоятельности ее действий.

— Да они швырнут вам договор в лицо, губернатор!

— Кишка тонка, — сухо сказал Фердиас. — Они видели, на что способна Пятая. В крайнем случае, у меня найдутся еще четыре эскадры.

Биррел почувствовал, как почва уходит у него из-под ног.

— Простите, губернатор, я мало разбираюсь в политике, но все же рискну возразить вам! Я знаю этих людей, они никогда не согласятся на такой «союз». Земляне будут бороться за свою независимость!

— Чушь, полная чушь, — презрительно поморщился Фердиас. — Что вы несете, Джей? Не будет никакой борьбы. Конечно, чиновники из Совета ОМ сначала поднимут крик, но я смогу с ними договориться. Если надо, не побрезгую да-

же взяткой, говорю вам откровенно. Ради мира в Галактике я готов пойти на все! Много мне не надо. Земля должна будет со временем предоставить постоянную базу вашей эскадре, только и всего. Ну и, конечно, наша внешняя политика отныне будет скоординирована. Вот и все. Ни один другой сектор не мог бы предложить Земле лучшие условия. Теперь, когда эта планета получила жестокий урок, чиновники Совета будут куда уступчивее, чем вам кажется. Кстати, не пора ли возвращаться? Что-то я продрог.

Они пошли по узкой тропинке среди высокой травы, над которой уже сгушался туман. Кусты шиповника окатывали их брызгами холодной росы, но Фердиас, казалось, даже не замечал этого. Он был весь во власти своих планов.

— Командор, как долго Пятая может продержаться здесь на собственных запасах?

— Где это — здесь? — мрачно спросил Биррел. — На Земле?

— Нет, пока нет. Не будем торопить события. Если Пятая останется на космодроме, кое-кто может воспринять это как попытку военного шантажа. Пока будут договариваться дипломаты, ваша эскадра должна отойти за пределы Солнечной системы. Но недалеко.

— Если Пятая остановится в парсеке или двух от Земли, то три или четыре недели мы продержимся, — задумчиво ответил Биррел. — Иначе без дозаправки в космосе нам до Веги не долететь.

— Три или четыре недели... Что ж, этого может и хватить для заключения союза, — сказал Фердиас. — А в случае необходимости вы сможете растянуть этот срок хотя бы до двух месяцев?

Биррел раздраженно возразил, мысленно проклиная всех политиканов на свете:

— Разумеется, кислорода, воды и еды нам хватит и на больший срок, губернатор. Однако наши энергоресурсы почти исчерпаны. Если вновь придется вступить в бой, то...

— Об этом не беспокойтесь, о боевых действиях и речи идти не может! — нетерпеливо прервал его Фердиас. — Ладно, остановимся на четырех неделях. Если все пойдет нормально, то вы через некоторое время вернетесь на Землю, уже на собственную базу, и земляне сами снабдят вас всем необходимым. Я договарюсь об этом. О, да мы уже пришли.

На лужайке возле дома их встретил Гарстанг. Он с несчастным видом дежурил около автомобиля, поживаясь от вечер-

него ветра. Увидев губернатора, капитан отдал честь с неожиданной для его массивной фигуры ловкостью.

— Вольно, вольно, — добродушно сказал губернатор. — Что это вы здесь скучаете, Джо? Шли бы в дом, помогли бы очаровательной миссис Биррел накрыть на стол. Мы с командором вдоволь налюбовались местными красотами, и теперь у нас разыгрался аппетит. У вас есть земные вина, Джей?..

В гостиной они застали Лиллин, которая сервировала стол к ужину. Фердиас почтительно поцеловал ей руку и рассыпался в комплиментах, которые он закончил довольно неожиданно:

— ...А вам пошел на пользу воздух Земли, Лиллин. Надеюсь, вы еще вдоволь им подышите.

Вегианка изумленно взглянула на мужа, но тот только крикнул с досадой и пошел на кухню за бутылкой земного бренди.

Когда он вернулся, губернатор с задумчивым видом ходил по комнате, разглядывая старинную мебель и картины.

— Приятная обстановка, Джей, не правда ли? — сказал он, слегка касаясь кончиками пальцев резной дверцы книжного шкафа. — В этом доме все дышит прошедшими веками. Пожалуй, жизнь в Галактике слишком стандартизировалась, все планеты стали на одно лицо. А Земля осталась сама собой и ничуть не стыдится своего архаизма. Нам просто жизненно необходим этот союз, Джей!

Ужин прошел очень весело. Губернатор был в отличном настроении и буквально сыпал остротами. Казалось, он решил во что бы то ни стало добиться руки и сердца Лиллин, и та, польщенная вниманием Фердиаса, сияла от удовольствия. Но губернатор, как всегда, был непредсказуем.

Посреди очень забавной истории из времен своей юности он внезапно посуровел и совершенно другим голосом закончил:

— ...Впрочем, все это пустяки. Мы уже, наверное, утомили миссис Биррел своей болтовней. Да и время позднее. Гарстанг, проверьте, не увели ли аборигены наш автомобиль.

Лиллин, пожелав гостям приятной ночи, стала подниматься наверх. Посреди лестницы она обернулась, и в ее глазах Биррел прочел тревогу.

— Итак, о наших планах, — как ни в чем не бывало продолжил губернатор, глядя прищурившись на бокал с вином. — Празднование этого дурацкого юбилея начнется послезавтра и продлится три дня. Пятая улетит сразу же после его окончания вместе с транспортом, а я, пожалуй, все-таки прибуду

на Землю с официальным визитом. Я выступлю на Совете ОМ с предложением создать оборонительный союз. В двух парсеках от Солнечной системы вы, Биррел, выделите для сопровождения транспортов два крейсера и несколько скаутов, а сами будете барражировать в космосе до получения дальнейших моих распоряжений...

Поначалу Биррел внимательно слушал, стараясь по привычке не упустить ни одной детали, но затем почувствовал, что в его душе происходит нечто непонятное. Что-то родилось там, в глубине его подсознания, и с неистовой силой рвалось наружу, сметая все на своем пути. Наконец он почувствовал, что его губы задвигались как бы сами по себе, произнося нечто совершенно немыслимое:

— Прошу прощения, губернатор, я не могу выполнить ваш приказ.

Никогда прежде ему не приходилось видеть на лице Фердиаса такого изумления.

— Что? Я не понял, Джей, повторите, — медленно сказал губернатор.

Биррел осторожно поставил недопитый бокал вина на стол и глухо продолжил:

— Я никогда не буду участвовать в ваших планах по захвату Земли, Фердиас.

Губернатор Лиры с проклятием вскочил на ноги. Его лицо побелело от гнева, губы мелко тряслись. Он не привык к возражениям. Более того, давным-давно он сумел добиться того, что даже самоубийцы ему не осмеливались перечить.

— Что с вами, Джей? — ледяным голосом спросил он. — Перегрелись на земном солнце? Кто говорит о захвате Земли? Я же не раз вам объяснял...

— Да, вы мне не раз объясняли свою политику по отношению к этой планете, — осмелился перебить его Биррел. — И каждый раз немного иначе. «Мне не нужна Земля, я хочу только того, чтобы ее не захватил Соллеремос», — говорили вы. А сами, по сути дела, спровоцировали нападение эскадр Ориона, послав на Землю Пятую Лиры. Вы знали, что Соллеремос держит на границе Объединенных Миров две эскадры, и отлично понимали, что я в состоянии с ними справиться — конечно, при помощи флота адмирала Ланея. Вы все рассчитали до деталей, Фердиас! Теперь в глазах Галактики вы — спаситель Земли, а Соллеремос — агрессор, хотя прямо об этом не говорится. Флот Земли почти разгромлен, потому Совет должен стать уступчивее и согласиться на ваш замечатель-

ный «оборонительный союз». Но что за союз может быть у титана с карликом? Скоро вы добьетесь того, что большинство в Совете будут составлять ваши люди, а остальных сумеете купить. Да, это будет мирный, бескровный захват Земли, но все равно захват! Я не желаю в нем участвовать.

— Чушь, Биррел, полнейшая чушь! — воскликнул Фердиас, трясаясь от гнева. — А если бы даже это было правдой, то кто бы мог бросить в меня камень? Земля стала яблоком раздора между секторами, рано или поздно кто-то все равно захватит ее силой, и тогда галактической войны не избежать. Я же спасаю Вселенную, проделав то же самое мирным путем! Все жители звезд должны целовать мне руки, а вы объявляете меня едва ли не пиратом. И я знаю, почему вы это делаете, Джей.

— Почему же? — едва шевеля пересохшими губами, спросил Биррел.

— Потому что единственными, кто проиграл бы в случае выполнения моего плана, были бы земляне. Получив безопасность и стабильность, они частично утратили бы прежнюю архаичную самостоятельность. Небольшая потеря, но для этих нищих гордецов некоторое ущемление их прав действительно может быть неприятным. И вы, Биррел, в штыки восприняли мой план именно потому, что сами по крови землянин!

— О, дьявол... — пробормотал командор, изумленно глядя на взбешенного Фердиаса. — О чем вы толкуете? Если вам кажется, что именно из-за своего прадеда я...

— Бросьте, Джей, бросьте. Кого вы хотите обмануть? С вами все ясно.

Биррел хотел было возразить и не смог. Предположение Фердиаса было нелепым, смешным, но... разве Земля для него была чужой, как прежде?

Дни, проведенные в Орвилле, многое изменили в его взглядах на мир. Ни на одной из сотен планет он не встречал такого замечательного неба, таких пышных облаков и такого красочного заката. А тихий лес, ручей, струящийся между мшистыми валунами, ястребы, планирующие под кронами осин? А простые, добродушные жители Орвилла?.. Даже пострел Том стал для него своим. На этой планете он впервые обрел свой дом.

И теперь все это он должен принести в жертву амбициям Фердиаса?

— Не понимаю, о чем вы говорите, милорд, — наконец сказал Биррел, твердо глядя в раскаленные глаза губернато-

ра. — Но я никогда не стану запугивать орудиями Пятой ни Землю, ни ее славный космофлот.

Фердиас долго молчал, изучающе глядя на своего взбунтовавшегося командора, затем почти спокойным тоном произнес:

— Все ясно. С этого момента вы отстраняетесь от командования Пятой. Ваше место займет Брешник.

Бомба взорвалась, но Биррел, к своему изумлению, никаких особенных эмоций не почувствовал. Когда-то это должно было произойти.

— Брешник — хороший офицер, — кивнул Биррел. — Он будет повиноваться любым вашим приказам. Но подчинится ли ему Пятая, если вы прикажете начать боевые действия против Земли?

Губернатор Лиры нахмурился и, вновь усевшись за стол, нервно забарабанил пальцами по подлокотнику кресла.

— Опять вы несете чушь, — нервным голосом произнес он после долгой паузы. — Не все мои астронавты так сентиментальны, как вы. Они выполняют любые мои приказы, можете не сомневаться.

— Вы так уверены, милорд? Почему бы вам не спросить, скажем, Гарстанга. Хотите, я позову его?

Губернатор нехотя кивнул. Биррел подошел к двери и позвал капитана «Старзонга», который мерил шагами веранду. Выслушав вопрос Фердиаса, Гарстанг окаменел.

— Милорд... — пробормотал он, жалко улыбаясь. — О чем вы говорите... Да мне и в голову такое прийти не могло! Выступить против Земли...

— Не валяйте дурака, Гарстанг, — сурово сказал Фердиас. — Не такой вы простак, каким пытаетесь казаться. Думаете, я не знаю, какие разговоры вы вели с офицерами еще во время полета на Землю? Отвечайте прямо, иначе я разорву вас на куски, черт побери!

Гарстанг затрясся. Собрав всю свою волю, он с трудом выдавил:

— Не могу, конечно, ручаться, милорд, однако... Мы дрались с землянами плечо к плечу... Они сделали куда больше, чем было в их силах, больше того, они спасли Пятую от гибели... Я уже не говорю о том, как радушно наших парней встречали горожане... Конечно, приказ есть приказ...

— Что вы мычите, Гарстанг, говорите прямо! — прорычал губернатор, с силой ударив кулаком по столу.

— Милорд, что вы от меня хотите? — простонал Гарстанг. —

Я не могу отвечать за всю эскадру, мне никто не поручал этого! Но я осмелюсь заметить, что немало астронавтов имеют корни на этой планете, и они испытывают к ней...

— Капитан, я хочу услышать прямой ответ: выполнит Пятая мой приказ выступить против Земли или нет?

Лицо Гарстанга заблестело от пота. Он выглядел как никогда жалко и все же нашел в себе мужество ответить:

— Клянусь Господом, я не знаю, милорд! Очень может быть, что и нет.

Фердиас мрачно кивнул, налил себе полный бокал и не спеша выпил. Его еще недавно пылающее от гнева лицо теперь казалось оледеневшим.

— Что ж, похоже, я ошибся в своих расчетах, — сказал он словно самому себе. — Я учел то, что Земля важна в галактической политике, но не учел, что она может оказаться важной и для рядовых людей. Да, об этом я не подумал.

Он замолчал, глубоко задумавшись. Биррел с Гарстангом обменялись тревожными взглядами. Оба понимали, что их судьба висит на волоске. Поймет ли губернатор, что они немного блефовали? Они отлично знали, что на Пятой служат разные люди. Найдется немало и таких, которые готовы будут без колебаний сжечь Землю атомным огнем, даже не поморщившись.

Наконец Фердиас поднялся с кресла. Его лицо было непроницаемым.

— Забудьте все, о чем я говорил, господа. Как и намечалось прежде, Пятая примет участие в празднике и сразу же вернется на Вегу. А там видно будет. Игра еще не закончена, нет...

Он зашагал было к двери, даже не взглянув на обоих офицеров, но Биррел решительно преградил ему путь.

— Простите, милорд, если я разгневал вас, — грустно промолвил командор. — Вы же знаете, я не дипломат, а обычный вояка, у меня все, что на уме, то и на языке. Я сегодня же передам дела Брешнику.

Фердиас пронзительно посмотрел на него, словно пытаясь проникнуть в душу своего бывшего друга.

— Джей, вы служили мне долгие годы верой и правдой, и я не могу этого забыть, — сказал он тихо. — Жаль, что вы проявили непростительное малодушие, жаль... Я не хочу, чтобы на вас тенью легло увольнение из космофлота. Так и быть, вы вернетесь на Вегу командором, а затем сразу же подадите просьбу об отставке по состоянию здоровья. Вы заслужили уход с почестями.

Сердце Биррела сжалось от боли.

Долгие годы они были друзьями с Фердиасом. Этот человек был безжалостным в гневе и никогда прежде не мог переступить через свою гордыню. Даже самые близкие ему люди, попав в опалу, не могли рассчитывать хоть на толику его великодушия. И все же губернатор Лиры сейчас поступился ради него, Биррела, своими принципами. Почему бы и ему не наступить себе на сердце и не склонить голову перед человеком, которого он почитал больше всех на свете?

Он уже было хотел протянуть Фердиасу руку, но лицо того внезапно вновь исказилось от гнева.

— К дьяволу все это, — процедил он сквозь зубы и, выскочив из гостиной, быстрым шагом направился к автомобилю. Гарстанг молча последовал за ним, даже не попрощавшись со своим командиром.

Вернее, со своим без пяти минут бывшим командиром. Биррел стоял посреди гостиной, ошеломленно покачивая головой. Он никак не мог до конца осознать то, что только что произошло. За какие-то считанные минуты рухнула вся его карьера. Он остался один — без друзей, без своей эскадры, без Веги. Возможно, он потерял даже Лиллин.

И все же командор не чувствовал себя побежденным. Он посмотрел на старую комнату, на потемневшую от времени мебель, на ветки деревьев, колеблющиеся за окном. Что сделало с ним это место? Как он мог допустить такую глупость?

Лиллин медленно спустилась по винтовой лестнице, сочувственно глядя на мужа.

— Ты все слышала? — глухо спросил Биррел.

— Да.

Он подумал о вилле Лиллин на берегу моря, о ее многочисленных родственниках и друзьях, к которым она была так привязала, и с тревогой спросил:

— И что ты думаешь обо всем этом?

— Что я могу сказать? — усмехнулась жена и, подойдя к нему, положила ему на плечи руки. — Ты сделал самую большую глупость в своей жизни и одновременно самый мужественный и благородный поступок.

— Но я разом потерял все, что имел...

— Если бы ты поступил иначе, то потерял бы меня, — спокойно сказала Лиллин. — И не смотри на меня таким жалким взглядом. Все равно через несколько лет ты был бы вынужден уйти в отставку. Неужели тебя устроило бы тихое местечко в каком-нибудь министерстве? Так что жалеть особенно не о

чем. — Она задумчиво осмотрела гостиную. — Я думаю, нам понравится здесь. Когда мы вернемся сюда — окончательно вернемся, — то сможем кое-что переделать по своему вкусу. Я не против старинной мебели, Джей, но только не на кухне! Да и обстановку спален надо сменить. Словом, дел у меня будет много.

— А что буду делать я? — мрачно спросил Биррел.

— Вряд ли из тебя получится фермер, — рассмеялась жена, взъерошив ему волосы и с любовью заглядывая в глаза. — Ты слишком ленив для такого кропотливого дела. Но флот ОМ будет, без сомнения, рад заполучить такого специалиста.

Биррел растерянно кивнул. Конечно же, Лиллин права, ты-сразу раз права, и все же...

— Я не могу оторвать тебя от твоего мира, милая! — воскликнул он. — Ты будешь тосковать по родине и ревновать меня к Земле. Ты не будешь счастлива здесь, в нескольких парсеках от Веги!

Жена только улыбнулась в ответ.

— Да, мне придется нелегко, особенно поначалу, — призналась она. — Но ведь ты поможешь мне, верно? А что касается Веги... Признайся, Джей, ты не был там полностью счастлив. Планета моих предков так и не стала родной для тебя. Но здесь, на Земле, ты наконец обрел свой дом, а я уж постараюсь, чтобы он стал и моим тоже.

— Дьявол, почему ну буквально все решают мою судьбу, даже не спросив моего мнения? — простонал Биррел, поглаживая жену по плечам. — Кто сказал, что я хочу провести остаток моей жизни именно здесь?

— А разве это не так, Джей? — тихо промолвила Лиллин, серьезно глядя на него, и Биррел не смог ответить «нет».

Он вновь взглянул в сторону окна, за которым бушевали на сильном ветру ветви деревьев, и выдал в ответ только:

— Не знаю, милая. Посмотрим.

И грянул праздник.

Три дня над Нью-Йорком небо цвело от фейерверков, на улицах играли духовые оркестры, толпы людей со всей Галактики веселились и днем, и ночью. На космодроме бурлило людское море — всем, особенно детям, хотелось побывать на борту крейсеров Пятой Лиры, которая недавно спасла их мир.

Апофеозом праздника был полет первого звездолета. Прославленный ветеран вопреки скептикам все-таки сумел под-

няться в космос. С натугой облетев вокруг планеты, старый корабль каким-то чудом ухитрился сесть на космодром целым и невредимым.

На следующий вечер Винсон с женой вышли в поле, но не для того, чтобы, по своему обыкновению, полюбоваться закатом.

Было прохладно, западный ветер гнал рваные облака по быстро темнеющему небу. В разрывах между ними уже кое-где вспыхивали дрожащие звезды. Наконец ветер принес издали первый раскат грома, который ждали Винсоны. За ним последовал второй, третий... Пятая Лира улетала с Земли.

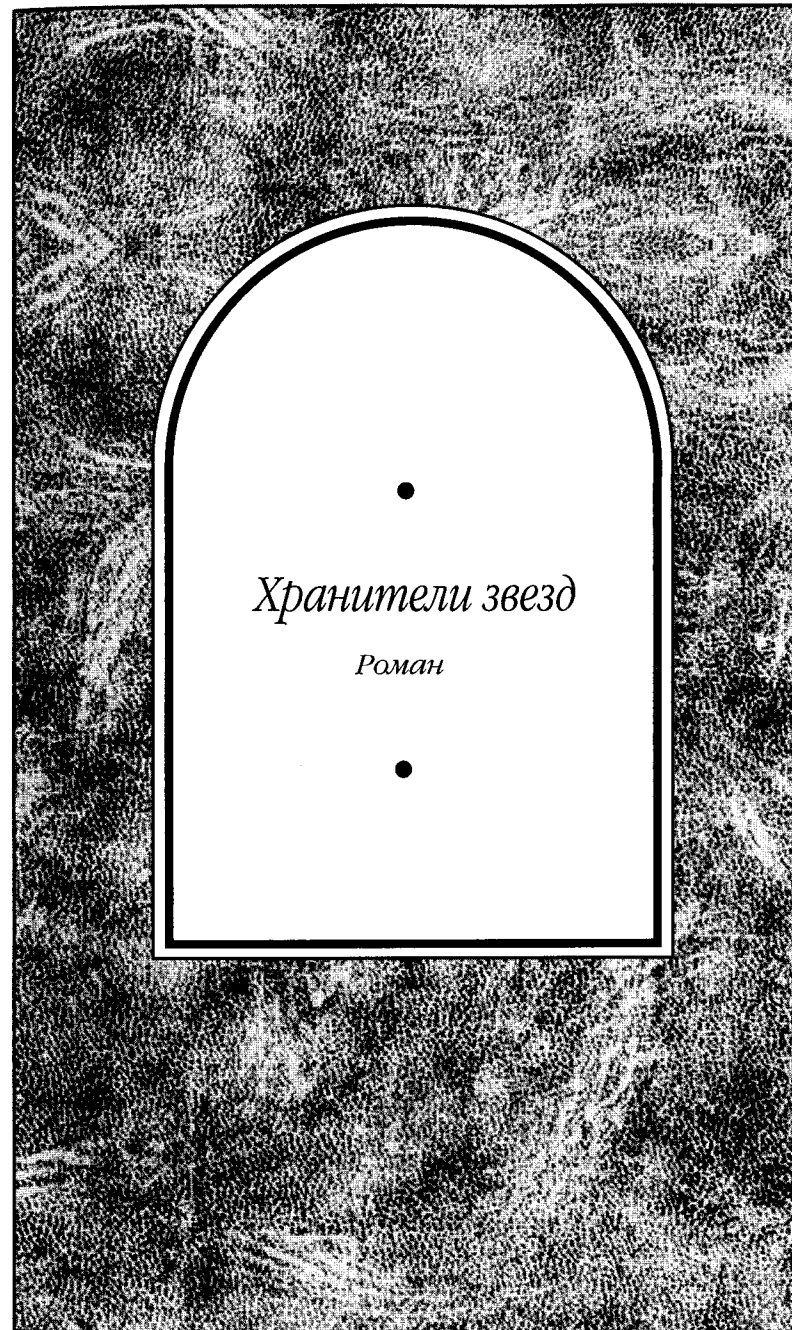
— Пойдем, милый, мне грустно смотреть, как улетают на эти ужасные звезды наши соседи Биррелы, — сказала миссис Винсон. — Особенно мне жаль бедную Лиллин. Ну скажи, что такой хрупкой и слабой женщине делать в космосе? Ума не приложу, почему она не захотела остаться.

Винсон хохотнул и добродушно хлопнул свою супругу по пышному заду.

— Не беспокойся, Эдит, прилетит твоя подруга назад, и очень скоро. Не случайно же они взяли с собой этого черного разбойника Тома. Кот будет страшно рад, когда его хозяева окончательно вернутся домой. В космосе небось за цыплятами к соседям не полазает.

Дождавшись последнего удара грома, чета Винсонов неторопливо вернулась домой. Поднимаясь по лестнице на веранду, фермер обернулся и посмотрел на дом Биррелов, едва различимый среди деревьев на другом конце поля. Окна в доме были темными.

Пока еще темными.

Глава 1

Много лет спустя Роберт Файрли вспомнил свою посадку в самолет, следующий рейсом из Бостона в Вашингтон, как первый шаг в пугающую, бесконечную бездну Вселенной. Но в то время эта незапланированная поездка показалась ему лишь приятной паузой в его рутинной академической жизни.

Сразу же после взлета он открыл газету, купленную в зале ожидания. В глаза бросился крупный заголовок передовицы: «Русские обвиняют США в нарушении договора по Луне».

Файрли со скучающим видом скользнул взглядом по статье, но читать ее не стал — со времени окончания Второй мировой войны русские обожали устраивать скандалы то по одному, то по другому поводу. Зато остальные страницы он просмотрел весьма тщательно, однако того, что искал, не нашел.

«Ну конечно, — с раздражением подумал Файрли, — здесь нет ни слова обо мне... А ведь *могло быть*».

Но вскоре он все-таки обнаружил свое имя — в столбце рядом с какой-то чепуховой статьей о женской эмансипации. Газета информировала читателей, что доктор Роберт Файрли, профессор лингвистики Массачусетского университета, известный авторитет по древнеазиатским иероглифам (Файрли вздрогнул от этого слова), был вызван в столичный Смитсоновский институт для «участия в проведении исследований в области филологии».

«Не много», — подумал Файрли без особого энтузиазма. Хотя газетные вирши мало ценились в его кругах. Другое дело «Журнал филологии» — он, несомненно, уделит этому событию куда больше внимания. Для молодого ученого — а Файрли считал свои тридцать три года периодом начала взросления для лингвиста — статья в академическом журнале могла послужить толчком к новому шагу в карьере. Во всяком случае, его престиж среди коллег по университету заметно повы-

сился. На факультетской вечеринке теперь можно небрежно сказать друзьям: «Парень, с которым я работал в Смитсоне, признал мои результаты превосходными... Он даже говорил что-то о новом вкладе в науку, но я из скромности не стал его слушать...» Или что-нибудь в этом роде.

Вообще-то Файрли был удивлен, что Смитсоновскому институту потребовались его услуги. Декан факультета филологии послал ему трогательное письмо: мол, он и все коллеги восхищены последними работами профессора по скифским руническим надписям и просят найти время для совместных исследований по одной очень важной проблеме, если, конечно, профессор сможет найти себе замену на кафедре. Он, конечно, смог.

За иллюминатором стемнело, в небе зажглись первые звезды. Файрли сложил газету и откинулся на спинку кресла, полукрыв глаза, но сосед — лысый толстяк с красным лицом и отвисшими, как у бульдога, щеками — не дал ему задремать. Бесцеремонно ткнув пальцем в крупный заголовок передовицы, он возмущенно пророкотал:

— Что вы думаете об этом, мистер? По-моему, нужно раз и навсегда показать красным, кто хозяева в этом мире!

Втягиваться в бессмысленный разговор у Файрли желания не было, и он в ответ лишь кивнул:

— Возможно, вы правы.

— Конечно, я прав! — заявил сосед, смерив его гневным взглядом залитых жиром глаз. — Что бы и где бы ни случилось, они вопят, что американцы — это империалисты и поджигатели войны. Сначала Корея, потом Вьетнам и Панама, а теперь эта база в Гассенди... Какое их собачье дело, что мы делаем на Луне? Президент ясно сказал — мы никому не позволим... И он прав!

Толстяк продолжал монотонно что-то бубнить, но Файрли его больше не слушал. Он закрыл глаза и притворился, что заснул, убаюканный ровным рокотом двигателя. Он и на самом деле задремал. Разбудила его улыбающаяся стюардесса. Оказалось, самолет уже приземлился в вашингтонском аэропорту.

Файрли взял свой небольшой саквояж и не спеша стал спускаться по трапу. От пронзительного мартовского ветра пришлось застегнуть все пуговицы на плаще, спасаясь от сырости и прохлады. Небо заволочло рваными тучами, стремительно несущимися на запад. Сыпал редкий и неприятный дождь.

Подняв воротник, Файрли зашагал к ярко освещенному зданию аэропорта, мечтая об уютном номере в гостинице.

Зал ожидания был переполнен людьми, и тем не менее через минуту к Файрли протиснулся невысокий человек лет сорока с рассеянным взглядом и внешностью адвоката из заштатного городишки.

— Мистер Файрли? Очень рад. Я Овен Витхерс, представитель Смитсоновского института.

Файрли был приятно удивлен.

— Вот уж не ожидал, что меня будут встречать, — признался он, пожимая протянутую ему вялую руку.

Витхерс слабо улыбнулся, обнажив неровные зубы.

— Вы более значительная фигура, чем кажется себе, мистер Файрли, — с загадочным видом произнес он. — Если позволите, я возьму ваш саквояж. Пойдемте, на стоянке нас ждет автомобиль.

Самодовольно улыбаясь, Файрли уселся в седан темно-вишневого цвета. Вожделенный им номер гостиницы стал обрабатывать коврами, мраморной ванной, мебелью черного дерева и другими предметами роскоши, до сих пор виденными им в отелях лишь по телевизору.

У аэропорта, как всегда, царил столпотворение лимузинов, автобусов и грузовых фургонов, но Витхерс оказался водителем-асом. С профессиональной ловкостью он лавировал среди мельтешащих взад и вперед машин, пока не вырулил с ярко освещенной площади в сравнительно тихий переулок между мрачными складскими зданиями. Еще через несколько минут они выехали на скоростную автостраду и помчались среди потока автомобилей в объезд города.

Поначалу Файрли решил, что водитель попросту хочет попасть на менее загруженную транспортном трассу, ведущую в Вашингтон, но Витхерс неожиданно сказал:

— Как вам нравится столица при ночном освещении? Не правда ли, эффектно? Даже жаль, что мы направляемся в другую сторону.

Файрли с удивлением взглянул на него.

— Куда же мы направляемся?

— Скажем, в штат Нью-Мехико, — спокойно ответил Витхерс, прибавляя скорость. — Место вашей будущей работы находится именно там.

— Но погодите... Никто мне не говорил об этом!

Витхерс усмехнулся.

— Разве? Ох, эти бюрократы, вечно они все путают... Да вы

не беспокойтесь, какая разница, где работать? По мне так: лишь бы зелененькие платили. У вас же с этим будет все нормально, могу гарантировать. Там платят будь здоров.

— Но почему нужно ехать в Нью-Мехико?

Витхерс пожал плечами.

— Не знаю. Мне поручено вас привезти, только и всего... Так, мы уже прибыли.

Машина замедлила ход и вскоре выехала на пустынную дорогу. Впереди показался массивный бетонный забор, огромные ворота и рядом с ними — решетчатая вышка с несколькими мощными прожекторами.

Витхерс притормозил. Навстречу машине вышел молодой офицер с серьезным лицом и цепким взглядом. За его спиной немедленно появились двое солдат с автоматами наперевес.

Витхерс открыл дверцу и протянул офицеру документы. Файрли тоже пришлось достать свое удостоверение личности. Офицер долго и тщательно изучал бумаги, затем включил фонарь и взглянул на лица обоих пассажиров.

— Все в порядке, — сказал он наконец, вежливо козырнув. — Можете ехать к третьей взлетной полосе. Вас проводить, мистер Витхерс?

— Спасибо, я знаю дорогу, Род. Не впервой...

Створки ворот медленно разъехались в стороны, и машина выехала на огороженную территорию.

— Что, мы на аэродроме ВВС? — ошеломленно спросил Файрли.

— Верно. Дальше вы полетите рейсовым военным самолетом — это сэкономит ваше время и наши деньги. Сами понимаете, средства института ограничены...

Файрли с сомнением взглянул на водителя, но тот и глазом не повел.

Они проехали мимо длинных приземистых зданий и вскоре оказались на обширной бетонированной площадке около полукруглых ангаров. Впереди расстилалось посадочное поле, освещенное рядами редких огней.

Файрли никогда ранее не приходилось бывать на военном аэродроме, и сейчас он почувствовал себя разочарованным. Ему представлялось, что здесь то и дело с ревом садятся и взлетают суперсовременные истребители и бомбардировщики, но действительность оказалась куда прозаичнее. Вокруг было пустынно и тихо, и только холодный мартовский ветер хозяйничал на взлетно-посадочных полосах...

Седан вырулил на широкую бетонную дорогу и поехал в

глубь аэродрома, едва растворяя чернильную тьму желтым светом фар. Файрли с огорчением откинулся на спинку кресла и закрыл глаза.

Ему не нравилось, какой оборот приняли дела. Роскошный номер в пятизвездочном отеле окончательно исчез, а вместе с ним и надежда на тихий кабинет, непринужденные беседы с коллегами и дружеские вечеринки за чашкой чая. Зачем ему нужно лететь в это богом забытое Нью-Мехико? Быть может, там состоится какой-нибудь симпозиум по проблемам индейских диалектов?

«Так или иначе, меня должны были предупредить, — с негодованием подумал Файрли. — Что за дурацкая бесцеремонность? Смитсоновский институт пользуется солидной репутацией, и вот нате вам...»

Через несколько минут Витхерс остановил седан около небольшого самолета с длинными треугольными крыльями. Файрли слабо разбирался в авиации, но эта машина была похожа на реактивный истребитель. Черный сигарообразный фюзеляж, освещенный светом двух прожекторов, выглядел мрачно и угрожающе.

Навстречу им из темноты вышел механик в теплом комбинезоне, приветливо махнув рукой.

— Вот мы и на месте, — весело сказал Витхерс и подмигнул ошеломленному ученому. — Как вам нравится эта лошадка, а? Небось на такой и во сне не приходилось летать? Выходите, я сам понесу ваш саквояж.

— Погодите, погодите... — пробормотал Файрли, не двигаясь с места. — Вы же говорили, что я полечу рейсовым самолетом, а это... это же боевой истребитель!

— Ничего подобного, всего лишь «Р-404», сверхзвуковой разведывательный самолет, — успокоил его Витхерс. — Штучка крутая, зато вам не придется трястись несколько часов в каком-нибудь винтокрылом корыте... А вот и капитан Кволек. Познакомьтесь, капитан, это ваш пассажир мистер Файрли.

Делать было нечего, и Файрли, тихо ругаясь, вылез из салона и пожал руку пилоту — широкоплечему молодому человеку с обветренными щеками и крупным приплюснутым носом. Кволек добродушно улыбался, но глаза его оценивающе пробежались по пассажиру с ног до головы, так что Файрли пожалел о своей шуплой, отнюдь не атлетической фигуре. Только мужское самолюбие не позволило ему устроить скандал; было ясно, что полет этот — отнюдь не увеселительная прогулка.

— Надеюсь, я не доставлю вам особых хлопот, — извиняющимся тоном сказал он.

— Не беспокойтесь, все будет нормально. Поднимайтесь в кабину, мы устроим вас по высшему классу. Пока, мистер Витхерс.

Файрли попрощался с ухмыляющимся «представителем Смитсона» и стал осторожно взбираться по узкому трапу, стараясь не наступать на фалды длинного плаща. Чувствовал он себя по-дурацки, но что оставалось делать?

Он едва втиснулся в тесную кабину, закашлявшись от терпкого запаха металла и авиационного масла. Вслед за ним в салон самолета ловко влез второй пилот — темноволосый крепыш с округлым лицом и добродушными голубыми глазами — и помог Файрли усесться в высоком мягком кресле, расположенном сразу же за пилотским.

— Лейтенант Вифорд, — представился крепыш. — Застегните-ка этот ремень, мистер Файрли... Это место нашего кинооператора, но сегодня мы полетим без Чарли. Нет, аппаратуру трогать нельзя, штука хрупкая...

Кволек тем временем уселся в кресло первого пилота и зашелкал многочисленными тумблерами на панелях управления, занимающих все стены кабины. Зажглись десятки разноцветных лампочек, шкалы приборов осветились бледно-желтым светом.

Внезапно раздался рев реактивных двигателей. Файрли едва не подскочил от ужаса, но его удержал ремень безопасности. Через минуту рев стих.

Кволек обернулся.

— Я просто продул двигатель, мистер Файрли. Не беспокойтесь. Вы будете чувствовать себя почти так же, как в салоне пассажирского самолета — ну разве что шума побольше да перегрузка повыше.

Файрли кивнул.

«Черт побери, — со злостью подумал он, — да они обращаются со мной, как с нервной дамочкой!»

Двигатель вновь взревел, и самолет, задрожав, плавно сдвинулся с места. Вырулив на взлетную полосу, машина на несколько секунд замерла на месте, а потом рывком помчалась, стремительно набирая скорость. Огоньки стали уходить вниз, и Файрли понял, что они взлетели.

Кволек вновь обернулся, но Файрли не дал ему в очередной раз проявить заботу о перетрусившем пассажире.

— И где же мы приземлимся в Нью-Мехико? — довольно

бодро спросил филолог, чувствуя, как мощная перегрузка мягкой подушкой наваливается на его грудь.

— На базе Морроу... Слыхали о такой?

Файрли облизнул пересохшие губы.

— Где, где? Это, наверное, какая-то ошибка, мистер Кволек.

Пилот только покачал своим серебристым шлемом.

— Мне приказано вас доставить именно на Морроу, мистер Файрли. Через час мы будем там.

«Да нет же, это наверняка ошибка», — ошеломленно подумал Файрли.

Он слышал о базе Морроу — так же, как и весь мир. В пустынной области штата Нью-Мехико, вдалеке от населенных пунктов, находился знаменитый космодром, откуда стартовали пилотируемые и грузовые корабли к Луне. Территория эта тщательно охранялась; поговаривали, что проще устроить пикник с друзьями в форте Нокс, чем хоть одним глазком взглянуть на ангары с ракетами и стартовые площадки. Особенно сейчас, когда начался международный скандал с этой базой в кратере Гассенди.

— Послушайте, Кволек, — закричал Файрли, наклонившись к пилоту, — вы что-то перепутали! Я ученый-лингвист, направляюсь на работу в Смитсоновский институт... При чем тут космодром?

Кволек пожал плечами.

— Я только выполняю приказ, мистер Файрли. Не беспокойтесь, на Луну я с вами не полечу.

Глава 2

«Р-404» неся через ночь вслед за вчерашней зарей. Небо, переливавшееся всеми оттенками синевы, было проколото россыпями крупных звезд, среди которых на подушке серебристого света нежилась полная Луна. Луна...

Файрли сидел, скорчившись в своем кресле. Его спину ломило, ремень безопасности болезненно сжимал грудь, руки зябли от холода, но заботило филолога совсем другое. «На кой черт я им понадобился? — с тоской думал он. — Ума не приложу...»

Файрли никогда не считал себя человеком разносторонних интересов. Со школьных лет им владела лишь «одна, но пламенная страсть» — наука о живых и мертвых языках, и этого

ему было вполне достаточно. На кой черт на космодроме Морроу подобная узкая специализация?

Он попытался вспомнить все, что знал о лунной программе НАСА. Увы, его представления на этот счет были довольно смутными. Известно, что его соотечественники-американцы первыми достигли спутника Земли и основали в кратере Гассенди крупную научно-исследовательскую базу. Русские долгое время предпочитали заниматься околоземными орбитальными станциями, но в конце концов также обосновались на Луне, где построили две базы в кратерах Кеплера и Энке. Первые годы весь мир не сводил с них восхищенных взглядов, а затем интерес постепенно притупился. У человечества хватало своих обыденных забот и неприятностей. Про Луну вспомнили лишь недавно, когда в ООН было подписано международное соглашение о запрещении использования Луны для военных целей. Затем вновь настало затишье, но в последние месяцы Россия вдруг выступила с сенсационным заявлением: будто бы США превратили свою базу в Гассенди в военный объект. Американский представитель в ООН ответил гневным опровержением, но международные наблюдатели тем не менее в Гассенди допущены не были. Скандал разгорелся потрясающий...

Впрочем, Файрли все это мало интересовало. Подобно герою одной из новелл Скотта Фитцджеральда, он верил, что жизнь интереснее всего наблюдать из окна своего кабинета. Так он и заявил во время одной из факультетских вечеринок и был поражен, когда старик Хокинс с кафедры психологии неожиданно возразил ему: «Знаете что, молодой человек? Вы не интересуетесь ничем, кроме филологии, потому что, если говорить мягко, вы далеко не храбрец. Вы, словно страус, спрятали свою высокоученую голову в пыль архивов, поскольку попросту боитесь реальной жизни. Вы даже ни разу не были женаты, Файрли, а ведь вам уже за тридцать...»

Он тогда очень обиделся на слова Хокинса. Тоже, нашли ученого сухаря!.. Просто он очень любит свою работу и полностью поглощен ею. У него нет времени вникать во все эти газетные сенсации, которые на девяносто девять процентов и яйца выеденного не стоят. Хотя жаль, что ему так мало известно о лунном проекте. Может быть, это прояснило бы ситуацию... Ладно, через час-два он все равно все узнает.

Через некоторое время Кволек обернулся и, кивнув в сторону иллюминатора, произнес всего одно слово:

— Морроу.

Файрли с любопытством прильнул к холодному стеклу. Где-то внизу, во тьме ночи, находились ворота в космос...

Самолет накренился и сделал широкий разворот, заходя на посадку. На секунду стали видны огоньки приземистых ангаров и башня неподалеку, залитая светом мощных прожекторов. Затем вновь наступила тьма, но вскоре впереди появилась огромная решетчатая конструкция, установленная на квадратном помосте. В центре ее покоилось белесое вытянутое сооружение — Файрли не сразу сообразил, что это космолет. Самолет начал резко снижаться, но поодаль успели мелькнуть еще две пусковые площадки, освещенные лучами мощных прожекторов.

Файрли почувствовал нарастающее возбуждение. Одно дело — читать о лунном проекте в газетах, наблюдать за чашкой чая на экране людей в скафандрах, медленно идущих по пыльной лунной поверхности; и совсем другое — оказаться рядом с титаническими башнями ракет, носившими, быть может, следы иного мира.

Самолет вздрогнул, коснувшись выпущенными шасси бетонной полосы аэродрома. Рев двигателей усилился, кабину резко встряхнуло — сработал тормозной парашют. К разочарованию Файрли, стартовые площадки остались в нескольких милях в стороне и лишь смутно вырисовывались на горизонте белесыми призраками. Впереди же были видны несколько приземистых, тускло освещенных зданий, напоминающих солдатские казармы.

Полет закончился. Кволек открыл дверцу кабины и выбросил вниз трап; вскоре Файрли и двое летчиков стояли на бетонных плитах. К удивлению ученого, воздух был сухим и теплым — приятное отличие от промозглой мартовской ночи там, в Вашингтоне.

Из подъехавшего джипа выпрыгнул спортивного вида молодой блондин в штатском и бодро воскликнул:

— Привет, ребята!.. Капитан, вы, как всегда, точны. Рад вас видеть, мистер Файрли. Меня зовут Хилл, я послан встретить вас.

Файрли пожал крепкую руку блондина и, не отвечая на дружескую улыбку, холодно спросил:

— Так это я вам обязан, мистер Хилл, удовольствием лететь на этой адской машине через крошечную ночь? Зачем, хотелось бы знать? Черт побери, я хочу, чтобы мне немедленно объяснили...

— Конечно, вам скоро все объяснят, — успокоил Хилл. —

Мое дело — привезти вас в целости и сохранности. Кстати, вы не откажете мне в просьбе взглянуть на ваши документы?

Файрли, потеряв дар речи, достал из кармана пиджака бумажник и протянул его Хиллу. Тот внимательно все изучил, а затем с легким поклоном вернул владельцу.

— Полный порядок. Формальность, конечно, ведь Витхерс сам посадил вас в самолет в Вашингтоне, но сами понимаете, у службы безопасности строгие правила. Садитесь, пожалуйста, в кабину.

Файрли с ошеломленным видом уселся в джип, кивнув на прощание Кволеку; тот с почтением отдал ему честь.

«Служба безопасности... вот в чем штука... — подумал Файрли. — Так Витхерс работает на эту контору? Черт побери, в какое же дело я вляпался?»

Светало. На горизонте проявилась невысокая гряда холмов, но в целом окружающий ландшафт был скуден и уныл. Джип, развернувшись, помчался в сторону зданий.

— Административный корпус, — коротко сказал Хилл, кивнув в сторону самого солидного двухэтажного корпуса со звездно-полосатым флагом на фасаде, возле которого стоял солдат с автоматом.

Они вышли около соседнего дома, весьма напоминавшего казарму, с оштукатуренными стенами и длинными рядами темных окон.

— Гостиница для спецперсонала, — пояснил Хилл (Файрли вспомнил свои недавние мечты о роскошном номере в пятизвездочном отеле и невольно усмехнулся). — Здесь вы найдете все необходимое... Не беспокойтесь, я возьму ваш саквояж.

От этой назойливой заботы Файрли стало не по себе. Он пошарил в кармане плаща и протянул Хиллу доллар.

Блондин, к его удивлению, ничуть не обиделся. Улыбнувшись, он спрятал монету в карман.

— А вы шутник, мистер Файрли, — одобрительно сказал Хилл. — Это хорошо, мы тут, признаться, соскучились по свежим людям.

— Я очень большой шутник, — мрачно буркнул Файрли. — Но тот, кто вызвал меня на космодром, просто первоклассный весельчак... Кстати, я теперь обязан ходить строевым шагом?

Хилл с важным видом кивнул, и они, четко отбивая шаг, вошли по лестнице на крыльцо.

Длинный, едва освещенный коридор вел в довольно большую комнату с интерьером явно не первой свежести. Посре-

ди комнаты стояли трое мужчин и о чем-то оживленно разговаривали.

Заметив вошедших, они обернулись.

— Боб Файрли? — с удивлением воскликнул один из них. — Черт побери, так они и тебя втянули в это темное дело?

Джим Спеер, старый знакомый Файрли, доцент филологии из Колумбийского университета, дружески протянул ему руку.

Спееру было уже за сорок, он изрядно погрузнел со времени их последней встречи — хотя слово «растолстел» было бы более верным.

Как всегда, Спеер был одет в помятый костюм с не очень свежей рубашкой с расстегнутым воротом и нелепо торчащим из кармана пиджака красным платком. Словом, типичный холостяк, одинокий мужчина, погруженный в науку и не знающий ничего о радостях жизни...

Дамочки из околоакадемических кругов безотказно клевали на этот имидж, и Файрли не раз наблюдал, как вытягивались их лица, когда они узнавали, что Спеер женат, имеет трех сыновей и считается образцовым семьянином.

— Так у вас здесь есть знакомые? — спросил Хилл. — Отлично. Подождите, я пойду предупрежу шефа о вашем приезде.

Он выскользнул за дверь, а тем временем Файрли с облегчением обнял приятеля.

— А какое это дело? — спросил он. — Мы что, летим на Луну на всепланетный филологический конгресс?

Спеер усмехнулся, но в его темных глазах, упрятанных за массивными очками в роговой оправе, таилась неприкрытая тревога.

— Хороший вопрос, Боб. Я задаю его всем подряд уже шесть часов — с тех пор, как меня выгрузили из военно-транспортного чудища вместе с дюжиной танков и вездеходов. Но ответил мне честно и откровенно только часовой — видел, стоит под флагом с автоматом?

— И что же он сказал? — с интересом спросил Файрли.

— Он открыл мне большой секрет, Боб. Мистер, сказал он, на Луне жизни нет. И отойдите-ка от охраняемого объекта на десять шагов, а не то буду стрелять.

— Что вы несете, Джим! Не морочьте голову доктору Файрли. Я сам разговаривал недавно с этим малым — он про Луну-то никогда не слышал.

— Разве, доктор Боган? То-то я заметил, что он поглядыва-

ет в сторону Юпитера... Кстати, а вы не знакомы? Боб, встань по стойке «смирно»: это профессора Боган и Лизетти.

Файрли был ошарашен.

Только теперь он взгляделся в остальных двух мужчин и сразу же узнал их. Не раз ему приходилось слушать их выступления на конференциях и симпозиумах, посвященных проблемам филологии. Это были известные ученые, крупнейшие светила мировой науки.

Глава американской школы филологии доктор Джон Боган, массивный пожилой человек с величественной фигурой и мрачным, как у Мефистофеля, лицом, украшенным гривой седых волос, был одет, как всегда, в безукоризненный темно-синий костюм, а на его полусогнутой руке висела трость, подаренная ему чуть ли не самим Авраамом Линкольном.

Бат Лизетти был человеком совсем другого типа, хотя и считался лингвистом номер один Северного полушария, к тому же феноменальным полиглотом.

Поговаривали, что о языках всех времен и народов он не знает лишь одного: сколько именно из них он знает.

Внешностью Лизетти напоминал злодеев из старых мелодрам: лошадиное лицо с низким лбом, мохнатые брови, под которыми прятались черные колючие глаза, тонкие бескровные губы, хищный рот... Портрет достойно завершали гладко прилизанные темные волосы и узкая полоска усов «а-ля Кларк Гейбл». Файрли знал, что, несмотря на свою колоритную внешность, Лизетти был добрейшим человеком, готовым помочь всем и каждому и не раз попадавшим из-за этого впросак.

Файрли с почтением пожал руки знаменитым ученым — он и не надеялся, что в ближайшие сто лет ему удастся познакомиться с такими светилами.

— Доктор Файрли, неужели и вам ничего не известно? — расстроено спросил Лизетти. — Я, признаюсь, совершенно выбит из колеи. Ума не приложу, где же здесь будет проходить симпозиум: подходящих аудиторий нет, да и ракеты чудовищно шумят...

Файрли только вздохнул в ответ и коротко рассказал о своих приключениях. Лизетти сочувственно кивнул головой.

— Вам еще повезло, молодой человек, — сказал он. — Меня привезли сюда на истребители. А я и в автомобиль-то садиться опасаюсь! И зачем мы, кабинетные крысы, понадобились на космодроме?

— Думаю, что все дело в шифрограммах, — с загадочным видом произнес Спеер.

— В чем, в чем? — поразился Лизетти.

— Все очень просто, — охотно объяснил Спеер. — Вы, конечно, слышали, что между нами и русскими возникли разногласия из-за базы в кратере Гассенди? Готов держать пари, наши вояки перехватили шифрограммы из Кремля на русские лунные станции и хотят как можно быстрее разгадать их содержание.

— Чушь, полнейшая чушь! — с брезгливым видом пробурчал Боган. — В армии есть свои превосходные дешифровальщики, ученые с такими тривиальными вещами дела не имеют... Подумать только, я здесь уже три часа, и никто не соблаговолил мне ничего объяснить! Я им не мальчишка! Будьте уверены, мои друзья в конгрессе...

Он не успел договорить, как дверь вновь распахнулась. Вошел Хилл и почтительно сообщил:

— Джентльмены, позвольте вам представить...

Стремительно вошедший вслед за ним высокий мужчина в штатском небрежно махнул рукой:

— Ладно, Хилл, мы сами познакомимся с гостями. Идите.

Файрли сразу же узнал его; узнали мужчину, очевидно, и остальные ученые. Недовольство и раздражение сразу исчезли с их лиц — этот человек умел вызывать к себе уважение.

— Я Нильс Кристенсен, руководитель лунной программы НАСА. А это — Гленн Де Витт, в недавнем прошлом полковник ВВС, а ныне мой заместитель, глава отдела специальных исследований.

Лицо Кристенсиена не раз попадалось Файрли на обложках популярных журналов. Он был известен как президент крупнейшей радиоэлектронной компании, сделавший потрясающую карьеру благодаря своей энергии и блестящей эрудиции, а главное — уникальному умению работать с коллективами самых различных специалистов.

Несколько лет назад конгресс утвердил его главой лунного проекта, и с тех пор дела в космосе у США пошли блестяще. Это был зрелый мужчина с внешностью викинга — голубоглазый, широкоплечий, с грубо скроенным волевым лицом, которое не портила седина.

Де Витт был заметно моложе, ему еще и сорока не исполнилось. Заурядная внешность клерка, редкие темные волосы, худой, фигура почти мальчишеская... Лишь одно было необычно в его лице — непропорционально большие серые глаза, в которых светилась такая жестокость и стальная воля, что Файрли невольно поежился. Инстинктивно он почувствовал: с та-

ким человеком не стоит вступать в конфликт, даже пустяковый.

Боб внезапно вспомнил, что несколько лет назад встречал в газетах это странное и по-своему завораживающее лицо. Шум поднялся в связи со скандальной отставкой Де Витта из рядов ВВС, где тот занимал пост начальника технической службы. Отставка, а точнее сказать увольнение, была вызвана письмом Де Витта лично президенту, в котором полковник в резких тонах протестовал против замораживания некоторых космических программ, называя эти действия конгресса чуть ли не государственной изменой.

Кристенсен тем временем крепко пожал руки ученым, пытаясь вглядываясь в их лица, а затем пригласил всех сесть в кресла вокруг большого овального стола.

— Я понимаю, вы ждете объяснений, — сказал он.

Боган начал было ворчать, по своему обыкновению, но Кристенсен одним властным движением руки заставил старика замолчать.

— Думаю, вы уже догадываетесь, о чем пойдет речь, — об этом сейчас говорит весь мир. Я имею в виду протест России в ООН по поводу нашей станции в кратере Гассенди, где мы якобы тайно создаем военную базу. Русские настаивают, чтобы мы допустили туда международных наблюдателей.

— Мы не только слышали об этом, но и крайне возмущены действиями красных, — с возмущением ответил за всех Боган.

Кристенсен хмуро кивнул.

— Я вас понимаю, господа... Но дело в том, что в Гассенди действительно находится военная база.

Ученые ошеломленно переглянулись. Спеер, не выдержав, вскочил с места:

— Черт возьми, так я и думал! Нашим brave войскам уже и на Земле не сидится! Пока политики болтают о миролюбии и сокращении вооружений, вы...

Кристенсен так сурово взглянул на Спеера, что тот замолчал и, усевшись за стол, только возмущенно что-то продолжал бормотать себе под нос.

— Вы меня не поняли, господа, — неожиданно мягким голосом продолжил он. — Да, в Гассенди действительно находится военная база, вернее, развалины базы. Но не мы ее строили. Она была сооружена задолго до посадки людей на Луну.

В комнате вновь воцарилось молчание. Боган побагровел — он не привык, чтобы над ним так откровенно насмехались.

— Задолго? — пробасил он, не сводя с Кристенсена подоз-

рительного взгляда. — Как это понимать — задолго? За день? Или за год?

— Немного больше, мистер Боган, — спокойно сказал Кристенсен. — По нашим оценкам, за тридцать тысяч лет до рождения Христа.

Глава 3

Он стремительно падал на лунную поверхность. Горные хребты, кратеры и расщелины на глазах росли, наливались серебристым светом, приобретали глубину и рельефность. Сейчас, сейчас он, словно метеор, врежется в каменистую, раскаленную лучами солнца равнину...

Иллюзия полета была столь совершенной, что Файрли забыл, что смотрит на огромный киноэкран, висевший на стене. В темном зале стояла напряженная тишина, прерываемая лишь осторожным скрипом кресел.

Послышался голос Кристенсена:

— Сейчас космолет пролетает над восточной частью моря Гармонии; видите, она окружена цепью гор? А вот и Гассенди.

На лунной поверхности появился зазубренный овал кратера, быстро плывущий навстречу кораблю. Большая часть его была погружена в тень, но лунный рассвет приближался, и отроги скал уже сияли белым огнем.

— Один из наших орбитальных спутников Луны был оборудован чувствительным металлоискателем, — продолжал Кристенсен. — И нам чертовски повезло. Спутник зарегистрировал локальные залежи металла в западной части кратера; потому-то одна из экспедиций и выбрала это место для посадки. Сейчас вы видите подлинные кадры хроники этого полета — с ними знакомы лишь два десятка человек в стране, включая президента.

Экран внезапно потемнел, но вскоре изображение вновь появилось.

— Снято спустя два дня после прилунения, — пояснил Кристенсен.

Камера на этот раз была расположена внизу, в долине огромного кратера. В центре стоял серебристый купол — дом номер один базы, а за ним, словно корона, возвышались зубцы скал, уходящие в черное звездное небо. К куполу медленно шли люди в белых массивных скафандрах.

Экран вновь мигнул, и на нем появились крутые отроги лунных гор.

— Спустя сутки первая исследовательская партия направилась к западной части кратера, туда, где было замечено мощное месторождение металла, — продолжал комментировать Кристенсен. — Вот что они обнаружили...

Панорама гор поплыла налево, и вскоре сидевшие в зале люди увидели в нижней части отвесной каменной стены огромное жерло пещеры.

Поднявшееся над скалами солнце вдруг осветило ее косыми лучами, и стало очевидно, что это скорее округлый туннель, уходящий глубоко в основание скал. Судя по стоявшей рядом фигурке астронавта, диаметр входа был не менее пятидесяти метров.

К туннелю через каменную равнину тянулась широкая расщелина, укутанная тьмой.

Камера поплыла вдоль края расщелины, приближаясь к скалам, и вскоре стало отчетливо видно, что вход в пещеру был когда-то закрыт мощными металлическими воротами. Сейчас одна из створок была выгнута внутрь, словно от могучего удара, и наполовину засыпана каменными обломками. Вторая створка, расколотая на несколько частей, лежала у входа в туннель, и над ней также громоздилась массивная куча валунов.

— Внешние двери в туннель, — сказал Кристенсен. — Внутренние разбиты вдребезги. Видимо, работали по принципу кессонной камеры. Сейчас вы увидите останки того, что находилось за ними...

Ослепительный свет прожектора высветил потрясающую сцену. Огромная, цилиндрической формы «пещера» была полуразрушена, плоский пол был покрыт сетью глубоких трещин. То тут, то там громоздились груды крупных обломков. Среди них тускло блестели скрученные какой-то ужасающей силой металлические пластины, решетчатые конструкции, хитроумные агрегаты. Посреди этого хаоса стоял астронавт, держа в руках россыпь серебристых шариков.

— А вот несколько найденных в туннеле предметов, — сказал Кристенсен.

На экране возникло металлическое кресло с сильно наклоненной назад спинкой. Рядом среди камней лежал длинный стержень, на одном конце которого находилась овальная пластина, а на другом — узкий паз.

В зале вспыхнул свет. Четверо ученых молча переглянулись. Они были ошеломлены увиденным.

— Это всего лишь небольшая часть отснятых на базе пришельцев киноматериалов, — сказал Кристенсен, обернувшись к ним. — Но, думаю, для начала вполне достаточно.

— И это... это находилось в кратере в течение тридцати тысяч лет? — хрипло спросил Файрли.

— Да.

Настала долгая пауза, растерянным ученым было пока не до вопросов.

Файрли подумал: «А ведь парни из лунной экспедиции чувствовали себя точно так же, впервые увидев следы пребывания пришельцев в Гассенди!» Это было так же невероятно, как если бы Колумб, высадившись на берег Нового Света, столкнулся бы с руинами аэропорта!

«Мы слишком самоуверенны, — сказал себе Файрли. — Слишком кичимся нашими знаниями и незыблемостью планов «заоевания природы». Луна для человечества была лишь безжизненным шаром, удобным форпостом в победоносном освоении Солнечной системы. Но нас опередили на триста веков. Хотя кто знает: быть может, лучше бы нас опередили на пятьсот столетий? Потому что человечество не готово к такому подарку. И первое, что оно сделало с наследством пришельцев, — попыталось утаить...»

Спеер пришел в себя и по привычке сразу же затеял спор:

— И как же установили этот огромный срок — тридцать тысяч лет? Ведь на Луне нет воздуха, предметы могут сохраняться в неизменном виде практически вечно.

— Не совсем так, — с готовностью отозвался Де Витт. — Солнечные лучи и космическая радиация меняют структуру металлов, и это изменение можно измерить. Кстати, подобным же образом установили дату, когда база пришельцев была разрушена. Это произошло спустя две тысячи лет после ее основания.

— Бога ради... — дрожащим голосом пробормотал Лизетти, умоляюще глядя на Кристенсена, — почему же вы скрываете от человечества такое открытие?

Кристенсен хмуро кивнул.

— Мы тоже чувствуем себя не в своей тарелке от этого, профессор, — тихо сказал он. — По крайней мере, некоторые из нас. — Тут Файрли показалось, что он довольно холодно взглянул на Де Витта. — Но что делать? Политики и военные

в один голос твердят, что этого требуют интересы национальной безопасности.

Спеер усмехнулся.

— Понятно... У русских на эту тему есть хорошая поговорка: дружба дружбой, а табачок врозь. Но вы хотя бы установили, что послужило причиной таких страшных разрушений?

— Вражеская акция, — ответил Де Витт, неприязненно глядя на ершистого Спеера. — Похоже, здесь размещалась тщательно скрываемая военная база. Очевидно, у пришельцев были враги, обладающие мощным оружием. Кстати, наши ученые предполагают, что создатели базы в Гассенди — гуманоиды.

— Кто-кто? — пробасил Боган. Вид у старика был крайне раздраженный. Вся эта история с пришельцами ему определенно не нравилась.

— Гуманоиды, — повторил Де Витт. — Вы обратили внимание на кресло? На нескольких приборах были обнаружены ручки управления, явно предназначенные для руки типа человеческой. Кроме того... Но не буду утомлять вас деталями. Скажу только, что есть мнение, будто пришельцы были не просто гуманоидами, а даже людьми.

— Ну конечно, они были атлантами... — с иронией начал было Спеер, но Кристенсен суровым взглядом заставил его замолчать.

— Много тысячелетий назад в Галактике произошла страшная война между гуманоидами, или даже людьми, как говорил Де Витт, и их могучими противниками, о которых нам пока мало что известно. Обе стороны имели флоты звездных кораблей и мощные виды оружия — атомное из них было едва ли не самым безобидным. Чем кончилась схватка титанов, мы не знаем, хотя, похоже, противники людей одержали верх. Теперь вы понимаете, как важно нам — и именно нам — первыми овладеть секретами военной технологии пришельцев?

Ученые молча кивнули, даже Спеер не рискнул иронизировать на эту тему.

— Потому-то вы и здесь, господа, — продолжал Кристенсен. — Мы не могли вас открыто пригласить, поэтому и пришлось прибегнуть к таким... э-э... необычным методам.

— Это понятно и ребенку, — буркнул Боган. — Не ясно другое: почему именно мы оказались на космодроме? Мы же ничего не смыслим в оружии...

— Дайте мне фотографии, Гленн, — вместо ответа сказал Кристенсен.

Де Витт достал из портфеля конверт и вручил его своему начальнику. Тот взял одно фото и протянул его Богану. Ученые увидели изображение металлической пластины, прикрепленной к торцу полуразрушенного прибора с широким расходом трубом наверху. На пластине четко выделялась вязь из букв — незнакомых, но чем-то напоминающих по форме арабские.

— Это... это их письмена?

Кристенсен кивнул.

— Это нечто вроде «инструкции» к прибору, который был классифицирован нашими инженерами как кислородный генератор. У нас имеется несколько таких табличек, а также довольно обширный архив, найденный в расколотом сейфе. Покидая Гассенди, пришельцы оставили его — возможно, им было в то время не до бумаг. Мы хотели бы, чтобы вы помогли прочитать записи пришельцев.

Ученые переглянулись. Боган бросил на Кристенсиона грозный взгляд и встряхнул своей львиной гривой; казалось, он вот-вот зарычит. Но вместо этого он мягко произнес, словно обращаясь к ребенку-несмышленику:

— Господа, вы слышали что-нибудь о лингвистике?

— Кое-что, хотя и немного, — бодро ответил Кристенсен. — Зато мы наслышаны о блестящих научных достижениях вашей великолепной четверки. Каждый из вас прославился своими успехами в разгадывании кроссвордов древних языков. Мы надеемся, что вы и здесь сотворите чудо.

Боган посмотрел на него, как на студента-двоечника:

— Вы несете чушь, полную чушь! Одно дело работать с земными языками, как правило тесно связанными с десятками других, хорошо известных, — я уже не говорю, что они питаются общими для обширных регионов культурными и историческими традициями. Но язык существ с другой планеты, о которых нам ровно ничего не известно... Бред, чистойшей воды бред!

Кристенсен кивнул.

— Я понимаю, это будет сложно, невероятно сложно... Но прилететь в Гассенди было тоже трудно, уверяю вас. Уровень земной техники еще не созрел для полетов на другие планеты, мы во многом рисковали и тем не менее достигли своей цели. Уверен, и вам это удастся...

— ...если мы очень постараемся, — ухмыльнулся Спеер. — Всего-то дел: взять и очень постараться!

— Кроме того, у вас будет и определенная почва под ногами, — невозмутимо продолжил Кристенсен, словно не заме-

тив ядовитой реплики. — Я имею в виду «инструкции» к десяткам машин и приборов; наши инженеры уже составили о них определенное мнение и даже попытались разработать свои «инструкции» по их применению. Разве этого мало? Де Витт будет плотно работать с вами, он прекрасный инженер.

Де Витт молча кивнул.

Кристенсен поднялся и пошел к выходу из зала, давая понять, что дискуссии не будет. У порога он обернулся и твердо сказал:

— Считайте, что вы призваны в армию, джентльмены, для выполнения особо важного задания, связанного с вопросами государственной безопасности. Президент выразил надежду, что вы не пожалеете усилий в решении этой задачи. Учтите, вы будете иметь дело со сверхсекретными документами... Впрочем, об этом вас проинструктирует Де Витт. Доброй ночи.

Кристенсен вышел из зала, за ним последовал Де Витт.

Спеер разразился хохотом, а Боган начал раздраженно бурчать. Слова «фабрикант», «делец» были самыми слабыми из его выражений, в подборе которых он не особенно стеснялся. Лизетти, напротив, радостно потирал руки — он обожал неразрешимые загадки.

Сам же Файрли не мог разобраться в своих чувствах. Все, что говорил Кристенсен о подходах к разгадыванию письменности пришельцев, казалось полнейшей чушью... Однако какова проблема!

Так или иначе, он волей случая вынесен из тихой академической кельи на фантастическую вершину, откуда можно либо с грохотом упасть, либо...

В зал вошел Хилл и почтительно произнес:

— Разрешите, господа, я покажу ваши комнаты. Утром я провожу вас в кабинеты и лаборатории, где вы найдете все необходимое.

Они вышли из административного корпуса. Ночь была ветреной, в воздухе неслись мириады колючих песчинок, затрудняющих дыхание, но небо было чистым. Файрли взглянул на россыпи дрожащих звезд и вспомнил слова Кристенсена о галактической войне между двумя суперцивилизациями. Он попытался представить, что стоит перед панорамой опустевшего поля битвы, где, наверное, еще носятся обломки боевых звездолетов и застывшие тела инопланетян, но тут Хилл шепнул ему на ухо:

— Боб, вы не против перекинуться на сон грядущий в кар-

тишки? Мне сегодня рассказали такой анекдот — обхохочетесь...

— Бред... бред... — прошептал Файрли и, зевнув, пошел спать.

Глава 4

Сильный мужской голос доносился из глубин времени и пространства. Слова были непонятны, но голос сам по себе завораживал. В его интонациях чувствовались властность и мощь, несгибаемая воля и открытость. Впрочем, может быть, Файрли это только показалось?

Он сидел в своей маленькой лаборатории, закрыв глаза, и слушал, слушал... Его пальцы инстинктивно выстукивали по столу ритм фраз, непривычный и все же на удивление знакомый. Де Витт сидел на соседнем стуле, слегка раскачиваясь, и искоса поглядывал на ученого. Ему не нравилось, что Файрли часами просто сидит и слушает речь пришельцев, ничего не делая, но от замечаний он пока воздерживался.

«О чем говорит этот инопланетянин, умерший десятки тысяч лет назад?» — думал Файрли. — Быть может, это рассказ о галактической войне, ставшей причиной гибели его планеты? Нет, не похоже... Хотя что я могу знать об интонациях существ, обитавших на другом краю Галактики?»

Не раз Файрли пытался заставить себя относиться к звукам речи пришельцев лишь как к объекту, подлежащему изучению; и всякий раз замечал, что сердце его начинает убыстренно стучать, на лице появляется испарина, дыхание становится прерывистым... Он не мог избавиться от ощущения, что инопланетянин рассказывает ему о чем-то очень важном, важном для них обоих. Но о чем? Файрли казалось, что вот-вот стена непонимания рухнет и сразу же все станет ясно, до единого слова...

Де Витт смотрел на ученого гневным взглядом. Нет, он не испытывал ненависти к Файрли, но тот работал медленно, слишком медленно.

— Поставить еще одну запись?

— Достаточно на сегодня, — ответил Файрли.

Де Витт молча выключил усилитель и отсоединил от него квадратную коробочку цвета слоновой кости. Она была найдена в кратере Гассенди и представляла собой звуковоспроизводящий прибор инопланетян.

Конструкция ее поражала своей простотой: незамысловатая коробочка с гладкими стенками, а посреди — тонкая ось. На нее насаживался серебристый шарик — звуконоситель, и тот начинал вращаться. И все. Инженеры хватались за голову, пытались обнаружить в конструкции коробочки хотя бы следы усилителя, моторчика и источника энергии, но не нашли пока ничего.

Де Витт подождал, пока вращение шарика не остановится, а затем осторожно снял его с оси и положил в пенал с двумя десятками подобных же шариков, также найденный в развалинах.

Файрли потянулся и, глубоко вздохнув, спросил:

— Не могу понять, как столько информации могло уместиться на такой маленькой сфере. Мы слушаем ее уже какой день, и...

— Ну, это как раз совсем не удивительно, — буркнул Де Витт. — В качестве носителя информации теоретически могут служить и молекулы, и атомы, и даже электроны... Какой-то невидимый луч, испускаемый осью «магнитофона» пришельцев, сканирует поверхность шарика, а может быть, и его внутренние слои и снимает записанную там информацию. Куда важнее другое — *какая* это информация. Вы только вообразите, Файрли, в этом шарике, возможно, записаны практически все научные знания инопланетной цивилизации, тысячи важных технологий, в том числе и военного характера! Скажите откровенно, вы ощущаете хоть какое-то продвижение вперед?

— Мистер Де Витт, перестаньте меня третировать, — со всей возможной вежливостью сказал Файрли и включил обратную перематку ленты — уже на обычном магнитофоне. — Вы хоть представляете, сколько времени требуется для перевода, а лучше сказать, для познания незнакомого языка, даже если вы и имеете отдельные двуязычные тексты? Десятилетия. А иногда — жизни нескольких поколений. Думаете, если вы набили лаборатории суперкомпьютерами, то остается лишь нажимать кнопки и ждать, пока машина заговорит на любом мертвом языке? Черта с два. Тем более в таком случае, как этот.

— У нас нет в распоряжении десятилетий, — тихо сказал Де Витт, не сводя с ученого грустного взгляда. — У нас нет даже нескольких лет. Очень повезет, если у нас будут хотя бы месяцы.

Файрли в изумлении воззрился на него.

— Простите, что приходится давить на вас, но другого выхода нет, — продолжил Де Витт мрачно. — Вам известно, какой шум поднят вокруг базы на Гассенди. Пока нам еще удается отбиваться от русских, но в ООН далеко не все нас поддерживают. Что же тогда, войну начинать? Гуманоиды пытались удержаться в кратере, и вы видели, чем это кончилось. Нет, у нас есть лишь один выход — первыми овладеть знаниями могучей цивилизации. И сделать это за очень короткое время.

— Отлично! — раздраженно воскликнул Файрли. — Вы мастер вызывать в людях энтузиазм, Гленн. Тогда, быть может, дадите мне наконец спокойно работать? Неужто вы не видите, что попросту стоите у меня над душой, а это может взбесить даже ангела?

— Ладно, Боб, не злитесь, — дружелюбно улыбнулся Де Витт и, к изумлению Файрли, вновь уселся в кресло. — Я вовсе не собираюсь вам мешать. Считайте меня студентом-недоучкой с чрезмерно развитым любопытством. Я вот уже третий день гляжу на графики, которые выдает ваш персональный компьютер, и не могу разобраться, что на них изображено. Не просветите, Боб?

Файрли несколько покорила фамильярность Де Витта, но он решил не цепляться к мелочам.

— Это не графики, а диаграммы, показывающие относительную интенсивность звуков, которые я выделил в речи пришельцев.

— Кстати, они довольно просты, — заметил Де Витт.

— Да, их вполне можно воспроизвести, и это хорошо. Похоже, пришельцы действительно были гуманоидами... Так вот, я провожу сейчас анализ фонов, составляющих звуковую основу всякого языка, а затем предстоит тщательное изучение морфем, представляющих собой совокупность морфо...

— Файрли...

— Что-то неясно?

— Я был в Гассенди. Одним из первых вошел в пещеру и увидел развалины базы... Я шел по обломкам машин и каждую минуту ожидал увидеть тела пришельцев или хотя бы их скелеты... Но останков мы не нашли — видимо, товарищи увезли погибших с собой. И сняли с разбитого космолета — а мы обнаружили в глубине туннеля космический корабль — все целые агрегаты и приборы. Противнику не оставили ничего, ничего!

Но для нас остатки звездолета — это целый клад. Мы нашли двигатель, реактор, генераторы, системы жизнеобеспе-

чения, навигационные приборы. Этого вполне достаточно, чтобы в будущем построить свой собственный звездолет — если, конечно, вы с коллегами нам поможете. Но подумайте, есть шанс, что в Гассенди попадут наши противники. И тогда вполне возможно, что в первую межзвездную экспедицию отправится корабль, над которым будет развеяться чужой флаг!

На мгновение Файрли представил себя, стоящего в капитанской рубке. Перед ним сияет экран, полный незнакомых созвездий...

— Погодите, — пробормотал он, пораженный внезапной мыслью. — Звездные корабли? Выходит, пришельцы прилетели не из Солнечной системы?

— Мы уверены в этом, — твердо сказал Де Витт.

Он вновь протянул было руку к пеналу с серебристыми шариками, но Файрли остановил его.

— Я же сказал, на сегодня хватит. Со старыми записями бы разобраться...

Однако Де Витт уже вставлял один из шариков в белый «магнитофон», найденный на Луне.

— Это не обычная запись, а что-то типа инструментальной музыки. Надо же вам когда-нибудь отдыхать? Вот и отдохайте, расслабьтесь, но с пользой для дела. Вам необходимо иметь какое-то представление об эстетике пришельцев, об их вкусах.

Шарик медленно стал вращаться на тонкой оси, и в лаборатории зазвучала негромкая музыка. Это было похоже на шум ветра... плеск прибоя, щебет птиц...

«Флейта? — подумал Файрли, закрыв глаза и откинувшись на спинку кресла. — Арфа? Скрипка?» Нет, звучали совсем иные инструменты, совершенно непохожие на земные и все же чем-то знакомые. Файрли показалось, что нечто подобное он иногда слышал во снах...

А потом послышалось пение женщины.

Глава 5

Женщина пела, и шум ветра вторил ей, шурша, словно осыпающиеся песчинки в часах Вечности. Голос был нежным, лишенным даже тени страдания и боли, но почему-то вызывал грусть. Слова таяли, растворялись в многоцветном звучании голоса, затем вновь выплывали, то споря с гудением ветра, то сливаясь с ним. Файрли постепенно понял: да это же не ветер и не звуки неведомых инструментов, а голос разумного

существа — не человека, не гуманоида, а кого-то чужого происхождения далеких миров и иных звезд...

Но самое удивительное, что женский голос вызывал яркие зрительные образы. Файрли закрыл глаза, и перед его мысленным взглядом появилась панорама огромной планеты. Он плыл среди облаков и видел моря со странными кораблями-раковинами, отлогие берега с белыми шпильями дворцов, чудесные парки с фантастическими деревьями, космодромы с сотнями могучих звездолетов... И где-то рядом с ним стояла поющая женщина; он не мог повернуть головы и рассмотреть ее лицо, но чувствовал, что она прекрасна. А главное, это та, единственная женщина, которую он так давно искал и не мог найти...

Поверхность планеты стала стремительно приближаться, навстречу с вершин деревьев хлынул поток разноцветных крыльев, кружащихся в завораживающем танце...

Внезапно голос стих, и видение исчезло. Файрли продолжал неподвижно сидеть, словно боясь спугнуть очарование ушедшего мгновения, но за него это бесцеремонно сделал Де Витт.

— Впечатляюще, не правда ли? — спокойно спросил он, пряча серебристый шарик в пенал. — И как похоже на голос земной женщины. Очевидно, их голосовые связки не очень-то отличались от наших... Ладно, Файрли, на сегодня хватит. Позовите меня, когда будете готовы выслушать новые записи и тем более если получите какие-либо результаты...

Де Витт удалился прежде, чем Файрли окончательно пришел в себя.

Оставшуюся часть дня он не работал, а большей частью сидел за столом, уставившись невидящими глазами в окно. Ночью Файрли почти не спал; сны были такими невероятными и яркими, что он то и дело просыпался с испариной на лбу и ощущением пережитого ужаса. Пение женщины словно открыло какую-то дверь в его подсознании, и он во снах стал вспоминать то, чего никогда не знал, и видел то, чего никогда не переживал и переживать не мог. Но видения мгновенно гасли, стоило ему очнуться, и к утру он не помнил ничего. Чувствовал Файрли себя к началу рабочего дня совершенно разбитым, но заставил себя работать — да еще так интенсивно, как не трудился со времен написания диссертации. На следующую ночь видения вновь повторились, а затем еще раз, и еще, и еще... Через неделю, взглянув во время бритья в зеркало на свое лицо, Файрли себя не узнал — это был совсем иной

человек, лет на десять старше, со впалыми щеками и лихорадочно горящими глазами. Он едва держался на ногах от утомления, но охотничий азарт лучше кнута гнал его к столу. Слово поняв это, Де Витт эти дни не появлялся: видимо, вплотную принялся за его коллег.

Файрли мало встречался с ними, а когда все же они собирались по вечерам за общим столом, то по общему молчаливому соглашению о деле не говорилось ни слова.

Ученые вяло перекидывались в карты, смотрели телевизор, отдавая предпочтение спорту и эстрадным шоу, а затем расходились по комнатам. Каждый ощущал огромный груз ответственности, и этот груз рос изо дня в день, не давая ни минуты покоя.

Много раз Файрли казалось, что он начинает улавливать смысл в звукозаписях пришельцев, но были дни, когда он впадал в отчаяние. Звезды медленно уплывали, маня своей недоступностью, и приходили мысли: нет, не видать мне до конца своих дней ничего, кроме однообразных аудиторий и зевающих студентов... И все же мало-помалу под ногами стала ощущаться почва.

Не выдержав, одним прекрасным утром Файрли уселся за пишущую машинку и на одном дыхании написал экспресс-отчет с краткими результатами исследований и выводами. Похвастаться пока было нечем, но кое-какие закономерности в звуковой основе языка инопланетян определенно улавливались. Затем он пошел к Спееру — впервые за все время — и показал ему свой отчет. Спеер, как выяснилось, пришел к таким же выводам.

Тем временем Боган и Лизетти, независимо друг от друга, проводили анализ письменности пришельцев, основываясь на их «инструкциях» к машинам и агрегатам и подобных же инструкциях, составленных специалистами Морроу, изучавшими эти машины. Встретившись, оба пришли в восторг. Боган тут же известил Кристенсена, что готов доложить на совещании «потрясающие итоги» их с Лизетти деятельности. Через десять минут руководитель лунного проекта, отложив все дела, пришел в гостиную корпуса, где жили ученые.

Де Витт явился на совещание раньше всех и, не скрывая волнения, стал курить одну сигарету за другой. Увидев его, сияющий Боган помрачнел.

— Господа, мы с доктором Лизетти пригласили вас сюда по очень серьезному поводу, — начал он. — Наши результаты совпали, и письменность пришельцев приоткрыла первую

свою тайну. Анализируя «инструкции» к машинам, найденным на Луне, мы установили с достаточно высокой вероятностью значения двух символов. Их можно перевести как «в» и «из», или в конкретном прикладном смысле «включено» и «выключено». Определенный набор символов мы идентифицировали как цифры от 0 до 8; по-видимому, инопланетяне использовали восьмеричную систему. Нам также удалось установить значения ряда других символов, которые в надписях использовались в качестве предлогов, но эти результаты требуют серьезной...

— Вы все-таки сделали это! — неожиданно громко сказал Де Витт, сияющими глазами обводя сидевших в комнате.

Боган вздрогнул.

— Сделали — что? — осторожно спросил он.

— Нашли ключ к языку пришельцев, — пояснил Де Витт. — Когда вы сможете завершить свою работу, доктор Боган?

— О боже... — пробормотал ученый, с ненавистью глядя на отставного полковника. — Сколько можно нести эту чушь? На яблоне только раскрываются почки, а вы уже трясете дерево с корзиной в руках. Не рановато ли?

— Но вы же только что сказали...

— Я сказал то, что сказал, а не то, что вы захотели услышать, — жестко отрезал Боган, побагровев. — Я, кажется, ясно выразился: мы еще бродим в потемках. Да, пару раз мы набили шишки на лбу, ударившись обо что-то твердое, но вовсе не обязательно о звездолет; это мог быть просто придорожный столб. Надеюсь, я достаточно образно обрисовал ситуацию? Кто знает, быть может, ряд знаков относится к пиктографическому письму, а остальные — к идеографическому? Или они носят чисто символический смысл — точно так же, как череп и скрещенные кости на этикетке означают «яд»? Я уже не говорю, что составленные вашими инженерами «инструкции» к машинам пришельцев могут оказаться полной чушью. Вы сами признавали, что лишь смутно догадываетесь об их назначении...

Он гневно встряхнул своей великолепной гривой.

— Работа только начинается, господа, вы это должны твердо уяснить. В перспективе нам предстоит решать сложнейшую проблему агглютинации, а именно образования грамматических форм путем присоединения к корню или основе слова аффиксов, при котором границы морфов остаются отчетливыми...

— Тем не менее дело сдвинулось с мертвой точки, и прогресс несомненен, — сухо прервал его Де Витт.

— По сравнению с нулем любая цифра — уже величина, — возразил Боган. — Даже если это десять в минус тысячной степени.

Файрли слушал препирательства словно издалека. Он удобнее устроился в кресле и, закрыв глаза, попытался отключиться от происходящего. Но мощный голос Кристенсена не дал ему задремать. Руководитель лунного проекта подвел итоги совещания: работа, проделанная филологами, поражает своими результатами; «бригадный метод» превосходно показал себя на практике; сейчас им следует объединить усилия... и т.д. и т.п.

Файрли все-таки удалось слегка задремать — сработал рефлекс на выступление начальства, однако резкий голос Де Витта заставил его вздрогнуть:

— Я думаю, и мы не должны теперь стоять на месте.

— Что вы имеете в виду? — спросил Кристенсен.

— Пора начинать работы по проектированию звездолета, — хладнокровно ответил Де Витт. — Инженерам чисто интуитивно удалось восстановить ряд машин пришельцев. Теперь, когда с помощью этих джентльменов установлено значение символов «включено» и «выключено», мы имеем возможность провести первые испытания.

Лицо Кристенсена стало непроницаемым, словно он спустил невидимое забрало.

— Мы все хотим сделать это, Гленн, но стоит ли использовать метод кавалерийского наскока? Доктор Боган четко заявил: «инструкции» к машинам пока остаются почти нерасшифрованными. Мы можем в результате только испортить и разрушить то, что с таким трудом удалось восстановить. Нет, все это преждевременно.

Де Витт дерзко улыбнулся, с превосходством глядя на своего начальника:

— Я думаю иначе. Мы не можем долго топтаться на месте и ждать, пока к пиджаку пришьют все пуговицы. Уверен, что натурные испытания помогут и филологам. Не правда ли, джентльмены?

Боган не успел и рта раскрыть, как Кристенсен сурово отрезал:

— А я говорю — никаких испытаний не будет. Рано.

— Рано? А когда же будет не рано?

— Когда я решу, что работы по всем направлениям продви-

нулись достаточно далеко и получены вполне надежные результаты.

— Вряд ли это произойдет в обозримом будущем.

— Вы чем-то недовольны, Гленн?

— Да, недоволен. Я думаю, вы здорово струхнули, Крис, и будете откладывать начало практических работ до Судного дня. Конечно, рисковать вашим солидным положением ради каких-то звезд...

— В конечном итоге, все будет зависеть от Вашингтона, — процедил Кристенсен, исподлобья глядя на своего помощника. Вид у него был на редкость грозный, но Де Витт и глазом не моргнул. Нагнув голову, словно молодой бычок, он был явно готов стоять до последнего. — Если хотите, Гленн, слетайте в столицу и доложите госсекретарю и министру обороны свою позицию. Я, в свою очередь, пошлю рапорт. Посмотрим, что решат наверху.

Боган кашлянул и шумно стал собирать бумаги, разложенные на столе. На Кристенсена он старался не смотреть.

— Полагаю, мы снова сможем собраться через четыре или пять недель и обсудить наши новые результаты — если они, конечно, будут.

Не отводя взгляда от Де Витта, Кристенсен кивнул.

— Хорошо. Держите меня в курсе, джентльмены.

Он стремительно вышел из комнаты. За ним, усмехаясь, не спеша последовал Де Витт. Ученые переглянулись с удрученным видом.

— Хотел бы я знать, чем все это обернется, — пробормотал Спир. — Боб, предлагаю сегодня в качестве натурального эксперимента надраться как следует.

— Рано, — криво усмехнулся Файрли. — Да и, пожалуй, рискованно.

— Риск будет только в том случае, если мы напоим до чертиков Лизетти. Тогда машинам пришельцев уже точно не ущелеть, наш славный полиглот сделает им харакири. Верно, Бат?

— Напрасно вы так шутите, Спир, — растерянно сказал Лизетти. — Это... это очень серьезно. Я даже не предполагал, что мы окажемся втянутыми в такое дело. Знаете, я человек религиозный и порой думаю, а не дьявол ли вводит нас в соблазн этими звездными машинами? Вы со мной не согласны, Джон?

— Хм... Лично я хотел бы поставить капкан на хищного маленького зверька под названием «совесть». Уж очень он суетится по ночам, не дает мне, старику, спокойно спать. Для

ученого это порой слишком дорогое удовольствие... Ладно, будем считать совещание закрытым.

Работа вновь пошла своим чередом, но Файрли уже не мог полностью отвлечься от мыслей о том, что происходит за пределами кабинета.

От разговорчивого Хилла он узнал, что Де Витт вылетел с докладом в Вашингтон, и с тревогой ждал его возвращения. Иногда ему хотелось, чтобы госсекретарь запретил проведение экспериментов, а иногда наоборот — чтобы им был дан «зеленый свет».

Неделю спустя Де Витт, словно призрак, появился в кабинете и молча уселся в кресло рядом с Файрли. Его лицо было непроницаемо, но в глазах светилось уныние.

— Надеюсь, все прошло успешно? — не удержавшись, съязвил Файрли. — Вам позволили нажимать на все пусковые кнопки?

— Мы не сдвинемся с мертвой точки, Боб, пока вы не достигнете серьезных результатов, — устало ответил Де Витт. — Скажите откровенно, есть ли хоть какая-то надежда получить их в обозримом будущем?

— Никакой, — с усмешкой бросил Файрли, наслаждаясь болью в глазах экс-полковника. — И вообще, я считаю, что ваш шеф Кристенсен прав. Это абсурд — изучать неизвестные машины, да еще созданные на другой планете, на основе всего двух слов «включено» и «выключено».

— Не так уж это и мало, — тихо возразил Де Витт. — Вы меня удивили, Боб. Я надеялся, что такой молодой человек, как вы, станет моим союзником, а вы... вы оказались замшелым стариком. Кристенсена еще можно понять, он совершенно застенчив. Он долгие годы по кирпичику складывал фундамент своей карьеры и теперь просто не способен идти вперед, не оглядываясь. Но вы... э-эх...

Де Витт внезапно поднялся и вышел из комнаты, громко хлопнув дверью. Файрли ошеломленно посмотрел ему вслед и вдруг почувствовал, что щеки его горят. В нем разгорался гнев — и не только по отношению к Де Витту...

Не выдержав, он вновь включил заветную записку и, закрыв глаза, в сотый раз стал слушать голос давно умершей женщины со звезд. Она звала его, звала... а он струсил, встав на сторону Кристенсена и старперов из Вашингтона. Де Витт прав — он уже старик, который так никогда и не был по-настоящему молодым...

С этого дня Файрли стал работать с каким-то диким иссту-

плением. Свет в его кабинете по ночам почти не гас, спал он не более двух-трех часов в сутки, держась на черном кофе и тонизирующих таблетках.

И наконец в, казалось бы, гранитной стене Непознанного появилась крохотная трещина. Файрли понимал, что это, скорее всего, оптический обман — уж слишком безумной и безнадёжной была осенившая его идея, но продолжал упорно идти вперед. Вскоре трещинка превратилась в расщелину, в конце которой появились робкие лучи света.

Он никому ничего не сказал, даже Спееру. Де Витт демонстративно не появлялся, словно поставив крест на нем, но иногда посреди ночи у Файрли появлялось неприятное ощущение, что кто-то следит за ним через оконное стекло.

Рабочий дневник распухал от торопливых записей. Вскоре в нем появился первый перевод одной из «инструкций» к машине пришельцев — ею оказался киберштурман; за ней последовала вторая инструкция, третья... Однажды ночью Файрли выключил компьютер и с изумлением и даже некоторым страхом посмотрел на толстые тетради, лежащие на столе. Если он окончательно не сошел с ума, то перед ним находился ключ к звездам. Фотографии машин, найденных в Гассенди, их подробное описание, сделанное инженерами, и переводы инструкций... Любая из авиакосмических фирм, работавших на НАСА, могла на основе всего этого материала начать проектировать звездолет. Звездолет!!

Внезапно свет настольной лампы мигнул раз-другой и окончательно погас.

«Авария на линии», — подумал раздраженно Файрли, не без труда встав из-за стола. Делая разминочные движения, он вышел в коридор и распахнул наружную дверь. На него пахнуло свежим ветром, несущим редкие капли дождя. Впереди, в густом тумане, расплывчато светились огни административного корпуса.

— Эй, есть здесь кто-нибудь? — крикнул Файрли. — Какого черта случилось с освеще...

Вдруг на него обрушилось что-то тяжелое, и он потерял сознание.

Глава 6

Прошли, казалось, годы или даже столетия, прежде чем тьма стала рассеиваться.

Файрли еще не нашел в себе сил открыть глаза, но уже вы-

нужден был отвечать на чьи-то вопросы, идущие откуда-то издалека:

— Откуда вы узнали, что энергокабель перерезан?

— Я не знал об этом... просто свет в комнате погас...

— Но вас нашли около распределительного щита вашего корпуса.

— Не знаю... я даже не знаю, где это...

Файрли напрягся и сумел-таки разлепить отяжелевшие веки. Перед собой он увидел лицо Хилла — холодное, подозрительное, озабоченное. Рядом с офицером службы безопасности сидели встревоженные Кристенсен и Де Витт. Файрли никогда не видел их такими мрачными. Впрочем, сейчас ему было не до того, тянуло в сон...

— Очень хорошо, — резко сказал Хилл. — Вы ничего не знаете и ничего не помните. Так?

Его тон означал, что Файрли лгал самым бессовестным образом, но службу безопасности не проведешь.

— Ладно, расскажите все с самого начала, — уже более мирным тоном произнес Хилл, перестав сверлить его жестким взглядом. — Итак, вы слышали какой-то подозрительный шум за окном...

— Ничего я не слышал, — сказал Файрли, морщась от сильной головной боли. — Черт побери, чего вы от меня хотите?

Он с ненавистью посмотрел на своих мучителей. Видимо, его накачали какими-то лекарствами, поскольку сознание начало неестественно быстро проясняться, хотя общее состояние оставалось ужасным.

— Посмотрите-ка на мой затылок, господи судьи! — зло воскликнул он. — Неужто вы не видите на нем шишку размером с Манхэттен? Я не бил себя молотком по голове, даю честное слово. И я не агент красных, который коварно стащил сам у себя сверхсекретные документы. Вам не верится? Для меня это огромная потеря... фотографии ваших машин и их схемы нетрудно воспроизвести, но мои-то рабочие материалы были в одном-единственном экземпляре! Думаете, так легко их восстановить?..

Файрли замолчал, задыхаясь от ярости.

Заметив в глазах Хилла недоверчивую усмешку, он снова взорвался:

— И напрасно вы усмехаетесь, мистер Безопасность. Вы должны были обеспечить мою защиту от любых посторонних личностей... И где же вы были той ночью? А сейчас... Боже мой, неужто сейчас у вас нет других дел, кроме того, как му-

чить меня дурацкими вопросами? Я болен, понимаете вы, болен! Мне надо лежать в постели, а вместо этого ваши гориллы приволокли меня сюда, словно преступника... Да как вы смеете обвинять...

— Хорошо, Файрли, успокойтесь, — устало сказал Хилл. — Не стройте из себя мученика. Если бы вы видели, как допрашивают сейчас ваших коллег мои коллеги... — Он вскочил с кресла и прошелся, словно тигр, по комнате, сжимая и разжимая крепкие кулаки, а затем уселся на край стола. — И не надо преувеличивать, вас никто не обвиняет. Но мы должны детально установить, что произошло.

— Поздно, Хилл, слишком поздно, — с горечью прервал его Де Витт. — Меня не интересует, кто именно выкрал документы — это уж ваша забота. Главное другое: теперь они знают правду о Гассенди. У них в руках фотографии звездных машин и тексты надписей, хорошо еще нерасшифрованные...

— Боюсь, что расшифрованные, — хрипло сказал Файрли, не скрывая своего отчаяния. — Я не успел предупредить вас... Вернее, это было слишком невероятно, и я решил сначала все тщательно проверить...

В комнате повисла пронзительная тишина. Файрли невольно опустил глаза — на него *так* смотрели...

— Я не ослышался, вы получили какие-то результаты? — громовым голосом произнес Кристенсен. — И даже не потрудились поставить нас в известность?

— Я не был уверен... — болезненно сморщившись, объяснил Файрли. — Это... это выглядело совершенно безумным, и я не рискнул поделиться даже со Спеером... Надо мной попросту начали бы смеяться, а я...

Де Витт с шумом вскочил с кресла, едва не опрокинув его на пол, в одно мгновение оказался рядом с Файрли, и, вцепившись в ворот рубашки филолога, экс-полковник так встряхнул его, что ученый вновь едва не потерял сознание.

— Что? — завопил Де Витт звенящим от ненависти голосом. — Вы получили важные результаты и скрыли их от нас?! Да вы...

— Я не был уверен!

— Перестаньте молоть чушь, жалкий бумагомарака! Вы либо научились переводить тексты пришельцев, либо нет, тут третьего не дано! Нечего морочить нам голову!

— Оставьте его в покое, Гленн, — тихо сказал Кристенсен. Его лицо выглядело внезапно постаревшим, глаза потухли, щеки нервно дергались.

«А ведь ему уже за шестьдесят, — вдруг подумал с жалостью Файрли. — И вся эта моложавая внешность викинга — только вывеска...»

— Успокойтесь, Файрли, и объясните все по порядку. Да отпустите же его, Гленн, видите, человек еле дышит!

Минуты две Файрли приходил в себя, а затем, собравшись с силами, сказал:

— Вы что-нибудь слышали о Шумере? Это одна из колыбелей человечества. К счастью, от ее богатой культуры осталось немало следов, в частности глиняные таблички с надписями. Над ними долго бились, и в один прекрасный день ученым удалось сделать первые переводы. Шум поднялся страшный, чуть ли не все газеты мира раззвонили о «сенсации века». Пошли публикации переводов, причем в солидных научных журналах. И вот в самый разгар этой шумихи вдруг было установлено, что тексты могли быть переведены и совершенно иначе. Ученые, ослепленные первыми успехами, попросту оказались в плену самообмана...

Он взглянул на свирепое лицо Де Витта и вздохнул.

— Я отлично помнил эту историю и не желал оказаться в дураках. Тем более что мой подход к языку инопланетян был совершенно абсурдным...

— Вот как? — вкрадчиво спросил Хилл. — Вы нас заинтересовали, мистер Файрли. Не откажетесь ли нас просветить, что за бредовые идеи попали ныне в руки шпионов?

— Все началось с того, что я вспомнил об истории с языком шумеров. Однажды ночью я вдруг проснулся и подумал: а ведь в языке инопланетян есть определенное сходство именно с шумерским! Такого, конечно, быть не могло, но я буквально заразился этой идеей. И все неожиданно стало выстраиваться в стройную систему... хоть и совершенно абсурдную. Не могли же шумеры летать к звездам! Я перевел одну «инструкцию», затем вторую... Все получалось довольно логично, хотя я и не специалист по космической технике. Я не мог поверить своим собственным глазам...

— Это все эмоции, — холодно прервал его Де Витт и исподлобья взглянул на Кристенсена. — Теперь-то видите, Крис, к чему привели все ваши увливания? Вы буквально заразили своей нерешительностью окружающих, и вот печальный итог. Мы могли одним прыжком преодолеть пропасть, отделяющую нас от звезд... Но это сделают за нас другие. За несколько дней они теперь овладеют всем, что мы узнали за полгода

упорного труда. И даже больше, ведь у них в руках рабочий дневник Файрли, который мы и в глаза не видели!

— Это только бумаги, Гленн, — нерешительно возразил Кристенсен. — Гассенди пока в наших руках.

— Вот именно, *пока*, — многозначительно заметил Де Витт. — Русские — парни не промах, они не станут сидеть сложа руки и ждать, пока их государственные мужи на что-то решатся. Они попросту построят космолет и полетят к звездам. И это еще не самое главное. Куда важнее, что они найдут на звездах. Как бы история Гассенди не повторилась, но уже здесь, на Земле...

Кристенсен побледнел.

— Ранделл уже вылетел в Морроу из Вашингтона, — сказал он. — Ясное дело, я немедленно доложил ему о случившемся.

— Рад слышать, — усмехнулся Де Витт. — Уверен, перемена климата пойдет госсекретарю на пользу... Но будет ли толк? Политиканов здесь и без него хватает...

Не выдержав, он вскочил с кресла и выбежал из комнаты, с силой захлопнув за собой дверь. Кристенсен угрюмо посмотрел ему вслед.

— Хм-м-м... вряд ли дела обстоят так уж скверно. Хилл, есть ли шансы, что материалы филолога не вышли за пределы космодрома?

Офицер службы безопасности поскучнел.

— Вы уже спрашивали об этом.

— Я спрашиваю еще раз!

— А я еще раз отвечу то же самое: точно не знаю, но сильно сомневаюсь. Мы обнаружили Файрли лишь спустя пять часов после нападения, за это время преступник мог сделать многое. Конечно, Морроу охраняется очень тщательно, но его территория огромна... Наверняка операция была спланирована до деталей, не случайно мы пока не обнаружили никаких следов. Но мы сделаем все, что в человеческих возможностях...

— Надеюсь, — сухо сказал Кристенсен, с неприязнью глядя на начальника службы безопасности, который сейчас выглядел очень несчастным. — Вот что, Хилл, я хочу в ближайшее время взглянуть на этого шпиона-невидимку.

— Вы увидите его, ручаюсь! — горячо заверил его офицер.

Кристенсен недоверчиво поморщился и вновь взглянул на филолога.

— Идите в свою комнату и отдыхайте, Файрли. Как только

я переговорю с госсекретарем, а коллеги Хилла — с вашими коллегами, я соберу общее собрание. Надо решать, что теперь делать. Хотя в отношении вас это предельно ясно: вы должны как можно быстрее восстановить записи — все до последней буквы!

— Но... — растерянно начал Файрли и замолчал — Кристенсен, не простившись, уже вышел из комнаты. Хилл, подчеркнуто не замечая бывшего приятеля, уселся за стол, заставленный телефонами, и стал вызывать кого-то из охраны.

Вздыхнув, Файрли поплелся к своему корпусу.

Его спальня и кабинет были перевернуты вверх дном. Некоторые материалы исчезли — главным образом научная корреспонденция, письма матери и даже отдельные номера «Журнала филологии». Ящики гардероба были выдвинуты; личные вещи, включая нижнее белье и носки, лежали на полу. Чертыхаясь, Файрли оглядел поле битвы — здесь доблестный Хилл явно вышел победителем — и уселся за рабочий стол. Приблизить не хотелось, тем более что Хилл мог навестить его еще раз. Файрли принял таблетку тонизирующего и, раскрыв новую тетрадь, попытался собраться с мыслями. После трех часов работы ему удалось восстановить свои методы лишь частично, и в этот момент за ним пришел часовой с автоматом. Демонстративно заложив руки за спину, Файрли отправился на совещание.

Как он и ожидал, Боган и Лизетти выглядели отвратительно, а Спеер побагровел как помидор и тихонько ругался на шести языках, отдавая явное предпочтение матерному. Видимо, службе безопасности он показался более остальных похожим на агента Кремля. На Файрли филологический демонстративно не смотрели, так что тому пришлось прочитать свой короткий доклад, обращаясь к графину на столе.

— Я не собираюсь защищать свой подход, — закончил он. — Более того, я надеюсь, что вы его немедленно разобьете в пух и прах как явно антинаучный.

Он с надеждой взглянул на коллег, но никто не отозвался на его призыв. Только после долгого молчания Боган мрачно пробасил:

— Я догадывался, что вы легкомысленны, доктор Файрли, но не настолько же... Вы вполне могли собрать нас и без взвода солдат.

— Да, конечно... Но одно дело тешиться этой дурацкой идеей в тишине своего кабинета и совсем другое — выносить его на суд уважаемых ученых с мировыми именами.

Спеер хохотнул и оглядел своих коллег, словно говорил: ну, каков фрукт? Боган никак не отреагировал на лесть, а Лизетти с сочувствием посмотрел на молодого коллегу.

— Не стоит все валить на доктора Файрли, — неожиданно пришел на помощь Де Витт. — Если бы меня по-другому встретили в Вашингтоне...

— Бросьте, Гленн, сколько можно плакаться? — резко прервал его Кристенсен. — Мы собрались здесь не для того, чтобы в очередной раз уточнять, кто прав, а кто виноват. Господа, я, конечно, не специалист, но мне подход доктора Файрли к переводу языка пришельцев показался... э-э... несколько странным. Быть может, вы получили более достоверные результаты?

Все молчали, опустив глаза.

— Та-ак, ясно... Тогда я попрошу вас отложить все дела и вплотную заняться анализом метода мистера Файрли, независимо от того, верите ли вы в него или нет. Если вы получите отрицательный результат... что ж... может быть, это даже к лучшему. Но мы должны иметь ваше обоснованное заключение по этому вопросу.

Боган вскинул голову, желая возразить, но, встретившись взглядом с Кристенсеном, промолчал. Было ясно, что на плечи руководителя лунного проекта сейчас легла новая, не менее тяжелая ноша, и ему требовалась помощь.

— Госсекретарь Ранделл недавно вновь улетел в Вашингтон, — тихо сказал Кристенсен, обводя ученых цепким взглядом. — Он намерен немедленно обсудить с президентом и министром обороны вопрос о начале практических работ по созданию звездолета. Ранделл не доволен положением дел, но считает, что у нас есть определенное преимущество во времени. Вряд ли теперь русские будут форсировать скандал с нашей базой в Гассенди, они, скорее всего, займутся работой по воспроизводству машин пришельцев, в первую очередь двигателя. Пока у них есть шанс опередить нас, в ООН они обращаться не будут. Понятно, что мы должны делать то же самое... а не заниматься склоками и тешить свои амбиции.

Де Витт с кислым видом кивнул:

— Все верно, Крис. Сейчас не до ссор. Джентльмены, у нас не много шансов первыми достичь звезд, но мы должны их использовать все до единого. Даже если придется перейти на круглосуточную работу. Надеюсь, возражений нет?..

Спустя несколько недель Файрли стоял в бетонном бункере, ожидая начала очередного испытания звездного двигателя. Полигон был расположен в каменном ущелье, километрах в двадцати от космодрома. Бетонный бункер, находившийся в начале ущелья, был набит пультами управления и дисплеями, над которыми колдовали инженеры. Файрли невольно прислушался к их диалогам, напичканным техническими терминами, но понял лишь отдельные, простейшие слова типа «да», «нет», «пошел к черту». Усмехнувшись, он подумал: «А ведь и язык пришельцев я понимаю приблизительно на таком же уровне. Хотя и это еще не факт...»

Впрочем, если эксперимент закончится успешно... Собственно, в ущелье испытывались не только воспроизведенные инженерами два супердвигателя, нет, здесь проходила проверка и методика Файрли. Он и его коллеги, работая не покладая рук, пришли к идентичным выводам: пришельцы говорили и писали по-шумерски. Почему и как это могло произойти, решили не обсуждать. Ученые перевели не только все «инструкции» к машинам, но и солидный пакет технической документации, найденной недавно в Гассенди. После этого работа инженеров над созданием ионного двигателя пошла семимильными шагами. Первые тестовые испытания завершились успешно, но главное должно было решиться сегодня...

Возглавляли работы известный физик Рааб и главный инженер НАСА Томасон. За системы жизнеобеспечения отвечал космобиолог Винстед, один из заместителей Кристенсена по лунной программе. Они прибыли в Морроу на следующий день после возвращения госсекретаря Ранделла в Вашингтон, где в тот же вечер президент принял решение о начале строительства звездолета.

Сейчас все трое находились в бункере и, вытирая обильный пот (здесь было очень жарко и душно), тихо о чем-то говорили с возбужденным Де Виттом. Самой колоритной фигурой из них был Рааб, немец по национальности. Он и выглядел словно «белокурая бестия» — светловолосый, стройный, с массивным, грубо вылепленным лицом и ледяными синими глазами.

Более бесстрастного человека Файрли еще не приходилось встречать. Рааб никогда не повышал голоса, никогда не говорил на бытовые темы и был в любой ситуации на сто процен-

тов погружен в работу. Файрли не удивился бы, если бы он оказался роботом с компьютером вместо мозгов.

Винстед, напротив, оказался «своим в доску», весельчаком, любящим посмеяться над свежим анекдотом. Он обожал похлопывать собеседника по плечам и однажды даже шокировал этим вице-президента, как-то навестившего Морроу. Но за личиной рубахи-парня, пришел к выводу Файрли, скрывался совсем другой человек с серьезными политическими амбициями. Этот пухлый толстячок с розовым лицом и заметной пролысиной среди редких прилизанных волос явно хотел сделать шаг вперед в карьере на новой «звездной программе».

Томасон же был типичным «технарем», мало интересующимся чем-то другим, кроме своих любезных железок. Хмурый, резкий, нетерпимый, он буквально потрясал огромной технической эрудицией, однако казался довольно ограниченным человеком, фанатиком космических полетов. В этом смысле Томасон очень напоминал Де Витта, с которым поддерживал самые дружеские отношения.

Кристенсен стоял в одиночестве, сложив руки на груди, и с невозмутимым видом наблюдал за подготовкой к эксперименту. В последнее время его отношения с Де Виттом резко обострились; экс-полковник обвинял своего шефа в намеренном обструкционизме и был, очевидно, прав.

Файрли казалось, что Кристенсен был бы рад провалу эксперимента, и не решался его осуждать. Порой ему самому хотелось, чтобы ионные двигатели так и не заработали и все осталось по-прежнему. Звезды могли принести человечеству много хлопот, к которым оно еще не готово. Мир на Земле очень хрупок, и оружие пришельцев — если, конечно, будет найдено — принесет много бед, нарушит и без того шаткое равновесие. Но... но он вложил в работу по переводу языка пришельцев всю душу. Неужели не выйдет?

— Все готово, — доложил один из техников, подчеркнуто обращаясь к Де Витту.

Тот кивнул и подошел к узкому смотровому окну. За ним последовали все остальные, даже Кристенсен.

— Первый двигатель готов к запуску.

— Включайте, — хрипло сказал Де Витт.

Файрли невольно зажмурился, ожидая взрыва.

— Реакция пошла, — доложил Рааб, не отрывая глаз от контрольных приборов. — Но очень вяло, процесс почти не развивается.

— Тяга есть? — спросил Де Витт.

— Да... только очень слабая, меньше, чем у наших двигателей на жидком топливе... Ого, все стрелки зашкалило!.. Сейчас рванет!

В ущелье вспыхнуло солнце. Только мощные светофильтры спасли глаза людям, находившимся в бункере. Скалы побагровели и стали плавиться. Раздался оглушительный взрыв, и чуть позже переднюю стену сотрясла горячая ударная волна. В небо взмыли сотни раскаленных обломков. По ущелью прокатилось мощное землетрясение.

Люди в бункере с криками ужаса скорчились на полу, ожидая гибели. Кто-то завопил: «Выключите его! Выключите!» Вскоре с ужасным грохотом около бункера стали падать обломки скал.

Этот ад продолжался несколько минут, а затем пламя за смотровым окошком внезапно погасло. Не сразу, но Файрли удалось подняться, и он на негнувшихся ногах подошел к амбразуре в стене. Ущелье было закрыто кипящим облаком пыли, из которого кое-где торчали пурпурные вершины скал. Каменный дождь еще продолжался, но земля больше не тряслась.

— Мой бог, что случилось? — слабым голосом пробормотал Спеер, сидя на бетонном полу и потирая солидную шишку на лбу.

— Взорвался первый двигатель, только и всего, — сквозь зубы процедил Де Витт. — Дональд, как там второй, цел?

— Да, мистер Де Витт, — после некоторой паузы ответил один из техников, изучив показания приборов. — Хорошо, что мы его закрыли бронированными щитами.

— Ладно, подождем, пока в ущелье все успокоится... Бог мой, ну и жара здесь! Придется терпеть... Рааб, есть хоть какая-то полезная информация?

— Какая там информация... Все стрелки мигом зашкалило. Могу сказать одно: перед взрывом тяга появилась, да еще какая! Наши приборы не рассчитаны на такие сумасшедшие значения. Эй, Файрли, вы, часом, не ошиблись при переводе цифровых величин тяги?

— Я здесь ни при чем, — слабым голосом ответил Файрли. — Математики сами занимались всеми числовыми значениями в документации к двигателю...

— Выходит, они ошиблись, — хрипло сказал Де Витт, вытирая носовым платком пот, градом катившийся с его лица. — На два или три порядка, я думаю. Надо у второго двига-

теля соответственно уменьшить все пусковые характеристики. Дональд, займитесь этим...

— Нет, — неожиданно сказал Кристенсен. Подойдя к окошку, он хмуро посмотрел на ущелье или, вернее, на то, что от него осталось.

Скалы закоптил адский огонь, узкая долина была засыпана дымящимися обломками. Ее прорезали две широкие трещины, одна из которых не дошла до бункера каких-то два десятка метров.

— Нет, — повторил Кристенсен, — испытаний больше не будет. По крайней мере, в ближайшее время. Физикам и математикам нужно как следует разобраться с тем, что произошло. Доктор Рааб, займитесь немедленно этим. Думаю, через месяц-два мы...

— Чепуха! — резко возразил Де Витт. Он шагнул к Кристенсену, в ярости сжимая кулаки. — Здесь не в чем разбираться, и так ясна наша ошибка. Нужно уменьшить интенсивность процесса в реакторе, и это нетрудно будет сделать. Приборы целы, при малой тяге мы снимем все необходимые показания. Зачем терять месяцы впустую?

— Я сказал «нет», — отрезал Кристенсен и зашагал к выходу. — Дональд, выключайте аппаратуру.

Файрли, помедлив, поплелся вслед за ним.

Они вышли наружу и едва не задохнулись от горячего, густого от бурой пыли воздуха. До стоянки с джипами было не больше сотни метров, однако не успели они пройти и половины пути, как позади вдруг вспыхнул ослепительный свет. На противоположной стороне ущелья, там, где был расположен на стенде второй двигатель, начали багроветь скалы. Пламя казалось менее ярким, чем в первый раз, но у Файрли не было времени размышлять на эту тему. Вместе с Кристенсеном он помчался назад к бункеру. Вот-вот загремит взрыв и с неба обрушится раскаленный дождь... Успеет он добежать до бронированной двери или нет? Успеет или...

Файрли пулей влетел в бункер, за ним тяжело ввалился Кристенсен. Де Витт спокойно стоял у приборной панели и наблюдал за показаниями приборов.

— Все нормально, Гленн, — сказал Томасон. — Тяга поддается регулировке.

— Да, процесс в реакторе устойчиво развивается, — подтвердил Рааб, не отрывая глаз от дисплеев, на которых плясали десятки разноцветных кривых. — Теперь можно выключать двигатель, информации у нас достаточно.

Грохот по-прежнему сотрясал ущелье, но на этот раз не было ни оглушительного взрыва, ни взлетающих в небо скал. Де Витт кивнул одному из техников, и все внезапно стихло. Бело-голубое пламя погасло.

— Вы сумасшедший! — звенящим голосом сказал Кристенсен, с ненавистью глядя на своего подчиненного. — Как вы посмели ослушаться моего приказа? Кто дал вам право рисковать техникой и людьми?

— Кто? Мой американский патриотизм, если вам это говорит что-то, Крис, — спокойно ответил Де Витт и пошел к выходу. — Дональд, снимите показания всех приборов и немедленно привезите их ко мне в кабинет. Я буду ждать.

— Я отстраняю вас от работ! — в бессильной ярости закричал ему вслед Кристенсен.

— Посмотрим, что скажет президент, — коротко бросил через плечо Де Витт и вышел наружу. За ним вслед тенью проскользнул Винстед — он предпочитал всегда быть вместе с победителем.

На автостоянке космобиолог дождался Файрли и с жаром пожал ему руку.

— Отличная работа, доктор! В общей суете как-то о вас забыли, а ведь если бы не вы, то сегодняшний триумф...

— Спасибо, — улыбнулся Файрли. — Сегодня счастливый день для меня. Теперь я верю, что звездолет обязательно будет построен.

— Вот и прекрасно! Извините, меня ждут...

Винстед торопливо уселся в джип рядом с Де Виттом, и машина помчалась по степи в сторону базы. А Файрли, обернувшись, увидел одиноко шагающего к стоянке Кристенсена. Рааб и Томасон следовали за руководителем проекта на почтительном расстоянии, словно давая понять — нет, мы не с ним, мы сами по себе.

Эта сцена не раз вспоминалась Файрли в следующие месяцы. Формально Кристенсен оставался главой «звездного проекта», но инициатива теперь полностью перешла в руки Де Витта. Он вскоре покинул космодром; ходили слухи, что именно ему президент доверил возглавлять конструирование звездолета. Из доходивших до него разговоров Файрли понял, что за основу звездолета был принят новый тип лунного корабля, уже наполовину построенный на верфях фирмы «Боинг». Его предстояло оборудовать звездным двигателем, принципиально иной системой жизнеобеспечения, расчи-

танной на длительный перелет, новыми бортовыми компьютерами и прочее, прочее, прочее...

Сам же Файрли полностью погрузился в рукописи пришельцев. Теперь, когда его метод был успешно апробирован, перевод языка инопланетян пошел вперед семимильными шагами. И наступил день, когда Файрли, включив «магнитофон», вдруг осознал, что понимает все до единого слова.

Глава 8

Сильный мужской голос доносился из глубины пространства и времени. В нем чувствовалась властность и гордыня, но теперь, когда Файрли стал понимать язык пришельцев, он осознал, что за этим щитом скрываются боль и растерянность.

— Наша база в кратере обнаружена, остались лишь считанные дни или часы до атаки противника, — говорил Калбер, житель планеты Рин из системы Альтаира. — Наш небольшой аванпост не может защитить ее, и поэтому мы получили приказ оставить планету и вернуться на Рин. Мы должны немедленно начать эвакуацию. Большую часть техники и архивов нам придется бросить, главное сейчас спасти людей. Но это лишь временное отступление. Рано или поздно мы вернемся сюда, и это будет началом победоносного пути...

«Ложь, — подумал Файрли, — сладкоголосая ложь, за которой скрываются неуверенность и страх перед неизбежным поражением. При истинном «отступлении» на заранее подготовленные позиции» не бросают важнейшие архивы и один из звездолетов. Это самое обыкновенное паническое бегство. Кто бы ни был этот неведомый противник, он намного превосходил обитателей Рина в военной мощи и даже не дал им полностью завершить эту «временную эвакуацию». База в Гассенди была безжалостно уничтожена, многие из ее обитателей погибли, в том числе, возможно, и ты, Калбер. И эту трескучую официозную речь ты подготовил не для своих товарищей, а для правителей Рина. Но нам в руки попало и другое твоё выступление, уже для «внутреннего пользования», явно не предназначенное для чужих ушей».

— Братья, наш конец близок. Межзвездный флот Ллорна намного превосходит нас по силе, и мы терпим поражение за поражением, хотя наши замечательные правители еще трубят о близкой победе. Мы потеряли уже почти все свои звездные

колонии, эта одна из последних. Скоро настанет час, когда Галактика будет окончательно потеряна для нас. Ллорн добьется своего и станет хозяином космического пространства. А нам останется лишь один Рин... Завтра мы покидаем базу и, скорее всего, никогда не вернемся сюда. Отныне мы и наши потомки-люди будут смотреть на звезды только снизу вверх. И так будет вечно, до конца времен...

Это была последняя запись, которую сделали пришельцы с Альтаира — они называли себя ванрианами. Файрли несколько раз с волнением прослушал ее, а затем собрал коллег и руководителей «звездного проекта» и прочитал им перевод.

— Печальная история, — после долгого молчания произнес Лизетти. — Но кто были противниками обитателей Рина? Кто такие эти существа с планеты Ллорн? Ни в одном документе нет их описания... Быть может, они не были даже гуманоидами?

— Хм... ничего удивительного, — буркнул Боган. — Ванриане прекрасно знали своих врагов, зачем же их было описывать? Мне почему-то кажется, что жители Ллорна — сородичи обитателей Рина. Старая как мир история Каина и Авеля.

— Не исключено, — согласился Файрли. — Но почему Калбер произнес эту странную фразу: «мы и наши потомки-люди...»?

Спеер хохотнул.

— Не увлекайся, Боб. Подумай, как бы ломали инопланетяне свои мудрые головы над такими типичными для землян фразами, как: «мой сын такая свинья» или «моя жена настоящая кобра»?

На том короткая дискуссия и закончилась.

Файрли вплотную принялся за следующую трудную проблему. Он составил довольно обширный словарь ванриан и теперь пытался научиться говорить на их непростом языке. Часто по вечерам, одурев от работы, он выходил на улицу и подолгу смотрел на небо, где трепетно дрожала бело-голубая свеча Альтаира. Чудесный голос женщины со звезд звучал в его сердце и не давал уснуть.

Иногда ему казалось, что он видит во тьме космоса следы грандиозных космических битв, исковерканные взрывами мертвые корабли, льдинки тел погибших ванриан, а рядом — застывшие глыбы их заклятых врагов. Кто они, нынешние хозяева Галактики? Хотя хозяева ли... Со времени окончания войны прошли тысячи лет, раса Ллорна могла исчезнуть как утренний туман. Бремя вечности делало всех равными — и

победителей, и побежденных. Но почему Калбер сказал «и так будет вечно, до конца времен»?

Между тем работа над созданием звездолета быстро продвигалась. Де Витт вернулся на космодром, а вместе с ним по железной дороге прибыли части корпуса корабля и многие его агрегаты.

В одном из ангаров началась сборка фюзеляжа и установка двигателей. Томасон пропадал на рабочем месте целыми неделями, и все равно Де Витт был недоволен. Дело шло, по его мнению, слишком медленно. Особенно доставалось от него Хиллу и всей местной службе безопасности — следов таинственного шпиона они так и не обнаружили. Правда, ЦРУ продолжало уверять, что особой активности в космической области русские не проявляют, но Де Витт только скептически усмехался.

— Ну конечно, русские выкрали документы только для того, чтобы положить их в архив... Нет, господа, они уже строят свой звездолет, можете не сомневаться. Держу пари, мы об этом вряд ли что-нибудь узнаем, потому что их служба безопасности не чета нашей.

Во время собраний рабочей группы, куда по-прежнему входили филологи, Де Витт все чаще заговаривал о том, что они могут найти на Альтаире. «Наша страна сразу сможет сделать гигантский прыжок в будущее, — с пафосом объявлял он, победоносно поглядывая на молчаливого Кристенсена. — Наше ведущее положение на Земле будет закреплено во веки веков. Да что там Земля!.. Если цивилизация Ллорна погибла, а это, скорее всего, так, то над многими планетами Галактики могут вскоре появиться звездно-полосатые флаги. Америка была долгие годы Новым Светом на Земле; справедливо и символично, если новые миры будут открыты нашими колумбами...» И так далее, и тому подобное. Кончал же свои напыщенные монологи Де Витт всегда одинаково: «Но сначала мы разберемся с нашими противниками здесь, на своей планете».

Эти речи никому не нравились, однако никто их не принимал всерьез. Никто, кроме Кристенсена.

Файрли выходил после таких совещаний с больной головой, но, усаживаясь за свой рабочий стол, заставлял себя забыть о неприятных мыслях. «В конце концов, это не мое дело, — говорил он себе. — Такого маньяка, как Де Витт, к звездам навряд ли не пустят. Его энергия и пробивные способности хороши для постройки звездолета, этим все и ограничится. И слава богу, кесарю кесарево...»

Однажды ночью Кристенсен послал за ним.

Была поздняя ночь, и уставший Файрли уже собирался лечь в постель, как вдруг в дверь вежливо постучали. Это был личный секретарь Кристенсена. Извинившись, он начал что-то невразумительно бормотать о срочной проблеме, которую невозможно решить по телефону, и только личное присутствие доктора...

Тихо выругавшись, Файрли вновь стал натягивать брюки.

На улице его ждал джип. Ежась от ночного холода, филолог уселся на заднее сиденье. Машина рванулась с места и помчалась в другой конец базы, где находилась резиденция Кристенсена. Предчувствия у Файрли были самые неприятные. Ночной вызов сулил перемены, которых он терпеть не мог. Они всегда несли с собой малоприятные хлопоты, а то и серьезные неприятности.

Кристенсен встретил ученого на пороге своей квартиры. Таким Файрли его еще никогда не видел — в мятой пижаме, с небритыми обвисшими щеками и мутными глазами. От руководителя «звездного проекта» пахло, как из пивной.

— Ага, вот и наш юный друг пожаловал, — непослушным языком пробормотал Кристенсен и, сбросив одежду с кресла, предложил гостю сесть.

— Вы... вы плохо себя чувствуете? — растерянно спросил Файрли, усаживаясь на краешке кресла.

— Наоборот, я чувствую себя замечательно! Просто я пьян... в стельку пьян... Хотите тоже от души надраться?

— Нет, нет, благодарю, — поспешно отказался Файрли. Ему было не по себе.

— Хм-м-м... — пробормотал Кристенсен, презрительно поглядывая на него сверху вниз. — Ну конечно, куда вам, яйцеголовым чистоплюям... Из вас один только Спеер похож на мужчину, но он тоже сегодня что-то рано скис... А вы... маленький книжный червячок с незамутненными детскими глазами и накрахмаленной совестью... Хотите я скажу вам кое-что, а? Ручаюсь, вы сейчас откроете свой розовый ротик и завопите, как баран на бойне!

— Мистер Кристенсен! — резко сказал Файрли, поднимаясь. — Вы слишком много себе позволяете...

— Ничего не много, а в самый раз, — захохотал Кристенсен и заставил его вновь усесться. — Не обижайтесь, Файрли, вы мне нравитесь... Потому я вас и пригласил — уж очень хочется вас порадовать.

— Чем же это?

— О-о... Замечательная новость, чудесная... вы ее заслужили своими славными трудами во имя науки и полковника Де Витта. Нет, не так: во славу Де Витта и уже потом — во имя науки.

— Ничего не понимаю, — сердито сказал Файрли. — При чем здесь Де Витт?

— Все очень просто, доктор. Гленн хочет включить вас в состав экспедиции... Ха-ха, славная шутка, верно? Вам небось такое и во сне не снилось?

— Экспедиции? Какой? — тупо спросил Файрли. Его сердце сжалось от неприятного предчувствия.

— Как это «какой»? — удивился Кристенсен. — Неужели не ясно? Той самой...

И тогда Файрли вдруг все понял.

Кристенсен сочувственно посмотрел на него и пошел, покачиваясь, к столу. Налив из бутылки полный стакан виски, он сунул его в руку окаменевшему Файрли.

Тот, не глядя, осушил стакан до дна и даже не поморщился.

— Ну что, испугались, доблестный рыцарь Пера и Подтяжек? — с иронией спросил Кристенсен, усаживаясь в соседнее кресло. — Наложили в штанишки, а?

— Да... испугался, — откровенно ответил Файрли, сглатывая слюну. — Но почему... почему меня?..

— А кого же еще? — добродушно сказал Кристенсен, закуривая. — Вы самый молодой из вашей четверки филологов... а нам нужен переводчик. Боган — старая, заслуженная развалина. Лизетти умер бы со страху во время старта, да и здоровье у него... не того... Спеер хорош, да только толст как боров и пьет, словно генерал в отставке. Где ему раздобудешь виски там, на Альтаире? Я уже не говорю про баб. Он нам такой контакт с братьями по разуму устроит...

Кристенсен расхохотался.

Файрли негодуя посмотрел на него — сейчас ему было не до шуток.

— Ну какой из меня переводчик? Да я еще и двух слов по-ванриански связать не могу.

— Можете, можете, — мягко возразил Кристенсен. — Хилл с вас глаз в последнее время не спускает. Знаем мы, чем вы занимаетесь у себя в комнатах по ночам...

Он снова рассмеялся, но уже совсем не весело.

— А если и могу... Какое это имеет значение? Вы представ-

ляете себе, как быстро меняются языки здесь, на Земле? Неужто вы думаете, что там, на Алтаире, дело обстоит иначе? Да меня никто не поймет...

— Хотите еще выпить, Файрли? Нет? Зря, отличное виски, шотландское... Да, язык жителей Рина мог здорово измениться... но мог и не измениться. Что мы знаем о жителях других звезд? Ни черта мы о них не знаем. И потом, Де Витт вовсе не собирается точить ляды с местными красотками; нет, он парень деловой. Вас он берет так, на всякий случай. Вдруг придется перевести пару приветственных фраз типа «руки вверх» и «встать лицом к стене»? Шучу, шучу... У бедняг аборигенов и рук-то небось нет...

Файрли выглядел так жалко, что Кристенсен смягчился.

— Я немного сгустил краски, Файрли. В конце концов, вы человек штатский и приказам полковника подчиняться не обязаны. Вы можете сказать «нет». И правильно сделаете... Нам всем бы стоило сказать «нет», да только кишка тонка. Рано нам лететь к звездам, рано...

— Рано? А когда будет не рано?

— Хм... Об этом меня постоянно спрашивает наш общий друг Де Витт. Сам не знаю, когда мы созреем до звезд. Может быть, никогда... Уж слишком мало мы изменились с тех библейских времен, когда Каин прирезал своего брата Авеля. Разве что нож сотворили побольше да поострее. Вы читали Библию, Файрли? Я читал. История человечества, даже мифологическая, довольно грязная штука...

— Меня больше интересовала история науки, — резко ответил Файрли. — Достижения нашей цивилизации...

— Их было ничтожно мало, особенно по сравнению с бесчисленными глупостями и мерзостями. Число которых, заметьте, растет в геометрической прогрессии. И в этот момент цивилизованным дикарям типа Де Витта волей нелепого случая в руки попадает звездная дубинка! Вот они потешатся, утверждая на нашей бедной планете новый, «цивилизованный» порядок... Кстати, вы знаете, чем в последнее время занимался Винстед?

Файрли не знал и знать не хотел. В его ушах назойливо звучала одна и та же фраза: «Гленн хочет включить вас в состав экспедиции... экспедиции... экспеди...»

— Он занимался анализом образцов... Нет, сначала я спрошу вас кое о чем, шустренький книжный червячок. Почему ваш метод перевода оказался успешным?

Файрли пожал плечами.

— Не знаю... Возможно, случайное совпадение.

— Совпадение? Славное объяснение для солидных ученых с мировым именем!

— У вас есть что-то получше?

— Представьте себе, есть. Благодаря прохождению Винстеду, который, как оказалось, еще не разучился шевелить извилинами в своем политиканском Западе. Вам не все известно, Файрли. В Гассенди были найдены останки тел пришельцев...

— Что-о-о?!

— Ну, не мумии и не скелеты, конечно, а высохшие пятна крови и остатки кожи, мускульной ткани. Солнечные лучи не проникают в пещеру, там всегда царит ночь и холод, потому все это отлично сохранилось. Винстед и его группа несколько месяцев занимались анализом строения клеток, составом крови, хромосомами и прочим... Налить виски? Нет? Напрасно, пригодится. Вид у вас, словно у ожившего покойника из фильма ужасов.

— Ну и что обнаружил Винстед?

Кристенсен не спешил отвечать. Налив себе полный стакан, он с наслаждением выпил виски и, зажмурившись, сидел в трансе несколько минут. Облик могучего викинга как-то незаметно сполз с него, словно ветхая одежда, и теперь руководитель проекта выглядел на все свои шестьдесят три года.

— Так что же?

— Все оказалось очень просто... — пробормотал Кристенсен, с трудом открывая глаза — мутные, почти бессмысленные. — Конечно же, таких совпадений не бывает... И шумеры не летали к звездам, куда им... Просто пришельцы оказались людьми! Понимаете, именно людьми! Вы думаете, я шутил насчет этого борова Спееера? Ничуть я не шутил. Он запросто смог бы устроить Содом и Гоморру там, на Алтаире. А вы... вы человек порядочный, Файрли, вы бы, конечно, женились на своей обожаемой звездной певице и сделали ей кучу визгливых маленьких карапузов. Генотип позволяет. Старик Дарвин застрелился бы, узнав про такое...

— Вы уверены? — с волнением воскликнул Файрли, внезапно вспомнив про свои странные сны.

— Не я, а Винстед уверен. Он, конечно, порядочное дерьмо, но дело свое знает.

— Но тогда... — пробормотал Файрли, вспоминая слова

Калбера: «и наши потомки-люди». — Но тогда они были нашими далекими предками!

Кристенсен кивнул.

— Да. И Гассенди был форпостом, охраняющим колонию ванриан на Земле. Когда база была разрушена, колония прекратила свое существование, потомки ванриан начали дичать и опустились до уровня каменного века. Но каким-то образом они сохранили язык и крохи знаний, которые позволили им со временем вновь начать подъем к Человеку Цивилизованному. Они сумели оттеснить неандертальцев. Теперь понятно, откуда неожиданно-негаданно появились кроманьонцы? А может, ванриане попросту смешались с ними?... Конечно, это только предположение, но со временем мы все узнаем, обязательно узнаем. Не исключено, что все человеческое у нас — от ванриан, и Рин — наша историческая родина... Так вы точно не хотите выпить?

Файрли молча покачал головой. Его и без виски шатало, как в восьмибальный шторм.

«Так вот что было «недостающим звеном», — тупо подумал он. — Мы не нашли его, потому что искали в совсем уже седой древности, а оно появилось сравнительно недавно — всего тридцать тысяч лет назад. И медленная эволюция хомо сапиенс вдруг получила могучий толчок. Появился Вавилон, Шумер, Египет, Индия, Китай — колыбели земной цивилизации, в которых выросли потомки тех, кто некогда пришел с Альтаира. Может быть, поэтому в нас живет вечная тяга к звездам?

В нас?

«Де Витт хочет включить вас в состав экспедиции...»

Но я не хочу летать на звезды, я боюсь их!

Хотя... ведь тогда я стану первым ученым, который прикоснется к сокровищнице знаний древней суперцивилизации! А это кое-чего да стоит. Да и что меня удерживает на Земле? По-настоящему — только мать. Но у нее давно другая семья и другие дети, мы лишь изредка обмениваемся банальными письмами. А больше никого у меня здесь нет. Ни дома, ни любимой... Я просто маленький книжный червячок, волей случая вцепившийся в перья жар-птицы. И эта птица готова взмыть в небо...»

Кристенсен смотрел на него глазами, полными слез.

— Боб, вы чувствуете, как все разом изменилось? — прошептал он. — И это сделали мы с вами... К прошлому теперь нет возврата! Нет!!

Файрли смотрел на титаническую башню корабля, возвышающуюся рядом с ангаром, и не верил своим глазам.

Это был не просто космический корабль, нет: это был *звездолет*! Люди еще толком не освоили даже Луну, не говоря уже о других планетах Солнечной системы, а здесь, в Гассенди, тайно готовился прыжок не только через световые годы — человечество собиралось шагнуть через несколько столетий. Хотя и не подозревало еще об этом...

Новорожденный звездолет покоился среди решетчатых башен, словно в колыбели. Сотни людей копошились вокруг него, как муравьи, а рядом на бетонном поле стояло несколько десятков машин различных техслужб. Младенец только что появился на свет, и ему еще многому предстояло научиться, прежде чем он сделает свой первый шаг.

Шаг через бездну к Альтаиру.

— Как вам нравится наш первенец? — спросил Де Витт, с отеческой гордостью поглядывая на звездолет. — Внешность у него, конечно, заурядная, да это и к лучшему — большая часть техперсонала до сих пор считает, что готовит к старту модернизированный вариант лунной ракеты. Но наш малыш не чета своим родителям, он пойдет далеко...

— Это все, что вы хотели мне сообщить? — с иронией спросил Файрли.

— Нет, конечно. Меня интересует, пришли ли вы к какому-нибудь решению? Время идет, а вопрос с переводчиком висит в воздухе. Мы планируем на следующей неделе уже начать облеты корабля. Определяйтесь, Боб, нечего тянуть. Вы знаете, что мы сумели воспроизвести не только ионный, но и гипердвигатель ванриан, а это здорово меняет дело. Теперь полет к Альтаиру и обратно займет не десятки лет, как мы сначала думали, а всего год. Так что жертва, которую вы принесете на алтарь науки, не так уж и велика. Зато, если вы откажетесь...

— Я понимаю, — с раздражением ответил Файрли. — Если я не полечу, то все потрясающие открытия уплывут у меня из рук. Но если я соглашусь, то прощай моя прежняя спокойная жизнь... а может, и вообще жизнь. Я боюсь, Гленн.

Он вновь взглянул на белый корпус звездолета — тот притягивал его словно магнит.

— Подумайте, Боб, это детище ваше больше, чем кого-либо, — вкрадчиво сказал Де Витт, глядя на филолога взглядом

опытного искусителя. — Ваш перевод стал мостиком к звездам, и благодарная история этого не забудет. Не сейчас, конечно, со временем...

— Да, понимаю, — тихо сказал Файрли, опустив глаза. — Но я помню слова Калбера о том, что Ллорн больше не допустит людей в Галактику. До конца времен.

— До конца времен? — с иронией спросил Де Витт. — И сколько же это? Десять тысяч лет? Двадцать? Не слишком ли самоуверен был этот Ллорн, когда жонглировал вечностью? Откуда вы знаете, может, от этих звездных вояк уже и праха-то не осталось? Не надо причитать словно старуха, Боб, мы еще с вами поживем и натянем этим ллорнам нос, будьте уверены. С чего вы решили, что они так могущественны?

— Вы забыли об одной небольшой вещи, Гленн.

— Какой же?

— А той, что даже при паническом бегстве ванриане должны были успеть уничтожить по крайней мере архив. Но они этого не сделали. А ведь понимали, что все может попасть в руки врагов. Этому может быть только одно объяснение: ллорны были настолько могущественней жителей Рина, что техническая документация не могла повлиять на баланс сил.

— Спасибо, Файрли, что вы мне открыли глаза, — сухо произнес Де Витт, взглянув на Луну, бледным призраком висевшую в голубом небе, тогда как Солнце только что появилось из-за горизонта. — Какое теперь это имеет значение? Я уже говорил как-то: неумолимое время всегда равняет всех — и победителей, и побежденных.

— Тогда зачем же мы летим на Альтаир? Побродить среди могил предков?

— Мы летим потому, что можем это сделать. И только мы одни. Неужто не ясно? — раздраженно ответил Де Витт. — Что толку сейчас судить да рядить, что мы найдем и чего не найдем на Рине? Когда мы там окажемся, то... там видно будет. Русские наверняка не мучаются такими бесплодными вопросами, а делают дело. Неужто дух покорителей новых земель выветрился из нас и мы способны только болтать?

— Я и не спорю с вами, Гленн. Я говорю о себе...

— Боб, вы молодой, подающий большие надежды ученый, с отменным здоровьем. Семьи у вас нет, не то что у меня или у Рааба. Кому же лететь, если не вам? Идите к себе и еще раз подумайте. Поймите, дело касается, быть может, судьбы нашей страны!

Файрли кивнул и, не оглядываясь, пошел к стоянке авто-

машин. Приехав на базу, он опустил на окнах жалюзи и достал из холодильника несколько банок с пивом. Затем включил телевизор, уселся в кресло и стал пить, поглядывая на экран сквозь полуопущенные веки.

Ему было уютно и хорошо. Даже бесконечные рекламные ролики не раздражали его сегодня. Он с удовольствием посмотрел спортивное обозрение — свою любимую передачу школьных лет, когда еще находил время играть в баскетбол. Затем терпеливо переждал «мыльную оперу», как всегда идиллическую, со вставным, как зубные протезы, хохотом, от которого его всегда тошнило. Сегодня же все смотрелось нормально, он даже пару раз улыбнулся. Потом домохозяек, их тупых мужей, незадачливых любовников и дебильных толстяков сменили не менее дебильные ковбои. Стоя на широко расставленных ногах посреди фанерных городов «а-ля Дикий Запад», они десятками уничтожали таких же фанерных злодеев, демонстрируя чудеса ловкости. Вестерн сменил красочный фантастический боевик. Суперзвездолеты бороздили просторы Вселенной, уничтожая все на своем пути. Их экипажи состояли из тех же ковбоев, но уже с мечами вместо кольтов. Жуткие на вид инопланетяне говорили на чистом английском языке и после церемонного приветствия также вытаскивали мечи, только более экзотической формы. Рубка во время контакта была, как правило, страшная, но наши всегда побеждали. Остальную часть фильма герои спасали красавицу принцессу, норовившую попасть в плен к злодеям-монстрам, а также чинили свой гипердвигатель отверткой и плоскогубцами.

«Дурацкий, убогий мир, — думал Файрли, потягивая терпкое пиво, — но это *мой* мир. Я принадлежу ему, и мне здесь неплохо живется. Что мне делать на Альтаире? Пусть ванриане действительно были нашими далекими предками, мне-то что до этого? Я и о своих-то прадедах ни черта не знаю — и ничего, особенно не расстраиваюсь. Нет, решено, остаюсь, ни в колумбы, ни тем более в конкистадоры я не гожусь...»

Ему сразу стало легче, хотя, быть может, дело было в темном пиве, от которого в голове слегка зашумело.

Звездную бредятину сменил выпуск новостей. Энергичные, с иголки одетые ведущие поведали об очередной «миротворческой миссии», в результате которой перебили массу народа, но справедливость была восстановлена. На экране загремели взрывы, и Файрли отправился на кухню за новой порцией пива.

Время шло к полудню, жара еще больше усилилась. Кондиционер работал во всю мощь, но это уже не спасало. Телевизор вколачивал в размягченные мозги зрителей, что, мол, в кратере Гассенди находится самая обыкновенная исследовательская база и коварным русским не удастся...

Файрли заставил себя встать и выключить телевизор.

«Мне нужно выспаться, — вяло подумал он. — В последние месяцы я здорово потрудился, теперь можно и отдохнуть всласть. Свое дело я сделал, а на остальное мне плевать. В конце концов, Де Витт и без переводчика сможет объяснить ванрианам, что им нужно поднять руки и встать лицом к стене. Он все-таки полковник, человек в таких делах опытный. Пусть Кристенсен один держит его за руки, если, конечно, сможет. Я ему все равно не помощник, силы не те...»

Файрли лег на кровать и, закрыв глаза, попытался уснуть. Но было слишком жарко, и удалось лишь слегка задремать. Его посетило кошмарное видение: на экране телевизора появилась очаровательная ведущая и, сладко улыбнувшись, сообщила, что на Альтаир отправилась звездная миссия мира для установления контакта с инопланетянами. Потом на экране загремели взрывы, и Файрли очнулся.

Поднявшись, он стал рассказывать взад-вперед по небольшой комнате. Плотные закрытые окна с опущенными жалюзи, по детской привычке закрытая на внутренний замок дверь... И в качестве шума свежего ветра — гул кондиционера.

«Это было в моей жизни, и это будет всегда. До конца времен. А все потому, что я не ковбой. Я стар и мудр, как морская черепаха. Что мне до прекрасной звездной певицы, от которой не осталось даже праха? И гипердвигатель я не могу починить одной отверткой, и рожу Де Витту набить не решусь, хотя иногда очень хочется. И даже моя научная любознательность как-то в последнее время притупилась, словно я надорвался на языке пришельцев...»

Файрли оглядел свою комнату-скорлупу и вспомнил обидные насмешливые слова Кристенсиена: «маленький книжный червячок».

«Крепко же я ухватился за перья жар-птицы! А птица-то взлетает в облака, и уже поздно прыгать вниз. Поздно!»

Файрли вдруг издал боевой индейский клич и, широко расставив ноги, схватил со стола недопитую банку с пивом, словно колыт выхватил из-за пояса.

— Черт побери, я все-таки полечу! Во славу науки и Де Витта, чтоб ему провалиться! Трепещи, Альтаир, «червячок» летит в космос!

Альтаир сиял в бархатной пустоте, словно золотистый бриллиант, сверкающий тысячами невидимых граней. Файрли заворуженно смотрел на него, стоя на обзорной палубе около большого экрана.

Космолет мчался по направлению к звезде, которая уже стала для него солнцем. Вскоре на экране появился Рин, его третья планета. Сначала эта была лишь крошечная голубая искорка, но она быстро превратилась в шарик, затем в сферу, росла, наливаясь белым цветом облаков и коричнево-зелеными пятнами материков, очертания которых прояснялись с каждой минутой.

«Рин, мир моих предков, — подумал с волнением Файрли. — Твои блудные сыны возвращаются после трехсотвекового отсутствия. Чем-то ты их встретишь?..»

Через час планета заполнила весь экран, и надоевшая за полгода чернота космоса исчезла.

— Мы все-таки сделали это, — тихо сказал Кристенсен, слабо улыбнувшись.

Он сидел в кресле-каталке и непрерывно смотрел на Рин, которого так боялся и вместе с тем так жаждал.

Шесть месяцев пути, из которых более половины прошли в гиперпространстве, неузнаваемо изменили Кристенсиена. Тройная перегрузка сделала свое дело: могучий матерый мужчина превратился в худого, изможденного старика с трясущимися руками и согбенной спиной. Ноги уже плохо слушались его, и поэтому Кристенсен большую часть времени проводил, сидя в кресле. Но сидел он в командной рубке, поскольку был и оставался командиром корабля и начальником экспедиции.

Файрли вспомнил, как после завершения испытаний звездолета в Морроу прошло очередное техническое совещание, на котором присутствовал госсекретарь Ранделл. Де Витт деловито сообщил результаты тестовых испытаний и закончил словами:

— ...таким образом, я не вижу оснований откладывать полет к Альтаиру.

— Согласен, — улыбнулся Ранделл. — Сегодня же вечером я обсужу этот вопрос с президентом.

Де Витт просиял:

— Тогда, как инициатор «звездного проекта», я предлагаю назначить главой экспедиции...

— Да, я понимаю вас, — кивнул Ранделл. — Вы хотите, ко-

нечно, предложить кандидатуру всеми уважаемого господина Кристенсена. Должен вам сказать, что этот вопрос уже решен положительно.

Лицо Де Витта вспыхнуло от ярости. Сжав кулаки, он шагнул к Ранделлу:

— Я протестую! Эта идея принадлежала мне с самого начала! Каждый день я боролся с Кристенсеном, который открыто ставил нам палки в колеса, саботировал проект, сеял слухи о ненужности полета к Альтаиру, а теперь... Это несправедливо, это нелепо!

— Я не собираюсь обсуждать этот вопрос с вами, — холодно отрезал Ранделл. — Решение принял Белый дом.

— Вы неплохо поинтриговали за моей спиной, пока я строил звездолет! — бушевал Де Витт.

— Гленн, успокойтесь, — мягко сказал Ранделл. — Никто не собирается отрицать ваши заслуги, но вы должны понимать и всю сложность политической ситуации! Русские так и трещат на весь мир, что мы создали на Гассенди военную базу. Мы, естественно, отрицаем это. Но представьте, какой поднимется шум, если со временем выяснится, что мы не только тайно построили звездолет и послали его к Альтаиру, но и поставили во главе экспедиции полковника ВВС, пусть и в отставке. Да нас тогда все, кому не лень, будут обвинять в милитаризме! Нет, Де Витт, на это мы пойти не можем. Вам предлагается пост заместителя Кристенсена.

— Я понял, вы там в Белом доме все просто струсили, — зло процедил Де Витт, не сводя колющих глаз с Кристенсена. — Я предлагаю вам ключ к Галактике, к невиданному процветанию нашей державы... А вы отказываетесь от него из-за своих грязных и мелочных политических расчетов! Но ничего... Крис, не радуйтесь раньше времени. Не знаю уж, как медики допустили вас к полету, но поверьте моему слову — вы умрете, не долетев до Альтаира. Вы уже насквозь прогнили, несмотря на бравую внешность.

— Посмотрим, — хладнокровно ответил Кристенсен.

...И вот теперь на подлокотниках лежали дрожащие руки Кристенсена, обтянутые полупрозрачной кожей, под которой резко выделялись набухшие вены. Руки глубокого старика...

— Да, Боб, мы все-таки сделали это, — повторил он. — Надеюсь, хоть теперь прекратятся ночные кошмары, которые мучили всех в гиперпространстве. Я так устал от них...

Файрли кивнул. Три месяца они пробыли в наглухо закры-

том мешке — без звезд, без космической пыли и даже без пустоты. Их окружало *ничто*, в котором абсолютно ничего не происходило, не чувствовалось даже малейших признаков движения корабля.

Поначалу филолог изнывал от скуки. Книги вызывали у него отвращение, а помочь техническому составу, состоящему из пятнадцати опытных космонавтов, он просто не мог. Остальные члены экспедиции, в которую, кроме начальника и его заместителя, входили Рааб, Томасон, Винстед, а также геолог Хэджулин и врач Райхер, были заняты делом и желания поболтать не проявляли. Файрли не оставалось ничего другого, как выполнить свое заветное желание еще со студенческих лет, а именно — выпасться всласть.

И тогда его стали посещать сны. Он видел галактические просторы, освещенные гирляндами незнакомых созвездий, армады звездолетов, вспышки атомных взрывов... Файрли находился на огневой палубе одного из ванрианских крейсеров и управлял огромной лучевой пушкой. Навстречу им мчался корабль противника. С расстояния около миллиона миль он начал стрелять...

Подобные же сны, больше похожие на галлюцинации, мучили и остальных членов экипажа. Райхер объяснял это просто — мол, люди наслышаны о войне между двумя суперрасами, и по приближению к Альтаиру нервы начинают играть с ними злую шутку.

Это звучало правдоподобно, но иногда ночью Файрли казалось, что кто-то тихо входит в его мозг и бесцеремонно хозяйничает там, перелистывая день за днем всю его жизнь.

— Я тоже устал от этих кошмаров, — признался он, с сочувствием глядя на Кристенсена. — Однако сейчас, в обычном пространстве, все вошло в норму... О, корабль начинает торможение!

Действительно, палуба под ногами слегка задрожала, навалилась перегрузка.

Лицо старика сразу же осунулось.

— Я знаю, что посадка ожидается не такой жестокой, как взлет... но, может быть, вам лучше вернуться в каюту? — тихо спросил Файрли.

— Нет, — ответил хрипло старик, не отрывая глаз от Рина.

— Позвольте мне хотя бы позвать доктора Райхера? Он говорил, что ваше сердце...

— Нет, хватит уколов, — упрямо пробурчал командир ко-

рабля. — Хочу видеть все своими глазами. Второй раз это может мне не удастся...

Планета стремительно приближалась. Теперь на экране можно было разглядеть детали ее рельефа. Океаны занимали большую часть поверхности, а суша была морщинистой, как высохшая кожа, с многочисленными горными хребтами, похожими на затупившиеся зубы, с обширными пустынями и редкими зелеными пятнами лесов.

Надсадно загудели двигатели, и Файрли уселся в одно из кресел, ощущая мягкую тяжесть нарастающей перегрузки. Дышать стало труднее, но это было лишь цветочками по сравнению с адским стартом, от которого у него осталось довольно смутное, но очень неприятное впечатление.

Внизу проплыл океан, сверкающий в лучах невидимого солнца. Вскоре корабль оказался на ночной стороне. Он уже перешел на орбитальную траекторию, и потому в углу экрана вновь появилось звездное небо. Его быстро пересекли две луны, окрасив верхние слои облаков в пурпурные тона. Внизу смутно виднелись обширные лесные массивы и горные цепи с вершинами, украшенными снежными шапками.

Через несколько минут корабль вновь вышел на солнечную сторону и стал быстро снижаться. Облака поредели: теперь вполне можно было разглядеть города, сети дорог, аэродромы, морские порты...

Но ничего этого не было.

Те же степи, пустыни, невысокие старые горы, редкие зеленые пятна лесов и рош. И никаких признаков человеческого присутствия. Не было даже развалин древних городов.

Файрли изумленно взглянул на Кристенсена и увидел в его глазах свет надежды.

Потом вновь настала ночь. Две луны бросали на поверхность планеты кровавые отблески, делая ее еще более безжизненной. «А может, это на самом деле к лучшему? — внезапно подумал Файрли. — Тогда удастся забыть все страхи, отбросить все проблемы. Де Витт вернется с пустыми руками, без сверхоружия, и Земля не превратится в такой же вымерший, безжизненный мир!»

И все же Файрли чувствовал, что очень хочет найти здесь людей. Нет, ему не нужен был оркестр, толпы народа, приветственно размахивающие руками, и лозунги типа «Привет братьям по разуму из Солнечной системы!». Нет, хотелось просто увидеть человеческое лицо, заглянуть в глаза своего собрата, пожать чью-нибудь крепкую руку.

«А ведь Де Витт тоже сейчас смотрит, не отрываясь, на Рин, — подумал Файрли. — И наверняка проклинает небо. Все его амбициозные надежды утонули в толстом слое трехсотвековой пыли. И слава богу».

Внизу проплывала огромная долина — темная, суровая, лишь изредка искрящаяся зеркалами озер, отражавшими свет лун. Внезапно Кристенсен издал сдавленный крик, и тут же Файрли увидел впереди яркую точку света... Нет, точки света. Они быстро промелькнули, но осталось ощущение, что это были огни большого города.

— Вы видели? — тихим сдавленным голосом спросил Кристенсен.

— Да.

— Это город?..

— Не знаю... — Файрли хотелось как-то успокоить старика, и он добавил: — Скорее всего нет. Больше похоже на извержение вулкана или на отблеск лунного света на горных ледниках.

Но Кристенсен только покачал головой. Вид у него был очень озабоченный.

— Де Витт теперь не успокоится, пока не исследует это место. Хотя вряд ли его так просто найти...

Корабль в очередной раз пересек линию терминатора и помчался навстречу солнцу.

Внезапно на равнине появился огромный черный шрам шириной в несколько километров, а невдалеке — развалины титанического города. Рядом простиралась гряда холмов, за которыми вдаль уходил обширный лесной массив.

Здесь они и приземлились.

Несколько часов прошло в томительном ожидании, пока делали все необходимые пробы воздуха. Было очевидно, что ванриане не зря выбрали для колонизации Землю — вероятно, она напоминала Рин по многим физическим параметрам, в частности по составу атмосферы. Но минули тысячелетия, многое могло измениться. То же касалось и микрофлоры. На всякий случай экспедиция была снабжена полными комплектами тяжелых и легких скафандров, а также дыхательными масками, но все надеялись, что удастся обойтись без них.

Экипаж собрался на обзорной палубе, люди молча смотрели на простиравшийся до горизонта пейзаж. Был полдень, золотистое солнце ослепительно сияло в небе цвета красной меди, по которому плыли редкие розовые облака. Ветер гнал волны по бурой траве; они докатывались до сверкающей, слов-

но черное стекло, поверхности «шрама», опаленного адским огнем, и гасли.

«Очень похоже на полдень где-нибудь в Канзасе», — подумал Файрли. Но все было немного иным. Степь напоминала густые вьющиеся волосы бурого и темно-зеленого цвета. Редкие кустарники имели непривычную форму перевернутого конуса с толстым основанием ствола и тончайшей вязью густой кроны. Изредка в небе проплывали белые птицы с пышными радужными плюмажами. Нет, это не Канзас и не Земля.

Кристенсен посмотрел на членов экипажа сияющими глазами:

— Поздравляю вас, господа, с посадкой на Рин. Этот день войдет в историю человечества. Во время подготовки к экспедиции мы тщательно проработали план действий, и теперь...

— ...и теперь надо его менять, — неожиданно прервал его Де Витт. Он подошел к сидящему в кресле-каталке Кристенсену, засунув руки в карманы и недобро улыбаясь.

— Менять? Это еще почему?

— Да хотя бы потому, что вы не в состоянии выполнять обязанности руководителя экспедиции. Надо быть честным, Крис, в этот ответственный момент и забыть о личных амбициях. Мы же все видим, как плохо вы себя чувствуете. У вас сердце ни к черту, и Райхер подтвердит, что вам не по силам большие психологические и тем более физические нагрузки. Я считаю, что настала пора выбрать нового главу экспедиции.

— Чепуха! — Кристенсен вскочил на ноги и сложил руки на груди, показывая, что он не так слаб, как казалось со стороны. — Я плохо перенес полет, это верно, но теперь мы твердо стоим на земле, и я в том числе. Я быстро сумею восстановить прежнюю форму, можете не сомневаться.

Де Витт смерил его презрительным взглядом и вдруг усмехнулся.

— Ладно, я подожду. Кстати, вы видели огни на равнине?

— Да. Но они не обязательно имели искусственное происхождение.

— Ах, вот как? Ну конечно, это был вулкан или огни святого Витта. По крайней мере, вам так удобнее, Крис! Если бы планета оказалась пустынной, как Сахара, то вы смогли бы со спокойной совестью забраться в свою постель и проспать там до самого взлета. Увы, мы нашли следы жизни.

— Жизни? Вы считаете это следом жизни? А по-моему, здесь кто-то славно прошелся огнем, а может быть, и мечом.

Де Витт спокойно взглянул на черную оплавленную реку, за которой вдали виднелись груды развалин, и пожал плечами.

— Возможно, такое же оружие разрушило и Гассенди, — сказал он. — Я встречал там подобные оплавленные пятна. Надо провести подробный анализ образцов, и тогда все станет ясно.

— При чем здесь образцы? — воскликнул Кристенсен. — Здесь некогда был город... или космопорт. И все это превратилось в гигантский незаживающий шрам. Прошло столько веков, а там не растет ни единой травинки. Вас это не пугает, Гленн?

— Да, пугает, когда я представляю такое сверхоружие в чужих руках. Потому-то я и хочу найти его первым, — жестко ответил Де Витт. — Вы мечтатель, Крис. Думаете, если вы — пацифист, то и войны на Земле больше не будет? Будет! И сыграет тот, кто нанесет первый и самый сильный удар.

— Да, в этом есть здравый смысл, — согласился Кристенсен. — Наверное, такие же здравомыслящие люди некогда превратили цветущий Рин в то, что мы видим. Ладно, не будем об этом... Главное сейчас — город. Сверху он похож на древние развалины, но, быть может, его все же населяют люди. Надо найти их и вступить с ними в контакт. Если же здесь пусто, то мы поищем эти ваши огоньки святого Витта.

Он обвел взглядом притихших членов экспедиции и тихо добавил:

— Господа, скоро нам предстоит встреча с неведомым. Не забывайте, что вы можете встретить не просто туземцев, нет, это будут хозяева планеты, на которой мы являемся всего лишь пришельцами. Мы преодолели пол-Галактики вовсе не для того, чтобы затеять новую войну. Тем более что этому, — он с мрачной улыбкой кивнул в сторону черного «шрама», — нам все равно нечего противопоставить.

Глава 11

Вскоре тестовые испытания были завершены. Они не принесли неприятных сюрпризов. Состав атмосферы, давление, температура, сила тяжести и радиационный фон несколько отличались от земных, но были вполне терпимы. Микрофлора воздуха также выглядела вполне безобидной, и тем не менее Райхер на всякий случай сделал всем инъекции биобло-

кады. Теперь можно было забыть о скафандрах и без опасений открывать люки.

Кристенсен первым спустился по пандусу и шагнул на выжженную двигателями почву. Постояв немного, он пошел к волнующемуся морю бурой травы. Вслед за ним наружу вышли и остальные члены экспедиции, шурясь от ослепительных лучей Альтаира.

Да, планета выглядела очень похожей на Землю и все же была совершенно чужой. И прежде всего поражала красно-желтой окраска неба, словно отлитого из меди. Солнце на этом фоне выглядело почти белым и настолько ярким и горячим, что на него невозможно было смотреть даже сквозь защитные очки. Воздух был густым, насыщенным тяжелыми и неприятно терпкими запахами, от которых кружилась голова. Трава напоминала тонкие пружинки с едва заметными зазубринками. То там, то здесь трава колыбалась, и было ясно, что причина тому не притихший ветер, а какие-то мелкие животные. Одно из них выскользнуло на круг выжженной земли — грозная на вид ящерица, чей спинной панцирь делал ее похожей на доисторического стегозавра, только размером в ладонь. Заметив людей, она замерла и с минуту таращила на них свои изумрудные фасетчатые глазки, а затем юркнула под ближайший конический куст и исчезла в его густой кроне.

Молодой геолог по имени Хэджулин решительно шагнул в густую траву, но Кристенсен остановил его.

— Не теряйте головы, Том. Эти ящерицы могут быть опасны, — сказал он, улыбаясь. — Все, хватит на первый раз. Надо приниматься за работу, готовиться к завтрашней вылазке в город.

Весь день и большую часть ночи звездолет гудел, словно огромный муравейник. Из грузового отсека на землю были спущены полуразобранные вертолеты и вездеходы. Под светом прожекторов техники приступили к их сборке, а остальные члены экипажа помогали им в качестве чернорабочих. Часа в три ночи все отправились спать.

На рассвете все было готово для первого похода. Винстед, проснувшийся раньше всех, вышел из лаборатории с обнадеживающей новостью: вода вполне пригодна для питья. Кристенсен отдал несколько распоряжений — в частности, он хотел, чтобы вертолеты не позже чем к вечеру были окончательно собраны и подготовлены для воздушной разведки. Затем он решительно зашагал к вездеходу, не обращая внимания на робкие протесты Райхера. Вместе с ним в машину усе-

лись Де Витт, Файрли, Рааб, Томасон, а также водитель по имени Грэхем и долговязый техник Смит.

Вездеход плавно развернулся и не спеша поехал в сторону города. Вскоре гусеницы загрохотали по черной оплавленной поверхности «шрама». Покрывавшая его стеклянистая масса была испещрена бесчисленными крошечными выемками, похожими на следы лопнувших пузырьков. По-видимому, когда-то здесь под действием адского огня плавилось все — и камень, и металл. А может, факелами сгорали и люди, и теперь их прах был навечно вплавлен в черную надгробную плиту длиной в десятки километров...

Файрли с грустью смотрел на сверкавшую под лучами Альтаира черную реку, но голос Де Витта быстро развеял его меланхолическое настроение.

— Крис, я посмотрел вчера вечером пленки, снятые обзорными кинокамерами, и нашел те самые «огоньки святого Витта», которые так вас расстроили, — сказал он насмешливо. — Ручаюсь, что это город, но не развалины вроде этого, а живой огромный город с сотнями зданий. Считайте, что координаты его у нас в кармане. Если мы не найдем здесь ничего, кроме оплавленных булыжников, то немедленно надо будет лететь на запад.

Томасон проворчал:

— Ты слишком большой оптимист, Гленн. Сомневаюсь, что на этой дряхлой планете есть хоть одна живая душа. Посмотри, здесь же камня на камне не осталось!

Рааб перебил его:

— Вы взгляните лучше на этот черный «ледник»! Ручаюсь, мы проехали по крайней мере над тремя крупными металлическими объектами, расплавленными в блины метров этак по триста в диаметре. Вполне возможно, что это остатки космолетов. О, еще один!

— Да, возможно, тут некогда был космопорт, — согласился Кристенсен. — Если ллорны действительно решили лишить жителей Рина звезд, то вполне логично, что главные удары они нанесли именно по космопортам. Вспомните, с воздуха город выглядел так, будто бомбардировка его не коснулась. Но каков город, а? Тысячи квадратных километров, такого колосса на Земле нет. Мне кажется, его погубило не оружие ллорнов, а куда более могучая вещь — время. Впрочем, не будем спешить с выводами.

Через минут пятнадцать они проехали «черную реку», затем пересекли километровой ширины полосу земли, зарос-

шую очень высокой, в рост человека, травой и только тогда выехали к развалинам. При виде их у всех вытянулись лица. Это трудно было назвать даже развалинами — впереди до самого горизонта громоздились холмы камней, обтесанных дождями и ветрами настолько, что невозможно было угадать их первоначальную форму. Тем более трудно было понять, какие здания составляли в далеком прошлом этот мегаполис — то ли небоскребы, то ли пирамиды или вообще что угодно. Кристенсен оказался прав — здесь поработал гигантский ластик времени, и от четкого чертежа сохранились лишь неясные вмятины на полуистлевшей бумаге.

— Черт, да тут ничего не осталось! — с досадой воскликнул Файрли.

— Не может быть... — хриплым голосом возразил побледневший Де Витт. — В городе наверняка сохранились подземные хранилища. Ванриане знали о возможной бомбардировке и должны были к ней подготовиться...

Файрли пожал плечами. Он хотел сказать, что на поиски бомбоубежищ понадобятся годы, которых у них нет, но промолчал. Глазами, полными боли и досады, он обвел панораму древнего города — груды растрескавшихся камней... бурая колючая трава... редкие стелющиеся кусты... Даже «ящерицы» избегали этих жутких развалин.

«Неужто здесь когда-то кипела жизнь? — грустно подумал филолог. — Может быть, моя «звездная певица» жила вон в том доме, от которого осталась лишь пирамида мелких, как гравий, обломков? А тут, под гусеницами вездехода, некогда находился тенистый парк, куда она любила ходить с детьми... Почему время так безжалостно, почему оно разрушает даже кладбища? Людям не пристало умирать второй раз, уже после смерти, от них должно хоть что-то оставаться, хоть что-то...»

Кристенсен также выглядел обеспокоенным, но по другому поводу. Обернувшись, он хмуро посмотрел на космолет, одиноко стоявший посреди степи, и пробормотал:

— До чего же наш корабль выглядит незащищенным... Торчит как перст на открытой местности.

Де Витт усмехнулся.

— Нечего нас пугать призраками ванриан, Крис. Время сделало свое дело, от них не осталось даже праха... по крайней мере здесь. Я очень надеюсь, что мы все же найдем их в других местах.

— Да, но если у них сохранилось оружие... — поежился Томасон.

— То тем лучше для нас! — сказал Де Витт. — Мы сумеем подружиться с этим вымирающим народцем, влить в остывающие жилы свежую кровь. И сами, конечно, кое-чем проживемся. Ладно, давайте пройдемся. Далеко не уходите, здесь может быть опасно. Смит, Грэхем, возьмите-ка ружья на всякий случай.

Все вышли из вездехода и не без робости ступили на улицы древнего мегаполиса.

— Файрли, будьте особо внимательны, — тихо сказал Де Витт. — Здесь должны быть следы письменности... какие-нибудь таблички, слова, высеченные на камнях... Что-нибудь неминуемо осталось!

Щурясь от ослепительного света Альтаира, земляне пошли в глубь развалин, с опаской поглядывая на огромные груды камней — казалось, они могли рухнуть даже от звука шагов. Бурая трава шелестела под ногами, издавая терпкий неприятный запах. В небе появились редкие облака. Изредка они набегали на солнце, и тогда сразу же мгла опускалась на город, начинал дуть холодный резкий ветер, и людям становилось совсем неуютно на этом бесконечном кладбище. Файрли вспомнил свои поездки в археологические экспедиции. Ему приходилось принимать участие в раскопках нескольких древних городов в Центральной Азии, но нигде он не чувствовал себя так одиноко и потерянно, как здесь.

Даже молодой, всегда неунывающий Смит выглядел подавленным. Он шел рядом с Файрли и старался смотреть только под ноги.

— Я представлял себе все совсем иначе, Боб, — тихо произнес он. — Как в фильмах-боевиках: схватки с аборигенами, прекрасные женщины, веселые пирушки... Да по сравнению с этим городом самый жуткий земной склеп покажется развеселым дансингом. Похоже, что здесь похоронена вся цивилизация ванриан...

— Так оно и есть, Том, — сказал Файрли.

Он не пропускал ни одного подозрительного камня, ни одного бугорка на почве, под которым могли бы скрываться создания рук ванриан, но везде было пусто. Следы цивилизации даже не пахло, развалины были стерильно чистыми, словно остатки гигантского камнепада. Да, база в Гассенди наверняка была уничтожена куда раньше, чем умер этот город, но Луна сохранила многое. На ней не бывает ни ветров, ни дождей, кислород не окисляет металлы, пожары не съедают библиотеки.

Здесь же все обглодало хищное, не знающее жалости время.

Люди молча обошли несколько «кварталов» и не обнаружили ничего заслуживающего внимания. Файрли приблизился к мрачному Де Витту и сказал:

— Гленн, уже ясно, это пустой номер. Мы можем бродить так годами и не найти даже пуговицы. А если сунемся к развалинам, нас мигом накроет камнепад — здесь все держится на одном честном слове. Надо действительно покопаться где-то в земле...

Де Витт поджал губы.

— Не паникуйте, Боб, мы совершаем лишь легкую прогулку. Скоро вертолеты будут готовы для тщательной аэроразведки. С воздуха все выглядит совершенно иначе; быть может, они найдут остатки административных зданий. А там вполне могли сохраниться какие-нибудь сейфы, архивы, подземные хранилища. Наверняка сохранились! Надо только набраться терпения и поискать как следует. И мы их найдем.

— Верно, Гленн, но нам очень понадобится удача, — сказал подошедший Кристенсен. Вид у него вновь стал неважным: лицо посерело, грудь тяжело вздымалась, словно ему не хватало воздуха. Не выдержав, он уселся на округлый валун и с силой потер лицо руками.

— Вам надо вернуться к вездеходу, — с сочувствием сказал Файрли. — Хотите, я вас провожу?

Кристенсен натужно улыбнулся.

— Ничего, Боб, это так, минутная слабость. Помогите-ка мне встать...

Файрли протянул ему руку и поразился, насколько вялой была ледяная рука главы экспедиции. Только сила духа не позволяла Кристенсену отступить.

— Не кажется ли вам странным, что вражеская бомбардировка не коснулась города? — словно ни в чем не бывало заговорил он. — Ллорны, возможно, не были лишены гуманизма. Они уничтожили космопорт, и только его. А ванриане... ванриане ушли отсюда сами и увезли все сколько-нибудь ценное.

— Согласен, — кивнул Де Витт. — Кстати, из слов Калбера нечто подобное и следовало. Он говорил о гибели ванрианской цивилизации, но вовсе не о гибели ванриан.

— Что он мог знать о будущем? — покачал головой Кристенсен. — Ладно, пора возвращаться. С голыми руками мы здесь ничего не найдем, это ясно.

Никто не стал возражать, даже Де Витт — город уже изряд-

но действовал всем на нервы. Усевшись в вездеход, земляне молча поехали в сторону звездолета, размышляя каждый о своем. Только Де Витт и Томасон, сидевшие на переднем сиденье, о чем-то тихо разговаривали, наклонившись близко друг к другу.

— Похоже, этим закадычным приятелям больше всего понравился «шрам» на месте космодрома, — сказал Файрли, обращаясь к сидевшему рядом Кристенсену. — Гленн просто расцветает, когда глядит на это кладбище — словно в зеркало смотрится.

— Ничего, пусть поищут, — ответил Кристенсен, недобро усмехаясь. — Времени у нас не так много, а планета велика. Ванриане явно перенесли свою столицу куда-то в другое место. Не так-то просто будет ее найти...

— Почему?

— Хм... мы можем просто ее не заметить. Проехать рядом и не заметить.

— Города-невидимки?!

— Боб, вы неисправимый романтик. Попомните мое слово: мы увидим несколько хижин из местного тростника и даже не догадаемся, что это столица. Гленн мечтает о «звездной дубинке», и он ее там найдет. Только не атомную, а деревянную.

Файрли посмотрел в сторону равнины. Далеко на горизонте поднималась гряда округлых холмов, кое-где заросших густым лесом.

— Вы думаете, Крис, мы все-таки найдем людей?

— Не исключено.

— Они что-то не спешат вступать с нами в контакт.

— Может быть, просто не хотят.

Глава 12

Три дня и две ночи Де Витт упорно производил раскопки на окраине города, около особенно крупной груды камней, которая с высоты чем-то напоминала контуры небоскреба. Настала третья ночь, а результатами и не пахло.

Файрли сидел на валуне с кислым видом. Он устал до предела: устал рассматривать сотни булыжников, на которых кому-то привиделись какие-то буквы; устал от пронизывающего холодного ветра; устал от неукротимой энергии Де Витта. От угрюмой настойчивости Томасона он тоже устал. Рин же

просто вызывал у него тошноту. Они увязли в чужом мире, как мухи в клею, и растратили большую часть энтузиазма первооткрывателей на дурацкую суету вокруг здоровенной ямы, которая с каждым часом становилась все глубже, а гряда земли рядом — все больше.

«Я просто брюзжу, словно старик, — подумал Файрли. — Все обстоит не так плохо. Мы обнаружили фундамент могучего здания и очистили от грунта большую его часть. Фундамент недурно сохранился для своих почтенных лет. Томасон громогласно восхищался стойким пенобетоном в стеклянистом водонепроницаемом покрытии. Ванриане строили на века... но срок в триста веков оказался чересчур велик даже для них».

Прожектора освещали место раскопки, создавая глубокие тени среди руин. Мини-экскаватор копошился рядом с солидным холмом земли, осторожно запуская вглубь свой ковш. Никаких следов подземного хранилища и в помине не было.

Де Витт расхаживал взад и вперед, заложив руки за спину. Вид у него был довольно бодрый.

— Ничего, — бормотал он, — попробуем копать где-нибудь в другом месте. Рано или поздно что-нибудь найдем.

— Почему вы так уверены в этом? — раздраженно спросил Файрли. — Знаете, Гленн, я пойду на корабль, что-то я замерз. Позовите меня, если найдете что-либо стоящее. И прошу не принимать любую трещину в камне за следы письменности.

Де Витт пожал плечами.

— Вас подвезти на вездеходе? — безразличным голосом предложил он.

— Ничего, дойду сам.

Файрли засунул руки в карманы утепленного плаща и не спеша побрел прочь. Далеко впереди стояла башня вездехода, переливающаяся сотнями огней, а над ней раскинулся темно-синий купол небес, густо усеянный незнакомыми созвездиями. Среди них невидимыми тенями проплывали редкие бледные облака.

Файрли нашел укатанную вездеходами дорогу среди километровой травянистой полосы и зашагал по упругой земле. «Мать-земля, — подумал он, — колыбель расы людей. Только где они, твои первенцы? Воздушная разведка не дала никаких результатов, окрестности были дикими и нетронутыми руками человека. Может быть, ванриане покинули эту планету и заселили другие миры? Или мы ищем самих себя, поскольку других людей в Галактике не осталось?»

Кристенсен уже спал. Файрли был разочарован этим. Ему хотелось потолковать с главой экспедиции — так, ни о чем особенном, просто чтобы рассеять гнетущее чувство одиночества. Ему было страшно даже подумать о том, что Крис мог вскоре умереть, а судя по мрачному виду Райхера, такое вполне вероятно. В глубине души Файрли считал Кристенсена едва ли не своим вторым отцом, хотя никогда бы не рискнул признаться в этом.

Бодрствовали только дежурные, каждый на своем посту. Файрли зашел в столовую и поел там в одиночестве и без всякого аппетита. Он вдруг вспомнил фантастический боевик с принцессами, ковбоями-меченосцами и злодеями-инопланетянами; вспомнил и усмехнулся. Потом побрел в свою каюту. За прошедшие сутки он здорово вымотался и заслужил отдых.

Сны на этот раз были мрачными и черно-белыми, и он был рад, когда очнулся. Оказалось, его разбудил Смит.

— Доктор Файрли, Де Витт хочет с вами срочно переговорить. Он просит немедленно прийти в радиорубку.

Файрли уставился на юношу мутными глазами.

— Что-то нашли?

— Думаю, да, — возбужденным голосом ответил Смит. — Быстрее же, Боб, что вы копаетесь!

Торопливо одевшись, Файрли почти бегом направился в рубку. Дрожащими руками он взял телефонную трубку и хрипло сказал:

— Файрли слушает.

В трубке что-то зашуршало так, что он не расслышал первые слова Де Витта:

— ...откуда-то. Один из наших парней услышал это и доложил мне. Я побежал туда и убедился, что он не ошибся. Но темнота, хоть глаз выколи. Файрли, вы мне нужны, немедленно приходите!

Файрли положил трубку. Его рука дрожала. Что-то они все-таки нашли... или кого-то. Неужто к ним в гости заявились призраки?

Смит деликатно кашлянул.

— Доктор Файрли, можно я поеду с вами? — умоляюще спросил он. — Я умею управлять вездеходом, мы через пять минут будем на месте!

— Хорошо, — слабым голосом сказал Файрли. — Только тебе придется нести меня по лестнице на руках — что-то у меня ноги подгибаются...

Он повернулся к дежурному, следившему за ними выпученными глазами.

— Оставайтесь здесь и не отходите от рации. Нам может понадобиться в ближайшее время помощь всего экипажа.

— Слушаюсь, сэр... Но мне кажется, мы обязаны в первую очередь поставить в известность капитана.

— Не надо, пусть спит, — после некоторого раздумья решил Файрли. — Ведь ничего еще толком не ясно, зачем пороть горячку...

Он и сам толком не понял, почему так сказал. Может быть, потому, что боялся. Кристенсен прекрасный, душевный человек, но сейчас мог все испортить. Хотя не исключено, что это «все» — лишь крик какой-нибудь ночной птицы или шум упавшего камня.

«Скорее всего, так оно и есть, — думал Файрли, энергично шагая по коридорам к выходу вместе со Смитом. — Де Витт и его люди слишком устали и перевозбуждены. У них могли появиться видения и слуховые галлюцинации. Любую тень при желании можно принять за фигуру затаявшегося аборигена».

Смит завел вездеход, и они помчались в сторону города. Ночь была очень темной, облака затянули небо, и лишь изредка в их разрывах появлялся кровавый глаз одной из лун. Дул сильный ветер, бросая в лица редкие крупные капли дождя. Гусеницы загрохотали по поверхности «шрама», и Файрли вдруг почувствовал себя очень неуютно. Ему захотелось вернуться назад. Только сейчас пришла в голову неожиданная мысль: а вдруг там, в городе, к месту раскопок пришли ллорны? Быть может, этим и объяснялась необычная пустыньность этих мест? Патруль ллорнов мог заметить их звездолет с воздуха и сейчас, под покровом темноты, напасть на людей!

Файрли вспомнил о своих кошмарных сновидениях во время полета в гиперпространстве. Если Кристенсен прав, то именно ллорны пытались проникнуть в разум землян. Сейчас они могут сделать это куда проще, захватив пленников...

— Эй, доктор, приехали!

Файрли встрепенулся.

Впереди были видны лучи прожекторов, освещавших место раскопок. Все было так же, как и несколько часов назад, только экскаватор замер на месте с высоко поднятым ковшом. Люди столпились около округлой палатки и, негромко переговариваясь, смотрели во тьму. Среди них не было видно ни Де Витта, ни Томасона.

Файрли выскочил из вездехода и подошел к ним.

— Что случилось? — глухо спросил он.

Один из участников раскопок повернулся к нему.

— Вас ждут, доктор Файрли, — сказал он возбужденно, показывая рукой в темноту. — Где-то там, среди развалин.

— Что они слышали, Джек? — спросил Файрли, вглядываясь в грубо скроенное лицо механика из двигательного отсека. В его глазах светился ужас.

— Голоса, мистер Файрли. Или что-то похожее на них. Как будто кто-то разговаривал и... вы не поверите... даже смеялся! Тогда Де Витт крикнул, и раздался шум — словно кто-то убежал. Но мы могли и ошибиться, уж очень силен был ветер...

Механик вытер лицо тыльной стороной ладони и затравленно огляделся, словно его окружала целая армия призраков.

Файрли коротко кивнул и, не оглядываясь, пошел во тьму. Все усиливающийся дождь заставил его надвинуть на голову капюшон плаща. Филолог трижды окликал Де Витта, прежде чем тот наконец отозвался. Вскоре его нагнал Смит с мощным фонарем, и тогда они увидели в свете белого луча фигуры двух людей, сидящих на округлом камне, словно вороны на надгробной плите.

— Какого дьявола вы столько копались, Боб? — нервно приветствовал его Де Витт, прыгивая на землю. Он махнул рукой в сторону двух холмов камней, едва вырисовывавшихся во тьме. — Там кто-то есть, мы с Томасоном уверены. Позовите их, Файрли. Дайте понять туземцам, что мы их друзья.

— Гленн, вы хотите сделать из меня дурака, — запротестовал Файрли. — Это приблизительно то же самое, что обращаться к питекантропу по-латыни...

— Хватит читать мне лекции! — рявкнул Де Витт. — Дело надо делать, а не гадать. Идите, Файрли, мы вас прикроем сзади!

Файрли пожал плечами и пошел во тьму осторожными шагами. Чувствовал он себя так, словно входил в клетку со львом. Хриплым голосом он закричал:

— Эй, не убегайте! Мы ваши друзья, нам надо поговорить!

Шум ветра наполовину заглушил его робкий голос, и Де Витт тут же недовольно отозвался сзади:

— Дьявол, вы что, язык проглотили? Кричите громче, вас же так никто не услышит! И не стойте столбом, а идите к туземцам навстречу. Чего вы трусите?

— Да пошел ты... — Файрли сочно выругался, а затем засунул руки в карманы и решительно пошел вперед. Вскоре его

нагнал Де Витт, а затем к ним присоединились Томасон и Смит с горящим фонарем.

Файрли орал во все горло:

— Мы ваши друзья! Давайте встретимся и мирно поговорим! Мы не причиним вам вреда!

— Подробнее, Боб, подробнее, — нервно сказал Де Витт, непрерывно оглядываясь по сторонам.

— Послушайте, мы ваши сородичи с планеты Земля! Когда-то давно ваши предки основали колонию на нашей планете и дали жизнь нашей расе. Теперь мы вернулись на свою прародину Рин. Вы понимаете хотя бы одно мое слово?

В ответ доносился только шум ветра. Струйки дождя плясали по грудам камней. Между стелющихся кустов заструились ручьи. В сторону груды камней метнулось какое-то мелкое животное размером с крысу. И вдруг...

Шум шагов, быстрых и легких. Там, за кустами, рядом с развалинами крупного здания...

Чья-то тонкая фигура проскользнула, словно тень, и исчезла, будто растворившись в тумане.

Земляне, не выдержав, рванулись к этому месту, пытаясь нагнать призрак, но не увидели ничего.

Ничего!

Дождь стих. Тусклый багряный свет луны прорвался сквозь прореху в облаках.

— Попробуйте еще раз, — прошептал Де Витт и больно ткнул Файрли кулаком в спину. — Они где-то здесь!

— Эй, выслушайте нас! — кричал Файрли. — Нам надо поговорить с вами, это очень важно! Пожалуйста, покажитесь, мы пришли с миром!

Земляне замерли, прислушиваясь. Файрли инстинктивно почувствовал, что кто-то находится неподалеку — затаившийся, наблюдающий.

— Пожалуйста, отзовитесь! Мы одной крови, мы братья...

Он замолчал. Откуда-то из темноты слышались звуки, словно кто-то рассмеялся.

Забыв о своих страхах, Файрли побежал вперед.

— Где вы? Покажитесь!

Смех вновь повторился — легкий, серебристый, и ему вторил другой, более густой. Это явно были голоса двух людей. Файрли побежал к огромному холму из камней, казалось, сохранившему форму пирамидального здания, и пошел вокруг него, призывно крича.

В тусклом багряном свете что-то шевельнулось, стреми-

тельно перебежало к небольшой, в рост человека, груде камней и остановилось за ней, выжидая.

Файрли во всю прыть помчался вслед за аборигеном. Навстречу ему несся тихий смех, словно туземец играл с ним в прятки и вновь собирался исчезнуть. Но нет, ему не уйти. Сейчас, сейчас...

Файрли наткнулся на ползучий куст и упал, больно ударившись боком. Застонав, он попытался встать, но не смог. Рядом послышался шорох шагов — туземец, похоже, собирался скрыться.

— Не уходите! — в отчаянии захрипел Файрли. — Не уходите...

С трудом он поднялся на ноги, морщась от боли. И увидел рядом с собой тонкий силуэт. Тусклый свет луны лишь частично обрисовывал лицо стоявшего в нескольких шагах от него туземца, но Файрли оно показалось утонченным и прекрасным. Это было лицо девушки.

Глава 13

Не задумываясь, Файрли бросился вперед, намереваясь схватить девушку за руку, но она внезапно исчезла. С серебристым смехом легкая фигурка тенью заскользила среди развалин. Потеряв голову от ярости, Файрли огромными прыжками понесся вслед за ней и все-таки успел в последний момент вцепиться в запястье аборигенке. Подбежавший чуть позже Смит осветил ее лицо фонарем.

Да, это была девушка... почти девочка, с матовым цветом округлого лица и приятными чертами, делавшими ее чем-то похожей на мадонн Боттичелли. Глаза были темно-синими, черные вьющиеся волосы блестели от капель дождя. Тонкие губы искривились в насмешливой улыбке.

— Мы поймали ее! — восторженно завопил Смит. — Поймали!..

Девушка недоуменно взглянула на него.

— Послушайте, — сказал Файрли, тщательно выговаривая ванрианские слова, — мы ваши друзья и не причиним вам вреда. Скажите, вы понимаете хотя бы одно мое слово?

Свет фонаря скользнул по фигуре девушки, и филолог увидел, что аборигенка одета в легкий серый плащ с большим капюшоном.

— Отпустите меня! — внезапно сказала девушка, сердито нахмурившись.

Файрли вздрогнул, словно от удара током, и остолбенел. Он понял ее слова, понял!.. Однако это невозможно! За прошедшие тысячелетия язык обитателей Рина должен был неузнаваемо измениться...

Хотя разве укладывается в голове, что жительница другой планеты очень похожа на земную женщину? Конечно, он ожидал этого, но...

Но одно дело предаваться абстракциям, сидя в Морроу, а другое — убедиться воочию, стоя в сырой темноте среди развалин древнего города, под светом чужой луны.

Подоспевший Де Витт остановился рядом, тяжело дыша.

— Отлично, Файрли, вы поймали все-таки этого туземца!.. Ого, самка!.. Смит, а ну-ка освети ее как следует. Дьявол, она действительно похожа на человека!

Не скрывая раздражения, Файрли сказал язвительно:

— Она не только похожа на человека, но и на самом деле человек, Гленн. Неужто для вас любой туземец похож на обезьяну — и там, на Земле, и здесь, на Альтаире? Учтите, я не собираюсь брать ее в плен, а только хочу поговорить с ней. Она меня поняла, понимаете, поняла!

— Вот видите, я же предвидел это, — наставительно произнес Де Витт, не отрывая глаз от нахмурившейся девушки. — Боб, спросите ее, много ли туземцев обитает в этих развалинах. Спросите, что она делает здесь ночью; быть может, ее послали шпионить за нами? И обязательно узнайте, много ли ванриан сейчас на планете, сколько у них крупных городов, остались ли у них звездолеты или хотя бы какие-нибудь машины... Почему вы молчите, Боб? Да спрашивайте же, спрашивайте!

Файрли перевел, тщательно подбирая слова. Он никак не мог прийти в себя, все происходящее казалось ему сном.

— Машины? — с удивлением переспросила девушка, не без труда выговорив это древнее ванрианское слово. — А-а... вспоминаю. Нет, у нас нет никаких машин.

— Что она сказала? — с нетерпением спросил Де Витт. Услышав перевод, он помрачнел. — Что-то она хитрит. Она явно ванрианка, говорит на языке этой расы... Так почему же девчонка морочит нам головы насчет машин? Боб, спросите ее еще раз, может быть, она что-нибудь не так поняла.

Файрли кивнул, но сказал совсем другое:

— Послушайте, мы хотим стать вашими друзьями. Мы совершили долгий путь до Рина из другой звездной системы.

— Это ваш корабль недавно приземлился в степи?

— Так вы все-таки знаете про звездолеты? — с облегчением вздохнул Файрли. — Почему же вы тогда сказали, что у вас их нет?

Девушка слегка улыбнулась и покачала головой.

— У нас их нет, давно нет... Вот почему мы с Траяном так встревожились и пришли сюда.

— Кто такой Траян?

— Траян есть Траян. А я — Арэл.

— А меня зовут Боб, то есть Роберт.

Де Витт грубо встряхнул Файрли за плечо.

— Боб, это не любовное свидание! Я хочу знать, о чем вы так мило толкуете.

Файрли перевел их короткий диалог, и Де Витт фыркнул от возмущения.

— Боб, вы не узнали ровным счетом ничего. Нажимайте на нее, забрасывайте ее вопросами. Она обязательно проговорится...

Он замолчал, увидев подоспевшего Томасона. Тот сильно хромал, видимо, ударившись о камни во время погони.

— Джон, мы поймали одну туземку, но здесь должен быть еще какой-то Траян, по-видимому, самец. Идите вместе со Смитом и тщательно осмотрите все вокруг. Он наверняка где-то рядом. Быстро!

Арэл взглянула на жестокое лицо Де Витта и с иронией спросила:

— Он что, тоже наш друг?

— Это Де Витт, единственный военный в нашем экипаже. Он не командир корабля, а лишь его заместитель. Де Витт не...

Файрли запнулся. Ему хотелось сказать, что Де Витт не причинит Арэл вреда, но не решился. Глядя на злое, возбужденное лицо Де Витта, он понял: экс-полковник сейчас способен на все. Даже на жестокие поступки.

Файрли повернулся к девушке и торопливо сказал:

— Арэл, если я отпущу вас сейчас, вы придете еще раз? С вашими друзьями?

Ее глаза сузились, и она прошептала:

— Да...

— Тогда идите!

Он отпустил запястье девушки, и та тотчас же упорхнула в темноту. Де Витт взревел от ярости и прыгнул вслед за ней,

словно тигр, но промахнулся. Фонарь выпал из его рук и со звоном покатился по камням.

— Траян! — закричала Арэл серебристым голосом. — Бежим, они за нами охотятся!

Настала тишина, и только вдалеке был едва слышен топот удаляющихся ног.

— Файрли, я задую тебя! — заорал Де Витт, шагнув к ученому с поднятыми кулаками. — Кретин, ты же сам отпустил ее!

— Да, я сделал это, — хладнокровно ответил Файрли, засовывая демонстративно руки в карманы плаща. — Я предупреждал вас, Гленн, я никого не собираюсь брать в плен. Кристенсен дал нам ясные инструкции, как поступать при встрече с туземцами.

— Кристенсен такой же идиот, как ты! — орал Де Витт, угрожающе потрясая кулаками. Казалось, он сейчас ударит Файрли, однако ему помешали две тени, вынырнувшие из темноты.

— Я видел самца, но мельком, — задыхаясь, прохрипел Томасон. — Он убежал вместе с самкой, я толком не понял куда. Ночью этих чертей не поймать! Что случилось, Гленн, почему она сбежала?

Де Витт не ответил. Его лицо было белым от ярости, но он уже контролировал бурлящие эмоции.

— Продолжайте раскопки, Джон. Я немедленно возвращаюсь на корабль.

Файрли сказал как ни в чем не бывало:

— Я с вами, Гленн.

Де Витт осклабился:

— Конечно, дружище! Вас опасно здесь оставлять, вы мастерски умеете все портить.

Смит со вздохом поднял фонарь, валявшийся на земле.

— А она симпатичная, — мечтательно произнес он.

Де Витт так взглянул на него, что техник мигом закрыл рот и изобразил на лице гримасу Великой Скорби.

— Хватит болтать, пошли, — сказал экс-полковник. — Смит, ступайте с фонарем вперед. — И, не выдержав, в сердцах выпалил: — Черт бы вас побрал, сопливых сосунков... Увидели смазливое личико и мигом потеряли головы!

Файрли хмыкнул и пошел вслед за полковником. Сев в вездеход, они направились к кораблю, думая каждый о своем. Файрли вспоминал прекрасную незнакомку. Что она подумала об этой встрече в ночи? Что расскажет своим соплеменникам и что те решат делать? Было бы удивительно, если бы девушка сдержала слово и вернулась.

Так или иначе, первый контакт произошел: с погонями, молодецким гиканьем, силовыми приемчиками, допросами и прочими прелестями, которых так опасался Кристенсен. Вряд ли ванриане будут обрадованы появлению таких «сородичей» с далеких звезд...

Снова начал накрапывать дождь, и когда вездеход, лихо развернувшись, остановился около пандуса, капли уже вовсю барабанили по металлической обшивке звездолета. Это так напомнило Файрли осенний день в деревне, что ему захотелось немедленно улететь отсюда и никогда больше не возвращаться.

Де Витт выскочил первым из вездехода и энергично зашагал к люку. Даже спина его выглядела угрожающе.

Кристенсен ожидал их в салоне — вместе с Раабом и Винстедом.

— Что случилось? — коротко спросил он, глядя пронзительными глазами на Де Витта.

Тот сразу стал словно на полголовы ниже и кивнул в сторону насупившегося Файрли.

— Спросите об этом славного рыцаря сэра Галахада. Мы поймали одного туземца, но он, на несчастье, оказался самой... то есть девушкой со смазливой мордочкой. Туземка, как я и предсказывал, отлично поняла Файрли. Она не сказала и дюжины слов, причем все были явной ложью, а потом этот благородный рыцарь отпустил ее. Как полный и законченный идиот!

— Я не желаю следовать зубодробительным методам Де Витта! — горячо воскликнул Файрли, не обращая внимания на оскорбление. — Не верю, что силой и запугиванием можно установить доверительные отношения с аборигенами. Если бы этот чертов Де Витт вел себя менее агрессивно, то я мог бы спокойно поговорить с ней, убедить, что мы ее друзья. Но девушка отлично поняла, что ей угрожает.

— Бросьте, Файрли, все валить на меня, — резко возразил Де Витт. — Она была испугана только потому, что хотела что-то скрыть.

— Подождите, Гленн, — поморщился Кристенсен. — Файрли был прав, когда не стал удерживать ее силой, это все только бы испортило... — Он недовольно взглянул на Де Витта. — Но почему вы не дали мне немедленно знать об этом? Я начальник экспедиции, неужто вы это до сих пор не усвоили? Будь я на месте контакта, все могло пойти иначе...

Кристенсен с заметным трудом подавил свое раздражение и вновь обратился к Файрли:

— Расскажите мне, о чем вы говорили с туземкой. По возможности дословно.

Файрли пересказал их небольшой диалог и после паузы добавил:

— Она говорила, что ванриане ныне не имеют ни звездолетов, ни машин. Больше я ничего не мог выяснить, потому что Де Витт начал охоту за Траяном, другом девушки, и она испугалась. Мне ничего не оставалось, как дать им уйти, пока дело не кончилось дракой.

— Она лгала, все время лгала, — сквозь зубы процедил Де Витт, словно не слыша обвинения в свой адрес. — Девчонка отлично знает, что такое звездолет, она сама говорила об этом, имея в виду наш корабль. Ее народ вовсе не темные варвары, как она хотела представить. Я хорошенько пригляделся к этой девице: на дикарку никак не похожа, ручаюсь, вполне цивилизованная женщина. Она была хорошо и чисто одета, да и манеры говорили об определенном воспитании.

— В отличие от вас, Гленн, — неожиданно буркнул Рааб.

Де Витт окатил физика ледяным взглядом и продолжил:

— У этих людей должны быть где-то города, и не исключено, что один из них расположен поблизости. Да, воздушная разведка это опровергает, но как знать, быть может, ванриане просто отлично умеют маскировать их? Туземцы могут многое поведать нам, в частности о своей истории. Разве не для этого была послана наша экспедиция? Неужто после такого далекого и трудного пути мы вернемся с пустыми руками только потому, что из деликатности не решимся задать аборигенам даже простейшие вопросы? Или просто *кто-то* боится, что они могут ответить?

Кристенсен хотел было возразить, но Де Витт уже разошелся и его невозможно было остановить.

— Мы встретили двух туземцев, и они явно пришли не издалека. У них не было ни наземной машины, ни летательного аппарата, иначе мы непременно заметили или услышали бы их. Радары корабля также ничего не засекли, иначе дежурные давно подняли бы тревогу. Конечно, у туземцев могли быть ездовые животные, но я сомневаюсь в этом. Они ушли пешком, а это значит, что их дом неподалеку. Надо немедленно заняться его поиском.

— И что вы намереваетесь предпринять, когда найдете его? — ехидно спросил Винстед. — Предположим, они не захотят прийти к нам на корабль, да и вообще долго разговаривать с нами.

— Я думаю, мы сумеем их убедить, — мягко сказал Де Витт. — В любом случае мы должны узнать, где находится ближайший город или поселок. Я очень постараюсь их спросить как следует.

Кристенсен в сомнении покачал седой головой.

— Гленн, это не Азия, где вы славно умели развязывать языки ветконговцам. Выжать из туземцев можно, конечно, многое, но будет ли это мудро с нашей стороны?

Де Витт зло усмехнулся.

— Что-то вы больно много тревожитесь о мудрости наших действий, Крис.

— А вы и вовсе о ней не заботитесь, — отрезал Кристенсен. — Ладно, хватит об этом. Сколько людей вам потребуется для поиска предполагаемого города? Половина экипажа, три четверти?

— Человек восемь-десять, не меньше. Нам нужен сильный отряд.

— Логично. Но корабль останется практически незащищенным. И если сюда вскоре прилетит второй корабль — вы знаете, чей, — то нам придется несладко.

— Мы не должны так рисковать! — воскликнул Винстед, заметно побледнев.

Рааб согласно кивнул.

— Верно, риск слишком велик.

— Риск! — презрительно воскликнул Де Витт. — Бросьте, нет здесь никакой опасности. Не хватало еще, чтобы из-за корабля русских мы отказались от наших планов.

Кристенсен улыбнулся, и эта улыбка не предвещала эксполковнику ничего хорошего.

— Вот как? Выходит, нам нечего бояться, и никто не летит нам вслед, пытаясь во что бы то ни стало первым захватить оружие ванриан? Я с первого же дня нашего прибытия на Рин стал подозревать, что здесь что-то не то. Вы проявили полное равнодушие к мерам по обеспечению безопасности корабля — очень странно для бывшего военного. А теперь вам наплевать, сколько людей останется на его борту в течение нескольких дней или даже недель. И все это очень просто объясняется, Гленн. Вы *знаете*, что больше никто на Рин не прилетит.

Де Витт попытался было возразить, но Кристенсен жестко его перебил:

— А весь секрет состоит в том, что русские не строят ника-

кого звездолета. И даже не слышали ни о базе пришельцев, ни о самих ванрианах.

— Но мои записи! — воскликнул потрясенный Файрли. — Ведь кто-то же напал на меня и выкрал секретные материалы!

— Да, но сделали это не мифические русские шпионы, не оставляющие следов. Нет, это работа нашего общего друга Де Витта.

Глава 14

Файрли устался на Кристенсена, чувствуя себя столь же ошеломленным, как и в ту ночь, когда свет внезапно погас и кто-то напал на него сзади. Затем он повернулся к Де Витту, но на его лице ничего нельзя было прочесть.

Винстед возбужденно воскликнул:

— Это правда? Черт побери, Гленн, почему вы молчите?

Де Витт хладнокровно пожал плечами.

— Это очень серьезное обвинение, Крис. У вас, конечно, есть доказательства моей вины?

Кристенсен покачал головой.

— Нет, никаких доказательств у меня нет. Я просто знаю, что это так.

Пухлые щеки Винстеда побледнели.

— Крис, такими словами не принято бросаться. Зачем Де Витту это понадобилось?

— Гленн, может быть, вы сами ответите на этот вопрос?

— Зачем же, Крис? Вы так интересно начали, вам и заканчивать. Только не забывайте о фактах, если они, конечно, у вас имеются.

— Хорошо, вот вам факты. Вы больше всех хотели, чтобы звездолет был построен и экспедиция к Альтаиру состоялась. А препятствовали вам те, кого вы называли саботажниками и трусами, и прежде всего я. Меня поддержали в Белом доме. И тогда вы поняли, что слава спасителя Земли ускользает у вас из рук. Вы решили пойти ва-банк и ускорить события. А это можно было сделать только одним-единственным путем: доказать всем, что коварные русские могут опередить Америку. Вы стали следить за Файрли и первым узнали, что тот получил серьезные результаты. С вашей подачи охрана за корпусом, где жил Файрли, была ослаблена, и ученым, якобы для ускорения работ, было разрешено держать сверхсекретные документы в своих личных сейфах. А потом вы перерезали

кабель, напали на Боба и выкрали у него документы, отлично зная, что они вскоре могут быть восстановлены. Затем вы пустили службу безопасности по ложному следу, полетели в Вашингтон и устроили там истерику в духе «холодной войны». Вот тогда-то президент дрогнул и выделил миллиарды долларов на «звездный проект». Разве не так было, Гленн?

Рааб изучающе смотрел на Де Витта холодным взглядом.

— В этих рассуждениях есть своя логика, Гленн.

— Да... — пробормотал Файрли. — И как я раньше не сообразил?

Винстед вскочил и угрожающе шагнул к Де Витту:

— Вот что я скажу тебе, вояке без совести и чести...

— Говорите, говорите, — презрительно процедил Де Витт, с ненавистью глядя на Кристенсена. — Все это только пустые домыслы, а они с точки зрения суда и гроша ломаного не стоят. И потом все, что случилось в Морроу, сейчас не имеет ровно никакого значения. Мы уже на Рине, и нечего терять попусту драгоценное время. Пока мы препираемся, ванриане сбежали...

— Не сбежали, а просто ушли, — сказал Кристенсен. — Они — хозяева этой планеты и не обязаны ничего говорить вам, Де Витт. Уберите от них свои грязные лапы, понятно? За то, что вы натворили на Земле, вам придется ответить, я в этом не сомневаюсь. Теперь мы знаем, на что вы способны. Но здесь, на чужой планете, где мы являемся лишь непрошеными гостями, вам не удастся...

Голос Кристенсена дрогнул, серая бледность разлилась по лицу. Он покачнулся, и Файрли едва успел поддержать его. Вместе с Винстедом они осторожно уложили начальника экспедиции на диван.

— Я позову Райхера! — крикнул Винстед и выбежал из салона.

Дыхание Кристенсена стало неровным, веки смежились. Файрли дрожащими руками расстегнул ему воротник. Вскоре Кристенсен приоткрыл глаза, но взгляд был мутным. Прибежал Райхер и начал колдовать над больным, попросив Файрли и Винстеда не мешать и отойти подальше к двери. Де Витта в комнате уже не было.

— Плохо дело, — наконец выпрямился врач. — Инфаркт. Возьмите каталку, надо срочно перевезти его в медотсек.

Это была очень длинная и трудная ночь. Райхер сделал все, что мог, но сердце у Кристенсена было изношенным, и в любой момент могло произойти непоправимое.

Файрли, Винстед и Рааб дежурили у постели больного всю ночь по очереди, но тот так и не пришел в себя.

Де Витт появился в медотсеке только на рассвете и тут же ушел. Файрли показалось, что отставной военный торопился выполнять свой план действий, пока Кристенсен не может его остановить. Руководство экспедиции автоматически перешло к Де Витту.

Оставалось лишь одно — ждать. В восемь утра Файрли сменили, и он, пошатываясь от усталости, пошел спать. Около полудня Рааб разбудил его.

— Крис пришел в себя, — хмуро сообщил он. — И хочет срочно видеть вас, Боб. Учтите, он слаб, очень слаб...

Файрли вместе с Раабом поспешил к медотсеку. Их встретил усталый Райхер:

— Только недолго...

Врач удалился, и Файрли с Раабом подошли к койке. Кристенсен открыл глаза. Его взгляд был осмысленным, но голос звучал очень тихо:

— Райхер не сказал мне, когда я вновь поднимусь, но вряд ли это случится до завершения экспедиции. Руководство формально переходит к Де Витту, и это меня очень тревожит.

Он замолчал, тяжело дыша. Даже небольшое усилие утомило его.

— Я хотел бы, чтобы вы двое попытались заменить меня. Вы, Рааб, всегда славились как человек независимый. А вы, Боб... я знаю, мы о многом думаем одинаково.

— Да, но... — начал Файрли, однако Кристенсен жестом попросил его замолчать.

— Вы оба должны сделать все, что в ваших силах. Поступки Де Витта необходимо контролировать, особенно сейчас, когда мы нашли аборигенов. Я не могу, к сожалению, дать вам никаких полномочий... но вы должны попробовать. Среди членов экипажа немало нормальных, здравомыслящих людей, на них можно будет опереться в сложный момент. Если Де Витт найдет оружие ванриан...

Кристенсен вновь замолчал. Его лицо побелело, на лбу выступил пот.

— Де Витт опасный человек. Там, на Земле, он может...

Кристенсен закрыл глаза, не договорив. Райхер вошел в медотсек и кивнул в сторону двери. Посетители вышли.

Рааб выглядел очень недовольным.

— Черт побери, только этой заботы мне не хватало! — в

сердцах сказал он. — Я летел на Альтаир не для того, чтобы тенью следовать за воякой-фанатиком.

Они направились по коридору к выходу. «Беда, — думал Файрли. — Крис, конечно, прав, но... Но я не родился лидером, как он. Я чертовски несдержан, могу накричать на людей, ответить ударом на удар. Если я попытаюсь учить Де Витта, что ему делать, то он пошлет меня подальше...»

Рааб остановился около двери в свою каюту и внезапно сказал:

— И все-таки Крис прав. Де Витт типчик еще тот, я таких встречал где угодно, не только в армии. Они куда опаснее, чем обычные корыстные подлецы, которых пруд пруди. Те хотя бы обладают гибкостью и более всего блюдут собственную выгоду. Де Витты другие, они полны гордыни и упрямства. Если они что-то втемашат в свою тупую голову, то будут переть вперед как танк и, если надо, переедут даже родную мать. Гленн спит и видит себя Спасителем Земли с оружием ванриан наперевес. Если дать таким, как он, волю, то от Земли и мокрого места не останется...

— Может, и так, — вяло согласился Файрли. — Но он и нас с вами переедет, даже не моргнув. Ладно, пойду потолкую с ним...

Филолог пошел на поиски Де Витта, но того на корабле не оказалось. Дежурный радист объяснил, что новый руководитель экспедиции послал утром вертолеты на разведку, и несколько минут назад один из пилотов вышел на связь.

— Он что-то нашел, мистер Файрли, — возбужденно сказал радист. — Пилот сообщил, что сделает еще несколько кругов, чтобы убедиться, что не ошибся, а затем немедленно возвратится на базу. Де Витт пробкой вылетел отсюда, чтобы встретить вертолет.

Файрли кивнул и торопливо зашагал к выходу из корабля. Выйдя на пандус, он на минуту остановился, ослепленный сиянием Альтаира. Де Витт стоял невдалеке, сложив руки на груди, и смотрел в сторону далекого леса.

Когда Файрли подошел к нему, Де Витт обернулся:

— Я официально принял на себя командование экспедицией и кораблем.

— Я слышал.

Де Витт пытливо взглянул на него.

— О чем вам говорил Кристенсен? — И прежде чем Файрли успел ответить, экс-полковник добавил с презрительным смешком: — Впрочем, об этом легко догадаться. Он пытался

настроить вас с Раабом против меня, верно? Не забывайте, с этого часа вы обязаны подчиняться всем моим приказам.

Файрли всегда полагал, что с подобными агрессивно настроенными людьми не спорят. Не теряя хладнокровия, следует твердо стоять на своем и не опускаться до ссор. Но сейчас из глубин его вообще-то мирной натуры поднялась горячая волна ярости, и он выпалил:

— Выходит, я теперь рядовой отряда под командованием полковника Де Витта? Черта с два! Я был включен в состав экспедиции даже без моего согласия, и нечего мной помыкать! Вы нуждаетесь во мне, Де Витт, а вот я без вас отлично обойдусь!

«Что-то слишком часто я выхожу из себя в последнее время», — с тревогой подумал он, но удержаться от запальчивых слов не мог.

— Я сделал все, что от меня хотели, — разгадал тайну ванрианского языка. Больше благодаря счастливой случайности, чем таланту лингвиста, но разгадал. Если бы не я, никого из нас здесь бы не было! Я так же, как и Крис, чувствую свою ответственность за происходящее, и вам не удастся заставить меня ходить строевым шагом!

Файрли дрожал от гнева, хотя понимал, что выглядит сейчас смешно — словно взбешенный заяц, вдруг напавший на волка. Однако Де Витту было явно не до смеха. Он вперил в ученого жесткий, оценивающий взгляд, затем быстрым шагом спустился на землю по пандусу. И тут же вдалеке со стороны леса послышался гул мотора.

Вертолет, словно неуклюжая птица, парил прямо над вершинами деревьев. Не долетев до звездолета, он плавно приземлился. Из него выскочил молодой Смит и почти бегом направился навстречу Де Витту.

— Ну что? — нетерпеливо спросил тот.

— Я нашел их! — взволнованно воскликнул юноша. — Мужчина и женщина идут через лес на северо-восток. Женщину я узнал. Они скрылись среди деревьев, когда заметили вертолет, но немного опоздали. Я нанес на карту их местонахождение, так что мы легко найдем это место. А вот города рядом я не обнаружил.

— Отлично! — с энтузиазмом сказал Де Витт и энергично потряс руку Смит. — Немедленно займитесь обработкой полученных данных.

Час спустя в салоне корабля Файрли вместе с остальными

членами экспедиции разглядывал увеличенный отпечаток карты.

На ней были видны цепи холмов, зеленые пятна лесов, черный «шрам» около развалин. В двух десятках километров от звездолета кружком было обведено место, где Смит обнаружил двух ванриан.

Де Витт стоял около расстеленной на столе карты, словно генерал перед битвой. Лицо его дышало уверенностью в успехе, в глазах не было ни тени сомнений, так присущих Кристенсену. Полковник наконец дождался своего часа после долгих лет неудач и теперь не собирался выпускать из рук удачу.

— Туземцы явно идут куда-то в этом направлении, — сказал он, показывая рукой на линию, прочерченную от развалин города до черного кружка на карте. — Они не очень-то торопятся, значит, их дом неподалеку.

Томасон нахмурился.

— Но на карте нет и признака города или поселка...

— Вертолет мог и не долететь до этого места, — отрезал Де Витт. — Туземное поселение наверняка рядом с развалинами, иначе ванриане вряд ли бы пришли пешком, да еще и без припасов. — Он обвел суровым взглядом всех, собравшихся в салоне. — Завтра мы отправляемся в поход. Возьмем два вездехода. В состав отряда я включаю себя самого — я буду ехать в авангарде, — а также Рааба, Файрли, Винстеда, Хэджулина и двух водителей. Томасон остается старшим здесь, на корабле.

Томасон кивнул без особого энтузиазма и спросил:

— Оружие возьмете?

— У нас его чертовски мало, — недовольно сказал Де Витт. — В свое время я настаивал на солидном арсенале для звездолета, но меня никто не поддержал. Думаю, мы пока обойдемся несколькими ружьями.

Рааб спросил:

— Гленн, я люблю во всем точность. Какая задача ставится перед нашим отрядом?

— Я скажу вам точно, — с иронией ответил Де Витт. — Меньше всего меня интересуют контакты с туземцами, установление дружеских отношений и прочая чушь. Войну я тоже затевать не собираюсь. Мы прилетели за тем же, что нашли в Гассенди, — машинами и описаниями ванрианских технологий. Остальным пусть занимаются другие экспедиции. Важно как можно быстрее сделать нашу страну еще более могущественной, понятно?

Ему никто не ответил. Ученые с мрачным видом перегля-

дывались — такой категоричности они не ожидали даже от Де Витта. После паузы тот продолжил, чеканя фразы, словно гвозди в гроб забивал:

— Еще раз повторяю. О программе, которую НАСА писало под диктовку Кристенсена, можете забыть. Никаких измерений магнитного поля, геологических изысканий и археологических раскопок не будет. Не будет ловли местных букашек, собирания гербария и прочей жюль-верновской чепухи, которая хороша только для доклада в Академии наук. Наша задача сужается до предела, зато мы ее обязаны выполнить. Понимаете, обязаны!

Рааб не стал возражать.

— Ладно, об этом поговорим позднее. Я хотел спросить насчет ружей. Вы не считаете, что они неуместны при контакте с аборигенами?

— Черт побери, неужто я это сам не знаю? — вспыхнул Де Витт. — Я вовсе не собираюсь стать Кортесом Альтаирским и огнем и мечом завоевывать новый мир. Оружие нам потребуются только для обороны, тем более что его до смешного мало. — Он взглянул на часы. — Все, дискуссия закончена. Пора приступать к работе. Завтра утром мы отправляемся в путь.

Перед рассветом, после беспокойной, полной тяжелых видений ночи Файрли проскользнул в медотсек. Кристенсен спал. Он выглядел немного лучше, лицо его порозовело, дыхание стало ровнее. Райхер дежурил рядом с койкой и, увидев раннего посетителя, вопросительно поднял красные от недосыпания глаза.

— Скоро мы отправляемся в поход, — тихо сказал Файрли, с жалостью глядя на бывшего начальника экспедиции. — Я надеялся, что он очнется.

Врач грустно покачал головой.

— Я постоянно даю ему успокаивающее. Его сердце работает чуть лучше.

— Мы надеемся на вас, доктор.

— Сделаю все, что смогу. Но сердце Кристенсена слишком изношено. В последние годы он работал практически без отдыха, не обращая внимания на свой возраст. Ладно, счастливого пути, Боб!

Файрли вернулся в каюту и стал упаковывать сумку. Он слегка прибодрился, хотя предпочел бы поговорить перед отъездом с Крисом.

Закинув сумку за плечо, филолог вышел из корабля и оказался в предрассветной тьме. Со стороны леса дул холодный

сырой ветерок. Рядом с пандусом стояли вездеходы, освещенные прожекторами. Их погрузка была завершена. Одна из машин взревела — проверяли работу двигателя.

Вскоре на пандус вышел Винстед, закутавшийся в теплый плащ. Лицо космобиолога было несчастным — участие в рискованном походе мало его устраивало. Файрли же, напротив, был в хорошем настроении. И догадывался почему. Дело было в чудной девушке по имени Арэл — он очень хотел ее вновь увидеть. Что-то в облике, в звонком голосе делало ее похожей на «звездную певицу», женщину его мечты...

Хриплый голос Де Витта отвлек филолога от лирических мыслей. Отставной полковник стоял возле пандуса и что-то энергично разъяснял водителям.

— У вас осталось шесть минут, — донеслось до Файрли. — И ни секунды больше! Засаею время по моим часам...

«С ним будет трудно бороться, — подумал уныло Файрли, спускаясь по пандусу. — Почти безнадежно».

Три дня они двигались через лес, и этот путь оказался на удивление легким. Слишком легким, заметил про себя Файрли. Сидевший рядом с ним на заднем сиденье первого вездехода Винстед неожиданно эхом повторил:

— Слишком уж гладко все идет, Боб. Чует мое сердце, не к добру...

Он с подозрением смотрел по сторонам. Раздвижной верх машины был опущен, чтобы не закрывать обзора пассажирам.

— Я этого не ожидал, — добавил космобиолог. — Это... это неестественно!

Файрли кивнул, вспомнив фантастические кинобоевики с монстрами, принцессами и плоскогубцами.

— Неестественно? — спросил, обернувшись, Де Витт — он сидел на переднем сиденье рядом с водителем. — Что именно?

Винстед пожал плечами.

— Ну, не знаю... Да хотя бы этот лес. Он больше похож на парк, хотя и очень запущенный. И этот свет...

Небо было закрыто тяжелыми облаками с самого начала похода. Багряно-медные облака поражали воображение; неудивительно, что тусклые лучи, проникающие сквозь них, были окрашены в ядовитый желто-зеленый цвет, создавая совершенно фантастический эффект. Но лес сам по себе удивления не вызывал, Файрли ждал на Альтаире чего-то более причудливого.

Большинство деревьев, среди которых встречались и гиганты и малыши, уже оголились. Листья пестрым ковром ле-

жали на земле, удивляя лишь тем, что часть из них была пожухлой или бесцветной, а часть — свежей и зеленой. Бросалось в глаза и то, что соседние, одинаковые деревья находились в разных фазах развития: на одних едва распускались почки, а на других ветви ломились от пурпурных и оранжевых плодов, напоминающих метровой длины стручки. Во время короткой стоянки Хэджулин не выдержал и собрал несколько местных «фруктов», получив за это выговор от Де Витта. Молодой геолог послушно уселся в вездеход и украдкой попробовал некоторые из своих трофеев. К счастью, с ним ничего не случилось.

Животных в этом странном лесу почему-то не было, лишь кое-где с дерева на дерево плавно перелетали большие белые птицы. Гладкие стволы не опуывали даже лианы или другие вьющиеся растения, хотя на растущих кое-где пышных кустах было полно растений-паразитов.

— Похоже, за деревьями кто-то ухаживает, — сказал Де Витт, когда вездеход свернул налево по неширокой, но отчетливо заметной среди высокой травы дороге.

— Вы думаете, что этим занимаются аборигены? — спросил с сомнением Винстед.

— Не обязательно. Это уж по вашей части, Перси. Мне кажется, люди, которые в свое время покорили Галактику, могут обойтись и без садовников. Какие-нибудь биологические методы саморегуляции...

— Ну конечно, ванриане и до сих пор остались сверхчеловеками, — с иронией заметил Файрли. — Ваша вера в это, Гленн, поражает воображение. И что, наверное, гении сотворили такую замечательную дорогу?.. О-о, черт!

Вездеход очередной раз потрянуло на рытвине. Де Витт выругался, однако ответил довольно бодро:

— У всех есть свои недостатки, Боб.

— Хм... Я такие дороги часто встречал в Индии, — сказал Файрли. — Там, знаете, многие ходят пешком, причем босиком. Но не от очень большой учености...

Де Витт ничего не ответил, только поджал губы, давая понять, что никакие доводы не поколеблют его уверенности.

Файрли, обернувшись, посмотрел на заметно отставший второй вездеход. На нем ехали Хэджулин, Смит и Рааб. «А ведь Гленн не случайно разделил нас с Раабом», — подумал филолог.

Вскоре дорога пошла под уклон. Вездеходы спустились в небольшую ложбину, по дну которой протекал узкий ручей, и

стали взбираться по склону густо заросшего холма. Небо тем временем потемнело, желто-зеленый свет потерял свою режущую глаза яркость. Ветер заметно усилился, неся сырость и холод. Утепленные плащи перестали спасать людей, и тогда Де Витт дал сигнал сделать привал на ночь.

Пока члены экспедиции устанавливали две палатки и наскоро готовили ужин из концентратов, Де Витт сидел на корточках и при свете луны отмечал на карте пройденный путь. Затем он присоединился к остальным и принялся за еду. Смит и Хэджулин умело разожгли костер, и сразу всем стало чуть уютнее. Утолив голод, геолог потянулся было к разложенным на траве оранжевым стручкам, но Винстед запротестовал:

— Тед, вы что, ребенок, который ташит в рот что попало? Хотите отравиться? Или занести в себя болезнетворные микроорганизмы?

— Я буду есть крошечными кусочками, — упирался геолог. — Ведь эти «стручки» пахнут медом и апельсинами! Они не могут мне повредить.

Де Витт спорить со своими подчиненными не стал — он попросту швырнул «дары природы» в темноту.

Мирхэд, молодой человек с длинными до плеч волосами и мечтательными глазами поэта, поежился и натянул на голову капюшон.

— Дома, в Калифорнии, я бы сказал, что вот-вот пойдет дождь, — пробормотал он, глядя на заметно опустившиеся облака.

Файрли поежился.

— Верно, скоро польет как из ведра. Только этого нам не хватало!.. А знаете, Бен, я ведь никогда не был у вас на побережье.

— Да что вы? — удивился Мирхэд. — Жить в Америке — и ни разу не побывать в Калифорнии? Тогда вы ни черта не видели, Боб.

Файрли уныло кивнул в знак согласия.

«А ведь Калифорния всегда для меня была местом где-то на краю света, — подумал он. — Сколько раз я собирался съездить в отпуск в Лос-Анджелес, поглазеть на Голливуд, побродить по берегу Тихого океана, да так и не собрался. Уж слишком далеким мне казался этот путь через всю страну. И вот теперь здесь, на Альтаире, я думаю о Калифорнии как о символе чего-то очень далекого и недоступного. Смешно!»

Де Витт тем временем прилажился со своей картой около

костра. Вперив в нее немигающий взгляд, он глухо сказал, ни к кому конкретно не обращаясь:

— Наша база у развалин города расположена явно неудачно. Если мы найдем достаточно крупное поселение туземцев, то я прикажу Томасону выслать вертолеты, и мы создадим вторую базу. Ванриане должны быть здесь, неподалеку...

— А если их здесь нет? — спросил Рааб.

— Посмотрим, — спокойно ответил Де Витт.

Темнело. Небо приобрело цвет окислившейся меди. Лица людей в этом рыже-зеленом свете выглядели словно персонажи из фильма ужасов. Смотреть друг на друга было жутковато, и даже уютный треск костра не мог вернуть людям хорошее настроение.

Файрли чувствовал себя усталым, Рин стал заметно действовать ему на нервы. Он одним из первых пошел к палатке и с облегчением забрался в спальный мешок.

На следующее утро сплошная облачность сохранилась, ветер еще более усилился и похолодал. Наскоро позавтракав, участники экспедиции начали было собираться в дорогу, но тут Мирхэд вскочил со сдавленным криком:

— Смотрите!

В сотне метров впереди, в сумраке хмурого утра, они увидели фигуру туземца с темными волосами и золотистой кожей. Одет абориген был в зеленую короткую тунику и плетеные сандалии.

Некоторое время земляне и туземец молча смотрели друг на друга. Наконец Де Витт сдавленно прошептал:

— Не вздумайте спугнуть его! Садитесь и продолжайте есть. Садитесь, я вам говорю!

Люди неохотно вновь уселись на траве, искоса поглядывая на неподвижную фигуру, стоящую под кроной невысокого дерева. Де Витт наклонился к Файрли и крепко сжал ему руку.

— Боб, настал ваш час. Надеюсь, вы справитесь со своей задачей лучше, чем в прошлый раз, иначе я за себя не ручаюсь. Подойдите к туземцу и скажите, что мы пришли с дружеским визитом. Попросите его отвести нас в ближайший город или поселок.

Файрли упрямо наклонил голову:

— Гленн, вы должны гарантировать его безопасность. Вы видите, он не вооружен.

— Конечно, о чем речь! Боб, идите, не то он сбежит.

Файрли вновь встал и, приветливо подняв руку, не спеша

зашагал к туземцу. Тот насторожился, и Файрли закричал, улыбаясь:

— Не бойтесь, я пришел как друг!

Он был уже достаточно близко и теперь мог как следует рассмотреть аборигена. Это был юноша с приятными чертами золотистого лица, хорошо сложенный, с умными, проницательными глазами.

В трех метрах от него Файрли остановился. Туземец заговорил — быстро и отрывисто, так что Файрли ничего не понял. Он покачал головой, и тогда юноша повторил ту же фразу, но уже медленней:

— Почему вы преследуете нас?

— Преследуем вас? — удивился Файрли и внезапно все понял. — Так вы Траян?

— Да.

— Это вы были ночью в разрушенном городе, верно? С вами еще была девушка по имени Арэл...

— Она и сейчас со мной.

Туземец кивнул в сторону деревьев, и только тогда Файрли разглядел среди них стройную фигуру девушки, окутанную утренней мглой. Ее густые темные волосы были разбросаны по плечам, лицо было хмурым, полным сомнения. Арэл никак не реагировала на взгляд Файрли, словно они никогда не встречались.

— Попробуйте нас понять, — сказал Файрли проникновенно, стараясь тщательно подбирать слова. — Мы прилетели с очень далекой звезды, но мы — ваши сородичи. Возможно, вы помните что-то о времени, когда ванриане завоевали Галактику?

— Да, помним, — спокойно ответил Траян. — Послушайте, вы говорите, что являетесь нашими друзьями?

— Конечно!

— Тогда уходите.

— Но почему? — запротестовал Файрли. — Мы пришли сюда познать мудрость наших братьев с Рина и никому не собираемся причинить вреда.

— Мои люди боятся, — медленно произнес Траян, хмуро глядя на землянина. — Они были очень сердиты на нас с Арэл за то, что мы навели вас на дорогу к нашему городу. Нам приказали вернуться, встретить вас и попросить оставить Рин.

— У них нет причин бояться нас... — начал было возражать филолог, но Траян прервал его:

— Мои люди боятся не вас, а Ллорна.

Файрли замер и, сглотнув, хрипло переспросил:

— Ллорн?

— Давным-давно в Галактике произошла страшная война, — серьезно сказал Траян. — Это была война за звезды. Наши предки ее проиграли. Ллорны оказались более могущественными и заставили нас вернуться на Рин, уничтожили наши звездолеты и космопорты. Перед тем как уйти, они предупредили наших предков, что если ванриане когда-нибудь полетят в космос, то Рин будет полностью разрушен. Мы слишком опасны для Галактики, говорили они, мы агрессивны и стремимся завоевать чужие звезды. Нам надо стать мирным народом и забыть о деяниях предков... И мы забыли. Но теперь на Рине появились вы, и ллорны могут истолковать ваш прилет как нарушение запрета.

— Но это было много веков назад, — запротестовал Файрли.

— Откуда вы знаете, что Ллорн опасен для вас и сейчас?

На лице Траяна появилась тень нерешительности, юноша посмотрел в сторону Арэл, словно ища поддержки.

— Почему вы верите во все это? — настаивал Файрли.

— Не знаю... — пожал плечами Траян. — Иногда мне кажется, что мы слепо следуем старым заветам, которые нас парализуют и душат. — В его глазах блеснули искры надежды. — Но я видел Замок Солнц, я грезил о славных временах, когда наши корабли покорили Галактику...

Юноша замолчал, не находя слов. Однако Файрли понял его. Траян был одним из тех мечтателей и бунтарей, которыми и вращается маховик Истории. Он нашел в себе силы восстать против окостеневших традиций Рина и его генетического страха перед звездами.

Потому-то он и рискнул прийти к развалинам города, чтобы увидеть пришельцев. Но его народ думал иначе...

— Не бойтесь нас, мы друзья, — мягко произнес Файрли, дружелюбно улыбаясь. — Забудьте вчерашнее недоразумение. Мы не собирались устраивать за вами погоню, просто у одного из наших людей не выдержали нервы. Вы придете к нам в лагерь?

Траян задумчиво посмотрел в сторону землян, стоящих около двух вездеходов, а затем повернул голову к Арэл, словно спрашивая, что делать.

Девушка после минутного колебания вышла из тени и подошла к другу. Взглянув на озабоченного Файрли, она внешне рассмеялась — похоже, восхищенные взгляды землянина забавляли ее.

— Пойдем, Траян, — сказала она. — Он не допустит, чтобы пришельцы причинили *мне* вред.

Файрли покраснел. Неужели его отношение к девушке так заметно?

Все вместе они пошли в сторону вездеходов. На лице Де Витта расцвела довольная улыбка. Хэджулин не выдержал и, засунув пальцы в рот, пронзительно засвистел, по-мальчишески демонстрируя свой восторг началом первого в истории контакта землян с инопланетянами.

Продолжая приветливо улыбаться, Де Витт тихо процедил сквозь зубы:

— Предупреждаю: если кто-то из вас спугнет туземцев, я убью его собственными руками. Ясно?

Хэджулин немедленно перестал свистеть и опустил голову, словно нашкодивший ребенок. Никто не сомневался, что Де Витт не шутит.

Ванриане подошли к группе землян и остановились в нескольких метрах от них. Де Витт излучал искреннее радушие, но вскоре его улыбка угасла.

Файрли понимал почему. Де Витт наконец разглядел примитивное одеяние туземцев, сшитое из грубых тканей, а также их деревянные сандалии.

Траян сказал Файрли:

— Передайте вашим друзьям, что мой народ не желает принимать их в нашем городе.

Услышав об этом, Де Витт насторожился.

— Так они пришли из города? Боб, спросите туземца, где он находится! И заодно узнайте, есть ли на планете другие крупные поселения.

Траян кивнул.

— Да, на Рине есть и другие города, но они расположены далеко отсюда. Наш же город находится на опушке леса, в нескольких часах ходьбы. Я еще раз повторяю — и не пытайтесь приближаться к нему, мой народ не желает иметь с вами ни какого дела.

Де Витт недобро улыбнулся в ответ и покачал головой.

— О нет, мы не для того пересекли половину Галактики, чтобы сейчас повернуть обратно! В конце концов, Рин — это дом наших далеких предков, часть нашей истории. Боб, объясните им, что мы будем предельно вежливы с горожанами и не причиним им ни малейшего беспокойства. Пусть они будут нашими проводниками, всю ответственность мы берем на себя.

Услышав об этом, Траян задумался.

— Я не могу! Наш народ долгое время пытался забыть о ллорнах, и это нам почти удалось. Но теперь с вашим появлением старые страхи могут проснуться. Вы несете с собой опасность!

— О чем толкует этот парень? — недовольно воскликнул Де Витт. — Никакой опасности мы не представляем. Он, кажется, интересуется нашим кораблем? Скажите ему, Боб, что мы обязательно покажем звездолет, но позже.

Когда Файрли перевел ему эти слова, Траян покачал головой и с вызывающей усмешкой произнес:

— Что значит ваш жалкий кораблик по сравнению с могучими кораблями древнего Рина, покорившими всю Галактику?

— Да, однако это было давно, — возразил Файрли. — От вашего флота остался один пепел... хотя он может когда-нибудь возродиться, потому что на Рине появились мы.

Траян нерешительно переминался с ноги на ногу, поглядывая на молчаливую Арэл.

Наконец он пробормотал:

— Я, пожалуй, рискну провести вас в город. Но хочу предупредить: я не знаю, как вас встретят.

Де Витт вздохнул с облегчением.

— Ну, слава богу, дикарь не такой уж трус, каким кажется с первого взгляда. Нам главное попасть в город, а там уж мы найдем общий язык с туземцами. В этом деле у меня большой опыт, как-никак шесть лет проторчал в Юго-Восточной Азии...

Боб, спросите заодно туземца о ллорнах. Кто они были такие?

Траян пожал плечами.

— Я знаю о них только из легенд. Там ллорны описываются как некие «черные фигуры» и «порождения тьмы».

— Но они люди?

— Нет.

Глава 15

Угрюмое облачное небо окрасилось в цвет охры, когда вездеходы выехали на гребень лесистой гряды холмов. Внизу, в обширной долине, располагался город ванриан.

«Долгий же путь мы проделали, чтобы попасть сюда, — подумал Файрли. — И я не знаю, радоваться ли нам или молить бога о спасении наших душ».

Город там, внизу, казался сравнительно небольшим, но об

этом трудно было с уверенностью судить, поскольку его почти полностью закрывали кроны огромных деревьев. Темные невысокие здания, словно грибы, были разбросаны среди кряжистых стволов. На вид они были старыми, обветшалыми, но белые колоннады, резные портики и овальные окна придавали им своеобразное изящество. Золотистое марево, царившее под густыми переплетенными ветвями, создавало ощущение таинственности и нереальности.

Да, город был древним, но все же не настолько, как руины около разрушенного космопорта. Хотя на окраинах время уже успело похозяйничать: фасады пересекали извилистые трещины, часть колонн рухнула, куполообразные крыши осели, ошетилившись ребрами стропил. Улицы были темными, и лишь некоторые окна светились мягким красным светом. Файрли показалось, что он видит нескольких пешеходов, но их трудно было разглядеть из-за частоты стволов.

Филолог взглянул на другую половину долины и увидел ровное поле, исчерченное широкими полосами разноцветных гряд — там явно выращивались какие-то сельскохозяйственные культуры.

Стоявший неподалеку Де Витт кисло произнес:

— Боб, спросите туземцев, все их города похожи на этот?

— Да, — ответил Траян с горделивой улыбкой. — Не правда ли, величественное зрелище? Конечно, у нас были и более крупные города, но они превратились в руины много веков назад.

Члены экспедиции озадаченно переглянулись. Внезапно Винстед расхохотался.

— Славно, славно, ха-ха! Выходит, великие ванриане превратились в серых мышей, забившихся в земляные норки, подобные этой? Замечательно! И это они должны помочь нам?

Де Витт метнул на него яростный взгляд.

— Заткнитесь, Винстед! Что-то рано вы поднимаете лапки! Мы нашли древний ванрианский город. Кто знает, какие тайны скрывают эти старые стены? И мы до них доберемся, клянусь!

Он повернулся к ванрианам и мягко промолвил:

— Послушайте, мы пришли сюда как друзья. Я хочу лично сказать об этом вашему руководству. Предупредите их, Траян, что мы вскоре навестим их с дружеским визитом.

Траян нехотя кивнул.

— Хорошо, я передам.

Юноша решительно зашагал вниз по склону, и Арэл, улыб-

нувшись на прощание Файрли, побежала за ним, мелькая среди травы голыми пятками.

Файрли с грустью смотрел им вслед.

Арэл казалась ему самой красивой девушкой из тех, кого ему приходилось встречать. Она, конечно, ничуть не напоминала «звездную певицу» из его грез, не принимала величественных поз, не звала покорять Галактику... Зато была живой, кокетливой и прелестной девушкой, которой явно польстило внимание одного из пришельцев.

Всю дорогу через лес они проболтали о разных пустяках, вызывая неодобрительные взгляды Де Витта. Файрли под конец набрался духу и спросил, не являются ли они с Траяном мужем и женой.

— Нет, что вы! — рассмеялась Арэл. — И вряд ли когда-нибудь ими станем, хотя... Нет, не знаю, еще не решила. Траян интересует меня, он отличается от других мужчин. Такой непоседа, всегда носится со своими мечтами, собирает легенды и песни о славных подвигах древних ванриан... — Покосившись на погрузневшего Файрли, она внезапно добавила с многозначительной улыбкой: — И вы меня интересуете, Боб.

Его сердце быстро забилося, но он только сухо спросил:

— Я интересую вас сам по себе или как пришелец с далекой Земли?

Арэл легкомысленно тряхнула головой.

— С остальными землянами я пока не знакома, хотя некоторые из них очень симпатичны на вид. Как вы.

Файрли был окончательно сбит с толку. Да разве их поймаешь, этих женщин, тем более инопланетянок?..

Голос Де Витта отвлек его от воспоминаний. Члены экспедиции уже расположились на траве и принялись за обед из концентратов. Они почти не разговаривали и не сводили глаз с города, погруженного во тьму. Де Витт наскоро проглотил еду и подошел к краю гряды. Сложив руки на груди, он стал нетерпеливо ждать, когда вернется Траян. Усиливавшийся ветер бил прямо в лицо, но полковник, казалось, даже не замечал этого.

Часа через полтора Траян пришел. Один.

— Ну что? — издали хриплым голосом спросил Де Витт.

Лицо у Траяна было грустным и разочарованным.

— Руководство города не желает встречаться с вами, — тихо ответил он. — Меня просили передать: немедленно возвращайтесь на свой корабль и улетайте с Рина. Я же предупреждал вас...

— А если мы откажемся? — недобро сощурился Де Витт.

— Не знаю... Руководители города были очень рассержены на меня и не пожелали долго разговаривать. Они считают, что я сделал непростительную ошибку, приведя вас сюда.

Файрли переводил этот диалог, чувствуя острое разочарование. Конечно, он ожидал подобного ответа, но услышать его было крайне неприятно. Что уж тут говорить о Де Витте! Лицо руководителя окаменело, брови насупились. Он резко заявил:

— Скажите ему, Боб, что мы не намерены силой прорываться в город. Мы остановимся здесь, на опушке леса, и пождем. Посмотрим, у кого крепче окажутся нервы.

Траян совсем расстроился.

— Хорошо... Только мой совет: поставьте побольше часовых вокруг лагеря.

Юноша внезапно повернулся, стремительно сбежал по склону холма и исчез среди деревьев.

Де Витт не спеша подошел к вездеходам и коротко рассказал обо всем членам своего отряда. Под конец он решительно заключил:

— Пожалуй, последуем совету туземца и выставим часовых. Пока без оружия — не дай бог, спровоцируем по случайности конфликт. Не хватает, чтобы кто-нибудь сдуру выстрелил в туземцев и заварил кровавую кашу!.. Смит, свяжите меня по радиации с Томасоном.

Члены экспедиции начали устанавливать лагерь. Из вездеходов были извлечены тюки с двумя просторными палатками, спальные мешки, фонари и прочее походное снаряжение. Хэджулин с помощью Мирхэда принес из леса множество сухих веток и вскоре разжег костер. Когда установка палаток была завершена, Файрли присел погреться у огня, и в этот момент рядом с ним устроился Де Витт.

— Боб, по дороге сюда вы долго разговаривали с Траяном, — сказал он, устало глядя на танцующее, словно гейша, красноватое пламя. — О чем?

— Я уже рассказывал вам! — запротестовал Файрли.

— Только в самых общих чертах, — недовольно заметил Де Витт. — Я хочу знать все подробности.

Файрли поморщился. Он чувствовал себя усталым и опустошенным. Пища из концентратов пришлась не по вкусу его желудку, а тут еще Де Витт «на сладкое»... Но он сдержал раздражение и попытался восстановить все детали своего разговора с Траяном.

По словам Траяна, ванриане заметно регрессировали с той поры, когда они владели половиной Галактики, но считалось это падение в пропасть варварства едва ли не возвращением на цивилизованный путь развития. Исторические хроники были давным-давно уничтожены — то ли по настоянию ллорнов, то ли по собственному желанию ванриан, так что о прошлых новых поколениях узнавали лишь из легенд и песен. В них говорилось о временах, когда ванриане построили могучий космический флот и стали завоевывать один мир за другим, оставляя там свои колонии. Некоторые из новых поселений через некоторое время превзошли по мощи метрополию, но вскоре космической экспансии был положен конец. В центре Галактики они встретили ллорнов.

Ллорны были порождениями черных звезд — потухших солнц, вызывающих ужас у всех космолетчиков. Могучий вражеский флот выбил корабли ванриан из центра Галактики, а затем стал теснить их к Рину. Вскоре все колонии ванриан были уничтожены, звездолеты разрушены, а бывших повелителей Галактики загнали на родную планету, словно в резервацию. И приказали никогда не покидать свой мир под угрозой полного уничтожения.

Долгое время ванриане болезненно переживали это страшное унижение. Правители Рина говорили, что наказание было несправедливым: корабли Рина никогда не совершали агрессий против обитаемых миров, они основывали колонии лишь на тех планетах, на которых отсутствовала разумная жизнь.

А вот ллорны не отличались тактичностью в таких случаях, они безжалостно подминали одну звездную систему за другой. Жестокость по отношению к побежденному Рину показывала, кто на самом деле является агрессором. Оскопленная цивилизация ванриан, лишенная перспектив развития, должна была неизбежно вырождаться. Не этого ли добивались «гуманные» хранители звезд?

Но постепенно точка зрения новых поколений обитателей Рина стала меняться. «Что принесли нам звезды, космические корабли, умные машины, могучее оружие?» — спрашивали «мудрецы» тех эпох. Только горе, разорение, гибель миллионов людей. Ванриане не годятся на роль Покорителей Вселенной, в их традициях царит мирное начало. В далекой древности Рин был аграрной планетой с прекрасно развитой культурой, потому-то и не мог противостоять агрессивным ллорнам. Но это, по большому счету, даже к лучшему, пораже-

ние ванриан обернулось их победой. Они вернулись к истокам своей цивилизации, вновь обрели корни на родной планете. Будущее отныне прекрасно и безоблачно. Люди стали свободными и счастливыми, и это будет продолжаться вечно, если только ванриане вновь не шагнут на опасную тропу так называемого научного прогресса...

Со временем этот взгляд на вещи стал общепринятым. Ванрианам удалось убедить себя в том, что все ныне живут счастливо и полнокровно, а так называемый регресс — лишь возвращение людей к природе, к естественному образу жизни.

— Не верится, что разумные люди могли поверить в такую чушь! — воскликнул Винстед, также заинтересовавшийся рассказом Файрли.

— Почему же нет? — философски сказал Рааб, подбрасывая в костер сухие ветви и любясь прихотливой игрой языков пламени. — Гордые, самолюбивые ванриане потерпели сокрушительное поражение, причем о реванше даже мечтать не приходилось. Что оставалось им делать для того, чтобы хоть как-то сохранить чувство самоуважения и душевный комфорт? Только одно — обосновать правильность и полезность своего поражения. Мы вообще не хотели завоевывать космос, сказали они себе, мы совершили ошибку, и очень хорошо, что вновь вернулись на свою планету. Нетрудно поверить в то, во что выгодно верить.

Файрли кивнул — он думал точно так же. Гибкость человеческой психики не имела пределов. Вчерашние триумфаторы, потерпев поражение в схватке с более могущественным противником, сумели быстро повернуть свое мировоззрение на сто восемьдесят градусов, отказаться от недавних ценностей и провозгласить новые, еще недавно презираемые. Сколько раз подобное случалось в истории человечества!

— Верно, — кивнул Де Витт, — но не все оказались ренегатами. Траян, по крайней мере, вовсе не в восторге от того, что стал «серой мышкой». Если остальные и откажутся нам помочь, он будет полезен.

— Полезен в чем? — спросил Файрли. — Я уже сто раз повторял слова Траяна: нет у ванриан ни древних машин, ни супероружия, ни секретных технологий. А во всех более древних местах, подобных Замку Солнца...

Он вдруг запнулся, увидев изумление в глазах Де Витта.

— Замок Солнца? Это еще что такое? — глухо спросил командир, не сводя с лингвиста настороженного взгляда. — Вы не упоминали прежде о нем, Боб.

— Э-э... Собственно, не о чем было и упоминать, — неуверенно ответил Файрли, проклиная себя за болтливость. — Это какие-то древние руины, которые Траян как-то видел издали, только и всего.

— Вы уверены?

— Да, уверен.

— Замок Солнц... — повторил Де Витт так, словно эти слова звучали для него сладостной музыкой. — Красивое название, правда? В нем чувствуется дух древних ванриан. Мы обязательно должны найти его. Вспомните, Боб, что конкретно рассказывал о нем Траян?

Файрли честно пытался вспомнить.

— Он говорил так: «Я видел Замок Солнц, я грезил, глядя на него, о звездных кораблях...» Вот и все, пожалуй.

— Недурно! — заметно приободрившись, воскликнул Де Витт. — Похоже, мы набрали на верную нить. Если даже там, в долине, мы не узнаем ничего нового, следующий наш ход уже ясен. И вот еще что, Файрли... — Голос полковника ужесточился, глаза недобро сощурились. — Мне не нравятся ваши провалы в памяти. Они напоминают самый обычный саботаж.

Файрли немедленно ошетинился.

— Вы что, угрожаете мне, Гленн? Может быть, вы собираетесь придушить меня, если я чем-либо вам не потрафлю? И кто же тогда будет переводить ваши умные речи туземцам?

Отведя глаза в сторону, Де Витт угрюмо пробормотал:

— Лучше вообще обойтись без переводчика, чем иметь дело с человеком, явно настроенным против руководителя экспедиции.

— Эй, может быть, хватит ссор? — встревоженно сказал Винстед. — Разве у нас мало других забот? Следовало бы подумать о том, как построить разговор с горожанами, чтобы войти к ним в доверие.

Де Витт усмехнулся и поднялся на ноги. В свете костра его лицо напоминало облик вождя краснокожих.

— Тревожитесь о своей драгоценной шкуре, Винстед? — язвительно поинтересовался он. — Струсили перед жалкими дикарями?

— Я ничего не боюсь, — сердито возразил космобиолог. — Мне только интересно, что с нами произойдет завтра. Ладно, пойду спать.

Все молча последовали примеру Винстеда.

Файрли вошел в одну из палаток и залез в спальный мешок. Он долго не мог заснуть.

Ночной туман проник сквозь щели под полог и неприятно холодил лицо. Наконец ему удалось задремать, и тогда его посетили кошмары. Он увидел, как ванриане с дубинками в руках тихо ползли по склону к лагерю. Вскоре они превратились в ллорнов, а их дубины — в бластеры. Черные сгустки, не имеющие формы, окружили палатки, погасили костер и протянули свои щупальца к головам спящих людей...

Файрли разбудил шум дождя. За пологом палатки уже рассвело, хотя из-за низкой облачности свет был тусклым и серым.

Люди неохотно поднялись. Никто не выспался, небритые лица выглядели мрачно.

Наскоро завершив утренний туалет, они быстро позавтракали и занялись делами по дальнейшему обустройству лагеря. Ванриане не появлялись.

Легкий дождь прекратился, но облачная пелена не рассеивалась. Вокруг царила мгла, которая никак не улучшала общее настроение.

Файрли подошел к краю гряды и долго смотрел вниз, на долину. Город был таким же притихшим и безжизненным, как и прошлым вечером. Темные, с дождливыми потеками стены и наглухо задраенные окна производили гнетущее впечатление.

— Сидят по домам и боятся нос показать на улицу, — насмешливо сказал незаметно подошедший Де Витт. — Ничего, пусть. Подождем, пока в их головах не утрясется мысль, что они уже не одни на планете.

Ждать было довольно утомительно. Люди слонялись вокруг лагеря, совершали небольшие прогулки в лес, пытались собирать образцы растений и минералов, но ни у кого, даже у любознательного Хэджулина, дело не ладилось. Все ждали реакции ванриан, но те не спешили навстречу пришельцам ни с хлебом-солью, ни с дубинками в руках. Время от времени по сумрачным улицам горожане быстро переходили от дома к дому, но этим все и ограничивалось.

День тянулся на удивление долго, но так ничего и не произошло.

Казалось, ванриане просто выжидали, когда нежданные гости сами уберутся подобру-поздорову. Траян с Арэл тоже не появлялись, и это тревожило Файрли.

Ночь прошла спокойно, затем вновь настал хмурый рассвет. На этот раз никто не спешил сбрызнуть щетину на своих

лицах, никто не гляделся придиричиво в зеркало, поправляя воротник на комбинезоне. Всеми овладела апатия.

Де Витт забрался в кабину вездехода, чтобы связаться по радиации с Томасоном. Мирхэд вместе с Файрли пошли прогуляться вдоль гряды.

— Боб, мы что, не собираемся убираться отсюда? — недовольно сказал водитель, кутаясь в теплый плащ. — Неужто будем ждать, пока у аборигенов иссякнет терпение? Однажды ночью они заявятся в лагерь и перережут всем нам глотки — в порядке первого контакта. Чего мы ждем?

Файрли пожал плечами.

— Спросите нашего славного полковника.

— Не буду я его ни о чем спрашивать! Гленн, похоже, совсем спятил.

Внезапно они услышали позади голос Де Витта. Командир собирал всех членов экспедиции, видимо, для какого-то экстренного совещания. Вид у него был странный: на лице появилось похоронное выражение, но глаза светились от радости.

— Этой ночью мы вновь выставим часовых, — объявил он. — Первыми будут дежурить Хэджулин и Файрли, следующими Смит и Мирхэд, а затем Винстед и Рааб.

— И вы собрали нас ради этой замечательной новости, Гленн? — недовольно спросил Винстед. — Ладно, дежурство так дежурство... Только что мы будем делать завтра?

— То же, что и сегодня, — ждать, — спокойно ответил Де Витт. — Мы пришли сюда за информацией о технических достижениях древних ванриан и не уйдем, пока не добудем ее.

Все молча смотрели на него, и тогда Де Витт добавил как бы между прочим:

— На корабле все нормально. Кроме одного... Час назад умер Кристенсен.

Он повернулся и зашагал в сторону леса — ему явно хотелось остаться одному.

Остальные стояли, оглушенные новостью. Файрли не держал и побежал вдоль гряды, не разбирая дороги. Он уже забыл, когда плакал последний раз, но сейчас слезы брызнули из его глаз. Он несколько раз падал, вновь вставал, размазывая по лицу грязь, и вновь бежал по гребню скользкого травянистого склона. Наконец он выдохся и, тяжело дыша, уселся на вросшем в землю валуне.

Внизу расстилался город-лес, укутанный золотистым предвечерним туманом. Кое-где в окнах домов зажглись первые огни, но не было слышно ни голосов, ни шума шагов. Только

ветер раскачивал над головой раскидистые ветви да мягко стучали по капюшону редкие капли холодного дождя.

«Вот и все, Крис, — думал Файрли. — Смерть все-таки настигла тебя здесь, на Альтаире. Может быть, поэтому ты не очень хотел сюда лететь? Возраст невозможно обмануть, даже викинги когда-то превращаются в стариков, и у них останавливается сердце. И здесь уже ничего нельзя поделатъ».

Файрли вспомнил, как Кристенсен однажды рассказывал ему о своем детстве.

Маленький городок в штате Миннесота, грязные, почти немощенные дороги, люди, с удивлением глядящие на первый самолет...

Бог мой, неужели Крис родился в те незапамятные времена? Сколько же всего произошло за его длинную жизнь... Первый самолет — и первый полет к звездам! А между этими событиями были атомные бомбы и электростанции, первые спутники, орбитальные станции, лунные модули... Время летело слишком быстро, человеческая психика не поспевала за ним. А затем была найдена пещера в Гассенди, и человечество сразу же шагнуло на сотни лет вперед. Но люди-то остались почти теми же, какими некогда, как юный Кристенсен, раскрыв рот, глазели на первый самолет!

Прогресс, словно горный поток, нес человечество к неизведанным далям, и не было времени оглянуться и обдумать, что происходит. Куда приведет этот путь, какие плоды он принесет?

Кристенсен был одним из немногих, кто пытался осознать последствия необдуманного шага к звездам, но его время уже завершилось. А таким, как Де Витт, дела до этого не было. И по злему року судьбы, именно эти люди почему-то всегда оказывались у руля, и не только в технике...

Внезапно Файрли услышал чей-то голос. Порывистый ветер донес до него звуки, от которых мороз пробежал по его спине.

Там, внизу, в сгущающихся сумерках, звенел голос «звездной певицы».

Глава 16

Файрли вскочил на ноги и с бьющимся сердцем вслушивался в знакомую мелодию. Голос прекрасной, давно превратившейся в прах ванрианки звал его из глубин времен. В сло-

вах песни говорилось о звездах, но в них звучало ныне и другое — жажда любви, перед которой ничего не значила даже пропасть в три сотни веков. И голос певицы был немного другим... Он явно принадлежал женщине с теплой плотью и живым сердцем. И эта женщина была здесь, рядом, к ней можно протянуть руку...

Не выдержав, Файрли побежал по склону холма, скользя по влажной траве. Вскоре он оказался в густой роще. Мокрые ветви хлестали его по бокам, заставляя замедлить шаг. А может, дело было не в этом. Возбуждение, охватившее Файрли, стало уходить, и теперь он понял, что пела другая женщина. Голос звучал очень похоже, но интонации звездного гимна были немного другими, слова слегка искажены, паузы чуть-чуть затянуты. Да, пение чрезвычайно напоминало то, что он сотни раз слышал, вставляя серебристый шарик в белый «проигрыватель» ванриан, но пел кто-то другой.

Ну конечно же, это был голос Арэл.

Песня давно умершей «звездной певицы» была гимном, зовущим звездных капитанов на подвиг, прекрасной, но холодной, лишенной личных эмоций. В исполнении Арэл все звучало иначе, гимн превратился в лирическую песню. Ее голос не столько призывал мужчин покорять Галактику, сколько звал их назад, на Рин, к семейным очагам и объятиям возлюбленных.

Таинство растаяло, чудесная мечта обрела прозаические черты. Файрли замедлил шаг, но все же продолжал идти в глубь рощи. Он нашел Арэл в неглубокой ложине, на берегу узкого ручья. Девушка сидела на плоском валуне и поигрывала гибкой веткой в бурлящем потоке. Ее гибкую фигуру окутывала мгла.

Файрли тихо подошел к ней, но Арэл продолжала петь, даже не повернув голову в его сторону. Она не замечала его, словно умелая кокетка, знающая, как действует на мужчин ее изящная поза, тонкий профиль лица, локоны темных волос, разбросанных по плечам...

Почему-то это насторожило Файрли. Игра девушки была слишком очевидна, но что за ней скрывалось?

Он тревожно оглянулся по сторонам, однако в мареве листвы ничего подозрительного не заметил. Тихо выругавшись, филолог решительно присел рядом с девушкой и обнял ее за плечи. Та неожиданно прильнула к нему, словно ожидала проявления от него мужской инициативы. Файрли зарылся ли-

цом в пышные волосы девушки и почувствовал запах каких-то растений, смешанный с горьковатым дымом костра.

— Вы должны быть осторожны, Боб, — тихо сказала Арэл, так и не повернувшись к нему. — Наши люди следят за склоном. Вот почему я не решилась пойти к вам: боялась, что меня поймают и накажут, как Траяна.

— А что они сделали с Траяном? — спросил Файрли безразличным голосом. Его руки лежали на плечах девушки, ей это было явно приятно... Чего еще надо?

— Траян заперт в комнате, и ему не разрешено выходить из нее, — сказала Арэл таким тоном, словно ее другу угрожала смертная казнь. — Горожане очень сердиты на него. И на меня тоже, но Траяна они считают чуть ли не преступником. А меня пожалели... — Она легкомысленно улыбнулась. — Все-таки выгодно быть красивой, вы согласны?

Она внезапно повернулась и словно бы случайно провела губами по щетине на щеках Файрли. Тот оторопел от этой неожиданной ласки, не зная, как ее оценить. Впрочем, Арэл не долго оставляла его в неведении.

— Я боюсь за Траяна, землянин. Помогите освободить моего друга!

Файрли резко отодвинулся. Девушка тут же накинула на плечи плащ, словно не считая необходимым дальше продолжать обольщение прищельца. Волосы ее блестели от осевшего тумана, при дыхании изо рта выплывали облачка белесого пара. Ванрианка выглядела очень романтично в золотистом свете заходящего солнца, но Файрли уже отрезвел.

— А я-то думаю, почему рядом с вами нет вашего вечного спутника, — сухо сказал он. — Оказывается, его просто засадили в кутузку.

— Да, он пленник! — горячо воскликнула Арэл. — Его допрашивали, можете себе это представить? У нас не принято убивать преступников... по крайней мере, на моей памяти такого не бывало. Но сейчас я ни в чем не уверена. Если что-то случится...

— Что именно?

— Ну... что-то плохое. Все может быть, горожане очень напуганы. — Она вновь прильнула к Файрли, и тот не нашел в себе сил отодвинуться. — И я тоже боюсь. С вашим появлением все так изменилось... Я никогда не верила в ллорнов, но теперь... теперь я не знаю, чего ждать.

Чисто механически Файрли обнял Арэл. Ее плечи заметно дрожали — то ли от страха, то ли от холода. Ему стало жаль

эту кокетливую и вместе с тем простую девушку, которая так прямолинейно хотела его использовать для спасения своего друга. Разве можно сердиться на нее за это?

— Вы на самом деле считаете, что вашему Траяну угрожает гибель?

— Если бы он был свободен, мы могли уйти в другую комму, хотя это и далеко, очень далеко... Но мы можем спастись! Помогите, пожалуйста. Вы такой мужественный и сильный...

— Помолчите, дайте подумать, — поморщившись, резко ответил Файрли.

Ему было неприятно от мысли, что Арэл намеревается использовать его в качестве отмычки от тюремного Замка. С другой стороны, они, земляне, ответственны за все, что произошло с Траяном. Юноша не хотел приводить их к городу, но Де Витт настоял на своем.

«И я был хорош! Ведь только я мог разговаривать с ванрианами и почему-то беспечно переводил все, о чем мы говорили, не задумываясь о последствиях. Даже про Замок Солнц проболтался по глупости, и теперь Де Витт сделал стойку, как гончая, увидевшая дичь. Но для этого командиру нужен Траян — пленник. И Де Витт отобьет его, даже если ему придется разнести полгорода. В порядке установления дружеского контакта».

Выходит, придется помочь Арэл, другого выхода нет. Ковбой Боб Файрли, с англо-ванрианским словарем вместо двенадцатизарядного кольта...

Видимо, его лицо здорово позеленело, потому что девушка еще теснее прижалась к нему и ласково прикоснулась губами к холодной щеке.

— Пожалуйста, помогите мне, землянин! Это не значит, что я люблю Траяна, он мне дорог как друг. Вы понимаете?

— Я все понимаю, — кисло сказал Файрли и добавил пару фраз по-английски, выразив в них все, что думал о ванрианской красоте.

— Ладно, пойдем, — сказал он, поднимаясь с валуна. На девушку он старался не смотреть.

Она озадаченно вздохнула.

— Мне казалось, я нравлюсь вам, Боб, — расстроено сказала Арэл. — Я пела сегодня для вас... Вы столько рассказывали о «звездной певице» и ее прекрасном гимне... Чем я хуже? Вы пришли сюда, несмотря на запрет вашего командира, значит, я нравлюсь вам. Почему же вы не хотите смотреть на меня?

Файрли ответил вопросом на вопрос:

— Где вы научились этой песне?

— Я много раз слушала старые записи, — улыбнувшись, ответила Арэл и ласково погладила его по щеке. — Каждый ванрианин знает их наизусть. Эта песня была когда-то гимном звездных капитанов. Ежегодно они собирались на свой праздник в Замке Солнц, и самая прекрасная из женщин исполняла гимн, стоя на балконе под высоким куполом...

— Вы были в Замке? — спросил удивленно Файрли.

— Нет. Только один Траян из всех горожан несколько раз ходил к нему, но почти ничего об этом не рассказывал. Остальные же не хотят даже слышать о памятниках древней славы Рина.

Файрли задумался. Траян...

Да, другого выхода у него не было.

— Хорошо, пойдемте, — сказал он, чувствуя легкую дрожь.

«А что будет, если горожане поймают меня?»

Арэл легким пружинистым шагом пошла по едва заметной тропинке среди густых деревьев. Вечерний туман сгустился, так что видимость уменьшилась до нескольких метров. Файрли шел за ней след в след, не глядя по сторонам. Им пришлось перепрыгнуть еще через один неширокий ручей, а затем несколько минут брести через заросли мокрой травы, напоминающей осоку.

Под ногами болотисто хлюпало. Файрли моментально промок, но Арэл, казалось, ничуть не боялась простудиться. Ее босые ноги мелькали впереди, уводя его все дальше во мглу надвигающейся ночи. Файрли стало чудиться, что они заблудились в дремучем лесу, когда внезапно они вышли на тротуар, покрытый шершавым серым пластиком. На нем не было заметно ни трещин, ни вмятин, хотя покрытие явно исполнилось не одна сотня лет. А затем из тумана выплыли первые здания.

Арэл сразу потеряла былую раскованность: ее движения стали осторожными, словно из десятков наглухо закрытых окон за ней следили чьи-то недобрые глаза.

Мимо проплывали темные стены с дождевыми потеками, изящные колоннады, массивные двери... Вскоре улица пошла под уклон, Файрли с девушкой спустились к неширокой речке, закованной в каменную набережную.

Там туман сгустился до плотности киселя, так что стало тяжело дышать.

Они миновали арочный мостик с железными кружевами

перил и поднялись по влажной мостовой к следующему городскому кварталу.

Здесь им встретились первые освещенные окна, и Арэл удвоила осторожность. Она лавировала между домами, стараясь выбирать менее обитаемые, хотя таких встречалось все меньше и меньше.

Лицо Арэл зарделось от азарта, словно девушка участвовала в какой-то увлекательной игре.

«Для нее это на самом деле игра, — подумал Файрли. — Арэл ничего не угрожает. Даже если горожане поймают нас, она легко сможет выкрутиться. Пришелец заставил меня провести его в город, скажет она наверняка... Ну и лопух же ты, ковбой Боб Файрли!»

Внезапно впереди зазвучали голоса людей. Арэл огляделась и быстро юркнула в тень одного из зданий; Файрли последовал за ней. В шуме голосов ему показалось что-то странное, монотонное...

Улица была пуста, и тогда Файрли понял, что шум доносится из приземистого здания напротив. Его окна горели красноватым светом, бросавшим маслянистые отблески на мокрую мостовую.

Арэл кивнула ему, и они осторожно перебежали через улицу. Теперь Файрли понял, что здание представляло собой нечто вроде церкви и происходящее там напоминало службу. Сильный мужской голос вещал:

— ...но ничего не было найдено там, в обширном Ничто, имя которому — Галактика. Мы исследовали ее парсек за парсеком, и что же мы нашли? Ничего, кроме зла и смерти. Тогда на нас снизошла мудрость, и мы поняли, что в самих себе надо искать истину и смысл существования.

— Но ничего не было найдено там, в обширном Ничто, имя которому — Галактика, — зазвучал стройный хор сотен голосов. — Мы исследовали ее парсек за парсеком...

Когда хор стих, сильный голос невидимого проповедника продолжил:

— Душа — самое важное в сущности бытия. Не машины, не корабли, не дома, не звезды... Душа! С рождения до смерти человеку суждено постигать самого себя, и в этом постижении, а не в мелочной суете вокруг ничтожных вещей, есть движение жизни, высшее из ее наслаждений. Отрешимся же от суеты сует и возрадуемся благодати, что пришла в наши души после встречи с божественными ллорнами!

— Душа — самое важное в сущности бытия, — вторили в

едином порыве горожане. — Не машины, не корабли, не дома, не звезды...

Файрли осторожно заглянул в одно из окон.

Оказалось, что пол в здании располагался на несколько метров ниже поверхности земли, и потому ему почудилось, будто он всматривается в обширную, погруженную в красноватый полумрак пещеру. Сверху ее закрывал куполообразный свод потолка, который поддерживали десятки пурпурных колонн. Стены были украшены мозаикой из самоцветов. Под потолком тускло горели шарообразные люстры. На голом полу сидели на корточках сотни людей в белых одеяниях, окружая концентрическими кругами проповедника, стоящего на высоком хрустальном постаменте.

И этим проповедником был хорошо знакомый Файрли белый ящичек, на оси которого медленно вращался серебристый шарик. Так вот почему язык аборигенов почти не изменился за столько тысячелетий!

Древние ванриане оставили потомкам в наследство множество серебристых шариков, на которых были записаны проповеди, песни, легенды и все прочее, что позже составило духовный багаж новых поколений. Язык жителей Рина в результате законсервировался, так же как и образ жизни. Бедный, нищий мир...

— ...но в этом наша сила, — словно возражая ему, вещал давно превратившийся в прах проповедник. — И надежда на счастье и вечное спасение наших душ. Мы были подобны детям, игравшим машинами и звездами, словно сверкающими камешками на берегу ручья, но мы быстро повзрослели. Глаза прозрели в страданиях, души закалились в кипящей крови, и мы стали *людьми*! Теперь мы знаем, что есть правда и что есть ложь, и что является истинной ценностью бытия, а что — лишь его суетными погремушками. Мы обрели свободу. Теперь мы должны...

Арэл нетерпеливо дернула Файрли за рукав.

— Поспешим, — зашептала она. — Пока все слушают Мудрого, нам надо успеть освободить Траяна.

Схватив его за руку, девушка быстро зашагала, уже не таясь, вдоль улицы.

— Вы верите в то, о чем говорил Мудрый? — спросил Файрли.

Арэл нахмурилась.

— Я слышала об этом с детства... Как же мне было не ве-

ритель? Но прилетел ваш корабль со звезд, и все вдруг стало другим... Быстрее же, Боб, быстрее!

Минут десять они шли по широкой улице, по обеим сторонам которой неясно вырисовывались в тумане приземистые здания, более светлые и ухоженные, чем на окраинах. Наконец Арэл свернула в один из переулков. Здесь она пошла на цыпочках, и Файрли понял, что близко тюрьма.

Они остановились около высокой арки, соединяющей два здания.

В трех десятках метров за ней была видна стена еще одного, обычного на вид дома с невысоким каменным крыльцом, на ступеньках которого сидел немолодой человек в белой просторной одежде и, казалось, дремал. На его коленях лежал предмет, напоминающий серп внушительных размеров. На вид это было сельскохозяйственное орудие, но остро отточенные края вполне могли сколоть не только злаки.

— Траян находится в том здании, — прошептала Арэл, нежно дыша в ухо Файрли. — Чтобы его освободить, надо убрать с дороги Грахана, человека с серпом.

Глава 17

«Легко сказать, — тревожно подумал Файрли. — Убрать с дороги... А серп?»

Он осторожно выглянул из-за арки и стал рассматривать будущего противника. Тот сидел спиной к нему, опустив голову и лишь изредка поглядывая на массивную дверь. Это был мужчина средних лет, с развитой мускулатурой атлета. Файрли выглядел по сравнению с ним подростком.

— Ну что вы медлите, Боб? — с нетерпением спросила Арэл.

— Составляю план военной кампании, — ответил, вздохнув, Файрли.

Он обратил внимание на то, что дверь слегка приоткрыта, а на окнах не заметно решеток. Здание не было тюрьмой, да и охранник не выглядел профессионалом; скорее всего, это местный крестьянин. Значит, ванриане не часто совершали преступления.

И все же серп в руках Грахана наводил на определенные размышления. Де Витт схватился бы за сердце, увидев это. О каком сверхоружии шла речь, если у горожан не было даже примитивных винтовок?

— Но для меня и серпа хватит... — пробормотал Файрли вслух.

— Эй, Боб, вы что, боитесь? — презрительно спросила Арэл, резко отстраняясь от него.

Файрли холодно посмотрел на девушку. От былой приветливости на ее милом лице и следа не осталось. Эх, женщины, женщины...

— Найдите мне какой-нибудь тяжелый предмет, — процедил он.

Арэл немедленно упорхнула, а Файрли нагнулся и снял с ног ботинки. Затем он выглянул из-за арки и стал внимательно следить за Граханом. Отблески света из окон выразительно играли на остро отточенном лезвии с изогнутым, словно крючок, острием. Контакт с аборигеном обещал быть весьма бурным.

Вскоре Арэл принесла ребристый камень килограмма в два весом и пылко чмокнула Файрли в щеку, благословляя на подвиг. Филолог расправил плечи, принял позу ковбоя перед схваткой с двумя сотнями индейцев и на цыпочках пошел через арку. Его колени дрожали, сырая мостовая жгла босые ступни. Он проклинал свою неуклюжесть. Камень, словно пудовая гиря, оттягивал правую руку. Файрли уже и не помнил, когда дрался в последний раз... кажется, в школе? И тут Грахан, что-то заподозрив, стал оборачиваться.

Файрли помчался во всю прыть, но время почему-то растянулось, и все стало происходить словно в замедленном кино. Голова Грахана повернулась ему навстречу, на лице с грубыми чертами появилось выражение удивления и тревоги, серп, будто серебряная птица, взмыл в воздух. Дикий ужас подстегнул Файрли. Одним прыжком он преодолел оставшееся до охранника расстояние и, увернувшись от карающей молнии серпа, нанес сильный удар камнем по голове Грахана. Тот упал, словно сноп.

Все оказалось легко.

Подбежала Арэл и, даже не взглянув на дрожащего от возбуждения Файрли, влетела в здание. Файрли с отвращением отбросил в сторону камень, влажный от крови, и подобрал упавший серп. Затем осторожно подошел к лежащему навзничь ванрианину. Тот, к счастью, еще дышал, хотя затылок его был разбит.

«Как все оказалось просто, — подумал Файрли. — А мог и... Когда надо мной засверкал серп, я так испугался, что запросто мог убить!.. Не так уж трудно быть ковбоем, как мне

казалось. Куда сложнее им *не быть*, особенно если жизнь заносит над тобой сверкающий клинок...»

Арэл вместе с Траяном выбежала из «тюрьмы». Увидев окровавленного Грахана, юноша остановился в испуге. Файрли воспользовался моментом и вручил ему серп.

— Возьмите, вам привычнее орудовать этой штукой.

Траян взглянул на него мутными глазами, но серп все-таки взял.

— Бежим отсюда... — прошептал он.

И они побежали. Файрли остановился на минуту около арки, чтобы вновь надеть башмаки. Траян и Арэл вынуждены были его подождать.

Затянув шнурки, Файрли еще раз взглянул на лежавшее около распахнутой двери тело. «Столько переживаний из-за какого-то дикаря!» — презрительно процедил бы Де Витт.

— Вы могли бы и сами оглушить его камнем, — сказал Файрли, сердито глядя на возбужденную девушку. — Зачем я вам понадобился?

— Но меня же могли поймать! — ответила Арэл и одарила его очаровательной улыбкой.

— Меня тоже. Но лучше меня, чем вас, не правда ли?

— Нас всех поймают, если мы немедленно не убежим! — нетерпеливо воскликнул Траян. — Вы готовы, Боб?

Они помчались вдоль улицы, уже не таясь и не оглядываясь. Вскоре Траян с Арэл неожиданно свернули направо, а затем налево и еще раз направо... Файрли потерял чувство направления, ему стало казаться, что они бегут в глубь долины, вместо того, чтобы спешить к лагерю на холме. И тогда далеко позади он услышал шум десятков голосов.

— Нашли Грахана, — сказал Траян, на секунду остановившись. — Теперь они не успокоятся, пока не поймают нас!

Действительно, шум гневных голосов стал быстро приближаться — за беглецами словно мчался селевой поток.

— Надо сделать большой круг вдоль окраинных кварталов, иначе они нас нагонят! — встревоженно воскликнула Арэл.

— Ты права, — побледнев, согласился Траян. — Мне не хотелось бы использовать это, — и он указал на сверкающий серп.

Они вновь побежали по лабиринтам улиц, а за ними неслась волна возбужденных людских голосов. Наконец Арэл не выдержала и остановилась.

— Я больше не могу, — прошептала она, тяжело дыша.

— Нет уж, красавица, вы втавили нас в это дерьмо, нечего теперь жаловаться! — возмутился Файрли и, не выдержав,

шлепнул девушку по округлым ягодицам. — Вперед! В нашем лагере мы будем в безопасности!

В его голосе появились новые жесткие нотки. Ванриане посмотрели на него с удивлением и послушно пошли вслед за ним. Теперь, когда они оказались на окраине города, Файрли и сам мог ориентироваться и найти путь к склону холма. В его движениях появилась непривычная уверенность, он впервые почувствовал себя... нет, не ковбоем, но достаточно сильным и решительным мужчиной.

Беглецы достигли роши и здесь вынуждены были замедлить шаг. Под ногами захлюпало, опустившаяся ночная тьма еще больше затруднила путь, и Арэл вновь стала жаловаться на усталость. Тогда Файрли протянул ей руку и так грубо потащил девушку через густые заросли «осоки», что красавица сразу же приободрилась: закатила ему звонкую пощечину. Траян шел легко, но беспрестанно бормотал самые изощренные ругательства, многие из которых были адресованы его «освободителям». Было очевидно, что он предпочел бы остаться пленником в городской тюрьме.

Наконец они пересекли болотистую рошу и вышли на склон холма. Впереди, на вершине гряды, горели огни лагеря. Еще несколько минут утомительного подъема, и беглецы увидели пылающий костер и фигуры часовых с ружьями наперевес. Файрли закричал, предупреждая о своем появлении.

Де Витт встретил их у костра. Вид у него был весьма сердитый.

— Ну и где вы были, Боб... — начал он, но замолчал, увидев ванриан. По его распоряжению Арэл принесли одеяло, и она, закутавшись, без сил опустилась на раздвижное кресло. Траян присел на землю рядом с девушкой и опустил голову, тяжело дыша.

— Я принес для вас Замок Солнц, — сказал хрипло Файрли, кивнув в сторону Траяна. — И советую начать поиски как можно быстрее.

К костру подбежал встревоженный Мирхэд.

— Командир, в городе что-то стряслось! К окраине движутся сотни огней! Я слышал возбужденные голоса и крики.

— Боб, что вы натворили? — недовольно спросил Де Витт.

Файрли коротко рассказал обо всем происшедшем. Де Витт удивленно взглянул на него, словно увидел впервые.

— Вот уж не думал, что вы способны на такое! Хотя... я понимаю, вы сделали это ради прекрасных глазок этой смазливой девчонки.

— Спасибо, Гленн, я польщен вашей похвалой, — усмехнулся Файрли.

— На здоровье. Тем более что вряд ли вы улучшили положение дел. Только драки нам не хватало!.. Ладно, надо убраться отсюда, пока не поздно.

Полковник отдал несколько приказов, и люди начали немедленно сворачивать лагерь.

Файрли поднял серп и протянул его Де Витту.

— Гленн, взгляните-ка, — насмешливо сказал он. — Обращец могучего вооружения ванриан.

Де Витт нахмурился и взял серп. Повертев его в руках, он кисло сказал:

— Это что, шутка? Меня она почему-то не веселит. Вы бы еще принесли тот камень, которым угостили беднягу Грахана.

Файрли обратился к Траяну:

— Наш командир не верит, что это ваше оружие.

Траян поднял голову и устало ответил:

— Но это правда! У нас нет другого оружия, мы в нем просто не нуждаемся.

Файрли перевел его слова.

— Вот как? — недовольно спросил Де Витт. — И с каких же пор?

— С того времени, как мы перестали бороться с ллорнами. Между собой нам воевать нет смысла — нас и так мало на планете... А что касается охоты, то диких зверей у нас почти нет. И вот еще что... — Траян облизал пересохшие губы и умоляюще посмотрел на Де Витта. — Мы отдохнули и теперь хотим уйти.

Он поднялся на ноги и, взяв за руку Арэл, направился в сторону леса. Де Витт, выругавшись, преградил им путь.

— Эй, погодите! Боб, что сказал этот парень?

Когда Файрли перевел, Де Витт в ответ только недобро усмехнулся.

— Ах, они собираются убежать? Боб, скажите этому глупцу, что горожане рано или поздно настигнут их и вполне могут убить. Мы же увезем их на вездеходах и гарантируем защиту. Ну а в благодарность потребуем от Траяна кое-какие мелкие услуги. Разве это не справедливо?

Когда Файрли перевел слова командира, юноша вздрогнул и презрительно взглянул на окружающих его землян.

— Боб, так вы спасли меня только ради того, чтобы втянуть в ваши дела? Вы предлагаете нам сделку — спасение наших жизней в обмен на Замок Солнца?

Арэл сердито взглянула на Файрли, и тот насупился. Как ни крути, а Траян сделал единственный логический вывод из происходящего.

— Да нет же здесь никакой сделки! Чего вы боитесь?

— Ничего. Просто я не хочу идти туда.

— Нет, вы боитесь. Все вы, ванриане, заражены вирусом страха! Вы с Арэл боитесь показать нам Замок, горожане боятся чужаков — и настолько сильно, что готовы убить всех нас. Почему? Неужто вы верите, будто ллорны наблюдают за вами тысячи лет и явятся на Рин с карающим мечом?

— Да, мы верим в это, — сказал Траян.

Файрли горько усмехнулся.

— А вы, Арэл?

Девушка пожала плечами.

— Не знаю... Но рисковать не хочется. Да и ради чего? Почему мы должны помогать вам, чужим людям с другой звезды?

Траян горячо поддержал ее.

— Вы должны покинуть нашу планету и как можно быстрее! Здесь вы не найдете ничего, кроме старых зданий и простых мирных людей, желающих только одного — чтобы никто не мешал им тихо жить и тихо умереть.

Де Витт похлопал рукой по плечу Файрли.

— Эй, Боб, вы слишком увлеклись. О чем вы толкуете с туземцами?

Когда Файрли перевел, к ним подбежал взволнованный Смит.

— Огни факелов приближаются! Через пять минут горожане будут здесь!

Де Витт взглянул на вездеходы — погрузка палаток и прочих грузов была завершена. Люди уселись на свои места, нервно переговариваясь. Со стороны долины уже отчетливо доносился гул приближающейся толпы разъяренных горожан.

— Объясните им, Боб, что они свободны сделать выбор, — с насмешкой сказал Де Витт. — Если хотят, пусть остаются, далеко им все равно не убежать. Мы можем спасти их, если они помогут найти нам Замок Солнца. Даю на размышление минуту.

Файрли перевел, с жалостью глядя на ванриан.

Юноша затравленно посмотрел в сторону города. На глазах Арэл появились слезы, она умоляюще взглянула на своего друга.

— Решайтесь, Траян, — сказал Файрли. — Месть ллорнов — скорее всего, ваши домыслы, а вот горожане вряд ли

станут с вами церемониться. Кроме того, вы мне говорили, будто Замок Солнца пуст. Почему же вы так боитесь отвести нас туда?

— Все верно, — пробормотал юноша, исподлбывая глядя на невозмутимого Де Витта. — Хорошо, мы согласны сотрудничать с вами. Но ваш командир пожалеет об этом!

Последние слова Файрли благоразумно переводить не стал. Однако Де Витт и так понял их смысл.

— Этот парень помешался на ллорнах, — с улыбкой сказал он. — Хотел бы я взглянуть на этих «созданий тьмы», которые нагнали столько страха на местных дикарей! Они теперь до кончания веков и носа побоятся высунуть из своих норок. Ладно, пора в путь!

Моторы взревели, машины, развернувшись, медленно поехали в глубь леса. Позади остались только угли потушенного костра да брошенные в спешке банки из-под концентратов. Фары вездеходов осветили контуры деревьев, из-за чего лес стал похож на огромную декорацию. Файрли уселся рядом с Арэл и Траяном, а по соседству, заставив его потесниться, разместился Де Витт.

Позади вдруг раздались вопли бешенства, вслед вездеходам полетели камни и палки. Полковник просунул ружье в окно и выстрелил несколько раз в воздух. Голоса ванриан немедленно стихли.

— Они будут преследовать нас еще некоторое время, — сказал Де Витт, вновь усаживаясь на скамью. — Эй, Мирхэд, прибавьте скорость!

Мотор надсадно загудел, и машина, раскачиваясь, быстро покатила по едва различимой среди деревьев дороге. На одном из поворотов вездеход неловко свернул налево и ударился боком о ствол дерева. Раздался оглушительный скрежет. Арэл завизжала от испуга. Но все обошлось, машина вновь завелась и поехала в глубь леса, словно в необъятный угольный мешок. В нескольких метрах вслед за ним следовал второй вездеход, а где-то позади по дороге мчалась разъяренная толпа.

Глава 18

Четыре последующих дня непрерывно шел дождь.

Участники похода уже и представить не могли, что когда-то этот унылый и холодный поток может прекратиться и они

наконец смоют с себя надоедливую грязь. Вездеходы медленно ехали по бездорожью на север, следуя указаниям Траяна. Небо было затянуто сплошными облаками, то серыми, то желто-зелеными, то золотистыми, и только дождь — мелкий, холодный, монотонный — не менялся ни днем, ни ночью.

Они миновали несколько десятков лесистых долин, переправлялись через множество гряд холмов, и каждый новый подъем на каменистой почве, набрякшей ручьями, давался им с большим трудом. Моторы надсадно ревели, надрываясь; силы людей также таяли с каждым часом и, казалось, скоро окончательно иссякнут.

Второй вездеход в очередной раз застрял. Его водитель Грэхем был не столь опытен, как Мирхэд, и машина забуксовала прямо посреди длинного и довольно крутого подъема. Мотор ревел, подобно раненому слону, гусеницы скользили по глинистой почве, отбрасывая в стороны фонтаны грязи. Пришлось пассажирам вылезти под дождь и толкать машину, но и это не помогло, все только перепачкались в грязи с головы до ног. Ее удалось сдвинуть с места, лишь взяв на буксир первым вездеходом.

Де Витт лично руководил этой операцией, стоя по щиколотку в грязи. Он охрип от крика и не скрывал раздражения на все и на всех.

Рааб вытер вспотевший лоб и сказал Файрли, который с мрачным видом выливал из башмака воду:

— Вот уж никогда не думал, что путь к звездам приведет нас в такое болото! К мысли о встрече с монстрами, коварными аборигенами, бурями и землетрясениями я давно притерпелся, но это...

Файрли кивнул и взглянул на Арэл. Девушка сидела неподалеку на валуне, закутавшись в плащ. Ее темные волосы и лицо блестели от дождевых капель. От бывшего грациозного вида туземной красавицы не осталось и следа, сейчас она напоминала скорее мокрую и несчастную кошку. Поймав сочувственный взгляд филолога, Арэл посмотрела на него с нескрываемой ненавистью.

У сидевшего рядом Траяна не было даже плаща. Кто-то дал ему запасную штормовку, которая весьма забавно смотрелась в сочетании с темно-зеленой туникой. Юноша промок насквозь, но, казалось, это его ничуть не беспокоило. Он не отрываясь смотрел назад, на задернутую пеленой дождя панораму недавно пройденной долины, словно пытаясь разглядеть преследующих их горожан.

Вздохнув, Файрли подошел к ним, шлепая по грязи набрякшими башмаками.

— Не бойтесь, нет никаких признаков того, что ваши соплеменники следуют за нами.

Траян пожал плечами, даже не повернув головы.

— Они ведь хотели избавиться от непрошенных гостей? Мы ушли. Зачем же горожанам преследовать нас?

Траян мрачно посмотрел на него.

— Они наверняка поняли, куда мы направляемся.

— Хм... выходит, они также знают, где находится Замок Солнц? Но вы говорили, будто никто, кроме вас, не интересуется такими вещами!

— Каждый на Рине знает о Замке, — упрямо ответил Траян. — Даже если ни разу не видел его.

— А вы там были?

— Да. Глупость, за которую я сейчас расплачиваюсь. Еще больше я заплачу, когда нас догонят.

— Вы уверены, что горожане все-таки преследуют нас? Но зачем? Если мы им так не нравимся, то...

— Не нравиться? Не то слово! К вам относятся с ужасом. Вы принесли опасность на Рин, который не знал тревог много веков. Вы нарушили запрет ллорнов, прилетов сюда на звездолете, а теперь хотите войти в Замок Солнц, центр древней цивилизации ванриан, от которой мы отреклись. Уверен, что горожане будут преследовать нас и не успокоятся, пока всех не убьют. Уж очень они боятся гнева ллорнов...

Де Витт подозрительно спросил:

— О чем вы толковали, Боб?

Файрли объяснил, и Де Витт с отвращением взглянул на юношу.

— Дьявол, сколько можно долдонить об одном и том же? Ллорны, ллорны и еще раз ллорны... Этот парень совсем достал меня своей трусостью, я был о нем лучшего мнения.

Словно поняв его слова, Траян отвернулся.

— Гленн, а вы верите, что горожане будут преследовать нас, пока... пока... — запнувшись, спросил Файрли.

— Пока не перережут нас серпами, это вы хотите сказать? — усмехнувшись, произнес Де Витт. — Бросьте, Боб, не будьте бабой. Вы недавно без труда голыми руками справились с одним из дикарей. Неужто мы вместе, да еще с оружием, не разгоним их, словно стаю псов?.. Э-эх, черт побери!

Его возглас относился к безуспешным попыткам Мирхэда сдвинуть с места отчаянно буксующий вездеход. Глинистый

склон превратился в жидкий клей, на котором скользили даже гусеницы. Но вскоре опытный водитель сумел двинуть свою машину вперед, а за ней, вихляя, медленно пополз и второй вездеход.

Де Витт обратился к стоящим рядом людям, промокшим и изрядно замерзшим на пронзительном ветру:

— Пойдем вверх по склону пешком! Вездеходам и без нас приходится туго.

Без споров, но и без особого энтузиазма все поплелись вслед за машинами, идя рядом с развороченной колеей. Люди скользили по раскисшей почве, падали, поднимались, наскоро вытирали грязь и вновь падали... подъем был очень трудным, и не все члены отряда оказались готовы к таким физическим нагрузкам. Если худощавый, спортивного сложения Рааб без особых усилий вскарабкался на вершину гряды, то рыхлому Винстеду каждый шаг давался с мукой. Он пытался, словно носорог, бестолково размахивая руками, и все равно вряд ли одолел бы этот путь, если бы ему не помог Файрли.

На вершине холма все остановились, тяжело дыша.

— Куда двигаться дальше? — спросил Де Витт, выглядевший относительно бодро.

Траян молча указал на северо-восток.

— Хм... и как далеко отсюда до Замка?

Юноша пожал плечами.

— Пешком — далеко. А на ваших машинах... не знаю. День или два.

Де Витт вздохнул.

— Ладно. Устроим здесь стоянку, все равно скоро начнет темнеть.

Дождь вновь усилился. Ставить палатки пришлось при свете фар. Хэджулин и Мирхэд направились к ближайшей роще, чтобы набрать хвороста. Не сделав и нескольких шагов, они затеяли спор, кому нести топор, а кому — пилу. Установка палаток также прошла под взаимную перебранку. «Люди слишком устали, — подумал Файрли, помогая водителям разжигать костер. — А ведь до цели еще далеко...»

Ему хотелось забраться в спальный мешок и заснуть, но тепло костра оказалось более притягательным. Все участники похода, закутавшись в плащи, уселись на корточки вокруг танцующего пламени, которому и струи дождя были нипочем. Де Витт разместился на кресле и, попросив Смита держать над ним кусок брезента, развернул карту и стал наносить на нее пройденный за день путь. Арэл о чем-то шептала на ухо Трая-

ну. Остальные молчали. Костер бросал красные блики на небритые и мрачные лица.

«Покорители космоса, — с насмешкой подумал Файрли. — Ковбои с молниеносной реакцией, квадратными подбородками и глазами-плошками, не знающие сомнений...» Нет, что-то не похоже это на лагерь галактических странников, скорее уж на стоянку беженцев. И никому, даже юным Мирхэду и Смиту, нет теперь дела, что невдалеке стоит загадочный лес, выросший под щедрыми лучами Альтаира; куда важнее, чтобы в нем были сухие дрова, горели пожарче и не дымили.

Де Витт оторвался от карты.

— Завтра мы окажемся в гористой местности. Траян говорил об этом?

Файрли кивнул.

— Да, он рассказывал, что Замок Солнц находится на возвышенности.

— Хорошо. Если нас ничто не задержит, к завтрашней ночи будем на месте.

В его голосе звучали нотки триумфа.

Рааб взглянул на командира с плохо скрытым раздражением.

— Ну и что? Вы всерьез думаете, что мы найдем там нечто стоящее?

Де Витт снисходительно улыбнулся. Сейчас, когда до цели было рукой подать, он чувствовал себя очень уверенно.

— Мы найдем там то же, что нашли в Гассенди, только целое и невредимое. И еще много других бесценных машин, с помощью которых древние ванриане завоевали звезды. Ллорны не могли уничтожить абсолютно все, многое должно было сохраниться; где же это искать, если не в Замке Солнц? Само название сооружения говорит о многом.

— Ни о чем оно не говорит, — сердито возразил Рааб. — И потом Рин — далеко не Луна. Климат и время здесь куда безжалостней!

Полковник снисходительно пожал плечами.

— Посмотрим. Ладно, хватит на сегодня, я пошел спать.

Он потянулся, зевнул и направился к ближайшей палатке.

— Кристенсен был прав, — пробурчал Рааб, играя длинной веткой в пламени. — Гленн — самый настоящий дуб, хоть колоды из него теши. Верит только в то, во что хочет верить. И наплевать ему на все наши тревоги.

— Ну, не знаю, — произнес Файрли, шуря глаза от едкого дыма.

— Чего это вы не знаете, Боб?

— А то, что Де Витт с самого начала плевал на все наши сомнения, пер вперед, словно носорог, и почему-то всегда оказывался прав. Разве не так? Он настаивал на повторном испытании звездного двигателя — и тот заработал. Он затеял бессовестную интригу вокруг создания звездолета — и тот был построен в фантастически короткие сроки. Он убедил всех в Белом доме в необходимости полета на Альтаир — и мы оказались здесь, несмотря на сомнения скептиков. И теперь мы ноем от холода и усталости, а он бодро утверждает, будто оружие ванриан у него уже в руках. Как бы мы опять не ошиблись...

Рааб покачал головой.

— Ничего мы не найдем. По крайней мере, я сильно надеюсь на это.

— А если найдем?

— Что ж, тем хуже для нас. Де Витт заставит немедленно вернуться на Землю, чтобы своими руками вручить президенту подарок со звезд. Русские об этом, конечно же, быстро разузнают. Потом в лучшем случае разразится мировой скандал.

— Но мы попытаемся помешать ему? — робко спросил Файрли. — Вспомните, мы обещали Крису...

— Попробуем, — кисло согласился Рааб. — Ладно, я тоже пошел спать. Проклятый дождь, когда же он кончится?..

Файрли решил еще немного посидеть у костра — ему с детства нравилось наблюдать за прихотливой игрой языков пламени. Сидевшие рядом Траян и Арэл о чем-то горячо шептались. Казалось, девушка в чем-то настойчиво убеждала своего друга, но Файрли из-за шума дождя не слышал ни единого слова.

— А почему вы не идете спать? — спросил его подошедший Винстед. Космобиолог вместе со Смитом составлял первую пару часовых.

— Сейчас, еще одну минуту, — ответил Файрли, с любопытством глядя на ванриан. Ему показалось, что они о чем-то сговариваются. Уж не о бегстве ли?..

— Боб, ваша вахта следующая, — ворчливо заметил Винстед. — И не думайте, что я разбужу вас хоть на минуту позже, чем положено.

— Ладно, — согласился Файрли и поплелся к своей палатке. А ванриане, не обращая внимания на дождь, остались сидеть у костра...

Утром участников похода ожидал приятный сюрприз —

бесконечный нудный дождь наконец-то кончился. Небо пока еще было затянуто темными облаками, но холодные струи больше не хлестали в лица, и от этого настроение людей сразу же поднялось.

О Де Витте и говорить не приходилось — он был чисто выбрит и буквально излучал энергию.

В то время когда люди собирали палатки, полковник связался по рации с Фредом Томасоном и из кабины вылез, слегка помрачнев.

— Еще вчера вечером я приказал Томасону выслать пораньше вертолет, чтобы тот совершил воздушную разведку в этом районе, — объяснил он. — Только что Фред сообщил мне: вертолет попал в густую полосу тумана и вынужден был возвратиться. Ладно, обойдемся без него... Поехали!

Никто не сдвинулся с места. При мысли, что предстоит целые сутки вновь преодолевать один трудный подъем за другим, лица людей сразу же потемнели. Накопившаяся усталость давала о себе знать. Это был еще не бунт и даже не искры его; просто люди устали и хотели бы, чтобы Де Витт знал об этом. Но тот и бровью не повел.

— Отлично, — холодно сказал он. — Если кто-то из вас хочет передохнуть, то пусть остается здесь. На обратном пути мы его подберем. Есть желающие?

Желающих не оказалось. Все поспешили занять свои места. Вездеходы вновь двинулись в путь и стали спускаться по пологому лесистому склону.

Опять зарядил дождь. Де Витт пересел на заднее сиденье к Траяну и с помощью Файрли стал расспрашивать его, расстелив на коленях карту. Куда ехать на развилке между следующими двумя долинами? Какой путь выбрать для подъема на эту крутую гряду? Как лучше объехать это озеро?..

Траян, как правило, отвечал коротко. Он не знает, пешком он выбирал другой маршрут. Он не помнит, с высоты все выглядит совершенно иначе. Он думает, что надо выбирать этот спуск: там земляне точно сломают свои шеи, и это будет очень хорошо.

Миновав несколько небольших долин, вездеходы начали затяжной подъем.

Иногда машины буксовали, и людям приходилось преодолевать раскисшие склоны пешком. Винстед жаловался непрерывно, рассказывая всем и каждому о своих больных ногах. Его никто не слушал.

Во время одного из таких утомительных переходов Файрли

оказался рядом с Арэл. Девушка за последние сутки заметно осунулась. Она мало теперь напоминала кокетливую красавицу, которая так поразила его в роще, на берегу ручья. Волосы ее спутались, лицо посерело, в глазах затаились усталость и испуг.

— Прошлым вечером вы о чем-то долго говорили с Траяном... — нерешительно начал Файрли.

Арэл ответила ему враждебным взглядом.

— А почему бы и нет?

— Я догадываюсь, о чем шла речь. Вы предложили ему бежать, верно?

— А если и так? — зло воскликнула девушка. — Почему мы должны вам доверять наши жизни? Вы — сумасшедшие фанатики, которые ищут то, чего нет. Из-за вашего упрямства мы находимся в смертельной опасности. Мы с Траяном теперь почти наверняка погибнем — либо от гнева ллорнов, либо от рук своего собственного народа!

— Но вы же говорили, будто ллорны — лишь древняя легенда, — напомнил Файрли.

— Это Траян так говорил, а не я! Он ошибается... часто ошибается. Зачем он уговорил меня пойти к развалинам и посмотреть на ваш корабль? Я согласна с горожанами: вы принесли тьму на Рин, и она поглотит всех нас.

Фыркнув от негодования, Арэл ускорила шаг, увязая в жидкой грязи почти по шиколотку. Файрли не стал ее нагонять. Страх девушки был нелеп, но совершенно искренен.

Напоследок им пришлось преодолеть пешком длинный, почти километровый склон. Поднявшись наверх, земляне увидели, что вышли из лабиринта лесистых долин и холмов. Впереди расстилалось обширное плато, с редкими рощами и одинокими скалами. Стена дождя не давала как следует рассмотреть панораму, но Траян уверенно указал направление пути.

После полудня дождь настолько усилился, что водители вынуждены были остановить машины, спрятав их от пронзительного ветра за небольшой рощей из зонтичных деревьев. Экономя горючее, Де Витт велел прекратить обогрев салонов вездеходов, вызвав дружное негодование людей.

— Мы так долго не протянем! — простонал Винстед, дрожа от озноба. — Черт побери, на мне нет ни одной сухой нитки, а здесь еще этот вечный холод! Я говорил вам, Гленн, мы плохо подготовились для такого трудного перехода.

— Бросьте ныть, — хрипло ответил Де Витт, сделав пару

глотков бренди из фляжки. — Подумаешь, немного промокли. Мы уже в двух шагах от цели!

Участники похода переглянулись, но никто не решился возразить командиру. Де Витт обвел членов экспедиции угрожающим взглядом.

И в этот момент Траян вскочил со скамьи и закричал, указывая куда-то рукой. Небо в этот момент почти очистилось от тяжелых туч, и мерцающий свет залил гигантское плато. Посреди его возвышалась черная гора с плоской, как стол, вершиной, откуда высоко в небо уходили башни могучего сооружения. Это был Замок Солнц.

Глава 19

Люди высыпали из машин и стояли молча, охваченные чувством благоговения. В это время ледяной ветер разорвал пелену серых облаков, и через образовавшееся окно на землю упал ослепительный столб бело-голубого света. Он стал медленно перемещаться по поверхности плато и внезапно коснулся Замка. Центральный купол на миг вспыхнул золотым огнем, а затем вновь погас, но за это время земляне успели разглядеть очертания могучего сооружения.

Плоская, словно срезанная бритвой, вершина горы представляла собой как бы огромный пьедестал, посреди которого вздымалась величественная корона из камня. Даже издали было заметно, что центральный купол полуразрушен, часть окружавших его шпилеобразных башен рухнула, а стены пересекать извилистые трещины. Время безжалостно обошлось с творением древних ванриан, но оно осталось могучим и прекрасным. Вдоль конусообразных склонов горы шла спиральная дорога, виток за витком поднимавшаяся к плоской вершине. По ней некогда проходили целые поколения ванриан, направляясь к своему святилищу.

Файрли смотрел на поразительную панораму словно завороженный, забыв о холоде и намокшей одежде. Он ощущал смешанное чувство гордости и отчаяния, словно эти величественные развалины принадлежали ему. Впрочем, так оно и было. Замок был частью наследства, оставленного древними людьми, и он принадлежал всем землянам — и Раабу, и Мирхэду, и Де Витту... спаси от него Господь! Все они были детьми Альтаира, так же как Траян и Арэл.

Замок Солнц. Это название звучало в ушах Файрли словно перезвон колоколов. Замок Солнц!

Де Витт бесцеремонно потряс филолога за плечо. У него не было времени для поэтических размышлений. Он кивнул в сторону Траяна.

— Боб, спросите этого парня насчет дороги. Сможем мы подъехать к Замку? Стены не рухнут от шума двигателей?

Файрли перевел. Траян пожал плечами.

— Не знаю.

— Он лжет! — заорал Де Витт и, потеряв терпение, схватил юношу за шиворот и встряхнул изо всех сил. — Если этот грязный дикарь морочит нам головы...

Траян, с трудом освободившись, зло усмехнулся. Он отлично понял, о чем его спрашивают.

— Скажите вашему командиру, Боб, что я никогда не ходил дальше этого места. И вам не советую.

Файрли резко сказал:

— Оставьте его в покое, Гленн! Он никогда не поднимался на гору и не заходил в Замок! Траян приходил сюда, на край плато, и смотрел на него издали. У парня попросту не хватало духу подходить ближе.

— Спросите, чего он боялся, — презрительно процедил сквозь зубы Де Витт.

— В прошлом здесь бывали ллорны, — объяснил Траян. — Об этом рассказывают многие легенды. Когда ллорны разгромили наши космодромы и уничтожили все звездные корабли, они пришли сюда и предупредили правителей Рина, чтобы ванриане забыли о Галактике. Это историческое место, мне было очень приятно на него смотреть, вспоминая о древней славе. Но о ллорнах я тоже помнил и потому боялся этих развалин. И сейчас боюсь.

— С нами ему бояться нечего, — недобро усмехнулся Де Витт. — Боб, скажите этому трусу, что сейчас он пойдет к Замку.

Траян побледнел и взглянул на Арэл. Девушка стояла, глядя назад, на необъятную панораму лесистых холмов, в сторону покинутого дома. В глазах ее затаилась тоска.

— Я вел вас столько, сколько смог, — глухо промолвил юноша. — Но сейчас вы вполне можете обойтись и без нас.

Переведя эти слова, Файрли добавил от себя:

— Гленн, парень прав. Чего вы еще от них хотите?

— Может быть, ничего, — устало ответил Де Витт. — А может, очень многое. Кто знает, как сложатся наши дела там, в

Замке? Эти туземцы не так уж мало знают, как хотят нам внушить. Предупредите эту парочку, Боб: они пойдут с нами до конца, по собственному желанию или под дулами ружей, это уж как им угодно. Пусть садятся немедленно в вездеходы!

Траян с Арэл неохотно пошли к машинам. За ними поплелись и остальные, буквально подталкиваемые в спину Де Виттом. Полковник щедро отпускал грубые шуточки, похлопывал подчиненных по плечам, обещал скорый и долгий отдых «после того, как разберемся с этими развалинами». Люди на этот раз не протестовали, близость цели придавала им сил. Иное дело Арэл, которая в последний момент все-таки попыталась убежать. Траян едва удержал ее, а затем что-то сказал тихо на ухо, и девушка затихла. Опустив голову, она уселась в вездеход и закрыла лицо руками.

Моторы взревели, и машины рванулись по направлению к горе, размалывая в пыль придорожные камни.

Небо окончательно прояснилось, и теперь пейзаж предстал перед глазами пришельцев во всей красе: серая, изборожденная трещинами поверхность плато, черная, блестящая, словно антрацит, конусообразная гора, а на ее вершине высоко в медное небо уходила стрельчатая громада Замка. Альтаир ослепительно сиял чуть в стороне от его высокого свода, не давая как следует рассмотреть величественное творение древних ванриан даже сквозь солнцезащитные очки. И везде царил ветер — порывистый, ледяной, несущий запахи лесов и трав.

Все молчали, потрясенные зрелищем. Лишь водителям было не до созерцания — старая дорога местами была расколота трещинами, а кое-где даже заросла одиночными деревьями с длинными стелющимися корнями. Несмотря на недовольство Де Витта, путь к горе занял больше часа. Наконец вездеходы выехали на плавно поднимавшуюся область предгорья. Ее поверхность была на удивление ровной, словно выглаженной гигантским катком.

— Похоже на огромное посадочное поле... — пробормотал Винстед. При виде Замка он и думать забыл о своих недомоганиях.

— А почему бы и нет? — живо отозвался Де Витт. — Сюда, возможно, прибывали сотни тысяч ванриан со всей планеты. Надо же где-то было приземлиться их летательным аппаратам?

Полковник не сводил восторженных глаз с Замка. С каждой минутой его очертания становились все отчетливее. Теперь было заметно, что центральный купол окружали несколь-

ко других, более мелких сводов. Титанических размеров стены не отличались изяществом, но говорили о мощи и уверенности в себе древних строителей. В небо вздымался гигантский перст, словно бы говоривший: *это наши звезды!*

Вездеходы свернули направо и двинулись к въезду на спиралевидную дорогу, окружавшую гору. И здесь стало ясно, что по ней не проехать — она была расколота во многих местах широкими трещинами, засыпана упавшими со склонов обломками. Кое-где полотно дороги было почти полностью стесано камнепадами, так что оставался лишь узкий перешеек.

— Дьявол, до чего же нам не везет! — простонал Винстед. — Бедные мои ноги...

Машины остановились на краю трехметровой трещины. Де Витт первым выскочил на землю и осмотрелся. Вблизи склона горы можно было пройти пешком.

— Все, приехали, — сказал он. — Берите с собой рюкзаки с едой, побольше воды, рацию, оружие... Словом, готовьтесь к небольшому пешему походу. И торопитесь — солнце заходит.

Все быстро и слаженно стали собираться. Энтузиазм Де Витта заразил многих, но еще больше людей подстегивало желание подняться к Замку до прихода темноты. Ванрианами же, напротив, совсем завладело отчаяние. Арэл подошла к самому краю трещины и расширенными от ужаса глазами смотрела на уходящую ввысь дорогу, заваленную гигантскими глыбами. Казалось, от малейшего шума они могут покатиться вниз и раздавить непрошенных гостей...

— Я не пойду туда, — прошептала девушка.

— Вам придется это сделать, — мягко сказал Файрли, подойдя к Арэл и взяв ее за руку. — Де Витт не разрешит вам остаться. Если вы будете упираться, вас потащат силой. Объясните это ей, Траян!

В глазах юноши тоже светился страх, но было заметно, что Де Витта он боится больше. Траян отвел в сторону Арэл и что-то горячо зашептал ей на ухо. Файрли догадывался, о чем речь: «Нам надо идти с этими безумцами, но мы выждем подходящий момент и убежим. Даю тебе слово, Арэл, мы обязательно убежим!»

Файрли было жаль ванриан, он ощущал свою ответственность за те несчастья, что произошли с ними, но иного выхода не было. Де Витт был сейчас опасен. Однако если в Замке есть хоть что-то ценное, то Гленн может увлечься настолько, что туземцы смогут незаметно исчезнуть. Если, конечно, в Замке хоть что-то осталось...

Колонну возглавил лично командир, неся на плечах самый большой рюкзак. Чуть позади по его приказу шли Файрли, Траян с Арэл и только затем — остальные. Обойдя трещину, они вышли на «окружную» дорогу и начали долгий и нелегкий подъем. Заходящее солнце было закрыто поначалу склонами горы, а потому первые километры они прошли в тени, дрожа от пронзительного ветра. Вокруг царил обычная для гор тишина, в которой не было места другим звукам, кроме завывания ветра и шума осыпающихся камней. Кое-где дорога серебрилась инеем, от дыхания людей в хрустальном воздухе расплывались облачка пара.

Вскоре Файрли полностью потерял ощущение времени. Он часто оглядывался: цепочка людей в ледяной мгле казалась ему группой грешников, бредущих по кругам ада. Но наконец из-за края горы забрезжил легкий свет. Стало теплее, хотя ветер усилился. Еще несколько сотен метров, и путники вышли на солнечную сторону. Здесь подъем пошел куда веселее, люди немного согрелись и даже начали обмениваться короткими фразами. Но вскоре дорога пошла круче вверх, и каждый шаг стал даваться с трудом.

В конце первого круга Де Витт вынужден был устроить небольшой привал. И здесь по обе стороны путники увидели первые статуи Звездных капитанов.

Это были скульптуры мужчин в полный рост, в облегающих комбинезонах и со шлемами в опущенных правых руках. Справа, над обрывистым краем горы, стоял немолодой мужчина с кряжистой фигурой и массивной головой, растущей словно из широких плеч, без признаков шеи. Черты лица его были грубыми, глаза глубоко прятались под мохнатыми бровями, губы выпячивались в брезгливой усмешке... По-видимому, очень властный и нетерпимый человек, ванрианский Де Витт.

— Хаз, покоритель шарового скопления в центре Галактики, — прочитал Файрли надпись на гранитном постаменте. — А тот, второй, — Рондикс, открывший планетную систему звезды Амаран. Не правда ли, он похож на Мирхэда?

Действительно, слева от дороги стоял стройный, красивый юноша с длинными до плеч волосами и мечтательным взглядом. Левая рука его была отбита до плеча, через торс змеилась тонкая трещина.

— Звездные капитаны, — с благоговением прошептал Де Витт и, подойдя к статуе Хаза, встал перед ним, сложив руки на груди.

Файрли вздрогнул. Выражение лиц обоих звездных капитанов было на удивление схожим. И понятно почему. Никого из членов экспедиции на Альтаир нельзя было назвать этим громким словом, даже покойного Кристенсена. А Де Витт был им, нравится это кому-то или нет.

Через несколько минут отдыха полковник отдал короткий приказ, люди нехотя поднялись и продолжили путь. Теперь статуи космопроходцев стали им попадаться через каждые метров сто. Де Витт больше не обращал на них внимания. Быстро сгущались сумерки, а ему хотелось подняться наверх до прихода ночи. Да и статуи были, как правило, сильно повреждены, у многих не хватало рук, а порой и части туловищ. И все же даже в таком виде они производили сильное впечатление, особенно на теневой стороне горы. Файрли казалось, что открыватели далеких миров провожают их пристальными взглядами, словно пытаясь понять, кто эти пришельцы и откуда они прилетели на Рин.

«Есть ли твоё лицо среди этих астронавтов, Калбер? — думал филолог. — Быть может, ты увековечен здесь как один из создателей земной колонии ванриан? Посмотри на нас, мы все-таки поднялись до звезд, несмотря на твои слова о запрете ллорнов «до конца времен». Нет и не может быть ничего «до конца времен», Калбер, кроме разве что самого времени...»

Было уже темно, когда путники миновали две последние статуи и вышли на плоскую часть горы. Она оказалась не такой идеально ровной, какой выглядела с равнины: тысячелетия, дожди и ветры, жара и мороз сделали свое дело. Каменная поверхность была раскрошена будто молотом и рассечена паутиной мелких трещин, так что путникам поневоле пришлось включить переносные фонари.

Впрочем, Де Витта несколько не смутила опасность сломать ноги. Он решительно зашагал к титаническому зданию, раза в два превышающему по высоте любой из земных небоскрегов.

За ним пошли и все остальные, больше глядя на дорогу перед собой, чем на Замок Солнца.

На фасаде здания не было заметно ни окон, ни дверей. Не было даже трещин, через которые можно было бы проникнуть внутрь. Стена казалась огромным темным монолитом, уходящим в звездное небо.

Внезапно Смит глухо вскрикнул.

— Что случилось? — спросил Де Витт, обернувшись.

— Посмотрите! — сказал молодой человек, освещая своим фонарем основание стены.

Поначалу Файрли ничего не понял. Это он уже видел — грубая, раскрошенная поверхность горы и неровная, волнистая стена... Но... но что это?

Филолог опустил на колени и тщательно исследовал участок основания, смахнув рукавом пыль и каменную крошку. Сомнений не оставалось: стыка между поверхностью и стеной не было!

— Это монолит, — сдавленным голосом произнес Смит, со страхом глядя вверх, на далекие шпили башен. — Взгляните, между блоками не заметно ни малейших щелей. Значит, их попросту нет. Замок вытесан целиком из верхней части горы!

Земляне переглянулись. Неужели древние предки были столь могущественны?

Де Витт облизнул пересохшие губы и срывающимся голосом произнес:

— Черт побери, какая нам разница, как был построен этот замок? Важно, что находится внутри! Пошли, нечего терять время по пустякам.

Он решительно зашагал вперед, скользя лучом фонаря по основанию стены. Ветер бил прямо в лицо, неся мелкую колючую пыль, и едва не вырывал фонари из рук уставших людей. Но вскоре их настойчивость была вознаграждена. Они обнаружили огромную дверь метров десять высотой. Она состояла из двух массивных золотистых створок, одна из которых была выгнута наружу, а другая — внутрь. Это напоминало Файрли базу ванриан в Гассенди. И там, в кратере, и здесь, на вершине горы, поработал мощный взрыв.

Де Витт без колебаний проскользнул в довольно широкую щель; за ним последовали и все остальные. Пол обширного коридора с высоким сводчатым потолком был засыпан грудями рухнувших обломков, так что поначалу идти было нелегко. Но по мере продвижения в глубь здания разрушения стали незначительными. Еще несколько десятков метров, и люди будут у цели... Все, даже Траян с Арэл, невольно ускорили шаг.

Дойдя до конца коридора, путники в нерешительности остановились. Увиденное поражало воображение...

Перед ними расстилалась черная пропасть космоса, освещенная россыпью разноцветных звезд. Их было не столь много — быть может, две или три сотни, словно раскрылась панорама периферии Галактики. Люди почувствовали себя на-

гими и незащищенными, без скафандров и защитной оболочки корабля. Вот-вот еще миг, и ледяное дыхание пустоты превратит их в остекленевшие статуи...

Но было что-то странное, непривычное в этой картине. Файрли постепенно разглядел крошечные точки, вращавшиеся вокруг звезд. Это были планеты!

— Здорово сделано! — восхищенно выдохнул Смит. — Ну и мастера эти ванриане!

Да, это было сделано! Эффект пребывания в космосе оказался лишь искусной иллюзией. Люди находились внутри зала, чьи титанические размеры и царившая в нем тьма создавали впечатление бесконечной бездны. Вокруг сияли не звезды, а лишь сферы размером с мяч, водруженные на тонкие прозрачные опоры. Это была, по-видимому, модель какой-то части Галактики.

Разрушенной Галактики... С невидимого купола когда-то упали обломки каменной облицовки и раздробили немало опор, так что теперь на полу, сияя, лежали десятки разноцветных «солнц».

Рааб поднял одно из них — голубое — и внимательно осмотрел.

— «Холодный свет», — сказал он. — Какой-то вид радиации. Эти «солнца» практически вечны.

Никто не ответил ему. Все участники похода стояли между прозрачными колоннами и растерянно озирались по сторонам.

Файрли поднял голову и увидел, что центральная часть купола открыта и через нее виднеется звездное небо — уже настоящее. К куполу вдоль стены вела крутая лестница, которая заканчивалась около небольшого изящного балкона, нависшего над залом на огромной высоте. Чем-то это место было ему знакомо...

И тогда Файрли вспомнил один из своих фантастических снов. Сомнений не было: здесь, на этом балконе, некогда пела «звездная певица»!

Волшебство момента разрушил резкий, дрожащий от нетерпения голос Де Витта:

— Хватит глазеть по сторонам! Мы не в музее. Давайте разделимся на четыре группы и начнем исследовать зал с разных сторон. Файрли, пойдете со мной. И туземцы тоже — я не хочу их терять из виду.

— Здесь может быть опасно... — пробормотал Винстед, тревожно вглядываясь во тьму. Ему пришло в голову, что где-

то в глубине зала могут храниться и образцы живых существ с покоренных ванрианскими планетами.

Никто не обратил внимания на его слова. Всех охватило возбуждение, свойственное золотоискателям, нашедшим после долгих и трудных поисков богатую жилу. Земляне по двое разбрелись по залу, обмениваясь короткими репликами. Де Витт подошел к ближайшему шпилю, на вершине которого сиял оранжевый шар «солнца».

— Погодите, здесь есть какая-то надпись, — сказал Де Витт, разглядывая черную вязь значков на гладкой поверхности опоры. — Боб, прочитайте!

— «Броник из Линара первым высадился на планетах звезды Куроон». Здесь есть и дата, но я все равно не знаю ванрианского летоисчисления.

— Это не важно, — нетерпеливо ответил Де Витт. — Памятные надписи меня не интересуют. Пойдемте дальше.

И он решительно зашагал к центру зала, буквально таща за собой Файрли, но одновременно не сводя взгляда и с двух туземцев. Над их головами проплывали десятки «звезд», и на пьедестале каждой были увековечены имена первооткрывателей:

«Финнелин из Темного мира впервые высадился...»

«Терамоуз из Корин...»

Имена звездопроходцев, пантеон славы героев древнего Рина. Знаменитые капитаны, чьими трофеями были не золотые слитки или бочки с амброй, а звезды. Десятки, сотни имен... Но больше ничего в зале не было.

У противоположной стены их ослепили лучи других фонарей. Все четыре группы встретились в одном месте.

— Ну что? — с надеждой спросил Де Витт. — Вы что-нибудь нашли?

Все молча переглянулись. Наконец Рааб грустно сказал:

— Гленн, мы находимся внутри национального пантеона, не больше и не меньше. Замок Солнц — это огромный монумент, установленный в честь завоевателей космоса. Сомневаюсь, что здесь есть какие-нибудь хранилища образцов техники или архивы.

Файрли отвернулся, чтобы не видеть в этот трагический момент лицо командира. Но тот и не думал сдаваться.

— Вам всем хотелось бы верить в это, не правда ли? — хрипло произнес полковник, обводя подчиненных тяжелым взглядом. — И не надейтесь. Ванриане не могли построить это гигантское сооружение только как монумент. Это скорее му-

зей... да, музей достижений цивилизации Рина! Не сомневаюсь, что здесь множество залов с экспонатами. Может быть, за этими стенами стоят целые звездолеты, отслужившие свои сроки и спрятанные от ллорнов. И уж наверняка в Замке скрыты огромные архивы, предназначенные будущим поколениями ванриан — тем, кто захочет вновь подняться к звездам. И мы не уйдем отсюда, пока не найдем все это. Ясно?

— А если здесь ничего нет? — холодно спросил Рааб.

— Посмотрим.

Под светом сотен искусственных солнц лицо командира отряда выглядело как никогда твердым и непреклонным.

И тогда Файрли внезапно понял: если Де Витт откажется признать свое поражение, они никогда не вернутся на Землю.

Глава 20

Прошла вторая ночь пребывания землян в Замке Солнц.

Большую часть времени участники похода трудились не покладая рук. Де Витт лично разработал программу исследования зала. Под полом наверняка скрыт обширный подвал; надо найти вход в него. За монолитами стен — потайные помещения; надо обнаружить искусно замаскированные двери. Многочисленные надписи могут содержать ценную информацию; Файрли поручается прочесть их до последнего слова.

...Они не нашли ни подвала, ни потайных комнат. Файрли прочел почти половину надписей и не обнаружил в них ничего значимого. Это была летопись звездной экспансии Рина с описанием деяний знаменитых капитанов. Ни слова об оружии или технике древних ванриан там не было.

— Все это логично, — устало сказал Рааб во время ужина, когда люди молча ели, сидя на рюкзаках под одним из уцелевших куполов (не так ветрено и холодно). — В судный день Рина были уничтожены не только космопорты, но и все, связанное с космическими технологиями. Я не знаю, как ллорны сделали это, но они, конечно же, не стали рисковать и вырвали с корнем не только лес, но и все молодые деревца вплоть до побегов.

— Логично? — усмехнулся Де Витт, недобро глядя на физика. — Кристенсен был очень логичен, когда разъяснял в Белом доме, почему нам нельзя лететь к звездам. И все же мы здесь. И мы не уйдем, пока не отыщем то, ради чего нас послали!

И вновь люди продолжали поиски, выстукивая стены метр за метром и ползая по полу с фонарями в руках. Файрли переводил надписи строка за строкой. Но вся эта бурная деятельность ни к чему не привела. Результаты были нулевыми, если не считать нарастающей усталости.

Файрли, как и все, еле держался на ногах и очень замерз. К закату небо очистилось от облаков, сильный ветер стал по-зимнему студен. Он проникал через отверстие в центральном куполе, через трещины и дыры в других куполах и обрушивался на зал, поднимая тучи едкой пыли. Люди бродили в темноте словно призраки, больше имитируя деятельность, чем по-настоящему занимаясь поисками. К полуночи Де Витт наконец-то дал отбой. Все сгрудились в округлой нише зала, дуя на озябшие руки. Не хватало сил даже расстелить спальные мешки, не говоря уж об установке палатки, которая могла бы спасти от пронизывающего ветра. Лица землян были мрачными и опустошенными. Де Витт уселся на свой рюкзак и, жуя бутерброд, настороженно поглядывал на своих подчиненных, словно размышляя, велики ли шансы на бунт.

Обстановка в зале была настолько тягостной, что Файрли, несмотря на усталость, вышел наружу. Черный купол небес, обсыпанный серпантинном неизвестных созвездий, настолько очаровал его, что филолог немного приободрился. Перебросившись парой фраз с дежурившими этой ночью Мирхэдом и Грэхемом, он вернулся в Замок.

Войдя в зал, Файрли пошел не в сторону бивака, а повернул направо. Над его головой проплывали тихо сияющие «солнца», но еще больше их лежало на полу, среди пыли и обломков камней. Файрли покатила одну некрупную «звезду», словно футбольный мяч, и точным ударом загнал ее между двумя хрустальными «штангами». Его вдруг разобрал бессмысленный, дурацкий смех. Да, славная выдалась у человечества первая экспедиция в галактические просторы!.. Роды оказались преждевременными и закончились выкидышем. Самое забавное, что молодая мама — ха-ха — даже не знает об этом! Доктор Де Витт решил из соображений секретности ей об этом не сообщать...

Вдоволь насмеявшись, Файрли пошел дальше и вскоре достиг основания лестницы. Опираясь левой рукой на тонкие перила, он начал восхождение к куполу Замка, стараясь не смотреть вниз. «Я делаю глупость, и очень опасную. Ступеньки-то держатся на честном слове... а некоторых и вовсе нет. Я же с

детства боюсь высоты! Да, отупел ты в последнее время, Боб Файрли...»

Но он продолжал идти вверх, судорожно держась за ледяную ленту перил.

Несколько раз ученый останавливался, чтобы передохнуть, но только достигнув середины пути, он решился взглянуть вниз. Это оказалось не так уж страшно. Ощущения огромной высоты не возникало, поскольку не виден был пол. Просто висишь среди роя «звезд», которые выглядят отсюда совершенно естественными...

Дальнейший подъем был еще более трудным — едва ли не каждая вторая ступенька отсутствовала. Здравый смысл говорил о том, что нужно немедленно возвращаться, но Файрли упрямо продолжал карабкаться вверх, задыхаясь от бурных ударов сердца. Через каждые десять ступенек он останавливался на отдых, и тем не менее силы его стали быстро иссякать. Время исчезло. Шаг, еще шаг... А здесь надо прыгать вверх, полагаясь только на удачу... Ничего, пропасти внизу нет, внизу вообще ничего нет, кроме звезд...

Внезапно лестница кончилась. До небольшого балкона с изящным кружевным ограждением оставалось около десяти метров, но пройти их было уже нельзя. Файрли беспечно уселся на последнюю из ступенек и стал разглядывать балкон при свете звезд — уже настоящих, до которых, казалось, было рукой подать.

Да, это *то* место. Три сотни веков назад прекрасная женщина пела отсюда гимн звездам и капитанам. Мужчины-ванриане, сильные, закаленные космосом ллорны, бароны и вице-короли галактических колоний стояли там, внизу, и слушали чудесный голос, усиленный акустикой зала. Файрли попытался представить эту картину, но не смог. Силы его были на исходе, воображение иссякло; он видел лишь одну и ту же унылую сцену — пустой, полуразрушенный зал, рухнувшие на пол «солнца», толстый слой вековой пыли...

«Слишком давно, — вяло подумал Файрли. — Теперь никакими силами не протянешь связующую нить между двумя берегами через пропасть в тридцать тысячелетий».

Он ощущал горькое разочарование.

«Вот я и пришел к цели, к которой так стремился. Позади месяцы упорной работы, фантастические сны, страх выбора, полугодовой путь через пять парсеков тьмы и пустоты, долгая дорога через одичавший, негостеприимный Рин, не одаривший землю ничем, кроме холода, дождя и настороженной

враждебности туземцев. И никаких потрясающих открытий, никакой романтики звездных странствий и экзотических трофеев, от которых пришла бы в восторг и почтительный трепет Земля... Может, Кристенсен был прав, когда говорил, что мы еще не созрели для звезд?»

Откуда-то снизу внезапно донесся шум голосов, усиленный эхом. Слов разобрать было нельзя, но Файрли показалось, будто кто-то взволнованно кричит и ему вторят другие. Случилось что-то важное... Ну конечно, это голос Хэджулина, одного из часовых!

Файрли поднялся на ноги и побежал вниз, забыв об усталости. Он уверенно перепрыгивал через разбитые ступеньки, не испытывая и тени страха. Он почему-то был уверен, что не упадет в черную пропасть. Так легко и беззаботно сбегает со школьных ступенек сорванец, торопясь домой после уроков... Домой, он и сейчас спешит домой! Цель *его* далекого путешествия уже позади, и она пуста и никчемна, словно разбитая яичная скорлупа.

Когда Файрли достиг пола, то услышал приглушенные крики со стороны входа. Филолог побежал по направлению к коридору, гадая, что могло произойти. Неужели появились ллорны?!

Выбежав на обширную «площадь» около Замка, Файрли увидел впереди своих товарищей, стоявших на краю горы. Они глядели вниз и о чем-то оживленно переговаривались.

Траян первым заметил появление Файрли и с трагической улыбкой воскликнул:

— Я знал, что они будут преследовать нас!

Далеко внизу, у основания горы, в ночи сияли десятки костров. Около них можно было разглядеть фигуры множества сидящих людей.

— Этого следовало ожидать, — спокойно сказал Де Витт. — Горожане все-таки настигли нас. Они не осмелятся подняться сюда, но будут терпеливо ожидать на плато.

Арэл всхлипнула и прижалась к Траяну, глядя на огни костров расширенными от ужаса глазами.

— Ладно, пусть ждут, — продолжил невозмутимо Де Витт. — Наутро мы разгоним их, словно стаю псов. А сейчас пойдемте спать, завтра будет нелегкий день. Вахту, пожалуй, придется удвоить...

Файрли спросил Траяна:

— Может быть, мне стоит спуститься и поговорить с вашими сородичами? Я объясню им, почему мы здесь, успокою...

Он очень надеялся, что Траян ответит отрицательно. Конечно, ему стоило рискнуть, ведь никто из землян больше не владел ванрианским языком. И тем не менее он почувствовал огромное облегчение, когда Траян покачал головой.

— Нет, это бессмысленно, — грустно сказал юноша. — Нашим людям не интересно, зачем вы здесь. Они хотят другого — чтобы вы немедленно улетели с Рина, пока ллорны не явились сюда с карающим мечом.

Все, кроме вахтенных, молча пошли к Замку. Ночью Файрли не спалось. Даже спальный мешок не мог его согреть. А может, дело было в кольце костров там, у основания горы? Только осады им не хватало! Хотя... хотя это может привести Де Витта в чувство. Даже тупоголовому солдафону станет ясно, что надо уходить отсюда, и поскорее...

Файрли не заметил, как заснул. Его разбудил хриплый голос Де Витта, прерывающийся раскатистым кашлем. Командир связался по рации с Томасоном и коротко объяснил ему положение дел.

— Фрэд, пришли с первыми лучами солнца пару вертолетов. Надо нагнать на дикарей страху! Пусть пилоты сделают несколько залпов из пулеметов холостыми патронами. Уверен, ванриан сразу и след простынет.

Томасон встревоженно спросил:

— А если они не разбегутся?

— Разбегутся, не сомневайся.

Но командир ошибся.

Через час, когда Альтаир поднялся над горизонтом, вертолеты, словно две гигантских пчелы, прилетели с востока и, сверкая винтами, спикировали на сидящих вокруг костров людей. Раздался грохот выстрелов. Вертолеты сделали еще один заход и еще...

Ванриане немедленно разбежались, спрятавшись среди деревьев в ближайшей роще. Выждав, когда вертолеты улетели, они как ни в чем не бывало вновь уселись у костров и стали готовить завтрак.

Земляне наблюдали за этой блестящей операцией, стоя на самом краю горы около статуй звездных капитанов. Затем все вопросительно взглянули на Де Витта. Лицо полковника побелело от гнева, глаза зло сощурились, но, обернувшись, он нашел в себе силы безмятежно улыбнуться.

— Эти ванриане — ребята не из пугливых... Ладно, черт с ними, пусть сидят и мерзнут. Сюда они не посмеют поднять-

ся, кишка тонка. Мы будем заниматься своим делом, а они пускай наживают себе ревматизм.

Никто не ответил на его шутки. Члены отряда неожиданно выжидающе посмотрели на Рааб и Файрли. Люди не раз слышали стычки этих двоих ученых с Де Виттом и понимали, что больше ждать помощи неоткуда.

Файрли невольно сглотнул. Он понял, что настал момент выполнить волю покойного Кристенсена, и решительно шагнул к Де Витту. Но Рааб опередил его.

— Гленн, хватит строить из себя бодрячка-боровичка, — сказал физик. — Нам это уже по горло надоело. Давайте обсудим, что делать в создавшемся положении. У нас два пути — либо уйти, либо продолжать бесполезные поиски.

— Конечно, мы продолжим работы. Само собой, дружище! — сердечно произнес Де Витт. Неожиданно его напускная вежливость испарилась, он нахмурился и угрожающе процедил: — Черт бы побрал всю вашу ученую братию и вас в том числе, Рааб! Никогда на вас нельзя положиться. Откуда вы взяли, что поиски будут непременно бесполезными?

— Я просто делаю логичный вывод из того, что вижу, — холодно ответил Рааб, упрямо наклонив голову. — Замок Солнц — мемориал, и ничего больше. С нашей, земной, точки зрения это выглядит не очень-то рационально, но у ванриан были другие масштабы. У них, конечно же, существовали и музеи с образцами техники, и архивы, но где-то в другом месте. И они наверняка уничтожены ллорнами.

— Согласен, — сказал Файрли. — Нам надо поскорее унести отсюда ноги.

— Я поддерживаю моих коллег! — вмешался в разговор Винстед. Его щеки тряслись, в глазах светилась мольба. — Бога ради, командир, обратитесь к своему здравому смыслу! Мы не нашли ничего, зачем же рисковать своими жизнями?

Де Витт мельком взглянул на него, затем посмотрел на остальных.

— Вы думаете так же?

Его лицо не выглядело сейчас растерянным, нет!

Напротив, впечатление было такое, будто Де Витт испытывает чувство величайшего триумфа. Не сразу, но Файрли понял, в чем тут дело. Де Витт буквально силой заставил землян выйти в далекий космос, всеми праведными и неправедными способами форсируя события. И теперь, в двух шагах от цели, даже они, его соратники, готовы сдать и отступить. Все до одного — кроме самого Де Витта. Это делало его человеком

совершенно уникальным, Лидером с большой буквы. Таких людей человечество не забывает — если, конечно, они побеждали.

— А теперь послушайте, что скажу я, — отчеканил Де Витт. — Мы останемся здесь, пока не добьемся своего. И учтите, у меня есть пистолет. Как руководитель экспедиции, я имею право воспользоваться им для подавления мятежа.

Он выразительно засунул руки в карманы и вызывающе улыбнулся.

«Да, — подавленно подумал Файрли. — Де Витт прав с точки зрения закона. И кроме того, у него есть право сильного в борьбе с толпой слабых».

— Как насчет воды и пищи? — побледнев, спросил Рааб. — Припасы у нас на исходе.

— На сутки или двое хватит.

— А что дальше?

— Я прикажу Томасону выслать сюда вертолет. Пилот сбросит тюки с припасами. Но садиться около Замка он не будет! Томасона я предупрежу, чтобы он не вздумал поддаться вашим мольбам, если кому-то придет в голову связаться с ним по рации. Имейте в виду, он не только мой первый заместитель, но еще и старый друг. И Фрэд меня не подведет, даже если вы хором будете рыдать и молить о помощи. Все, хватит об этом... Смит, Мирхэд, принимайте дежурство. И поглядывайте за этой парочкой! — Полковник кивнул в сторону Траяна и Арэл. — Туземцы наверняка попытаются сбежать, а этого допустить нельзя. Остальные продолжат поиски по моей программе. Сегодня надо как следует заняться полом...

Вновь настала тишина. Ослепительные лучи восходящего солнца заставили людей повернуться лицом к Замку — и к Де Витту тоже, хотя на них обоих никому смотреть не хотелось.

Рааб покачал головой.

— Кристенсен был мудрым человеком, он все предвидел. Он предупреждал, что вы — опасный фанатик, склонный к навязчивым идеям.

— Глупости, — поморщился Де Витт. — Крис был так называемым голубем — это в нашем жестоком мире, где о гуманности люди знают только из болтовни политиков! Настоящее дело делают те, у кого есть мужество шагать вперед по головам более слабых, а если надо — и по их трупам. И у меня это мужество есть. А теперь идите и работайте.

Он демонстративно повернулся к подчиненным спиной и пошел к золотистым дверям Замка.

Участники экспедиции растерянно переглянулись.

«Старая как мир ситуация, — подумал Файрли. — Десять благоразумных, порядочных овец — и один волк со сдвинутыми мозгами, но упрямый, смелый и с оружием в руках. Десять против одного! Но этот один готов переступить через все законы, человеческие и божеские, и это дает ему преимущество. Временное преимущество...»

Весь день они вяло продолжали поиски, в которые уже ни на грош не верили.

Файрли сидел на рюкзаке с блокнотом в руках и механически переводил строку за строкой летопись победных деяний звездных капитанов. Он буквально отупел от сотен имен, названий кораблей и планет, от дат и перечня наград, но продолжал исписывать страницу за страницей. Время от времени у него за спиной словно призрак вырастал Де Витт и следил, как он работает.

Траян и Арэл сидели неподалеку на спальнях мешках, лишь изредка обмениваясь короткими фразами. Они выглядели как никогда подавленно. Попыток сбежать ванриане не предпринимали, хотя этого им явно хотелось. Но где они могли ныне скрыться?

Наконец пришла ночь, и вновь внизу, у подножия горы, запылали десятки костров. Ужин был крайне скуден, но Файрли больше всего страдал от жажды. Де Витт выдал всем лишь по треть стакана воды и пообещал завтра еще сильнее урезать порции. На просьбы вызвать вертолет с запасом провианта он отвечал лишь презрительными улыбками.

Казалось, полковник наслаждается слабостью людей и крепостью своего духа.

С первыми лучами солнца командир поднял участников экспедиции и вновь заставил их заниматься бессмысленными поисками секретных комнат и подвалов, которых не было. Файрли исписал блокнот до конца и взялся за новый — без какого-либо толка.

В этот день на лице Де Витта появилась тень сомнения. Файрли почти сочувствовал ему. Время работало против полковника, и все же он не желал признать свое поражение.

Развязка произошла в полдень, когда последняя фляга воды была выпита. Каждому досталось лишь по трети стакана, и потому все испытывали жажду, которую больше нечем было утолить.

Первым не выдержал Винстед.

— Гленн, мы не можем здесь больше оставаться, — озабоченно сказал он.

— Мы остаемся, — устало возразил Де Витт.

Лицо его потемнело, щеки покрыла густая щетина, глаза были мутными. Впрочем, остальные выглядели не лучше.

Мирхэд, обычно очень вежливый и обходительный юноша, вдруг вскочил на ноги и лихорадочно заговорил:

— О нет, нет! Если вы думаете, что мы пришли сюда умирать, то это не так, нет! Я не хочу...

— Никто не умрет, нечего паниковать, — презрительно прервал его Де Витт. — Так и быть, я свяжусь по рации с Томасоном, и он пришлет сюда вертолет с провиантом. Но повторяю: машина сбросит с воздуха тюки и улетит. Садиться около Замка я не разрешу — на всякий случай.

— И как долго это будет продолжаться? — угрюмо спросил Файрли. — Неделю, месяц, год? Может быть, вы заставите нас носить воду в решете до конца жизни, и только потому, что у вас не хватает смелости признать свою ошибку?

— Мы можем обойтись без вертолетов, — поддержал его Мирхэд. — Нам запросто удастся прорваться на вездеходах через кольцо осады, если только у туземцев нет гранат. Боб, спросите Траяна: есть у них гранаты?

Де Витт подошел к выходу из зала и выразительно засунул руку в карман, в котором он носил пистолет.

— Сначала вам придется прорваться через мою осаду! — крикнул он. — Предупреждаю, моя рука не дрогнет, если надо будет застрелить дезертира. Ну, кто первый попробует свинцовые орешки?

Лучи солнца, проникавшие через коридор, четко очерчивали худошавую фигуру командира, но его лицо оставалось в тени. Казалось, Де Витт упивается моментом и жаждет наконец перейти от угроз к действию. Однако смельчаков не нашлось.

Презрительно сплюнув, Де Витт подошел к рации и присел возле нее на рюкзак, демонстративно повернувшись спиной к подчиненным.

— Фрэд, это ты? Не слышу, громче... Слушай, я приказываю тебе... Что-что? Повтори, я не понял...

Сквозь шорохи и треск в зал прорвался взволнованный голос Томасона:

— ...отчетливо заметно на экране радара, и оно приближается! Это может быть корабль с Земли... Понимаешь, Гленн?

Но почему-то он движется с противоположной от Солнца стороны....

— О дьявол, никакого корабля быть не может! — с раздражением сказал Де Витт. — Напились до чертиков, невесть что мерещится!

— Но, Гленн...

— Говорю тебе, это чушь! Если хочешь знать, то Кристенсен был прав — это я выкрал документы у растяпы Файрли, так что никакого русского шпиона не было. Ясно? И хватит об этом. Слушай, Фрэд, у нас возникли небольшие проблемы...

Файрли почувствовал, как его лицо вспыхнуло огнем. В нем стал закипать гнев. Так, значит, той ночью в Морроу на него напал этот паршивый фанатик? А теперь делает все, чтобы все они сгинули в развалинах Замка?..

Ученого трясло от ненависти. Он вспомнил, как сумел разделиться с беднягой Граханом, и его рука сама нащупала на полу увесистый камень.

Но Файрли не успел вскочить на ноги, когда свет вдруг померк. Небо потемнело, словно его затянули грозовые тучи. Вскоре через отверстие в куполе в зал стала опускаться тьма, настолько густая и черная, что «солнца» стали гаснуть одно за другим. А Де Витт, не замечая этого, продолжал хриплым голосом что-то втолковывать Томасону по радиации...

Арэл внезапно издала дикий, почти звериный вопль ужаса. Вскочив на ноги, девушка остекленевшими глазами посмотрела вверх и, что-то крикнув, бросилась к выходу. За ней стрелой метнулся Траян.

— Держите дикарей! — закричал Де Витт, отбрасывая в сторону микрофон. — Они могут сбежать!

Командир помчался вслед за ванрианами, за ним последовали все остальные.

На каменной «площади» около Замка Арэл вдруг поскользнулась. Де Витт, сделав тигриный прыжок, схватил ее за руку. Траян попытался помешать ему, но полковник нанес свободной рукой удар ему в челюсть.

— Эй, помогите мне! Дикари сошли с ума!

Подбежавший Файрли остановился в растерянности, не зная, что предпринять. И в этот момент воздух стал быстро темнеть, словно при затмении солнца. Вскоре сгустилась непроницаемая мгла. Не стало видно ни Альтаира, ни панорамы далеких лесов и холмов, ни даже самого Замка. Послед-

нее, что Файрли успел рассмотреть там, внизу, — это перепуганные ванриане, бросившиеся врассыпную от своих костров.

А затем в нескольких десятках метров от него темнота стала вращаться вокруг невидимой оси, словно водоворот мрака. Из черной воронки потекла река ночи, мертвая и леденящая, и стала разливаться по вершине горы.

— Ллорны, это ллорны! — закричала Арэл, пытаясь высвободиться из цепкой хватки Де Витта. — Пришли «создания тьмы»!

Траян вновь бросился ей на помощь и обхватил Де Витта мускулистыми руками. Пока они отчаянно боролись, Арэл торопливо стала шарить в кармане своего плаща — вернее, плаща, подаренного ей Мирхэдом. Рука ее взметнулась, и нож глубоко вонзился землянину между лопаток.

Вырвавшись, ванриане помчались в сторону спуска с горы и вскоре исчезли среди наполовину затопленных тьмой статуй. А Де Витт стоял, покачиваясь, и расширенными от изумления глазами смотрел на свои побелевшие руки со скрюченными пальцами. Файрли подскочил к нему, с ужасом глядя на залитую кровью спину.

— Она ударила меня чем-то... — еле слышно прошептал Де Витт, смертельно бледнея.

Его колени подогнулись, и Файрли едва успел подхватить тело. Он не смог удержать его и лишь осторожно уложил боком на бугристую каменную поверхность. Остекленевшими глазами Де Витт смотрел на водоворот тьмы.

— Ллорны... — прошептал он и, вздрогнув, замолчал навсегда. Файрли опустил рядом на колени и закрыл ему глаза. Через минуту нахлынул поток мрака, от которого несло леденящим холодом космических глубин. Сбежавшиеся на крик Файрли люди остановились около лежащего на земле тела полковника.

— Он мертв, — с трудом шевеля непослушными губами, произнес Файрли. — И мы все, возможно, тоже...

Внезапно из черной, стремительно вращающейся воронки мрака донесся шуршащий, словно песок, голос, лишенный эмоций и все же явно принадлежащий живому существу:

— Пусть к нам подойдут самые авторитетные из вашей группы. Мы будем говорить с ними на древнем ванрианском языке.

Винстед вдруг истерично захихикал:

— О боже, ллорны все-таки пришли по нашу душу! Покайтесь, грешники, настал наш судный день!

Файрли стоял в холодной тьме, а чуть позади него находились Рааб и Винстед. Напротив, среди вихря ночи, неясно вырисовывались три конусообразных сгустка с размытыми, дрожащими очертаниями. Пауза затянулась — казалось, ллорны изучают землян.

«Если они вновь захотят войти в мой мозг, как это было в гиперпространстве, то я не смогу остановить их!» — со страхом подумал Файрли.

Он до боли в глазах всматривался в «созданий тьмы». Постепенно ему стало казаться, что под мглистыми «плащами» он начинает смутно различать фигуры — нет, не людей, но несомненно гуманоидов.

«Господи, дай мне сил! — взмолился Файрли. — Сейчас мне предстоит говорить с повелителями Вселенной от имени человечества, и от этого, быть может, зависит судьба Земли. Я не готов к такой роли, почему же друзья поручили ее именно мне? Рааб отказался вести переговоры с ллорнами, ссылаясь на свой резкий, нетерпеливый характер; Винстед попросту трусил, а остальные прикинулись овечками, неспособными связать и двух слов. Они быстренько провели собрание, единогласно выбрали меня главой делегации, а Рааба и Винстеда — моими заместителями, а затем спрятались в замке. Почему я всегда вляпываюсь в дерьмо сразу обеими ногами? Тоже мне, «самый авторитетный из землян»... Ну и ну!»

Файрли затравленно обернулся, но, кроме встревоженных, хмурых лиц своих «заместителей», не увидел ничего. В ледяном мраке тьмы утонуло все — и ослепительный Альтаир, и титанический Замок, и статуи звездных капитанов. Даже корабль ллорнов не был виден...

— Землянин, вы не слушаете нас, — внезапно раздался терпеливый голос ллорна. — Остальные двое ваших сородичей не понимают меня, поскольку не знают ванрианского языка. Не поддавайтесь эмоциям, недостойным разумного существа!

— Боб, о чем они говорят? — тихо спросил Рааб.

Файрли смущенно прокашлялся и перевел последние фразы ллорна. Ему вдруг стало чуть легче. Конечно, повелители Вселенной могли уничтожить его одним движением пальца (если, конечно, у них были пальцы), но он мог с ними разговаривать. С покойным Де Виттом и это сделать было толком нельзя...

— Я слушаю вас, — набравшись смелости, сказал Файрли. — И передам моим друзьям все ваши слова.

— Вы очень похожи на древних ванриан, — назидательно произнес ллорн. — Они тоже не умели слушать.

Впервые в его голосе прозвучали человеческие интонации, и Файрли приободрился. Винстед тоже осмелел настолько, что прошептал ему на ухо:

— Боб, попросите их показаться! Хотелось бы знать что-то об их облике...

Винстед при всех его недостатках был прежде всего ученым-биологом, и Файрли отлично его понимал. И тем не менее он в ответ процедил по-английски:

— Джон, заткнитесь. Я не хочу дергать тигра за хвост только ради того, чтобы удовлетворить ваше любопытство.

Ллорн вновь заговорил:

— Земляне, вы немало слышали о нас, ллорнах, от нынешних жителей Рина, и наверняка многое было ложью. Вы должны знать, что раса ллорнов испокон веков охраняла и опекала Галактику и считала это главной целью своего существования. Ни один корабль не может выйти в большой космос незамеченным для нас. Так мы обнаружили и ваш звездолет. Во время его полета в гиперпространстве мы исследовали ваш разум и узнали о том, кто вы и какие цели ставите. Мы поняли, что вы знали о запрете выхода в большой космос для ванриан и все же осмелились нарушить его.

Файрли хотел было подробно объяснить, как все случилось, но вспыхнувший в нем гнев заставил произнести совсем другое:

— Выходит, никто не должен и носа показать в Галактике только потому, что тридцать тысяч лет назад вы запретили это ванрианам? Почему мы, земляне, должны спрашивать вашего разрешения? Может быть, вы просто боитесь конкурентов?

Ллорн с явным неудовольствием ответил:

— Похоже, порода ванриан не изменилась со времени, когда они вышли в космос как завоеватели. И они, и вы, земляне, приписываете нам тайные цели, к которым стремитесь сами. Скажите, вы видели нас, ллорнов, на своей планете?

— Нет, — признал Файрли. — Мы даже не подозревали о вашем существовании.

— А здесь, на Рине?

— До сегодняшнего дня — нет.

— Разве это похоже на оккупацию Галактики? Мы наблю-

дали, как ваши примитивные корабли недавно высадились на спутнике Земли, и не сочли необходимым вмешиваться. Солнечная система находится в полном вашем распоряжении; почему же вы даже не попытались ее как следует освоить? Многие люди на вашей планете до сих пор умирают от голода, не имеют крыши над головой, живут в темноте и невежестве. Почему же вместо того, чтобы достроить свой дом, вы пытаетесь занять еще один? Мы, ллорны, никогда не стремились захватить другие планеты. У нас есть свой мир, богатый и прекрасный, и другого нам не надо.

Файрли скептически хмыкнул:

— Тогда почему же вы затеяли войну против ванриан и фактически уничтожили их цивилизацию?

— Потому что они хотели завоевать Вселенную. Ненасытные, они захватывали одну звезду за другой и ни одной расе не позволили встать на своем пути. Они основали множество колоний, притом лишь на тех мирах, где уже начинала проявляться своя разумная жизнь. Разве не так произошло у вас, на Земле? Мы не были бы хранителями Галактики, если бы позволили одной чересчур активной расе подавить все остальные. Никто не имеет права вмешиваться в эволюционное развитие других разумных существ, даже с добрыми намерениями. А намерения ванриан были отнюдь не добрыми.

— Выходит, вы разделились с ванрианами только из благородных побуждений, не преследуя собственной выгоды? — недоверчиво спросил Файрли.

— Вы не верите нам, так же как нам не доверяли и древние обитатели этой планеты. Им было приятнее считать ллорнов злобными «созданиями тьмы», а себя — благородными рыцарями космоса, помогающими развитию молодых миров путем вливания в них ванрианской крови. А ведь мы почти братья...

Внезапно «плащи мрака», окутывающие фигуры трех ллорнов, стали таять, и земляне с волнением увидели повелителей Вселенной. Они действительно были гуманоидами — с короткими слоноподобными ногами, массивными, словно колоды, туловищами и безволосыми конусообразными головами. Широкие рты, выпуклые глаза без зрачков, приплюснутые носы с двумя парами ноздрей... Одежды на ллорнах не было, да она, судя по внешнему отсутствию половых органов, была и ни к чему.

Винстед о чем-то возбужденно бормотал у Файрли за спиной; похоже, делал первичное биологическое описание расы

ллорнов, но филолог его не слушал. Грубый, примитивный вид пришельцев смутил Файрли. «Дуболомы, настоящие дуболомы, — лихорадочно думал он. — И все же в них чувствуется мудрость и сила. Я боюсь их, боюсь...»

Жабий рот ллорна, стоявшего в середине, раскрылся, и земляне вновь услышали шелестящий голос. На этот раз в нем явно чувствовались самодовольные нотки.

— Теперь вы видите, что мы очень похожи друг на друга, только природа поработала над нами более тщательно — у нее было для этого много миллионов лет. Ванриане и вы, их наследники с Земли, куда более молоды, отсюда и причина многих ваших несовершенств. Подобных рас в Галактике множество, и все они по недомыслию считают себя, и только себя, людьми.

Мы не пытаемся переубедить их — пусть цветет каждая ветвь на дереве разума Вселенной! Но если кто-то самонадеянно посчитает себя не ветвью, а стволом, то нам приходится вмешиваться. Мы умеем обуздывать гордыню, и для этого нам почти всегда хватает метода убеждения. Так и здесь, в Замке Солнца, мы некогда показали перед спесивыми ванрианскими рыцарями и попытались уговорить их опустить кровавый меч завоевателей. Над нами только посмеялись, и тогда нам пришлось начать грандиозную галактическую войну. На силу мы ответили силой, на кровь — кровью, но наша война была священной и освободительной, и мы победили.

Ллорн недовольно поджал толстые, словно оладьи, губы и вперил в Файрли свои рачьи глаза с неприкрытой угрозой.

— Мы хотели так же сурово наказать и потомков ванриан на многочисленных звездных колониях, но они были так жалки и примитивны, что наша карающая рука дрогнула. Мы не ожидали, что кто-то из вас так быстро выйдет в большой космос и пойдет по следам своих не очень разумных предков. Но теперь нам известно, чего ждать от вас, землян. Вы еще более агрессивны, чем древние ванриане! Мы исследовали мозг одного из ваших командиров — того, кто лежит сейчас мертвым около Замка, — и узнали, что вы прилетели сюда... за оружием!

Файрли вздрогнул. Несмотря на ледяную стужу, с него градом катил пот. «Доигрались», — с тоской подумал он. Надо что-то делать, как-то разубеждать ллорнов. Но как? Ведь ллорны правы, их действительно послали за сверхоружием ванриан. И дело не только в упрямце Де Витте...

— Не все из вас, к счастью, разделяли мнение того, кого вы

называли Де Виттом, — после выразительной паузы продолжил ллорн. — И прежде всего, по-иному думал ваш капитан — его вы прозвали Кристенсеном. Его мысли и сомнения были достойны не варвара, а цивилизованного человека, и это поколебало наше намерение немедленно применить силу. Мы ненавидим войны и не хотим проливать кровь. Да, в землянах есть семя зла, унаследованное от ванриан, но в вас есть и ростки добра, корни которых — в вашей собственной эволюции. Потому-то в вас вечно борются два начала, две силы: созидание и разрушение, которым вы дали имена Бога и Сатаны. Мы прочитали в ваших умах, что некоторые из землян верят в космическое происхождение Господа... Почему же вы не поняли, что и Дьявол мог некогда прилететь со звезд и войти в вашу плоть и кровь?

Подумайте об этом, дети Земли и внуки Рина. Нигде в Галактике нет рас, в которых так срослись бы два начала, где тяга к мудрости и добру существовала бы рядом со стремлением к безумным, кровавым поступкам. Возможно, вы в конце концов уничтожите сами себя во всепланетной войне, и мы не будем этому препятствовать. Но может произойти и иное: выйдя в большой космос, вы увидите в зеркале Галактики свое истинное лицо и сумеете искоренить в себе семя зла. По этой причине мы и решили не препятствовать вам на пути к Альтаиру.

Однако не исключено, что звезды не прибавят вам мудрости, и вам захочется не только искать древнее оружие ванриан, но и применить его против других разумных существ. Тогда вас ожидает судьба Рина! Ваш звездный флот будет уничтожен, и вы навечно останетесь на Земле, и только на Земле. К чему это приведет, вы уже поняли. Оскопленный Дьявол не превращается в Бога, его судьба — влачить жалкое существование Демона, навеки изгнанного с небес. Вспомните свою историю, земляне, вся она пронизана тоской колонистов-ванриан об утерянных звездах! Но ни пирамиды, ни гигантские на скальные изображения — эти отчаянные крики о помощи, обращенные к форпосту ванриан на Луне — не получили ответа, и вы знаете почему.

Подумайте хорошенько, прежде чем сделать свой выбор! Мы, хранители звезд, не будем вмешиваться в дела Земли, но если вы захотите распространить на другие миры то алчное и кровавое беззаконие, которое стало основой вашей цивилизации, то мы станем на вашем пути. А сейчас... смотрите!

Файрли ощутил мгновенную, но сильную боль и в этот же

момент услышал позади крики Рааба и Винстеда. Ллорны все-таки вошли в разум людей! На Файрли нахлынула тьма, но она скоро рассеклась, и он увидел необъятную панораму космоса, на которой лежала, сияя, бриллиантовая диадема Галактики. Он видел ее с расстояния в тысячи парсеков, и от этой мысли у него закружилась голова. Внезапно Галактика стала быстро расти, словно он мчался к ней с немыслимой скоростью. Вскоре он уже летел среди звезд. Слева от него сияли огромные шаровые скопления центра Галактики. Где-то там, на десяти планетах, вращавшихся вокруг потухшего солнца, находился дом могущественных ллорнов, «порожденный тьмы», взваливших на свои плечи вечную ношу Хранителей звезд.

Далеко впереди Файрли увидел сотни движущихся искр. Потом он понял: это звездный флот ванриан. Словно стая хищников, ванриане набрасывались на одну солнечную систему за другой. Файрли видел, как корабли исследовали планеты и высаживались на те из них, где существовала жизнь. Примитивные виды животных ванриан не интересовали; не обращали они внимания и на негуманоидные формы разумных существ. Но если на планетах были люди — как правило, дикие, одетые в шкуры, делавшие первые шаги развития, — то ванриане создавали свои колонии. Искусные биологи Рина решали проблемы генетической совместимости двух рас и этим открывали путь новому виду разумных существ, в которых доминировал генотип ванриан. Такая «прививка» быстро давала обильные плоды, люди за считанные тысячелетия делали прыжок из каменного века в век технический. Но эти скороспелые цивилизации глубоко погрязали в войнах, в которых находила выход принесенная со звезд агрессивность. Проходили века, и ванриане вновь появлялись на своих колониях, чтобы набрать на них рекрутов и пополнить звездное войнство. Так шаг за шагом Рин расширял область своего влияния, захватывал Галактику парсек за парсеком, двигаясь к ее ядру. И здесь завоеватели впервые столкнулись с могущественными ллорнами.

Файрли увидел поразительные картины битвы двух звездных армад. Схватки кораблей происходили везде — в разреженных облаках туманностей, в темных глубинах пылевых течений, в ущельях между шаровыми скоплениями... С обеих сторон гибли сотни, тысячи кораблей, вспыхивая на мгновение, словно квазары, но постепенно перевес ллорнов стал ощущаться. Сначала они вытеснили захватчиков из шаровых

скоплений, а затем стали освобождать одну солнечную систему за другой. Колонии Рина ллорны оставляли нетронутыми, но все космодромы и звездолеты безжалостно уничтожались, а вместе с ними — все, что могло напомнить обитателям сотен планет об их предках с Рина.

И настал день, когда остатки флота ванриан были окружены невдалеке от Альтаира. В последней, яростной схватке звездные рыцари были полностью уничтожены. Затем наступил черед Рина. Запылали космодромы, вспыхнули словно свечи корабли, фейерверком взорвались склады с космическим оружием.

И настала тьма...

— Запомните хорошенько увиденное, — загремел в мозгу Файрли голос ллорна. — Такой же будет и ваша судьба, если вы не вырвете из своих сердец семя зла!

Внезапно на Файрли обрушилась волна такой нестерпимой стужи, что он закричал и, потеряв сознание, упал ничком.

Когда филолог очнулся, то увидел над собой сияющие сферы искусственных солнц. Он лежал на спальных мешках, а рядом стояли обеспокоенные Рааб и Винстед.

— Они... они ушли? — еле слышно прошептал Файрли разбитыми в кровь губами.

— Да, похоже на то, — нервно ответил Рааб. — Там, на площади, тьма сначала сгустилась, а затем стала постепенно рассеиваться. Но мы с Винстедом не стали ждать, а подхватили вас на руки и прибежали сюда, в Замок. Бог мой, что я увидел, когда проклятые ллорны вошли в мой мозг... На всю жизнь запомню картины этой галактической бойни!

— Да, это было ужасно, — пробормотал Винстед. Его невозможно было узнать — пухлое самодовольное лицо за какой-то час превратилось в серую маску с обвисшими щеками, мешками под глазами и трясущимися белыми губами. — Боб, вы в состоянии говорить? Мы с Раабом хотели бы знать, о чем вам рассказывали ллорны...

Набравшись сил, Файрли коротко пересказал все услышанное от повелителя Вселенной.

— Это та сторона медали, о которой мы не знали, — после долгой паузы прошептал Рааб, остекленевшими глазами глядя на сияющие шары «солнц». — Даже нынешние ванриане не знают о ней... или не хотят знать.

— Вы считаете, что ллорны рассказали правду? — с сомнением спросил Винстед.

— Вряд ли они пролетели пол-Галактики, чтобы солгать

каким-то полудиким землянам, впервые вышедшим в большой космос. Я думаю, ллорны сказали правду. И еще больше я верю в их предостережения и в их угрозы.

Откуда-то из глубины зала выплыли фигуры остальных членов экспедиции. Вид у всех был испуганным и смущенным, словно людям было неловко за свою трусость.

— Что случилось, доктор Рааб? — нерешительно спросил Хэджулин. — Вы говорили с ллорнами?

Рааб не ответил. Он достал из кармана комбинезона очки, подышал на них, тщательно протер носовым платком, а затем вновь спрятал. Руки его заметно дрожали.

— После смерти Кристенсена и Де Витта мы остались без руководства. Как главный научный специалист экспедиции, я беру командование на себя. Нет возражений?

Возражений не было.

— Мы немедленно уходим отсюда, — продолжал Рааб уже более уверенно. — И покинем Рин так быстро, как только сможем.

Хэджулин нетерпеливо перебил его:

— Это понятно, командир, но мы хотели бы узнать, о чем вы говорили с ллорнами!

— Мы расскажем вам об этом в звездолете — сейчас нельзя терять времени. Но, главное, мы должны рассказать об этом всей Земле.

— Нам заткнут рты, — грустно сказал Файрли. — Вы думаете, Белый дом захочет рисковать своей репутацией из-за каких-то ллорнов?

— Посмотрим, — хладнокровно ответил Рааб. — В конце концов, космодромы есть не только в Америке... Мы обдумаем все как следует на пути к Земле. Я знаю одно: нельзя допустить, чтобы наша планета превратилась в новый Рин из-за какого-нибудь безголового фанатика типа Де Витта. Ладно, пора собираться...

Без долгих уговоров участники экспедиции быстро свернули свой нехитрый бивак и с чувством облегчения вышли из Замка Солнц.

Их встретили ослепительное сияние Альтаира и по-весеннему теплый ветер, напоенный запахами леса. Повеселев, люди дружно зашагали в сторону спуска с горы и вдруг разом остановились, увидев лежащего навзничь Де Витта рядом со статуей одного из звездных капитанов.

— Что будем делать с телом? — робко спросил Мирхэд. — Повезем на корабль или...

Вместо ответа Файрли сбросил рюкзак с плеч и пошел в сторону ближайшей россыпи камней. За ним последовали и все остальные.

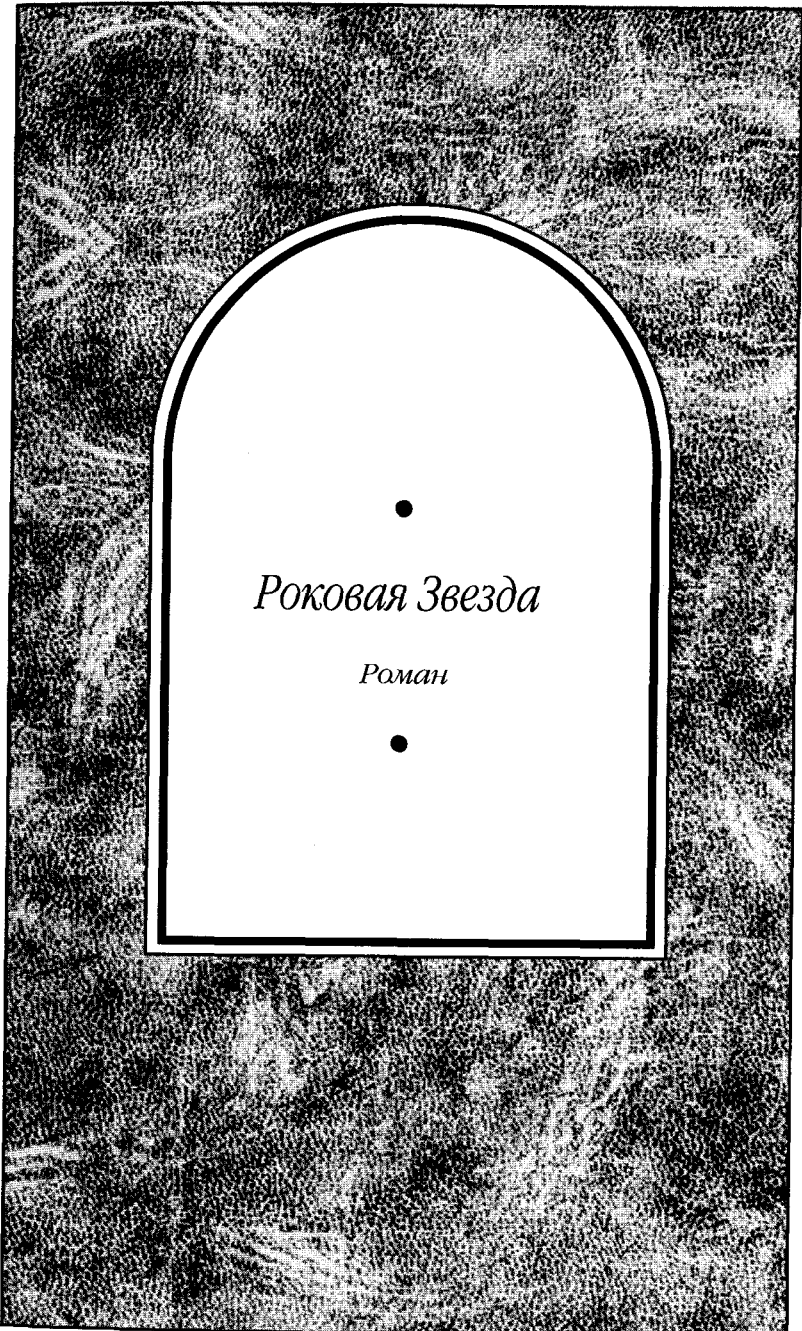
Через час у подножия статуи выросла небольшая пирамида. Опустив головы, путники минутой молчания почтили память отставного полковника.

«Ты был редким упрямым, Гленн Де Витт, — думал Файрли. — Если бы тебе повезло и мы каким-то чудом нашли оружие ванриан, Земля была бы обречена. Но, к счастью, тебе не повезло, и у нас появилась возможность вернуться на цивилизованный путь — без войн звездных и земных. Только используем ли мы ее? Жаль, что среди сильных мира сего мало людей, подобных Кристенсену... И еще больше жаль, что старуха с косой первыми выкашивает их на житнице человечества, давая вдоволь расти всяким чертополохам.

И все же ты привел нас сюда, Гленн, и этого человечество никогда не забудет. Ты силой, буквально за шкуру потащил нас к звездам, и благодаря тебе — и ллорнам! — мы многое узнали о нас самих. Если земляне все-таки сумеют свернуть с пути самоубийства, по которому шли испокон веков, то в этом будет и твоя невольная заслуга. Не знаю, произойдет это или нет, но у нас появился шанс. Шанс на жизнь!»

— Файрли, нам пора идти, — прикоснувшись к его плечу, мягко сказал Рааб.

Файрли еще раз бросил взгляд на гордую фигуру ванрианина, стоящую на высоком постаменте, и на скромную пирамиду рядом, а затем закинул за спину рюкзак и зашагал вслед за Раабом по дороге, ведущей назад, к Земле.

Роковая Звезда

Роман

Глава 1

Танцоры бесшумно двигались в кругу зеленовато-голубого цвета, ритмично раскачиваясь и высоко подпрыгивая. Их нечеловеческие лица закрывали маски, а серебристые тела были полностью обнажены. Непривычные движения поначалу шокировали, но постепенно сидящим в зале зрителям раскрывалась вся грациозность этого фантастического танца.

Сандра нервно передернула плечами:

— Просто мурашки бегут по коже... — пробормотала она.

— Эй, потише, — остановил ее Кеттрик. — Не стоит подавать другим дурной пример дискриминации негуманоидов.

— А мне нет до этого дела. Я простая земная провинциалка и не люблю, когда всякие космические уроды корчат из себя людей. — Она рассеянно покрутила бокал между пальцев с ярким маникюром. — Я хочу еще выпить, Джонни.

Кеттрик сделал заказ, наблюдая за танцующими.

— Похоже, тебя увлекает этот кошмар, — недовольно произнесла Сандра и поежилась, словно ей стало холодно. Этой зимой в моду вошли закрытые платья, и на девушке была длинная, красиво расшитая туника, перехваченная на талии тонким пояском. Голову Сандры украшала сложная, искусно сделанная прическа, сохранявшая форму лишь благодаря толстому слою лака. В ушах блестели серьги в виде колокольчиков с драгоценными камнями, которые мягко позвякивали при каждом повороте головы. — Хотя ты же привык к такому варварству у себя в Хейдесе, — пренебрежительно добавила она.

— Хм-м... — пожал плечами Кеттрик. — Вот что я скажу тебе, девочка. Даже самые жуткие негуманоиды с периферии галактики считают только СЕБЯ людьми, а остальных — лишь жалкой пародией на человека. Так что не очень-то задирай свой симпатичный носик.

— Ладно, Джонни, не злись, — манерно растягивая слова, проговорила девушка. Она взяла бокал вина с подноса, принесенного официантом, и сделала глоток. — Признайся, ты очень скучаешь здесь? Каждый раз, когда я вспоминаю о Хейдесе, ты заводишься.

Кеттрик натянуто улыбнулся.

— Тебе кажется, что все так просто?

— Не знаю, — озадаченно посмотрела на него Сандра. У девушки были светло-голубые глаза, затененные модными накладными бровями из белого металла, который сиял даже в тусклом свете.

— Раньше я думала, что дело в потерянных тобой деньгах, в твоём изгнании и всяком таком, но теперь вижу, что нет. Джонни, я встречаюсь с тобой уже два года и все равно не могу понять тебя по-настоящему... не могу дотянуться до тебя, если ты понимаешь, что я имею в виду. Скажи, в Хейдесе у тебя была женщина?

Танцоры застыли в финальной позе, изящно поклонились и исчезли за занавесом. Вспыхнул свет. Вновь зазвучала музыка, и на площадку потянулись пары.

Кеттрик с необычной для него нежностью погладил руку Сандры.

— Выбрось все это из головы, детка, — сказал он. — Принимай вещи такими, какие они есть, а если тебе что-то не нравится, ты свободна сделать иной выбор.

Девушка испуганно взглянула на него и сдавленно произнесла:

— Пойдем потанцуем, Джонни.

Кеттрик почувствовал, что Сандра боится потерять его, и ему стало не по себе. Он подал девушке руку, и они пошли к площадке, заполненной танцующими. В ее больших сверкающих глазах таилась тревога, словно она предвидела их неизбежное расставание. С некоторым раскаянием Кеттрик подумал о том, что он сыграл с Сандрой злую шутку, выбрав именно ее, воплощавшую в себе все, что он больше всего презирал в женщинах. Возможно, она на самом деле привязалась к нему, хотя в это верилось с трудом. И если Сандра завтра забудет его, он будет только рад.

Девушка, должно быть, заметила перемену в его лице и призывно улыбнулась, не догадываясь об истинных чувствах Джонни. В этот момент к ним подошел метрдотель клуба Тиге. Слегка тронув Кеттрика за плечо, он сказал:

— Джонни, вон те двое джентльменов хотели бы побеседовать с тобой.

Проследив за его взглядом, Кеттрик увидел возле входа, задрапированного шелковой портьерой, двух мужчин в мундирах Службы безопасности Земли. Они выжидающе, без тени улыбки наблюдали за ним.

— Я отлучусь на минутку. — Кеттрик поцеловал руку Сандры и двинулся к выходу.

Девушка вновь уселась за столик, с тревогой провожая его взглядом.

Кеттрик поздоровался с двумя незнакомцами, на лицах которых застыло выражение вежливого равнодушия. Один из них показал Кеттрику удостоверение.

— Дьявол, что вам еще от меня надо?

Один из них ответил:

— Не знаю, мистер Кеттрик. Мы получили приказ доставить вас.

Офицеры выжидательно смотрели на него, но Кеттрик не двигался с места. Он напрягся и, сжав кулаки, пристально смотрел на этих людей недобрым взглядом. Тиге, который был на несколько дюймов выше ростом и на полсотни фунтов тяжелее Кеттрика, умоляюще произнес:

— Джонни, пожалуйста, все споры на улице. Пожалуйста.

Кеттрик пожал плечами.

— А я разве спорю?

Он оглянулся и поймал взгляд Сандры. Помахав ей рукой, он протянул Тиге банкноту в пятьдесят кредитов:

— Позаботься, чтобы девушка спокойно добралась домой.

Больше Сандра его не видела.

Кеттрик взял в гардеробе свой утепленный плащ, включил термостат, натянул на голову капюшон и пошел к выходу. Двое мужчин молча последовали за ним.

Ледяной ветер ударил ему по лицу хлесткой пощечиной, но показался даже приятным после душного воздуха ночного клуба, пропитанного смесью запахов блюд и не менее изысканных духов. Густо сыпал снег, тая на мостовой. У обочины стояла темная приземистая машина. Водитель терпеливо ждал за рулем с покорностью человека, который многое повидал в своей жизни и ничему уже не удивляется. Кеттрик уселся на заднее сиденье, а по обе стороны немедленно устроились его молчаливые сопровождающие. Глухо заурчал мотор, и машина нырнула в ночь.

Некоторое время они ехали по заснеженным улицам между

тускло освещенными домами. Кеттрик не сомневался, что его везут в одно правительственное учреждение, где ему не раз приходилось прежде бывать, и зачастую далеко не по собственной воле. Он заметил, что работает видеокамера кругового обзора, с помощью которой оба офицера наблюдали за едущими сзади машинами. Кого-то они опасались, но кого? Кеттрик даже не пытался задавать подобный вопрос, поскольку знал, что ответа все равно не получит.

Они проехали блистающую огнями площадь Таймс-сквер, затем один из агентов что-то сказал водителю, и машина свернула в сторону от центра. Она начала совершать довольно замысловатые эволюции по узким улочкам, даже опытный соглядатай вряд ли бы смог удержаться на «хвосте», не выдав себя с головой.

Кеттрик понял, что дело обещает быть любопытным.

Видеокамера не показывала ничего подозрительного. Один из офицеров произнес:

— Ладно, Гарри, все нормально.

Водитель с облегчением вздохнул, и машина свернула в сторону ближайшей скоростной трассы, ведущей к Лонг-Айленду.

Поворот, еще поворот, и длинная пустынная улица пролегла между оградami вилл, прячущихся в садах. Через несколько минут машина сбавила скорость, въехала в ворота и оказалась в царстве заснеженных лужаек и голого тщательно подстриженного кустарника. Недавно очищенная от снега дорожка вела к большому дому, сияющему светом окон.

Кеттрик в сопровождении обоих агентов вошел в дом.

В просторном роскошном холле швейцар помог ему снять плащ и отправился доложить, что гости прибыли. Оба охранника остались ждать его возвращения. Затем они проводили Кеттрика до порога одной из комнат и, пропустив вперед, плотно прикрыли за ним дверь.

Кеттрик осмотрелся. Он находился в библиотеке, солидной и комфортабельной. Окна были закрыты тяжелыми шторами. В старомодном камине уютно потрескивали дрова. Кеттрик мельком скользнул взглядом по рядам книг в кожаных переплетах, полированной старинной мебели, великолепному ковру, а затем перевел глаза на нескольких пожилых мужчин, молчаливо сидевших в мягких креслах вокруг овального стола, украшенного искусной резьбой.

Первым взгляд выхватил лицо от души ненавидимого им Ферсена, второго секретаря правительственной комиссии по

межзвездной торговле, представлявшего Землю в секторе галактики, куда входил Хейдес. Остальных Кеттрик знал понаслышке, некоторых из них видел на экране галактического телевидения. Он ощутил тревогу — было весьма странно, что эти люди собрались здесь только ради сомнительной чести увидеть его, Джонни Кеттрика.

Джентльмены, сидевшие за столом, не сводили с него изучающих взглядов. Говард Виккерс, худошавый, сутулый человек с высокомерным выражением лица, отвечал за безопасность Солнечной системы. Рядом сидел его помощник, холеный, словно аристократ, Маршалл Вэйд, известный своими элегантными, идеально подстриженными усиками. Следующим был Артур Раймонд, глава Департамента правосудия, с могучими плечами и массивной челюстью бульдога, известный еще и как Минотавр. Доктор Хэйтон Смит, астрофизик. И два высоких стройных дарвана с золотистой кожей и темно-синими глазами. Они расположились возле камина. Один из них Кеттрику был очень хорошо знаком: Секма — один из лучших звездных полицейских. Другого Джонни видел впервые.

Говард Виккерс, глава Службы безопасности, первым нарушил молчание:

— Пожалуйста, садитесь, мистер Кеттрик.

Кеттрик медлил. Заметив это, Секма произнес по-английски, но с заметным акцентом:

— Лучше присядь, Джонни. Эта ночь может оказаться долгой.

Глава 2

Кеттрик с усмешкой ответил:

— Я всегда ценил ваши советы, Секма, даже если и не следовал им. Но сейчас, пожалуй, послушаюсь.

Он опустился в свободное кресло, которое как бы случайно было поставлено так, что все присутствующие могли видеть каждый его жест, малейшее изменение выражения лица. Кеттрику казалось, что это происходит словно во сне, когда все выглядит вроде бы совершенно нормально, но спящий чувствует, что надвигается кошмар, который заставит его с криком проснуться. Но сейчас ему было настолько любопытно, что вовсе не хотелось «просыпаться».

— Выпьете чего-нибудь? — спросил Виккерс.

— Спасибо, нет, — ответил Кеттрик. Он знал, что бывают случаи, когда инстинкт самосохранения является достаточным стимулятором, которому алкоголь только будет мешать.

— Как хотите. Мистер Кеттрик, попрошу вас внимательно выслушать все, что я скажу. Вы знаете мистера Секму. Но, полагаю, вы не знакомы с доктором Такину. Он возглавляет астрофизический сектор Академии астрономии на Тананару.

Кеттрик молча кивнул Такину, который так же вежливо ответил на приветствие. Он выглядел старше Секмы, в его вьющихся каштановых волосах проблескивала седина, а лицо было изрезано морщинами. Астрофизик казался озабоченным и напряженным. Кеттрик подумал, что он больше похож на политика, чем на ученого, занятого абстрактными проблемами далеких звезд. Впрочем, это касалось и его коллеги, доктора Смита с Земли. Оба ученых были явно чем-то озадачены.

Или испуганы?

Виккерс продолжил:

— Доктор Такину расскажет о том, что только что сообщил всем нам.

Такину посмотрел на Кеттрика:

— Вы не возражаете, если я буду говорить на галакто?

— Нисколько, — пожал плечами Кеттрик.

«Интересно, чем же Такину так напуган?»

Монотонным голосом, будто он устал повторять одни и те же слова, доктор начал:

— Наши приборы зарегистрировали изменения спектра одной из звезд созвездия Хейдес. Речь идет о небольшом заурядном солнце, не имеющем в своей системе обитаемых планет. Проводилось стандартное сканирование звездной сферы, и компьютер отметил резкое повышение интенсивности гамма-излучения в этой части пространства. Мы нашли его источник и провели очень подробное исследование странной звезды и ее системы. Оказалось, что излучение звезды стало настолько мощным, что, будь на планетах этого солнца жизнь, она немедленно бы погибла. Понимаете, мистер Кеттрик, — маленькое солнце внезапно стало смертельно опасным!

Такину замолчал, помрачнев, а вместо него заговорил Секма:

— Джонни, не пытайся понять, как за одну ночь звезда смогла превратиться в бомбу замедленного действия. Каким-то образом ядерные процессы внутри солнца пошли совершенно иным путем, да так, что интенсивность гамма-излучения повысилась сразу на много порядков. Не буду вдаваться в фи-

зику этого явления. Для нас, неспециалистов, достаточно знать, что это случилось.

Такину кивнул.

— Сложнее всего будет осознать причину данного явления, — глухо произнес он.

Его загнанный взгляд задержался на Кеттрике, у которого уже не оставалось сомнений — Такину в ужасе.

— Я полагаюсь не только на собственное мнение. Мои выводы подтверждает и уважаемый коллега доктор Смит из ватшей Лунной обсерватории.

Смит продолжил:

— Я провел собственные наблюдения. Наши приборы зафиксировали те же изменения в спектре излучения звезды.

В библиотеке повисла напряженная тишина, и только горящие поленья беззаботно потрескивали в камине. После паузы Смит сказал, опустив глаза:

— Мы считаем, что это не природное явление.

И вновь последовала тишина. Казалось, все осмысливают эти слова. Кеттрик почувствовал, что взгляды присутствующих устремлены на него, словно все ждут его реакции. Но вместо него заговорил Секма:

— Скажу прямо, Джонни. Кто-то намеренно погубил эту планетную систему, воздействуя на ее солнце. Астрофизики уже назвали это явление жаргонным словечком «отравление», а саму обреченную звезду — «роковой». Впрочем, это название я услышал отнюдь не из уст наших уважаемых ученых.

— А откуда же? — спросил Кеттрик, с удивлением глядя на своего старого «приятеля». — Вот уж никогда не думал, что такой тугодум, как вы, может интересоваться астрономией.

Секма усмехнулся.

— Сам знаешь, Джонни, по долгу службы я прислушиваюсь к разговорам, собираю любопытные сплетни и легенды. Ключу, как петух, по зернышку — одно словечко в городской толпе, другое — на пожаре, третье — на охоте в джунглях. Тогда-то я и услышал про «Роковую Звезду».

Секма дал своим собеседникам некоторое время, чтобы обдумать его слова, а затем продолжил:

— Я не слишком-то доверяю слухам. Любое существо, будь оно человеком, гуманоидом или негуманоидом, любит трепать языком. Суровая правда жизни ему кажется слишком прозаичной, и потому ничем не обузданная фантазия нередко порождает невероятных монстров. К таким порождениям

нездорового разума я поначалу и отнес мифический механизм, прозванный «Роковой Звездой» и способный из любого обычного солнца сотворить Звезду Смерти. Но когда я узнал об открытии доктора Такину, это совпадение показалось мне слишком невероятным.

Кеттрик задумался.

— И как же люди с разных планет могли узнать об изменении в спектре одной из неприметных звезд, которых в галактике миллионы?

— Вот то-то и оно! Я выяснил, что никто в Хейдесе и не знал про нее. Если только астрономы могли с помощью приборов уловить изменение в спектре маленькой звезды — откуда же об этом мог узнать рядовой обыватель?

— А не проще ли принять это именно как природное явление? — спросил Кеттрик.

— О, гораздо проще, Джонни. Ну а если существует хотя бы один шанс на миллион, что некто овладел искусством управлять звездами? Тогда этот некто имеет в руках могучее оружие, с помощью которого может «отравить» любое солнце, в том числе и ваше, земное. Будешь ли ты спокойно спать по ночам, зная, что благополучие Солнечной системы висит на волоске?

Кеттрик кивнул:

— Ладно, не буду спорить. Но если вы правы... Господи, да это же великолепный метод шантажа! Если этот таинственный некто заранее сообщит о следующем «отравлении» и успешно проведет демонстрацию своего могущества... Да тогда все звездные системы в районе Хейдеса окажутся у его ног!

— Верно, дружище, только вряд ли этот некто ограничится Хейдесом, — заметил помрачневший Секма.

Кеттрик покачал головой.

— Но демонстрации-то не было! Никто, кроме двух астрономов, ее и не заметил. Да и звезда-то была выбрана незначительная, с необитаемыми мирами, до которых никому нет дела.

— Мы полагаем, что это был всего лишь эксперимент, Джонни, — пояснил Секма. — Каждое новое оружие должно пройти определенный цикл испытаний. Этот опыт прошел успешно — кстати, не факт, что он первый. Мы думаем, демонстрация последует позже, если...

— Если что? — спросил Кеттрик, заранее зная ответ.

— Если нам не удастся предотвратить ее.

— И если установка, с помощью которой «отравляют» звез-

ды, существует в действительности, — добавил с сомнением Кеттрик.

— Вот это нам и предстоит выяснить. Существует ли эта фантастическая «Роковая Звезда», и если да, то кто владеет ею.

— Хм-м... Это может потребовать массу времени.

— А вот времени у нас как раз и немного, — вмешался в разговор Говард Виккерс. — Если предположить, что установка существует, то вряд ли ее хозяева станут медлить. Когда они вновь пустят ее в ход, как вы думаете, мистер Кеттрик?

Кеттрик озадаченно взглянул на главу Службы безопасности.

— Та-ак, дайте подумать... Собрание Лиги Свободных миров прошло как раз накануне моего отбытия с Хейдеса. Так что следующая ассамблея состоится... — Он что-то задумчиво пробормотал себе под нос. — Черт, вечно путаюсь с межзвездными календарями... наверное, в шестом цикле Универсального галактического времени.

— Достаточно скоро, — кивнул Секма. — Но почему ты считаешь, что некто будет дожидаться именно этого события?

— Да потому, что эффект получится намного внушительнее! Одно дело сообщать правителям различных миров о «Роковой Звезде» по отдельности и совсем другое — сделать такое сенсационное заявление на общем собрании представителей сотен планет. По крайней мере я поступил бы именно так.

Виккерс задумчиво пожевал губами.

— Вполне разумная гипотеза, мистер Кеттрик, — согласился он.

Виккерс поднялся с кресла и, пройдясь по комнате, встал перед камином и заложил руки за спину, как профессор, приготовившийся читать лекцию студентам. Но вместо этого он неожиданно предложил:

— А теперь вы не хотите ли выпить?

И снова Кеттрик отказался:

— Нет, спасибо.

Ему очень не нравился холодный, жесткий взгляд Виккерса, не обещавший ничего хорошего.

— Наверное, вы уже начинаете понимать, почему мы пригласили вас.

Кеттрик покачал головой. Он по-прежнему сидел в кресле в расслабленной позе, но ладони его внезапно вспотели.

— Я бы предпочел не строить догадок, — осторожно ответил он.

Виккерс кивнул:

— Разумно. Мы хотим, чтобы вы отправились в Хейдес и разузнали, что сможете, о... — поколебавшись, он закончил: — О «Роковой Звезде».

— Дьявол... — пробормотал Кеттрик, затравленно оглядывая сидящих в зале людей. — И кому из вас пришла в голову эта замечательная идея?

— Только не мне! — ядовито хохотнул Ферсен. — В этом могу вас заверить.

Секма развел руками, добродушно улыбаясь:

— Джонни, сам посуди — кто знает Хейдес лучше тебя? Я не раз бывал в этом звездном скоплении, и тем не менее ты рассказывал мне о десятках мест, про которые я даже и не слышивал. У тебя особый талант, Джонни. Годы, которые я потратил на то, чтобы поймать тебя с поличным, были самыми увлекательными в моей полицейской жизни. Как только речь зашла о тайной миссии на Хейдесе, я сразу же подумал о тебе, дружище.

Кеттрик ошеломленно уставился на него.

— Черт, потрясающая наглость, — сказал он. — Я даже не рассердился, Секма. — Он посмотрел на Виккерса. — Теперь, кажется, я готов выпить.

— Угощайтесь.

На столе стояло несколько початых бутылок. Кеттрик налил себе двойную порцию бренди, выпил ее одним залпом и почувствовал себя немного лучше. Затем он повторил, закрыв глаза и смакуя тонкий букет терпкого вина.

До него, словно бы издалека, донесся голос Ферсена:

— ... считаю чистым безумием посылать Кеттрика на такое задание. Вы сами знаете, что он частенько бывал в неладах с законом. А если он найдет эту... вещь, — конечно, если она существует, — что помешает Кеттрику присвоить ее и самому шантажировать звездные миры?

— Джонни, конечно, не ангел, но он честный человек, — возразил Секма. — По-своему честный. И кроме того... — Он перевел синие глаза на Кеттрика и добродушно улыбнулся: — И кроме того, Джонни знает, что я обязательно найду его и убью, если он станет нечисто играть.

Кеттрик поморщился.

— Не забывайте, дружище, что в таком случае я мог бы разрушить вашу звездную систему, как только вы повели бы себя не очень вежливо.

Секма пожал плечами.

— Я все равно достану тебя, пусть и на том свете. Ты знаешь, я человек упрямый.

И Кеттрик знал, что это чистая правда. Среди звездных патрульных Секма славился своей волчьей хваткой и упорством бульдога.

Он с подчеркнутым равнодушием произнес:

— Впрочем, все это лишь пустое сотрясение воздуха. Я не состою, слава богу, на государственной службе и потому не собираюсь никуда лететь. Если вам так нейдет, наймите кого-нибудь из Хейдеса или пошлите в это созвездие кого-то из своих самых опытных агентов. Чем вам может помочь простой землянин вроде меня?

— Ты не «простой землянин», Джонни, — продолжал нажимать на него Секма. — У тебя есть дар ладить с людьми, даже если они внешне походят на чудищ из кошмарных снов. Тебе доверяют. И как землянин ты везде вхож. Любой житель созвездия с подозрением относится к чужакам, и не без оснований. Скажем, мои соплеменники попали на Хейдес куда позже землян, но успели там наломать столько дров, что со мной там и разговаривать никто не захочет. Ты же — совсем другое дело.

— Ладно, — сказал Кеттрик. — А теперь мой черед задавать вопросы, джентльмены. — Повернувшись, он пристально посмотрел на своих собеседников. Виккерс все еще стоял перед камином и не спускал с него холодных, жестоких глаз. Минотавр сидел, склонив массивную голову над столом, и, казалось, даже не вслушивался в разговор. Ферсен со злой усмешкой наблюдал за гостем, поджав тонкие губы, словно сердитая старуха. Оба астрофизика о чем-то тихо разговаривали, устранившись от спора.

— Я не вхожу в число ваших друзей, господа, — после паузы продолжил Кеттрик. — С подачи Секмы Департамент торговли лишил меня лицензии, обвинив чуть ли не в мошенничестве. Это обошлось мне где-то в миллион кредитов. А затем меня изгнали из Хейдеса. Вот уже в течение полутора лет после моего прибытия на Землю это ничтожество Ферсен не дает вздохнуть, прижимая меня то с одной стороны, то с другой. Он не скрывает, что ищет только предлог, чтобы бросить меня в пасть Генеральному прокурору мистеру Раймонду, знаменитому людоеду. Полагаю, вам это известно, мистер Виккерс.

Виккерс кивнул:

— Да.

— Тогда объясните, почему я должен стараться ради вас? — спокойно спросил Кеттрик.

Виккерс глянул на Раймонда, и Минотавр сразу же очнулся от сонного оцепенения.

— А потому, что у тебя нет выбора, Кеттрик. Если ты откажешься, я утеку тебя в такую крысиную дыру, где скоро забудешь, какого цвета небо.

Ферсен злобно ухмыльнулся.

— И по какому же обвинению? — поинтересовался Кеттрик. — Я заплатил штраф, и больше вам не удастся ухватить меня за задницу.

— Удастся, можешь не беспокоиться, — побавровел Раймонд. — Найдем новые улики, разыщем свидетелей твоих торговых махинаций. Мы с мистером Секмой обсуждали этот вопрос и решили, что тебя нетрудно вновь посадить на крючок.

— Отвратительно, Джонни, не правда ли? — вмешался Секма. — Согласен, что все это нечестно. Мы шьем тебе дело, мы принуждаем тебя и знаем при этом, что посылаем тебя почти на верную смерть.

В синих глазах Секмы светился страх — подобного Кеттрик никогда раньше в них не видел. Это заставило его замолчать, несмотря на то что его трясло от злости.

— Джонни, подумай как следует, и ты поймешь, насколько это необходимо. И далеко не только одним нам — речь идет о судьбах сотен миров!

Кеттрик с проклятием вскочил на ноги и подошел к окну. Отодвинув плотную штору, он некоторое время наблюдал, как в темном воздухе медленно падает снег. Немного успокоившись, он вернулся к столу и произнес ровным голосом:

— Ладно, бросайте меня за решетку, и да будьте вы прокляты.

Ферсен вскочил на ноги с воплем ненависти, но Кеттрик встретил его прямым ударом в челюсть, и чиновник рухнул в кресло. Его руки бессильно повисли, словно плети.

— Прошу прощения, — с улыбкой извинился Кеттрик. — Я так давно хотел это сделать.

Ферсен очнулся и застонал, закрыв лицо дрожащими руками. Виккерс кивнул своему помощнику. Вэйд подошел к Ферсону, помог ему добраться до двери и резко захлопнул ее за несчастным. Вернувшись на свое место, Вэйд слегка улыбнулся Кеттрику.

— Вы правы, Джонни, это полное ничтожество.

Раймонд недовольно взглянул на Виккерса, но спорить не стал и лишь пожал плечами:

— Дьявол с ним. Для меня все эти псы одинаковы, лишь бы умели приносить в зубах дичь.

Кеттрик продолжил:

— Если моя помощь настолько необходима, то мы можем договориться по-другому.

— И как же? — любопытствовал Виккерс.

— Я выполню ваше поручение, а вы в обмен восстановите мою торговую лицензию и вновь допустите меня в Хейдес. Вы не можете заставить меня и угрозами ничего не достигнете. Я пойду на это опасное дело как свободный человек или не пойду вообще. Изгнав меня из Хейдеса, вы отняли у меня нечто гораздо более ценное, чем деньги, — мою репутацию. Но я готов все забыть и не платить вам той же монетой.

Секма на некоторое время задумался. Затем он кивнул и обратился к Виккерсу:

— Наверное, Кеттрик прав. Будет лучше, если у него появится стимул хорошо выполнить наше задание. Если он потерпит фиаско, то его лицензия все равно ничего не будет значить. Хейдес превратится в ад, над обитаемыми мирами нависнет страшная угроза, так что там будет не до торговли. Я склонен принять его условия.

— Главное — это само задание, — нахмурившись, ответил Виккерс, — а не условия, на которых оно выполняется. Если вы считаете Кеттрика подходящим человеком для выполнения этой важнейшей миссии — ладно, я согласен. — Он посмотрел на Раймонда. — Полагаю, вы не возражаете?

Генеральный прокурор проворчал:

— Для меня все эти людишки одинаковы — что Ферсен, что Кеттрик. Каждый думает лишь о своей выгоде. Обоим наплевать на то, что речь идет о судьбе человечества и что оружие невероятной разрушительной силы может оказаться в руках каких-то безумцев.

Кеттрик рассмеялся:

— Дело совсем в ином — я просто не верю в «Роковую Звезду». Кажется, и мистер Виккерс со мной в этом солидарен.

Глава Службы безопасности бросил на него смятенный взгляд, но тут же вновь принял суровый, неприступный вид. Однако Кеттрик не унимался.

— Позицию мистера Виккерса нетрудно понять — по долгу службы он должен начать расследование в случае даже гипотетической опасности для Солнечной системы. И тем не ме-

нее я не сомневаюсь, что он абсолютно уверен в отрицательном результате. Я согласен с ним и поэтому считаю, что мне должны соответствующим образом заплатить за работу.

Он налил себе еще бокал бренди и сел в кресло.

— Завтра моя лицензия должна быть восстановлена, иначе я и пальцем не пошевелю. И желательно к ней приложить скальп Ферсена. Будем считать, господи, что этот вопрос мы уладили. А теперь можно перейти к делу. Когда я должен приступить к выполнению вашего задания и каким образом?

Кеттрик сделал глоток бренди и почувствовал, как живительное тепло разливается по его телу. Он уже мысленно праздновал победу. Даже Минотавр сейчас казался ему вполне симпатичным старичком. Он был опьянен, но не вином, а манящим светом далеких звезд.

— Джентльмены, я жду, — сказал он.

Глава 3

Кеттрик прилетел на Тананару поздно ночью. Это была вторая планета в системе Ллорда, одного из огромных оранжевых солнц в звездном скоплении Хейдес.

Он возвращался на этот мир окольными путями, пытаясь не привлекать к себе внимания. Виккерс и Секма убедили его в том, что внезапная перемена его статуса может вызвать у неведомого противника подозрение. Никто не должен заподозрить, что космический торговец Джонни Кеттрик стал работать на Лигу Свободных миров. И потому его вновь восстановленная торговая лицензия была до поры до времени надежно заперта в банковском сейфе. Все знакомые Кеттрика должны быть уверены, что их старый приятель возвращается в созвездие нелегально.

Кеттрик был на седьмом небе от счастья, и его лишь немного печалило то, что план возвращения был придуман не им, а Секмой.

— Никто не поверит, — сказал перед отлетом Секма, — что ты рискуешь головой, прилетая в Хейдес лишь ради продолжения своей торговой деятельности. Это вызовет подозрения и кривотолки, которые вполне могут дойти до создателей «Роковой Звезды». Но, к счастью, Джонни, у тебя есть другой повод тайно навестить Хейдес, которому поверят все.

Кеттрик удивленно посмотрел на Секму, и тот довольно ухмыльнулся.

— Я долго гонялся за тобой по созвездию, а когда наконец выследил, ты направлялся на Белое Солнце. У тебя руки чесались, чтобы обмануть доверчивых криннов и захватить драгоценные камни стоимостью в миллион кредитов. Но я испортил тебе всю обедню. Признайся, Джонни, ты даже не подозревал, что я был в курсе твоей аферы?

— Нет, — честно признался Кеттрик. — Даже не догадывался, что полицейская ищейка по имени Секма идет за мной по пятам. Чтобы вам гореть в аду, дружище! Вы знаете, сколько времени мне потребовалось, чтобы подружиться с криннами и убедить их пойти на эту сделку? И тут вмешался звездный патруль, и все пошло прахом.

— Всегда рад тебе услужить, Джонни, — осклабился Секма. — Признаюсь, я с восхищением наблюдал за тем, с каким мастерством и отвагой ты обстрепывал свои темные делишки. Ты сумел подружиться с криннами — это же уму непостижимо! Но кринны находятся под защитой закона созвездия, и мне пришлось дать тебе по рукам. И очень удачно, что получилось именно так. Теперь у тебя есть то, что мистер Виккерс называет прикрытием.

Итак, предлог для возвращения в созвездие для Кеттрика нашел Секма. Но остальное он должен был сделать сам. Даже агенты Секмы не получили никаких инструкций на его счет. Поэтому ему предстояло позаботиться о том, чтобы избежать ареста.

Кеттрику это вполне подходило. И он надеялся, что еще может преподнести старине Секме парочку сюрпризов.

Для начала Кеттрик под видом туриста отправился на Альдебаран. В гостинице при космопорте он несколько часов потратил на то, чтобы изменить внешность. Поменяв цвет кожи, глаз и волос, он через несколько часов нырнул в толпу людей и гуманоидов, которая бурлила на улицах портового городка. Купив на черном рынке поддельные документы, он нанялся на небольшой грузовой корабль и отправился в Хейдес, воротами которого и служила планета Тананару.

С парусиновой сумкой через плечо он прошел вместе с остальной толпой пассажиров через выход из дока. В иммиграционном отделе сунул документы в пасть электронного чиновника и подождал, пока тот прокомпостирует его въездную визу. Машина связалась с полицейским архивом и, не найдя в «черной» картотеке его отпечатков пальцев, разрешила Кет-

трику посетить Тананару. Спустя несколько минут он оказался в Ри-Дарве, на грязных и шумных улицах.

Джонни неспешно шел, дыша всей грудью и ощущая каждой клеточкой тела этот землеподобный и в то же время совершенно непохожий на Землю мир, который всегда был для него более родным, чем родная планета. Да простит Земля этот невольный каламбур.

Покинув территорию космопорта, он наконец очутился на старых извилистых улочках города, которые существовали еще до начала космической эры и до появления инопланетян. Ри-Дарва был вечен и прекрасен, и его обитатели смело смотрели в будущее и не стыдились прошлого. Это были хорошие люди, которые любили старомодные вещи и которые так и не приняли земную холодную архитектуру, сотканную из стали, стекла и бетона. Разумеется, они не чуждались технического прогресса и полностью модернизировали городские коммуникации, систему освещения и прочее, но продолжали по старинке строить невысокие, будто распластанные на земле дома из красно-коричневого камня, который давал прохладу летом и хорошо держал тепло длинными зимними ночами. Так же, как и далекие предки, они устраивали на крышах домов цветники. Сейчас, в разгаре лета, со всех сторон доносились звуки музыки, смех и переливчатые женские голоса.

Невольно улыбаясь, Кеттрик продолжал идти туда, куда вели ноги, и вспоминал, вспоминал...

По этим узким улочкам более двадцати лет тому назад он гонял наперегонки с золотокожими местными мальчишками, стыдясь своего темного загара и прямых черных волос. Позрелев, он бегал здесь же за золотокожими местными девчонками, на этот раз уже радуясь тому, что его экзотическая внешность иногда дает ему преимущество перед здешними ухажерами. Его отец, Байрон Кеттрик, возглавлял первую торговую миссию землян в Хейдесе, и он так долго прожил на Тананару, что его младший ребенок считал каникулы на Земле каторгой. И когда Кеттрик-старший вместе с семьей отправился обратно на Землю, Джонни пожелал им счастливого пути, получил лицензию на торговую деятельность и затерялся в этом дрейфующем архипелаге солнц. Настолько затерялся, что «позабыл» о кое-каких законах и ограничениях на межпланетную торговлю для его брата-иммигранта. Его частично извиняло то, что он не считал себя инопланетянином. Именно эта «забывчивость» да настойчивость Секмы и

привели столь блистательно начатую карьеру к печальному концу.

И вот он снова дома.

Но отнюдь не в безопасности.

Он вспомнил об этом, увидев нескольких хорошо одетых людей, появившихся на перекрестке. Это был respectable район города, и оборванцу с Альдебарана было бы сложно объяснить, что он делает здесь, так далеко от космопорта. Кеттрик спрятался в темной подворотне, пока прохожие не скрылись из виду. Затем он свернул на соседнюю улочку и, отвлекшись от воспоминаний, погрузился в живой мир старого города.

Смеркалось. На небе одна за другой взойшли три из пяти маленьких медных лун Тананару. Они излучали тусклый мерцающий свет. Кеттрик направился на западную окраину, стараясь оставаться незамеченным. Деловая часть города, где улицы всю ночь полнились толпами искателей удовольствий и развлечений, осталась позади. Здесь же прохожие встречались редко, а автомашин было и того меньше. Однажды ему пришлось торопливо забраться на невысокую каменную стену и отсиживать там, пока мимо не проехала машина с откинутым верхом. Кеттрик принял ее за полицейский кабриолет, однако в салоне сидели подвыпившие молодые люди, гоготающие во все горло. Наконец он пришел к домику, стоявшему на берегу спокойной речушки, вода которой маслянисто отсвечивала в лунном свете.

Кеттрик некоторое время постоял в темноте под раскидистыми деревьями, внимательно разглядывая дом. Ветерок с реки доносил аромат цветов и звук приглушенных голосов. Кеттрик нахмурился. Было бы лучше, если бы обитатели дома уже спали. Только не хватало, чтобы они принимали сейчас гостей.

Но в любом случае ему нужно было исчезнуть с улиц города до наступления рассвета, иначе первый же патруль арестует его. Кеттрик быстро шагнул в тень дома и прижался к ограде, прислушиваясь.

В садике на крыше разговаривали двое, но слов Кеттрик разобрать не мог. Голоса были еле слышны, так что он даже не узнавал их. Но один из голосов был явно женским, и его сердце бешено заколотилось.

Кеттрик пошел вдоль ограды к входу. Калитка была распахнута, и это насторожило его, но он так горел нетерпением увидеть женщину, что не стал обращать на эту странность вни-

мание. На вымощенной брусчаткой площадке перед домом стояли две приземистые автомашины. Вдоль внутренней стороны ограды располагались небольшие хозяйственные постройки. Деревья, высокие кустарники и сеть из вьющихся растений создавали пятна тени на стенах дома. Ночную тишину рассеивали лишь шорох листьев и приглушенные голоса, доносившиеся с крыши.

Кеттрик спрятал свою сумку в кусты и направился к каменной лестнице, ведущей из двора на крышу.

Не прошел он и нескольких ступеней, как сзади из темноты на него кто-то прыгнул. Мощные лапы подняли его в воздух и бросили на землю. Он застонал под тяжестью навалившегося на него тела. Ловя широко открытым ртом воздух, Кеттрик попытался сопротивляться, но безуспешно. Над ним нависли чьи-то массивные силуэты с мощными плечами и гладкими безволосыми головами. Он почувствовал запах сухой чистой шерсти. Послышалось тихое рычание, и горло слегка царапнули острые когти.

Кеттрик с облегчением рассмеялся.

— Хроо-хроо! — произнес он приветствие на с детства знакомом языке. — Хиту, Чайт... Это я, Джонни. Джон-ни!

Ночную мглу рассек яркий луч света. Почти ослепленный, Кеттрик взглянул на два звериных лица, склонившихся над ним.

— Джон-ни?

На горле уже не чувствовалось острых когтей.

— Джон-ни! Джон-ни! — завопили тхеллы, обнажая клыкастые зубы. Сильные руки снова подняли его, но теперь уже нежно и бережно.

— Долго тебя не было, — сказала Чайт. — Ты играть с нами, мы не забыть.

Хиту укоризненно потряс гостя за плечи.

— Ты пришел темно. Не похож на себя. Но запах тот же. Джон-ни!

— Да, я тот же Джонни, которого вы знали, — сказал Кеттрик и потрепал с грубоватой лаской, как в детстве, этих больших «собак» с короткой дымчатой шерстью. Услышав шаги на лестнице, он поднял глаза и увидел двух людей, стоявших на каменных ступеньках.

Мужчину с дубинкой в руках звали Сери Отку. Это был золотокожий дарван с каштановыми вьющимися волосами. На нем была легкая летняя одежда: шорты, сандалии и тонкая

рубашка, сквозь которую до пояса просвечивалось сухопарое тело. Когда-то он был партнером Кеттрика.

Женщина также была дарванкой, но ее кожа была более матовой, а длинные волосы даже в темноте сохраняли мягкий блеск. Голубые глаза, сочные красные губы, фигура и походка богини... На ней было светло-зеленое платье, окутывающее гибкое тело, словно предвечерний туман. Ее звали Ларис, и она тоже когда-то немало значила для Кеттрика.

Женщина спустилась на одну ступеньку, потом сделала еще один шаг вниз, глядя на нежданного гостя, словно на привидение.

— Джонни... — прошептала она. — Джонни, ты не должен был возвращаться!

Глава 4

Кеттрик встал и, подойдя к лестнице, долго смотрел на Ларис. Именно такой он видел ее в своих мечтах с самого начала ссылки. Ему не хотелось сейчас говорить. Ему хотелось только смотреть на свою бывшую подругу, стоящую на ступеньках в зеленом полупрозрачном платье, с бликами света на пышных волосах. И только краем глаза он заметил, как стоявший позади нее Сери отбросил в сторону свою дубинку и торопливо спустился по лестнице.

Неожиданно он задал вопрос, который не раз задавал себе в ссылке. Ему не хотелось задавать его, но по-другому было нельзя.

— Почему, Ларис? Почему мне нельзя было возвращаться?

Ответил Сери:

— Потому что это принесет только неприятности и тебе, и нам... Ты в своем уме — приехать сюда?

— И это все, Ларис? — спросил Кеттрик, пристально глядя в глаза молодой женщины. — Или что-то еще?

Не сразу, но он понял — Ларис изменилась. Ее лицо всегда было таким открытым и прозрачным для него, как будто было отлито из стекла. Наверное, потому, что она никогда не старалась ничего от него скрывать. Злость, любовь, скука, нетерпение, радость — все легко читалось в ее глазах, и делай с этим что хочешь. Но теперь ее лицо было словно закрыто маской, секрет которой он не мог разгадать.

После напряженной паузы она сказала:

— Я принадлежу только себе, Джонни, как и всегда.

Она не сводила с него широко распахнутых глаз, будто бы все еще не могла поверить в появление своего прежнего возлюбленного. Легкий ветерок встряхнул ее волосы и пошелестел зеленой материей, окутывавшей ее тело. Ларис чуть вздрогнула, как от прикосновения холодных рук.

— Тебе не надо было приезжать, — вновь повторила она. Повернувшись, она оттолкнула Сери и, поднявшись по лестнице, исчезла в зарослях маленького сада.

Кеттрик смотрел ей вслед, лицо его стало сдержанным и непроницаемым.

Сери продолжал вопросительно смотреть на него.

— Ну, приятель, много же времени прошло, — наконец произнес Кеттрик. — Не надо так удивляться.

— А что надо — радоваться? — жестко усмехнулся Сери. — Повизгивать, словно Чайт, от счастья? Ну конечно, ведь среди ночи появился мой старый друг, мой дорогой друг!.. Послушай, Джонни, я долго не мог выбраться из того дерьма, в которое угодил по твоей милости. И если теперь тебя найдут в моем доме...

Он был вне себя от гнева.

— На этот раз тебя попросту сошлют на Наркад.

Наркад был тюремной планетой Хейдеса, не такой жуткой, как остальные тюрьмы, но все равно далеко не курортом.

— И Секма не поверит, что я не причастен к твоему появлению в созвездии. Ты погубишь меня, Джонни!

Кеттрик успокаивающе сказал:

— Не стану осуждать тебя за трусость. Но Секма еще не стучится в твою дверь, так зачем же паниковать? Остынь пару минут и пораскинь мозгами. И тогда, может, ты вспомнишь о более интересных для себя вещах. Например, о полумиллионе кредитов, которые могут оказаться вскоре у тебя в кармане.

Кеттрик брезгливо посмотрел на свою грязную одежду.

— А пока я бы хотел умыться и привести себя в порядок.

— Полмиллиона кредитов... — недоуменно пробормотал Сери и, спустившись с лестницы, подошел поближе и спросил: — Ты о чем, Джонни? Зачем ты вернулся?

— Я хочу проверить то дельце, что начал на Белом Солнце.

Сери озадаченно покачал головой, не сводя с Кеттрика пытливых глаз, но тот думал сейчас только о Ларис. Находясь в ссылке, он старался избегать мыслей об их возможной встре-

че и тем не менее чувствовал себя сейчас обманутым и уязвленным.

Конечно, он отсутствовал более двух лет. И, разумеется, Ларис не могла знать, что он вернется именно сегодня ночью — и вообще когда-либо вернется. Тогда, два года назад, они навсегда попрощались друг с другом.

И все же...

Слезы, истерику, злость или просто слова о том, что она ныне принадлежит другому, — все это он мог бы принять. Но Ларис захлопнула перед ним дверь, даже не желая разговаривать, а вот такого он понять не мог.

Поддавшись порыву, он прошел мимо Сери и начал подниматься по лестнице, горя желанием найти Ларис в саду и заставить ее объясниться, пусть даже силой. Но гордость остановила его. «Ну ее к черту, пусть делает что хочет». Он нервно рассмеялся. Ради любимой женщины он мог пересечь галактики, но вот по этой лестнице подняться оказался просто не в силах.

Он услышал позади бормотание Сери:

— Белое Солнце... Я должен был догадаться об этом...

— Ты должен был догадаться еще кое о чем, — обернувшись, раздраженно произнес Кеттрик. — Разве трудно понять, что я никогда бы не прилетел в Хейдес, если бы не был уверен в собственной безопасности? Да и тебя мне нет смысла подводить. — Он с презрением посмотрел на Сери. — Раньше ты не был таким трусом.

Сери обиженно вскинул голову:

— У меня не было особых причин доверять тебе, Джонни.

Хиту и Чайт подбежали к лестнице, шумно дыша, как после долгого бега. Они скалили зубы, улыбаясь давнему другу.

— Мы смотреть сюда, туда, везде. Никого за тобой. Ты остаешься, Джонни?

— Пока да, — улыбнулся Кеттрик. — Спасибо, ребята.

Тхеллы радостно завизжали и помчались к себе в конуру. Сери хмуро посмотрел им вслед.

— Ты всегда умел обращаться с этими тварями, — проворчал он. — Они достаточно покорны мне, но тебя почему-то просто обожают. Почему? — Он недовольно покачал головой и вздохнул. — Ладно, Джонни. Давай поговорим.

И он дружески положил руку на плечо Кеттрика.

— Пойди умойся, приятель, а то несет от тебя, как из помойки. А затем выбрось эти нищенские тряпки и переодень-

ся. Надеюсь, мои брюки все еще налезут на твою задницу. Возьми в платяном шкафу все, что нужно.

Он подтолкнул Кеттрика к двери.

— Иди. Мы будем ждать тебя в саду.

Кеттрик вошел в дом. Здесь ничего не изменилось с тех пор, как он побывал здесь в последний раз. Он с грустью вспомнил о другом доме — том, в котором он некогда жил, всего лишь в миле отсюда, на другой стороне реки. Черт побери, если это дело выгорит, то он снова будет жить там! С Ларис или без нее — но будет!

В нем все еще кипели злость и обида.

В ванной он разделся, отложил в сторону пояс с зашитыми в него деньгами, а все остальное тряпье бросил в мусорную корзину. Пока ванна наполнялась горячей водой, Кеттрик тщательно побрился, а затем стал обтираться жесткой губкой, смывая краску с кожи и волос. Сейчас этот примитивный грим уже не поможет, и если его поймут, он будет только чувствовать себя глупо и неловко. Стараясь не думать о Ларис, он погрузился в горячую, наполненную мыльной пеной воду и отдался самому простому из плотских наслаждений. Почувствовав, что позволил себе расслабиться сверх меры, он встрепенулся, решительно встал и включил холодный душ. Спустя несколько минут он прошел через воздушную сушилку и вышел из ванной новым человеком.

В платяном шкафу Сери, как всегда, царил идеальный порядок. Кеттрик уже почти оделся, когда постучалась Ларис.

Он открыл дверь и впустил ее. Молодая женщина вошла и остановилась, глядя ему прямо в глаза. Маска равнодушия исчезла с ее лица, и сейчас Кеттрик почти узнавал свою прежнюю подругу.

— Пойми, Джонни, мне так нелегко, — после долгой паузы начала она. — Ты появился так... внезапно. Я дала себе слово, что никогда не стану с тобой встречаться.

— А разве я не говорил, что непременно вернусь?

— Мы оба знали, что это невозможно.

— Но я здесь.

— И надолго ли? Сколько дней понадобится полиции, чтобы схватить тебя? Сери прав. На этот раз тебя не просто вышлют из созвездия. Тебя загонят в Наркад, и ты увидишь свою Землю только в глубокой старости.

Он сделал шаг к Ларис.

— А если меня не найдут?

— Ну ладно, предположим, на этот раз ты вывернешься.

Предположим, ты провернешь свою аферу на Белом Солнце. А что потом? Ты купишь дом в Ри-Дарве и пригласишь Секму на свой первый званый обед? Станешь добропорядочным горожанином? Нет, ухватив куш, ты дашь деру из Хейдеса. И спустишь свои полмиллиона где угодно, только не в созвездии.

— И что тебя не устраивает? — спросил Кеттрик, невольно протягивая руку к теплому золотистому изгибу ее шеи.

Ларис резко оттолкнула руку.

— Зачем мне снова разбивать себе сердце ради одного-двух счастливых дней? Это слишком тяжело, Джонни! Я не стану делать этого.

На мгновение он узнал ту, давнишнюю Ларис, с горящими от любви глазами и искаженным от злости ртом, и ему захотелось сказать, что не все так плохо. Но тут же на ее лице вновь появилась холодная маска отчужденности, и она произнесла самым серьезным тоном:

— Если ты любишь меня, если я небезразлична тебе, уходи. Не предпринимай ничего, иначе всех нас ждут большие неприятности. Я уже поговорила с Сери. Мы можем посадить тебя на корабль сегодня ночью, и к утру ты будешь в безопасности за пределами созвездия.

Только теперь он начал понимать. Ларис и Сери не супруги, но они просто живут вместе и не хотят ничего менять.

Ларис ждала ответа, но Кеттрик отвернулся, опасаясь, что голос выдаст его гнев. Он старался быть справедливым. Она имела право на выбор, и не было никаких оснований возмущаться. Просто он всегда считал Ларис своей, даже когда умом понимал, что она живет в Тананару не в безлюдном вакууме, безропотно дожидаясь возвращения своего ветреного любовника. И все же что-то в глубине его души упорно цеплялось за нелепую мысль о том, что она живет именно так, если не телом, то, по крайней мере, душой. Именно так все эти годы жил он сам и потому, вопреки здравому смыслу, считал себя одураченным и преданным.

— Джонни, ты сделаешь это? — робко попросила Ларис. — Пожалуйста, поверь мне...

Кеттрик с усмешкой подумал — черт побери, хорош бы я был, если бы, словно влюбленный мальчишка, помчался вслед за ней по лестнице.

Он покачал головой:

— Нет, но не стоит волноваться, Ларис. Я ни на что не претендую. Твои отношения с Сери — это ваше личное дело.

— Все не так просто... — прошептала Ларис. Ему показа-

лось, что она собирается заплакать. — Мы больше не увидимся... Прощай.

Повернувшись, она вышла из комнаты, тихо закрыв за собой дверь. Кеттрик постоял некоторое время, приходя в себя после тягостного разговора, а затем закончил одеваться. Поднимаясь по внутренней лестнице на крышу, он услышал, как во дворе загудел мотор отъезжающей машины.

В маленьком саду он нашел одного Сери. С довольной усмешкой тот заметил:

— Я знаю, о чем вы разговаривали. У Ларис от меня нет секретов. Тебе стоит прислушаться к ее совету.

Кеттрик мрачно буркнул:

— Не твоё дело.

— Не надо злиться, Джонни. Мы с Ларис твои друзья и во все не хотим, чтобы ты сам засунул голову в эту петлю. Выпьешь?

Он протянул Кеттрику бокал с прохладительным напитком, который тот любил пить жаркими летними вечерами. Усевшись под пышным цветущим кустом, Сери указал гостю на соседнее кресло.

— Впрочем, поступай как знаешь. По крайней мере, наша с Ларис совесть будет чиста, мы тебя предупредили. Итак, поговорим о деле. Что я должен сделать, чтобы получить свою долю в полмиллиона кредитов?

Кеттрик ответил не сразу. Он с задумчивым видом прошёл мимо благоухающих кустов, цветы которых в лунном свете потеряли яркость своих красок, но чей аромат стал ещё гуще в свежем ночном воздухе. Подойдя к поручням, он наблюдал некоторое время за тем, как машина Ларис уменьшалась в размерах, сделала поворот и наконец совсем исчезла из виду. Потягивая холодное питье, он пытался успокоиться. Его сжигала ревность, но надо было сосредоточиться на главном.

А ситуация была непростой. В случае, если его арестуют раньше, чем он выполнит задание Говарда Векерса, его лицензия накроется медным тазом. Вероятно, придется провести долгие годы на тюремной планете Наркад, прежде чем ему удастся унести ноги из Хейдеса. Конечно, без Ларис созвездие теряет для него большую часть своей привлекательности. Но далеко не всю — ведь в Хейдес он влюбился задолго до того, как познакомился с этой женщиной.

Кеттрик взглянул на небо, по которому чинно плыли бронзовые луны, сопровождаемые хороводами звезд. Среди них выделялось ослепительно яркое Белое Солнце. Быть может,

там его наконец поджидает удача! Он почувствовал прилив сил, и бодрость вновь вернулась к нему. Черт побери, ничего еще не потеряно. Даже Ларис — ведь женщины переменчивы, как и сама судьба.

— Мне нужен корабль, — сказал он.

Сери хмыкнул, настороженно наблюдая за старым приятелем.

— Я так и думал, что ты скажешь нечто подобное. Сейчас в космопорту стоят два моих звездолета. Один уже зафрахтован, а второй пока свободен.

Кеттрик даже не пытался изобразить восторг на своем лице. Он отлично знал, что за «звездолет» ему предлагает Сери. Земля давно уже создала скоростные корабли — к этому ее вынудила отдаленность от других обитаемых миров. Здесь же, в плотно заселенном Хейдесе, дарванам не нужны были подобные суда со сверхсветовыми скоростями. Они были излишне дороги и неэкономичны. Да и желающих совершать путешествия в другие районы галактики было пока не так много — торговых партнеров, а также экзотики и развлечений хватало и на многочисленных мирах созвездия. Дарваны только приступили к разработке сверхсветовых двигателей нового типа, когда в Хейдес прибыли земные корабли, и вопрос решился сам собой.

Поначалу дарваны испытали нечто вроде шока — ведь до той поры они считали себя хозяевами космоса. Но они на удивление быстро приспособились к новому повороту событий. Купив лицензии на земные Родмановские двигатели, дарваны оборудовали ими свои тяжелые суда и стали совершать дальние галактические рейсы, а также осуществлять пограничное патрулирование окрестностей созвездия. В пределах же Хейдеса в основном продолжали летать тихоходные дарванские корабли старой конструкции. Впрочем, выбора у Кеттрика не было.

Он уже разработал маршрут своего путешествия по мирам Хейдеса. Часть его планов была определена в беседах с Секмой. В первую очередь следовало посетить несколько планет, где слухи о появлении смертоносной «Роковой Звезды» особенно сильно будоражили умы жителей. Возможно, там удастся найти ниточку, ведущую к таинственным создателям этого галактического феномена. Вторая часть маршрута была разработана самим Кеттриком и должна была принести ему вожделенный куш в миллион кредитов. С крыши дома Сери он мог проследить на небе большую часть предстоящего пути.

Звезды Хейдеса были ему хорошо знакомы, а многие из многоцветных миров за время долгих странствий стали для него добрыми друзьями.

Кеттрик закрыл глаза, погружившись в воспоминания о своей бурной, полной приключений молодости.

— Когда корабль сможет взлететь? — спросил он.

— Дня через три.

— Хорошо. Что за корабль?

— «Звездная Птица».

— Кто капитан?

— Ты его не знаешь, Джонни. Я не могу гарантировать, что капитан и команда...

— Это не проблема. Отправь капитана во внеочередной отпуск. И команду тоже. Я найму своих людей — если они все еще на свободе, конечно.

Сери стал бурно возражать:

— Но ты же не сможешь проводить все время в космосе! Нужно обслуживать корабль, пополнять запасы продовольствия, брать на борт хотя бы какое-то подобие грузов. А в созвездии тебя знают в каждом космопорту, и...

— И нет такого порта, который бы не знал я. Включая те, где я могу быть в безопасности, как у наседки под крылышком. Предоставь мне самому разбираться с этими проблемами.

— Но...

Кеттрик раздраженно взглянул на Сери.

— Дружище, ты прекрасно разбираешься в валютных курсах, бухгалтерских документах и прочих деталях торговых операций. Без тебя наша компания и шагу бы не могла сделать. Но что-то не припомню, чтобы ты когда-нибудь был специалистом в моей области.

Сери покачал головой.

— Понятия не имею, почему я слушаю тебя.

— Потому что ты жаден, дружок, как и все люди.

— Не буду отрицать.

— К тому же ты уже взвесил риск и возможный выигрыш и пришел к выводу, что игра стоит свеч.

Сери поморщился.

— У меня не было времени что-либо взвешивать, Джонни. Ты, как кирпич с крыши, свалился на мою бедную голову.

Сери встал с кресла и нервно стал прохаживаться по небольшому саду. Оказавшись в пятнистой тени вьющихся растений, где Кеттрику не было видно его лица, он повернулся и спросил:

— А если я скажу нет, Джонни? Что тогда?

Кеттрик пожал плечами.

— Я найду более стоворчивого судовладельца. И полмиллиона кредитов уплывут к кому-то другому. Черт побери, Сери, ты долгое время был моим партнером. И тебе первому я должен предоставить этот шанс.

Сери молча стоял и теребил лист вьюна.

Кеттрик рассмеялся.

— Согласен, замысловатая проблема для такого позднего часа. Но дело не терпит, так что я не могу дать тебе много времени на размышление. И помни, что для ищеек нашего друга Секмы я по-прежнему обретаюсь где-то на Земле. И я успею проверить это дельце, прежде чем до них дойдет, что это не совсем так. Если, конечно, вы с Ларис не заложите меня...

Сери возмущенно выругался.

— Очень хорошо, — усмехнулся Кеттрик. — Помня о нашей старой дружбе, я доверяюсь тебе. Но еще больше я надеюсь на твою трусость. Учти, если ты сдашь меня, то тоже проведешь остаток жизни на Наркаде. Покрывать своего давнего партнера я не собираюсь. Если что, шепну Секме о некоторых делишках, которые мы проворачивали с тобой на окраинных мирах Хейдеса... Но если ты будешь держать язык за зубами, я мигом закончу наше дельце и покину созвездие до того, как меня хватятся на Земле.

Сери стоял не шелохнувшись, так что было слышно, как прохладный ветерок стряхивал лепестки с цветов и шуршал прохладной листвой сада. Наконец он сказал:

— Ладно, Джонни. Можешь взять корабль.

Кеттрик улыбнулся и, подойдя к Сери, крепко пожал ему руку.

— Отлично, дружище! Обещаю, ты не пожалеешь.

Сери как-то странно взглянул на него, но затем на его лице появилось озабоченное выражение.

— Пока корабль будет готовиться к полету, тебе нельзя здесь оставаться. Как насчет острова? Там тебя никто не беспокоит эти три дня, и ты сможешь свободно выбирать в космопорт и набирать себе команду.

Кеттрик кивнул:

— Неплохая идея.

Ему и самому не хотелось оставаться в доме Сери, и не только потому, что существовал риск быть замеченным. Чем меньше он будет видеть Ларис, тем лучше для них обоих.

Сери выглядел довольным.

— Пойду подготовлю лодку. В моем домике на острове есть все необходимое, но тебе может еще кое-что понадобится. А ты пока посиди здесь и выпей еще чего-нибудь. Я пошлю с тобой Хиту и Чайт, они помогут устроиться в доме и отгонят назад лодку. На острове есть челнок, он тебе больше подойдет. А лодка только будет привлекать внимание.

И Сери торопливо спустился по лестнице во двор. Кеттрик налил себе еще стаканчик и, усевшись в кресло, стал лениво разглядывать звезды, стараясь не думать о тех временах, когда они с Ларис чудесно проводили время на острове. Хотя именно здесь, в городе, прошли лучшие месяцы их бурного романа. Ри-Дарва был полон звуков ее голоса, движений ее грациозного тела, и Джонни хотелось поскорее покинуть место, где он был когда-то так счастлив.

Наконец Сери позвал его. Кеттрик спустился во двор и прошел через заднюю калитку к причалу. Белая моторная лодка плавно покачивалась у пирса.

— Я лично прослежу за подготовкой корабля к полету, — пообещал Сери. — Если тебе что-то понадобится, скажи Хиту, и я пришлю тебе все необходимое завтра утром.

Хиту сказал:

— Пойдем, Джон-ни.

Они с Чайт любили плавать на лодке и радостно повизгивали, предвкушая путешествие. Кеттрик уселся на заднее сиденье и положил руку на руль.

— Я дам тебе знать, когда «Звездная Птица» будет готова, — сказал Сери и обнажил в улыбке крепкие белые зубы. — Счастливого плавания, приятель.

И он оттолкнул лодку от берега. Гладкая поверхность воды заколыхалась, играя бронзовым светом лун.

Хиту неуклюже устроился возле мотора. Вскоре лодка заурчала громче и заскользила вниз по реке, рассекая, словно белая стрела, темную гладь. Сери стоял на причале, сложив руки на груди, и провожал их глазами, а затем поспешно ушел.

Город спал на берегу, укутавшись мглой. Дома сменились причалами и рыбными бухтами по мере того, как река расширилась и незаметно переросла в озеро. Вдали, на юге, Кеттрик увидел силуэты звездных кораблей. Один из них взмыл в небо с приглушенным ревом, который всегда так будоражил его сердце.

Вскоре город и космопорт исчезли позади, и вокруг остались только звездное небо, темное озеро и маленькая белая лодка.

И тут ночную тишину расколол удар грома. Мощный толчок вышвырнул Кеттрика из лодки. Пролетев по высокой дуге, он рухнул в воду, которая жадно поглотила его. А затем на него нахлынула боль, и все исчезло.

Глава 5

Со всех сторон его окружала темная вода, теплая, как парное молоко. Джонни чувствовал, что течение несет куда-то его обессилевшее тело. Он колыхался на волнах вместе с прядями водорослей, но сам не мог даже шевельнуть рукой, хотя и не потерял способности размышлять. И ему думалось, что утонуть — это довольно приятно, так же приятно, как вот так раскачиваться в тихом неспешном ритме спящего озера.

И тут он непроизвольно открыл рот и вдохнул воздух полной грудью.

Боль пронзила его тело. Он захлебнулся, закашлялся, содрогаясь в конвульсиях. Его захлестнула паника — нет, он не хотел умирать! Он попытался плыть, но боль сразу же парализовала его, так что он вновь стал тонуть.

Но что-то или, вернее, кто-то удержал его на поверхности. Кто-то тащил его, поддерживая голову над водой.

— Джон-ни, тихо. Не вырываться...

Кто-то. Мокрая шерсть и крепкая рука, держащая его за шиворот.

— Хиту...

— Хиту мертв. Это есть Чайт.

Было странно слышать, как из мохнатой пасти вырываются почти женские рыдания, странно видеть, как соленые слезы стекают в озеро, которое старается утопить человека и похожее на собаку существо. Но еще более странно было находиться в таком состоянии, когда только боль в боку и кажется единственной реальностью.

— Держи, Джон-ни.

— Не могу...

Чайт строго приказала:

— Держи!

И он вцепился левой рукой в какой-то плавучий обломок, который Чайт подтолкнула к нему. Кеттрик услышал, как она вздохнула, будто скинув с плеч тяжелую ношу. Некоторое время они вдвоем плыли в темноте, держась за обломок лодки. В голове у Кеттрика постепенно стало проясняться. Он по-

нял, что лодка по какой-то причине взорвалась и ударная волна выбросила их в воду. Хиту погиб... А Чайт пытается сейчас спасти его.

— Ушиблась?

— Только немного.

Чайт уверенно держалась на воде, так что, скорее всего, говорила правду. Она ведь была на корме, дальше всех от взрыва. А Хиту оказался в самом центре...

Бедный Хиту. Бедная Чайт. Она плыла, продолжая рыдать, но теперь уже тише. Кеттрик положил голову ей на плечо и сказал:

— Бедная.

Он чувствовал, как она дрожит. Потом услышал ее слова:

— Что делать, Джон-ни.

— Ты видишь берег?

Она отпустила обломок и, сильно взмахнув лапами, поднялась высоко над водой, а затем упала в нее с сильным всплеском.

— Вижу.

Вновь ухватившись за обломок, она медленно поплыла, с силой толкая деревяшку и Кеттрика впереди себя.

— Дай передохнуть минуту, — попросил он. — И я смогу помочь.

— Больной?

— Похоже, сломал несколько ребер.

Все остальное, казалось, было цело, и если он не делал слишком глубоких вдохов и слишком резких движений, то боль была вполне терпимой.

Кеттрик начал работать ногами, помогая Чайт, насколько мог.

Они медленно плыли в ночной мгле, а луны тем временем одна за другой уходили за горизонт.

Смеркалось.

Озеро казалось безграничным, берег куда-то исчез. Кеттрик очень сильно устал и запаниковал. Но Чайт раз за разом выскакивала из воды, словно тюлень, и говорила, что видит берег и что огни уже ближе. И вновь ее мощное большое тело оказывалось в воде рядом с Кеттриком. Казалось, она старается передать ему часть своей огромной силы, и он продолжал барахтаться ногами, со стыдом думая о том, что его дух оказался менее стойким и мужественным, чем дух этого собакообразного существа. Наверняка после взрыва она ныряла за

ним и вытащила его из глубины, хотя сама тоже была оглушена.

— Спасибо, Чайт. Я не забуду, что ты меня спасла.

Некоторое время она плыла молча, а потом спросила:

— Почему лодка убивать Хиту? Он ехал в ней много раз...

Кеттрик покачал головой:

— Не знаю. Авария.

Авария?

И тут его оцепенение прошло, и в голове прояснилось.

Авария?!

Возможно. Порой на озере случаются несчастные случаи. Например, взрывается мотор лодки или из глубин выбрасываются летучие газы. Люди погибали здесь и прежде, будут погибать и в будущем.

А вдруг это не несчастный случай?

Он слишком доверял Сери и был чересчур самоуверен. Он поставил перед своим бывшим партнером столько сложных проблем, что тот вполне мог разрешить их вот таким образом. Сери мог подумать: надо устранить Кеттрика, и все проблемы исчезнут, будто их никогда не было. Заодно надо убрать Хиту и Чайт, и тогда все концы будут спрятаны в воду. Кеттрик исчезнет, как будто он и не появлялся в Ри-Дарве. Об этом будут помнить только он, Сери, и Ларис, но уж они-то будут хранить молчание.

Впрочем, о Кеттрике будет помнить и Секма. Но этого Сери, конечно же, не знал.

Кеттрик застонал от этой мысли, которая оказалась болезненнее, чем рана в боку. Если это так, то смерть Хиту и на его совести...

— Джон-ни? — спросила Чайт, услышав его стон.

Но он не осмелился рассказать Чайт о своих догадках. Не спеши, сказал он сам себе. Ведь Сери сказал: «А если я скажу нет?» И он ответил: «Тогда я договорюсь с другими судовладельцами».

Он не загонял Сери в угол. Он предлагал своему давнему партнеру лишь участвовать в деле, которое могло принести им обоим немалую выгоду. И Сери мог отказаться, только и всего.

Зачем же убивать?

Впрочем, могли существовать и другие причины.

Ларис? Сери боялся, что она уйдет от него и вернется к своей давнишней любви?

Не исключено. И Сери, и Ларис хотели, чтобы он уехал, а

он отказался. Но также возможно, что Ларис искусно скрывала свои истинные чувства, которые хорошо были известны Сери. И тогда он решил навсегда избавиться от соперника.

Кеттрик горько усмехнулся. Ему так хотелось думать, что Ларис продолжает любить его!

Но какова бы ни была истинная причина взрыва, Джонни действовал слишком самонадеянно, и теперь его грандиозные планы в буквальном смысле разлетелись в щепки.

Продолжая плыть, он от души выругался. Впервые в жизни его пытались убить. Этого уже было достаточно, чтобы вызвать гнев, но Чайт и Хиту — вот что по-настоящему приводило его в ярость. Они здесь совершенно ни при чем. Собаколюди преданно служили Сери почти восемь лет. И все же он смог так легко разделаться с ними, словно с парой назойливых мух.

Странно. Он не помнил Сери таким, иначе не сделал бы его своим партнером. Должно быть, он просто не знал Сери так хорошо, как считал прежде.

Или же Сери изменился.

— Смотри, — сказала Чайт.

Кеттрик увидел впереди огни. Во мгле ночи выделялась более густая чернота контура берега. Приглядевшись, он рассмотрел очертания зданий и темную линию пирса, отмеченного спереди предупредительными огнями. С берега подул легкий ветерок, а на востоке небо начало слегка светлеть.

Чайт поплыла быстрее, направляясь к берегу.

— Я помогу, Джонни.

— Нет.

Она повернулась и вопросительно посмотрела на него. Кеттрик упрямо бил ногами по воде, хотя сил у него почти не осталось. Голова раскалывалась от боли, сильно тошнило. Больше всего ему хотелось оказаться сейчас в теплой постели, в госпитале, где заботливые медсестры утешили бы и обогрели его. И если бы не ненависть к Сери, он мог бы сейчас сдатьсь и отказаться от своих планов, потому что в этот момент его меньше всего интересовали «Роковая Звезда» и Белое Солнце, и вообще весь Хейдес. Ему наплевать было на депортацию из созвездия или на ссылку в Наркад. Сейчас ему была безразлична даже Ларис. Любовь, алчность, честолюбие, долг — все утонуло в этом озере.

Но он был полон злости, а злость всегда делала его упрямым и беспощадным. Он хотел отомстить Сери, а для этого нужно было выжить и остаться на свободе.

Он объяснил Чайт, что нарушил закон и что если люди найдут его, то посадят в клетку. Она все поняла.

— Куда тогда?

Он указал рукой в сторону пирса.

— На берегу возле пирса есть пещера. Нам надо спрятаться там и переждать день, а вечером снова отправиться в путь.

Светало. Заплыв под пирс, они торопливо стали пробираться между стальных опор к берегу. У Кеттрика еще не сложилось никакого четкого плана дальнейших действий, но он знал одно: Сери хотел убить его. Поэтому лучше всего в этой ситуации оставаться мертвым. И тогда можно будет делать все, что угодно, а Сери будет по-прежнему считать, что его враг лежит на дне озера.

Продолжая плыть в тени пирса, Кеттрик посмотрел на обломок доски, за который они с Чайт держались. Надо на всякий случай взять эту штуку с собой, подумал он.

Вскоре они выбрались из воды и спрятались в небольшой пещере, в которой едва смогли поместиться. Дно пещеры было покрыто сухим песком, и вся она была наполнена плещущим звуком волн, накатывающихся на опоры пирса.

Кеттрик объяснил Чайт, что им придется скрываться здесь до темноты. Она согласилась с собачьей покорностью и только страхнула капли воды с шерсти. Затем она вырыла яму в песке и улеглась там вместе с Кеттриком, прижав его к своему влажному телу.

Чайт быстро уснула, утомленная всем пережитым. Кеттрик чувствовал себя совершенно разбитым, но не смог сомкнуть глаз. Он замерз и страшно устал. Из его головы не выходил этот странный взрыв. Сери... черт побери, да с какой стати Сери убивать его? «Мы больше не увидимся, Джонни, — сказала Ларис. — Прощай». И она ушла. Да и какую угрозу мог он представлять для них обоих, находясь на Белом Солнце? Даже если бы он попался, никто не смог бы протянуть ниточку, ведущую от него к Сери.

Наверное, от взрыва у него просто помутилось в голове, и он начал выдумывать невесть что. Конечно же, произошел несчастный случай. Кеттрик от этой мысли сразу же почувствовал заметное облегчение. Такое положение дел многое упрощало. Совершенно бессмысленно прятаться в этой норе. Сейчас он пошлет Чайт к Сери и...

Он уже открыл было облепленные песком губы, но не смог произнести ни слова. Темный туман сна накатился на него, и все исчезло.

Долгое время он находился в холодной мгле. Все вокруг потеряло форму, исчезло время и пространство. Он плыл в океане небытия, а сверху на него давила пустота так, что он не в силах был даже пошевелиться.

Постепенно холод стал уходить, уступая место мягкому теплу. Окруженный им, Джонни согрелся, протянул руку — и пустота беззвучно раскололась, а обрывки небытия расплылись в стороны, словно облака под порывами ветра. И тут он понял, что являлось источником этого тепла.

Огромное оранжевое солнце сияло в небе, рассеивая пустоту, сжигая ее своим ласковым огнем. Кеттрик закричал от радости и протянул руки к солнцу, благодаря за спасение. Он пошел навстречу ему, окутанный мягким колышущимся туманом, скрадывающим детали окружающего ландшафта.

Вскоре он почувствовал, что свет не совсем обычный.

Кеттрик остановился, не сводя озадаченного взгляда с солнца. Рыжий апельсин помутнел, покрылся уродливыми пятнами — казалось, он излучал злобу и беду. И ядовитый свет начал жалить его, нагого, оставшегося без защиты на огромной пустой равнине.

В панике он закричал:

— Что это?

— Звезда Смерти.

Это сказал Секма, стоявший неподалеку, — Кеттрик только сейчас заметил его. Секма улыбнулся и небрежно махнул рукой, глядя на смертельно больное солнце.

— Не волнуйся, Джонни. Ведь это только миф.

И он пошел прочь, беззаботно насвистывая.

Кеттрик побежал вслед за ним.

— Это не миф! — кричал он. — Разве ты не чувствуешь ожогов?

Секма даже не обернулся. Он продолжал идти, насвистывая, и хотя Кеттрик бежал изо всех сил, ему не удавалось догнать космического полицейского.

Но он продолжал кричать:

— Это не миф! Это правда!

Свет становился все сильнее, обжигая глаза и кожу. А Кеттрик все бежал по улицам мертвого города и кричал от отчаяния. Он знал, что его никто слышит, потому что все жители погибли. Звезда Смерти смела всех, словно космическая чума...

Он проснулся от ласковых прикосновений руки Чайт, которая пыталась успокоить его.

Кошмар постепенно отступал. Кеттрик прижимался к теплему телу Чайт и даже всхлипывал от огромного облегчения. Никакой Звезды Смерти в небе не было — просто ему в глаза бил отсвет пурпурного заката, зажегший горизонт на западе от озера.

«Не волнуйся, Джонни. Это только миф».

Откуда этот сон? Неужто напомнила о себе совесть?

Не важно. Ведь это только сон.

Солнце село, и ночь вступила в свои права. Кеттрик ощутил сильный голод. Положив руку на плечо Чайт, он сказал:

— Пойдем посмотрим, хорошо ли считается мертвым.

Глава 6

Они крались, словно призраки, по темным улицам, выбирая маршрут через деловые районы города, где дневная жизнь уже замерла и где было меньше прохожих и света. Ночью, в типичном местном одеянии, Кеттрик мог сойти за дарвана. А огромная фигура Чайт рядом с ним отпугнула бы любого любопытного. Собаколюди, называвшие себя тхеллами, были хорошо известны в этих краях. В основном они выполняли работу телохранителей, и мало нашлось бы желающих с ними связываться.

Чайт спросила, куда они направляются.

— В дом друга.

— Сери?

— Нет, не Сери.

— Почему? Сери — друг.

— Да... — с сомнением ответил Кеттрик.

Наконец-то шок прошел. Голова кружилась, он испытывал боль во всем теле и голод, но уже мог достаточно четко и спокойно соображать. По-прежнему он не был полностью уверен в том, что кто-то пытался убить его и двоих тхеллов. Тем более ему не хотелось верить в то, что в этом замешан его давний партнер и друг. Но рисковать в его сложном положении было нельзя.

— Я нарушил закон, Чайт. Если я вернусь к Сери опять, его могут посадить в клетку.

Она вздохнула.

— Я пойду с тобой, Джонни. Сери плохой ко мне без Хиту.

Тхеллов взяли на службу вдвоем, и Кеттрик понимал, что

ей не хотелось бы возвращаться домой одной. Таков был обычай тхеллов: менять жилище, когда один из пары умирает.

После паузы Чайт добавила:

— Никого не любить, только ты.

Эти слова глубоко тронули его.

— Я помогу тебе вернуться домой, Чайт. На твою родную планету.

— Нет, — покачала она головой. — Я иди с тобой.

— Ладно, — охотно согласился Кеттрик, — пойдем со мной.

Он был рад тому, что Чайт рядом, когда они шли по мрачным аллеям, огибавшим кварталы окраин. Сейчас он был не в состоянии отразить нападение даже какого-нибудь хулигана, охотящегося за мелкой монетой, бутылкой выпивки или щепоткой наркотика. Вскоре они вышли на более широкие и светлые улицы.

Здесь было шумно илюдно, и Кеттрик легко затерялся в толпе. На окраинах Ри-Дарвы землянин не был в диковинку и не привлекал к себе особого внимания. В этом районе города можно было встретить людей со всех частей Хейдеса и множества рас — гуманоидов всех видов, размеров и цветов кожи в разнообразных инопланетных одеяниях и в местных костюмах. Кое-кто из них постоянно жил на Тананару, занимаясь бизнесом различной степени легальности. Пестрые, шумные окраины устраивали их куда больше, чем чинные и законопослушные районы города.

Смешение архитектурных стилей поражало не меньше, чем разномастная толпа. Обитатели окраин строили дома, следуя своим обычаям и вкусам, так что улицы были заполнены зданиями в форме башен и куполов, усеченных пирамид и сфер, кубов и звезд... Одни выглядели серо и неопрятно, другие сияли радужными красками, приятно радуя глаза.

Кеттрику всегда нравился этот район. Он знал его как свои пять пальцев и потому уверенно вел Чайт по кишасим людскими улицам, мимо магазинов и базаров, где никогда не гасли огни реклам, мимо увеселительных заведений, где предавались всем грехам, известным в галактике. Большинство окон были плотно зашторены. Солнечный свет никогда не проникал в клубы и игорные залы, куда не пускали никого, кроме представителей определенных рас. Только они знали о том, что происходило там, внутри. Кеттрик давал волю воображению, представляя самые невероятные и экзотические оргии, которые скрывали эти стены. Впрочем, он прекрасно знал,

что на самом деле там просто собирались старики, чтобы обсудить в неспешной беседе последние новости под унылые песни какого-нибудь местного менестреля или же заняться не менее скучными ритуальными действиями, следуя законам своей религии.

На каждом шагу встречались бары и таверны, наполнявшие ночь аппетитными ароматами своих кухонь. Чайт останавливалась возле некоторых из них и выразительно облизывалась. Кеттрик был голоден не меньше, но у него не было мелких денег, а крупные купюры могли принести здесь лишь одни неприятности, что никак не входило в его планы. Он пообещал, что скоро покормит Чайт, и она безропотно продолжала идти вперед.

Вскоре они подошли к кварталу из конических небоскребов, опоясанных паутинами наружных лестниц, ведущих к бесчисленным входам на разных уровнях этих необыкновенных зданий. Они напоминали одновременно и вавилонскую башню, и улей. И они так же гудели, как пчелиный улей. Воздух в этом квартале был наполнен голосами, смехом и острими, как осколки стекла, обрывками музыки. Национальные мелодии казались Кеттрику малоприятными, он предпочитал современную музыку, потому что ее можно было слушать, не принуждая себя к этому утомительному занятию.

Кеттрик нашел здание, которое искал, и начал взбираться по одной из крутых лестниц, преодолевая слабость в ногах.

А что, если Бокер уехал, с тревогой думал он, поднимаясь все выше и выше. Его могли выслать из страны, посадить в тюрьму, убить, он может находиться сейчас на борту корабля где-то за пределами созвездия. Что делать тогда? Вернуться к Секме и сдаться на его милость?

От одной этой мысли Кеттрика замутило. Он решительно продолжал подниматься с уровня на уровень, перешагивая через груды мусора и брезгливо отгоняя грызунов, которые визжали и шипели на него, но тут же в панике разбегались, завидев Чайт. Однажды он поскользнулся и едва не перевалился через невысокие поручни, но Чайт успела поддержать его. Он сжал зубы и продолжил подъем, проклиная Бокера, который жил на десятом уровне, среди всякого нищего сброда.

Добравшись до очередной лестничной площадки, он оказался перед овальной дверью. Она была открыта навстречу теплему ночному воздуху. У Кеттрика едва хватило сил на то, чтобы постучать, потом он пригнулся и вошел. Чайт опустилась на все четыре лапы, чтобы не удариться о притолоку.

За столом сидели три синеккожих ребенка, выпучив глаза и усердно запихивая еду в рот. Женщина с подобной же кожей, пышной грудью и копной светлых волос уронила бокал с вином на колени и вскопчила с испуганным криком, не сводя глаз с гостей.

Мужчина той же расы сидел спиной к Кеттрику. У него была внушительная серебристая грива, обстриженная так, что волосы росли лишь узкой полосой по центру головы. Он был обнажен, если не считать засаленных шорт. Фигура выглядела приземистой и крепкой. Через бугры накачанных мускулов левого плеча пробегала белая змейка шрама. На мочке левого уха, словно капля крови, блестел красный камень.

Кеттрик выдохнул:

— Бокер!

Он произнес это, как любовник, встретивший наконец-то свою возлюбленную. Разом ослабнув, он едва не упал, но Чайт подхватила его и помогла сесть в кресло.

Обернувшись, Бокер издал радостный вопль. Обняв старого друга, хозяин дома первым делом налил ему бокал вина, и Кеттрик жадно выпил. Затем последовал долгий, беспорядочный разговор. Детишки забились в дальний угол комнаты и не сводили любопытных глаз с гостей, главным образом с Чайт. Женщина говорила что-то, энергично жестикулируя, но на нее никто не обращал внимания.

— Откуда ты свалился, Джонни? — спрашивал Бокер, не забывая подливать другу вина. — За тобой гонятся? Небось хочешь где-нибудь спрятаться? Или ищешь партнера, чтобы облапошить пару-другую клиентов?

Голос его звучал весело, но взгляд оставался настороженным.

— У тебя такой вид, дружище, словно ты побывал в мясорубке. Что, была славная драка?

— Он же ранен, — вмешалась его жена по имени Педа. — Дай ему передохнуть.

Она подошла к Кеттрику, поглядывая и на лежащую в углу Чайт, по мохнатому боку которой текла струйка крови.

— Привет, Джонни. Позвать доктора?

— Нет. Я прибыл сюда нелегально.

— Где болит?

Он показал на окровавленный бок.

— Здесь — и везде. Но хуже то, что я умираю с голоду. Дай-те сначала что-то поесть.

— Это только раздует тебе ребра, — покачала головой Педа

и ощупала его бок. Кеттрик сморщился от боли и понял, что женщина права.

— Тогда хотя бы покормите Чайт. Мы долго плыли и почти не спали.

— Что она ест? — спросил Бокер.

Кеттрик усмехнулся.

— Не думаю, чтобы она была сейчас слишком разборчива. — И на языке тхеллов он обратился к Чайт: — Еда, отдых. Мы в безопасности.

— Хорошо, — ответила Чайт и с трудом поднялась на ноги. Бокер принес еды, и она принялась жевать, не спуская внимательного взгляда с Педы, которая перевязывала раненый бок Кеттрика.

Сделав перевязку, Педа разрешила ему поесть. Кеттрик разговаривал с Бокером на галакто, который Чайт не понимала. Он коротко рассказал о своей встрече с Сери и о том, что случилось на озере.

— Я не уверен, что Сери решил от меня отделаться, — заключил он. — Но и доверять ему тоже больше не могу.

— Разумно, — кивнул Бокер.

Они с Кеттриком повстречались много лет назад в одном из окраинных миров Хейдеса. Бокер дал тогда своему неопытному приятелю несколько ценных советов по поводу браконьерских действий в местных заповедниках. Затем они помогли друг другу уносить ноги прямо из-под носа Патруля, и с тех пор стали закадычными друзьями. Спустя некоторое время Бокер уволил со своего полупиратского корабля шкипера и взял на его место Кеттрика. Вместе они совершили немало рейсов в Хейдесе и провернули несколько весьма удачных дел. Но затем Кеттрик возмужал и начал действовать самостоятельно, что и привело его к краху и высылке из созвездия.

— На этот раз мы должны действовать вместе, как и в старые добрые времена, — убеждал приятеля Кеттрик. — Если ты, конечно, не слишком остепенился.

Бокер рассмеялся:

— Нет, я остался таким же авантюристом, как и прежде, Джонни. Но признаюсь, что особой радости мне уже это не приносит. Наверное, старею. Да и таможенники на мирах созвездия поумнели. И все же кое-где в Хейдесе можно еще пошуровать с пользой для кошелька и без особого риска. Некоторые туземные народы словно созданы для того, чтобы толковые парни вроде нас с тобой чистили им карманы.

Бокер выпил много вина, но выглядел не столько пьяным,

сколько возбужденным. Его глаза сияли дьявольским огнем, на грубо скроенном лице блуждала злая улыбка. Не выдержав, он вскочил на ноги и стал мерить комнату упругими шагами, время от времени похлопывая себя по мускулистой груди.

— Говоришь, Белое Солнце, да? Что ж, это лакомый кусок, ничего не скажешь. И на черта ты связался с этим негодяем Сери и его ржавой «Птицей»? За эти полмиллиона кредитов я возьму тебя в зубы, как щенка, и полечу на Белое Солнце сам!

Кеттрик с надеждой взглянул на него.

— У тебя есть корабль?

Бокер встряхнул своей серебристой гривой. В свете лампы блеснули белоснежные зубы.

— Смотря что называть кораблем. Если дырявое ржавое корыто можно считать кораблем, то он у меня есть. И при этом заметить, что я владею не всей этой потасканной красоткой, а лишь третью ее. Мои совладельцы — Глеван и Хурт. Не скажу, что наш кораблик обладает особой прытью, но до сих пор ему удавалось не только взлетать, но даже и садиться на самые разные миры.

— Глеван и Хурт... Как же, помню.

Хурт был родом с Хлакрана, так же как и сам Бокер. Он был бессменным помощником капитана на корабле Бокера. Выходец с Питтана, коренастый темнокожий уродец Глеван служил бортинженером и отличался золотыми руками и скверным характером.

— Они пойдут на такое рискованное дело? — поинтересовался Кеттрик.

— Если не пойдут, значит, их пора пристрелить, — хохотнул Бокер. — Миллион кредитов! За такие огромные деньги стоит рискнуть головой. Да и этой ишейке Секме надо утереть нос, верно?

— Ты лучше найди ребят и переговори с ними, — посоветовал Кеттрик. Он испытывал неловкость от того, что не мог рассказать всего Бокеру. Секма убедил его, что в деле, касающемся «Роковой Звезды», доверять никому нельзя. Другой вопрос — афера на Белом Солнце. Здесь он, Кеттрик, мог действовать совершенно самостоятельно и выбирать партнеров по своему вкусу. Он всерьез намеревался завершить прерванную сделку с криннами и унести в клюве вожака миллион кредитов прямо из-под носа Секмы. И пусть тот попробует помешать ему на этот раз! А еще лучше, если бы Секма считал его погибшим. Тогда руки Джонни были бы полно-

стью развязаны. К черту все «Роковые Звезды», у него и своих дел хватает.

Бокер тем временем связался по коммутатору с Хуртом и обменялся с ним несколькими фразами на их родном языке. Затем снова обратился к Кеттрику.

— Хурт разыщет Глевана, и они придут сюда через пару минут. Я только сказал им, что есть важное дело.

— Отлично. — Джонни помедлил, прежде чем задать мучивший его вопрос: — Бокер, ты ничего не слышал по радио о том, что вчера вечером на озере взорвалась моторная лодка Сери?

— Ты не помнишь, Педа?.. Она слушает по радио все новости подряд. Обожает, понимаешь, дурацкие сплетни.

— Ни слова про это не было, — покачала головой Педа. — Я бы запомнила.

Впрочем, Кеттрик и не надеялся, что Сери сообщит об этом случае. Даже если он и не причастен к взрыву, болтать Сери нет никакого резона. Особенно о том, что на лодке находился Джонни Кеттрик, нелегальным путем прилетевший в Хейдес.

Все складывалось как нельзя лучше, если бы не одно важное обстоятельство. Секма знал, что Кеттрик должен был встретиться с Сери, и он будет ожидать вестей, как они и условились. Если Секма не получит никаких известий, вряд ли его первой мыслью будет: «С Кеттриком что-то случилось!» Куда вероятнее, что он подумает: «Эге, этот пройдоха Джонни пытается вести двойную игру, надо принять меры». Хорошо бы, конечно, если бы Секма узнал о взрыве на озере, но как и кто сообщит ему такое?

Черт побери, умереть оказалось не так-то просто.

Бокер отчего-то нахмурился и задумчиво почесал небритый подбородок.

— Говоришь, Сери предложил тебе лететь на «Звездной Птице»?

Кеттрик кивнул.

— Что-то у меня в голове вертится по поводу этого корабля... — пробормотал Бокер. — Погоди, сейчас вернусь.

Он вышел в соседнюю комнату. Педа принесла Кеттрику еще вина и спросила, как он себя чувствует.

— Уже лучше, — улыбнулся он. — Спасибо.

Он поднял глаза на хозяйку дома.

— Ты не будешь возражать, если Бокер отправится со мной в рейс?

— Пусть летит, — сказала женщина и рассмеялась. — Мне

хватает забот с детьми, а от него дома пользы мало. С утра до ночи болтается по кабакам с приятелями. Да и свое дело он уже сделал. — Педа выразительно похлопала себя по заметно округлившемуся животу, где созрел очередной отпрыск. — Вы скоро вернетесь, да?

— Надеюсь.

— И еще одно, Джонни. Тебя здесь долго не было, и ты о многом не слышал. Меня Белое Солнце не больно-то волнует, Бокер запросто может повернуть там любое дело. Да и сопливых мальчишек из таможни и космической полиции он легко заткнет за пояс. Но есть кое-что другое, о чем Бокер и его парни не любят говорить. Может, считают это бабьими глупостями, а может, просто боятся. Но ты будь поумнее и держи ухо востро.

У Кеттрика засосало под ложечкой.

— А чего же нам остерегаться, Педа?

— Точно и не знаю... — Она в упор смотрела на Кеттрика, но взгляд был отсутствующим, словно бы она была погружена в собственные мысли. — Я услышала об этом на рынке. Гурранка, которая держит рыбную лавку, сказала мне по секрету, что один мужчина из их расы сообщил: в Хейдесе грянет какая-то беда. И другие люди говорят об этом, пока шепотом, словно кого-то боятся. Вы, мужчины, считаете всех женщин дурами, но у нас есть глаза и уши, и мы кое-что соображаем. Люди зря говорить не будут. В Хейдес скоро придет большая беда и принесет ее «Роковая Звезда».

Кеттрик облизал внезапно пересохшие губы. Он вспомнил о своем кошмарном сне и о том, что услышал от Говарда Векерса. Черт побери, неужто все это правда?

— И когда наступит эта беда?

— Скоро. Не знаю точно. Все говорят по-разному.

Кеттрик вспомнил свои собственные расчеты, что он сделал во время беседы в библиотеке Векерса. Для демонстрации «Роковой Звезды» — если она, конечно, существует в реальности — лучше всего подошла бы очередная ассамблея Лиги Свободных миров. И до нее тогда было шесть циклов Универсального галактического времени.

«С тех пор прошло... хм-м... три единицы с четвертью. Не так уж и много. Если «Роковая Звезда» действительно существует, то еще можно успеть что-то предпринять!»

Он намеревался еще порасспрашивать Педу, но тут в комнату вошел озадаченный Бокер.

— Странные творятся дела, — сказал он. — Напомни, что именно говорил Сери о «Звездной Птице»?

— Что корабль в моем распоряжении, поскольку никем пока не зафрахтован, и будет готов к полету дня через три.

— Ах вот как... — вздохнул Бокер. — Я связался с приятелями из космопорта, и они сообщили, что «Звездная Птица» полностью загружена и направляется на Гурру, Твейн, Кир-наноку...

— Что — она уже загружена?

— Да. Она взлетела сегодня утром.

— Проклятие! — воскликнул Кеттрик и грязно выругался. Его затрясло от ненависти. — Я убью этого подлеца, — процедил он сквозь крепко сжатые зубы. — Авария? «Езжай на остров, Джонни, и я сообщу, когда корабль будет готов. Через три дня ты улетишь». Ну что ж, спасибо тебе за заботу, дружище Сери. Я никогда этого не забуду... Убью мерзавца!

— Тогда тебе надо поторопиться, — усмехнулся Бокер. — Потому что Сери удрал на «Птице».

Глава 7

Замечательно было снова оказаться в космосе.

Удивительно, но «Грелла» — в точности такая развалина, какой ее описывал Бокер, — без труда поднялась в небо. Название корабля на языке хлаканов означало «Прекрасная королева».

Кеттрик потратил большую часть своих денег на экипировку корабля. Бокер изрядно подзаработал, то там то сям выторговывая скидку у купцов. Кеттрик закрывал глаза на это, ему было важно лишь одно — чтобы товары на борту корабля были самого высокого качества и пользовались спросом в созвездии.

Это вовсе не было блажью. Совершенно необходимо по пути вести торговлю, чтобы поддерживать какую-то видимость коммерческой деятельности. Звездный Патруль имел дурную привычку время от времени обрушиваться с проверками на миры созвездия — там, где у них не было собственного представительства и где в космопортах не велся строгий учет и регистрация прибывших грузов. Кеттрик был уверен, что друзья на этих мирах не выдадут его, но Бокера ему подставлять не хотелось.

Перед отлетом в Хейдес Кеттрик договорился с Секмой о сеансах связи по передатчику, но после всего происшедшего не рискнул воспользоваться им. Да и условленная заранее встреча стала невозможной, так что он предоставил событиям идти своим чередом.

Возникли проблемы и с Чайт. Тхеллы официально признавались лишь полуживотными, и поэтому провести ее на борт корабля можно было, лишь получив массу документов, которых у них не было. Компаньоны неодобрительно покачивали головами, но Кеттрик настаивал, и им пришлось тайно протащить Чайт вместе с личным багажом.

Они подделали декларацию и с огромным трудом прошли таможеню. И только тогда «Грелла» со скрипом и дребезжанием снялась с места и поковыляла в темные глубины космоса, освещаемая звездными огнями. Корабль взял курс на Гурру, Твейн, Кирнаноку и Трейс.

Это был маршрут «Звездной Птицы» Сери.

— Зачем тебе это? — спросил его Бокер перед отлетом. — Понимаю, ты хочешь расквитаться с подонком, но...

— Дело совсем в другом, — пояснил Кеттрик. — Именно этим курсом мы доберемся до Белого Солнца. Посмотри на карту и попробуй найти путь получше.

Он не сказал Бокеру, что именно на этих мирах, если верить Секме, больше всего ходило слухов о «Роковой Звезде».

Странно, что этот маршрут выбрал и Сери. За исключением Кирнаноку, все остальные миры относились к числу отсталых, малопривлекательных для торговли. Конечно, Кеттрика это касалось в меньшей степени — он умел выгодно договариваться даже с самыми нищими на первый взгляд туземцами. Кирнаноку был довольно богат, но его жители не очень доброжелательно относились к людям. А потому торговля там также требовала особого «таланта».

Бокер внимательно изучил карту и признал, что более удобного пути к Белому Солнцу не существует, если не считать довольно странной предпоследней остановки.

— Трейс — несколько необычный трамплин для гиперпрыжка к Белому Солнцу, — заметил он.

— Знаю, — сказал Кеттрик, — поэтому мы совершим его прямо от Кирнаноку.

Бокер уставился на него.

— С ума сошел? — Он ткнул указательным пальцем в карту. — Посмотри на это расстояние, Джонни. Это ваши громадные земные корабли могут сделать такой прыжок, но на-

ши ржавые корыта на такое не способны. Двигатель не выдержит, и хлоп! — от нас только перья полетят. А моя Педа получит похоронку от Космического управления...

— Верно, — согласился Кеттрик. — Но «Грелла» должна преодолеть это расстояние в два прыжка. — И он показал возможный маршрут на карте. — Если корабль выйдет из первого где-то здесь...

Бокер посмотрел на него, как на сумасшедшего.

— Джонни, опомнись. Посмотри, куда ты тычешь пальцем. Первый прыжок выведет нас точнехонько в самую середину Лантаванской банки, самые страшные дебри в созвездии. Это так же приятно, как выброситься из окна небоскреба в жерло бетономешалки.

— Нет. Мы выйдем из первого прыжка чуть ближе, в открытом космосе. Затем мы проходим через Банку на маршевой скорости. Во время дрейфа проверим гипердвигатель, подзарядим энергоустановки, и тогда...

— Мы пойдем через Банку? — изумился Бокер. — И где же?

— Вот здесь. — Кеттрик провел ярко-красную линию, пересекавшую по диагонали темную область на карте. — В самом узком месте.

— И самом опасном... — пробормотал Бокер, который, как и многие капитаны, побаивался дрейфа в космических течениях. — Послушай, Джонни, не валяй дурака. Из Уарды можно запросто добраться до Белого Солнца за один прыжок. Даже Мардир был бы лучше, несмотря на то что там любит шастать Патруль.

— Вот именно — мы там уже один раз влипли, — напомнил Кеттрик. — Мардир — это дверь в запретный для торговли район, так что лучше туда не соваться. Уарда хороша для прыжка из этого пыльного мешка, не спорю. Потому ребята из Звездного Патруля и взяли ее на заметку. Спорим, что возле нее нас поджидает ловушка, да и не одна? — Он покачал головой. — Нет, дружище, Кирнанок — самый лучший трамплин для прыжка на Белое Солнце, как ни ряди. Эта планета считается тихим местечком, и Патрули там появляются редко. К тому же к ней мы можем добраться дрейфом в космическом течении, сэкономив массу топлива. Конечно, дрейф — это не подарок, но с другой стороны, это весьма недурная штука.

— Ладно, — проворчал Бокер. — А как возвращаться-то?

— Тем же путем. Только из Банки мы сделаем прыжок не

на Кирнаноку, а на Трейс и дальше весело продолжим полет, богатые и вне всяких подозрений.

Неожиданно он в упор посмотрел на Бокера:

— Риск, конечно, есть, не стану отрицать. Но я думаю, что мы справимся. Я не был в Лантаване, но другие банки приходилось проходить, и не раз. Сам понимаешь — прямой и безопасный путь не для нас.

Бокер зажмурился и мечтательно протянул:

— Я стараюсь думать только о миллионе кредитов — по сравнению с этим все остальное кажется не столь уж и важным.

Но тут его глаза широко раскрылись и зажглись тревогой.

— Джонни, может, Сери сам намеревается перехватить этот миллион?

Кеттрик нахмурился и покачал головой.

— Не могу себе представить, как это удалось бы ему. Кринны не станут с ним торговать. Скорее просто съедят.

Бокер хмыкнул:

— Верно. Видимо, это просто совпадение. Но странно...

— Что именно?

— А то, что Сери именно теперь, заметь, впервые за несколько лет, сам отправляется в космос, покинув свою благополучную жизнь и красивую женщину.

— Должны быть важные причины, — мрачно согласился Кеттрик.

Вот именно — причины. Причина, чтобы лгать, и причина, чтобы убивать. Кеттрику очень хотелось знать, было ли Ларис известно о замысле Сери. Быть может, она сейчас находится на борту «Звездной Птицы»?

Космическое путешествие давало достаточно времени для подобных размышлений. Джонни часами просиживал возле обзорного экрана, глядя на россыпи звезд Хейдеса восторженным взглядом человека, возвратившегося из долгой ссылки. Бархатно-черное пространство усыпали огни оранжево-красных гигантов, которые составляли ядро этого звездного архипелага. Лишь кое-где встречались группы белых солнц — к одному из них и лежал их путь. Хейдес был «просторным», мало заселенным звездами районом галактики, и этим заметно отличался от шаровых скоплений Сигнуса и Геркулеса. Здесь корабль мог дрейфовать веками, отдавшись на волю космических течений, лениво плывя мимо звездных островов, где всегда было можно найти спокойную бухту во время космических бурь.

Казалось, в созвездии ничего не изменилось. Однако на

новой компьютерной звездной карте на западной окраине Хейдеса появилась красная надпись: «РАДИАЦИЯ. ОПАСНО ДЛЯ ЖИЗНИ». Включив радар, Кеттрик разглядел в центре отмеченной области отравленное солнце. У Джонни мурашки побежали по спине от мысли о том, что страшная космическая чума может передаваться от одного солнца к другому.

Корабль вышел в намеченную для прыжка точку пространства. Особых дел у Кеттрика не было, и он вызвался помогать Глевану, который, словно опытный дирижер, управлялся с оркестром стонущей ненадежной аппаратуры под скрип переборки еле дышащей «Греллы».

Перед прыжком они все собрались в приборном отсеке — это было единственное место на корабле, где было нормальное освещение и где кондиционеры ухитрились более или менее сносно снижать температуру. Во время прыжка звездолет обычно сильно нагревался, и если что-либо случалось с энергопоглотителями, то он просто сгорал. Причиной этого явления было то, что гиперпространство не впитывало тепла, излучаемого двигателем пролетающего через него корабля. Но даже при нормально работающих энергопоглотителях в отсеках «Греллы» было достаточно жарко. Экипаж разделся почти догола и все равно истекал потом. Чайт нечего было снимать, она сидела возле Кеттрика с широко открытой пастью, из которой свешивался набок язык, и часто-часто по-собачьи дышала.

Кеттрик решил, что пора заговорить со спутниками на интересующую его тему.

— Я тут кое-что прослышал, — начал он. — Пара работяг с альдебаранского судна, на котором я прилетел на Тананару, перешептывались о какой-то «Роковой Звезде». — Это была неправда, но он не хотел открывать свои карты до поры до времени. — Бокер, твоя Педа тоже упоминала о некоей «Роковой Звезде», которая может превращать обычное солнце в Звезду Смерти. Что кроется за всем этим?

— Обычная болтовня, — презрительно отозвался Бокер. — Педа хорошая женщина, но она, как любая баба, болтает языком, как метлой метет. Вечно приносит домой дурацкие сплетни от знакомых торговков.

Глеван, маленький темнокожий питтанец с обезьяньим лицом, с сомнением покачал головой. Глаза его возбужденно загорелись.

— Я тоже слышал об этом, но не от базарных торговков. «Ро-

ковая Звезда»... Взгляни вот на ту маленькую звезду, Джонни, что обвешана красным кружком... это предупредительный знак!

— Знак? — переспросил Хурт. Он был не так внушительно сложен, как его соотечественник Бокер, и не имел столь впечатляющей гривы. Но у него было десять детей, о чем он постоянно всем напоминал.

— Знак чего? — переспросил он, с ухмылкой поглядывая на Глевана. — Того, что не только с тобой, недотепа, но и со звездами что-то иногда случается?

Бокер подхватил этот насмешливый тон:

— Слышал я однажды в детстве, как об этом болтал наш деревенский священник: «И вот снизойдет божество, ступая босыми ногами по мирам созвездия. И голос его будет грому подобен. И возопит он: беда, беда!» Эй, Джонни, а почему они никогда не кричат «ура» или еще что-нибудь приятное? А как ведут себя те, что попадают к вам на Землю?

— Божества везде очень мрачные, — ответил Кеттрик. — Так что за знак, Глеван? Не обращай внимания на этих олухов.

— Знак беды, — понуро ответил Глеван.

— Божественной или человеческой?

Глеван с искренним удивлением уставился на Кеттрика.

— Джонни, если бы человеку удалось такое сотворить со звездой, то он был бы Богом.

Бокер и Хурт тут же начали обыгрывать эту мысль с таким едким юмором, что вскоре это рассмешило даже Кеттрика. Но все же он в глубине души соглашался с Глеваном. И ему даже показалось, что Бокер с Хуртом смеются уж слишком нарочито, словно страшатся чего-то и для собственного успокоения убеждают друг друга, будто Медуза Горгона — не более чем клоун, надевший на лицо жуткую маску.

Глава 8

Кеттрик был рад, что прыжок наконец завершился. Это всегда был тягостный момент, кроме того, на этот раз его беспокоила Чайт. Ей стало лучше, как только начала спадать жара. Она с аппетитом поела и впервые за все это время начала приводить себя в порядок. Попросив у Кеттрика щетку, она долгие часы расчесывала свою шерсть, доводя ее до бывшего лоска.

И все же...

Он не мог определить, откуда у него появилось чувство

тревоги. После смерти Хиту его подруга стала молчаливой и отрешенной, а печальная тхелла — не лучший компаньон в пути. Кеттрик знал, что эти существа могут быть столь же мрачными, как и опасными. В присутствии Чайт все сникали и начинали нервничать, что заставляло Кеттрика с ужасом думать о возможных последствиях.

Кеттрик стоял с Чайт возле обзорного экрана, показывая ей огромное оранжевое солнце, к которому стремительно мчался космолет. В черную пустоту уходили громадные протуберанцы, изогнутые словно огненные перья этого звездного Феникса. По сияющему диску были рассеяны золотисто-красные огневороты, а вдоль экватора тянулись сверкающие полосы солнечных бурь.

Через некоторое время из солнечного зарева выплыл крошечный темный шарик. Кеттрик сказал:

— Это Гурра. Здесь мы сядем.

— Выходить?

— Да.

— Хорошо, — ответила Чайт. — Там будет Сери?

— Не знаю, — удивленно ответил Кеттрик. — А что?

— Ты сказать недавно, Джон-ни. Сери сделать Хиту мертвым.

Ее большие круглые глаза устремили на него неожиданно осмысленный взгляд, в котором светилась и чисто животная жестокость.

— Почему ты не сказать правду раньше?

— Я боялся, что ты убьешь его.

— Почему не убить? — спросила она в ответ со странной вкрадчивостью. — Ты еще любить Сери?

Так вот о чем она все это время раздумывала! Она видела вспышку гнева Кеттрика еще в доме Бокера и слышала, что они говорили о Сери. И все это время она напрягала свой полуживотный мозг, стараясь осмыслить поведение окружающих ее людей.

И вывод, который тхелла в конце концов сделала, был ужасным.

Кеттрик сказал:

— Нет, я не люблю его. Сери хотел, чтобы я умер, но ты помогла мне. Послушай, Чайт. Человеческие законы накажут Сери. Но если ты попытаешься разделиться с ним, тебя навсегда запрут в клетку. Понимаешь?

Чайт продолжала внимательно изучать его. Постепенно злой огонь в ее глазах погас, и она кивнула.

— Мы ловить Сери?
— Мы обязательно поймает его.
— Ты сказать правду?
— Мы найдем его. Может, не скоро. Его корабль быстрее нашего. Но ты не должна убивать его.

— Не убивать.

Это прозвучало как обещание.

Но Кеттрик почему-то не слишком поверил тхелле.

Яркий шарик планеты мчался им навстречу, продолжая расти и закрывая собой солнце. «Грелла» с визгом вошла в атмосферу, нацелившись своим тупым носом на срединный материк восточного полушария. На нем располагались два торговых космопорта — один на востоке, другой на западе. Секма упоминал восточный порт как один из центров распространения слухов о «Роковой Звезде», и потому Кеттрик выбрал для посадки именно его.

Пройдя облачный слой, они увидели обширный материк, покрытый джунглями, горами, равнинами и извилистыми реками. Все было окрашено в желто-коричневые и тускло-красные тона. «Грелла» поднырнула под темный фронт грозовых туч, сопровождаемая вспышками молний. Бокер посадил ее на посадочную площадку в центре грязного поля и выпустил трехногое шасси, едва удержавшее ржавую развалюху в вертикальном положении.

Чайт первой выскочила через распахнувшийся люк. Мужчины спустились по трапу и были встречены штормовым ветром. Кеттрик с тревогой смотрел, как Чайт мчалась в мрачной мгле, словно серый призрак. Пророкотал гром. Бурлящие тучи осветила серебристая вспышка молнии. Оказалось, что на посадочной площадке рядом с «Греллой» находился еще один дышащий на ладан корабль.

Обливаясь потом и задыхаясь в плотном, насыщенном тяжелыми запахами цветущих растений воздухе, путники отправились в деревню. По обе стороны дороги возвышались деревья с массивными кронами и пурпурной листвой. Ураганный ветер стряхивал с крупных цветов потоки лепестков, которые обрушивались на людей, словно белая метель. Чайт ждала их под одним из деревьев, хрипло дыша и стряхивая с мокрой шерсти липкие лепестки.

И тут гроза наконец разразилась.

На Кеттрика и его спутников обрушились потоки дождя, и они сразу перестали что-либо видеть. Наугад побрели через серую пелену навстречу бешеному ветру, стремясь поскорее

выбраться из-под деревьев, которые могли в любую минуту рухнуть им на головы. После того как утих первый порыв грозы, Кеттрик услышал впереди чей-то смех, и вскоре он со своими спутниками очутился в центре толпы маленьких темнокожих людей. Аборигены заботливо набрасывали на них домотканые накидки, отряхивая влагу с тел гостей, пританцовывая, как дети во время дождя. Поначалу их особое внимание привлекла сердито рычащая Чайт, но потом ее оставили в покое и переключились на едва держащихся на ногах мужчин. С веселыми криками маленькие туземцы подняли их на руки и понесли по дороге.

Спустя некоторое время они вышли на широкую деревенскую площадь, окруженную небольшими островерхими домами, подставляющими ветру свои камышовые крыши. Среди них выделялся Высокий Дом, являвшийся гостиницей для чужестранцев.

Внутри было сухо, пол был высоко поднят над уровнем грунта и утеплен хорошо утоптанной опилками. В воздухе все еще сохранился запах предгрозового жары. Крыша скрипела, стены раскачивались под ударами ветра, но Кеттрик уже был в этом доме в такую погоду и знал, насколько здесь безопасно и комфортно.

Навстречу гостям шагнул небольшой человечек в красной униформе земного портье. Возраст человечка определить было трудно, он походил на рано повзрослевшего мальчишку.

— Веллан! — выкрикнул Кеттрик под раскаты уходящей прочь грозы.

Человечек озадаченно посмотрел на него и, узнав, восторженно воскликнул:

— Джонни!

Он бросился к Кеттрику, обнял его и заколотил по спине своими маленькими кулаками, засыпая гостя вопросами. Через голову карлика Кеттрик заметил, что на него пристально смотрит юная девушка. Он ответил ей таким же внимательным взглядом.

Она заметно подросла со времени их последней встречи. Ее прежде тоненькая детская фигурка соблазнительно округлилась. Но несмотря на эту перемену, Кеттрик сразу же узнал ее. Янтарные глаза девушки сияли. Она робко улыбнулась и подошла к Кеттрику, грациозно протянув ему руку.

— Добро пожаловать, Джонни.

Ему хотелось потреть ее по голове, как в былые времена,

дружески подразнить, но вместо этого он смущенно прикоснулся губами к ее тонким пальцам и сказал:

— Благодарю, Ниллейн.

Веллан по-отечески ласково шлепнул ее пониже спины, не одобряя такого открытого выражения чувств, не вполне приличного для столь юной девушки.

— Пойди принеси чего-нибудь поесть для наших гостей и вина, побольше вина. Такое событие надо отпраздновать! — Он приветливо улыбнулся Бокеру, Хурту и Глевану. — Всегда рад вас видеть, пройдохи. Но приезд Джонни — это особый случай!

Он вновь повернулся к Кеттрику, на этот раз с выражением озадаченности на лице.

— Джонни, объясни, как такое могло произойти? Всего три или четыре дня тому назад Сери посетил нашу деревню. Он был твоим другом и партнером, и мы спросили его — где Джонни? Сери сказал, что ты по-прежнему находишься на Земле, и таможенная полиция никогда тебя не допустит в созвездие.

Кеттрик глухо спросил:

— Сери торгует с вами?

— О да, — кивнул Веллан. — Вместо тебя, Джонни, хотя это совсем не то. Но я не могу понять, почему он не рассказал...

— Звездный Патруль по-прежнему точит на меня зуб, — прервал его Кеттрик. — Я вернулся в Хейдес нелегально. И не стал появляться у Сери. Зачем навлекать на него неприятности? — Кеттрик криво усмехнулся. — Только три моих вороватых компаньона знают об этом. А сейчас и ты.

— О, хорошо! — сказал Веллан и с довольным видом рассмеялся. — О-го! Замечательно, Джонни! Мы никогда не любили ЗП, ты это знаешь.

Кеттрик понимающе кивнул. Секма и его парни очень настойчиво пытались остановить экспорт какого-то зелья, который изготавливал Веллан и его люди. Наркотики были их основным товаром, и Патруль изрядно портил им жизнь.

Веллан торжественно повел гостей внутрь. Бокер тихо шепнул Кеттрику на ухо:

— Выходит, Сери торгует с гуррианами вместо тебя? Интересно.

— Точно. Значит, он ныне не в первый раз прилетел в эту часть созвездия.

Это на самом деле было интересно. Действительно, три года назад Веллан ничего не знал о Сери Отку.

Веллан жестом пригласил гостей занять почетные места на

широкой скамье, стоявшей вдоль стен большой комнаты. Кеттрик сел на мягкую подушку, скрестив ноги и ощущая, как под давлением его спины прогнулась непрочная тростниковая стена. Дождь гулко колотил по крыше под аккомпанемент далеких раскатов грома. Чайт тактично улеглась поближе к двери, не сводя преданных глаз с Кеттрика. А Веллан не переставал болтать, вываливая на гостей все местные новости.

Кеттрик перебил его:

— Жаль, что Сери опередил нас. Он, наверное, все у вас купил.

Веллан повернулся, чтобы взять один из кубков с вином, которые принесла на широком блюде его дочь.

— О нет, — с пренебрежительной улыбкой сообщил он. — Сери предложил слишком низкие цены. Мы не продали почти ничего. Теперь давайте выпьем, а о бизнесе поговорим завтра.

Гости с удовольствием выпили розовое терпкое вино. Ниллейн принесла блюда с едой, а затем присела рядом с Кеттриком, с нежной улыбкой всматриваясь в его лицо.

— Что ты ищешь во мне? — спросил он.

— Себя, — тихо ответила девушка. — Три года назад ты смотрел на меня по-другому.

— Но и ты была другой! Можно было запросто растрепать твои волосы, посадить на колени и угощать экзотическими яствами с других звезд, пока у милой девочки не заболит животик. Ох, как твоя мама не любила меня за это! А ты, Ниллейн?

— Ты был тогда моим Богом, — очаровательно улыбнулась девушка.

— А что же сейчас?

— Ты... такой большой, у тебя грубые руки и колючий подбородок. Конечно же, ты не Бог. Но я по-прежнему люблю тебя, Джонни.

Девушка рассмеялась и долила ему вина.

С этой минуты напряжение, возникшее поначалу в их отношениях, ушло, и они стали болтать как старые добрые друзья. Кеттрик не удержался и поинтересовался, была ли с Сери женщина. Оказалось, что нет.

Пир в Большом Доме продолжался еще долго, и в нем участвовало чуть ли не полдервни. Дождь прекратился, и за окнами стемнело. Кеттрик выпил немало вина и опьянел от алкоголя и счастья, что он снова здесь, среди друзей. Но чем пьянее он становился, тем острее и пронизательнее становилось его зрение, и он начинал замечать на лицах смеющихся

коротышек, которые ели и пили с ним, нечто странное. Это были и быстрые косые взгляды, и загадочные улыбки. Иногда в танце туземные юноши делали воинственные жесты, топали ногами, словно перед боем, и выпускали громкие вопли, словно завидели врагов. Это продолжалось лишь мгновение, а затем в центр круга выбегали девушки и останавливали их. Все дружно начинали смеяться и переходили к другому танцу, но слишком уж нарочитым был этот переход. Туземцы напоминали Кеттрику детей, которых объединяла какая-то общая тайна. Они скрывали что-то от взрослых... от него, от Бокера, Хурта и Глевана.

«Но что? — спрашивал Кеттрик себя. — И почему?»

Когда совсем стемнело и Кеттрик был уже совершенно пьян, а Веллан еще пьянее, маленький туземец пригнулся к Кеттрику и тихо спросил:

— Джонни, побудешь с нами, да? Немножко. Звездный Патруль...

Ниллейн перебила отца, задав какой-то пустяковый вопрос. Веллан так и не сказал того, что хотел, возбудив, однако, любопытство Кеттрика.

Так что же Веллан намеревался сказать про Звездный Патруль?

Глава 9

На следующее утро Кеттрику уже казалось, что накануне у него попросту разыгралось воображение. В теплом свете оранжевого солнца деревня выглядела такой же мирной и спокойной, как всегда. С крыш маленьких тростниковых домиков поднимались испарения — след прошедшего вчера дождя. На зеленой траве резвились ребятишки, крошечные, словно куклы, их голоса звенели, заглушая пение птиц. Взрослые проснулись поздно после вчерашнего пира и не спеша начали готовиться к торговле с экипажем звездолета. К полудню должны были начать съезжаться жители соседних деревень, так что ярмарка могла продлиться несколько дней. Спешить некуда. Здесь никто никогда не спешил.

Жители другого полушария Гурры были совершенно другими — выше ростом и агрессивнее по характеру. Они пошли по более сложному, технологическому пути развития своей цивилизации, с готовностью воспринимая идеи, привнесенные в их общество инопланетными торговцами, приспособаб-

ливая все чужеродное к своим целям и задачам. Немало молодежи эмигрировало на соседние, более развитые миры, стремясь увидеть и узнать побольше о чудесах галактики.

Соотечественники Веллана, напротив, были ленивы, не любопытны и полностью довольны своим примитивным образом жизни. Горы и джунгли защищали их от буйства стихий, а врагов у них не было. Плодородная почва обеспечивала изобилие еды, в сырье для одежды и строительных материалов также недостатка не ощущалось. Покой и довольство словно бы витали в воздухе и были частью окружающей природы.

Торговля в этом районе Гурры не отличалась особой интенсивностью. Туземцы охотно выменивали у инопланетных купцов синтетические ткани ярких расцветок, побрякушки, косметику, металлические ножи, посуду и простейшие лекарства. На прочие плоды прогресса типа электрогенераторов и сельскохозяйственной техники они смотрели с полным безразличием, так что их культура мало изменилась, соприкоснувшись с межпланетной торговлей.

Впрочем, не все зависело только от желаний гурриан. Лига Свободных миров запретила торговцам что-либо навязывать этому полудикому народу, так же как и сотням других примитивных рас с разных миров. Считалось, что нельзя насильственно менять ход истории ни в одной части галактики. Если народ стремился к прогрессу, то он должен самостоятельно проделать большую часть пути к цивилизованному обществу. Если такой тяги у аборигенов не обнаруживалось, то все современные достижения других цивилизаций не могли принести им пользы. На многих мирах созвездия были оставлены недостроенные водопроводы, электростанции и фабрики, призванные улучшить быт туземных народов, но так и не запущенные в действие. И причиной этого было одно — местное население не хотело этих нововведений. По этой причине технологический прогресс был отдан на откуп самим развивающимся народам.

Соотечественники Веллана предпочитали не думать об этом. Когда-нибудь их более энергичные соседи по планете неизбежно сметут их. Но до этого печального момента было еще далеко, и потому обитатели срединного материка оставались веселыми и беззаботными, как дети, играющие в песке на солнечном берегу.

И Кеттрик решил, что все, что ему показалось прошлой ночью во время пиршества, было всего лишь плодом разы-

гравшегося воображения, подстегнутого общим возбуждением и выпитым вином.

И вдруг Чайт, которая спала всю ночь рядом с ним на полу, потянула воздух носом и сказала:

— Не нравится здесь, Джон-ни.

Удивившись, он спросил почему.

Она покачала головой, сощурившись посмотрела в окно на зеленую лужайку и сказала:

— Плохо пахнет, — вздохнула она, словно огорчаясь, что человеку никогда не понять ее ощущений.

И тогда Кеттрик вновь вспомнил странные взгляды туземцев, их приглушенный смех и слова Веллана:

«Побудь с нами немного...»

Немного?

Торопливо встав с постели, он разбудил Глевана и обоих хлаканов.

Четыре следующих суматошных дня Кеттрик занимался торговлей. Остальные члены экипажа готовили «Греллу» к предстоящему космическому прыжку. И все это время Кеттрика не покидало беспокойство. Пока корабль не готов к космическому полету, они рискуют в любой момент оказаться в ловушке.

Он не мог объяснить себе, откуда появилось это чувство. Все шло очень гладко. Торговля была успешной, и гурриане относились к нему, как всегда, доброжелательно. Ниллейн порхала возле него, словно бабочка, совсем как в былые времена. Веллан устраивал для гостей каждый вечер всевозможные развлечения. Но он больше не повторял своей просьбы «побыть с ними еще немного». И Кеттрик не напоминал ему об этом.

Из расспросов местных жителей выяснилось, что Сери не торговал с этими гуррианами. Они приезжали к кораблю Кеттрика с повозками и корзинами, доверху наполненными товаром — тонкоткаными материями, резными изделиями из редких сортов деревьев, сделанными с удивительным мастерством и изяществом. Особо ценилась в созвездии кожа гуррианских речных змей, которая шла на изготовление обуви и дамских сумочек.

Бокер предположил:

— Похоже, туземцы на самом деле не торговали с Сери. Может, они расплачивались с твоим дружкой как-то иначе?

— Ты имеешь в виду наркотики? — спросил Кеттрик. Он знал, что местные жители изготавливали особый вид наркоти-

ка, применяемый на Гурре в некоторых религиозных обрядах. Космическая полиция не обращала на это внимания, но торговлю этим зельем категорически запрещала.

Сери запросто мог заниматься контрабандой этого наркотика — он весьма ценился в созвездии. Только что он предложил туземцам в обмен? В деревне на первый взгляд не было заметно ничего нового и необычного.

Бокер выслушал его соображения и в сомнении покачал головой:

— Веллан сказал, что Сери запросил за свой товар слишком высокие цены. Так что, может, они просто не стоворились и до торговли дело не дошло.

Он вздохнул и пятерней свою серебристую гриву и добавил:

— Одного не могу понять — зачем же Сери тогда прилетал на Гурру. Сам знаешь, твой приятель не очень-то любит отрываться зад от домашнего кресла. А тут такой дальний перелет... Рынок этой планетки вряд ли стоит того.

На четвертый день визита Бокер сообщил, что все налаженные работы завершены и корабль готов к полету.

— Развлекись, поторгуй тут вместо меня, — предложил Кеттрик.

— Куда-то уходишь?

— Надо задать кое-кому пару вопросов. — Кеттрик нахмурился, чувствуя себя несколько неловко. — А вам троим не стоит далеко уходить от корабля. Как знать, быть может, придется срочно взлететь.

— Хм-м, — только и произнес Бокер. — Наконец и до тебя дошло.

— Что дошло?

— Не знаю, — признался Бокер, — в том-то и дело. Но я не слишком доверяю твоим друзьям-коротышкам, Джонни. Они какие-то странные... — И он наклонился поближе к Кеттрику. — Глеван говорит, что здесь что-то не чисто, а у этого парня отличный нюх на всяческие неприятности. — Бокер улыбнулся, но глаза его оставались серьезными. — Ты держи ухо востро, ладно?

— Договорились.

Кеттрик пошел прочь от корабля, пробираясь через ярмарочную толкотню повозок и скопление палаток, которые поставили гурриане возле ржавого корпуса «Греллы». Грузовой люк судна был открыт, подъемник стонал под весом загружаемых и выгружаемых товаров. Это было обычное, очень

мирное зрелище, и столь же мирными и спокойными казались дремлющие в тенике туземцы. Неужто следует опасаться этих бесхвостых кроликов? Кеттрик усмехнулся при мысли об этом. Бояться старину Веллана — это надо же до такого додуматься! И все же для очистки совести стоит поговорить с ним, а затем уже отправляться в путь.

Чайт вышла из тени небольшой лавки и бесшумно последовала за ним.

Аллея из деревьев с пурпурной листвой и крупными белыми цветами дарила приятную прохладу. Кеттрик шел по хорошо утоптанной тропинке, вдыхая ароматы пряных трав. И появление Ниллейн, идущей навстречу со стороны деревни, показалось вполне естественным.

— Джонни! — с радостной улыбкой закричала она. — Я как раз иду к тебе. — На ее тонкой шее развевался пестрый шелковый шарф — подарок Кеттрика, а в пышных волосах были заколоты цветы. — Неужели торговля закончена?

— Еще нет, — ответил Кеттрик. — Мне просто захотелось немного побродить. Давно я здесь не был.

Девушка игриво блеснула янтарными глазами.

— Я с удовольствием прогуляюсь с тобой. — Заметив огромную серую фигуру тхеллы, она попросила: — О Джонни, отправь Чайт обратно, пожалуйста. Я боюсь ее.

Кеттрик пожал плечами и приказал тхелле возвратиться. Та послушно развернулась и пошла обратно к кораблю. Ниллейн содрогнулась, провожая Чайт глазами.

— Она такая огромная, злая и печальная... Почему? Я не могу смеяться в ее присутствии. — Ниллейн взяла Кеттрика за руку. — Куда мы пойдем?

— Куда хочешь. Но прежде я поговорю с твоим отцом.

— О Джонни, извини, но отец поехал в Третью деревню. — Девушка говорила о поселении на третьем изгибе реки вниз по течению. — Он вернется до заката. Тогда и поговорите.

— Ах вот как? Ну, в таком случае у меня нет выбора. — Кеттрик был раздражен, будто Веллан сделал это преднамеренно, чтобы избежать встречи с ним. Конечно, это глупости. Веллан не мог знать о его приходе.

Они шли вдоль аллеи деревьев. Ниллейн держала его за руку, как в былые времена, и он подстраивал свой шаг под сменяющую походку ее маленьких ножек, обутых в сандалии.

Деревня дремала в полуденной жаре. Из раскрытых дверей тростниковых хижин доносились запахи приготовляемой пищи. Несколько детей играли на улице с забавным ящеропо-

добным животным. Возле Высокого Дома было непривычно пусто. Кеттрик и Ниллейн пересекли деревенскую площадь и вошли в широкий пыльный переулочек, который постепенно перешел в тропу, уходящую в густые джунгли и ведущую в соседний поселок.

Деревня в этот день казалась Кеттрику необычно тихой, будто большинство жителей покинули свои жилища или сидят внутри, затаившись и выжидая чего-то. Впрочем, скорее всего, они все возле корабля. Хотя нет. Жители этой деревни уже распродали весь свой товар, гурриане, окружающие сейчас «Греллу», пришли из более удаленных мест. Странно...

Ниллейн беспечно болтала, вприпрыжку шагая рядом, и засыпала его вопросами. Обо всем сразу — о нем самом, о Земле, о Тананару. О том, что он делал последние годы, и о том, чем он собирался заняться.

— Что ты будешь делать в созвездии, Джонни?

— То же, что и всегда. Торговать.

— Но если они найдут тебя... То есть таможенная полиция. Кто-нибудь может тебя выдать.

Вместо ответа Кеттрик рассмеялся.

— А если ты снова встретишь Сери? — не унималась девушка. — Ты только чудом разминулс с ним. Сери не донесет?

— Нет, не волнуйся, — успокоил ее Кеттрик и свернул из переулочка на узкую тропинку, ведущую в джунгли. Их сразу же обступили деревья, погрузив в глубокую тень, которую пронизывали редкие оранжевые лучи, колеблющиеся вместе с движением ветвей. Вскоре тропинка свернула к высоким холмам.

Ниллейн отпустила его руку и некоторое время шла молча, пританцовывая, словно яркая пестрая бабочка, случайно залетевшая под мрачный полог деревьев.

— Сери не донесет, — продолжил после некоторого размышления Кеттрик. — Он мой друг, ты ведь знаешь.

— Да.

— И я на него не донесу.

Девушка обернулась и пристально взглянула на него.

— А о чем ты мог бы донести?

— Скажем, о том, чем Сери занимается здесь, на Гурре.

Ниллейн остановилась около цветущей виноградной лозы, грациозно обвивавшей могучий ствол дерева.

После напряженной паузы она тихо произнесла:

— Джонни, о чем ты? Сери торгует с нами, так же как и ты.

— Совсем не так, иначе после него мне здесь делать было бы нечего.

Девушка смущенно рассмеялась.

— Верно.

— Ниллейн, скажи правду — что покупает на Гурре этот пройдоха? Наркотики? Или маленьких девчонок, которым хочется повидать далекие миры?

Девушка смущенно отвела янтарные глаза.

— Мне не велели говорить об этом.

— А, вот в чем дело... Ну а как же мне уговорить тебя рассказать правду?

— Я жадная, — и девушка протянула к нему обе руки. — Я хочу сиять и блистать так, чтобы все мужчины оборачивались мне вслед и чтобы музыка звучала при каждом моем шаге.

— Все, что хочешь, моя милая. Я наряжу тебя так, как не снилось ни одной женщине в созвездии. Все девушки в деревне возненавидят тебя и будут плакать от зависти.

Ниллейн рассмеялась и закружилась на месте.

— О, мне это очень понравится! — Она подпорхнула к нему и потянула за руку, словно проказливый ребенок. — Тогда пошли! Я покажу тебе все. Только обещай, что не скажешь ничего папе.

Кеттрик охотно пообещал, и они направились туда, где дорожка раздваивалась. Там Ниллейн свернула направо и повела его к узкому оврагу с каменистым, обкатанным водой дном. Овраг резко уходил вверх по склону холма, постепенно расширяясь. Деревьев становилось все меньше, и вскоре, оглянувшись, внизу уже можно было увидеть зеленое море джунглей.

Солнце обрушивало на них свои палящие лучи, и лишь порывистый ветер дарил путникам немного прохлады. Несколько раз Кеттрику показалось, что он заметил какое-то движение за соседними деревьями, как будто на склоне холма находился кто-то еще. Но возможно, это ему только показалось.

Наконец они поднялись на вершину, а затем спустились в уютную котловину, с трех сторон защищенную лесом и соседними холмами. Дно котловины было плоским, выложенным многоцветными камнями, создававшими нечто вроде мозаичного панно со сложным рисунком. Котловину окружали высокие деревянные статуи, изображающие местных божков.

Кеттрик озадаченно осмотрелся по сторонам.

— Зачем ты привела меня сюда?

Ниллейн остановилась возле одной из статуй.

— Знаешь, где мы?

— Кажется, это Долина Женщин?

Девушка кивнула и облокотилась на деревянное изображение женоподобного божества, прижимавшего к своим пышным грудям снопы колосьев.

Кеттрик озадаченно посмотрел на свою внезапно посуровевшую подругу.

— Зачем ты привела меня сюда, Ниллейн?

— Мы хотим дать тебе шанс, Джонни.

— Шанс? Ты о чем? Тот шанс, о котором намекал Веллан в первый же день нашей встречи?

Девушка прислонила свою изящную головку к темному полированному дереву.

— Мой отец — доверчивый человек. Он не знал, что ты лжешь.

— Лгу?

— Ну, о том, что вернулся в созвездие торговать. Сейчас у тебя был всего один шанс сказать мне правду, но ты опять солгал.

— Пусть так, — после некоторого раздумья согласился Кеттрик. — Предположим, я солгал. А тебе-то что?

— Мы любим тебя, Джонни, и хотим, чтобы ты жил. Останься с нами на некоторое время. В деревне ты будешь в безопасности. А когда все закончится, ты сможешь улететь, куда захочешь.

Кеттрик облизнул внезапно пересохшие губы и спросил:

— Что закончится?

Внезапно разозлившись, Ниллейн закричала:

— Перестань обращаться со мной как с ребенком! Я уже женщина, хотя по-прежнему намного меньше тебя ростом! Ты следи за Сери. Ты хотел, чтобы я рассказала, что он делал здесь. Сери предупреждал нас, что за ним могут следить, он говорил, что некоторые люди могут попытаться остановить ЭТО. Другого он убил бы сразу же, но ты — его друг...

Солнце жгло Кеттрику спину. Он чувствовал, как вдоль позвоночника ползут змейки пота, а во рту отчаянно сохнет. «Кажется, я попал в серьезную передрыгу», — подумал он и попытался изобразить на лице недоуменную улыбку.

— Ты не права, Ниллейн. Я спросил о Сери из чистого любопытства. Да, на Гурру я прилетел не только ради одной торговли. Ваша планета — лишь одна из остановок на пути к Белому Солнцу. У меня там есть важное дело. Именно из-за него меня некогда арестовали и выслали за пределы созвездия.

А Сери... мне все равно, чем занимается этот пройдоха. Пусть даже у него трюмы ломятся от наркотиков, а в кармане спрятан ключ к «Роковой Звезде»...

Глаза девушки тревожно блеснули, но он поспешно продолжал, притворяясь, что ничего не заметил.

— Я хочу закончить дело, которое некогда начал на Белом Солнце. Оно принесет мне большие деньги, Ниллейн. Миллион кредитов. И тогда я навсегда покину созвездие.

— Деньги... — сказала она и рассмеялась. — Жаль, ведь я уже почти поверила тебе. Выходит, тебе все равно, есть ли у Сери в кармане ключ к «Роковой Звезде». Отлично. Тогда останься на Гурре, Джонни. Белое Солнце никуда не убежит. Все подойдет. А когда все закончится, ты полетишь, куда захочешь, и никакой Звездный Патруль тебя не остановит.

Она сделала шаг к Кеттрику.

— Ты останешься?

Ниллейн, казалось, умоляла его. Ее глаза горели любовью и надеждой, руки робко потянулись к нему. Кеттрик криво улыбнулся и покачал головой:

— Нет.

Он повернулся, чтобы покинуть долину, но внезапно на склонах окрестных холмов и среди деревьев появились десятки гибких фигурок. Это были деревенские женщины, волосы которых были украшены яркими цветами, а в руках сверкали острые ножи.

Глава 10

Они заполняли небольшую долину, словно пестрые листья, гонимые ветром, и вскоре окружили Кеттрика со всех сторон. Он невольно отступил под этим угрожающим напором.

— Эй, красавицы, сейчас не время жертвоприношений! — воскликнул он.

Он знал, что каждый год женщины выбирали жертву из молодых мужчин, заманивали его в это место и совершали над ним жуткий и кровавый обряд. По местным верованиям, таким образом можно было задобрить богов, чтобы те заставили сады вновь плодоносить, а поля — давать богатый урожай. Но такое происходило весной, а сейчас был конец лета, хотя в этой благословенной стране все сезоны казались одинаковыми.

Ниллейн ответила:

— Это не жертвоприношение, Джонни, но этим может закончиться. — Она снова подошла к грудастому божеству, прислонилась к нему спиной и посмотрела на Кеттрика серьезно и безжалостно. — Мужчинам не всегда можно доверять, Джонни.

Кеттрик наблюдал за приближающимися женщинами и постепенно отступал к Ниллейн. Воздух наполнил шорох травы под их ногами и шелест юбок. Ему было и смешно, и страшно. Женщин было пятьдесят или шестьдесят, и у каждой в руке сверкал нож.

— Чем я вас так разгневал, Ниллейн? — спросил он.

— Ничем. Но мы думаем о судьбе нашей деревни. Сери обещал, что Звезда Смерти никогда не вспыхнет в нашем небе.

— Ах вот в чем дело... Но есть другие миры, другие деревни и другие люди.

— Я не знаю их. Почему чужаков нужно жалеть?

— Отпусти меня, Ниллейн. Я могу остановить Сери, и Звезда Смерти вообще никогда не засияет!

Девушка с сожалением покачала головой.

— Дело не в одном Сери. Звезду Смерти зажигают очень много могущественных людей, и остановить их нельзя. Так нам объяснил твой друг. Нет, Джонни. Мы заботимся только о своей безопасности. Когда в созвездии многие умрут, мы станем сильными, сильнее, чем гурриане с западного материка. Так нам обещали.

— И как же именно вы станете сильными? — нервно усмехнувшись, спросил Кеттрик и так быстро схватил девушку за руку, что она не успела отпрянуть. Яростно вскрикнув, она вонзила зубы и ногти в его запястье, вырываясь, словно попавшее в ловушку животное. Но Кеттрик легким ударом в шею заставил девушку замолчать. Подняв ее на руки, словно безжизненную куклу, он предупредил наступающих на него женщин:

— Начнете метать ножи — попадете в Ниллейн.

Деревенские женщины остановились и озадаченно переглянулись. Наверное, впервые в этой священной долине мужчина осмелился оказывать им сопротивление.

— Чайт! — крикнул он. — Чайт!

Женщины ответили дружными воплями. Они требовали, чтобы он положил Ниллейн, а несколько старух бросились к нему, размахивая ножами. Но Кеттрик выставил вперед тело Ниллейн, словно живой щит, и медленно начал отступать.

— Чайт!

— Хроо!

Краем глаза он заметил, как преданная тхелла выскочила из-за деревьев. Они встретились возле изваяния беременной женщины с гирляндой деревянных фруктов на шее.

Женщины замерли, испуганно глядя на Чайт. Она тихо рычала, тоже не спуская глаз с деревенских амазонок.

— Убить, Джон-ни?

— Только в случае крайней необходимости.

Женщины загалдели, размахивая руками в яростном споре. Они решали, что делать. А Кеттрик обернулся и с сожалением отметил, что до деревьев было далеко, а до поселка еще дальше. Он стал всерьез бояться, что ему не выпутаться, и еще крепче прижимал к себе Ниллейн.

— Ударить? — спросила Чайт.

— Ударить, — кивнул он. — Не мешает поломать пару изящных ручек этим ведьмам.

Чайт зарычала и, наклонив голову, неторопливо пошла вперед. Ниллейн неожиданно очнулась и, завизжав, начала отчаянно извиваться в руках Кеттрика. Пришлось не очень-то вежливо успокоить ее. В это время женщины завопили и плотной толпой двинулись вперед, выставив перед собой ножи.

Чайт подскочила к одному из деревянных идолов и, обхватив ее мускулистыми руками, раскачала и выдернула из земли.

— Большая палка, — сообщила тхелла и начала со свистом размахивать над головой идиолом, словно дубиной, отгоняя разъяренных женщин.

Тхелла была в два раза выше туземок, а деревянная скульптура имела в длину восемь или девять футов. Атакующие, получив несколько чувствительных ударов, с воплями бросились врассыпную. Некоторые упали на землю с плачем и стонами. Чайт вернулась к Кеттрику, тяжело дыша. Женское войско, расколовшееся на небольшие группы, стояло поодаль, глядя на них с бессильной яростью. Те, что посмелее, попытались было вернуться, чтобы помочь раненым, но Кеттрик остановил их.

— Оставьте нас в покое, иначе я сверну шею Ниллейн!

Он поднял девушку над головой и потряс ее маленькое тело, чтобы амазонки с ножами в руках поняли всю серьезность угрозы. Потом он прошептал Чайт:

— Давай уносить ноги, пока не поздно.

И они побежали к лесу. Чайт тащила на плече деревянного божка, а Кеттрик — девушку.

Наконец над ними сомкнулись кроны деревьев. Кеттрик

пудобнее перехватил Ниллейн и большими прыжками помчался по склону. Сердце его колотилось, к горлу подступала тошнота.

Миновав овраг, они вступили в джунгли. Маленькое тело Ниллейн болезненно давило на плечо, распущенные волосы шекотали шею. Но Кеттрик почти забыл о своей плачущей ноше. Перед его глазами мелькал силуэт корабля, в мозгу была только одна мысль — добежать. Но самым главным был страх, и вовсе не за свою жизнь.

Звезда Смерти. «Не волнуйся об этом, Джонни. Это всего лишь миф».

Ниллейн вновь стала с силой вырываться из его рук. Придется еще пару раз стукнуть ее, подумал Кеттрик, но сейчас все его внимание было приковано к дороге, конца которой, казалось, не было.

Чайт завывала, и Кеттрик почувствовал внезапный удар в спину, сопровождающийся пронзительной болью. Ниллейн отчаянно закричала.

— Что за черт? — пробормотал на ходу Кеттрик, чувствуя, что ноги перестают его слушаться.

Его затрясло, и он замедлил шаг. Ниллейн разрыдалась, бесильно повиснув на его плече. Закинув за спину свободную руку, он нащупал что-то жидкое и липкое. Это была кровь — его кровь.

Чайт протянула ему окровавленный нож.

— Не ранила глубоко, — сказала она. — Я вижу.

И тогда Кеттрик понял, что Ниллейн достала припрятанный нож и хотела убить его, но Чайт успела выбить оружие из рук девушки. Кеттрик остановился и на всякий случай обыскал Ниллейн. Девушка не сопротивлялась и лежала безучастно, подавленная горем. Убедившись, что у нее больше нет при себе оружия, спрятанного в складках голубого шелкового платья, Кеттрик снова поднял ее и продолжил путь, хотя каждый шаг давался ему с большим трудом.

Наконец они вышли на широкую тропу, ведущую через джунгли. Кеттрик остановился и, хрипло дыша, сказал тхелле:

— Нам нельзя идти через деревню. Еще не хватало, чтобы на нас набросилось все мужское население. Ты не знаешь обходного пути?

Чайт бросилась вперед. Вскоре она скрылась из виду. Кеттрик пошел помедленнее, поминутно оглядываясь, — он опасался ножей деревенских амазонок. В его распаленном воображении возникла жуткая картина: он лежит на жертвенном

камне, а старуха с всклокоченными волосами и ритуальной маской на лице заносит над ним каменный топор... А кругом ласково шумят пурпурные деревья, осыпая его своими благоухающими лепестками.

Чайт вернулась и приглашающе кивнула. Кеттрик последовал за ней туда, где джунгли казались совсем непроходимыми, но вскоре беглецы вышли на узкую тропинку, спрятавшуюся в зарослях. Тропа, кажется, вела в нужном направлении — к посадочной площадке корабля, но в обход деревни. Дорожка производила странное впечатление — казалось, здесь давно никто не ходил, и тем не менее кто-то явно не давал ей зарости.

Они пошли по тропе. Чайт пришлось волочить свою дубинку по земле, потому что иначе она цеплялась за ветви деревьев. Тхелла давно бросила бы ее, но Кеттрик не разрешал. Кроме маленького ножа Ниллейн, статуя божка была их единственным оружием.

Когда они почти подошли к деревне, им встретила небольшая поляна. На ее краю стояло приземистое строение из пластика, глубоко осевшее в землю. Казалось, что совсем недавно его стены были покрыты выющимися растениями и мхом, но кто-то не очень тщательно очистил фасад. На ржавой металлической крыше уютно лежало птичье гнездо из сухих веток.

Кеттрик слотнул. Это построили не туземцы. Но кто же? И зачем? Может быть, Сери прятал здесь установку, с помощью которой его хозяева собирались «отравить» очередную звезду?

Кеттрик поставил Ниллейн на землю. Девушка пошатнулась, так что пришлось ее придержать за плечи.

— Куда чужаки отправили то, что хранилось в этом сарае? На какое солнце?

— Не знаю. Сери не сказал. — И тут Ниллейн истерично выкрикнула: — Тебе не остановить их! Как ты можешь сделать это, если никто не знает, куда Сери отправился?

Девушка закрыла лицо руками и беззвучно заплакала. Кеттрик с проклятием вновь взвалил ее на плечо, и они продолжили путь.

Кеттрик теперь уже не сомневался, что тропа вела к посадочной площадке, так оно и оказалось. Пройдя через густые колючие заросли, они неожиданно вышли из джунглей. В полумиле на запад они увидели ржавую громадину «Греллы».

Возле нее было пустынно — торговцы уже свернули свой импровизированный лагерь и разъехались.

— Отпусти меня... — попросила Ниллейн.

Кеттрик покачал головой.

— Позже, моя милашка.

Они с Чайт направились через посадочную площадку, пересекая старые черные выжженные следы других кораблей, спотыкаясь об оплавленные камни и груды покрытого травой шлака. Не прошли они и нескольких десятков шагов, как со стороны деревни донесся гомон множества возбужденных голосов. Им наперерез торопилась большая толпа туземцев, угрожающе размахивающих палками, ножами и камнями. Конечно, их оружие было крайне примитивным, но при таком численном превосходстве аборигены даже Чайт мигом бы разодрали на куски.

Проклиная все на свете, Кеттрик побежал к кораблю. Впереди него большими прыжками неслась тхелла. Им лишь немногому удалось опередить разъяренную толпу. Но даже издалека было видно, что трюмы корабля наглухо задраены. Набрав полные легкие воздуха, Кеттрик отчаянно закричал и сделал последний, решающий рывок.

Без Ниллейн он мог бы бежать быстрее. Но он прижимал девушку к груди, как последнюю надежду. Люк «Греллы» распахнулся навстречу ему, из корабля на землю прыгнули Бокер и Хурт со стуннерами в руках и открыли стрельбу по толпе.

Аборигены сразу же начали в панике разбегаться. Несколько парализованных остались лежать на траве. Кеттрик остановился и со вздохом облегчения поставил Ниллейн на землю.

— Вы никогда не будете сильнее, чем ваши сородичи с западного полушария, — тяжело дыша, сказал он. — Потому что у вас птичьи мозги и холодная кровь, словно у ящериц.

Девушка, казалось, не слышала его, она только шептала:

— Ты погубил нас, Джонни. Ты всех погубил.

Чайт отшвырнула в сторону деревянного божка и взбежала по трапу в корабль вслед за Кеттриком. А Ниллейн, пошатываясь и рыдая, пошла в сторону деревни. Ее голубое платье было порвано, волосы всклокочены, на руках краснели кровавые ссадины. Нагнувшись, она сняла с лежащего в пыли божка ожерелье из деревянных фруктов и побрела дальше, опустив голову и приволакивая ноги, словно старушка.

Бокер и Хурт захлопнули люк. Прозвучал предупредитель-

ный сигнал. Кеттрик стоял возле иллюминатора, ощущая, что его глаза горят от едкой влаги. Ниллейн...

Создатели «Роковой Звезды» отравляли не только солнца.

Глава 11

И снова прыжок через космическую бездну, и снова оглушающая жара, натужный рев и стон двигателя. Бокер начал прыжок задолго до того, как «Грелла» отошла от Гурры на положенное расстояние, словно торопился поскорее уйти от этого негостеприимного мира. Когда корабль оказался в гиперпространстве, Бокер смог спокойно заняться раной на спине Кеттрика. Остальные члены экипажа отдыхали в своих противоперегрузочных креслах. Глеван выглядел мрачным и задумчивым, а Хурт был просто перепуган. Немудрено, Кеттрику ничего не оставалось, как рассказать им про «Роковую Звезду» и истинную цель своей космической одиссеи.

— Эти чертовы туземцы хотели выманить нас из корабля, — сказал Бокер, наверное, уже в третий раз, смазывая рану Кеттрика противовоспалительным раствором. — Приглашали на пир, якобы отметить удачно завершившуюся торговлю. И мы бы пошли, если бы ты не предупредил. Они выглядели такими милыми и добрыми. И все равно я чувствовал, что здесь что-то не то...

Кеттрик вздрогнул от укола — Бокер использовал антибиотик.

— До сих пор не могу поверить, что у этих кроликов оказались волчьи зубы, — признался он.

— Они могли всех нас убить! — нервно воскликнул Глеван, не спуская возбужденного взгляда с Кеттрика. — Ясно, их надоумил твой дружок Сери. «Роковая Звезда» у него.

Кеттрик возразил:

— Мне кажется, что у Сери только ее часть. Я видел хижину, где ее прятали. Домик был невелик, и я сомневаюсь, что солнца можно «травить» с помощью такой маленькой установки.

Глеван тяжело вздохнул:

— Кто знает — быть может, для того, чтобы убить звезду, много и не надо.

— Заткнись, нытик, — рассердился Хурт. — А вот я уверен, что установка, которую Джонни называет «Роковая Звезда», должна быть огромной. — Он взерошил свою серебристую

гриву и нервно рассмеялся. — Вот уже и я говорю об этой проклятой игрушке как о чем-то реальном, а всего несколько часов тому назад совершенно не верил в ее существование.

— И я до конца не верил, — признался Кеттрик. — И только в Долине Женщин понял — все это не досужие сплетни. — Он подумал о Сери, который обогнал их в космосе, везя в своем корабле смертоносный груз, и его охватила ярость.

— Этот подонек прикрывался моим именем, — зло сказал Кеттрик. — Используя мою дружбу с этими простодушными людьми, сумел обмануть их и запугать. Интересно, из скольких еще моих друзей в созвездии он сделал своих пособников?

— Наверное, из многих, — ответил Бокер. — Неглупо задумано. Хозяева «Роковой Звезды» не могли хранить в одном месте все части этой установки — это было бы слишком опасно, ее легко было бы найти. Бьюсь об заклад, что их тайники разбросаны по всему созвездию.

Бокер закончил перевязку и начал аккуратно укладывать медикаменты в аптечку.

— Примитивные людишки — как просто оказалось ими манипулировать... — пробормотал Кеттрик. — Никакой науки, куча предрассудков и наплевательское отношение ко всему, что находится за околицей деревни. И горячее желание иметь все, не ударив при этом и палец о палец... Сери обещал дать им все, одновременно угрожая уничтожить Гурру, если они откажут ему в помощи. «Звезда Смерти никогда не засияет в нашем небе», — сказала Ниллейн... Недурная цена за то, чтобы туземцы спрятали в джунглях какие-то механизмы до тех пор, пока они не понадобятся Сери и его людям.

Здесь все ясно. Но что движет Сери? Человек он богатый и благополучный...

— Гордость? — предположил Глеван. — Величайший из всех грехов. Сери и его сообщникам кажется, что великая разрушительная сила сделает их подобными богам.

— Очень может быть, — кисло согласился Хурт. — Хотя я бы не стал сбрасывать со счетов элементарную жажду власти — а уж эта история древняя, как мир... Но меня заботит другое — что мы будем делать дальше?

В салоне звездолета наступила тишина — все озабоченно глядели друг на друга.

— Я согласен с Джонни, — первым нарушил молчание Хурт. — Куда бы ни направлялись они с этой дьявольской установкой, цель у них одна — провести еще одну демонстрацию силы, а затем взять наше созвездие за горло.

— И кто это — они? — спросил Бокер.

— Ну одного мы знаем — Сери Отку. Так что же будем делать? Вмешаемся или останемся в стороне? Лично я боюсь за свою драгоценную шкуру. Как знать, быть может, мы выйдем из прыжка возле Твейна, а солнце-то уже отравлено!

— Э, брось, то же самое может произойти в любом другом месте, — недовольно отозвался Бокер. Он мерил шагами обшарпанный пол салона, по его обнаженной груди и спине стекали ручьи пота. — Но в чем-то Хурт прав. Может, нам лучше вернуться обратно на Тананару? Что ты думаешь, Джонни? Сообщим о Сери кому надо, и пусть власти ломают себе голову. Кто мы такие, чтобы взваливать на свои воровские плечи мировые проблемы?

Кеттрика мучила несколько иная проблема — как сообщить Секме обо всем, что им удалось узнать? Во время прыжка космическая связь не работала, а на таких отсталых мирах, как Гурра или Твейн, гиперпередатчиков просто не существовало. Они поддерживали связь с другими мирами в пределах созвездия с помощью время от времени прилетающих к ним торговых судов. На Гурре других торговцев сейчас не было — это они выяснили, связавшись по радио с космопортом западного полушария. Встретятся ли им купцы на Твейне? Кто знает. В любом случае связь с Секмой оставалась главной нерешенной проблемой.

Наверное, лучше на самом деле вернуться на Тананару, найти Секму или кого-то другого из руководителей космической полиции...

Кеттрик покачал головой. Нет, это займет слишком много времени. Тогда у них уже не будет никаких шансов остановить Сери. «Звездная Птица» уйдет далеко в космос — и они даже приблизительно не знают, куда она направляется. Сейчас же еще есть возможность выследить ее...

— Твейн, Кирнаноку, Трейс... Сери мог выбрать любую из этих планет, — сказал Бокер. — Черт побери, все они — такое дерьмо...

— Сери вообще может полететь куда угодно, — возразил Кеттрик. — Мы знаем только то, что он официально перечислил эти миры в своем полетном листе.

Хурт не согласился:

— Но он обязан следовать этим курсом! Иначе космическая полиция начнет интересоваться, почему он отклонился от заявленного маршрута.

— Космическая полиция? — переспросил с усмешкой Кет-

трик. — Когда дело будет сделано, никакой полиции не останется и в помине.

— Верно... — пробормотал Хурт. Казалось, эта мысль потрясла его даже больше, чем все остальное.

Глеван напомнил, что Сери и его команда наверняка вооружены мощным оружием.

— У нас есть одно преимущество, — сказал Кеттрик. — Сери не знает, что мы преследуем его... если мы действительно собираемся сделать это. Он даже не знает, что я жив. И даже Секма не знает этого...

Бокер немедленно перестал расхаживать по салону. Все с удивлением посмотрели на Кеттрика.

— Секма? — спросил Бокер. — Ну и дела! А я думал, что эта полицейская ищейка повсюду гоняется за тобой.

Кеттрик про себя чертыхнулся, поняв, что проговорился.

— Не совсем так... Именно по его наводке Служба безопасности Земли смогла повесить на меня это дело.

Потом Бокер с хмурым видом произнес:

— Вот уж никогда бы не подумал, что ты снюхаешься с полицейскими! И все же кое-что мне неясно. Секма знал, что ты в созвездии, он сам прислал тебя, и ты все равно рвался на Белое Солнце?

— Да. Это одна из причин, по которой я не против был выпасть из поля зрения Патруля после взрыва лодки. Я ничего не сообщил Секме, и он не знает, что я жив.

Теперь уже Кеттрик начал нервно вышагивать по салону под внимательным взглядом остальных членов экипажа. Обстановка явно накалялась.

— Вы имеете полное право чувствовать себя обманутыми, — сказал он. — И я готов покаяться и посыпать голову пеплом. Да, я умолчал о своей сделке с Секмой. Но я вовсе не собирался впутывать вас в это темное дело с «Роковой Звездой»! Моей задачей было воспользоваться удобной ситуацией, вернуть свою торговую лицензию и заодно завершить дельце на Белом Солнце, сулящее миллион кредитов. Можете, если хотите, назвать меня двурушником — что делать, уж такой я человек. Я готов хоть сейчас лететь на Белое Солнце и выполнить свое обязательство перед вами. Но... — Он остановился и повернулся лицом к своим спутникам: — Но «Роковая Звезда» оказалась не пустым мифом. Честно говорю — мне стало страшно. Больше всего мне хочется поскорее вернуться на Тананару и первым же кораблем улететь на Землю. Но в том-то и дело, что я не могу.

— Почему, Джонни? — мягко спросил Бокер.

— По двум причинам. Сери и Белое Солнце. Именно в этом порядке. Не могу заставить вас лететь со мной. Не осмеливаюсь даже просить об этом. Мне только нужно, чтобы вы доставили меня на Кирнаноку. А там я возьму другое судно...

— Сери... — задумчиво пробормотал Бокер. — И Белое Солнце?

— А почему нет?

— Но Сери в первую очередь?

— Конечно. Я остановлю этого мерзавца любой ценой, даже ценой собственной смерти! — Кеттрик почувствовал, что кричит каким-то неприличным мелодраматическим тоном, но ему было наплевать. — Он убил Хиту. Попытался убить меня и Чайт. А теперь собирается уничтожить ради своих амбициозных целей миллионы людей, используя для этого моих друзей, мое имя... — У Кеттрика перехватывало дыхание от ярости. — Но когда я разделаюсь с Сери, я навещу криннов на Белом Солнце. Почему бы не совместить приятное с полезным, раз уж я оказался в созвездии?

— Ты оптимист, Джонни, — с сомнением покачал головой Бокер. — Ты говоришь: надо остановить Сери. Как будто на этом все кончится! Это все равно что сказать: я вышел из корабля, сделав только шаг по трапу. Сери — лишь часть проблемы. Ты ведь не знаешь, сколько людей участвует в этом проекте и каковы их возможности. Думаешь, что сумеешь справиться со всем этим, даже с нашей помощью?

Кеттрик не ответил. Неожиданно подал голос Хурт:

— Похоже, у нас нет другого выхода. Надо попробовать, раз уж мы благодаря Джонни вляпались в это дерьмо.

Бокер посмотрел на него, потом на Глевана.

— Это будет знатная драка, — ухмыльнулся Глеван. — Может, мы и проиграем, но, по крайней мере, не будем чувствовать себя трусами, бежавшими с поля боя.

— Конечно, не хотелось бы чувствовать себя трусом, — согласился Бокер, смахнув с лица капли пота — в салоне было по-прежнему очень жарко. — В этом-то все дело. Ну, и как ты себе это представляешь, Джонни?

Кеттрик задумался.

— Я знаю не больше вашего. Все, что мне известно, — это то, что Сери везет на борту «Звездной Птицы» часть установки «Роковая Звезда», с помощью которой в самое ближайшее время будет «отравлено» какое-то солнце с обитаемыми планетами. Может, по пути он подберет другие части этой уста-

новки. — Джонни снова принялся нервно вышагивать по салону, пытаясь собраться с мыслями, что в такой духоте было совсем не легко. Чайт обеспокоенно наблюдала за ним из угла, где она растянулась на полу, высунув язык и тяжело дыша.

— Если бы нам удалось догнать Сери... «Звездная Птица» быстрее «Греллы», но чудеса иногда случаются.

— Да уж, — хохотнул Глеван, — маленькое чудо нам бы не помешало. Но вряд ли оно поможет старому и ржавому корыту, которому самое место на свалке. Такие заслуженные развалины никогда не становятся космическими ястребами. Кстати, надо пойти и взглянуть на приборы.

С этими словами он встал и вышел из салона.

— На Кирнаноку, — продолжал Кеттрик, — есть пост Звездного Патруля. Там нам могут помочь.

Бокер и Хурт сразу повеселели.

Корпус корабля внезапно содрогнулся, глухой вой гипердвигателя резко изменил свой тон.

Бокер подскочил к коммуникатору и рявкнул:

— Глеван, черт тебя раздери! Если ты взорвешь установку, я тебя и в аду достану!

Зазвучал приглушенный голос Глевана:

— Не волнуйся, капитан, я хочу сделать небольшое чудо, и только. Но пока не с «Роковой Звездой», а с нашим замечательным и едва живым двигателем.

Бокер укоризненно покачал головой, но ничего не сказал. Он знал — у Глевана золотые руки, и без его мастерства «Грелла» вряд ли могла бы даже взлететь. Он подошел к маленькому настенному шкафчику и извлек из него пластиковую бутылку. Откупорив ее, сделал пару глотков, а затем передал бутылку товарищам.

Сообща они выпили все до дна. Всем хотелось хотя бы на время забыться. Но, увы...

Кеттрик сидел в кресле, закрыв глаза, и думал о Ларис. Неужели она знала о том, что Сери собирается уничтожить целую планетную систему, убить миллионы разумных существ? Не могла не знать... Все это просто не укладывалось в голове.

Глеван на самом деле сделал маленькое чудо. «Грелла» со стонами и скрипами во всех своих железных суставах все-таки ухитрилась выйти из гиперпространства. Сердца астронавтов бешено колотились от перегрузки, глаза были прикованы к счетчику радиации. К счастью, показания были в пределах нормы.

Старое и красное солнце Твейна тяжело катилось по своей

галактической орбите, печально и гордо встряхивая огненной гривой.

«Грелла» совершила головокружительный разворот и помчалась к третьей, холодной планете, мерцающей в бархате космоса своей поразительной снежной белизной.

Глава 12

Еще задолго до посадки стало ясно, что «Звездной Птицы» здесь нет. На этой планете была всего одна посадочная площадка, и локаторы не обнаружили на ней ни единого корабля. «Грелла» тяжело опустилась на свои потрепанные посадочные опоры. Джонни показалось, что сквозь клубы пыли и дыма он заметил неподалеку на поле след недавнего приземления.

Люк открылся, Кеттрик с Бокером вышли из корабля и остановились в ожидании. Хурт и Глеван остались на борту и тут же принялись за ремонт агрегатов «Греллы», не выдержавших длительный прыжок через гиперпространство. А Чайт, выскочив на заснеженное поле, начала носиться взад и вперед с радостным лаем, словно гончая, выпущенная из псарни. Кеттрик с наслаждением вдыхал холодный и свежий ветер, дувший со стороны далеких гор.

Здесь, на экваторе, тепла вполне хватало для поддержания жизни. Летом на возделанных полях обильно росли зерновые, а на лугах паслись многочисленные стада. Да и зимы в этом поясе были не столь уж страшными, не то что в средних широтах. В предгорных лесах водилась дичь, в озерах было полно рыбы, а главной дорогой служила широкая, никогда не замерзающая река.

Кеттрик прошелся немного. Тонкий слой сухого снега хрустел под его ногами — первая весточка наступающих холодов. Он взял в руку белую горсть, попробовал снег на язык, и его пронзило воспоминание. Там, на Земле, он в детстве так любил зиму...

Джонни подошел к выжженному следу, находившемуся в другом конце посадочного поля. Да, здесь на самом деле сидел корабль, и притом совсем недавно — след даже не успел полностью затян timer белой пеленой.

Вдоволь надышавшись свежим воздухом и продрогнув, Кеттрик вернулся на корабль. Бокер уже сидел в салоне, завернувшись в теплое покрывало, и пил горячий пунш. Боль-

шинство миров созвездия отличались мягким климатом, поэтому многие его обитатели никогда не видели снега. Даже Чайт, несмотря на свой толстый мех, немного дрожала, свернувшись в клубок возле кондиционера.

— Похоже, кто-то здесь приземлялся несколько дней назад, — сообщил Кеттрик, также наливая себе кружку пунша. — Если это была «Звездная Птица», то мы уже наступаем Сери на пятки.

Бокер посмотрел в иллюминатор, где неподалеку на западе виднелась гряда темных холмов.

— А вот и делегация туземцев, — сообщил он.

Действительно, к кораблю неспешно двигалась группа всадников на длинношерстных животных с массивными короткими ногами.

— Надо вести себя так, как будто мы слыхом не слыхивали о «Роковой Звезде», — предложил он. — Кто знает, быть может, Сери тоже успел охмурить и запугать местные племена.

Кеттрик кивнул — он и сам раздумывал об этом. Осторожность в любом случае не помешает.

Немного согревшись, они вновь вышли на посадочное поле. Вскоре и всадники подъехали к кораблю. Это были широкоплечие, коренастые люди, одетые в шерстяные туники и кожаные штаны. На ногах у них были сапоги, подбитые толстым мехом. С плеч свисали меховые накидки со спущенными капюшонами, поскольку погода была по их меркам достаточно теплой. Туземцы были вооружены примитивными ружьями, а на поясах у них висели допотопные пистолеты и широкие ножи для разделки туш. Обитатели Твейна отличались смуглой кожей, длинными рыжими волосами и грубо скроенными лицами.

Всадники остановились чуть поодаль от корабля, внимательно разглядывая чужеземцев. Никаких приветственных криков и громких выражений радости не последовало. Это были люди, преисполненные чувства собственного достоинства. Они образовали полукруг перед кораблем и не торопились слезать со своих мохнатых животных, которые тяжело дышали и мотали головами, отбрасывая с глаз влажные от пота пряди шерсти.

Кеттрик и Бокер стояли, сложив руки на груди, и молча смотрели на туземцев. Они знали, что первыми должны заговорить хозяева — таков был негласный этикет на всех мирах галактики. Наконец один из всадников отделился от полукруга и сделал несколько шагов вперед.

— Да пощадит Король Холода стада ваши, — произнес он традиционное приветствие на местном, довольно грубо звучащем наречии.

— Да согреет Король Солнца поля ваши, — торжественно ответил Кеттрик на том же языке. Затем он перешел на галакто: — Здравствуй, Флей.

— Джонни, — произнес всадник и улыбнулся, обнажив крепкие желтые зубы. Его рыжая длинная борода была заплетена в две косички, волосы также были заплетены и убраны за уши. — Джонни, черт меня подери! Привет и тебе, Бокер. — Опустив голову, он посмотрел на Чайт. — А это еще что за тварь?

— Тхелла Чайт — мой давний друг, — ответил Кеттрик, — и не такой суровый, как ты, Флей!

Флей недоверчиво посмотрел на Чайт.

— Она может ездить верхом?

— Она сама прекрасно бегает.

Флей усмехнулся:

— Ну тогда пусть держится подальше от моих гончих. А где остальные из вашего экипажа?

Бокер кивнул в сторону корабля.

— На борту. У нас кое-какие неприятности, Флей. Взгляни-ка.

И он с помощью Кеттрика поднял лежащий на земле вал гидропривода, управляющего одной из опор. Один конец вала был начисто обломан.

— Ты можешь изготовить нам такую штуку? Если нет, то мы будем твоими гостями до прибытия очередного корабля.

Флей некоторое время молча рассматривал вал. Невозможно было догадаться, о чем он думал. Густая рыжая борода закрывала большую часть его лица, темные глаза едва выглядывали из-под густых бровей.

— А где второй обломок? — наконец произнес он.

— Здесь. — Кеттрик поднял второй кусок детали. Он сам переломал вал гидромолотом незадолго до посадки. Ничего страшного, у них было еще два таких в запасе. Зато этим можно было убедить Флея, что на корабле случилась серьезная поломка.

— Наши кузнецы не имеют себе равных во всем созвездии, — наконец сказал Флей. — Мы изготовим вам эту штуку.

— Отлично, — обрадованно сказал Кеттрик. — И когда?

— Через неделю. Вы очень спешите?

— Спешим? — усмехнулся Бокер. — На этом корыте не поспешишь. Ее стоило бы назвать «Звездной улиткой».

Кеттрик кивнул и ответил:

— Что ж, неделя подходит. За это время мы успеем восстановить все, что вышло из строя на борту в последнем прыжке.

— Тогда поедem в город, — пригласил Флей.

Он кивнул в сторону двух свободных животных. Пока Кеттрик и Бокер взбирались в седла, несколько всадников спешили и приторочили обе части вала к седлу еще одного животного. Кеттрик бросил короткое приказание Чайт, и она затрусила рядом с «лошадью», которая от испуга перешла с рыси на галоп. Кавалькада пересекла поле и направилась к гряде холмов.

Город располагался в долине, огражденной с трех сторон заснеженными горами. Он уступал Ри-Дарве по размерам и красоте. Но он был уникален, как, впрочем, и его жители.

Твейн постепенно умирал, остывая, и на протяжении нескольких последних веков населяющие его народы вынуждены были мигрировать к экваториальным областям, где им также приходилось бороться за выживание, но уже между собой, отвоевывая друг у друга плодородные земли и охотничьи угодья. В прошлом ленивые, тугодумные, малочисленные и плохо подготовленные в военном отношении племена встали перед выбором — либо погибнуть, либо стать единственными хозяевами этого сурового мира.

И народ Флея выстоял в многовековой войне, обрета силу и крепость духа. Они стали называть себя фиргалами, что на их языке означало Последние. Фиргалы, воинственные и упрямые, были настроены навеки оставаться единственными хозяевами Твейна и не собирались никому отдавать ни пяди священной земли, в которой покоились останки их предков и из которой новые поколения черпали свою силу.

Открывшаяся перед взором гостей обширная долина простиралась далеко на юг, переходя от темных тонов городских окраин к светло-зеленым краскам озимых полей. И над всем царил огромный шар красно-золотистого солнца. Весной на заливных лугах, расположенных по обе стороны от широкой извилистой реки, паслись большие стада. По долине были разбросаны рощи, в которых животные спасались во время летней изнуряющей жары.

Флей посмотрел на древнее красное солнце с сыновней преданностью и почтением.

— Оно переживет меня, — проговорил он. — И моих младших детей, и внуков. Наверное, и через две тысячи лет наши

потомки повторяют древнюю пословицу: «Зачем человеку бояться за себя, пока светит солнце?»

— Действительно, зачем? — согласился Кеттрик, выжидательно глядя на Флея. Но тот больше ничего не сказал. И всадники спустились в город по извилистой тропе.

Дома здесь походили на каменные крепости. Некоторые из них вросли глубоко в каменистый грунт, другие поднялись над поверхностью на два-три этажа, но все они жались друг к другу, как бы стараясь сохранить тепло и вместе устоять против снежных буранов и обжигающего горного ветра. Заполняя почти треть долины, городские здания захватывали и предгорья, выстраиваясь рядами на широких террасах. Из сотен труб поднимался белесый дым. Большинство построек на окраинах было предназначено для зимовки скота. Шерстистые животные самых разнообразных пород и размеров теснились в огражденных загонах. Кеттрик разглядел среди городских зданий кузницы и дубильни, мастерские и небольшие фабрики, обеспечивающие население всем необходимым. Фиргалы гордились тем, что были совершенно независимы от других миров созвездия.

— Нам не нужны торговцы, — сообщил Флей Кеттрику во время его первого прилета на Твейн. — Мы можем продолжать жить так, как жили наши предки, и ваши инопланетные штучки нас не больно-то интересуют. — И Кеттрик вскоре убедился, что это так. Фиргалы лишь внешне казались примитивными, на самом деле это был очень мудрый народ.

Лига Свободных миров не раз предлагала фиргалам покинуть их остывающий мир и переселиться на другую планету, но те постоянно отказывались. И быть может, они поступали правильно. Здесь, на Твейне, они были единственными хозяевами, а на другом мире пришлось бы приспособливаться и к чужой природе, и к новым соседям. Кеттрик подумал, что любая планета, которая приняла бы фиргалов, рано или поздно пожалела бы о своем великодушии.

Спустившись с холма, всадники выехали на улицы города. Прохожие смотрели на гостей с вежливым равнодушием. Кеттрик обменивался с Флеем малозначащими фразами, с трудом подавляя желание спросить, не прилетал ли Сери в последнее время. Но Твейн — это не Гурра, здесь надо держаться настороже. Одно непродуманное слово могло положить конец путешествию «Греллы».

Разумеется, не было никаких оснований полагать, что фиргалы замешаны в этой истории с Сери и «Роковой Звез-

дой». Но Кеттрику показалось, что глаза Флея как-то странно блеснули, когда он поинтересовался, не спешат ли гости.

Кавалькада начала постепенно рассеиваться, всадники разъезжались по домам. Части поломанного вала были отправлены в одну из кузниц. Флей остановился напротив трехэтажного здания, прислонившегося задней стеной к почти отвесной скале. Хозяин и гости спешились и вошли в дом.

Потолок в обширной гостиной был темным от копоти, почерневшие балки нависали над головами. Низкие двери вели во флигеля, где располагались многочисленные спальни. Клан Флея считался одним из самых сильных в городе, и Кеттрику показалось, что семья еще больше разрослась со времени его последнего визита.

Вокруг сустились темнокожие жены Флея, его смуглые дочери, невестки и прочая разновозрастная молодежь. Флей представил гостей, а затем с гордой улыбкой провел их по дому. Из одной комнаты доносился стук прялки и женские голоса, там несколько девочек пряли шерсть, превратив это нудное занятие в своего рода веселую игру с песнями и шутками. На кухне группа парней постарше по очереди взбивала масло. Тому, у кого лучше получалось это нелегкое дело, пожилая женщина вручала приз, и все подростки возбужденно кричали: «Пустите меня, сейчас моя очередь!» Старшие юноши в это время смотрели за стадом, собирали дрова в горах или были заняты в кузницах и дубильнях клана. Четыре пожилые женщины убирались во дворе, их смуглые лица были морщинисты, словно кора, но голоса звучали весело. Без дела пока оставались лишь малыши, которые носились, словно щенки, галдя, по коридорам огромного дома.

Флей провел двух иноземцев через все комнаты, а затем предложил подняться по широкой лестнице на второй этаж. Здесь было поспокойнее. В комнате с небольшими овальными окнами Флей пригласил гостей присесть в удобные, обитые шкурами кресла и поставил перед ними на стол большой кувшин.

Кеттрик с трудом подавил желание выпить залпом до дна высокий, наполненный до краев кубок. Это выглядело бы не совсем прилично. Но даже небольшие глотки обжигающего алкоголя понемногу успокаивали его. Фиргалы «не опускались» до виноградных вин и тому подобных утонченных напитков. Они вели тяжелую жизнь в суровом, холодном мире и пили только виски собственного приготовления, самое лучшее в созвездии виски.

— С приездом, — сказал Флей и несколькими глотками опустошил солидных размеров кубок. Налив затем вновь гостям и себе, он неожиданно сказал:

— А Сери не говорил, что ты вернулся в созвездие, Джонни. Едва не поперхнувшись, Кеттрик изобразил искреннее удивление:

— Сери? Сери Отку, мой бывший партнер? Он что же, был здесь?

— Не далее как полтора дня тому назад.

— Вот так странное совпадение! — недоуменно покачал головой Кеттрик. Он очень хотел выпить кубок залпом, но дрожание рук могло выдать его. С притворной искренностью Кеттрик спросил: — И как же поживает старина Сери? Надеюсь, здоров и процветает, как всегда?

— Здоров, что ему делается, — усмехнулся Флей и повторил: — Странно, но он не сказал нам, что ты вернулся.

— А он этого и не знает.

— Вот как? — приподнял густые брови Флей. — Не зря говорят: в разных мирах и вино пьют по-разному. У нас на Твейне друзья и партнеры узнают новости в первую очередь.

Кеттрик хохотнул и потянулся к своему кубку, чтобы скрыть нервозность.

— Вы, наверное, слышали, что ЗП изгнал меня из созвездия под угрозой ареста.

— Да, слыхал. Сери рассказал об этом, когда впервые приехал сюда.

— Тогда вы, должно быть, догадались, что я вернулся в Хейдес нелегально.

Он жадно выпил, чувствуя на себе испытывающий взгляд жестких глаз Флея. Помрачневший Бокер молча опрокидывал кубок за кубком, почти не пьянея. А Чайт напряженно сидела в углу у камина, нервно подергивая кончиками ушей.

— Нелегально? — переспросил Флей. — И при этом ты занимаешься торговлей?

— Официально торгует Бокер. А я со своим другом Чайт пока отсиживаюсь в тени его звездолета, ну и иногда пускаю в ход свои дружеские связи. — Кеттрик придвинулся поближе к собеседнику. — Мы ведь друзья, Флей? Надеюсь, что наша торговля будет весьма успешной, если вы, конечно, не отдали весь товар Сери... Мы хорошо заплатим, а во время следующего визита — еще больше. Очень скоро мы станем несметно богатыми и потому можем себе позволить быть щедрыми.

— И где это может разбогатеть торговец, который не имеет лицензии?

— Скажем, на Белом Солнце, покупая драгоценные камни у криннов, — небрежно ответил Кеттрик. — Там-то меня и схватили два года назад, когда я уже почти получил миллион кредитов, Флей. Но сделка осталась в силе, и потому я вернулся, и потому Бокер рискует попасть в Наркад, помогая мне. Как видите, я с вами совершенно откровенен.

Флей еще шире раскрыл глаза, которые даже засветились от изумления.

— Миллион кредитов... — повторил он и внезапно разразился громким хохотом. — Нам здесь наплевать на деньги, но мы ценим смелость и отвагу. И нам не очень симпатичен ЗП, который слишком часто рыщет на Твейне, разнюхивая, не продаем ли мы наркотики или ядовитые вещества.

Он подался вперед и потрепал Кеттрика по плечу:

— Удачи тебе, Джонни. Рад снова видеть старого приятеля. Кто знает, когда увидимся снова, и потому я хочу сделать твой визит максимально приятным. — Флей наполнил бокалы гостей, весь светясь радушием и гостеприимством. — Мы будем охотиться, пировать, много пить и, конечно, торговать, несмотря на то что здесь только что побывал Сери. Ручаюсь, что ты заработаешь тут больше, чем на Гурре. — Он подвинул один кубок Кеттрику, другой — Бокеру. — Женщины соткали много материи за прошлую зиму, а прошлогодние меховые накладки особенно им удались...

Кеттрик встрепнулся и прервал хозяина:

— Гурра? Почему Гурра?

— Ты ведь оттуда прилетел? — спокойно спросил Флей. — Мне казалось, ты говорил...

— Нет, — вновь перебил его Кеттрик. — Мы прилетели с Пеллина, где очень удачно торговали.

— Пеллин... — Флей покачал головой. — Наверное, я ошибался. Ну, не важно. Совершенно не важно. — Он направился к лестнице и, нагнувшись, что-то прокричал вниз на своем языке. Пока он стоял к ним спиной, оба гостя выразительно переглянулись и дружно выплеснули напитки в раскрытое окно. Бокер едва слышно прошептал:

— Ну и дрянь!

Вскоре грудастая девица, игриво покачивая бедрами, принесла поднос с едой. Флей поднял свой кубок и произнес тост в честь гостей, а затем они принялись пировать. К вечеру с работы вернулись сыновья Флея и также уселись за стол. Из-

рядно нагрузившись виски, они вскоре со счастливым видом уже распевали песни.

Незадолго до наступления ночи (поскольку фиргалы рано ложились спать) сквозь сгушавшиеся сумерки Кеттрик и Бокер верхом возвращались на корабль, отяжелев от еды и питья. Их сопровождали три сына Флея, показывая путь. Спешившись возле трапа, фиргалы без приглашения поднялись на борт и стали довольно бесцеремонно расхаживать по отсекам корабля, радостно улыбаясь и задавая множество вопросов на корявом галакто. По их словам, они обожают звездолеты и давно мечтали оказаться в космосе.

Хурт и Глеван вяло отвечали на вопросы сыновей Флея, а затем, наскоро поев, отправились в свои каюты, чтобы отоспаться после напряженного дня. Бокер отправился в капитанскую рубку, так что роль гида пришлось взять на себя Кеттрику. Как он и ожидал, парни везде совали свои носы, явно пытаясь найти где-нибудь целый вал для гидропривода. Однако они ничего не нашли, поскольку оба запасных вала были надежно спрятаны в трюме среди тюков с товарами. Кеттрик кипел от негодования, но законы гостеприимства не позволяли ему выпроводить назойливых гостей. Наконец молодым людям наскучило болтаться по тесным отсекам, и они заснули в салоне, удобно устроившись в креслах. И тогда Кеттрик с Бокером занялись подготовкой гипердвигателя к очередному прыжку.

Они проработали полночи и только затем позволили себе немного поспать. Кеттрику казалось, что все трудности уже позади. Конечно, сыновья Флея еще будут мешаться под ногами, но, убедившись, что вал гидропривода опоры действительно поломан, успокоятся. Бокер, Хурт и Глеван поднимутся с первыми лучами солнца и будут работать круглые сутки, готовя «Греллу» к полету. Ну а он в это время станет торговать, общаться с Флеем и по мере возможности помогать остальным. А затем они бросятся в погоню за Сери. Но есть ли у них шансы остановить и тем более задержать его?

Без сомнения, фиргалы замешаны в этом. Наверное, где-то в этом городском улье они хранили частицу «Роковой Звезды», обманутые увещеваниями и посулами Сери. Этим простодушным людям достаточно было пообещать всего лишь одно — безопасность их собственного солнца и их родного мира. «Надо помочь Сери, и тогда «Роковая Звезда» никогда не вспыхнет в нашем небе». Что ж, этих людей можно понять. Они отдали умирающей планете все свои силы, свою предан-

ность и ежедневный тяжелый труд на протяжении уже многих поколений. Пожертвовать всем ради других миров, других солнц? С какой стати, если Твейну гарантирована безопасность! Конфликт с «Роковой Звездой» их не касался, вот и весь разговор. Кеттрик не мог обвинять фиргалов. Но он обвинял и всей душой ненавидел Сери, который не только сам творил черное и грязное дело, но и сумел втянуть в него по крайней мере два народа созвездия.

Кеттрику приснилось, что он вновь идет по улицам незнакомого города под смертоносными лучами отравленного солнца, а рядом с ним бредут, опустив головы, Бокер, Ниллейн, Флей и толпа других знакомых людей с разных миров. Впереди этой мрачной, обреченной процессии вышагивает Глеван, скорбно и торжественно выбивая дробь на большом красном барабане. На перекрестке он, Кеттрик, отделяется от них и бежит по извилистым улицам в поисках Ларис, которая, как он твердо знает, находится где-то в этом умирающем городе и нуждается в его помощи. Он ясно слышит, как Ларис зовет его. Несколько раз впереди за поворотами мелькает пестрый шлейф ее длинного платья. Он изо всех сил мчится к этому месту, но там — тихо и пустынно...

На следующий день началась торговля. Для уличной ярмарки возле корабля, как это происходило на Гурре, было слишком холодно. Поэтому центром торговли выбрали обширное здание Городского совета. Вереница выючных животных свозила в один из его залов тюки и коробки, а на «Греллу» другие животные в это время доставляли меха, шерстяные изделия и пряжу.

Даже если Сери действительно вел торговлю на Твейне, это нисколько не отразилось на запасах фиргалов. Кеттрик весь день занимался обменом товарами, а ночью, успев лишь слегка вздремнуть, заступил на свою вахту в командирском отсеке корабля. От недосыпания резало глаза, но он был счастлив от мысли, что судно будет готово за каких-то два дня вместо предполагавшихся четырех.

На следующее утро Флей пришел на корабль без выючных животных и товаров. Его сопровождали дюжина мужчин, экипированных для охоты, и свора «гончих» — шерстистых существ с огромными зубами и когтями.

— Не стоит спешить с торговлей, Джонни, — добродушно улыбаясь, сказал Флейт. — Мой сын — самый лучший кузнец в городе, и все равно возня с вашим валом займет у него не

меньше семи дней. А может, и все десять дней, потому что здесь требуется особая сталь.

Кеттрик в притворном огорчении покачал головой, впрочем, стараясь не переигрывать.

— Так что, — заключил Флей, — торговля подождет. Товары никуда не денутся, а мои собаки засиделись на псарне. Приглашаю тебя на охоту!

Кеттрик пожевал губами и огорченно вздохнул.

— Десять дней, — сказал он. — Плохо.

— Почему, Джонни?

— До Белого Солнца далеко, и время не ждет.

— Наберись терпения. Отдохнуть тоже не грех.

— Ну, если ничего нельзя сделать... — Кеттрик пожал плечами с очередным вздохом. — Может, это и к лучшему, если подумать...

Флей вопросительно взглянул на него, и Кеттрик пояснил:

— Сери тоже когда-то собирался на Белое Солнце, так что нам стоит переждать немного и дать ему возможность поторговать с криннами. Да и ни к чему нам встречаться... — Кеттрик улыбнулся обезоруживающе открытой и искренней улыбкой. — Хотя мы уже не партнеры, но я не хотел бы подставлять его, если таможенная полиция схватит меня за хвост. Сери и так уже достаточно пострадал из-за меня за последние два года.

Кеттрик знал, что именно эти соображения занимали и Флея, но только в другом плане. Он волновался о Сери, и потому ему хотелось не допустить этой встречи.

Делать было нечего, и Кеттрик поехал на охоту с Флеем. Чайт неотступно бежала возле стремени. Собаки сразу же невзлюбили тхеллу, так же как и она их, и старались держаться подальше друг от друга. Доехав до гряды холмов, охотники пустили вперед собак, и те помчались по заснеженной равнине с громким лаем. Им удалось загнать двух небольших зверьков с красной шерстью, похожих на лисиц. Но третий зверек оказался на редкость прытким и сумел оторваться от лающей стаи. Еще немного, и он мог скрыться в спасительной чаще низкого кустарника. Чайт повернула голову к хозяину и спросила:

— Убить, Джон-ни?

Кеттрик попросил Флея отозвать собак, огромная серая тхелла бросилась галопом вслед за жертвой, грациозно изгибаясь. Ее тело вытягивалось и сжималось, словно смертонос-

ная пружина. Недолгое преследование завершилось стремительным прыжком. Флей восхищенно присвистнул:

— Станный у тебя друг.

— Чайт любит меня с детства, — пояснил Кеттрик. — Ее народ не знает, что такое предательство.

Спустя несколько часов охотники направились в город, перебросив через седла туши убитых зверей. Чайт уселась на земле и аккуратно стерла с груди пучком травы следы крови.

Приближались сумерки. Чувствовалось, что скоро пойдет снег. И вдруг охотники увидели мальчишку, стрелой мчавшегося навстречу на маленькой лошадке.

Глава 13

Группа всадников остановилась, пока Флей разговаривал с мальчиком напряженным и встревоженным голосом. По взглядам, которые бросал на него ребенок, Кеттрик понял, что новость касалась гостей, и это насторожило его. Он застыл в седле, крепко сжав в руках поводья. Снежинки кололи его щеки. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем Флей повернулся к Кеттрику и сказал уже на галакто:

— Приземлился корабль ЗП, Джонни.

У Кеттрика радостно подпрыгнуло сердце. Наконец-то им повезло! Не придется лететь на Кирнаноку. Подмога прибыла вовремя. Он расскажет представителям властей о Сери и «Роковой Звезде», и на их быстроходном корабле...

Повалил снег, и внезапно Кеттрик уловил напряженный взгляд Флея — казалось, тот пытается сквозь белую пелену прочитать мысли гостя по выражению его лица.

И тут он понял, что им несколько не повезло.

Действительно, пока оба корабля не будут готовы к взлету, им волей-неволей придется оставаться в гостях у фиргалов. И если те заподозрят по какому-то неосторожному слову, что обе группы охотятся за Сери и «Роковой Звездой», то никто из них не проживет и часа.

Патруль выбрал самое неподходящее время для своего рейда на Твейн. Его прибытие прямо вслед за «Греллой», которая приземлилась несколькими днями позже «Звездной Птицы», могло вызвать подозрения у самого бесхитростного человека.

Кеттрик сам поразился, насколько спокойно звучал его голос, когда он решился заговорить:

— Этого-то мы и боялись и поэтому покупали товары и

создавали видимость обычной торговли. Но теперь пришло время настоящей проверки, Флей.

— Проверки?

— Понимаешь, Бокер и другие могут сами позаботиться о себе. Звездный Патруль не имеет к ним претензий. Но я — это другое дело. Короче — ты спрячешь меня или сдашь?

Кеттрик никогда не думал, что может наступить день, когда самым желанным ответом на такой вопрос было бы: «Сдам, и черт с тобой». Но Флей возмутился:

— Сдать тебя, Джонни? Моего друга? Да превратит меня Король Холода в белый камень, если мне в голову придет такая мысль. — Флей задумался, стряхивая снежинки с волос, и сказал что-то мальчику, а потом обратился к Кеттрику: — Поедешь с ним и не волнуйся ни о каком ЗП.

Через минуту Флей и его спутники исчезли за завесой мглы и снегопада. Кеттрик посмотрел вслед своему другу без всякой благодарности. Оставалось лишь молить бога, чтобы Бокер, Хурт и Глеван держали язык за зубами. Мальчик окликнул Кеттрика, и они оба направились в другую сторону. Кеттрик ехал вслед за своим провожатым, стараясь не терять его из виду. Чайт легкой поступью бежала рядом, настороженно глядя по сторонам.

Наконец, уже в полной темноте, Кеттрик почувствовал запах дыма и тяжелый дух запертых в загоне животных. Вскоре впереди проявились каменные стены скотного двора, и он понял, где находится. Мальчик спешился и открыл калитку. Они вошли в одно из просторных помещений, переходящих в пещеру на склоне горы, которые использовались для зимовки скота.

Кеттрик услышал шарканье ног в соседних стойлах — животные забеспокоились, учуяв запах Чайт. Воздух здесь был теплее, во всяком случае, снега не было. Мальчик взял уздечку «лошади» Кеттрика, и они медленно пошли между стойлами в крошечную темноту. Через мгновение вспыхнул огонек спички, погас и снова зажегся, но уже ярким пламенем масляного фонаря. Мальчик выразительно указал рукой на землю, и Кеттрик спешился. Вместе с Чайт он последовал за провожатым по туннелю, пробитому в каменной толще тыльной части пещеры. Они долго шли по узкому темному проходу. Дорога вела то вверх, то вниз. В некоторых местах каменные стены и потолок были укреплены толстыми балками. Через неравномерные интервалы встречались дверные проемы. Те, что шли по левую руку, были входами в подземные хранили-

ща. Те, что располагались справа, вели в городские здания. Издалека даже доносились голоса людей, собиравшихся на вечерние трапезы. По-видимому, подземные туннели соединяли дома, хранилища и загоны для скота и были построены на случай сильных холодов или заносов, когда движение по улицам затруднено.

Наконец мальчик остановился и постучал в одну из дверей. Она слегка отворилась, и Кеттрик увидел уже знакомую грудастую рыжую девицу, которая подавала им еду во время пиршества. Похоже, эта дверь вела из туннелей в подвал дома Флея.

Последовал недолгий разговор шепотом, но на этот раз Кеттрик понял, что речь шла не о нем. Мальчик схватил одну из толстых рыжих кос и потянул так, что голова девушки склонилась для поцелуя, она отбивалась с притворным негодованием, но без всякой настойчивости. Кеттрик позавидовал беззаботной юности. Даже не верилось, что когда-то и он думал только о поцелуях.

Девушка наконец приглашающе кивнула ему и повела в дом, опасливо оглядываясь на Чайт. В этой части дома Кеттрик никогда прежде не бывал. Здесь было темно и безлюдно, хотя из-за плотно закрытых дверей доносилось достаточно шума. Они поднялись наверх по шаткой лестнице, больше напоминающей стремянку. Полные крепкие ноги девушки мелькали перед его глазами. Из-под юбки выглядывало шерстяное трико. «Холодно же здесь, — подумал Кеттрик. — Не хотелось бы навсегда остаться в этом мире!»

Наверху находилась комната с узкой кроватью и пушистой шкурой на полу вместо ковра. Поднос с едой и глиняная бутылка уже стояли на столе, а рядом тускло горел фонарь. Слабое пламя в камине отчаянно боролось со сквозняком, и комната была не столько теплой, сколько полной дыма. Девушка многозначительно поманила его пальцем, взобралась на кровать и показала место в стене, где отвалившаяся штукатурка обнажала просвет между камнем кладки и толстой деревянной опорой. Он хотел уже было задать вопрос, но девушка сердито сверкнула глазами и выразительно приложила палец к губам. И тут он услышал голоса за стеной.

Девушка соскользнула с кровати и ушла, плотно прикрыв за собой дверь. Кеттрик немедленно прильнул к щели.

По другую сторону стены находилась комната, где хозяин устраивал для гостей с «Греллы» пиршество. Теперь туда во-

шли Флей и Бокер. Их сопровождали двое в тускло-зеленой форме Звездного Патруля.

Один из них был Секма.

Кеттрик отпрянул. Он слышал голоса за стеной, но некоторое время шок мешал ему вслушиваться в слова. Чаят что-то проворчала, но он вовремя остановил ее, приказав молчать, а затем указал на стол.

— Ешь, — прошептал он. — Я не голоден. Дай бутылку.

Тхелла подала глиняную бутылку, а сама уселась возле подноса с едой. Кеттрик закутался в толстое одеяло и уселся в углу возле щели. Он сделал большой глоток виски, а затем вновь прильнул к стене.

В соседней комнате мужчины расселись поудобнее вокруг стола, и Флей наполнил кубки. Все выглядело очень мирно. Второй офицер ЗП, темнокожий долговязый парень, едва был виден Кеттрику. На его рыхлом лице не было заметно следов напряжения и тревоги. Бокер, выделявшийся своей пышной серебристой гривой, сидел спиной к Кеттрику. Его голос звучал, как обычно, жизнерадостно и бодро. Но Кеттрик слишком давно и хорошо знал этого человека, чтобы понять: его друг далеко не так беззаботен, как хочет казаться.

Секма сидел лицом к Кеттрику. Жесткие каштановые волосы, точеные черты лица, сверкающие голубые глаза... Вот он, совсем близко, искушающе близко. Кеттрику стоило только крикнуть сквозь отверстие в стене...

Но он плотно сжал губы, чтобы сдержать этот порыв.

— Это просто обычная проверка, — говорил Секма. — Спасибо, Флей.

Они выпили, вежливо пожелав друг другу здоровья.

«И почему, черт побери, ты не приехал со своей очередной проверкой чуть раньше, когда здесь был Сери? Тогда бы схватил его...»

Хотя вряд ли. Сери наверняка притворился бы обычным торговцем. Он тщательно запрятал бы все детали «Роковой Звезды» там, где никто бы и не додумался искать. И если бы его случайно поймали за руку, фиргалы позаботились бы о том, чтобы Секма не смог воспользоваться своей находкой.

— Нет проблем, — небрежно отозвался Бокер. — Можете осмотреть мой корабль, когда пожелаете.

— Непременно, — кивнул Секма и принял из рук сидевшего рядом Флея очередной наполненный кубок.

— Осмотрите, если хотите, и наше торговое место, — предложил Флей. — Хотя всякий раз вы находите там одно и то

же, то есть ничего противозаконного. Однажды ради интереса я подложу туда несколько пакетов наркотика, чтобы угодить вам.

— Очень буду признателен тебе, Флей, — в столь же шутиливом тоне отозвался Секма. — Надо же хоть иногда оправдывать эти утомительные и дорогостоящие рейды.

— Еще бы не дорогостоящие! — рассмеялся Флей. — ЗП, наверное, денег некуда девать, раз он заставляет своих высших офицеров участвовать в обычных патрульных рейдах.

Секма улыбнулся.

— Нет, не заставляет. Я сам вызвался.

— Тогда я бы сказал, что ваше отношение к служебному долгу может сравниться только с нашей преданностью своему клану. — И Флей снова взялся за бутылку, хотя Секма еще не допил свой кубок. — Но мы можем смягчить тяготы вашего утомительного путешествия. Не хотите ли завтра поехать на охоту? Снег вряд ли будет слишком глубоким.

— Это было бы очень приятно, — ответил Секма. — Спасибо за приглашение. — Он поднял кубок и сделал очередной глоток.

Бокер сказал:

— Честно признаюсь, что на Пеллине мне предложили кое-какую контрабанду... довольно привлекательная штука, должен сказать. Но я отказался.

Секма удивленно взглянул на него.

— Поздравляю, ты становишься добродетельным, Бокер.

Потом он принял к терпкому букету запахов местного виски и выпил содержимое кубка одним залпом.

— Но в нашем путешествии есть и кое-что необычное.

— Я так и думал, — кивнул Флей. — И что же именно, если не секрет?

Мускулы на руках Бокера напряглись. Секма также выглядел озабоченным. И только темнокожий офицер продолжал беззаботно потягивать крепкий напиток. Возможно, он не осознавал, что смерть уже поднимается по лестнице, держа косу наготове. А если он знал о дружбе Флея с Сери... что ж, тогда оставалось только позавидовать его выдержке.

— До меня дошли слухи, — продолжал Секма, — что хорошо знакомый вам Джонни Кеттрик вернулся в созвездие. — Теперь его голубые глаза по очереди впивались то в Бокера, то во Флея.

— Джонни? — переспросил Бокер. — Рад за него, если это правда.

— Джонни? — повторил Флей. — Неужели? Хотел бы снова повидать этого парня. Он умеет охотиться, пить, не пристаёт к моим женщинам и предлагает самый выгодный обмен. Бокер хорош, но второго такого торговца, как Джонни, нет. Не стоило вам высылать его из Хейдеса.

— Слышал я эту песенку, слышал, — жестко усмехнулся Секма. — Ну вы, разумеется, не видели Кеттрика.

— Я — нет, — ответил Флей.

— А ты, Бокер? Не здесь, конечно, но, скажем, в Ри-Дарве? Говорят, его видели на окраинах.

— Очень может быть, — согласился Бокер. — Кеттрик наверняка зашел бы ко мне в гости, но я, должно быть, уже покинул Тананару.

Секма пригвоздил его к месту острым взглядом.

— Почему ты сказал «должно быть»? Ты знал, что он вернулся?

«Конечно, — подумал Кеттрик, — Секма не может быть уверен, что я добрался до Тананару. Из космопорта Альдебарана я мог направиться куда угодно. Мог умереть от болезни, меня могли убить грабители, чтобы отнять товар, я мог в конце концов стать жертвой космической катастрофы».

Бокер пожал плечами.

— Вы ведь знаете, Секма, что мы с Кеттриком не раз торговали вместе и вообще были друзьями. Он бы обязательно навестил меня. Поэтому я и сказал, что Джонни прилетел на Тананару, должно быть, после моего отъезда. Не могу сказать ничего определенного. Я об этом впервые слышу.

«Неплохо блефует Бокер. Убедительно». — Но Кеттрик знал, что его друг куда охотнее придушил бы сейчас офицера ЗП. У него с Секмой тоже давние счеты. Если бы не Сери и не «Роковая Звезда»...

Кеттрик плотнее закутался в одеяло, его трясло, то ли от холода, то ли от нервного напряжения. Гости много ели и пили, а чуть позже к ним присоединились некоторые из сыновей Флея. И тогда, словно между делом, Флей поинтересовался у Секмы, откуда тот прибыл.

— С Кирнаноку, — ответил Секма.

— Вот как... — хмыкнул Флей. — Выходит, вы летите в южную часть созвездия?

Секма кивнул:

— Да, хочу навестить Гурру. Еще одно любимое место Джонни Кеттрика. Наверняка там о нем что-нибудь слышали.

— На Пеллине ничего о нем не говорили, — вмешался Бокер. — Я бы знал, ведь все знают, что мы дружили.

— Возможно, все эти сплетни насчет Джонни всего лишь пустой звук, — добродушно улыбнулся Флей.

Наконец ужин закончился, и все ушли. Кеттрик улегся на кровать. Закутавшись в одеяло, он молил бога, чтобы Хурту или Глевану удалось улучшить минутку и поговорить с Секмой наедине. Конечно, такой момент можно найти. Во время осмотра «Греллы», например...

Но сыновья Флея обязательно будут крутиться рядом, развесив уши. Правда, они не говорят на дарванском, и Бокеру можно будет объясниться с Секмой на непонятном им языке. Только имя «Кеттрик» звучит одинаково на любом наречии и название «Роковая Звезда» — тоже. Да и не дураки эти фиргалы. Даже если бы Бокер рассказывал Секме по-дарвански просто свежий анекдот, они мгновенно бы насторожились. Зачем гостям говорить на непонятном языке, если им нечего скрывать от хозяев? Что-то здесь не то... Оставалось только надеяться, что Бокер и остальные не сделают роковой ошибки.

Кеттрику не лежалось больше в холодной постели. Он встал и застыл у крошечного окошка, вглядываясь в морозную ночь. Ночь, которая обещала стать самой мучительной в его жизни.

Глава 14

Кеттрик провел в маленькой комнате, очень похожей на тюремную камеру, еще два дня. Его единственными собеседниками были глиняные бутылки с виски, которые время от времени приносила рыжеволосая толстушка. Даже скрашенное выпивкой заточение далось ему нелегко. Дрожа от нетерпения, Кеттрик каждую минуту надеялся услышать шум шагов на лестнице и стук кулаков в дверь. Но никто из его друзей не приходил.

Вечерами в соседней комнате собирались Секма, Бокер и Флей вместе с теми из его сыновей, которые были не заняты на работе. Они пили и ели, обменивались всевозможными историями, деликатно обходя щекотливые вопросы. А Кеттрику оставалось только с нарастающим нетерпением ждать, когда кто-нибудь проронит неосторожное слово. Иногда его просто раздирало желание самому вмешаться в разговор, чтобы поскорее закончить эту пытку.

Порой он впадал в беспокойный сон, нечто среднее между

пьяным забытием и чередой кошмаров, в которых он все время преследовал Сери, и всякий раз безуспешно.

В промежутках между сном и возлияниями он мерил комнатушку яростными и нетерпеливыми шагами. «Грелла» должна быть уже готова к полету. Черт побери, сколько еще Секма собирается пробыть здесь? Постарается ли Флей задержать его, пока «все не кончится», как он хотел задержать Кеттрика?

Несколько раз он слышал, как Флей со свойственной ему хитростью ненавязчиво выясняет маршрут Секмы. Но всегда получает один и тот же ответ — корабль ЗП следует с Кирна-ноку на Гурру.

Кеттрик удивлялся тому, как это Секма, который стартовал с Тананару спустя несколько дней после «Греллы», тем не менее сумел нагнать их. Конечно же, его корабль — не старое, измученное всеми болезнями корыто, и он мог совершать сверхдальние прыжки в гиперпространстве. А впрочем, какая разница?

У Кеттрика разболелась голова, и не только от выпитого виски. Ему хотелось выть от злости при мысли о том, насколько близок был Секма к Сери на Тананару, даже не подозревая об этом!

«Я неплохой астронавт и удачливый торговец, — думал раздраженно Кеттрик. — У меня масса друзей на всех мирах созвездия, и с их помощью до сих пор я мог повернуть любое дело. Но стоило властям доверить мне особо важное задание, как я провалил его в самом начале.

Секма, должно быть, уже понял это. Тогда почему же он тратит время, разыскивая меня, вместо того чтобы заниматься «Роковой Звездой» самому?»

Ответ мог быть только один. Видимо, Сери уже нельзя остановить, и «Роковая Звезда» вот-вот вспыхнет где-то в созвездии. А Секма просто хочет выразить свою глубокую благодарность человеку, который так страшно его подвел.

Перед самым рассветом Кеттрика разбудил грохот. Он бросился к окну и увидел растворяющуюся в небе огненную полосу. На мгновение его охватила паника при мысли о том, что Бокер решил унести ноги с Твейна, пока не поздно. Но спустя несколько минут в комнату вошел Флей с радостным сообщением:

— Джонни, эти чертовы полицейские убрались с Твейна. Направились морочить головы гуррианам и вынюхивать твой след.

С этими словами он панибратски подтолкнул Кеттрика к двери:

— Ну иди. Вдохни немного свежего воздуха. Твоя подруга, кажется, тоже не отказалась бы размяться. Пойдем на охоту сегодня.

Кеттрик твердым шагом стал спускаться по лестнице.

— А может, нам лучше вновь заняться торговлей, Флей?

— Куда спешить? Вал все равно еще не готов, и мы можем отложить торговлю на случай плохой погоды. Сегодня прекрасный день для охоты.

— Хорошо, — согласился Кеттрик. — Только давай пригласим Бокера. — Подойдя к маленькому зеркалу на стене, он осмотрел себя и поскреб щетину на щеках. — Мне нужно переодеться и побриться. Подождешь?

— Подожду, конечно. — Флей, рассмеявшись, покачал головой. — И зачем только мужчине обнажать лицо, подобно бабам? Отпусти бороду, Джонни. Она будет греть тебя.

— На других мирах, — возразил Кеттрик, — не так холодно, как у вас. — И он протянул руку Флею. — Я слышал все ваши разговоры с Секмой и очень благодарен тебе.

— Нет проблем, мы же друзья! Иди приводи себя в порядок, только побыстрее. Я заеду за тобой, как только выведу собак из псарни.

Кеттрик улыбнулся и кивнул, кутаясь в свою накидку от холодного ветра. Он дернул толстушку за косу, поцеловал и обещал в благодарность принести подарок с корабля. Девушка засмеялась, а Флей начал отдавать распоряжения по поводу предстоящей охоты.

Возле дома уже ждали оседланные животные. Кеттрик сел на одного из них и не спеша направился в сторону корабля. Чайт бежала рядом по свежевыпавшему снегу.

Оставив за спиной гряду холмов, Кеттрик выехал на равнину и пустил животное вскачь. Вскоре он увидел посреди заснеженного поля «Греллу». Огромное красное солнце скользило по небосклону, заливая снег кровавым светом. Животные сыновей Флея были привязаны к одной из опор корабля и терпеливо ожидали хозяев, подставив морозному ветру косматые спины.

Кеттрик привязал свою «лошадь» рядом и по трапу поднялся на корабль. Там его встретили Бокер и два дородных сына Флея.

— Рад, что ты приехал, Джонни. — Бокер обнял Кеттрика, похлопал его по спине и рассмеялся: — Мы справились! Отправили этих ищеек из ЗП по ложному следу. Флей был великолепен. Жаль, что ты не видел, как он...

— Я все видел и слышал, — перебил его Кеттрик. — Я прятался в комнате, что находится через стенку от пиршественного зала. — Он улыбнулся, глядя на сыновей Флея. — Ваш отец — необыкновенный человек. Вы должны учиться у него. — Сыновья гордо переглянулись. Кеттрик снова обратился к Бокеру: — Флей приглашает нас сегодня на охоту. Мне нужно быстро помыться. Скоро он заедет за нами.

— Ну тогда поспеши, — сказал Бокер и подтолкнул его к лестнице, ведущей в двигательный отсек. Кеттрик почувствовал короткое сильное пожатие руки капитана и все понял.

Бокер неожиданно повернулся и нанес сильный удар тому из сыновей Флея, что стоял поближе к нему. Но второй быстро сориентировался и набросился на Кеттрика. Тот был готов к нападению, и кулак противника только скользнул по его шее. Кеттрик врезал ногой в пах фиргалу, а затем добавил несколько ударов ему в челюсть. Однако широкоплечий детина оказался крепок, как скала. Взыв, он ответил мощным крючком снизу, а затем попытался достать из-за пояса пистолет. Он мычал от боли и покачивал окровавленной головой, но все еще был в сознании.

Внезапно Кеттрика оглушил мощный удар в лицо, который швырнул его на стену. В ушах зазвенело, из носа хлынула кровь. Все погрузилось во мглу. И сквозь темный туман он видел, как детина наконец-то извлек пистолет из-за пояса.

Кеттрик с отчаянным воплем бросился вперед и вцепился в рыжеволосого обеими руками. Запястье парня оказалось твердым, как железо, и он не выпустил пистолета и, более того, нанес Кеттрику несколько сильных ударов свободной рукой. Неподалеку в тесных объятиях сплелись две фигуры, тяжело дыша и также обмениваясь ударами. Вдруг все затихло, и к Кеттрику метнулась серая тень, большая и гибкая. Послышался стон и грохот упавшего тела. Кеттрик и Бокер сидели, задыхаясь, и вытирали кровь со своих разбитых лиц. Над двумя телами сыновей Флея стояла Чайт и спокойно облизывала когтистые лапы.

Кеттрик показал на дверь люка и попросил:

— Вынеси их наружу.

Чайт наклонилась, подняла одного парня за воротник и

поволокла его к выходу. И тут внутри корабля послышался шум голосов, а затем и выстрел, гулко отозвавшийся эхом в пустынных коридорах.

— Это на мостике! — крикнул встревоженно Бокер.

Они выскочили из отсека и помчались в рубку. Глеван стоял над третьим фиргалом, валявшимся ничком на полу. Хурт лежал рядом. Тяжелый стальной прут в руках Глевана был окровавлен.

— Туземец хотел разбить приборы, — сказал Глеван. — Кажется, я убил его. — Он опустил прут и склонился над другом. — Хурт пытался помешать ему. Хурт?

Ответа не было. Бокер склонился над рыжеволосым фиргалом.

— Парень мертв. Это точно. Помоги вынести...

Он осекся, взглянув в иллюминатор. К кораблю быстрой рысью направлялись Флей со своими людьми.

— Черт побери, похоже, им показалось подозрительным, почему я помчался к кораблю, как только выехал из города, — предположил Кеттрик.

Бокер выругался и сказал:

— Нам потребуется пятнадцать минут, чтобы установить этот проклятый вал. Без него не взлетишь. Ты должен нам дать это время, Джонни.

Он заставил Глевана подняться:

— Пойдем. Хурт жив, он очнется позже.

Глеван неохотно последовал за ним, оглянувшись напоследок у выхода. Хурт по-прежнему не шевелился.

Кеттрик открыл оружейный отсек и достал два ружья. Набив карманы куртки патронами со слезоточивым газом, он спустился по лестнице.

Возле трапа он увидел Чайт.

— Сюда идут, Джонни.

— Знаю.

Чайт вынесла двух сыновей Флея и положила их на снег. Кеттрик отправил ее за третьим телом. Сам он вышел из люка и остановился на трапе, чувствуя себя на редкость уверенно. Вид окровавленных тел, как ни странно, успокоил его. Зарядив одно из ружей, он поставил его рядом и принялся за второе. Все это время он не спускал глаз с Флея, который с десятком своих спутников несся верхом через заснеженное поле.

Кеттрик прицелился и выстрелил в приближающуюся группу.

Всадников скрыла завеса темных клубов дыма. Некоторые выскочили из едкого тумана, но через несколько шагов животные под ними начали спотыкаться, и всадники вылетели из седел.

Чайт вытащила наружу безжизненное тело третьего фиргала и бросила на грязный снег. Рядом с ней вдруг зазвенел металл от удара пули об обшивку корабля. Раздались еще выстрелы, и в рассеянном дыму было видно, что шесть или семь всадников целятся и беспорядочно стреляют в Кеттрика. Среди них был и Флей. Кеттрик приказал рассвирепевшей Чайт вернуться в корабль и сам торопливо последовал за ней, выстрелив напоследок и захлопнув за собой люк. По нему тут же забарабанил град пуль.

Всадников вновь окутал темный дым, а когда он рассеялся, стало ясно, что в седлах удержались лишь Флей и еще трое.

Кеттрик взял в руки микрофон внешнего коммуникатора и, включив его на максимальную громкость, обратился к нападающим:

— Бросайте оружие. Флей, у тебя есть пять минут, чтобы вывести своих людей из зоны огня. А затем ты можешь подъехать к кораблю и забрать своих сыновей.

Он трижды повторил это сообщение. Голос его холодным металлом звенел в морозном воздухе. Посмотрев вниз, он увидел, как один рыжеволосый парень встал, уцепившись за перила трапа, потом помог подняться второму, державшемуся за сломанную челюсть. Третий лежал в неуклюжей позе там, где его бросила Чайт, нелепо раскинув руки и не шевелясь. После некоторого раздумья оставшиеся в седлах всадники бросали оружие на землю. После третьего предупреждения Флей направился к кораблю. Тем временем трое его спутников начали торопливо оттащить своих бьющихся в судорогах товарищей из зоны обстрела.

Флей встал рядом с сыновьями возле трапа. Он посмотрел сначала на них, а потом на иллюминатор, за которым стоял Кеттрик.

— Ты лгал мне, Джонни, — глухо произнес он.

— И ты лгал, Флей, — откликнулся Кеттрик, уменьшив звук динамиков.

— Я спас тебя от ЗП, а мой сын погиб.

— Хурт тоже погиб.

Лицо Флея блестело, как от пота, хотя мороз покрыл его бороду белым инеем.

— Зачем ты сделал это, Джонни?

— Потому что твои сыновья напали на нас. Они не виноваты в этом — ты послал их согладателями на мой корабль. Что Сери пообещал тебе, Флей? Что твое древнее солнце спокойно доживет свой век? — По выражению лица Флея он понял, что угадал, и горестно покачал головой, вспоминая людей Гурры и собственные слова, обращенные к маленькой Ниллейн. — И другие народы любят свои миры, Флей. Они тоже хотят жить. — Братья тем временем подняли тело погибшего и осторожно положили его поперек седла. Кеттрик кивнул в их сторону. — Вот что сделала с вами «Роковая Звезда». Она умеет лишь убивать, и спрятаться от нее ценой предательства братьев по созвездию невозможно. А теперь уходите.

Флей мрачно посмотрел в последний раз на Кеттрика, а затем поднял голову к красному солнцу. Его могучие плечи поникли, от бывшей гордой осанки не осталось и следа. Возле корабля стоял старый, убитый горем человек. Он помог сыновьям, и через несколько минут они покинули мрачное место, ведя за собой животное со скорбной ношей.

«Грелла» внезапно ожила, загудел планетарный двигатель. Кеттрик нажал кнопку, и люк загерметизировался. Трап втянулся в свое гнездо с тяжелым скрежещущим стоном. Кеттрик кивнул Чайт, и они направились в глубь корабля, а за их спинами сразу же опустился внутренний люк воздушного шлюза. Прозвучала предстартовая сирена. Кеттрик поднялся на мостик.

Бокер сидел перед пультом управления, положив руки на штурвал. Хурта положили на одно из кресел, и Глеван устроился рядом. Хурт тяжело дышал и время от времени стонал. Его лицо посерело, а на бинтах, охватывающих грудь, проступили пятна крови. Кеттрик занял место второго пилота вместо Хурта. Через иллюминатор он видел, как люди Флея выносили последних своих товарищей из опасной зоны. Джонни наблюдал за ними, пока столб огня из дюз и облака дыма не скрыли из виду всю землю.

— Еще одна планета, куда мне уже никогда не вернуться, — с горькой усмешкой произнес он.

«Грелла» медленно поднималась в небо навстречу огромному красному солнцу.

Хурт выжил, и это было большой удачей для него и счастьем для друзей. Пуля прошла возле сердца между ребер, он потерял много крови, но выжил.

Другого повода для радости у экипажа «Греллы», к сожалению, не было.

— Мне не удалось побыть наедине с Секмой, — раздраженно сообщил Бокер. — Никому из нас не удалось. Эти три рыжие обезьяны не оставляли нас ни на секунду. Похоже, они опасались сговора между нами. Я не стал рисковать. Мы были не вооружены, а фиргалы все время держали палец на курке, готовые стрелять при первом же неверном жесте.

— Хорошо хоть то, что вы не улетели без меня, — сказал Кеттрик.

— Джонни, я люблю тебя как родного брата, — признался Бокер, — но если можно было бы бежать с Твейна и спастись...

— Понимаю, — кивнул Кеттрик. — Ну а что теперь? Секма направляется на Гурру, так что о нем можно забыть.

— Кто знает? Джонни, здесь что-то не так. Когда Секма осматривал корабль, он видел товары с Гурры, но мне, конечно, пришлось сказать, что они с Пеллина. Сыновья Флея не поняли разницы, но ты же знаешь, что Секму не обманешь, и все же он и глазом не моргнул. Он умный черт, это нам известно, как никому другому. Может, он все понял. Может, он сам идет по следу Сери и просто для отвода глаз говорит, будто разыскивает тебя.

— Надеюсь, что это так, — вздохнул Кеттрик. — Но если Секма не знает о том, что Сери везет на борту своего корабля «Роковую Звезду»? Нет, нам лучше подумать о том, что делать, когда мы прилетим на Кирнаноку.

И с мрачной усмешкой добавил:

— Правда, у Кирнаноку есть одна хорошая черта — у меня там нет друзей.

— Там ни у кого нет друзей, — сказал Бокер. — И поэтому вам с Глеваном лучше после приземления оставаться на борту и не попадаться никому на глаза. Я сам пойду на разведку.

Они еще не раз обсуждали во время прыжка через гиперпространство свои возможные действия.

— Если выяснится, что Секма не идет по следу «Звездной Птицы», — говорил Бокер, — нам придется рассказать ЗП все, что мы знаем, деваться некуда. Только когда это будет.

— Что значит когда? — спросил Хурт, рана которого начала постепенно заживать.

— Если мы направимся к ним сразу же после посадки, — рассуждал Бокер, — то можем больше не взлететь. Полицейские запросто могут задержать нас для допроса или будут ждать решения высокого начальства. Они непременно засадят Джонни в каталажку и нас всех заодно.

Хурт кивнул:

— Мне это в голову не приходило.

— А мне приходило, — нахмурился Кеттрик. — «Роковая Звезда» важнее нашей судьбы, но с другой стороны... Черт, они могут и вовсе не поверить нам. Полицейские могут подумывать, что это просто трюк, чтобы отвлечь внимание от «Греллы». Пока они найдут Секму и выяснят, что я работаю в данном случае на Звездный Патруль, будет уже слишком поздно.

— Точно, — кивнул Бокер. — И поэтому я предлагаю на Кирнаноку долго не задерживаться. Сразу же после посадки начнем готовиться к следующему прыжку и одновременно постараемся разузнать все, что можно, о Сери. А потом pošлем сообщение в ЗП и дадим деру.

— Если, конечно, «Звездной Птицы» не будет на космодроме в момент нашего приземления, — уточнил Кеттрик. — Но если она там, то мы поднимем крик на всю планету. Пускай Сери ловят местные власти, а мы полюбуемся.

Глеван, сидевший у штурвала, скептически хмыкнул. Он считал, что «Грелле» никогда не угнаться за Сери, так же как и самому Патрулю, и что «Роковая Звезда» все равно вспыхнет и ее хозяйка подчинит себе все созвездия.

Глеван был уверен, что Секма отправился на Гурру, как и говорил. Кеттрик же надеялся на то, что Секма будет поджидать их на Кирнаноку, и даже боялся предполагать обратное.

В космическом порту Акерн, главном городе Кирнаноку, было, как обычно, шумно. Акерн являлся центром, из которого по всем материкам растекалось то хорошее и плохое, что прибывало на планету с окрестных миров. Торговлей здесь занимались лишь люди, чьи предки когда-то прилетели на Кирнаноку, коренные же обитатели никогда не участвовали в ярмарках. Причина была проста — местные племена не могли предложить для обмена ничего, что могло представлять интерес для других миров созвездия. Ценность планеты состояла в другом — она располагалась на перекрестке главных космических трасс. Благодаря своему удачному местоположению Кирнаноку стала межзвездным базаром, где заезжие торгов-

цы могли обмениваться товаром с другими купцами, в том числе с самых отдаленных и малодоступных миров. Кеттрик часто промышлял на здешнем рынке, перепродавая привезенное с Гурры и Твейна купцам с окраинных миров по весьма выгодным ценам.

Диспетчер порта предложил «Грелле» сесть на площадке в северо-западной части поля. Насколько охватывал глаз, повсюду стояли ровно выстроенные ряды самых разнообразных кораблей. И с первого взгляда невозможно было определить, есть ли среди них «Звездная Птица».

— Пойду зарегистрируюсь и сейчас же вернусь, — сказал Бокер.

Он торопливо спустился по трапу, вышел на транспортную полосу и сел в один из глайдеров, отвозивших пассажиров в Центральное административное здание. Спустя минуту глайдер скрылся среди силуэтов кораблей.

Вентиляционные установки «Греллы» работали вовсю, вытесняя затхлый воздух, пропитанный запахами разогретого металла. На смену ему приходил воздух космопорта, влажный и жаркий, с приторными ароматами, похожими на острую приправу, — таково было дыхание древнего Акерна. Ощущая нарастающее беспокойство, Кеттрик спустился вниз, чтобы помочь Глевану и Хурту провести подготовку гипердвигателя к очередному прыжку. Чайт, которой запретили выходить наружу, с печальным видом сидела возле открытого люка.

Глеван, как обычно ворча, сразу же после посадки «Греллы» забрался в двигательный отсек, не намереваясь выходить оттуда до самого старта. Хурт, который еще не совсем оправился от раны, подавал ему инструменты и едко отвечал на все мрачные прогнозы Глевана по поводу бед и несчастий, которые неминуемо должны обрушиться на миры созвездия.

— Скоро, очень скоро настанет конец света, — пророчествовал Глеван, пристально вглядываясь в сплетение проводов на контрольной панели. — Даже если «Грелла» смогла бы превратиться в космического дракона, ей все равно не остановить прихода «Роковой Звезды».

— Тогда зачем ты так стараешься? — спросил Хурт.

— Потому что я человек тщеславный и ответственный. — Его руки мелькали среди цветных проводов. — Один только нарушенный контакт — и гибель корабля неминуема. Но я не сделаю ошибки, Хурт. И мне приятно, что только я могу заставить это старое корыто летать, хотя ему давно пора на свал-

ку. И я буду делать свое дело до конца, — при этом он бросил на Кеттрика резкий взгляд. — Ты помнишь, Джонни, что до ассамблеи Лиги Свободных миров осталось всего ничего?

— Помню, — ответил Кеттрик. — Отлично помню.

Хурт мрачно произнес:

— И почему всегда находится какой-то идиот, который готов поставить весь мир с ног на голову?

— Вечная проблема человечества, — философски заметил Кеттрик. — Никто еще не смог ее разрешить.

Они продолжали работать, последовательно проверяя агрегат за агрегатом. Прошло полчаса, и вдруг послышался лай тхеллы.

— Джон-ни! — крикнула она. — Люди идут. Не Бокер. Все чужие.

Они бросились вверх по лестнице. Через раскрытый люк был виден небольшой глайдер, мчавшийся к кораблю. В нем находились несколько человек, и это были акернарцы. На расстоянии можно было рассмотреть желтые мундиры охраны порта.

— Что им нужно? — встревожился Хурт. — И где Бокер?

— Не знаю, — ответил Кеттрик. — Но похоже, что мы угодили в осиное гнездо. Только посмотрите, как они несутся, — так и перевернуться недолго.

— Никогда мне не нравилась Кирнаноку... — пробормотал Глеван. — Здесь даже пахнет неприятностями. — Он хлопнул Кеттрика по плечу. — Спрячься, Джонни, и заberi Чайт. Они не должны знать, что ты на борту.

Кеттрик заколебался. Хурт раздраженно сказал:

— Уйди, Джонни. Не нарывайся на скандал.

Пришлось Кеттрику уйти, хотя этого ему чертовски не хотелось делать. Что происходит? Почему Бокер не возвратился на корабль?

Кеттрик и Чайт вошли в грузовой трюм и плотно прикрыли за собой люк. В этот же момент донесся шум машины, остановившейся возле трапа, а затем послышались резкие голоса.

В кромешной темноте Кеттрик нашел проход между контейнерами с грузами и спрятался в маленькой каморке, расположенной между двумя соседними отсеками. Здесь его не нашли бы даже после самой тщательной проверки. Он уселся на холодный металлический пол, а рядом не без труда при-

строилась массивная тхелла. Они сидели и ждали в полной темноте и абсолютной тишине.

Спустя несколько минут Кеттрик услышал топот ног по лестнице, ведущей на мостик. Раздались громкие голоса. Даже через перегородку Кеттрик по тональности голосов понял, что это акернарцы. Вскоре они снова спустились по лестнице, а затем послышался стук дверей.

Шаги приближались к грузовому трюму. Кеттрик успокаивающе погладил по загривку Чайт, которая начала было настороженно рычать.

— Замри, — прошептал он.

Они оба затаили дыхание, тесно прижавшись друг к другу. Запах тюков с мехами зверей с Гурры заставил Кеттрика вспомнить о Ниллейн. Встретятся ли они вновь когда-нибудь?... И тут дверь в грузовой отсек открылась с протяжным скрипом. Яркий луч фонаря начал шарить по углам. Голоса акернарцев звучали с непривычным присвистом, который всегда не нравился Кеттрику. Обшарив весь трюм, чужаки ушли, оставив неприкрытой дверь. Свет из центрального коридора образовывал небольшую светлую лужицу на металлическом полу обширного помещения.

Со стороны выходного люка после некоторой паузы раздался взрыв голосов. Кто-то негодовал, кто-то резко протестовал, а кто-то пытался на чем-то настаивать — Кеттрик, как ни старался, не смог разобрать слов, но было ясно, что возле трапа вспыхнул нешуточный спор. Наконец все растворилось в гуле мотора отъезжающей машины. И наступила тишина.

Кеттрик не спешил выходить из своего убежища — акернарцы вполне могли оставить своего человека на борту. Он еще долго ждал, прислушиваясь. Наконец он решился послать Чайт на разведку. Ее слух и обоняние были значительно острее человеческих. Тхелла вскоре вернулась, трясая головой и отфыркиваясь с видом явного недовольства.

— Никого, Джон-ни. Запах остаться, как у ящериц.

— Акернарцы не люди, но они теплокровные, как и мы, — возразил Кеттрик. — Но в общем-то я с тобой согласен, чем-то они на самом деле напоминают пресмыкающихся. Не хватало только, чтобы они задержали и Глевана с Хуртом! Ладно, подождем до темноты.

Кеттрик посмотрел на свой наручный хронометр. Ждать осталось недолго. Потом надо будет что-то делать, ориентируясь по обстановке.

К вечеру Кеттрик рискнул выйти из трюма. Он сидел, кура

сигарету за сигаретой, у двери люка — отсюда он мог издали услышать приближающиеся шаги. Корабль казался непривычно тихим, пустым, населенным зловещим эхом исчезающих голосов. Чайт лежала рядом, настороженно поводя ушами и готовая в любой момент вступить в бой за своего хозяина. Но Кеттрику все равно было ужасно одиноко.

Глава 16

Самое неприятное заключалось в том, что прошел уже не один час, а Кеттрик и понятия не имел, что же случилось.

На первый взгляд ничего экстраординарного не произошло. После приземления Бокер, как и положено капитану, пошел зарегистрироваться в администрации космопорта. Заодно он намеревался разузнать что можно про «Звездную Птицу». Приехала портовая охрана и забрала с собой Хурта и Глевана. Все просто.

Вопрос в другом — почему никто не возвращается?

К вечеру поднялся сильный ветер, размашисто хлеща по корпусу судна так, что даже стали поскрипывать переборки. Чувство одиночества и тревоги становилось все острее.

Бокер, Хурт и Глеван... Что с ними? Быть может, они находятся в плену у акернарцев? Кеттрик слегка содрогнулся, представив их внешний облик — золотистая чешуйчатая кожа, небольшие, слегка сплюснутые головы, квадратные подбородки, светлые полосы, идущие от уголков глаз к острым мохнатым ушам... Омерзительный облик... да и характер не лучше.

Кеттрик кипел от злости и от ощущения собственной беспомощности. Но где бы ни были Бокер, Хурт и Глеван, что бы с ними ни стряслось, это произошло по его вине. А раз так, то нужно что-то делать. Но что?

Бокер должен был пройти через центральный вход административного здания космопорта. Кеттрик хорошо помнил это огромное сооружение в виде куба со стенами из розового камня, с черным мраморным полом и мозаичными панно. На них были изображены ящероподобные создания — далекие предки обитателей этой планеты, причем с таким искусством, что у зрителя возникала иллюзия движения персонажей этих поразительных каменных картин.

Бокер должен был подойти к стойке справа от входа с надписью «Регистрация». Там ему нужно было положить пласти-

ковый квадратик с кодовым номером «Греллы» на сканер и отпечатать на машине свое имя и имена членов экипажа, порт посадки, порт приписки, последний порт захода и следующее место назначения, а также номер своей посадочной площадки. Затем Бокер, наверное, подошел к табло и стал разыскивать «Звездную Птицу» среди множества высвеченных названий кораблей. Если этого названия там не окажется, значит, корабль уже покинул планету. В этом случае Бокер, скорее всего, направился бы в кабинку справочного бюро, находившуюся за табло, набрал бы на клавиатуре название корабля и увидел бы на дисплее дату отправления «Звездной Птицы» и место назначения.

Это была обычная процедура, выполняемая сотни раз в день безучастным электронным устройством. Но если у Сери есть сообщники в космопорту, то запрос о «Звездной Птице» мог попасть в службу охраны. И тогда Бокера наверняка немедленно арестовали. А затем несколько охранников были посланы на борт «Греллы» за ее экипажем. Что ж, скорее всего, так и произошло...

А это означало, что Акерн был центром, работающим на проект «Роковая Звезда», в который были вовлечены, по крайней мере частично, официальные власти Кирнаноку.

Что же предпринять? Кеттрик предпочел бы иметь дело с первобытным дикарством жителей Твейна, не имевших такого мощного и сложного бюрократического механизма. Но одно было ясно наверняка. Администрация космопорта не предоставит ему ни информации, ни помощи. И Секмы наверняка нет в Акерне, потому что он бы ужеотреагировал на появление «Греллы».

Когда окончательно стемнело, Кеттрик поднялся на мостик и взял там из шкафчика нож для свежевания туш, который подарил ему Флей. Затем направился в душ и смыл с себя пятна грязи и масла, оставшегося после работ в двигательном отсеке. Надев свежую одежду, он спрятал нож в карман куртки. В каюте Хурта Джонни нашел потертую кепку с офицерским значком и обмякшим козырьком, который мог немного скрыть его лицо. Он также прихватил с собой все деньги, какие смог отыскать, даже мелкие монеты. Пояс с кредитами, полученными от Виккерса, все еще был при нем, но эти средства нельзя было тратить без крайней нужды.

Затем Кеттрик спустился в мастерскую и раздобыл там кусачки. Вернувшись к выходному люку, он застал Чайт, лежавшую в тени возле стены. Освещение на корабле было от-

ключено, за исключением центрального коридора, и потому Кеттрик не сразу заметил предупреждающий жест тхеллы.

Опустившись на корточки, он осторожно, стараясь не шуметь, подобрался к Чайт. Снаружи тоже было темно, и посадочную площадку лишь слегка освещали мерцающие звезды. Но Кеттрик полностью доверял чутью Чайт.

— Человек? — еле слышно прошептал он.

— Да. Под кораблем. Не двигайся.

Охранники все-таки оставили своего агента. Ну что ж, тем хуже для него.

— Убей.

Чайт поднялась на ноги и неслышно, словно серая тень, соскользнула по трапу на землю. Через мгновение послышался звук удара, сдавленный крик, а чуть позже Чайт позвала его. Кеттрик торопливо покинул корабль, захлопнув за собой люк. В темноте под треногой опоры «Греллы» светлела бесформенная масса — это было тело соглядатая. Кеттрик даже не остановился, чтобы рассмотреть его, и торопливо пошел мимо аккуратных рядов кораблей. Чайт бежала рядом с ним.

Кеттрик прошел весь путь пешком, стараясь избегать проезжавших мимо глайдеров, полных пассажиров. К счастью, «Грелла» стояла не так далеко от здания администрации космопорта. И все равно идти пришлось довольно долго. Всякий раз, пересекая очередную ярко освещенную стартовую площадку, Кеттрик боялся, что сейчас может раздаться предупредительный сигнал и они будут застигнуты врасплох во время взлета какого-нибудь космолета.

Но этого, к счастью, не произошло. Корабли то и дело садились и взлетали где-то в стороне. Наконец Кеттрик достиг высокого металлического забора. Острые пики на гребне делали его непреодолимым.

Кеттрик достал из кармана мини-резак, срезал несколько прутьев, и вскоре они с Чайт оказались по другую сторону препятствия. И только тогда Кеттрик заметил, что заодно перерезал и один из проводов сигнализации. Он тихо выругался. Как только служба охраны получит сигнал, то на поиски злоумышленников немедленно будет послан патруль. Оставалось только надеяться на то, что охранники в первую очередь направятся в противоположную часть космопорта, где швартовались грузовые корабли. Но в любом случае нужно было действовать как можно скорее.

Кеттрик вернулся к ограде и выгнул прутья в обратную сторону, чтобы сбить с толку преследователей. Потом он вместе

с Чайт помчался что есть духу по дороге, идущей к городу вдоль заросшего мхом рва.

Большая часть домов Акерна была построена из розового камня, твердого и прочного, как гранит. Центральные районы города были очень старыми, хотя жители Акерна с готовностью брали на вооружение то, что им подходило из достижений галактической цивилизации. Они не скрывали своей нелюбви к людям, осевшим на их планете, и прилагали все усилия к тому, чтобы они не стали весомой политической силой.

Однако люди с различных миров созвездия непрерывно прибывали на планету и толклись на Рынке, в барах, магазинах и в деловых центрах, окружавших древний канал Синего Пламени. Они торговали друг с другом, оставляли часть своих денег в карманах местных жителей, садились в свои корабли и отправлялись восвояси. Дипломатические и прочие представительства постоянно держали свои штаты на Кирнаноку, меняя их составы каждые три года.

Акерн был одним из самых красивых городов Хейдеса. Огромные, увенчанные многочисленными шпилями здания из розового камня строились так, что походили на легкие облака, нависавшие над зеркалом каналов. Их четкие очертания смягчались резьбой по камню, напоминавшей следы пролетевшего ветерка. Жители Акерна любили подобные украшения. Даже лодки и корабли, плывущие по каналу, были расписаны резьбой. Кружевные мосты, фонари, сияющие, словно серебряные луны в теплой ночи, цветущие виноградные лозы — все это придавало городу особый шарм, делало его похожим на прекрасную женщину.

И все же Кеттрик ощутил себя крайне неуютно, оказавшись на улицах Акерна. Архитектура строений была все же не совсем человеческой, резные барельефы не радовали глаз. Причудливые лодки непривычно плавно скользили по маслянистой воде, голоса звучали чересчур мягко, шаги прохожих казались вкрадчивыми, а их взгляды — неприязненными. Аромат цветов отравлял воздух приторностью опиума. Кеттрику вскоре стало казаться, что чуть ли не из-за всех занавешенных окон за ним наблюдают аборигены. Чайт, видимо, тоже ощущала нечто подобное, поскольку то и дело принималась глухо ворчать, тревожно оглядываясь по сторонам.

Улицы были полны народа. Вечер только начинался, а в городе было где поразвлечься. Толпы инопланетян бродили по лабиринтам переулков, заходя в таверны и бары, располо-

женные вдоль берегов каналов. Среди них встречались купцы, торговцы, офицеры, рядовые астронавты, служащие дипломатических представительств и иноземных фирм. На Кеттрика никто не обращал внимания. На Чайт иногда смотрели с удивлением, но тхеллы здесь не были особой редкостью. Купцы часто привозили их с собой в качестве охраны, и Кеттрик не раз встречал этих существ на Рынке. Он шел как можно быстрее, но старался не привлекать при этом внимания и держаться более темных и менее людных улиц.

Космический Зал занимал большую часть одного очень древнего здания. Спиралевидное строение из розового камня разветвлялось внизу на несколько овальных флигелей. От прежнего убранства в здании не осталось и следа, поэтому невозможно было догадаться о его первоначальном предназначении. Теперь в центральном зале стояли лишь низкие деревянные скамьи, на которых прибывшие астронавты могли дожидаться окончания таможенного досмотра, пообщаться с приятелями из других экипажей или просто выпастыся вдаль от глаз офицеров после бурно проведенной ночи.

На стене висел большой планшет с несколькими объявлениями. Рядом беспорядочно были развешены маршруты отдельных кораблей. В углу возле конторки, заваленной бумагами, сидел чиновник с длинными до пояса белокурыми волосами и светло-желтыми глазами, типичными для миров западной части созвездия.

Кеттрик оставил Чайт у двери и подошел к развешенным на стене бюллетеням о маршрутах движения находившихся в космопорту кораблей. Он шел вдоль стены с небрежной лентой, делая вид, что его не очень-то интересует эта информация. Сдерживая нервную дрожь, он начал как бы беззаботно проглядывать бюллетени. Он не знал, просматривается ли Космический Зал видеокамерами и был ли среди персонала кто-либо, работающий на проект «Роковая Звезда», но в любом случае осторожность не мешала.

Застрекотал телетайп, выплевывая очередное сообщение из космопорта. Чиновник склонился над голубой лентой. Кеттрик насторожился. Он услышал, как желтоглазый встал и направился к нему.

Кеттрик перелистнул очередную страницу, ощущая сильные удары сердца. Но чиновник не обратил на него внимания, а лишь прикрепил к стене полученное сообщение. Тем временем Кеттрик убедился, что никаких сведений о «Звездной Птице» не было. Значит, она уже покинула Кирнаноку.

Узнать ее следующий пункт остановки и время прибытия можно было только из дополнительных списков.

Кеттрик громко кашлянул и произнес:

— Э-эх...

Чиновник вежливо улыбнулся:

— Вам помочь?

— Вот друга ищу, — объяснил Кеттрик. — Не могу понять, приземлялся ли он здесь или нет. Может, он уже улетел?

— Как называется его корабль?

Кеттрик словно бы издал услышал собственный голос:

— «Звездная Птица».

На лице чиновника не дрогнул ни единый мускул.

— А-а, вспоминаю, — сказал он и, подойдя к конторке, быстро разыскал в кипе бумаг нужный листок. — Ну конечно. Экипаж разгрузился, а затем корабль был отправлен в доки на ремонт. Вот, взгляните.

Кеттрик смотрел невидящими глазами на лист, протянутый мужчиной.

— Экипаж пробудет тут пару недель по крайней мере, — любезно продолжил словоохотливый чиновник. — Но мне кажется, они справились со своими делами на Рынке, так что вы можете разыскать своего друга в одной из гостиниц. Можете оставить для него записку у нас, если он случайно появится.

— Спасибо, — поблагодарил Кеттрик. — Наверное, я так и сделаю. — Он был потрясен неожиданной удачей, ему нужно было уединиться и все обдумать. — Но прежде я попытаюсь сам разыскать его.

С этими словами Кеттрик направился к выходу.

Чиновник семенил рядом.

— Вы землянин, не так ли?

— Да.

— Далековато забрались. Какое судно?

— «Отважный», — соврал Кеттрик. Это было очень распространенное название. В любой момент в таком большом порту можно было найти по крайней мере полдюжины «Отважных».

— Ну и помощница у вас, — сказал чиновник, заметив сидящую возле двери тхеллу. — Что ж, прощайте. Желаю удачи.

— Еще раз спасибо, — с облегчением ответил Кеттрик и вышел на улицу.

Дойдя до берега канала, он нашел свободную скамейку и присел, уставившись на черную гладь воды.

Итак, «Звездная Птица» находится на Кирнаноку. Груз продан на Рынке. А где же Сери? И где «Роковая Звезда»?

Гурра, Твейн, Кирнаноку, Трейс. Только Сери так и не добрался до Трейса. «Звездная Птица», похоже, разгрузилась в акернарском космопорту и встала на ремонт.

Действительно случилась поломка или Сери просто замечает следы? Не исключено, конечно, что мог выйти из строя какой-либо важный агрегат. Корабль есть корабль, даже если он несет «Роковую Звезду». Но если бы это случилось с «Птицей», экипаж не сидел бы в гостинице. Времени у Сери в обрез, он не может ждать две или три недели. Ему пришлось бы в таком случае найти другой корабль и продолжить путь к обреченному солнцу, название которого известно только ему.

Так или иначе, но след Сери потерялся. Или еще нет?

Кеттрик встал и вернулся на центральные улицы, где бродили шумные многоцветные толпы. Здесь можно было увидеть высоких бледнолицых жителей Акерны, кутающихся в шелковые накидки и презрительно и гордо поглядывающих на чужаков. Кеттрик зашел в кафе, где обычно обслуживали инопланетян. В фойе было несколько телефонных аппаратов, прикрытых пластиковыми полусферами для звукоизоляции.

Кеттрик вошел в одну из будок и набрал телефон ЗП.

Усталый женский голос ответил на вызов. Прежде чем соединить Кеттрика с кем-то из служащих, его попросили изложить суть дела.

— Контрабанда, — не моргнув глазом, солгал Кеттрик. Через несколько мгновений в трубке что-то щелкнуло, и послышался мужской голос — резкий и раздраженный.

— Ну что там?

Кеттрик начал с вопроса:

— У вас включен магнитофон?

Несколько растерявшись, офицер ответил:

— Да.

Заставляя себя говорить медленно и размеренно, Кеттрик начал:

— Сегодня после полудня судно «Грелла» (порт приписки Ри-Дарва, Тананару) приземлилось на площадке номер 895. Штурман и весь экипаж были арестованы охраной порта и кем-то задержаны, если они вообще остались в живых. Их имена: Бокер — капитан корабля, Хурт — помощник капитана, граждане Хлакрана, Глеван — инженер, с Питтана. Прошу вас немедленно сообщить в посольства этих планет. Един-

ственное, чем можно объяснить их арест, — это то, что они интересовались кораблем «Звездная Птица».

В трубке послышался скрип стула, будто офицер резко подался вперед, чтобы лучше расслышать голос собеседника.

— Кто говорит?

Кеттрик ответил очередным вопросом:

— Вас прослушивают?

Офицер мрачным тоном ответил:

— Кажется, последние два часа нет. Если ОНИ, конечно, не идут у вас по пятам.

— Черт побери, придется рискнуть! Меня зовут Джонни Кеттрик...

— Кеттрик? Кеттрик!

— Молчите и слушайте внимательно. Сери Отку взял часть установки под названием «Роковая Звезда» на Гурре, а вторую часть — на Твейне. Его корабль «Звездная Птица» сейчас ремонтируется в Акерне. Он направлялся на Трейс, но теперь по какой-то причине прервал полет. Вы знаете что-нибудь о местонахождении Сери Отку?

— Ничего, — ответил офицер. — Кеттрик, где вы сейчас? Кеттрик...

— До свидания. Буду действовать на свой страх и риск. А вы тоже займитесь поисками Сери Отку — и обязательно позвоните в посольства! Экипаж «Греллы» находится в руках заговорщиков!

Кеттрик опустил трубку, не обращая внимания на настойчивые призывы офицера. Ему только не хватало сейчас попасть в руки ЗП и начать разбираться со своими старыми грехами.

Что даст звонок в посольства, он и сам не знал. Он даже не знал, живы ли еще Бокер и остальные. Но пока он не мог сделать ничего большего.

Они с Чайт снова вышли на улицу. Кеттрик продолжал незаметно оглядываться по сторонам, но безрезультатно. В калейдоскопе бурлящей толпы было совершенно невозможно определить, следят за тобой или нет.

На набережной одного из каналов он нанял лодку-такси. Акернарц-лодочник с нескрываемым отвращением наблюдал, как Чайт вошла в каюту лодки вслед за Кеттриком и усеялась там возле занавешенного окна.

— На Рынок, — приказал Кеттрик, и лодочник оттолкнулся шестом от берега. Почти сразу же беззвучно заработал мотор на корме.

Лодка направилась по каналу, разрезая зеркальную поверхность воды между нависающими скалами розовых зданий. Через некоторое время она свернула в квартал причудливых замков, с резных барельефов которых вниз смотрели тысячи каменных, источенных временем ликов. И только тогда Кеттрик заметил, что за ними неотрывно следует одна и та же лодка.

Глава 17

На носу лодки висел фонарь с треснутым стеклом, иначе Кеттрик не заметил бы слежки. Кругом мельтешили лодки, сквозь занавешенные окна доносились смех и музыка. Музыка была мягкой и ненавязчивой, но сейчас и это раздражало Кеттрика. Трещина на стекле фонаря была очень небольшой и имела форму змеи. Она прорезала внешнюю цветную поверхность стекла, и холодный свет изнутри пробивался наружу тонкой ниткой на зеленом фоне. Кеттрик мельком заметил это, когда они отчаливали. Но сейчас ему было не до подобных мелочей. Он оглянулся и снова увидел лодку после первого поворота, а потом и после второго.

Теперь он уже не отрывал от преследователей встревоженного взгляда.

Конечно, этот путь вел к Рынку, который не закрывался даже ночью, поскольку многие приезжие бизнесмены предпочитали торговать после заката, избегая дневной жары. Кроме того, этой же дорогой можно было направляться во множество других мест. Но Кеттрик вспомнил белокурого чиновника с вежливой улыбкой. Этот тип вполне мог сообщить кому надо о землянине и серой тхелле, которые интересуются «Звездной Птицей».

Они вышли на прямой участок канала, где в этот момент не оказалось других лодок, и вдруг зеленый фонарь начал двигаться быстрее, приближаясь с каждой секундой.

Голос акернарца на местном языке окликнул лодочника, который вез Кеттрика. Тот замедлил ход и что-то ответил. Преследующая лодка подошла ближе, и на ее нос вышел высокий акернарц в темной накидке. Он продолжал разговаривать в резком, повелительном тоне, одновременно протянув руку, чтобы ухватиться за корму лодки Кеттрика.

Кеттрик выскочил из каюты и, не говоря худого слова, нанес удар лодочнику под дых. Тот охнул, согнулся и упал в со-

седнюю лодку, сбив с ног акернарца в темной накидке. Оба, не удержавшись, рухнули в воду. Кеттрик схватился за штурвал, перевел ручку скорости в крайнее положение, и лодка рванулась вперед. Оглянувшись, Кеттрик увидел четырех акернарцев в лодке с зеленым фонарем. Двое из них смотрели ему вслед, остальные бросились на помощь оказавшемуся в воде. Лодочника они злобно оттолкнули в сторону, и тому пришлось самому плыть к берегу. Через минуту преследователи возобновили погоню.

Канал тянулся бесконечно и казался Кеттрику темной дорогой, по которой он мчался в никуда, словно во сне. По сторонам мелькали высокие здания, окна которых загадочно светились. Преследователи быстро приближались.

Спасения не было.

«Ладно, — подумал Кеттрик. — Придется драться». Он приказал Чайт приготовиться и развернул лодку.

Поначалу акернарцы не поняли, что происходит. На них неожиданно понеслась лодка, вздымая за собой пенистые волны. Им показалось, что беглец пытается промчатся мимо, и они развернулись, чтобы преградить путь. Но Кеттрик на полной скорости врезался в борт их лодки.

В свете фонаря он увидел перекошенные злобой и недомумением лица. Затем послышался хруст дерева, и фонарь погас, жалобно напоследок звякнув. Кеттрик согнулся и по инерции едва не перевалился через борт. Из темноты доносились всплески, крики и ругань. Кеттрик дал задний ход. Поначалу ничего не происходило, но затем лодку тряхнуло, и она сдвинулась с места. Вторая лодка немедленно стала погружаться в воду. Акернарцы барахтались в канале. Кеттрик дружески помахал им рукой и продолжил путь.

Чайт подошла к нему.

— Вода идет с носа, Джон-ни.

— Понятное дело.

— Не будет драки?

— Не волнуйся, Чайт. Драка еще впереди.

Он стал высматривать место для причаливания. Возле каждого дома находились частные пристани, но все они были слишком ярко освещены. Однако ничего подходящего впереди не было, а лодка Джонни уже больше не могла продолжать путь. Трюм заполнился водой, и корма начала понемногу проседать. Пришлось рискнуть и пристать к ближайшему пирсу.

Кеттрик и Чайт вышли из лодки, бросив ее на произвол судьбы, и поднялись по лестнице. Каменные ступени были истер-

ты ногами многих поколений акернарцев, и вряд ли когда-либо на них ступали люди. Хотя понятие «люди» очень растяжимо и зависит от точки зрения. Акернарцы считали себя людьми, а инопланетян — нет. Чужаков здесь называли «зверорожденными», включая в этот список всех инопланетных разумных существ вплоть до обезьян. Так что Кеттрик был в Аkerne на положении говорящего животного, нечистого и недостойного по своей природе.

Поднявшись по лестнице, он оказался перед входом в массивное здание. По-видимому, это был частный дом. Помещения внутри были ярко освещены. Пройти на улицу можно было только через них, рискуя этим вызвать вполне понятное недовольство хозяев.

Беглецы вошли в холл. Эхо их шагов гулко отражалось от высоких сводов. Лица с каменных барельефов провожали их холодными настороженными взглядами. Кеттрик всеми фибрами души ощущал враждебность окружающего пространства. У него появился безотчетный страх, будто он попал в ловушку и сейчас по его следам идут жуткие обитатели глубин канала, оставляя на полированном полу влажные осклизлые следы.

Не выдержав, он бросился бежать. Чайт неслась рядом. Не успели они добраться до противоположной двери, как в холл вошла пара — мужчина в шелковой золотистой тунике и женщина, обтягивающее белое одеяние которой подчеркивало изящные изгибы молодого тела. Оба застыли на пороге, увидев чужаков. Кеттрик услышал их изумленный голос. Но все это было уже позади. Хлопнула дверь, ночь обняла их с Чайт и укрыла своим темным и прохладным покрывалом.

Отдышавшись, Кеттрик перешел на быстрый шаг. По всей видимости, они сумели оторваться от своих преследователей. Но неизвестно, как надолго. Кеттрик нащупал нож в кармане куртки, просто чтобы убедиться, что он все еще там. Немного помедлив, Джонни сориентировался и продолжил путь к Рынку.

Шум торговых рядов разносился далеко. Он напоминал гул встревоженного улья, слившегося с бесшабашным весельем карнавала. Через несколько минут Кеттрик вышел из тихой улочки на берег широкого канала. По нему даже во тьме ночи плавно скользили баржи, доставляя грузы из космопорта.

Рынок занимал пространство размером с небольшой городок. В его центре располагались бесчисленные палатки и открытые прилавки для обмена товарами, а по краям, как сте-

на, отгораживающая их от внешнего мира, теснились кафе и рестораны, гостиницы и ночлежки. Все это предназначалось для инопланетян-людей. Акернарцы набивали себе карманы простым сбором налогов на ввозимые и вывозимые с планеты товары.

Кеттрик прошел через ближайший мост на другой берег канала. Свет рыночных фонарей бил в глаза и казался особенно ярким после мягкого полумрака улиц. Джонни любил эти огни. Любил громкие хриплые голоса торговцев с разных планет, обсуждающих цены, спорящих, ругающихся, смеющихся.

Когда он вышел на аллею, окружавшую Рынок, начался дождь. Он забарабанил по навесам и полотняным крышам лавок, выбивая из них пыль. На мостовой немедленно появились лужи. Тем не менее торговля не останавливалась. Дождь прекратился через несколько минут, и лужи тут же начали высыхать. Ночь стала еще более влажной и душной.

Кеттрик поначалу не увидел ни одного знакомого лица. Он только понял, что ужасно проголодался. В первом попавшемся кафе он наскоро перекусил, не забыв накормить тхеллу. Немного отдохнув, Кеттрик пересек рыночную площадь по диагонали мимо рядов лавок и навесов, где громоздились тюки товаров со всего созвездия. В воздухе висела неповторимая смесь запахов сотен планет, восхитительных и манящих.

Проходя мимо синекожих мужчин с белыми хохолками волос на голове, которые пыхтя разгружали тюки с грузовика, Кеттрик вспомнил о Бокере и Хурте и нахмурился. И тут один из торговцев повернулся и, увидев Кеттрика, закричал:

— Джонни! Джонни, ты мне мерещишься?

— Клутха! — Кеттрик обнял его, как брата. Хлакранин был другом Бокера и часто во время посещения Тананару приходил к нему в гости. Это был жизнерадостный космический бродяга, с которым Кеттрик не раз весело проводил время за бутылкой на десятках разных миров.

— Постой, старина, — озадаченно отстранился Клутха. — Как ты здесь оказался? Поговаривали, будто...

— Я все расскажу тебе за стаканчиком доброго вина, — улыбнулся Кеттрик.

Клутха с сомнением оглядел свои тюки.

— Но...

— Пожалуйста, — попросил Кеттрик.

Клутха посмотрел на него и кивнул. Потом он сказал что-то своим людям и направился вместе с Кеттриком в южную

часть Рынка, где находились десятки развлекательных заведений.

Таверна была заполнена людьми, но свободное местечко все же нашлось. Кеттрик занял столик в углу и подозвал официанта. К нему вскоре подбежал маленький человек с пятнистой черно-белой кожей, как шерсть у спаниеля. Взглянув на Кеттрика, он издал восторженный визг, подпрыгнув на своих коротеньких ножках.

— Джонни, Джонни! Когда ты оказался в созвездии?

Услышав его радостный крик, к Кеттрику обернулись все сидящие за соседними столиками. Один из гостей встал и подошел к ним. Он был лысым и долговязым, с огромными острыми ушами, вытянутым лицом и кожей новорожденного ребенка.

— Джонни, — сказал он. — Черт меня подери, если я верю собственным глазам!

Его лицо осветила улыбка, обнажившая лошадиные зубы. Он дружески обнял Кеттрика, а затем звучно хлопнул корытщку по пухлой спине.

— Я угощаю, Квип. Привет, Клутха. Где ты раздобыл Джонни? Даже на Рынке таких парней ни за какие деньги не сыщешь. А Звездный Патруль знает, что ты вернулся, Джонни? Держу пари, нет.

Внезапно обернувшись, он заорал кому-то в дальнем конце зала:

— Недри! Иди сюда, у меня для тебя сюрприз.

Через минуту к столику подошел медноволосый, с золотистой кожей дарван, держа в руках бутылку вина. Когда-то он был штурманом на одном из кораблей, которым Кеттрик владел совместно с Сери Отку.

Недри с радостной улыбкой пожал руку старому приятелю. Дарван выглядел столь же искренним и доброжелательным, как и другие посетители таверны. Но Кеттрику все казалось подозрительным. Его нервы были взведены до предела, и это было особенно неприятно, поскольку он знал — здесь у него нет врагов.

Именно за этим он приехал на Рынок — встретить друзей и поговорить с ними на интересующие его темы. В крайнем случае, можно в любой момент вскочить и удрать. И никакая полиция его не разыщет в этом людском водовороте.

Маленький пятнистый человечек принес поднос с бутылками вина и поставил их на столик.

— Деньги на бочку, парни, — сказал он. — А это за счет заведения — для Джонни.

Он вытащил из-под своей туники полную бутылку хорошего акернарского бурбона и со стуком поставил ее перед гостем.

Кеттрик искренне поблагодарил:

— Этого живительного напитка мне чертовски не хватало на Земле, Квип. Сегодня я хочу отвести душу. Так что мне не мешала бы толстая отбивная с кровью или что-то в этом роде.

— Понимаю, — подмигнул Квип. — Я знаю твои вкусы, Джонни.

— И моему другу тоже принеси мяса, и побольше. — Кеттрик повернулся к Чайт, которая уже уселась рядом с ним на стуле. На языке тхеллы он произнес:

— Отвечай, но только без имен. Этот человек часто приходил в дом, где ты жила?

Чайт прекрасно поняла, кого он имел в виду.

— Нет. Один или два раза. И очень давно.

Кеттрик кивнул и повернулся к Квипу.

— Принеси ей еще графин воды. Тхелла не так глупа, чтобы лакать алкоголь.

Квип кивнул и помчался на кухню. Недри не спускал глаз с Чайт.

— Это та самая тхелла, что жила в доме у Сери?

— Нет, — покачал головой Кеттрик. — А что?

— Помню, у него была парочка тхеллов, только и всего.

— Тхеллы живут на многих мирах Хейдеса, сам знаешь.

Кстати, а как поживает Сери?

Недри пожал плечами:

— Я не видел его уже почти два года. Этот жмот уволил меня вскоре после твоего отъезда. Да и на что он мне сдался? Я и сам могу зарабатывать на жизнь.

— О ком вы говорите — о Сери Отку? — спросил, заинтересовавшись, Клутха. — Да он был здесь несколько дней назад, на Рынке. Ему пришлось поставить судно на ремонт, и потому Сери решил побыстрее распродать товар.

— Хотелось бы повидать старого приятеля, — прочувствованно сказал Кеттрик, откупоривая бутылку бурбона. — Ты не знаешь, где он остановился?

Клутха хмыкнул.

— Он не сказал мне, Джонни. Я встречал его прежде несколько раз в Ри-Дарве, и только. А тут... я с ним просто поздоровался, а Сери так хлестнул меня взглядом, что расхоте-

лось лезть с расспросами и разговорами. Он явно был не рад встретить здесь знакомых.

— И не один Сери, — вступил в разговор Недри. — Вся его чертова команда держится особняком. Я когда-то летал с инженером со «Звездной Птицы». Он был неплохим парнем, и мы не раз отрывались с ним в портовых кабаках. Встретил его на днях возле доков и предложил пропустить по стаканчику по старой памяти. Но парень замотал головой, словно я предложил ему броситься вниз со скалы, и поспешно затерялся в толпе. — Недри сокрушенно махнул рукой. — Все изменилось после твоего отъезда, Джонни. Сери начал набирать чужих людей, и эти люди мне сразу же не понравились. Потом он начал разъезжать по созвездиям сам, оставляя в конторе кого-то вместо себя, это были тоже подозрительные типы. И тогда я плюнул на все и ушел.

— Ну его к черту, этого Сери, — сказал молчавший до этой поры человек с длинным худым лицом, по имени Энаго. — Я никогда не встречал его, и, судя по рассказам, он не подарок. Давайте лучше поговорим о Джонни. Парень, где ты пропал?

— погоди, — прервал Кеттрик. — Минуточку. — Он глотнул бурбона, почувствовав, как горячая волна обдала желудок. Одновременно что-то озарило его. Мысль, которая до сих пор зрела в глубине сознания, внезапно прорвалась наружу. — Недри, что за корабли, кроме «Звездной Птицы», стояли в это время в ремонтном доке?

Недри нахмурился.

— Ну разные — несколько торговцев, как обычно. «Звездная Птица» стояла особняком рядом с какой-то яхтой, как будто не хотела якшаться с себе подобными. — Недри ухмыльнулся и налил еще вина в свой стакан. — Прости, что у меня язык заплетается. Это забористое акернаское вино всегда пробирает меня до самых костей, особенно в жару.

— Яхта? — удивился Кеттрик. — Что за яхта?

— Яхта как яхта. — Недри бросил на него удивленный взгляд. — А что, это важно?

Теперь все смотрели на Кеттрика. В этот момент подошел Квип с подносом, полным самой разнообразной еды. Он так суетился и болтал, не скрывая искренней радости, что Джонни захотелось придушить его. Наконец официант ушел.

Кеттрик нетерпеливо сказал:

— Итак, вернемся к этой яхте. Ты случайно не заметил, Недри...

— Я всегда замечаю красивые корабли, Джонни, — так же, как ты не пропускаешь ни одной красивой женщины, — ухмыльнулся дарван. — Даже несколько раз обошел ее, чтобы рассмотреть со всех сторон. Она называлась «Серебряное Крыло». Принадлежит куродаю из Акерна... как там его?

— Сессорн, — подсказал Клутха, подражая шипящим звукам местной речи. — В чем дело, Джонни? Ты просто позеленел.

— Ничего, — натужно улыбнулся Кеттрик. — Все нормально. Должно быть, просто переутомился за последние дни.

Он продолжал механически жевать жесткое мясо, совершенно потеряв аппетит, хотя еще несколько минут назад был голоден как волк. Куродай из Акерна. Это не член правительства, но человек, очень близкий к верховной власти, четвертый человек в Кирнаноку. Сессорн — могущественный и высокопоставленный чиновник, чья личная яхта случайно оказалась в доке вместе с «Птицей», бок о бок. Но случайно ли?..

— Эй, — недоуменно сказал Энаго. — Что-то вы скисли. У Джонни, наверно, неприятности?

— Ну, это было ясно с самого начала, — ответил Клутха. — Я только ждал, когда он сам о них заговорит.

Все замолчали, давая Кеттрику время собраться с мыслями.

Джонни дожевывал отбивную и запил ее несколькими глотками бурбона. Теперь он чувствовал себя лучше и решил рискнуть.

— Мои дела на самом деле неважные, друзья, — признался он. — Мы приземлились на «Грелле» сегодня после полудня. Бокер, Хурт, Глеван... и мы с Чайт — разумеется, как нелегалы. Спустя час-другой охрана порта арестовала Бокера, Хурта и Глевана.

Клутха подался вперед.

— Почему?

— Потому что Бокер начал интересоваться «Звездной Птицей». — Кеттрик резко встал. — Мне нужно позвонить в ЗП.

— Но, Джонни...

— Потом, потом.

Кеттрик направился в дальний конец зала, где за стойкой бара блеснул пластиковый пузырь телефонной будки.

«Куродай из Акерна, — думал он. — Вот это да! Ребята из ЗП, скорее всего, не посмеют тронуть яхту, потому что в случае ошибки... Нет, посмеют. Потому что последствия их не решительности могут оказаться куда серьезнее, чем гнев пра-

вительства Кирнаноку. Да и пострадает в этом случае всего лишь один человек — он сам.

Хотя... если «Серебряное Крыло» не несет на борту «Роковую Звезду», то тогда все теряет свой смысл. Спустя очень короткое время в созвездии вспыхнет Звезда Смерти, погибнут обитатели нескольких планет — а над всеми остальными нависнет смертельная угроза. И тогда судьба отдельного человека уж наверняка не будет иметь никакой ценности.

Он открыл дверь телефонной будки и уже было шагнул вовнутрь, когда Чайт вдруг встревоженно зарычала. Повернувшись, Кеттрик увидел в дверях таверны пятерых акернарцев в мокрых черных плащах. За ними следовали еще трое в черно-золотистых мундирах и блестящих полицейских касках.

Глава 18

Они сразу же заметили Кеттрика. Один из вошедших показал пальцем в угол, где стоял Джонни. Обменявшись несколькими фразами на местном наречии, люди в черных плащах решительно вошли в зал. Один из полицейских приказал Кеттрику не двигаться с места.

В тот же самый момент друзья, ожидавшие Кеттрика за стойкой, поднялись и направились к акернарцам. Квип застыл за стойкой бара с открытой бутылкой в руке.

Недри надменно спросил:

— В чем дело?

Один из полицейских ответил с ледяной вежливостью:

— У нас жалоба на человека по имени Кеттрик. Отойдите, пожалуйста.

Его черные глаза беспокойно бегали, следя за посетителями таверны, которые собирались по двое-трое, окружая Недри и полицейских. Их не слишком волновали проблемы Кеттрика, но Джонни был человеком, а Рынок был человеческим оазисом в Акерне. Естественно, что людям не понравилось вторжение акернарской полиции, пришедшей арестовать одного из них.

— Может, — сказал Недри, — нам лучше обсудить эту проблему здесь?

— Это невозможно. Нам поручено задержать Кеттрика. Пожалуйста...

Тем временем со стороны улицы послышался гул — возле

таверны начала собираться толпа. Кеттрику показалось, что половина Рынка была уже здесь, а вторая — на подходе.

Квип неожиданно указал рукой в другой угол зала:

— Быстро, Джонни. Там черный ход.

Кеттрик бросился в гущу людей, оттолкнув кого-то с такой силой, что тот упал. Образовалась давка, которая смяла акернарцев. Те подались назад. Одновременно таверна начала наполняться людьми с улицы. Они окружили акернарцев, которые встревоженно переговаривались друг с другом, явно удрученные столь неожиданным поворотом дела.

Кеттрик позвал Чайт и бросился к черному ходу. Он уже почти был у цели, когда среди общей суеты раздался громкий окрик:

— Джонни!

Кеттрик остановился, как от удара молнии.

— Не двигайся, Джонни. Только не двигайся с места, — приказал знакомый голос.

Кеттрик замер, не отрывая изумленных глаз от входа в таверну. У двери среди трех или четырех офицеров в форме Патруля стоял Секма. Офицеры держали свои ружья на изготовку, прицелившись в Кеттрика.

Секма обратился к толпе:

— Успокойтесь, ребята. Ничего страшного не происходит. Просто надо немного посторониться и пропустить местных джентльменов.

Толпа нерешительно начала отступать от акернарцев. Секма кивнул паре своих офицеров, которые сразу же направились к Кеттрику.

Чайт спросила:

— Дратся, Джон-ни?

— Нет, — ответил Кеттрик. — Ради бога, нет.

При приближении офицеров он покорно поднял руки. Один из них был тем самым темнокожим полицейским, которого он видел на Твейне. Кеттрик подпустил их к себе и позволил вынуть нож из кармана куртки, стараясь не выдавать своей радости. Краем глаза он видел, что, по крайней мере, два акернарских полицейских уже взяли наперевес свое оружие, явно готовясь к наступательным действиям. Это были небольшие черные трубочки, которые не убивали, но болезненно ранили жертву. Кеттрик содрогнулся, подумав, что им с Чайт не удалось бы добежать до выхода, если бы вовремя не вмешался Секма.

Офицеры ЗП плотно окружили Кеттрика, не подпуская к

нему акернарских полицейских. Чайт стояла у него за спиной, недовольная, но, как всегда, покорная.

Секма обратился к местным полицейским, сопровождая свои слова вежливой улыбкой:

— Я очень вам благодарен, коллеги. Мы уже долгое время охотимся за этим человеком.

Акернарцы в гражданской одежде что-то возбужденно произнесли на своем языке. Их глаза горели злобой и ненавистью. Стоявший рядом с ними полицейский кивнул и перевел:

— К нам поступила жалоба на этого человека. Мы просим передать его в наше распоряжение.

— Вот как? — удивился Секма. — Можно узнать, в чем суть жалобы?

И снова в разговор вмешались акернарские чиновники. Полицейский внимательно выслушал их и ответил:

— В этом нет никакой необходимости. Пожалуйста, не мешайте...

Но Секма усмехнулся и отрицательно покачал головой.

— Вынужден вам напомнить, господа, что статья четыре девять три ноль семь, параграф А Кодекса Лиги, участником которой является Кирнаноку, гласит: «В случае спорных инцидентов со стороны местных властей и офицеров Космической полиции статьи Кодекса считаются превалирующими по отношению к соответствующим статьям местных законов». — Секма снова улыбнулся полицейскому. — Мне кажется, что лучше уладить дело прямо здесь, а не в суде. В чем суть жалобы?

Полицейский что-то проворчал, но слова Секмы произвели на него должное впечатление.

— Нападение на гражданских лиц в нетрезвом состоянии, материальный ущерб и нанесение физических повреждений упомянутым лицам.

Один из присутствующих штатских вмешался в разговор и произнес на дурном галакто:

— Человек по имени Кеттрик напал на нас на канале. Он преднамеренно повредил и затопил нашу лодку. И мы все чуть не утонули.

— Ах вот в чем дело, — понимающе кивнул Секма. — Первоначально и предосудительно. Советую не забывать этого при скорбного случая. Когда Джонни Кеттрика отпустят с Наркада, можете взять его на Кирнаноку и судить по вашим законам. А пока что его разыскивают по куда более серьезному обвинению в нелегальном проникновении в созвездие, тор-

говле без надлежащих лицензий, незаконном управлении кораблем и в прочих нарушениях Кодекса, перечислениями которых я не стану вас утомлять. Надеюсь, теперь вы удовлетворены?

Наступила тишина. Трое акернарских полицейских застыли в нерешительности, сжимая в руках парализующие трубки. Им явно не хотелось подчиняться этим мерзким человекообразным, напивавшим на них со всех сторон. Кеттрик понимал, что если бы их действия были бы хоть сколько-нибудь законными, то акернарские власти подняли бы на ноги весь город, чтобы захватить его.

Но закон был не на их стороне, и полицейские решили не рисковать. Секма был прав, ссылаясь на Кодекс, и акернарцы совсем не хотели ссориться с Лигой Свободных миров, которую в данном случае представляли офицеры ЗП.

С проклятиями акернарцы повернулись и покинули таверну. Толпа у входа расступилась, пропуская их. Им вслед понеслись свист, улюлюканье, едкие выкрики. Толпа двинулась вслед за акернарцами, явно намереваясь проводить их до самых ворот Рынка.

Секма тихо обратился к Кеттрику:

— Давай выберемся поскорее отсюда. Только не через заднюю дверь, Джонни. Ты все равно не ушел бы таким путем — убили бы. При попытке к бегству, понял? Не очень-то умно было так поступать с твоей стороны. — Он посмотрел на Недри и других присутствующих и неожиданно широко улыбнулся. — Но тем не менее я тебе чертовски благодарен, Джонни. У меня с акернарцами давние счеты, и сегодня я немного отыгрался.

— Отныне у меня тоже зуб на этих парней, — сказал Кеттрик.

Энаго обратился к нему со словами:

— Э-эх, жаль, что эти твари решили не начинать драки. Давно у меня руки на них чешутся... Все в порядке, Джонни? Может, тебе нужна помощь? Нас здесь много...

— Спасибо, парни, — искренне поблагодарил всех присутствовавших в зале Кеттрик. — В любом случае спасибо вам.

Клутха подошел к ним, вопросительно переводя взгляд с Кеттрика на Секму и обратно.

— А как же Бокер? А Хурт? Джонни сказал...

— С ними все в порядке, — ухмыльнулся Секма. — Спасибо статье Кодекса четыре девять три ноль семь.

Кеттрик издал победный вопль, вытащил скомканную пачку мятых кредитных бумажек и бросил их Квипу.

— Налей всем виски. Пусть выпьют за мое здоровье.

Он торопливо пошел по темному коридору в окружении офицеров Звездного Патруля. Дверь резко распахнулась. В лицо ударил теплый ночной воздух с каплями дождя. На пристани рядом с таверной стояла моторная лодка, возле которой их ждали другие полицейские.

Все уселись под низким пластиковым навесом. Секма отдал приказ человеку за штурвалом, а сам расположился рядом с Кеттриком, по другую руку которого пристроилась Чайт. Лодка рванула вперед по направлению к главному каналу. Рынок исчез за кормой, а впереди засверкали огни космопорта.

Секма глубоко вздохнул и негромко выругался.

— Ну и в историю ты втравил меня, Джонни. Клянусь, упек бы я тебя в Наркад до конца жизни, если бы... — Последнее слово так и повисло в воздухе.

— Прошу прощения, — сокрушенно пробормотал Кеттрик. — Но все так быстро произошло. Я...

Он запнулся, поймав многозначительный взгляд собеседника. При бледном свете лодочных фонарей Секма казался почти стариком с бледным, изможденным лицом. Видимо, последние недели ему дались нелегко. Неожиданно он произнес на языке тхеллов:

— Чайт, наблюдай.

И Кеттрик понял, что даже здесь он не может считать себя в полной безопасности. Неужели и среди офицеров ЗП есть агенты хозяев «Роковой Звезды»?

Лодка причалила к пристани Патруля на главном канале. Там ждал большой глайдер, который должен был довести их по окружной дороге до Административного здания. Кеттрик заметил, что водитель не свернул в сторону подземных гаражей, а подъехал к фасаду. Они вошли внутрь через служебный вход. Когда компания наконец оказалась в кабинете Секмы, тот облегченно вздохнул:

— Слава богу, обошлось. Теперь можешь свободно говорить, здесь нас никто не подслушает.

Кеттрик ошарашенно взглянул на него.

— Выходит, даже в ЗП есть вражеские агенты?

— А ты как думал? Ты и не представляешь себе, какая зараза эта «Роковая Звезда». Она отравляет не только солнца, но и души людей. Хочется надеяться, что среди тех, кто был со мной сегодня, нет предателей. Но, увы, никогда нельзя быть

уверенным в этом до конца. Поэтому большинство моих офицеров на самом деле считают, что ты задержан по причине нарушения Кодекса. — Секма устало опустился в глубокое кресло возле стола. — Ты страшно рисковал с этим телефонным звонком, Джонни. Но акернарцы чуть промешкали, и мы успели тебя вытащить из петли.

— Как вы нашли меня?

— Ты же сказал, что будешь действовать на свой страх и риск. А где еще можно собрать самые последние новости, сплетни и слухи? Только на Рынке. — При этом Секма склонился вперед и зло произнес: — Но в следующий раз, черт тебя подери, не надо хитрить сверх меры! Я мог бы подобрать тебя у той самой телефонной будки, из которой ты звонил. А ты бросил трубку и помчался прямо в пасть акернарцам.

Кеттрик насупился — слова Секмы больно его задели. Не хватало только, чтобы полицейские ищейки отчитывали его как мальчишку!

— У меня были сведения, что вы направляетесь на Гурру, — зло произнес он. — Откуда мне было знать, что вы в Акерне? Весь вчерашний день я проторчал в порту, боясь нос высунуть из корабля, — где же вы были тогда? Ваша помощь мне не помешала бы... Впрочем, все случилось к лучшему. Если бы я не отправился ночью на прогулку в доки, то не узнал бы о том, где находится эта проклятая «Роковая Звезда».

Секма вскинул голову:

— И что ты выяснил, Джонни?

Кеттрик удовлетворенно усмехнулся, не спеша достал пачку сигарет и закурил, наслаждаясь плохо скрытым волнением Секмы.

— Яхта «Серебряное Крыло» стояла в ремонтном доке рядом со «Звездной Птицей». Я думаю, что детали этой дьявольской установки были перегружены на нее. Кстати, яхта принадлежит Сессорну, местному куродаю...

— Знаю, — коротко бросил Секма и торопливо вышел из кабинета.

Он вернулся через несколько минут.

— Яхта «Серебряное Крыло» стартовала спустя день после того, как «Птица» была направлена на ремонт в док. Вот так-то.

Кеттрик чертыхнулся.

— Этого-то я и боялся. Куда?

— Ты же прекрасно знаешь, Джонни, что частное некоммерческое судно не обязано сообщать свой маршрут. Но меня

беспокоит не только это. Кто знает, может быть, Сери уже собрал на различных мирах созвездия все части «Роковой Звезды»? Тогда настало время для окончательной сборки и запуска установки. И самым удобным средством ее транспортировки может быть именно частная яхта курода из Акерна, поскольку она не подлежит таможенному досмотру.

Секма повернулся к карте созвездия, которая занимала одну из стен его кабинета.

— Нам надо каким-то чудом угадать направление ее возможного движения, Джонни. И сделать это с первой попытки. Второй просто не будет.

Секма с ненавистью посмотрел на карту, словно негодуя на ее равнодушное молчание.

— Какие есть соображения на этот счет?

— Никаких, — признался Кеттрик. — Пока никаких.

Он вдруг почувствовал себя слишком старым и усталым. И зачем он ввязался в это безнадежное дело? Он сделал все, что мог, но «Роковая Звезда» всякий раз с легкостью выскальзывала из его рук. Так было на Гурре. Так случилось на Твейне. И так случилось здесь, на Кирнаноку. Видимо, этот орешек просто ему не по зубам...

«Звездная Птица» выполнила свою миссию. Сколько таких же кораблей прибыло в Акерн, неся на своем борту другие части смертоносной установки? Это уже не имело значения. А теперь где-то в темных глубинах созвездия, среди тысячи солнц, следует намеченным курсом «Серебряное Крыло», и через несколько дней одно из этих солнц погибнет в яростной вспышке, унеся с собой миллионы жизней...

Кеттрик нервно рассмеялся, хотя ему совсем не было смешно.

— Все казалось очень просто, — сказал он наконец. — Я не очень-то поначалу верил в «Роковую Звезду». — И он пальцем начал чертить на карте свой маршрут. — Первую остановку я сделал на Тананару, как вы сами предложили. Потом последовали Гурра, Твейн, Кирнаноку... все это мне тоже было по пути.

— По пути куда? — нахмурился Секма.

Кеттрик щелкнул пальцем по кружочку, изображавшему Белое Солнце.

— Я все еще помнил о том миллионе кредитов, который ускользнул из моих рук по вашей милости, Секма. И я собирался на этот раз довести это дело до конца. Правда, вы хоте-

ли, чтобы я заглянул на Трейс, но я собирался сделать это на обратном пути.

Секма негодуяюще взглянул на него, а затем задумчиво опустил голову и пробормотал:

— Гурра, Твейн, Кирнаноку, Трейс... Странное совпадение — ведь Сери тоже выбрал этот маршрут. Но ты собирался надуть меня и после Кирнаноку заняться своими грязными делишками на...

Он осекся, взял указку и ткнул ею в карту, словно рапирой.

— Куда бы ты отправился после Кирнаноку, если бы хотел отравить звезду? Не на Трейс, конечно, потому что он уже отмечен в твоём полетном листе. Но куда же? Радиус прыжка ограничен, так что выбор не столь велик. Сюда, на запад от Кирнаноку? Возможно. Но эта звездная система густо населена, а на первом этапе игры в «Роковую Звезду» подобный ход был бы слишком сильным, поскольку повлек бы многочисленные жертвы. Страх надо подпитывать осторожно, не обращая его в жажду мести, и Сери это, конечно же, знает. Тогда, быть может, яхта взяла курс на восток? Там расположены сразу три планетные системы, и они также весьма многолюдны. Где же собирать грандиозную установку, не рискуя при этом попасть на глаза местным жителям? Негде. А ведь Сери и его друзьям пока еще приходится прятаться... Для них гораздо легче и безопаснее было бы для начала отравить какое-нибудь периферийное солнце, у которого немного детей, желательно, примитивных гуманоидов... А тогда выбор у них совсем невелик.

И Секма неожиданно указал на южную часть Созвездия, на Белое Солнце.

— Как ни крути, кринны идеально подходят для этих целей. Они достаточно человекообразны, чтобы их гибель вызвала шок у людей, и в то же время их смерть не будет большой потерей для Лиги Свободных миров. Сери прекрасно знает все о Белом Солнце и о криннах, потому что его бывший партнер Джонни Кеттрик когда-то интересовался этим народом. Кроме того, мир криннов мало заселен, и там нетрудно разыскать пустынный район, где можно спокойно собрать «Роковую Звезду».

Секма положил указку на стол и подошел к Кеттрику, в упор глядя ему в глаза.

— Разве я не прав, Джонни? Или ты скажешь, что я цепляюсь за любую соломинку, потому что не могу и не хочу признать свое поражение?

Кеттрик покачал головой.

— Нет, я так не думаю. Напротив, теперь я точно знаю, в какой именно момент Сери решил избавиться от меня.

Секма удивленно приподнял брови.

— Я неосторожно сказал ему, что направляюсь на Белое Солнце, — пояснил Кеттрик. — Тогда Сери заволновался и спросил, что будет, если он откажется участвовать в моем плане. Я ответил, что за долю в добыче в полмиллиона кредитов всегда смогу найти других помощников. Тогда-то он и пообещал мне «Звездную Птицу», твердо зная, что я не доживу до следующего утра.

Стены кабинета задрожали от далеких громоподобных раскатов — на космодроме садился очередной звездный корабль. И тут же зазвенел сигнал селектора на столе.

Секма поднял трубку и, выслушав сообщение, коротко ответил «Хорошо». Затем он бросил на Кеттрика странный взгляд и направился к выходу.

Он открыл дверь и замер на пороге в ожидании. Вошла Ларис.

Глава 19

Она по-мужски поздоровалась с Секмой за руку. Ларис держалась неуверенно, голос ее звучал чуть слышно, она не смела поднять глаз, будто боялась чего-то. На ней было одеяние из темного шелка, туго подпоясанное на талии, со свободными рукавами, прикрывающими полностью ее руки и плечи. Такое платье могла бы надеть женщина, которой не хотелось выделяться. «Но Ларис при всем желании не может слиться с серой толпой», — с усмешкой подумал Кеттрик.

Она вошла в кабинет, увидела его и застыла на месте. Ее глаза широко раскрылись в удивлении, она смущенно улыбнулась и прошептала что-то невнятное.

— Здравствуй, Ларис.

Она беспомощно переводила взгляд с Кеттрика на Секму и обратно. Потом сокрушенно покачала головой и села.

— Дайте мне минутку, — попросила Ларис. — Я не была готова к этому. — Она вновь взглянула на Кеттрика, и в ее глазах сверкнули слезы, хотя губы улыбались. — Ты всегда появляешься в самый неожиданный момент, Джонни... — С этими словами она повернулась к Секме. — Я говорила ему, что этим все и кончится.

Секма сказал:

— Я скоро вернусь. — И тактично вышел.

Кеттрик стоял, глядя на Ларис сверху вниз. Красавица сжалась в комок и наклонила голову, так что ему видны были только медные завитушки ее пышных волос.

— Я говорила ему, Джонни, — наконец произнесла Ларис. — Я надеялась, что этого не произойдет, я предупреждала...

— Где Сери?

— Мы расстались. Или, вернее, я ушла от него. — Ларис поднялась и отошла в сторону, остановившись возле занавешенного окна и нервно прижав руки к груди. — Я, кажется, совершила огромную ошибку, Джонни. Но мне от тебя ничего не нужно, ни упреков, ни утешений, ни мудрых советов.

Она повернулась к нему и с внезапной яростью воскликнула:

— Почему ты не ушел, когда я просила? Почему так упорствовал? Тебя все равно поймали...

— Поймали?

— Даже если бы тебе удалось сейчас сбежать, то все равно от Секмы не уйти. Полиция уже не выпустит жертву из своих зубов. Может быть, они даже убьют нелегала Кеттрика, чтобы избавиться от своей вечной головной боли. Я бы оплакивала тебя, Джонни.

— Правда, Ларис? — Он протянул руку и осторожно прикоснулся к завитушкам ее волос на затылке. Его ладонь обдало нежным теплом. Он ласково опустил ладонь на ее шею и внезапно сжал пальцы. Ларис вскрикнула, но он заставил ее повернуться лицом к нему.

— Скажи, ты плакала в ту ночь, когда узнала о моей гибели?

— О чем ты, Джонни? — Ее глаза твердо глядели на него с вызовом и злостью.

— Прекрасно, — сказал он с горькой усмешкой. — Замечательно. Выходит, ты ничего не знала о взрыве на озере? И даже не полюбопытствовала у Сери, куда я исчез?

— Конечно же, спросила.

— И что он сказал?

— Объяснил, что отказался помогать тебе и что ты отправился искать другого партнера, но он не знает, кого и где.

— И ты поверила?

— А почему я не должна была верить?

— Да, — горько произнес Кеттрик, — почему бы и нет? — Он отпустил ее и отошел к окну, с трудом пытаясь совладать с

охватившей его дрожью. — А что он сказал тебе о Хиту и Чайт?

— Ничего.

— А ты разве не заметила, что они исчезли?

— После нашей встречи я возвратилась в свой старый дом. Утром я позвонила и узнала, что Сери уехал в космопорт. О взрыве на озере я, конечно же, слышала, но не думала, что это как-то связано с тобой и тхеллами. — Ларис перевела дыхание, глядя куда-то в сторону, словно опасаясь встретиться с ним глазами.

Чайт зашевелилась при упоминании имени Хиту, и Ларис, кажется, только сейчас заметила ее присутствие.

— Не понимаю, Джонни. Ничего не понимаю, — жалобно произнесла она.

С порога донесся голос Секмы. Кеттрик не заметил, когда офицер вошел в комнату, и потому не знал, как долго он прислушивался к разговору.

— Почему бы тебе не сказать ей, что произошло, Джонни? Я уверен, что это будет интересно нам обоим.

— Нет, — возразила Ларис. — Позже, сейчас важно другое. — Она подошла к Секме. — Я узнала кое-что о Сери совсем недавно. Он попросил меня срочно приехать на Кирнаноку, и я не выдержала, все бросила и примчалась сюда. Мы встретились, и Сери неожиданно разоткровенничался...

Женщина помолчала, перевела дыхание и снова заговорила:

— Он уже давно занимается этим проектом. Среди его партнеров люди с очень высоким положением... некоторые из них занимают важные посты здесь, в Аkerne... Они затеяли сложную и опасную игру, что готовилась долгие годы в глубокой тайне. И теперь эта игра началась.

Оба мужчины молчали, и потому она продолжила после некоторой паузы:

— Вы слышали о «Роковой Звезде»?

— Да, — ответил Секма. — Кое-что.

— Тогда...

Ларис осеклась. На пороге появился темнокожий офицер.

— Все готово, сэр, — отрапортовал он.

Секма кивнул. Взяв Ларис за руку, он провел ее к двери.

— Пойдем, Джонни, и ты, Чайт.

Ларис заволновалась:

— Куда мы идем?

— Думаю, что ты подскажешь нам, Ларис. Пока что мы не-

медленно покидаем Кирнаноку. Время не ждет, мина уже заныряла в землю, и часовой механизм заведен.

Ларис остановилась, повернув к Секме встревоженное лицо.

— Вы хотите сказать, что увозите меня отсюда? Но я не могу уехать, я планировала...

— Дорогая моя, — прервал ее Секма, — после всего того, что вы рассказали, у вас нет выбора. Я не рискнул бы оставить вас здесь на милость Сессорна.

— О, — удивилась женщина. — Так вы уже все знаете!

Темнокожий офицер тактично заметил:

— Наверное, лучше поспешить, сэр.

— Мы знаем кое-что, — сказал Секма, взяв Ларис под руку и настойчиво выводя ее в коридор. — Не все, конечно, и это еще одна причина, по которой мне следует увезти вас отсюда. Не волнуйтесь, мы постараемся облегчить вам все тяготы перелета.

Ларис затравленно посмотрела на него, но больше не сопротивлялась и не спорила.

Они быстро миновали здание и вышли в дверь, ведущую на стоянку частного транспорта. Несколько офицеров Патруля поджидали их возле двух глайдеров. Среди них, к великой радости Кеттрика, находились Бокер, Хурт и Глеван. Дружьи обменялись крепкими рукопожатиями, но времени на разговоры не было. Их буквально втолкнули в глайдер, который стремительно помчался к трем кораблям, стоявшим на специальных взлетных площадках ЗП.

Два звездолета уже были полностью готовы к взлету. Первый оказался небольшим эсминцем, которые обычно используются для патрульных рейдов. Второй — боевым крейсером, применяемым лишь в самых критических ситуациях, когда Патрулю противостоят крупные космические эскадры контрабандистов. Кеттрик знал, что они были чрезвычайно быстроходны и наверняка превосходили в скорости «Греллу», «Звездную Птицу» и любое другое торговое судно. Возможно, они могли даже соревноваться с такой превосходной яхтой, как «Серебряное Крыло».

Но Кеттрик не тешил себя пустыми надеждами. Сери Отку имел солидную фору во времени.

Ларис сидела в кресле прямо перед ним, рядом с Секмой. Ее плечи были опущены, ветер трепал волосы. Она ни разу не оглянулась, и Кеттрик грустно подумал, что надежду вернуть былую любовь он уж точно потерял.

Глайдеры разбежались в разные стороны — один из них повез офицеров на маленький эсминец, остальные двинулись дальше, к крейсеру. Через несколько минут Кеттрик уже взбирался по высокому трапу вслед за остальными членами экипажа «Греллы», включая и Чайт. За ними следовали несколько офицеров, а также Секма с Ларис.

Внутренние помещения крейсера разительно отличались от кают и отсеков «Греллы». Все было чистым, тщательно надраенным, как и положено на военном судне, без малейших следов ржавчины. Однако кубрики корабля оказались скудно обставленными, и даже офицерский салон заметно уступал в комфорте кают-компания «Греллы». Кеттрик заметил, каким злорадным взглядом оглядывал Бокер все это полированное убожество.

— Бедная моя старушка «Грелла», — сказал наконец Бокер. — Как жаль с ней расставаться.

— Можешь вернуться на нее, если хочешь, — усмехнулся Секма. — Глядишь, поспеешь к Белому Солнцу прежде, чем мы оттуда улетим.

— Нет уж, спасибо, я лучше здесь посижу.

Люки захлопнулись, прозвучал предупредительный сигнал, и пассажиры пристегнули ремни безопасности. Раздвижные кресла были частью обстановки салона, их подушки оказались глубокими и упругими в отличие от кривобоких, изношенных сидений «Греллы». Даже огромная Чайт не испытывала никаких неудобств, потому что размеры кресел можно было регулировать.

Крейсер стартовал, вздрогнув всем своим массивным телом, как огромная кошка, припавшая на задние лапы перед прыжком: на мгновение металлическая громадина зависла над посадочным полем, а потом с ревом и свистом прыгнула в небо.

Гул стих, как только были пройдены нижние слои атмосферы. Перегрузка спала. На стене вспыхнула надпись «Космос», и Секма расстегнул ремни и разрешил всем сделать то же самое.

— Ну вот, — сказал он, — теперь мы можем поговорить.

Он помог Ларис справиться с ремнями, поинтересовавшись:

— Что-нибудь вам принести? Может, воды?

Она отрицательно покачала головой.

— Прекрасно, — улыбнулся Секма. — Итак, вы хотели что-то рассказать о Сери и «Роковой Звезде».

Кеттрик увидел удивление на лицах Бокера, Хурта и Глевана, которых само присутствие Ларис озадачило с самого начала.

— Да, — сказала Ларис после долгой паузы. — Я собиралась сказать вам, что Сери сел на яхту Сессорна вместе с несколькими людьми куродея и еще кем-то, уж не знаю кем. На борту находятся все составные части «Роковой Звезды»...

— То есть Сери собрал все части механизма, которым можно «отравить» звезду и тем самым убить миллионы жителей ее планетной системы. Верно? — Теперь Секма говорил прямо и резко, от его бывлой обходительности не осталось и следа. Ларис вздрогнула под его жестким, ледяным взглядом.

— Да... То есть я не уверена. Я так мало знаю...

— Продолжайте.

— Они собираются, — сказала Ларис упавшим голосом, — «отравить» звезду, чтобы показать всему созвездию, кто здесь хозяин. Это должно совпасть с очередной ассамблеей Лиги Свободных миров ...

Секма нетерпеливо перебил:

— Все это мы знаем. Вопрос в другом — КУДА именно они направились?

Кеттрик весь превратился во внимание. Он слышал дыхание Ларис, видел самые незаметные движения ее ресниц. Казалось, целая вечность прошла, прежде чем она заговорила.

— Да, — сказала она. — Знаю. Совершенно случайно, потому что Сери не говорил мне об этом. Я... я подслушала его разговор с Сессорном. Яхта направляется на Трейс.

Глава 20

Эти слова прогремели как гром среди ясного неба. Кеттрик вздрогнул и растерянно посмотрел на Секму. Но офицер не обратил на него внимания, потому что пристально вглядывался в лицо Ларис. Она ответила прямым и откровенным взглядом, как тогда, когда убеждала Кеттрика, что не знает ничего о происшедшем в Ри-Дарве.

Наконец Ларис спокойно сказала:

— Не знаю, сможете ли вы вовремя догнать Сери Отку. Он давно уже отправился на Трейс, и «Серебряное Крыло» очень быстроходная яхта. — Она отвернулась, плечи ее вздрогнули. — Жаль, что я не знала раньше...

Секма взял ее руку и галантно поцеловал:

— Я очень благодарен вам, Ларис. — Он встал и направился к двери. — Джентльмены, присоединяйтесь ко мне. Вар-Кован устроит вас всех. Ларис, вы можете пока уединиться здесь, в салоне, нажав кнопку за панелью. Устраивайтесь поудобнее. Мы не предполагали, что на борту будет женщина, поэтому не сразу смогли подыскать подходящую каюту.

Секма вывел всех в коридор, ожидая не без нетерпения, пока Чайт покинет салон, после чего он закрыл массивную дверь и сделал красноречивый жест, призывающий к молчанию. Потом он повел всех по коридору до капитанской рубки, которая в этот момент пустовала.

— Садись, Джонни. Я прекрасно понимаю, что ноги тебя не держат. — Он присел на край стола и сложил руки на груди. — Ты хорошо знаешь эту женщину. Она лжет или говорит правду?

Кеттрик вздохнул и покачал головой.

— Если она говорит правду, то это очень благородно с ее стороны — ведь она любит Сери Отку. Но я не знаю, что сказать, Секма. Просто не знаю.

Он действительно не знал. Ларис так отдалилась от него, что он уже ни в чем не был уверен.

Кеттрик подошел к карте на стене и набрал на пульте номер нужного сектора. Бокер, Хурт и Глеван молча ждали объяснений, ни во что не вмешиваясь. На экране появилась ярко подсвеченная навигационная карта, показывающая расположение звезд в южном секторе созвездия в настоящий момент. Кирнаноку, Трейс, Лантаванская банка, Белое Солнце.

— Трейс — вполне подходящее место для демонстрации возможностей «Роковой Звезды», — сказал Кеттрик. — Это единственная населенная планета в системе желтого солнца. На ней обитают гуманоиды с куда более развитой цивилизацией, чем кринны, но с Лигой у них не самые дружественные отношения, так что их гибель не вызовет волны всеобщего возмущения.

Секма хмуро уставился на яркое маленькое солнце, окружавшее его крошечные планеты и на темную полосу космического течения.

— А мы считали, что Трейс надо исключить, поскольку эта планета заявлена в маршрутном листе «Звездной Птицы», — сказал он. — Наверное, именно на такую реакцию Сери и рассчитывал.

— Не исключено. — Кеттрик не сводил глаз с желтой звез-

ды, но перед глазами было только спокойное лицо Ларис с прямым, уверенным взглядом.

— Может быть, Ларис говорит правду, — продолжил он. — Правду такой, какой она ей кажется. Сери мог специально организовать тот разговор с Сессорном, зная, что Ларис передаст нам ложную информацию.

— Ложная информация? — резко переспросил Секма. — Так ты думаешь, что это неправда?

— Да, я так считаю.

— Почему?

Кеттрик ответил не сразу. Он прикрыл глаза, вспоминая:

— Я пришел в дом к Сери. Мы стояли возле лестницы, и поначалу разговор шел нормально. Но наконец я сказал ему, что приехал для того, чтобы закончить старое дело на Белом Солнце. Я припоминаю теперь, как резко изменилось выражение его лица. Ларис тоже слышала мои слова. А затем весь разговор свелся к тому, что и Сери, и Ларис всячески пытались отговорить меня от этого замысла. Но я отказывался и заявил, что в крайнем случае найду другой корабль и другого партнера. Сери понял, что меня не остановить, и тогда он решил убить меня. Наверное, опасался, что я могу помешать осуществлению его планов.

Секма не отвечал долгое время, задумчиво опустив голову, а потом сказал:

— Трудно сделать выбор, Джонни. Я думаю, что ты прав, но разве можно быть уверенным до конца?

— Нельзя, конечно, — нервно усмехнулся Кеттрик. — Но разве не подозрительно, что Ларис пришла в полицейское управление именно сейчас, когда мы уже готовы были броситься по следу яхты Сессорна? Раскаившаяся подруга злодея, выдавшая его противникам важную информацию... Что-то не очень подходит эта мелодраматическая роль для Ларис. — Он в упор посмотрел на Секму. — Итак, что вы собираетесь делать?

— У меня в распоряжении два корабля, — сказал после некоторого размышления Секма. — Если мы направим их разными курсами, мы ослабим наши силы. Для того чтобы найти на поверхности планеты яхту или «Роковую Звезду», необходимы оба корабля... если мы, конечно, успеем вовремя.

Он бросил мрачный взгляд на подсвеченную карту.

— Но, боюсь, другого выхода нет. Волей-неволей придется дробить силы. Эсминец направится на Трейс. Я немедленно свяжусь по радиации с отделением Звездного Патруля на Кирна-

ноку и распоряжусь, чтобы второй эсминец срочно направили туда же. Сессорн, скорее всего, перехватит это сообщение и сделает вывод, что мы все направились на Трейс. Думаю, он будет доволен тем, что его уловка с Ларис удалась, — если, конечно, красавица на самом деле пыталась обмануть нас. А мы полетим на Белое Солнце.

Он подмигнул Кеттрику, улыбаясь кончиками губ, в то время как его глаза оставались холодными.

— Сыграем на судьбу созвездия, а, Джонни? И нашими игральными костями будут десятки, сотни миров, а ставками — миллионы жизней. Недурно, не так ли? Кто не хочет быть Богом?

Он резко помотал головой, словно стараясь стряхнуть с себя все сомнения и страхи.

— У нас есть один козырный туз, если считать, что мы не промахнулись с выбором цели. Крейсер куда мощнее вашей допотопной «Греллы», и ему не придется ложиться в дрейф. Мы можем достигнуть Белого Солнца одним прыжком.

Бокер пробормотал:

— И на том спасибо.

— А как насчет «Серебряного Крыла»? — поинтересовался Кеттрик. — На что способна эта яхта?

— Не знаю. Но если бы это была моя яхта и если бы я собирался использовать ее именно для таких целей, то установил бы на ней самый мощный двигатель.

— А-а... — разочарованно протянул Глеван, — тогда яхта обгонит нас запросто. Ну а если... Мы сможем прыгнуть обратно?

Все поняли, что он имел в виду. Поиски могли закончиться неудачей, и корабль мог попасть в область взрыва солнца.

— Не сразу, — честно ответил Секма.

Глеван понимающе кивнул.

— Если не ошибаюсь, на этом дредноуте применяется электронная система перезарядки гипердвигателя, куда более совершенная, чем у «Греллы» и любого другого торгового судна. Так что вы можете подготовить корабль к прыжку раза в два быстрее.

— Даже еще скорее, если не обращать внимания на некоторые инструкции. Но отравленное солнце взорвется еще быстрее. Впрочем, лучше надеяться на то, что мы успеем вовремя.

«Еще бы, — подумал про себя Кеттрик. — Иначе то, что произойдет в созвездии потом, нас уже может не волновать».

— Ну что ж, пора готовиться к прыжку, — сказал Секма и решительно направился к двери. — На разговоры у нас будет еще предостаточно времени. В этой истории есть пока много непонятного.

Вар-Кован, темнокожий офицер, подждал Кеттрика и его товарищей в коридоре. Он улыбнулся, и его зубы ослепительно сверкнули на фоне темно-оливковой кожи.

— Спать придется по очереди. Эта женщина создает проблемы на корабле. Придется предоставить ей салон, ну а мы как-нибудь разместимся в двух каютах.

Они последовали за ним в каюту размером с хозяйственную кладовку, в которой из обстановки имелась лишь двухъярусная койка, предназначенная для вспомогательного персонала.

— Прекрасно, — сказал Бокер. — У нас на «Грелле» были именно такие хоромы. Только вот воздух у вас суховат, аж в горле першит.

— Не беспокойтесь, парни, начальство обо всем позаботилось, — подмигнул Вар-Кован и достал из шкафчика бутылку. — Приказ Секмы.

Сам он отказался составить гостям компанию и тут же ушел, сославшись на крайнюю занятость. Оставшиеся расселись на койках и на полу, и Бокер налил всем по полному стакану.

— Ну, друзья, выпьем за удачу. Слава богу, она нас не оставила в Аkerne. Я рад, что ты все-таки смылся от этих крокодилов, Джонни. Ребята из ЗП вытащили нас через пятнадцать минут после твоего звонка.

— А до этого, — вставил Глеван, — весь день мы потратили на то, чтобы убедить этих сукиных детей, что Бокер просто старый друг Сери и хотел всего лишь пожать ему руку в космопорту. Славно мы провели времечко, нечего сказать! До сих пор ребра болят...

Не успели они осушить свои стаканы, как крейсер с громоздким воем вошел в гиперпространство.

Глава 21

Той же ночью, после того как Ларис отвели отдельную каюту, друзья перебрались в салон. Секма внимательно выслушал подробный рассказ Кеттрика о его встрече с Сери и том, что произошло после этого.

Затем он спросил:

— Почему ты не нашел меня?

— Потому что хотел побыстрее попасть на Белое Солнце, — неохотно признался Кеттрик. — Я хотел выудить у криннов миллион кредитов и дать деру. В то время я еще не верил в «Роковую Звезду» и никак не связывал Сери с этой историей. Глаза у меня открылись только на Гурре.

Бокер спросил Секму:

— Выходит, вы следовали за нами, когда мы шли на Твейн? Секма кивнул.

— Я внимательно следил за всеми, кто покидал Ри-Дарву. Сери стартовал на «Звездной Птице», а через несколько дней взлетела «Грелла» и последовала тем же курсом. Будь это не вы, я бы просто подумал, что совпадение маршрутов — случайность. Но и Сери, и Бокер были старыми друзьями Кеттрика, и я насторожился. Тогда я изучил таможенные декларации обоих кораблей. На «Птице» не было заявлено ничего особенно интересного, но набор товаров на «Грелле» явно был во вкусе Джонни. А когда я узнал, что Бокер долгое время сидел на мели, но буквально накануне отлета у него откуда-то появились деньги, последние сомнения отпали. Я понял, что Кеттрик — на «Грелле».

И Секма бросил неодобрительный взгляд на Кеттрика.

— Тебе повезло, Джонни, что я не схватил тебя на Гурре. Потому что я знал, что ты задумал.

Бокер с любопытством смотрел на Секму.

— Выходит, вам было известно, что Джонни был с нами на Твейне. Но почему вы ничего об этом не сказали? Вы же знали, что Флей укрывает его в своем доме.

— Конечно, я знал это, — подтвердил Секма. — Когда я был на Гурре, я разговаривал с Ниллейн. Она призналась, что Джонни был у них и что он направляется на Белое Солнце, чтобы обдурить простодушных криннов. Она хотела убедить меня, чтобы я последовал за Кеттриком и немедленно арестовал его. Это показалось мне подозрительным — ведь я знал, как Ниллейн была некогда привязана к Кеттрику.

Кеттрик мрачно опустил голову. Он был страшно огорчен тем, что вновь некогда преданная ему женщина предала его.

— Что-то было не так в этой деревне, что-то тайное и недоброе, — продолжил Секма. — Меня насторожило, что туземцы не хотели говорить о Сери, но почему-то страстно желали, чтобы их давний друг Джонни Кеттрик был арестован. Думаю, они рассчитывали, что этой задержки будет достаточно, чтобы Сери осуществил задуманное.

Секма снова повернулся к Бокеру:

— Я наконец настиг вас на Твейне, и тут вы начали плести что-то про Пеллин, чему поверить было совершенно невозможно. Да еще глаза мозолили три сына Флея, следовавшие всюду за вами по пятам, — все это однозначно объясняло происходящее.

Секма невесело улыбнулся.

— Но в этот момент, грубо говоря, вы уже потеряли значение для нас. Я понял, что части «Роковой Звезды» находятся уже на «Звездной Птице», и ринулся за ней вслед. Я готов был сражаться с Флеем и, если необходимо, пустить в ход все имеющееся на судне оружие, но это уже не имело смысла. Пришлось вас оставить на произвол судьбы — и я рад, что вы все-таки выкрутились.

— И все равно, вы слишком поздно прибыли на Кирнаноку.

— Да. Признаюсь, Сери удалось нас вывести на ложный след. Когда же мы приземлились в Акерне, яхты Сессорна уже и след простыл. Но в то время она была вне подозрений. «Звездная Птица» тихо-мирно стояла в ремонтном доке с пустыми трюмами, а команда отдыхала в городе, ожидая окончания ремонта. А Сери... Нам объяснили, что он отправился на одном из акернарских кораблей в соседнюю звездную систему якобы для проведения торговых переговоров. Комендант порта даже показал его имя в списке пассажиров. Я начал подозревать, что совершил просчет. Сери удалось ловко запутать следы, так что оставалась надежда лишь на тебя, Джонни. И, к счастью, ты эту надежду оправдал.

— Тогда какого же черта вы не встречали нас? — нахмурился Кеттрик. — Мы угодили в Акерн, как в котел с горящей смолой.

— Встречал. Но ты же не послал мне открытку с датой своего прилета на Кирнаноку, верно? И тем не менее все бы обошлось, если бы Бокеру не пришла в голову замечательная мысль сразу же после прибытия в Административное здание сделать запрос насчет «Звездной Птицы». Прекрасно! В справочном отделе работали люди Сери Отку, и они тут же убрали из списка информацию о вашем прибытии и навели на вас местную полицию. Хорошо, что у меня есть в Акерне свои агенты, и я вскоре узнал об аресте Бокера и остальных. Акернарская полиция сделала все возможное, чтобы помешать нам. Они шпионили, прослушивали наш телефон, наши кабинеты... я недаром так спешил убраться оттуда. Если бы тебя

схватили, Джонни, то не думаю, что они дали бы и нам взлететь.

Хурт слушал нахмурившись, время от времени потирая шрам на боку. Наконец он недовольно пробурчал:

— Но почему именно мы должны вычерпывать этот чан с дерьмом? Лично я не гожусь в герои, да и эта «Роковая Звезда» слишком большой кусок для моего рта. Не только мы, все созвездие в опасности, но что-то в драку никто не рвется.

Кеттрик согласно кивнул:

— Что верно, то верно. Немало времени прошло после нашего разговора в доме Виккерса на Земле. Наверное, можно было многое сделать, задействовав официальные каналы. Я имею в виду различные межпланетные службы безопасности, всю мощь Звездного Патруля, внешнюю разведку и прочее, прочее, прочее. Вы ведь не рассчитывали только на тонкую соломинку по имени Джонни Кеттрик?

— Мы делали все, что могли, — сказал Секма. — Но ты же знаешь, как это бывает. В любом цивилизованном мире политиков волнуют только предстоящие выборы, интеллектуалы заняты своими теориями по совершенствованию человечества, а само человечество набивает себе желудки и болтает о всяческой чепухе. Никому и дела нет до таких неприятных вещей, как «Роковая Звезда». Люди просто не хотят верить в нее, как не верил ты сам. А те, кто верит, активно работают на нее, при этом мило улыбаются и врут всем в глаза. Так что единственное, чего нам удалось достичь, — это размножение слухов и сплетен, которых и без того хватает. А часто местные власти просто не желают предоставлять нам информацию по непонятным причинам.

Секма вздохнул. На его лице ясно проявились все тревоги и разочарования прошедших месяцев.

— И все это время ты ходишь по острию ножа, потому что ничего не известно, — продолжил Секма. — Чиновники, охрана, местные жители, министры, куродай... каждый может оказаться врагом, и даже офицеры ЗП. Могу дать руку на отсечение, что не один раз наши запросы преднамеренно замалчивались. Люди типа Сессорна есть во всех мирах, они затягивают, запутывают дело в ожидании звездного апокалипсиса. И можно не сомневаться, что они будут громче всех призывать сдать, когда наступит тот страшный день.

— Жажда власти, — угрюмо прокомментировал Глеван, — это еще страшнее золотой лихорадки.

— К черту все психологические мотивы, — сказал Кет-

трик. — Меня интересуют сейчас более практические вопросы: что это за штука, которой можно отравить звезду? Как она выглядит в собранном состоянии? Секма, вы говорили, что нужно прежде всего осмотреть планету с орбиты. Вы считаете, что «Роковая Звезда» будет размещена на поверхности?

— Да, таков вывод наших ученых. Они считают, что инициировать ядерные процессы в недрах солнца можно только в результате многоступенчатой операции. То есть изменения на солнце не происходят после первого же удара, для этого нужно произвести серию воздействий, которая и будет стимулировать нарастающую цепную реакцию.

Есть мнение, что «Роковая Звезда» представляет собой сравнительно небольшое пусковое устройство, которое способно произвести серию выстрелов сверхскоростными ракетами. Их боеголовки, скорее всего, начинены изотопами кобальта и катализаторами. Последние вступают в реакцию с атомами кобальта, которые обычно имеются в недрах звезд, и порождают другие изотопы, нестабильные и подверженные распаду. А потом реакция становится необратимой, и солнце превращается в гигантскую ядерную бомбу, которая уничтожает все живое на миллионы миль вокруг. Наверняка ракеты не могут быть запущены с корабля вблизи солнца, потому что его экипаж и пассажиры подвергнутся чудовищному удару гамма-излучения еще до завершения операции. Если же устройство находится на поверхности ближайшей к звезде планеты, то операторы установки могут включить автоматическое пусковое устройство и спокойно покинуть это место.

Кеттрик кивнул.

— Ладно. Давайте тогда взглянем на карты. Я знаю мир криннов, наверное, как никто другой в созвездии. Может быть, нам удастся определить самые вероятные места размещения «Роковой Звезды». Кстати, мы можем увеличить свои шансы при помощи спасательных шлюпок, если разместим на них локаторы...

— Только не на обеих сразу. Одну надо придержать на случай, если мы заметим пусковой механизм в каком-то районе, где корабль не сможет сесть. Но одна шлюпка — это возможно. — И Секма расстелил карты планеты криннов на столе.

Большую часть времени прыжка они провели возле этой карты, делая перерывы на еду и сон. В один из таких перерывов Кеттрик неожиданно оказался наедине с Ларис.

Она почти не выходила из своей каюты. Когда Секма сообщил ей, что они не идут на Трейс, на лице Ларис не дрогнул

ни единый мускул. Она только сказала: «Жаль, что вы не поверили мне». При этом ее лицо было похоже на непроницаемую маску, каким оно запомнилось Кеттрику в ту злополучную ночь в Ри-Дарве. С той минуты молодая женщина не произнесла ни одного слова. Лишь на короткое время она присоединялась к общим трапезам и сразу же исчезала, плотно затворив дверь своей каюты. Что было причиной такой отчужденности? Была ли то уязвленная гордость от того, что ей не поверили? Отчаяние, что она не справилась с заданием Сери? Или страх перед «Роковой Звездой», боязнь за своего возлюбленного? Кеттрик не мог сказать ничего наверняка.

Когда он неожиданно наткнулся на Ларис в пустом салоне, она подняла на него усталые покрасневшие глаза.

— Прости, — пробормотала она и постаралась незаметно проскользнуть мимо Кеттрика к выходу. Но он задержал ее.

На Ларис был зеленый форменный комбинезон ЗП, который ей одолжил кто-то из экипажа, чтобы она могла сменить свое единственное платье. Но и в мужской одежде Ларис сохранила пленительную грацию, и Кеттрик почувствовал хорошо знакомое ему волнение от близости чудесного тела, которое когда-то дарило ему столько наслаждений. Сейчас она лишь напряглась под прикосновением его руки и попыталась вырваться.

— Пусти меня, Джонни. Нас с тобой больше ничего не связывает. Ничего.

— Верю, — согласился Кеттрик, но не отпустил девушку. Она была так близко, что он ощущал тепло ее кожи и аромат волос. — Ты когда-нибудь любила меня, Ларис?

— Что за глупый вопрос!

— Да, наверное, глупый. — Кеттрик убрал руку. — Ладно, иди.

Он повернулся и вдруг услышал за спиной голос, пронзанный болью:

— Тебе не стоило возвращаться, Джонни. Почему ты не оставил нас с Сери в покое? Мы были так счастливы...

И с этими словами она ушла, с нескрываемым отвращением пройдя мимо Чайт. Кеттрик вспомнил, что Сери никогда не пускал тхеллов в дом, когда там была Ларис.

Чайт тихо фыркнула, но ничего не сказала. «Настоящая леда, — подумал Кеттрик, — даром что в шкуре».

Он уселся за стол, налил себе вина, но пить не стал. Так и

остался сидеть, уставившись невидящими глазами на бокал и забыв про него.

Через некоторое время он осознал, что впервые с момента своего отъезда с Земли вспомнил девушку по имени Сандра. И на душе стало чуть легче.

На следующий день корабль вышел из гиперпространства.

Перед ними горело Белое Солнце, одно из немногих горячих белых солнц в Хейдесе. Яростный свет безжалостно бил в иллюминаторы дредноута.

Счетчик радиации показывал норму. Белая звезда пребывала в полном здравии.

— Временная отсрочка... — пробормотал обрадованный и в то же время озадаченный Кеттрик. — Или ошибка?

Секма не ответил.

Они смотрели на мир криннов, плывший словно голубой мотылек в ласковом зареве солнечного света. Корабль сделал широкую дугу, изучая эту небольшую систему. Уже не было сомнений относительно того, какая планета могла быть выбрана в качестве платформы для запуска кобальтовых ракет. Два маленьких внутренних мира представляли собой наполовину расплавленные каменные шары, три внешние планеты не подходили из-за отравленной атмосферы, повышенной гравитации и невыносимого холода. И только в мире криннов можно было спокойно собрать сложное техническое устройство, нацелив его в самый центр солнца.

Сквозь просветы в облаках можно было разглядеть рельеф поверхности планеты. Кеттрик сделал сотни голографических снимков белых пустынь, черных вулканических зон, ребристых горных хребтов, мелких морей, зеленых пятен лесов и джунглей. Когда на следующем витке корабль спустился ниже, он отчетливо разглядел извилистые ленты рек и четкие полосы возделываемых полей.

В коммуникаторе капитанской рубки послышался голос радиста:

— Сэр! Срочное сообщение...

Его тут же прервал чей-то властный и уверенный голос, отчетливо слышимый даже в шипении и треске атмосферных помех:

— «Серебряное Крыло» вызывает крейсер ЗП. Здравствуйте — и прощайте, поскольку мы уже уходим. А вам советую взглянуть на приборы и поразмышлять, дорога ли вам жизнь. Вы опоздали.

Наступившую напряженную тишину развеяли слова оператора радара:

— Капитан, я зарегистрировал вспышку над южным полушарием. Похоже, яхта ушла в гиперпространство.

Люди на мостике застыли, пораженные быстротой, с которой все это произошло. Кеттрик увидел, как лицо Секмы побелело, а на лбу выступили капельки пота. Впрочем, он сам вряд ли выглядел лучше.

Под ними проплывал мир криннов, спокойный и умиротворенный. Полыхало Белое Солнце, выбрасывая в бархатную пустоту гигантские протуберанцы. Все выглядело как обычно и ничего не предвещало надвигающейся катастрофы.

И тут стрелка на счетчике радиоактивности сделала небольшой предупредительный скачок.

Глава 22

Секма первый нарушил тишину. Голос его прозвучал тихо, но достаточно твердо, словно ничего и не произошло.

— Сначала мы, как и запланировано, осмотрим дневную сторону планеты. Не исключено, что мы сможем обнаружить пусковую установку и обезвредить ее до наступления цепной реакции на солнце.

Корабельный штурман, пожилой дарван, коротко спросил:

— И сколько у нас на это осталось времени?

— По прогнозам ученых, этап, когда процесс становится необратимым, наступает приблизительно через двенадцать часов после попадания в солнце первого снаряда, — хладнокровно ответил Секма, будто бы речь шла о каких-то совершенно отвлеченных, чисто научных проблемах. — Но, к сожалению, мы понятия не имеем, когда «Роковая Звезда» выпустила первую свою ракету, так что эти подсчеты ничего нам не дают.

После наступления критического этапа, — продолжил после некоторой паузы Секма, — нарастание цепной реакции становится более стремительным. Радиация становится смертоносной уже через шесть или семь часов. Обычная корабельная защита типа нашей здесь бессильна. Поэтому...

— Поэтому, — продолжил за него штурман, — нам стоит поспешить, не так ли, сэр?

Он ничего не сказал о том, что именно нужно поспешить сделать экипажу. Но Кеттрик подозревал, что штурман имел

в виду отмену орбитального поиска, быстрое приготовление к следующему прыжку и уход в гиперпространство. Наверное, об этом же подумали все остальные члены экипажа. Их всех сдерживало только одно, и, судя по себе, Кеттрик знал, что это отнюдь не храбрость, а просто стыд — никому не хотелось первому признаться в своей слабости и трусости.

Чтобы отвлечься от мрачных мыслей, Кеттрик вмешался в разговор:

— На поиск и обезвреживание пускового устройства уйдет масса времени. А нельзя ли взорвать эту штуковину ударом из космоса?

— В принципе можно, — неохотно признался Секма. — На нашем борту есть мощные ядерные бомбы. Но тогда получится, что не «Роковая Звезда», а мы собственными руками уничтожим эту планету. Сери и Сессорн будут огорчены, но для криннов это станет слабым утешением. На такое можно пойти только в самом крайнем случае.

Он отдал по коммуникатору несколько приказов, и корабль мощно рванулся вперед. Штурман вернулся на свое место, где они со вторым пилотом начали проверять параметры исходной поисковой орбиты. Все выглядели спокойными и деловитыми, словно могучий корабль нес их к победе, а не навстречу гибели. Между тем им предстояло найти иголку в стоге сена размером с планету, в то время как Сери и его сообщники преспокойно готовятся предъявить Лиге Свободных миров жесткий ультиматум.

— Я думаю, у нас в распоряжении не так уж мало времени, — сказал он, обращаясь к капитану. — Сессорн не стал бы связываться с нами по радио, если бы это не было ему нужно. Не о нашей же безопасности он заботился, в конце концов! Нет, он наверняка опасался, что мы сможем обнаружить «Роковую Звезду», и потому решил посеять в наших сердцах панику.

Секма цинично усмехнулся:

— Ну что ж, утешай себя такими рассуждениями, Джонни, если можешь. Нам надо просмотреть из космоса полмира, только ту часть, которая ныне освещена солнцем. Как только день настанет в другом полушарии, нам придется убираться подобру-поздорову. Если у тебя возникнут какие-нибудь деловые соображения, будь другом, поделись.

— Я сделаю лучше, — сказал Кеттрик, уязвленный едким тоном капитана. — Я спущусь и завербую на эту работенку криннов. В конце концов, это их солнце. — Его позабавило

сомнение на лице Секмы. — Чего вы испугались, капитан? Что я прихвачу по пути пару драгоценных камней?

— Не сомневаюсь, что прихватишь, — проворчал Секма и внезапно улыбнулся. — Ладно, черт с тобой. Если сумеешь выманить у криннов камни, то можешь оставить их у себя. Только не забывай, если Белое Солнце вспыхнет словно костер, они тебе не очень-то понадобятся. Иди на палубу, мы подготовим посадочную шлюпку через несколько минут.

Кеттрик спустился в салон, где бездельничали Бокер, Хурт и Глеван, которых капитан пока не допустил на вахту. Впрочем, они слушали разговоры экипажа по внутреннему коммуникатору и были в курсе всего происходящего.

— Надеюсь, вы слышали, в какую петлю я засунул голову.

— Да. — Бокер торопливо складывал в сумку бутылки с вином. — Нам это пригодится, чтобы отметить победу или... или свой последний час. — Одну бутылку он бросил Кеттрику: — Держи, Джонни.

Кеттрик сунул бутылку под рубашку, ощутив холод стекла на коже.

— Выходит, вы хотите спуститься вместе со мной?

— Куда угодно, хоть в преисподнюю. Мы уже намаялись от безделья на этой замечательной посудине. Эх, сюда бы сейчас мою «Греллу»!

— А ты, Чайт?

— Идти наружу, Джон-ни?

— Да.

— Хорошо. Здесь скучно и негде бегать.

Все вместе они пошли по коридору в сторону палубы. Проходя мимо двери каюты Ларис, Кеттрик остановился.

— Мы подождем возле шлюпки, — буркнул Бокер и вместе с остальными направился дальше.

Кеттрик, почувствовав учащенное биение сердца, постучал. Шелкнул замок, и дверь каюты открылась. Ларис вновь была в своем платье. Она тщательно уложила волосы и немного подкрасила лицо, которое, как показалось Кеттрику, стало еще прекраснее. Только глаза ее оставались безжизненными и холодными.

— Я пыталась спасти тебя, Джонни, — сказала она. — Если бы корабль направился на Трейс, ты остался бы в живых. Неужели ты так ничего и не понял?

Кеттрик ласково погладил ее по плечам и покачал головой.

— Нет. Я и сейчас тебя до конца не понимаю. Кого же ты все-таки любишь, меня или Сери Отку?

— Я очень любила тебя, Джонни. Как никого и никогда. Но недостаточно для того, чтобы поехать с тобой, когда ты был выслан из созвездия. Мне жаль, что все так вышло, но я ведь никогда ничего тебе не обещала. Я всегда знала, что ты все равно оставишь меня.

— Мы еще можем спастись, Ларис, и тогда начнем все сначала.

Ему показалось, что в ее застывших темных глазах что-то мелькнуло.

— Но как?

— Если вовремя обнаружим пусковую установку и обезвредим «Роковую Звезду», прежде чем цепная реакция на солнце станет необратимой.

Он выжидательно взглянул на Ларис, но та грустно опустила глаза.

— Но я не знаю, где находится «Роковая Звезда», — ответила горько она. — Поверь, я не хочу умирать и не стала бы сейчас ничего скрывать!

Кеттрик поверил ей.

— Жаль. Делать нечего, я спускаюсь на планету, — сказал он. — Прощай, Ларис.

Она невидящим взглядом смотрела сквозь него, как будто думая о чем-то совсем далеком.

— Сери в безопасности, если тебя это может утешить, — уязвленно добавил Кеттрик.

— Сери? О да... Кто-то из вас двоих должен был умереть, и я рада, что это будешь ты. Считай это моей мстью.

— Да, — согласился Кеттрик. — Только я не умираю один. — С этими словами он слегка коснулся пальцами ее щеки — она оказалась холодной, словно лед. — Смерть сделает то, что не смогла сделать жизнь: она разлучит тебя с Сери, зато соединит со мной. Прощай, милая, и до скорого свидания — только вот не знаю, на каком свете.

Ларис в ужасе отпрянула и закрыла лицо дрожащими руками. Кеттрик вышел из каюты и, не оглядываясь, захлопнул за собой дверь.

Глава 23

Пилот шлюпки, мрачный, неразговорчивый человек, в безумной спешке высадил их в том районе, куда указал Кеттрик, и, едва дав им ступить ногой на твердую землю, умчался

обратно на корабль. Кеттрик не обвинял его. Портативный счетчик показывал, что радиация все еще в пределах нормы. И все равно ему казалось, что солнечный свет больно обжигает и ранит кожу, словно в его кошмарном сне.

Они стояли на самом солнцепеке, в пустыне, среди белых барханов. Рассвет здесь наступил три часа назад, но воздух был уже сухим и нестерпимо горячим. Вдали, у самого горизонта, над песчаными дюнами висело перевернутое отражение озера, обрамленного белыми полосами водорослей.

В противоположном направлении, на краю песчаного моря, простиралась плодородная долина шириной в несколько миль. Она змеей скользила вслед за изгибами реки, пересекающей половину континента. Далее вновь начиналась бесконечная пустыня, докатываясь до подножия высоких гор. К западу, вниз по течению реки, на равнине поднималась гряда холмов, напоминавших издали цепь старинных боевых кораблей. К востоку, вверх по течению, оазис завершался усеченным конусом небольшого вулкана, давно уже не действующего, но покрытого черными натеками старой лавы.

— Недурное местечко для нового ада, — сказал Бокер. — Здесь уже сейчас дышать нечем, а что будет, когда эта белая звезда запыхает, словно тысяча солнц!

Хурт в ответ выдал такое, отчего, казалось, даже покраснел песок. А Глеван сказал:

— Часы наши сочтены, так что давайте не будем терять времени. Я хочу встретить свой последний миг в объятиях местной красотки и с бокалом вина в руке. Пошли, чего стоим?

Они подняли рюкзаки с подарками, продуктами и фильтрами для очистки воды, захватили с собой оружие и фляги с вином и направились в сторону оазиса. Кеттрик нес также переносную рацию — это была единственная призрачная нить, связывающая их с барражирующим на орбите кораблем.

Вся группа начала спуск с крутого склона по тропинке, усыпанной коварными выскальзывающими из-под ног камушками и зыбким песком. Тропа вела к зеленому полю, расстилавшемуся внизу вдоль берега реки. Ступая по предательской почве, Кеттрик думал, что все они — и там, на орбите, и здесь, на земле, — надеются не просто на удачу. Спасти их может только чудо.

Если было бы вдоволь времени, то все можно было успеть сделать. Бортовые металлоискатели были настолько совершенными, что от них ничего не могло укрыться. Но времени не было...

Крейсер и шлюпка, сопровождающая его, должны просморгнуть целое полушарие, не пропуская ни одной квадратной мили, подвергая особенно пристальному обзору малообитаемые зоны. При этом будут задействованы все локаторы и средства визуального наблюдения. И все равно шансов разыскать «Роковую Звезду» практически нет.

Яркий солнечный свет затмит любую вспышку взлетающей ракеты, если, конечно, это не произойдет прямо под бортом корабля. Низкая облачность и огромные клубы вулканического дыма затруднят обзор обширных территорий, а горы и холмы осложнят работу радара.

Оставалось лишь надеяться на то, что Сери и его друзья слишком уверовали в собственную безопасность и недостаточно тщательно закамуфлировали пусковое устройство. Блеск металла на ярком солнце виден издали, особенно в этом полудиком мире.

Пару раз во время мучительного спуска Кеттрик включал радио. Крейсер в данный момент находился вне сферы их радиовидимости, но шлюпка все еще была достаточно близко, и Кеттрик мог поговорить с ее экипажем. Разговор оказался коротким, поскольку никаких новостей пока не было.

Воздух стал заметно более влажным, вдоль склонов долины появились небольшие виноградники. Кеттрик искал глазами местных жителей, но Чайт учуяла криннов первая, дав знать об этом ворчаньем.

Внизу показались деревья с высокими блестящими стволами и гибкими ветвями, увешанными огромными, как опахла, резными листьями. Под деревьями среди травы было заметно какое-то движение. Через секунду прямо перед ногами путников в землю воткнулось острое деревянное копьё.

Кеттрик вышел вперед, остановился возле копья и выкрикнул на наречии криннов, столь же примитивном, как язык Чайт:

— Джан будет говорить с Гнаком. Он даст Гнаку много подарков и даст подарки людям реки.

Кеттрик вытянул обе руки ладонями вверх и стал ждать без легкой тревоги. Он давно не был здесь, а у криннов короткая память. Гнака, быть может, уже давно нет в живых. Или же он просто сегодня не в духе и потому прикажет своим воинам проткнуть незваных гостей копьями.

Солнце поднималось к зениту, и жара становилась нестерпимой. Стрелка счетчика радиации медленно ползла к крас-

ной отметке, за которой излучение становилось опасным для жизни.

Наконец Гнак вышел на тропу. Кеттрик облегченно вздохнул — вождь криннов узнал его.

— Будем говорить, — сказал Кеттрик, дружески улыбаясь.

Гнак кивнул, и они вошли в гущу леса.

Деревня криннов была довольно грязной. Хижины из ветвей и огромных листьев защищали обитателей от дождя. Они были беспорядочно поставлены среди деревьев, а в самом центре деревни, на большой поляне, находилась яма для священного костра, который разжигался перед обиталищем местного божка — жутким на вид сооружением из костей и черепов. Божком служило вертикально установленное бревно, верхушка которого была увенчана глиняной уродливой головой, размазанной яркими красками и украшенной самоцветами. Кеттрик как-то насчитал около пятидесяти таких камней на ожерелье и набедренной повязке божества. Мало кто из богов созвездия был таким состоятельным.

Мужчины уселись на гостевой стороне поляны, подальше от храма. Кеттрик не отпускал от себя Чайт, строго запретив ей рычать. Тхелла покорно подчинялась, но шерсть на ее холке стояла дыбом. Чуть в стороне, возле другого костра, сгруппировались кринны, повернувшись лицом к пришельцам. Это были заросшие шерстью сутулые создания, напоминавшие доисторических людей Земли. У них сохранился хвост, поскольку их предки были обезьяноподобными, и это тоже сближало их с людьми. У криннов были зубы, предназначенные для того, чтобы рвать добычу, мускулистые руки и массивные, сильно вытянутые подбородки. От них несло резким и отвратительным запахом, одновременно человеческим и звериным. Цвет шерсти, покрывавшей их мощные тела, был разных оттенков — от черного до пятнисто-красного. Одежду из шкур носили только самые влиятельные мужчины. Они же украшали себя ожерельями из самоцветов, число которых зависело от занимаемого в племени положения. У Гнака их было столько, сколько пальцев на руках и на ногах, больше, чем у всех остальных его людей, но куда меньше, чем у глиняного божка. Однако кринны не умели сверлить камни, поэтому оправами камням служили плетенки из жил животных. Но даже в таком уродливом обрамлении самоцветы сияли необыкновенной красотой.

В соответствии с иерархией криннов Кеттрик стал раздавать мужчинам подарки. Это был обычный набор для дика-

рей из всякой всячины, включающий все, что сверкало и внутренне выглядело. Кеттрик сгорал от нетерпения, но он знал, что ни в коем случае нельзя спешить. В конце он преподнес самый значительный подарок Гнаку. Это был запасной шлем от скафандра. Кеттрик вручил его со словами:

— Я дарю это Богу, который позвал меня.

Раздался удивленный вздох. Гнак принял подарок, положил его на гору костей перед храмом и вернулся на свое место.

— Бог говорить только с Гнаком, — горделиво произнес он.

— Правильно, — подтвердил Кеттрик. — И ты сказал ему, почему мы пришли. — А про себя он подумал: «Господи, как внушить этим тупым обезьянам, что их солнце может в любой момент обрушиться на них потоки смертоносных лучей?»

— Бог сильный, как Гнак, — продолжил Кеттрик. — Он может сказать очень громко. Он может крикнуть через звезды. Он сказал мне: «Пришли злые духи в облике людей. Они стоят на моих горах. Они колдуют. Гнак, великий вождь, мой брат, видел это. Он знает это колдовство. Он знает, что они замыслили».

Маленькие глазки Гнака озадаченно округлились. Если Бог действительно так сказал, то возражать нельзя было, равно как нельзя было признаться перед всем племенем, что он не в курсе дела. Ему пришлось хмыкнуть, стукнуть себя кулаком в грудь и произнести:

— Гнак — брат Бога. Он знает все.

Кеттрик подсказал:

— Гнак знает, те злые люди приходили, чтобы убить солнце.

Гнак приоткрыл от изумления рот. По толпе мужчин пробежал взволнованный шепот. За их спинами резко заголосили женщины и дети. Инстинктивно все вскинули головы к небу.

— Они убивают солнце! — прокричал Кеттрик, входя во вкус роли деревенского прорицателя. — Они отравляют его своим злым колдовством! — Он вытащил нож Флея из-за пояса и воткнул его в грязь под своими ногами. — Они проткнут его вот так, и оно умрет. И кринны тоже умрут.

Гнак в ужасе уставился на лезвие ножа.

Кеттрик вскочил на ноги и указал рукой в небо.

— Бог и его брат Гнак спасут солнце. Они позвали нас сюда на помощь. Потому что мы знаем пути тех злых людей и можем напустить на них свое колдовство.

Веди нас, великий вождь! Говори с людьми на реке и найди тех злых людей и убей их! — Кеттрик по местному обычаю

опустился на колени перед Гнаком. — Веди нас, Гнак, туда, где злые духи колдуют с огнем и громом, с грохотом, идущим с небес и на небеса. Спешите, о вождь, и спасите солнце!

Гнак не спускал с гостя напряженного непонимающего взгляда. Кеттрик не вставал с колен. Бокер, который понимал речь криннов, толкнул в бок Хурта и Глевана, и они тоже сразу же склонили головы.

Наконец второй вождь с десятью камнями в ожерелье вскочил на ноги и, потрясая копьём, выкрикнул:

— Веди нас, Гнак!

Остальные мужчины племени слились в дружном крике:

— Гнак! Гнак!

Гордость распирала Гнака, хотя он по-прежнему ничего не понимал. Его хвост выгнулся упругой дугой. Вести вперед своих людей — это дело вождя, и само величие идеи подхлестнуло его самолюбие. Он топнул ногой, стукнул кулаком в грудь и прокричал:

— Гнак спасет солнце!

И он пошел в сторону реки, и вслед за ним потянулась добрая половина племени.

— Бог будет говорить через говорящие бревна, — поразмыслив, сказал Гнак шагавшим рядом с ним гостям.

— А если не будет? — взволновался Бокер, обращаясь к Кеттрику на галакто. — А если люди реки ничего не знают о Сери и его людях?

— Тогда ты не переживешь следующее утро, только и всего, — подбодрил его Кеттрик. — Так что успокойся и наслаждайся жизнью.

— А я буду молиться о чуде, — дрожащим голосом произнес Глеван.

Вскоре отряд спустился к реке. На ее берегу лежали выдолбленные внутри бревна различной длины, которые служили для криннов своеобразными барабанами. С помощью таких бревен могли переговариваться все племена криннов, живущие вдоль реки. Гнак взял в руки тяжелую палку и начал лупить ею по «барабанам» что было сил. А Кеттрик включил тем временем рацию, но никто не ответил на его призыв — видимо, шлюпка уже ушла из зоны слышимости.

Солнце поднялось выше, и жара стала еще сильнее. Стрелка счетчика уверенно двигалась к красной черте. Грохот первобытного телеграфа джунглей замер, захлебнувшись. На Кеттрика нахлынуло острое чувство нереальности происходящего. Он перестал бояться и даже вообще беспокоиться. Оглянув-

шись на глиняного божка, сидящего возле священного костра, он тихо произнес на галакто:

— Если подведешь своего братца, больше никаких тебе подношений, понял?

И так Кеттрик продолжал сидеть в полузабытьи, ни о чем не думая и ничего не слыша.

Его вернул к действительности Бокер, который тряс его за плечо, приговаривая:

— Очнись, Джонни. Кажется, они что-то узнали.

Глава 24

Кеттрик встрепнулся и поднял голову. Он услышал, как Гнак громовым басом возвещал, что поведал ему Бог. Его поддерживал гул голосов: «Гнак! Гнак!» Женщины заголосили, а воины стали приплясывать от восторга.

Гнак взобрался на здоровенный пенёк и с важным видом сообщил:

— Мой брат Бог сказал мне, что племя кринннов за Большими Горами видело колдовство солнцееубийц.

Кеттрик мысленно перекрестился и крикнул:

— Пускай Гнак поведет нас!

Он взглянул на своих спутников и понял, что они так же боятся поверить этому чуду.

Гнак говорил что-то нараспев. Ему вторила толпа соплеменников. Они топали ногами и воинственно взмахивали копьями, высоко поднимая дрожащие от возбуждения хвосты. Кеттрик отошел в сторону и, усевшись на одно из говорящих бревен, включил радио и вызвал на связь шлюпку.

После долгого молчания, которое показалось ему бесконечным, помощник пилота ответил на вызов. Голос его был далеким и довольно раздраженным.

— Пока нет ничего нового, — сказал он. — Ничего, кроме пыли и пылающих вулканов. Это просто ад. Я потерял связь с кораблем, но их последнее сообщение было малоободряющим.

— Зато у меня, кажется, что-то прояснилось, — сказал Кеттрик и поспешил объяснить создавшуюся ситуацию.

— Большие Горы — это цепь высоких холмов к западу от того места, где вы нас высадили. Где там живет племя кринннов, я понятия не имею. Пару раз я пролетал когда-то над те-

ми местами, но с воздуха эта страна — просто винегрет какой-то...

— Знаю, сам видел это сегодня утром, — ответил пилот. — Ладно, посмотрим на нее поподробнее, когда вновь войдем в эту зону на следующем витке в западном направлении.

Кеттрик резко возразил:

— Думаю, что вам стоит немедленно перейти на этот курс.

— Нам задал маршрут капитан, понял, Джонни? Мы не собираемся делать крюк в несколько тысяч миль из-за того, что какая-то ваша обезьяна увидела приближающуюся грозу или...

— Извержение вулкана, — подсказал Кеттрик. — Конечно, вам с высоты виднее. Большой привет.

И он отключил связь дрожащими руками. Он не имел права злиться и знал это. Знал, что помощник пилота был совершенно прав.

Туземцы тем временем вооружились копьями и направились по тропе вслед за Гнаком. Кеттрик с товарищами присоединились к этому отряду. К берегу реки уже были подтянуты две большие лодки. Кринны на воде чувствовали себя как дома. Они прекрасно плавали, охотились на речных животных. Для долгих путешествий они сконструировали нечто вроде катамаранов из двух больших, заточенных с обоих концов бревен. Река была главной магистралью оазиса, от которой ответвлялось множество притоков. Порой кринны удалялись на большие расстояния от своих деревень, пускаясь иногда в неоправданно далекие плавания, то ли из стремления к освоению новых земель, то ли из простого любопытства. Они были отважными и энергичными существами и через какой-то миллион лет могли кое-чего добиться. Если, конечно, останутся в живых.

Лодку столкнули в воду. Держа в руках длинные весла, по пятнадцать криннов оседлали каждое бревно «катамарана». Гости разместились на соединительной платформе. Вместе с ними уселась и Чайт, которая все время была настороже, но послушно следовала за Кеттриком. Кринны решили не обращать на нее внимания, но ей не слишком удавалось отвечать им тем же. Кеттрик склонился к ней и сказал:

— Потерпи, скоро все кончится.

Кринны принялись молотить веслами воду. На каждом бревне сидел рулевой, который выкрикивал: «Ух! Ух! Ух!», отмеряя ритм гребли. Гребцы поймали заданный темп, и оба

«катамарана» устремились вниз по течению по направлению к Большим Горам.

«Вот мы какие, — иронически заметил про себя Кеттрик. — Задрав хвосты, наша маленькая компания отправляется спасать солнце».

И вновь его охватило странное ощущение нереальности происходящего. «Я уже когда-то проделывал это путешествие», — вспомнил он. Действительно. Он уже сидел среди криннов, управляющих примитивным катамараном, смотрел им в волосатые спины и видел ритмичные движения весел, сверкающих на солнце. Мимо него уже когда-то проплывали изумрудные берега реки, которая дышала влажным теплом, а хвосты отважных моряков точно так же аккуратно задирались, спасаясь от брызг.

Дежа вю...

Лодки неслись быстро, но солнце все равно обгоняло их, спеша к зениту навстречу своей гибели. Больное, умирающее солнце... Кеттрику показалось, что его свет стал неестественным, бледным и призрачным. Высокие холмы нависали над рекой, их крутые склоны казались боками огромных животных, ободранными до костей. Вдоль реки темной полосой простирался лес, полный странных звуков и криков неведомых птиц. Вдалеке, в южной части неба, появился грозовой фронт, сверкая изгибистыми молниями. Гребцы без устали то сгибались, то распрямлялись под ритмичные выкрики рулевых, взбивая длинными веслами желтую пену. А над всем царило белое солнце, которое постепенно превращалось в Звезду Смерти.

Высоко в небе внезапно появилась ослепительно сияющая точка. Вскоре она спустилась ближе к земле, и Кеттрик с радостью увидел, что это летит шлюпка, расправив серебристые крылья.

Кринны тоже заметили ее и сразу же сбились с ритма, крича, что это солнцееубийцы. Кеттрик стряхнул с себя оцепенение и, перекрикивая общий шум, попытался объяснить, что это Бог посылает им помощь, о которой просил Гнак. Затем он поспешно включил рацию.

Помощник пилота по-прежнему ворчал, но все же объяснил:

— Мы решили вернуться этим путем, просто для разнообразия. Ты говорил, что надо поглядеть к западу от цепи холмов? Какова, по-твоему, территория поиска?

— Не слишком большая, где-то поблизости от русла реки.

— Хм-м... вижу горстку каких-то существ возле крутого изгиба реки. Они, кажется, заметили нас. Это, вероятно, и есть то самое племя, с которым разговаривал твой волосатый дружок.

Шлюпка сделала разворот и стала спускаться, скрывшись из виду за холмом, который еще не обогнули «катамараны».

— Черт-те что, — жаловался пилот. — Не планета, а головка протухшего сыра. Старые кратеры, потоки застывшей лавы, изуродованные расщелинами плато...

— Вы что-нибудь видите подозрительное? — спросил Кеттрик по передатчику. — Что-нибудь?

Он чувствовал на себе напряженные взгляды Бокера, Хурта и Глевана, сидевших рядом.

— Пока ничего. Мы продолжаем спускаться. — Долгая пауза. — Нет... — Потом послышался негромкий обмен репликами между пилотами. — Ничего. — Снова тишина, за которой последовало усталое: — Ну ладно, хватит. Здесь нам делать нечего, так что...

Но тут его перебил хриплый возглас первого:

— Посмотри!

Его помощник после небольшой паузы удивленно вскрикнул.

Рация внезапно замолчала. Были слышны лишь шорохи и треск атмосферных помех. Кеттрик тряс рацию, перебирал все частоты, кричал до хрипоты, пока не понял, что ответа не будет. Радиосвязь со шлюпкой была окончательно нарушена.

— Парни, наверное, потерпели аварию, — встревоженно сказал Бокер. — Или приземлились. Вопрос в другом — что они увидели? Эту проклятую установку или что-то еще?

Кеттрик пожал плечами. Он не стал отключать приемник. А два «катамарана» тем временем продолжали неспешно плыть по широкой и извилистой реке к Большим Горам.

И вот солнце перевалило через зенит и начало свой скорбный путь на запад.

Часа через два на правом берегу показалась цепь высоких холмов. Гребцы заметно оживились, а Гнак встал и, потрясая руками, стал что-то громко выкрикивать. Сделав последний поворот, лодки причалили к пологому берегу, где их уже ждала большая толпа туземцев. Впереди всех стоял вождь, такой же красавец, как и Гнак.

Кеттрик подождал, пока оба вождя не произнесут все полагающиеся приветствия, и потом только сказал:

— Гнак и Хурр — великие вожди. И потому Бог сказал им, что нужно спасти солнце. Где Хурр видел колдовство солнцееубийц?

Хурр, мускулистый кринн со множеством шрамов и двадцатью самоцветами в плетеном ожерелье, показал в сторону леса.

— Колдовство было на Черной Горе.

— Гнак поведет нас, — сказал Кеттрик. — И Хурр тоже. Они поведут нас быстрее ветра.

В путь отправились более сотни мужчин-криннов, вооруженных самым примитивным оружием. Вместе с ними шли четверо людей в сопровождении могучей Чайт. Вожди постепенно перешли на бег, и их воины, вытянувшись в цепь, последовали за ними вверх по пологому склону. Чайт легко поспевала за ними. Люди же, чьи силы были ослаблены достижениями цивилизации, вскоре выдохлись. Пришлось им принять помощь самых крепких воинов, которые по очереди несли их на руках, задыхаясь от тяжелой ноши.

Так они пересекли лес и продолжали бежать по раскаленной пустыне, где из-под камней то и дело с шипением выскакивали испуганные ящероподобные создания. Отряд миновал реку застывшей лавы, по которой были разбросаны огромные валуны. Полукругом к западу и северу стояла цепь древних потухших вулканов. А на юге, на краю плоского каменистого плато, возвышалась Черная Гора.

Она действительно была черной от старой лавы и останков обгорелого леса на склонах. Но вскоре на темном фоне вспыхнула яркая точка, послышался грохот двигателя, и в небо вонзилась серебристая стрела ракеты.

— «Роковая Звезда», — тихо произнес Кеттрик, не веря собственным глазам.

Толпа дикарей остановилась. Воины показывали пальцами на склон горы и на небо и возбужденно кричали.

— Колдовство! Колдовство! — вопил Хурр.

Гнак колотил себя в грудь и выкрикивал что-то с яростью и испугом. Остальные потрясали в воздухе копьями. Кеттрик облизнул пересохшие губы и, набрав полные легкие воздуха, изо всех сил прокричал:

— Они запускают копия в солнце! Солнцеубийцы! Убить! Убить!

— Убить! Убить! — кричали дикари. Они бросились вперед, словно стая волков, завидевшая добычу.

— Там некого убивать, — сказал Глеван.

— Кто-нибудь наверняка остался возле пусковой установки, — возразил Кеттрик. — Им все равно, кого растерзать. — Он посмотрел на солнце и на заметно удлинившиеся тени. — Сколько еще до заката?

— По крайней мере часа два, — ответил Бокер. — Может, три. — Он взглянул на Черную Гору, пытаясь оценить расстояние, которое им предстояло преодолеть. — Будем надеяться, что все-таки три. Если тебе, конечно, не удастся вызвать корабль. — Бокер с ненавистью посмотрел на захлебывающийся шумами помех приемник.

— Пока не удается, — зло процедил Кеттрик и выключил рацию. — Нам стоит рассчитывать только на самих себя.

— А что же случилось со шлюпкой? — спросил Хурт, тяжело дыша и едва поспевая за друзьями. — Должно быть, они увидели взлетающую ракету. Но что произошло потом?

— Сейчас не о них надо думать, — сказал Кеттрик.

Он заметно устал и в конце концов бросил рацию, которая стала помехой движению. Он бежал из последних сил, спотыкаясь о камни, ослепленный солнечным заревом, а впереди с воплями неслась зловонная толпа дикарей, у которых шерсть слиплась от засохшего на солнце пота. Тени стали еще длиннее, но Черная Гора была по-прежнему далека от них. Через час в небо взмыла очередная стрела, нацеленная в раненое солнце. Кеттрик чувствовал себя совершенно опустошенным. Не было ни тревоги, ни волнения, ни даже обыкновенного интереса. Все свелось к одному: он должен был добежать до определенного места, и ни до чего другого ему сейчас не было дела.

Наконец перед ним вырос крутой, испещренный трещинами и выбоинами склон. По нему уже ловко взбирались кринны. Кеттрик понял, что это и была Черная Гора, и тут же ощутил смертельную усталость. Однако ему удавалось хоть и медленно, но преодолевать метр за метром, приближаясь с каждой минутой к плоской вершине горы. Чайт, которая тоже не слишком хорошо лазила по скалам, не отставала от него.

Кринны первыми добрались до вершины. И тут же стали оступаться и падать с дикими воплями.

Чайт взволнованно произнесла:

— Джон-ни!

Но он уже и сам увидел, что на вершине стояли люди, стреляющие в карабкающихся вверх дикарей.

Кеттрик заорал:

— Прижимайтесь к склону! Ближе друг к другу!

Он не знал, слышал ли его кто-то. Кринны вопили, выкрикивая боевые кличи. Некоторые продолжали карабкаться вверх, разгоряченные близостью врага. Другие нерешительно остановились, их ярость и злоба уравнивались страхом перед могущественным оружием, от которого плавился камень и сгорали, словно факелы, их соплеменники. Кеттрику казалось, что еще минута-другая — и они бросятся врассыпную.

Кеттрик как можно плотнее прижался к скале, вытащил из-за пояса пистолет и начал стрелять в обороняющихся людей, силуэты которых вырисовывались на фоне темнеющего неба. Их было немного, не более десяти. Бокер и товарищи последовали его примеру. В воздух то и дело взлетали копья, однако они падали, не долетая до вершины, не причинив никому вреда. Правда, одно из них попало в Кеттрика, уколов его пониже спины.

Злобно выругавшись, он поморщился от боли и выстрелил почти наугад. Одна из фигур на вершине внезапно покачнулась и рухнула вниз. Тут же с болезненным криком его сосед согнулся пополам, выронил бластер и упал на колени. Остальные оборонявшиеся отпрянули. Огонь сверху начал стихать и прекратился совсем тогда, когда третий стрелок, целившийся в Кеттрика, схватился за раненую руку.

Кеттрик закричал:

— Гнак поведет нас! Убить! Убить!

И снова начал карабкаться по отвесной скале. Кринны воинственно взвыли и бросились вперед, молотя в воздухе хвостами. Бокер что-то прокричал, но Кеттрик не расслышал слов. Бокер и Глеван медленно позли вслед за туземцами вперед, а Хурт остался на месте. Он как будто внезапно устал от битвы и, свернувшись калачиком, заснул меж камней. Кеттрик дважды позвал его, прежде чем понял, что Хурт мертв.

Край плоской вершины теперь нависал над его головой. Первая волна криннов уже преодолела последний барьер. Продолжали раздаваться выстрелы, перемешиваясь с воинственными кличами дикарей. Кеттрик перевалился через каменный козырек и сразу же прижался к земле, спрятавшись за труп кринна.

Оборонявшиеся люди отступили к сооружению, возвышавшемуся в центре столообразной вершины. Лишь на мгновение

Кеттрик рискнул выглянуть из-за трупа, но он все же сумел разглядеть контуры необычной установки и сразу же догадался, что это такое. Теперь было ясно, почему пилоты шлюпки заметили ее только тогда, когда была выпущена ракета.

Плоская вершина горы была черной от старой лавы, что и дало название всей горе. И «Роковая Звезда» была абсолютно черной, включая ракеты, размещенные в кассетах. А сверху над вспомогательными устройствами была еще наброшена черная камуфляжная сетка, делавшая «Роковую Звезду» невидимой для любых локаторов и металлоискателей.

В нескольких десятках метров от «Роковой Звезды» стояла посадочная шлюпка, также накрытая «сеткой-невидимкой». Поначалу Кеттрик подумал, что это шлюпка с их дредноута, но потом заметил различие в размерах и форме. По-видимому, это была шлюпка с «Серебряного Крыла». А это означало, что демонстративное исчезновение яхты в гиперпространстве было просто обманным маневром.

Семеро оставшихся в живых людей стеной загородили установку от атакующей толпы, делая залп за залпом. А в это время зарядный механизм медленно подавал очередную ракету, и казалось, ничто не может ее остановить. Кринны, израсходовав впустую все свои копья, начали отступать, падая под лучами бластеров один за другим. Некоторые поспешили спрятаться за крупными камнями, а кое-кто с испуганными воплями начал спускаться по крутому склону.

Кеттрик не сразу понял, что тело, которое защищало его от выстрелов, было телом Гнака. Ожерелье из драгоценных камней сверкало и переливалось на шее мертвеца. Это заметили кринны, что вызвало дружный вопль отчаяния и страха.

Вдруг Чайт истошно взвыла и помчалась вперед быстрее ветра, низко пригнувшись к земле. Кринны, увидевшие это, вскрикнули от удивления и бросились врассыпную. Возможно, это отвлекло на секунду внимание человека, который стоял чуть впереди своих шестерых товарищей и перезаряжал бластер. Так или иначе, он чуть запоздал и выстрелил, когда Чайт была в прыжке. Она завизжала от боли, но ее вытянутые вперед лапы с выпущенными острыми когтями не промахнулись. Всем телом Чайт обрушилась на жертву и вцепилась зубами в горло.

Кеттрик издал хриплый вопль, на который может быть способно только животное. Он вскочил и бросился вперед, делая выстрел за выстрелом. Рядом с ним раздавались другие вы-

стрелы — это в атаку бросились Бокер и Глеван. Двое из оборонявшихся упали, остальные отступили под натиском воспрявших духом криннов.

Кеттрик не видел окончания схватки. Он склонился над окровавленной Чайт, глаза которой уже затуманила предсмертная поволока.

Она едва слышно прошептала:

— Не убить, Джон-ни.

Она действительно не убила свою жертву. Сери был еще жив, хотя когти тхеллы изуродовали его лицо и грудь. Чайт с огромным трудом привстала, потерлась головой о плечо Кеттрика знакомым жестом выражения любви и преданности. Тхелла попыталась произнести его имя, но оно замерло на ее губах.

В кассете «Роковой Звезды» оставались еще две ракеты. До пуска очередной из них оставалось шесть минут, когда Бокер и Глеван отключили питание и не дали родиться Звезде Смерти.

Глава 25

Была глубокая ночь. В небе медленно плыли две луны, освещая землю призрачным светом. Кеттрик шел по широкой тропинке, ведущей прочь от деревни, которая когда-то принадлежала Гнаку. Его сопровождали десятки криннов, мужчин и женщин, распевавших протяжные песни в честь своего нового вождя Джана, пришедшего со звезд, чтобы наказать проклятых солнцеебейц. Джан, он же Кеттрик, не возражал против такой чести, поскольку ему досталось по наследству ожерелье вождя. Правда, в нем осталось только восемнадцать самоцветов, поскольку два камня были принесены в дар Богу в память о погибшем Гнаке.

В деревне все еще горели костры и гремели барабаны, оповещая жителей, что великий вождь Джан возвращается к себе домой на звезды. Вместо себя он оставлял смышленного крепыша по имени Храк. Сам Джан был пьян и должен был быть невероятно счастлив тем, что стал вождем криннов после победы над солнцеебейцами. Но у Кеттрика было тоскливо на душе. Ему не хватало серой тхеллы, которая, словно тень, следовала за ним по пятам, а сейчас ушла навсегда.

На вершине обрыва он остановился и попрощался со своими братьями-криннами, обещая им вернуться. А затем про-

должил путь в одиночестве через пустыню, туда, где, сверкая огнями, стоял могучий крейсер, которому так и не пришлось вступить в бой.

«Серебряное Крыло» появилось в небе перед закатом, спустя два часа после того, как была обезврежена «Роковая Звезда». Кеттрику и его друзьям грозила неминуемая гибель, но в это же время рядом с заходящим солнцем возникла яркая точка. Невысоко над землей летел крейсер, услышавший призыв о помощи, посланный с борта яхтовой шлюпки. «Серебряное Крыло» исчезло через несколько мгновений, на этот раз уже окончательно.

Секма узнал все подробности заговора, но не от Сери, а от другого участника событий, чудом уцелевшего в бою. А затем весь экипаж крейсера поднялся на гору, где вскоре прозвучал оружейный салют в честь погибших людей и криннов. Туземцы после этого унесли своих мертвых, чтобы сжечь их в общем погребальном костре, а на плоской вершине горы тем временем выросли две пирамидки из черных лавовых камней. Хурт и Чайт остались здесь навсегда.

После долгих поисков удалось разыскать и шлюпку. Она была сбита людьми Сери и рухнула в такое глубокое ущелье, что даже кринны не рискнули спуститься туда, чтобы достать из-под обломков тела погибших пилотов.

Кеттрик шел по еще прохладному белому песку и вспоминал свой последний разговор с Сери на месте боя, там, где его настигла Чайт. Очнувшись, Сери едва слышно прохрипел, глядя на него с ненавистью:

— Если бы ты вернулся... хоть на день раньше... я бы своими руками прикончил тебя... и эту проклятую бестию тоже... Будь ты проклят, Джонни...

Теперь Сери был заперт в одной из кают крейсера, где верная Ларис залечивала его раны. Но второй выживший в бою человек оказался весьма разговорчивым, и Секме удалось выудить у него большое количество имен. Оказалось, что в проекте «Роковая Звезда» были задействованы очень влиятельные люди с разных планет, включая и Землю.

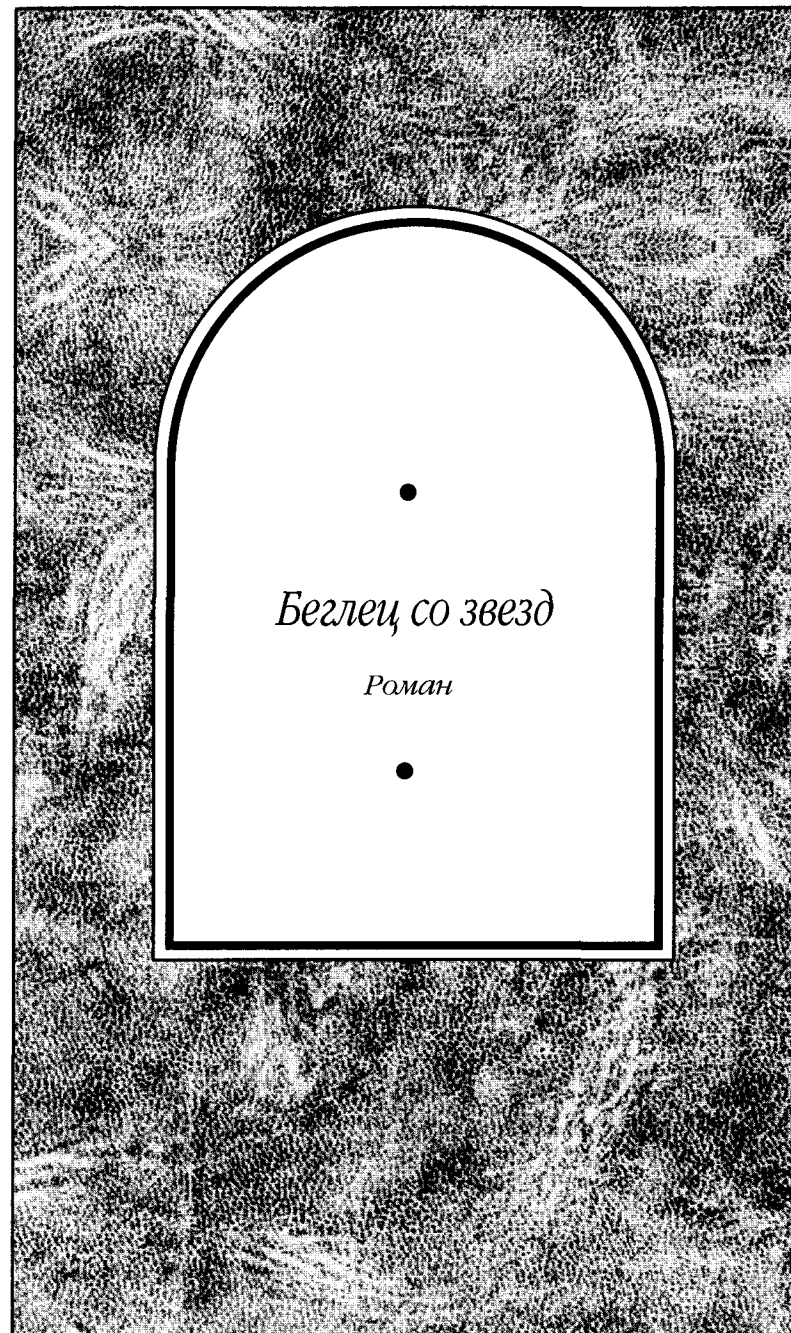
— Многие из них наверняка сумеют открутиться, — сказал тогда Секма. — Адвокаты и взятки сделают свое грязное дело. Но Звезда Смерти никогда больше не вспыхнет в небе!

Кеттрик обернулся и обвел прощальным взглядом оазис и цепь Больших Гор. На них лежал серебристый лунный отблеск, который тускнел с каждой минутой. Восточная часть

неба наливалась багрянцем, и звезды в темно-синем небе гасли одна за другой, словно свечи, задутые прохладным утренним ветерком. Могучий корабль стоял посреди пустыни, залитый огнями прожекторов, и ждал Кеттрика.

Прошло несколько минут, и над долиной пронесся рев и грохот взлетающего звездолета. Кринны проводили взглядами трепещущее красное пятно, быстро затерявшееся среди последних утренних звезд.

А затем возшло солнце.

Глава 1

Что это такое — полет к звездам? Падение с беззвучным воплем ужаса сквозь хаос борющихся в пустоте космоса гравитационных сил, потеря всех привычных четырех измерений, сжатых, растянутых, перекрученных невидимыми руками чужих и враждебных солнц?

Но на все это можно взглянуть и совершенно иначе. Космический полет — это одиссея по бескрайнему океану Вселенной, мимо волшебных островов, освещенных разноцветными чужими звездами; странствие по бескрайним садам Гесперид, от одного дерева с золотыми яблоками к другому, от тайны к тайне.

«Плохи мои дела, — подумал первый пилот Хорн с кривой усмешкой, — раз я мало изменился с тех времен, когда мне было четырнадцать и мир я воспринимал сквозь розовый флер романтики».

Миновало восемнадцать лет с тех пор, как мальчишка из Коннектикута, грезивший о звездах, впервые увидел их через иллюминатор пилотской кабины, теперь десятки парсеков лежали за плечами матерого астронавта. И все же в глубине его души осталось что-то от чувства благоговения, с которым он когда-то смотрел на мигающую бриллиантовую россыпь. Сейчас, в начале очередного рейса, ему было особенно приятно разделять свое восхищение с Винсоном — вторым пилотом «Королевы Веги», новичком в космосе. Хорн специально взял большую часть работы при старте на себя, чтобы Винсон смог побольше времени провести возле иллюминатора, впитывая в себя чудесные ощущения первого рейса. И Хорн знал — эти воспоминания останутся у Винсона навсегда. Конечно, то, что видел сейчас второй пилот, не было истинной картиной Вселенной, а лишь ее отретушированной и приукрашенной электронной версией. Да иначе и быть не могло —

ведь космолет двигался во много раз быстрее скорости света, и потому из обычного иллюминатора можно было увидеть вместо звезд лишь множество размазанных бледных пятен. Психологи установили, что пилотам было бы трудно управлять кораблями, опираясь только на показания радаров, и поэтому место обычных иллюминаторов заняли экраны, создававшие привычную для человеческого глаза картину звездного мира. Хорн за предыдущие рейсы вдоволь насмотрелся на фантастические красоты галактики, но ныне и он не мог скрыть своего восхищения.

«Королева Веги» летела вдоль одного из отрогов галактики, где побывали немногие из кораблей Федерации. Здесь роились огромные скопления звезд: дымчато-красных, бледно-зеленых, ярко-белых и желто-оранжевых — пугающих и манящих, словно миражи в пустыне. Это были очень опасные места, поскольку тут, вдали от традиционных галактических трасс, редко встречались радиомаяки и станции сопровождения. Отрог Алламара находился на самом краю галактики и, миновав его, корабль оказался бы на берегу бескрайнего океана пустоты, в глубине которого маняще сиял ближайший из островов — галактика Андромеды...

Хорн сказал, обращаясь к Денману — третьему человеку, находившемуся в кабине:

— Пять или шесть раз я пилотировал корабли в отроге, но ни разу не видел на этих диких мирах ничего, кроме посадочных площадок, да и то в течение всего нескольких часов. Знаете, я завидую вам.

— Зря, — сухо ответил Денман. Это был невысокий седоволосый человек с усталыми глазами и тревожным выражением лица, которое у него не исчезало весь путь. Не принадлежа к экипажу корабля, он не имел права находиться в пилотской кабине. Но Денман являлся представителем Федерации, и капитан Вэск предоставил ему полную свободу.

— Что — зря? — спросил Хорн.

— Зря завидуете, — пояснил с угрюмой усмешкой Денман. — Для вас отрог Алламара — лишь романтический, полный тайн район галактики. А на самом деле это просто дикая головная боль. И для меня лично, и для Федерации.

Винсон понимающе кивнул.

— Не сомневаюсь, что именно так и обстоит дело. Насколько я знаю, эти примитивные миры не входят в состав Федерации, хотя и рассчитывают на ее защиту в случае внешнего вторжения, войн и тому подобных вещей. Но планеты Феде-

рации так далеко отсюда. А тут на каждом шагу натыкаешься то на болтовню насчет суверенитета, то на замшелые традиции и обычаи прапрадедов... Верно?

Денман удивленно приподнял брови.

— Отлично, — с удовлетворенным видом сказал он. — Вы правы, мой начитанный мальчик. Только не видя все это своими глазами, не узнаешь и половины правды о том, что творится на этих богом забытых планетах. — Задумавшись, он через некоторое время продолжил с мрачным видом: — Мне предстоит провести в качестве наблюдателя целых три месяца на Алламаре. Очень надеюсь, что я еще останусь жив, когда за мной прибудет следующий корабль.

Хорн был поражен.

— Останетесь живы? Странно. Я думал, что гуманоиды на всех этих далеких мирах дружелюбно относятся к людям.

Денман кивнул.

— Да, когда-то так и было. Но сейчас что-то странное происходит в отроге. Потому-то меня и послали сюда. Что — волнения на Алламаре? Нужен опытный наблюдатель? Послать туда старину Денмана. Он тертый калач, во всем разберется. Если останется цел...

Денман замолчал, явно недовольный внезапной вспышкой своего раздражения. Он вновь повернулся к иллюминатору, на котором среди россыпей звезд появились красная искра Биннотха, двойные золотые солнца Вира и еще ближе — бело-голубой факел Алламара.

Винсон, нахмурившись, спросил:

— Но вас, конечно же, пригласили на Алламар-2? Иначе Федерация не рискнула бы послать в отрог своего представителя.

— Да, они пригласили, — рассеянно ответил Денман. — Не все аборигены, конечно, а только часть их руководства. Но они могли и передумать...

Он замолчал и вновь погрузился в свои мысли, не обращая внимания на вопросительный взгляд Винсона.

Хорн посмотрел на своего молодого помощника:

— Займись-ка делом.

Винсон взглянул на хронометр и, торопливо вскочив на ноги, направился к навигационному блоку. В маршевом режиме корабль летел под управлением киберштурмана, который был связан с главным компьютером. Однако даже электронный мозг мог время от времени ошибаться, и поэтому следовало периодически проверять работу всех приборов. Винсон,

как новичок, очень ревностно относился к своим обязанностям. На него можно было положиться, и Хорн перевел взгляд на Денмана.

— Я мало что знаю о проблемах взаимоотношений Федерации и отрога...

Денман кивнул.

— Естественно, — сказал он.

Хорн недовольно нахмурился:

— Все верно — ведь я всего лишь пилот. И все же я чувствую, что могу поскользнуться на ровном месте, если так и буду пребывать в полном тумане. Скажите, волнения в отроге... они как-то связаны со слухами о неопознанных кораблях, которые время от времени появляются в этом районе?

— Да, это так, — согласился Денман и после долгой паузы добавил: — Вы не раз бывали в отроге, так что я могу быть откровенным. Причина всех странных событий в этом районе галактики одна: рабы.

Хорн задумчиво пожевал губы — уж очень странным показалось ему то, о чем говорил Денман. Но Винсон сразу же обернулся и с удивленным видом уставился на представителя Федерации.

— Рабы? Вы хотите сказать, что неопознанные корабли совершают тайные рейды за рабами-гуманоидами?

— Именно так, — сказал Денман. — Одно неясно: кому и зачем понадобились эти бедные дикари с различных планет. Но кое-какие сведения об этом дошли до руководства Федерации. И там решили: пошлем старину Денмана, пускай засуетит голову в это дерьмо и разберется, что к чему.

Хорн недоверчиво покачал головой:

— За три-то месяца?..

Закончив проверку навигационного блока, Винсон вновь вернулся на свое место у пульта управления.

— Ничего не понимаю. Ведь есть же законы, запрещающие работоторговлю! В конце концов, Федерация имеет крейсеры. Почему бы не послать их патрулировать отрог и не прекратить все эти безобразия?.. — Спыхватившись, он обратился к Хорну: — Блок проверен, сэр. Все в порядке.

Денман улыбнулся:

— Вы сказали не подумав, мой мальчик. Патруль здесь, за пределами цивилизованных миров, будет иметь большие проблемы с горючим и припасами. Ни на одной из местных планет нет баз Федерации, ясно?

Винсон кивнул:

— Куда яснее. Нет баз — нет и патруля.

Денман, жестко сощурившись, взглянул на желто-оранжевую звезду, сияющую чуть в стороне от отрога.

— Скеретх — вот ключ к этим мирам! Если бы его включить в состав Федерации... Но пока этого сделать не удастся. Туземцы не желают поддерживать с нами постоянную связь. Они спорят друг с другом, колеблются, выжидают... Поэтому вместо того, чтобы послать мощный дипломатический корпус, в отрог направляют меня — полуофициально, и всего лишь для «выяснения ситуации».

Хорн начал понимать, почему Денман выглядел таким огорченным и раздраженным.

— На обратном пути мы остановимся на Скеретхе, чтобы принять на борт нескольких пассажиров. Я слышал...

— Знаю, знаю, — поморщился Денман. — Группа специальных посланников направляется на Вегу, чтобы начать переговоры о вхождении Скеретха в Федерацию. Надеюсь, что из этого выйдет толк. Но мне это не поможет. На бюрократическую волокиту уйдет уйма времени, а на практические шаги вроде постройки баз понадобятся, быть может, целые десятилетия. — Он грустно покачал головой: — Нет, я могу надеяться только на себя. После Алламара-2 я собираюсь года два странствовать по мирам отрога, используя для этого грузовые судна и все прочее, что подвернется под руку. Конечно, если я останусь к тому времени еще жив.

— Вы говорили о рабах, — напомнил ему Хорн.

— Да. Я попытаюсь разобраться в этом темном деле. Но даже если мне удастся напасть на след этих бедолаг, они вряд ли смогут мне помочь побывать на своих родных мирах. К тому же они наверняка здорово напуганы и обижены на целый свет. Э-эх...

Денман вздохнул и с ненавистью посмотрел на переливающийся бриллиант далекого Алламара.

— Хотел бы я быть сейчас самым распоследним пьяницей... — пробормотал он.

По окончании своей вахты Хорн уступил место первого пилота Винсону, а сам пошел в каюту, чтобы немного вздремнуть. Но сон долго не приходил к нему. Лежа на койке, он ощущал корабль как продолжение своей плоти, а гул двигателя — как биение собственного сердца. Ему было хорошо и покойно, и только разговор с Денманом почему-то не выходил у него из головы. Похоже, этот маленький человек взялся

за слишком большое дело. Наверное, он был холостяком с мягким, покладистым характером — иначе начальство вряд ли взвалило бы на него столь тяжелую ношу. Таким бедолагам всегда предлагают самую грязную работу, и максимум, что те могут себе позволить, — это слегка поворчать на несправедливость руководства. Хотя и не исключено, что Денман излишне драматизирует ситуацию и те опасности, которые ему якобы угрожают в отроге.

Позднее, когда Хорн вел корабль к Алламару-2, следуя по лучу автоматического маяка, он уже не был столь уверен в своей оценке Денмана. Однажды Хорну уже приходилось бывать на этой планете. Пять лет назад корабль землян был встречен немыслимым грохотом барабанов, визгом и воем местных музыкальных инструментов, лесом разноцветных флагов, искусно сделанных из ярких перьев и листьев. А закончилась та торговая сессия немыслимой пьянкой, о которой он до сих пор вспоминал с содроганием.

На этот раз праздником и не пахло. «Королева Веги» приземлилась на совершенно пустынном посадочном поле. После того как дым и пыль рассеялись, спустили трап. По нему сошли капитан Вэск, Хорн, один из офицеров и Денман. Их никто не встретил. Свежий ветер принес издали запах снега.

Оглядевшись, Хорн указал в сторону леса, окружавшего посадочное поле. Там, на опушке, стояла группа туземцев. Обитатели Алламара-2 были высокой расой — ростом около трех метров. Мужчины отличались плотным телосложением и густым меховым покровом рыже-коричневого цвета. Огромные глаза украшали их лица, почти всегда унылые, освещавшиеся улыбками лишь в дни больших праздников.

На этот раз туземцы выглядели непривычно настороженными. Они стояли плотной шеренгой в тени деревьев, держа в руках примитивное оружие из дерева и камня. Среди них не было ни женщин, ни детей — только крупные и сильные, как на подбор, мужчины. Очевидно, вид звездного корабля вызывал у них робость, но у землян не было желания смеяться над этими полудикарями.

Денман шумно вздохнул.

— Вы видите? — безнадежным тоном спросил он, а затем пошел по направлению к туземцам, держа перед собой руки с поднятыми вверх ладонями и приветствуя их на алламарском языке. Туземцы ответили ему, а затем навстречу гостю из-за деревьев вышла группа из пяти человек. По их одежде с

пышным орнаментом Хорн понял — это вожди. Поговорив о чем-то с Денманом, они все вместе пошли к кораблю. На краю посадочного поля туземцы остановились, не желая идти дальше.

Денман взял в руки свой багаж и сказал, обращаясь к Вэску:

— Хотите пойти и поговорить с ними? Это облегчит задачу следующим кораблям Федерации, которые прилетят сюда.

Вэск кивнул и пошел вместе с Денманом в сторону леса. Обменявшись с туземцами несколькими фразами на галакто, он вернулся с весьма озабоченным видом. А худощавый, выглядевший несчастным Денман махнул им рукой и зашагал в глубь леса, сопровождаемый огромными мохнатыми фигурами алламарцев.

Вэск покачал головой, провожая их взглядом.

— Что-то здесь неладно, — сообщил он своим спутникам. — Туземцы явно чем-то огорчены и чего-то очень боятся. Похоже, все эти разговоры насчет торговли рабами — не пустой слух.

Хорн вздохнул, с жалостью глядя на Денмана.

— Не хотел бы я быть в его месте, — сказал он. — Хотя Денман — человек опытный, и я уверен, что он все сделает наилучшим образом.

Но на самом деле Хорн вовсе не был в этом уверен. Поднимаясь в корабль по трапу, он подумал: черт побери, как все несправедливо в этом мире! Бедняге Денману предстоит жить среди дикарей в этом богом забытом отроге, ежедневно рискуя жизнью, а мы... Ну высадимся на Скеретхе, возьмем на борт группу посланников — и вперед, к цивилизации со всеми ее замечательными и приятными благами!

Позднее он не раз вспоминал этот эпизод и не переставал удивляться тому, что у него не было тогда ни малейших неприятных предчувствий. Даже мурашки не пробежали по его спине, когда он усаживался в кресло пилота. А напрасно...

Глава 2

На Скеретхе человек мог лишь раз в жизни увидеть солнце или насладиться волшебным сиянием звезд. Все остальное время планета была окутана плотным покровом облаков, поэтому многие обитатели этого сумрачного мира долго не могли поверить в существование Вселенной. Это своеобразно отразилось на психологии аборигенов.

В портовом городе Скамбар явно не нуждались в звездах или в одинокой луне Скеретха, чтобы те освещали улицы ночного города. Их отсутствие вполне восполняло сияние тысяч огней, делавших Скамбар похожим на любой другой портовый город в цивилизованной части галактики. Центр украшали прямые улицы и новые многоэтажные здания, а на окраинах, как обычно, беспорядочно громоздились пластиковые хибары, магазинчики, таверны, игорные притоны и сомнительные заведения с плотно зашторенными окнами. По ночам, в радужном сиянии огней эти кварталы выглядели еще более или менее прилично, но днем, в сумрачном рыже-коричневом свете облаков окраины Скамбара казались грязными и неустроенными. Впрочем, для астронавтов, которые провели долгие месяцы в космосе, скамбарский Шанхай казался едва ли не волшебной страной.

Винсон пребывал в восхитительном настроении, что было вполне естественно для новичка. Хорн постарался провести его по всем лучшим развлекательным заведениям Скамбара, которые он обнаружил здесь в свой прежний прилет. В этих тавернах танцевали исключительно гуманоидные девушки, и некоторые из них, завидя знакомое лицо, улыбались и приветственно кричали: «Джим! Джим!» Хорну это льстило, так же, как и восхищенные взгляды Винсона. В перерывах между танцами красавицы подсаживались к ним за стол, пили вместе с астронавтами самые дорогие вина, так что к концу приятного вечера карманы у обоих друзей изрядно полегчали.

Этот факт немало поразил молодого пилота, когда он в очередной раз расплачивался за выпивку. Поймав его изумленный взгляд, Хорн с усмешкой сказал:

— Помни, парень, что ночи на Скеретхе длятся в три раза дольше, чем на Земле, и к концу их можно растратить в местных тавернах целое состояние. К тому же эта бледно-зеленая дрянь, которую мы пьем, способна заставить даже слона встать на уши.

— А по вкусу она похожа на простую содовую, — сокрушенно покачал головой Винсон.

— Вот именно! — хохотнул Хорн. — Выпьешь глоток — и сразу почувствуешь, как в твоей голове мозги зашипят и забулькают!

Хорн возлежал на подушках из искусственной шерсти и наслаждался теплом и покоем. Зал в этой таверне был большим, с низким потолком и без единого окна в массивных стенах. Вокруг разливался тусклый колеблющийся свет матовых

светильников. Было душно, звучали приглушенные голоса и смех. Потягивая вино из высокого бокала, Хорн думал о бедняге Денмане. Наверное, он сейчас живет в какой-нибудь замшелой деревушке в лесах Алламара-2 среди мохнатых грязных аборигенов. Бр-р-р! Хорн сделал еще один глоток, мысленно пожелав седовласому посланнику удачи.

В центре зала вспыхнул свет. Под чарующие звуки музыки на округлую арену взошла девушка, неся на плече плетеную корзину. Красавица не относилась к человеческой расе, и ее голубая фигура была шокирующе обнажена. Винсон сразу же шумно задышал. Девушка тем временем поставила корзину на пол, склонилась над ней свою серебристую голову, а затем открыла крышку. В воздух немедленно взмыло множество золотистых шариков размером с голубиное яйцо.

Музыка убыстрила свой ритм. Девушка начала танцевать, и золотые шары закружились вокруг нее, то скользя по изгибам ее обнаженного тела, то собираясь в гроздья, то создавая шлейф, подобный хвосту кометы. Наконец девушка подняла руки, и шары сияющим водопадом упали в корзину. Свет в центре зала на мгновение погас, а когда он вновь вспыхнул, девушка уже исчезла.

Раздались шумные аплодисменты, крики «браво!». В это время Хорн увидел, как к ним направляются двое юношей. Судя по вьющимся светлым волосам и бледным лицам, они были аборигенами. Подойдя ближе, юноши с нескрываемым уважением стали разглядывать эмблемы Федерации на форменных кителях обоих астронавтов.

— Вы из экипажа «Королевы Веги»? — спросил один из юношей, и когда Хорн кивнул, юноша добавил:

— Разрешите угостить вас выпивкой?

Хорн улыбнулся и сказал, что они с Винсоном не возражают. Парни уселись рядом на подушках и после тоста в честь гостей стали с любопытством расспрашивать о профессии астронавтов. Их интересовало, сколько платят членам экипажей, каковы условия работы и прочее. Ответив, Винсон с удивлением заметил:

— Но на что вам все это? Насколько я знаю, Скеретх не входит в состав Федерации, и потому ваши корабли не летают дальше отрога.

— О, Скеретх скоро войдет в Федерацию! — ответил один из юношей. — Моривенн полетит на Вегу на вашем корабле. Мы думали, что вам известно об этом.

Хорн зевнул.

— Честно говоря, парни, нас это мало интересует, — заявил он.

Винсон возмущенно взглянул на него.

— Нет, мы кое-что слышали об этом, — запротестовал он. — Кажется, вы собираетесь послать на Вегу посланников. Но конкретно мы действительно ничего не знаем. Кто такой он, этот Моривенн?

— Лидер профедеративной партии Скеретха, — объяснил юноша по имени Дюрин. — На нашей планете так долго царствовали настроения изоляционизма, что люди даже слово боялись сказать о Федерации. Но сейчас это время пришло!

Его друг по имени Мик улыбнулся.

— Если переговоры закончатся успешно, то со временем мы получим право стать членами экипажей ваших кораблей. Вот будет здорово! Нам до смерти надоели наши маленькие тихоходные транспорты, которые только и делают, что снуют взад-вперед по отрогу. А мы, молодежь, грезим о Веге, Альтаире и сотнях других далеких миров.

— Точно! — поддержал его Дюрин. — Скажите, а что за девушки живут на Веге?

— А какого типа тебе нравятся? — хохотнул Винсон и дружески похлопал его по плечу. — Только скажи, мы найдем любую.

Молодой пилот был вегианином и весьма гордился этим. Дюрин завистливо посмотрел на него.

— Наш Скеретх обязательно войдет в Федерацию, — убежденно произнес он и мечтательно закрыл глаза, словно представляя, как на вегианском космодроме его обступает целая толпа экзотических красавиц.

Хорн шумно рыгнул. От местного вина у него страшно разболелась голова. Он начал задыхаться в жарком, душном зале таверны.

Поднявшись с подушек, он расплатился с хозяином заведения, а затем дружески пожал руки молодым туземцам.

— Благодарю за выпивку, — сказал он. — Кто знает, может, когда-нибудь мы будем служить на одном корабле. — Хорн укоризненно взглянул на блаженно возлежавшего на подушках Винсона. — Дружище, я собираюсь подышать свежим воздухом. Напоминаю, ночи здесь длинные, так что будь добр, не забудь вовремя вернуться на корабль.

Винсон ухмыльнулся и поманил к себе сразу двух танцовщиц.

— Постараюсь, но это будет нелегко, Джим, ведь мне теперь достанутся сразу обе девушки!

Двое молодых туземцев не собирались расставаться с Хорном.

— Если разрешите, мы прогуляемся вместе с вами по городу, — предложил Дюрин. — Неподалеку отсюда находится квартал людей редкой расы — мы называем их Ночными Птицами. Вы когда-нибудь бывали там?

Хорн отрицательно покачал головой.

— О, тот кто не видел Ночных Птиц, тот не видел и Скеретха! — воскликнул Дюрин. — Пойдемте, мы вас проводим.

Винсон заинтересовался:

— Что это такое — квартал Ночных Птиц? — слегка заплетаясь языком спросил он.

— Это место, где обитают Ночные Птицы, — ухмыльнулся Мик.

— Логичное объяснение. А что такое Ночные Птицы?

— Птицеподобная раса, жители далекого севера Скеретха. На тех широтах царит вечная ночь, и потому эти существа ведут ночной образ жизни, выходя на работу в космопорт и город лишь с наступлением темноты.

Хорн махнул рукой.

— Что ж, я обожаю всякого рода экзотику. Винсон, пойдём с нами!

Молодой пилот колебался. Ему не хотелось оставлять уютную таверну и двух очаровательных, на все готовых девушек, но и на таинственных Ночных Птиц он также не прочь был взглянуть. Наконец он решился и, поцеловав девушек на прощание, догнал у двери Хорна и двух туземцев.

Ночной воздух был свеж и насыщен запахами цветов. Но улицы окраин по-прежнему выглядели грязными и неудобными. Дюрин и Мик вели своих новых друзей по городским лабиринтам, без умолку рассказывая о местном образе жизни и об обычаях коренных обитателей Скеретха. Понемногу гудение в голове Хорна улеглось, и он стал чувствовать себя лучше.

— Это зеленое пойло — лучшая выпивка в галактике, если его умело употреблять, — сказал он Винсону.

Молодой пилот улыбнулся в ответ. Он жадно разглядывал силуэты окружающих зданий, словно хотел на всю жизнь запомнить свою первую прогулку по городу на самом краю галактики. Вскоре они вошли в квартал Ночных Птиц. Дома здесь стояли совсем ветхие, но их неважный внешний вид

скрашивался мягким голубым светом уличных фонарей. Из распахнутых окон доносились свистящие звуки необычной музыки. Вскоре на перекрестке им встретилась небольшая группа странных существ, хрупких и грациозных, с тонкими конечностями и белыми плюмажами на птицеподобных головах. Винсон замер на месте, провожая Ночных Птиц возбужденно блестящими глазами. Хорн не без зависти подумал: «Черт побери, как бы я хотел поменяться годами с этим парнем! Перед ним разом открылась вся галактика, полная чудес и приключений».

— Сюда, — сказал Мик, указывая на соседнюю, укутанную мраком улицу.

Не прошли они и нескольких шагов, как им навстречу из темноты вышли четверо или пятеро рослых мужчин и загородили дорогу. Один из них подошел к Винсону и небрежно ткнул пальцем в плечо, где на кителе находилась эмблема космического флота.

— Федерация, — мрачно произнес незнакомец.

Это был не вопрос, а констатация факта. Хорн вздрогнул, предчувствуя неизбежную драку, и крепко сжал кулаки.

Он улыбнулся и попробовал пройти мимо, но незнакомец схватил его за рукав.

— Федерация! — крикнул туземец, и его товарищи отозвались злым, угрожающим ворчаньем.

— Послушайте, парни, — нервно сказал Мик. — Мы не хотим никаких неприятностей...

Еще несколько человек вышли из-за соседнего здания и преградили астронавтам путь к отступлению.

— Да послушайте же вы... — срывающимся от волнения голосом пробормотал Мик, но на него не обратили внимания. Один из мужчин подошел к нему и с силой хлопнул по спине.

— Если ты, сопляк, был бы хоть немного старше, я тотчас свернул бы тебе шею! — рявкнул он. — А ну убирайтесь, юнцы!

Мик и Дюрин переглянулись и, повернувшись, словно бы растаяли в темноте. Астронавтам же отступать было некуда. Хорн тихо выругался. Он и прежде не раз замечал на Скеретхе антифедералистские настроения, но обычно до рукоприкладства дело не доходило.

На всякий случай он все же спросил:

— В чем дело, друзья? Может быть, вы разрешите нам пройти?

— Сначала поговорим, — ответил один из туземцев. Он

толкнул Хорна к стене ближайшего здания и резко произнес: — Если не хотите неприятностей, господа хорошие, то немедленно сматывайте удочки со Скеретха. И впредь не вздумайте морочить людям головы у нас в отроге.

Винсон облизнул пересохшие губы и хрипло спросил:

— Насколько я понимаю, вам не нравится, что ваша делегация направляется на переговоры на Вегу?

Ответ был очевиден, и потому никто не произнес ни слова.

— Тогда почему бы вам не поговорить с Моривенном и его людьми? — продолжил Винсон.

— А потому, — усмехнулся туземец, — что этих сволочей здесь нет, а вы — есть.

— Логично, — ответил Винсон и ударил незнакомца в челюсть.

Глава 3

Завязалась тяжелая драка. Астронавты пытались уйти с боем, но максимум, что им удалось, это выбраться на середину улицы. Хорн впоследствии смутно помнил о своих действиях в ту роковую ночь. Кажется, он сломал одному из нападавших челюсть удачным апперкотом. Винсон, как оказалось, обладал отлично поставленным ударом слева и угощал им пострадавших от души. Хорн также старался не отставать, но через несколько минут кто-то ударил его сзади по голове то ли палкой, то ли бутылкой, и он на время вырубился.

Когда он очнулся, туземцев с улицы словно ветром сдуло. Наклонившись, Винсон протянул руку, помогая встать.

Нет, не Винсон. Кто-то другой.

Это был молодой мужчина с интеллигентным лицом и добрыми, озабоченными глазами.

— С вами все в порядке? — произнес он на галакто.

Хорн со стоном поднялся, опираясь на руку незнакомца, и сразу же огляделся в поисках Винсона.

— Эй, Винсон, — хрипло произнес он. — Винсон!

Туземец покачал головой.

— Здесь нет никого, кроме вас, мистер.

— Винсон! — тревожно крикнул Хорн и пошел, пошатываясь, вдоль улицы, внимательно оглядывая мостовую.

Молодой туземец нагнал его и поймал за рукав.

— Эй, мистер, подождите! Я помогу вам.

Хорн остановился, покачиваясь и постанывая от невыно-

симой головной боли. Его сильно тошнило, кровь струилась по левому виску из саднящей раны. Вскоре его сознание немного прояснилось, и он услышал чьи-то стоны и невнятную брань, доносившиеся откуда-то из темноты.

Юноша осмотрелся и уверенно показал в сторону аллеи, идущей между кварталами темных, мрачных зданий. Хорн то-ропливо пошел туда, спотыкаясь о неровно уложенную брусчатку. Туземец без раздумий последовал за ним.

Возле одного из подъездов на мостовой лежал человек. По светящейся эмблеме на его плече Хорн понял — это Винсон! Над ним склонился кто-то из туземцев и, судя по угрожающе поднятой руке, собирался нанести очередной удар. Волна ужаса накатилась на Хорна, он попытался крикнуть, но из его груди вырвался лишь сдавленный хрип.

Бжавший рядом с ним юноша засунул пальцы в рот и пронзительно свистнул. Напавший на Винсона человек вздрогнул, поднялся и попытался убежать, но юноша, рванувшись, быстро настиг его. Завязалась драка. В одном из окон здания зажегся свет, и только тогда Хорн заметил, что его спаситель одет в форму астронавта Скеретха.

Напавший на Винсона получил несколько мощных ударов и упал на мостовую, оглашая воздух испуганными воплями. Через минуту-другую из-за домов выбежали его друзья и бросились на помощь. Хорн отбивался изо всех сил, но он был еще слишком слаб и вряд ли смог бы долго выстоять в этой неравной схватке. Зато скеретхский астронавт оказался опытным и умелым бойцом. Уложив на мостовую нескольких противников точными ударами, он вновь пронзительно засвистел, и чуть позже с другого конца аллеи послышался топот бегущих ног и шум встревоженных голосов. Группа нападавших немедленно пустилась в бегство. Едва стоявший на ногах Хорн увидел, как мимо него промчались пять или шесть человек в форме астронавтов Скеретха, горящих желанием отомстить за друга. Через минуту аллея опустела.

Юноша-астронавт крикнул вслед друзьям, чтобы они немедленно вызвали «Скорую помощь», а сам вместе с Хорном склонился над поверженным Винсоном. Тот был сильно избит, но все еще был в сознании и мог говорить:

— Похоже... я свалил дурака... когда бросился вдогонку за тем... типом... — сдавленно прохрипел Винсон и закашлял, содрогаясь всем телом. — Он... он оказался сильнее меня...

— Это не имеет значения, — встревоженно произнес Хорн. — Как ты себя чувствуешь, дружище?

— Пока... не знаю... — прошептал тот и потерял сознание.

— Не беспокойтесь, скоро подъедет машина «Скорой помощи», — сочувственно произнес молодой туземец.

Хорн крепко пожал ему руку.

— Благодарю, — сказал он. — Без вашей помощи нам пришлось бы совсем плохо.

— Извините, что не смог подоспеть пораньше, — ответил юноша. — Меня зовут Ардрик.

— Джим Хорн.

Они вновь пожали друг другу руки.

— Хочу попросить прощения за этот печальный инцидент, — грустно произнес Ардрик. — Народ у нас разный и по-разному относится к идее вхождения Скеретха в состав Федерации. Некоторые из антифедералистов стали настоящими фанатиками.

— Я вижу, — усмехнулся Хорн, вытирая платком кровь с разбитого лица.

— Эти люди считают, что Скеретх потеряет свой суверенитет и что мы окажемся под железной пятой чужаков, живущих где-то на другом конце галактики. Они боятся перемен, боятся недобросовестности наших будущих союзников, которые могут превратить нашу планету в колонию. Но такие вещи, как это безжалостное избиение... Мне стыдно за них!

Хорн кивнул, понимая чувства Ардрика. Возникла неловкая пауза, и чтобы как-то выйти из нее, он спросил:

— А где же Ночные Птицы? Ведь именно из-за них мы и пришли в эту часть города.

— Большинство находится на работе, — ответил Ардрик. — А те, кто остался дома... знаете, этот народ не любит вмешиваться в посторонние дела.

— Но они могли бы по крайней мере вызвать полицию, — проворчал Хорн, недовольно оглядывая темные здания.

— О нет, кто угодно — только не Ночные Птицы! Им на всех наплевать. Но если что-нибудь случается с людьми их расы, то они действуют очень быстро и решительно.

Спустя несколько минут подъехал фургон «Скорой помощи». Санитары уложили окровавленного Винсона на носилки и погрузили в машину. Хорн еще раз поблагодарил молодого астронавта за помощь и уселся на скамейке рядом с носилками. Ардрик попросил:

— Можно, я поеду с вами в госпиталь? Хочется узнать, как обстоят дела у вашего друга.

Хорн, конечно же, не возражал. Вынув из кармана комму-

никатор, он связался с капитаном Вэском и доложил ему о случившемся. Когда машина прибыла в госпиталь, медсестра занялась его ранами. К счастью, Хорн легко отделался, чего нельзя было сказать о бедняге Винсоне.

Через некоторое время к госпиталю подъехала машина. Из нее вышел Вэск и еще несколько астронавтов. Капитан выглядел очень взволнованным и сердитым. Хорн рассказал ему подробности, но настроение Вэска после этого ничуть не улучшилось. И тем не менее он дружески улыбнулся, пожимая руку Ардрику.

— Спасибо за помощь, — сказал он и внимательно посмотрел на эмблему на рукаве кителя Ардрика. — Выходит, вы служите в торговом космолоте Скеретха?

— Да, — ответил молодой человек. — Я — помощник пилота. По вашей терминологии это нечто вроде второго пилота.

— Отлично! — воскликнул Вэск. — Это очень кстати. Бедняга Винсон — ваш коллега. А на каком корабле вы сейчас служите?

Ардрик погрузился.

— Увы — сейчас ни на каком.

— Остались без работы? — понимающе кивнул Вэск. — Что ж, такое в нашем деле случается нередко... Пойдите, не уходите. Давайте вместе подождем решения врачей. Быть может, у нас на «Королеве Веги» появится вакансия.

Они уселись в креслах в вестибюле госпиталя и стали ждать. Минут через двадцать к ним вышел немолодой врач с усталым лицом.

— Ничем не могу вас порадовать, — сказал он, обращаясь к капитану. — Молодой человек получил серьезные ранения. Контузия средней тяжести, перелом левой берцовой кости... Лечение займет не один месяц.

Хорн огорченно покачал головой. Ему нравился молодой, жизнерадостный Винсон. Надо же, первый рейс — и такая неприятность! Однако на самом деле все могло закончиться куда хуже. Если бы Ардрик и его друзья вовремя не подоспели на помощь, они с Винсоном могли погибнуть.

Вэск выглядел очень расстроенным. Попрошавшись с врачом, он сразу же направился к выходу. Но на улице он остановился и, повернувшись, пристально взглянул на Ардрика.

— Мы не можем отправляться в дальний рейс без второго пилота. Как насчет того, чтобы войти в состав нашего экипажа? Вы не возражаете, молодой человек?

Ардрик счастливо улыбнулся и вынул из кармана кителя бумажник.

— Хочу ли я? — произнес он. — Да я об этом всегда мечтал! Вот мои полетная карта, медицинская справка и удостоверение помощника пилота.

Вэск внимательно изучил бумаги, а затем с удовлетворенным видом кивнул. Ардрик подходил им по всем статьям.

На следующее утро «Королева Веги» взлетела со Скеретха. Ардрик сидел рядом с Хорном в пилотской кабине и восхищенным взглядом разглядывал пульт управления огромным кораблем. Хорн использовал каждую свободную минуту, чтобы помочь своему новому помощнику освоить некоторые незнакомые для молодого астронавта тумблеры и кнопки пульта. Он был рад хотя бы таким образом отблагодарить Ардрика за помощь. Даже Винсон, которого еще ночью перевезли в медицинский отсек корабля, желал своему преемнику успеха, хотя он, конечно, был очень огорчен печальным итогом своего первого полета в космос.

Когда настал момент выводить звездолет на курс, Хорн сказал:

— Мы летим на Арктур-3. Второй пилот, действуйте.

Ардрик вспыхнул от удовольствия. Достав из картотеки информкристалл с программой полета на Арктур, он вставил его в приемное гнездо киберштурмана, а затем включил навигационный блок. Вскоре на дисплее высветились сотни цифр, говорящие о готовности систем корабля к дальнему перелету. Хорн кивнул разрешающе, и Ардрик застучал пальцами по кнопкам пульта управления, подготавливая корабль к уходу с орбиты Скеретха.

Закончив работу, он с облегчением вздохнул и откинулся на спинку кресла.

— Первый барьер взят, — глухо произнес он.

Хорн внимательно взглянул на него. Только сейчас он заметил, что в темно-синих глазах молодого пилота было что-то мрачное, совершенно не вяжущееся с его юным обликом. Кстати, нечто подобное он заметил и во взглядах Мика и Дюрина. Странно, раньше он не замечал у жителей Скеретха ничего подобного. Может быть, дело в каких-то мутациях органов зрения?

Ардрик, словно угадав его мысли, добродушно улыбнулся и сказал:

— Никогда не думал, что полечу так далеко в глубь галактики — на саму Вегу! Конечно, если Скеретх войдет в состав Федерации, то для наших астронавтов откроются двери в большой космос. Но я всегда считал, что к этому времени я стану глубоким стариком, и особенно не обольщался на этот счет.

Хорн кивнул:

— Можете считать, что вам повезло. Кстати, не вы один мечтаете о большом космосе. В трактире мы с Винсоном познакомились с двумя парнями — Миком и Дюрином. Это они привели нас полюбоваться на квартал Ночных Птиц. Так вот эти парни говорили, будто бы Моривенн сможет значительно ускорить вхождение Скеретха в состав Федерации.

— Верно, — согласился Ардрик. — Моривенн пользуется большим влиянием у нас на планете. Если его миссия на Вегу закончится успехом, то все может измениться в лучшую сторону.

— Я хотел бы с ним познакомиться, но Моривенн и его три спутника не выходят из своих кают, — посетовал Хорн. — И чего они боятся у нас на борту?

Губы Ардрика раздвинулись в холодной улыбке.

— Например, фанатика-антифедералиста с оружием в руках, — пояснил он. — Один точный выстрел — и колесо истории покатится в другую сторону. Второго Моривенна на Скеретхе нет, и его партия может быстро развалиться.

Отвернувшись, Ардрик стал любоваться звездами, сияющими в иллюминаторе. Впрочем, Хорн скоро понял: нет, на восхищение это не похоже. Ардрик выглядел взволнованным, но вряд ли причиной этого была панорама звездных россыпей. Казалось, молодой астронавт что-то обдумывал и просчитывал...

«Чушь, глупость, — сразу же отверг свои подозрения Хорн. — Люди, поселившиеся на дальних мирах, со временем неизбежно должны как-то меняться. Много ли я знаю о жителях Скеретха? Нет. Скажем, у многих мужчин из этого мира я заметил странную привычку часто плотно сжимать губы. Поначалу мне казалось это признаком их сурового нрава, но вскоре я убедился — ничего подобного! Они просто немного другие, чем мы, вот и все. А что касается Ардрика, то он, безусловно, классный профессионал, и это главное. И совсем не обязательно лезть ему в душу с расспросами».

Ардрик неожиданно произнес:

— Знаете, я себя чувствую не совсем в своей тарелке. Мой

отец — ярый антифедералист. Страшно представить, что он почувствует, когда узнает, что его сын помог привезти Моривенна на Вегу!

Прошло несколько дней. Корабль летел в гиперпространстве, направляясь к Арктуру-3. На этой планете должны были высадиться чиновники из консульской службы Федерации, сменявшие часть персонала местного посольства. Разгрузив несколько тонн груза и взяв на борт новый, звездолет должен был взять курс в центр галактики, к Веге.

С каждым часом Арктур сиял все ярче и ярче, постепенно занимая обзорный экран, и наконец затмил все остальные звезды.

— Я бывал здесь прежде, — сказал Ардрик. — Могу посадить корабль даже с закрытыми глазами.

Хорн нахмурился.

— Уверен, что можете, но порядок есть порядок. Такие вещи должен делать только первый пилот.

Ардрик пожал плечами.

— Хорошо. Только не забывайте о метеоритных роях, которых полным-полно вблизи Арктура-3. Однажды я служил на корабле, где главным пилотом был человек опытный, но ни разу не летавший в этой части галактики. Он немного не рассчитал, и — бью! — мимо нас пронесся огромный метеорит, едва не коснувшись кормы. До него можно было, казалось, дотянуться рукой!

Хорн учел слова своего молодого друга. Метеоритные рои появлялись в системе Арктура периодически и были тщательно отмечены на местных звездных картах. В киберштурман была записана вся необходимая информация, так что во время проведения тормозных маневров у пилотов не должно было возникнуть особых проблем.

«Королева Веги» величественно наклонила носовую часть, словно бы приветствуя оранжевый шар Арктура, а затем медленно перешла на спиралевидную траекторию, которая должна была вывести корабль через три стандартных дня на орбиту третьей планеты системы.

Первый день прошел без особых происшествий.

Второй также начался очень спокойно. В обеденное время Хорн и Ардрик находились на вахте, и потому еду им принес стюарт прямо в рубку. Кораблем управлял по-прежнему киберштурман, но за его деятельностью был необходим по-

стоянный надзор. Внешняя ситуация была непростой — сказывалось влияние гравитационных полей Арктура и его планет, а также наличие в этой части пространства большого числа отдельных, незарегистрированных крошечных метеоритов, которые невозможно нанести на карты.

Стюарт пришел вновь и принес две чашки кофе и бокал бренди специально для первого пилота. Хорн мог сейчас себе такое позволить, его вахта подходила к концу. Еще раз проверив показания навигационных приборов, он выпил бренди и, пожелав Ардрику удачи, направился к своей каюте. Она располагалась всего в дюжине шагов от рубки и на случай тревоги была связана с ней специальной коммутационной связью.

Хорн разделся и улегся на койку. Он начал размышлять о следующем опасном участке траектории, когда корабль пройдет в непосредственной близости от крупного метеоритного потока, но внезапно ощутил сильную сонливость и провалился в темное небытие...

Он очнулся от панического рева сирен и тревожных криков бегущих по коридору людей. Кто-то с силой затряс его за плечо, но он почему-то не смог даже шевельнуться. Тогда его начали хлестать по щекам, пытаясь привести в чувство. Даже сквозь болезненный туман, окутывающий сознание, Хорн ощутил ненависть набросившегося на него человека.

С трудом разодрав слипшиеся веки, он увидел искаженное злобой лицо Вэска. Хорн напрягся и вымолвил непослушными губами:

— Что... произошло?

Вэск разразился проклятиями, а затем сказал что-то насчет метеоритного потока.

— Поток? — удивился пилот. — Но... он появится только на следующем витке, когда настанет моя вахта...

Капитан схватил его за плечи и рывком стащил с постели.

— Уже больше часа прошло, как настала твоя вахта, ты, пьяный ублюдок! Иди в пилотскую кабину, скотина, и попытайся сделать хоть что-нибудь, если сможешь!

И он добавил что-то про Ардрика, но Хорн не расслышал. Слова капитана заглушили скрип переборок корабля, топот бегущих ног и лязг люков на палубе спасательных шлюпок.

Собравшись с силами, Хорн встал на ноги и побрел в сторону пилотской кабины. Каждый шаг давался ему с огромным трудом — колени подгибались, в животе ощущалась острая резь, тошнота то спадала, то опять усиливалась, вывора-

чивая его наизнанку. А затем корпус корабля вновь затрясся от могучего удара.

Вновь? Разве такое уже случалось недавно? Хорн не мог вспомнить, но тело его, казалось, помнило об агонии металлических конструкций, которая началась еще во время его странного, болезненного сна.

Огни в коридоре внезапно погасли, пол накренился. Хорн упал и, заскользив на спине в сторону кабины, провалился во тьму небытия.

Глава 4

Он услышал голоса задолго до того, как полностью пришел в себя. Открывать глаза он не стал, надеясь, что темнота вновь поглотит его, на этот раз навсегда. Но такого подарка от судьбы он не получил, и потому ему пришлось волей-неволей выслушивать отчаянный детский крик и рыдание женщины. Остальные голоса принадлежали мужчинам. Одни из них что-то вяло и неразборчиво бормотали, другие яростно ругались, третьи пытались что-то рассказать, но не могли даже закончить фразы: «Я шел к складу, и тогда...», «А мы с Майком только что вышли из машинного отсека, и вдруг переборка разорвалась, точно бумажная... Майка мигом унесло в космос... Господи, да от него же ничего не осталось, ничего!».

Хорн набрался мужества и заставил себя открыть глаза.

Он лежал на полу в спасательной шлюпке. Здесь, кроме него, находилось человек двадцать. Среди них был и Вэск, с уродливой раной, пересекавшей левую щеку. Он смотрел на Хорна оцепеневшим взглядом.

— Что случилось? — прохрипел пилот, сам не узнавая своего голоса.

Ответом ему был дружный вопль ненависти. Несколько мужчин вскочили на ноги, явно собираясь расправиться с Хорном, но Вэск остановил их повелительным движением руки.

— Стойте! Я спас его не для того, чтобы устраивать самосуд. Свое он получит, и столько, что мало не покажется. Но только не сейчас.

Мужчины успокоились, хотя продолжали бросать на пилота злобные взгляды. Похоже, все происшедшее их настолько обескуражило, что у них просто не хватило сил на споры со своим капитаном.

Вэск вновь повернулся к лежащему на полу Хорну и указал рукой на иллюминатор.

— Вот что случилось.

Но Хорн уже и сам увидел сияние звезд, медленно плывущих в вечной космической тьме. Двигатель ровно гудел, а это означало, что шлюпка вышла на маршевый режим.

— Многим ли шлюпкам удалось уйти? — упавшим голосом произнес Хорн.

— Только нашей одной. Здесь на борту восемнадцать человек. Считай сам, сколько жизней ты загубил.

Пилот сглотнул, ощутив во рту горький привкус крови.

— Я... я погубил? — дрожа всем телом, спросил он. — Бога ради, капитан, скажите — что произошло?

Все находившиеся в шлюпке смотрели на него холодными, уничтожающими взглядами. Никто не произнес ни слова.

— Постойте... — пробормотал Хорн, пытаясь собраться с мыслями. — Помню, что перед тем, как смениться на вахте, я выпил бокал бренди. Разве я мог от этого опьянеть?

Лицо Вэска по-прежнему было словно окаменевшим, и Хорн, не выдержав, почти жалобно спросил:

— Так что же случилось?

— Метеоритный рой, — неохотно пояснил Вэск. — Мы врезались прямо в него.

Хорн в изумлении уставился на него,

— Но это невозможно! Мы должны были пройти от роя по крайней мере в пятнадцати тысячах километров!

— Не морочь нам голову, Хорн. Ты сам прокладывал курс и забыл учесть рой, чертов идиот!

— Откуда вы можете это знать? — возмутился пилот. — Я верно рассчитал курс, ручаюсь.

Вэск продолжал, словно бы не слыша его слова:

— Если бы Ардрик был опытным пилотом, он мог бы вовремя обнаружить твою ошибку. Но он впервые управлял таким кораблем и потому растерялся. А ты... ты напился допьяна и ушел! Молодой Ардрик пытался изменить курс, но у него не хватило на это времени.

— Нет, курс я проложил верно! — продолжал упрямо настаивать Хорн. — Пятнадцать тысяч километров в сторону от роя — за это я ручаюсь. Мы никак не могли войти в рой!

— И тем не менее это произошло, болван! — рявкнул Вэск. — И в живых благодаря тебе осталось только восемнадцать человек.

Хорн дрожал всем телом, ощущая на себе озлобленные

взгляды. Он попытался собраться с мыслями, и когда это удалось, он этап за этапом восстановил схему расчета курса корабля. У него тогда было все необходимое: карты окрестностей Арктура-3, координаты движения метеоритных потоков, планетарное время...

Он не мог совершить ошибку!

— Я сделал все правильно, — решительно произнес Хорн. — Как обычно, я продублировал все расчеты, понимаете? И только затем ввел их в автопилот. Перед тем как уйти с вахты, я убедился, что корабль вышел на расчетный курс. Все шло так, как должно было идти, я ручаюсь!

Вэск мрачно усмехнулся.

— Ты сделал все так хорошо, что со спокойной совестью оставил корабль на неопытного Ардрика.

— Капитан! — проникновенно произнес Хорн. — Я выпил только один бокал бренди, и лишь после того, как закончил все расчеты. Ардрик может подтвердить.

Он замолчал, только сейчас сообразив, что молодого пилота не было в шлюпке.

Вэск брезгливо заметил:

— Речь идет вовсе не об этом несчастном бокале, а о двух бутылках — пустых бутылках, которые я нашел в твоей каюте.

Хорн вздрогнул.

— Что? Какие бутылки?

— Я наткнулся на них возле твоей койки, — пояснил Вэск. — Ты храпел, словно свинья, и от тебя несло, как из кабака. Ардрик же умер как настоящий мужчина, пытаясь вывести корабль из роя. — Вэск наклонился над лежащим на полу Хорном, впиваясь в него пронзительным взглядом. — Мой корабль развалился на части, понимаешь, ты, проклятый пьянчуга? Погибли девяносто семь членов экипажа и тридцать восемь пассажиров, включая женщин и детей. Я хотел бы разорвать тебя на клочки, Хорн, и разбросать кишки по всему космосу!

Хорн ничего не ответил. Он просто не знал, что сказать, чувствуя себя подавленным и ошеломленным. А спасательная шлюпка тем временем продолжала двигаться к Арктуру-3, медленно спускаясь в облачный покров планеты. Пассажиры прильнули к иллюминаторам, и лишь у Хорна не было сил подняться на ноги. Он продолжал лежать на полу с закрытыми глазами и пытался стряхнуть с себя пелену ужасных, шокирующих сомнений. «Мог ли я сделать ошибку в расчетах? — лихорадочно размышлял он. — Знаю, что не был пьян, но мог ли я напахать в выборе курса?» Ответа на этот вопрос не бы-

ло, и тогда он начал фрагмент за фрагментом собирать картину недавних событий.

В иллюминаторах шлюпки показалась панорама поверхности Арктура-3, материка которого большей частью были покрыты густыми лесами с редкими прожилками горных хребтов. Впервые после катастрофы пассажиры оживились, надеясь на скорый конец своим мучениям. В это время мозг Хорна наконец заработал, и он обрел способность самостоятельно оценить все происшедшее.

«Итак, в катастрофе погибли девяносто семь членов экипажа и тридцать восемь пассажиров. Среди них находились восемь человек со Скеретха — Моривенн, члены его делегации и Ардрик. Антифедералистов на борту корабля не было...

Впрочем, это еще не факт. Кто-то же подбросил мне в каюту бутылки из-под бренди! Да и не мог я так вырубиться от одного-единственного бокала...»

И тут он неожиданно вспомнил свой вопрос: «Многим ли шлюпкам удалось уйти?» Капитан ответил: «Только нашей одной». Черт побери, откуда Вэск мог это знать наверняка?

Мозг Хорна продолжал напряженно работать, анализируя все детали происшедшего, и вскоре выдал свое заключение: «Хорн, дружище, все, что ты пил в тот злосчастный день — это были чашка кофе и бокал бренди. Значит, либо в то, либо в другое был подмешан наркотик. И ты не случайно отключился, едва добравшись до своей каюты. В результате Ардрик остался в пилотской кабине один и мог делать все, что угодно, не опасаясь контроля со стороны первого пилота».

А почему, собственно говоря, он должен был следить за своим помощником? Ардрик спас жизнь Винсону. Может быть, он спас от расправы и его, Хорна. По счастливой случайности Ардрик появился ночью в квартале Ночных Птиц и вместе с друзьями дал отпор распоясавшимся антифедералистам. А затем оказалось, что он был по профессии пилотом, и это выручило экипаж «Королевы Веги». Для молодого жителя Скеретха все складывалось как нельзя удачно. Зачем же ему было уводить корабль с курса навстречу метеоритному рою?

Может быть, он хотел таким путем уничтожить Моривенна? Но Ардрик мечтал о том, что Скеретх войдет в состав Федерации!

Вернее, так он говорил.

На самом деле все могло обстоять совершенно иначе. И быть может, не случайно на лице Ардрика появилось столь жестокое выражение, когда он смотрел на звезды. Молодой пилот

мог в этот момент думать о людях, которые должны вскоре умереть вместе с Моривенном ради того, чтобы Скеретх сохранил независимость и не вошел в состав Федерации.

А вся эта история началась раньше — когда два паренька подошли к ним с Винсоном в таверне и поставили гостям выпивку, а затем уговорили пойти в квартал Ночных Птиц...

Черт побери, да ведь они привели нас туда, где нас уже поджидали! И место для этого было выбрано самое пустынное, где в это время нам не встретился ни один прохожий, а значит, и никто не мог вызвать полицию. Фанатики сбили меня с ног, а беднягу Винсона поволокли в темную аллею и там жестоко избили. Вдруг появился наш спаситель Ардрик с друзьями — и через несколько часов стал вторым пилотом на «Королеве Веги».

— Ардрик! — хрипло выкрикнул он. — Ардрик! Ардрик!

Вэск повернул к нему голову.

— Что ты хочешь сказать?

— Он... — начал Хорн, и внезапно на него нахлынула такая волна бешенства, что некоторое время он не мог произнести ни слова.

— Ардрик... Этот парень подмешал наркотик в бокал бренди, а затем изменил курс и погубил «Королеву». Он, и никто другой!

Лицо Вэска побелело от гнева. Он наотмашь ударил Хорна по лицу, так что из разбитых губ потекла кровь.

— Я бы не советовал тебе, Хорн, повторять это снова, — злобно произнес он. — Не забывай, что этот человек умер, пытаясь исправить твою роковую ошибку.

Хорн с ненавистью глядел на капитана, ощущая свое полное бессилие. Ему хотелось убить Вэска на месте, но он не мог даже шевельнуть рукой, чтобы стереть кровь, струившуюся с разбитых губ на ворот кителя.

— Я... я докажу вам всем... — просипел он и грязно выругался, однако его голос звучал так слабо, что никто, кроме капитана, ничего не услышал.

Затем Хорн вновь провалился в болезненное забытие. Он смутно помнил, как шлюпка приземлилась, и работники космодрома вынесли его на носилках и торопливо перенесли в грузовой фургон. Так будет для вас же лучше, объяснили ему. О том, что «Королева Веги» попала в катастрофу из-за его идиотской ошибки, уже стало известно во всем космопорту, и немало астронавтов жаждали поприветствовать «героя». Выглянув в вентиляционное окошко, Хорн смог убедиться,

что это было чистой правдой. От ворот космопорта к спасательной шлюпке направлялась большая и весьма агрессивно настроенная толпа, и было счастьем, что люди не обратили никакого внимания на грузовую машину.

Все последующее Хорн помнил очень смутно. Из душного фургона его перевели в камеру предварительного заключения, битком набитую всяким отребьем. На еле живого астронавта никто не обратил внимания, и он оказался предоставлен самому себе. Лежа на грязной койке возле стены, он ощущал и досаду, и гнев, и унижение. Никто, ни один человек не хотел ему верить! В глазах всех окружающих он отныне останется преступным идиотом, виновным в смерти десятков людей. «Я никогда больше не смогу спокойно ходить по улицам, — в отчаянии думал он. — Не смогу говорить с людьми, войти в бар, магазин, просто посидеть на скамейке. Даже если я когда-нибудь вновь окажусь на свободе, в глазах людей я навеки останусь преступником. «Ублюдок» — назвал меня Вэск. Черт побери, я никогда не смирюсь с этим!»

Конечно же, капитан и все оставшиеся в живых члены экипажа ничуть не сомневались в его вине. Они провели бок о бок не один год, прошли вместе огонь и воду — и тем не менее с легкостью поверили в его вину. Никто и не думал подозревать Ардрика, которого никто не знал и чье появление на борту корабля выглядело по меньшей мере странным — а вот на своем старом друге Джиме Хорне все разом поставили жирный крест. Почему, чем он заслужил такое несправедливое отношение?

Постепенно в нем окрепла вера в то, что виной гибели «Королевы Веги» стал именно Ардрик. А раз так, то все, происшедшее на Скеретхе, было лишь искусно разыгранным спектаклем, цель которого — помочь проникнуть Ардрику на борт корабля. Он мог входить в число фанатиков-антифедералистов, или его просто наняли для этой грязной работы — Хорна подобные детали мало интересовали.

Он хотел знать одно: остался ли Ардрик в живых или нет.

Скорее всего, этот подлец уцелел. С борта гибнущего корабля могла стартовать еще одна спасательная шлюпка, и в общем хаосе этого никто не заметил. Кстати, таких шлюпок могло быть несколько. Другое дело, что в плотном метеоритном рое лишь опытный пилот сумел бы провести свой кораблик через россыпь каменных глыб, а затем, изменив курс, двигаться дальше вместе с роем — так, чтобы ни одна наземная станция слежения не сумела бы его обнаружить.

Разумеется, Ардрик с таким же успехом мог и погибнуть. Космическая катастрофа — это такая вещь, в которой ничего нельзя предугадать. Если Ардрик задержался в кабине лишнее мгновение... Хотя почему он должен был там задерживаться? Этот парень изменил курс корабля, а затем сразу же связался с Вэском и обвинил во всем его, Хорна. Затем Ардрик поспешил к спасательным шлюпкам. Капитан, разумеется, сразу же побежал к пилотской кабине, но по пути ворвался в каюту первого пилота, где и обнаружил те две злосчастные бутылки. Еще несколько минут ушло на то, чтобы привести его в чувство. Наконец они пошли к пилотской каюте — но так и не дошли. Корабль стал разваливаться на части, и Вэск потащил его на палубу. Откуда же капитан знал, что Ардрик погиб как герой на своем посту? Второй пилот мог в это время уже лететь среди роя, скрываясь от наземных радаров!

Хорн и сам понимал, что его догадки не имели под собой никаких веских оснований. Просто ему хотелось, чтобы все обстояло именно так. Если Ардрик погиб, то у него не останется никаких шансов доказать свою невиновность. А это было несправедливо — человек должен иметь право хотя бы на надежду.

Увы, от этих надежд остались одни клочья, когда началось предварительное слушание, результаты которого позднее будут представлены следственной комиссии Федерации. На слушании присутствовали несколько местных чиновников, а также представители Ассоциации пилотов и Ассоциации космических офицеров. Они выслушали сообщения Вэска и нескольких других членов экипажа погибшей «Королевы Веги» о том, что произошло во время катастрофы и после нее. Затем слово предоставили Хорну, и он поведал историю о двух скеретхских юношах, квартале Ночных Птиц, антифедералистах и наркотике в бренди. Его внимательно слушали, но Хорну казалось, что его слова тонут, словно в омуте. На лицах присутствовавших в зале людей было явственно написано вежливое недоумение, так что и он сам под конец рассказа почти разуверился в своих догадках, отчего его голос стал звучать вяло и неубедительно.

Он сел на скамью подсудимых и тоскливо опустил голову. Ситуация складывалась явно не в его пользу. У него не было ни единого доказательства вины Ардрика. Все его логические доводы были только спекуляциями, и не более того. Для него Ардрик был преступником, а для остальных — «героем». Фактов было очень мало, и все они говорили не в пользу Хорна.

Вэск свидетельствовал, что именно Хорн прокладывал курс, и что он был пьян, и что возле его койки стояли две пустые бутылки.

Фактов против Ардрика не было. Ни единого.

Результаты слушаний никого не удивили. Хорна должны были в ближайшее время переправить на Вегу, где им займется следственная комиссия Федерации. Каким будет ее решение, нетрудно было предугадать. Лишение пилотских прав навсегда. Штраф, тюрьма... Ради торжества справедливости его могли даже повесить.

Когда пилота вывели из зала, Вэск даже не взглянул в его сторону.

Хорна вновь поместили в камеру, на этот раз одиночную. Он сел на койку и тоскливо уставился в глухую каменную стену.

Конечно, если Ардрик мертв, то его почти невозможно найти. Но если он жив... то это шанс, единственный шанс на спасение!

Глава 5

Прошло два дня, и Хорн сделал свой первый ход. Он решил не ждать, пока его переправят на Вегу. Камера предварительного заключения оказалась тесной и неудобной, и потому его тюремщик относился к своему подопечному мягко и заботливо. Грех было не воспользоваться такой ситуацией.

Поразмыслив, Хорн написал записку Вэску: «Капитан, я готов сознаться в содеянном преступлении. По-видимому, мне предстоит еще немало времени провести в тюремной камере, и потому деньги мне не помешали бы. Будьте добры, принесите мне жалованье».

Этой запиской Хорн намеревался убить, словно точным выстрелом, сразу двух зайцев. Он знал, что Вэску позарез необходимо признание первого пилота. Если будет установлено, что корабль попал в катастрофу исключительно по вине пилота, то следующего назначения капитану долго ожидать не придется. На радостях Вэск обязательно должен прийти в тюрьму сам. И если он не нарушит одну малоизвестную статью Космического кодекса, то у несчастного пленника появится шанс оказаться на свободе!

Хорн отослал записку незадолго до наступления заката, надеясь, что Вэск придет уже поздним вечером. Затем он сел на

койку и впился взглядом в зарешеченное окошко под потолком камеры, наблюдая, как умирают желто-оранжевые сумерки, плавно переходя в бархатистую, беззвездную ночь. Шел час за часом, а Вэск все не появлялся. Пилот начал волноваться. Если капитан дотянет до утра или вообще не явится...

Но Вэск пришел. Дверь распахнулась, тюремщик ввел в камеру гостя, а затем вышел, лязгнув тяжелым засовом.

Капитан едва сдерживал радость.

— Очень хорошо, Хорн, что ты решил облегчить душу чистосердечным признанием, — дружески произнес он. — Завтра я доложу об этом следственной комиссии, и тогда...

Хорн подошел к нему поближе.

— Все верно, капитан, но есть еще одно важное обстоятельство.

— Какое же?

Вместо ответа Хорн ударил его изо всех сил в челюсть. Капитан пошатнулся и стал оседать на пол. Хорн едва успел подхватить его, а затем осторожно опустил на пол. Глаза Вэска остекленели, хриплое дыхание вырывалось изо рта.

Хорн связал ему руки за спиной, оторвал лоскут от рукава рубашки, сделал из него кляп и заткнул капитану рот. А затем стал рыться в карманах его кителя. Пот выступил на лице пилота, пальцы дрожали. Наконец он нащупал во внутреннем кармане плоский предмет и облегченно вздохнул.

В Космическом кодексе существовала статья, согласно которой капитан корабля должен был все время носить с собой оружие. Это положение появилось давным-давно, когда на звездных трассах хозяйничали пираты и корабли Федерации нередко подвергались нападению. Ныне такой опасности практически не существовало, но капитаны продолжали носить с собой стуннеры. Хорн надеялся, что его тюремщик и слыхом не слыхал об этом анахронизме.

Вэск пришел в себя и с ненавистью посмотрел на первого пилота.

— Прошу прощения, капитан, — нервно усмехнулся Хорн. — Видите ли, я не причастен к катастрофе и хочу доказать это. Потому-то мне и нужна свобода.

Глаза капитана продолжали метать молнии — похоже, слова пилота не произвели на него никакого впечатления.

Хорн нахмурился.

— Ну и дьявол с вами!

Он подошел к двери и громко постучал.

Лязнул засов, и дверь распахнулась. Тюремщик застыл на

месте, увидев наставленный на него стуннер. Он не ожидал подобной прыти от своего подопечного, который до сих пор ему казался лишь безобидным подвыпившим пилотом. Стражник попытался выхватить оружие из рук Хорна, но тот успел выстрелить.

Теперь у Хорна появилось в распоряжении несколько минут, пока тюремщик не очнется и не поднимет тревогу. Заперев снаружи дверь, он поднял стуннер и решительно зашагал по коридору, готовясь уложить на месте любого, кто встанет у него на пути. К его разочарованию, таковых не нашлось. Тюрьма космопорта почти пустовала, а потому и охраны было очень мало. Спустившись по лестнице на первый этаж, Хорн вышел из здания и скрылся в ночи.

Кривые, едва освещенные улочки с готовностью приняли беглеца в свои объятия. Городок при космопорте был невелик, и уже минут через двадцать Хорн постучал в дверь одной из местных гостиниц, больше похожей на притон. Ему открыл пожилой массивный человек с лицом, испещренным шрамами, и мускулистыми руками мясника. Свирепым видом он больше напоминал разбойника, но Хорн уже имел с ним прежде дело.

— Привет, — сказал он. — Помните меня, приятель? Я тот самый парень, которого два года назад полиция пригласила в качестве понятого во время обыска. Кажется, она искала тогда какие-то наркотики?

Хозяин гостиницы усмехнулся.

— Ах да, припоминаю. Вы тогда здорово выручили меня. Кажется, вас зовут Хорн? Слышал, будто у вас сейчас неприязни. Наверное, сбежали из-под надзора?

Хорн кивнул. Войдя в грязную комнату, он небрежно бросил несколько банкнот на стол.

— Здесь три сотни кредитов. Этого достаточно, чтобы переодеть меня, купить на черном рынке удостоверение пилота первого класса на чужое имя и посадить меня на первый же космолет, отправляющийся на Скеретх. Разумеется, на полицейском кордоне меня никто не должен узнать.

Хозяин гостиницы расхохотался.

— И все это — за такую маленькую сумму?

— Могу добавить, — улыбнулся Хорн и достал из кармана стуннер. — Видишь? Тебе будет обеспечена головная боль по крайней мере в течение недели. Или, быть может, возьмешь все-таки деньги?

Десять дней спустя Хорн, очень мало похожий на самого себя, сидел в пилотской кабине старого, грязного торгового судна, направляющегося к Скеретху. Времени у него было предостаточно, и Хорн посвятил его размышлениям об Ардрике. Увы, он очень мало знал о своем молодом «спасителе». Ардрик жил в Риллахе — старой столице Скеретха, расположенной на восточном берегу большого озера, а на противоположной его стороне находился космопорт. Разумеется, Ардрик мог солгать, но мог и сказать правду.

Вспоминая о втором пилоте, Хорн ощущал, что начинают трястись руки. «Как бы не убить этого мерзавца прежде, чем тот предстанет перед судом!» — тоскливо думал он. Но порой ему приходили в голову мысли и похуже. Ардрик, скорей всего, мертв, и только кретин мог тратить время на погоню за призраком. Прошлого не вернешь, так же, как уже никогда не вернешь и своего доброго имени...

Наконец в иллюминаторе появился золотистый шар Скеретха. Пробив толщу облаков, космолет медленно опустился на космодроме Скамбар. При виде него у Хорна окончательно испортилось настроение. Еще недавно он улетал отсюда на «Королеве Веги», даже не подозревая, как круто изменится его жизнь...

Экипаж грузовика стал шумно и весело собираться, чтобы отметить удачный рейс в портовых кабаках. Но первый пилот не торопился. Он занялся проверкой навигационного компьютера, а затем с озабоченным видом стал тестировать систему управления двигателем. В конце концов его новые приятели махнули на него рукой, и Хорн остался один. Теперь он мог спокойно наблюдать за тем, что творится за бортом корабля.

А там, внутри большого дока, находилась группа людей. Они внимательно разглядывали каждого, выходящего из люка, порой провожали его к воротам дока, а затем возвращались обратно.

Были ли эти люди полицейскими? Очень может быть. Администрация космопорта могла получить предупреждение о бегстве преступника из тюрьмы Арктура-3 и, конечно же, приняла необходимые меры.

Но... но что, если полиция здесь ни при чем? Ардрик наверняка исполнял приказ некой антифедералистской организации, которая была заинтересована в гибели Моривенна, причем, разумеется, не от руки убийцы, а в результате «несчастного случая». Для этих людей он, Хорн, смертельно опасен,

и потому они сделают все, чтобы устранить ненужного свидетеля.

Почему они поджидают его в космопорте? Да потому, что совсем нетрудно просчитать намерения бедолаги-пилота. По глупости он сам не раз выкрикивал во время судебного заседания обвинения против Ардрика. Ясно, что, бежав из тюрьмы, он попытается попасть на Скеретх. И друзья Ардрика подготовили ему встречу.

Хорн вынужден был пересмотреть свой план. Никто ему не даст спокойно покинуть космопорт, взять флайер и перелететь через озеро к Риллаху. Придется действовать иначе...

Рано утром, еще до наступления рассвета, Хорн выскользнул из корабля.

Как он и ожидал, трое соглядатаев еще находились внутри дока, терпеливо прохаживаясь возле главных ворот. Конечно, Хорн мог уложить их стуннером, но он не без оснований подзревал, что неподалеку находятся и остальные «полицейские». В этом случае он вряд ли бы ушел далеко.

Как обычно, во время стоянки звездолет был огражден силовым полем, оставлявшим лишь один открытый выход, как раз напротив ворот дока. Для Хорна он никак не подходил, и потому пилот, вооружившись набором инструментов, осторожно прокрался к противоположной стороне корабля и занялся одной из стоек — излучателей поля.

Дважды он останавливал работу, когда над доком на небольшой высоте проплывал овальный флиттер, наполняя воздух резким гудением. Наверное, на его борту также находились люди Ардрика. Хорну казалось, что они повсюду. Неужели причиной всего этого были лишь политические предубеждения антифедералистов? Вряд ли... Но тогда какова же истинная цель этих людей?

Наконец Хорну удалось отключить один из излучателей, и он поспешно направился к запасному выходу из дока. Выскочив наружу, едва не столкнулся в темноте с двумя высокими людьми. К счастью, они оказались Ночными Птицами. Эти странные страусоподобные создания грациозно проследовали мимо, даже не повернув в его сторону головы с высокими плюмажами. Он вспомнил слова юного Мика: Ночные Птицы работают в космопорте по ночам и не желают иметь никакого дела с людьми, и тем более — с полицией. И слава богу.

Спустя час Хорн уже стоял на рыбацкой пристани. Рядом мягко колыхались на волнах десятки моторных лодок. К счастью, никаких охранников здесь не было. Да и зачем они нуж-

ны? Это озеро буквально кишело самыми разнообразными хищниками, и потому вряд ли нашлись бы желающие угонять лодки ради ночных прогулок. Разве только сумасшедшие...

«Выходит, я сумасшедший», — усмехнулся Хорн, забираясь в одну из двухместных лодок. Наверное, ее владельцем был богатый человек, поскольку в ящике под сиденьями обнаружился солидный запас продовольствия и воды. Тогда, в прошлой спокойной и благополучной жизни, пилот Джим Хорн мог бы мучиться угрызениями совести, пойдя на такую откровенную кражу. Но сейчас бывший пилот даже не думал о таких пустяках. Главное, что он доберется до Риллаха... а если повезет, и до Ардрика!

Глава 6

Длинные изогнутые щупальца вынырнули из темной воды прямо перед носом лодки. Продолжая крепко держать руль одной рукой, Хорн поспешно достал другой из кармана стуннер и сделал несколько выстрелов. Рядом с корпусом лодки образовалась фосфоресцирующая воронка, но щупальца, казалось, не почувствовали мощного парализующего удара.

Хорн нервно рассмеялся и вытер пот со лба. Щупальца оказались лишь толстыми водорослями, которые, колыхаясь на волнах, создавали впечатление плывущего в воде живого существа.

Не сразу бывшему пилоту удалось вновь взять себя в руки. Но сейчас он не мог себе позволить распускаться. Дорога к Риллаху обещала стать трудной и опасной.

«Может быть, — пробормотал он, — мне стоит немного поспать?»

Убавив скорость, он включил автоматическое управляющее устройство. С помощью радара оно могло провести лодку между скал и среди островов плавающих водорослей, а затем вновь выйти на заданный курс. Ночь на Скеретхе длилась в три раза больше, чем на Земле, и до рассвета Хорн мог далеко уйти от берега.

Он улегся между скамьями, предварительно натянув над лодкой пластиковый полог, защищавший от дождя и брызг волн. Время от времени шли такие ливни, что могли запросто затопить лодку, поэтому крыша над головой была отнюдь не роскошью.

Хорн пытался заснуть, но не смог. Лодка плавно подыма-

лась и опускалась на волнах — казалось, она лежала на груди огромного дремлющего животного. Бывший пилот чувствовал себя невероятно уставшим и опустошенным событиями последних недель. Повернувшись в очередной раз с боку на бок, он неожиданно подумал о Денмане. Нет, не напрасно он пожалел этого маленького, невзрачного человечка, которому предстояло в одиночестве странствовать по мирам отрога. Одиночество на чужбине — это жуткая штука. Впрочем, ныне ему, Хорну, стоило поберечь жалость для самого себя. Денман по крайней мере не был изгоем, и никто не обвинял его в чудовищном преступлении...

Так прошло много часов. Незадолго до рассвета Хорн заметил яркую звезду, появившуюся вдали над самым горизонтом.

«Должно быть, просвет в облаках, — лениво подумал он. — Утром может засиять солнце».

Хорн встал на ноги и, зевая, сложил навес. Мозг его еще дремал, иначе бы он сразу вспомнил, что на Скеретхе только раз в сто лет появлялись звезды и солнце. И лишь когда яркий огонек на горизонте начал довольно быстро передвигаться, Хорн насторожился. Нет, это было чем угодно, только не светом звезды!

Огонек двигался взад-вперед над далеким берегом, словно какой-то гигант расхаживал в темноте с фонарем в руке, что-то выглядывая.

Что-то — или кого-то.

Хорн, не отрывая замороженных глаз от огонька, склонился над пультом управления лодки. Его сердце бурно билось, а руки предательски дрожали.

Кто-то искал его...

Огонек неторопливо плыл над озером, преграждая беглецу путь к берегу. Хорн поначалу увеличил скорость лодки, но затем передумал. Реактивная струя, вырывавшаяся из сопла двигателя, должна быть хорошо заметна с высоты. Чем меньше скорость, тем больше шансов остаться незамеченным, но тогда до берега ему не добраться, по крайней мере до наступления рассвета. Что же делать? Где найти убежище в открытом море?

Впрочем, такое убежище существовало — любой из островов фосфоресцирующих водорослей. Если забраться в глубь одного из них и скрыться под пологом густых растений, то ни его, ни лодку никто не заметит.

Некоторое время Хорн пристально вглядывался в ночь и

наконец увидел слева по курсу слабое свечение. Поспешно раздевшись, он обвязал вокруг груди якорный канат, перебрался через борт и опустился в воду, стараясь не издавать громких всплесков.

Вода оказалась теплой. Поверхность ее лениво колыбалась. Трудно было поверить, что в глубинах водятся жуткие чудовища, куда более опасные, чем обитатели океанов Земли. Хорн поплыл вперед, таща лодку за собой, как на буксире. А огонек в небесах заметно приближался, словно почувствовав, что жертва вот-вот может ускользнуть.

Хорн поплыл быстрее по направлению к большому фосфоресцирующему пятну. Вскоре он почувствовал, как холодные щупальца водорослей стали словно бы ощупывать его обнаженное тело. Это было крайне неприятно, но другого пути к спасению не было, и ему пришлось все дальше и дальше прорываться в глубь плавучего острова. Водоросли становились все гуще и гуще, так что через некоторое время он смог встать на колышущийся ковер. Лодку стало тащить очень тяжело, и Хорн буквально выбивался из сил. Водоросли начали постепенно подниматься в воздух, и вскоре он уже двигался под пологом ветвистых растений, напоминавших невысокие зонтичные деревья. Все вокруг сияло мягким серебристым светом, и он потерял из виду огонек в небе. Ковер из водорослей был скользким и упругим, и все же Хорну удалось идти сравнительно быстро. Затащив лодку под кроны «деревьев», он с облегчением вытер струящийся по лицу пот, а затем торопливо перебрался через борт. Потом, не давая себе ни минуты на отдых, он натянул пластиковый полог на металлический каркас и, усевшись на скамью, стал ждать, окруженный серебристым сиянием.

В воздухе уже отчетливо слышалось гудение флайера. И тут, как назло, мат из водорослей отчетливо вздрогнул, словно на его край взобралось какое-то крупное животное.

Хорн втянул голову в плечи, ощущая бурные удары сердца. Черт побери, только этого сейчас не хватало! Его рука потянулась к стуннеру.

Что-то огромное и темное двигалось к нему сквозь заросли. Когда-то в детстве Хорн жил на берегу моря, и сейчас все ночные кошмары разом вернулись к нему. Жуткая тварь наверняка собралась его сожрать, даже не подозревая, что только здесь, в глубине острова, он мог спастись от другого, металлического чудовища!

Он оказался в ловушке. Парализующее оружие могло не

оказать на морское животное никакого действия, но Хорн не собирался впускать в лодку нежданного гостя. Приподняв переднюю часть полога, он приготовился к атаке.

И в этот момент флайер завис над островом из водорослей. Луч прожектора осветил серебристый лес, задев краем и лодку. Хорн вздрогнул. Ему казалось, что он виден сейчас с воздуха, как на ладони. Тихо выругавшись, он осторожно оделся, ежесекундно ожидая пулеметной очереди с небес. «Ну, уходи, проклятая тварь. Уходи!» — пробормотал он, вглядываясь в густые заросли, окружавшие лодку. Увы, обитатель глубин явно хотел пообедать, и ему было наплевать на все флайеры на свете. Животное приближалось, и Хорн, не выдержав, вновь опустил переднюю часть полога. Его движение могли заметить, и это было бы его концом. Хорн понимал, что сделал глупость, но совладать с разгулявшимися нервами не мог.

Слава богу, экипаж флайера ничего не заметил. Яркий свет начал постепенно гаснуть. Поначалу Хорн подумал, что тварь забралась на полог, но потом понял — нет, просто флайер улетает прочь! Гудение двигателя стало затихать, но очень медленно, словно бы флайер продолжал поиски беглеца над соседними участками водной поверхности.

Положив палец на спусковой крючок, Хорн стал ждать, чувствуя, как корма лодки немного просела под тяжестью животного. По-видимому, оно напоминало гигантского слизняка. Оставалось только надеяться, что тонкий пластик выдержит его тяжесть.

Когда шум флайера затих, Хорн с лихорадочной поспешностью сделал сразу несколько вещей. Он запустил двигатель, затем приподнял переднюю часть полога и, выбравшись наружу, сделал серию выстрелов из стуннера, моля Господа о том, чтобы животное имело достаточно развитую нервную систему.

Так и оказалось. Здрожав всем телом, гигантский слизняк медленно соскользнул с полога и рухнул на поверхность острова из водорослей. Лодка качнулась, и Хорн больно ударился о борт. Когда он поднялся на ноги, животное уже нырнуло в одно из многочисленных окон воды, напуганное факелом реактивного двигателя.

Выждав, когда волнение улеглось, Хорн перевел дух. Кажется, Бог его миловал и обе опасности миновали. Раздевшись, он вновь перебрался через борт и, схватив якорный канат, поволок лодку назад, к краю плавающего острова.

Когда лодка закачалась на чистой воде, Хорн надел одежду на мокрое тело и сделал несколько больших глотков из фляжки, которую нашел среди припасов. Тусклая «звезда» была еще видна в темном небе, далеко на юге. Хорн проводил флайер взглядом, полным ненависти.

Волей-неволей ему придется изменить свои планы. Кто бы ни преследовал его, эти люди знали, что беглец стремится к Риллаху, родному городу Ардрика. А это значит, надо искать обходной путь, чтобы выйти к древней столице планеты с другого направления.

Но кто же эти таинственные ОНИ? Агенты Федерации? Полиция Скеретха? Или люди Ардрика — если, конечно, этот подлец все-таки остался в живых? Полгалактики могли преследовать беглого преступника — но сам он разыскивал лишь одного человека. По иронии судьбы, лишь Ардрик, злейший враг, мог спасти бывшего пилота «Королевы Веги»!

Глава 7

Усталость и черная апатия навалились на Хорна. Чем больше он раздумывал о поисках Ардрика, тем больше его охватывало чувство безнадежности. «Чтобы я ни сделал, с таким же успехом могу сдать прямо сейчас, — вздохнул он. — Или плюнуть на все и убраться со Скеретха. В отроге полно планет, где я смогу затеряться так, что никто и никогда меня не разыщет. К дьяволу такую жизнь!

Но... Погибли 97 членов экипажа и 38 пассажиров. От хорошего корабля остались одни обломки. И все говорят, что это сделал я. Все утверждают, будто я напился и потому совершил роковую ошибку».

Хорн выругался и нервно постучал пальцами по штурвалу. Каждый раз, думая об этом, он впадал в тоску.

Взглянув в сторону Риллаха, Хорн заметил отблески прожектора флайера. Сейчас тот барражировал над берегом, снижаясь над равниной, где в излучине двух рек находилась древняя столица Скеретха.

— Черт меня побери, если я попадусь им в руки! — яростно выкрикнул Хорн, сжимая кулаки. Перед его мысленным взором ясно возникло лицо Ардрика — приятное, интеллигентное, с четкими чертами. Пожалуй, лишь подбородок у него был узковат, а взгляд — излишне жесток, но об этом Хорн вряд

ли вспомнил бы, если бы этот негодяй не вонзил так коварно нож в его спину.

— Если Ардрик жив, — с мрачным видом пробормотал он, — то этот подонок пожалеет, что не погиб при катастрофе «Королевы Веги»...

Хорн достал карту, которую предусмотрительный хозяин лодки держал в бардачке под пультом управления, и при свете фонаря наметил новый маршрут, идущий значительно западнее прежнего. Флайер к этому времени полностью исчез из поля зрения. Больше не таясь, Хорн включил двигатель во всю мощь, и лодка понеслась к берегу, рассекая темную воду.

Предраассветные сумерки на Скеретхе тянулись медленно и утомительно. Было еще темно, когда Хорн наконец-то высадился на пустынный берег, проведя лодку через гряду подводных скал. Рассвет он встретил, пересекая узкую долину между невысоких гор. Сгибаясь под тяжестью рюкзака с припасами и водой, он терпеливо поднимался по крутому склону, стараясь не смотреть вниз. Когда утро окончательно вступило в свои права, он достиг гребня холмов. Взобравшись на вершину одного из них, Хорн долго глядел на рыже-красную равнину, тянущуюся до горизонта. Она казалась такой же огромной, как и озеро, оставшееся позади.

Спустившись с холма, Хорн напился свежей воды из ручья, поел, а затем слегка вздремнул, укрывшись от ветра между крупными валунами.

И потянулся длинный день, который беглец провел в пути.

В полдень он устроил очередной привал. Невидимое желто-оранжевое солнце окрашивало облака в золотистые и багряные оттенки. Жара проникала сквозь них и наполняла пространство между небом и землей. Сильный ветер, дувший без остановки над равниной, не мог охладить воздух. Даже от реки не веяло прохладой. Она казалась потоком расплавленной латуни, вытекавшим из гигантского тигля. Колочие деревья на ее берегах напоминали пылающие факелы. Трава на равнине колыбалась под горячим ветром, меняя оттенки от золотистого до пурпурного, в зависимости от цвета проплывающих по небу облаков.

Хорн заметил вдали, на вершине небольшого холма, сторожевую башню. Она была, без сомнения, очень древней и выглядела полуразрушенным монументом варварским временам. Вряд ли на ней хоть раз побывали стражники с тех пор, как обитатели Скеретха научились строить летательные аппараты и оборудовать их искусственными глазами и ушами.

И тем не менее Хорн ощутил беспокойство. От флайера в конце концов можно было спрятаться в траве, выжидая, пока опасность не минует. Но башня вздымалась высоко в небо и даже не думала никуда улетать. Чтобы обойти ее на безопасном расстоянии, потребуется сделать крюк в добрый десяток километров, а на это у измученного путника попросту не хватало сил. Да и кто мог дать гарантию, что там ему не встретится другая башня?

Хорн долго стоял в растерянности, не зная, что предпринять. Наконец на западе послышался глухой раскат грома, за ним второй, третий. Небо быстро потемнело, и ветер резко усилился. Хлынул ливень.

Это оказалось очень кстати. Хорн решил воспользоваться разгулявшейся бурей как прикрытием. К счастью, ветер дул ему в спину, не давая сбиться с пути в почти полной темноте.

Однако очень скоро Хорн понял, что прогулки на Скеретхе во время буйства стихии — не очень-то приятное занятие. Ливень превратился в сплошной поток, не давая ему как следует вздохнуть. Глаза слепили вспышки гигантских молний, а уши закладывало от могучих раскатов, от которых, казалось, сотрясалась земля. Спотыкаясь и непрерывно падая, он брел неизвестно куда. Когда воздух в очередной раз запылал ослепительным белым светом, он наконец заметил неподалеку башню — и тут же скатился в овраг, по дну которого бежал бурный поток. Хорн едва не захлебнулся, но затем, встав на карачки, пополз вверх по скользкому склону. С огромным трудом он выбрался из оврага и только было остановился, чтобы передохнуть, как перед ним словно из-под земли возникли несколько человек.

Наверное, это были стражники из башни. Конечно же, они заметили его издали и поняли, что чужак намеревается пробраться к Риллаху, воспользовавшись грозой.

Хорн взвыл, словно загнанное животное, и прыгнул на ближайшего человека. Они упали на мокрую траву и покатались, награждая друг друга тумками. Хорну удалось нанести противнику несколько сильных ударов в голову, но затем кто-то ударил его сзади, и пилот потерял сознание, так и не услышав следующего раската грома.

Придя в себя, он увидел, что лежит в комнате с каменными стенами. Сквозь дыры в разбитом потолке струилась вода. В углу стояла мощная переносная лампа. Хорн лежал на холодном полу, а вокруг него стояли пятеро мокрых и грязных людей и выжидательно смотрели на него.

Четверо мужчин — и одна женщина.

Незнакомка была молода и скорее напоминала девушку-подростка. Подобно своим спутникам, она была одета в свободную рубашку из шелковистого материала, шорты и сандалии. У нее были длинные золотистые волосы, зеленоватые глаза и тонкий с легкой горбинкой нос. Девушка угрюмо разглядывала Хорна, и этот холодный взгляд не предвещал ему ничего хорошего.

— Вы очнулись наконец? — спросила она на галакто с заметным акцентом, подобным тому, что имел Ардрик.

Хорн сел и, встряхнув мокрой головой, осмотрелся повнимательней. Только сейчас он заметил, что один из мужчин держал в руках оружие, похожее на ружье.

— Да, — хрипло произнес Хорн. — Я очнулся.

Он встал, испытывая сильное головокружение, и лишь гордость не позволяла ему обнаружить свою слабость.

— Кто вы такие? — спросил он. — Вас послала полиция или Ардрик?

— Нет, — покачала головой девушка. — Мы люди Моривенна.

— Моривенна? — изумился Хорн. — Но он же погиб на «Королеве Веги»!

— Знаю, — тяжело вздохнула девушка и опустила голову. — Я его дочь.

Хорн стоял неподвижно, словно пораженный громом — тем громом, раскаты которого чуть ли не ежеминутно сотрясали старые каменные стены.

— Прошу прощения, — наконец нашел силы произнести он. — Понимаю, что вы хотите убить меня. Но поверьте, я не виноват в той катастрофе!

Мужчины молча переглянулись. Взгляд же девушки оставался холодным и недружелюбным.

— В Риллах недавно приехал человек, который рассказал о вашем преступлении.

— Вы имеете в виду Ардрика? — нервно усмехнулся Хорн.

— Ардрик мертв.

— Вы уверены в этом?

Девушка не ответила. Задумчиво осмотрев бывшего пилота, она попросила:

— Расскажите о той катастрофе.

Хорн рассказал во всех подробностях о роковом столкновении с метеоритным роем, под аккомпанемент дождя и рас-

катов грома. Четверо мужчин недоверчиво смотрели на него, да и взгляд девушки был ничуть не приветливее.

— Клянусь, что курс был изменен после того, как я пошел отдыхать в свою каюту! Да и не мог я отрубиться из-за одного бокала бренди. Кто-то очень тщательно продумал план «катастрофы» и сделал все, чтобы устранить меня с пути. Это сработало. Теперь все считают Ардрика героем, а меня — преступником. — Взглянув в ледяные глаза девушки, Хорн добавил: — Этот парень, должно быть, очень хотел убить вашего отца.

— Ардрик?

— А кто же еще? Он был вторым пилотом. Никто, кроме него, не смог бы изменить курс корабля.

Девушка недоверчиво поморщилась.

— Но Ардрик погиб в той катастрофе! Разве он мог убить сам себя?

— Фанатик способен пойти и на такое, — возразил Хорн. — Только Ардрик не был фанатиком, а был астронавтом, знающим, что и как надо делать. Направив звездолет в сторону метеоритного роя, он спокойно пошел на палубу, сел в одну из спасательных шлюпок и скрылся в метеоритном потоке — так, чтобы его не заметили с поверхности планеты. А когда от «Королевы Веги» остались одни обломки, он спокойно направился в Риллах. Здесь, среди друзей и соратников, он наверняка чувствует себя в полной безопасности.

Девушка возмутилась:

— Мы не входим в число его друзей! Садитесь.

Она указала Хорну на один из каменных блоков, выпавших из стены, и сама уселась неподалеку. Гроза утихла, унесясь в сторону моря. Один из мужчин поднялся по винтовой лестнице на верх башни, остальные заняли позицию между Хорном и выходом.

— Ваше имя Хорн? — после долгой паузы спросила девушка, продолжая глядеть на бывшего пилота внимательным взглядом, впрочем, в котором уже не было прежней враждебности.

— Да.

— Меня зовут Язо. А это близкие друзья. Еще недавно они были и друзьями моего бедного отца... Мне кажется, что ваш рассказ о катастрофе правдив. А если это так, то мы можем помочь друг другу.

— Возможно, — кивнул Хорн. — Вы у меня также вызывае-

те доверие, хотя я далеко не в восторге от ваших спутников. Но меня сейчас интересует одно: как найти Ардрика и вытрясти из него правду. Политика же Скеретха — это ваше дело. Ну, пойду.

Хорн встал и вопросительно посмотрел на человека с ружьем. Тот нахмурился и покачал головой.

— Пожалуйста, и не пытайтесь уйти, — предупредил он. — Мы очень рисковали, пытаясь перехватить вас на пути к Риллаху, и не хотели бы вновь применять силу.

Хорн набычился и шагнул к выходу. Ему в грудь тотчас уперлось вороненое дуло.

— Я вас предупредил, — сказал мужчина и выразительно положил палец на спусковой крючок.

Хорн даже плюнул от досады.

Вновь усевшись на каменный блок, он посмотрел на девушку.

— И многих своих друзей вы подняли по тревоге? Спасибо за заботу, но я как-нибудь обойдусь без вашей помощи.

Язо топнула ногой.

— У нас нет времени для обмена любезностями, — сказала она. — Вы совершенно не понимаете, что происходит на Скеретхе. Вы думаете, что главное — это попасть в Риллах, найти Ардрика и вытрясти из него правду. Все обстоит не так просто, Хорн. Если бы мы не перехватили вас здесь, то вы умерли бы задолго до заката, так и не достигнув города.

Хорн раздраженно ответил:

— Знаю без вас, что за мной охотятся. Флайер едва не поймал меня на озере. Я ничуть и не сомневался, что поход в Риллах не станет легкой прогулкой. Полиция не оставит меня в покое, это ясно, как божий день.

Мужчина с ружьем усмехнулся.

— Полиция — это последнее, что должно вас беспокоить, Хорн, — снисходительно заметил он. — Говорите, что не интересуетесь нашей политикой? Придется интересоваться, поскольку вы увязли в ней с головой и вот-вот можете утонуть.

Глава 8

Девушка с досадой сказала:

— Сейчас нет времени говорить об этом, Эван. Мы...

— Нет, Язо, — упрямо наклонил голову Эван. — Хорн должен узнать расстановку сил на Скеретхе прямо теперь. Это мо-

жет позднее спасти нас от многих неприятностей. — Он снова повернулся к Хорну. — Моривенн направлялся на Вегу, чтобы обсудить условия вхождения Скеретха в галактическую Федерацию. Ардрик понимал, что убийством Моривенна он не только остановит переговоры, но и развалит партию федералистов. Моривенн был сильным лидером, но у него нет достойного преемника. Вот поэтому Ардрик и привел в действие политический приговор.

— Черт побери, сколько можно говорить: меня все это не очень-то интересует! — недовольно воскликнул Хорн. — Я хочу лишь доказать, что виновник катастрофы — Ардрик, и восстановить мое доброе имя. Все остальное может катиться к дьяволу.

— Замечательно! — иронически посмотрел на него Эван. — Вы хотите схватить Ардрика за горло, только и всего. А вы знаете, насколько могущественна его семья? Вы слышали, что она тесно связана с Веллаи?

— Веллаи?

— Так называется партия антифедералистов. Эти люди настолько не хотят вступления Скеретха в Федерацию, что уже уничтожили сотни своих соотечественников. Тем более они не остановятся перед убийством какого-то чужака.

Да будет вам известно, что Веллаи владеют Риллахом. Это — главная цитадель их движения. Отец Ардрика по имени Рурик — один из трех руководителей Веллаи. С помощью своих марионеток в правительстве он фактически царствует на планете. Теперь понимаете, Хорн, против кого вы пошли? Думаете, такие люди дадут вам свободно разгуливать по улицам Риллаха и разыскивать Ардрика?

— Замечательно... — упавшим голосом пробормотал Хорн. — Чем еще вы можете меня порадовать?

— Например, тем, что Веллаи руководили Скеретхом многие века, еще до того, как мы узнали о существовании Федерации. С началом космических полетов Веллаи построили свой торговый флот и стали одной из самых влиятельных сил в отроге. Известно, что они не брезгают даже работоторговлей, захватывая в плен тысячи гуманоидов и негуманоидов на многих мирах. Такие вещи строго запрещены законами Федерации, но у нас...

Хорн вздрогнул.

— Господи, тогда эти Веллаи могут захватить в плен Денмана!

— Кто такой Денман? — недоуменно спросил Эван.

Хорн рассказал о чиновнике Федерации, который высадился на Алламаре-2. Он был послан именно для того, чтобы разобратся со слухами о тайной работоторговле в отроге.

Однако сообщение Хорна никого не впечатлило.

— Боюсь, этот человек обречен, — сухо заметила Язо. — Но если даже ему очень повезет, то он сумеет разобраться в ситуации за год или два. Мы не можем столько ждать и стараемся сокрушить Веллаи и без его помощи.

Эван кивнул, соглашаясь, и сказал:

— Вы понимаете, Хорн, в каком положении окажутся Веллаи, если правда о гибели Моривенна выйдет наружу? «Королева Веги» принадлежала Федерации, и экипаж составляли ее граждане. Преднамеренный террористический акт можно рассматривать как акт войны. Вряд ли Федерация стерпит такое оскорбление, и Веллаи придется противостоять всему вашему космофлоту. И тогда их крах будет неизбежен! Монополизму Веллаи придет конец, за их деятельностью будут наблюдать сотни чиновников нового правительства Скеретха. И для нашей планеты настанут новые времена!

— Есть еще одно обстоятельство, — продолжила Язо. Девушка выглядела уже далеко не столь мрачно, как прежде, и это ободряло Хорна. — Может быть, более важное, чем все остальное. Отец незадолго до отлета на Вегу сказал мне: «Я боюсь, девочка. Нам надо поторопиться со вступлением в Федерацию, пока Веллаи не привели в исполнение свой план. Не знаю, в чем он состоит, но похоже, что они вознамерились изменить ход истории в этой части галактики!»

Эван нетерпеливо махнул рукой. По-видимому, они с Язо не раз прежде говорили на эту тему.

— Моривенн был одержим подобными идеями, — раздраженно заметил он. — У Веллаи и без этих таинственных замыслов хватает мотивов, чтобы изо всех сил противостоять Федерации.

— Конечно, — сердито нахмурилась Язо. — Только объясни мне, что происходит с рабами, которых они привозят на Скеретх? Куда все они исчезают?

Эван кивнул.

— Согласен, это проблема, — примирительно улыбнулся он. — Только не думаю, что настолько важная, как считал ваш отец. — Он вопросительно взглянул на Хорна. — Надеюсь, теперь мы убедили вас?

Хорн озадаченно почесал затылок.

— Мда-а... Но зачем я вам так понадобился?

— Но это же очевидно! — воскликнула Язо. — Вы — единственный свидетель против Ардрика. Даже если мы докажем, что он жив, и найдем, где он скрывается, без вас мы все равно не сможем доказать его вину. — Девушка улыбнулась, впервые за время разговора приветливо взглянув на пилота. — Мы все стремимся к одной цели, Хорн, и лишь вместе сможем достичь ее. Поэтому нам лучше стать друзьями.

Хорн с силой провел ладонями по одеревеневшему от холода лицу. Ему чертовски не хотелось идти на поводу у этих совершенно незнакомых людей, но, видно, другого выхода не было.

Поразмыслив, он кивнул:

— Все верно. И когда вы собираетесь начать разыскивать Ардрика?

— Только не сейчас! — Хорн удивленно повернул голову. Эти слова произнес мужчина, торопливо спускавшийся по винтовой лестнице. — К башне летят три флиттера!

Эван и двое его спутников немедленно вскочили на ноги. Один из них торопливо выключил фонарь, который мог их выдать. Сквозь дыры в потолке было видно, что гроза ушла и небо слегка посветлело. Воздух потеплел, и над влажными камнями стал подниматься пар.

— Пожалуй, нам надо убираться... — пробормотал Эван и, подойдя к одной из стен, с силой нажал на край большого блока. Камень с неожиданной легкостью повернулся, открыв узкий темный проход. Один из мужчин вновь включил фонарь и пошел вперед, освещая путь. Язо первой последовала за ним. Эван сделал знак Хорну, и тот также направился к секретному ходу.

— Что за флиттеры? — встревоженно спросил Эван наблюдателя.

— Два одноместных и один большой, четырехместный, — ответил тот. — Я заметил еще несколько флиттеров, но они следовали в другом направлении.

Спустившись по узкой лестнице, Хорн оказался в туннеле. Деревянные столбы, поддерживающие его свод, частично сгнили, так что все вокруг выглядело шатким и неустойчивым. В конце туннеля тускло сияло пятно света.

Обернувшись, Язо объяснила Хорну:

— Этот путь ведет к реке. Здесь, под башней, в глубине холма, находится пещера. Некогда городские стражники держали там верховых лошадей. Сейчас там находятся наши флайеры.

Хорн услышал, как наверху с грохотом закрылась камен-

ная дверь. Все торопливо зашагали по туннелю. Через некоторое время вдаль послышался шум бегущей воды и другой, более резкий и свистящий звук.

Флиттеры были совсем рядом.

Не останавливаясь, Хорн нервно спросил:

— А что, если наши враги знают об этом туннеле и пещере?

Шедший позади Эван ответил:

— Тогда мы будем драться.

— Могу я получить назад свой стуннер?

Эван вернул ему оружие, заметив:

— Эта ваша штука в бою стоит немного. Наши ружья куда лучше. Но если хотите, стреляйте по флиттерам из стуннера.

Свет в конце туннеля становился все ярче и ярче. Наконец путники оказались в обширной пещере с плоским, слегка наклонным полом. До пологого берега реки оставалось лишь несколько десятков метров. Очевидно, пещера образовалась в недрах холма именно во время паводков. Хорн заметил на глинистой почве следы когтистых лап — по-видимому, животные нередко спасались здесь во время непогоды. Сейчас же здесь стояли два трехместных флайера.

Язо кивнула Хорну, и они побежали к одной из машин. К ним присоединился и Эван. Остальные трое мужчин разместились в другом флайере.

Резкий свист, доносящийся снаружи пещеры, становился все громче, действуя на нервы. Хорн едва сдерживал дрожь, не сводя глаз с берега реки. Если люди Веллаи догадаться, где прячутся Язо и ее спутники, то им нетрудно будет перекрыть выход, заперев свои жертвы в ловушке.

Эван занял пилотское кресло, а Язо и Хорн разместились позади него. И в этот момент над мутным потоком появился одноместный флиттер. Он был так близко, что можно было разглядеть лицо пилота. Судя по всему, тот также заметил машины, готовые к взлету.

Хорн чертыхнулся.

— Похоже, нам все-таки придется драться, — произнес он сдавленным голосом.

Дальнейшие события понеслись с невероятной быстротой. Эван крикнул: «Пристегнитесь!» — и рванул на себя рычаг управления двигателем. Хорн поспешно пристегнул свой пояс безопасности. Флайер задрожал и плавно приподнялся над землей. Язо выдвинула из стенки салона небольшой пульт и склонилась над ним, быстро щелкая тумблерами. Ее лицо побледнело, но в целом она выглядела довольно спокойной.

Флайер, конечно же, был вооружен, и Язо собиралась выполнять роль стрелка. Хорну же отводилась роль пассивного наблюдателя, что ему совершенно не нравилось. В свое время ему приходилось участвовать в одной из пограничных войн, и опыт боевых действий у него имелся. Однако он привык к большим летательным аппаратам и космическому пространству, где почти ничего не ограничивало маневрирования. А чем он мог помочь сейчас? Хорн в растерянности вынул из кармана стуннер, а затем вновь его спрятал. В воздушном бою такое оружие было совершенно бесполезным.

Флиттер Веллаи медленно пролетел над поверхностью воды и исчез из виду. Эван выключил коммуникатор и связался с пилотом второго флайера.

— Будь готов, дружище. Похоже, нас все-таки засекли. Как только вылетим из пещеры, придется сразу же вступать в бой.

— Тогда давай вылетим одновременно и сразу же разойдемся. Рядом нам будет слишком жарко.

— Ладно. Следи за большим флиттером. Он наверняка тяжело вооружен. Ну, удачи, друг!

Оба флайера рванулись с места. Словно снаряды, они вылетели из пещеры и сразу же разошлись в разные стороны. Пилоты были мастерами своего дела, но этого оказалось мало. Противник имел преимущество в воздухе.

Хорн взглянул наверх и увидел овальное днище одноместного флиттера Веллаи так близко, что до него, казалось, можно дотронуться рукой. Интуитивно он пригнулся, но флиттер противника резко ушел в сторону, чудом избежав столкновения. Язо тотчас нажала на гашетку, и три розовых лазерных луча помчались к машине Веллаи. В ту же секунду Эван внезапно изменил свой курс, уходя от ответного залпа.

— Эван, ты украл у меня цель! — недовольно крикнула Язо, поняв, что промахнулась. — Кстати, это точно не полицейские флиттеры, на них нет опознавательных знаков.

— Выходит, это все-таки Веллаи? — спросил Хорн, с нескрываемым интересом разглядывая девушку.

Та насупилась.

— В чем дело, никогда прежде не видели воюющей женщины?

— Нет, почему же. Когда я служил в армии, у меня во взводе было несколько женщин-солдат. А вы тоже служите, Язо?

— Да, в наших военно-космических силах. Они невелики, но мы знаем свое дело.

— Тогда будь добра, возьми на прицел другой флиттер, —

вмешался в разговор Эван. — Похоже, нашим друзьям скоро придется несладко.

Действительно, второй флайер беглецов был окружен сразу двумя летательными аппаратами Веллаи. Их овальные корпуса отсвечивали угрожающим темно-красным цветом — таким же, как и бурлящие облака над ними.

Язо сразу же посерьезнела и положила руки на гашетку.

— Эван, начинай разворот, — напряженным голосом произнесла она. — Я постараюсь накрыть их обоих.

Глава 9

Эван совершил крутой вираж и помчался на помощь товарищам. Как только флайер вышел на дистанцию стрельбы, Язо сделала несколько залпов из лазерной пушки. Большой флиттер с неожиданной прытью ускользнул в сторону, но одноместной машине сделать это не удалось. Силовые щиты вспыхнули огнем, отразив первый залп, но второй развалил их окончательно, а третий уже ударил по корпусу машины. Одноместный флиттер загорелся и вошел в штопор. Язо издала восторженный крик, но в тот же момент большой флиттер ответил двумя залпами по флайеру с друзьями Эвана и Язо. Один из лазерных лучей лишь скользнул по корме машины, не причинив ей заметного вреда, но второй ударил по фонарю кабины. Прозрачный пластик рассыпался на куски, иводитель вспыхнул, словно факел. Флайер дернулся, будто раненое животное, и стал заваливаться набок, охваченный пламенем и облаком бурлящего дыма.

Эван зло выругался, а Язо закусила губы, провожая гибнущий флайер товарищей взглядом, полным боли и отчаяния. Но времени для эмоций у них не было. Большой флиттер совершил стремительный разворот и помчался им наперерез.

Резко повернув штурвал, Эван попытался уйти из-под обстрела противника. Хорна бросило так, что пояс врезался в грудь, и тут же его вдавило в кресло, когда флайер резко рванулся вперед в попытке уйти от противника. Дважды рядом с фонарем кабины промелькнули розовые лучи, а затем корпус машины потряс могучий удар. Флайер затормозил так, что Хорн с силой ударился лбом о спинку переднего сиденья. Придя в себя, он обнаружил, что Эван лежит без движения на пульте управления. Флайер тем временем вошел в жуткую спираль, уходя высоко в небо.

— Они... они подбили нас... — прошептала Язо, с ужасом глядя на кровь, текущую по виску пилота. Она выглядела ошеломленной и растерянной, но все же держалась молодцом и не впала в панику.

Хорн тихо выругался, сняв пояс безопасности, ухватился за спинку кресла пилота и подтянулся на руках. Вскоре ему удалось добраться до Эвана и встряхнуть его за плечо. Пилот не отреагировал.

— Он жив? — сдавленным голосом спросила Язо.

— Не похоже. Так удариться головой... Хотя нет, вроде еще дышит.

Машину болтало из стороны в сторону — сейчас она была полностью неуправляемой. Собрав все силы, Хорн толкнул пилота с кресла и сам занял его место. Некоторое время он разглядывал панель управления. Ему приходилось летать на флайерах, но совершенно иного типа. Поразмыслив, он включил один из тумблеров и угадал — заработала система стабилизации, и вращение машины прекратилось.

— Хорн, нас преследуют! — крикнула Язо.

Посмотрев в зеркало заднего обзора, Хорн заметил, что их догоняют сразу два флиттера.

— Займись ими, — процедил он сквозь зубы и взял в руки штурвал.

Девушка торопливо забегала пальцами по пульту управления пушками. Подвесные турели развернулись, и навстречу преследователям полетел целый веер розовых лучей. Флиттеры затанцевали, ловко уворачиваясь от них. На некоторое время они отстали, а затем вновь ринулись вдогонку за беглецами.

— Держись! — крикнул Хорн. — Сейчас я совершу убийственный маневр!

— Постараюсь, — ответила Язо.

Флайер камнем ринулся к земле. Казалось, он потерял управление и вошел в смертельный штопор, но Хорн твердо держал в руках штурвал, контролируя ситуацию.

Одноместный флиттер сразу же отстал, но четырехместный помчался вслед за флайером, выжидая момент для решающего залпа.

Когда до поверхности земли осталось не более двадцати футов, Хорн пробормотал: «Сейчас мы им покажем» — и с силой потянул штурвал на себя. Флайер стремительно взмыл в воздух. Чудовищная перегрузка вдавила пилота в кресло. Он услышал сдавленный крик Язо, но даже не повернул назад

голову. Через несколько секунд большой флиттер Веллаи, только что находившийся над ними, оказался внизу. «Огонь! — крикнул Хорн. — Черт поberi, огонь!»

Четырехместный флиттер охватило облако розового пламени. А флайер продолжал мчаться к облакам. Хорн постепенно сбавил скорость, а затем выровнял машину. Теперь они висели почти неподвижно прямо под брюхом огромного золотистого облака.

Язо смотрела на землю оцепеневшим взглядом. Она еще не могла прийти в себя после пережитого.

— Неужели мы сделали это? — прошептала она. — И остались в живых?

— Похоже на то, — проворчал Хорн.

На равнине, среди высокой травы, лежали три искореженные машины, окутанные клубами темного дыма. Огонь быстро расползлся по траве, подгоняемый свирепым ветром.

Внезапно зажужжал коммуникатор. Хорн торопливо включил тумблер.

— Хорн? — зазвучал чей-то голос.

Чей-то?

Горячая волна ненависти прокатилась по телу Хорна, но когда она схлынула, пилот выглядел спокойным и собранным.

— Ардрик, — сказал он.

Только сейчас Хорн заметил одноместный флиттер, висевший в миле от них под ярко-белым облаком.

— О нет, — вновь послышался знакомый, с издевательскими интонациями, голос. — Ардрик умер. Он погиб как герой, пытаясь спасти «Королеву Веги». Похороны Ардрика прошли с необычайной пышностью, и весь Риллах оплакивал этого замечательного молодого человека, одного из лидеров Веллаи.

Хорн разразился проклятиями.

— Ты, паршивый ублюдок...

Он повернул штурвал, и флайер помчался к машине Веллаи. Однако маленький флиттер ушел из зоны обстрела с необычайной легкостью.

Ардрик рассмеялся.

— Попробуй снова, Хорн, — пригласил он.

Забыв обо всем, Хорн вновь ринулся в погоню, но поймать быстроходный флиттер оказалось так же нелегко, как солнечный зайчик. Проклиная неуклюжесть своей машины, Хорн выжимал из двигателя все возможное, но не мог приблизиться к Ардрику даже на дюйм.

Тем временем лежавший рядом на полу Эван зашевелился,

застонал, и после некоторых неудачных попыток сумел встать на колени.

— Держитесь вы оба! — крикнул Хорн. — Сейчас я сожгу этого мерзавца в пепел!

Он начал вновь разворачивать машину, и в этот момент Эван схватил его за руки и попытался столкнуть с пилотского кресла.

— Ты сошел с ума, Хорн... — прохрипел он. — Ардрик... он только играет с тобой... ожидая подкрепления. Мы должны уходить поскорее!

Хорн с силой оттолкнул его.

— Оставь меня в покое! Я убью этого ублюдка, чего бы мне это ни стоило!

Эван выругался и неожиданно ударил Хорна в челюсть. Тот пошатнулся, но все же удержался в кресле. Повернувшись, он отпихнул Эвана, словно отмахиваясь от назойливой осы, а затем вновь занялся погоней.

Язо трянула его за плечи.

— Посмотри на север, Хорн! Туда, туда!

Девушка была так настойчива, что Хорн вынужден был ненадолго оторвать взгляд от флиттера. Повернув голову налево, он увидел далеко на севере пять быстро приближавшихся ярких точек.

Хорн вздрогнул и с силой провел ладонью по лицу, словно человек, пытающийся прийти в себя после сна. Ну конечно же, эта коварная бестия Ардрик вновь провел его!

Совершив крутой вираж, Хорн бросился в бегство.

Вновь призывно зазвучал зуммер коммуникатора.

— Вам не удастся уйти, дружище, — послышался спокойный голос Ардрика. — Наши флиттеры — самые быстроходные на Скеретхе. Но я надеюсь, что вы не сразу сдадитесь и дадите нам немного позабавиться.

Хорн не ответил — у него просто не находилось слов для этого негодяя. Флайер мчался над красно-желтой равниной, постепенно набирая скорость.

Эван вновь встал, вытирая кровь с разбитого лица.

— Поздравляю, Хорн, — горько усмехнулся он. — Вы сегодня сделали все, что могли. Теперь держите курс на восток, к горам. У нас есть небольшой шанс спрятаться где-нибудь среди них.

Хорн кивнул и, развернув машину, полетел на восток. Двигатель работал на всю мощь, но флиттеры действительно оказались более быстроходными и постепенно настигали бегле-

цов. Мастерство пилота здесь было ни при чем — все дело решала техника. А у Веллаи она была явно более совершенной.

Через несколько минут на востоке из-за горизонта стала медленно подниматься вверх густая тень, постепенно обретая черты горного хребта. Хорн провел измерение расстояния и занялся несложными расчетами. Их результаты ему не понравились.

— Мы не сможем уйти? — спросила Язо.

Хорн кивнул.

— Нет. Разве что на наше счастье грянет буря. Тогда мы смогли бы спрятаться в низких облаках.

Он с надеждой посмотрел на юг. Там всюду разошлась гроза, но она двигалась медленно, да и облака располагались пока слишком высоко.

— Может быть, теперь ты позволишь мне занять место пилота?

Хорн неохотно, но без возражений поднялся с кресла. Как ни крути, это был флайер Эвана. Может быть, он сумеет что-то сделать в этой безнадежной ситуации?

Эван поколдовал над пультом управления и смог каким-то чудом немного увеличить скорость флайера. Горы стремительно приближались, но и машины Веллаи настигали их, хотя и не так быстро, как прежде.

Беглецам явно везло. Над вершинами стали сгущаться темные тучи — приближалась гроза.

— Пожалуй, я рискну войти в одно из облаков, а затем сразу же спущусь в долину. Надеюсь, что Веллаи не заметят этого и проследуют дальше.

— Может быть, лучше... — в сомнении начала было Язо, но Эван оборвал ее:

— У нас осталось совсем мало горючего, так что выбора нет.

Флайер снизился и ринулся в одну из грозовых туч. Сразу же весь окружающий мир утонул в густом мраке. И все же кое-что вблизи можно было разглядеть, и Хорн с Язо замерли, глядя каждый в свою сторону. Оба видели массивные тени неподалеку — возможно, это были горные пики. Эван резко замедлил скорость флайера, а затем начал спускаться с опасной быстротой. Преследователей не было видно — возможно, они потеряли беглецов из виду.

Когда облачная завеса стала прозрачнее, внизу стали видны склоны гор. Эван наклонился, выглядывая место для посадки. Увы, там находились лишь бесчисленные пики скал, каменные оползни и ущелья, больше напоминающие бездон-

ные пропасти. Никаких следов растительности и тем более деревьев не было заметно.

Двигатель дважды кашлянул и замолк.

По инерции флайер продолжал полет, но его короткие крылья не могли долго удерживать машину в разряженном воздухе. Любой сильный порыв ветра мог опрокинуть его на скалы.

Хорн нервно сказал:

— С таким же успехом мы можем спуститься и дальше идти пешком, неся разобранную машину на своих плечах.

— Не думаю, что вам это понравится, — усмехнулся Эван, разглядывая очередное жуткое ущелье.

Флайер продолжал нестись над склонами, а ветер безуспешно пытался его перевернуть и разбить о камни.

Хорн внезапно сказал:

— У меня есть идея.

Выслушав его, Эван в сомнении покачал головой:

— Шансы в этой игре у нас один к ста. Но рискнуть стоит.

Грозовые облака все еще висели над хребтом, и машин Веллаи не было нигде видно.

— Можешь посадить машину там? — спросил Хорн, указывая на маленькую площадку среди почти отвесных скал, наполовину засыпанную каменными обломками.

Эван посмотрел вперед и проворчал:

— Ну конечно, сделать это, да еще с неработающим двигателем, — просто плевое дело.

И все же он начал маневрировать крыльями и стабилизаторами, пытаясь направить машину к этой площадке.

Хорн торопливо снял рубашку и надел ее на спинку своего кресла, чтобы издала это выглядело так, будто в салоне сидел человек.

— Сделай то же самое, Язо, — приказал он. — Быстро!

Девушка изумленно уставилась на него, и тогда Хорн свирепо заорал:

— Неужто стыдливость для тебя важнее жизни? Быстро, я говорю!

Отвернувшись, Язо дрожащими руками стянула свою рубашку и повторила прием Хорна. Затем она вновь села, прикрыв полуобнаженную грудь руками.

Но Хорну сейчас не было дела до ее прелестей. Он помог Эвану создать камуфляж «пилота», пока флайер неторопливо спускался к площадке.

— Надеюсь, это обманет наших преследователей, — сказал он.

— Хорошо бы! — отозвался Эван. — Будьте готовы прыгать, как только мы снизимся.

Наконец флайер после ряда сложных маневров повис над каменистой площадкой. Хорн откинул прозрачный колпак и чуть ли не выбросил замешкавшуюся Язо наружу. Следующим спрыгнул Эван. Машина накренилась и стала подниматься, используя последние граммы топлива, которые предусмотрительный Эван приберег на самый крайний случай. Хорн перепрыгнул через борт и упал на площадку, больно ударившись коленями. Эван тут же схватил его за руку и поволок к скалам, где трое беглецов спрятались под нешироким козырьком.

Тем временем автопилот поднял флайер над скалами, и машина продолжила полет — и почти сразу же двигатель замолк, уже окончательно. Раскачиваемый порывами ветра, флайер поплыл над крутыми склонами, приближаясь к неминуемой гибели.

Спустя несколько секунд из облаков вынырнул один из флиттеров Веллаи и сразу же ринулся вслед за ускользающей жертвой. В воздухе сверкнул веер розовых лучей. Флайер вспыхнул и, накренившись, рухнул на скалы.

Вскоре над местом падения уже кружили все пять машин Веллаи. Убедившись, что с беглецами покончено, они стремительно ушли ввысь и скрылись в облаках.

Эван сдавленно произнес:

— Черт, сработало.

Хорн проводил невидящим взглядом овальные машины и прошептал:

— Ладно, ребята. Настанет день, и мы посчитаемся...

Спуск по склону горы оказался очень трудным и опасным. По самым скромным подсчетам, он мог занять день-два, а то и больше. Пройдя скальную грядку, они вышли на мощный утес, откуда открывался отличный вид на оставшуюся часть пути. Представшая перед ними панорама не вызвала никакого энтузиазма. Хорн побывал во время звездных странствий на многих мирах и нигде не видел более мрачной и зловещей местности.

Облака переливались красными, пурпурными и коричневыми оттенками, и точно так же были окрашены бесчисленные скалы. Они напоминали лес, по которому только что прошла буря. Все вокруг выглядело разбитым, вздыбленным, перекореженным, бесконечно чуждым всему живому.

Казалось, здесь негде было пройти даже муравью. А где в этом каменном хаосе найти воду и пищу?

После короткого отдыха они продолжили спуск, больше напоминающий блуждание по каменному лабиринту. Сияние неба тем временем постепенно гасло, и с наступлением сумерек панорама гор стала выглядеть несколько мягче и менее угрожающей. Впрочем, трем путникам было сейчас не до любования окрестными видами. Их мучила жажда, но никакой воды они не нашли. У подножия скал не было ничего, кроме песка и каменных обломков. Наконец им удалось выйти на узкую расщелину, идущую в сторону подножия горы, и они пошли этим путем отчасти потому, что здесь идти было удобнее, а отчасти потому, что они и сами не имели отчетливого представления о том, что делать дальше. Усталость и сильная жажда усиливались с каждой минутой, и потому Хорн сам удивился своей быстрой реакции, когда услышал впереди какой-то подозрительный звук. Остановившись, он выхватил из кармана стуннер и сделал предостерегающий знак рукой друзьям. Язо остановилась и сразу же с болезненным стоном опустилась на колени. Эван едва успел ее поддержать, иначе она бы просто упала.

— Тихо, — прошептал Хорн. — Слушайте.

Прошло несколько минут. Наконец среди серых скал, окутанных желто-коричневыми сумерками, послышались чьи-то тяжелые шаги. Настолько тяжелые, что они явно не могли принадлежать человеку.

Глава 10

Хорн еще крепче сжал рукоять стуннера. Эван сдернул ружье с плеча и щелкнул затвором. Какое-то крупное существо пробиралось через скалы, и это не предвещало путникам ничего хорошего. Да, они очень хотели пить, но, возможно, какая-то местная тварь еще больше хотела есть.

— Подождите здесь, — тихо сказал Хорн. — Пойду на разведку.

Подняв почти бесполезный в такой ситуации стуннер, Хорн медленно пошел к проходу между двумя ближайшими скалами. Ему вовсе не хотелось сейчас изображать из себя героя. Напротив, он с удовольствием предпочел бы залечь где-нибудь в уютной пещере и переждать там пару часов, пока все

не успокоится. Но он продолжал идти по каменистому склону, с трудом передвигая ноги.

Наконец он услышал голос — негромкий, скрипучий, словно бы заржавелый, с протяжным шипением, как будто его владелец нечасто говорил по-человечески:

— Не стреляйте. Пожалуйста. Я друг.

Хорн остановился, чувствуя, как мурашки бегут по его спине.

— Друг? — хрипло произнес он. — Тогда почему же вы прячетесь?

— Люди стреляют, — с тяжким вздохом сообщил незнакомец. — Слишком быстро. А у меня есть еда и вода для вас. Пожалуйста, поверьте.

Хорн истерически рассмеялся.

— У вас есть все это? Для нас? Замечательно, только уж больно это смахивает на ложь. Откуда вы можете знать о нас?

— Файф слушал радио, — слышалось из-за скал. — Он слышал разговор Веллаи.

— Файф?

— Это наш лидер. Он сказал, что вы живы.

— Опять ложь! Веллаи уверены, что мы погибли, иначе бы не улетели отсюда.

— Мы видели, как упал ваш флайер. Там не было тел. Файф сказал, что вы спрятались где-то выше по склону. Мы искали вас, и я нашел.

— Кто вы такой?

— Челл с Чоранна.

Хорн слышал про Чоранн. Это был один из самых отдаленных миров отрога, расположенный на краю галактики. Хорн побывал там лишь однажды, когда его корабль привез оборудование для местных рудников. Почти всю поверхность планеты покрывали густые леса с гигантскими башнеподобными деревьями. Инженеры с рудников рассказывали о таинственных формах жизни, обитающих в этих лесах. Они никогда не появлялись на глаза при дневном свете, зато ночью между мощными стволами то и дело мелькали причудливые тени, и воздух наполняла какофония самых фантастических звуков. Возможно, его невидимый собеседник был из числа этих неуловимых призраков Чоранна.

— А кто ваши друзья? — спросил Хорн. — Вы сказали: «Мы видели». Кто это — мы?

— Мы — рабы, что бежали из плена Веллаи.

Хорн услышал позади тихий вздох. Обернувшись, он уви-

дел Язо и Эвана, стоявших у него за спиной. Судя по их заинтересованным лицам, они слышали весь разговор. Девушка негромко попросила:

— Хорн, скажите Челлу, чтобы он вышел. Я хотела бы с ним поговорить.

— Я слышу, — тотчас отозвался обитатель Чоранна, у которого оказался весьма тонкий слух. — Не будете стрелять?

— Нет, — ответил Хорн, пряча в карман свой стуннер. — Если вы, конечно, не вынудите нас обороняться.

За ближайшей скалой послышался шум. Он явно не походил на звук человеческих шагов. Вскоре в проходе между скал появилось округлое, словно воздушный шар, существо, покрытое густым мехом. Оно, казалось, наполовину плыло в воздухе и наполовину шло на четырех длинных щупальцах, что росли из его нижней части. Пятый щупалец был приподнят и держал узелок, из которого торчали горлышки двух фляг. Насколько можно было судить при сумеречном освещении, у Челла не было ни головы, ни глаз. Просто большой пушистый шар, который умеет разговаривать.

— Черт побери... — пробормотал Эван и нервно сплюнул. Язо тихо охнула и спряталась за плечами Хорна.

— Не стреляете, — констатировал Челл, покачиваясь от порывов горного ветра. — Это первый раз, когда кто-то из нас, чораннцев, говорит здесь с людьми и не боится.

Язо набралась мужества и выступила вперед, изобразив на лице нечто вроде улыбки.

— Мы рады тебе, Челл, — произнесла она довольно твердым голосом. — На Скеретхе давно ходят слухи, что Веллаи привозят сюда рабов, но ты первый, с кем нам удалось поговорить. Скажи, многие ли бежали из плена Веллаи и прячутся здесь, среди гор?

— Вы сами увидите, — ответил Челл. Он положил узелок на землю и тактично отошел немного назад. — Враги Веллаи — это наши друзья. Ешьте и пейте, а я пока позову других. А потом мы поведем вас к Файфу.

Эван спросил подозрительно:

— Что за «другие»?

— Беглые рабы вроде меня, — с заметной обидой в голосе ответил Челл. — Не бойтесь. Если бы мы плохо относились к вам, то не стали бы разыскивать. Здесь плохо в горах, очень плохо. Думаю, вы скоро бы умерли. Следуя этим путем, вы не нашли бы воды.

Хорн успокаивающе улыбнулся:

— Ну что ты, Челл, мы вполне доверяем вам и очень благодарны за помощь.

Хорн развязал узелок. Там находились две фляжки с водой и немного вяленого мяса. Оно было довольно вкусным, хотя и весьма странного цвета. Впрочем, Хорну и его спутникам сейчас было не до расспросов. Они жадно ели и пили, поглядывая на Челла, который терпеливо поджидал их в проходе между скал.

— Думаю, вам все-таки стоит позвать своих друзей, — насытившись, предложил Хорн.

— А я их уже позвал. Просто мы между собой разговариваем на очень высоких частотах. Вы их не слышите.

Сделав напоследок несколько глотков прохладной воды, Язо удовлетворенно вздохнула и с благодарностью взглянула на странное шарообразное существо.

— Как жаль, что мы не встретились с вами раньше, Челл! — сказала она. — Все тогда могло пойти совершенно иначе. Моривенн мог бы остаться в живых, и мы могли бы с вашей помощью сокрушить Веллаи. Жаль, очень жаль... Вы сказали, что у вашего лидера есть радио. Разве он не мог связаться с нами?

Последние ее слова звучали почти истерически. Сказалось нервное и физическое напряжение последних часов.

Челл ответил:

— Простите, но мы слишком мало знаем о вашем мире. Файф подслушал из разговоров Веллаи, что вы трое — их враги. Веллаи очень хотели, чтобы вы умерли. Но с другой стороны...

Существо замолчало. Хорн подумал: «Если бы у Челла были бы плечи, то он сейчас, скорее всего, пожал бы ими».

— С другой стороны, — после долгой паузы продолжил Челл, — до сих пор все обитатели этого мира были нашими врагами.

Над вершинами скал появились две округлые тени. Затем они то ли прыгнули вниз, то ли полетели, и через несколько мгновений приземлились рядом с людьми.

— Вы готовы? — спросил Челл. — Тогда пора идти.

Он и его двое шарообразных собратьев окружили людей и протянули к ним щупальца. Язо отшатнулась со сдавленным восклицанием.

— Эй, подождите! — недоуменно сказал Эван. — И как же мы вместе пойдем?

— Мы понесем вас, — ответил Челл. — Не бойтесь, для нас

это легко. Чоранн более крупный мир, чем этот. Любая ноша здесь легка для нас. Поэтому Веллаи и привезли нас для тяжелых работ.

Хорн почувствовал, как щупальца обхватили его грудь, словно стальные обручи. Затем существо — он не понял, было ли оно Челлом, или его приятелем, — стало раздуваться, словно намереваясь превратиться в самый настоящий воздушный шар. Заметно увеличившись в размерах, странное существо высоко подпрыгнуло вверх. Двумя щупальцами оно крепко прижимало Хорна к своей мохнатой «грудь», а другими искало точки опоры на поверхности скалы. Добравшись в считанные секунды до вершины, оно прыгнуло и поплыло по широкой дуге, перенесясь сразу над несколькими острокопечными вершинами. Затем последовал еще один огромный прыжок, другой, третий...

Оказалось, что его нес все-таки Челл. Уловив недоумение Хорна, чоранец объяснил:

— Наша раса способна извлекать из воздуха чистый водород, подобно тому, как морские обитатели извлекают кислород из воды. В каком-то смысле мы просто живые воздушные шары. Не бойтесь, мы не упадем.

Но Хорн сейчас ничего и не боялся. Он заметил, что в полете «располневший» Челл чувствует себя куда уверенней, чем при ходьбе по земле, да и букву «с» стал выговаривать куда лучше. Мех странного обитателя Чоранна оказался мягким и сухим, без какого-либо неприятного запаха. Тело Челла было упругим и словно бы бескостным. Хорн прижался к нему ухом и услышал ритмичное сердцебиение и нечто вроде шума вдоха и выдоха.

Путешествие над темными скалами, в беззвездной ночи, оказалось похожим на подводное плавание. Порой внизу мелькали глубокие ущелья и узкие каменные террасы, нависающие над пропастями. Наконец вдали появился отблеск света. Повеяло свежестью, и вскоре снизу донесся шум бегущей воды.

Челл и его собратья приземлились на берегу горного потока. Хорн с облегчением встал на собственные ноги и сделал несколько разминочных упражнений. Впереди, среди огромных валунов, виднелось довольно крупное приземистое сооружение, сложенное из грубо обтесанных камней. Из широкого входа падал тусклый желтый свет. Там стояло невысокое существо, напоминавшее худощавого подростка.

— Это Файф, — почтительно произнес Челл. — Он не человек.

Файф кивнул маленькой безволосой головой.

— Среди рабов нет людей, — тонким свистящим голосом сказал он. — Но мы почти все принадлежим к различным расам, так что ваш вид никого не удивит и не испугает. Входите.

Хорн и его спутники молча вошли. Стены дома оказались сложенными из глыб красного песчаника. В углу обширного помещения стоял фонарь с портативными атомными батареями. Файф поднял его и повесил на крюк в потолке. Шедший последним Челл поспешно задернул занавес над входом.

— Веллаи нечасто бывают в этих местах, — пояснил Файф, — но осторожность не помешает.

Он повернулся и принялся бесцеремонно разглядывать людей. Гости ответили ему тем же. Хорн попытался определить, к какой расе принадлежит этот гуманоид, но безуспешно. Ростом лидер рабов не превышал полутора метров. Его тело было совершенно гладким, с серо-голубой кожей, по которой, словно у зебры, шли черные и желтые полосы. Глаза у него были янтарно-желтыми, странными, мерцающими.

— Здесь все беглые рабы, — сказал Файф, обедая комнату тонкой четырехпалой рукой. — Как видите, немногим удалось скрыться от проклятых Веллаи!

В помещении находилось двадцать четыре человека — хотя слово «человек» в этом случае явно не подходило. Хорну еще не приходилось видеть одновременно столько причудливого вида существ.

Сначала его взгляд остановился на двоих — единственных, кого ему удалось опознать. Это были громадные, не менее трех метров в высоту, обезьяноподобные создания, с могучими клешневидными руками и приятными, простодушными лицами.

— Вы с Алламара, — сказал Хорн, а затем произнес несколько слов на языке этих гуманоидов. Оба сразу же подняли головы и радостно улыбнулись. Гиганты сейчас выглядели словно два больших пса, которые потерялись в лесу и вдруг услышали знакомый голос хозяина.

— Да, — прогрохотал один из алламарцев. — Меня зовут Лург.

Рядом с Лургом находились трое гуманоидов, женщина и двое мужчин. От людей их отличали только длинные острые уши, звериные зубы и остатки шерсти вдоль позвоночника. Были и сородичи Челла — значительно меньшие по размеру

существа, теснившиеся в углу комнаты. При свете лампы их мех казался ярко-зеленым, а щупальца сияли пурпурным светом, словно рождественские украшения.

В другом углу стояли обезьяноподобные создания, тускло-фиолетового цвета, с огромными когтистыми руками и небольшими забавными крыльями. По полу расхаживали паукоподобные существа, с небольшими округлыми телами и длинными тонкими лапами, прекрасно приспособленными для восхождения по отвесным кручам.

Хорн подумал — наверное, на их родной планете полно полно скал. У него стала кружиться голова, переполненная необычными впечатлениями. Особенно Хорна поразили невероятные чудовища, похожие на фантастические мутации людей, скрещенных с инопланетными животными и насекомыми. Они казались по-своему совершенными, идеально приспособленными к специфическим условиям существования на родных планетах.

Эван, стоявший позади него, громко выругался и сказал:

— Теперь ясно, что у Веллаи на самом деле были рабы, и у них наверняка хватало тяжелой работы.

— Еще как хватало, — вздохнул Файф, — и мы — лишь часть доказательства того, что затеяли эти мерзавцы. Раньше мы не задавались вопросом, чего же хотят достичь Веллаи, но теперь нам это стало интересно. Например, почему они хотели так безжалостно уничтожить вас, таких же людей, как и они сами?

Когда Эван и Язо отвечали на вопросы, они остро ощущали на себе взгляды множества глаз, которые наблюдали за ними без особой любви.

Хорн понял, что этим созданиям все люди кажутся врагами. Ему вдруг пришло на ум, что рабы были привезены на Скеретх только для выполнения определенных работ и после их окончания должны были быть уничтожены. Он поделился своей мыслью с Файфом, и желтоглазый человек согласно кивнул:

— Я думаю, что вы могли бы нам помочь. Мы ушли от стражников, но этого недостаточно. Мы мечтаем попасть домой. Если это возможно, мы хотели бы также освободить тех рабов, которые остались пленниками Большого Проекта. А самое большое наше желание — уничтожить как можно больше Веллаи.

Его глаза горели ненавистью.

— В любом случае мы не можем скрываться всю жизнь

здесь, прячась в ямах, полуголодные, в страхе перед появлением Веллаи. Пусть мы умрем, но нам бы хотелось, чтобы наша смерть принесла какую-нибудь пользу и надолго запомнилась нашим мучителям.

Глухое рычание, означающее согласие, наполнило комнату.

Файф оглядел троих людей.

— Вы одной с Веллаи расы, и однако они охотились на вас. Мы пока оставили вас в живых, потому что надеемся, что вы хоть чем-нибудь с нами поделитесь: оружием, информацией, чем-нибудь, что поможет нам разработать план дальнейших действий. Если у вас ничего этого нет... — Он многозначительно пожал плечами.

— Послушайте, — сказал Хорн. — Мы также сильно пострадали от Веллаи. Эта девушка, Язо, потеряла отца, я — корабль и свою карьеру. Теперь мы такие же беглецы, как и вы.

Файф сказал нетерпеливо:

— Я понимаю. Мы вам не враги. У нас есть цель, к которой мы должны стремиться вместе.

Эван сердито возразил.

— Вместе? А почему мы должны вам доверять, черт побери? Моривенн боролся с Веллаи много лет и в конце концов отдал свою жизнь в этой борьбе. Его дочь и я...

— В туннелях под Скеретхом, — перебил его Файф, — мы очень мало слышали как о Моривенне, так и о вас. — Он повернулся к Хорну. — Эта история меня заинтересовала. Вы говорите, что не бывали в Риллахе?

— Нет, — сказал Хорн, — и так же, как вы, хотел бы никогда не слышать о нем. Я — с Земли, работаю астронавтом на флоте, обслуживающем Управление Федерации.

Он второй раз и более подробно рассказал о том, что случилось с ним и почему он прибыл на Скеретх.

— Эти люди, — Хорн указал на Язо и Эвана, — пошли на многое, чтобы сохранить мне жизнь. Они потеряли троих своих товарищей и сами рисковали жизнями. Я — как и вы, Файф, интересуюсь только собственными делами, но я не так глуп, чтобы отказаться от хороших союзников. Они хотят свергнуть Веллаи по политическим причинам. Я не думаю, что кто-то из нас будет ссориться с ними. Я хочу доказать, что один из лидеров Веллаи — Ардрик, разрушил мой корабль. Вы хотите отомстить и получить свободу. Вполне понятные желания. Если нам удастся свергнуть Веллаи, вы будете иметь и то и другое.

Он огляделся вокруг, чтобы определить, насколько беглые

рабы восприняли его слова, но мгла скрадывала выражение их лиц. Он так и не смог понять, что же они решили.

И тогда Файф сказал:

— Я жду твоих предложений, продолжай.

— Ардрик — ключ ко всему. Если мы сможем схватить его и заставить говорить, все остальное получится само собой. Федерация сможет на законных основаниях наказать Веллаи. Рабы насильно привезены сюда и будут освобождены и отправлены домой. Моя репутация будет восстановлена, а Скеретх войдет с помощью партии Моривенна в Федерацию как свободный мир, а не как частная собственность Веллаи.

Файф нерешительно кивнул:

— И как это можно сделать?

— Мы знаем, что Ардрик находится в Риллахе. Необходимо как можно скорее отправиться туда и схватить этого мерзавца.

— Как?

— Ну, — сказал Хорн, — я надеялся, что вы могли бы предложить какую-нибудь толковую идею.

— Давайте сядем, — предложил Файф, — и обсудим этот вопрос.

Они сидели на голом и прохладном песчанике, окруженные сверхъестественными существами, переместившимися поближе, чтобы лучше слышать. Хорн сидел рядом с Язо и успокаивающе держал ее за руку. Эван охранял девушку с другой стороны, настороженно глядя на звероподобных инопланетян.

Первой нарушила молчание Язо:

— Я знаю о входах в огромные пещеры, которые находятся в Риллахе. Поскольку вы бежали из них и находитесь на этой стороне гор, то туннели должны быть сквозными. Я права?

— Ты права, — сказала гуманоидного вида женщина с остроконечными ушами.

Она носила роскошную металлическую накидку, которая слегка прикрывала высокую прекрасную грудь. Ее бедра были свободно задрапированы куском синего шелка, который поддерживали два золотых пояса. Если не обращать внимания на петушиный гребень, то инопланетянка казалась совершенством. Эта особа смотрела с типично женским интересом на нечесаную, грязную, полуголую Язо.

— Но я подозреваю, — сказала она Файфу, — что эти люди — шпионы и что они нарочно обвиняют во всех смертных грехах Веллаи, якобы желая нам добра.

Файф обнажил свои острые небольшие зубы, что при желании можно было рассматривать как улыбку.

— Я обдумывал такую возможность, Мива, — сказал он, — но нашел существенные доводы против этого. Искренне сомневаюсь, чтобы Веллаи пошли на такой спектакль только ради нас. Не так уж мы для них и важны.

— Эй, торопись потише, Файф, — сказала одно из фиолетовых чудовищ, голос которого звучал так, как будто исходил из глубин земли. — Мива, может быть, права. Мы не можем судить об истинных мыслях людей.

Файф кивнул:

— Что верно, то верно.

— И обратите внимание, — сказала Мива, дрожа остроколючими ушами от злобы и волнения, — как поспешно эти люди стараются навязать нам свой план действий. Туннели должны пронизывать полностью горы, говорят они. О да! И теперь они хотят, чтобы мы направились в Риллах. Как? Через туннели, конечно, где нас могут поджидать Веллаи!

Мива возбужденно подпрыгивала, обращаясь сразу ко всем сидящим в комнате.

— Что может быть лучше для Веллаи, чем заманить нас в туннели? А потом нас сошлют обратно в темные штольни Проекта.

Кое-кто из негуманоидов сказал:

— Это правда.

Мива драматично ударила себя в грудь:

— Я не собираюсь возвращаться! Я предпочту остаться здесь и умереть на свободе, среди гор, чем провести хоть еще один день в этих ужасных туннелях. И я лучше покончу с собой на этом месте, чем поверю хотя бы одному слову человека!

Мива, без сомнения, обладала магическим даром убеждения. Хорну ее речь показалась истеричной, но и в то же время весьма эффектной. По крайней мере, эффектной для аудитории из беглых, насмерть перепуганных рабов. Эту женщину стоило опасаться.

Хорн встал.

— Вы не должны относиться к моим словам как к приказу и не обязаны идти куда-нибудь, — хладнокровно сказал он. — Только покажите нам, где находятся туннели, и мы пойдем в Риллах сами.

— А-а! — завопила Мива, кружа вокруг него. — Отпустить вас? Чтобы вы привели Веллаи сюда и уничтожили нас всех?

— О черт, — процедил Хорн сквозь зубы с нескрываемым отвращением. — Баба она и есть баба, будь она хоть трижды гуманоидом.

Он обратился к Файфу:

— Кто она такая?

Файф взглянул на беснующуюся Миву со злобной усмешкой, как будто имел на нее зуб.

— Эта женщина считалась великой жрицей у себя на родине, — сказал он. — В ее подчинении находился большой храм и солидный штат прислужников. Люди приходили со всего света, чтобы услышать ее пророчества.

Два человека из племени Мивы вскочили с места и закричали:

— Это правда — каждое слово! Мива — самая могущественная колдунья в отроге!

— Похоже, эта баба здорово заморочила мозги людям из вашего мира, — презрительно сказал Файф. — Сядь, Мива, ты мне надоела.

Жрица открыла было рот, чтобы гневно возразить лидеру беглых рабов, но он повторил резким тоном:

— Сядь, тебе говорю! Мы не нуждаемся в твоих пророчествах.

Мива села с оскорбленным видом. Двое ее соплеменников сразу же поутихли. Они обычно помогали жрице, делая на стоящее шоу из ее пророчеств. Мива, быстро успокоившись, любезно их поблагодарила, а затем обратилась к Файфу:

— Делайте, что хотите. Но я остаюсь здесь.

Она сложила руки на груди, отказываясь от спора и глядя на всех с презрением. Хорн вздохнул с облегчением. Но неожиданно фиолетовый негуманоид прогудел своим словно бы идущим из подземелья голосом:

— Эй, Файф! Не затыкай Миве рот. Даже шарлатаны могут иногда говорить правду.

— Да знаю, знаю, — раздраженно ответил Файф. Он беспокойно осмотрелся, вглядываясь в лица беглых рабов. — Вы выбрали меня вашим лидером, не так ли?

— Да, — ответил за всех фиолетовый негуманоид.

— Почему?

— Потому что ты был достаточно умен, чтобы помочь нам всем бежать из резервации.

— Хорошо. Неужто вы считаете, что я внезапно настолько поглупел, что не могу видеть того, что очевидно для всех?

Файф посмотрел на Хорна, а затем на Эвана и девушку. Его взгляд был пронзительным и жестким. Людям показалось поначалу, что он выглядел почти человеком. Но сейчас лицо Файфа выглядело почти звериным, и он стал таким же чужаком, как все остальные, и, похоже, еще более опасным.

— Я тоже не доверяю этим людям! — крикнул Файф. — Но как лидер я обязан искать любые варианты нашего спасения. Мы все — не робкого десятка, и каждый известен на своей родине как опытный и сильный боец. Неужто сейчас мы будем слушать эту безумную бабу и покажем себя жалкими, ни на что не способными трусами? Повторяю: это моя идея, что нам следует идти к Риллаху по туннелям — тем путем, который мы отлично знаем. Те, кто желает остаться здесь с Мивой, могут оставаться. Пусть надеются и дальше на чудесное спасение, если хотят, это их дело, а лично я предпочитаю действовать, чем гнить заживо в этих проклятых горах. Но я скажу вам еще кое-что. Да, эти трое людей не вызывают у меня особого доверия. Но они пойдут безоружными и под охраной, и если они замыслили предательство, то очень пожалеют об этом.

Эван разразился проклятиями.

— Ну уж нет! Я не пойду против Веллаи невооруженным. Или вы доверяете нам или идите...

— Спокойней, дружище, — остановил его Хорн. — Посмотри как следует вокруг. Даже оружие нам не поможет, если мы рассоримся с этими ребятами. Скольких ты смог бы уничтожить до того, как они разорвут нас на части? И особо подумай о Язо.

Эван прорычал что-то, задыхаясь от ярости, но ему нечего было возразить. Он поднял винтовку и швырнул ее Файфу. Затем он вновь сел и обхватил руками голову, не скрывая своего отчаяния.

— Я — игрок, — сказал Хорн, обращаясь к Файфу. — Предлагаю пари: ставлю то, что у меня осталось, — мою жизнь, против того, что Ардрик попадет нам в руки. Если вы готовы таким путем искать путь к спасению, то надо немедленно начинать действовать. Честно скажу, что мне и моим друзьям не хочется лишаться оружия. Впрочем, вы сами должны быть заинтересованы в том, чтобы оно осталось в целости и сохранности.

После некоторых колебаний он вынул из кармана стуннер и протянул его Файфу.

— Мы будем очень аккуратны с ним, — усмехнувшись, сказал Файф. — Ведь другого оружия у нас нет.

Он посмотрел на притихших беглых рабов:

— А теперь пора решать, друзья. Кто собирается идти в Риллах?

Инопланетяне собрались в углу комнаты и стали тихо совещаться друг с другом. Хорн наблюдал за ними с тревогой. Безусловно, эти чужаки были опытными и сильными бойцами и могли бы принести Веллаи немало неприятностей. Но они также были слишком невежественными и вряд ли имели хотя бы малейшее представление о тех ловушках и опасностях, которые могут подстергать неожиданных гостей в туннелях. В этом отношении от Язо могло быть намного больше пользы. Но Язо выглядела слишком измученной, и сейчас бессмысленно было ее о чем-либо расспрашивать. Девушка сидела на грубо сплетенной циновке и отрешенно смотрела на стену. Неожиданно она спросила:

— Файф, ты сказал что-то про Большой Проект. Мива тоже упомянула об этом. Что это такое?

Файф удивленно посмотрел на нее.

— А разве ты не знаешь?

— Нет! — В волнении девушка вскочила на ноги, забыв свою усталость. — Мой отец всегда считал, что Веллаи тайно занимались какими-то грандиозными и запрещенными вещами — настолько опасными, что не рискнули использовать труд жителей Скеретха, даже жалких каторжников. Именно поэтому, по мнению отца, Веллаи и стали тайно привозить рабов на Скеретх.

Файф пожал плечами.

— Твой отец лучше разбирался в нравах своей планеты, чем я. Я только знаю, что меня и моих сородичей спящими захватили вооруженные люди, накачали наркотиками и на космических кораблях перевезли на Скеретх. Ночью нас погрузили в большие фургоны и привезли в резервацию, устроенную в большой пещере в одной из гор. С тех пор мы и сотни других рабов с разных миров отрога работали, словно каторжники, не видя дневного света. Мы рыли туннель за туннелем, галерею за галереей, пробивали шахту за шахтой. Это называется Большой Проект.

Хорн нетерпеливо спросил:

— А для чего все эти туннели и куда они ведут?

— Из разговоров стражников, — сказал Файф, — мы поняли, что Веллаи создают в глубинах гор бесчисленные помещения для некоего большого и секретного научного дела. — Он добавил с некоторой горечью: — Мы видели множество странных машин и механизмов. Но что невежественные гуманоиды вроде нас могут знать о науке?

Фиолетовое существо вновь вмешалось в разговор:

— Что бы Веллаи ни делали, они делают что-то злое и ужасное. Даже охранники так говорили.

Язо укоризненно посмотрела на Эвана.

— Вот видишь, теперь уже ясно, что отец был прав. Нет никаких сомнений относительно этого.

— Верно, — смущенно кивнул Эван. — Мне искренне жаль. Не потому, что я был прежде неправ, а потому, что Веллаи будут вдвойне осторожны, если в недрах гор на самом деле скрывается какая-то секретная установка. Тем труднее для нас будет выполнить все задуманное.

Тем временем инопланетяне обсудили предложение своего лидера и разделились на две команды. Одна, небольшая группа в семь или восемь особей, собралась вокруг Мивы и ее двух соплеменников. Другая, из пятнадцати существ, включая фиолетового громилу, Челла и других чораннцев, а также двух волосатых гигантов с Алламара, собралась возле Файфа.

Лург сказал, выражая их общее мнение:

— Идти опасно. Но мы думаем, что ничего не получим, сидя здесь.

— Хорошо, — кивнул с важным видом Файф. — А теперь помолчите, мне надо подумать.

Он поднялся и начал расхаживать по комнате. Его желтые глаза ярко сияли, кончик острого языка возбужденно дрожал между тонкими губами. Внезапно он обернулся и указал на Миву.

— Так как вы не хотите рисковать своей драгоценной персоной, то отдайте свою одежду. Язо должна быть одета так же, как и мы. Веллаи узнают при первом взгляде, что мы — рабы, и не станут стрелять, надеясь захватить нас живыми. Ну, быстрее!

— Нет! — закричала Мива. — Никогда!

Файф кивнул Челлу, Лургу и фиолетовому пришельцу. Они мигом набросились на жрицу, и никто из ее сторонников не решился прийти женщине на помощь. Файф продолжал широкими шагами расхаживать по комнате, не глядя на отчаянно визжащую Миву.

— Вы, мужчины, должны позаботиться о себе самостоятельно, — сказал он, обращаясь к Хорну и Эвану. — Хорошо бы использовать форму стражников, охраняющих входы в туннели. Неплохо было бы захватить и флиттеры, если вам удастся добраться до их стоянок.

— Флиттеры? — спросил Хорн. — Они что, тоже находятся в туннелях?

— О да. Я видел там множество одноместных флиттеров, способных летать под сводами туннелей и галерей. Как вы думаете, каким образом Веллаи осуществляли надзор за рабами и управляли их работой? Именно с помощью флиттеров. Эти машины нам могут очень понадобиться. Мы не можем даже надеяться пройти всю дорогу до Риллаха без того, чтобы не встретить кого-то из стражников. Их полно везде, даже в старых галереях. Если вы наденете одежды стражников и полетите на флиттерах над нашими головами, то нас могут принять за очередную рабочую смену.

Фиолетовый инопланетянин, которого звали Декуар, возвратился с Челлом, держащим на вытянутых щупальцах, словно величайшую ценность, голубую юбку Мивы и ее серебряную накидку. Файф взял их и передал Язо.

— Я надеюсь, что ты понимаешь цену этих вещей, — сказал он. — Необходимо постараться сохранить костюм Мивы, который ей нужен для работы. В резервации она надевала его только один раз, когда играла роль жрицы.

Язо виновато посмотрела на Миву и сказала:

— Прошу прощения. Мне искренне жаль...

Мива, которая по-прежнему находилась в отнюдь не дружеских объятиях Лурга, разразилась потоком брани. Файф расхохотался.

— Сомневаюсь, чтобы жриц обучали такому грязному языку в храмах. Дорогая Мива, негоже вести себя словно базарная торговка! Успокой ее, Лург.

Лург встряхнул женщину своими огромными руками, и она сразу же затихла. Затем гигант занялся ее двумя соплеменниками, и те, получив по несколько болезненных оплеух, полпелись на свое место, потирая ушибы.

— А теперь перед походом нам надо отдохнуть, — сказал Файф. Его острые глаза оценивающе посмотрели на обоих мужчин и Язо. — Я понимаю, что мы все чужие для вас и, наверное, выглядим чудовищами. И все же нам обязательно следует подружиться. Без нашей помощи вы никогда не попаде-

те в Риллах. А пока мы будем спать, те, кто остается в горах, могут честно поделить продукты и воду.

Хорн, Эван и Язо отошли от всех подальше и улеглись в дальнем углу. Несмотря на невыносимую усталость, Хорн не смог сразу закрыть глаза. Его завораживал танец фантасмагорических теней, метавшихся по стенам, словно стая сверхъестественных призраков. Щупальца Челла и его собратьев по Чоранну превращались в гроздь змей, грациозно извивающихся под самым потолком. Чуть ниже метался из стороны в сторону причудливый нечеловеческий силуэт, который чем-то напоминал Файфа, а рядом приплясывали огромные мохнатые тени, которые, похоже, принадлежали инопланетянам с Алламара. Вокруг колыхался лес из рук, клешней, щупалец, антенн и перьев, сплетавшихся между собой самым невероятным образом. Мгла была наполнена невнятным шорохом голосов — беглые рабы продолжали тихо обсуждать события этого напряженного дня...

Внезапное чувство страха охватило Хорна. Что он делает здесь, вместе с этими инопланетными созданиями, такими непохожими на людей? Он подумал, уже не впервые, что люди слишком быстро расселились по галактике, не успев как следует подготовиться вот к таким встречам. Ему показалось, что он наблюдал шабаш служителей дьявола, кривлявшихся под богохульную музыку Берлиоза. Хорну захотелось встать и убежать из этого жуткого каменного здания, оставить спящим Язо и Эвану их проблемы, забыть про этих чужаков, нелепых порождений кошмара, и навсегда покинуть этот мир. Домой, домой...

Эта мысль привела Хорна в чувство. Какими бы чуждыми и жуткими ни казались обитатели различных миров отрога, они, в сущности, хотели того же, что и он. Они хотели вернуться домой. Их привезли на Скеретх люди Веллаи — кого силой, а кого обманом. Долгие годы они работали, словно каторжники, в недрах гор и наконец-то сумели выбраться из своей каменной могилы. Это были наивные, простоватые существа, но они тосковали о туманах Чоранна, о мрачных лесах Алламара и о других отдаленных мирах точно так же, как он тосковал о Земле.

Внезапно Хорн ощутил приступ ненависти к Веллаи — нет, не только за то зло, которое они причинили ему, но и за то, что они сделали с этими беззащитными, мирными существами. Зачем? Что за Большой Проект осуществляли они руками

рабов? Почему даже их собственные стражники считали, что в недрах гор рождается большое зло?

Из мглы вынырнула чья-то невысокая фигура. Маленький прищелец заметил, что Хорн бодрствует. Подойдя ближе, лидер беглых рабов уставился на него желтыми мерцающими глазами.

— Ты наблюдаешь за нами, — констатировал он с явным подозрением в голосе.

Хорн кивнул:

— Да, Файф, я наблюдаю за вами.

Последовало молчание. Был ли Файф телепатом или он просто почувствовал изменение отношения к себе, Хорн не знал. Но следующую фразу Файф произнес совершенно другим, дружеским тоном:

— Спи, человек. Нам всем будет не до отдыха на пути в Риллах.

Глава 12

Галерея была проложена в верхней части горы и уходила в глубь каменной толщи. Воздух здесь был на удивление свежим — по-видимому, благодаря вентиляционным шахтам, выходившим прямо на склоны. Хорн решил, что они должны быть закрыты от дождя и света какими-то козырьками, поскольку свет не проникал вниз даже в дневное время. К счастью, у некоторых из рабов имелись рабочие лампы, которые они прихватили с собой при побеге из резервации. Фиолетовый Декуар прицепил свою на лоб и освещал путь идущим за ним.

Вдоль галереи, с правой стороны, через определенные промежутки были установлены овальные металлические люки. Они были покрыты антикоррозийной пластмассой и блокированы мощными фиксаторами. Даже Файф не знал, для чего предназначались эти люки. Он только усвоил от надсмотрщиков, что прикасаться к ним смертельно опасно. Хорн очень сомневался в этом, но рисковать ему совершенно не хотелось.

Они прошли длинную дорогу от убежища среди скал, с трудом прокладывая свой путь в ночи по крутому склону, пока не достигли подножия горы. Эван сказал, что Риллах находится за следующим горным хребтом, а следовательно, маленькому отряду предстояло пересечь обширную долину.

С рассветом Файф повел их среди ущелий и горных кряжей, каким-то невероятным чутьем находя дорогу в каменных лабиринтах. Путешествие оказалось на редкость тяжелым, и Язо вскоре устала. Лург — огромное мохнатое чудовище с Алламара-2 — в течение нескольких часов нес Язо на плече, пока девушка не восстановила силы. Поднявшись по отлогим склонам горы, они подошли ко входу в старую скважину, наполовину засыпанную недавним оползнем.

— Это, должно быть, старая шахта, — предположил Файф. — На этой стороне горы их полным-полно. Некоторые из них соединяются с внешними галереями, и именно их мы использовали во время своего бегства. Я думаю, что большинство Веллаи просто забыли, что древние шахты еще местами сохранились.

После паузы он добавил:

— Идите осторожно. Свод может обвалиться.

Они поползли в кошмарной тесноте среди обрушившихся каменных глыб и гнилых стоек. На головы сыпались галька и песок. После долгих блужданий по старой шахте путники дошли до узкого входа в обширную галерею, выбитую в более твердой горной породе. «Дьявол, — подумал Хорн, — и где же мы сейчас находимся? Вроде бы под южным склоном горы... Для чего же здесь расположены туннели с люками и вертикальными вентиляционными шахтами? С какой целью Веллаи затеяли эту грандиозную и трудоемкую работу?»

Конечно же, Хорн ни на минуту не забывал об Ардрике, но он не мог не думать о том, что скрыто за наглухо задраенными люками в стенах туннелей.

Язо и Эван тоже хотели это узнать, но не рискнули игнорировать мрачные предостережения инопланетян.

Шедший впереди Челл с Чоранна внезапно остановился и произнес свистящим шепотом:

— Декуар, выключи свет.

Декуар повиновался немедленно и без вопросов. Выключив фонарь, он остановился, а вслед за ним остановились и все остальные. Они стояли и слушали в полной темноте, не шевелясь и стараясь даже не дышать.

Хорн не заметил ничего подозрительного, но Челл мог слышать и в ультразвуковом диапазоне.

— Впереди флиттер, — наконец произнес чораннец. — Приближается сюда.

— О-о! — воскликнул Файф с волнением и вместе с тем с радостью в голосе. — Я едва не забыл, что Веллаи патрулируют

эти внешние галереи время от времени для собственного спокойствия. Отлично! Наши шансы здорово возрастут, если нам удастся захватить флиттер. Будет замечательно, если мы возьмем в плен и его пилота. Но если нам это не удастся, то пилота следует убить как можно быстрее. Понял, Хорн? Иначе он вызовет других по радио, и все наши мучения окажутся бесполезными.

Хорн нахмурился. Для того чтобы устраивать засаду в галерее, у них было маловато сил и особенно оружия.

— Это было бы прекрасно, но у вас есть какой-нибудь план, как мы это сделаем? — спросил он.

— О, — сказал Файф, — у меня уже есть план. Я занимался его разработкой с того момента, как мы вошли в галерею.

Он быстро объяснил свой замысел. Когда он закончил, Хорн сказал:

— Хорошо. Что тут обсуждать? Давайте действовать так, как вы предлагаете.

Челл заметил:

— Флиттер еще довольно далеко. Думаю, можно на несколько секунд включить фонарь.

Свет лампы был той же силы, что и раньше, но он буквально ослепил путников после той темноты, в которой они пребывали вот уже несколько минут. Челл обнял тремя пальцами Хорна и сделал большой вдох, заметно раздуваясь. Затем он подпрыгнул до потолка и стал двигаться вдоль галереи, отталкиваясь свободными пальцами от каменного свода. Другой мохнатый шар с Чоранна подхватил Эвана и понесся вперед подобным же способом. Все остальные побежали по галерее назад, спеша спрятаться за поворотом в соседнем туннеле.

Хорн увидел, что Язо постояла некоторое время в нерешительности, глядя ему вслед, а затем неохотно последовала за инопланетянами. Совсем не ко времени он подумал: «До чего же она хороша в скудном наряде Мивы, с длинными золотистыми волосами, спускающимися на белоснежные плечи!»

Опомнившись, он крикнул:

— Файф! Файф, что делать с оружием? Мы можем стрелять?

Файф, обернувшись на бегу, ответил:

— Нет, иначе вы можете повредить флиттер! Не волнуйтесь, мы придем вам на помощь.

— Спасибо... — зло пробормотал Хорн. — Большое спасибо, вы нас здорово успокоили.

— Тс-с-с! — зашипел Челл. — Веллаи близко.

Его сородич, несущий Эвана, отозвался:

— Верно. Они пришли.

В гаснущем свете лампы Хорн увидел, как чоранец исчез в одной из вентиляционных шахт. Челл последовал за ним и, поднявшись вверх на несколько метров, завис в воздухе.

Хорну было дьявольски неудобно в объятиях мохнатого шара, в узкой горловине шахты, да еще в полной темноте. Странно было думать, что его жизнь, успех его миссии, судьба беглых рабов, а также множество других вещей зависели сейчас от того, насколько успешно они с Эваном будут действовать спустя несколько секунд.

Он ничего не видел, но кое-что слышал. Что-то приближалось к шахте там, внизу, в галерее. Наконец там стало светлеть, и Хорн увидел под своими ногами прозрачный колпак флиттера и два светящихся стержня.

В кресле пилота сидел крепкий мужчина с коротко подстриженными волосами и внимательно смотрел по сторонам. Он был одет в красный форменный китель с серебристыми погонами. Руки его сжимали рычаги управления. Стражник был явно встревожен, но не догадывался о том, что опасность таится в вентиляционных шахтах.

Челл тихо выдохнул и плавно поплыл вниз. Они вместе с Хорном опустились на скользкий пластмассовый колпак кабины. Челл немедленно схватился за короткое крыло флиттера тремя своими свободными щупальцами, а другими осторожно опустил Хорна на машину Веллаи. Хорн мельком заметил Эвана, пролетающего по воздуху чуть в стороне в объятиях чоранца, а затем рядом появились и другие меховые шары. Двое из них схватились за светящиеся стержни и вывернули их из корпуса флиттера. Пилот вытянул шею, недоумленно осматриваясь, а затем поднял голову вверх. Его глаза изумленно округлились, рот приоткрылся. Стражник был настолько ошеломлен, что поначалу ничего не предпринимал, а спустя несколько секунд было уже поздно.

Хорн прыгнул на борт машины и нажал на край колпака кабины. Он резко раскрылся, едва не сбив Челла и его мохнатого друга. Флиттер накренился, и пилот бросился к пульту управления, чтобы выровнять машину. Одной рукой он ухватился за борт, чтобы не выпасть из своего кресла. Прежде чем он смог осуществить свое намерение, Хорн уже оказался внутри кабины и набросился на него.

Кабина флиттера была рассчитана на одного человека, и

двоим мужчинам здесь было тесно. Стражник Веллаи попытался выхватить оружие из кобуры, но Хорн уже повис на его плечах. Тогда, зарывчав, пилот сжал кулаки и несколько раз ударил Хорна, пытаясь попасть ему в лицо. Хорн ответил мощным апперкотом. Но пилот оказался крепким парнем. Сдавленно выругавшись, он сомкнул руки вокруг шеи Хорна и стал его душить, одновременно пытаясь разбить голову противника о борт машины. Но это у него не особенно получалось, так как в кабине было очень тесно.

Тем временем Эван дотянулся до пульта управления и включил поворотные сопла. Флиттер легко опустился на каменный пол галереи, и Челл помог освободиться Хорну, а затем своими мощными щупальцами выволок стражника из кабины.

Пилот Веллаи посмотрел на мохнатого чоранца и побледнел от ужаса. Он сделал еще одно, отчаянное усилие добратся до своего оружия, но Хорн грубо толкнул мужчину на пол.

Вскоре подоспели и остальные беглые рабы. Они окружили стражника, беспомощно лежавшего возле флиттера. Это был первый из Веллаи, которого им удалось захватить в плен.

Хорн наклонился и выхватил стуннер из кобуры пилота.

Файф с важным видом сложил руки на груди, как будто он лично проделал эту нелегкую операцию.

— Разденьте охранника, — скомандовал он. Его лицо в этот момент даже отдаленно не напоминало человеческое.

Когда рабы сняли с пилота форму, тот открыл глаза и посмотрел с беспомощным ужасом на двух волосатых трехметровых гигантов, которые держали его, а также на других инопланетян, теснившихся вокруг со злобными выражениями на лицах.

Глаза Файфа победно блеснули. Он держал в руке стуннер Эвана.

— Отойдите в стороны, — приказал он.

Хорн нахмурился и спрятал в карман пистолет, который он отобрал у пилота. Пристально взглянув на Файфа, он спросил тихим голосом:

— Неужто вы хотите убить его? Вы хотите упустить важную информацию, которую мы могли бы получить от этого человека?

Лидер беглых рабов ответил ему яростным взглядом. Поначалу Хорну показалось, что Файф непременно собирается выстрелить в пилота, но затем на его полужверином лице появ-

вилось сомнение, и он с проклятием швырнул стуннер на землю.

— Может быть, вы правы, — глухо произнес он. — Очень хорошо, теперь мы посмотрим, что можно выудить из этого проклятого Веллаи. Декуар!

Фиолетовый раб вперевалочку подошел и сел на корточки возле стражника. Гигант поднял свою огромную руку и выпустил из мохнатых пальцев когти, которые были бы под стать могучему тигру. Потом он положил руку на грудь стражнику чуть пониже горла.

— Спроси этого Веллаи о чем-нибудь, — сказал Файф, обращаясь к Хорну. — А Декуар позаботится, чтобы этот мерзавец отвечал как следует и особо не капризничал.

Прежде чем Хорн успел задать вопрос, Эван вышел вперед и склонился над пленником:

— Что находится за люками? С какой целью Веллаи создали все эти галереи и туннели внутри горы?

Стражник посмотрел на него снизу вверх со злобой и презрением.

— Я знаю вас, — сдавленно сказал он. — Я часто видел ваше лицо в телевизионных передачах, где вы несли всякую чушь насчет Федерации. Начальник охраны не раз объяснял нам, что вы — лишь жалкая марионетка в руках этого предателя Моривенна. — Он посмотрел на окружавшие его враждебные лица. — Так вот чем занимаются ваши люди после смерти Моривенна? Подстрекают к бунту этих жалких получеловеков? Не слишком ли низко вы пали, даже для сторонника идеи федерализма?

Эван резко сказал:

— Почему не отвечаешь на мой вопрос?

— Не собираюсь отвечать на него. — Лицо стражника теперь выражало суровость человека, который готов был умереть, но не дать своим врагам в руки нить к тайнам Веллаи.

— Люки находятся повсюду в туннелях. Если хотите узнать их секрет, то попробуйте их открыть сами. Я с удовольствием посмотрю, как вы сгорите один за другим в адском огне!

Хорн досадливо поморщился и сделал знак Эвану, чтобы тот не мешал ему.

— Мы можем поговорить на эту приятную тему позже. А пока скажите — вы, конечно же, знаете путь, ведущий сквозь горы к Риллаху?

— Возможно, — насутился пленник. — Только не надейтесь, что я стану вашим проводником.

— Очень любезно с вашей стороны, — усмехнулся Хорн. — А что вы знаете об Ардрике?

— Ардрике? — удивился стражник. — Почему вы спрашиваете о... — Он замолчал и с подозрением взглянул на Хорна.

— Ардрик умер. Я думал, все это знают.

Файф спокойно сказал:

— Декуар...

Фиолетовый гигант кивнул. Его когти вонзились в горло стражнику и начали медленно раздирать плоть. Брызнула кровь. Несчастный дернулся, хрипло вскрикнул, а затем замолчал, плотно сжав зубы.

Хорн сочувственно взглянул на пленника и сказал:

— Декуар, вы только зря тратите время. У этого человека стальные нервы и упрямый характер. Вы не заставите его говорить таким способом.

— Заткнись! — рявкнул взбешенный Файф. — Этот негодяй будет говорить, иначе мы медленно будем рвать его на части. Продолжай, Декуар, терзай эту тварь! Вспомни, каким безжалостным пыткам подвергали нас Веллаи, когда мы отказывались работать на них. Они обращались с нами словно с жалкими животными; теперь настал час отдать должок.

Хорн покачал головой.

— Вы достаточно умны, Файф, но вы не знаете людей. Этот человек относится ко всем нам с такой ненавистью, что готов скорее умереть в мучениях, чем предать своих хозяев. А знаете, почему он нас ненавидит? Да потому, что понимает: он умрет в любом случае. Любой на его месте послал бы нас к черту. С другой стороны, если бы он имел выбор...

— Какой выбор?

— Выбор жизни или смерти. Этот человек должен знать, что если он не ответит на наши вопросы, то умрет. Если же он начнет говорить, то останется в живых. Улавливаете разницу? Не будьте упрямым, Файф. Что такое один Веллаи по сравнению с шансом получить свободу — не только для вас, но и для всех остальных рабов?

Файф задумчиво посмотрел на своих товарищей по несчастью.

Челл шумно вздохнул, так что его округлое тело заколыхалось, словно на ветру.

— Я думаю, что Хорн прав, — сказал он. Ему никто не возразил.

Файф гневно взглянул на него, но быстро взял себя в руки.

— Что ж, я согласен, — неохотно кивнул он. — Если стражник будет говорить, то он останется жить.

Декуар с явным сожалением выпустил из рук пилота Веллаи.

Хорн спросил пилота:

— Вы станете говорить или по-прежнему будете упорствовать?

На лице пилота отразилась жестокая внутренняя борьба. Но через несколько минут стражник Веллаи почти успокоился. «Вот что может сделать с человеком даже призрачная надежда, — с насмешкой подумал Хорн. — Она способна укротить даже бешеного зверя».

— Я могу помочь вам, — мягко сказал он. — Начнем с самого простого и очевидного. Мы знаем, что Ардрик жив. Со всем недавно нам пришлось вступить с ним в воздушный бой, и Ардрик, к большому нашему сожалению, остался цел.

— Вы сражались с Ардриком? — искренно удивился стражник. — Я думал, что вы погибли в том бою... Везет же! Выходите целым и невредимым из всех передраг, не то что я... — Глубоко вздохнув, он надолго задумался, а затем продолжил: — Ардрик здесь, в горах. Он принимал участие в работах над Проектом с тех пор, как вернулся на Скеретх.

Глаза Хорна засияли от радости. Сейчас он ощущал нечто вроде чувства триумфа. Он победно посмотрел на своих товарищей и произнес тоном, не терпящим возражения:

— Мы не пойдем в Риллах.

— Конечно, — кивнул Файф и обратился к пленнику: — В чем состоит смысл Большого Проекта? Не вздумай увиливать, человек, нашему терпению есть предел.

— Черт побери, — процедил сквозь зубы пилот, с ненавистью глядя на своих пленителей. — Никогда, даже в самом кошмарном сне, не мог представить, что какие-то полуживотные... Ладно, надеюсь, мы еще сочтемся. Я готов рассказать все, что знаю. Только учтите, я по профессии астронавт и мало что знаю о Проекте. По глупой случайности меня уволили из космофлота, и отец меня устроил в Проект — сначала мальчиком на побегушках, а затем я попал в охрану. Если хотите, я могу рассказать о работе, которую мы выполняли на протяжении последних нескольких месяцев.

Файф злобно ощерился:

— Мы убежали недавно из этой душегубки, так что знаем это и без тебя. Мы сами будем задавать тебе вопросы, понял? И очень советуем на все отвечать правдиво.

— Думаю, он так и делает, — вступился за пилота Хорн. — Не стоит запугивать этого человека, Файф. Где еще Ардрику скрываться от любопытных взглядов, как не в этих подземных лабиринтах? Ему было необходимо, чтобы в Риллахе некоторое время его считали мертвым, и Проект подходил идеально для этой цели.

Он наклонился к стражнику:

— Я хочу найти Ардрика. Как я могу добраться до него?

Пленник вздрогнул и хотел было ответить гневной тирадой, но лицо Хорна выглядело таким жестким и решительным, что он не посмел упорствовать.

— Понятия не имею, как это сделать, — признался он. — Ардрик живет и работает в Центре Управления — сердце всего Проекта. Если вы наденете мою форму и попытаетесь выдать себя за стражника, вам все равно не удастся пройти контрольные посты. Но даже если вы каким-то чудом прорветесь на территорию Центра, то охрана непременно обнаружит вас на обратном пути. Стража Проекта не так уж велика, и мы все знаем друг друга в лицо. А остальные... — он посмотрел на стоящих рядом рабов и покачал головой. — У них тем более нет шансов. Ни единого.

— Вы уверены в этом? — спросил Хорн. — Подумайте как следует. И помните, от этого зависит ваша жизнь.

Пот выступил на лице пилота Веллаи. Сейчас, получив надежду на спасение, он выглядел куда более испуганным, чем тогда, когда его жизнь висела на волоске и он не сомневался, что ему придется умереть.

— Но я не знаю, что вам предложить! — сказал он с отчаянием. — Простите, но я не могу сообщить способ, которого не существует. Весь Проект охраняется очень надежно, а уж Центр Управления — тем более.

— А вы попытайтесь, — посоветовал Хорн. — Подумайте о своей судьбе, а затем попытайтесь найти слабости в системе охраны Центра. Не сомневаюсь, что они существуют, вам нужно только как следует пораскинуть мозгами.

Пилот затравленно осмотрелся. Его взгляд упал на Язо, и его губы наполовину раскрылись, как будто он хотел обратиться к девушке за помощью, но потом он, наверное, узнал в ней дочь Моривенна, и надежда в его глазах опять погасла.

Файф подошел поближе с угрожающим видом. Остальные инопланетяне тоже приблизились к пленнику, а Декуар выразительно выпустил свои звериные когти. Похоже, терпе-

нию беглых рабов приходил конец, и они ждали только повода, чтобы наброситься на одного из своих мучителей.

Хорн мог без труда предположить, что сейчас чувствовал пилот, глядя на эти нечеловеческие лица. Конечно же, пилот не раз видел, как стражники расправляются с непокорными рабами, и сейчас мог испытать весь этот кошмар на собственной шкуре.

Лицо пилота выражало мучительную борьбу, но голос звучал твердо и настойчиво.

— Если вы направитесь к Центру через галереи, то встретите других охранников на флиттерах. Сомневаюсь, что еще раз пройдет этот фокус с шахтой и нападением сверху на пилота. Но даже если бы вам это удалось каким-то чудом, то далее вам пришлось бы спускаться на низшие уровни, где работы по прокладыванию туннелей еще продолжаются. Там трудятся сотни рабов, и за ними наблюдает множество стражников. Вам не удастся там пройти незамеченными, и не надейтесь. Так что единственный возможный путь идет через сам Проект, вернее, через его основную часть...

— И туда можно попасть через люки?

— Да. Но еще раз предупреждаю — даже если вам повезет незамеченными миновать главный узел ретрансляции, а оттуда проникнуть в Центр Управления, то там вам придется противостоять всей службе охраны Проекта. Каждый раб без сопровождения, попавшийся стражникам на глаза, будет немедленно застрелен. Так что я не вижу никакого способа разыскать Ардрика...

— Подождите минуту, — остановил его Хорн. — Центр Управления? Что это такое? Что все-таки строят Веллаи в недрах этой горы?

На лице стражника появилось выражение такого страха, словно Большой Проект куда больше пугал его, чем кровавые взгляды беглых рабов.

— А разве вы не знаете? — тихо произнес он. — Это Мозг, гигантский искусственный Мозг!

Глава 13

В галерее воцарилась полная тишина. Затем Файф озадаченно спросил:

— Мозг? Живой, думающий мозг?

— Нет, не живой, конечно, — ответил стражник. — Это ги-

гантская электронно-вычислительная машина, одна из тех, которые по всем параметрам несравненно превосходят человеческие возможности. Поэтому ее часто называют «супермозгом». Наши ученые утверждают, что машины подобных масштабов не существует во всей галактике.

Язо побледнела, а затем произнесла упавшим голосом:

— Вот как — супермозг... Неудивительно, что Веллаи убили моего отца. Они уничтожат всякого, кто попытается привести Скеретх в Федерацию.

Девушка в отчаянии перевела свой взгляд с Хорна и Эвана на беглых рабов, словно ожидая от них поддержки.

— Выходит, мы ошибались, полагая, что Веллаи просто боятся потерять свою власть и лишиться огромных прибылей, которые им приносит монополия на торговлю в отроге. Все оказалось на самом деле гораздо серьезнее. Мой отец подозревал нечто подобное, и он оказался прав. Если бы Скеретх вошел в Федерацию, лидеры Веллаи не смогли бы скрыть то, что здесь происходит. Они попали бы в тюрьму за действия, угрожающие спокойствию всего галактического сообщества.

Файф удивленно блеснул глазами:

— Но почему? Не понимаю. Чем какая-то дурацкая машина может угрожать целой галактике?

Эван мрачно ответил:

— Закон Федерации запрещает любой планете, любому правительству, любой частной организации создавать компьютеры с возможностями, превышающими некий строго заданный уровень. На всякий случай в законе даже оговорено, что не разрешается объединять несколько машин в единую систему, которая своей суммарной мощностью может превзойти тот же уровень. Если кто-либо нарушит этот закон, то Федерация будет рассматривать эти действия как враждебные всему цивилизованному сообществу и готова немедленно предпринять суровые карательные меры по отношению к нарушителю.

Хорн недоуменно пожал плечами. Он был всего лишь простым астрономом и мало что знал о галактических законах, которые прямо не касались его работы. Но он был поражен реакцией Язо и Эвана, которые были в панике. И Хорн попытался вспомнить, что мог слышать когда-либо о полемике, связанной с такими машинами.

Он спросил:

— Но почему это представляет такую опасность? Оружие — я еще могу понять, но электронный мозг...

— Это и есть оружие, — ответил Эван. — Потенциально — самое опасное. — Он ненадолго замолчал, как бы подыскивая слова для объяснения. — Еще в древности говорили, что копье увеличивает возможности руки человека. Подобным же образом компьютер расширяет возможности человеческого мозга. Но современные мощные суперкомпьютеры могут превышать по своим мыслительным возможностям не только мозг одного человека, но и целые научные коллективы.

Это были очевидные вещи. Хорн кивнул, и Эван продолжил:

— Теоретически можно построить такой электронный мозг, который имел бы неограниченные возможности. Люди, которые будут им владеть, станут всемогущи. Задав супермозгу соответствующие задачи, они получат в свое распоряжение конструкции любых видов оружия, включая самые разрушительные. Так же просто супермозг решит для своих владельцев вопросы военной стратегии, разработает методы пропаганды — словом, сделает все, что угодно хозяевам. Причем супермозг сможет решать все поставленные перед ним проблемы одновременно! Например, один сектор супермозга может быть задействован на разработку новых технологий для создания сверхсовременного оружия. Другой сектор этой машины будет в то же самое время заниматься разработкой оптимальной стратегии применения этого оружия с учетом возможных ответных действий врага. Третий проработает вопросы производства, четвертый решит проблемы транспортировки и так далее. Накапливая опыт и новые знания, супермозг постепенно станет все мощнее, а его хозяева смогут претендовать на титул владык галактики. Я не утверждаю, что супермозг нельзя будет уничтожить, но может случиться так, что прежде, чем это произойдет, мы недосчитаемся многих миров.

На лице Эвана застыла маска отчаяния.

— Если мы не сможем остановить Веллаи... если мы не сумеем так или иначе получить доказательства их преступных замыслов и не предоставим их вовремя руководству Федерации... Дьявол, тогда вскоре Скеретх и, вероятно, большая часть галактики будут втянуты в такую войну, что...

— Тс-с-с! — внезапно воскликнул Челл, прерывая его. — Еще флиттер. Я думаю, более крупный.

Пилот, которого крепко держал мохнатый инопланетянин, смущенно признался:

— Я не вышел на связь, что должен периодически делать

каждые десять минут. Согласно нашим правилам, стражники проверяют, не случилось ли со мной что-нибудь.

— Ты предал нас! — злобно закричал Файф и стремительно шагнул к пленнику.

Хорн едва успел оттащить маленького инопланетянина в сторону.

— Успокойтесь, — сказал он. — Этот человек провел нас, но мы больше не предоставим ему шанс сделать нечто подобное. А сам он нам еще может пригодиться — живым и невредимым, разумеется. Теперь спрячьте его где-нибудь в соседнем туннеле.

Хорн вручил Эвану стуннер, который он отобрал у пилота.

— Смотри, чтобы с ним ничего не случилось. Язо, ты мне нужна, а также Челл.

Хорн стал торопливо снимать со стражника красную форму. Язо спросила:

— Что ты собираешься делать?

— Сыграть в небольшую игру. — Он замолчал, а затем продолжил с хмурым видом: — Это будет опасная игра. Вполне вероятно, что нас могут убить. Если ты и Челл не хотите рисковать...

Язо возмутилась.

— Не трать зря времени, Хорн. Что мы должны делать?

Он рассказал ей свой замысел, поначалу бывший всего лишь смутной идеей, но быстро обрastaвший конкретными чертами. Язо кивнула, соглашаясь, а Челл добавил последние штрихи к его плану.

— Используйте манипуляторы флиттера, — сказал он. — Я не раз видел прежде, как стражники пользуются ими временно как инструментом и как оружием.

Хорн взглянул на носовую часть флиттера и увидел то, что не замечал раньше — пару рукоподобных манипуляторов, заканчивающихся стальными клешнями. В нерабочем состоянии они были спрятаны в специальных гнездах на борту машины.

— Это мощные и страшные руки, — сказал Челл. — Я знаю, что говорю, потому что видел, как сотрясались в конвульсиях рабы, которых стражники решали проучить за неповиновение. Так что будьте внимательны.

Он дружески погладил щупальцем Хорна по плечам, а затем вместе с Язо отошел в тень. Хорн забрался в кабину и включил двигатель на малую мощность. Флиттер плавно под-

нялся и медленно полетел со скоростью пешехода вдоль галереи туда, откуда он прибыл.

Когда флиттер с двумя стражниками выплыл из-за поворота галереи, стражники увидели Челла, идущего им навстречу. Огромный мохнатый шар нес Язо в трех своих щупальцах. Ее золотистые волосы свешивались почти до пола, голова была запрокинута назад, словно девушка находилась в бессознательном состоянии.

Двумя свободными щупальцами Челл размахивал в воздухе, давая знать стражникам Веллаи, что он не собирается сопротивляться, а напротив, готов подчиниться их любому приказанию. Флиттер Хорна плыл чуть впереди инопланетянина, и один из его манипуляторов повторял миролюбивые жесты Челла, а второй с раскрытыми клешнями угрожающе нацеливался на беглого раба, словно бы пилот не до конца доверял чоранцу.

Хорн сказал по коммуникатору:

— Я нашел этого раба и женщину в галерее. Они напали на меня, и я был вынужден их арестовать. Похоже, я случайно ранил женщину. Очень рад, что вы появились, парни! Выходите из машины и взгляните на эту красотку поближе. Ручаюсь, что вы получите большое удовольствие. Надо побыстрее доставить ее к Ардрику, и по возможности живой.

Двое стражников во флиттере зачарованно смотрели на златовласую девушку, которую держал Челл на вытянутых щупальцах.

— Кто она такая? — недоверчиво спросил один из них. — И как она попала в галерею?

— Понятия не имею, как она сюда вошла, — ответил Хорн, — но мне, кажется, известно, кто она такая. Я видел ее фотографию в газете. Это дочь Моривенна.

— Дочь Моривенна? — переспросил стражник, сидевший в кресле пилота. Его голос зазвучал взволнованно. — Ты не ошибся, приятель, — это дочка предателя Моривенна?

— Нет никакого сомнения, — сказал Хорн.

— Но как она могла оказаться здесь, в самом сердце Проекта? — удивленно произнес стражник. — Ты прав, это действительно потрясающая новость!

Он резко послал флиттер вниз. Двигатель замолк, прозрачный колпак откинулся в сторону, и мужчины выпрыгнули наружу. Обменявшись несколькими фразами, они оба направились к Язо. Хорн мысленно перекрестился — о большей удаче он и не мечтал!

Челл немедленно мягко опустил Язо на пол, а сам схватил щупальцами ближайшего стражника. Тот завопил от страха, явно не ожидая такого поворота дел. Его напарник немедленно выхватил оружие из кобуры и крикнул Хорну, чтобы тот обрушил на раба удар манипуляторов.

Хорн послушно кивнул, а сам быстро нажал на два рычага. Его флиттер рванулся вперед. А затем один из стальных манипуляторов вытянулся вперед и схватил за руку стражника, держащую бластер. Дуло резко дернулось вверх, и мглу озаорила яростная вспышка. В каменном потолке галереи появилась оплавленная воронка. Стражник попытался сделать еще один выстрел, но стальные клешни сжались чуть сильнее, и он со стоном выронил бластер, а затем и сам упал на колени, крича от невыносимой боли.

Челл позвал своих друзей, а сам так крепко обвил щупальцами второго стражника, что тот не мог и шелохнуться.

Язо поднялась с пола и, радостно взглянув на Хорна, возбужденно воскликнула:

— Сработало! А что мы будем делать теперь?

Хорн откинул прозрачный колпак и spryгнул на землю. Его сердце пело от восторга, но он понимал, что игра только началась и о победе думать рано. С трудом вернув самообладание, он глухо сказал:

— Теперь мы зашли слишком далеко, и пощады от Веллаи не будет. Надо как следует обдумать все последующие шаги, ибо любая ошибка грозит нам смертью.

Челл взмахнул свободными щупальцами, что можно было понять как знак согласия.

— Прежде всего нам надо побыстрее убраться отсюда, — сказал он, — пока другие флиттеры не явились сюда, чтобы найти своих пропавших товарищей.

Через минуту к ним присоединились Файф с другими рабами, а также Эван. Беглые рабы восторженно закричали, увидев, что в их руки попались еще двое ненавистных Веллаи. А Хорн тем временем подошел к первому пленнику и склонился над ним.

— А теперь настала пора поговорить о люках в стенах галерей и о том, что скрывается за ними, — суровым голосом произнес он.

Пилот Веллаи затравленно посмотрел на него и промолчал. Но Хорн не собирался отступать. Без этих сведений ничего нельзя было предпринимать. Конечно, идти к Центру через главные сектора супермозга было невероятной авантю-

рой, но никто не мог предложить другой вариант действий. Хорн надеялся, что им удастся проникнуть в сердце Большого Проекта именно через люки, и оказался прав. После некоторых колебаний пилот рассказал, как можно открыть блокираторы, и ответил на все вопросы Хорна.

Оказалось, что блокираторы люков открывались с помощью ультразвуковых ключей, находившихся в кабине каждого из флиттеров охраны. Люки использовались для проведения профилактических работ и текущего ремонта в лабиринтах Мозга, который уже занимал большую часть горы. Он состоял из множества частей, которые играли роль блоков памяти, вычислительных модулей, центров анализа и синтеза, систем прогнозирования и многих, многих других. Единственное, в чем электронный супермозг уступал человеческому, — это в полном отсутствии эмоций, которые зачастую являются источником неопределенности и нелогичности в поступках людей, но зато и придают их личностям неповторимую индивидуальность.

С ощущением того, что он входит в ткани квазиживого объекта, Хорн включил ультразвуковой ключ и открыл один из люков в галерее. Люк был тщательно выбран по информации, полученной от пленных стражников. После этого трое людей Веллаи, связанные и с заткнутыми ртами, были переведены в тупиковые туннели без люков, где их вряд ли быстро обнаружат.

Хорн поручил Эвану пилотировать одноместный флиттер, а Язо вместе с Файфом забрались в кабину другой, большей машины. Челл и его два соплеменника отправлялись вместе с ними по одному из выбранных маршрутов. Все остальные пошли с Хорном.

«Разные пути, разные группы, — подумал невесело Хорн, — только шансы на выживание одинаковые — то есть почти нулевые».

Хорн и его группа намеревались тайно пробраться к Центру Управления и атаковать его изнутри. Язо, Эван, Файф и трое с Чоранна должны были проделать свой путь через галереи, где рабы продолжали работы. Их надо было поднять на восстание, захватить в плен стражников и напасть на Центр извне. Вместе обе группы имели шанс захватить не только Ардрика, но и сам Мозг. Тогда, даже погибнув, они успели бы перед этим разрушить дьявольское создание Веллаи.

— Удачи вам, — сказал Хорн, пожимая на прощание руку Эвану.

— Вам — тоже, — ответил Эван. Его голос звучал твердо и уверенно, но глаза ясно говорили о том, что особой надежды на успех и он не питает.

Хорн с грустной улыбкой посмотрел на Язо. Сейчас, перед боем, девушка была как никогда ранее хороша, ее глаза возбужденно сияли, на щеках играл румянец.

— Вы станете королевой нашего крестового похода, — с кривой усмешкой добавил Хорн, безуспешно пытаясь скрыть свою тревогу. — Вперед, отважная дочь Моривенна!

Язо кивнула, отбросив назад свои длинные золотистые волосы. Казалось, она даже не расслышала его слов. Хорн подумал: «А ведь ей не нужны сейчас ни ободрение, ни поддержка. Скорее всего, она вспоминает об отце, отдавшем жизнь борьбе против Веллаи, за будущее Скеретха. Жаль, очень жаль, что у меня не будет возможности узнать эту чудесную девушку поближе...»

Файф, впервые в жизни оказавшийся в кабине флиттера, выглядел как никогда важным и самоуверенным. Он положил длинные когтистые руки на пульт управления бортовым оружием и начал небрежно поигрывать кнопками. Заметив это, Язо схватила его за руку, а затем начала объяснять, как надо действовать во время боя. Маленький инопланетянин, недовольно поморщившись, нехотя выслушал девушку с таким видом, словно он и сам отлично все знал. Хорн махнул ему рукой, а затем с чувством пожал кончик одного из шупалец Челла, прощаясь со своим мохнатым другом.

— Ну что ж, — сказал Хорн, обращаясь к стоявшим рядом с ним инопланетянам. — Пошли!

Он кивнул Лургу и фиолетовому гиганту, а затем первым шагнул в раскрытый люк, ведущий в недра Мозга.

Глава 14

За люком оказалось довольно светло — все внутренние помещения Мозга освещались подвесными лампами. Хорн и его спутники вступили на один из рабочих помостов, служивших для передвижения внутри Мозга обслуживающего персонала. Слева и справа от помоста свисали, словно лианы, сотни электрических кабелей и трубопроводов систем жизнеобеспечения.

После тусклой каменной галереи яркий свет ослепил Хорна, а бездна, над которой нависал помост, вызвала легкое го-

ловокружение. Чтобы прийти в себя, Хорн поднял голову и посмотрел на гладкий потолок шахты. Он нависал так низко над ним, что Хорну показалось, будто он похоронен заживо в каменном склепе и вскоре неизбежно задохнется и умрет в страшных мучениях.

Выругавшись сквозь зубы, Хорн собрался с духом и посмотрел вниз.

Рабочий помост нависал над огромной прозрачной трубой. Она была заполнена множеством разноцветных кабелей. Хорн понял, что это такое. Плененные стражники утверждали, что здесь проходили не основные «нервные волокна», обслуживающие центральный сектор Мозга. Глядя на вздрагивающие от воздействия электромагнитного поля кабели, Хорну было трудно избавиться от неприятного чувства, будто бы они составляли часть громадного живого существа.

Несомненно, электронный супермозг обладал способностью мыслить. Но мог ли он чувствовать? И существовала ли непроницаемая стена между двумя этими важнейшими свойствами любого высокоорганизованного существа? Быть может, мысль и чувство были двумя сторонами одной медали и не могли существовать раздельно даже в искусственном интеллекте? А раз так, то это могущественное существо, по которому они путешествовали, могло ощущать, что внутри него бродят крошечные создания! От этой мысли по коже Хорна побежали мурашки.

— Это не мозг, а всего лишь компьютер-переросток, — сказал он, пытаясь успокоить себя и других.

Но попытка удалась слабо. Лишь уродливое лицо Декура, как обычно, не выражало никаких эмоций, но даже он излишне часто оглядывался по сторонам, что могло служить признаком некоторого беспокойства. Другие же, особенно Лург и его огромный мохнатый соплеменник с Алламара, очевидно, чувствовали себя не в своей тарелке. Эти примитивные гуманоиды понятия не имели о компьютерах, но так же, как и Хорну, им было явно неуютно в недрах титанической машины. В конце концов, не так уж важно было то, живой этот Мозг или нет. Главное состояло в ином — эта супермашина давала своим хозяевам огромную силу. Только теперь Хорн начал понимать тот ужас, который испытали Язо и Эван, когда узнали о характере Проекта.

— Пошли, чего стоите? — нарочито грубо сказал он, обращаясь к своему разношерстному отряду, нерешительно топтавшемуся на краю помоста.

Хорн сурово взглянул на Декура, который ступил своей когтистой ногой на металлический помост, а затем медленно отступил назад, к люку. Похоже, он опасался, что этот хилый помост не выдержит его солидного веса.

— Не трусьте, приятель. Подумайте, насколько опасней здесь будет идти вашим трехметровым друзьям вроде Лурга, — сказал Хорн. — Я думаю, все обойдется, но нам следует двигаться на некотором расстоянии друг от друга.

Он первым пошел по узкому трапу, крепко держась руками за поручни. Помост не был жестким. Хорн почувствовал, как тот начал раскачиваться после того, как Декур пошел за ним следом. Свисавшие по обе стороны кабели колыхались, словно лианы в джунглях, и издавали противный скрип. Хорн сжал зубы и шел вперед, пытаясь не думать о том, что произойдет, если кто-нибудь из них упадет в трубу.

Сделав несколько десятков шагов, Хорн обернулся и увидел довольно далеко позади своих инопланетных спутников. Чудовищного вида существа осторожно шли по узкому трапу на солидном расстоянии друг от друга. Два мохнатых гиганта топали последними, и металлическая дорожка заметно прогибалась под их тяжестью.

«Иностранный легион Джима Хорна», — с нервной усмешкой подумал он, но затем устыдился этой мысли. Гуманоиды по собственной воле возвращались туда, где их заставляли работать как каторжников под дулами стуннеров, и откуда целой невероятных усилий им удалось сбежать. Разве это не проявление мужества?

Хорн упорно шел вперед, стараясь не обращать внимания на то, как сильно стал раскачиваться помост. Он несколько раз оборачивался назад, каждый раз удивляясь тому, как мало он удалился от арки входа на трап. В этом было что-то гипнотическое и пугающее, как будто он со спутниками попал в пространственный лабиринт без начала и конца и отныне они должны бродить по нему целую вечность, пока Вселенная вновь не сожмется в протоядро и не начнет готовиться к новому циклу своего развития.

Хорн очень обрадовался, когда заметил уходящее в сторону ответвление от помоста. Туда же сворачивали несколько десятков разноцветных кабелей. Как оказалось, они вели к ви-сящей над бездной огромной камере. Внутри ее имелись свои помосты, но Хорн не решился войти внутрь, а лишь заглянул в камеру. Он увидел невероятное переплетение проводов и странных агрегатов, отдаленно напоминающих электронные

платы в радиоприемнике. Рядом мигали сотни ламп, шелкали тысячи реле, раздавалось жужжание непонятных механизмов. Возможно, камера представляла собой один из бесчисленных «нейронов» электронного супермозга или была каким-то «нервным узлом» титанической машины.

Следуя вдоль трапа, они прошли несколько таких камер. Хорн подумал о том, как долго пришлось бы им странствовать внутри этого электронного монстра, чтобы обойти все его бесчисленные агрегаты и побывать во всех его ячейках. Быть может, на это ушли бы месяцы, а возможно, и многие годы. А ведь Веллаи постоянно строят и расширяют Мозг, подумал он. Страшно представить, что могут сделать с такой могучей супермашиной мерзавцы типа Ардрика! Хорн невольно покачал головой, подумав о том, какая сила противостоит им. Разве в состоянии он, Язо и Эван вместе с несколькими беглыми рабами сокрушить ее?

Но в одном он был твердо уверен. Еще недавно он думал лишь о том, как очистить от несправедливых обвинений свое собственное имя, а больше ни до чего ему тогда дела не было. Ныне все изменилось. Для него не было ничего важнее, чем любым способом сокрушить этого гиганта. Хотя, наверное, после этого решатся и его собственные мелкие проблемы...

Наконец впереди показалась арка, очень похожая на ту, из которой они вышли. По-видимому, это был вход в основной нервный узел центра ретрансляции, о котором рассказывал пилот Веллаи.

Хорн поднял руку, предупреждая идущих за ним товарищей. Стараясь ступать как можно тише, он двинулся дальше, и остальные бесшумно последовали за ним, подобно чудовишным призракам.

В центре этой арки виднелась дверь. Хорн осторожно нажал на ручку. Перед ним открылось большое округлое помещение, по всему периметру которого располагались панели управления. Два человека в белых халатах, очевидно инженеры, неторопливо прохаживались вдоль приборных стоек, наблюдая за показаниями многочисленных приборов. Они удивленно обернулись, услышав чьи-то шаги. Заметив Хорна, один из них сказал:

— Что, неужели опять возникли проблемы в цепях передачи на линии? Приборы вроде бы ничего не показывали...

— Да, — ответил он спокойно, — возникла проблема. Но совершенно не та, о какой вы думаете. Декуар, поторопись!

Хорн выхватил из кобуры пистолет, отобранный у пилота, и приказал инженерам:

— Стойте тихо, и тогда вам не причинят вреда!

Инженеры застыли на месте, не понимая, что происходит. Их лица побелели, а глаза расширились от ужаса, когда в зал вошли инопланетяне, возглавляемые Декуаром и Лургом.

— Это что, восстание рабов? — собравшись с духом, спросил один из инженеров.

Хорн жестко усмехнулся:

— Надеюсь, что так.

Другой инженер, отчаянно вскрикнув, рванулся к ближайшему настенному коммуникатору. Это был мужественный, но совершенно бесполезный поступок. Лург протянул свои клешнеподобные руки и перехватил инженера, а затем легонько ударил его по голове. После этого человек потерял сознание.

Второй инженер оказался куда более покладистым и без сопротивления разрешил себя связать, особенно после того, как Декуар подошел к нему поближе с угрожающим видом. А Хорн тем временем обошел зал, открывая одну за другой остальные двери.

Три из них вели на трапы подобные тому, по которому они пришли. За четвертой дверью находился лифт.

Если плененные ими охранники сказали правду, то на нижнем уровне шахты находилось главное помещение Центра Управления.

Хорн глубоко вздохнул, вытер пот с лица и повернулся к напряженно ожидающим спутникам.

— Кажется, нам повезло, — глухо произнес он. — Дай бог, чтобы и дальше удача была на нашей стороне!

Они вошли в обширную кабину, и Хорн нажал кнопку. Кабина начала спускаться с головокружительной скоростью. После остановки Хорн сказал:

— Выходим быстро и вооружаемся, кто чем может!

Декуар в сомнении спросил:

— А что, если наши друзья вовремя не подоспеют?

— Тогда будем держаться до тех пор, пока они не появятся. А что нам еще остается делать?

Слова храбреца, подумал он. Жаль только, что он вовсе не чувствовал себя таким храбрецом. И бойцом он также не был. Обстоятельства вынудили его в последнее время участвовать в нескольких схватках, — ничего подобного с ним не случилось за всю предыдущую жизнь. Но он вляпался в такое дерь-

мо, что теперь ему предстоит еще долго не только воевать самому, но и вести в бой людей и инопланетян!

Наконец дверь медленно раскрылась. Перед Хорном и его спутниками открылся узкий коридор с рядами одинаковых дверей по обе стороны. В коридоре никого не было. Хорн стремительно побежал вперед, сжимая в руке пистолет.

Он оказался в обширной цилиндрической пещере диаметром приблизительно в три сотни футов и почти столько же в высоту, выдолбленной в самой середине горы. Здания из стали и стекла заполняли всю площадку, разделенные несколькими улочками на маленькие кварталы.

Из рассказа плененного пилота Хорн знал, что этот городок в недрах горы связан подземными ходами с Риллахом и космопортом, где осуществляли посадку корабли Веллаи с рабами. Через специальные туннели отсюда также можно было попасть в любую часть Проекта, включая периферийные галереи. По одному из этих радиальных туннелей и должны были попасть в городок рабы, возглавляемые Язо и Эваном. Пока их не было видно, однако Хорн заметил кое-какие признаки переполоха в Центре. Сквозь прозрачные стены зданий было видно, что инженеры и техники оставили свою работу и выглядывали через окна на центральную площадь. Там, словно растревоженный улей, гудела толпа людей в белых халатах. Десятки охранников в красной форме с оружием в руках бежали ко входам в радиальные туннели.

Особенно много стражников собралось у здания с надписью на фасаде «Служба безопасности Проекта». Похоже, там формировалась маленькая армия, готовая отразить нападения неведомого противника.

Все мускулы Хорна напряглись, и старая ненависть запылала в нем так сильно, что он почувствовал себя непобедимым.

— Ардрик должен прятаться где-то здесь, — сказал он своим спутникам. — Надо во чтобы ни стало захватить этого дьявола!

Он побежал по узкой улочке, ведущей к площади. Поначалу взволнованная толпа не обратила на него внимания, обманутая его красной формой стражника, но затем люди увидели группу чудовищного вида инопланетян, которая следовала за ним. Кто-то панически закричал, что восставшие рабы уже в городе. Невооруженные, одетые в штатское люди начали разбегаться в разные стороны. Охранники быстро сгруппировались в небольшие отряды и, подняв ружья, по команде офицеров двинулись навстречу маленькой команде Хорна. Но

стрелять они пока не решались, так как опасались задеть своих же людей. Хорн воспользовался их замешательством и вместе со своим отрядом ворвался в здание Службы безопасности Проекта.

Как предупреждал пилот Веллаи, здесь находился центр связи охраны. Несколько десятков операторов склонились над пультами управления коммуникаторами, обмениваясь короткими фразами с многочисленными отрядами стражников, находящихся в этот момент на дежурстве. Время от времени операторы передавали им приказы и инструкции, полученные от находившегося в зале офицера в красной форме и с золотистыми погонами на плечах.

Это был мужчина с интеллигентным лицом, тонкими губами и жестким, холодным взглядом. Он не скрывал своего гнева и раздражения и требовал от патрулей, чтобы те немедленно разыскали проникших в туннели врагов и уничтожили их на месте.

Хорн уже встречался с этим человеком на борту «Королевы Веги».

Это был Ардрик.

Глава 15

Хорн прошептал с ненавистью имя своего заклятого врага и поднял пистолет. Но стрелять он не стал, а вместо этого двумя прыжками достиг стоявшего в оцепенении Ардрика и, угостив его ударом в солнечное сплетение и апперкотом, повалил противника на пол. Операторы растерянно смотрели, как чужак в форме охранника избивает их начальника, осыпая его градом жестоких ударов.

Постепенно Ардрик пришел в себя и начал отвечать ударом на удар. Противники тесно сплелись и начали кататься по полу. Операторы наконец опомнились, вскочили со своих мест, но на их пути встали разъяренные инопланетяне. А тем временем из коммуникаторов раздавались встревоженные голоса патрульных — они не понимали, почему так внезапно прервалась связь, и требовали объяснений.

Декуар выхватил из рук одного из операторов микрофон и заорал хриплым голосом:

— Мы заняли Центр, вот что случилось! Мы схватили вас за горло, мерзавцы!

И он завыл, словно зверь, потрясая в воздухе могучими кулаками.

Хорн, увидевший инопланетянина краем глаза, подумал — не рано ли тот ликует? Впрочем, ему было сейчас не до размышлений. Его сейчас заботило другое — как удержать вырывающегося Ардрика в своих отнюдь не дружеских объятиях.

Ардрик продолжал яростно сопротивляться, хотя его противник оказался сильнее. Лицо у Хорна было залито кровью, бока ныли от ушибов, но он продолжал крепко сжимать шею Ардрика, не обращая внимания на болезненные удары. Радостно улыбаясь, он давил, давил, пока противник не захрипел и не начал биться в предсмертной судороге...

Две громадные волосатые руки легко оторвали задыхающегося Ардрика от него, а затем положили на пол. Молодой офицер находился в полубессознательном состоянии, лицо его посерело, щеки дрожали, из полуоткрытого рта доносился хрип...

Хорн вскочил на ноги и с негодованием посмотрел на Лурга. Огромный инопланетянин улыбнулся и сказал:

— Кажется, ты хотел оставить его в живых. Помнишь?

Хорн чертыхнулся, только сейчас осознав, какую он мог бы совершить непростительную ошибку.

— Верно, — признался он. — Только смотрите, чтобы этот мерзавец не удрал.

Осмотревшись, он понял, что схватка в Центре связи была не менее жестокой и кровопролитной. Операторы все-таки попытались оказать сопротивление и за это поплатились. В зале царил хаос, многие пульты связи были повалены на пол, часть дисплеев оказались разбитыми вдребезги. Кто-то из операторов был ранен, кто-то убит, а некоторым удалось бежать. Почти половина бывших рабов теперь была вооружена, а остальные были заняты поисками оружия в соседних помещениях. Декуар все еще победно ревел, потрясая кулаками. Затем он шагнул к ближайшему из плененных операторов с угрожающим видом, и Хорну пришлось приложить немало труда, чтобы успокоить фиолетового гиганта. Еще сложнее оказалось успокоить его разошедшихся товарищей, которые жаждали мести за долгие месяцы побоев и унижений. Наконец Хорну удалось добиться хоть какого-то порядка в своем маленьком отряде и тем самым избежать дальнейшего кровопролития.

А тем временем охранники начали контрнаступление, пытаясь прорваться в Центр связи снаружи. Одно из окон взо-

рвалось дождем стеклянных брызг. В тот же момент началась схватка у двери. После отчаянной борьбы стражники в красной форме проникли внутрь зала и открыли огонь. Хорн и его товарищи укрылись за лежащими на полу пультами и вступили в перестрелку. Воздух сотрясся от выстрелов и сразу же наполнился дымом и запахом гари. Беглые рабы, нашедшие стуннеры и бластеры в соседних помещениях, оказались неважными стрелками, так что Хорну пришлось нелегко.

Ардрик, удерживаемый руками мохнатого гиганта с Алла-мара, сказал со злобным удовлетворением:

— Молитесь — мои люди скоро отправят в ад всех вас.

Хорн понимал, что проклятый Веллаи говорил чистую правду. Численное преимущество нападавших было значительным, и стало ясно, что через несколько минут у его отряда могут начаться большие неприятности. Куда же запропастились Эван, Язо и остальные рабы? Что случилось во внешних галереях?

«Если подмога в ближайшее время не придет, им лучше вообще не приходить», — подумал Хорн. Он делал выстрел за выстрелом, задыхаясь в смрадном дымном воздухе, и слышал то там, то здесь предсмертные вопли.

И вдруг откуда-то издали послышался звук, подобный шуму урагана или голосу бушующего моря. Он постепенно усиливался. Атакующие стражники также услышали его и заметно растерялись. Стрельба стала понемногу стихать. Не выдержав, многие стражники выскочили из здания.

Над площадью пронеслись около дюжины одноместных флиттеров и две большие машины. Стражники, которые только что атаковали отряд Хорна, восторженно приветствовали их, но в ответ на них сверху посыпался град пуль. Многие люди в красной форме были ранены, остальные бросились врассыпную, стреляя на ходу во флиттеры, захваченные восставшими рабами. Здания, стоявшие вокруг площади, загорелись, попав под лучи лазерных пушек, и это еще больше увеличило панику.

Со стороны одной из соседних улиц воздух прорезал мощный розовый луч — кто-то из охраны пустил в ход зенитную установку. Один из флиттеров вспыхнул и рухнул на крыши зданий. Раздался звук взрыва.

Но это был единичный успех обороняющихся. Выбегавший из здания Центра связи Хорн увидел, как над соседней улицей пронесся двухместный флиттер, которым управляла Язо. Ее золотистые волосы плескались на ветру. Сидевший с

ней рядом Файф палил во все стороны, упиваясь боем, но куда чаще промахивался, чем попадал в цель. За ними следовали еще несколько одноместных флиттеров, управляемые восставшими рабами, — это было заметно по тому, как машины раскачивало из стороны в сторону, словно их пилоты были пьяны. Над крышами зданий носились и мохнатые шары с Чоранна, державшие по пистолету в каждом из щупалец. Они палили во все стороны без разбора, издавая довольные гукающие звуки.

Воздушная атака, несмотря на хаотичность, принесла свои плоды, породив растерянность в рядах стражников. Кольцо обороны вокруг центральных улиц рассыпалось на части, и тогда в городок ринулись сотни восставших рабов. Мимо Хорна промчались невероятные, гротескные существа с различных миров отрога, в основном негуманоиды всех форм и размеров. Лишь немногие из них были вооружены, но бывших рабов это ничуть не смущало — их вела в бой жажда свободы и бесконечная ненависть к Веллаи. Они были насильно вывезены с далеких окраинных планет, и с ними обращались как с животными. Теперь пробил час мести, и в их душах не было ни жалости, ни милосердия. Инопланетяне были пьяны от крови, и даже оружие, приставленное к их вискам, не могло бы остановить эту кровавую вакханалию. Стражники дрогнули, не выдержав свирепого напора, и все чаще бросали оружие и бежали с поля боя, пытаясь спрятаться среди развалин пылающих зданий.

Восставшие рабы все прибывали и прибывали на площадь. Они стекались туда, подобно бурной реке, которая расширялась и заполняла все свободное пространство в маленьком городке, сметая с пути немногих еще сопротивляющихся стражников.

А возле здания Центра связи воцарилась странная тишина. Хорн стоял у входа, ошарашенно покачивая головой. Ему не верилось, что все уже позади, но это было так. Они победили. С невероятным трудом и большими потерями, но победили.

Из здания вышли его спутники, держа в руках пистолеты с раскаленными от стрельбы дулами. Они разделались со стражниками, но и сами понесли потери. Гигант с Алламара вынес Ардрика, который не мог даже шевельнуться в объятиях могучего инопланетянина.

К Хорну со стороны соседней улицы подлетел Челл и заботливо погладил его щупальцем по плечам.

— Лучше снимите эту красную форму, — посоветовал он. —

Наши собратья сейчас в таком настроении, что вряд ли будут расспрашивать, кто вы и на чьей стороне, — просто прибьют на бегу, и все дела.

Челл повернулся, словно кого-то выглядывая.

— А где дружище Декуар? Это он повернул ход сражения в нашу сторону. Помните, как он заорал по коммуникатору, что мы заняли Центр Управления? Это смутило стражников и помогло нам.

Из здания вышел фиолетовый инопланетянин, неся на плечах добрый десяток ружей. Его уродливое лицо было залито кровью, но тем не менее он выглядел совершенно счастливым. Услышав слова Челла, он с сожалением мотнул головой.

— Все было не совсем так, приятель, — сказал он.

— И тем не менее ты удачно сблефовал, и это помогло делу! — возразил Челл. Он высоко подпрыгнул в воздух, словно огромный мяч, а приземлившись, нежно обнял щупальцами Хорна и Декуара. Потом он о чем-то вспомнил и с грустью произнес:

— Эван погиб. На подходах к Центру нас атаковали флиттеры. Он сбил один из них, но вскоре его машина вспыхнула и рухнула в одну из шахт...

Ардрик не сказал ни слова с тех пор, как Лург взялся стеречь его. Теперь, после окончания боя, он заговорил, находясь в положении спеленутого младенца. Его лицо было белым от ярости, но в глазах светился ужас.

— Выходит, вы обманули меня дважды, Хорн, — сказал он, с ненавистью глядя на своего врага. — Сначала я был уверен, что вы погибли вместе с «Королевой Веги», а затем сделал все возможное, чтобы остановить вас на пути в Риллах. Я сам продумал план во всех деталях, но вы все-таки каким-то чудом проникли в самое сердце Большого Проекта!

Сняв красный китель и бросив его под ноги, Хорн мрачно взглянул на Ардрика. Он не доверял себе и потому старался изо всех сил забыть о пистолете, который лежал в его кобуре.

— Но больше удача не улыбнется вам, не надейтесь! — продолжал Ардрик, криво усмехнувшись. Он повысил голос, чтобы все могли его услышать. — Все наши люди подняты по тревоге. Веллаи уже на пути сюда. Они возьмут штурмом Центр Управления и разорвут вас на части!

Один из инопланетян сказал:

— Этот человек не лжет — так оно и случится, если мы остановимся на полпути. Но мы не остановимся, и все Веллаи сегодня умрут.

Хорн прежде никогда не видал таких существ. Это было невысокое ящероподобное создание желтоватого цвета, покрытое крупной ромбовидной чешуей. Его блестящие фасетчатые, как у стрекозы, глаза в упор смотрели на Ардрика.

— Этот человек — один из лидеров Веллаи! — воскликнул ящероподобный инопланетянин, обращаясь к своим братьям-рабам, стекавшимся к зданию службы безопасности. — Братья, вы все слышали об Ардрике, палаче Ардрике — посмотрите, теперь он в наших руках!

Вокруг быстро собралась большая толпа. Хорн увидел десятки, сотни звероподобных созданий, которые с ненавистью глядели на одного из своих главных мучителей. К Ардрику потянулся лес рук, лап, клешней, щупалец. Воздух дрожал от яростных криков. Толпа дрогнула и стала сжиматься вокруг одного из Веллаи.

Хорн шагнул вперед, успокаивающе подняв руку:

— Подождите! Этот человек должен остаться в живых. Он...

— Я узнаю этого Ардрика! — выкрикнул кто-то из толпы, не обращая внимания на слова Хорна. — Он был капитаном того корабля, который увез меня на этот проклятый Скеретх. Я видел его возле нашей деревни. Он стоял с работоторговцами и объяснял им, как надо напасть на деревню, чтобы захватить в плен побольше здоровых и крепких мужчин!

«Так вот где Ардрик приобрел опыт пилотирования — на кораблях Веллаи, перевозящих рабов! — подумал Хорн. — Неплохая школа для молодого мерзавца».

Тем временем кольцо из разъяренных рабов сжалось еще теснее. Ардрик в ужасе забился в руках Лурга, но бежать ему было теперь некуда.

Хорн в отчаянии выхватил пистолет.

— Подождите! — закричал он и выстрелил в воздух.

Инопланетяне остановились удивленно, но вовсе не испуганно глядя на него. Казалось, они только сейчас заметили его присутствие. Глядя в их озверелые лица, Хорн понял, что жажда мести может распространиться и на него. Он был тоже человеком, как и Ардрик, а значит, мог также быть одним из Веллаи. Тот факт, что не каждый человек — Веллаи, вряд ли интересовал сейчас разъяренную толпу. Даже если рабы впоследствии и узнают, что совершенно напрасно убили некоего Джима Хорна, они не станут огорчаться из-за подобного пустяка.

Ардрик нервно рассмеялся.

— Думайте быстрее, Хорн! Иначе нас разорвут обоих на клочки, как старых добрых друзей.

— Отступаем! — крикнул Хорн растерявшегося Лургу. Они начали пятиться к зданию службы безопасности, а толпа восставших рабов со злобными криками следовала за ними. Хорн с надеждой взглянул вверх, но Челл куда-то исчез.

— Мы убьем этого мерзавца Веллаи первым, — прошипел ящероподобный негуманоид. — А затем возьмемся за его друзей.

Ардрик крикнул в отчаянии:

— Стреляй, Хорн! Или ты не собираешься этого делать? Если рабы убьют меня, то некому будет оправдать тебя в суде, не забывай об этом!

Лург предостерег:

— Будь осторожен, Хорн. Ардрик нарочно тебя провоцирует. Если ты выстрелишь и убьешь кого-нибудь из них, то остальные могут...

Челл промчался над площадью, пронзительно вереща:

— Язо пришла! Это дочь Моривенна!

Он поднимался и опускался над толпой, выкрикивая имя Язо. Видимо, эти имена были хорошо известны рабам, поскольку толпа стала скандировать: «Язо! Язо!» Инопланетяне дружно повернулись и стали смотреть в ту сторону, куда указывал щупальцем мохнатый чоранец, на время забыв об Ардрике. Их восторженные крики звучали все громче и громче. Лург использовал эту ситуацию, чтобы перетянуть Ардрика в Центр связи, подальше от возбужденной толпы.

Наконец над горящими зданиями появился флиттер. Он резко снизился, но сесть было некуда — вся площадь была заполнена восставшими рабами. Прозрачный колпак откинулся в сторону, и Язо выглянула из кабины.

— Это свершилось, Хорн! — радостно воскликнула она. — Мы победили!

Хорн сердито посмотрел на нее снизу вверх.

— Победили? Да ничего подобного! — резко возразил он. — Ничего еще не сделано, за исключением того, что мы убили нескольких стражников и кое-кого захватили в плен. Веллаи опять соберутся с силами! Язо, попытайтесь внушить этой обезумевшей толпе, что надо немедленно идти во внешние туннели и галереи и готовиться к обороне!

Девушка ответила озадаченным взглядом. Улыбка на ее губах погасла. Поколебавшись, она включила внешний коммуникатор, и над площадью разнесся ее взволнованный голос.

Язо повторила слова Хорна, и они несколько остудили пыл десятков инопланетян, думающих лишь о мести.

— Язо верно говорит! — зычно крикнул коренастый четырехрукий гуманоид. — Борьба еще не закончена. Пошли, братья, надо убить как можно больше Веллаи! А с Ардриком мы еще посчитаемся, никуда он от нас не денется.

В толпе началось движение. Постепенно она стала редеть — восставшие спешили занять оборонительные позиции, и Язо наконец-то смогла посадить флиттер. Выбравшись из кабины, она подошла к Хорну. От ее недавней радости не осталось и следа, в глазах появилась тревога.

— Как вы считаете, мы сможем вновь атаковать Веллаи? — озабоченно спросила она.

Хорн покачал головой:

— Вряд ли. Нам удалось захватить Центр, используя фактор внезапности. Но теперь об этом и речи идти не может, остальные Веллаи знают о восстании. Инопланетяне полны решимости бороться за свободу, но большинство из них безоружны. Боюсь, силы слишком неравны.

После небольшой паузы Язо продолжила:

— Хорн, если мы не выберемся из этого каменного лабиринта, то все пропало. Но супермозг Веллаи должен быть уничтожен, независимо от того, выйдем мы отсюда живыми или нет.

Хорн кивнул:

— Я тоже так думаю. Но вопрос в другом — сможем ли мы это сделать за оставшееся время?

— Конечно! Если мы перережем кабели-нервы и разрушим распределительные щиты ретранслятора... — начала она, но Хорн отрицательно покачал головой.

— Как вы думаете, сколько времени потребуется Веллаи, чтобы исправить подобные повреждения? Ручаюсь, что всего несколько дней, максимум — неделю-другую. А затем Мозг опять будет функционировать по-прежнему.

— Тогда получается, что у нас нет выхода? — расстроенно спросила девушка.

— Выход может найтись, — сказал незаметно подошедший Файф. Маленький пришелец остановился рядом с Хорном. Его желтые глаза пылали от возбуждения, подобно раскаленным углям. — Удар, который мы нанесем Веллаи, будет очень жестоким. Умрем мы или нет, но их дьявольское создание будет разрушено руками нас, рабов.

— Но как? — спросил Хорн. — Ты сказал, что знаешь, как это сделать.

— О нет, — ответил Файф, — я так не говорил, поскольку я не разбираюсь в человеческой науке. Понятия не имею, как разрушить проклятый Мозг, но есть кое-кто, кто знает.

— А именно?

Файф осклабился с довольным видом и ответил. Хорн был потрясен. Идея Файфа оказалась настолько странной, что она никогда бы не пришла ему в голову.

Маленький инопланетянин предложил спросить об этом сам Мозг.

Глава 16

Хорн не знал, сколько времени прошло с момента захвата восставшими Центра Управления. Возможно, минуты, но не исключено, что часы. На площади и прилегающих улицах, затянутых дымом пожаров, небольшие группы рабов еще занимались преследованием стражников, спрятавшихся среди развалин. Но большая часть инопланетян сосредоточилась в двух основных галереях, которые вели в гору из подземных туннелей Риллаха и космопорта. Там уже начался бой с подоспевшими из города отрядами Веллаи.

Хорн, Язо и Файф в этот момент находились в Операционном центре, откуда осуществлялась связь с основными секторами Мозга. Молодой техник с бледным от страха лицом и трясущимися руками наклонился над огромным пультом. Хорну пришлось немного поговорить с парнем и пригрозить пистолетом, после чего техник согласился закодировать вопрос, адресованный Мозгу: «Как Вас можно разрушить?» Молодой Веллаи заметил недоумение в глазах Хорна и пояснил, что хотя Мозг и не является живым существом, тем не менее он очень высокого мнения о своей особе и после вежливого обращения на «Вы» может ответить значительно быстрее.

Вопрос был задан, и теперь Хорну и его спутникам не оставалось ничего, как ждать. Ждал и крепко связанный Ардрик, возле которого дежурил Челл. Шли томительные минуты, в течение которых где-то в глубине электронного колосса решалась одна проблема: как можно разрушить сам Мозг.

Мысли об этом шокировали Хорна. Конечно, Мозг — это

не живое существо, но все же оно намного превосходило интеллект любого человека и было способно разгадать самые за- таенные секреты Вселенной. С помощью Мозга человечество могло сделать огромный шаг вперед, резко ускорить научный прогресс, получить ответы на свои извечные вопросы — о бессмертии, о панацее от всех болезней, о самом справедливом устройстве общества... На мгновение у Хорна появился соблазн оставить все как есть.

Но существовала легенда о том, что когда-то первые люди вопреки воле Создателя вкусили яблоко от древа познания и это плохо для них кончилось. Гигантский супермозг Веллаи и был таким деревом. Если его сейчас не выкорчевать с корнями, то могут настать времена, когда разумные существа со многих миров могут горько пожалеть о нерешительности Джима Хорна. Суровые законы Федерации, направленные против создания электронных суперкомпьютеров, не были лишь плодом размышления досужих умов. Трижды в прошлом мире, подобные Скеретху, тайно создавали чудовищные машины, подобные этому Мозгу. Их создатели не удержались от соблазна задать своим гениальным детищам совсем иные вопросы — не о Жизни, а о Смерти, не о легендарной панацее, а о новых, супермощных видах оружия. И трижды после этого галактика полыхала в огне. Так случится и здесь, если не разрушить вовремя Мозг, спрятанный в недрах этой горы.

Хорн смотрел на экран дисплея, ждал ответа Мозга и волновался, как никогда в жизни.

В комнату вбежало странное существо с длинными птичьими ногами, телом ящера, снежно-белой кожей и изогнутым костяным рогом на голой шишковатой голове.

— Я принес сообщение от Декуара, — заявил птицеящер. — Веллаи выступили против нас большими силами и пустили в ход огнеметы. Многие из наших собратьев сгорели заживо, и мы вынуждены были отступить. Если вы в ближайшее время не найдете выхода из положения, то мы все погибнем. Но действовать надо быстро, очень быстро!

— Мы делаем все возможное, — мрачно ответил Хорн. — Файф и его группа сейчас занимаются изучением документов в инженерном архиве. Ему удалось силой принудить нескольких из Веллаи к сотрудничеству. Все, что нам теперь надо, — это немного времени. Передайте Декуару и другим, чтобы они продержались еще хотя бы час.

Язо позвала его, и Хорн подошел к печатающему устройству. Из него толчками стала выползать широкая бумажная

лента, испещренная мириадами цифр и символов. Хорн командовал технику:

— Прочтите ответ Мозга!

Техник нехотя взял в руки распечатку и стал внимательно изучать ее. Прошло несколько томительных минут, и он внезапно истерично расхохотался.

«Ядерная бомба мощностью 80 мегатонн, координаты возможных мест размещения в моих секторах следующие...»

Хорн и Язо в ужасе переглянулись. В комнате повисла напряженная тишина. Ее рассеял злорадный хохот Ардрика.

— Вы должны оставить это безнадежное дело, Хорн. Насколько я понимаю, у вас в кармане нет ядерной бомбы, верно? Да и времени на размышление у вас негусто. Скоро мы опять захватим Центр, и я не могу пообещать вам легкой смерти. Отдайте приказ этим безмозглым рабам, чтобы они немедленно сложили оружие и прекратили сопротивление. Это ваш единственный шанс на спасение.

Не обращая внимания на слова Ардрика, Хорн обратился к технику, пытаясь сохранить спокойствие:

— Попытайтесь задать Мозгу этот же вопрос, но несколько иначе. Скажем, замените слово «разрушить» другим — что-нибудь вроде «максимальное повреждение».

Техник колебался, растерянно поглядывая на связанного Ардрика. Челл протянул к технику пару щупалец и хлестнул ими по плечам молодого Веллаи. Тот вздрогнул и начал поспешно вводить информацию в машину. В приемном устройстве что-то шелкнуло, и Хорн с друзьями вновь стали ожидать реакции Мозга. Язо в волнении стала расхаживать по комнате. Подойдя к окну, она увидела, как на площади стали появляться отступающие с поля боя инопланетяне.

В комнату вбежал взволнованный Файф со схемой в руке.

— Оказывается, из горы есть и другие выходы! — крикнул он. — Посмотрите сюда. — Он развернул лист бумаги на полу. — В начале работы над Проектом было пробурено несколько боковых туннелей, ведущих из недр горы к ее подножию. Некоторые из них были позднее завалены камнями, но эти оставили в качестве аварийных выходов. Видите? Здесь и здесь, мы можем пройти через туннели и уйти от преследователей.

Хорн в сомнении покачал головой.

— Это замечательно, — сказал он. — За исключением того, что нам придется миновать несколько секторов Мозга, чтобы

добраться до туннелей. Веллаи там куда лучше ориентируются и потому переловят нас, словно котят.

Файф затравленно взглянул на Хорна.

— Все верно, но я не вижу другого пути к спасению, — заявил он.

Вновь застучало печатающее устройство, выдавая сообщение Мозга. Техник с проклятиями отбежал в сторону, но Челл настиг его и обвил шею своим щупальцем. Молодой Веллаи сразу же присмирел. Он изучил распечатку и прочел ответ.

— Это список жизненно важных реле и переключателей, которые должны быть отключены в первую очередь. После этого следует установить в трансформаторах повышенный уровень напряжения, необходимый для приведения в нерабочее состояние всей силовой схемы.

Хорн вздрогнул. Было что-то сверхъестественное в том ледяном спокойствии, с которым мощный компьютер сообщил способ собственного разрушения. И это еще раз доказывало, что Мозг кардинально отличался от мозга любого разумного существа. Он обладал мощными вычислительными способностями, но не имел ни желаний, ни индивидуальности, ни даже элементарного чувства самосохранения.

— Принимайтесь за работу, — сказал Хорн, обращаясь к Файфу и протягивая ему распечатку. — Захватите с собой нескольких инженеров и техников — они помогут вам отключить все эти реле и трансформаторы. И пошлите гонцов в туннели, чтобы сообщить всем о начале отступления. Челл...

Челл стоял в углу комнаты и дружески обнимал щупальцами Ардрика. На лице одного из лидеров Веллаи было написано отчаяние, отчего у Хорна сразу полегчало на сердце. Впервые Ардрик выглядел откровенно растерянным, а это означало, что восставшие близки к успеху своего дела.

Хорн протянул руку Язо:

— Надо идти. У нас осталось совсем немного времени.

На площади царил хаос. Восставшие стекались сюда со всех сторон, покинув захваченные противником галереи. Многие из рабов были ранены. Воздух сотрясался от воинственных кличей, болезненных стонов, воплей отчаяния. Файф нырнул в толпу и вскоре вернулся, приведя с собой нескольких гуманоидов. Вместе со своими новыми помощниками и пленным техником они торопливо направились к соседней улице.

Челл вывел из здания Ардрика. Увидев панику в рядах восставших, тот снова повеселел.

— Отлично! Вы никогда не выйдете из горы, Хорн. Посмотрите, как бегут ваши вояки! Веллаи уже близко и с минуты на минуту захватят Центр.

— Не успеют, — с нервной усмешкой отозвался Хорн. — Конечно, они могут схватить нас и всех убить, но уже не смогут остановить Файфа. Мозг обречен! Мне даже жаль вас, Ардрик. Столько вы, Веллаи, потратили сил на этот Проект, и все напрасно. Тысячи плененных рабов, титаническая стройка суперкомпьютера, тайная борьба против Моривенна и других федералистов — и зачем все это? Я уже не говорю про уничтожение «Королевы Веги» и гнусных интригах против меня! Ваша карта бита, Ардрик.

Челл сказал тревожно:

— Хорн, что мне делать с этим мерзавцем? Может, придумать, и все дела?

— Ни в коем случае, — возразил Хорн. — Держите его покрепче и не давайте ему шуметь.

Челл нехотя согласился и от досады так сжал свои щупальца, что Ардрик начал задыхаться, выпучив осоловевшие глаза.

Хорн тем временем открыл копию той схемы, которую удалось раздобыть Файфу.

— Куда пойдем? — спросила Язо. Девушка выглядела бледной и усталой. Бурные события последних дней утомили ее, и она уже не испытывала почти никаких эмоций — ни страха перед возможной гибелью, ни радости от сознания того, что судьба Мозга была практически предreshена.

Хорн пытался сориентироваться.

— Кажется, путь к скважинам начинается вот за тем кварталом. Пошли.

Он побежал, поддерживая Язо под руку и помогая ей перебираться через завалы на улицах. За ними большими прыжками следовал Челл с Ардриком в щупальцах.

Миновав очередную улицу, они оказались за пределами небольшого городка, перед отвесной каменной стеной. Открыв массивную дверь, Хорн вышел на обширный балкон, расположенный в огромной сводчатой пещере. Рядом с балконом вниз спускались сотни толстых кабелей. Очевидно, через них осуществлялась связь Центра Управления с терминалами Мозга.

Язо крикнула, указав рукой в глубь пещеры, на невероятное переплетение разноцветных трубопроводов:

— Смотри!

В одной, второй, затем третьей трубе вспыхнул огонь, по-

добный вспышке молнии. После этого трубы почернели, словно идущие внутри них провода перегорели от перегрузки.

— Кажется, Файф сделал свое дело — эта часть Мозга уже выведена из строя... — пробормотал Хорн, изучая схему. — Смотри, Язо. Старые скважины расположены здесь и вот здесь, на первом уровне, у самого основания машины. Отлично! Надо сообщить об этом нашим друзьям.

Он оставил Язо с Челлом на балконе, а сам побежал обратно на площадь. Там царил паника. Со всех сторон доносились выстрелы — отряды Веллаи продвигались к Центру Управления по радиальным туннелям, тесня восставших инопланетян.

Хорн крикнул, что знает путь к спасению. Поначалу растерянные рабы не обратили на него внимания, но вскоре к нему присоединились Декуар, а чуть позже и Файф, и им совместными усилиями удалось организовать отступление по улице в сторону балкона.

— Мы выключили все реле и трансформаторы, как и рекомендовал сам Мозг, — объяснил Файф на бегу. — После того как техник включил питание на полную мощность, они не смогут остановить процесс разрушения!

Около двери, ведущей на балкон, Хорн и его друзья остановились. Они проследили за тем, как все оставшиеся в городке рабы покинули площадь. За ними, буквально наступая на пятки, двигались отряды Веллаи, осыпая отступающих градом пуль.

— Пора уходить и нам! — встревоженно крикнул Файф.

Хорн кивнул. Пропустив вперед друзей, он захлопнул за собой массивную дверь.

На балконе царил столпотворение из сотен причудливого вида инопланетян. Тем временем пещера, в которой располагался Мозг, стала напоминать ад. Огонь вспыхивал в различных агрегатах гигантской машины, пробежал по трубопроводам. Кое-где они начали плавиться, окутанные клубами удушливого дыма. Рабы в панике бежали в сторону подвесных трапов, ведущих в сторону лестниц, по которым можно было спуститься на нижний уровень пещеры.

Челл парил в воздухе, крепко держа Ардрика, а один из его соплеменников поднял ввысь Язо, оберегая ее от напирющей толпы.

Хорн кашлял и задыхался в смрадном воздухе. Из-за густого дыма он лишь смутно видел, что происходит вокруг.

— Вы хорошо сделали свою работу, — сказал он Файфу. — Даже чертовски хорошо.

Файф довольно осклабился:

— Рад услышать доброе слово от человека! Вот уж никогда не думал, что у меня появятся друзья среди вашей расы. Но сейчас я тороплюсь, Хорн. Если останемся живы, то надеюсь увидеть тебя в Риллахе!

Он побежал направо, в сторону одного из трапов, на котором уже теснились десятки бегущих рабов. Хорн направился налево. Вскоре он уже бежал по узкому металлическому мостику, нависающему над умирающим в конвульсиях пламени и дыма Мозгом.

Провода в трубопроводах были разогреты от ненормально высокого тока до такой степени, что сгорали, а отключенные Файфом защитные устройства уже не могли их спасти. Пламя перекинулось и на блоки памяти, счетные и логические устройства. Печатные платы и микросхемы плавилась, дуги голубого огня вспыхивали над контрольными панелями и пучками проводов. Чудовищная энергия оказалась выпущена на свободу, и ей не мог противостоять даже металл.

Хорн бежал, цепляясь за перила, почти ничего не видя в дымной мгле. Помост сотрясался под весом десятков инопланетян. Время от времени, пробегая мимо горящих блоков Мозга, он смутно видел сквозь клубящийся дым фантастические фигуры бегущих впереди рабов. Они отчаянно пытались опередить вихрь разрушения, который наступал им на пятки.

Чуть позже загорелись и сети синтетических подвесных тросов, которые поддерживали сами помосты. Некоторые из них рухнули, увлекая за собой в пропасть десятки отчаянно кричащих инопланетян. Обернувшись, Хорн смутно увидел, что среди жертв оказались и Веллаи, в азарте погони бросившиеся вслед за восставшими рабами.

Хорн услышал эхо далекого взрыва — видимо, огонь добрался до энергоустановок Мозга. Только сейчас он подумал о том, что полая гора может и не выдержать подобных мощных сотрясений. В испуге он побежал еще быстрее, чувствуя, что огонь следует за ним буквально по пятам. Легкие разрывались от едкого дыма, голова начала кружиться. Наконец он попал в скалистый узкий коридор — это и была одна из старых скважин, ведущих наружу горы. Здесь было еще труднее дышать, но вскоре вдали появилось тусклое бледное пятно. Пробежав несколько сотен метров, обессиленный Хорн с ра-

достью увидел облачное небо, освещенное пурпурными лучами заходящего солнца.

Восставшие рабы один за другим выбегали на склон горы и без сил падали на колени. Многие из них плакали от радости, не веря, что вырвались из этого ада и остались живыми. А гора сотрясалась и стонала, словно вулкан накануне извержения. Мозг хладнокровно рассчитал все этапы своей гибели и ни в чем, как всегда, не ошибся. Гигантская машина была объята пламенем и постепенно разрушалась, превращаясь в груды дымящихся обломков.

Глава 17

Корабли были выстроены на космодроме в одну линию, словно солдаты на параде. Их огромные обтекаемые корпуса поднимались к темному беззвездному небу. Вокруг сияли десятки прожекторов. Они освещали длинные извилистые очереди инопланетян самых причудливых видов и размеров. Всех их сейчас объединяло желание — как можно быстрее попасть на корабли, которые повезут их к родным мирам, рассеянными по всей галактике.

Это были корабли Федерации. После краха Веллаи во всех звездных системах стал известен план постройки гигантского супермозга, который должен был стать орудием для завоевания свободных миров.

Хорн и Язо пришли на космодром, чтобы проводить своих новых друзей. Они особенно тепло попрощались с Файфом. Маленький желтоглазый инопланетянин выслушал их с грустной улыбкой, в которой на этот раз не было и тени его обычной заносчивости, а затем тихо сказал:

— Все было бы прекрасно, если бы не потеряли так много товарищей. Лург... мы столько пережили с этим добрым парнем с Алламара...

Лург погиб в сражении в одной из внешних галерей. И он был лишь одним из многих десятков инопланетян, погребенных под горящими обломками титанической машины.

Но и Веллаи понесли большие потери. Спаслась только небольшая горстка бывших неофициальных хозяев Скеретха. Большинство из них, включая отца Ардрика, остались в Центре Управления, отчаянно пытаясь спасти хотя бы часть своего детища, но были захвачены в плен огнем и нашли смерть под обрушившейся со свода пещеры каменной лавиной.

Хорн с досадой заметил:

— Похоже, ты не сожалеешь о гибели Эвана.

— Он был хорошим человеком, — признался Файф. — Эван отважно сражался рядом с нами. Это плохо, что он погиб. Но... он был человеком.

Хорн нахмурился:

— Да. И те астронавты, которые помогут вернуть всех вас домой, тоже люди. Помни это.

Стоявший рядом Декуар произнес своим рокочущим голосом:

— Хорн прав. Не все люди злые, Файф.

Его фиолетовое лицо сияло добродушной улыбкой. Хорн подумал, что этот гигант похож на людоеда из сказки, но его мудрости и отваге можно только позавидовать.

— Верно, — согласился Файф. — Это так. Но меня сейчас беспокоит другое — то, что они улетают из отрога Алламара.

— Федерация будет наблюдать за тем, как пойдут дела в вашем звездном скоплении, — пояснил Хорн. — А ты, Файф, подумай длинными зимними вечерами, хотите ли вы по-прежнему жить в изоляции от нашего сообщества. В Федерации гуманоиды и негуманоиды научились хорошо взаимодействовать и помогать друг другу в трудную минуту. Мы не хотим торопить события и навязывать мирам отрога свою дружбу. Решайте сами. Но поверьте — новая эпоха для отрога Алламара наступит только тогда, когда вы объединитесь с Федерацией.

Янтарные глаза Файфа странно блеснули, но в голосе его зазвучали скептические нотки:

— Прилетайте ко мне в гости когда-нибудь, Хорн, вместе с Язо, конечно. Мы посидим у костра и потолкуем об этом как старые друзья. Возможно, мы будем спорить до хрипоты, но я с уважением отнесусь к вашим доводам. Ты прав, нам надо хорошенько все осмыслить.

— Договорились, — улыбнулся Хорн и обменялся с маленьким инопланетянином крепким рукопожатием. Затем он попрощался с могучим Декуаром, пообещав при первом же удобном случае навестить его планету на самой окраине отрога Алламара.

Двое инопланетян — гигант и малыш, поспешили к кораблям. Хорн грустно посмотрел им вслед и тихо сказал Язо:

— Эти парни мало похожи на людей, но тем не менее они — два чертовски замечательных человека.

Он обнял девушку за плечи, и они неспешно пошли в сто-

рону здания космопорта, чтобы оттуда наблюдать старт кораблей. Невдалеке от ворот из темноты вышел высокий человек в форме капитана и подошел к ним. Хорн прищурился, вглядываясь в него, и вскоре узнал Вэска.

— Мне сказали, что ты должен быть где-то здесь, — смущенно начал Вэск. Он кивнул головой в сторону строя кораблей. — Один из них — мой.

Хорн ничего не ответил. Молчание затянулось. После долгой паузы Вэск нехотя признался:

— Все правильно, Джим. Я виноват и прошу прощения за свою ошибку. Но что, черт возьми, я еще мог подумать после гибели «Королевы Веги»? Ардрик выглядел настоящим агнцем и совсем не походил на волка в овечьей шкуре!.. А твой удар, дружище, был не только справедлив, но и хорош. Знаешь, Джим, челюсть болела у меня несколько дней.

— Замечательно, — холодно ответил Хорн.

Вэск опустил голову и тихо пробормотал:

— Мне сообщили, что ты полностью оправдан...

— Пока только на словах, а не на бумаге, — кивнул Хорн.

Он передал Ардрика властям Федерации, как только первый корабль с Веги совершил посадку в порту Скамбар. Тем временем партия Моривенна стала главенствующей на планете. Ардрик все упрямо отрицал, но фактов против Веллаи было предостаточно. Дело грозило обернуться суровой расправой. Однако другие партии Скеретха были настроены менее жестко. Состоялось заседание суда, на котором в качестве свидетелей присутствовали Мик и Дюрин. Парни признались в том, что они по приказу Ардрика заманили Хорна и Винсона в квартал Ночных Птиц. Полиция также нашла одного мужчину, участвовавшего в этой драке, и тот свидетельствовал против Веллаи.

— Да, официального оправдательного приговора у меня пока нет, — повторил Хорн. — Однако мне сказали, что с этим не будет затруднений.

— Отлично! — с энтузиазмом воскликнул Вэск. — Просто замечательно! Буду счастлив, если ты захочешь служить на моем корабле, Хорн.

Вэск хотел протянуть руку для рукопожатия, но потом колебался, не зная, как на это отреагирует его бывший первый пилот. Бывалый капитан выглядел таким смущенным, что Хорн рассмеялся и сам протянул ему руку.

— Честно говоря, следовало бы вам еще разок вмазать в челюсть, — добродушно заметил он.

— Дьявол, пилот не имеет права так разговаривать с капитаном! — рявкнул Вэск, но в его голосе не было осуждения.

Попрошавшись, он ушел, договорившись встретиться с Хорном завтра утром. Язо задумчиво посмотрела на своего спутника.

— Как долго ты еще здесь пробудешь, прежде чем отправиться в космос?

— Боюсь, не очень долго, — вздохнул Хорн. — Следственная комиссия Федерации получит скоро все мои показания и показания Мика и Дюрина, которые помогли Ардрику занять место второго пилота на «Королеве Веги». Моя реабилитация должна последовать вскоре за этим. — Он взволнованно посмотрел на девушку и торопливо добавил: — Но я обязательно вернусь на Скеретх. Мне будет очень не хватать тебя, Язо.

— Если ты этого не сделаешь, я сама разыщу тебя среди звезд, — ответила она с улыбкой, но ее глаза были как никогда серьезны.

Хорн поцеловал Язо, а затем взял ее за руку, и они торопливо пошли в сторону здания космопорта. Спустя несколько минут воздух раскололи раскаты грома — это поднялся в беззвездное небо Скеретха первый из кораблей Федерации.

Дети отрога Алламара возвращались домой.

Эдмонд Гамильтон

БИТВА ЗА ЗВЕЗДЫ

Ответственный редактор *Д. Малкин*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *О. Куликова*
Компьютерная верстка *Е. Кумшаева*
Корректор *М. Мазалова*

В оформлении переплета использована работа художника *Альфреда*

Содержание

ЗВЕЗДА ЖИЗНИ. Роман.	5
БИТВА ЗА ЗВЕЗДЫ. Роман.	163
ХРАНИТЕЛИ ЗВЕЗД. Роман.	333
РОКОВАЯ ЗВЕЗДА. Роман.	487
БЕГЛЕЦ СО ЗВЕЗД. Роман.	651

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Оптовая торговля бумажно-беловыми

и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:

Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е. Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3. Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (8435) 70-40-45/46.

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А. Тел. (863) 268-83-59/60.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а. Тел. (343) 378-49-45.

В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9. Тел./факс: (044) 537-35-52.

Во Львове: Торговое Представительство ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и канцтоварами «Канц-Эксмо»:

117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (495) 411-50-76.

127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (495) 745-89-15, 780-58-34.

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:

В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:

Центральный магазин — Москва, Сухарева пл., 12. Тел. 937-85-81.

Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12, тел. 346-99-95.

Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:

«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

Подписано в печать 10.01.2007.

Формат 84x108 ¹/₃₂. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.

Бумага тип. Усл. печ. л. 40,32. Уч.-изд. л. 41,8.

Доп. тираж 4000 экз. Заказ № 6332.

ISBN 5-699-15141-9

9 785699 151417 >

ОАО «Тверской полиграфический комбинат». 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34. Телефон/факс: (4822) 44-42-15.

Home page - www.tverpk.ru. Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

ВЕРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАН

ЭДМОНД
ГАМИЛЬТОН

E. M. Hamilton

ISBN 5-699-15141-9

9 785699 151417 >

ВЕРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАН